А.И. ШИТАКОВ

СЕЛО КЛЕПАЛЫ

и его окрестности в XVII и XVIII веках

А.И. ШИТАКОВ

СЕЛО КЛЕПАЛЫ
и его окрестности в XVII и XVIII веках

«Старая Басманная»
Москва
2026

УДК 908(477.52)
ББК 26.891
Ш64

Шитаков А.И.
Село Клепалы и его окрестности в XVII и XVIII веках. — М.: Старая Басманная, 2026. — 472 с.: ил.; XXIV с. ил.

Ш64 В данной работе представлены материалы, касающиеся истории села Клепалы и окрестных населенных пунктов Путивльского уезда XVII и XVIII вв. (сел Чаплищ, Игоревки, Пески, Карпиловки, Дьяковки и некоторых других). Исследование проведено на основе документов Российского архива древних актов: писцовых, межевых и отказных книг XVII века, а также чертежей и планов дач XVII–XIX веков. Большое внимание уделено природоведческому аспекту: воссозданы древние угодья помещиков — межи земель, леса, реки, озера, бортные ухожеи и др. Реконструкция географических объектов произведена на основе архивных документов и современных спутниковых снимков. Описана история освоения земель, приведены данные о старинных дорогах, курганах, оборонительных валах. Отдельные разделы посвящены водяным мельницам и винницам. Приведены данные, касающиеся жизни и деятельности помещиков, имеющих поместья и вотчины в этом регионе: Череповых, Пановых, Лихачевых, Неплюевых, Анненковых, Гамалеев, Полетик. Описаны отношения между ними: споры, «войны». В приложениях помещены сведения из переписей населения в XVII и XVIII вв. Книга содержит множество архивных документов, относящихся к данной округе.

ISBN 978-5-907812-46-8
© Шитаков А.И., текст, иллюстрации, 2026

Каждый японец должен знать песню своей деревни.
Японская мудрость

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ....7
КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА....10

Глава 1. XVII век

1.1. ОЗЕРО КЛЕПАЛО И КЛЕПАЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ....17
1.1.1. Озеро Клепало....17
1.1.2. Клепальское городище....21
1.2. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ....28
1.2.1. Окрестности Клепальского городища....28
1.2.2. Борынские дубровки....40
1.2.3. Выгорево городище....51
1.2.4. Бассейн речки Выжлицы....53
1.2.5. Титова дуброва....60
1.2.6. Бортные ухожеи....70
1.2.7. Старинные оборонительные валы....76
1.2.8. Старинные дороги....82
1.3. ВОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ....91
1.3.1. Окрестности озера Клепало....91
1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера....100
1.3.3. Долина озера Боровня....106
1.3.4. Озера у Выгорева городища....114
1.3.5. Колодези....118
1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой....121
1.3.7. Свод географических объектов....129
1.4. ДЕРЕВНЯ КЛЕПАЛО И КЛЕПАЛЬСКИЕ ПОМЕЩИКИ В XVII ВЕКЕ....136
1.4.1. Пустошь Клепальское городище....136
1.4.2. Иван Михайлов сын Черепов....139
1.4.3. Начало освоения «порозжих» земель....144
Приложение 1. Некоторые сведения о Гавриле Петровиче Черепове....151
1.4.4. Федор Иванов сын Черепов....152
Приложение 1. Вестовой колокол в городе Путивле....165
1.4.5. Набеги татар....166
1.4.6. Яков Федоров сын Черепов....173
1.4.7. Зиновий Кузьмин сын Панов....179
1.4.8. Спор о пасеке....189
1.4.9. Церковь в селе Клепалы....200
1.4.10. Передача поместий и вотчины Зиновия Панова Ивану Анненкову....204
1.5. ОКРЕСТНЫЕ ДЕРЕВНИ И СЕЛА (XVII ВЕК)....211
1.5.1. Освоение земель на речке Выжлице....211
1.5.2. Деревня Выгоревка в XVII веке....221
1.5.3. Деревня Чаплищи в документах XVII века....227
1.5.4. Угодья помещиков в окрестностях деревни Чаплищи....248

Глава 2. XVIII век

2.1. СЕЛО КЛЕПАЛЫ И КЛЕПАЛЬСКИЕ ПОМЕЩИКИ В XVIII ВЕКЕ 253
2.1.1. Иван Григорьев сын Анненков 253
2.1.2. Семен Васильев сын Неплюев 260
2.1.3. Воры вокруг села Клепалы 268
2.1.4. Дело о фальшивых купчих 271
2.1.5. Война между Иваном Гамалеей и Семеном Неплюевым 296
2.1.5.1. Часть 1: 1744–1746 годы 296
2.1.5.2. Часть 2: 1747 год 300
2.1.5.3. Часть 3: 1748–1752 годы 308
2.1.6. Иван Андреевич Гамалея 323
2.1.7. Раздел наследства между детьми Ивана Гамалеи 333
2.1.8. Михаил Иванович Гамалея 348
2.1.9. Межевание земель в селе Клепалы в 1782 году 356
2.1.10. Спор в Курской межевой конторе в 1783–1788 годах 363
2.1.11. Завершение споров Череповых с Гамалеями и Полетиками 366
2.1.12. Село Клепалы и его жители в XVII и XVIII веках 369
Приложение 1. Перепись прихожан церкви Николая Чудотворца села Клепалы, 1693 год 380
Приложение 2. Перечень жителей села Клепальское городище по состоянию на 1699 год 380
Приложение 3. Перечень жителей села Клепалы по состоянию на 1715 год 382
Приложение 4. Итоги переписи жителей села Клепалы 1719 года 383
Приложение 5. Итоги переписи жителей села Клепалы 1719 года (продолжение) 383
Приложение 6. Перечень жителей села Клепалы по ревизской сказке Семена Неплюева и его падчерицы Марфы 384
Приложение 7. Список дворовых людей Семена Неплюева и его падчерицы Марфы, 1719 год 386
Приложение 8. Ревизские сказки жителей села Клепалы, поданные в 1762 году 386
Приложение 9. Поколенная роспись помещиков села Клепалы в XVII и XVIII веках 392
2.2. ВОДЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ 393
2.3. ВИННИЦЫ 410
2.4. ОКРЕСТНЫЕ ДЕРЕВНИ И СЕЛА (XVIII ВЕК) 420
2.4.1. Деревня Выгоревка в XVIII веке 420
2.4.2. Спорное дело Ивана Гендрикова о дачах в селах Бурынь и Грузском 433
2.4.3. Краткие сведения о деревнях в долине речек Чаши и Терн 439
2.4.4. Некоторые сведения о жителях села Чаплищи в XVIII веке 445
2.4.5. Межевание села Чаплищи в 1783 году 446
2.4.6. Переписи жителей деревни Карпиловки в начале XVIII века 450

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Словарь используемых терминов 454
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Использованные источники 460

ВВЕДЕНИЕ

Дорогой читатель! Вашему вниманию представляется итог более чем десятилетнего периода работ, связанных с исследованием истории довольно небольшого региона в окрестностях населенных пунктов современной Сумской области: села Клепалы, города Бурыни, сел Чаплищи, Игоревка, Карпиловка, Дьяковка и некоторых других. Исследуемый период охватывает два столетия: XVII и XVIII века. В те времена указанные селения находились в Путивльском уезде с административным центром в городе Путивле.

Работы проводились на основании документов, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Книга адресована в первую очередь выходцам из этих мест, для которых каждое озерцо, лесок или овражек являются знакомыми и родными с детства, а все указанное составляет понятие «малой» родины, а также другим заинтересованным читателям.

В представленной работе изложено несколько аспектов истории данного региона. Первый из них — природоведческий. Автор с детства провел много времени в селе Клепалы и хорошо знает окружающий природный ландшафт. Многие годы его интересовал вопрос о том, какова была природа этих мест в далеком прошлом. В качестве первоисточников использовались писцовые, межевые и отказные книги XVII века, в которых описаны угодья помещиков того времени. Использовался также картографический материал — чертежи XVII века и геометрические генеральные и специальные планы XVIII и XIX веков. По результатам исследований произведена реконструкция старинного ландшафта на современной местности с использованием ресурса Google Earth, содержащего актуальные спутниковые снимки, а также необходимый инструментарий для различных измерений. В результате была произведена локализация полей, водных объектов, лесных, бортных и других угодий. Кроме этого, были локализованы упоминаемые в книгах XVII века древние дороги, курганы, старинные оборонительные валы и т. д. Указанные объекты были определены на современной местности точно, если сведения в старинных книгах и картах позволили это сделать. В противном случае их местонахождение определялось оценочно, приблизительно, с указанием полученной степени достоверности. Предприняты также попытки исследования местных топонимов. Приведенные толкования наименований населенных пунктов и географических объектов не следует считать безапелляционными.

Второй аспект исследований — история освоения земель и угодий, установление их владельцев. Использование межевых и отказных книг позволило более-менее точно установить границы владений, описать проводимые в те времена сделки. Кроме угодий помещиков, описаны также их водяные мельницы и винокурни.

Третий аспект — история населенных пунктов, их основание и развитие. Приведены многочисленные переписи жителей.

Четвертый аспект — жизнь и деятельность местных помещиков — владельцев указанных сел и деревень, живших здесь или просто владевших этими поселениями и землями. При описании их биографий давались краткие отсылки на ранее изданные источники. В частности, на опубликованные в XIX веке фамильные архивы и родословники. Основное же внимание было уделено их жизни в своих имениях, а также деталям их службы, полученным из документов РГАДА. Даты их рождения, смерти, а также основные этапы жизни указываются либо точно, если эти данные имеются в первоисточниках, либо приблизительно, на основании анализа косвенных данных. Кроме жизнеописаний, восстановлены с разной степенью детализации их генеалогические древа (поколенные росписи). В пределах XVII и XVIII веков, разумеется.

Отдельным аспектом является анализ спорных дел между помещиками. Эти дела позволили, в частности, описать (иногда очень детально) взаимоотношения между отдельными владельцами. Здесь отчетливо начинали вырисовываться характеры, и автор, дабы не быть предвзятым к отдельным персонажам, старался

в определенной степени сдерживать себя от излишне эмоционального описания. Другой стороной изучения спорных дел явилась выверка истории владения землями и угодьями, поскольку в рамках споров доверенные лица помещиков в своих «сказках» детально описывали всю историю землевладения своих господ и приводили множество документов, иногда по отдельности не сохранившихся до наших дней. Описаны также истории самих споров, которые иногда продолжались по 100–150 лет.

Автор старался донести до читателя все имеющиеся материалы по истории указанного региона, не упуская даже мелких деталей. Некоторые из этих материалов не совсем вписывались в нить последовательного рассказа, однако и они были приведены.

Необходимо обратить внимание на то, что данный труд — это не роман для легкого и увлекательного чтения: книга требует вдумчивого и неторопливого читателя. Это связано, прежде всего с тем, что главным ее апектом является опора на исторический материал. Все приводимые доводы и результаты сопровождаются подтверждающими цитатами из документов XVII и XVIII веков. Часто определенная проблема исследуется сразу по нескольким источникам. По этой причине приводятся логические цепочки, приводящие к конкретному выводу. Автор не является профессиональным историком и дает возможность читателю, не принимая все на веру, самостоятельно перепроверить представленные результаты.

Ввиду сказанного в данной работе часто приводятся большие отрывки из документов (часто — документы целиком). Разумеется, они изложены на языке XVII и XVIII веков с учетом текущих методологических рекомендаций по публикации архивных документов[1]. При этом данная книга ставит целью ознакомить читателя с архивными первоисточниками, но не претендует на их полноценную научную публикацию.

Прямое цитирование документов позволяет вести повествование от лица героев — реальных исторических личностей — авторов этих документов, погрузить читателя в обстановку XVII и XVIII веков, изложить ход событий устами героев того времени.

Для более легкого прочтения архивных материалов в их тексте автором расставлены знаки препинания. Мелкие замечания и уточнения приводятся в фигурных скобках.

Кроме того, при изложении первоисточников в постраничных сносках приводятся пояснения устаревших терминов, взятые, в основном, из Словаря русского языка XI–XVII веков[2]. Также данные сведения содержатся в приложении № 1 «Словарь используемых терминов», где помимо пояснения дана полная ссылка на источник – для каждой позиции указан том и номер страницы, на которой находится соответствующая статья. При отсылках к онлайн версиям словарей информация об их выходных данных и номерах страниц не указывается. Во всех остальных случаях приводятся стандартные ссылки. Если используемый термин объясняется автором, это отражено в сноске.

В то же время не слишком взыскательный читатель может пропустить цитируемые фрагменты архивных документов. После каждого из них, как правило, дается краткое изложение написанного современным языком.

В приложении № 2 представлен сводный перечень использованных в данной работе архивных и литературных источников.

Приводимые наименования населенных пунктов и географических объектов соответствуют таковым в исторических документах. Если они со временем изменялись, то в хронологически более поздних описаниях они приводятся с новыми названиями или в новой транскрипции (как, например, озеро Влукое, а позднее — Кривое, или река Семь и ее более позднее наименование — Сейм).

Все даты в данной книге указаны по старому стилю. Исчисление годов до 1700 года ведется от сотворения мира, с пересчетом на новое летоисчисление с учетом перехода на новый год с 1 сентября. С 1 января 1700 года летоисчисление указывается от Рождества Христова, по современному календарю, но также по старому стилю.

[1] Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде / Росархив, ВНИИДАД. М., 2022. 314 с.
[2] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука, 1975–2023.

Выражаю искреннюю благодарность:

российскому историку-архивисту, главному хранителю и заместителю директора Российского государственного архива древних актов ***Юрию Моисеевичу Эскину***, взявшему на себя труд детально ознакомиться с материалами данной книги, давшему оценку прочитанного, а также ценные замечания и предложения;

доктору филологических наук, ведущему научному сотруднику Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН ***Людмиле Юрьевне Астахиной*** за консультации по вопросам русского языка XI–XVII веков, а также всемерную помощь и поддержку в работах по тематике этой книги.

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Как было указано ранее, настоящая книга охватывает период в два столетия: с начала XVII века и до конца XVIII. Понимание исторических событий, отраженных в архивных документах, требует от читателя определенных знаний той эпохи. Особенно это касается XVII века, когда государственное устройство и связанная с ним жизнь русских людей в значительной степени отличались от более поздних времен, более известных широкой публике. Ввиду этого считаю необходимым кратко ознакомить читателя с характерными особенностями того времени[3]. Более детальные сведения по истории XVII века можно найти в специальной литературе.

Читатель, знакомый с историей Русского государства указанной эпохи, может пропустить данный раздел.

Начало XVII века было ознаменовано Смутным временем, или Смутой. Смута — один из наиболее значительных династических кризисов в Русском государстве. Смутное время было вызвано пресечением династии Рюриковичей. Оно длилось с 1598 по 1613 год[4]. Этот период ознаменовался стихийными бедствиями, многочисленными случаями самозванства и внешней интервенцией, гражданской, русско-польской и русско-шведской войнами, тяжелейшими государственно-политическим и социально-экономическим кризисами.

В первой половине XVII века Путивлю пришлось пережить бурные времена. В 1605 году он был одним из первых городов, сдавшихся Лжедмитрию I, став его опорной базой. «*Маленький Путивль сделался на некоторое время оживленной и многолюдной столицей*, — писал историк Н.И. Костомаров. — *С разных сторон Руси туда беспрепятственно прибывали охотники служить Димитрию*». В дальнейшем город стал одним из центров восстания Ивана Болотникова. В ходе русско-польской войны 1609–1618 годов Путивль был захвачен поляками и почти год пробыл под их властью. В начале 1618 года горожане отразили нападение 12-тысячного польско-запорожского войска во главе с Юрием Вишневецким. За годы Смуты размеры посада[5] Путивля уменьшились в 7 раз (с 700 до 96 дворов), его население разбежалось. Жизнь жителей Путивля и его округи в дальнейшем также нельзя назвать спокойной. В 1633 году в ходе Смоленской войны успешно отражена осада города крупным польско-запорожским войском. Вся первая половина XVII века была временем постоянных крымско-ногайских набегов.

Поместная система

Характерной особенностью XVII века было наличие в Русском государстве *поместной системы* — порядка служилого землевладения, установившегося с XV века.

В основе поместной системы лежало *поместье* — участок казенной (государственной) земли, данный государем (царем) на срок службы или пожизненно в личное владение служилому человеку под условием службы, одновременно как награда за службу (государственную, в основном военную) и как источник материального дохода, с которого владелец поместья снаряжал себя для походов. Условным, личным и временным характером поместное владение отличалось от вотчины, составлявшей полную и наследственную собственность своего владельца.

Само слово «помещик» происходит от «поместить», то есть поставить служилого человека на определенный участок земли. Помещику назначался *оклад* — размер жалованья, получаемого от государства. Оклад был земельным (поместным) и денежным.

---

[3] Сведения получены из Википедии (Свободной энциклопедии), со следующих источников: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Путивль (27.02.2025), https://ru.wikipedia.org/wiki/Поместная_система (18.08.2025), https://history.wikireading.ru/36554 (12.04.2025), https://ru.wikipedia.org/wiki/Десятни (18.04.2025), https://ru.wikipedia.org/wiki/Отказная_книга (14.04.2025), https://ru.wikipedia.org/wiki/Трёхполье (15.04.2025) и др.

[4] Некоторые источники указывают на завершение Смутного времени в 1618 г.

[5] Посад – торгово-ремесленная часть русских городов, расположенная вне крепости.

Поместный оклад[6] — норма, определяющая максимальное количество четвертей[7] поместной земли, которой мог пользоваться помещик при его настоящем служебном положении. По мере достижения высших служебных чинов, а также за отличия по службе увеличивался и поместный оклад.

Поместный оклад назначался служилым людям[8] различными учреждениями и властями, как столичными, так и провинциальными. Он был по большей части правом на пользование, находившимся лишь в состоянии потенции, тогда как в наличном владении земли состояло гораздо меньше. Нередко бывало, что помещик, «верстанный окладом», долгое время вовсе не имел поместья. Иметь же поместье больше оклада не дозволялось: если оказывалось, что прибавка нового поместья превышала оклад, то излишек «отписывался» на государя и шел в фонд поместных земель для других помещиков. Награждая служилых людей поместным окладом, правительство не считало необходимым заботиться о предоставлении им этой земли: помещик сам находил себе поместье, «бил челом» в Поместный приказ[9] о «справке» его за собою. Источниками поместных земель были: поместья, оставшиеся после смерти отца или какого-либо ближайшего родственника (не наследование, а переоформление за службу), «дикие поля», т. е. не колонизированная земля, только что «расчищенная» помещиком на границе государства; поместные и вотчинные земли, конфискованные у других помещиков за бегство со службы и другие преступления; поступные имения (которые один помещик уступал другому за деньги или по мене); утаенные поместья, отнятые за умолчание о них в Поместном приказе, отдавались обыкновенно тому помещику, который доносил.

К окладу поместному обыкновенно присоединялся *денежный* в известной пропорции. Размеры денежных окладов зависели от тех же условий, какими определялись оклады поместные, поэтому должно было существовать известное отношение между теми и другими. В XVII веке это становится заметно. По крайней мере, в списках служилых людей того века встречаем замечание, что известному человеку «справлен поместный оклад против денежного жалованья». Тогда же установилось правило увеличивать денежный оклад в связи с поместным: «денежная придача без поместные не бывает».

Вообще денежное жалованье как воспособление к поместным доходам выдавалось служилым людям, когда надобно было поставить их на ноги, приготовить к походу. При ослаблении служебной тягости денежный оклад выдавался с убавкой, например, на половину, «вполы», а то и вовсе не выдавался, если служилый человек занимал должность, дававшую ему доход или освобождавшую его от исполнения ратной повинности.

Поместные оклады молодых дворян, начинающих службу («новиков»), колебались в среднем от 100 четвертей до 400 четвертей и денежные — от 4 до 8 рублей. В XVII веке норма земельного верстания была уменьшена до 40–350 четей земли, денежный оклад составлял от 3 до 12 рублей. Однако в каждом уезде действовал свой порядок испомещения, который строго контролировался Москвой.

В случае смерти помещика определенная доля его поместья выделялась его вдове, детям и другим родственникам для обеспечения их жизни после его смерти. Такой надел назывался *прожиточным поместьем*.

Прожиточным поместьям посвящены статьи с 8 по 23, главы XVI, Соборного уложения 1649 года[10] — свода законов середины XVII века. Согласно этим статьям, прожиточные поместья оставались после смерти владельца на прожиток членам его семьи, не способных лично нести государеву службу.

Прожиточные поместья поступали в личное владение наследников лишь по достижении ими совершеннолетия, т. е. для того времени возраста 15 лет. До этого они находились в ведении опекунов. Статья 11 запрещала сдачу прожитков девушкам, не достигшим пятнадцатилетнего возраста.

Вдовы, имевшие дочерей, получали прожиточное поместье вместе, а не отдельно, и в случае выхода замуж этот прожиток становился приданым. Обязательной являлась челобитная на имя государя со стороны жениха о намерении жениться на владелице прожиточного поместья и о закреплении за ним этого про-

[6] Российская государственность в терминах. IX – начало XX века. М.:Крафт+. А.Р. Андреев, 2001.

[7] Четверть составляла половину десятины, или 0,56 гектара.

[8] В терминах того времени служилые люди «верстались окладом».

[9] Поместный приказ был центральным правительственным учреждением в Русском государстве в XVI – начале XVIII в., занимавшимся вопросами феодального землевладения. Он ведал учетом населения поместий и вотчин, наделением землей служилых людей, регистрацией земельных сделок и проведением земельных описаний.

[10] Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.

житка. Соборное уложение защищает вдов с прожитком вышедших замуж вторично от ответственности за мошеннические махинации с землей их новых мужей — статья 21 главы XVI подтверждает право таких вдов на возвращение им обратно их прожиточных поместий, полученных после смерти их первых мужей. Статья 58 разрешает выдел матерям, наследовавшим поместье мужа, вместе с детьми отдельного прожитка в случае неладов между ними.

Соборное уложение также устанавливает норму прожиточного поместья женам и дочерям погибших в боях с крымскими и ногайскими людьми в украинных городах. Эти вдовы и дочери были приравнены в правах к женам и дочерям погибших в войне с Польшей. Вдовы получали 20 четвертей со 100 четвертей мужнина поместного оклада, а дочери — 10 четвертей. Вдовы умерших на военной службе, но не в бою, а «собою» получали 15 четвертей со 100 четвертей оклада мужа, а дочери — 7 четвертей. Вдовы умерших не на службе, а дома получали 10 четвертей со 100 четвертей оклада мужа, а дочери — 5 четвертей.

Вдовы и дочери неверстаных помещиков имели право на прожиток, размер которого устанавливался в зависимости от оклада мужа.

Процедура предоставления земель

Опишем теперь вкратце процедуру предоставления («отказа») земель помещикам (служилым людям). Отказ включал в себя следующие действия. Служилые люди подыскивали себе незанятые (по их мнению) земельные участки и писали на них челобитные, которые поступали в Поместный приказ. Здесь из различных документов выписывались все данные о челобитчиках и просимых ими землях. На основе челобитных и полученных данных составлялись подробные выписи с изложением существа дела. После этого дело поступало на доклад к великому государю, и если он удовлетворял просьбу челобитчика, то из Приказа на имя местного воеводы присылалась грамота о проведении «сыска и меры» указанных земель.

Во исполнение требований, изложенных в грамоте, отыскивались просимые земли, устанавливалась их действительная принадлежность, хозяйственное состояние и размеры, составлялось межевое описание. Затем «сыскные и мерные» книги поступали в Поместный приказ, подробно разбирались, и существо дела вновь докладывалось великому государю. Если доводы признавались обоснованными, следовала помета[11]: «дать приговор и по сыску отказать» земли челобитчикам. По приговору в уезды отправлялась соответствующая грамота. Отказ земель производился на месте под присмотром воеводы, результатом чего являлись *отказные книги*, составлявшиеся подьячими Приказной избы. Завершающим этапом работы была выдача владельцам жалованных, ввозных, а также послушных грамот[12]. После этого челобитчики становились полноправными помещиками на отказанных землях.

Таким образом, отказ земли складывался из двух этапов: подготовительного — составления «сыскных и мерных» книг, и работы по непосредственному отказу.

Отказные книги являлись документами (юридическими актами) об «отказе» (пожаловании, передаче в пользование) земельных угодий дворянам, служилым людям в Московском государстве в XVII — начале XVIII века. *Отказ* при этом являлся актом, завершающим укрепление прав, а отказная грамота или отказная книга — основанием владения и главным доказательством прав владельца.

В отказных книгах фиксировался не только сам факт земельного пожалования того или иного субъекта с точным указанием количества отказываемой земли, но и положение отведенного участка на местности, а также участие «сторонних людей» в качестве свидетелей с указанием их социального статуса и места жительства.

При царе Петре I, в соответствии с его указом о единонаследии 1714 года, который юридически закрепил слияние поместий с вотчинами в единый вид дворянской земельной собственности, поместная система перестала существовать.

---

[11] Помета – запись должностного лица на деловой бумаге с датой и решением по изложенному в бумаге делу.

[12] Послушная грамота – документ на право владения вновь приобретенным или полученным земельным участком, поместьем, предусматривающий подчинение крестьян новому владельцу. То же, что ввозная грамота.

Трехпольная система земледелия

Трехполье, или *Трехполка*, — система севооборота на трех полях с чередованием пара, озимых и яровых культур. В России (и сопредельных государствах) времен феодализма применялся, как правило, трехпольный севооборот с чередованием культур: пар, озимые (рожь или пшеница), яровые (овес, ячмень, горох, гречиха, просо). Трехполье носило ярко выраженное зерновое направление, с абсолютным доминированием хлебных (в озимых полях) и крупяных (в яровых полях) культур. Оно обязательно сочеталось с животноводством, кормовой базой для которого служили естественные луга и гумённые корма.

Почвенное плодородие восстанавливалось в паровом поле, куда вносили навоз и несколько раз за лето обрабатывали для уничтожения сорняков и накопления влаги. Осенью в пару высевали озимые (в России в основном рожь), после них яровые, использовавшие последействие навозного удобрения. По мере распашки лугов пар, зараставший сорняками, в первую половину лета использовался как пастбище, обработку его откладывали на вторую половину лета.

Итак, при трехполье одно поле засевалось озимыми, другое — яровыми, а третье оставалось под паром. Размеры каждого поля были примерно одинаковые, и поэтому писцы обычно измеряли площадь только одного поля, которое под паром («а ржаные поле и яровые не меряно, потому что на них хлеб»), и приписывали «а в дву по тому ж». То есть в остальных двух полях по столько же земли. Таким образом, реальная площадь земель была в три раза больше указанной в документе (например, в отказной книге).

В трехпольной системе севооборота паровое поле иногда называли *перелогом*. «В переложном, перелоговом хозяйстве[13] это та часть земли, которая по выпашке покидается, для отдыху, на несколько лет: залежь, залог; перелог дернеет в 8–10 лет, который зарос дикой травой и кустарниками для естественного восстановления плодородия почвы»[14]. В документах XVII века, при существующей в то время трехпольной системе севооборота, перелогом также назывались заброшенные на длительное время участки земель, поросшие в том числе и мелким лесом.

С развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве трехполье постепенно заменялось паро-пропашными и плодосменными севооборотами. В России многопольные севообороты стали появляться только к началу XX века, хотя замена паров высевом трав (клевер и вико-овсяная смесь) широко применялась уже в последней четверти XIX века.

Служба дворян и детей боярских

В Русском государстве XVI–XVII веков зачисление дворян, детей боярских, а также городовых казаков на военную службу («верстание») происходило с одновременным назначением земельного (поместного) и денежного жалованья. Служба «новиков» (подростков дворян и детей боярских) начиналась с 15 лет, с середины XVII века — с 18 лет[15].

Результаты верстания отражались в *десятне*. Десятня — это описание городовых дворян и детей боярских Московского государства, составлявшаяся, в военно-финансовых интересах государства, при их разборе, верстании и раздаче им денежного жалованья и получившие значение юридического доказательства права владеть населенным поместьем.

В зависимости от целей составления выделяются следующие типы десятин:

- *Верстальные*. В них заносились сведения о «новиках» при их верстании на службу и назначении им оклада. Оклад начислялся в зависимости от знатности рода, к которому принадлежал служилый человек и его личным заслугам.

[13] Переложное земледелие (также подсечно-переложное земледелие) — экстенсивная система земледелия, при которой участок земли используется, пока он плодороден; после истощения почвы земледельцы переходят на новое место, оставляя прежний участок без обработки для восстановления почвы за счет природной растительности (так называемый перелог). (Получено из открытых источников в сети Интернет).

[14] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net

[15] *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

- *Разборные*. Создавались с целью контроля боеготовности воинов. В них заносились сведения о наступательном и защитном вооружении помещиков и их боевых холопов и о конях (так называемая конность, людность, оружность и доспешность). Также в них могла содержаться информация о землевладении дворян и детей боярских (расположение и размеры поместий и вотчин, количество крестьян в них). Во второй половине XVII века вместо них составлялись Разборные книги.
- *Раздачи денежного жалованья*. Служили для денежной раздачи, а в некоторых случаях — для поместного и денежного верстания, то есть для пересмотра денежного и поместного оклада служилых людей. Основной информацией в этом случае были размеры выплаченного жалованья, иногда с указанием служб дворян и детей боярских. В XVII веке появились Раздаточные книги. В зависимости от задач смотра, разборные десятни могли объединять в себе все три функции, в случае когда вместе с *разбором* проводилась денежная раздача и верстание молодых дворян.

Десятня составлялась обычно по грамоте из Разрядного приказа[16], откуда в область вместе с грамотой посылался в руководство *«московский разрядный список»*, составленный отчасти на основании старых имевшихся в этом приказе десятин, отчасти же воеводских росписных и сметных списков.

Обычно десятня составлялась для каждого города отдельно, перечисляя по известным рубрикам всех приписанных к нему по службе дворян и детей боярских.

Составление десятин прекратилось только при Петре Великом, когда вся русская армия была преобразована по иноземному образцу.

КАТЕГОРИИ ДВОРЯН И ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ В XVI–XVII СТОЛЕТИЯХ

С самого начала формирования уездных дворянских корпораций в них выделилось две крупные группы служилых людей. К первой группе относилась основная масса помещиков уезда, которые служили «со своим городом». В дальнейшем в документации использовался термин «городовые дети боярские».

В противоположность им часть помещиков уезда служили при «дворе» великого князя. Сначала они просто входили в рядовой состав великокняжеской дружины. Постепенно их роль возрастала, и «дворовые» стали использоваться как источник для пополнения командного состава и административных должностей. Численность этой категории постоянно возрастала и к середине XVI века стала избыточной для командного состава. По итогам реформы Ивана Грозного для придворной службы была отобрана меньшая часть дворовых из уездов. Оставшиеся теперь несли службу вместе с городовыми детьми боярскими в составе «служилых городов». Дворовые становятся высшим слоем уездного дворянства.

Для службы рядовыми воинами в Москве или в походах Государева полка уездные служилые люди приглашались на временной основе. Из состава города «выбирали» определенное число лучших дворян и детей боярских и ежегодно направляли на государеву службу. Так в составе служилого города формировалась категория «выборных» или «выбор».

Выборные поначалу несли службу отдельно от остальной корпорации. Периодические назначение в Москву и служба в престижных полках привела к тому, что выборные начали сменять дворовых в качестве представителей верхушки служилых городов. Перевод в выбор стал одним из видов награждения служилых людей. Выборные дворяне ежегодно заносились в боярские списки, наряду с «московскими чинами».

Таким образом, в начале XVII столетия формируется четкая структура служилого города, включающая три основные категории: выбор, дворовые и городовые. Помимо них продолжает существовать категория ранее упоминавшихся «новиков».

В XVII столетии служилые люди становились постоянными ратниками, служившими до своей смерти, до старости или до болезни. Помещик мог получить от царя отставку от службы. Для этого он должен был направить царю прошение (челобитную) с обоснованием отставки (например, «за старостью, за увечья и за кровь»).

[16]Разрядный приказ или Разряд — государственное учреждение (орган военного управления, приказ) в Русском государства XVI–XVII вв., ведавшее служилыми людьми, военным управлением, а также южными и восточными «окраинными» (пограничными) городами Русского государства.

Глава I

XVII век

Раздел 1.1.
Озеро Клепало и Клепальское городище

1.1.1. Озеро Клепало

В детстве я как-то спросил бабушку: «Откуда взялось название села Клепалы?» — «Мабуть щось клепали» — ответила она.

Позднее, когда я всерьез занялся историей родного села, выяснилось, что его название тесно связано с большим озером, которое находилось рядом. Это озеро имело название Клепало. Ввиду этого логично начать изложение истории села с описания этого озера.

Рис. 1. **Озеро Клепало на чертеже открестностей Путивля. 90-е гг. XVII в.**

Наиболее раннее упоминание этой местности относится к началу XVII века. В Московском государстве только что завершилось Смутное время. Смута не минула и путивльские земли. Город был одним из центров восстания Ивана Болотникова. На короткое время он был ставкой Лжедмитрия I. Сам Лжедмитрий щедро, по-царски, раздавал угодья своим сторонникам. В том числе и вокруг Путивля. В эти неспокойные времена многие ранее выданные на владение угодьями грамоты были утеряны. Когда Русское государство начало понемногу выходить из тяжелых смутных времен, возникла настоятельная необходимость восстановления прав законных владельцев. Так, в начале 1615 года путивльский воевода Василий Коробьин бил челом московскому царю с просьбой подтвердить права на угодья жителей Путивля и путивльского духовенства, которые были жалованы им прежними царями. Для этого были составлены и направлены московскому царю «сыскные списки», в которых перечислялись земельные наделы, угодья и их прежние хозяева. В частности, угодья Рождества Пречистые Богородицы Молченского монастыря[1]: «…В Путивльском уезде деревня Линева з бортными ухожеи[2] и с пахотною землею и на Вири, и на Пеле, и в Лежецткой волости бортные ухожеи с рыбными ловлями из бобровыми гоны и с вспуды, и с переведьи, и со всякими угодьи, и рыбная ловля озерко Линчие к Рожеству Пречистые Богородицы в Молчинской монастырь искони в век дача прежних царей руга. А сельцо Берюх и на Берюхе прудище, да рыбные ловли озерко Хотыш, да озерко Веджа, да ***озерко Клепало*** {выделено мной}, да в Новгородцком уезде Северскова сельцо Есмань в Молчинской монастырь — дача Ростригина[3]».

В то время в лугах между современными селами Клепалы и Чаплищи в долине реки Сейм находилось большое количество озер, речек, проливов и других водных объектов. Но в грамоте говорится только об одном из них — озере Клепало, как, вероятно, самом крупном, доминирующем на этом ландшафте.

---

[1] Жалованная грамота царя Михаила Федоровича путивльскому Молчинскому монастырю с известием о расправе «царевича Петра» над игуменом Дионисием и уничтожении им монастырских жалованных грамот царя Василия Шуйского. 15.07.1615. Актовые и летописные материалы о восстании И.И. Болотникова. [1614–1615 гг.] / Публикацию подготовил Корецкий В.И. // Советские архивы. № 5. М., 1976. С. 45–58.

[2] На этом этапе не будем объяснять незнакомые термины, присутствующие в данной цитате. Они будут детально рассмотрены позднее.

[3] Расстригой (или вором Гришкой Отрепьевым) тогда называли Лжедмитрия I его обличители. (*Прим. авт.*)

Одно из наиболее ранних изображений озера приведено на чертеже окрестностей города Путивля 1690-х годов[4] (рис. 1). Данный чертеж был составлен в ходе спорного дела между путивльскими попами и путивльскими помещиками за земли вокруг современного города Бурынь (в то время трех деревень под общим названием Борыни). Клепалы тогда уже были селом, с церковью. На рис. 1 мы видим село и рядом с ним озеро. Они имеют одно и то же наименование — Клепало. В других документах XVII и XVIII веков наименование озера имеет некоторые вариации: Клепальское, Клепала, Клепалы. Соответственно варьируется и наименование села. К сожалению, на этом чертеже форма озера и реки Сейм, в которую оно впадало, изображены, мягко говоря, не точно.

Для выяснения места расположения озера и его формы обратимся к более поздним, а значит, более точным картам. К примеру, к плану 1782 года, составленному в процессе специального межевания земель в селе Клепалы[5]. Его фрагмент приведен на рис. 2. Здесь изображено село (как оно выглядело в то время), озеро Клепалы и река Семь[6]. К тому времени село было заселено выходцами из центральной Украины (черкасами), которые «подправили» старинное наименование и озера, и села на свой лад. Село располагалось на берегу озера, которое впадало в эту реку.

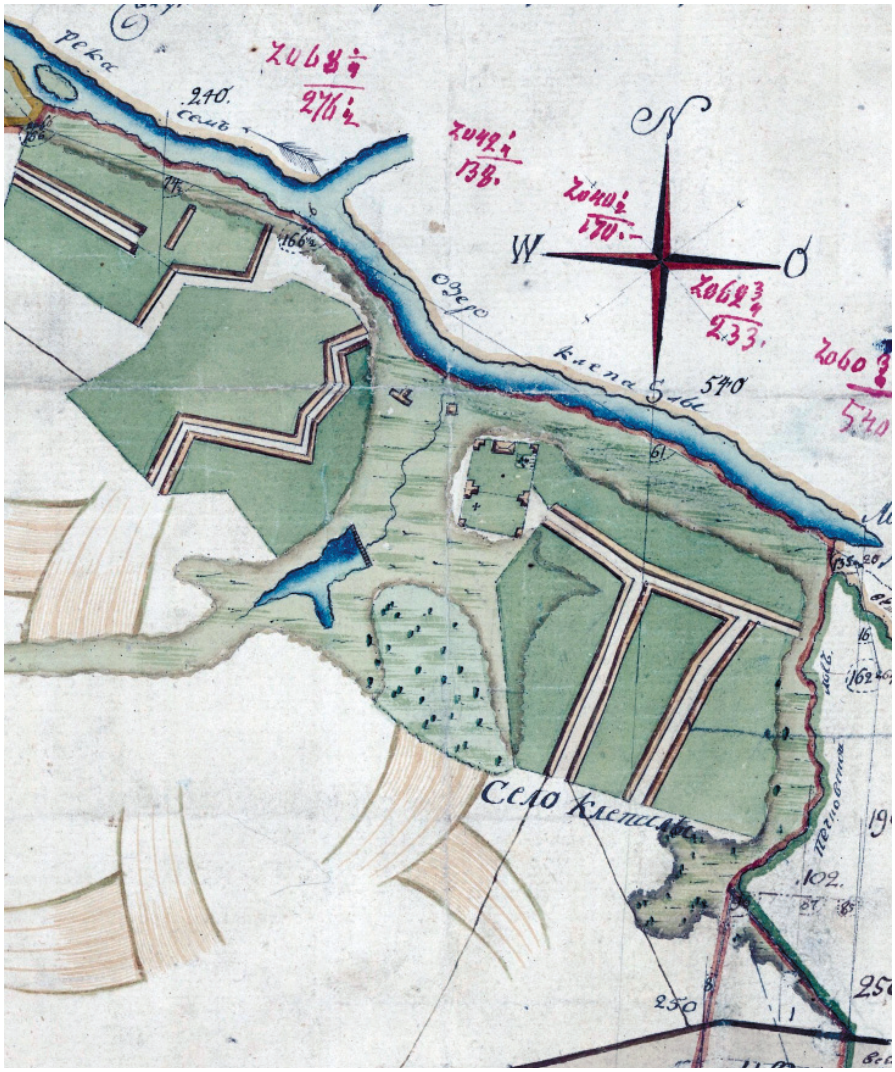


Рис. 2. **Озеро Клепало на плане дачи К-24 села Клепалы. 1782 г.**

Ширина озера была более 40 м, а его глубина доходила до 8 м[7]. Озеро Клепало окончательно исчезло с ландшафта села сравнительно недавно. На военных картах, составленных в 30–40-х годах XX века, оно еще присутствует. К примеру, на Отчетной оперативной карте Брянского фронта 28.09.1941 года[8] (рис. 3). Эта карта сформирована Генеральным штабом Красной армии на основании аэрофотосъемки, проведенной в 1940 году. Первое издание — 1941 год. Таким образом, озеро исчезло не ранее, чем в 40–50-е годы XX века.

[4] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Рыльск. Ед. хр. 30165. Л. б/н. 90-е г. XVII в.

[5] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ед. хр. К-24 (синий). Клепало село.

[6] Семь – старое наименование реки Сейм. В дальнейшем мы будем использовать оба эти наименования в зависимости от рассматриваемого времени событий.

[7] Экономические примечания на 351 дачу, описание гор. Путивля, рек и речек и озер и каталог к генеральному плану на 351 дачу (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 160–168).

[8] Подвиг народа: [сайт] Оперативный отдел Брянского фронта. Полковник Сандалов. Отчетная карта за 13-ю армию Брянского фронта с 24.09.1941 по 28.09.1941. ЦАМЮ. Ф. 202. Оп. 5. Ед. хр. 149. URL:https://podvignaroda.ru/?#id=60010293&tab=navDetailDocument (07.08.2025).

Теперь обратимся к этимологии[9] древнего слова «клепало», которому точно соотвествует наименование озера. Его определение приведено в Словаре русского языка XI–XVII веков[10]: «Деревянная или металлическая доска, в которую ударяют для созыва на молитву или для подачи сигнала». Здесь же приведены примеры употребления этого слова в древних источниках: «Клеплют в железные и деревяные клепала» (Гавр., 6, 1650 г.), «И на колокольницах колокола и клепала, и всякое церковное строенье» (Арх. Стр. I, 652. XVII в.). Обратим внимание, что в этих примерах имеется глагол «клепати», который в то время имел, кроме прочих, значение «ударять, бить во что-либо звонкое, созывая людей; звонить, подавать сигнал». Другое наименование клепала — било. В этом же словаре приведена цитата из Лаврентьевской летописи 1074 года: «Он же [Феодосий] повел звати братью всю, братья же удариве в било и собрашася вси».

Рис. 3. **Озеро Клепало на оперативной карте Брянского фронта 1941 г.**

Описание этого слова дал российский историк, географ, экономист и государственный деятель Василий Никитич Татищев — автор первого капитального труда по русской истории — «Истории Российской», издаваемой с 1768 года[11]: «Било и клепало едино. Прежде употребления колоколов были у церквей для созывания на молитву доски железные, сначала не очень длинные, но широкие, потом делались узкие, вершка два или полтора шириною {от 7 до 9 см}, а длиною от 3 до 5 аршин {от 2 до 3,5 м}, и гнутые дугою, от которых после ударения молотком звон происходил; по употреблении колоколов они до времен наших у многих церквей находились, и ныне еще в некоторых монастырях есть, в которые прежде звона колокольного звонят». Этот инструмент попал на Русь в конце X века одновременно с заимствованием всего строя византийского богослужения и назывался по-гречески «семантрон».

Деревянные била (рис. 4) представляют собой доску различной формы и размеров, которые дают разные звуки, в зависимости от силы удара палкой и толщины дерева, а клепала (рис. 5) изготовлялись из металла. Звон в била и клепала — древняя традиция на Руси, где долгое время отдавалось предпочтение не колоколу, а билу и клепалу. К колоколам — западному изобретению — долго присматривались и относились к ним настороженно. Кроме того, било (клепало) обходились совсем дешево по сравнению с колоколами. Даже в конце XVI века, когда колоколов на Руси стало больше, и их размеры стали увеличиваться, била (клепала) еще не полностью исчезли, особенно в деревенских храмах.

Рис. 4. **Било**

Рис. 5. **Клепало**

Почему же рассматриваемое нами озеро в древности получило такое название? Смею сделать некоторые предположения. Дело в том, что на высоком берегу этого озера (рис. 6), в месте, где была церковь села

[9] Этимология — отдел языкознания, изучающий происхождение слов, а также само происхождение того или иного слова. (*Прим. авт.*)

[10] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 7. С. 163.

[11] *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. Книга вторая. М.: Изд. Московского ун-та, 1773. С. 128.

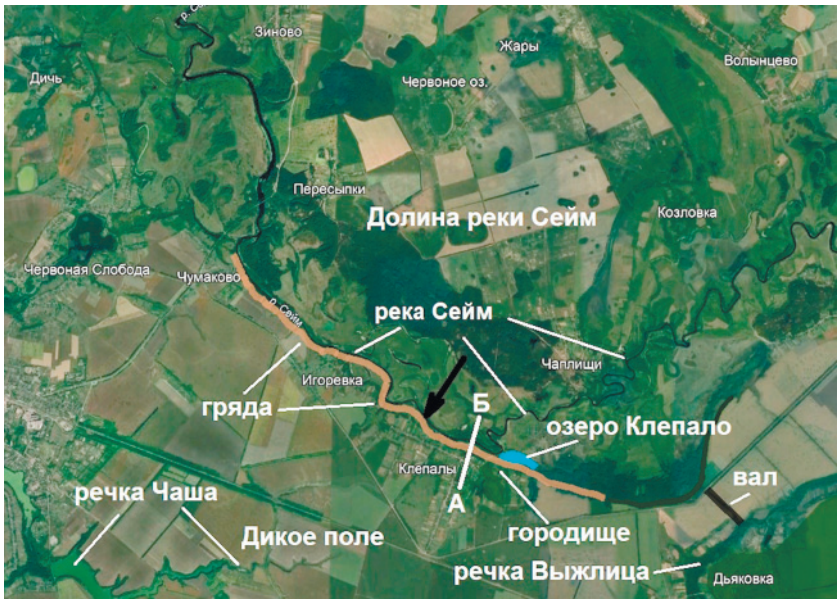


Рис. 6. **Гряда вдоль реки Сейм**

Рис. 7. **Вид на гряду со стороны реки Сейм**

Клепалы, находилось древнерусское поселение. К XVII веку на его месте осталось только городище[12]. Рассмотрим подробнее окружающую местность. Вдоль реки Сейм и сейчас идет гряда, разделяющая две равнины: одна равнина (нижняя) в долине реки идет на север к городу Путивлю и окрестным поселениям, а вторая, на высоком берегу, — на юг. Эту равнину с древних времен называли Диким полем[13]. Перепад высот между ними (точки А и Б на рис. 6), собственно высота гряды, составляет 30 м[14]. Вид с долины реки Сейм на гряду перед Диким полем показан на рис. 7. Это направление обозначено черной стрелкой на рис. 6.

С южных степей на Путивль и его окрестности осуществляли свои набеги воинственные степные кочевники. В древнем поселении на берегу озера Клепало имелось, надо полагать, клепало, в которое били жители или служилые люди в случае приближающейся опасности с юга, оповещая Путивль и его округу. В самом Путивле звон слышался со стороны озера, которому и дали наименование «Клепало».

В пользу сторожевой функции этого поселения говорит также тот факт, что в его окрестностях в древнерусские времена были сооружены два защитных вала. Один из них — в 3 км восточнее (рис. 6). Одним концом он подходил к крутому обрыву указанной выше гряды к долине реки Сейм, а другим — к речке Выжлице. Вал перекрывал старинную Вирскую дорогу, которая вела от Путивля к древнему городу Вырь и, далее, на юг, в дикую степь. Другой вал находился в 7 км южнее Клепал, на Псельской дороге (эта дорога ныне не существует). Вал перекрывал эту дорогу в узком участке: между верховьями двух речек: Чаши и Выжлицы (на рис. 6 он не показан)[15]. Эти два вала образовывали защитную цепь: вал между Вирской дорогой и речкой Выжлицей — сама речка с непроходимыми в то время чащами — второй вал, соединяющий истоки речек Выжлица и Чаша, — речка Чаша с такими же чащами по берегам и до ее устья, впадающего в болото и реку Сейм. Поселение на озере Клепало было наиболее близким от обоих валов.

На этих валах, надо полагать, находились сторожи, на которых несли службу путивльские служилые люди и, в случае опасности со стороны степи, подавали сигналы тревоги в Путивль. Были ли слышны эти сигналы в Путивле? Да, были. Это подтверждает рассказ моей бабушки, которая в молодости, в самом начале XX века, посещала клепальскую церковь и рассказывала, как перезванивались путивльские и клепальские колокола.

[12]Вопрос о Клепальском городище будет рассмотрен в следующем разделе.

[13]Дикое поле – 1) название степной территории к югу и юго-востоку от Русского государства, отделяющей его от Крымского ханства; 2) невозделанная, необработанная земля, целина; свободная, незанятая земля.

[14]Измерение высот произведено с помощью инструментария ресурса Google Earth.

[15]Детальное описание древних валов в окрестностях села Клепалы будет приведено позднее.

1.1.2. Клепальское городище

Место, с которого пошло село Клепалы, весьма древнее и было населено еще в домонгольский период. На это указывает наличие в прошлом на этом месте старинного городища. Городищами называли бывшие укрепленные поселения. В Большом энциклопедическом словаре[16] дано следующее определение: «Городище (в археологии) — остатки древнего укрепленного поселения или города».

Как правило, такие поселения были привязаны к местности, позволяющей эффективно их оборонять: на естественных возвышенностях, на холмах, на мысах у берегов рек. Предпочтение отдавалось местам, где одна река впадала в другую. Если, вдобавок, на месте слияния двух рек имелся природный холм, то поселение, постороенное на этом месте, уже имело с двух сторон природную защиту — крутые склоны с водными преградами. Оставшаяся часть, она называлась «напольной», укреплялась искусственными сооружениями: земляным валом и рвом. На валу строилась высокая стена из вертикальных бревен, заостренных вверху — частоколом, или деревянная стена из горизонтальных бревен, вложенных между вертикальными столбами.

Разумеется, такая конфигурация местности не являлась единственно возможной для построения поселения в древности, но была наиболее предпочтительной. По классификации советского археолога и историка Андрея Васильевича Кузы городища, постороенные на такой местности, характеризуются как поселения 1-го типа (оборонительные сооружения полностью подчиненные рельефу местности)[17].

Подобный рельеф присутствует и в селе Клепалы. Это место, где ранее была церковь. Здесь имеется высокий крутой холм. С северной стороны холма, со стороны долины реки Сейм, у его подножия находилось озеро Клепало. С западной стороны находится большой овраг. В старину его называли логом. В этом логе был мощный источник воды, который в старину называли «колодезем»[18]. В писцовых книгах XVII века этот колодезь назывался Большим Клепальским. В XVIII веке здесь была устроена запруда и образовался пруд (ставок). В давние времена в этом месте была фактически небольшая речка, впадающая у основания холма в озеро Клепало. С восточной стороны эта местность ограничена еще одним логом. Вот фрагмент этой местности на спутниковом снимке (рис. 1) (ресурс Yandex).

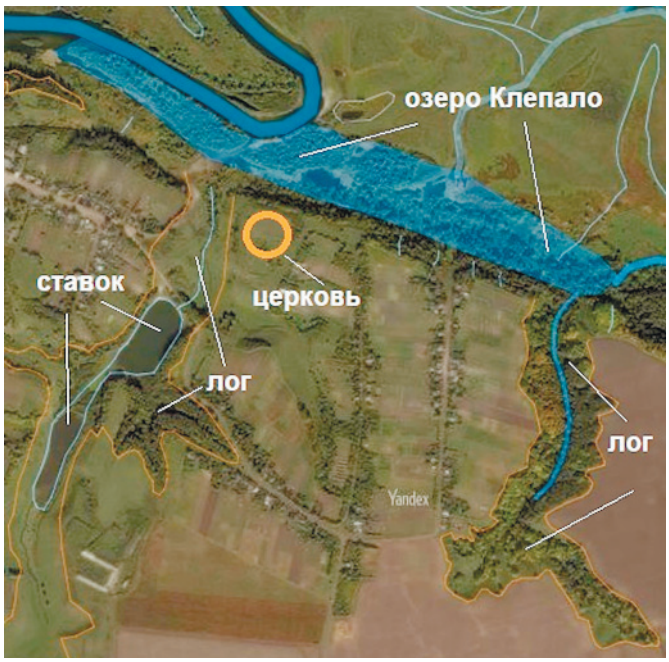


Рис. 1. **Место, в котором была церковь в селе Клепалы**

Упоминание городища у озера Клепало находим в одном из наиболее ранних источников — межевой книге Путивльского уезда межевания Петра Мусорского 1628 и 1629 годов[19]. Здесь имеется запись о землях путивльского помещика Ивана Черепова[20]: «Да по отдельной выписи отделу[21] городового приказщика Василя Малова 135 (1626/27) году пустошь[22] за рекою за Семью Клепальское городище на озере на Клепальском

[16]Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/

[17]*Куза А.В.* Древнерусские городища X–XII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1996. С. 52.

[18]Колодезь – источник, ключ, родник.

[19]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553.

[20]Там же. Л. 67 об. – 68.

[21]Отдел – действие и состояние по глаголу «отделити» – выделить, дать в надел, в долю; отдел также доля, полученная при разделе, надел.

[22]Пустошь – заброшенный или незаселенный участок земли.

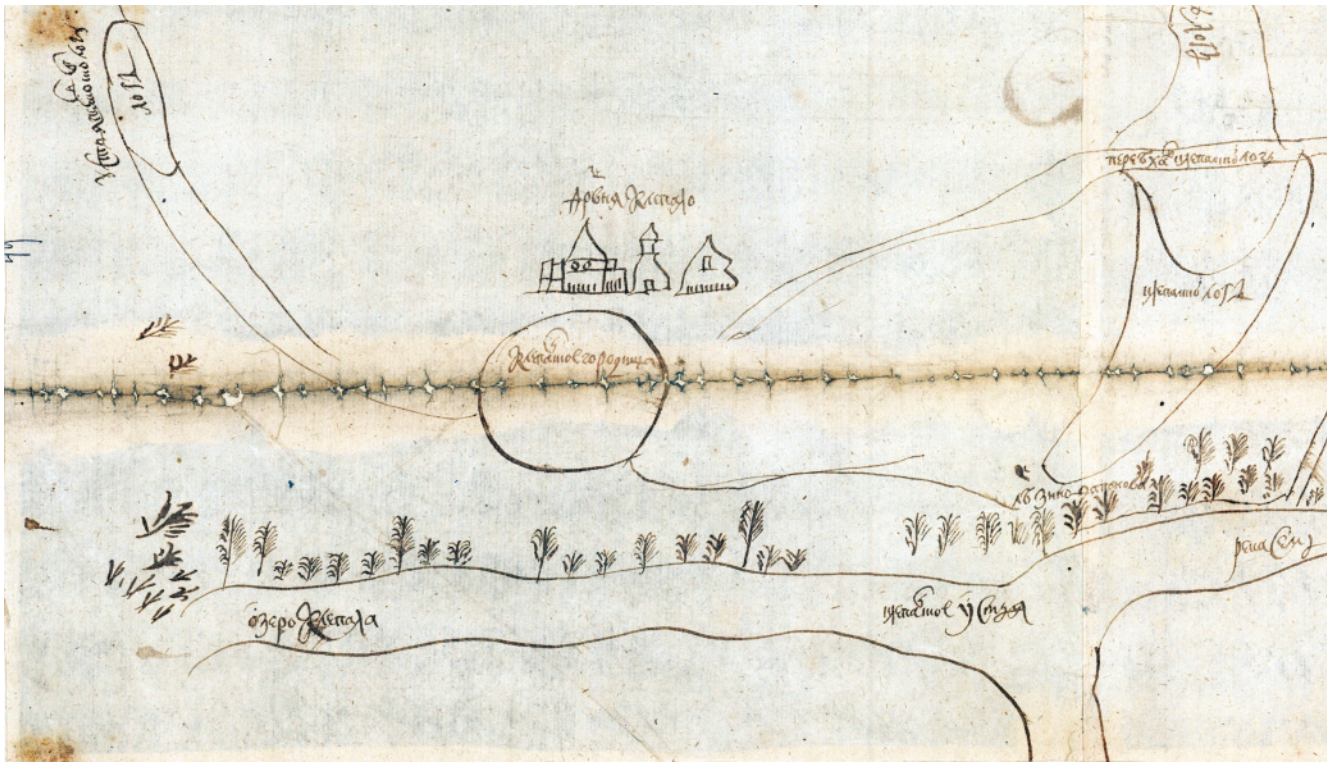


Рис. 2. **Фрагмент чертежа 1685 года с деревней и городищем**

дикого поля на пашню добрые земли по обе стороны Клепальсково логу». Как мы видим, городище было названо по имени озера. Само место в то время было пустошью. Это значит, что в 7135 (1626/27) году оно было заброшенным, не заселенным. В этом источнике наименование «Клепальское городище» относится к поместью путивльского помещика Ивана Черепова. Можно предполагать, что где-то здесь было старинное поселение с этим же наименованием. Указано только, что пустошь находилась на Диком поле (на левом берегу реки Семи), у озера Клепальское (Клепало), у Клепальского лога и у Клепальского колодезя.

Документом, который доказывает существование в этом месте городища, является чертеж земель в районе деревни Клепало[23], составленный путивльским помещиком Никитой Никитиным сыном Щекиным в мае 1685 года. При описании чертежа использовались сведения из указанной выше межевой книги 1628 и 1629 годов. Чертеж составлялся в рамках спорного дела между путивльскими помещиками Зиновием Пановым и Леонтием Череповым. Фрагмент этого чертежа приведен на рис. 2. На чертеже стороны света не совпадают с ныне принятыми. По этой причине при его анализе мы не будем их упоминать.

Вначале почитаем надписи. Слева вверху: «устья Печковского логу» (таким образом, лог, находящийся на этом рисунке слева, назывался «Печковским»). Справа, в центре, по вертикали: «Клепальской логъ». Внизу слева направо: «озеро Клепала», «Клепальское устья», «река Семь». Видно, что озеро Клепало впадало в реку Семь. Река течет к озеру по рисунку снизу вверх, а в месте впадения в нее озера сворачивает круто направо. В центре мы видим два объекта: «Клепальское городища» (в круге) и чуть выше: «Деревня Клепало» с постройками. Правее этих двух объектов находится Клепальский лог[24] с двумя отвершками. По ним к деревне и городищу идет дорога. Это древняя Вирская дорога из Путивля на речку Вырь. Ее локализация будет произведена позднее.

Судя по чертежу, городище занимало незначительную часть территории между двумя логами и озером. Хотя это весьма условно, поскольку масштаб чертежа совсем не выдержан и меняется в зависимости от значимости для его автора того или иного участка местности.

[23]РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. Ст. 1066. Л. 49–50.

[24]Лог – широкий овраг с пологими склонами.

Итак, становится бесспорным, что Клепальское городище существовало. Однако данный чертеж не позволяет точно его локализовать (определить место его нахождения). Можно предположить, что оно находилось в непосредственной близости от места, где была церковь (см. рис. 1). В древности, в дохристианские времена, на этом месте могло быть языческое святилище (капище). Строительство христианских церквей на месте языческих капищ было нормой в раннехристианские времена. Митрополит Илларион, восхваляя приобретающий христианский колорит Киев, в 1043 году подметил, что вместо капищ теперь возвышаются церкви, а вместо идолов красуются иконы[25]: «И уже не капища сатанинские воздвигаем, но Христовы церкви созидаем… Капища разрушались, а церкви поставлялись, идолы сокрушались, а иконы святых являлись». Эта же традиция соблюдалась, надо полагать, и в случае с Клепальским городищем.

***Рис. 3.* Церковь и кладбище на плане дач К-24 села Клепалы. 1782 г.**

Точное указание места церкви дает упоминаемый ранее геометрический специальный план Путивльского уезда села Клепал 1782 года. На рис. 3 представлен фрагмент этого плана. С 1693 по 1837 год здесь находилась деревянная церковь Николая Чудотворца. Рядом с церковью было огороженное кладбище. Территория церкви и кладбища находилась на высоком холме, с трех сторон окруженная крутыми склонами.

Что касается самого городища, то дополнительные сведения о его местонахождении дают путивльские писцовые, межевые и отказные книги. В упоминаемой ранее книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов читаем[26]: «… Да колодезь Большой Клепальской под городищом…» В отказной книге братьев Череповых 1676 года имеется еще одна привязка городища к местности[27]: «Да за рекою ж за Семью на реки на Семи усть озера Клепала подле городища Клепальского». Эти два источника указывают, что городище находилось у Клепальского колодезя возле устья озера Клепало, то есть рядом с показанной церковью (или на ее месте), на высоком мысу у слияния реки Семи и озера Клепало, рядом с устьем Клепальского лога. Как видно на рис. 3, в северной его части был крутой обрыв к озеру Клепало. С западной и южной стороны был крутой обрыв Клепальского лога, на дне которого протекал проток из Клепальского колодезя. Таким образом, местонахождение городища было полностью подчинено рельефу местности, а само городище имело природную защиту с трех сторон. С четвертой, восточной, напольной стороны строились основные оборонительные сооружения.

Площадь церковного места с кладбищем указана в материалах специального плана: «Под церковью и кладбищем тысечи двесте {квадратных} сажень». Исходя из того, что в XVIII веке сажень была равна 2,13 метра, получаем, что площадь составляла 1200 × 2,13 × 2,13 = 5444 кв. м. То есть 0,54 га. Приемлема ли эта площадь для древнерусского городища?

Для выяснения этого вопроса обратимся к указанной выше книге Андрея Васильевича Кузы. В этой работе автор представил свод 1327 древнерусских городищ с кратким описанием и картой их размещения, в том числе описания археологически исследованных городищ, территориально близких к Клепальскому:

[25]Иларион Киевский, свт. Слово о законе и благодати (Перевод А. Белицкой). [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ilarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/#source. (07.08.2025).
[26]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 65 об. – 66.
[27]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 64 об.

- № 1026. Лещиновка, с. Курская обл. В селе на холме-останце правого берега р. Сейма, городище. Овальная (110 × 50 м) {~0,5 га} в плане площадка поселения возвышается над долиной на 20–30 м. Следов искусственных оборонительных укреплений ныне не заметно. Склоны городища оползают и разрушаются. Культурный слой (1,3 м) содержит отложения эпохи железного века, конца I тысячелетия н. э. (роменская культура) и древнерусского (XII–XIII вв.) времени. Рядом расположено открытое селище, на территории которого собрано много обломков гончарной посуды.
- № 1027. Новая Слобода, с. Сумской обл. В одном км от села, по дороге в г. Путивль, городище. Округлая (65 × 50 м) {~0,3 га} в плане площадка поселения с напольной стороны укреплена полукольцевым валом (выс. 1 м) и рвом (глуб. 2 м). За валом расположено обширное селище. Культурный слой (0,5 м) насыщен обломками древнерусской посуды. Найден листовидный наконечник стрелы.
- № 1028. Белополье, г. Сумская обл. В черте города городище, именуемое в источниках XVII века Старым Вирским городищем. При исследовании на поселении найдены жилища-полуземлянки, гончарная древнерусская (XI–XIII вв.) керамика, шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, различные железные и бронзовые предметы. Здесь был древнерусский город Вырь, впервые упомянутый в летописи под 1113 годом.
- № 1029. Волынцево, с. Сумская обл. В селе, на мысу-останце правый берег реки Сейм, округлое (72 × 68 м) {~0,5 га} городище (уроч. Курган). С западной напольной стороны хорошо прослеживается вал и ров. Однако валом городище, по-видимому, было обнесено по всей окружности. К западу находится неукрепленное селище. Культурный слой содержит отложения роменской культуры и древнерусского (XI?–XIII вв.) времени. Найдены жилища-полуземлянки с глинобитными печами на деревянном каркасе; гончарная, хорошо профилированная керамика; шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов и пр. По-видимому, между славянским и древнерусским периодами жизни поселения существовал разрыв.
- № 1030. Путивль[28], г. Сумская обл. В центре города, в урочище Городок (территория парка), при впадении р. Путивльки в р. Сейм (правый берег), городище — остатки древнерусского Путивля, впервые упомянутого в летописи под 1146 годом. Поселение занимает подчетырехугольный мыс (площадью около 2,5 га), с трех сторон оно окружено балками и обрывом к реке, а с напольной стороны заметны следы вала и рва. Вал, по-видимому, окружал городище по периметру. В процессе раскопок обнаружены по краю мыса следы дубовых конструкций. Поселение претерпело значительные изменения в результате перестроек XVI–XVII вв. В центре городища обнаружены фундаменты каменной церкви, построенной в канун Батыева нашествия. Культурный слой (до 2 м толщины) сильно перемешан. В основном его слагают отложения XVI и последующих веков. Вещи и сооружения обнаружены лишь на самом материке. Найдена полуземлянка-мастерская ювелира (тигли, льячки), хозяйственные помещения с обломками корчаг. Из вещей — обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, костяные поделки, древнерусская (XII–XIII вв.) гончарная керамика. Следы обширного посада, судя по летописи укрепленного, отмечены на окружающих Городок высотах (Никольская горка и др.).
- № 1038. Ховзовка, с. Сумской обл. В 0,5 км северо-западнее села, на мысу правого берега р. Клевени, в урочище Шпиль, городище. Площадка поселения (120 × 30–60 м) {~0,4–0,7 га}… С напольной стороны (юго-зап.) сохранились вал (высотой 5 м) и заплывший ров. Культурный слой содержит отложения зольничной и роменской культур (основные) и редкие обломки гончарной древнерусской (XII–XIII вв.) керамики. К северо-западу от городища расположено синхронное неукрепленное селище.
- № 1089. Терны, с. Сумская обл. Между селами Терны и Бабаков, на мысу, образованном долиной реки и впадающим в нее оврагом, городище. Поселение (диаметром 60 м) {~0,3 га} укреплено

[28]Описание урочища Городок в городе Путивле позволяет оценить размеры этого города в древности и сравнить его с размерами городищ в его окрестностях.

двойной линией валов (высотой 3–7 м) и рвом. Культурный слой содержит отложения конца I тысячелетия н. э. (роменская культура) и древнерусского (XII–XIII вв.) времени. К городищу примыкает неукрепленное селище.

- № 1103. Ромны, г. Сумская обл. В 0,5 км восточнее города и в 0,5 км от впадения р. Ромен в р. Сулу, на стрелке низкого мыса… Площадка поселения, яйцевидная в плане (75 × 44 м) {~0,3 га}, с напольной стороны укреплена дугообразным валом (высотой 1,5 м) и рвом (шириной 4 м, глубиной 1,5 м). В середине вала прослеживается въезд. Культурный слой содержит отложения различных эпох: бронзового века, зольничной и роменской культур, а также древнерусского (X–XI вв.) времени. За валом расположено открытое селище.

Указанные городища имеют (где это указано) площади 0,14–0,7 га (кроме урочища Городок в Путивле), что вполне согласуется с предполагаемой площадью Клепальского городища (0,54 га).

Дополнительно необходимо отметить, что в описании городищ указаны валы и рвы по их периметру и с напольной стороны. Обнаруженные артефакты отнесены к роменской (I тысячелетие н. э.) и древнерусской (XII–XIII вв.) культурам.

Таким образом, с большой долей вероятности, Клепальское городище представляло собой поселение этих же периодов (роменского и древнерусского).

А.В. Куза также провел социально-историческую классификацию древних городищ. В частности, он сгруппировал городища по размерам их укрепленной площади. К группам 1 и 2 отнесены поселения с площадью от 0,3 до 0,5 га. Анализ автора по результатам раскопок и письменных источников показывает, что поселения группы 1 относятся к дворам-усадьбам феодалов-землевладельцев, к центрам их феодальных вотчин. Среди исследованных городищ их число составляет половину описанных в данной книге (47%). Поселения с площадью от 1 до 5 га составляют группу 5. Поселения этой группы относятся к мелким городам. К крупным городам отнесены города с укрепленной площадью 10–15 га, к столичным городам — до 40 га и выше.

Таким образом, древнерусский Путивль отнесен к мелким городам (его площадь 2,5 га). Логично предположить, что в округе древнего Путивля не было крупных и даже средних городов. В противном случае их бы не обошли вниманием древние летописи и другие исторические источники (как, например, летописный город Вырь), а также ученые-историки. Рассмотренные выше городища, в которых указана площадь, близко расположенные к Клепальскому, относятся к группам 1 и 2. Таким образом, Клепальское городище с площадью 0,54 га также можно отнести к этим же группам — двор-усадьба феодала-землевладельца.

Дополнительно необходимо отметить, что в 1982–1983 гг. О.В. Сухобоковым (Институт археологии АН УССР и НАН Украины) производились раскопки в соседнем с Клепалами селе Игоревке (на Выгоревом городище[29]), а также вблизи села Червоная Слобода на Часком и Ослецком городищах. Однако материалы об этих раскопках в работе А.В. Кузы отсутствуют.

Исходя из указанной классификации, мы получаем ответ на вопрос: «А не могло ли Клепальское городище занимать всю территорию между Печковским и Клепальским логами, озером и Вирской дорогой?» Нет, не могло, поскольку площадь указанного участка составляет 30,5 га[30]. Такую площадь могли занимать только очень крупные города того времени, по своим размерам приближающиеся к столичным.

Таким образом, с большой долей вероятности, Клепальское городище находилось на месте, указанном на рис. 4.

Что касается угодий между логами, то их общая площадь, как уже было сказано, составляет 30,5 га. В единицах XVII века 33 десятины или 66 четвертей (четей[31]). Эта величина достаточно близка к площади дачи Ивана Черепова 7135 (1627/28) года, приведенной в писцовой книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов: «Пустошь за рекою за Семью Клепальское городище на озере на Клепальском дикого поля на паш-

[29]Так оно именуется в источниках XVII в.

[30]Площадь измерена с использованием инструментария ресурса Google Earth.

[31]Одна четь составляет 0,5 десятины, а одна десятина — 1,09 га.

Рис. 4. **Место, на котором было Клепальское городище**

ню добрые земли… дватцать чети в поле, а в дву по тому ж[32]». Согласно этой записи площадь земли этой пустоши составляла 20 × 3 = 60 чети, или 30 десятин, или 33 га. Эта величина достаточно близка с площадью земли, измеренной на современной местности.

Эти земли, распаханные на Диком поле еще в старину, являлись вотчиной местных феодалов. Усадьба находилась, скорее всего, на месте Клепальского городища, чтобы максимально использовать удобную для обороны местность.

Почему же не производились раскопки на месте Клепальского городища? Скорее всего, потому, что это место в течение сотен лет интенсивно использовалось и было многократно перекопано. Давным-давно были срыты защитные сооружения. С XVIII века (а скорее всего, гораздо ранее) на этом месте было кладбище.

Дополнительно необходимо указать, что в описании специального плана 1782 года в этом месте упоминается осыпь. В словаре В.И. Даля[33] читаем: «…Низкая, широкая осыпь делалась и под рубленую городьбу, под деревянныя стены вкруг города». При описании плана 1782 года осыпь указывается как один из объектов при измерении площадей: «…под полу-рекою Семью, полу-озером[34] Клепалами, осыпью, протоком и прудом одинатцать десятин две тысечи восемдесят восем {квадратных} сажень». К сожалению, это описание не дает возможности локализации осыпи. Под прудом здесь имеется в виду запруда на Клепальском колодезе, а под протоком — ручей, вытекающий из запруды в озеро Клепало.

В древние времена окрестности этого поселения были очень подходящими для укрытия жителей в случаях нападений кочевников. От городища к озеру Клепало вел крутой обрыв, поросший лесом. Долина реки Семи от Клепальского городища и озера Клепало до современного села Чаплищи в давние времена была совершенно непроходимой. Она изобиловала множеством озер, речек, болот, была покрыта лесами и кустарниками. Это позволяло жителям поселения в случаях опасности укрываться в этих чащах. Даже в конце XVII века это место не было точно измерено и отмежевано, «для того, что за болотами мерять в десятины нельзя»[35].

Необходимо отметить, что древние городища и селища существовали на месте практически всех близлежащих к Клепалам современных сел[36]: в окрестностях села Червоная Слобода — Чашское городище на речке Чаше, Ослецкое — на озере Ослец; в селе Игоревка — Выгоревское городище; в селе Глушец — «озерко Глушец под Глушицким городищем»; селище Чаплищи — на озере Чапль. В соседнем селе Пески (ранее оно именовалось Байдуровкой) упоминается Байдурское селище, расположенное на озере Байдурском. Ранее в книге А.В. Кузы упоминались городища у поселка Терны и у города Белополье (Вирское городище). Практически все эти поселения носили наименования речек и озер, на которых они находились.

Что же касается Выгорева городища, то толкование этого наименования приводит русский историк М.П. Погодин в своей работе «Исследования, замечания и лекции М. Погодина по русской истории»[37].

[32] С учетом троеполья.

[33] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net

[34] В то время межа между поместьем Клепальское городище и соседним с ним поместьем села Чаплищи шла посередине реки Семь и озера Клепало.

[35] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 71.

[36] Данные взяты из писцовых и отказных книг Путивльского уезда (РГАДА. XVII век. Ф. 1209. Оп. 1 и 2).

[37] Исследования, замечания и лекции М. Погодина по русской истории. Т. II. М.: Тип. Московского ун-та, 1846. С. 410.

Он полагает, что оно относится к чему-то горелому, выгоревшему, указывая на языческие обряды с жертвенными кострами на языческих капищах. В качестве примера автор приводит наименования двух Погорелых городищ и Выгорева городища.

Сводная картина ближайших к селу Клепалы древних городищ на Диком поле показана на рис. 5. Положение Глушецкого городища указано приблизительно. Все эти городища располагались вдоль реки Сейм, на левом (южном) берегу, у показанной выше гряды. Максимальное расстояние между соседними городищами составило около 8 км, а минимальное — 4 км.

Рис. 5. **Древнерусские городища в окрестностях села Клепалы**

Все городища (кроме Глушецкого) и селище Байдурское локализованы точно[38]. По Глушецкому городищу у автора отсутствуют документы, позволяющие его точную локализацию.

По книгам XVII века известно наличие городища у села Козловка. Городище у села Волынцово было описано в книге А.В. Кузы.

Как было сказано выше, в 80-х годах XX века велись раскопки на ближайших к селу Клепалам городищах. В частности, на Чашском городище. Работы вел О.В. Сухобоков (Институт археологии АН УССР и НАН Украины). Снимок этого городища был любезно представлен краеведом из города Бурынь, ныне покойным, Виктором Ивановичем Гагиным (рис. 6).

Рис. 6. **Вид на Чашское городище**

[38] Точная локализация городищ и селищ будет показана позднее, при изучении соответствующих участков местности.

Раздел 1.2.
Географические объекты

1.2.1. Окрестности Клепальского городища

Изучение старинного ландшафта начнем с местности в окрестностях Клепальского городища, на левом, южном берегу реки Сейм. В качестве первоисточников будем использовать Путивльские писцовые и отказные книги XVII века. Одна из наиболее ранних и, что характерно, подробных — это уже знакомая нам межевая книга Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553). Она описывает, в том числе, межи угодий[1] путивльских помещиков. В начале XVII века межевание производилось по приметным объектам на местности: рекам, озерам, лесам, логам, отдельным деревьям с нанесенными на них гранями, старинным курганам. Эти описания дают возможность узнать о наличии тех или иных географических объектов в далеком прошлом. С другой стороны, такого рода описания далеко не всегда позволяют локализовать эти объекты на реальной местности.

К примеру, приведем фрагмент описания межи пустоши Клепальское городище[2]: «А верх логу Печковского дуб кудрява, на нем грань; да от верховья Печковского логу и от дуба прямо полем на курганцы; а от курганцов на березы, что березы на диком поле; на одной березе грань; да от тех берез береза плотава, а на березе грань; от тое березы на ко́лки[3]; а против колка дуб кудрева, а на нем грань; от того дуба прямо на ложек, что вышел от большого Клепальсково логу». Межевыми знаками (объектами) здесь являются деревья (березы и дубы), курганцы, ко́лки. Именно по этому описанию межи был составлен известный нам чертеж окрестностей деревни Клепало 1685 года (рис. 1). Здесь изображен участок земли, именуемый «Земля Зинова Панова» (этот помещик владел этими землями в конце XVII века). Как мы видим, некоторые деревья межи 1628 года к 1685 году уже не существовали. На чертеже указаны три места, на кото-

Рис. 1. **Земля Зиновия Панова на чертеже 1685 года**

[1] Угодье – место, территория как объект сельскохозяйственного использования или как место охоты (лес, озеро, поле, болото). Лесные угодья. Земельные, водные, болотные угодья. Охотничьи угодья (*Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/).

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 907–908.

[3] Колóк – небольшая роща, перелесок.

рых были эти деревья: «был дуб». С другими объектами тоже не легче, поскольку по понятной причине ни одного из них на сегодня нет на местности: дуб кудрявый[4] в верховье Печковского лога, курганцы в поле (на чертеже изображено три кургана); березы (в том числе береза плотава[5]), колки, против них еще один дуб «кудрева». Ни описание межи 1628 года, ни чертеж не позволяют их локализовать.

Следующее межевание этих земель состоялось в июле 1685 года. Межа была описана в писцовой и межевой книге писца Семена Муромцева 1684 и 1686 годов[6]. К этому времени техника межевания заметно продвинулась вперед. В качестве межевых знаков теперь, наряду с деревьями, стали использовать межевые столбы. На каждом столбе было две грани: одна указывала направление на предыдущий межевой знак, а вторая — на последующий. В нескольких метрах от каждого столба копались по две межевые ямы, указывающие те же направления. Расстояние между межевыми знаками измеряли мерными веревками или металлическими цепями. Наличие измеренных расстояний между этими знаками позволило локализовать некоторые из объектов. Но не все.

Рассмотрим начало этой межи[7]: «А межа той Зеновьевой поместной земли от дуба, что дуб стоит на косогоре, от реки Семи в восьмидесят саженях ниже устья Клепальского озера подле боярачка, на нем грань. А от той грани вверх рекою Семью да Клепальского озера. И вверх Клепальским озером да усть Печковского логу, да дуба, что стоит в бояраке в Печковском логу тысеча сажень. На нем грань, против грани яма. И от той грани и от ямы вверх Печковским логом да дуба з гранью, что стоит на косогоре. А та грань межеванья писца Петра Мусорского да подьячего Гаврила Федорова 136 (1628) году и 137 (1629) году поновлена вновь. Против новой грани яма. И от той грани и от ямы прямо на гору полем на курганцы, что в той же писцовой книге написаны, до столба сто шестьдесят сажень. На нем грань, против грани яма». Итак, межа начинается ниже (по течению реки Семи) устья озера Клепало, в 80 саженях[8] от него. На этом месте стоял дуб на косогоре. От этой точки межа шла до устья Печковского лога и далее вдоль лога до дуба с гранью (что стоит на косогоре). Эта грань была рублена Петром Мусоргским в 1628 году. Длина этого участка составляла 1000 саженей (2160 м). А от этого дуба до курганцев 160 саженей (346 м). Крайними точками этой межи являются с одной стороны дуб, что стоит на косогоре в 80 саженях от устья озера Клепало (начало межи), а с другой стороны — дуб Петра Мусорского в Печковском логе (конец отрезка в 1000 сажен). Проблема локализации положения устья озера Клепало в XVII веке выглядит нерешаемой, поскольку, во-первых, самого озера давно уже нет, и, во-вторых, это устье в течение столетий постоянно меняло свое местоположение ввиду сильного течения реки Сейм и извилистого ее русла в этом месте. Точно то же касается и дуба «в бояраке[9]» Петра Мусорского, поскольку его тоже давным-давно нет.

Чтобы решить проблему, обратимся к еще одному, более позднему, описанию этого же участка межи — к отказной книге на вотчинные земли Василия Иванова сына Черепова 1694 года. Здесь описана межа соседнего с Клепальским поместья Василия Черепова на речке Выжлице (в районе современного села Карпиловка). Книгу 1685 года временно оставим. Участок межи по Печковскому логу у Василия Черепова был общим с Зиновием Пановым. Эта межа начиналась в устье Печковского лога[10]: «Межа той пустоши по устья в Печковском логу меж лесу на дубу вновь положена грань, против грани яма. А от того дуба з гранью и от ямы вверх водотоком Печковским логом и лесом черным. И от лесу тем ж Печковским логом и водотоком до столба, что поставлен вновь на повороте вершины, триста тритцать семь сажень, на столбу две грани. Против грани яма. А от того столба и от ямы налево ж логом и вершиною да пня дубового, на котором дубу была грань Петра Мусорского 136 (1628) и 137 (1629) годов, сто сорок два сажени. А подле того дубового пня по левую сторону поставлен вновь столб, на нем грань, против грани поновлена старая яма. А от того дубового пня и от столба и от ямы прямо на гору через дорогу Вирскую, что ездят из Путивля на Вирь, да кургана сто дватцать сажень».

[4] Кудрявый – покрытый пышной зеленью, ветвистый.

[5] Плотавый – имеющий раздваивающийся ствол.

[6] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369.

[7] Там же. Л. 65 об. – 66.

[8] В это время сажень равнялась 2,16 м.

[9] Боярак – буерак, овраг, рытвина.

[10] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 93 об. – 94.

Рис. 2. **Межа Зиновия Панова от устья озера Клепало до трех курганцев**

В этом описании указаны расстояния между межевыми знаками на участке от устья Печковского лога до трех курганов (здесь указан уже только один курган): 337+142+120 = 599 саженей (1294 м). И, что очень важно, указан характерный изгиб Печковского лога, существующий и сегодня. В этом месте в 1694 году был установлен межевой столб. Дана также ссылка на межевой знак 1628 года — дуб. В книге 1685 года о нем сказано: «да дуба з гранью, что стоит на косогоре. А та грань межеванья писца Петра Мусорского да подьячего Гаврила Федорова 136 (1628) году и 137 (1629) году поновлена вновь». В 1694 году от него остался только пень: «… да пня дубового, на котором дубу была грань Петра Мусорского 136 (1628) и 137 (1629) годов». В качестве реперной точки используем место в изгибе Печковского лога, где в 1694 году был установлен столб. От этого столба до пня дуба Петра Мусорского 142 сажени (307 м), а до трех курганцев 142+120 = 262 сажени (566 м). Это позволяет более-менее точно локализовать и этот пень, и три курганца. Участок межи между пнем и тремя курганцами пересекала старинная Вирская дорога: «А от того дубового пня и от столба и от ямы прямо на гору через дорогу Вирскую, что ездят из Путивля на Вирь». Таким образом, анализируя приведенные выше фрагменты описания межи 1628, 1685 и 1694 годов, удалось реконструировать участок от устья Печковского лога до трех курганцев, а также точку рядом с курганцами, где проходила Вирская дорога. Найденное положение дуба Петра Мусорского позволяет также локализовать устье озера Клепало по состоянию на 1685 год. Для этого достаточно по меже «отмотать» от пня в изгибе Печковкого лога 1000 саженей на север по Печковскому логу, к его устью, и далее на запад, вдоль озера Клепало до его устья. Результат реконструкции представлен на рис. 2)[11]. Межа здесь показана красным цветом.

Наименование дороги (Вирская) указывает на то, что она вела на речку Вырь, в угодья путивльских помещиков. Смею предположить, что в еще более древние времена эта дорога вела из Путивля в летописный город Вырь[12]. На чертеже 1685 года эта же дорога пересекает верховья Клепальского лога. Заметим характерную форму этого лога: он имеет в верховьях два отвершка (рис. 1). Эта же его форма видна и на современной местности (рис. 2).

Дополнительно отметим, что в описании межи Василия Черепова 1694 года указано, что Печковский лог был покрыт «черным» лесом. В словаре В.И. Даля[13] приводится термин «чернолесье» — лиственный лес, противоположный хвойному: дуб, ясень, осина, осокорь и т. д. Возможно, кроме липы и березы. В Печковском логе был водоток. То есть в его вершине был колодезь (источник воды), скорее всего, не такой мощный, как Клепальский, поскольку он упоминается только в одном документе — отказной книге Василия Иванова сына Черепова 1659 года[14]: «Да колодезь Большой Клепальской под городищем, да колодезь ниже Большого Клепальского колодезя впал устьям в озеро Клепала, <…> да выше Клепала колодезь меловой, да колодезь Печковской».

[11]На этом рисунке озеро Клепало имеет вид, представленный на специальном плане 1782 г. Исследование его формы в разное время будет определено позднее. Река Семь показана в современном русле и в русле конца XVIII в.

[12]В разд. 1.1.2 были представлены краткие результаты археологических раскопок на Вирском городище.

[13]*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net

[14]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 20–21.

Теперь попробуем пройти от трех курганов далее по меже Зиновия Панова 1685 года. Вот фрагмент описания следующего участка (наберитесь терпения): «И от тех курганцов и от столба прямо до столба сто шестьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. А от того столба и от ямы прямо полем до столба сто шестьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. И от того столба и от ямы прямо до столба сто шестьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. И от того столба и от ямы прямо полем до столба сто шестьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. И от того столба и от ямы прямо полем да дуба, что стоит в лошку, сто дватцать две сажени, на нем грань, против грани яма. И от того дуба и от ямы прямо лошком и полем до столба сто шестьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. И от того столба и от ямы прямо до столба сто шестьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. И от того столба и от ямы прямо через ложок да дороги, что ездят со Псла и от Тернов в Путивль до столба, что в вершине лошка, двести сорок сажень, на нем грань, против грани яма». От трех курганов до некоей дороги, что ездят «со Псла и от Тернов в Путивль», перечислены участки межи с семью столбами и одним дубом, без какой-либо привязки к местности, что делает задачу реконструкции совершенно невыполнимой, поскольку не указаны углы направлений между соседними линиями межи. Ввиду этого этот участок межи Зиновия Панова пока придется оставить. Выручает то, что эта межа в точности сохранилась вплоть до начала XX века. Рассмотрим уже известный нам геометрический специальный план Путивльского уезда села Клепалы[15] 1782 года (далее — план села Клепалы). При его составлении уже использовалась астролябия — инструмент для измерения углов на местности. Кроме того, здесь точно указаны стороны горизонта. Линии между столбами измерялись при помощи десятисаженных цепей и более мелких деревянных мерных инструментов.

Суммируя расстояния на меже Зиновия Панова 1685 года и на меже плана села Клепалы 1782 года, приходим к выводу о том, что это одна и та же межа. Это было также показано в 1788 году в рамках спорного дела между помещиками «О дачах Выгорева городища»[16]. Имеется определение {решение} Курской межевой конторы, в котором сказано, что в рамках спора была измерена длина круговой межи села Клепалы 1782 года. Эту длину сравнили с длиной межи Зиновия Панова 1685 года. В результате оказалось, что «всего той окружной межи мерою четыре тысечи пять сот восемдесят три сажени. Подлинному же межеванию и по безспорному ассесора Гомалея[17] поверенных оному селу Клепалам отводу по плану явилось четыре тысечи шесть сот осмьнатцать сажень, а по тому нынешнее то владение писцовую окружную межу превосходит только тритцатью пятью саженями. Следовательно, таковое малое во всей округе против прежней писцовой межи излишество явилось потому, что предписанной Гомалей отвод свой делал точно по тому прежнему межеванию и з границ владения своево не выходя». Вернемся к плану села Клепалы 1782 года. На рис. 3 показана полная окружная межа. Начинается она от точки A (на севере, в центре). Затем идет вверх по реке Семи вдоль озера Клепало[18] до Печковского лога (точка B, справа в центре). Далее поворачивает на юг, где пересекает дорогу в город Белополье[19], и идет до оврага Пристенок (точка D). Затем на запад вдоль оврага до дороги в город Ромны (точка E). Это та самая дорога, которая указана в описании межи Зиновия Панова «что ездят со Псла и Тернов в Путивль». По этой дороге межа идет на северо-запад, по дороге в Путивль до точки F. На последнем своем участке от этой точки поворачивает направо и по ломаной линии идет до начальной точки A.

В точке, где Белопольская дорога касается вершины Печковского лога, в книге № 10553 1628 и 1629 годов были указаны три кургана. В этом же месте и далее на восток Белопольская дорога совпадала с Вирской дорогой. В противоположном направлении (к Путивлю) Белопольская дорога резко сворачивает на юго-запад к дороге в город Ромны. Этот ее участок был построен, скорее всего, в середине XVIII века. Село Клепалы к этому времени значительно выросло, и Вирская дорога уже находилась в его черте. Ввиду этого была построена объездная дорога, а Вирская дорога была застроена усадьбами или распахана.

[15]РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. К-24 (синий). Клепало село.

[16]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 93 – 93 об.

[17]Михаил Иванович Гамалея, в то время помещик села Клепалы.

[18]На плане указано подправленное название озера – Клепалы. (*Прим. авт.*)

[19]Это место, где находились три курганца в 1628 г., а сама дорога тогда называлась Вирской.

Рис. 3. **Межа земель села Клепалы на плане К-24. 1782 г.**

Рис. 4. **Овраг Пристенок на генеральном плане 1785 г.**

Что касается дороги в Ромны, то в переписной книге 1685 года (№369) она именуется Псельской. В точке E (рис. 3) находился межевой столб межи Зиновия Панова[20]: «И от того столба и от ямы прямо через ложок да дороги, что ездят со Псла и от Тернов в Путивль». В отказной книге Василия Черепова 1694 года приводится дополнительное описание этой дороги[21]: «Да дороги, что езживали ис Путивля на Псел в бортные ухожья. А ныне {1694 год} ездят на пещаной брод через реку Сулу в Недрыгайлов ив Терновскую слободу».

Для дальнейшей реконструкции межи 1685 года на участке от трех курганцев до Псельской дороги нам необходимо локализовать овраг Пристенок, показанный

[20]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 66 – 66 об.
[21]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 94 об.

на плане села Клепалы 1782 года, внизу, между точками D и E (рис. 3). Он берет начало у Псельской дороги, а где заканчивается — этого не видно. Для локализации оврага обратимся к геометрическому генеральному плану города Путивля и его уезда 1785 года[22]. Здесь он также поименован. На представленном фрагменте (рис. 4) показано, что овраг имеет устье в западной части деревни Карпиловки, а верховья расположены рядом с Псельской дорогой. Теперь рассмотрим эту местность из космоса. Этот овраг прекрасно виден. Результат его реконструкции показан на рис. 5. Пристенок своим устьем впадает в речку Чашу в южной части села Карпиловка.

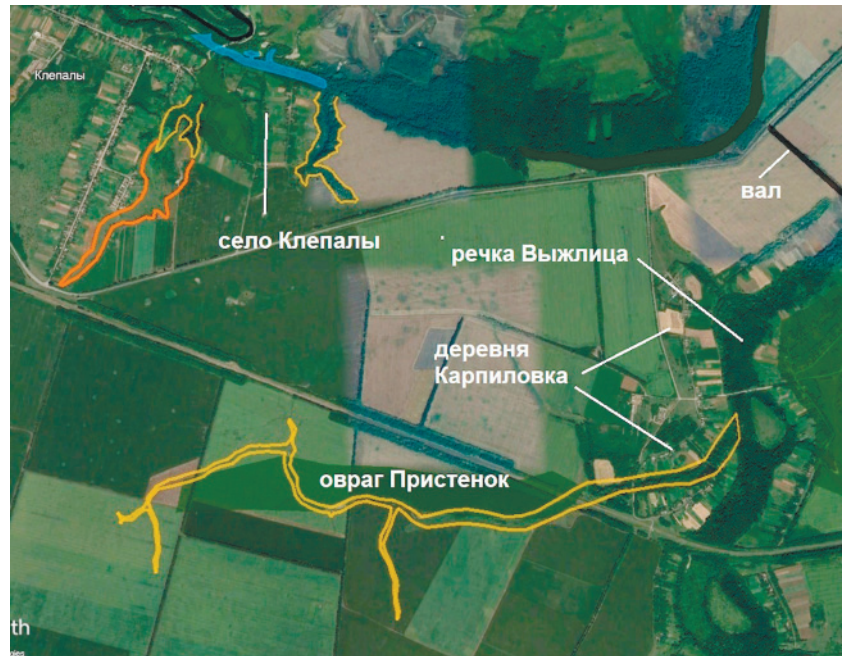


Рис. 5. **Овраг Пристенок на современной местности**

Разберемся с названием этого оврага. В словаре русского языка XI–XVII веков дается следующее определение[23]: «Пристенок — лес, примыкающий к круче». Стало быть, название оврагу дал лес, который примыкал к его когда-то крутым берегам. И действительно, в документах XVII века в этом месте указан не овраг, а лес-пристенок. К примеру, в книге № 10553 1628 и 1629 годов при описании «порожжих» земель сказано[24]: «За рекою за Семью вверх речки Выжлицы под лесом под пристенком». Стало быть, в начале XVII века на крутом краю этого оврага действительно рос лес. На меже, описанной в этой же книге, указаны также колки — небольшие рощи, которые были на северной стороне этого оврага.

Этот лес-пристенок был полностью вырублен в первой половине XVIII века. Это указано в жалобе генерал-майора Гаврилы Петровича Черепова, в 1764 году, в рамках спорного дела с клепальским помещиком Иваном Андреевичем Гамалеей, владельцем этих земель. Г.П. Черепов оспаривал право владения И.А. Гамалеи этими угодьями и подсчитывал убытки, которые последний ему нанес. Вот что пишет по этому поводу поверенный Гаврилы Петровича подпоручик А.П. Арцыбашев[25]: «… А особливо деревни Карпиловке в пристенке с саженным садом издавно рощенай, годной к хоромному строению дравяной лес без остатку вырубил, чем причинил ему, генерал-майору, убытки на пять сот рублев». То, что пристенок — это лес, в XVII веке было очевидно для всех. В других источниках также упоминается пристенки, как леса, растущие на обрыве. Например, в отказной книге братьев Череповых 1650 года[26]: «Да усадьба ж к озерку Глушицы, да в пристенке к озерку Глушицы пасечное место». Этот лес рос на крутом склоне, у Выгорева городища, к озеру Глушица. В знакомой нам отказной книге Василия Черепова 1694 года также указан лес-пристенок[27]: «За реку за Семь вверх речки Выжлицы, под лесом пристенком, меж Печковского логу и валу с урочищи, что ныне деревня починок Красной Слободы[28]». Здесь имеется в виду лес, растущий на крутом склоне к реке, идущем от Вирской дороги к долине реки Семи, в промежутке между валом[29] и Печковским

[22]Геометрический генеральный план города Путивля и его уезда 1785 г. URL: https://oldmaps.ru/ (19.07.2012).
[23]Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 20. С. 35.
[24]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 441 об.
[25]РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 669. Л. 1.
[26]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 8.
[27]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 91.
[28]Старое название деревни Карпиловки.
[29]Этот вал упоминался в разд. 1.1.1.

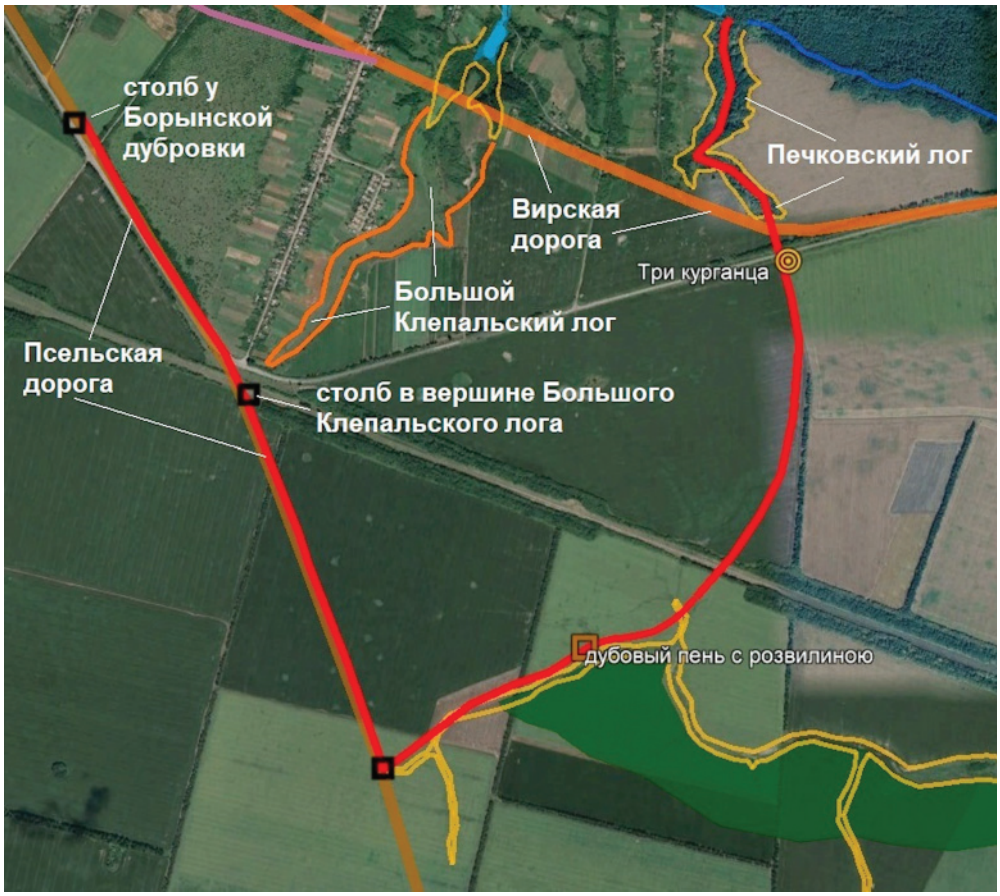


Рис. 6. **Реконструкция межи Зиновия Панова от трех курганцев до Псельской дороги. 1685 г.**

логом (см. рис. 5). Еще один пристенок находим в отказной книге Ивана Иванова сына Масалитинова 1694 года[30]: «Да селище к озеру к Дечи. Да пасечное место в лесу пристенку пониже Часского городища».

Итак, опираясь на описание межи 1685 года и используя данные об углах между линиями межи, содержащиеся в планах конца XVIII века, реконструируем на местности участок межи от трех курганцев до Псельской дороги. Результат представлен на рис. 6. Ломаные линии этой межи представляют собой участки между соседними межевыми столбами. Длины этих линий соответствуют расстояниям, приведенным в книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369). Направления линий межи соответствуют азимутам[31], приведенным на планах XVIII века. Полное описание этого участка было приведено выше. Межа Зиновия Панова 1685 года шла по приметным деревьям и столбам вдоль оврага Пристенок, но не доходила до него. По этой причине овраг здесь не упоминается.

Итак, мы остановились на межевом столбе, расположенном на Псельской дороге. Далее межа поворачивала круто направо и шла вдоль Псельской дороги: «От того столба, поворотя вкруте направо Псельскою дорогою да вершины до Клепальского Большого логу и до столба семьсот сажень, на нем грань, против грани яма». Направление дороги определяется соответствующим азимутом[32] (см. рис. 3). Через 700 сажен (1512 м) межа приходит к столбу, установленному в вершине Большого Клепальского лога. Затем она сворачивает на Путивльскую дорогу: «И от той грани и от ямы, едучи к Путивлю тою ж дорогою, переехав лощину, что та лощина пошла в Борынские дубровки, до столба пятьсот восмьдесят сажень, что стоит подле той дороги на косогоре, на нем грань, против грани яма». Таким образом, через 580 саженей (1253 м) межа приходит к столбу у лощины, которая уходит в Борынские дубровки[33] (рис. 6).

[30]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10565. Л. 936.

[31]Азимут – угол, образуемый заданным направлением движения и направлением на север. (*Прим. авт.*)

[32]Здесь азимут составляет 16°.

[33]Локализация Борынских дубровок будет произведена позднее.

Рис. 7. **Конечный участок межи Зиновия Панова на плане дач К-24 села Клепалы. 1782 г.**

Теперь приступим к локализации последнего участка этой межи. Вот его описание: «И от той дороги, поворотя направо полем до столба сто шестьдесят сажень (346 м), на нем грань, против грани яма. И от того столба и от ямы прямо полем до столба сто шестьдесят сажень (346 м), на нем грань, против грани яма. И от того столба и от ямы прямо полем да кургана и до столба сто пятьдесят сажень (324 м), что тот курган написан в меже же писца Петра Мусорского да подьячего Гаврила Федорова 136 (1628) году и 137 (1629) году, на нем грань, против грани яма. И от того столба и от кургана и от ямы через дорогу Вирскую, что ездят на Вирь, до столба сто сажень (216 м), на нем грань, против грани яма. И от того столба и от ямы прямо да дуба, что почета межа, розвиловатого, что стоит подле отвершка на косогоре, сто семдесят один сажень (369 м), на нем грань. И от того дуба да речки Семи восмьдесят сажень (173 м)». Межа от столба у Борынских дубровок поворачивает направо. Ее локализация на основании этого описания невозможна. Форму этого финального участка рассмотрим на том же плане села Клепалы 1782 года (рис. 7). Здесь это участок FGA (литера G добавлена мной для удобства). Эти земли в документах XVII и XVIII веков называлась Диким полем[34]. Точка F соответствует месту, где в 1685 году был столб у лощины, «что та лощина пошла в Борынские дубровки».

Форма ломаной линии FGA остается загадкой. В книге 1685 года не указан объект ландшафта, который был бы связан с формой этой межи. На этом участке было 5 межевых столбов: три — в точках F, G и A; и два — на отрезках FG и GA. Линия FG интереса не представляет. А вот на отрезке GA в 150 саженях от точки G находился еще один старинный курган «что тот курган написан в меже же писца Петра Мусорского да подьячего Гаврила Федорова 136 (1628) году и 137 (1629) году». Этот курган стоял у Вирской дороги, что позволяет вместе с курганом локализовать еще одну точку этой дороги. Результат представлен на рис. 8. Конкретное положение кургана представлено на рис. 9 (обведено красным кругом).

В конце ломаной линии (рис. 8) был указан дуб розвиловатый[35] в 80 саженях (183 м) от реки Семи. От него межа идет вдоль реки Семи до устья озера Клепало, где и заканчивается.

Итак, исследуя межи клепальских помещиков XVII и XVIII веков, удалось определить следующие объекты на местности начала XVII века:

- озеро Клепало и его устье;
- Большой Клепальский лог;
- Клепальский колодезь;
- Печковский лог;
- Печковский колодезь;
- «черный» лес в Печковском логе;
- три кургана (курганца) на Вирской дороге у вершины Печковского лога;
- курган у Вирской дороги на Диком поле;
- Вирская дорога (фрагмент между тремя курганцами и курганом на Диком поле);

[34]Ранее (см. разд. 1.1.1) Дикое поле было определено как степная территория к югу и юго-востоку от Русского государства, отделяющей его от Крымского ханства. В том числе, все земли к югу от реки Сейм. К Дикому полю относились земли Выгорева и Клепальского городищ, а также земли на речке Выжлице. Исторически сложилось так, что с начала XVII в. земли Дикого поля в окрестностях Клепальского и Выгоревского городищ получили наименования этих городищ. А вот участок между этими городищами по-прежнему (вплоть до начала XX в.) именовался Диким полем. Ввиду этого в дальнейшем при упоминании Дикого поля (если это не понятно из контекста) будем уточнять какие земли имеются ввиду.

[35]Развиловатый (или розвиловатый) – имеющий развилину или развилы – расходящиеся в стороны отростки ствола.

Рис. 8. **Конечный участок межи Зиновия Панова на современной местности**

Рис. 9. **Курган на Диком поле**

Рис. 10. **Вирская дорога на чертеже 1685 г.**

- овраг Пристенок;
- лес-пристенок у оврага Пристенок;
- ко́лки на северной стороне оврага Пристенок;
- Псельская дорога.

Что еще можно сказать об этой местности? Согласно книге 1628 и 1629 годов (№ 10553), в рассмотренных нами окрестностях имелся только один участок земли, который постоянно распахивался и засевался. Это пустошь Клепальское городище. Здесь возделывалось только 60 четвертей (около 30 га), что полностью помещается в участке между Клепальским и Печковским логами, а также Вирской дорогой с юга. Остальные земли, указанные на чертеже Никиты Щекина как «земля Зиновия Панова», не обрабатывались. На них располагались дубравы и сенокосы.

Справа и слева от пустоши Клепальского городища в 1628 и 1629 годах были никем не занятые земли. В книге № 10553 они указываются как «порожжие». В соответствующем разделе этой книги указаны никем не занятые три участка[36]:

- у Выгорева городища — от современного моста через реку Сейм до Выгоревского лога[37] («земли Выгорева городища»);
- между Выгоревским логом и устьем озера Клепало (Дикое поле);
- на речке Выжлице — от Печковского лога и до вала на Выжлице.

Вот как описаны угодья пустоши Клепальское городище в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов[38]: «Пу{стошь} за рекою за Семью Клепальское городище на озере на Клепальском. Дикого поля на пашню добрые земли по обе стороны Клепальсково логу дватцать чети в поле, а в дву по тому ж. Сена по дикому полю и по Клепальскому логу сто копен[39]. Лесу хоромного[40] и дровяного по реке по Семи пять десятин».

Что касается леса, то его остатки можно увидеть на рис. 7 у самой вершины Клепальского лога, немного правее пруда (ставка). Лес также рос вдоль реки Семи, по крутому левому берегу, от озера Клепало до озера Глушица. Он показан на чертеже Никиты Щекина 1685 года (рис. 10). Здесь мы видим реку Семь, Клепальский лог и далее, направо, Вирскую дорогу и курган на Диком поле у этой дороги[41].

Лес показан по крутому левому берегу реки Семи. Правее Клепальского лога лес выходил на ровную местность и доходил до Вирской дороги.

Итак, в результате анализа межи Зиновия Панова 1685 года мы локализовали все указанные при ее описании объекты на местности. Теперь имеется возможность в некоторой степени воссоздать межу поместия Клепальского городища, показанную в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов. Вот ее описание[42]: «Межа пустоши Клепальскому городищу на озере Клепальском Иванову ж поместью Черепова от порожжих земель[43], от реки Семи озеро Клепальское; да в верх озером по Клепальское городище; да от городища по устья Печковского логу; да вверх Печковским логом правая сторона по верховья. А верх логу Печковского дуб кудрява, на нем грань; да от верховья Печковского логу и от дуба прямо полем на курганцы; а от курганцов на березы, что березы на диком поле; на однои березе грань; да от тех берез береза плотава, а на березе грань; от тое березы на колки; а против колка дуб кудрева, а на нем грань; от того дуба прямо на ложек, что вышел от болшого Клепальсково логу; а на верх лошка дуб кудрева; на нем грань; от тово дуба

[36]Порожжие земли – свободные, никем не занятые земли.

[37]Выгоревский лог находится между селами Клепалы и Игоревка, у места, называемого Скели.

[38]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 67 об. – 68.

[39]В то время копна сена была мерой площади сенокосов и равнялась одной десятой доли десятины (редко – одной двадцатой). 100 копен сена – 10 десятин (около 10 га).

[40]Хоромный лес – строительный лес. (*Прим. авт.*)

[41]Здесь имеется несоответствие масштаба на разных участках чертежа. Например, расстояния между Клепальским и Печковским логами и расстояния между Клепальским логом и курганом на Вирской дороге на Диком поле. Причину этого несоответствия определим позднее.

[42]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 907–908.

[43]Знаки препинания мои.

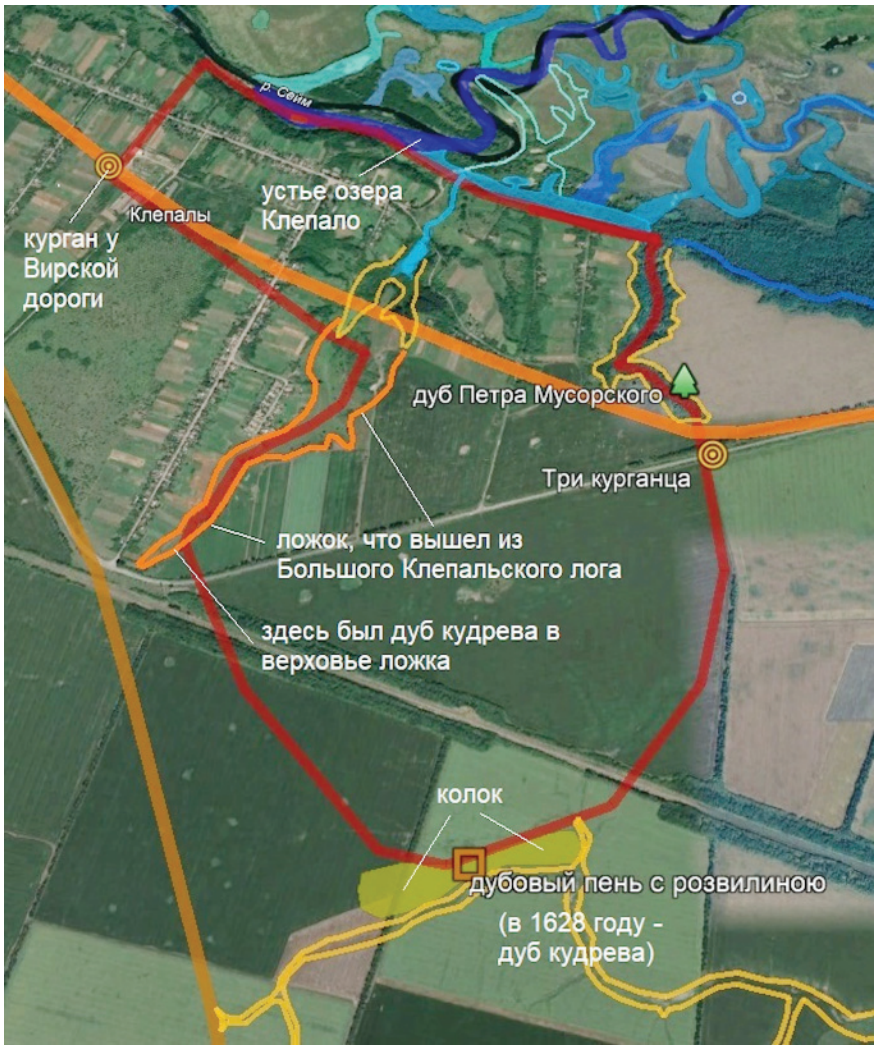


Рис. 11. **Реконструкция межи Клепальского городища 1628 г.**

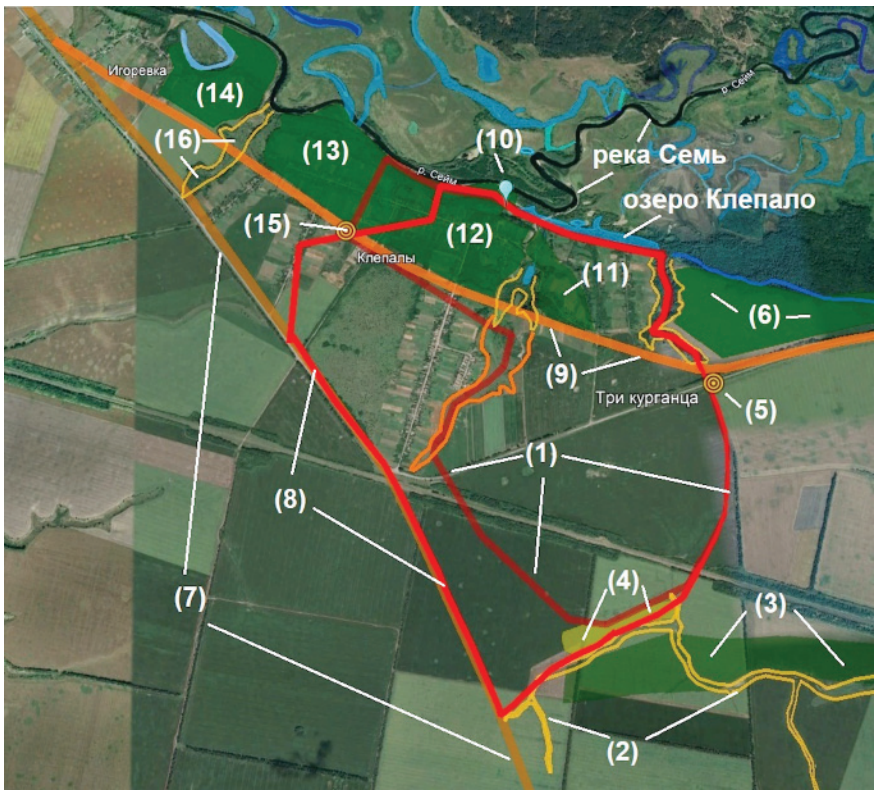


Рис. 12. **Сводная картина географических объектов у Клепальского горожища**

вниз лошком по лог Клепальской; да переехав лог Клепальской на ложок; да вниз ложком на курган, что курган подле Вирскои дороги; да от дороги и от кургана прямо по реку Семь да по устья озера Клепала». Разумеется, что невозможно локализовать на местности дубы и березы (кроме тех, на месте которых в 1685 году были установлены межевые столбы). Однако к этому моменту нам уже известно положение остальных объектов межи: озера Клепало, Печковского лога, трех курганцев у Вирской дороги, колка возле оврага Пристенок, Клепальского лога, кургана на Диком поле у Вирской дороги, устья озера Клепало. Результат реконструкции межи 1628 года представлен на рис. 11. Сама межа показана красным цветом.

На рис. 12 представлена сводная картина объектов в окрестностях Клепальского городища в XVII веке:

(1) межа пустоши Клепальского городища 1628 года;
(2) овраг Пристенок;
(3) лес-пристенок у оврага Пристенок;
(4) колóк;
(5) три кургана у Вирской дороги;
(6) лес-пристенок у Печковского лога;
(7) Псельская дорога;
(8) межа Зиновия Панова 1685 года;
(9) Вирская дорога;
(10) устье озера Клепало;
(11) лес у Клепальского городища;
(12) лес пустоши Клепальского городища;
(13) лес на Диком поле;
(14) лес у озера Глушица;
(15) курган у Вирской дороги на Диком поле;
(16) Выгоревский лог.

Общая площадь угодий, отведенных Ивану Черепову в 1627 году (межа 1), была близкой к 400 гектарам[44]. В то же время в книге № 10553 1628 и 1629 годов сказано, что этому помещику было отведено пахотной земли 20 четвертей в поле (а в дву по тому ж). Всего 60 четвертей (около 30 га). А также сенокосов 100 копен (около 10 га) и леса 5 десятин[45] (около 5 га). Итого, всех угодий — 45 га по современному исчислению. Такая большая разница с фактической площадью поместья была обусловлена тем, что тогда во внимание принимались только готовые к использованию угодья. А они в то время составляли, для этого конкретного случая, только 11% от общего объема природных ресурсов в рамках этой межи. Связано это было с крайне малой численностью населения. Кроме семьи самого помещика, на землях и сенокосах Клепальского городища в начале XVII века трудились еще 1–2 работника.

[44] Инструментарий ресурса Google Earth дает оценку в 405 га.
[45] 1 десятина была равна 1,0925 га.

1.2.2. Борынские дубровки

Рис. 1. **Лощина что пошла в Борынские дубровки**

Впервые Борынские дубровки упоминаются в писцовой и межевой книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369) при описании межи Зиновия Панова в июле 1685 года. На дороге, идущей в Путивль (тогда эта дорога называлась Псельской), указан овражек (лощина), которая своим верховьем подходит под эту дорогу[46]: «…И от ямы, едучи к Путивлю тою ж дорогою[47], переехав лощину, что та лощина пошла в Борынские дубровки[48] до столба пятьсот восмьдесят сажень, что стоит подле той дороги на косогоре». На этом месте был установлен межевой столб (рис. 1).

Стало быть, Борынские дубровки находились слева (западнее) от дороги. Немногим позднее, в 1694 году, состоялось межевание угодий с этой стороны дороги, в окрестностях современного города Бурынь. Детальное описание этой межи представлено в отказной книге попов Андрея и Тимофея Алексеевых детей Почасеевых[49]: «Путивль 202 (1694) году. Книги межевые по челобитью николаевских попов Великорецкого с причетники[50]» (далее — отказная книга Почасеевых).

Эта же межа представлена на чертеже окрестностей города Путивля, 1690-е годы[51] (далее — чертеж), составленном в рамках спорного дела между путивльскими попами церкви Николая Чудотворца Великорецкого Андреем и Тимофеем Почасеевыми и путивльским помещиком Григорием Константиновым с товарищами. На рис. 2 показан фрагмент чертежа, содержащий Борынские дубровки[52]. Стороны света (север, юг и т. д.) не соответствуют принятым сегодня. По этой причине при разборе чертежа мы не будем на них ссылаться. Здесь показаны две межи: межа попов (линия красного цвета) и межа Григория Константинова вокруг деревень Борыней и трех мельниц (линия зеленого цвета). Описание этой межи приведено в отказной книге Григория Константинова и Никиты Булгакова от 29 октября 1693 года[53]. В рамках данного раздела эта межа нам не понадобится.

Справа в центре мы видим речку Чашу и «деревни Борыни» с тремя мельницами. Немногим позднее эти три деревни были объединены в одну — деревню Бурынь. Обратим внимание на наименование деревни. Уже в XVIII веке изначальное название Борыни было немногим изменено приезжими вольными людьми — черкасами — на более приемлемое для них.

В самом низу чертежа находится город Путивль с его церквями и крепостными стенами. Чуть повыше слева направо показана река Семь, на которой имеется Мокшевицкий перевоз (место около современного моста). От перевоза наверх идет дорога из Путивля в Тернову слободу[54] (так написано на чертеже). Дорога пересекает озеро Ослец. Далее от нее отходят две дороги в деревни Борыни.

---

[46]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 66 об.

[47]Знаки препинания мои.

[48]Дубровка, она же дубрава — лиственный лес; чистый лесок, как дубняк, березняк. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[49]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 105–116.

[50]Причéтник – член причта церкви, иначе церковнослужитель; общее название всех клириков, за исключением священника и диакона: дьячков, чтецов, псаломщиков, пономарей и т. д. (*Прим. авт.*)

[51]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Рыльск. Ед. хр. 30165. Л. б/н.

[52]На чертеже север указан на юге, а запад – на востоке. Такое же расположение сторон света имеется и в чертеже окрестностей Клепальского городища 1685 г. Скорее всего, таковы были тогда, в XVII в., правила исполнения чертежей.

[53]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10566. Л. 496 об. – 512.

[54]Слобода – поселение или группа административно связанных между собой поселений, жители которых получали различные льготы и временно освобождались от уплаты налогов и повинностей.

Рис. 2. **Борынские дубровки на плане окрестностей Путивля. 1690-е гг.**

Слева внизу находится земля пустоши Выгорева городища, а также деревня Выгоревка с тремя дворами. Чуть повыше показано село Клепало с дворами и с церковью. Показана дорога из села Клепало в деревни Борыни. Она пересекает дорогу из Путивля в Тернову слободу.

Основную часть рис. 2 занимает долина речки Чаши с многочисленными притоками — оврагами, по которым, как видно, текли более мелкие речки и ручьи. Обратим внимание на то, что практически все овраги имели свои водотоки. На чертеже они окрашены в голубой цвет. В центре, вертикально снизу вверх, имеется надпись: «Борынские дубровки».

Первый («починный») столб межи Почасеевых находится в месте, где межа пересекает речку Чашу. На рис. 2 это место обозначено литерой (А). Речка в то время впадала в озеро Ослец. В ее устье справа показана деревня Лухтовка[55] и, чуть правее, Чаское городище. Слева от устья находится Ослецкое городище.

Межа от первого столба (А) идет влево, далее вверх и направо, обходя Борынские дубровки. В этом месте имеется надпись: «Земля диких поль, что дьяк Илья Колпаков отмежевал никольским попам». Через 12 промежутков, обозначенных столбами, деревьями и тремя курганами, мы попадаем в ту самую лощину, указанную в книге Зиновия Панова 1685 года, «что пошла в Борынские дубровки» (см. рис. 1). На чертеже эта точка обозначена литерой (Б). Сама лощина окрашена в коричневый цвет, то есть она не имела водотока. Имеется надпись о расстоянии от починного столба (А) до этого ложка (Б): «От речки Чаши и от первова столба и до лошка 3364 сажень». Изображение этого участка межи на чертеже полностью совпадает с его описанием в отказной книге Почасеевых.

Чтобы не утруждать читателя излишним количеством столбов и ям, приведем два отрывка из описания этой межи в отказной книге попов Почасеевых: первый — ее начало, и второй — у ложка. Вот описание начала межи[56]: «Подле Борынской дубровы и речки Чаши, а Борынская речка та ж[57], и меж Борынской дубровы и пустоши Ослецкого городища в одиннатцати саженях поставлен столб. На нем грань, против грани яма. А от того столба и от ямы прямо подле пустоши Ослецкого городища до столба триста сажень, на нем грань, против грани яма. А от того столба и от ямы прямо до столба триста сажень, на нем грань, против грани яма. А от того столба и от ямы до столба ж и до дороги, что ездят ис Путивля от Мокшевицкого перевозу в Борынские дубровки ив слободки Борынские николаевских попов Андрея да Тимофея Почасеевых с причетники, триста девять сажень, на столбу грань, против грани яма». Здесь упоминается Мокшевицкий перевоз (тот же, что и на чертеже). В старину это было урочище Мокошевичи. В XVII веке моста здесь не было, но была паромная переправа (перевоз).

А вот описание конечной части этого участка: «А от того дуба и от ямы до столба что под ложком блиско дороги Мокшевицкие[58], что ездят ис Путивля в Терновую слободу, двести пятьдесят два сажени. На нем грань, против грани яма. На правой стороне к речке Чаше, а Борынская речка та ж, что промеж Борынских дубровак в церковной николаевской даче бортной ухожей и сенные покосы, и хоромной, и дровяной лес, и земля Николая Чюдотворца Великорецкого попов Андрея да Тимофея Почасеевых с причетники, а по левою сторону земля пустошь Ослецкого городища». Здесь содержится краткое описание Борынских дубровок. А именно указаны:

- бортный ухожей — лес, в котором были деревья с бортями[59], из которых собирали дикий мед;
- сенокосы;
- хоромный (строительный) и дровяной лес.

Если же сосчитать перечисленные в отказной книге Почасеевых расстояния между столбами (12 промежутков) — от первого столба (А) и до столба у ложка (Б), то получим те же 3364 сажени, которые указаны на чертеже: 300 + 300 + 309 + 300 + 210 + 263 + 330 + 300 + 300 + 300 + 200 + 252 = 3364 (сажени).

Необходимо отметить, что в этом месте Борынские дубровки не подходили вплотную к Мокшевицкой (Путивльской) дороге, но были рядом с ней. На окраинах дубровок находились приметные на местности отдельные деревья с гранями, курганы и столбы, которые являлись межевыми знаками. С локализацией этой межи возникают те же проблемы, что и с межой Зиновия Панова 1685 года, поскольку в то время не указывались значения углов между смежными линиями. Ввиду этого точное воспроизведение этой межи на современном ландшафте невозможно[60]. Локализуем несколько реперных точек, которые возможно

[55]Позднее эту деревню поглотило село Красная Слобода.

[56]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 108–109 об.

[57]В описании межи попов Почасеевых речка Чаша называется также речкой Борынской.

[58]В этом источнике дорога имела наименование перевоза – Мокшевицкая. В других источниках (например, книга № 369 Семена Муромцева 1684 и 1686 гг.) эта дорога называлась Псельской.

[59]Борть – дерево с дуплом, в котором водятся дикие пчелы.

[60]Автор не располагает планами специального межевания этой местности в 80-х гг. XVIII в.

определить более-менее точно. Далее проведем между ними ломаную линию с учетом данных о длине отдельных участков. Таким образом определим приблизительные контуры Борынских дубровок.

Первая из точек — начало межи (А). В отказной книге Почасеевых сказано: «Подле Борынской дубровы и речки Чаши, а Борынская речка та ж, и меж Борынской дубровы и пустоши Ослецкого городища в одиннадцати саженях (23,76 м) поставлен столб». На чертеже этот столб показан практически на берегу речки где-то между Ослецким городищем и северо-востоком современного села Червона Слобода. Как мы видим, приведенное описание не дает точного положения «починного» столба.

Вторая точка — (Б). Межевой столб в этой точке, согласно отказной книге Почасеевых, находился «под ложком блиско дороги Мокшевицкие, что ездят ис Путивля в Терновую слободу» и выходил на Мокшевицкую дорогу. Как было сказано выше, в этом же месте находился известный нам столб межи земель Клепальского городища межевания писца Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (книга № 369). Ранее этот столб был точно локализован (см. разд. 1.2.1). Это позволяет более точно локализовать «починный» столб. Как было указано ранее, на чертеже имеется надпись: «От речки Чаши и от первова столба и до лошка 3364 сажень». Таким образом, для локализации надо отсчитать вдоль межи Почасеевых обратное расстояние в 3364 сажени (7266 м)[61].

На меже между точками (А) и (Б) на чертеже (рис. 2) мы видим три кургана. Суммируя расстояния между соседними столбами (они все указаны в отказной книге Почасеевых), получаем следующие расстояния: от первого столба до первого кургана — 1419 саженей (3065 м); до второго кургана — 1682 сажени (3633 м); до третьего кургана — 2012 саженей (4346 м). Следуя от «починного» столба (точка А), последовательно локализуем эти курганы.

На чертеже показана также дорога «что ездят ис Путивля от Мокшевицкого перевозу в Борынские дубровки ив слободки Борынские» (см. рис. 2). Она пересекает межу между 4-м и 5-м столбами. То же указано и в отказной книге Почасеевых. Две другие дороги, показанные на чертеже, в отказной книге не упоминаются. Поэтому рассмотрим только первую из дорог, указанную в обоих источниках. Расстояние от первого столба до этой дороги (по отказной книге) составляет 909 саженей (1963 м). На реальной местности эта точка находится на дороге, показанной на Трехверстной карте 1869 года (лист 20-12)[62] (рис. 3). Это дорога от Мокшевицкого перевоза в деревню Бурынь. Она существует и сегодня. Здесь же показаны два кургана у деревни Выгоревки, но они не имеют отношения к теме данного раздела и будут рассмотрены позднее.

Рис. 3. **Дорога от Мокшевицкого перевоза в село Бурынь на карте 1869 года**

Результат локализации межи Почасеевых между точками (А) и (Б) показан на рис. 4. Сама межа показана черным цветом. Локализованы также три кургана на этой меже и близлежащие дороги того времени: от Мокшевицкого перевоза в деревни Борыни, Псельская дорога (дорога в Тернову слободу), Вирская дорога с известным нам курганом на Диком поле (см. разд. 1.2.1). Форму этих дорог примем здесь на веру. Дороги и курганы на них будут детально описаны позднее.

[61] Позднее, при описание старинного вала на речке Чаше, положение «починного» столба будет локализовано более точно.

[62] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/20-12/ Путивль. (01.08.2011).

Рис. 4. **Реконструкция межи попов Почасеевых до речки Чаши**

Продолжим следовать по меже Почасеевых (рис. 2) от столба (Б) до точки (В). В этом месте межа пересекает речку Чашу в ее верховьях. Вот описание этого участка в отказной книге Почасеевых: «А от того столба {точка (Б)} и от ямы направо вкруте через ложок и долинкою подле Борынские дубровки и сенажатей… до столба, что подле речки Чаши {точка (В)}». Здесь мы видим, что в точке (Б) межа поворачивает резко направо, к речке Чаше. Если просуммировать расстояния между столбами по меже от (Б) до (В), то получим 2711 саженей (5856 м). На этом расстоянии от ложка на Псельской дороге (точка Б) должна находиться точка (В) на берегу речки Чаши, в ее верховьях. В результате на спутниковом снимке мы выходим на речку Чашу в районе современного села Чаша. Результат реконструкции межи от первого столба (А) до столба (Б) и далее — до (В) представлен на этом же рис. 4.

Рис. 5. **Клизренный курган на плане окрестностей Путивля. 1690-е гг.**

Следующей реперной точкой является курган, который на чертеже именуется Клизреным[63] (рис. 5). Это точка (Г) на плане окрестностей Путивля (рис. 2). Вот как описывается участок от точки (В) до этого кургана: «А от того столба и от ямы прямо через речку Чашу, а Борынская речка та ж, на отвершек[64] Борынской речки, что против межевого

[63] Наименование этого кургана, возможно, прочитано не точно. На рис. 5 имеется надпись: «До Клизреног кургана».
[64] Отвершек – ответвление, отрог оврага, реки.

столба и грани. И тем Борынским отвершкам вверх до вершины того отвершка Борынского и до столба тысеча пятьдесят сажень, на нем грань, против грани яма, а от того отвершка и от столба и от ямы отвершком и полем до кургана четыреста пять десят сажень».

Вначале займемся поиском Борынского отвершка речки Чаши[65]. Он должен быть в ее верховьях, на левом берегу. На спутниковом снимке мы видим один такой отвершек (рис. 6). В его вершине находился межевой столб. По отказной книге от этого столба до кургана 450 саженей (972 м). В окрестностях этого столба (с учетом приведенного расстояния) на берегу Чаши находим место, где мог быть курган. Оно указано на этом же рис. 6. Более крупно, на местности, это место мы видим на рис. 7. Расстояние от столба до этого кургана приблизительно 800 м (расхождение 20%), что вполне допустимо с учетом того, что положение реперных точек А, Б и В, равно как и межевого столба в вершине отвершка, определены с некоторой погрешностью.

Рис. 6. **Борынский отвершек**

Рис. 7. **Клизренный курган на современной местности**

Чтобы оценить общую погрешность определения расстояния от столба, что на пересечении межой речки Чаши (точка В) до кургана (точка Г), обратимся к чертежу окрестностей города Путивля. Этот участок межи на нем сопровождается следующей надписью: «От сего столба по граням до Клизреного кургана 2116 саженей (4571 м)». Измерение этого пути на спутниковом снимке показывает длину 4630 м, что близко по значению с указанным на чертеже.

Дальнейшая локализация межевых столбов практически невозможна. В отказной книге Почасеевых и на чертеже мы находим 14 столбов с расстояниями между ними по 300 сажен. Между 14-м и 15-м столбами межа пересекает две дороги Череповские, ведущие из деревень Борыней в деревню Череповка. Прилегающие к меже земли описаны следующим образом: «Земля Диких поль, что дьяк Илья Колпаков отмежевал никольским попам с причетники». Тогда, в 1694 году (год создания отказной книги), это место не было описано детально. Понятно только то, что от Клизренного кургана межа шла на восток в бассейн речки Курицы. В описании межи на этом участке Борынские дубровки не упоминаются.

Итак, по результатам анализа чертежа и отказной книги получаем следующую картину межи и, собственно, приблизительную оценку места нахождения Борынских дубровок (рис. 8). Большая их часть показана зеленым цветом, а малая — желтым. Это связано с тем, что в процессе построения деревень Борыней и прилегающих к ним мельниц часть дубровок была вырублена. Эта вырубка показана на чертеже (рис. 9).

Обратимся теперь к водным объектам в Борынских дубровках. На чертеже указаны многочисленные ручьи и мелкие речки, которые текли в Борынских дубровках по многочисленным оврагам и впадали в речку Чашу. Сейчас невозможно оценить полноводность Чаши и ее притоков в XVII веке, но практически все

[65] Борынский отвершек (отвершек Борынской речки) – это отвершек речки Чаши, поскольку на чертеже и в отказной книге речка Чаша имеет двойное название: Борынская и Чаша.

Рис. 8. **Реконструкция межи Борынских дубровок**

овраги в то время являлись руслами речек. Все это находилось в лиственных лесах с огромными бортными деревьями, вперемежку с сенокосами.

Вся эта красота уже к концу XVIII века была почти полностью вырублена. Приведем краткое описание ландшафта в районе сел Михайловка и Чаша, приведенное в экономических примечаниях к чертежам генерального межевания 1782 года[66]: «Деревня Чаша лежит на берегу речки Чаши, по течении ее на правой стороне. Деревня Михайловка лежит на берегу показанной речки и отвершка безымянного, по течению их на правой стороне и по обе стороны прудов и безымянного отвершка. На речке при селении их запружено по одному пруду. А дачно простирается по берегам показанной речки и оврага Ржавца на правой, а Часкаго отвершка — на левой сторонах, и по обе стороны речки Чаши трех отвершков Чаши и одново безымянного, и при больших дорогах, лежащих из города Путивля в города Белополье и Недрыгайлов. Показная речка в летнее жаркое время против селения и дачи в мелких местах глубиною бывает в четверть аршина (18 см) шириною в полтора аршина (107 см), а овраг и отвершки течения, кроме полой воды, не имеют. Земля грунта черноземного». Как видно из этого отрывка, ни о какой дуброве речь уже не идет. Она вырублена, земля распахана, речка обмелела.

Рис. 9. **Вырубки в Борынской дубровке. План окрестностей Путивля 1690-е гг.**

От мелких речек и ручьев остались только родники (ключи), которые бьют из-под земли и сегодня. Воды они посталяют, конечно, гораздо меньше, чем ранее, но, тем не менее, в течение столетий они перегораживались многочисленными запрудами для водопоя скота. До сих пор на космическом снимке видны многочисленные мелкие плотинки (гребли) на мелких и крупных оврагах. На рис. 10 реконструированы овраги в долине речки Чаши. Вокруг города Бурыни, не считая крупных в самом городе, насчитывается более тридцати мелких плотин. Серыми кружочками обозначены курганы.

К сожалению, на картах XVIII — начала XX века найти названий всех оврагов не удалось. Вот только некоторые из них: на запад от Бурыни — Обод (севернее) и Рудка (южнее); овраг Глубокий, который подходит под дорогу, ведущую в Путивль; в речку Чашу впадает его отвершек Чашский; на запад, через речку, овраг Волуженский; овраг Ржавец идет на юг от Михайловки.

Наиболее позднее изображение Борынских дубровок находим на геогностической[67] карте 1837 года[68] (рис. 11). Здесь мы видим речку Чашу. В ее устье, на западе, показаны две запруды. Это мельницы. Они находились в селе Бурынь. Вверх по течению видим еще две запруды — в деревнях Михайловка и Чаша. Там мельниц не было — запруды создавались для водопоя скота. Правее от деревни Чаша, в восточной части, видна еще одна запруда. Она находилась на речке Выжлице, у деревни Карпиловки, на ней находилась мельница. Севернее запруд в деревнях Михайловка и Чаша мы видим небольшой лесной массив. Это все, что осталось от Борынских дубровок по состоянию на 1837 год. По оценке — менее одной десятой части от той дубравы, которая была здесь в начале XVII века и простиралась от верховий речки Чаши на востоке до ее устья на западе, и от Псельской дороги на севере до речки Курицы на юге.

В заключение обратимся к вопросу о заселении трех слободок (деревень) Борыней в конце XVII века. Автор не занимался детально историей города Бурыни, но, поскольку в отказной книге попов Почасеевых

[66] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 160–160 об.
[67] Геогностика – синоним слова «геология». (*Прим. авт.*)
[68] РГИА. Ф. 1488. Оп. 2. Д. 462.

Рис. 10. **Гребли на месте Борынских дубровок**

Рис. 11. **Борынские дубровки на геогностической карте 1837 г.**

имеется краткое описание этих слободок, считаю нужным изложить этот материал.

Итак, на чертеже окрестностей Путивля показаны три деревни. Имеется надпись: «В деревнях Борынях живут пришлые вольные люди черкасы повольно».

В отказной книге Почасеевых дано более-менее развернутое их описание[69]: «В укольном[70] же в церковном Николаевском в ружном[71] бортном ухожью меж Борынских дубровак на речке на Чаше, а Борынская речка та ж, их, николаевских попов Андрея да Тимофея Почасеевых, новопоселенные слободки.

[69] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 117–118 об.

[70] Укольный – от слова «укол» – пай, часть, доля. (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net).

[71] Ружный – от слова «руга» – пособие, даваемое церковному причту или монастырю от государственной власти, от землевладельца или от местного населения. Этот бортный ухожей был дан путивльским попам от государства в ругу.

Слобода попа Андрея Почасеева. А в той слободке ево попов Андреев двор. Да за ним же, попом Андреем, живут дворами бобыли, вольные люди, прихожие из-за Днепра черкасы, повольно. Да против той слободки, ево попа Андреяна, на речке на Чаше, а Борынская речка та ж, промеж Борынских дубровак мельница. Да на Борынском отвершке, что идет из Борынской дубровы, ево ж Андреева мельничная платина недостроена.

Слободка новопоселенная попа Тимофея Почасеева. А в той слободке ево попов Тимофеев двор со всяким дворовым строением. Да за ним же попом Тимофеем живут дворами бобыли, вольные люди, прихожие из-за Днепра, черкасы повольно. Да пониже той ево поповой Тимофеевой слободки на речке на Чаше, а Борынская речка та ж, мельница.

Да выше {скорее — ниже?} той же ево поповой Тимофеевой слободки на той же на речке на Чаше, а Борынская речка та ж, другая ево ж попова Тимофеева новопоселенная слободка вобче с попом Андреем и племянники. А в той ево слободке живут за ними, попами с причетники, прихожие из-за Днепра вольные люди, черкасы повольно. Да пониже той их поповой обчей новопоселенной слободки на речке на Чаше, а Борынская речка та ж, ево попова Тимофеева мельничная плотина».

Вот изображение деревень на чертеже (рис. 12). Сравнительный анализ этого рисунка и фрагмента отказной книги приводит к выводу, что деревня (1) на этом рисунке является деревней (слободой) попа Андрея Алексеева сына Почасеева — первой в перечне. Здесь привязка идет к отвершку, который идет из Борынских дубровок и впадает в речку Чашу. Где-то в устье этого отвершка была недостроенная мельница этого попа. Немногим ниже по речке Чаше находилась деревня (слобода) попа Тимофея Алексеевого сына Почасеева (2) и его мельница. Третья деревня (слобода) (3) принадлежала Тимофею совместно с Андреем и с их племянниками. В тексте отказной книги она указана выше слободы (2), что спорно (логичнее ей находиться ниже по течению Чаши)[72].

К сожалению, в отказной книге не перечислены жители слобод. Указано только, что это новопоселенные вольные черкасы, пришедшие из-за Днепра.

На чертеже показаны также дворы во всех трех слободах. Причем, в отличие от других деревень и сел, здесь имеются весьма странные постройки. Они очень похожи на недостроенные дворы. Особенно в деревне (2) (рис. 13). С некоторой долей вероятности можно утверждать, что вы видим строящиеся деревни Борыни. Чертеж, напоминаю, относится к 90-м годам XVII века[73].

Что касается мельниц, то их подробное описание в данном разделе не приводится. Это будет сделано позднее.

В заключение отметим следующее: в начале XVII века площадь дубровок составляла более 8000 га. В речку Чашу в этом месте впадало более 20 мелких речек и ручьев.

Обратим также внимание на название места: «Борынские дубровки». Скорее всего (смею предположить), в этом месте в старину было урочище Борынь. Это наименование связано с бором, то есть хвойным, преимущественно сосновым лесом. Такой лес чаще всего растет на сухом возвышенном месте. Место было удобным для обустройства первых поселений. Поэтому именно здесь путивльскими попами были построены первые деревни, получившие название урочища — Борыни.

Со временем это наименование распространилось на всю долину речки Чаши, в которой, кроме соснового бора, были лиственные леса — дубравы, в которых находились бортные ухожеи. Эти ухожеи упоминаются в отказной книге Почасеевых. Дубравы имели общее название — Борынские по наименованию урочища. Они были сравнительно небольшими, поэтому их именовали с уменьшительным оттенком — дубровки. Между этими дубровками находились поляны, на которых были сенокосы. Бортные ухожья в Борынских дубровках были небольшими и входили в состав крупного бортного ухожея николаевских попов. Его описание будет произведено позднее.

[72] Возможно, это моя ошибка, сделанная при переписывании отказной книги. А возможно, и ошибка писца. Такое тоже бывает.

[73] Позднее 1693 г., поскольку на чертеже изображена церковь в селе Клепалы, которая была освящена в первой половине этого года. Межевые книги попов Почасеевых были созданы в 1694 г. Чертеж отражал суть спора попов и путивльских помещиков по этим межам и был создан не ранее этого года.

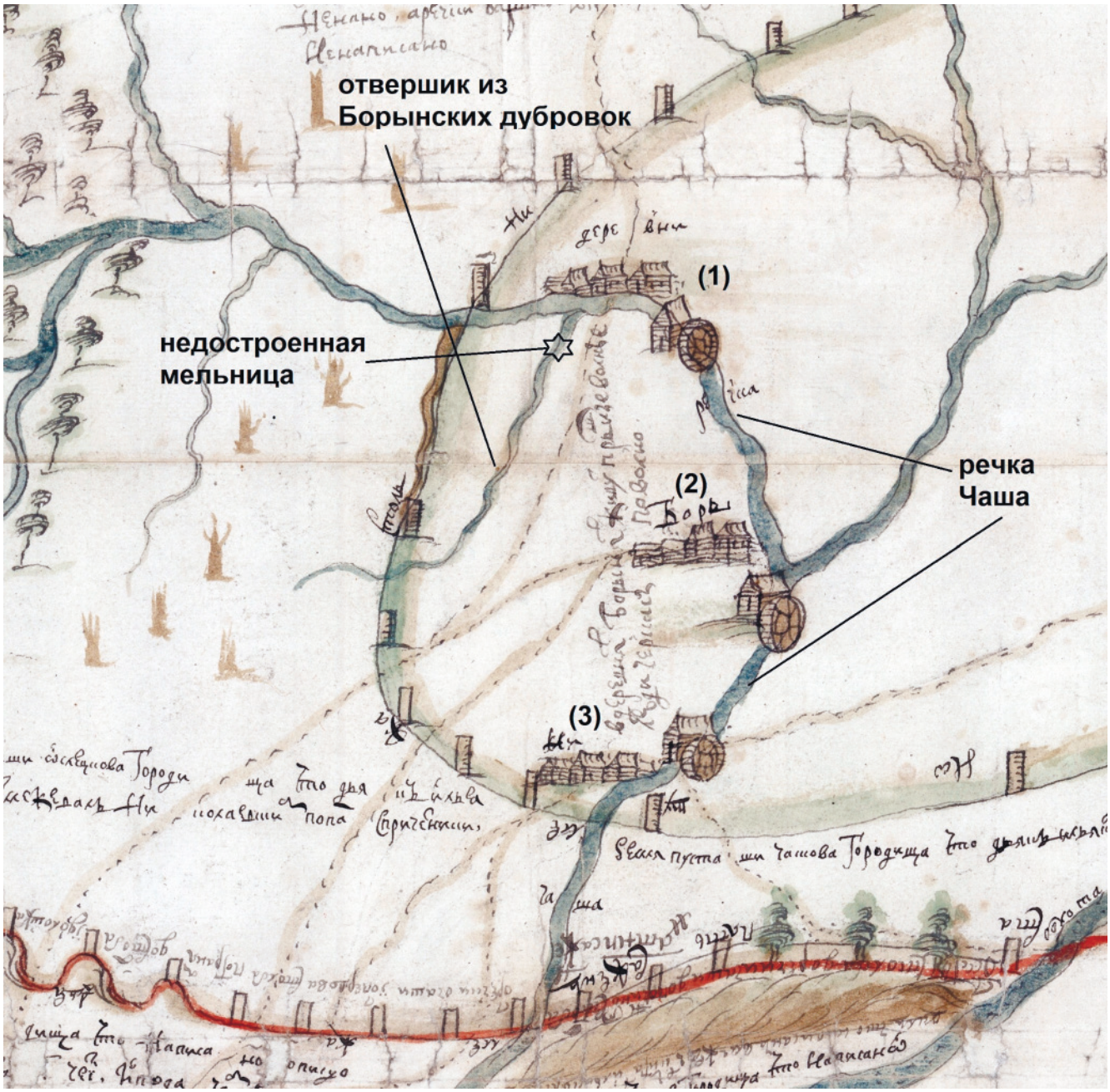


Рис. 12. **Деревни Борыни на плане окрестностей Путивля. 1690-е гг.**

Рис. 13. **Недостроенные дворы на плане окрестностей Путивля. 1690-е гг.**

Борынские дубровки заселяли николаевские попы. Скорее всего, это началось в 80–90-е годы XVII века, когда в деревни и села Подгородного стана Путивльского уезда стали массово переселяться вольные люди из центральных районов современной Украины (черкасы).

В это же время началась вырубка Борынских дубровок. К моменту написания чертежа по спорному делу между попами и путивльскими помещиками (90-е годы) довольно значительная часть дубровок была уже вырублена. К началу XIX века осталось менее десятой их части. Дубровки исчезли совсем, скорее всего, к концу XIX века. По мере вырубки лесов обмелела речка Чаша.

На местности среди полей остались только пологие овраги. Они стали раздольем для местных сусликов (ховрахів), которые, по мнению советского начальства, наносили видимый урон урожаям. Однажды летом, в 60-е годы XX века, руководство колхоза имени А.М. Горького в Клепалах мобилизовало местную детвору на борьбу с этими невинными зверьками. Привезли бочки с водой, пионерам выдали ведра и дубины. Целый день мы выливали сусликов из нор. Набили целую кучу этого зверья. За работу получили по 15 копеек. Такими вот Борынские дубровки остались в нашей памяти.

1.2.3. Выгорево городище

Выгорево городище находилось на территории современного села Игоревка. Первое упоминание Выгорева городища находим в межевой книге Путивльского уезда межевания Петра Мусорского 136 (1628) и 137 (1629) годов (№ 10553), в разделе «Порозжие земли»[74]: «Пу{стошь} Выгоревское городище на реке на Семи дикого поля добрые земли сто чети в поле, а в дву по тому ж». Как мы видим, земли Выгорева городища здесь названы «добрыми». В Словаре русского языка XI–XVII веков слово «добрый» трактуется как «самый лучший» в сочетаниях «добрый, средний, худой»[75]. Эти земли были готовы к распашке. Они не являлись целинными[76]. На тот момент они пустовали и никому не принадлежали (были «порозжими»). То, что они не заросли лесами, значит, что пустовали они не так давно[77]. Размер этих земель определен как «сто четвертей в поле, а в дву по тому ж». Соседними с этими землями были также пустующие земли на Диком поле, которые далее граничили с землями пустоши Клепальского городища: «Пу{стошь} за рекою за Семью на реке на Семи усть озера Клепала подле городища Клепальского по правую сторону смежно с поместною землею Ивана Черепова Дикого поля добрые земли сто чети в поле, а в дву по тому ж». Площадь этих земель указана такой же — 100 четвертей. Граница

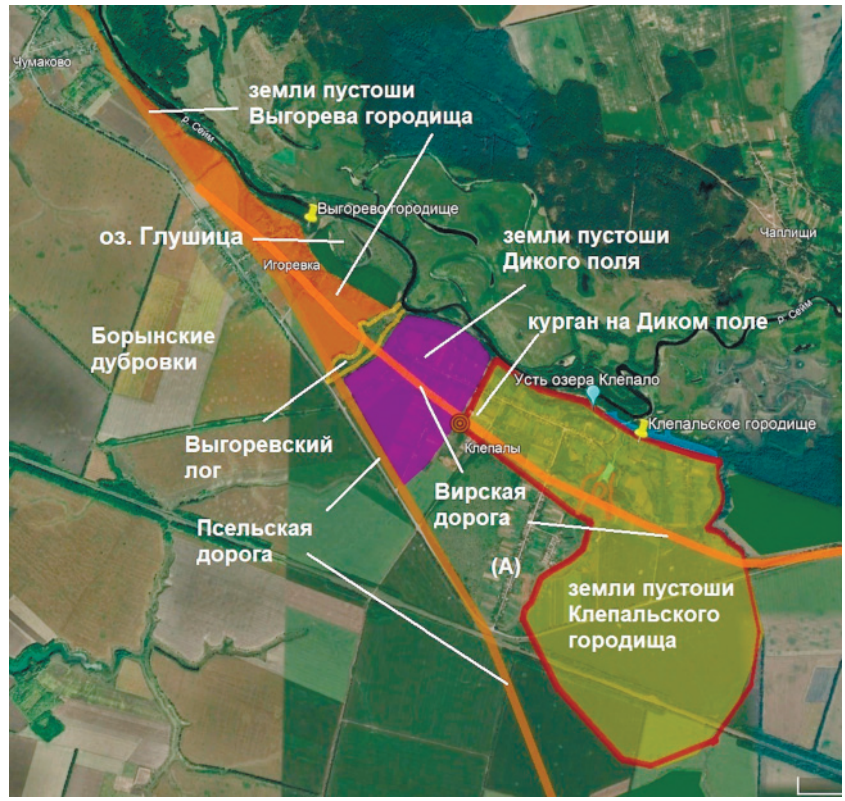


Рис. 1. **Земли пустоши Выгорева городища**

[74] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 441 об.
[75] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4. С. 270.
[76] Целина – непаханая, не подвергавшаяся еще обработке земля.
[77] При описании в этой же книге других пустующих земель указывается, например, что «добрые земли лесом поросли».

между двумя этими пустошами (Выгоревским и Диким полем) в то время не была определена. На рис. 1 представлены земли пустоши Выгорева городища и соседние с ними земли. Пустошь Выгорева городища соседствовала с северо-запада с землями пустоши Ослецкого годища[78], а с запада и юга — с Борынскими дубровками (условно — по Псельской дороге). На этом рисунке граница между землями Выгорева городища и землями Дикого поля показана по Выгоревскому логу. Это устоявшаяся в дальнейшем межа. В начале XVII века, как было сказано выше, точной межи не имелось. Этого нельзя сказать о пустоши Клепальского городища (см. этот же рисунок). Она уже тогда принадлежала помещикам Череповым, ее межа была нами рассмотрена ранее (см. разд. 1.2.1).

Первый отказ земель пустоши Выгорева городища состоялся в августе 1650 года. Описание межи приведено в отказной выписи Даниле Лихачеву на владение Выгоревым городищем от 21 августа 1650 года, приведенным в спорном деле о дачах Выгорева городища. Вот как определена эта межа[79]: «В Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью выше перевоза Мокшавицкаго над рекою над Семью к Выгореву городищу, да вверх рекою ж Семью по Иваново поместье Черепова. А от Иванова поместьи Черепова и от реки Семи, и от усть озера Клепала да по курган, что курган подле Вирскою дорогу, и по иныя грани да Большия Псельския дороги[80], что ездят к Мокшевицкому перевозу». Представленная в этой выписи межа вполне понятна и более-менее точно определяется на местности. Она идет от Мокшевицкого перевоза на реке Семи вдоль левого берега реки, до устья озера Клепало. Далее поворачивает на указанный на рис. 1 курган на Диком поле у Вирской дороги. А от кургана — до Псельской дороги. Затем, по этой дороге в направлении к Путивлю, на северо-запад, до Мокшевицкого перевоза.

Согласно этой же выписи, Даниле Лихачеву были также отказаны «дворовых мест две десятины. А присады[81] дворовым местам в тех же урочищах над рекою Семью к Выгореву городищу». Наличие присад указывает на то, что в 1650 году рядом с Выгоревым городищем было несколько пустых заброшенных дворов (дворовых мест) с приусадебными участками (усадищами), выходившими к городищу, что подтверждает предположение о том, что эти места пустовали не долго, а земли вокруг Выгорева городища не были целинными.

Левый, южный, берег реки Семь в то время был покрыт лесами. Если следовать от Мокшевицкого перевоза вверх рекою, то эти леса доходили до Выгорева городища и озера Глушица. Далее, от берега реки Семи на Диком поле они доходили до Вирской дороги и шли далее до устья озера Клепало. Эти леса, в частности, показаны на чертеже окрестностей села Клепалы 1685 года (см. разд. 1.2.1). Лесом были покрыты и овраги (логи). У Выгорева городища на крутом склоне к реке Семи был лес-пристенок к озеру Глушица: «да в пристенке к озерку Глушицы пасечное место»[82].

Угодья в Выгоревом городище в Путивльских отказных книгах никак не поименованы и описаны шаблонно, не конкретно. Например[83]: «А переписав в тех урочищах всякие угодья, а в них на пашню дикого поля и хоромного, и дровяного лесу, и дубровы». Ввиду этого следует полагать, что эта местность была покрыта мелкими рощами с сенными покосами между ними.

Кроме кургана у Вирской дороги на Диком поле, в этих урочищах обнаружено еще три кургана. Они показаны на Трехвестной карте 1869 года, лист 21-12[84] (рис. 2).

Один из них (курган 1) находился перед Выгоревским логом. Скорее всего, он, как и остальные в этих окрестностях, был придорожным, у Вирской дороги. При выезде из Выгоревки на Псельскую дорогу указаны еще два кургана (2). Эти курганы были также придорожными и находились в месте, где дорога из Путивля в Тернову слободу пересекалась с дорогой от Выгорева городища в Борынские дубровки.

---

[78] Эта пустошь упоминалась в разд. 1.2.2, при описании Борынских дубровок.

[79] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 23.

[80] Локализация дорог на этом участке будет проведена позднее.

[81] Присад или присада – усадьба, приусадебный участок, земля, примыкающая ко двору.

[82] Отказная книга Василия, Петра и Ивана Ивановых детей Череповых 1650 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 8).

[83] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563, 10574, 10589.

[84] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/21-12/Недригайлов. (01.08.2011).

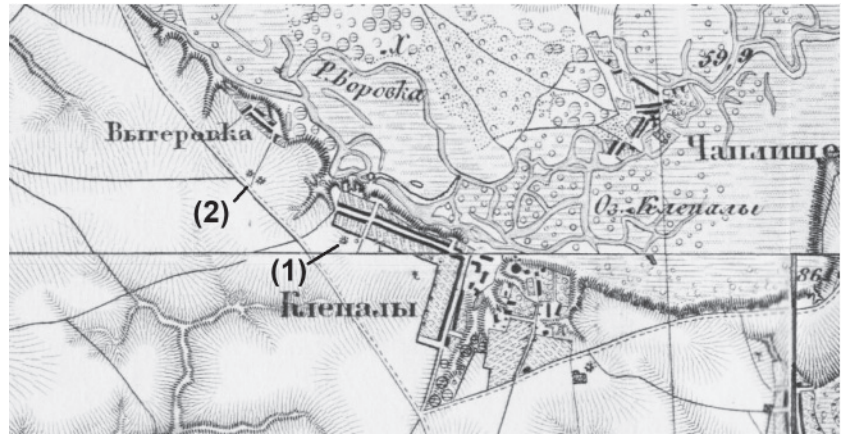


Рис. 2. **Курганы у деревни Выгоревки. Карта 1869 года**

Более позднее описание угодий Выгорева городища приведено в экономических примечаниях 1782 года и выглядит весьма скромно[85]: «А в логу Выгоревском водоток течение имеет малое… Лес растет мелкой[86] дубовой, березовой, альховой и лазовой. В нем звери и птицы мелких родов». Несколько подробнее описан лес-пристенок к озеру Глушица: «Лес ростет строевой, дубовой, березовой и альховой. В отрубе от трех (13,4 см) до четырех (18 см) вершков. Вышиною от шести (12,8 м) до семи сажень (14,9 м). Между коего большею частию того ж рода мелкой дровяной, также лазовой и ареховой». В этом описании конца XVIII века нужно сделать поправку на то, что старинный лес в окрестностях Выгорева городища к тому времени был уже вырублен. Его заменил мелкий лес со зверями и птицами «мелких родов». К середине XIX века остался только лес у озера Глушица, что мы и видим на Трехверстной карте 1869 года, лист 21-12 (рис. 2).

Никаких других описаний ландшафта Выгорева городища обнаружить не удалось.

1.2.4. Бассейн речки Выжлицы

Речка Выжлица берет свое начало у Псельской дороги, рядом с верховьями речки Чаши. Далее она течет на северо-восток и впадает в реку Сейм в районе современного села Пески. Общая длина речки — 18,6 км. Ее наименование весьма поэтичное и символичное. Выжлица — это женский род слова «выжлец» — ищейная гончая собака, которая водит стаю[87] на охоте. То есть самая быстрая и сильная в стае. Вот упоминание этого слова в русском заговоре[88] из Олонецкого сборника второй четверти XVII века[89]: «И сотвори его, господи, мысль, аки у заяца, а бегучи от выжлеца». Может быть, когда-то и речка была, подобно выжлице, быстрая и сильная. Ну, и без охоты в древние времена здесь, конечно, не обошлось.

В книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553, л. 441 об.) место в бассейне Выжлицы указывалось как «порозжие земли»: «За рекою за Семью вверх речки Выжлицы под лесом под пристенком меж Печковского логу и валу[90] смежно с Ывановою Черепова с поместною землею по ложок да по дорогу Псельскую дикого поля добрые земли». В какой-то неизвестной нам степени эти земли ранее распахивались, но к началу XVII века были заброшены и никому не принадлежали. В своей западной части они соседствовали с землями пустоши Клепальского городища. С востока они подходили к землям селища Байдурского (рядом с современным селом Пески).

С начала XVII века здесь устраивали свои усадьбы путивльские помещики Череповы. В частности, Иван Алексеев сын Черепов[91]. На то время нелегально[92]. Только в конце 40-х годов его сыновья Василий, Петр и Иван послали грамоту царю Алексею Михайловичу (били челом) с просьбой об отказе им этих

[85] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 161, 162 об.
[86] Мелкий – низкорослый (о животных, растениях).
[87] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net
[88] Заговор – заклинательная словесная формула, которой приписывается магическая сила. (*Прим. авт.*)
[89] Цитата приведена в Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 3. С. 204.
[90] Этот вал был показан в разд. 1.2.1 при локализации оврага Пристенок.
[91] Иван Алексеев сын Черепов приходился двоюродным братом владельцу пустоши Клепальского городища Ивану Михайлову сыну Черепову.
[92] Процесс заселения долины Выжлицы будет рассмотрен позднее.

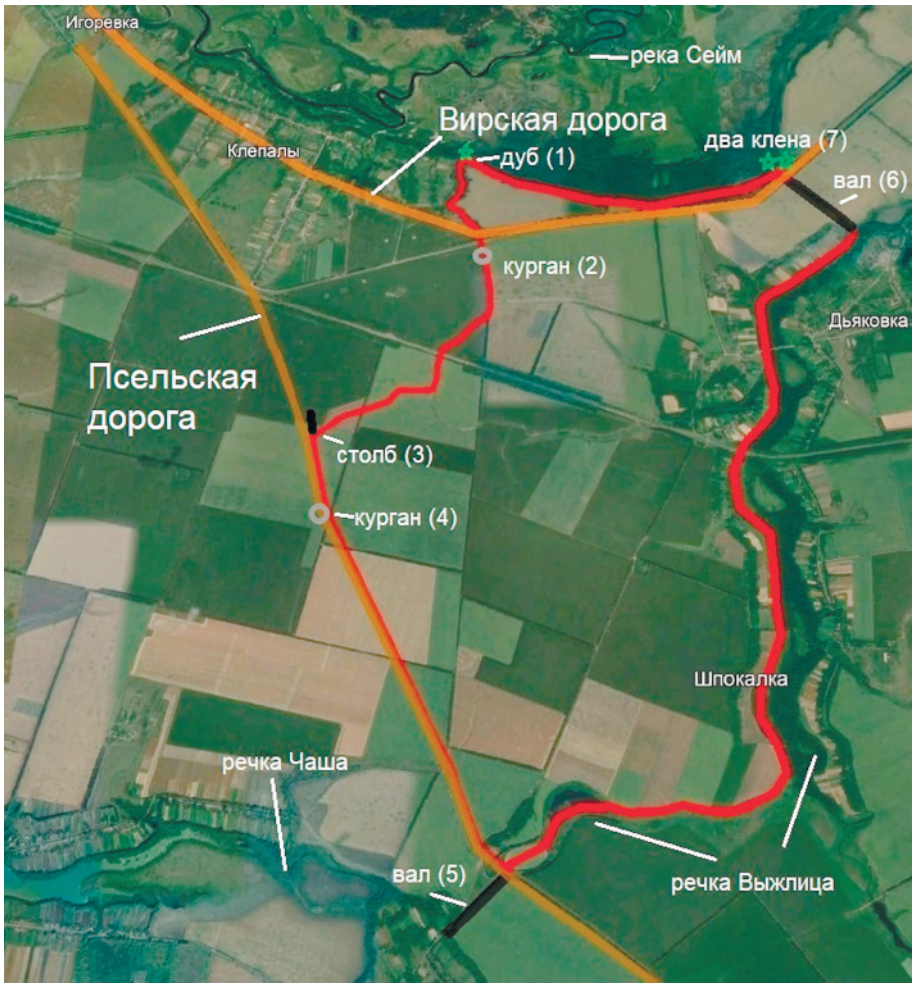


Рис. 1. **Реконструкция межи Василия Черепова на речке Выжлице. 1694 г.**

земель. Царь дал на это «добро», и в Путивль была направлена царская грамота о проведении работ по межеванию. Первым документом, дающим представление о ландшафте этих мест, является отказная книга указанных братьев Череповых 1650 года[93]: «Лета 7159 (1650) году декабря в 31 день по Государеву Цареву и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по грамоте ис Помесного приказу <…> путивлец Андрей Иванов сын Щетинин <…> ездил в Путивльской уезд в Подгородной стан на пустоши и на дикое поле за реку за Семь вверх речки Выжлицы, и под лес под пристенок, и меж Печковского логу и валу. <…> И по сыску переписал усадьбы и займищи, и дикое поле, и хоромной, и дровяной лес, и сенные покосы, и всякие угодья». В рамках этого межевания были переписаны: «По речке по Выжлице хоромной и дровяной лес, и по дубровам, и по лесу пристенку, и по ольху, <…> сенныя покосы верх пристенка, и оба пол-болота по дубровам, и по ложку, что ложок вышел под Вирскую дорогу». Указано также, что в верховьях Выжлицы межи доходили до «Робленой могилы к Дядиной дуброве подле дороге Псельскую».

Таким образом, вдоль речки Выжлицы в дубровах[94] рос строительный (хоромный) и дровяной лес, а овраг Пристенок был заросший лесом. В верховьях Пристенка были сенные покосы. Указан также лес-пристенок на крутом берегу реки Семи. Упоминается также ольховый лес и два болота[95] в течении речки Выжлицы, а также небольшой лог (ложок), пересекающий Вирскую дорогу. Рядом с Псельской дорогой указаны урочища Робленая могила и Дядина дуброва. Недалеко от Печковского лога указан вал.

Межа 1650 года, как было принято в те времена, была «написана по урочищам без меры». Более точное межевание было проведено только 1 июня 1694 года. Его результаты отражены в отказной книге Василия Черепова 1694 года[96].

Межа (см. рис. 1) начиналась от устья Печковского лога. Там стоял дуб с гранью (1) и далее вверх по этому логу, пересекая Вирскую дорогу до кургана (2). Далее межа шла к верховьям леса-пристенка и выходила на Псельскую дорогу (столб 3). Эту часть межи мы детально рассматривали ранее (см. разд. 1.2.1). От столба (3) на Псельской дороге межа Зиновия Панова (тогдашнего владельца села Клепалы) уходила на-

[93] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 7–7об.
[94] При описании лесных массивов автор часто употребляет старинный термин «дуброва» вместо современного «дубрава».
[95] В тексте отказной книги указано «оба пол-болота». Это связано с тем, что межа проходила по этим болотам. По этой причине они делились между смежными владельцами пополам.
[96] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 93 об. – 96 об.

право по дороге до вершины Клепальского лога, а рассматриваемая нами межа Василия Черепова от этого столба шла налево по этой же дороге, на юг. Вот ее описание: «А от того столба и от ямы налево Псельскою и Терновскою старою дорогою да кургана (4), что по левою сторону той Псельской и Терновской дороги триста сажень (648 м). На кургане столб, на столбу грань, против грани яма. А от того кургана и от столба, и от ямы тою ж Псельскою и Терновскою старою дорогою да вершка речки Выжлицы, что вершина вышла с левой стороны к той Псельской и к Терновской дороги против валу (5), что старинной вал по правою сторону той Псельской и Терновской дороги и от столба тысеча шесть сот сорок две сажени (3547 м), на столбу две грани». На этом участке, проходящем по Псельской дороге, мы находим еще один курган (4), а также старинный вал (5). Этот вал, как мы видим, преграждал дорогу из южных степей в Путивль в узком месте между верховьями речек Чаши (слева) и Выжлицы (справа). Он упоминался ранее, в разд. 1.1.1 при описании Клепальского городища.

Идем далее по меже: «А от Псельской и Терновской дороги, и от столба, и от ямы налево вниз речкою Выжлицею да валу старинного (6) три тысечи девять сот тритцать сажень. А от той речки Выжлицы налево старым тем валом да Вирской дороги что ездят ис Путивля на Вирь и до леса пристенка». Межа пошла вниз речкой Выжлицей, по ее течению, и через 3930 саженей (8490 м) дошла до еще одного старинного вала (6) (см. рис. 1). Этот вал мы упоминали ранее. Он стоял на Вирской дороге между Выжлицей и крутым склоном к крутой гряде, к бассейну реки Семи, на котором рос, как мы указывали ранее, еще один лес-пристенок. В этом узком месте вал перекрывал Вирскую дорогу, а именно — направление от речки Вырь. Этот вал регулярно упоминается в писцовых и отказных книгах. Например, в книге № 10553 1628 и 1629 годов указано: «За рекою за Семью вверх речки Выжлицы под лесом под пристенком меж Печковского логу и валу, смежно с Ывановою Черепова с поместною землею».

Осталось рассмотреть конечную часть межи Василия Черепова: «Подле того леса пристенка в концы валу и подле дороги Вирской два клена на одном пни. На тех двух кленах (7) две грани. <…> А от тех кленов з граньми подле лес пристенок да Печковского логу до устья и да дуба з гранью (1) тысеча пятьсот сажень». Как мы видим, межа шла вдоль Вирской дороги и леса-пристенка до Печковского лога и далее вдоль лога до его устья, где и заканчивалась.

Эта же межа была позднее показана на геометрическом спорном плане на дачу деревни Выгорева городища 1788 года[97] (рис. 2). Здесь указаны длины линий в саженях и углы между этими линиями в градусах. По этим данным стало возможным точно локализовать южную часть Псельской дороги[98], а также оба вала: начало вала (5) (рис. 1) — это точка под литерой F на рис. 2, а вал (6) расположен между точками D и C (вверху справа на рис. 2).

Рис. 2. **Межа Василия Черепова на спорном плане 1788 г.**

[97] Копия спорного плана о дачах Выгорева городища (РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4776. Номер картона 223 (синий)).
[98] Северная часть этой дороги была локализована ранее, в разд. 1.2.1 при анализе межи Зиновия Панова 1685 г.

Рис. 3. **Вал и мост через речку Выжлицу. Генеральный план 1785 г.**

Более развернутая картина этой местности представлена в отказной книге Ивана Судейкина 1683 года[99]: «На речке Выжлице промеж верховьяв Выжлицких, переехав речку верховья Выжлицкого, на другой стороне, что словет Выжлицкая дуброва, против конца валу, что истари копан, от реки Семи до речки Выжлицы, где мост учинен через тое речку ниже валу, что ездят от Байдуровского на пашню и на сенные покосы ниж деревни Карпиловки». Описание угодий в этой книге ведется от реки Семи. Напротив вала, с другой стороны Выжлицы, находилась Выжлицкая дубрава. Указано, что вал был старинным — «истари копан». Ниже вала немногим позднее был построен (учинен) мост через Выжлицу. Через этот мост жители деревни Байдурское (Песок) ездили на свои поля и сенокосы в Выжлицкой дуброве. В этой же дуброве находилось место, где позднее была поселена деревня Дьяковка. В начале XVIII века при ее массовом заселении черкасами, на месте моста была устроена гребля, а на ней — мельница. На генеральном плане города Путивля и его уезда 1785 года[100] (рис. 3) показана эта гребля и мельница на Выжлице пониже вала. В верхней правой части этого рисунка мы видим верховье оврага, идущего через Вирскую дорогу в долину реки Семь, к селу Пески.

На южной окраине Карпиловки была еще одна гребля. Она была устроена в овраге, имеющем внутренний водоток. Наименование оврага не определено (на генеральном плане — «безымянный»). Этот пруд упоминается в отказной книге вдовы Марии Анненковой 1715 года[101]: «Да под тою ж деревнею {Карпиловкою} прудок для водопою скатины».

Продолжим изучение местности на речке Выжлице. В окрестностях Карпиловки был еще один старинный курган. Он упоминается при описании межи вотчинных земель Василия Черепова в 1694 году и называется Большим Средним курганом. Для его локализации обратимся к описанию межи этих земель. Вотчинные земли были частью общих угодий, отмежеванных братьям Василию, Петру и Ивану Череповым на Выжлице. Описание вотчинной межи начинается от известных нам двух кленов на одном пне (см. рис. 1)[102]: «А подле того леса пристенка в конце валу и подле дороги Вирской два клена на одном пни. На тех дву кленах две грани; и от тех кленов з граньми подле лес пристенок да первого починного столба пятьсот двенатцать сажень». Таким образом, первый (починный) столб вотчинных земель находился в 512 саженях (1106 м) от этих двух кленов в направлении к Клепальскому городищу. Далее: «Подле лесу поставлен столб {починный}, на нем грань, против грани яма. А от того столба и от ямы прямо через Вирскую дорогу да дубового высокого пня дватцать три сажени. А на том дубовом высоком пне грань, против грани яма. А от того дубового пня да столба двести сажень». То есть межа от починного столба пересекает Вирскую дорогу и идет на юг, в поле. Далее, чтобы не утомлять читателя межевыми столбами и ямами, скажем, что до искомого Большого Среднего кургана было поставлено еще 7 столбов с расстояниями между ними по 200 саженей. От последнего столба до кургана указано еще 210 сажен. Итого мы имеем общее расстояние от починного

[99] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 651.
[100] Геометрический генеральный план города Путивля и его уезда 1785 г. URL: https://oldmaps.ru/ (19.07.2012).
[101] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10585. Л. 466.
[102] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 100–101 об.

столба до кургана равным 23 + 7 × 200 + 210 = 1633 сажени, или 3527 м. Точно провести эту межу на современной местности невозможно ввиду той же, что и ранее, причине — нет углов между соседними линиями межи.

Для решения проблемы воспользуемся Трехверстной картой 1869 года (лист 21-12)[103]. Как было сказано, межа от починного столба, расположенного у Вирской дороги, должна идти только на юг. В этом направлении на расстоянии около 3500 м и должен быть курган. Такой курган есть. Он стоит на одной из полевых дорог, и это неудивительно, поскольку все курганы в этих местах были придорожными. В то же время полевые дороги часто проходили по старинным межам. Ввиду этого логично построить эту межу от починного столба до кургана по полевым дорогам, идущим в общем направлении на юг. На рис. 4 показана предполагаемая межа. Она состоит из трех участков: первый и третий идут вдоль дорог, а второй обходит деревню Карпиловку.

Вычислим расстояние от починного столба до предполагаемого Большого Среднего кургана. На Трехверстной карте, в пересчете из верст в километры, это расстояние равно 3,808 км, что совпадает с данными отказной книги с точностью 7%, что вполне приемлемо. За курганом межа вотчинной земли доходит до речки Выжлицы.

Реконструкция участка межи от починного столба до Большого Среднего кургана и далее до речки Выжлицы показана на спутниковом снимке (рис. 5). Отрезок межи до Большого Среднего кургана здесь равен 3594 м, что практически совпадает с расстоянием, указанным в отказной книге Василия Черепова (3527 м). Это позволяет утверждать, что указанный курган и является Большим Средним. Он виден на современной местности и сохранился до наших дней (рис. 6).

Рис. 4. **Большой Средний курган на карте 1869 г.**

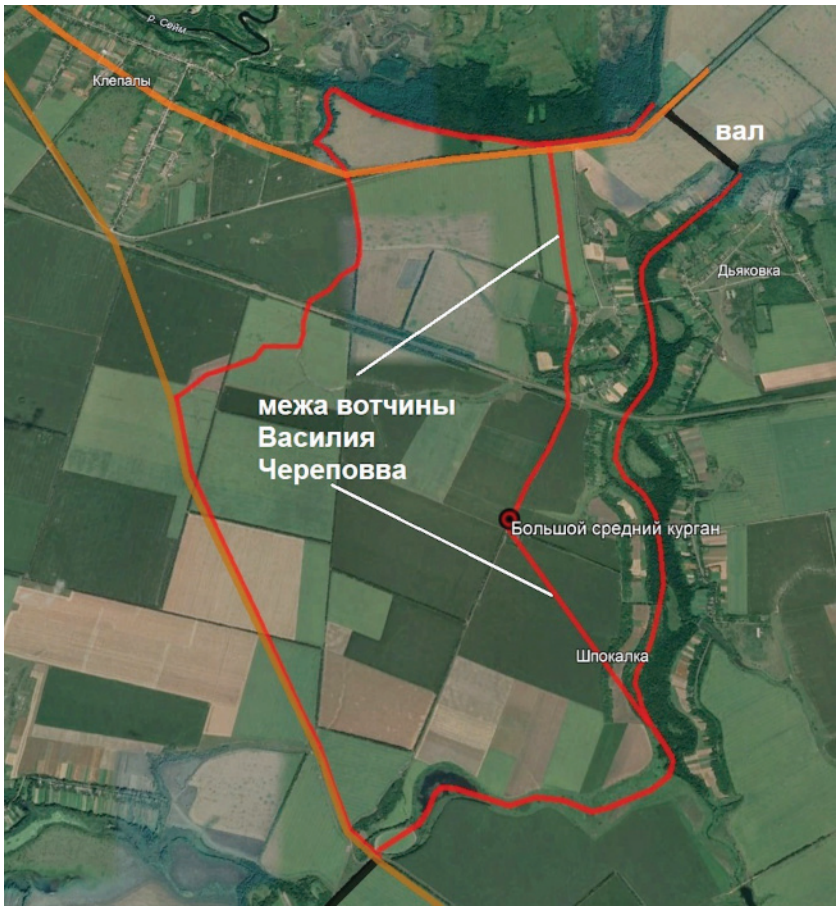


Рис. 5. **Реконструкция межи вотчинной земли Василья Черепова. 1694 г.**

[103] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/21-12/ Недригайлов. (01.08.2011).

Рис. 6. **Большой средний курган на современной местности**

Оставшаяся часть межи вотчинных угодьев Василия Черепова проходит по речке Выжлице вниз по течению, на север до вала, а от вала — на запад до починного столба. Внимательный читатель заметит, что на фрагменте Трехверстной карты (рис. 4) можно найти еще несколько курганов. Однако их мы не рассматриваем, поскольку автор не располагает документами XVII и XVIII веков, в которых они упоминаются.

Как было указано ранее, данная местность в то время не была заселена и являлась Диким полем[104] с «добрыми» землями. Ближайшее старинное селище находилось рядом с озером Байдурское. Судя по упоминаемой ранее отказной книге № 10563 1683 года, жители селища издревле ездили от этого озера на свои сенокосы и пашни в Выжлицкую дуброву. Стало быть, «добрых» земель в ближайших окрестностях селища Байдурского или было мало, или не было совсем. Дорога начиналась от озера Байдурского (рис. 7), далее — до ложка, что «подшол под Вирскую дорогу», потом по самой дороге до вала. Затем — по валу к мосту «что помощан мост через Выжлицкия болота» и далее в Выжлицкую дуброву.

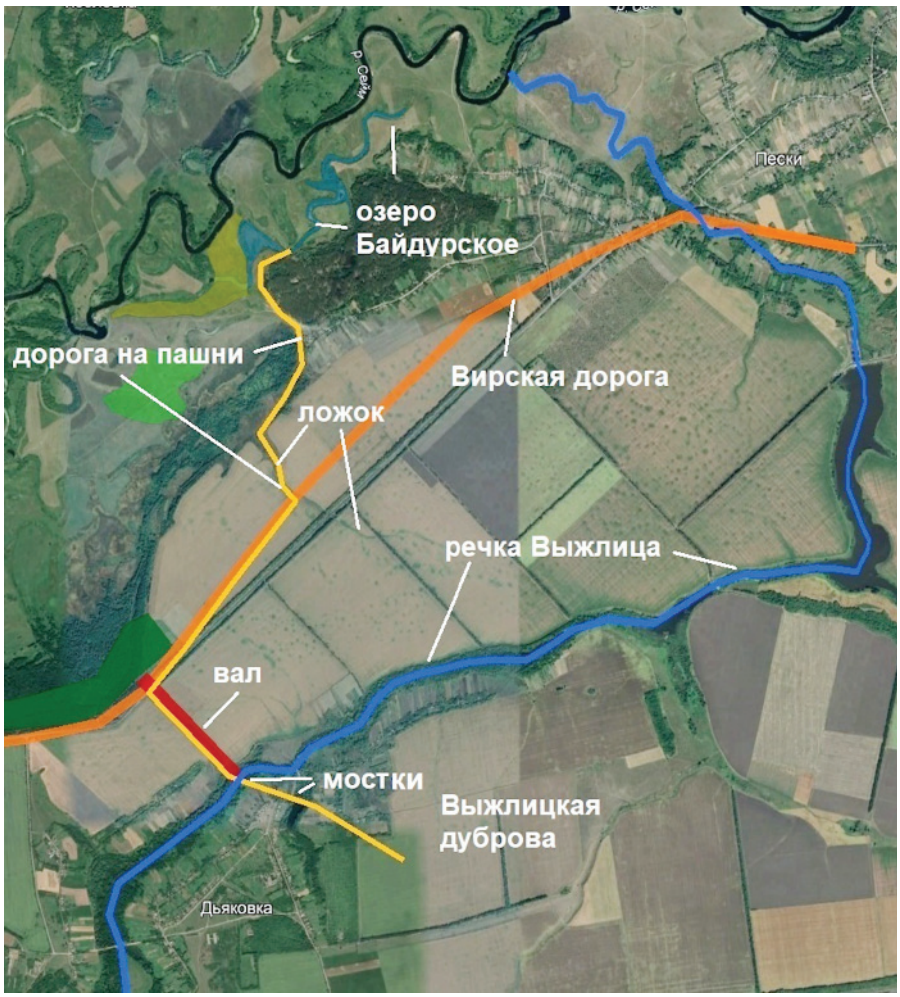


Рис. 7. **Дорога от озера Байдурского в Вылицкую дуброву**

Итак, анализируя материалы, содержащиеся в рассмотренных ранее отказных книгах Василия, Петра и Ивана Череповых 1650 года, можно утверждать следующее: долина Выжлицы была покрыта хвойными лесами и дубравами. Что касается сенокосов, то в целом в угодьях братьев Череповых «по речке Выжлице по обе стороны по дубровам и по логом и по дикому полю сенных покосов триста копен»[105]. То есть общая площадь сенных покосов в урочищах братьев Череповых составляла 30 десятин, или 33 га. Исходя из того, что общая площать угодий составляла около 1700 га, становится понятно, что используемая помещиками доля была ничтожно малой. Выходит, что подавляющую часть угодий в долине Выжлицы в то время составляли леса.

Вдоль течения этой речки указаны два болота и ольховый лес, который, вероятнее всего,

[104] То есть местностью южнее реки Семи.
[105] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 8 об.

рос по этим болотам и рядом с ними. В отказной книге 1650 года указаны «оба полболота». Скорее всего, исходя из ландшафта местности, болота шли по правому берегу реки Выжлицы в районе современного села Карпиловки. Как раз через эти болота были мостки, через которые жители селища Байдурского ходили на свои пашни и сенокосы в Выжлицкую дуброву. На месте Карпиловки на высоком берегу Выжлицы был сосновый бор, который доходил до ложка на севере современного села.

Рис. 8. **Дядина дуброва и Роблена могила**

Указано также, что в верховьях Выжлицы по соседству с Псельской дорогой было урочище, называемое Робленой могилой. Там же находилась и Дядина дуброва: «Верх речки Выжлицы у Робленой могилы к Дядиной дуброве подле дороге Псельскую». Наименование дуброве дала речка Дядина. Она показана на плане 1910 года. Речка имела исток у речки Курицы и впадала в Выжлицу в среднем ее течении (у современного поселения Новый Мир). Дядина дуброва, логично, находилась на этой речке. Исходя из приведенной выше цитаты из отказной книги братьев Череповых, можно сделать заключение, что Дядина дуброва доходила до верховий речки Выжлицы на ее правом берегу и соседствовала с известной нам Выжлицкой дубровой, показанной на рис. 7.

Что касается урочища Робленой могилы, то оно показано на Трехверстной карте 1869 года (лист 21-12) в районе современного села Бошевка, на левом (южном) берегу речки Курицы. В свете этого не ясно, почему в указанной выше отказной книге это урочище соседствует с верховьями Выжлицы: «Верх речки Выжлицы у Робленой могилы». Скорее всего, в XVII веке так оно и было, урочище Роблена могила действительно доходило до верховий этой речки.

К сожалению, карта 1869 года и план 1910 года не дают представление о размерах Дядиной дубровы и Робленой могилы, поскольку ко второй половине XIX века леса в этой местности были в значительной части вырублены. Ввиду этого остается указать лишь приблизительное их нахождение (рис. 8).

Что касается старинных валов, то в наше время от дороги в город Белополье вдоль вала на Вирской дороге идет дорога в село Дьяковку. На самом валу сейчас находится лесополоса. Такая же лесополоса находится и на валу у Псельской дороги.

Все локализованные в данном разделе объекты сведены в общую картину местности в долине речки Выжлицы и представлены на рис. 9.

По понятным причинам места нахождения угодий здесь указаны приблизительно. Их точные границы установить сейчас невозможно. Промежутки между ними сделаны для наглядности. Подавляющую часть долины Выжлицы занимали леса и два болота в ее течении.

Пояснения к рисунку 9:

(1) — земли пустоши Клепальского городища;
(2) — лес-пристенок у оврага Пристенок;
(3) — сенокосы в верховьях оврага Пристенка;
(4) — хоромный и дровяной лес;
(5) — Дядина дуброва;
(6) — Робленая могила;

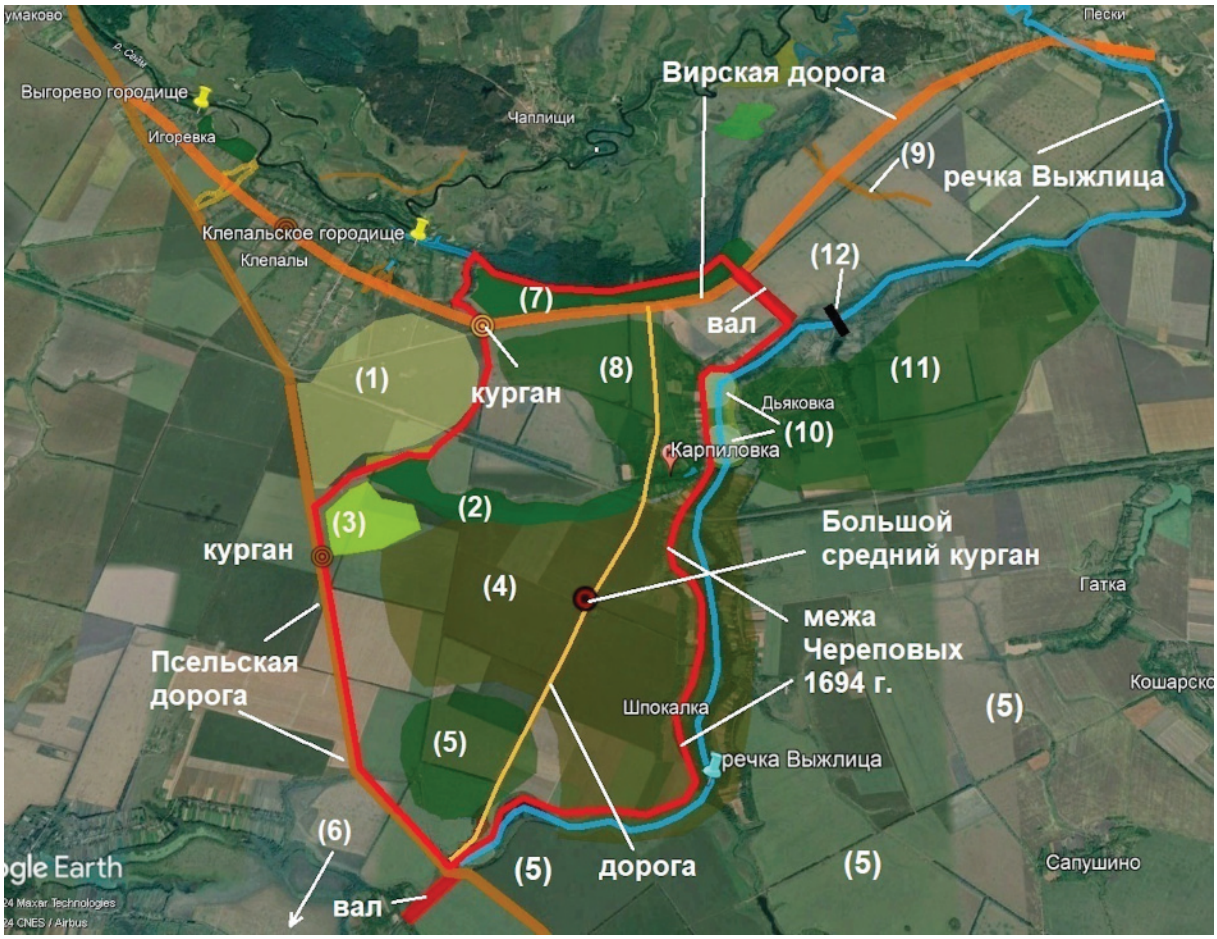


Рис. 9. **Сводная картина угодий на речке Выжлице. Начало XVII в.**

(7) — лес-пристенок между валом на Вирской дороге и Печковским логом;
(8) — дуброва на месте села Карпиловка;
(9) — ложок, что подошел под Вирскую дорогу;
(10) — два болота и ольховый лес;
(11) — Выжлицкая дуброва;
(12) — мост, позднее — гребля с мельницей.

1.2.5. Титова дуброва

Одно из первых упоминаний Титовой дубровы находим в книге писца Петра Мусорского № 10553 1628 и 1629 годов[106]: «Да Богдановского поместья Титова, что осталось сверх дач у Богдановы жены у вдовы Настасьи з дочерьми, да у Кузьмы, да у Федоса, да у Федора Зиновых детей, да у Лазыря Михайлова сына Титовых примерные земли в Заморниковской волости жеребей пу<стоши> Титовы дубровы на Святом озере. А достол[107] тое пустоши в поместье за Савельем Литвиновым, да за Михайлом Вощининым, да за Кирилом, да за Гарасимом, да за Иваном, да за Иваном Ивановыми детьми, да за Кузьмою, да за Федосом, да Федором Зеновьеми детьми Титова. А на ево жеребей[108] пашни перелогом и дикие дубровы на пашню добрые земли». В данном фрагменте перечислены представители рода помещиков Титовых, которым

[106] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 86.
[107] Достол – остальная часть.
[108] Жеребей – доля, пай.

была отказана эта дуброва в начале XVII века. Судя по многочисленности представителей этого рода, Титова дуброва была их старинной дачей.

Наиболее раннее упоминание дубровы относится к 1594 году. В отдельной книге[109] указано: «Да ему ж {Богдану Иванову сыну Белолюбовскому} отделено у Белые Галины {Галицы} вопче с Савкою Счетининым. А межа тому дикому полю по дуброве от Чаплинския дароги по Иванову пашню Щекина да по Ивашкову Рыжкова, что дана ныне в поместье самопальником Дениску Кузьмину сыну Попову да Тише Ярому, сена косить по дуброве 50 копен. А лес ему по дуброве сечь у своей пашни дровяной про себя, а не на продажю». В приведенном фрагменте указано урочище Белая Галица. Ныне на этом месте располагается село Белогалица.

В этой же, отдельной книге, кроме Богдана Титова, упоминаются также: Михайло Дмитрев сын (брат Богдана); Федька, Семен, Миляка и Ломака Удачины сыновья Титовы. Таким образом, в конце XVI — начале XVII века этот род был очень ветвистым. Помещики Титовы имели дачи в этой дуброве с XVI века (по крайней мере, Богдан Дмитриев сын Титов, поместье которого досталось вдове Настасье с дочерьми)[110]. Исходя из этого есть основания полагать, что наименование Титовой дубровы следует отнести к этой фамилии.

В книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553) это место называлось «пустошь Титова дуброва». Пустошь — это заброшенный или незаселенный участок земли. Стало быть, в то время эта территория не была заселена, здесь не было поселений. Хотя не исключено, что были отдельные усадьбы помещиков, которые имели здесь сенокосы, рубили лес и ловили рыбу в озерах.

Теперь приступим к локализации этой пустоши. Из приведенных выше фрагментов ясно, что Титова дуброва находилась на Святом озере, в окрестностях современных сел Чаплищи и Белогалица.

Вначале обратимся к писцовым, межевым и отказным книгам XVII века, в которых перечисленны озера и другие географические объекты в Титовой дуброве. В книге № 10553 читаем[111]: «Да тово ж ухожья Заморниковские волости {в Титовой дуброве} вопче с помещики рыбная ловля озёра замерные[112]: озеро Святое, озеро Сетное, озеро Жары, озерко Круглое». В отказной книге Степана Опышкова 1679 года дополнительно указано[113]: «Да в Титове дуброве рыбные ловли озера Чаша, озера Славын, озера Бронница». В отказной книге Василия Черепова 1659 года[114]: «Меж болот на Людине и по Титове дуброве и на угодьи сто копен пашни и дубровы добрые земли девятнатцать чети в поле, а в дву по тому ж, да в Телячьих лоз и обаполь[115] Телячьих лоз по Титове дуброве сенные покосы, и обаполь Круглого озерка сенныя ж покосы. Да к озеру Сетному усадьба и сенные покосы по Титове дуброве. А в Телячьих же лоз и в Долгого болота, и в Круглого озерка, и Сетного, и по Титове дуброве сто капен». В отказной книге Марины Яковлевой дочери Череповой 1701 года[116]: «Да в Титове дуброве озеро Чаши, озеро Бранница, озеро Славын, озеро Святое и с ыными малыми озерки».

Итак, указанные выше источники позволяют сформировать перечень озер, имеющих отношение к пустоши Титовой дубровы: Белая Галица, Бронница, Жары, Круглое, Святое, Сетное, Славын(ь), Чаша. А также болото Долгое и «иные малые озерки».

Для локализации межи этой пустоши обратимся к Алфавитному указателю планов генерального и специального межевания Путивльского уезда Курской губернии межевания 1790 года[117]. В этой книге пустошь

[109] Отдельная книга поместных земель Путивльского уезда, писца И.С. Вахрамеева. Список XVII в. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 367. Л. 19–19 об. (Текст приводится по публикации: *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1967).

[110] Детальное исследование рода Титовых в этой работе не проводилось.

[111] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 88.

[112] Точное значение слова «замерный» не установлено. Возможно, «замерное озеро» – это озеро со стоячей, непроточной водой.

[113] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10561. Л. 407.

[114] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 16–16 об.

[115] Обаполь – вокруг, вблизи чего-либо, в окрестностях.

[116] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 279.

[117] Алфавитный указатель планов генерального и специального межевания Путивльского уезда Курской губернии. Т-1 – Т-49. Титовой дубровы. 1790. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-2. Л. 158.

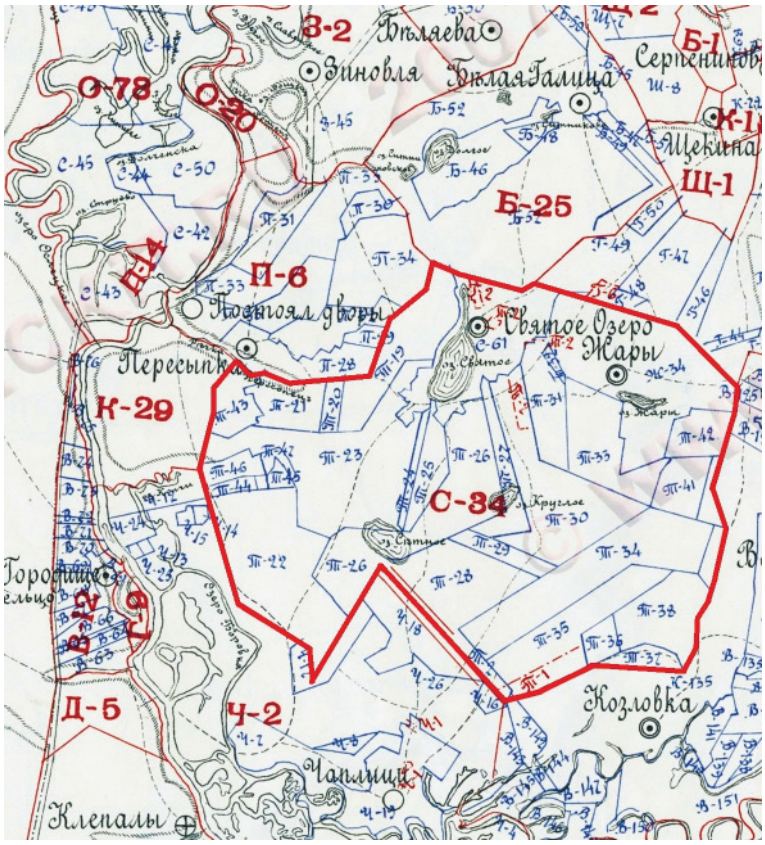


Рис. 1. **Титова дуброва на плане 1910 г.**

Титова дуброва имеет два крупных участка: № 248 и 249, а также общий номер С-34. Префикс «С» указывает на угодья в окрестностях Святого озера. Номер С-34 обозначает участок генерального межевания. Все дачи специального межевания в рамках С-34 имеют литеру «Т» в качестве префикса, то есть «Титова дуброва». Их наименования начинаются со слов: «Пустошь Титовой дубровы». К примеру: «Титовы дубровы пустоши, 3-й части владения коллежского секретаря Григория Васильева Масалитинова».

Таким образом, совокупность всех дач специального межевания, имеющих префикс «Т», составляют Титову дуброву по ее состоянию на 1790 год. Все эти дачи показаны на плане Путивльского уезда 1910 года[118] в рамках единого участка генерального межевания С-34 (рис. 1). В его рамках мы видим четыре озера: Сетное (на юге), Круглое (немного севернее), Святое и Жары в северной части. С межой С-34 соседствуют с запада угодья в окрестностях деревни Пересыпки (К-29)[119], и далее, на север, Постоялые дворы (П-6), Белая Галица (Б-25), деревни Щекино (Щ-1), Гончары (Г), Волынцево (В), Козловка (К). С южной стороны и на западе представлены дачи с префиксом «Ч» (Чаплищи). К началу XX века в рамках участка генерального межевания С-34 находилось около 50 дач Титовой дубровы.

Теперь рассмотрим эту же межу Титовой дубровы на более ранней карте — генеральном плане города Путивля и его уезда 1785 года[120], составленном по результатам специального и генерального межеваний Путивльского уезда (рис. 2). Здесь мы видим ту же общую межу Титовой дубровы, что и на плане 1910 года (она выделена красным цветом). К сожалению, на плане 1785 года не указана нумерация дач специального межевания. По этой причине его невозможно было использовать для начальной локализации Титовой дубровы. Номер С-34 на этом плане также не указан. Это связано с тем, что планы специального межевания (следовательно, и нумерация участков) были утверждены только в 1861 году. В 1785 году в Титовой дуброве было установлено два участка генерального межевания: № 248 и 249, которые и показаны на рис. 2. Отметим, что число дач в Титовой дуброве в XVIII веке было заметно меньшим.

Отметим географические объекты на рис. 2:

- село Чаплищи;
- озеро Сетное;
- озеро Круглое;
- озеро Жары;
- озеро Святое;
- болото Белая Галица;

[118] План Путивльского уезда Курской губернии. 1910 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-ukraine_sumy_putivlskiy-uezd-1910/ (03.03.2010).

[119] Префикс «К» здесь относится к хутору Калинин, который был рядом с хутором Пересыпки.

[120] Геометрический генеральный план города Путивля и его уезда 1785 г. URL: https://oldmaps.ru/ (19.07.2012).

- Фощинская струга[121];
- озеро Долгое;
- озеро Белая Галица;
- Молченское болото.

Дополнительно на этом рисунке показана деревня Выгоревка, село Чаплищи, а также Чаплицкая дорога, идущая из Чаплищ к Мокшевицкому превозу. Показан также яр в начале этой дороги, у села Чаплища, а также дуб на этой дороге. Эти объекты мы будем использовать чуть позже.

Теперь перейдем к более детальному изучению Титовой дубровы. Для этого используем данные, имеющиеся в писцовых и отказных книгах XVII века. Начнем с южной границы дубровы. Эта часть совпадала с межой между поместьями Зиновия Панова и помещиков Череповых и была описана в писцовой и межевой книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369).

Начальная точка данной межи находится на правом берегу реки Семи, напротив первого ложка от деревни Выгорево городище, вниз по течению реки (рис. 3). Первым межевым знаком являлось дерево — осокорь. От этого межевого знака на север, по столбам и межевым деревьям, через озеро Колчее и его болото, через 420 саженей (907 м) межа приходит к дубу, что стоит у бора, возле дороги, идущей от деревни Чаплища к Мокшевицкому перевозу[122].

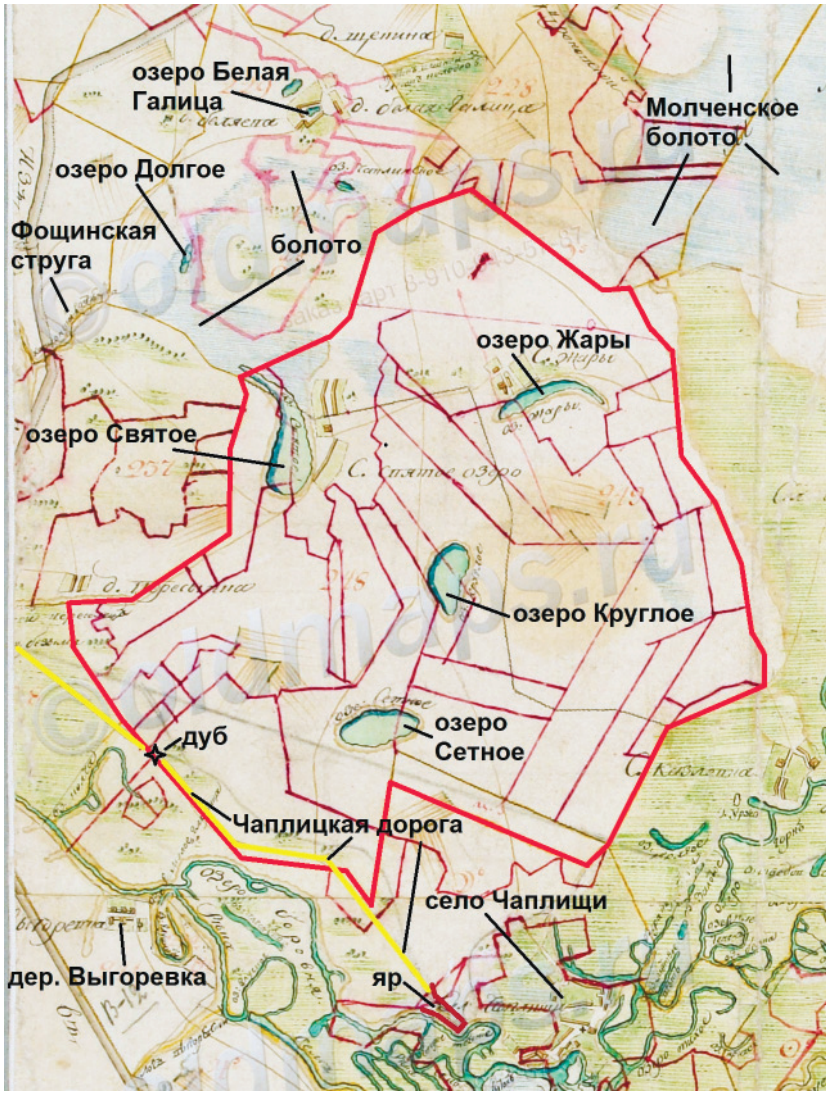


Рис. 2. **Титова дуброва на генеральном плане 1785 г.**

Это тот самый дуб и та дорога, которые были показаны на рис. 2. Далее межа сворачивала направо и шла по дороге в лесу к яру у села Чаплищи. На рис. 2 она показана как Чаплицкая дорога. Вот как описан этот участок межи в указанной выше писцовой и межевой книге 1684 и 1686 годов[123]: «И от той грани {на дубе} и от ямы Чаплицкою дорогою по реку по Семь и по яр, что яр сверх Титова бора, и до сосны, что подле Титова бору, тысеча пятьсот восемьдесят сажень (3413 м)». Дорога вышла к яру у села Чаплищи. Оказывается, что в этом месте брал начало Титов бор — сосновый лес, примыкающий к Титовой дуброве. Бор, как мы видим, как и дуброва, назван по фамилии тех же помещиков Титовых. Титова дуброва находилась севернее этого села, судя по рис. 1 и 2.

Стоит отметить, что прилегающая к деревне Чаплищи часть Титовой дубровы в других источниках именуется Чаплицким бортным ухожьем. Эта дуброва (бортный ухожей) начиналась от западной окраины Чаплищ и шла на север и на запад, вдоль озера Боровни[124], до среднего его течения. Далее шел хвойный

[121] Струга – протока, соединяющая озерки.
[122] Более точное описание этой местности будет произведено позднее при локализации показанных на этом рисунке озер.
[123] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 70–70 об.
[124] Современное наименование этого озера – Бурывня.

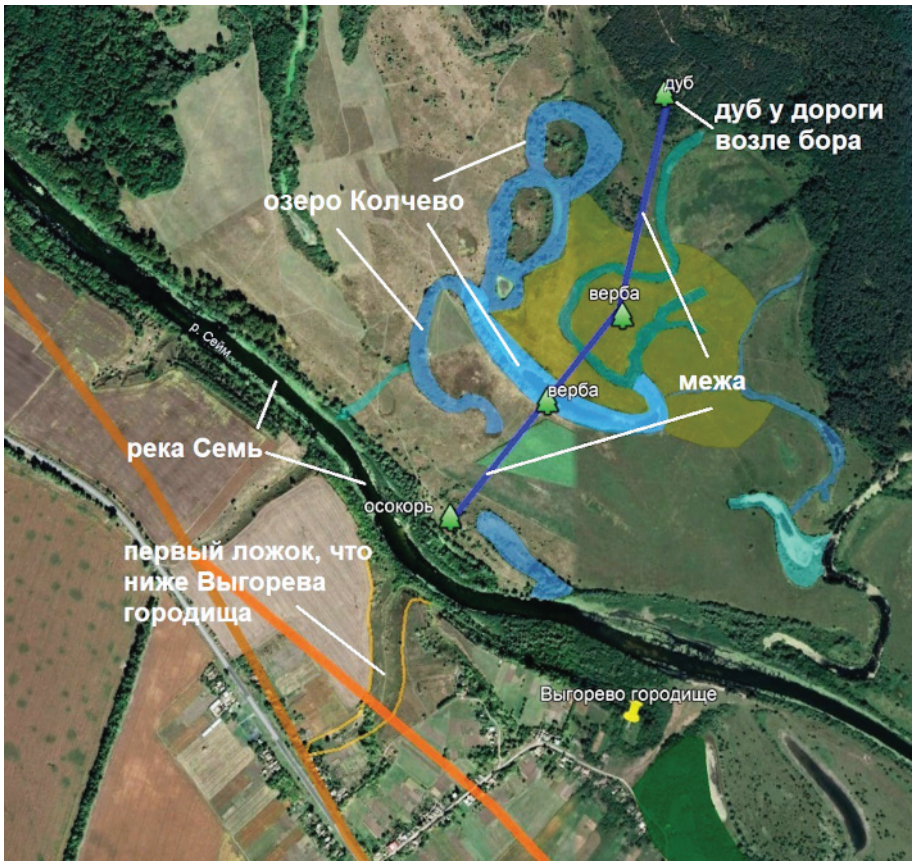


Рис. 3. **Реконструкция межи ильинских попов на озере Колчевом. 1685 г.**

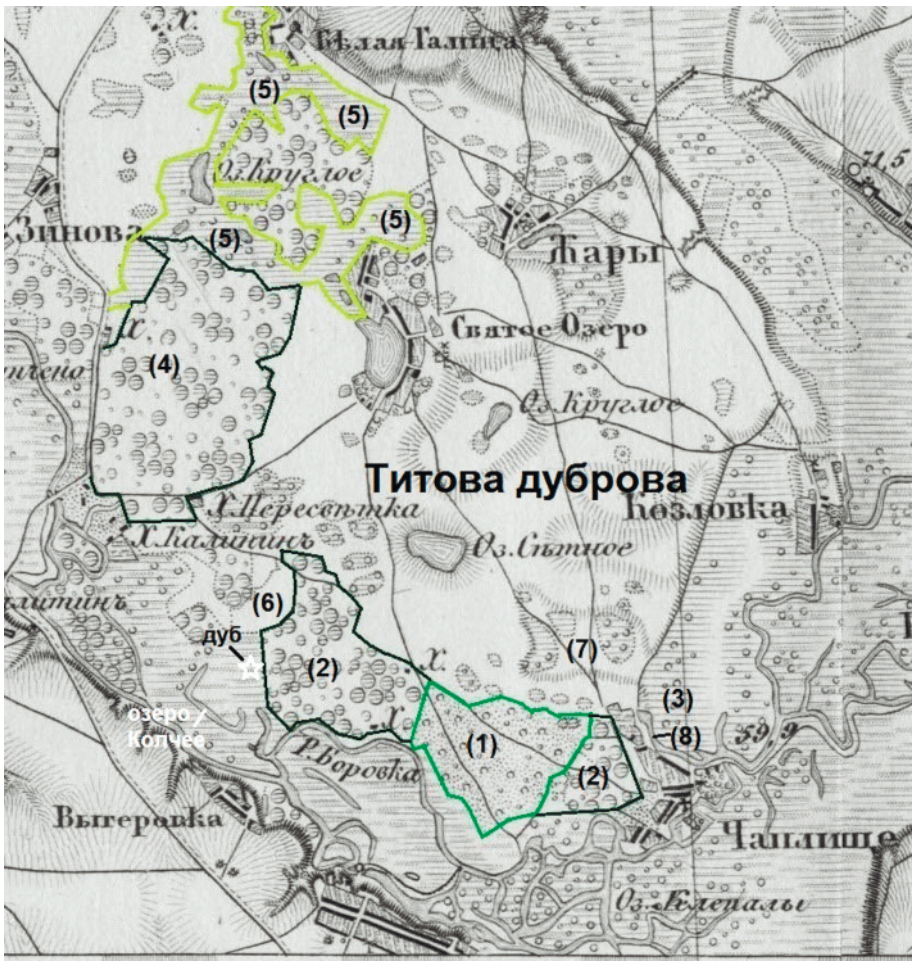


Рис. 4. **Титова дуброва на карте 1869 г.**

лес — Титов бор. К сожалению, точную локализацию Чаплицкого бортного ухожия произвести невозможно ввиду отсутствия необходимых данных.

Однако есть картина лесов этой местности на Трехверстной карте 1869 года, лист 20-12[125] (рис. 4), по которой мы можем локализовать остатки этого ухожия по состоянию на середину XIX века. Здесь мы видим лиственный лес (дуброву) западнее села Чаплищи, обозначенную цифрой (1)[126]. Можно утверждать, что это остатки Чаплицкого бортного ухожья. Непосредственно к западной окраине деревни Чаплищи примыкал Титов бор (2). В книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов и бор и дуброва у деревни Чаплища отнесены к Титовой дуброве. Дуброва (1) тянулась на запад и заканчивалась в среднем течении озера Боровни[127]. Фрагменты лиственного леса (7), скорее всего, являются еще одной частью в большой степени вырубленного Чаплицкого бортного ухожея. С западной части бортного ухожея (1) начинался хвойный лес (2), который также именовался Титовым бором. Он тянулся далее на запад до известного нам дуба на Чаплицкой дороге (см. также рис. 2 и 3).

Далее будем обходить Титову дуброву с запада. Этот участок являлся межой земель попов путивльской церкви Святого Пророка Ильи «что на торгу» (далее по тексту — межа ильинских попов). Эта межа была описана в общих чертах в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов и, более детально, в книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов. Вначале проследим эту межу по более раннему источнику — книге Петра Мусорского. Цифрой (6) на рис. 4 обозначена лощина, указанная в этой книге: «А от бору Титова лощинка, а лощинкою по Святое озеро». Межа ильинских попов шла от известного нам дуба по лощинке (6) на север в бор, до Святого озера. В этой лощинке мы видим небольшие дубровки и хвойные лесочки с южной стороны хуторов Пересыпка[128] и Калинин, а также большой бор (4) севернее этих хуторов. Севернее с бором (4) соседствует болото (5). В книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов это болото именовалось как Белая Галица. Оно выходило из Святого озера: «А от бору Титова лощинка з дубровкою, а лощинкою по Святое озеро и по болото по Белую Галицу, что болото вышло с озера Святого».

Итак, из книги Петра Мусорского мы прояснили общие параметры этой межи. Теперь почитаем описание той же межи в более позднем источнике — книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов[129]: «И от того дуба и от грани прямо в бор через дорогу, что ездят от Мокшевицкого перевозу в Чаплищи, до березы девяносто сажень, на ней грань, против грани яма. А от той березы и от ямы до сосны, что стоит подле лощины, сто пятьдесят сажень, на ней грань, против грани яма. А от той сосны и от ямы до березы сто тритцать семь сажень, на ней грань, против грани яма. А от той березы прямо дубровою мимо Дехтярную яму до дубка сто шестьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. А от того дубка дубровою ж до дубка сто шестьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. А от того дубка и от ямы дубровою ж да березы сто шестьдесят сажень, на ней грань, против грани яма. А от той березы прямо дубровою ж до дубка вилеватого[130] обсеченова сто шестьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. А от того дуба и от ямы до дуба сто семьдесят шесть сажень, на нем грань, против грани яма. А от того дуба и от ямы до дуба, что збоку выгорел, сто пятьдесят пять сажень, на нем грань, против грани яма. А от того дуба и от ямы дубровою ж до березы, что подле болота, восмьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. И от той березы и от ямы вниз болотом до березы двесте восмьдесят пять сажень, что стоит на левой стороне, подле болота на меже путивльцов Ерья да Ивана Беззубцовых, на ней грань, против грани яма.

Налеве церковная ильинская ружная земля и бортной ухожей попов Стефана Андреева с товарыщи, на правой стороне помесная земля и дуброва и бортной ухожей Зиновья Панова, да путивльцов Василья да Дмитрея Григорьевых детей Ващиниых, Григорья да Микифора, да Семена Титовых, Данила да Кузьмы Савельевых детей Литвиновых с товарыщи.

---

[125] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/20-12/ Путивль. (01.08.2011).

[126] Здесь и далее используются условные обозначения болот и видов лесов, приведенные на этой карте.

[127] На рис. 4 озеро Боровня показано как река Боровка.

[128] Современное наименование – Пересыпки.

[129] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 159. Описание этой межи можно пропустить. Оно нам необходимо для детального анализа и нахождения отдельных реперных точек.

[130] Вилеватый или виловатый – имеющий извилистые очертания, раздвающийся.

А от той березы вниз подле болота Святаго озера до Фощинской струги, и до объезжей Мокшевицкой дороги пятьсот шесть десят сажень. Налеве ильинская ружная церковная земля. А от другой дороги объезжей Мокшевицкой и вниз Фощинскую стругою до большой Мокшевицкой дороги триста дватцать сажень. Налеве ружная ильинская церковная земля попа Степана Андреева с товарыщи, а направе за стругою Григорья Кузьмина сына Титова с товарыщи. И от той большой другой Мокшевицкой дороги вниз тою ж Хвощенскою стругою до озера Фошиня, и вниз озером Фошиным до реки Семи восмьсот сажень. Налеве земля церковная ильинских попов, а направе меж озера Фошна сенные покосы путивльских стрельцов. И от той Фощиненской струги вверх рекою Семью до Мокшевицкого перевозу. А от Мокшевицкого перевозу вверх рекою Семью до устья Золотого затону до осокори {тысяча} пятьсот сорок саженей».

Реконструировать эту межу во всех деталях нет возможности, поскольку во многом ее межевыми знаками были видные на местности деревья. Нет возможности локализовать и указанную выше Дехтярную яму.

Воспользуемся, однако, данными, полученными из описания межи в книге 1628 и 1629 годов, а также содержащимися на планах 1785 и 1910 годов. Из всего этого выделим реперные точки в местах, которые либо уже локализованы, либо их легко локализовать:

- дуб у Титова бора на дороге из Чаплищ к Мокшевицкому перевозу (локализован);
- Святое озеро и болото возле него (локализовано);
- Фощинская струга (см. рис. 2);
- озеро Фошня. Его можно рассмотреть на рис. 1 юго-западнее деревни Зиново (на этой карте «Зиновля»);
- струга от озера Фошня до реки Семи.

Далее межа становится понятной: она идет вверх по течению реки Семь до Мокшевицкого перевоза и далее, в том же направлении, до Выгорева городища и известной нам осокори (начало межи).

Из приведенного списка необходимо локализовать Фощинскую стругу и озеро Фошня. Эту стругу мы видим на рис. 2. Для детализации этого участка обратимся к плану Путивльского уезда 1910 года[131] (рис. 5) (озеро и струга здесь мной выделены голубым цветом). Фощинская струга (на этом плане она именуется речкой Фощен) вытекает из озера Долгое, течет на запад, пересекает дорогу от Путивля до Мокшевицкого перевоза. Далее, по касательной, проходит озеро Фошня и течет на северо-запад, где впадает в реку Семь. Озеро (на рис. 5 оно показано как озеро Фощено) находится на юго-западной окраине деревни Зиновля (современное село Зиново).

***Рис. 5.* Фощинская струга на плане 1910 г.**

[131] План Путивльского уезда Курской губернии. 1910 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-ukraine_sumy_putivlskiy-uezd-1910/ (03.03.2010).

Таким образом, все географические объекты, указанные в приведенном выше перечне, локализованы. Чтобы как-то справиться с локализацией межи ильинских попов, разобьем ее на несколько участков:

1. начало межи: «подле реки Семи на берегу осокорь» и далее, до дуба, что у Титовой дубровы. Этот участок был реконструирован ранее (см. рис. 3);
2. от дуба до лощины: «И от того дуба и от грани прямо в бор через дорогу, что ездят от Мокшевицкого перевозу в Чаплищи, до березы девяносто сажень. На ней грань, против грани яма, а от той березы и от ямы до сосны, что стоит подле лощины, сто пятьдесят сажень (518 м)»;
3. от сосны и «до березы, что подле болота», что у Святого озера, 1188 саженей (2566 м). Это место, где из Святого озера исходит болото. В северной его части находится исток болота (5);
4. «от той березы и от ямы вниз болотом до березы двесте восмьдесят пять сажень, что стоит на левой стороне подле болота (616 м)». Поскольку болото исходит из Святого озера, то «вниз болотом» значит, что межа сворачивает на запад, а болото находится на ее северной стороне. Здесь указаны поместья справа и слева от межи: «Налеве церковная ильинская ружная земля и бортной ухожей попов Стефана Андреева с товарыщи, на правой стороне помесная земля и дуброва, и бортной ухожей Зиновья Панова да путивльцов Василья да Дмитрея Григорьивых детей Ващиниых, Григорья да Микифора, да Семена Титовых, Данила да Кузмы Савельевых детей Литвиновых с товарыщи»;
5. «а от той березы вниз подле болота Святаго озера до Фощинской струги и до объезжей Мокшевицкой дороги пятьсот шесть десят сажень (1210 м). Налеве ильинская ружная церковная земля». Фощинская струга показана на рис. 5. Объездная Мокшевицкая дорога шла от этого перевоза в направлении Путивля и пересекала Фощинскую стругу. Затем она объезжала болото Белая Галица с севера и далее сворачивала на юго-восток к Молчинскому болоту, озеру Жары и далее к деревне Козловке;
6. «а от дороги объезжей Мокшевицкой и вниз Фощинскую стругою до большой Мокшевицкой дороги[132] триста дватцать сажень (691 м). Налеве ружная ильинская церковная земля попа Степана Андреева с таварыщи, а направе, за стругою, Григорья Кузьмина сына Титова с товарыщи»;
7. «и от той большой другой Мокшевицкой дороги вниз тою ж Хвощенскою стругою до озера Фошиня» (см. рис. 5);
8. «вниз озером Фошиным до реки Семи восемьсот сажень»;
9. «и от той Фощиненской струги вверх рекою Семью до Мокшевицкого перевозу»;
10. «а от Мокшевицкого перевозу вверх рекою Семью до устья Золотого затону до осокори {тысяча} пятьсот сорок саженей».

Результаты реконструкции межи ильинских попов представлены на рис. 6. Участки (1) — (10) соответствуют номерам пунктов участков межи, приведенным выше. Участки (2) — (5) показаны приблизительно, но с соблюдением расстояний между межевыми знаками. Расстояния, приведенные в писцовой книге Семена Муромцева, совпадают с расстояниями на спутниковом снимке в рамках допустимых погрешностей (5–10%) с учетом данных, полученных из Трехверстной карты 1869 года (рис. 4)[133]. Остальные участки (6) — (10) локализуются более-менее точно, поскольку проходят по Фощинской струге, озеру Фошня и реке Семи. На рис. 6 (космическом снимке) озеро Святое указано как Червоное. Это наименование озеру было присвоено в советское время, по понятным причинам.

Исходя из этой межи можно утверждать, что бор (4) на рис. 4 не мог быть частью Титовой дубровы (или Титова бора), а был частью бортного ухожия ильинских попов и назывался Ильинским бором. На это указывает комментарий, относящийся к участку (4): «Налеве церковная ильинская ружная земля и бортной ухожей попов Стефана Андреева с товарыщи, на правой стороне помесная земля и дуброва и бортной ухожей Зиновья Панова с товарыщи»[134]. Южная граница Ильинского бора также локализуется. В писцо-

[132] Дорога из Путивля к Мокшевицкому перевозу. Сейчас – это дорога из г. Путивля в г. Сумы.

[133] «Ложбина с дубровкою» (6), бор (4) и болото (5) на рис. 4.

[134] Направление межи было с юга на север.

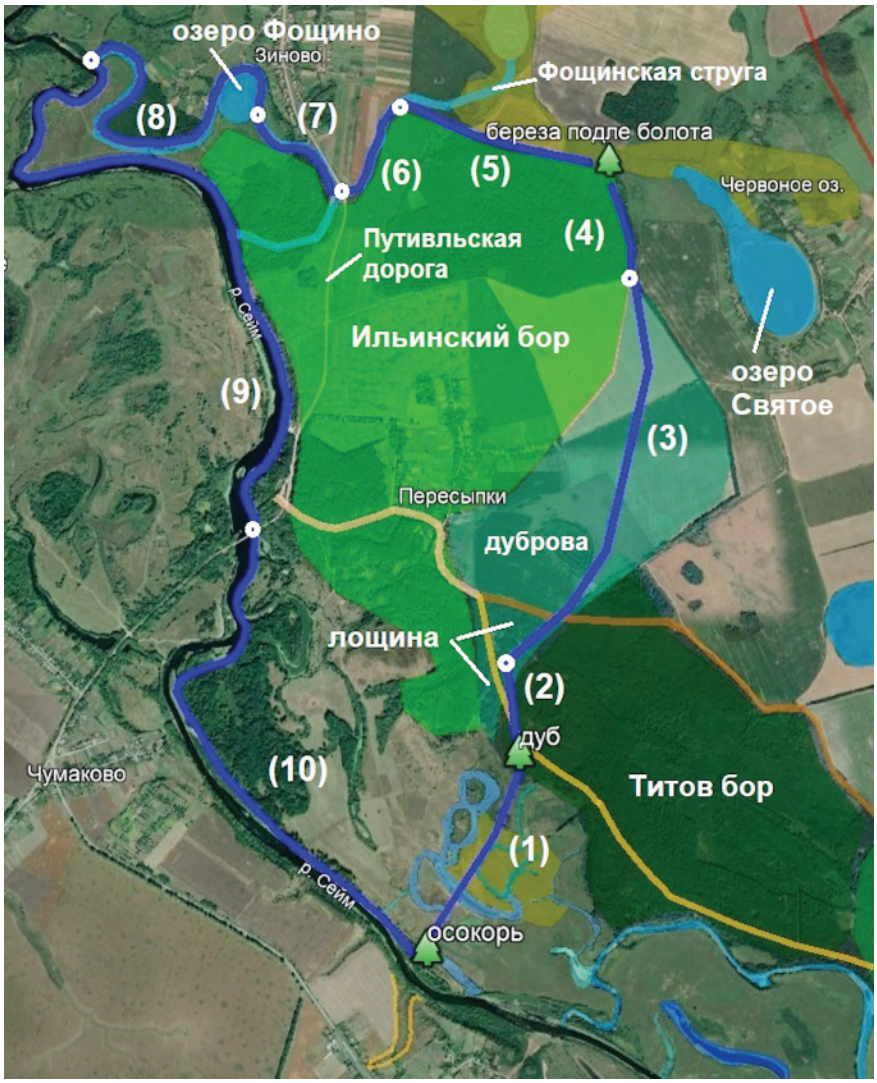


Рис. 6. **Реконструкция межи ильинских попов 1685 г.**

вой книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (л. 832) сказано, что лощина с дубровою находится между этими двумя борами: «Да через реку Семь с Путивльские стороны по лощинку, что лощинка з дубровкою меж Титова и Илинсково бору». Что, собственно, мы и видим на Трехверстной карте 1869 года (рис. 4).

В начале и середине XVII века основную часть Титовой дубровы занимали лиственные леса. Эти дубровы отдавались путивльским помещикам под вырубку и постепенно распахивались. Вот как об этом сказано в книге Петра Мусорского[135]: «Да в Заморниковской волости в жеребью пустоши Титовы дубровы на Святом озере перелогу и дикие дубровы на пашню добрые земли». Эти дубровы начинались с участка (6) на рис. 4. Их остатки видны на этом же рисунке в районе деревни Пересыпка. Далее межа Титовой дубровы шла на север до болота на Святом озере вдоль Ильинского бора[136], который был слева. Дубровы занимали все пространство на восток от Святого озера до озера Жары. С севера их ограничивало болото Белая Галица. На юг они занимали пространство между озерами Круглое и Сетное и доходили до Титова бора и далее — до деревни Чаплищи. В окрестностях озер были низины. Эти места на карте 1869 года и, соответственно, на рис. 4 показаны как «мокрые леса». К примеру, на участке (7), в отличие от обычной дубровы (1).

Определенную часть в дубровах занимали сенные покосы (сеножати)[137]: «Да смежно Федора Беззубцова поместья меж болот на Святом озере сеножать дватцать копен, да в Заморниковской же волости в Титове дуброве от плотаваго дуба, едучи Чаплицкою дорогою от Путивля, по левую сторону по Чаплицкой рубеж».

На этом же рис. 4 в болоте Белая Галица (5) показано озеро Круглое. Скорее всего, это наименование ошибочное. На самом деле — это озеро Долгое (см. рис. 1), находящееся юго-западнее озера Белая Галица. Из озера Долгого вытекала Фощинская струга.

Дубровы и боры в пустоши Титовой дубровы постоянно вырубались на протяжении XVII и до конца XIX века. К XX веку от них мало что осталось. К концу XIX века значительные участки были вырублены

[135] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 91.

[136] В описании межи 1684 г. этот лесной массив указан как бортный ухожей ильинских попов, то есть лиственный лес. Однако на Трехверстной карте 1869 г. (рис. 4) он показан как хвойный.

[137] Отказная книга Василья Иванова сына Черепова 1659 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 15 об.).

до такой степени, что в начале XX века они вновь засаживались. Как результат, сегодня мы можем наблюдать в бору ровные ряды уже взрослых сосен.

Необходимо добавить несколько слов о старинных дорогах. Одна из них вела из Чаплищ к Мокшевицкому перевозу и называлась Боровой или Чаплицкой, поскольку шла по кратчайшему пути через Чаплицкую дуброву и Титов бор. Вторая дорога именовалась Объездной и также шла до Мокшевицкого перевоза, но по северной опушке этих же лесных массивов. От места смыкания Боровой и Объездной дороги (в районе деревни Пересыпки) до Мокшевицкого перевоза шла Мокшевицкая дорога. Еще была дорога из Чаплищ в Путивль. Исходя из плана 1785 года (см. рис. 2) можно предположить, что она шла от Чаплищ на север, по левую сторону озера Круглое. Далее, между озер Святое и Жары, объезжая Святое озеро и его болото с востока, к восточной границе болота Белая Галица и, наконец, налево, на Путивльскую дорогу. Остается неясной локализация Объезжей Мокшевицкой дороги, указанной в описании межи ильинских попов. Из этого описания ясно, где эта дорога выходила на Путивльскую дорогу[138], но как она шла по Титовой дуброве — остается только предполагать. На плане 1785 года видно несколько подходящих дорог. Но не ясно, какая из них являлась Объездной Мокшевицкой.

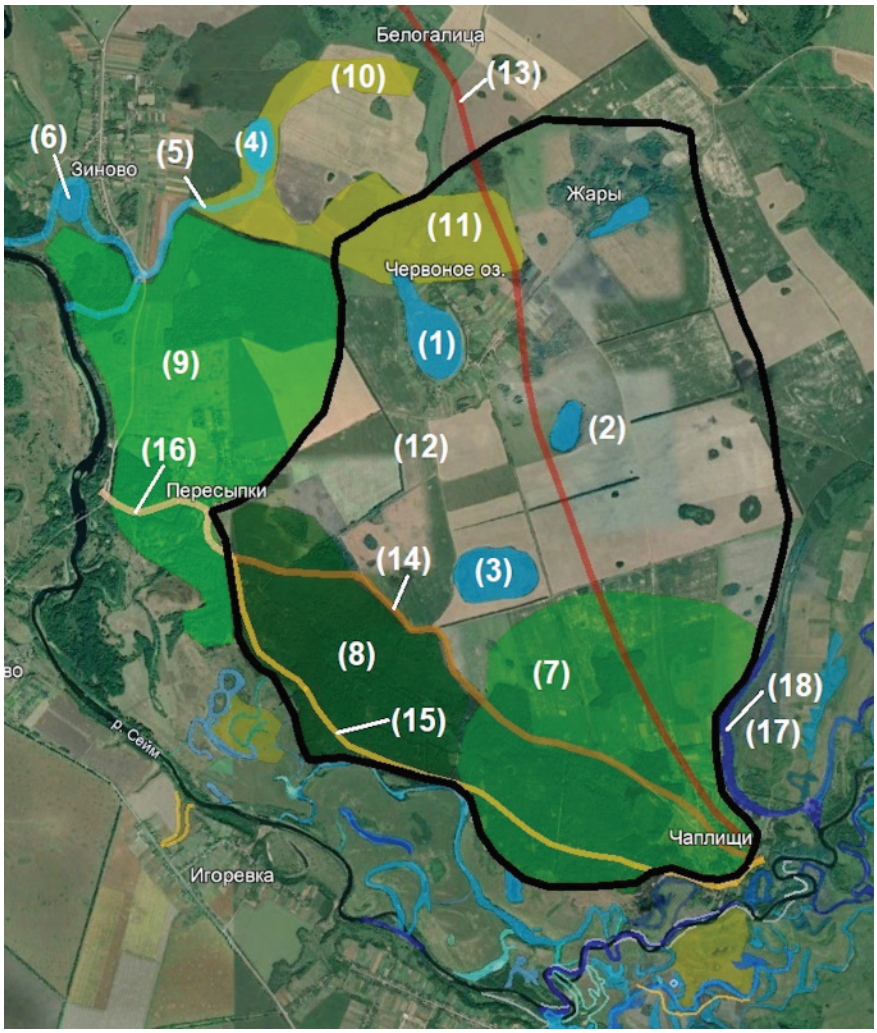


Рис. 7. **Реконструкция пустоши Титовой дубровы. 1628 г.**

В заключение приведем полную реконструкцию пустоши Титовой дубровы на спутниковом снимке (рис. 7). Черной линией показана граница этой пустоши по состоянию на 1628 год. Цифрами обозначены:

(1) — озеро Святое;
(2) — озеро Круглое;
(3) — озеро Сетное;
(4) — озеро Долгое;
(5) — Фощинская струга;
(6) — озеро Фошня;
(7) — Чаплицкий бортный ухожей (северная его граница показана условно);
(8) — Титов бор;
(9) — Ильинский бор (бортный ухожей ильинских попов);
(10) — болото Белая Галица;
(11) — болото Святого озера;
(12) — дубровы с сенокосами;
(13) — Путивльская дорога;
(14) — Объездная дорога;
(15) — Боровая (Чаплицкая) дорога;
(16) — Мокшевицкая дорога;
(17) — Чаплицкое болото;
(18) — озеро Чапля.

[138] Современная дорога из г. Путивля в г. Белополье и далее – в г. Сумы.

1.2.6. Бортные ухожеи

ВВЕДЕНИЕ

Перед описанием бортных ухожеев в окрестности села Клепалы приведем краткое описание промысла добычи меда диких пчел[139]. Для этого обратимся к статье доктора исторических наук, профессора Мизиса Ю.А. «Бортные ухожья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв.»[140]:

«Бортное ухожье — это участок леса с бортными деревьями. Особенность бортного промысла требовала достаточно больших размеров владений, входивших в состав бортного ухожея. Поэтому они занимали значительные площади и отделялись друг от друга особыми условными знаками — гранями. Их наносили на межевые деревья, выделявшиеся среди других деревьев. Бортные ухожьи располагались, как правило, в малоосвоенных территориях русского государства и принадлежали государю, частным лицам или церкви.

Бортное ухожье — довольно сложное хозяйство. Оно включало борти, в которых жили пчелы, и борти без пчел, деревья-холостцы, пригодные для бортей, но еще не выделанные бортниками. Таких могучих деревьев было в то время "несчетно", но они держались на примете и в любое время могли стать бортным деревом.

Население южных уездов получило право не только на приобретение земельных наделов для пашни и сенокосов, которые находились вблизи населенных пунктов, но и на бортные угодья, расположенные за 100–150 км от селений. Данные территории Россия считала своей собственностью и выделяла их от царского имени в оброк любому желающему. Ежегодно владелец должен был подтверждать право на собственность и выплачивать оброк, чаще всего натуральный, за право его эксплуатации в Приказе Большого дворца[141]. Регулярно посещая свои бортные владения, местные крестьяне и служилые люди экономически осваивали их.

Мед и воск служили важнейшими предметами внутреннего обмена и важными статьями экспорта. "Мед и воск, находимые везде в лесах ... в таком изобилии, что русские, кроме того, что потребляют сами первые на варку напитка медового, а второй на восковые свечи... излишек огромными частями продают в другие земли", — отмечал Адам Олеарий в 1638 году»[142].

БОРТНЫЕ УХОЖЕИ В ПУТИВЛЬСКОМ УЕЗДЕ

Наиболее близкими к Клепальскому городищу были Чаплицкий, Никольский и Ильинский бортные ухожеи. В документах XVII века упоминаются также бортные ухожеи на речках Клевени, Выре, Курице, Терну, а наиболее дальние — на речке Псел и ее притоках. «Поиск пригодных для создания бортей деревьев, а также сочетания ряда географических факторов — наличие естественного водоема недалеко от бортных деревьев, участков леса и степи, богатых медоносами — уводили бортников далеко от дома»[143].

В отказной книге попов Почасеевых 1694 года (см. разд. 1.2.2) упоминается бортный ухожей в Борынских дубровках. Он не был самостоятельным, а входил в состав более крупного ухожея — Никольского.

---

[139] Автор не ставит целью детальное описание самих бортных промыслов. Читатель может ознакомиться с этим в специальной литературе.

[140] *Мизис Ю.А.* Бортные ухожья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв. // Вестник ТГУ. Вып. 10 (126). Тамбов, 2013.

[141] Приказ Большого дворца, Дворцовый приказ или Большой Дворец – орган управления Русского царства, который ведал царскими дворами (кормовым, хлебным и другими), городами и селениями в собственных землях великого князя Московского (закупал товары, продовольствие, управлял доходами и расходами царского двора) и гражданскими делами духовенства. (Приказ Большого_дворца // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki /Приказ_Большого_дворца. (06.08.2025)).

[142] *Олеарий А.* Подробное описание путешествия в Московию и Персию. в 1633, 1636 и 1638 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн.3. Гл. 2. М.: Изд. Московского университета, 1868. С. 121.

[143] *Мизис Ю.А.* Бортные ухожья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв. // Вестник ТГУ. Вып. 10 (126). Тамбов, 2013.

Как было сказано выше, бортные деревья помечались специальными знаками — знаменами. Их вытесывали на этих деревьях. Если бортник находил новое бортное дерево, он наносил на нем новое знамя. Бортные знамена как исторический источник были описаны в работе Г.Н. Анпилогова «Бортные знамена как исторический источник по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х годов XVII века»[144]. Приведем примеры бортных знамен, показанных в этой статье (рис. 1).

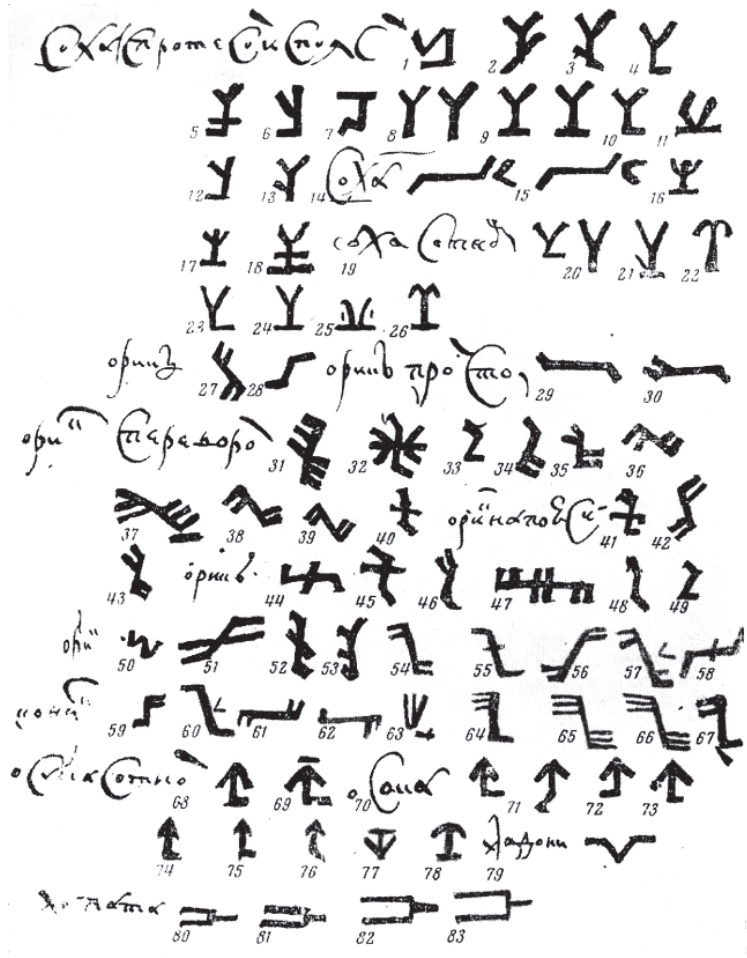


Рис. 1. **Примеры бортных знамен**

Среди рисунков бортных знамен большое место занимают сельскохозяйственные орудия: сохи и орики (1 – 67). Кроме этого, имеются много других изображений: грабли, вилы, лопаты, ворота, кольца и т. д.

В одном бортном ухожее разные бортные деревья могли быть помечены разными бортными знаменами. Тогда принадлежность бортных деревьев их владельцам определялась этими знаменами. Но в бортном ухожее могло быть одно знамя на всех бортных деревьях (например, в Чаплицком бортном ухожее на всех бортных деревьях было знамя кольцо). В этом случае, при наличии нескольких владельцев, бортный ухожей разделялся на участки, которые межевались специальными знаками — ко́бицами. Кобицы были различных видов: передняя, задняя, боковая и т. д. В этом случае бортные деревья конкретного владельца находились в межах определенных этими ко́бицами. На примере Чаплицкого бортного ухожья это выглядит так[145]: «Да к тому ж селищу {Чаплищам} вопче з братом ево Васильем {Череповым} в поместье половина бортного ухожея в Чаплищах с рыбною и звериною ловлею, и з бобровыми гоны, и со вспуды, и с перевесьи, со всеми угодьи, что к тому ухожью истари потягло[146]. А знамя в том бортном ухожью кольцо. А другая половина того ухожья бортного за племянники их за Григорьем да за Иваном Олексеевыми детьми Черепова. А ходят в тот ухожей бортной Иван да Василей в задней кобице, а Григорей да Иван Алексеевы дети в передней кобице».

Наиболее развернуто бортные угодья путивльских людей представлены в писцовой книге Петра Мусорского № 368 1628 и 1629 годов. Эта книга содержит описания бортных ухожеев в волостях Путивльского уезда. Приведем пример такого описания[147]: «За Федором Денисовым сыном Стрельниковым бортной ухожей в Желвацкой волости на реке на Псле да на речке на Судже с рыбною и звериною ловлею, из бобровыми гоны, со вспуды ис перевесьи, и со всякими угодьи, что к тому ухожью истари потягло. А знамя в том

[144] *Анпилогов Г.Н.* Бортные знамена как исторический источник (по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х годов XVII в.) // Советская археология. Вып. 4. М.: Изд. АН СССР, 1964. С. 157–158.

[145] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 63.

[146] «С рыбною и звериною ловлею, и з бобровыми гоны, и со вспуды, и с перевесьи, со всеми угодьи, что к тому ухожью исстари потягло» – стандартная фраза, указывающая на все остальные угодья помещика в его межах. Здесь «бобровы гоны» – это места для охоты на бобров; «вспуды» – ямы для ловли диких зверей; «перевесьи» – специально устроенные места для ловли водоплавающих птиц.

[147] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 368. Л. 57.

ухожью три рубежи с протёсы, да знамя косицы. Судерев[148] тот бортной ухожей вверх по Пслу по обе стороны с Прохором Микитиным да с Наумом с Медведком, да с Ваською Проскуряковым. Дельново деревья со пчелами шесть дерев. Да дельново ж безо пчел дватцать. А холосцов, которые вперед в дело пригодятца, — тех несчетно. Оброку с того ухожья бортного три пуды меду. Да с меду из бобровых гонов пошлины по указу. Порука в оброке ив пошлинах тое ж Желвацкой волости бортники Наум Медведко да Савка Филипов сын Банников, Федор Щетинин».

Как видим, этот бортный ухожей находился довольно далеко от Путивля, на реке Псёл. И это не исключение, а правило. До бортных ухожеев в волостях расстояния были порядка 100 км. В то время долина Псла была совсем не заселена и природа оставалась еще не тронутой хозяйственной деятельностью человека.

Бортникам давались в пользование не только бортные деревья, но и все угодья, которые были в межах этого ухожея: «с рыбною и звериною ловлею из бобровыми гоны со вспуды ис перевесьи, и со всякими угодьи, что к тому ухожью истари потягло». В указанном бортном ухожеи было два бортных знамени: «три рубежи[149] с протесы» и «косицы[150]». Изображения этих знамен приведены на рис. 2. В этом же описании указаны также соседние бортные ухожеи и их владельцы: «Судерев тот бортной ухожей вверх по Пслу по обе стороны с Прохором Микитиным, да с Наумом с Медведком, да с Ваською Проскуряковым». Далее указано число «дельных» деревьев со пчелами (шесть) и без пчел (двадцать). Брались на примету также и «холостцы», которые потенциально годятся для устройства бортей.

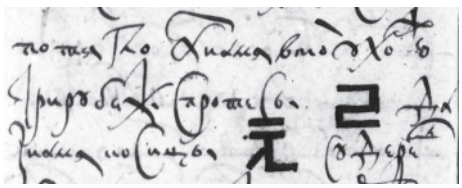


***Рис. 2.* Бортные знамена в книге №368. 1628 г.**

Далее указана величина медового оброка, который бортник отдавал государству (в казну)[151]: «Оброку с того ухожья бортного три пуды меду». В работе Булгакова М.Б. «Бортничество служилых людей Северской земли в первой трети XVII века»[152] отмечено, что из всего собранного бортником оброчного меда в казну шло 40–45%, а бортнику оставалось, соответственно, от 55 до 60%[153]. В приведенном случае оброк составлял 3 пуда (48 кг) меда. То есть всего в этом ухожье собиралось 3×100÷43 = 7 пудов (112 кг) меда[154]. И это с 6 бортных деревьев. Стало быть, с каждого бортного дерева собиралось в среднем 7/6 = 1,2 пуда (19 кг) меда за сезон.

Кроме того, бортник платил еще и пошлину: «Да с меду из бобровых гонов пошлины по указу». Величина пошлины указана в этой же книге (№ 368): «С пуда меду по полусеми (6,5) деньги[155]». Поскольку бортнику оставалось в среднем 57% собранного меда или 7×0,57 = 4 пуда, то эта пошлина составляла 26 денег (13 копеек). Анализ угодий, описанных в этой книге, показывает, что количество меда, собираемого с различных деревьев, колебалось от 12 до 32 кг с дерева.

Здесь же приведены сводные данные по сбору меда по каждой из волостей Путивльского уезда. К примеру, в Желвацкой волости, в которой находился рассмотренный нами бортный ухожей, с 302 бортных деревьев было передано в казну в виде оброка 185 пудов меда[156]. То есть всего было собрано 430 пудов. В среднем по 1,4 пуда с каждого бортного дерева, или по 22,8 кг.

---

[148] Судерев – рядом, смежно, бок о бок.

[149] Рубеж – зарубка, нарезка; черта или вырезанная на поверхности дерева круглая впадина как составная часть межевых знаков и бортных знамен (владельческих знаков бортных угодий).

[150] Косица – косой крац, откос; в названии бортного знамени – название знака, условно изображающего косицу, нити, сплетенные в виде косички.

[151] Здесь и далее приводятся показатели по сбору меда за один сезон.

[152] *Булгаков М.Б.* Бортничество служилых людей Северской земли в первой трети XVII в. // Крестьянство и сельское хозяйство России XIV – XVIII вв. М., 1989.

[153] В дальнейшем будем пользоваться именно этими показателями.

[154] Далее для простоты будем считать, что оброк составлял среднее значение между 40 и 45%, то есть 43%.

[155] Одна деньга = полкопейки.

[156] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 368. Л. 74–74 об.

ЧАПЛИЦКИЙ БОРТНЫЙ УХОЖЕЙ

Чаплицкий бортный ухожей был частично локализован при рассмотрении материалов по Титовой дуброве (см. разд. 1.2.5). Первое упоминание этого ухожея приведено в отдельной книге № 357 1594 года (л. 20)[157]: «Олексей Михайлов сын Черепов, поместья за ним старого отца ево Михаила, по отдельной выписи сына боярсково Ивана Оладьина пол-ухожья бортново в Чаплищах медвеным доходом за пашню за 20 за 5 чети, а даход ему с тово ухожея идет 12 пуд меду, а другая половина того ухожья бортново за Богданом Цераповым, а ходит в тот ухожей бортной Олексей в передней кобицы, а Богдан в задней кобицы». И далее: «А лес ему по Дуброве сечь у своей пашни дровяной про себя, а не на продажю, а бортей и дельново деревья, и холосцов, которые впредь в борти пригодятца, того ему не сечь». Более позднее описание этого же ухожея в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553) было приведено выше.

По состоянию на 1594 год с половины Чаплицкого ухожея доход бортнику составлял 12 пудов меда. А это 57% от всего собранного. То есть всего с половины ухожея собиралось 12×100÷57 = 21 пуд (337 кг) меда в год. К сожалению, в источниках не приводится количество бортных деревьев, чтобы судить о среднем качестве бортей. Но, по меркам бортных ухожеев в волостях, описанных в книге № 368, весь Чаплицкий ухожей давал довольно много меда — около 40 пудов (640 кг).

ИЛЬИНСКИЙ БОРТНЫЙ УХОЖЕЙ

Межа угодий ильинских попов приведена в писцовой книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369). Сюда входили церковные ружные земли, бортный ухожей и сенокосы. Мы подробно разобрали эту межу при локализации Титовой дубровы (разд. 1.2.5). Данные о бортных деревьях и количестве собираемого меда в этом ухожее приведены в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов[158]: «А знамя в том ухожею орик. Бортей со пчелами пятнатцать дерев, а дельных безо пчел сто дерев, а которые в дело пригодятца, тех не счетно… А доходу с тово ухожея бортного и с угодей попам десять пуд меду на год». Как видно из этого описания, в ухожее было сравнительно много бортных деревьев — 15. Доход попам составлял 10 пудов. В этом случае сезонный сбор меда составлял 10×100÷57 = 18 пудов (281 кг). Или, в среднем, 19 кг меда с дерева.

НИКОЛЬСКИЙ БОРТНЫЙ УХОЖЕЙ

Приведем полное описание межи этого ухожея, содержащееся в книге Петра Мусорского[159]: «Великого чюдотворца Николы Великорецкого за попом за Юрем Ивановым сыном Почасьивым да за дьаконом за Степаном Григорьевым сыном Кортавцовым по Государеве Цареве и Великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамате и Приказу Большого дворца за приписью дьяка Гарасима Мартемьянова 135 (1627/1628) году в руги место укольной {паевой} ухожей бортной по обе стороны реки Семи по лугом и по дуброве и по лесам, и по Борынским дубровкам. Того ж ухожея бортного на Конотопах[160] по обеим сторонам Конотоп сверху и до устья з Дашковыми по рубеж, по Никольской лог с хоромным и з дровяным лесом, и звериными ловли, со вспуды, и с перевесьи, и со всеми угодьи. Бортных дерев со пчелами дватцать бортей, а дельных безо пчел двесте дерев, а холосцов, которые вперед в борти пригодятца, тех не счетно… А доходу с ухожяв бортных и с угодей Николе Чюдотворцу попу и дьякону восемь пуд меду».

Итак, Никольский бортный ухожей находился по обоим берегам речки Конотоп от ее истока и до устья, по Никольскому логу. Далее, по обе стороны реки Сейм до Мокшевицкого перевоза. Затем по Борынским дубровкам. Точная локализация межи Никольского бортного ухожея не проводилась. То, что бортный ухожей в Борынских дубровках входил в состав Никольского, указано в отказной книге попов Почасеевых 1694 года[161]: «Промеж Борынских дубровак в церковной Николаевской даче бортной ухо-

[157] Книга цитируется по изданию: *Ампилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII. М.: МГУ, 1967.
[158] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 832 об.
[159] Там же. Л. 824 об.
[160] Урочище Конотопы было в долине речки Конотоп (см. Чертеж окрестностей города Путивля. 1690 гг.).
[161] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 108–109 об.

жей». Во всем Никольском ухожее было 20 бортных деревьев со пчелами, дельных без пчел — 200. А холостцов — без счета. Доход ильинским попам составлял 8 пудов меда. Всего собиралось в год 8×100÷57 = 14 пудов (225 кг) меда. В среднем — по 11 кг с дерева, что заметно меньше, чем в рассмотренных выше Чаплицком и Ильинском ухожеях.

ДРУГИЕ БОРТНЫЕ УХОЖЕИ В ОКРЕСТНОСТЯХ КЛЕПАЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Перечислим другие бортные ухожеи, которые встречались в документах XVII века:

- «за рекою за Клевенью против их поместья меж реки Клевени и лесу Марицы и Марицкого городища укольной бортной ухожей с рыбною и звериною ловлею и з бобровыми гоны со вспуды и с перевесьи и со всеми угодьи что к тому ухожью истари потягло. А знамя в том бортном ухожью мотовило» (Кн. 10553. Л. 60);
- «за рекою за Семью на Терну и на Курицы треть укольного ухожея бортного з диким полем, и со всеми угодьи» (Там же. Л. 67 об.);
- «в Печерскои волости на речке на Вири бортной ухожей с рыбною и звериною ловлею, и со всеми угодьи. А знамя в том ухожью бортном ворота» (Там же. Л. 89);
- «да по обе стороны реки Семи и по речке по Вирю бортной ухожей с рыбною и звериною ловлею, и з бобровыми гоны, со вспуды, ис перевесьи, и с дикими полями, и с сеножати, и с лесы, и со всеми угодьи, что к тому ухожью бортному истари потягло. А знамя в том ухожью бортном орик. А судерев тот ухожей бортной с бортным ухожьем Рожества Пресвятыя Богородицы Печерския Молченского монастыря»[162];
- «а от верховья Мертвой Вети[163] по перевесья[164] вверх Мертвой Вети и Поляны по устья Карашевская и по стругу Карашевскую и по Людин. Да в том же поместьи бортной ухожей в знамени кольцы две кобицы»[165].

СВОДНЫЕ ДАННЫЕ ПО СБОРУ МЕДА В БОРТНЫХ УХОЖЕЯХ

Как мы видим, в трех бортных ухожеях Пригородного стана (Чаплицком, Ильинском и Никольском) среднее количество меда, собираемого из одной борти, не превышало 19 кг. При этом Чаплицкий ухожей давал 40 пудов меда, Ильинский — 18 пудов, а Никольский — 14 пудов. Чтобы сравнить эти показатели с аналогичными показателями в Путивльских волостях, приведем сводные данные по трем из них: Желвацкой, Городецкой и Мужецкой[166], находящихся в долине реки Псел (табл. 1):

Волость	Число бортных ухожеев	Число бортных деревьев	Всего оброка (пудов)	Всего собрано меда (пудов)	В среднем, с одного ухожея	Меда с дерева (пудов)	Собрано меда с дерева (кг)
Желвацкая	39	302	185	430	11	1,4	22,4
Городецкая	34	110	52	121	3,6	1,1	17,6
Мужецкая	33	222	150	349	10,6	1,6	25

[162] Отказная книга Василия Иванова сына Черепова 1659 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 13 об. – 14).

[163] Указанные здесь озера и урочища будут локализованы позднее.

[164] Перевесье — угодье для ловли сетями (перевесами) водоплавающих птиц при взлете. Локализация этого перевесья будет произведена позднее.

[165] Отказная книга Григория Иванова сына Трифонова на прожиточное поместье его невесты вдовы Аграфены Даниловской жены Черепова 1681 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 547). Приведенные здесь географические объекты будут локализованы позднее.

[166] Данные приведены в писцовой книге № 368 1628 и 1629 гг.

Таким образом, в среднем, с каждого бортного ухожея в волостях собиралось от 3,6 пуда (Городецкая волость) до 11,6 пуда (Желвацкая волость), что заметно уступало аналогичным показателям в Пригородном стане. Другое дело, что в волостях было намного большее количество ухожеев.

БОРТНЫЕ УХОЖЕИ МОЛЧИНСКОГО МОНАСТЫРЯ В XVI ВЕКЕ

Любопытную картину представляет описание бортных ухожеев Молчинского монастыря 1557 года (выпись 1606 г.)[167]. Материал любезно предоставлен Е.В. Русиной, к.и.н., старшим научным сотрудником Института истории НАН Украины.

Вот пример описания одного из ухожеев: «Ивана Власова сына Ядреевского, да сын ево Дениско ходит ухожей Кохоновской на Соболевище и на озере на Седри. А преж того тот ухожей был за Ивашком Степановым. А давал Ивашко деветь пуд меду. А нынече Ивана наддал над старым оброком три пуды меду, и вперед ему давати с того ухожья двенатцать пуд меду. В озере Седре ловят рыбу, а половину тое рыбы емлют себе. А рыба в озере лини и караси. А в том ево ухожье {бортных дерев} со пчелами десеть бортей а дели сто бортей. А недельного бортного деревья котороя вперед в борти пригодитца, того сказали много, а счету не ведают. А знамя у него кобылка. А ходит по игумновой грамоте».

Всего у этого монастыря было 16 бортных ухожеев в окрестностях Путивля и на речках Суле, Вырь и Ромен, в которых было 105 бортных деревьев. С этих ухожеев бортники отдавали монастырю оброка по 129 пудов (2064 кг) меда в сезон. Если допустить, что приблизительно столько же они оставляли себе, то средний годовой сбор меда составлял около 258 пудов (4128 кг) или по 2,5 пуда (40 кг) меда с бортного дерева. Самым богатым на мед был ухожей Игнатовский в Линовском лесу, где с 6 бортных деревьев собиралось 36 пудов меда (576 кг). В среднем с каждого дерева по 6 пудов (96 кг). В 1557 году средний показатель сбора меда по ухожеям (40 кг с дерева) заметно превышал аналогичные показатели по волостям Путивльского уезда в 1628 году[168] (см. табл. 1). По этому показателю только Чаплицкий ухожей в начале XVII века приближался к ухожеям Молченского монастыря 1557 года. За прошедшие 70 лет наблюдается заметное уменьшение качества бортей[169].

ПАСЕКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ДЕРЕВНИ КЛЕПАЛО

Рост населения к концу XVII века — началу XVIII века в Путивльских окрестностях и в волостях, а также интенсивная хозяйственная деятельность к началу XVIII века привела к заметному сокращению бортного медового промысла. Начинался массовый переход к пасечному промыслу и разведению пчел в ульях. К концу XVII века территории в долине реки Псел начали активно осваиваться переселенцами из центральных районов современной Украины (черкасами), и бортный промысел постепенно сворачивался.

Приведем список пасек в окрестностях Клепал, упомянутых в писцовых и отказных книгах XVII века[170]:

1. пасека братьев Василья, Петра и Ивана Череповых в лесу пристенке у Выгорева городища[171]: «Да усадьба ж к озерку Глушицы да в пристенке к озерку Глушицы пасечное место»;
2. пасечные места Василия Черепова в долине речки Безуевки[172]: «Да ему ж Василью Черепову отделил по речке по Выжлице хоромной и дровяной лес, и по дубровам, и по лесу пристенку, и по ольху, и по острову Больших Аленей, и по Поганому острову, и вверх Поляны по островком с пасечными месты»;

[167] Выпись с Путивльских писцовых книг письма Захария Плещеева 65 (1557) года Пречистые Богородицы Молчинского монастыря ухожеям бортным и всяким угодьям (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 6. Л. 137–143).

[168] Если оставалось в силе предположение, что в 1557 г. бортники оставляли себе около половины собранного меда.

[169] Приведенный результат является оценочным, поскольку не представлены выборки по всем бортным ухожеям в Пригородном стане и в волостях по состоянию на середину XVI в. и первую половину XVII в.

[170] Перечисленные ниже географические объекты будут локализованы позднее.

[171] Отказная книга Василия, Петра и Ивана Ивановых детей Череповых 1650 г. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 7.

[172] Там же. Л. 8 об.

3. пчельня в урочище Верзань[173]: «Февраля в 5 день у путивльского соборного дьякона Алексея в Путивльском уезде во урочищи Верзани в пчальне татаровя взяли в полон дворовых ево людей трех человек и животину двоя лошадей шесть волов да пчелы побили тритцать шесть роев»;
4. пасека Леонтья Черепова в устье озера Клепало[174]: «И в прошлом во 189 (1681) году то отца ево поместье отдано ему Леонтью. И на том де поместье, что усть озера Клепала с урочищи, он Леонтей на пасечное место к сад лесу росчистил и сад насадил»;
5. пасечное место Ивана Масалитинова[175]: «Да пасечное место в лесу пристенку пониже Часского городища».

Анализ показателей сбора меда в пасеках не проводился ввиду отсутствия необходимых материалов.

1.2.7. Старинные оборонительные валы

При локализации меж путивльских помещиков в окрестностях сел Клепалы и Карпиловка были обнаружены два старинных вала: на Вирской и Псельской дорогах (см. разд. 1.2.1 и 1.2.4). Первый из них перекрывал Вирскую дорогу в узком месте между речкой Выжлица и долиной реки Сейм. Второй находился между верховий речек Выжлица и Чаша и перекрывал Псельскую дорогу. Эти древние валы были защитными сооружениями, перекрывавшими пути кочевникам из южных степей в порубежный город Путивль.

В древности речки Чаша и Выжлица были гораздо более полноводными. Местность вокруг них была покрыта лесами и многочисленными заросшими лесом оврагами, которые имели водотоки и, по сути, являлись руслами речек, впадавших в Выжлицу и Чашу. Все это являлось природной преградой на пути степных кочевников на Русь. Узкими местами были старинные дороги, они и перекрывались валами.

Длина вала на Псельской дороге составляла приблизительно 500 м, а вала на Вирской дороге — около 800. Сведений о дополнительных сооружениях на этих валах (деревянных частоколов, рвов) в документах XVII века не приводится. На эти вопросы могли бы ответить только археологи.

В Путивльских отказных книгах эти валы называют «старинными» (кн. 10568, л. 95, 96, 1694 г.): «против валу, что старинной вал по правою сторону той Псельской и Терновской дороги»; «старыми»: «и старым тем валом да Вирской дороги»; «истари копанными» (кн. 10563, л. 651, 1684 г.): «на другой стороне, что словет Выжлицкая дуброва против конца валу, что истари копан от реки Семи до речки Выжлицы».

Еще два вала мы находим на чертеже окрестностей Путивля 1690-х годов. Первый из них — между речкой Чашей в нижнем ее течении и болотом Железные Кольца (рис. 1). На этом фрагменте сверху показаны деревни Борыни с мельницами на речке Чаше. Внизу — мощная крепость — Путивль. В центре — вал на меже попов Почасеевых. Около вала имеется надпись: «Вал, что написан в межевых книгах Ильи Колпакова». Обратим внимание, что межа попов Почасеевых пересекает болото Железные Кольца. В этом месте на рис. 1 показан межевой столб. Далее межа идет влево. От указанного столба она проходит через три межевых дерева, а затем, еще через три межевых столба до пересечения с речкой Чашей. Таким образом, вал тянется от болота Железные Кольца до речки Чаши.

Место, где был столб у болота, будем считать началом вала. Для точной привязки к местности обратимся к межевым книгам попов Почасеевых 1694 года и рассмотрим описание интересующего нас участка межи[176]: «А от того столба и от ямы тою ж дорогою подле вал и подле пустошь Часского городища да дуба ма-

[173] Записные тетради по Путивльскому уезду Гр. Долгорукова и Т. Безсонова: записи о числе лиц мужского и женского пола, взятых в полон во время набега воров, черкасов и татар, выжженных и разоренных ими сел, мельниц и пр., количества угнанного скота и проч. 1659 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Ед. хр. 1. Ч. 1, 107. Л. 3).

[174] Спор о пасеке между Зиновием Пановым, Андреем и Василием Соколовыми и Леонтием Череповым. 1685–1686 (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. I. Ст. 1066. 6) Путивля).

[175] Отказная книга Ивана Иванова сына Головачева 1694 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10565. Л. 936).

[176] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 115 об. – 116.

лодого сорок сажень. На нем грань, против грани яма. А от того дуба и от ямы подле тот же вал до дуба семьдесят сажень, на нем грань, против грани яма. А от того дуба и от ямы подле тот же вал да дубка малодого, что подле валу, семь сот пять десят шесть сажень, на нем грань, против грани яма. А от того дуба и от ямы направо вкруте до столба сто сажень, на нем грань, против грани яма. А от того столба и от ямы до столба сто сажень, на нем грань, против грани яма. А от того столба и от ямы да речки Чаши, а Борынская речка та ж, что идет промеж церковного Николаевского бортного ухожья и Борынских дубровак, до столба сорок две сажени, на нем грань, против грани яма. На правой стороне Николаевской церковной ружной укольной бортной ухожей Борынские дубровки и сенажати попов Андрея да Тимофея Почасеевых с причетники[177]. А по левою сторону пустошь Чаского городища. А от того столба и от ямы вниз речкою Чашею, а Борынская речка та ж, да починнаго столба, что он над тою ж речкою Чашею».

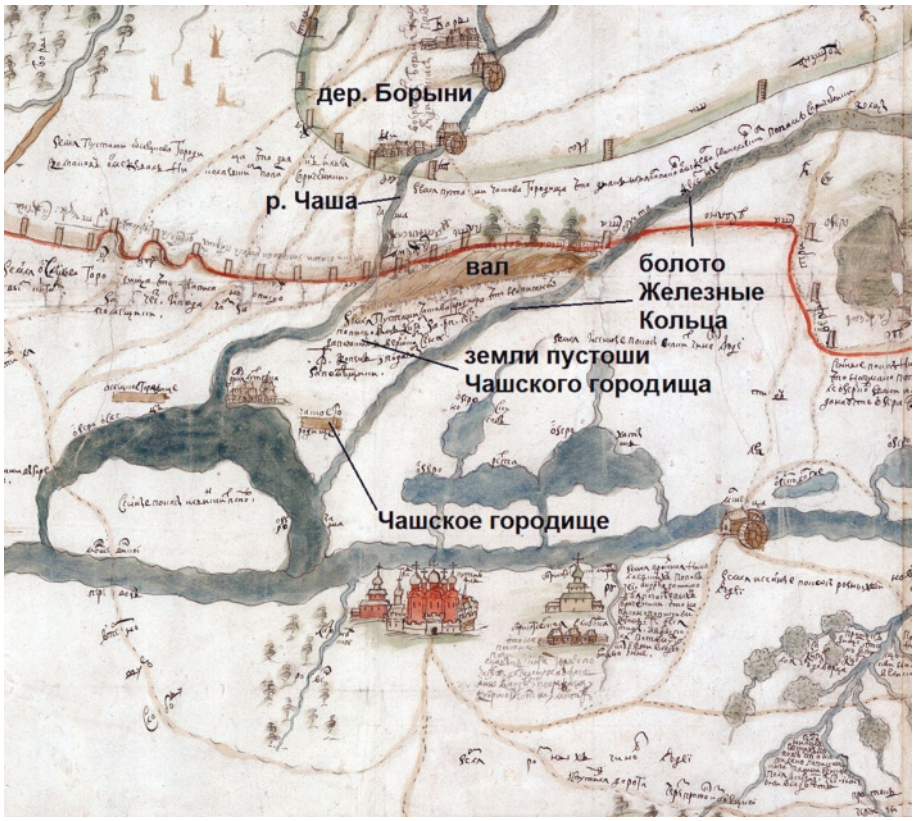


Рис. 1. Вал у болота Железные Кольца. План окрестностей Путивля. 1690-е гг.

В этом описании есть некоторое противоречие с чертежом. А именно, согласно описания в межевой книге, после трех дубов[178] межа сворачивает круто направо («направо вкруте»). Но на чертеже вал показан довольно широким и прямым. Поворот «направо вкруте» после третьего дуба не показан. Но, что характерно, в межевой книге не указывается, что межа после «вкруте направо» идет вдоль вала. В то же время при описании межи на отрезках между дубами в каждом случае уточняется, что межа проходит «подле тот же вал». Очевидно, что вал был копан, чтобы перекрыть направление на Путивль с южной стороны[179]. Этот же вал прикрывал земли Чашского городища и само городище. Земли от вала и до этого городища на чертеже описаны как «земля пустоши Чаского гордища, что написано в писцовых книгах за 180 четей, да по часким отвершкам сена 500 копен».

Что касается второго вала на чертеже окрестностей Путивля, то он находился в правой части чертежа[180] (рис. 2). Если идти от вала у Чашского городища вверх болотом Железные Кольца (на рис. 2 – направо), то мы увидим, что это болото выходит из большого Верзанского болота, которое, в свою очередь, впадает в Люльское (оно же Семское). В этом месте на чертеже имеется надпись: «Устья Верзанские болотины, что попы называют Прудками, впало в Люльское болото». Из правой стороны Люльского болота выходит искомый второй вал. Далее вал уходит на юг, оставляя с западной стороны села Духановка и Козацкое. При этом на чертеже вдоль его длины имеются две надписи: «Вал». Если так, то его длина составляла более 10 кило-

[177] Причéтник – член причта церкви, иначе церковнослужитель; общее название всех клириков, за исключением священника и диакона: дьячков, чтецов, псаломщиков, пономарей и т. п. (*Прим. авт.*)

[178] Деревья на чертеже оказались дубами.

[179] На чертеже верхняя его сторона является южной.

[180] На местности это западная сторона.

Рис. 2. **Вал у Люльского болота. План окрестностей Путивля 1690-е гг.**

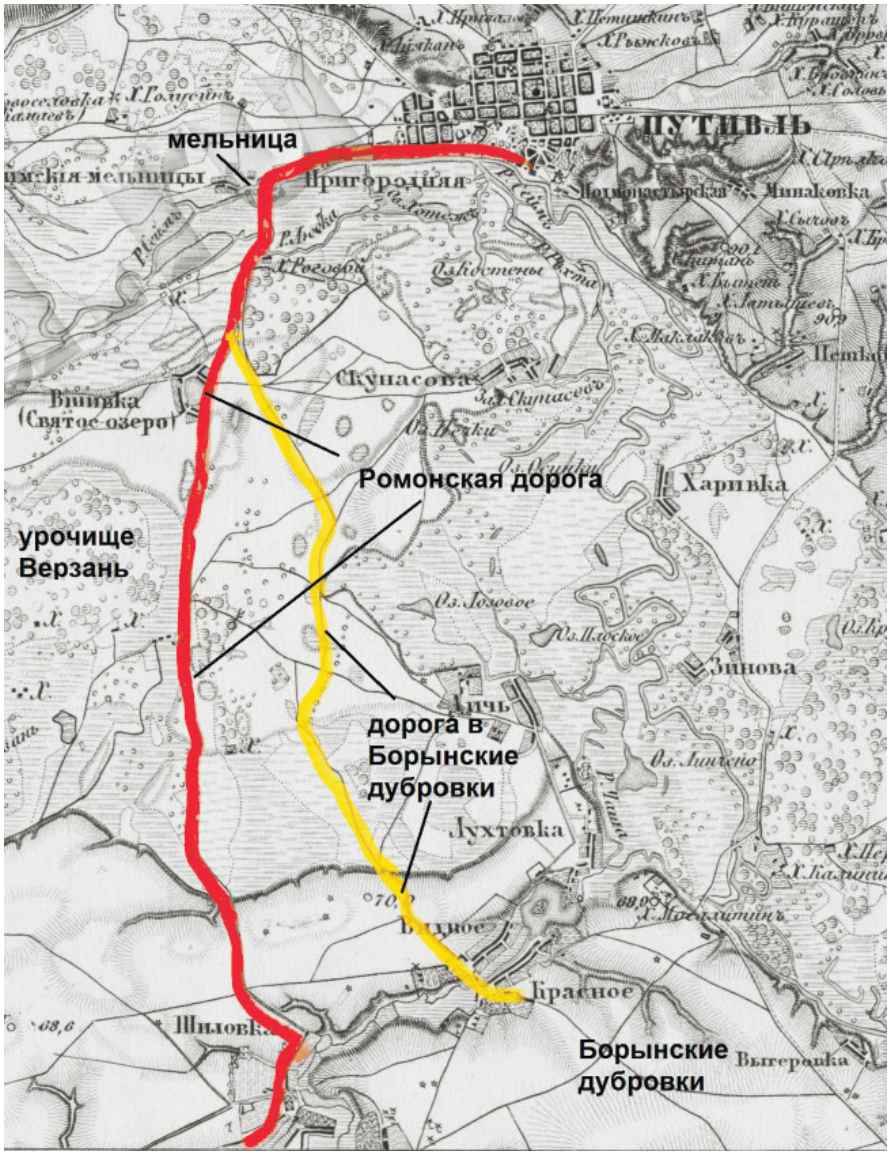


Рис. 3. **Дорога от Путивля в Борынские дубровки на карте 1869 г.**

метров! К сожалению, никаких описаний вала ни на чертеже, ни в межевых книгах попов Почасеевых нет. Скорее всего, его упоминание имеется в межевых книгах помещиков села Духановки. В отказной книге попов Почасеевых указано, что возле вала находится «земля села Духановки, оно ж и Кротова дуброва, что и в писцовых книгах написано Красенскую сеножать по вал и по Кротову дуброву». Ввиду отсутствия более подробных данных, этот вал локализовать не удалось.

Таким образом, первый вал (у речки Чаши) вместе с целой вереницей болот обеспечивал защиту с юга участка от устья речки Чаша до конца Люльского болота. А далее шел еще один вал …

Перейдем к локализации на местности вала у Чашского городища. Для этого реконструируем участок межи попов Почасеевых от Святого озера (оно же — озеро Вшивка) на левом берегу реки Сейм до начала вала. Вот как описан этот участок межи в их отказной книге[181]: «А от Светаго озера и от столба, и от ямы тою ж Рамонскою дорогою. И с той Ромонской дороги налево дарогою ж, что ездят ис Путивля в Николаевский в ружной бортной ухожей в Борынские дубровки ив слаботки Борынские к николаевским попам ко Андрею да к Тимофею Почасеевым с причетники. И через болота Железные Кольцы по пустошь Чаского городища и по вал, что подле той дороги по левою сторону, и до столба три тысечи триста сажень».

[181] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 115 об.

Вначале найдем указанные две дороги: Ромонскую и дорогу в Борынские дубровки. Для этого воспользуемся Трехверстной картой 1869 года, лист 20-12[182] (рис. 3). Ромонская дорога шла из города Путивля на реку Ромен. На этой реке было Роменское городище, а значит, и древнерусское поселение. Из Путивля дорога следовала на запад, вниз по течению реки Семи, до построенной в 1655 году[183] мельницы в урочище Варышева тополя. Далее — по плотине переходила на другой берег реки[184] и далее — на юг до Святого озера (оно же озеро Вшивка). Затем дорога огибала Верзанское болото (на рис. 3 — урочище Верзань) и уходила на юг. Чуть севернее от озера Вшивка от Ромонской дороги отходила на восток дорога в село Красная Слобода на этой карте — село Красное), где ранее, в XVII веке, начинались Борынские дубровки. В отказной книге попов Почасеевых это была дорога, «что ездят ис Путивля в Николаевский в ружной бортной ухожей в Борынские дубровки ив слаботки Борынские».

Согласно этой книге, по этой дороге межа пересекала болото Железные Кольца непосредственно у начала вала. Длина участка межи от Святого озера (Вшивки) до этого места по книге Почасеевых составляла 3300 саженей (7128 м). Затем межа шла вдоль вала до речки Чаши и до починного столба на другом ее берегу.

Результат реконструкции участка межи Почасеевых от Святого озера, до речки Чаши и до починного столба показан на рис. 4 (межа выделена красным цветом). Отсчитываем 3300 сажен (7128 м) от Святого озера и приходим к столбу в начале вала. Место, где находился вал, рассмотрим подробнее (рис. 5). Здесь мы видим едва различимые его контуры. Сейчас вал на местности, скорее всего, не заметен. Он идет вдоль болота в восточном направлении. Понятно, что в XVII веке вал был довольно высоким. Однако в XVIII веке он был срыт и в дальнейшем это место многократно распахивалось. По этой причине на картах того времени вала уже не было.

В соответствии с отказной книгой Почасеевых длина вала от первого столба в его начале до третьего дуба равна 866 саженей (1870 м). Далее, от третьего дуба, межа сворачивает резко направо («вкруте направо») к речке Чаше и приходит до починного столба на другом берегу на расстоянии в 492 сажени (1062 м). Про вал на этом участке ничего не сказано. Однако он был обязан дойти до речки Чаши, иначе не выполнил бы своей защитной функции.

Реконструкция вала и межи вдоль него показана на рис. 6. Черным цветом отмечен финальный участок межи (от начала вала до «починного» столба на берегу речки Чаши). Длина этой межи на реальной местности более-менее точно соответствует данным, приведенным в отказной книге: 1870 + 1062 = 2932 м. При этом общая длина вала получается равной 2260 м. Первый (починный) столб межи был локализован в разд. 1.2.2 при рассмотрении местности вокруг Борынских дубровок. На рис. 6 первый столб показан у берега озера в течении речки Чаши. Данное озерцо образовалось в конце XVII века и было запрудой после постройки мельницы в устье Чаши братьями Тимофеем и Андреем Почасеевыми. Здесь возможна погрешность в положении починного столба в несколько десятков метров.

Попробуем прояснить вопрос: почему вал шел вдоль болота Железные Кольца? Скорее всего, в древние времена верховья этого болота были потенциально проходимыми, а его устье — совсем нет. Поэтому вал начинали «копать» с вполне определенного для того времени места, чтобы надежно перекрыть участок между болотом и речкой Чашей. Само болото на сегодня сохранилось фрагментарно. На рис. 6 приведена его приблизительная форма с учетом современных очертаний на космическом снимке.

В результате мы имеем систему из четырех валов, которая перекрывала всю местность с южного направления, начиная от нижнего течения Выжлицы (на востоке) и заканчивая Семским болотом (на западе). Общая система защитных природных и рукотворных преград показана на рис. 7 (валы показаны красным цветом). Вал за Семским болотом не локализован и показан условно.

---

[182] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/20-12/ Путивль. (01.08.2011).

[183] Грамота попу церкви Николы Чудотворца Великорецкого Семену и дьяку Ивану на владение землею и мельницею на реке Семи в Путивльском уезде 1655 г. На 6 листах (РГАДА. Ф. 281. Оп.15. Ед. хр. 9598). Локализация этой мельницы будет представлена позднее.

[184] До постройки мельницы здесь, скорее всего, был перевоз через реку Семь.

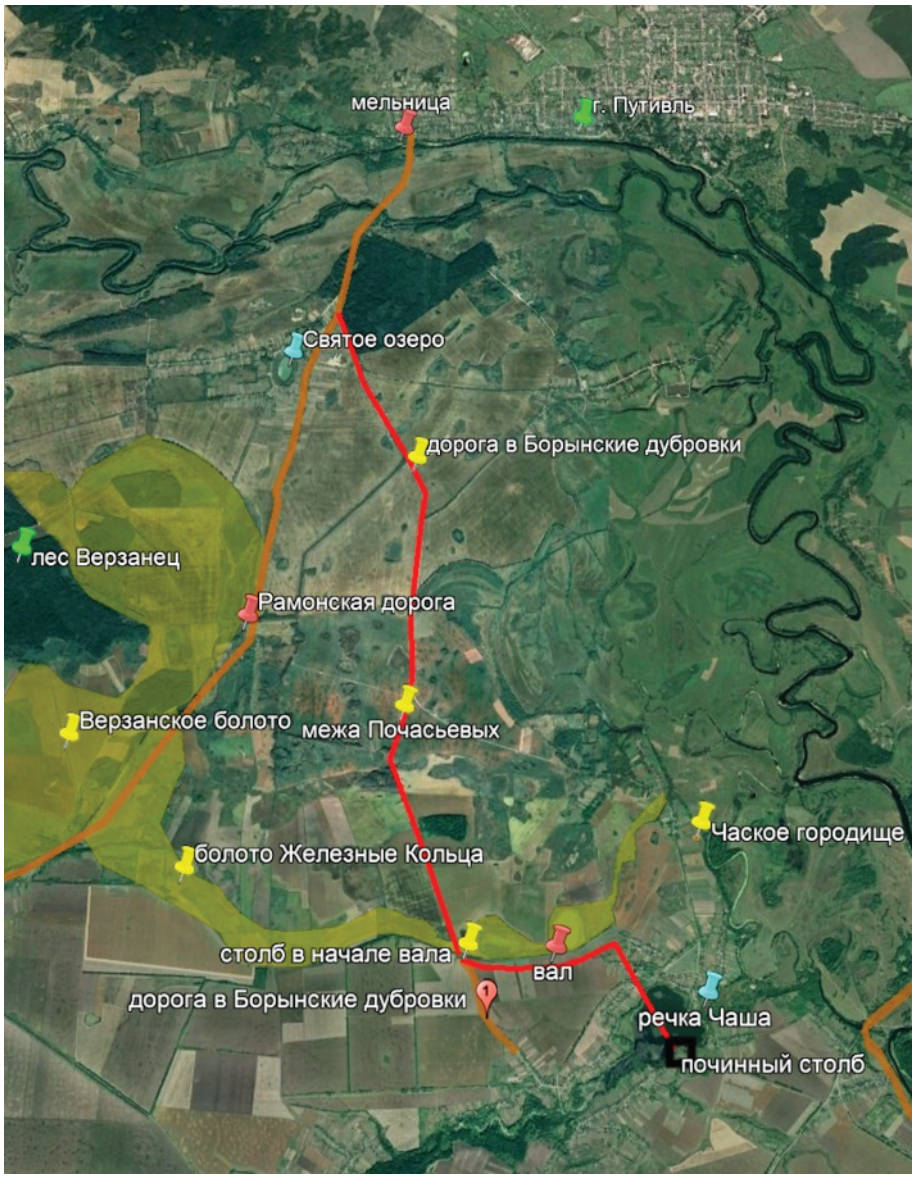


Рис. 4. **Реконструкция межи попов Почасеевых от Святого озера до Борынских дубровок. 1690-е гг.**

Рис. 5. **Остатки вала у болота Железные Кольца на современном ландшафте**

Рис. 6. **Реконструкция вала у болота Железные Кольца**

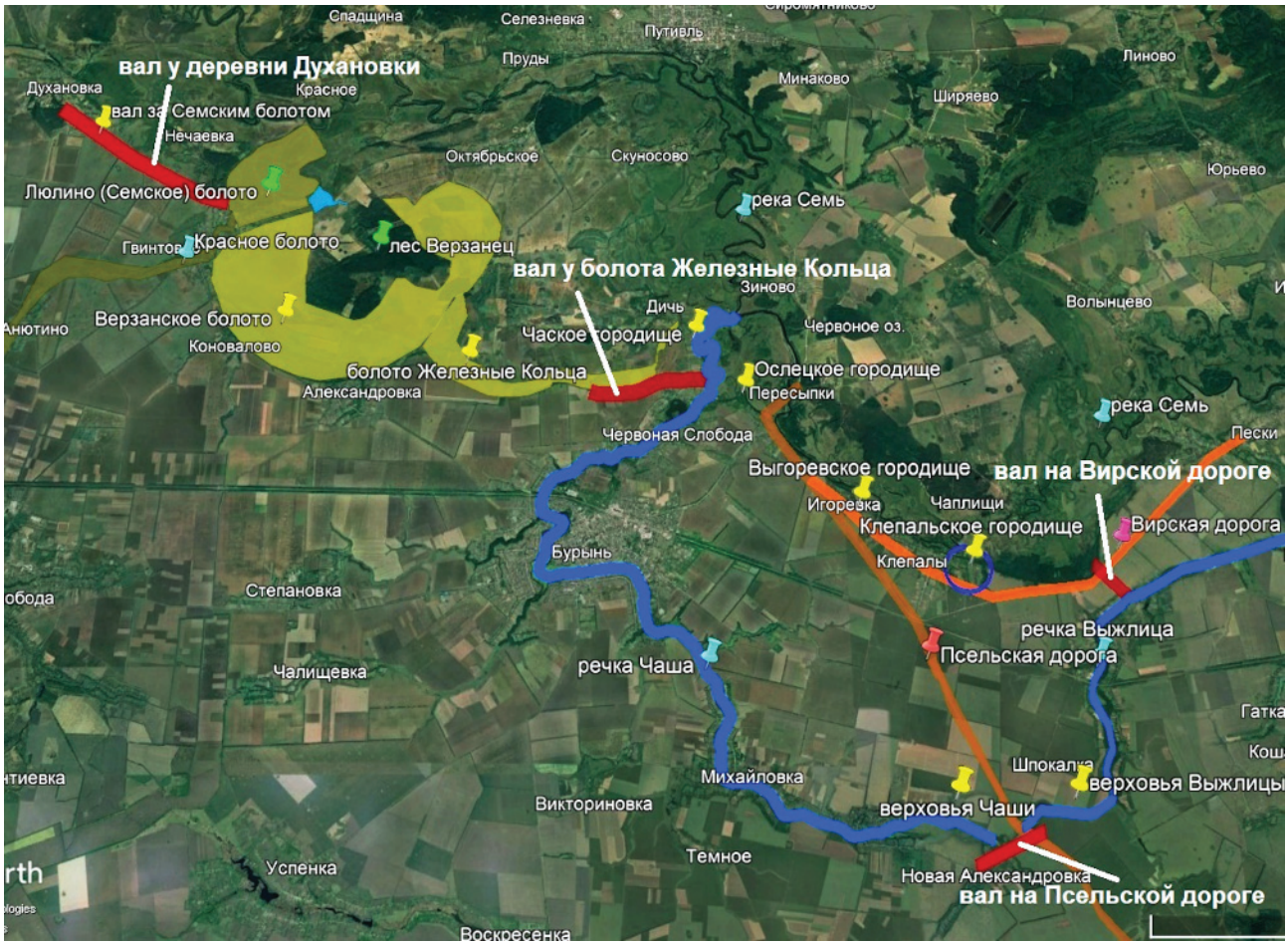


Рис. 7. **Общая система оборонительных валов**

Ранее было показано, что в древние времена бассейны речек Чаша и Выжлица были непроходимыми ввиду множества оврагов с водотоками и густых лесов (см. разд. 1.2.2 и 1.2.4). Да и сами речки были гораздо более полноводные, чем сейчас. Не говоря уже о болотах в окрестностях Чашского городища и урочища Верзань.

Итак, мы имеем цепь преград (с запада на восток): вал от деревни Духановки до Семского болота, далее — южные окраины Семского и Верзанского болот, а также болото Железные Кольца. Вершина последнего болота защищена вторым валом длиной в 2260 метров, который следовал до речки Чаши. Затем — сама речка Чаша во всем ее течении до верховья, где находился третий вал длиной приблизительно 650 метров, который преграждал Псельскую дорогу и доходил до истока речки Выжлицы. Далее шла речка Выжлица от ее верховьев до вала у Вирской дороги (длина этого вала около 1000 м). Этот вал шел от речки Выжлицы до крутой гряды к реке Семи. Он перекрывал Вирскую дорогу. Вся протяженность природных и искусственных преград составляла почти 50 км. При этом общая протяженность рукотворных валов — около 4 км[185]. В результате защищенным был участок по южному берегу реки Семи, со стороны диких степей, протяженностью более 30 км.

Скорее всего, на валах в древности имелись защитные сооружения (например, частоколы из заостренных кверху бревен или что-то подобное). У валов, вероятно, несли службу заставы путивльских ратных людей, оповещающих жителей Путивля и окрестных деревень о приближающейся опасности со стороны диких степей. По этому поводу можно только фантазировать…

1.2.8. Старинные дороги

ВИРСКАЯ ДОРОГА

Эта дорога была частично локализована ранее[186]. А именно, от вала, идущего от речки Выжлицы к гряде у долины реки Семи[187]: «И старым тем валом да Вирской дороги, что ездят ис Путивля на Вирь». Дорога шла на запад в направлении к Клепальскому городищу к трем курганцам, указанным в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553). Далее она приходила к верховьям Клепальского лога и пересекала его в месте, где лог расходился на два отвершка. Это показано на чертеже окрестностей деревни Клепало 1685 года (рис. 1). Затем дорога проходила в непосредственной близости от кургана в Диком поле и уходила далее на запад (на рис. 1 — направо).

Чтобы проследить дорогу далее, воспользуемся геометрическим спорным планом на дачу деревни Выгорева городища 1788 года[188] (рис. 2), выполненного в рамках спорного дела между помещиками села Клепалы и Выгорева городища. Здесь показаны оставшиеся участки Вирской дороги. К тому времени село Клепалы заметно выросло, и старинная дорога оказалась в его черте. При обустройстве улиц и усадеб она была частично распахана. Однако сохранилась фрагментарно, на участке (1) от села до кургана 1. Это курган на Диком поле, указанный в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553) и на чертеже 1685 года.

Далее Вирская дорога шла до Выгоревского лога — участок (2). Здесь мы видим еще один курган на Вирской дороге — курган (2). Он не упоминается в писцовых, межевых и отказных книгах XVII века и не был обозначен на этом плане, но был показан на Трехверстной карте 1869 года, лист 21-12[189] (рис. 3). Нет сомнения в том, что курган 2 стоял на этой дороге. Заметим, что на карте 1869 года не показан курган (1) на Диком поле. Здесь же не показана и Вирская дорога — к тому времени ее уже не было.

---

[185] Без учета длины вала у деревни Духановки. Его длина неизвестна.

[186] См. разд. 1.2.1, 1.2.3., 1.2.4.

[187] Отказная книга вотчинных земель Василия Иванова сына Черепова 1694 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 96).

[188] Копия спорного плана о дачах Выгорева городища 1788 г. (РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4776. Номер картона 223 (синий)).

[189] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/21-12/Недригайлов. (01.08.2011).

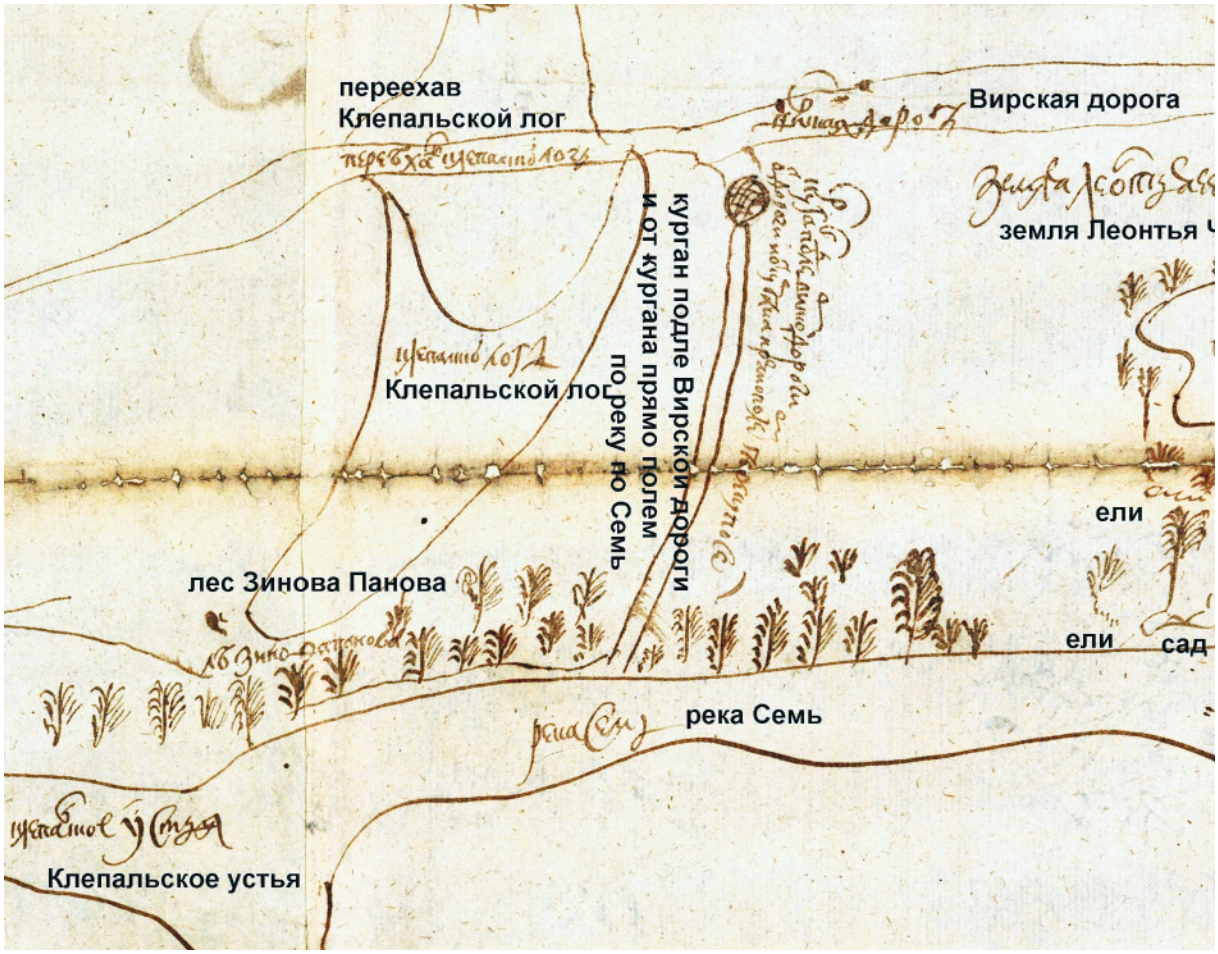


Рис. 1. **Вирская дорога на чертеже 1685 г.**

Рис. 2. **Вирская дорога на спорном плане 1788 г.**

Рис. 3. **Два кургана на развилке Псельской и Вирской дорог. Карта 1869 г.**

Рис. 4. **Реконструкция Вирской дороги**

Вернемся, однако, к рис. 2. От кургана (2) дорога шла к Выгоревскому логу и пересекала этот лог, что говорит о том, что в этом месте его склоны издревле были довольно пологими. На следующем участке (3) (рис. 2) дорога шла на северо-запад до деревни Выгоревка[190]. На территории деревни дорога не сохранилась, но сохранилось ее продолжение (4). В точке X (отмечена мной) Вирская дорога соединялась с Псельской дорогой, идущей к Мокшевицкому перевозу и далее — в Путивль. В этом месте находились два кургана, показанные на рис. 3. Они показывали развилку дорог — Псельской и Вирской[191].

Полная реконструкция Вирской дороги на современной местности представлена на рис. 4. Цифрами здесь обозначены логи: (1) — Выгоревский; (2) — Клепальский; (3) — Печковский. Можно утверждать, что показанная форма дороги соответствует таковой на начало XVII века. В XVIII веке остались только отдельные ее фрагменты, а к середине XIX века дорога исчезла совсем.

ПСЕЛЬСКАЯ ДОРОГА

При локализации Вирской дороги было установлено, что Псельская дорога берет свое начало у Выгорева городища, где дорога из города Путивля раздваивается на две –Псельскую и Вирскую. В источниках XVII века дорогу из Путивля сразу после Мокшевицкого перевоза и до указанной развилки называют Мокшевицкой. В то же время, на чертеже окрестностей города Путивля (1690-е годы) она так не названа — у перевоза через реку Сейм имеется надпись: «Дорога ис Путивля в Терновую слободу». Таким образом, в XVII веке эта дорога не имела устойчивого названия.

Что касается Псельской дороги, то она в это время также именовалась по-разному. Например, в отказной книге Василия Иванова сына Черепова 1694 года говорится, что это дорога, «что езживали ис Путивля на Псел в бортные ухожья, а ныне ездят на пещаной брод через реку Сулу в Недрыгайлов ив Терновскую слободу»[192]. С давних времен это была одна из дорог, ведущих из Путивля в дикую степь и далее, в Крым.

Впервые дорога упоминается в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553) при описании «порожжих земель» в бассейне речки Выжлицы[193]: «За рекою за Семью вверх речки Выжлицы под лесом под пристенком меж Печковского логу и валу смежно сЫвановою Черепова с поместною землею, по ложок, да по дорогу Псельскую дикого поля добрые земли».

[190] Так на этом спорном плане названо нынешнее село Игоревка. Здесь его не видно — оно затерто.
[191] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/21-12/Недригайлов и http://www.etomesto.ru/shubert-map/20-12/ Путивль. (01.08.2011).
[192] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 94 об.
[193] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 441 об.

Рис. 5. **Реконструкция Псельской дороги**

Дорога была локализована ранее, при изучении угодий в бассейне речки Выжлицы, в Борынских дубровках, а также поместья Клепальского городища[194]. В книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369) межа клепальского помещика Зиновия Панова проходила по этой дороге от верховья оврага Пристенка до ложка, что пошел в Борынские дубровки. Значительная часть дороги от верховья оврага Пристенок и далее на юг до верховьев речек Чаши и Выжлицы была описана в отказной книге Василия Иванова сына Черепова 1694 года.

Наглядное представление об этой дороге дает копия геометрического спорного плана на дачу деревни Выгорева городища 1788 года (см. рис. 2). Результат ее локализации на реальной местности представлен на рис. 5. На этой дороге находился курган межи Василия Иванова сына Черепова 1694 года. Дальнейшая локализация этой дороги до нынешнего поселка Терны не производилась.

Псельская дорога просуществовала до 40-х годов XX века. Она еще была на предвоенных картах. Это будет показано в конце данного раздела.

ДОРОГА ИЗ СЕЛА КЛЕПАЛЫ В ДЕРЕВНИ БОРЫНИ

На чертеже окрестностей города Путивля 1690-х годов показана дорога из села Клепалы в деревни Борыни (см. разд. 1.2.2). Однако попытка ее локализации тогда не привела к успеху[195]. В письменных до-

[194] См. разд. 1.2.1. – 1.2.4.

[195] Причины этого не будем указывать. Любопытный читатель сможет повторить этот неудачный опыт, обратившись к разд. 1.2.2, имея чертеж окрестностей Путивля и отказную книгу попов Почасеевых 1694 г.

Рис. 6. **Дорога из села Клепалы в село Бурынь (спорный план, 1788 г.)**

Рис. 7. **Реконструкция начальниго участка дороги из села Клепалы в деревню Бурынь**

кументах XVII века эта дорога не указывается. Ее начало находится у села Клепалы и показано на копии спорного плана на дачу деревни Выгорева городища 1788 года (рис. 6). На плане — это точка, обозначенная латинской литерой I[196]. Как видно, дорога брала свое начало от Вирской дороги. К концу XVIII века развилка этих дорог была распахана и здесь уже находились огороды жителей села Клепалы. То, что участок (IKL) Борынской дороги (назовем ее так) показан на этом плане, связано с тем, что он в то время определял один из вариантов спорной межи помещиков деревни Выгоревки и села Клепалы. Кроме участка Борынской дороги, здесь показана также знакомая нам межа Зиновия Панова 1685 года. В точке K этой межи в 1685 году был поставлен межевой столб. Далее дорога шла к точке L, находящейся на Псельской дороге.

Для определения точки L на реальной местности необходимо знать расстояние до нее от вершины Выгоревского лога (точка F). Это расстояние указано на спорном плане — 96 саженей (204 м). Теперь мы можем локализовать начальный участок Борынской дороги (от точки I до точки L (см. рис. 6). Результат представлен на рис. 7.

Окончание этой дороги показано на Трехверстной карте 1869 года[197] (рис. 8)[198]. Здесь мы видим дорогу из села Клепалы в село Бурынь. В 1869 году она начиналась на западной окраине села Клепалы, какой эта окраина была в середине XIX века. Далее пересекала дорогу в Путивль в точке L. Затем дугообразно уходила на юго-запад к дороге от моста через реку Сейм до

[196] На оригинале плана буквенные метки со временем поблекли. На рисунках они продублированы.

[197] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/21-12/ Недригайлов и http://www.etomesto.ru/shubert-map/20-12/ Путивль. (01.08.2011).

[198] Незначительный разрыв изображения, а также нестыковка некоторых линий связана с тем, что село Клепалы на Трехверстной карте разделено между двумя ее листами: 20.12 и 21.12.

села Бурынь[199]. Теперь, используя начальный и конечный участки Борынской дороги (рис. 7 и 8), мы можем локализовать ее целиком. Полная реконструкция представлена на рис. 9.

В заключение необходимо отметить, что остатки Борынской дороги можно наблюдать и сегодня. В точке L ныне расположена автобусная остановка села Клепалы. От этого места Борынская дорога идет на запад вдоль посадок. Это можно рассмотреть на рис. 7 и 8. Дорога действовала вплоть до 60-х годов XX века. Она была грунтовой, и в сухую погоду ее использовали водители рейсовых автобусов маршрута «Бурынь — Сумы», а ваш покорный слуга часто выглядывал автобус именно с этой стороны.

ДРУГИЕ ДОРОГИ В ОКРЕСТНОСТИ КЛЕПАЛ

Конфигурация Вирской и Псельской дорог (см. рис. 5) указывает на некий парадокс: если ехать из Путивля на речку Вырь или на реку Псел, никаких проблем нет: выше Выгорева городища Путивльская дорога расходится на две: на Вырь и на Псел. Но если ехать из Выри на Псел, то чтобы свернуть на Псельскую дорогу, придется проехать Вирской дорогой до Выгорева городища. Такого не могло быть, должна была существовать дополнительная дорога, связывающая Вирскую и Псельскую дороги с восточной стороны. Такая дорога была найдена на Трехверстной карте 1869 года, лист 21-12 (рис. 10). Она выделена красным цветом и обозначена цифрой (1). Это на ней был расположен ранее локализованный Большой Средний курган, указанный в отказной книге Василия Иванова сына Черепова 1694 года. По этой дороге проходила межа вотчины этого помещика[200]. Дорога начиналась от Вирской дороги и далее шла на юг. В месте Большого Среднего кургана она раз-

Рис. 8. **Дорога из села Клепалы в село Бурынь на карте 1869 г.**

Рис. 9. **Реконструкция дороги из Клепальского городища в деревни Борыни (XVII в.)**

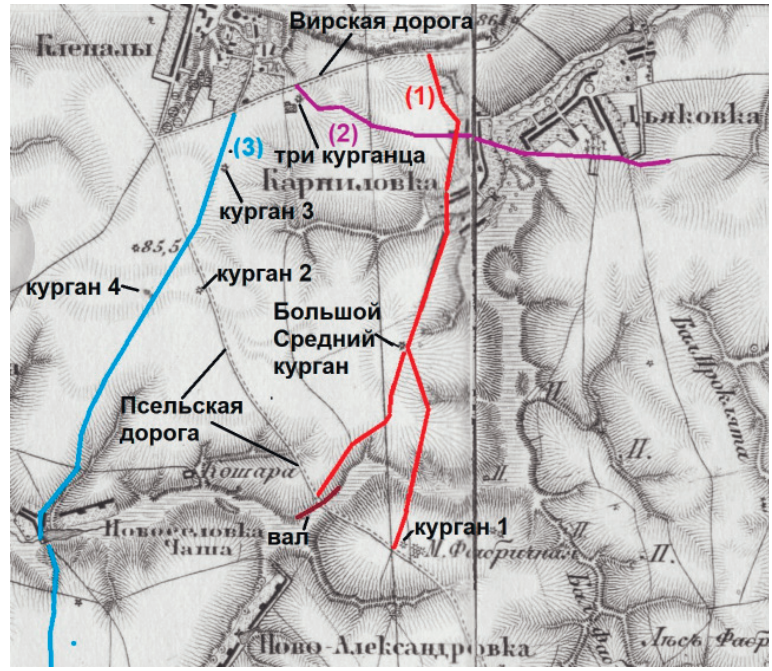


Рис. 10. **Дорога, связывающая Вирскую дорогу с Псельской. Карта 1869 г.**

[199] Эта дорога также является древней. Ранее мы ее локализовали как дорогу от Мокшевицкого перевоза в Борынские дубровки и в деревни Борыни (см. разд. 1.2.2).
[200] См. разд. 1.2.4.

Рис. 11. **Курган у железной дороги**

дваивалась. Курган показывал место ее раздвоения. Верхняя дорога (правая по ходу) шла к известному нам старинному валу на Псельской дороге и далее — в верховья речки Чаши, что позволяло ездить от речки Выpь (или, что ближе, от селища Байдурского) на юго-запад, на северные берега речек Курицы и Цыпки. Нижняя (левая) дорога от кургана переходила речу Выжлицу в ее истоках и вела в угодья на южных берегах речек Чаши и Выжлицы. Она также выходила к Псельской дороге, где был свой курган (курган 1 на рис. 10). Если ехать по Псельской дороге с юга на север, со стороны нынешнего поселка Терны, то этот курган указывал место на Псельской дороге, где можно было свернуть направо, чтобы попасть на Вирскую дорогу. На этом фрагменте карты показан также курган на Псельской дороге (курган 2), который имелся на меже Василия Черепова 1694 года.

Отметим две другие дороги на этом фрагменте карты, также имеющие придорожные курганы. Первая из них, обозначенная на рис. 10 цифрой (2), шла от Клепальского городища, от вершины Печковского лога и от трех курганцев, упомянутых в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553), в долину речки Выжлицы. Вторая дорога (дорога 3) начиналась также от Клепальского городища и шла на юг в долину речки Чаши и далее на речки Цыпка и Терн. На этой дороге имелись два кургана. Первый из них (курган 3) находился рядом с нынешней железной дорогой (рис. 11). Его можно заметить и сегодня. Второй (курган 4) — после того как эта дорога пересекала Псельскую дорогу.

Необходимо отметить, что локализация указанных трех дорог выполнена только на основании Трехверстной карты. Анализ документов XVII и XVIII веков на предмет наличия этих дорог не проводился.

Теперь немного о курганах. Практически все курганы, указанные в этом разделе, были придорожными. Они отмечали дороги на местности и позволяли ориентироваться при поездках, не теряя дорог, и сво-

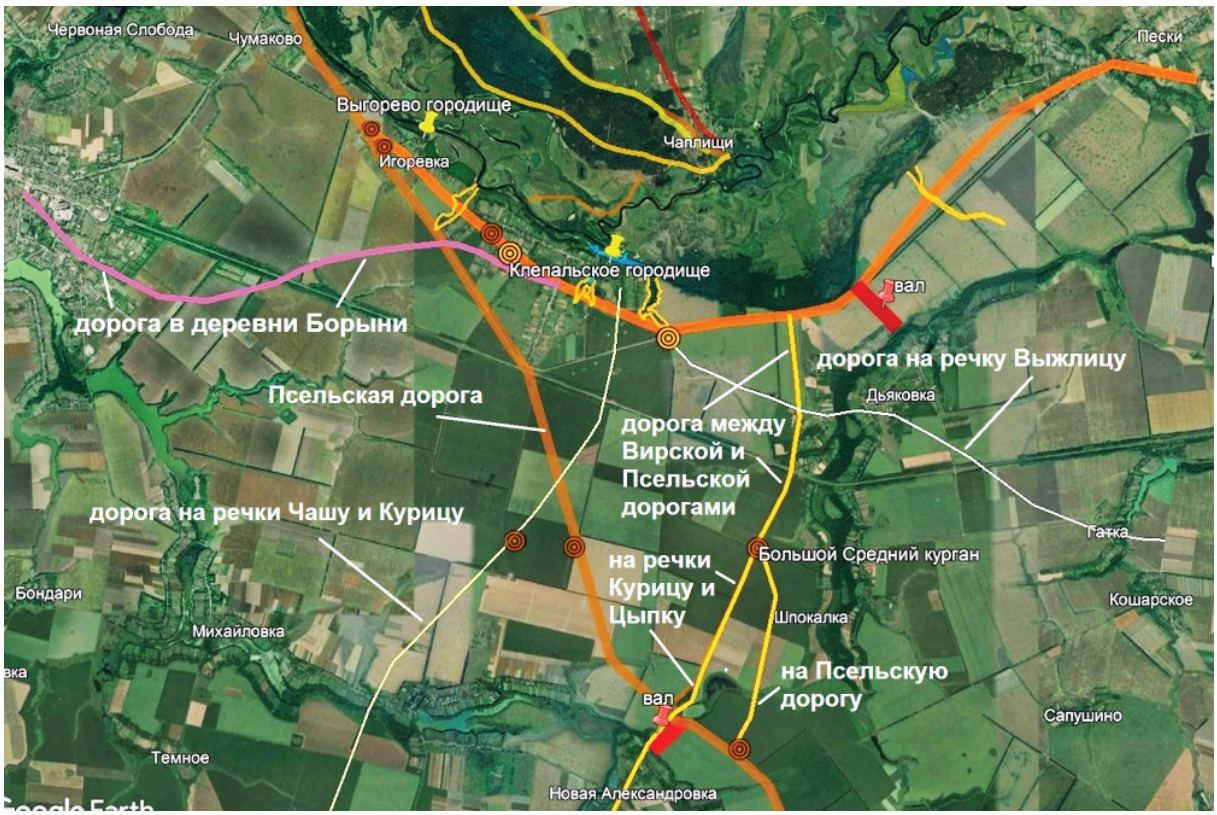


Рис. 12. **Сводная картина локализации дорог у Клепальского городища**

рачивать вовремя с одной дороги на другую. Это было особенно актуально в зимнее время, когда дороги заносило снегом. В местах, где пересекались дороги, насыпали несколько курганов. Большой средний курган обозначал место, где дорога расходилась на две. Курган 1 (рис. 10) позволял при поездке с юга по Псельской дороге вовремя свернуть на дорогу, ведущую на речку Вырь. Курган 3 позволял при выезде из Клепальского городища на юг определить направление на дорогу в верховья речки Чаши и далее — на речку Курицу. В месте, где эта дорога пересекала Псельскую дорогу, курган 2 показывал направление, на которое надо было свернуть, чтобы ехать на реку Псел, а курган 4 — направление дальнейшего движения по дороге (3). Теперь стало понятным, почему у вершины Печковского лога были три старинные курганца: два из них указывали направления вдоль Вирской дороги: один в сторону Путивля, а другой — в сторону речки Вырь. Третий курганец показывал направление на речку Выжлицу.

Сводные результаты локализации на современной местности старинных дорог и курганов в окрестностях села Клепалы представлены на рис. 12. Здесь же мы видим локализованные ранее дороги у села Чаплищи (см. разд. 1.2.5). Дополнительно показаны курганы на Вирской дороге на Диком поле, а также два кургана у Выгорева городища (начало Вирской и Псельской дорог).

Некоторые из показанных здесь старинных дорог и курганов полностью или частично сохранились до 40-х годов XX века. Мы можем их видеть на картах того времени. К примеру, на Отчетной оперативной карте Брянского фронта 28.09.1941 года[201] (рис. 13). Эта карта сформирована Генеральным штабом Красной армии на основании аэрофотосъемки, проведенной в 1940 году.

Здесь видна, в частности, дорога от села Клепалы в город Бурынь (ее участок от Путивльской дороги до железной дороги). Показаны два кургана (1) у Выгорева городища (здесь — деревня Выгеровка). В первозданном состоянии сохранилась Псельская дорога (выделена цветом). На ней показан курган (2) из межевой книги Василия Черепова 1694 года. Сохранилась также дорога из Клепал к речке Выжлице, в деревню Карпиловку. Просматривается участок от Вирской дороги до Большого Среднего кургана (3) и далее на юг к Псельской дороге к кургану (4). Показан участок дороги из Клепальского городища на речку Чашу (здесь — в деревню Старая Чаша).

Примечательно то, что на этой карте указаны приблизительные высоты сохранившихся к тому времени курганов. Например, два кургана на Путивльской дороге у деревни Выгоревки имели высоту 2 м (обозначение на карте +2.0). Такой же высоты был курган на Псельской дороге (2) и Большой Средний курган (3). А вот курган (4) на Псельской дороге был немногим выше — 2,5 м. При таких высотах курганы были видны на местности даже в зимнее время, когда дороги заметало снегом.

[201] Подвиг народа: [сайт] Оперативный отдел Брянского фронта. Полковник Сандалов. Отчетная карта за 13-ю армию Брянского фронта с 24.09.1941 по 28.09.1941 г. (ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Ед. хр. 149. URL:https://podvignaroda.ru/?#id=60010293&tab=navDetailDocument (07.08.2025)).

Рис. 13. **Дороги и курганы на оперативной карте Брянского фронта. 1941 г.**

Раздел 1.3. Водные объекты

1.3.1. Окрестности озера Клепало

ВВЕДЕНИЕ

Водные ресурсы в окрестностях современных сел Клепалы и Чаплищи несколько столетий назад были весьма обильны. Участок, который мы здесь рассмотрим, сравнительно небольшой (приблизительно 30 на 20 км). Он находится в бассейнах реки Сейм, речек Чаша и Выжлица и заключен между селами Игоревка, Клепалы, Чаплищи, Пески, Карпиловка, городом Бурынь и селом Красная Слобода.

Основная цель этой главы — построить картину рек, озер и других водных объектов, какой она была в начале XVII века. Этот горизонт связан с тем, что более ранних документов, содержащих необходимые сведения, обнаружить не удалось. Понятно, что подобная картина была и гораздо ранее XVII века. В те века человек очень мало воздействовал на природу и она многие столетия сохранялась практически неизменной.

Наиболее полный перечень водных объектов рассматриваемой местности содержится в путивльских писцовых, межевых и отказных книгах XVII века. Реконструкцию этих объектов на современном ландшафте будем производить на основании планов (карт) XVIII–XIX веков.

Локализация будет производиться следующим образом. Наименования и описания будем брать из указанных книг. Там приводятся устоявшиеся за многие века наименования, а также некоторые данные, касающиеся их местоположения. В документах XVIII века эти наименования часто приводятся в той или иной мере искаженными, поскольку часто записывались со слов местных жителей (старожил), а не из более ранних источников. Будем также учитывать и то, что некоторые объекты в течение времени меняли свои названия. Что касается формы и места их нахождения, то здесь предпочтительным будет картографический материал XIX века, как наиболее точный. Материалы XVIII века являются менее точными и менее детализированным ввиду недостаточно развитой в то время технологии создания карт. Эти материалы будут использоваться для сравнения и уточнения формы объектов, а также для прослеживания динамики их изменения. Основными картографическими источниками являются планы дач генерального и специального межевания угодий путивльских помещиков, созданные в 80-х годах XVIII века. Эти планы корректировались и детализировались в 50-е годы XIX века.

Локализация (установление мест их нахождения) и реконструкция (определение формы) будет производиться с использованием спутниковых снимков и инструментария ресурса Google Earth.

Водный объект будем считать полностью локализованным и реконструированным при выполнении следующих условий:

1. наименования в источниках XVII и XVIII веков совпадают или имеют незначительные отличия, дающие, тем не менее, полную уверенность, что это один и тот же объект;
2. по наименованию найдено изображение объекта на картах XVIII и XIX веков;
3. на спутниковом снимке в заданном месте наблюдаются остатки этого объекта либо его контуры, хотя бы приблизительно совпадающие по форме, приведенной на старых картах.

Для тех объектов, которые невозможно будет точно локализовать, их местонахождение будет определяться приблизительно, на основании описаний, приведенных в книгах XVII века.

Существует также проблема изменения в течение веков формы объектов. Особенно это касается рек и речек, имеющих значительное течение. К счастью, в рассматриваемом нами регионе имеется только одна река — Сейм, протекающая на равнинной местности, имеющая сильное течение и извилистое русло. В этом случае форма современного русла будет корректироваться с учетом видимого на спутниковом снимке его «ухода», а также формы, приведенной на планах XVIII и XIX веков.

Некоторые объекты, указанные в книгах XVII века, на планах обозначены, но не поименованы. В этом случае они локализуются по их положению на местности, их форме или по логически непротиворечивым доводам, которые можно привести, исходя из описаний в книгах. Если же объекты указаны в книгах, но не изображены на планах — тогда будем использовать только логику и здравый смысл, отмечая неточность такого рода локализации.

Необходимо также договориться об определениях типов водных объектов. Таких как «речка», «озеро», «залив». Дело в том, что в XVII–XIX веках эти понятия часто отличались от нынешних. Кроме того, один и тот же водный объект в разных источниках мог называться то «речкой», то «озером», то «заливом», а то и «протоком».

Для начала выясним, что же называли «озером» в XVII веке. Кроме нынешнего его понимания, как замкнутого в своих берегах водоема, озерами назывались протяженные водоемы, которые одним (или даже двумя своими частями) соединялись с другим водоемами. То есть озеро, например, могло вытекать из реки в своем верховье и опять впадать в ту же реку в своем устье. Или, например, соединять два водных объекта (два озера или озеро с рекой). Стоит отметить, что в то время был особый тип водного объекта «струга» — протока, соединяющая озерки. Здесь мы не будем углубляться в тему анализа наименований типов водных объектов и их эволюции, а только примем во внимание перечисленные выше моменты.

ВОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ В ДОЛИНЕ РЕКИ СЕЙМ

Взглянем на современную долину реки Сейм в указанной выше местности (рис. 1). Мы видим, собственно, реку Сейм и небольшое число полувысохших озер и небольших речек. А именно остатки озер: Кочево, Глушиця, Плесневе, Кривое, Кругло-Бурова, а также река Бурывня[1]. На этом же снимке, в его юго-восточной части, замечаем многочисленные следы высохших озер и речек.

Теперь посмотрим перечень водных объектов на этой же местности, приведенный в книгах XVII века.

В книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553, л. 82): «По обе стороны реки Семи озерко Васильевское, озеро Чапль, озерко Тихое, озерко Еричая, озерко Долгое посторонь озерка Тихова, речка Безуевка да три озеринки малых под вершком, затон вершок речки Речица, озерко Воропаее, озерко Долгое посторонь озерка Васильевского, затон Долгой ниже озерка Воропаева подле речки Речицы, озерко Веребки, озерко Круглое, озерко Сосенка, озерко Обыток, озерко Чернышево подле озерка Обыток,

Рис. 1. **Долина реки Сейм. Современное состояние**

[1] Такие наименования приведены на спутниковых картах ресурса Google Earth.

озерко Перекоп, озерко Хрестцы, затон Котельной, озерко Кривое, да сверх озерка Кривого две озеринки малых. Посторонь озерка Тихова озерко Избное, <…> от усть озера Мертвые Вети вниз рекою Семью <…> по устье озера Колчея. А <…> от Выгорева городища <…> озерко Нижнее Обыток против Боровенского переволока, <…> озеро Клепало <…> ниже озерка Миличь <…> на зарецкой[2] стороне ниже озера Влукова, <…> что струга вышла с лощины от бора, а впала в озеро в Боровню, да вверх Боровнем по Вязки и по бор. Да по другую сторону озера Боровня по озеро по Калитки». Далее, в той же книге, на л. 940: «… от озера Чапли прямо подле Титовы дубровы…».

В книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369, л. 72 об.), дополнительно к перечисленным выше, находим «озеро Боровня, затон Миличь, озерко Боровое Круглое под бором, озерко Малое верх Милича, озерко Вязки, озерко Хомут, озерко Деменино, озерко Малое выше озера Деменина, <…> озеро Глушица, затон под Выгоревым городищам, затон Залотой, озерко Колитко».

Кроме этого, на планах генерального и специального межевания XVIII и XIX веков дополнительно были обнаружены озера: Байдурское, Белка, Горн, Зима, Карачаевские (цепь озер), Колодское, Большое Кривое, Куцырь, Лепишняк, Орлее, Плетенек, Ткачево, Круглая Чапля, Старая Семь. А также Чаплицкое болото и два безымянных болота: у озера Колчее и у озера Обыток.

Сформируем перечень обнаруженных в документах объектов в алфавитном порядке:

озера: Байдурское, Белка, Боровня, Боровое, Васильевское, Веребки, Влукое, Воропаево, Вязки, Гелица, Глушица, Горн, Деменино, Долгое, Еричье, Зима, Избное, Калитки, Карачаевские (цепь озер), Клепало, Колитко, Колодское, Колчее, Кривое, Большое Кривое, Круглое, Куцырь, Лепишняк, Малое, Мертвая Веть, Миличь, Обыток, Нижний Обыток, Орлее, Перекоп, Плесневое, Плетенек, Сосенка, Старая Семь, Тихое, Ткачево, Хомут, Хрестцы, Чапль, Круглая Чапля, Чернышево;

речки: Безуевка, Речица;

затоны: Долгий, Золотой, Котельный, Миличь;

струги: Боровая;

болота: Чаплицкое и два безымянных.

Итак, в XVII веке бассейн реки Семь в этой местности насчитывал 48 озер, 3 речки, 4 затона, 3 болота и одну стругу. Всего 59 объектов. На сегодня, как было сказано выше, осталось только 6, да и то полувысохших.

Начнем с главных из них. Пока опустим описание старого русла реки Семь, поскольку его логичнее рассматривать в контексте примыкающих к нему озер, речек и протоков, ранее уже локализованных.

ОЗЕРО КЛЕПАЛО

Местоположение этого озера было определено ранее[3]. Оно было доминантой на рассматриваемой местности. И по размеру, и по глубине. Настолько важной, что именно оно указывалось в наиболее ранних источниках для отсылки к этому месту. Например, в жалованной грамоте царя Михаила Федоровича путивльскому Молчинскому монастырю от 15 июля 1615 года.

Наиболее раннее изображение озера находим на известном нам чертеже окрестностей деревни Клепало 1685 года[4]. Здесь озеро показано весьма схематично, но этого достаточно для его начальной локализации. В действительности в то время озеро имело гораздо более сложную форму. Вот как оно изображено на плане дач Ч-2 села Чаплищи 1783 года[5] (рис. 2) (русло реки Семь мной выделено цветом). Озеро начинается от устья Печковского лога, идет на запад вдоль деревни Клепало и впадает в реку Семь. Замечательно здесь то, что из центральной его части вытекают три крупных протоки, которые также впадают в реку Семь. С восточной стороны в озеро впадает речка, которая не поименована. Следует заметить, что локализация

[2] «Зарецкая» сторона — сторона на левом берегу реки Семи, противополjжная от правой, «городской» стороны, на которой находится город Путивль.

[3] См. разд. 1.1.1, 1.2.1.

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. Ст. 1066. Л. 49–50.

[5] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-2 (красный). Села Чаплищ.

Рис. 2. **Озеро Клепало на плане дач Ч-2 села Чаплищи 1783 г.**

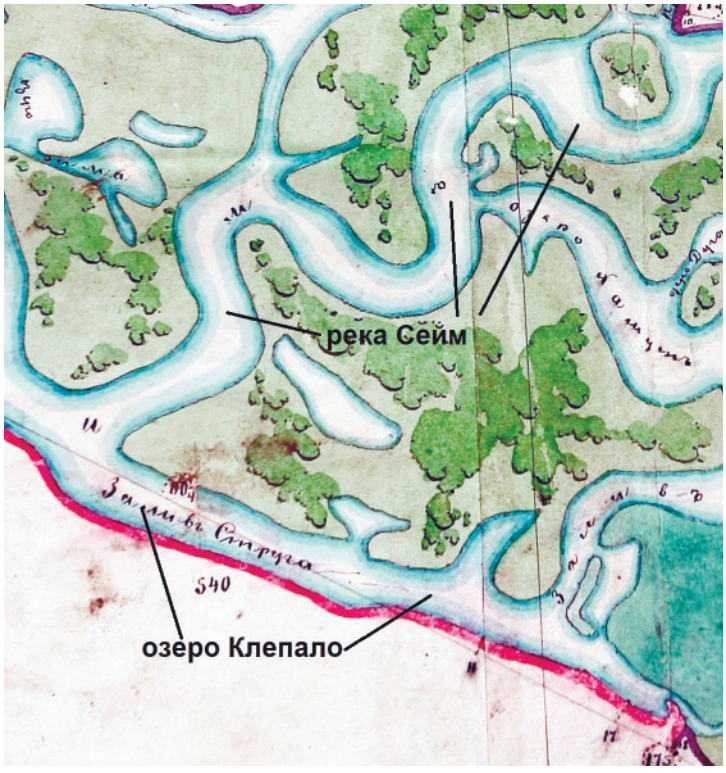


Рис. 3. **Озеро Клепало на плане дач Ч-26 села Чаплищи 1857 г.**

этих трех проток на современной местности невозможна без учета изменения русла реки Семь и приведения его к виду, как оно было в XVIII веке. Поэтому пока оставим эту затею.

Сравним изображение озера 1783 года с более поздним, 1857 года, показанным на плане дач Ч-26 села Чаплищи[6] (рис. 3). Здесь по неизвестным причинам озеро Клепало названо «залив Струга». Оставим это без комментариев. Заметим, что с 1783 года форма озера претерпела существенные изменения. В частности, пропали три протоки. Похоже на то, что за прошедшие 74 года уровень грунтовых вод на этой местности заметно понизился[7], что привело к высыханию этих проток (вероятно, мелких, неглубоких). На их месте осталось небольшое безымянное озеро, а на самом озере Клепало — два небольших затона. Ни сами протоки, ни то, что от них осталось, никак не упоминаются ни в книгах XVII века, ни в документах XVIII века. На этом же рис. 3 в восточной части показан залив, впадающий в озеро Клепало.

Согласно плана 1857 года, исходя из его масштаба, длина озера Клепало составляла около 400 саженей (850 м), ширина — 31 сажень (67 м) в его устье (у Клепальского лога) и 19 сажен (40 м) в его верховье (у Печковского лога). Эти размеры вполне соответствуют размерам, указанным в экономических примечаниях на эту местность 1782 года[8]: озеро «шириною от дватцати (42,6 м) до сарака сажень (85,2 м)». Здесь же приведена оценка глубины озера: от двух (4,26 м) до четырех саженей (8,52 м). Оценка, конечно же, приблизительная. Ширина реки Семь в месте впадения в него озера Клепало составляла около 70 метров.

Результат реконструкции озера по состоянию на 1857 год представлен на рис. 4. Форма озера и его размеры совпадают с представленными на более позднем и довольно подробном плане 1910 года. Следует, однако, заметить, что непосредственно перед устьем озера река имеет очень крутой изгиб своего русла и крутой берег. За последние сто пятьдесят лет, ввиду быстрого течения, этот берег заметно сместился на восток (вправо относитель-

[6] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-26 (красный). Села Чаплищ.

[7] Понижение уровня грунтовых вод в XVIII в. часто связывают с массовыми вырубками лесов, проводимыми в то время.

[8] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 167.

но русла, указанного на плане). Ввиду этого устье озера Клепало и русло реки Сейм здесь указаны приблизительно. Эта проблема будет устранена позднее, при реконструкции русла реки Сейм, каковым оно было в XVIII веке.

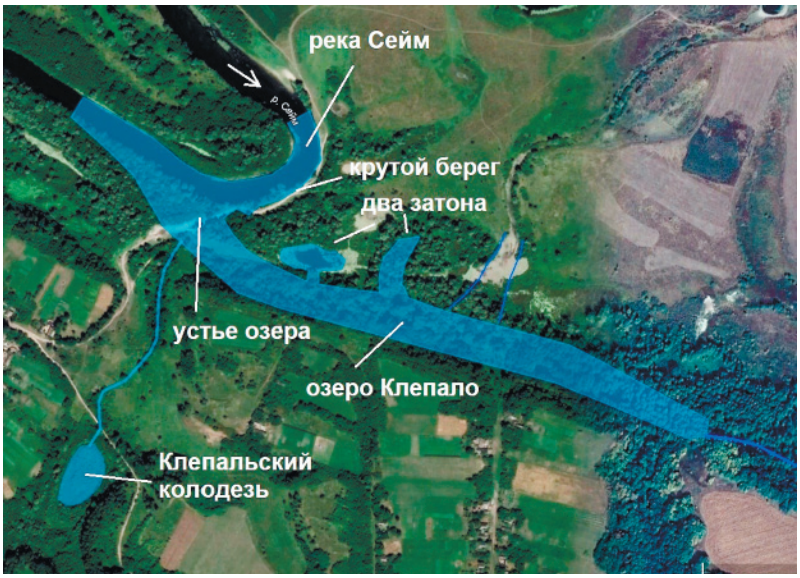


Рис. 4. **Реконструкция озра Клепало по состоянию на 1857 г.**

РЕЧКА РЕЧИЦА И ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕЙ ОЗЕРА

Речка Речица впадала в озеро Клепало в восточной его части. В XVII веке «речицей» называли ручей, поток, небольшую речку[9]. Речка упоминается во всех писцовых и отказных книгах, где описываются угодья помещиков вокруг озера Клепало[10]. В книге № 369 1684 и 1686 годов читаем[11]: «Речка Речица из реки ис Семи вышла и в реку Семь впала». Она показана на плане дач Ч-2 села Чаплищи 1783 года[12] (рис. 5). Здесь синим цветом мной выделено русло реки Семь, а белым — речки Речицы. В подтверждение приведенной выше цитаты из книги № 369 на рис. 5 мы видим, что Речица вытекала из реки Семь напротив села Чаплищи и в среднем своем течении могла впадать в реку Семь через озеро Обыток. Она также впадала в озеро Клепало в его верховьях. На данном плане речка Речица указана как озеро, а на плане 1857 года — как залив (см. рис. 3).

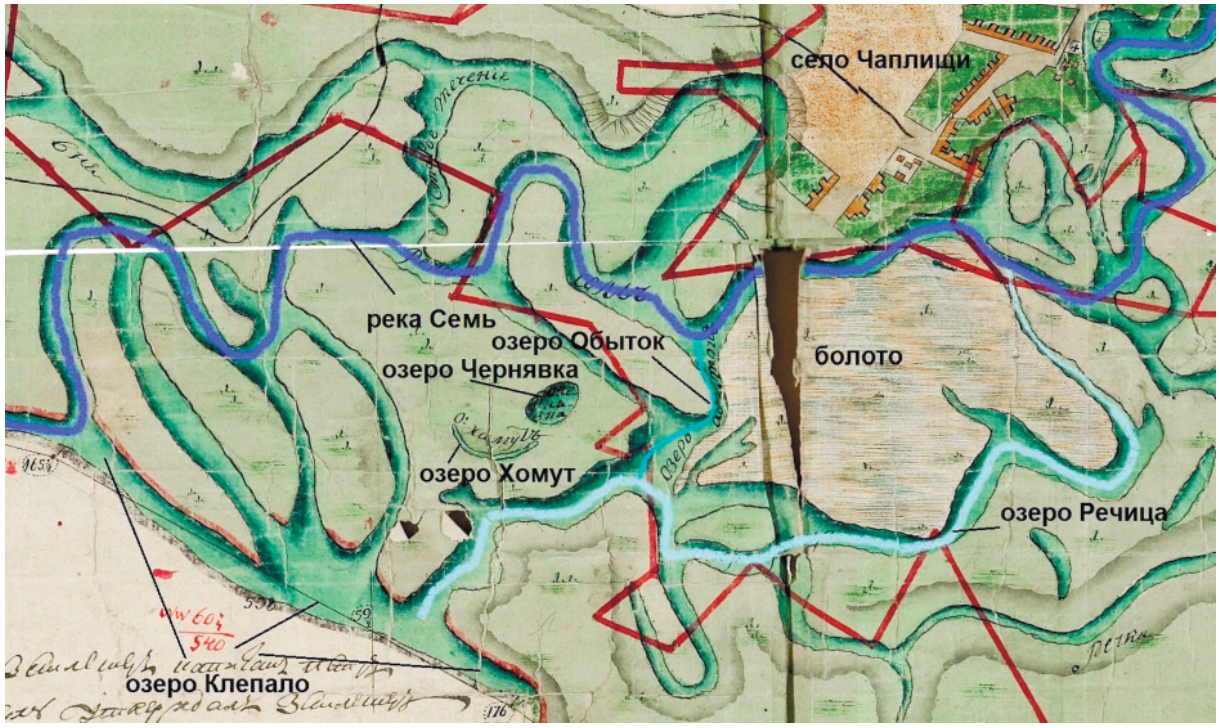


Рис. 5. **Речка Речица на плане дач Ч-2 села Чаплищи 1783 г.**

[9] Речица – ручей, проток; речка.
[10] В некоторых из этих источников речка называется озером.
[11] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 71 об.
[12] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-2 (красный). Села Чаплищ.

***Рис. 6.* Устье речки Речица на плане дач Ч-26 села Чаплищи 1857 г.**

Местность в окрестности озера (речки) Речица в XVIII веке была весьма сложной и трудно проходимой. Инструментарий, с помощью которого создавались в то время карты, не позволял в точности отобразить имеющийся ландшафт. Однако представленное на рис. 5 изображение вполне годится для качественного анализа. Здесь мы видим русло реки Семь, озеро Речица на всем его протяжении, озеро Обыток[13], озера Хомут и Чернявка, а также большое болото между рекой Семь, Речицей и Обытком.

Озера Обыток и Хомут упоминаются во всех писцовых и отказных книгах. Что касается Чернявки, то такого озера в книгах нет, но есть озеро Чернышево. В книге № 10553 1628 и 1629 годов (л. 64) указано: «Озерко Чернышово подле озера Обыток».

Долина речки (озера) Речицы гораздо более детально показана на плане специального межевания села Чаплищи Ч-26 1857 года (рис. 6).

По представленному фрагменту этого плана локализуются более мелкие озера в среднем течении Речицы и в ее низовье: Лашут (1), Дуга (2), Дужейчено (3), Деменино (4) (здесь — Дememкино), речка (озеро) Обыток (5) (здесь — Обаток), озера Веребки[14] (6), Ткачево (7), Лепишняк (8). А также неименованные озера (9), (10) и (11). Из перечисленных водных объектов Дужейчено, Ткачево и Лепишняк не упоминаются в книгах XVII века. Они могли иметь очень малую глубину и появлялись или исчезали в зависимости от уровня реки Семи. Эти озера были указаны местными старожилами только в XIX веке при уточнении меж этих угодий.

Обратим внимание на озеро Дуга (2). Оно в своей нижней части слилось с озером Лашут (1), но остались два его отвершка, которые оба названы одним именем «Дуга». Сравнивая планы 1783 и 1857 годов (рис. 5 и 6), можно с уверенностью сказать, что озеро Хомут на плане 1783 года и озеро Дуга на плане 1857 года — это одно и то же озеро. Если смотреть от Чаплищ, то по форме это озеро напоминает хомут, а хомут действительно напоминает дугу. В книгах XVII века это озеро именуется как Хомут.

Далее, мы видим еще одно небольшое озеро (10) чуть выше озера Дememкино (Деменино). На плане 1857 года оно не названо. Однако оно указано в писцовой книге № 369 1684 и 1686 годов (л. 72 об.) как озерко малое выше озера Деменина: «Озерко Вязки, озерко Хомут, озерко Деменино, озерко малое[15] выше озера Деменина».

Что касается озера Лашут, то в той же книге (№ 369), идет перечисление цепи озер, которые идут с востока на запад: Вязки — Хомут (Дуга) — Деменино — озерко малое выше Деменина. По логике изложения напрашивается мысль, что озеро Вязки — это и есть озеро Лашут. Тем более что это озеро связывало речку (озеро) Речицу и реку Семь. Возможно, по этой причине оно имело такое название.

Неименованное озеро (9) — это озеро Чернышево (Чернявка на плане 1783 года). В писцовой книге № 369 1684 и 1686 годов Чернышево указано рядом с озером Деменино (Дememкино) (4).

[13]Озеро Обыток здесь поименовано как «Абяток». Как старожилы из Чаплищ его назвали, так чиновник-землемер и написал.
[14]Наименование озера Веребки происходит, вероятно, от множественного числа слова «веребий» — воробей.
[15]Неясно: «малое» — это наименование озера или оно просто по размеру маленькое.

В треугольнике, ограниченном Речицей, Обытком (5) и озером Веребки (6), должны находиться два озера, которые упоминаются в писцовых и отказных книгах XVII века: озеро Круглое и озеро Сосенка (или Сосенко). В писцовой книге № 10553 1628 и 1629 годов (л. 82) читаем: «Подле речки Речицы озерко Веребки, озерко Круглое, озерко Сосенка, озерко Обыток». То есть, если смотреть от озера Веребки (6), то налево идут озеро Круглое и озеро Сосенка. Озеро Круглое невозможно локализовать в указанном треугольнике, но есть небольшое озеро (11), прилегающее к речкам Речица и Обыток. Остается полагать, что это и есть озеро Сосенка. Остатки этого озера просматриваются на спутниковом снимке. Озеро Круглое на современной местности не просматривается совсем.

Для изучения верховий речки Речица обратимся к плану специального межевания Ч-7 дачи села Чаплищи (4-я часть) 1857 года[16] (рис. 7). На этом плане Речица именуется «заливом». Для связи с нижним течением Речицы (рис. 6) отметим на этом фрагменте (рис. 7) общие для двух планов озера:

(5) — Обыток;

(6) — Веребки;

(8) — Лепишняк.

Нижнее течение залива (речки/озера) Речица на рис. 7 находится в устье озера Веребки (6). Речка Речица имеет свой исток от озера Гелица (11). Отметим, что это озеро (как и сама Речица) не соединяется с рекой Сейм, как это было показано на плане Ч-2 1783 года (рис. 5) и в книге №369. Появилось новое озеро Гелица между истоком речки Речица и рекой Сейм. Это озеро по понятным причинам не упоминается в книгах XVII века.

Фрагмент плана, показанный на рис. 7, позволяет также локализовать озера Колодское[17] (9), Воропай (10), Васильевское (12) и Долгенькое (13). Заметим, что на территории, ограниченной рекой Сейм, озерами Обыток и Речица, нет болота, указанного на плане Ч-2 1783 года (рис. 5). Теперь здесь показана местность, покрытая кустарником.

Озеро Долгенькое (13) является озером Долгим, указанным в книге № 10553 1628 и 1629 годов[18]: «Озерко Ворапаев, озерко Долгое посторонь озерка Васильевского, затон Долгой ниже озерка Ворапаева подле речки Речицы». Что касается затона Долгого, то его можно обнаружить на плане Ч-2 1783 года.

Дополнительно отметим на рис. 7 устье речки Безуевки (14), которая упоминается в книгах XVII века. Эта речка является весьма протяженной и будет локализована немногим позднее.

В заключение надо сказать, что речка Речица и озеро Обыток в 1782 году были отнесены к наиболее полноводным водным объектам на рассмотреном нами участке долины реки Сейм. В экономических примечаниях[19] они находятся в

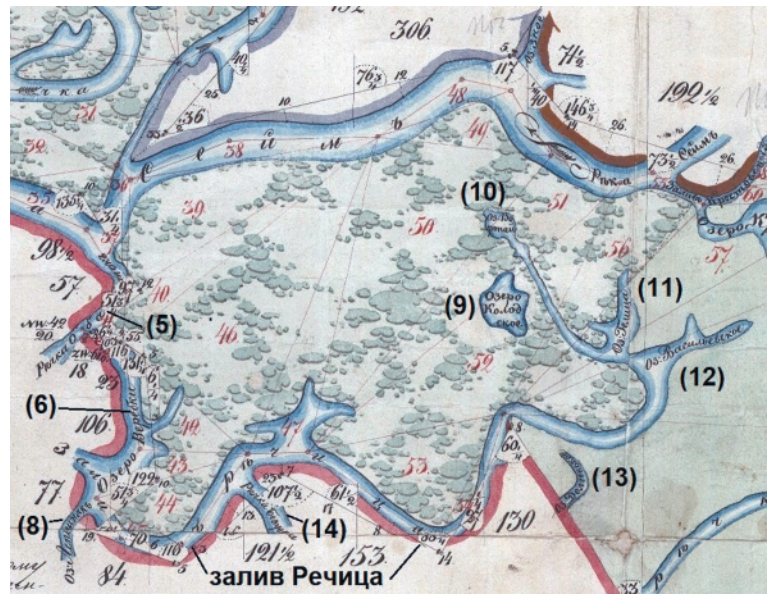


Рис. 7. **Верховья речки Речица на плане дач Ч-7 села Чаплищи 1857 г.**

[16]РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-7 (синий). План дачи села Чаплищ, 4-й части.

[17]Наименование «Колодское» происходит, скорее всего, от слова «колода», имеющего множество значений: колода, застава, заграждение на дороге или границе, гроб, выдолбленный из одного куска дерева; кадь, кадка; вырубленное из толстого куска бревна корыто, служащее для корма и водопоя скота; лодка-долбленка из целого ствола дерева.

[18]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 64.

[19]РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 167.

Рис. 8. **Современное состояние водных объектов в долине речки Речицы**

одном ряду с озером Клепало. Их оценочные параметры такие же: «Глубиною от двух {сажень} (4,26 м) до четырех (8,52 м) шириною от дватцати (42,6 м) до сарака (85,2 м) сажень». Точная оценка отсутствует, но то, что они были весьма глубоководными, — в этом сомнений нет.

Теперь осмотрим более внимательно современный ландшафт в долине речки Речицы (рис. 8) и угадаем на нем оставшиеся фрагменты локализованных выше озер и речек. Вполне просматривается высохшее русло Речицы (оно мной слегка подсвечено голубым цветом). В частности, видно, что исток озера Гелица всего на несколько десятков метров отстоит от реки Сейм. Под надписью «Колодское» мы видим остатки нескольких безымянных озер, которые, однако, не представлены на планах XVIII и XIX веков. Это то самое место (в треугольнике между Сеймом, Речицей и Обытком), где в XVIII веке было болото (см. рис. 5). Эти молодые водоемы — остатки древнего болота.

Реконструкция всего бассейна речки Речицы показана на рис. 9.

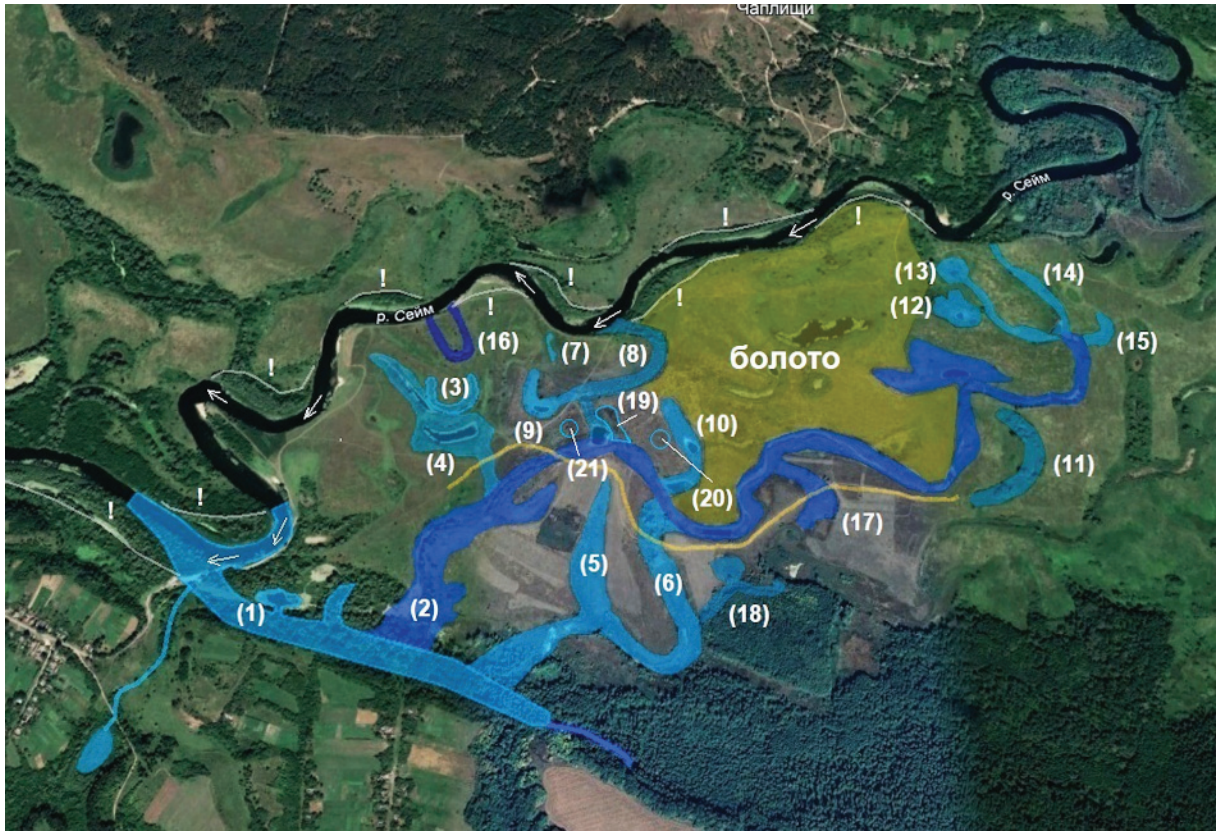


Рис. 9. **Реконструкция водных объектов в долине речки Речицы**

Цифрами отмечены озера и речки:

(1) Клепало
(2) Речица
(3) Дуга (Хомут)
(4) Вязки (Лашут)
(5) Ткачево
(6) Лепишняк
(7) Малое
(8) Обыток
(9) Деменино
(10) Веребки
(11) Долгое
(12) Колодское
(13) Воропай
(14) Гелица
(15) Васильевское
(19) Сосенка
(20) Круглое[20]
(21) Чернышево (Чернявка)[21]

В центре рис. 9 показано болото, имеющееся на плане 1783 года. Дополнительно на этом рисунке добавлены: часть старого русла реки Сейм (16), устье речки Безуевка (17) и проток/струга (18) между Безуевкой и озером Лепишняк.

Реконструкция озер, которые располагались рядом с рекой Сейм, была затруднена ввиду того, что за прошедшие столетия русло реки заметно изменилось. Особенно это видно в местах, где крутые изгибы реки подмывали берег. Из космоса видно, как со временем изменялось русло. На рис. 9 эти места обозначены восклицательными знаками (!). За несколько веков русло в этих местах сместилось на расстояние до 60–70 метров. Стрелками вдоль русла этой реки показаны места, где течение реки провоцировало такие изменения.

На этом же рисунке показана видимая на местности тропа, по которой люди старательно обходили озера по мере их высыхания.

Рис. 10. **Озеро Клепало и окрестные озера на карте 1869 г.**

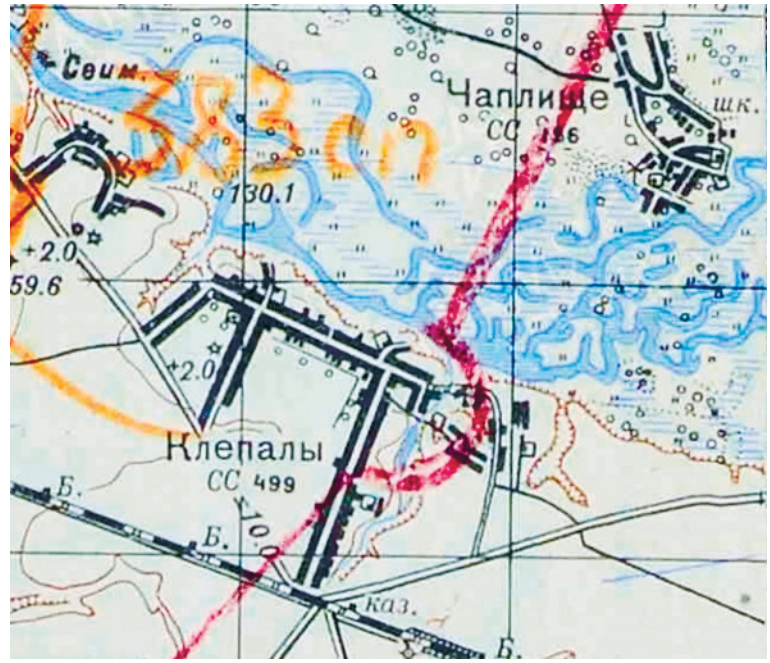


Рис. 11. **Озера в долине речки Речицы на оперативной карте по захвату Конотопа. 1943 г.**

Ранее было отмечено, что в начале XVII века в грамоте царя Михаила Федоровича Романова всю эту местность именовали по озеру Клепало. Это же было сделано спустя 250 лет на Трехверстной карте 1869 года, лист 20-12[22] (рис. 10), где весь комплекс озер и речек на этом месте также поименован как озеро Клепалы. Как видно, на этой местности воевать не собирались.

Озеро Клепало, речка Речица и прилегающие к ним озера исчезли с ландшафта у села Клепалы сравнительно недавно. На военных картах, составленных в 30-х и 40-х годах XX века, эти объекты еще присутствуют. Например, на карте Великой Отечественной войны[23] (1943 г.) (рис. 11). Аэрофотосъемка местности производилась в 1940 году.

[20]Указано вероятное место (см. рис. 6).
[21]То же.
[22]Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/20-12/ Путивль. (01.08.2011).
[23]Память народа: [сайт] Карта решения командующего 60А на проведение наступательной операции по захвату Конотоп. 1943 г. (ЦАМО. Ф. 417. Оп. 10564. Дело 528. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=101144981&backurl=q%5CКарта%20решения%20командующего%2060А%20на%20проведение%20наступательной%20операции%20по%20захвату%20

Понятно, что эти озера исчезли не сразу, единомоментно. В течение последних 200 лет они постоянно мелели и потихоньку уходили с ландшафта. Полностью они исчезли не позднее, чем в 60–70-х годах XX века.

1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера

Рис. 1. **Речка Безуевка на плане 1910 г.**

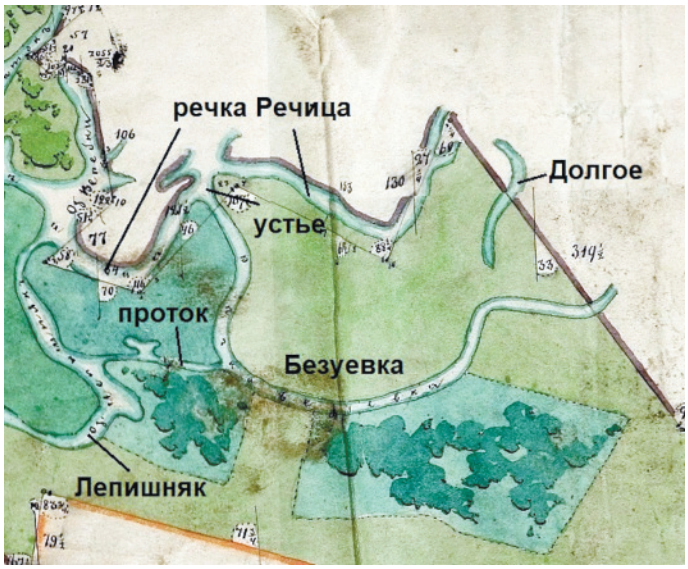


Рис. 2. **Нижнее течение речки Безуевки на плане дач Ч-26 села Чаплищи 1857 г.**

Речка Безуевка имела исток возле современного села Пески, текла по лугам южнее реки Семи и впадала в речку Речицу. Место устья Безуевки было локализовано ранее при рассмотрении бассейна речки Речицы[24].

Наименование речки могло произойти от слова «безуй» (или безоарь, или безурь). Безуй — это окаменелое вещество, находимое в желудках диких козлов и других животных, считающееся лечебным средством. «Безаар камень привозят его из Индеи. Всякая вещь, которая избавляет от всякия немощи, бывает названа безааром, — того каменя прозвищем»[25].

Наиболее детально эта речка изображена на плане дач Путивльского уезда 1910 года[26] (рис. 1). Безуевка показана здесь на протяжении всего ее течения. Среди многочисленных озер и речек Безуевка — одна из немногих, которая

Конотоп::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie. (07.08.2025)).

[24]См. разд. 1.3.1.

[25]Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып.1. С. 127. Алф. 106 об. XVII в.

[26]План Путивльского уезда Курской губернии. 1910 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-ukraine_sumy_putivlskiy-uezd-1910/ (03.03.2010).

удостоилась быть названной на этом плане (см. надпись внизу в центре). Ее русло выделено мною голубым цветом. Кроме Безуевки названы озера Байдуровское и Куцырь (справа, в центре). Для нас это очень важно, поскольку позволяет точно локализовать ее, Безуевки, исток. Он находился в болотистом месте, где сходились устье озера Байдуровского и исток озера Куцырь. Дальнейшее рассмотрение этой речки будем проводить по планам села Чаплищи Ч-26[27] и Ч-7[28] (1857 г.). На этих планах она показана в нижнем и среднем течении соответственно. Начнем с нижнего ее течения и устья (план Ч-26). Оно показано на рис. 2. Здесь мы видим также речку Речицу, безымянный проток между Безуевкой и озером Лепишняк, а также озеро Долгое. Эти озера были локализованы ранее.

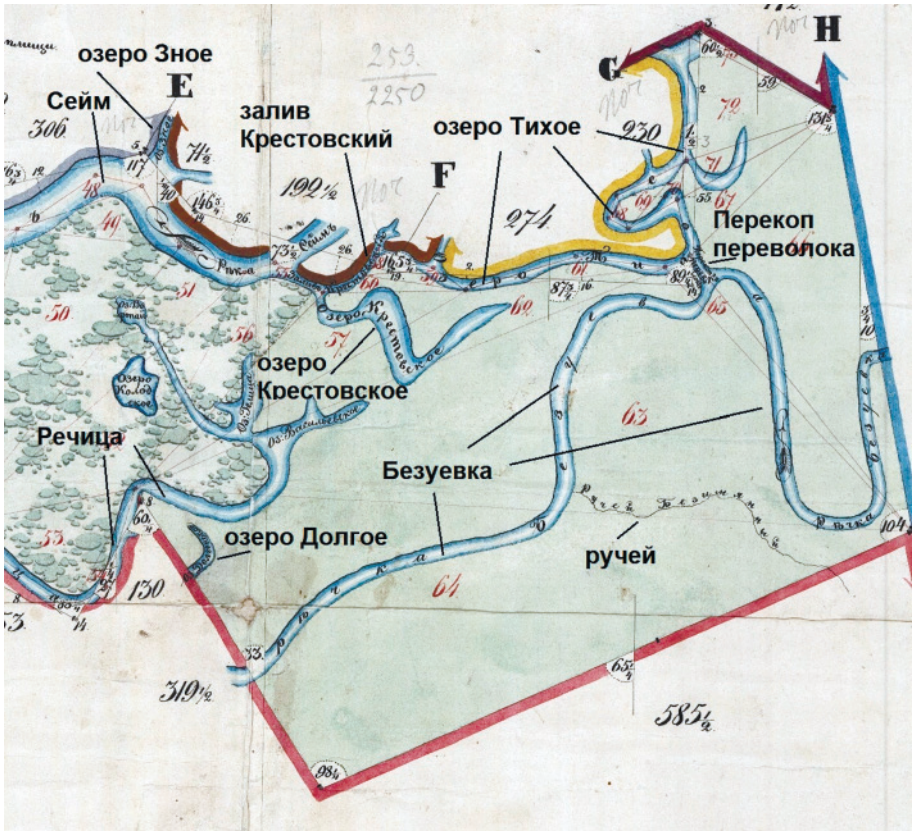


Рис. 3. **Среднее течение речки Безуевки на плане дач Ч-7 села Чаплищи 1857 г.**

Рис. 4. **Озеро Хрестцы на плане дач Ч-2 села Чаплищи 1783 г.**

Теперь рассмотрим Безуевку в среднем течении. Эта ее часть представлена на плане Ч-7 села Чаплищи (рис. 3). Среди знакомых уже объектов в верховье Речицы (озерами Васильевское, Гелица и Воропай) мы видим и новые: залив Крестовский, озеро Крестовское, озеро Тихое, озеро Перекоп (переволока). Озера Тихое и Перекоп упоминаются в писцовых книгах XVII века. Что касается озера Крестовское, то в книге № 10553 1628 и 1629 годов (л. 82 об.) оно упоминается как озерко Хрестцы: «Озерко Обыток, озерко Чернышево подле озерка Обыток, озерко Перекоп, озерко Хрестцы». «Крестец» — уменьшительная форма слова «крест». Крестцем в XVII веке называли, в частности, перекресток дорог[29]. Что касается формы озера, то вместе с заливом Крестовский (явно относящемуся к этому же озеру) она действительно напоминает крест. Вот как выглядело озеро в XVIII веке, на плане Ч-2 1783 года (рис. 4). Вместе с рекой Семь форма этого озера действительно образует что-то наподобие креста. Или пересечения дорог с «круговым движением», говоря по-современному.

На этом же рисунке мы видим устье озера Тихое. Оно впадает в реку Семь немногим севернее озера Хрестцы. Тихое — это очень протяженное озеро. На рис. 3 оно показано в своем нижнем течении. Его

[27]РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-26 (красный). Села Чаплиц 15-й части.
[28]РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-7 (синий). Села Чаплиц 4-й части.
[29]Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 41.

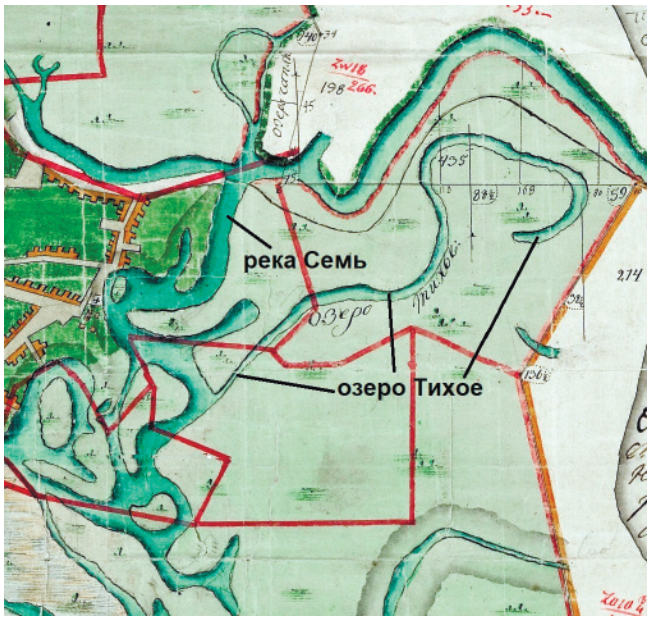


Рис. 5. **Озеро Тихое на плане дач Ч-2 села Чаплищи 1783 г.**

русло мы построим целиком позднее, на основании нескольких планов. На этом же рисунке показано также небольшое озеро Перекоп между Безуевкой и озером Тихое. Здесь указана также его функция — переволока. Судя по наименованию (Перекоп), оно было выкопано вручную. Для каких целей это было сделано? Некоторые соображения по этому поводу мы рассмотрим немного позднее, когда получим общую картину озер на этой местности. «Переволока», вероятно, относится к перетаскиванию по его руслу лодок, когда это озеро пересыхало.

Забавный случай произошел с названием озера Избное (рис. 4). Для его локализации обратимся к плану Ч-7 села Чаплищи (рис. 3). Такого озера там нет, но указано озеро Зное (на рисунке оно слева вверху). Озера с таким наименованием нет ни в каких источниках, кроме плана Ч-7. В писцовых книгах XVII века, в частности в книге № 10553 (л. 83), указывается: «Озерко Избное под усадищем[30]». То есть озеро, которое находилось рядом со старинным поселением. На рис. 4 мы видим место, обозначенное крестиком (дополнительно оно обведено мной кружком). На планах специального межевания так обозначали места кладбищ. Чаще всего там же располагались и церкви. Немного юго-западнее, на берегу реки Семи, находилось старинное селище. К нему-то и примыкало озеро Избное. Его название отражает тот факт, что рядом стояли избы старого усадища. Что касается наименования «Зное», то здесь мы видим ту же историю с искажением наименований, услышанных от местных жителей, старожил. Землемер записывал названия озер «на слух». Услышал «Зное» вместо Из**б**-**ное**. Так и записал. Справедливости ради надо сказать, что и некоторые другие наименования озер на планах 1857 года также показаны с «чаплянским» акцентом: Абяток вместо Обыток, Хамут вместо Хомут, Дememкино вместо Деменино.

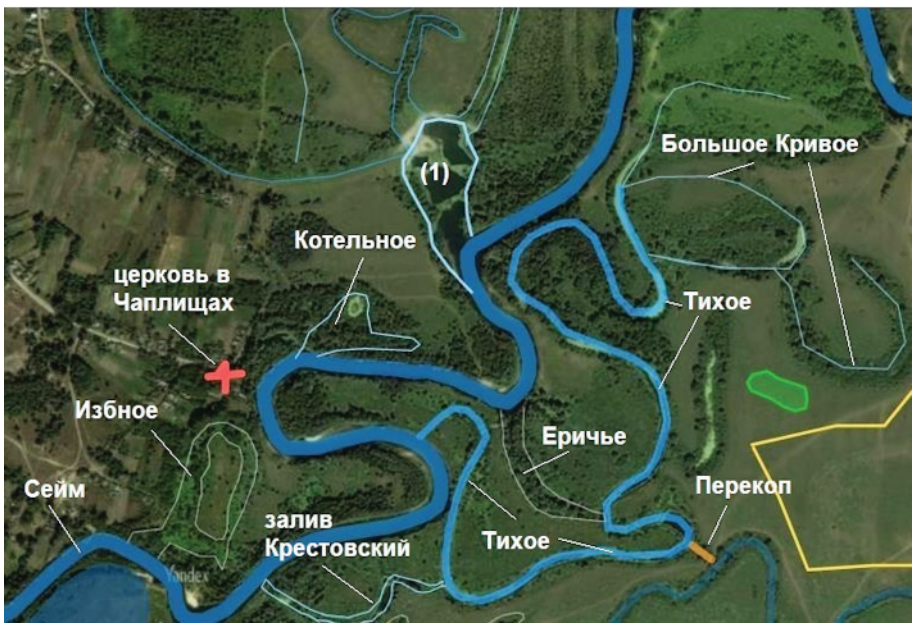


Рис. 6. **Реконструкция долины озера Тихого**

Рассмотрим теперь подробнее русло озера Тихое. На плане Ч-2 1783 года села Чаплищи оно показано полностью (рис. 5). К сожалению, это изображение практически невозможно локализовать на

[30]Уса́дище – топоним, название многих населенных пунктов России. Этимология слова общая со словом «усадьба». В старину существовала масса синонимов слову «усадьба», имевших аналогичное значение: усада, усадебка, усадище, усадбище. Все они происходят от корня «усад», имеющего значение отведенного места, выделенного участка, места, куда усадили, но в большей степени – значение обжитого, освоенного. Топоним «усадище», как и «городище», «городок», «погостище», «селище», указывает места древних поселений. (Данные из открытых источников в сети Интернет).

реальной местности. Для решения этой проблемы пришлось обратиться к более точным планам дач села Чаплищи 1857 года[31]: Ч-4[32], Ч-5[33] и Ч-6[34]. На плане Ч-4 было показано верховье этого озера вместе с озером Большое Кривое. На плане Ч-5 было представлено среднее его течение и его устье, озеро Еричье, устье озера Котельное, озеро Перекоп (переволок), часть речки Безуевки и залив Крестовский. Все это позволило связать положение озера Тихое с соседними озерами и речкой Безуевкой, что, в свою очередь, дало возможность полностью реконструировать его русло вместе с прилегающими к нему озерами. Результат представлен на рис. 6. На этом рисунке осталось неназванным озеро справа от озера Еричье, на другом берегу озера Тихое.

Теперь приступим к локализации четырех озер к северо-востоку от села Чаплищи. Обратимся к заливу, обозначенному на рис. 6 цифрой (1). Видно, что этот залив в северной части выходил к устьям нескольких озер. Для их локализации прежде всего обратимся к плану В-145 села Волынцева[35] 1857 года (рис. 7). На нем мы видим озера Чаплище, Карачевское и Мертвая Веть, а также устье речки Горн. Озера и речка здесь показаны фрагментарно. Дополнительно обратимся к плану Ч-26 1857 года (рис. 8). На нем указано озеро Чапля, озеро Безымянное и озеро Круглая Чапля. Сравнивая эти два плана, приходим к выводу, что озера Чаплище и Чапля — это одно и то же озеро. В писцовых и отказных книгах XVII века это озеро именуется как Чапль или Чапля[36]: «А от той вербы и от грани до озера Чапли и до реки Семи сто пятьдесят сажень. А по другую сторону реки Семи, от Мертвые Вети, вверх рекою Семью…» Можно утверждать, что это озеро дало название селищу Чаплищи.

Рис. 7. **Чаплицкие озера на плане дач В -145 села Волынцева 1857 г.**

Рис. 8. **Чаплицкие озера на плане дач Ч-26 села Чаплищи 1857 г.**

Что касается озера Мертвая Веть, то оно поименовано на плане генерального межевания 1785 года[37] (рис. 9).

К сожалению, нужный нам фрагмент плана является нечетким. Но, тем не менее, видны надписи «Мертвая Веть» и «озера Карачевские». Цифрой (1) на этом рисунке помечено озеро Чапля, цифрой (2) — Круглая Чапля (и далее, на север, цепочка Карачевских озер) и цифрой (3) — Мертвая Веть. Надо полагать, что Карачевские озера в южной части впадают в озеро Круглая Чапля. На этом же рисунке можно разобрать наименования еще двух озер справа от Мертвой Вети: Плетенек и Белка. А внизу справа, под озером Тихое, — озеро Кривое.

[31] Фотокопии этих планов не заказывались. Но были сделаны зарисовки изображенных на них озер. Здесь представлен результат работ с этими планами.
[32] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-4 (синий). Села Чаплищ 1-й части.
[33] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-5 (синий). Села Чаплищ 2-й части.
[34] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-6 (синий). Села Чаплищ 3-й части.
[35] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. В-145 (синий). Села Волынцева.
[36] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 70 об.
[37] Геометрический генеральный план города Путивля и его уезда 1785 г. URL: https://oldmaps.ru/ (19.07.2012).

Рис. 9. **Озеро Мертвая Веть на генеральном плане 1785 г.**

Эти же озера представлены на плане В-14[38] 1783 года села Волынцева[39]. Указаны также Карачевские озера (цепочка озер), Мертвая Веть, Золотое (между Мертвой Ветью и Карачевскими). Необходиимо отметить, что на этом плане не обозначено озеро Круглая Чапля, что косвенно подтверждает утверждение, что это просто устье Карачевских озер. Указано также озеро Орлее. Оно часто упоминается в писцовых книгах. К нему мы обратимся позднее, при описании угодий помещиков. Другие озера рядом с селом Волынцево не рассматривались.

Результат реконструкции озер в окрестности речки Безуевки представлен на рис. 10.

Как уже отмечалось ранее, за столетия русло реки Сейм претерпевало значительные изменения. Особенно в местах, где ее быстрое течение подмывало берег. На рис. 10 обозначены несколько таких мест:

• в устье озера Тихое (13). Здесь в своем нижнем течении это озеро практически сливается с рекой Сейм. Белой линией показано старое положение русла, которое в прошлом значительно отставало от русла озера Тихое;

• в верховьях озера Тихого (13) и озера Большого Кривого (12) русло реки Сейм также со временем вплотную подошло к этим озерам;

• аналогичная картина наблюдается с озером Куцырь (2) в истоках речки Безуевки.

Озера Чапля, Карачевские и Мертвая Веть еще в XIX веке находились в болотистой местности (см. рис. 8). В книге № 10553 1628 и 1629 годов это место названо Чаплицким болотом: «… Да в деревне Чаплищах подле болота Чаплицково на пашне вишенной полевои садок» (л. 942). Надо полагать, что болото изобиловало болотными птицами. Отсюда название озера Чапля и, далее, соответственно, селища.

Обратим внимание на озеро Перекоп (переволока) (помечено цифрой (17) на рис. 10). Как уже говорилось, есть основания предполагать, что оно выкопано вручную. Переволока указывает на то, что в этом месте волоком перетаскивали лодки[40]. Когда оно было выкопано — этого мы не знаем, но не позднее XVI века, когда Чаплищи еще были большим селищем. В выписи из статейного списка посольства Афонасия Резанова 1589 года[41] упоминается грабеж этого селища черкасами атамана Петруши Шергуна «с товарыщи». С того времени и до начала XVII века, в «смутные времена», селище было в полном запустении. Едва ли в это время жители Чаплищ копали этот проток. Наиболее раннее упоминание этого озера «озерко Перекоп» относится к 1628 году (книга № 10553, л. 64 об.).

Просматривается практический аспект наличия этого рукотворного протока. Он соединял речку Безуевку (11) с озером Тихим (13) (см. рис. 10). Дело в том, что по обе стороны речки Безуевки были (да и сейчас есть) обширные сенокосы. Речка текла на всем их протяжении. Скошенное сено было удобно тут же грузить в лодки и перевозить по тихой и неглубокой Безуевке вниз по течению и далее, через Перекоп, по озеру Тихому, опять же по течению, до его впадения в реку Сейм. После чего до Чаплищ можно было

[38]РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. В-14 (красный). Села Волынцева.

[39]Комментарии по этому плану приводятся по записям, сделанным в РГАДА. Фотокопия плана В-14 не заказывалась.

[40]Переволока: 1) пространство между реками, через которое перетаскивают суда для дальнейшего плавания или перевозят товары сухим путем; 2) перетаскивание судов через волок.

[41]РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Л. 144 об.

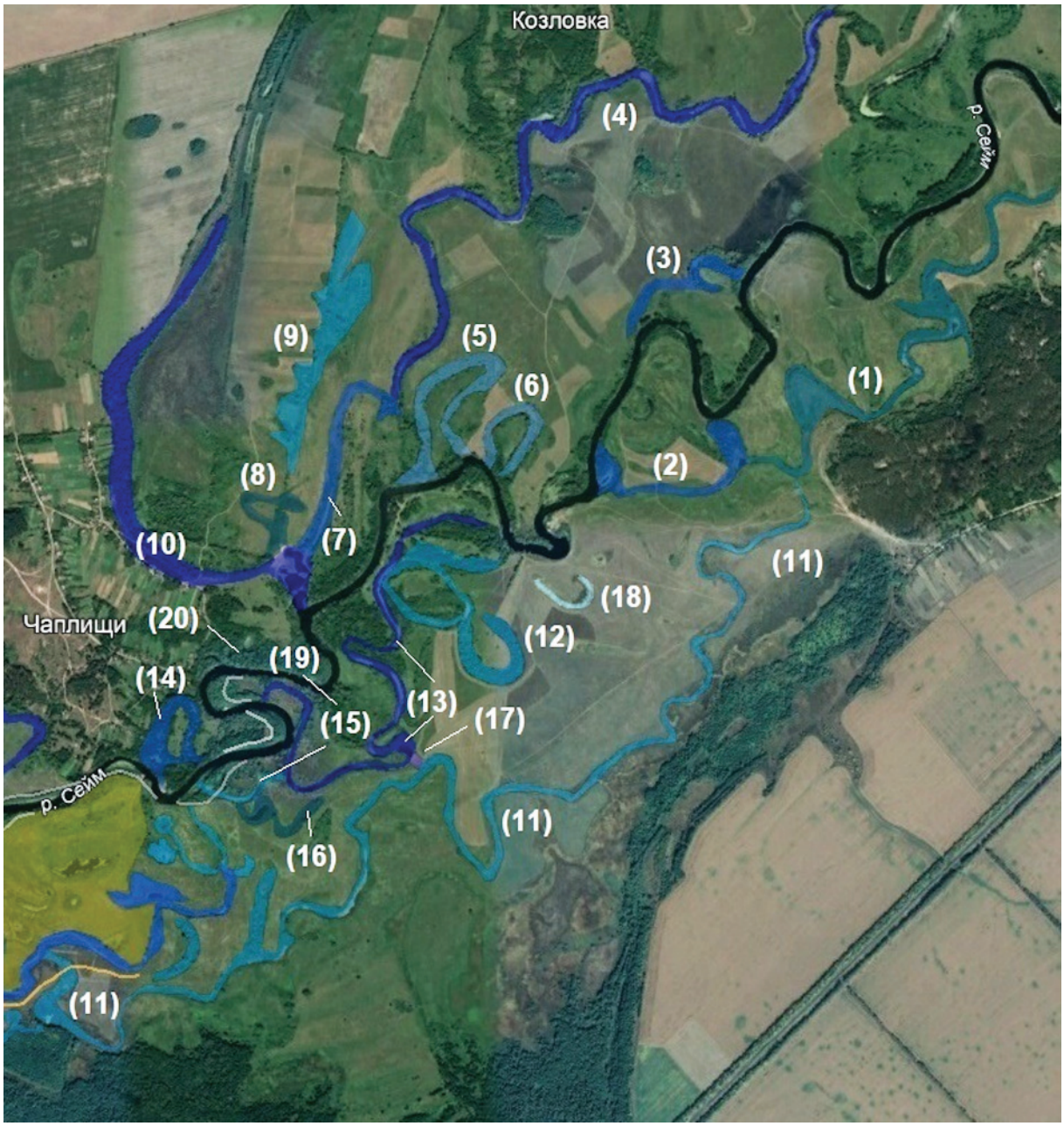


Рис. 10. **Сводная реконструкция озер в долине речки Безуевки**

Цифрами отмечены следующие озера и речки:

(1) Байдурское
(2) Куцырь
(3) Орлее
(4) речка Горн
(5) Плетенек
(6) Белка
(7) Мертвая Веть
(8) Круглая Чапля
(9) Карачевские озера
(10) Чапля (Чапль)
(11) речка Безуевка
(12) Большое Кривое
(13) Тихое
(14) Избное
(15) залив Крестовский
(16) Крестовское (Хрестцы)
(17) Перекоп (переволока)
(18) Кривое
(19) Еричье (см. рис. 6)
(20) Котельное (см. рис. 6)

добраться напрямую, просто переехав Сейм, и далее вниз по течению. Это место находится в непосредственной близости озера Избного, которое, как известно, было «под усадищем», то есть непосредственно рядом со старинным селищем. Но почему сено не перевозили по реке Сейм? Во-первых, река находится на некотором удалении, а во-вторых, в прошлые века она была быстрая и глубокая, по ней было опасно ездить на лодках, нагруженных сеном, даже в тихую погоду. Не говоря уже о непогоде. В жаркое сухое время Перекоп, похоже, мелел. Отсюда его второе наименование — Переволока, которое появилось только в XIX веке. В этом случае лодки волоком перетаскивали из Безуевки в озеро Тихое. В писцовых и отказных книгах XVII века этого второго названия нет — перетаскивать лодки тогда не приходилось, поскольку и речка Безуевка, и озеро Тихое были более полноводными, а Перекоп не пересыхал.

Кроме удобства перевоза сена, указанный водный путь был бы очень удобен для поездок из селища Байдурского (а позднее — из села Пески) в селище (а затем в село) Чаплищи. Водный путь составлял 7 км. В то время как путь по Вирской дороге, через Мокшевицкий перевоз и далее через Титов бор в Чаплищи — 24 км. Конечно, ближайшим был путь по реке Семи (6 км), но, опять-таки, вниз по течению, в тихую погоду.

Для жителей села Клепалы Безуевка также была очень удобной транспортной артерией. Клепальские жители также имели здесь свои сенокосы. Сено удобно было доставлять с любого места этой речки (ее длина составляла более 6 км) до речки Речица, затем вниз по течению к озеру Клепало и, далее, в село.

В заключение приведем возможное происхождение наименований некоторых озер:

- **озеро Байдурское:** «Байдур» — *укр.* «волоцюга, бабій» (ловелас, бабник).
- **озеро Куцырь:** «Куцырь» — владельческий знак ∨ и ∧, входящий в состав бортного знамени (то же, что соха, силы)[42].
- **Карачевские озера:** «Карач» — представитель высшей знати у крымских и казанских татар, советник хана.
- **озеро Плетенек:** «Плетенек» — плетеный шнурок[43].
- **озеро Еричье:** «Ерик» — небольшой речной или озерный рукав[44].
- **озеро Котельное:** «Котель» — деревянное кольцо, обруч, на которое наматывается пряжа[45].
- **речка Горн:** «Горн» — 1) котел, горшок, чаша; 2). очаг, печь[46].

1.3.3. Долина озера Боровня

ОЗЕРА В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ ОЗЕРА БОРОВНЯ

Спустимся по течению реки Сейм ниже устья озера Клепало. Река в этом месте имеет очень извилистое русло. Полноводность и быстрое течение привели к значительным его смещениям за последние 250 лет[47]. Сегодня мы можем судить об изменении русла благодаря достаточной точности планов генерального и специального межевания XIX и начала XX века. Современное русло во многом отличается от показанного на этих планах. Благодаря современным спутниковым снимкам и указанным планам мы можем восстановить старое русло таким, каким оно являлось в XIX веке. Только в этом случае мы сможем более-менее точно локализовать старинные, уже исчезнувшие речки и озера в этой части долины реки Сейм.

Итак, воссоздадим старое русло. Для этого воспользуемся фрагментами плана Ч-26 и Ч-7 (1857 г.) (рис. 1 и рис. 2), а также плана 1910 года[48] (рис. 3). Русло реки Сейм на рис. 1 и 3 выделено цветом.

[42]Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 150.
[43]Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 15. С. 89.
[44]Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 5. С. 58.
[45]Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 7. С. 380.
[46]Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4. С. 87.
[47]Более ранние периоды времени проследить невозможно ввиду отсутствия исторических данных.
[48]План Путивльского уезда Курской губернии. 1910 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-ukraine_sumy_putivlskiy-uezd-1910/ (03.03.2010).

Рис. 1 и 2 вместе представляют целостную картину. Рис. 1 является продолжением картины рис. 2 вниз по течению реки. Точки А и Б на этих рисунках являются общими. Рис. 3 дает полную картину этой части реки Сейм. На нем обозначены: (1) — озеро Клепало, (2) — озеро Лашут (Вязки), (3) — озеро Обыток. Теперь на основании этих изображений воссоздадим на местности русло первой половины XIX века. Результат представлен на рис. 4. Эта реконструкция не является абсолютно точной, но позволяет получить качественное представление о картине двухсотлетней давности. Русло менялось непрерывно в течение столетий. Сейчас мы видим контуры смещения на сегодняшний день, но, по понятным причинам, не можем понять, какая часть из этого смещения к какому времени относится. В частности, на середину XIX века. Отсюда и погрешность реконструкции. Точки А и Б, показанные на этом рисунке, — те же, что и на рис. 1, 2 и 3.

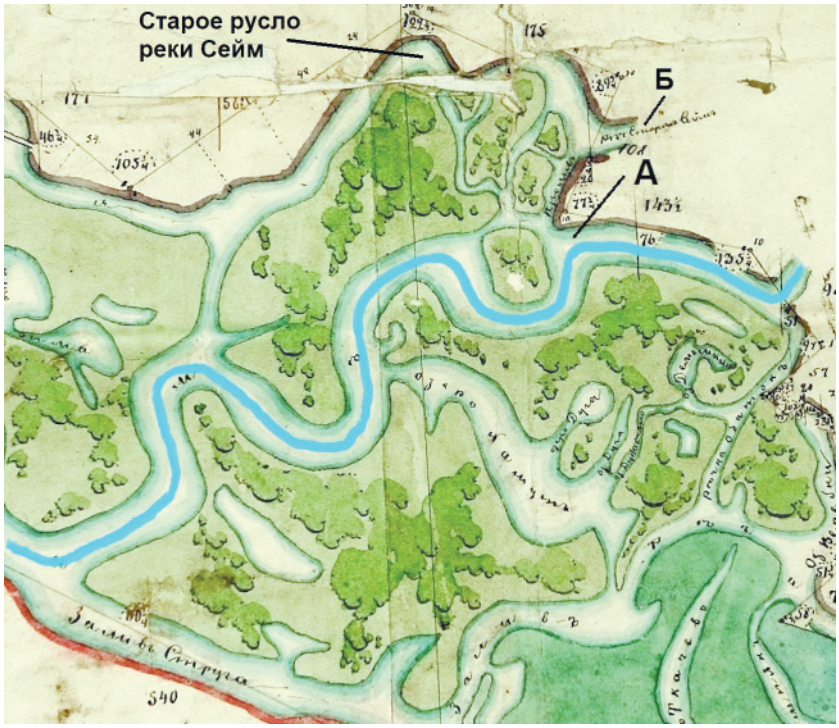


Рис. 1. **Старое русло реки Сейм на плане дач Ч-26 села Чаплищи 1857 г.**

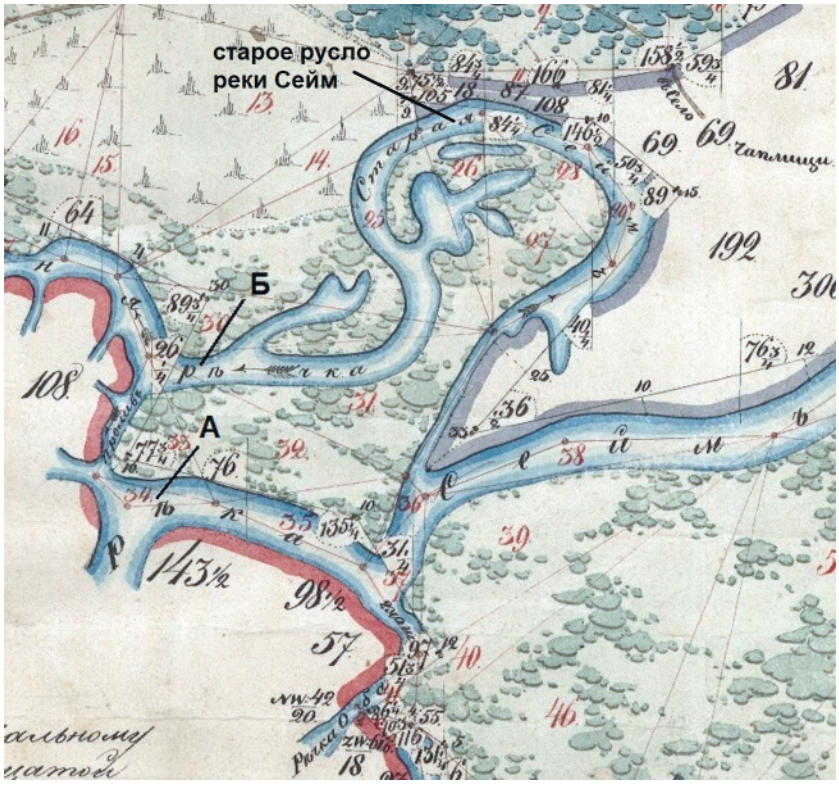


Рис. 2. **Старое русло реки Сейм на плане дач Ч-7 села Чаплищи 1857 г.**

Цифрой (1) (рис. 4) указано старое русло, восстановленное по плану Ч-26 (рис. 1). Подспорьем явилось то, что на спутниковом снимке его старые контуры остались. Места крутых поворотов отмечены тонкими белыми линиями. Ранее мы их обозначали еще и восклицательными знаками (!). Обратим внимание, что верхняя часть озера Лашут (Вязки) (10) (рис. 4) ранее соединялась с рекой (рис. 3), но со временем русло «ушло» от этого озера. Немного проще с реконструкцией устья озера Клепало. Его местонахождение по состоянию на 80-е и 90-е годы XVII века было определено при исследовании межи поместья Клепальское городище (см. разд. 1.2.1).

Теперь обратим внимание на объект под цифрой (2) на (рис. 4). На планах Ч-26 и Ч-7 (рис. 1 и 2) он именован как «речка Старая Сейм». То есть, это старое русло реки (старица). Точки (4) и (3) на рис. 4 —

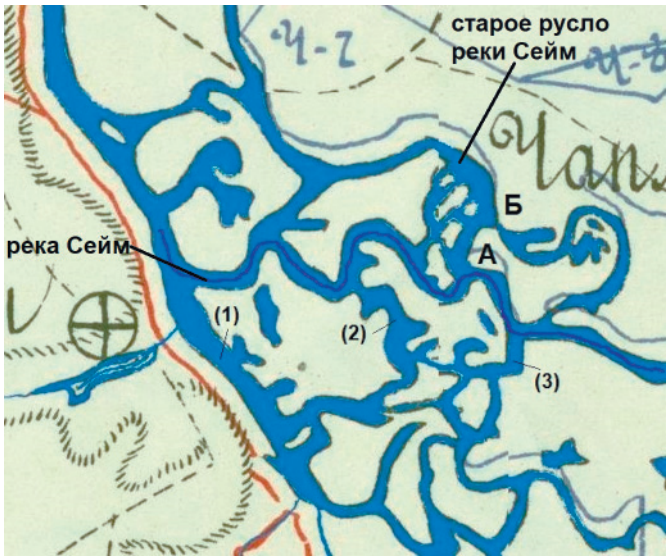


Рис. 3. **Верховья озера Боровня на плане 1910 г.**

это точки А и Б на приведенных выше планах. Это исток озера Боровня (8). На современных картах это озеро обозначается как речка Бурывня. Цифрами (4) и (4*) обозначены протоки между озером Боровня и рекой Сейм. Ввиду того что в промежутке между этими точками Боровня полностью высохла (как и речка Старая Сейм), сегодня истоком Боровни считается точка (4*).

Озера (6) и (7) (рис. 4) представлены на плане Ч-26 (рис. 5). Озеро (6) называлось Зима. Оно не упоминается в писцовых книгах. А вот озеро (7) — это часто упоминаемое в книгах XVII века озеро Миличь (на рис. 5 написано как Меличь). Такое наименование упоминается, в частности, в отказной книге Степана Афонасьева сына Опышкова (1669 г.)[49]: «Да колодезь Клепальской з забережными колодези, которые впали в Клепало озеро. Да колодезь Большой ниже озера Меличь у Верхних гор».

Озеро Миличь соединяло реку Сейм и озеро Боровня. Любопытно отметить, что в устье озера Миличь на реке Сейм ранее был остров. Он, в частности, виден на плане 1910 года (рис. 3). Он важен тем, что напротив него была межа XVII века между угодьями деревни Клепало и Диким полем[50], по поводу которой в XVII

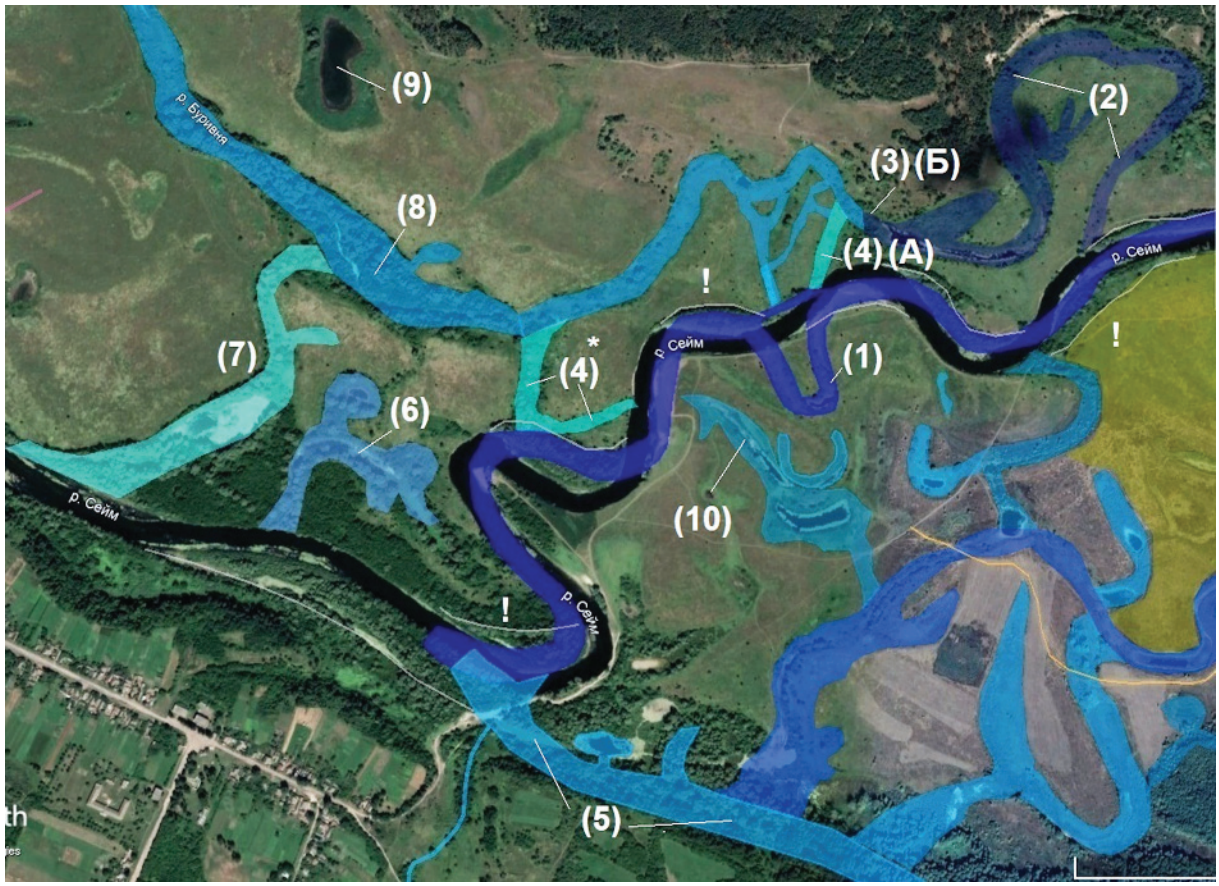


Рис. 4. **Реконструкция русла реки Сейм и верховий озера Боровня. 1857 г.**

[49] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10561. Л. 407.

[50] Этот фрагмент межи был детально рассмотрен в разд. 1.2.1.

и XVIII веках разгорелись нешуточные споры между помещиками. На современной местности остров не виден совсем. Возможно, если внимательно походить пешком по высохшему устью Милича, то найдутся его остатки.

Что касается отсутствия в источниках XVII века озера Зима, то это связано с тем, что его попросту не было до XIX века. Это озеро также отсутствует на плане Ч-2 1783 года (рис. 6). Здесь озеро Миличь (1) не соединялось с рекой Семь, а было небольшим заливом на озере Боровня (2). Далее обратимся к писцовой книге № 369 1684 и 1686 годов. В ней приводится перечисление озер вблизи Милича (л. 72 об.): «Озеро Боровня, затон Миличь, озерко Боровое Круглое под бором, озерко Малое верх Милича». Озеро Миличь здесь указано как затон, что и отражено на плане Ч-2 1783 года. Что касается «озерка Малого верх Милича», то это, вероятно, и есть какая-то часть озера Зима, которое появится только через 100 лет. А может быть, это небольшой затон, прилегающий к Миличу ближе к озеру Боровня.

Рис. 5. **Залив Миличь и озеро Зима на плане дач Ч-26 села Чаплищи 1857 г.**

Теперь обратим внимание на «озерко Боровое Круглое под бором», упомянутое в книге № 369. Оно сохранилось до нынешних дней и сейчас именуется на снимке ресурса Google Earth несколько странно: «Кругло-Борова», но отражает старинное наименование. На рис. 4 оно обозначено цифрой (9). На плане Ч-7 1857 года озеро именуется как Боровое. Здесь явная отсылка к старинному Титову бору, который тянулся вдоль Боровни на запад. Этот бор и дал наименование озеру.

Происхождение названия озера Миличь выяснить не удалось. Может быть, если исходить из варианта его названия «Меличь», то оно происходит от слова «мель», то есть мелкое место. А возможно, от прилагательного «меличный» (мель — вид льняной ткани[51]).

Однако вернемся к плану Ч-2 1783 года (рис. 6). На нем указан пролив «Старое течение». Он состоит из трех участков: (3), (4) и (5). Исток Боровни (2) в то время находился между участками (3) и (4). Что касается современного истока, то он находится в точке (6) этого плана. В 1783 году воды в этом месте не

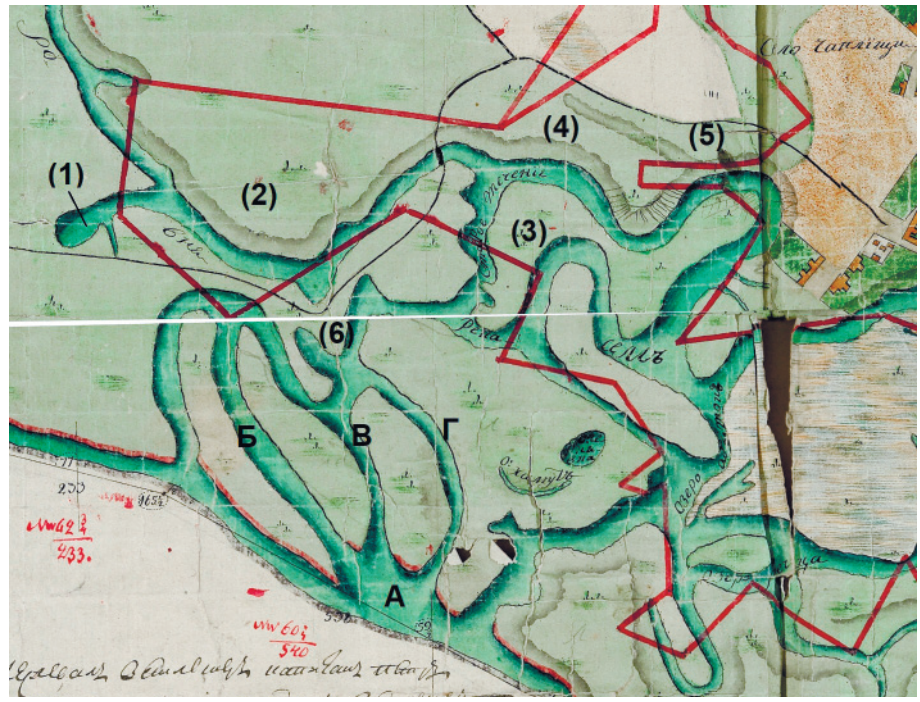


Рис. 6. **Озеро Клепало и верховья озера Боровни на плане дач Ч-2 села Чаплищи 1783 г.**

[51] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 9. С. 82.

Рис. 7. **Озеро Нижний Обыток на плане дач Ч-2 села Чаплищи 1783 г.**

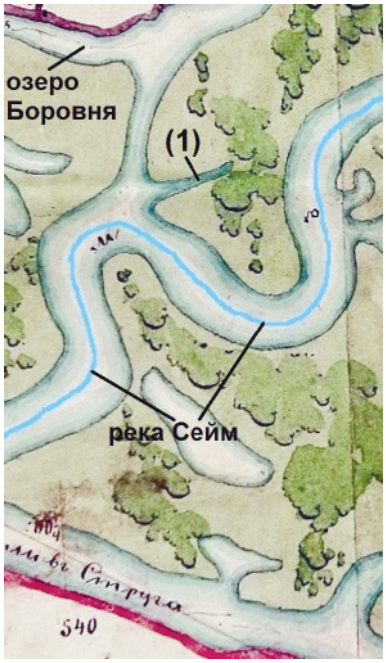


Рис. 8. **Озеро Нижний Обыток на плане дач Ч-26 села Чаплищи 1857 г.**

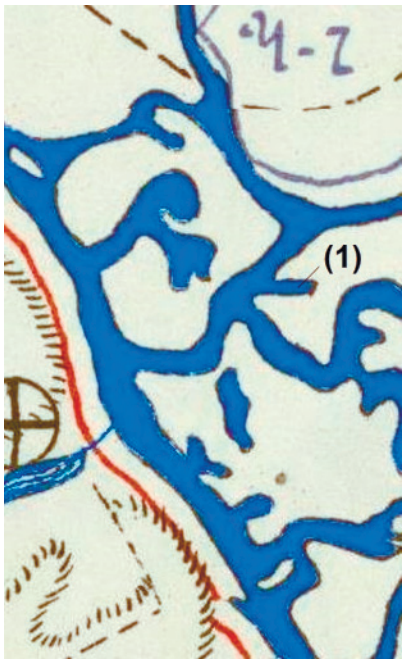


Рис. 9. **Озеро Нижний Обыток на плане 1910 г.**

было и по сухому месту проходила дорога из села Клепалы в село Чаплищи. Воды здесь не было и ранее: в книгах XVII века это место называлось «Боровенский переволок». Все дело в том, что в те времена кратчайшим путем из деревни Клепало (из озера Клепало) в озеро Боровня был путь по озеру Клепало, затем по одной из его больших проток (В или Г на рис. 6). А вот далее, чтобы не ехать по реке Семи против течения к истоку Боровни, лодки перетаскивали из реки Семь в Боровню в месте (6), называемом Боровенским переволоком. Этот участок не всегда был сухим: на плане Ч-26 1857 года и на плане 1910 года на этом месте показан проток (см. рис. 1 и 3).

С этим протоком связано еще одно озеро, которое не показано на планах XVIII и XIX веков, — это озеро Нижний Обыток. В писцовой книге № 10553 1628 и 1629 годов указано: «Озерко Нижнее Обыток против Боровенского переволока» (л. 65 об.). В книге № 369 1684 и 1686 годов: «Озерко Нижней Обыток Боровенскева переволоку» (л. 71 об.). В первом случае это озеро указано напротив переволока, а во втором — как его часть. Обратим внимание на это место на планах Ч-2 1783 года (рис. 7), Ч-26 (1857 год) (рис. 8) и на плане 1910 года (рис. 9). На этих рисунках оно обозначено цифрой (1). На последних двух планах частью переволока (здесь показан уже проток) является небольшой залив, который, скорее всего, и являлся этим озером. Что касается плана Ч-2 1783 года (рис. 7), то это озеро тоже указано, хотя и не так явно. Необходимо заметить, что это озеро, скорее всего, ранее своим истоком имело русло реки Сейм немного выше по течению и соединяло по прямой линии характерный изгиб реки (см. рис. 8). Среди озер в долине реки Сейм мы имеем два Обытка: просто Обыток[52] и Нижний Обыток. Первый связывал речку Речицу с рекой Сейм, а второй (Нижний Обыток) спрямлял крутую дугу русла этой реки. Ввиду этого можно предположить, что обыток — это не собственное имя, а вид гидронима (как, например, струга, пролив). Обыток являлся полноводным проливом, соединяющим две крупных реки либо разные части одной. На плане Ч-2 озеро Обыток названо «Абятком»[53]. Возможно, это наименование происходит от глагола «объяти» — охватить со всех сторон, окружить[54]. Если так, то озера Обыток и Нижний Обыток вполне соответствуют этой функции: они оба соединяют крупные водные объекты.

[52] Это озеро было локализовано ранее, в разд. 1.3.1.

[53] См. тот же раздел.

[54] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 12. С. 89.

Теперь, после реконструкции русла реки Сейм по состоянию на первую половину XIX века (см. рис. 4), можно прояснить вопрос о трех огромных проливах из озера Клепало в реку Сейм, показанных на плане 1783 года (рис. 6). Истоки этих проливов находились в точке А. Три пролива: Б, В и Г — текли в реку Сейм.

На рис. 10 представлен результат реконструкции проливов с учетом древнего течения реки Сейм. Показаны контуры этих проливов. На современной местности ясно видны остатки проливов Б и Г. Пролив В виден с трудом, в самом его основании. Их общий исток (точка А) действительно был. В нем даже сегодня видны остатки нескольких мелких озер. Результат этой реконструкции ясно показывает, что восстановление этих протоков было бы невозможно без реконструкции старинного русла реки Сейм.

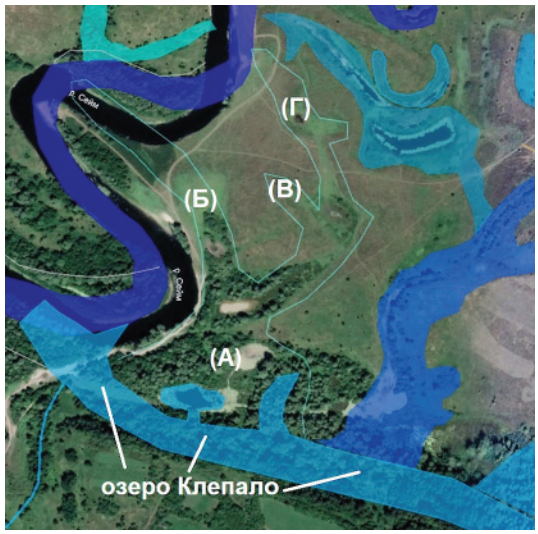


Рис. 10. **Проливы озера Клепало (реконструкция по состоянию на 1783 г.)**

ОЗЕРА В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ ОЗЕРА БОРОВНЯ

Озеро Боровня являлось одним из самых крупных и глубоководных во всей системе озер в окрестностях сел Клепалы и Чаплищи. Его глубина была сопоставима с глубиной реки Сейм, озер Клепало и Обыток (до 8 м, как указано в экономических примечаниях 1782 года[55]). Как было указано выше, это наименование связано с бором (то есть хвойным, преимущественно сосновым лесом[56]), вдоль которого это озеро течет и сегодня. Из рассмотренных нами речек и озер, по своей протяженности (4 км), озеро уступает только речке Безуевке (6,5 км). Течение озера не было быстрым, а его русло не было особенно извилистым. По этой причине его современная форма близка к старинной. Понятно, что в древности озеро было гораздо полноводнее нынешнего. Долина реки Семи в этом месте не изобиловала большим количеством озер. От истока и до устья

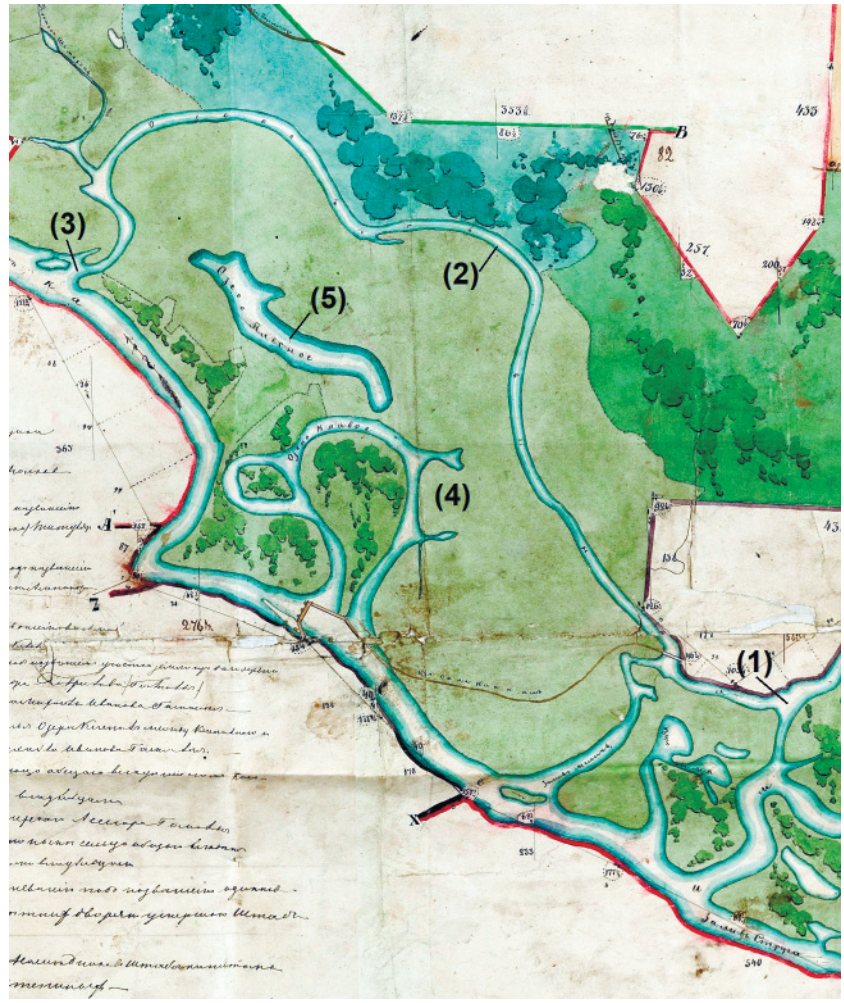


Рис. 11. **Среднее и нижнее течение Боровни на плане дач Ч-26 села Чаплищи 1857 г.**

[55] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 167.
[56] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 1. С. 290.

Боровни находилось только два крупных озера: Влукое и Плесневое, а также небольшое озеро Боровое Круглое, которое было локализовано ранее.

Покажем эти озера, как они были изображены на плане Ч-26 1857 года (рис. 11). Здесь цифрами обозначены: (1) — верховье Боровни (Боровенский переволок); (2) — среднее течение; (3) — устье; (4) — озеро Кривое, (5) — озеро Плесневое. В верхнем течении (1) озеро Боровня соседствовало с лиственным лесом. В XVII веке он упоминается как Титова дуброва или Чаплицкий бортный ухожей. В среднем течении (2) — с сосновым лесом, называемым Титовым бором. Здесь же мы видим левее истока Боровни (1) мостки, через которые проходила дорога от мельницы на реке Сейм в село Чаплищи. В XVII веке это место называлось «брот», то есть брод. В книге № 369 1684 и 1686 годов читаем[57]: «Да им же половина в озерке Нижнем Обыток против Боровенскова переволока и с верхними озерками, которые выше Миличь, вниз Боровнею по брот». Тогда еще мельницы не было (она появилась через сто лет), но бродом и мостками на нем пользовались жители деревни Чаплищи, которые имели сенокосы между озером Боровня и рекой Семь.

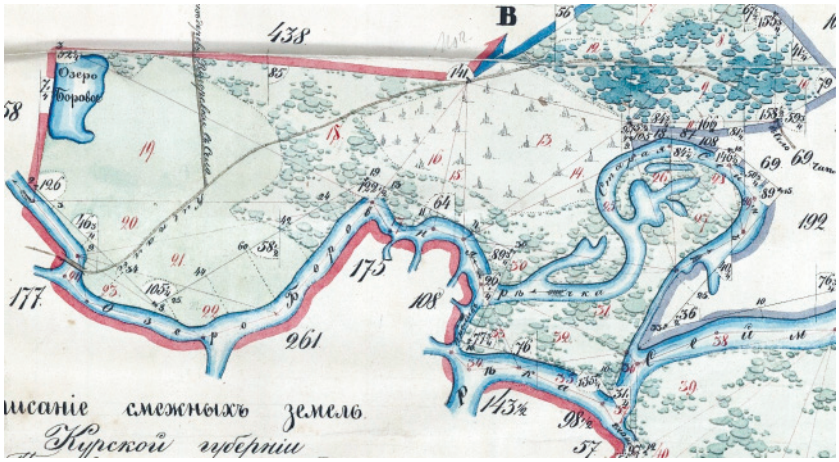


Рис. 12. **Вырубка леса в верховьи озера Боровня. План дач Ч-7 села Чаплищи 1857 г.**

Рис. 13. **Современный вид озера Боровня**

Лиственный лес и бор постоянно вырубались в течение XVIII и XIX веков. В частности, на плане Ч-7 1857 года (рис. 12) мы видим обширную вырубку на участке между старицей Старая Сейм и озером Боровней (участок ниже точки В). Точно так же вырубали и Титов бор.

Озеро Боровня (Бурывня) в 90-х годах XX века, в его среднем течении, показано на рис. 13.

Что касается озера Плесневое, что здесь говорить особо не о чем. Озеро существует и сейчас, но гораздо менее полноводное. Название озера, вероятно, можно отнести к древнерусскому слову «плесна»[58] — след, нижняя часть стопы, подошва, стопа. Его форма, возможно, напоминала след человека.

Озеро Кривое — это теперешнее наименование озера Влукое. Во всех книгах XVII века оно именуется как Влукое. Так оно именовалось до начала XIX века, пока его окончательно не переименовали приехавшие в эти места вольные люди — черкасы. На плане Ч-2 1783 года оно еще Влукое, а вот на плане Ч-7 1857 года мы видим уже новое название. Старинное наименование «Влукое» содержит корень «лук». Это производное слова «лука», оз-

[57] РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 369. Л. 72 об.
[58] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 15. С. 88.

начающее «изгиб берега, излучина, залив, образуемый изгибом берега»[59]. Как мы видим, и старое и новое наименования этого озера отражают его форму. Оно было болотистым и неглубоким. В указанных выше экономических примечаниях его глубина указана около 1 м (1 аршин).

Пространство между озерами Боровня, Плесневое и Влукое занимали кустарники и сенокосы. Вот как эти сенокосы описаны в отказной книге Василия Иванова сына Черепова 1659 года[60]: «Да по другую сторону озерка Боровни сенныя покосы, что струга потекла з Боровни ко Влукому. И к озерку Влукому, и по верховья озерка Влукого сеножать, и по котбища[61] верхнего, и по озеринку малою, и по верховья озера Плеснева, и по пролоз, что к озерку Боровни ездят от озера Плеснева, и пряма к озерку Боровни, ив верх по Боровни, да по тои же струги, что потекла к Боровни и Влукому». В этом описании указываются:

- струга, что потекла из Боровни к Влукому;
- котбище верхнее;
- озеринка малая;
- пролоз, что к озеру Боровня, что ездят от Плеснева прямо к озеру Боровня.

Слово «пролоз», вероятно, надо трактовать как «пролаз». Скорее всего, в этом месте были густые заросли кустарника или леса, и для возможности проезда от Боровни к озеру Плесневое был прорублен «пролоз». Судя по логике изложения в приведенном отрывке отказной книги: «И по верховья озера Плеснева и по пролоз, что к озерку Боровни ездят от озера Плеснева и пряма к озерку Боровни» получается, что это был прямой путь от верховья озера Плесневого до Боровни.

Это место показано на рис. 14. На спутниковом снимке можно увидеть остатки струги от Боровни к озеру Влукое. Здесь же показано место, где предположительно был пролоз. Кроме того, явно прослеживается высохший пролив, соединявший западную часть озера Плесневое с рекой Сейм.

Рис. 14. **Озера в нижнем течении озера Боровня**

Осталось до конца невыясненным слово «котбище»[62]. Равно как и объект на местности «Котбище верхнее». Этот объект упоминается только в одном источнике — книге № 10562 1652 года.

Что касается озеринки малой, то мы не будем заострять на ней внимание, поскольку на данных лугах было множество малых озерков, которые время от времени появлялись и исчезали. Подробно они нигде не описаны.

Итак, приведем сводный перечень гидронимов в долине озера Боровня:

- Боровня;
- речка Старая Семь;
- Влукое;
- Зима;
- Плесневое;
- Миличь;
- Круглое Боровое;
- Малое (верх озера Миличь);
- струга от Боровни ко Влукому;
- Нижний Обыток;
- Боровенский переволок;
- три пролива от озера Клепало к реке Семи.

[59] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 296.
[60] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 21 об. – 22.
[61] Значение слова «котбище» не установлено.
[62] В словаре русского языка XI–XVII вв. найдено слово «котвище» – от «котва» – якорь, то, что удерживает, скрепляет что-либо, оплот.

1.3.4. Озера у Выгорева городища

ОЗЕРО ГЛУШИЦА

Рис. 1. **Озеро Глушица на плане дач пустоши Глушица. 1782 г.**

Непосредственно напротив устья Боровни, на другом, левом, берегу реки Сейм находится озеро Глушица. Озеро сохранилось и поныне. Ввиду этого нет необходимости в его локализации. Оно расположено в непосредственной близости от Выгорева городища, в «болонье[63] Глушицком»[64]: «Лес ему ж Зеновью дровяной и селидебной по озеру Глушицы и по болонью Глушицкому». Наиболее подробно это место изображено на специльном плане пустоши Глушица 1782 года[65] (рис. 1). Здесь мы видим реку Семь, устье озера Боровня. Само озеро Глушица в те времена состояло из двух частей: Малая Глушица и озеро Глушица. На крутом берегу к этому озеру был старинный лес-пристенок со «строевым и дровеным» лесом. Такой же лес рос и в долине озера. В экономических примечаниях на дачи в Путивльском уезде имеется описание Глушицы[66]: «…Озеро глубиною от одново до дву оршин (от 70 см до 140 см) шириною от десяти до пятнатцати сажень (21 м до 32 м)».

Наименование озера отражает его метонахождение. В Словаре русского языка XI–XVII вв. дано следующее разъяснение этому названию[67]: «глушица» — глухой, непроточный рукав реки, старица.

ОЗЕРО КОЛЧЕВО

Это озеро также не требует локализации. Оно указывается на современных картах. В частности, на космических снимках ресурса Google Earth озеро названо «Кочево». В источниках XVII века оно называется Колчево или Колчее, а в документах XVIII века — Колча, Колчи. Озеро издревле было пограничным между чаплицкими угодьями путивльских помещиков и угодьями попов церкви Ильи Пророка в Путивле. Эту межу мы разбирали при локализации Титовой дубровы (см. разд. 1.2.5). Теперь рассмотрим озеро и его окрестности во всех деталях.

[63] Болонье – низменное поречье.
[64] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 67.
[65] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Г-9 (синий). Пустоши Глушица.
[66] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 161–162.
[67] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4. С. 39.

Вот как описана межа помещиков в этом месте в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553)[68]: «От деревни Чаплищ, от реки Семи, да от затона Золотова прямо на озеро Колчея. Да от озера Колчева прямо по стругу Калитку и по борок».

Рис. 2. **Озеро Колчее на плане дач Ч-2 села Чаплищи. 1783 г.**

На рис. 2 представлено наиболее раннее изображение этого озера (план Ч-2 1783 года[69]). Здесь показаны две межи с угодьями Ильинских попов: 1783 года (на момент создания этого плана), и межа 1685 года. Остановимся на меже 1685 года. Вначале необходимо определить на местности ее начало. Для этого надо локализовать затон Золотой, указанный в книге Петра Мусорского. Вот как представлено начало межи в книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369, л. 70): «От реки Семи, от устья затона[70] Золотого. А ниже устья затона Залотого и подле реки Семи на берегу осокорь[71], что стоит на меже ильинских попов». Итак, межа начинается от осокори. Из приведенного отрывка понятно, что и затон и осокорь находятся на одном, правом, берегу Семи, причем осокорь находился ниже (по течению реки Семи) устья этого затона. Конец межи ильинских попов описан в той же книге № 369 (л. 160): «А от Мокшевицкого перевозу вверх рекою Семью до устья Золотого затону, до осокори тысеча пятьсот сорок саженей» (3326 м). Отсчитаем это расстояние от Мокшевицкого перевоза вверх по реке Семи и получим точку окончания межи, где и находилась осокорь (начало межи).

Дополнительно осокорь локализуется по первому ложку, что ниже Выгорева городища, расположенному на противоположном левом берегу. Вот как описано то же окончание межи в книге № 10553 (л. 832): «Вверх по реке по Семи по заретской стороне по Выгорево городище, по большой лог по первой, что ниже Выгорева городища, да через реку Семь с Путивльские стороны по лощинку». Учитывая все эти данные, нетрудно найти затон Золотой. Его контуры видны на космическом снимке.

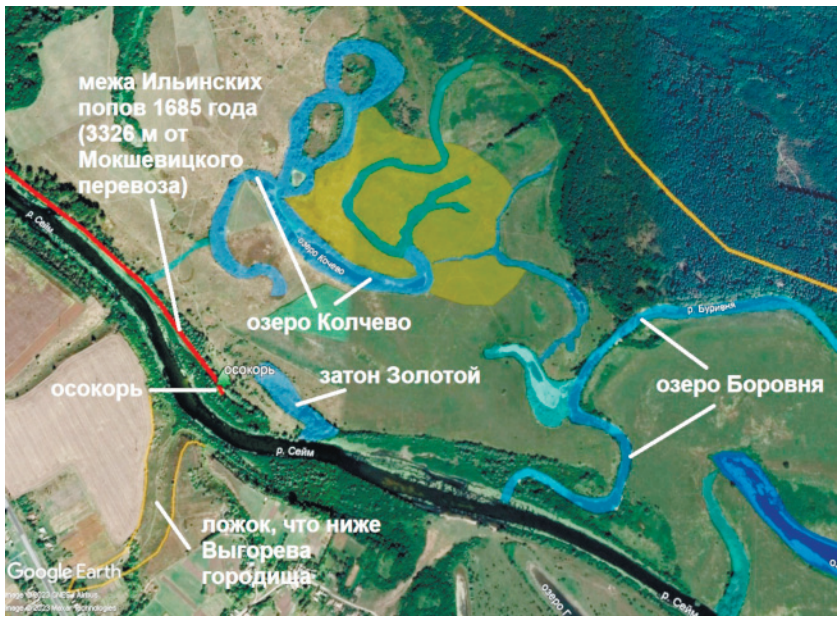


Рис. 3. **Реконструкция долины озера Колчево. 1783 г.**

Реконструкция долины озера Колчево представлена на рис. 3. Его устье отстоит от места, где заканчи-

[68] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 985.
[69] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-2 (красный). Чаплищи село. 1783.
[70] В писцовых и отказных книгах XVII в. этот объект называют то затоном, то заливом.
[71] Тополь черный, или осоко́рь – вид древесных растений из рода тополь семейства ивовые. (*Прим. авт.*)

Рис. 4. **Озро Колчево на карте 1869 г.**

вается межа, приблизительно на 300 м. Осокорь находился ниже его устья, что согласуется с данными книги № 369. Озеро Колчево здесь реконструировано по контурам, оставшимся на современной местности. Его форма заметно отличается от представленной на рис. 2 (1783 г.). Это связано с тем, озеро находилось в заболоченной местности и было неглубоким. По этой причине его форма со временем менялась в зависимости от уровня вод в этом болоте. Вот, к примеру, как оно выглядело на Трехверстной карте 1869 года, лист 20-12[72] (рис. 4). На современной местности остались его контуры и XVIII, и XIX века.

Теперь рассмотрим межу XVII века от осокори до Титового бора. Вот ее описание в книге № 369 (л. 70): «А межа поместья <…> от реки Семи от устья затона Золотого. А ниже устья затона Залотого и подле реки Семи на берегу осокорь, что стоит на меже ильинских попов. На ней[73] грань, против грани яма. И от той грани и от ямы прямо до озера Колчева и до вербы, что подле озера Колчева, сто семьдесят три сажени. На ней грань, против грани яма. И от той вербы до озера Колчева десять сажень. И от той вербы прямо через озеро и через лес, что в болоте, по кочек <…> и <…> до вербы сто сажень, что стоит ниже кочка. На ней грань. И от той грани подле кочка возле стругу Колитку по правою сторону до дуба сто сорок сажень, что стоит на косогоре. На нем грань, против грани яма. И от тои грани и от ямы подле стругу Колитку до дуба сто семьдесят сажень». Результат реконструкции этой межи представлен на рис. 5. В соответствии с приведенным выше описанием, межа начинается от осокори, ниже устья затона Золотого, напротив первого ложка, ниже Выгорева городища. Далее, она доходит до вербы на берегу озера Колчева и пересекает его. Потом идет через «лес, что в болоте» до видной на том месте кочки. Возле нее находится вторая верба (возле струги Колитки)[74]. Затем — до дуба, что «подле стругу Колитку». А от дуба доходит до дороги в Чаплищи. Между двумя вербами на меже указано болото, которое оканчивалось ближе к указанному на рисунке дубу, «что стоит на косогоре». В книге № 10553 (л. 942) это место названо «Колчее болотя». В книге № 369 1684 и 1686 годов (л. 72) упоминается также струга Боровая: «Затон Залотой, озерко Колитко, струга Боровая от ко́лка». Струга Боровая имеет исток у Титова бора (отсюда и ее название). Она упоминается также в отказных книгах XVII века. Эта струга показана на плане Ч-26 1857 года (рис. 6) и названа протоком Шемахонь[75]. Струга вытекала из Титового бора. Немногим южнее

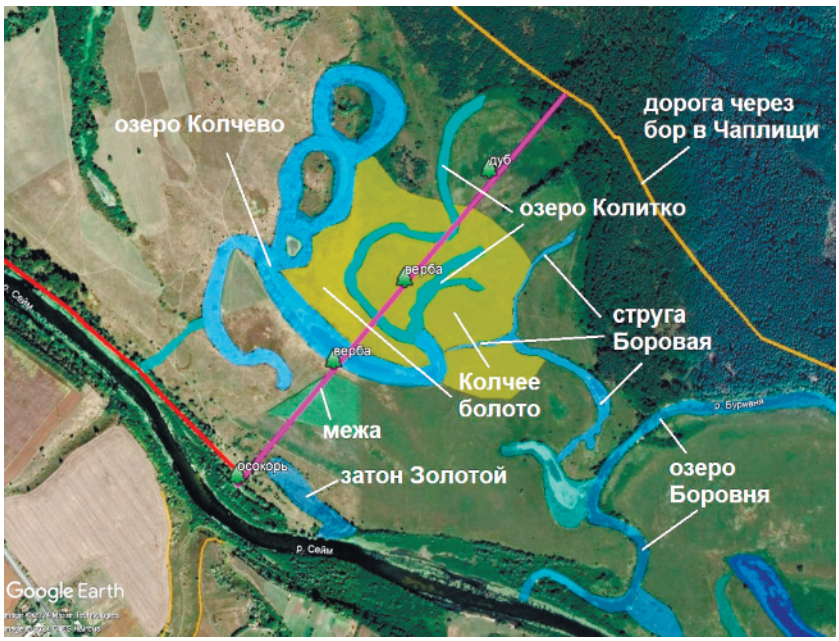


Рис. 5. **Реконструкция межи ильинских попов на озере Колчево. 1685 г.**

[72]Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/20-12/ Путивль. (01.08.2011).

[73]В современном русском языке слово «осокорь» мужского рода.

[74]В других источниках XVII в. эту стругу именуют озером.

[75]Это наименование ни в каких других документах не упоминается.

она раздваивалась: одна ее часть текла в озеро Колчи[76], а вторая — впадала в затон и далее в озеро Боровня. Фактически струга соединяла два озера — Боровня и Колчи. По этой причине она именовалась стругой. На этом же рисунке мы не видим Колчее болото, высохшее уже к середине XIX века.

ДРУГИЕ ОЗЕРА У ВЫГОРЕВА ГОРОДИЩА

В отказной книге братьев Череповых 1676 года[77] упоминается затон под Выгоревым городищем. Этот затон показан на геометрическом спорном плане на дачу деревни Выгорева городища 1782 года[78] (рис. 7). Этот же затон можно рассмотреть и на рис. 1 на левом берегу реки Сейм, рядом с литерой А.

Около устья Боровни было озеро под именем Простое. К сожалению, оно упоминается только в одном документе — купчей, данной клепальскому помещику Семену Неплюеву Иваном Бершовым в 1738 году[79]: «И с рыбными ловли свои жеребьи. А именно, в озерах Простом, Золотом, Плесневом, Глушице, Выгоревском затоне, Колитках, Боровни, Влуком». Локализовать озеро Простое не удалось.

Наименование озера Колчева, скорее всего, произошло от слова «колча». В Словаре русского языка XI–XVII вв. читаем[80]: «Колча — низкое заболоченное место», а в словаре В.И. Даля[81]: «**Колча** об. *Колчева́тый пск.* кочковатый». Таким образом, наименование озеру дала кочковатая болотистая местность.

В заключение перечислим географические объекты, находившиеся в окрестности Выгорева городища:

- озеро Глушица;
- озеро Колчево;
- озеро Малая Глушица;
- Колчее болото;
- затон Золотой;
- озеро (струга) Колитко;
- затон Простой (не локализован);
- струга Боровая (проток Шемахонь).
- затон под Выгоревым городищем;
- колóк в верховьях струги Боровой у Титова бора.

***Рис. 6.* Озеро Колчи и его окрестности на плане дач Ч-26 села Чаплищи. 1857 г.**

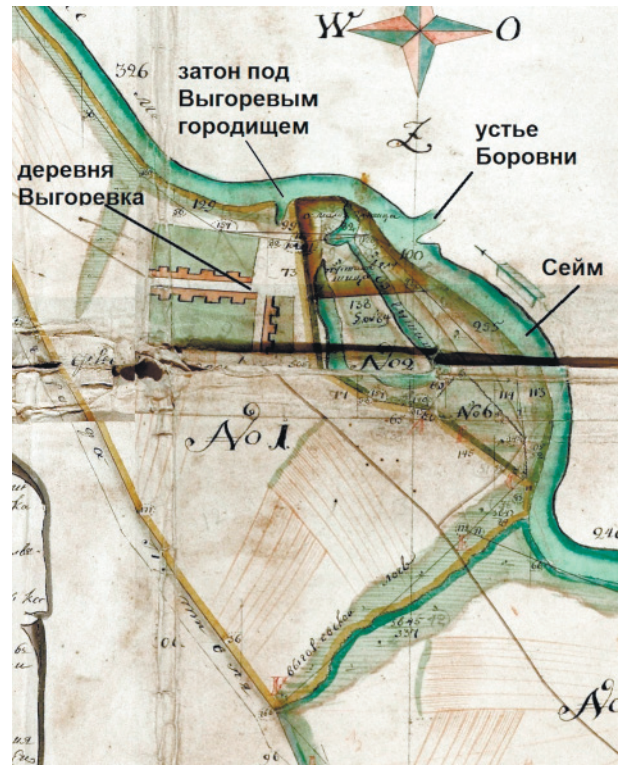


***Рис. 7.* Затон под Выгоревым городищем на спорном плане 1782 г.**

[76]На различных планах и картах это озеро имеет различные наименования: Колчево, Колчее, Колчи
[77]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 62–62 об.
[78]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4776.
[79]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 926. ДСЛ. Кн. 10638. Д. 1. Л. 1.
[80]Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 7. С. 254.
[81]*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

1.3.5. Колодези

В писцовых и отказных книгах XVII века при описании угодий путивльских помещиков, кроме речек и озер, всегда упоминались другие природные источники воды, а именно колодези. Это были родники (ключи), которые били из-под земли. В те времена их так называли. Наиболее раннее перечисление колодезей в окрестностях Клепальского городища приведено в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553, л. 66): «Колодезь Большой Клепальской под городищом, да колодезь ниже Большого Клепальского колодезя впал в озеро в Клепало, да колодези верх Большово колодезя Клепальского, которые идут ис-под городища, впали устьями в озеро в Клепало ж ниже и выше, да колодезь посторонь озера Клепала, да колодезь Большой ниже озера Миличь у Верхних гор, да колодезь у Нижних гор на зарецкой стороне ниже озера Влукова».

В книге № 369 1684 и 1686 годов этот список дополняется: «Выше Клепальского городища колодези, которые подле Выжницы и впали в озеро Клепальское».

Наиболее развернутый перечень приведен в отказной книге Василия Иванова сына Черепова 1659 года[82]: «Да колодезь Большой Клепальской под городищем, да колодезь ниже Большого Клепальского колодезя впал устьям в озеро Клепала. Да колодези верх Большого колодезя Клепальского, которыя идут спод городища, впали устьям в озеро Клепало ниже и выше. Да колодезь посторонь озера Клепала. Да усть озера Клепала колодезь большой, да колодези на реки на Семи. Да ниже Миличь колодезь Милицкой Большой, да колодезь ниже Милицкого колодезя Малого под горами под Скелями на реке на Семи ниже озерка Влукова. Колодезь Большой Скопинской, да колодезь на ложку ниже колодезя Скопинского Большого. Да под Нижнями скелями колодези, да выше Клепала колодезь меловой, да колодезь Печковской. Да выше большой прости колодезь Аленей и сыными колодези».

От колодезей шли потоки в озера и реки. По этой причине при перечне колодезей указывалось озера или реки, в которые они «впадали своими устьями». Первую часть приведенных перечней составляют колодези, которые впадали в озеро Клепало. Наиболее крупный из них — Большой Клепальский колодезь «под Клепальским городищом». Данный колодезь был наиболее мощным. В книгах XVII века он упоминается наряду с Клепальским городищем. Этот источник (система родников) порождал водное течение, которое в XVIII веке уже было запружено греблей. Она показана на геометрическом специальном плане села Клепалы 1782 года[83] (рис. 1). Это место жители Клепал называют «ставок», то есть «пруд». Гребля время от времени приходила в ветхость, ее прорывала вода. Затем ее восстанавливали. На моем веку ее прорывало в 60-е годы XX века. Тогда ее восстановили. В 2000-е годы она опять не выдержала напора воды и бесхозяйственности. В данный момент ставка нет. В Печковском логе также был водоток. Он указан в отказной книге Василия Черепова. Остальные колодези, впадающие в озеро Клепало (кроме Большого Клепальского), сейчас локализовать невозможно, поскольку они давно высохли и не показаны на планах и картах XVIII и XIX веков. Но ранее, в XVII веке, их было множество.

Рис. 1. **Клепальский колодезь на плане дачи К-24 села Клепалы. 1782 г.**

[82]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 20.
[83]РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. К-24 (синий). Клепало село.

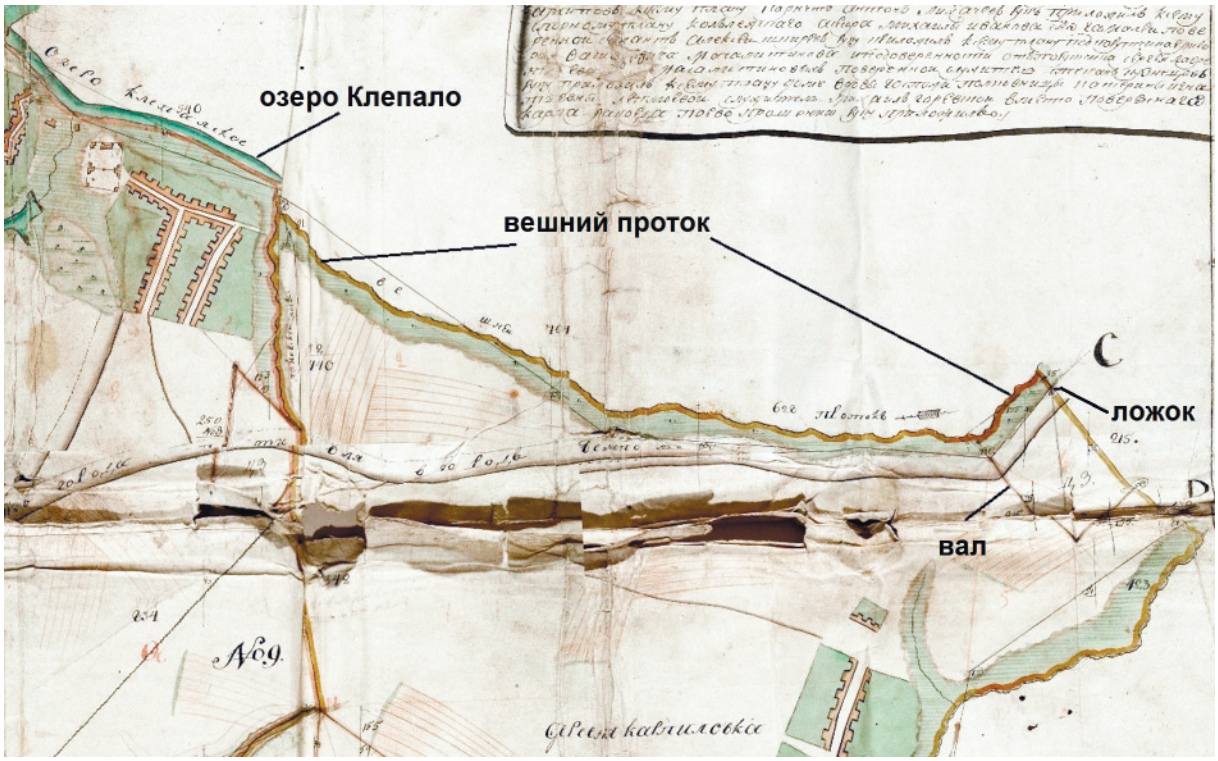


Рис. 2. **Вешний проток на спорном плане 1788 г.**

В устье озера Клепало был крупный колодезь («усть озера Клепала колодезь большой»). У истока озера Клепало был Меловой колодезь. Его название, видимо, связано с грунтом с примесью мела в том месте, где был родник.

В озеро Клепало впадало еще множество колодезей, которые не имели своих названий и их не перечисляли: «Да колодези верх Большого колодезя Клепальского, которыя идут спод городища впали устьям в озеро Клепало ниже и выше».

Выше истока озера Клепало указан «колодезь Аленей и сыными колодези». Они находились «выше большои прости[84]». Большая прость — это проток, который впадал в озеро Клепало. Он показан на спорном плане 1788 года «О дачах Выгорева городища»[85] (рис. 2). Здесь он назван «вешним[86] протоком». Проток брал начало в окрестностях современного села Пески и нес свои воды вдоль гряды, у ее подножия, к озеру Клепало. В XVIII веке в жаркое летнее время проток пересыхал (поэтому он и назван весенним). Название «Большая прость» мы видим в более раннем источнике — отказной книге Василия Черепова 1659 года. Едва ли в то время эта прость пересыхала даже летом.

Как было уже сказано, колодезь Олений (и близлежащие к нему колодези) находились выше истока вешней протоки (Большой прости). На указанном спорном плане (рис. 2) верховье протоки находилось возле вала между Вирской дорогой и речкой Выжлицей. Ее исток здесь не показан. Вместе с тем межа угодий помещиков сел Клепалы и Чаплищи проходила немного выше вала — у ложка, что «подшел под Вирскую дорогу». Поскольку колодези указывались в межах клепальских и чаплинских помещиков, то они должны были находиться где-то между валом и указанным ложком.

Рассмотрим теперь колодези ниже устья озера Клепало. Обратимся опять к перечню, приведенному в писцовой книге №10553: «Да колодезь Большой ниже озера Миличь у Верхних гор, да колодезь у Нижних гор на зарецкои стороне ниже озера Влукова». Дополнительно мы имеем описание этих же колодезей в отказной книге Василия Черепова 1659 года: «Да ниже Миличь колодезь Милицкой Большой, да колодезь

[84]Прость – прямое направление, прямой путь или протока.
[85]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4776.
[86]«Вешний» значит весенний. (*Прим. авт.*)

Рис. 3. **Скели**

ниже Милицкого колодезя Малого, под горами под Скелями на реке на Семи ниже озерка Влукова колодезь Большой Скопинской, да колодезь на ложку ниже колодезя Скопинского Большого, да под Нижнями скелями колодези». Сравнение этих перечней позволяет обнаружить два новых географических объекта на левом берегу реки Сейм: Верхние и Нижние горы. Эти горы являются крутыми склонами гряды к долине реки. В отказной книге Василия Черепова Нижние горы названы Скелями. Они расположены ниже озера Влукова (современное название — Кривое). Наименование этих гор сохранилось до наших дней. Вот как выглядят Скели сегодня (рис. 3).

Что касается Верхних гор, что они начинаются от Клепальского лога, тянутся вдоль левого берега реки Сейм и заканчиваются ниже озера Миличь. В этом месте находилось два колодезя: Большой Милицкий и Малый Милицкий.

Рис. 4. **Скопа**

В устье Выгоревского лога находился Большой Скоп*и*нский колодезь. Его название связано с крупными хищными птицами — скопа́ми (рис. 4), которые, надо полагать, в старину кружились над этими кручами. В те времена эта птица именовалась «скоп*и*н»[87]. Сейчас Большой Скоп*и*нский колодезь обустроен и называется у клепальских жителей «криницей». Кроме него, в самом Выгоревском логе имелся «колодезь на ложку ниже колодезя Скопинского Большого». Имелись также колодези, вытекающие непосредственно из подножия Скель.

Для локализации колодезей ниже озера Миличь воспользуемся фрагментом плана Ч-26 1857 года[88] (рис. 5). Здесь мы видим берег реки Сейм по состоянию на середину XIX века. Такая конфигурация русла сохранилась до 60-х годов XX века. Она прекрасно известна вашему покорному слуге. К тому времени еще сохранились и ключи. Они били из-под земли в непосредственной близости от берега. Местоположение ключей отмечено на рисунке: (1) — Большой Милицкий колодезь; (2) — Малый Милицкий колодезь; (3) — колодезь ниже озера Влукова; (4) — Большой Скоп*и*нский ко-

[87] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 24. С. 233.

[88] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-26 (красный). Чаплищ села. 15-й части.

лодезь. К концу XX века русло реки в этом месте сильно изменилось. Причиной этому стала показанная на этом рисунке мельница. Ее разрушили в конце 20-х годов XX века, и постепенно русло реки начало меняться, пока природа не взяла свое, приведя его в нынешнее состояние.

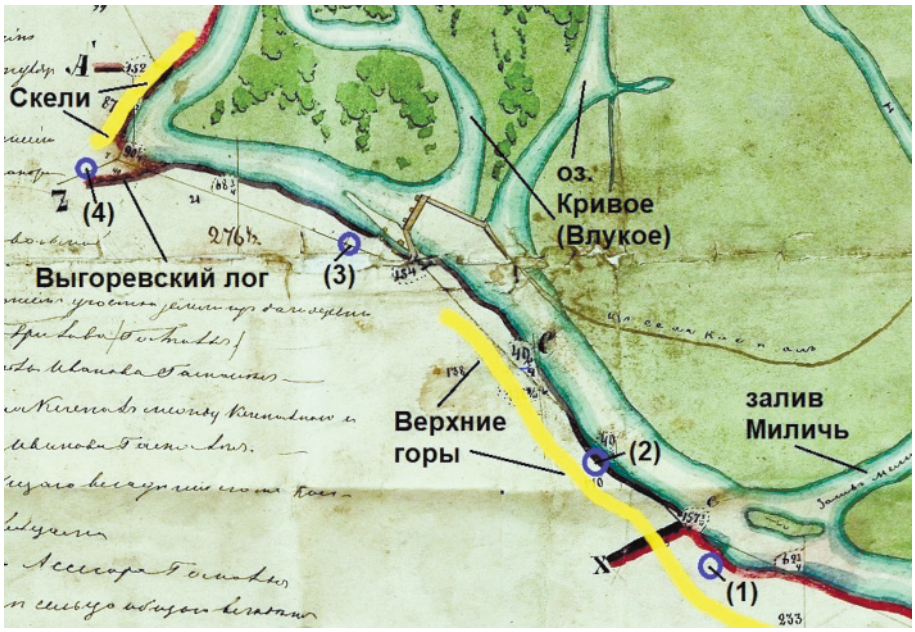


Рис. 5. **Сводная реконструкция колодезей в селе Клепалы на плане дач Ч-26 села Чаплищи. 1857 год**

1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой

ГЛЕДЯЧЕЙ ПЕРЕВЕСЬ И ОРЛОВО ГНЕЗДО СТАРОЕ

Долина Безуевки изобиловала угодьями со старинными наименованиями. Они нашли свое отражение в путивльских писцовых и отказных книгах XVII века, где перечисляются при описании соответствующих меж. К сожалению, эти угодья не показаны на планах дач XVIII и XIX веков. Здесь, в долине Безуевки, указаны межи сенокосов путивльских помещиков без указания их старинных наименований. В описаниях этих сенокосов присутствуют только фамилии помещиков. Поэтому задача сопоставления старинных названий в книгах XVII века и меж сенокосов помещиков в XVIII веке на первый взгляд выглядит нерешаемой. Тем не менее, попробуем это сделать. С той или иной степенью достоверности, конечно. Ранее было уже локализовано значительное количество водных объектов в окрестностях речки Безуевки (см. разд. 1.3.2), и это пойдет нам на пользу.

Рассмотрим участок межи от устья озера Мертвая Веть до верховий речки Безуевки, «да по ложок что подшол под Вирскою дорогу»[89]. В XVII веке эти места были болотистыми, заросшими лозой, с глухими и непроходимыми чащами. Построить здесь межу с межевыми деревьями, столбами с гранями и ямами было совершенно невозможно. На рис. 1 представлены начальная и конечная точки этой межи (озеро и ложок), а также круг поиска (показан красным цветом). Соберем все сведения об этой меже, содержащиеся в писцовых и отказных книгах.

Для начала воспользуемся описанием межи в книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов[90]: «А по другую сторону реки Семи от Мертвые Вети вверх рекою Семью до Гледячего перевесья по Орлова Гнездо Старое, и вверх речки Безуевки и лоз, да по ложок, что подшел под Вирскую дорогу тысеча пятьсот сажень».

Итак, межа начинается на левом берегу реки Семи, напротив озера Мертвая Веть и идет вверх по течению реки до Гледячего перевесья, до Орлова Гнезда Старого. Затем в верховья речки Безуевки до лоз в ее истоке и, наконец, до ложка, что пересекает Вирскую дорогу. Неясным является положение новых для нас угодий: Гледячего перевесья и Орлова Гнезда Старого.

[89]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 71 об.
[90]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 70 об. – 71.

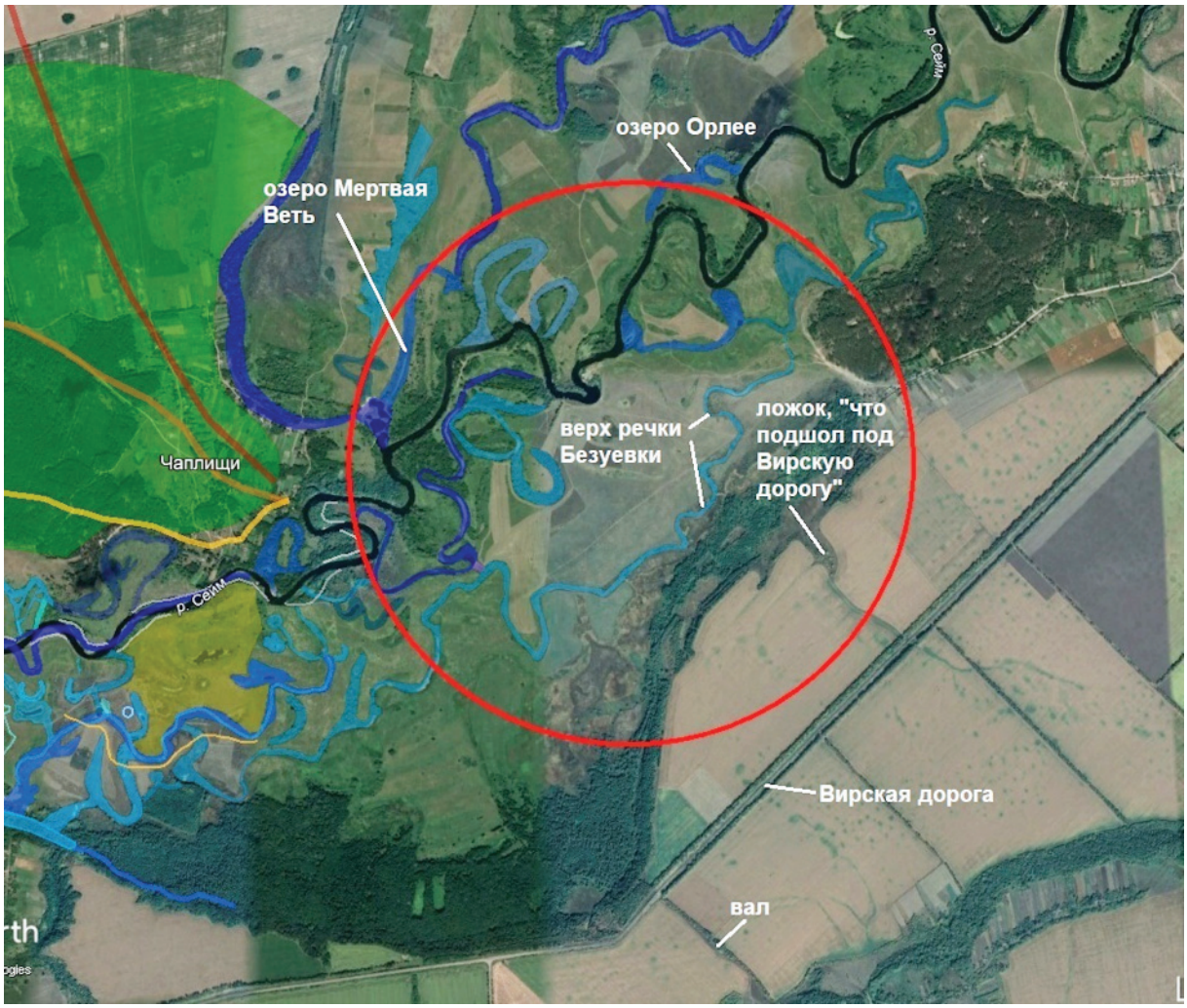


Рис. 1. **Круг поиска острова Гледячей перевесь**

В книге указана общая длина межи — 1500 саженей. Она приведена приблизительно, по устным оценкам местных старожилов и «по их заручным скаскам[91]», «а те урочищи написаны в писцовои книге, а сметы[92] не положено». Как было указано выше, в то время эти места были непроходимыми. «Сметы не положено» значит, что нет точного подсчета саженей, поскольку расстояние измерить невозможно «для того, что за болотами мерять в десятины нельзя». Однако не будем сбрасывать со счетов эту оценку (1500 саженей). Она дана местными знатоками неспроста, и есть все основания считать, что истинная длина межи была близка к этому значению.

В отказной книге помещика деревни Байдурское (ныне село Пески) Ивана Судейкина 1684 года находим еще одну версию описания этой межи[93]: «В Дороголевской волости за рекою за Семью с крымские стороны[94] дикому полю, от реки Семи против озера Мертвые Вети, верховья озера Тихова. Да от верховья озера Тихова лозами по островок, по Арлово Гнездо, что островок середь лоз на болонье вверх Безуевки. Да от того островка и от Арлова Гнезда лозами и болоньями по вал. А валом диким полем через Вирскую дорогу по речку Выжлицу». Здесь указаны новые подробности: от начальной точки (берег реки Семи, напротив озера Мертвая Веть) межа идет вдоль озера Тихого к его верховью и потом — к Орлову Гнезду

[91]Заручная сказка – документ, составленный на основании показаний очевидца, старожила и подписанный им или его доверенным лицом.
[92]Смета – расчет, подсчет чего-либо (часто приблизительный).
[93]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 649 об.
[94]Крымская сторона — южная сторона реки Семи (ее левый берег). *(Прим. авт.)*

Старому. Выясняется, что Орлово Гнездо Старое — это остров, то есть участок суши, окруженный со всех сторон водой. Далее межа идет к известному нам валу на Вирской дороге, а от него — к речке Выжлице.

Займемся Орловым Гнездом Старым. В отказной книге братьев Череповых 1676 года[95] сказано, что оно находится рядом с верховьем речки Безуевки: «Да по Арлово Гнездо старое, что верх речки Безуевки и лоз». Ранее (см. разд. 1.3.2) мы локализовали озеро Орлее. Оно находилось в интересующей нас окрестности (см. рис. 1), в северной части обозначенного круга. Наименование этого озера наталкивает на мысль, что оно имеет отношение к острову Орлово Гнездо Старое. Действительно, озеро Орлее вместе с характерным изгибом реки Семь образует остров. Предположим пока, что этот остров и является Орловым Гнездом Старым.

Что же касается Гледячего перевесья, то, во-первых, этот объект является перевесьем. А Гледячий — это его наименование. Перевесье — это угодье, в котором ловили водоплавающих птиц (чаще всего — диких уток). Их ловили при помощи перевеси (сети). Это место должно иметь характерные особенности ландшафта для устройства перевесья. Их мы рассмотрим позднее. Во-вторых, где-то на этой местности было озеро Гледячее, наименование которого явно ассоциируется с наименованием перевесья. Это озеро указано только в одном из имеющихся у автора источнике — отказной книге Василия Черепова 1659 года[96]: «Да ему ж Василью {Черепову} сеножати за рекою за Семью подле озерка Кресцов, к речки Безуевки, да обаполь {возле, в окрестности} озерка Гледячего». Локализация озера только на основании этого описания невозможна.

Тем не менее, используя указанные выше данные писцовых и отказных книг, попробуем построить межу от озера Мертвая Веть до ложка, «что подшол под Вирскую дорогу». Результат представлен на рис. 2. Межа отмечена красным цветом. Она начинается от озера Мертвая Веть, напротив его устья, на противоположном берегу реки Семи (точка А). Далее, идет вверх вдоль реки Семи до верховья озера Тихое (точка Б): «От реки Семи против озера Мертвые Вети, верховья озера Тихова». Далее[97]: «До Гледячего перевесея (точка В) по Орлова гнездо старое (точка Г) и верх речки Безуевки (точка Д) и лоз, да по ложок (точка Е), что подшел под Вирскую дорогу». Длина этой межи на современной местности составляет 3630 м, что вполне укладывается в оценку старожилами ее длины в 1500 саженей (3240 м)[98]. Местоположения Орлова Гнездо Старого и Гледячего перевесья здесь показаны, опять-таки, предположительно. Точно так же, как и озеро Гледячее.

Рис. 2. **Межа от озера Мертвая Веть до ложка на Вирской дороге**

На рис. 2 намеренно показаны все ранее локализованные объекты в этом месте. Это упрощает алгоритм дальнейшего поиска. Будем действовать методом исключения. Выше

[95] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 62.
[96] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 23.
[97] Согласно писцовой книге Семена Муромцева 1684 и 1686 гг. (№ 369).
[98] С учетом того, что межа длиной в 1500 саженей указана приблизительно, оценочно. Погрешность ее длины на реальной местности составляет чуть более 10%.

было показано, что Орлово Гнездо — это остров. Про Гледячей перевесь подобных сведений нет. На рис. 2 вдоль межи имеются два острова: первый — между точками (В) и (Г). Он ограничен с трех сторон рекой Семь, а с юга — озером Куцырь. Второй остров примыкает с севера к точке (Г). Он ограничен рекой Семью с юга и озером Орлее с севера. Ранее было высказано предположение, что наименование этого озера связано с названием примыкающего к нему острова — Орлового Гнезда Старого. Тогда, по логике описания межи в писцовых книгах, первый невыясненный остров — это Гледячей перевесь, а второй — Орлово Гнездо Старое. На этом же рисунке мы видим несколько подобных островов вдоль русла реки Семи. Первый из них — в верховьях озера Тихого. Он не может претендовать на искомые нами объекты, поскольку это не «бьется» с приведенными выше описаниями межи. Имеются также подобные объекты, образованные рекой и озерами Плетенёк и Белка. Однако они находятся на противоположном берегу. Ранее было высказано предположение, что наименование острова может быть связано с наименованием озера, его образующим. Это подтверждается на примере острова Белкова поляна, указанном в отказной книге Дениса Илиненкова 1673 года[99]: «С руской[100] стороны от озера Чапли вверх рекою Семью по островок, что вверх Белковой поляны». Здесь очевидно, что название острова связано с озером Белка.

Теперь рассмотрим подробее предполагаемый остров Гледячей перевесь. Как было сказано, перевесь — это угодье для ловли водоплавающих птиц сетями (перевесами), а Гледячий — это его наименование. Стало быть, этот остров должен был в старинные времена изобиловать этой живностью.

Рассмотрим повнимательнее предполагаемое местонахождение этого острова (см. рис. 2). Внутри острова имеется небольшое озерко. Оно вполне претендует на озеро Гледячее, указанное в отказной книге Василия Черепова 1659 года. Теперь покажем это же место на плане 1910 года[101] (рис. 3). Здесь поименовано озеро Куцырь и речка Безуевка. Интересующий нас остров, как было указано ранее, ограничен с юга озером Куцырь. Сам остров здесь отмечен красным кругом. В его рамках мы видим 8 малых озер. Наличие множества озер указывает на то, что они находились в сильно заболоченной местности. Это подтверждается тем фактом, что совсем рядом, с южной стороны, было устье озера Байдурского, обозначенное цифрой (1), а также истоки озера Куцырь и речки Безуевки[102] (2). Нас не должно смущать резкое отличие этого места на плане 1910 года и на современной местности. В болотистых местах озера (если были неглубокими) довольно часто меняли свою форму. Менялось и их количество. Это подтверждает картина этого же места, показанная на более раннем плане — плане генерального межевания 1785 года (рис. 4). Здесь мы видим совсем отличную картину[103]. Рядом с озером Орлее имеется безымянное озеро (1) с характерной формой. Его же можно увидеть и на плане 1910 года, в северной части острова. Это

***Рис. 3.* Озеро Гледячее на плане 1910 г.**

[99] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10561. Л. 279.

[100] Русская сторона — правый берег реки Семи, со стороны города Путивля. *(Прим. авт.)*

[101] План Путивльского уезда Курской губернии. 1910 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-ukraine_sumy_putivlskiy-uezd-1910/ (03.03.2010).

[102] Это было также отмечено в разд. 1.3.2 при описани речки Безуевки.

[103] Озеро Безымянное на этом рисунке — это озеро Куцырь. В нижней части рисунка поименована речка Безуевка.

единственное озеро, сохранившееся на острове до наших времен (рис. 2). Можно утверждать, что это и есть озеро Гледячее. Полагаю, что оно было наиболее глубоким (потому и сохранилось) и, что характерно, находилось в непосредственной близости от реки Семи. На сегодня его отроги отстоят от реки на 20–30 м. Логично предположить, что между рекой и озером в старину был лес. Точно так же были леса и заросли вокруг всего этого болотистого места.

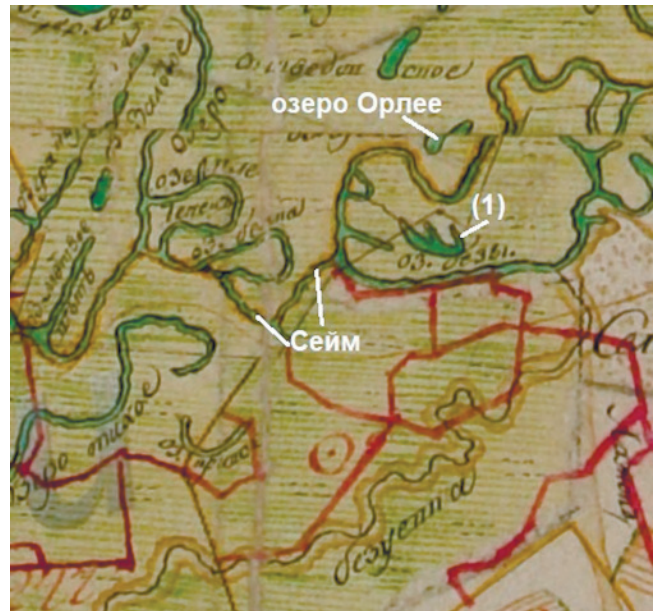


Рис. 4. **Озеро Орлее на генеральном плане 1785 г.**

Наличие озера на острове, близкого от реки и отделенного от нее узким участком леса, — это и есть характерный признак местности, на которой было удобно устроить перевесь. Для его устройства в узкой полоске леса вырубалась просека от озера к реке. Здесь очень важно, чтобы это расстояние было небольшим. На просеке устанавливалась ловчая сеть (перевесье). «Окно» в лесу привлекало птиц (обычно диких уток): им не надо было при взлете подниматься высоко над лесом, они пролетали просеку в нескольких метрах от земли, а это и надо было птицеловам: в это время они поднимали сеть[104]. На плане 1785 года (рис. 4) мы видим на этом острове помимо озера еще два залива. По этой причине возможны были и другие варианты устройства перевесья на этом месте.

В заключение необходимо отметить, что приведенная локализация озер Гледячее и Орлово Гнездо Старое не является бесспорной, поскольку на имеющихся у автора картах они не поименованы. Локализация выполнена на основе лаконичных описаний местности, имеющихся в писцовых и отказных книгах, а также имеющихся карт и планов этой местности XVIII–XIX веков.

СЕННЫЕ ПОКОСЫ НА РЕЧКЕ БЕЗУЕВКЕ

Продолжим изучение местности в бассейне речки Безуевки. Эта местность всегда была богата сенокосами. В указанной выше отказной книге Василия Черепова 1659 года приводится их описание[105]: «Да ему ж Василью {Черепову} сеножати за рекою за Семью подле озерка Кресцов к речки Безуевки, да оба пол озерка Гледячего сеножать, да под верховьем речки Безуевки на Медвежей поляне, поляна под Черною лозою сеножать, да подле Долгое озеринки сеножать, и к малому озеринку Кривому сенныя покосы. Да вверх Грязны сеножать, и по обе стороны речки Речицы сенныя покосы. Да на речки Безуевки сеножать верх Поляны, что Поляна под ольхом, и по стругу, что вышла с речки Безуевки и пошла под тое ж поляну уволех[106]. Да на той же речки Безуевки вверх и по обе стороны сенныя покосы».

Итак, здесь мы видим старинные наименования угодий: Гледячий сенокос, Медвежья поляна, поляна под Черною лозою, Грязная сеножать, поляна под ольхом.

Гледячий сенокос, очевидно, связан с озером Гледячее, условно локализованным ранее. Он, скорее всего, соседствовал с Гледячим перевесьем в южной его части, выходящей на исток речки Безуевки.

Поляна под ольхом — это часто упоминаемое в книгах XVII века место. Поляна была урочищем с таким же именем. На это указано в спорном деле между клепальскими помещиками Семеном Неплюевым

[104] Желающих более детально ознакомиться с устройством перевесья отсылаю к статье *Руденко С.* Перевес // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л.: Издание Государственного Русского музея, 1929. С. 1–12. Сборник доступен для чтения и скачивания в сети Интернет на ресурсе https://rusneb.ru.

[105] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 23–23 об.

[106] Значение не выяснено.

Рис. 5. **Струга что вышла из Безуевки (план дач Ч-7, 1857 г.)**

и Иваном Гамалеем 1744 года[107]: «В Путивльском уезде в Подгородном стану подле реки Семи сенные покосы близ деревни Чаплищ прозываемыя исстари Поляна». Поляна под черною лозою была, скорее всего, у Черных лоз, локализованных ранее (см. рис. 2).

Грязны (Грязная) сеножать, судя по логике описания, находилась в верховье Безуевки выше по течению этой речки, если двигаться от сеножати у озера Кривое (см. рис. 2): «И к малому озеринку Кривому сенныя покосы. Да вверх Грязны сеножать». Что касается Медвежьей поляны, то ее описание очень неконкретно: «Под верховьем речки Безуевки на Медвежьей поляне». В других источниках эта поляна не упоминается, что делает ее локализацию практически невозможной.

Попробуем локализовать урочище Поляна (она же — Поляна под ольхом). Здесь ольха — это ольховый лес, который рос по краям болот. В отказной книге Василия Иванова сына Черепова 1659 года дана дополнительная детализация этого места[108]: «Да на речки Безуевки сеножать верх Поляны, что Поляна под ольхом и по стругу, что вышла с речки Безуевки и пошла под тое ж Поляну». Здесь указана струга, которая вытекает из речки Безуевки и идет в урочище Поляна. В верховьях Безуевки был обнаружен только один такой объект — это ручей Безымянный, показанный на плане Ч-7 1857 года (рис. 5). Его нетрудно локализовать на спутниковом снимке. А вместе с ним и урочище Поляна (рис. 6). Справа от этого урочища находилось болото. Ручей выходил из этого болота и впадал в речку Безуевку. По этой причине в книге № 10562 ручей назван стругой. С юга к Поляне и болоту подходил ольховый лес, который рос в болотистой местности.

Рис. 6. **Урочище Поляна (реконструкция)**

Довольно часто на этой местности упоминаются две сеножати под грядами[109]. Например, в книге № 10553 1628 и 1629 годов (л. 85): «Да за рекою за Семью на Поляне сеножать гряда к перевесью, да сеножать гряда другая под ольхом». Две гряды никуда не делись, они легко локализуются (см. рис. 6).

В отказной книге братьев Череповых 1650 года[110] упоминаются два острова: Больших Оленей и Поганый: «Да ему ж Василью Черепову отделил по речке по Выжлице хоромной и дровяной лес и по дубровам, и по лесу пристенку, и по ольху, и по острову Больших Аленей, и по Поганому острову, и вверх Поляны по островком с пасечными месты». Эти острова (Поганый и Больших Оленей) указаны

[107] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 645. Л. 12–12 об.
[108] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 23 об.
[109] Гряда – возвышение, ряд холмов.
[110] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 8 об. – 9.

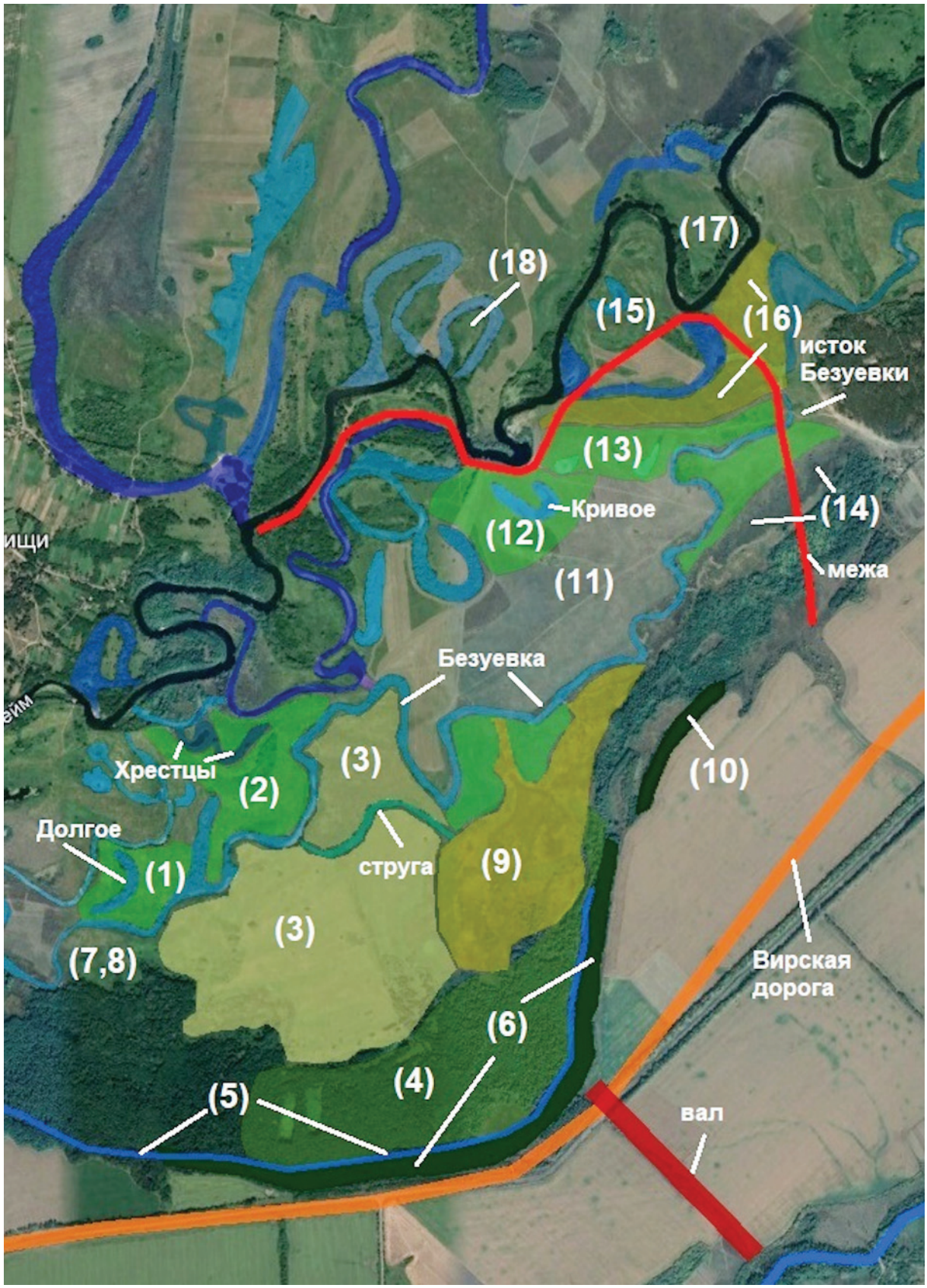


Рис. 7. **Сводная реконструкция географических объектов в долине речки Безуевки**

только в этом источнике. Если попытаться отследить логику в порядке перечисления угодий, то можно предположить, что они находились перед урочищем Поляна, слева от него, поскольку после их указания дается направление «вверх Поляны» («вверх» — значит вверх по течению речки Безуевки). Краткость описания не позволяет произвести более точную локализацию. Лес-пристенок в этом контексте — это ольховый лес, который рос, в том числе, на крутых склонах гряды. Он был локализован ранее (см. разд. 1.2.4). Остров Больших Оленей, возможно, находился неподалеку от колодезя Олений. Мы писали об этом колодезе в разд. 1.3.5. К сожалению, ни колодезь, ни остров точно локализовать не удалось. Равно как и остров Поганый, сенокос Грязный и Медвежью поляну.

В заключение обобщим результаты. На спутниковом снимке (рис. 7) показаны объекты, которые удалось локализовать в верховьях речки Безуевки, с той или иной степенью достоверности.

Обозначения:

(1) — подле Долгой озеринки сеножать;
(2) — сеножать подле озерка Крестцов к речке Безуевке;
(3) — урочище Поляна;
(4) — ольховый лес;
(5) — Большая прость;
(6) — гряда под ольхом;
(7) — остров Больших Оленей (предполагаемое место);
(8) — Поганый остров (предполагаемое место);
(9) — болото у Поляны;
(10) — гряда к перевесью;
(11) — сенокос в верховьях Безуевки (неименованный);
(12) — к малому озеринку Кривому сенные покосы да вверх Грязны сеножать;
(13) — сеножать на Поляне под перевесьем;
(14) — Черная лоза;
(15) — Гледячей перевесь.
(16) — болото, из которого вытекает речка Безуевка;
(17) — остров Орлово Гнездо Старое;
(18) — Белкова поляна.

ДРУГИЕ ВИДЫ УГОДИЙ В XVII ВЕКЕ

В окрестностях Клепал, в книгах XVII века упоминаются также другие виды угодий:

Бортные ухожеи — лиственные леса с деревьями, в дуплах которых живут дикие пчелы. Бортные ухожеи в окрестностях Клепал рассмотрены в разд. 1.2.6.

Вспуды — ямы для ловли диких зверей; места, где эти ямы расположены[111].

Бобровые гоны — участки, отведенные для бобрового промысла[112].

Положение на местности вспудов, перевесей (кроме Гледячего) и бобровых гонов в имеющихся у автора документах XVII века не указывалось.

Рыбные ловли

Рыбные ловли, как правило, закреплялись между помещиками в реках и озерах, находящихся в рамках их поместий. Например, в книге № 10553 1628 и 1629 годов (л. 64): «А ево Иванову половину вопче з братом ево с Васильем тово пол ухожья рыбная ловля по обе стороны реки Семи, озерко Васильевское, озеро Чапль, озерко Тихое».

Сами рыбные ловли в документах XVII и XVIII века описаны скупо. К примеру, орудия ловли указаны в «Записи на Теткинскую мельницу с мельниками о строении мельницы». Этот документ касается постройки водяной мельницы в деревне Теткино в 1694 году. Здесь дается разрешение мельникам ловить рыбу в реке Семи[113]: «А рыбу нам мельником ловить вентерями и неретами и удкою и хобачами выше и ниже гребли про себя ж». Желающие могут найти в Интернете описание этих приспособлений. Понятно, что основным орудием ловли тогда была сеть. Но ловля сетьми для мельников была запрещена: сети давали слишком большой улов, а им разрешалось ловить рыбу только для своего личного употребления.

[111] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 3. С. 148.
[112] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4. С. 72.
[113] РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9661.

Виды рыб, которые водились в то время в реке Семи и окружающих озерах, перечислены в экономических примечаниях села Чаплищи 1782 года[114]: «В реке ловится рыба: сомы, белизны[115], судаки, головли, налимы, лещи. И как в реке, так и в озерах ив заливах: щуки, окуни, лини, караси, плотва, ерши и раки. А в некоторых сомы. Уловная рыба употребляется для обиходу жителей». Среди жителей села Чаплищи были профессиональные рыболовы: «И рыбаловы онаго села однодворцы состоят на положенном казенном окладе». Они занимались только рыболовством. За это им платили зарплату (казенный оклад).

В писцовых и отказных книгах упоминается также «духовая рыбная ловля» в «заморных озеринках малых». Например, в книге № 10553 1628 и 1629 годов[116]: «За ними ж {братьями Череповыми} к их поместью и к бортному ухожью рыбная ловля и колодези, и затоны с духовою рыбною ловлею по реке по Клевени». Это зимняя рыбалка на небольших, мелких по глубине озерках или затонах с отсутствием течения. В глухозимье в воде оставалось столь мало кислорода, что это приводило к гибели рыбы, ее замору. В это время здесь вырубались проруби, к которым собиралось большое количество рыбы. Оставалось только вытащить ее из воды.

В отказной книге Василия Иванова сына Черепова 1659 года упоминается старинное угодье для ловли рыбы в окрестностях села Чаплищи — «езовище старое»[117]: «Да по дорогу к озеру Чапли, что скрозь терн ездят и от вишневого саду, от дороги лощыною к реки Семи, по езовища старое, что ниже озера Чапли, да вниз рекою Семью к озерку Котельному усадьба». Езовище находилось на реке между озерами Чапль и Котельным (см. разд. 1.3.2). Здесь, должно быть, был перекат, на котором оно было построено. Основным элементом езовища был ез (или яз). Вот что об его устройстве сказано в словаре В.И. Даля[118]: «Ез или яз — частокол или плетень поперек всей реки, чтобы не дать рыбе вверх хода и выловить всю на месте; городьба, перебой, закол, учуг; если не во всю ширину реки, то это заезок. < … > В городьбе же устроена и самая ловушка: бьются сваи с отногами (подпорами против воды), промежек забирается стойком совниками (жердями) и скрепляется переплетом; посредине пролет в две сажени, где ходит прясло (пяльца) с сежею (сетчатым рукавом); от жерловины сежи идут семечки (симочка, симы, бичевки) к колокольчику над водою; попавшись, рыба сама звонит и прясла подымают. Это для верховой рыбы, а для низовой ставят избу, с решетчатым полом или решетом, с запуском (опускною дверью) и с насторожкою: когда рыба войдет, то запуск падает, а решето подымается перевесом. Называют езами и наискось вполовину, и в треть ширины реки, поставленные рыболовные плетни… Езовье, язовье — место на перекате реки, удобное для езу».

Право использования перечисленных выше угодьев (кроме бортных), часто обозначалось стандартной фразой: «С рыбною и звериною ловлею, и з бобровыми гоны, и со вспуды, и с перевесьи, со всеми угодьи, что к тому ухожью истари потягло». Указывалось, что помещик, в своих межах, имеет право пользоваться всеми угодьями, которые находились там со старинных времен. Связано это было, вероятно, с тем, что местность в давние времена изобиловала зверями и птицами, и выделять отдельные места охоты не было смысла. В отличие от бортных ухожеев, которые всегда были на строгом учете.

1.3.7. Свод географических объектов

ВОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Итак, в той или иной степени удалось реконструировать на местности реки, речки, озера, проливы и болота в долине реки Сейм между селами Клепалы и Чаплищи, которые были указаны в писцовых и отказных книгах XVII века. Весьма значительное понижение уровня грунтовых вод за последние столетия, вырубка лесов и осушивание болот привели к практически полному исчезновению этих водных объектов.

[114] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 166 об. – 168.
[115] Белизна – жерех. *(Прим. авт.)*
[116] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 73 об.
[117] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 18.
[118] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net

Перестали существовать не только мелкие речки и озера, но и крупные и глубоководные. Такие, как озера Клепало и Обыток, речка Речица, имевшие когда-то глубины до 8 м. Очень сильно обмелели река Сейм, озера Плесневое и Боровня. Необходимо заметить, что значительные изменения ландшафта начинались с конца XVIII века. Особенно этот процесс ускорился с 30–40-х годов XX века. С середины XX века мы имеем уже сегодняшний ландшафт, на котором из прошлого изобилия практически ничего не осталось. Даже если водные объекты сохранились (а их можно пересчитать на пальцах), то это, конечно, далеко не те реки и озера, какими они были несколько столетий назад. От них, как правило, остались только мелкие фрагменты.

Заканчивая тему локализации и реконструкции водных объектов, приведем их полный перечень (табл. 1 и 2) , а также их картину на местности, каковой она была в начале XX века, на плане 1910 года (рис. 1 и 2).

Табл. 1

№ п/п	Наименование	Состояние на сегодняшний день	Ссылка на раздел
		1. Реки и речки	
1.1.	река Семь (Сейм)	существует	1.1.1. Озеро Клепало
1.2.	речка Старая Семь	отсутствует	1.3.3. Долина озера Боровня
1.3.	речка Безуевка	несколько мелких фрагментов	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
1.4.	речка Выжлица	мелкие фрагменты	1.2.4. Бассейн речки Выжлицы
1.5.	речка Горн	сохранилась фрагментарно	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
1.6.	речка Речица	мелкие фрагменты	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
1.7.	речка Чаша	есть	1.2.2. Борынские дубровки
		2. Озера	
2.1.	Байдурское	совсем малый фрагмент	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.2.	Белая Галица	отсутствует	1.2.5. Титова дуброва
2.3.	Белка	фрагмент	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.4.	струга Боровая (проток Шемахонь)	отсутствует	1.3.4. Озера у Выгорева городища
2.5.	Боровенский переволок	отсутствует	1.3.3. Долина озера Боровня
2.6.	Боровня	существует	1.3.3. Долина озера Боровня
2.7.	Васильевское	отсутствует	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.8.	Веребки	два мелких фрагмента	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.9.	Влукое (позднее — Кривое)	существует	1.3.3. Долина озера Боровня
2.10.	Воропай	отсутствует	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.11.	Вязки (Лашут)	два мелких фрагмента	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.12.	Гелица	малый фрагмент у истока	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.13.	Гледячее	отсутствует	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
2.14.	Глушица	два фрагмента	1.3.4. Озера у Выгорева городища
2.15.	Малая Глушица	отсутствует	1.3.4. Озера у Выгорева городища
2.16.	Деменино (Дememкино)	один малый фрагмент	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало

№ п/п	Наименование	Состояние на сегодняшний день	Ссылка на раздел
2.17.	Долгое	отсутствует	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.18.	Дуга (Хомут)	отсутствует	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.19.	Жары	отсутствует	1.2.5. Титова дуброва
2.20.	затон под Выгоревым городищем	отсутствует	1.3.4. Озера у Выгорева городища
2.21.	Зима	отсутствует	1.3.3. Долина озера Боровня
2.22.	затон Золотой	отсутствует	1.3.4. Озера у Выгорева городища
2.23.	Еричье	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.24.	Избное	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.25.	Карачевские озера	отсутствуют	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.26.	Клепало	отсутствует	1.1.1. Озеро Клепало
2.27.	озеро (струга) Колитко	отсутствует	1.3.4. Озера у Выгорева городища
2.28.	Колодское	совсем малый фрагмент	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.29.	Колчево	фрагмент	1.3.4. Озера у Выгорева городища
2.30.	Котельное	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.31.	залив Крестовский	небольшой фрагмент	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.32.	Крестовское (Хрестцы)	один малый фрагмент	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.33.	Кривое	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.34.	Большое Кривое	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.35.	Круглая Чапля	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.36.	Круглое (локализовано не точно)	отсутствует	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.37.	Круглое Боровое	существует	1.3.3. Долина озера Боровня
2.38.	Куцырь	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.39.	Лепишняк	отсутствует	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.40.	Малое выше Деменина	отсутствует	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.41.	Малое верх Милича	отсутствует	1.3.3. Долина озера Боровня
2.42.	Мертвая Веть	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.43.	Миличь	мелкий фрагмент	1.3.3. Долина озера Боровня
2.44.	Обыток	один фрагмент у истока	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.45.	Орлее	отсутствует	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
2.46.	Нижний Обыток	отсутствует	1.3.3. Долина озера Боровня
2.47.	Перекоп (Переволока)	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.48.	Плесневое	существует	1.3.3. Долина озера Боровня
2.49.	Плетенек	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.50.	три пролива от озера Клепало к реке Семи	отсутствуют	1.3.3. Долина озера Боровня
2.51.	затон Простой	не локализован	1.3.4. Озера у Выгорева городища
2.52.	Святое	существует	1.2.5. Титова дуброва
2.53.	Сетное	заболочено	1.2.5. Титова дуброва
2.54.	Сосенка	отсутствует	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало

№ п/п	Наименование	Состояние на сегодняшний день	Ссылка на раздел
2.55.	струга от Боровни ко Влукому	отсутствует	1.3.3. Долина озера Боровня
2.56.	Тихое	небольшие фрагменты	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.57.	Ткачево	отсутствует	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
2.58.	Фошня	отсутствует	1.2.5. Титова дуброва
2.59.	Фощинская струга	почти полностью пересохла	1.2.5. Титова дуброва
2.60.	Чапля (Чапль)	отсутствует	1.3.2. Речка Безуевка и Чаплицкие озера
2.61.	Чернышево (Чернявка)	отсутствует	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
3. Болота			
3.1.	Белая Галица	отсутствует	1.2.5. Титова дуброва
3.2.	болото между речкой Речицей и рекой Сейм	на этом месте имеется фрагмент более позднего озера	1.3.1. Старинные гидронимы у озера Клепало
3.3.	Верзанское	отсутствует	1.2.7. Старинные оборонительные валы
3.4.	два болота на Выжлице	отсутствуют	1.2.4. Бассейн речки Выжлицы
3.5.	Железные Кольца	два фрагмента	1.2.7. Старинные оборонительные валы
3.6.	Колчее	отсутствует	1.3.4. Озера у Выгорева городища
3.7.	Люльское (Семское)	отсутствует	1.2.7. Старинные оборонительные валы
3.8.	Чаплицкое	существует	1.2.5. Титова дуброва
4. Колодези			
4.1.	Большой Клепальский	существует	1.3.5. Колодези в окрестностях Клепальского городища
4.2.	Меловой	отсутствует	
4.3.	колодезь ниже озера Влукова	отсутствует	
4.4.	Большой Милицкий	отсутствует	
4.5.	Малый Милицкий	отсутствует	
4.6.	Олений	отсутствует	
4.7.	Печковский	отсутствует	
4.8.	Большая прость	отсутствует	
4.9.	Большой Скопинский	существует	

УРОЧИЩА И УГОДЬЯ

Локализация урочищ была сильно затруднена, поскольку в книгах XVII века они только упоминаются, но не описываются. Что касается планов генерального и специального межеваний XVIII века, то и здесь они далеко не всегда отражены. Кроме того, к тому времени они сохранились фрагментарно. Ввиду этого при исследовании конкретной местности объекты, как правило, указывались приблизительно, исходя из скупых описаний XVII века. Что касается их древних наименований, то к настоящему времени они полностью утрачены, и если в сводных таблицах сказано, например, что существовала Титова дуброва, то это значит, что в какой-то степени на этом месте сохранился лиственный лес. Хотя никто этот лес сегодня так не называет.

Перечень урочищ и угодий представлен в табл. 2.

№ п/п	Наименование	Состояние на сегодняшний день	Ссылка на раздел
		1. Урочища	
1.1.	Белая Галица	урочища с таким наименованием нет	1.2.5. Титова дуброва
1.2.	Белкова поляна	то же	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
1.3.	остров Больших Оленей	то же	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
1.4.	Борынь	то же	1.2.2. Борынские дубровки
1.5.	Варышева Тополя	то же	1.2.7. Старинные оборонительные валы
1.6.	Верзань	то же	1.2.7. Старинные оборонительные валы
1.7.	Кут	то же	2.1.5.1. Часть 1. Война Гамалеи с Неплюевым 1744–1746
1.8.	Медвежья поляна	то же	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
1.9.	Мокошевичи	то же	1.2.2. Борынские дубровки
1.10.	Орлово Гнездо Старое (остров)	то же	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
1.11.	Роблена могила	то же	1.2.4. Бассейн речки Выжлицы
1.12.	Поганый остров	то же	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
1.13.	Поляна	то же	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
1.14.	Черные лозы	то же	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
		2. Угодья	
2.1.	Борынские дубровки	отсутствует	1.2.2. Борынские дубровки
2.2.	Выжлицкая дуброва	то же	1.2.4. Бассейн речки Выжлицы
2.3.	Гледячей перевесь	то же	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
2.4.	Дядина дуброва	то же	1.2.4. Бассейн речки Выжлицы
2.5.	дуброва на месте села Карпиловка	то же	1.2.4. Бассейн речки Выжлицы
2.6	Езовище старое	то же	1.3.6. Угодья между деревней Чаплищи и речкой Безуевкой
2.7.	Никольский бортный ухожей	то же	1.2.5. Титова дуброва
2.8.	укольный бортный ухожей на речках Терн и Курице	то же	1.4.4. Федор Иванов сын Черепов
2.9.	Титов бор	существует частично	1.2.5. Титова дуброва
2.10.	Титова дуброва	существует частично	1.2.5. Титова дуброва
2.11.	Чаплицкий бортный ухожей	отсутствует	1.2.6. Бортные ухожеи в окрестностях Клепальского городища
2.12.	Ильинский бортный ухожей	то же	
2.13.	Никольский бортный ухожей	то же	

Рис. 1. **Свод географических объектов. 1910 г. (часть 1)**

Рис. 2. **Свод географических объектов. 1910 г. (часть 2)**

Раздел 1.4. Деревня Клепало и клепальские помещики в XVII веке

1.4.1. Пустошь Клепальское городище

Первое упоминание о месте, на котором расположено нынешнее село Клепалы, находим в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов № 10553 (л. 67 об.): «Да по отдельной выписи отделу городового приказщика Василя Малова 135 (1626/27) году пу<стошь> за рекою за Семью Клепальское городище на озере на Клепальском дикого поля на пашню добрые земли по обе стороны Клепальсково логу дватцать чети в поле, а в дву по тому ж. Сена по дикому полю и по Клепальскому логу сто копен. Лесу хоромного и дровяного по реке по Семи пять десятин». В это время на месте Клепальского городища была пустошь. То есть место, в котором когда-то жили люди, однако в начале XVII века оно пустовало. В Клепальской пустоши не показаны никакие дворы: ни помещика, ни крестьян, ни бобылей[1]. Клепальское городище здесь показано как поместье путивльского помещика Ивана Михайлова сына Черепова. Было ли Клепальское городище ранее в собственности рода Череповых? Точного ответа на этот вопрос нет. Но есть основания считать, что да, было. Имеется запись в пошлинной книге Печатного приказа[2] от 29.05.1621 года о том, что в Путивль направлена грамота царя Михаила Федоровича о поворотном поместье Василия {Михайлова сына} Черепова — брата Ивана[3] (рис. 1):

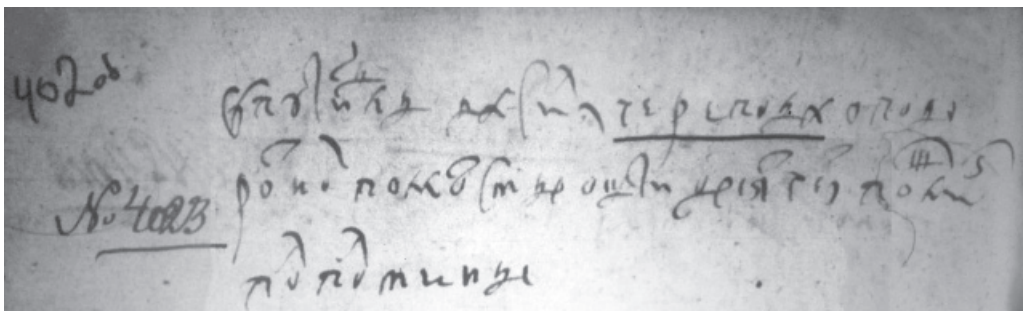


Рис. 1. **О поворотном поместье Василия Черепова. Запись в книге Печатного приказа. 1621 г.**

«В Путивль. Василья Черепова. О поворотном поместье, о шти десят чети. Пошлин полполтины {взято}». В данной записи указано поместье в 60 четвертей, а не в 20 четей в поле, а в дву по тому ж. По общей площади земель это одно и то же. Пошлину в то время брали по 1,25 копейки за четверть. Всего взяли полполтины (25 копеек), то есть за 20 четей (в поле, а в дву по тому ж). Конечно, не факт, что эти 20 четей в поле (а в дву по тому ж) являлись именно поместьем Клепальское городище. Чтобы прояснить ситуацию, обратимся к той же книге писца Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553). Здесь приведен перечень поместий братьев Череповых[4] в Путивльском уезде. Поместье в 20 чети в поле, а в дву по тому ж, было в этом перечне только одно — Клепальское городище. В записи в пошлинной книге Печатного приказа это

[1] Бобыль – человек, не имеющий своей земли и не несущий государственного тягла. Бобыль не имел государственных повинностей и не платил государственных податей.

[2] Печатный приказ – орган управления Русского государства. Находился в ведении печатника, который хранил государственную печать. Приказ удостоверял подлинность грамот, наказов, указов, памятей и всяких вообще актов, выдаваемых частным лицам, посредством приложения к ним государственной печати.

[3] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 402 об. Запись № 4023.

[4] В книге № 10553 упоминаются братья Василий, Алексей, Богдан, Федор и Иван Михайловы дети Череповы.

поместье указано как «поворотное»[5]. То есть грамотой царя оно было возвращено Череповым (Василию Михайлову сыну Черепову на тот момент). Возврат поместий в то время (после Смуты) был обычным делом, поскольку во время Смуты лжеправители Московского государства своими указами раздавали поместья по своему усмотрению. Кроме того, документы на владения угодьями в то время часто терялись. Когда смутные времена прошли, многие помещики обращались к царю Михаилу Федоровичу Романову с просьбой вернуть поместья, которые были у них до Смуты, либо подтвердить их право на имеющиеся. Похоже, что это произошло и с поместьем Череповых в пустоши Клепальское городище.

К тому же в этом же 1621 году Василий Черепов владел Клепальским колодезем. На это указывает жалованная тарханная[6] грамота царя Михаила Федоровича Рождества Пречистыя Богородицы Печерскому Молчинскому монастырю от 27.08.1621 года. В ней сказано[7]: «А ныне <…> колодезем Клепальским {владеет} Василей Черепов з братьями, да с племянники к своим поместьем». Клепальский колодезь был составной частью поместья Череповых в пустоши Клепальское городище.

В 1626 году состоялся передел поместий между братьями. На это указывает запись в пошлинной книге Печатного приказа от 20.04.1626 года[8]: «В Путивль к городовому приказчику к Василью Малово по челобитью Василья да Ивана Череповых с племянники их, о поместном переделе. Пошлин полтина взято». Соответственно, была направлена в Путивль царская грамота об этом переделе. На основании этой грамоты городовой приказчик Василий Малой в этом же 7135 году (весной или летом 1626 года)[9] «отделил» пустошь Клепальское городище Ивану Михайлову сыну Черепову, что, собственно, и отражено в писцовой книге Петра Мусорского (№ 10553).

Что же представляло собой поместье в пустоши Клепальское городище? Согласно той же книге, это были:

- Дикого поля на пашню добрые земли 20 четей[10] в поле, а в дву по тому ж;
- сена по Дикому полю и по Клепальскому логу сто копен[11];
- леса хоромного (строительного) и дровяного по реке Семи пять десятин.

С учетом троеполья, которое практиковалось в то время, всего пахотных земель было 60 четвертей.

В разд. 1.1.2, посвященном Клепальскому городищу, было показано, что городище соседствовало с участком земли, ограниченным озером Клепало с севера, Клепальским и Печковским логами с запада и востока соответственно, а также Вирской дорогой с южной стороны. Эта земля делилась на три поля. Эти три поля угадываются на геометрическом специальном плане Путивльского уезда села Клепалы 1782 года[12] (рис. I). На месте церкви и кладбища при ней было древнее городище, а из него шла дорога в три поля. С учетом этого плана несложно воспроизвести эти поля на спутниковом снимке (рис. II). Поля здесь помечены цифрами (1), (2) и (3). Площадь первого участка получается равной 10,8 га[13], второго — 10,9 га, третьего — 8,8 га. За вычетом самого городища и других непригодных земель, общая площадь равна 30,5 га, или 61 четверть. Что достаточно близко к 60 четвертям с учетом изменений местности за последние 400 лет, а также точности измерений площадей в XVII веке. На плане 1782 года эти участки разделены двумя улицами. Точно так же, как и на современном спутниковом снимке (рис. II). Эти улицы современного села Клепалы не случайно оказались именно в этих местах — здесь проходили старинные межи между тремя по-

[5] Поворотное – прилагательное от глагола «поворотити» – возвратить, вернуть.

[6] Тарханная грамота – документ, выдававшийся великим князем, царем или крупным светским и духовным феодалом лицам и учреждениям для подтверждения их привилегий в административно-судебном и главным образом податном и налоговом отношении.

[7] Жалованная тарханная грамота царя Михаила Федоровича Рождества Пречистыя Богородицы Печерскому Молчинскому монастырю от 27.08.1621 года // Юбилейный сборник Императорского С-Петербургского Археологического института 1613–1619. СПб.: Синодальная типография, 1913. С. 19–29.

[8] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 8. Л. 469.

[9] В то время новый год наступал 1 сентября.

[10] Четь – синоним слова «четверть». (*Прим. авт.*)

[11] Копна в то время была мерой площади сенокосов и соответствовала одной десятой части десятины.

[12] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. К-24 (синий). Клепало село.

[13] Измерение площадей производилось с помощью инструментария ресурса Google Earth.

лями. Как было показано ранее (см. разд. 1.1.2), на месте городища в древнерусский период, скорее всего, была усадьба феодала[14], а рядом с ней его вотчина — 60 четвертей в трех полях.

Теперь о сене. Сенокосы были на Диком поле, которое было южнее — за Вирской дорогой, а также восточнее Клепальского лога. Межа поместья Клепальского городища описана в книге Петра Мусорского (№ 10553) и была подробно рассмотрена в разд. 1.2.1. Сено косили по Клепальскому логу и в Диком поле. Под сенокосами было 10 десятин или 20 четвертей (около 11 га).

Лес рос на левом берегу реки Сейм от устья озера Клепало и до межи поместья — кургана у Вирской дороги на Диком поле, напротив озера Миличь. Площадь леса — 5 десятин (чуть более 6 га).

Поскольку в указанной выше книге 1628 и 1629 годов не упоминаются никакие дворы: ни помещичьи, ни крестьянские, ни бобыльские и, соответственно, живущие в Клепальском городище люди, то это может означать, что помещики или сами обрабатывали эти земли, косили сено и рубили лес (в то время это было в порядке вещей), или присылали на эти работы своих крестьян из других своих поместий. В те времена помещики часто были совсем не богатыми людьми. Однако с Череповыми дело было иначе: в той же книге № 10553 перечислены все угодья, которыми владели в то время Иван, Василий, Алексей, Богдан и Федор Михайловы дети. Согласно этой книге, Иван Михайлов сын Черепов владел угодьями в эквиваленте 205 четвертей с осьминою[15] (а в дву по тому ж)[16]. Поместье Клепальское городище (20 четей в поле, а в дву по тому ж), как мы видим, составляло совсем незначительную долю его владений. Его братья Федор и Василий также были далеко не бедными и имели 101 и 235 четвертей угодий соответственно.

Иван Михайлов сын Черепов занимался расширением своих угодий. Как будет показано немногим ниже, к 1626 году он имел поместный оклад в 400 четвертей, а фактически имел земли только 205 четвертей с осьминою. То есть далеко не исчерпал возможности по получению от царя новых поместий.

Где-то в это время (скорее всего, в конце 20-х — начале 30-х годов) он задумывается над получением дополнительных угодий на Диком поле справа и слева от Клепальского городища (между Клепальским и Выгоревым городищами с одной стороны, и в верховьях речки Выжлицы — с другой). Он пишет челобитную на имя царя. В Российском архиве древних актов (РГАДА) имеется фрагмент грамоты царя путивльскому воеводе об отказе Ивану Михайлову сыну Черепову поместья к его владениям в Путивльском уезде и о просьбе Ивана об угодьях в Диком поле (без начала, без конца и без даты)[17]. Вот сохранившийся фрагмент этого документа: «…в поле, а в дву по тому ж. Велено отделить Ивану Михайлову сыну Черепову к путивльском ево поместью ко шти десят четям бес третника в ево оклад, в четыреста чети, в поместье со всеми угодьи. А про дикое поля, о чем нам бил челом Иван Черепов, велено сыскать всяким сыски накрепко тутошними и сторонними попы и диаконы по священству, и старосты, и целовальники, и крестьяны по нашему крестному целованью. То дикое поля в тех урочищах, о чем нам бил челом Иван Черепов, ныне порожжо ли, в поместье и в отчину, и на оброк кому не отдано ли, и к дворцовым селам, и к черным волостям не приписаны ли. Да будет в обыску скажут, что то дикое поля порожжо, в поместье им в отчину и на оброк не отдано никому, и не владеет им нихто или будет владеет без дачи. И им то дикое поля на весне, как снег с поль сойдет, велено описати урочища, а пашню пахатную и дикое поля во диком поле велено измерить в десятины, а в дву полях пашню и перелог. И дикое поля велено описать, выпрашивая тутошних и сторонних попов и дьяконов по священству, а старосты и целовальники, и крестьяны по нашему крестьянскому целованью. И самому смечать накрепко, сколько в котором поле {четвертей}».

Что интересного мы находим в этом фрагменте? Во-первых, этой грамотой царь отделяет Ивану Черепову к его 60 четвертям пахотных земель в Клепальском городище еще какие-то земли, которые описаны в начале этой грамоты (эта часть утеряна). Во-вторых, здесь изложен порядок описания угодий и пахотных земель перед тем, как царь их пожалует в поместье просителю. В ответ на просьбу об отделении земель Ди-

[14]По классификации советского археолога и историка Андрея Васильевича Кузы.

[15]Осьмина – половина четверти.

[16]Пахотные земли составляли незначительную долю от общих владений. Остальные угодья (сенокосы, бортные ухожеи) оценивались в эквиваленте пахотной земли. К примеру, бортный ухожей в Биринской волости – за пашню в 10 четвертей, а в Колодежской волости – за 40 четвертей.

[17]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 78. Ед. хр. 2583.

кого поля дается указание на проведение сыска по состоянию этих земель. То есть не владеет ли этими землями кто-либо другой (в поместье, в вотчину или в оброк не отдано ли, не приписаны ли к дворцовым селам[18] и черным волостям[19]). Не владеет ли кто «без дачи», то есть без права владения. Для этого разбирательства в те времена привлекались местные (тутошние) и сторонние люди, знающие ситуацию с этими землями: попы и дьяконы, а также старосты, целовальники[20] и крестьяне. Эти люди давали клятву «по крестному целованию», что будут говорить только правду, а священнослужители — клятву «по священству». Далее составлялось описание урочищ и пахотных земель. Если оказывалось, что земли никому не принадлежат и никому не приписаны («порозжие»), то повелевалось «на весне, как снег с поль сойдет»[21], выспрашивая этих людей, описать урочища, а пахотную землю «измерить в десятины» «в дву полях и перелог». А самому Ивану «смечать накрепко[22], сколько в каком поле» четвертей.

К сожалению, что-то помешало Ивану и его детям довести это дело до конца. Что именно — этого мы не знаем. Этими землями немногим позднее, в 1650 году, занялись его двоюродные племянники Петр, Василий и Иван Ивановы дети Череповы.

1.4.2. Иван Михайлов сын Черепов

Остановимся на личности Ивана Михайлова сына Черепова — первого, доподлинно известного нам, помещика пустоши Клепальское городище.

Первое упоминание об Иване находим в книге «Верстальная десятня[23] новиков всех городов 1596 года»[24]. В справке РГАДА об этом документе сказано следующее: «Верстание[25] новиков всех городов проводилось в апреле 1596 г. боярами кн. Т.Р. Трубецким, кн. Ф.И. Хворостининым, дьяками А. Татьяниным и Ф. Голенищевым. В памятнике имеются сведения по 67 уездным корпорациям Московского государства, в том числе и пятинам Новгородской земли. Новики — представители служилого города, впервые записанные в службу и верстаные поместным и денежным окладом[26] (как правило, в возрасте 15 лет). Именно эта категория служилых людей уже в качестве рядовых детей боярских спустя десятилетие принимала активное участие в событиях Русской смуты». Вот фрагмент этого документа, касающийся города Путивля (рис. 1).

Здесь мы видим начало перечня путивльских новиков и устанавливаемые им поместные оклады (величины земельных наделов, которые они могут получить). Всего от Путивля на этом верстании было 11 новиков с окладами от 100 до 200 четвертей. 200 четвертей полагалось только одному из них — Лариону Федорову сыну Щеголеву (первый в списке). По 150 четей — Богдану Алексеевому сыну Антыкову, Ивану

[18]Дворцовое селение – селение (село, деревня или пустошь), хозяйственное функционирование которого с XVI в. находилось в ведении Приказа Большого дворца (то есть принадлежало царю). Населялись эти селения крестьянами, которые платили подати в княжескую, а затем царскую казну и формально имели личную свободу. Дворцовое селение // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Дворцовое_селение (08.08.2025).

[19]Основной массив земель в XIV–XV вв. составляли так называемые черные волости – своего рода государственные земли, распорядителем которых выступал князь, а крестьяне считали ее «Божьей, государевой и своей». В XVI в. из массива черных земель постепенно выделяются «дворцовые земли», и великий князь становится одним из крупнейших землевладельцев. Волостью в Древней Руси поначалу называлась вся территория земли (княжества); затем полусамостоятельный удел; сельская территория, подчиненная городу. Что такое черная волость? URL: https://otvet.mail.ru/question/82167589 (08.08.2025).

[20]Целова́льники – должностные лица в Русском государстве, выбиравшиеся земщиной в уездах и на посадах для исполнения судебных, финансовых и полицейских обязанностей. Избранный человек клялся честно исполнять свои обязанности и в подтверждение клятвы целовал крест, откуда и происходит название. Целовальник // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Целовальник. (08.08.2025).

[21]Грамота, как видно, писалась в зимнее время.

[22]Смечать накрепко – точно посчитать.

[23]Десятня – список (перечень) городовых дворян и детей боярских.

[24]Верстальная десятня новиков всех городов 1596 г. Копия конца XVII – начала XVIII в. (РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. Кн. 120. Л. 25).

[25]Верстанье поместное – назначение и распределение поместных окладов служилым людям.

[26] Оклад – установленный (в качестве максимального или желательного) размер денежного жалования, земельных (поместных) жалований.

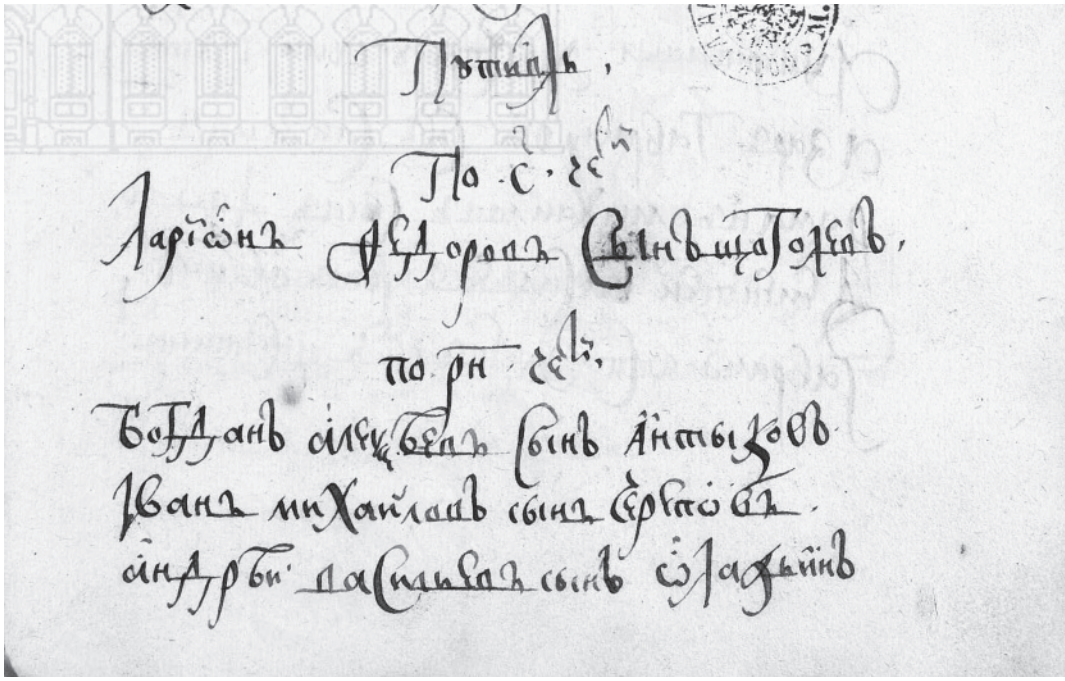


Рис. 1.
Верстальная десятня. Иван Михайлов сын Черепов. 1596 г.

Михайлову сыну Черепову, Андрею Васильеву сыну Оладьину и Якову Михайлову сыну Ревякину (на следующем листе). По 100 четей — Дмитрию Васильеву сыну Карпову, Ивану Иваному сыну Стряниву, Федору Яковлеву сыну Щетинину, Миките Иванову сыну Мискову и Ивану Яковлеву сыну Черкашенинову.

Иван Михайлов сын Черепов был сыном боярским[27]. По мере продолжения службы, ввиду его заслуг и полученных ранений, денежный и поместный оклады сына боярского могли вырасти. Отличившийся в бою сын боярский во время очередного смотра мог быть записан в «выбор»[28]. Во время военной службы выборные дети боярские назначаются головами, то есть командирами отрядов (конной сотни).

Изначальный поместный оклад назначался в зависимости от социального положения и имущественного достатка новика. И, как видно из перечня, отец Ивана Черепова Михаил по статусу занимал в Путивле далеко не последнее место.

Поскольку на первый смотр новики съезжались в возрасте 15 лет, то год рождения Ивана, скорее всего, 7104-й (1580 или 1581). Хотя, возможно, он родился на несколько лет раньше, поскольку верстание проходило не ежегодно и молодые дети боярские («недоросли») могли ожидать верстания несколько лет.

Отец Ивана — Михаил Черепов. В отдельной книге 1594 года[29] уже указан как «старый». Умер до 1614 года, поскольку его дети Василий и Федор били в этом году челом царю Михаилу Федоровичу о поместье 40 четей. Отказная грамота на это поместье была им направлена 11 декабря 1614 года[30]. Это не значит, что их отец умер именно в это время. Скорее всего, они писали царю уже после Смуты, чтобы подтвердить свои права на отцовские поместья.

Мать Ивана — Маврица. В 1613 году, уже будучи вдовой, била челом царю о получении поместья «на прожиток». В 1614 году 29 марта ей была направлена отказная грамота на 40 четей[31].

---

[27] Дети (или сыны) боярские – сословие, существовавшее в Русском царстве в конце XIV – начале XVIII в. В XVI–XVII вв. дети боярские входили в число «служилых людей по отечеству» и несли обязательную службу, за которую получали поместья, записывались в десятни по уездам и составляли поместную конницу. Дети боярские несли также и постоянную сторожевую службу по охране границ Русского государства. Дети боярские // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дети_боярские (08.08.2025).

[28] Из состава города выбирают определенное число лучших дворян и детей боярских и ежегодно направляют на службу. Перевод в выбор был одним из видов награждения служилых людей. Выборные дворяне ежегодно заносились в боярские списки.

[29] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 367. Л. 20.

[30] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 660. Л. 51.

[31] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 660. Л. 85 об.

Дети Ивана Федор и Семен. Сведения о них находим в «поколенной росписи» Череповых, приложенной к сказке поверенного Череповых Федора Попова о поместьях[32], сочиненной в рамках спорного дела «О дачах Выгорева городища» 1783–1788 годов. (рис. 2). Схема озаглавлена: «Череповы». Первым идет Михайло Черепов. Далее — его дети Иван, Василий и Федор. Дети Ивана — Семен и Федор. Все эти люди помечены литерой «у», то есть к 1760 году (дате составления поколенной росписи) умерли.

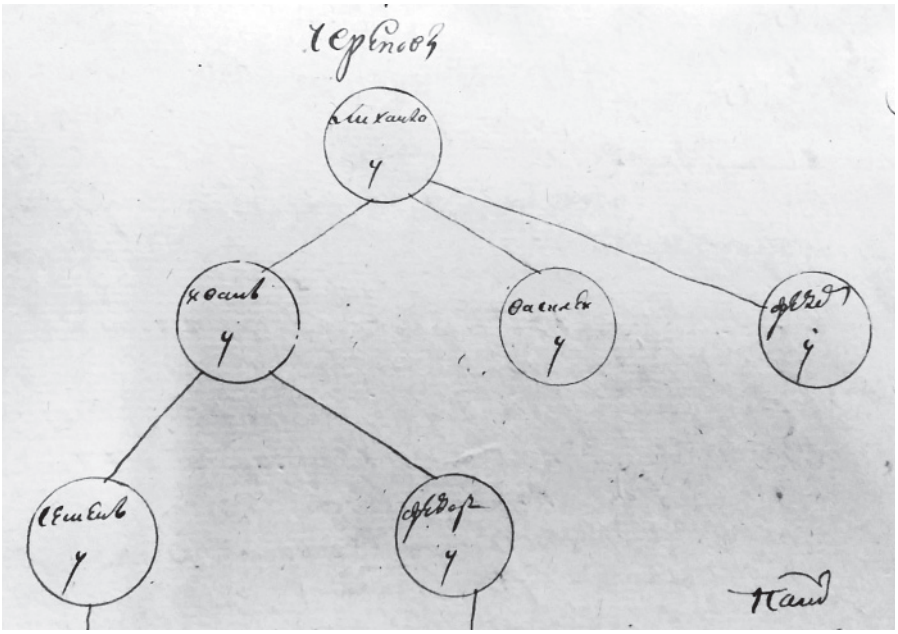


Рис. 2. **Дети Ивана Михайлова сына Черепова. 1760 г.**

Из спорного дела о дачах Выгорева городища известно, что Семен Иванов сын Черепов попал в плен. Дата взятия его в плен указана в статье А.А. Шумкова[33]: «Будучи в 170 (1661/1662) году в походе крымскими татарами взят в плен».

Сведений о службах Ивана с 1596 по 1621 годы нет. Скорее всего, он служил в Путивле. Первое упоминание имеется в «Отписке Путивльских воевод Василья Туренина и Сергея Собакина о селитрянном[34] вареньи» (27.05.1622 г.) в рамках тяжбы о долгах мастера Романа Гаврилова[35]. Ивану Черепову было поручено доставить 400 рублей из Путивля на «селитренные варницы» под Белгородом. Большая сумма по тем временам.

В Путивльской десятне 1626 года[36] Иван Михайлов сын Черепов был указан служившим «по выбору» с денежным окладом 13 рублей. В этой же десятне он был в числе окладчиков[37]. В рамках этой десятни производилась раздача денежного жалованья путивльским служилым людям. Окладчиков выбирали, как правило, из «старых» служилых людей, которые «прежде в окладе были». Они рассматривали дела дворян и детей боярских, подтверждали их текущие поместные и денежные оклады. После этого формировался соответствующий список, который направлялся в Москву царю. Указом царя, согласно присланному списку, назначались размеры денежных окладов по разным категориям служилых людей. Из Москвы присылался этот же список с указанием размера жалованья каждому. Присылались также денежные средства для раздачи (казна). Путивльский воевода раздавал денежное жалованье «по спискам перед собою, всем на лицо, с поруками, выспрашивая окладчиков». То есть, окладчики еще были и поручителями дворян и детей боярских. Они же подтверждали целесообразность выдачи жалованья. На этой раздаче в окладчиках были братья Иван и Федор Михайловы дети Череповы, а также Сергей Григорьев сын Антыков, Мартын Афонасьев

[32]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 49.

[33]*Шумков А.А.* Путивльский дворянский род Череповых: генеалогия и материалы к биографиям его представителей // Путивль и путивляне в истории и культуре России (1500–1925 гг.). Сборник статей и материалов / Ред.-сост. А.И. Раздорский. М.: Изд. Старая Басманная, 2022. С. 396.

[34]Селитра использовалась для изготовления пороха. (*Прм. авт.*)

[35]Акты Московского государства. Т 1. № 150 (1622) / Под ред. Попова Н.А. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1890. С. 175.

[36]Текст десятни приведен в кн.: *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. Т 1. II. Состав дворянского военно-служилого сословия. Путивльская десятня 1626 г. М.: Изд. Курск. дворянства, 1913. С. 25–34.

[37]Окладчик – представитель служилого сословия, принимавший участие, вместе с другими такими же представителями, в назначении поместных и денежных окладов служилым людям.

сын Беззубцев, Спиридон Денисьев сын Яцын, Семен Данилов сын Вощинин, Богдан Кудинов сын Чудов и Василий Федоров сын Волынцев.

Согласно этой десятне, у Ивана Черепова на 1626 год был поместный оклад 400 четвертей, а денежного жалованья ему полагалось 13 рублей. Большой денежный оклад по тем временам.

Успехи Ивана на военной службе упоминаются в первом томе Актов Московского государства. В частности, его участие в походе из Путивля в Рамон (ныне — город Ромны) в 1634 году[38]: «Из Путивля воеводы, князь Никита Гагарин да Андрей Усов < … > и с князь Васильем Ромодановским {стольник и воевода в Рыльске}, посылали под Рамон голову, Ивана Черепова с товарищи, а с ним путивльских служивых людей; и июля ж в 22 день голова Иван Черепов с товарищи в Путивль пришли, а в роспросе сказали, что Божиею милостию и Пречистыя Богородицы помощию < … > путивльские и рыльские ратные люди Рамонские три острога взяли взятьем и выжгли, и литовских людей многих в острогех побили, и живых поимали, а на том же взятьи убили урядников Сеножацкаго брата, Манфера Сеножацкого, да в остроге взяли урядникову жену пана Христопа Сеножацкаго, и наряд[39], и знамена, и литавры поимали.

А в языцех взяли было литовских людей с 30 человек и больше, а в Путивль привели 4 человек, потому как они пошли к большому острогу на приступ, и тех литовских людей побили … И за ту службу и за сеунч[40] дано ему государева жалованья: в приказ 8 рублей, камка[41], кармазин[42], да сукно аглинское доброе; да ему ж за ту службу, и за сеунч, и за прежние службы и за путивльское осадное сиденье, за 10 мужиков убитых придано ему к старому его окладу, к 400 четям, 100 четей, денег из чети к 10 рублям 10 рублей».

Здесь указано, что Иван Черепов в 1634 году имел воинский чин «голова», то есть командовал конной сотней. «Черепов взял приступом Рамонский острог, начальник его — урядник был убит. Ратные люди и их предводитель со славою возвратились в Путивль»[43].

Иван Черепов к этому времени уже имел поместный оклад в 400 четвертей. За эти подвиги царь добавил ему еще 100. Удвоено было и денежное жалованье — с 10 до 20 рублей. За время военной службы с 1596 года (когда он был новиком) и по 1634 год его поместное жалованье увеличилось со 150 до 500 четвертей.

Отмечено также «путивльское осадное сидение» Ивана Черепова. Он участвовал в защите Путивля во время его осады с 24 мая по 19 июня 1633 года польскими войсками и реестровым запорожским казачеством во время Смоленской войны. В результате польско-казацкое войско так и не сумело взять Путивль, потеряло 4 тысячи человек убитыми, 2,5 тысяч ранеными и около тысячи человек пленными. Русская сторона перехватила на юго-западном направлении инициативу, взяла Ромен (здесь также отличился Иван Черепов), совершила успешные походы под Миргород, Нежин и Борзну.

Иван Черепов в числе других командовал конным отрядом при походах на Нежин и Борзну. В донесении путивльских воевод князя Никиты Гагарина да Андрея Усова Государю Михаилу Федоровичу сказано[44]: «Писали мы вести воеводам в Белгород, Рыльск, Куреск и Севск, чтобы они прислали из тех городов голов с ратными людьми к Путивлю: в сход с Новгородка Северского уезда на Спасское поле идти для промыслу под литовские города, и тех городов воеводы писали нам, что по твоему Государеву указу они голов с ратными людьми и с охочими[45] людьми на Спасское поле послали. И мы на Спасское поле послали голов Левонтия Литвинова, Микифора Яцына, Семена Вощинина, Федора Оладьина, Ивана Черепова, Олексея Костентинова и Володимира Черепова, а с ними служилых людей под литовские города под Нежин или Борзну. И головы с ратными людьми пришли и Божиею милостию, и твоим Государевым счастием, город Борзну взяли, и острог большой и малый взяли, и народ поимали, и оба острога разорили и выжгли без

[38] Акты Московского государства. Т 1. №. 646 (1634) / Под ред/ Попова Н.А. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1890. С. 597.

[39] В данном случае – артиллерийские орудия, артиллерия, пушки.

[40] Сеунч – известие, весть (преимущественно радостная), донесение.

[41] Камка – шелковая цветная узорчатая ткань.

[42] Кармазин – ярко-красный цвет.

[43] *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. Х. М., 1913. С. 36.

[44] *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. Х. М., 1913. С. 37, 38.

[45] Охочий человек – добровольно вызвавшийся участвовать в каком-либо опасном предприятии.

остатку, и многих литовских людей, и польских на приступех, и в остроге же побили, и языки поимали, и капитана Вишеля жену Федору взяли и привели в Путивль, а капитана Вишеля убили или он ушел, не знают».

Как же выглядел помещик того времени в полном боевом снаряжении? Для ответа на этот вопрос обратимся к творчеству Олега Петровича Фёдорова — известного российского художника-реконструктора, специализирующегося на военно-исторической миниатюре и детальном изображении русских воинов различных эпох, особенно XVII века. На рис. III представлена одна из работ Олега Петровича — дворянин (помещик) 30–40-х годов XVII века[46]. Перейдя по ссылке, можно более детально ознакомиться с описанием воинского снаряжения помещика того времени.

Между тем, успешная служба царю позволила Ивану Черепову стать крупным путивльским помещиком. В книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553) приведен детальный перечень его поместий[47]:

«За Иваном Михайловым сыном Череповым по выпи{си} з дозорных книг Федора Матова да подьячего Кондратья Стенева 129 (1621) году старое его поместье треть деревни, что было селище Лосино, на реке на Клевени. Да к той же деревне припущено в пашню за рекою за Клевенью два селища: селище Даровое да селищо Коцынское на реке на Клевени. <...> Пашни паханые помещиковы добрые земли одна чети, да крестьянские три чети с третником, да перелогом и лесом поросло четыре чети. Обоего пашни паханые и лесом поросли добрые земли в Никольской дубровеке восемь чети с третником в поле, а в дву по тому ж. Сена меж пашен и подле озера Гусиновой и по Галкову логу пятьдесят копен.

Да вопче з братьеми ево с Васильем да с Федором Череповыми за рекою за Клевенью, против их поместья меж реки Клевени и лесу Марицы, и Марицкого городища укольной бортной ухожей с рыбною и звериною ловлею, и з бобровыми гоны, со вспуды, и с перевесьи, и со всеми угодьи, что к тому ухожью истари потягло.

За ними ж к их поместью и к бортному ухожью рыбная ловля, и колодези, и затоны с духовою рыбною ловлею по реке по Клевени от Новогородцкого рубежа, от усть Мостового лугу и от перевозу, да вниз рекою Клевенью правой берег, по Новгородцкой ж рубеж, п{о} устье речки Роздел. Да от усть вверх по речке по Розделу правой берег по лес по Марицкой. Да по реке по Клевени ж от Новогородцкого рубежа духовая рыбная ловля в колодезе Мостовом. Да затон Коценской под селищом, да струга Ястребная, да затон усть Роздела, да струга верхнея пониж прости, да по городецкой стороне затон под усадищем с вешними розлои[48]. А на ево Иванову треть того ухожея бортного с рыбною ловлею и со всеми угодьи за четвертную пашню доброю землею за пять чети бес полу третника.

Да брата его из Богдановского поместья Черепова жеребей деревни, что было селищо Чаплищи верхнея сторона на реке на Семи земли на его жеребей пол осьмины. Да перелогом и лесом поросла четь бес полуосьмины. Обоего пашни и перелогом, и лесом поросли добрые земли одна четь в поле, а в дву по тому ж.

Сена по реке по Семи и по лугом меж озер, и по логом дватцать пять копен. А лес дровяной вопче з братом его с Васильем да с племянники с Григорьем да сЫваном Череповыми по их помесной земле, и за рекою за Семью против усадища по лугу, и по островком в их ухожью.

Да к тому ж селищу вопче з братом ево Васильем в поместье половина бортного ухожея в Чаплищах с рыбною и звериною ловлею и з бобровыми гоны и со вспуды и с перевесьи со всеми угодьи.

{Рыбные ловли в реке Семи и в окрестных озерах от Выгорева городища до озера Мертвая Веть.}

Да брата ево двоюродной Михайловское поместье Федорова сына Черепова третей жеребей {третья часть} на реке на Клевени: пашня и перелог и дикое поле с сеножатьми и з бортным ухожьем, и с рыбною ловлею, и со всякими угодьи. Да за рекою за Семью на Терну и на Курицы треть укольного ухожея бортного з диким полем и со всеми угодьи за четвертную пашню доброю землею за тритцать чети.

Да по отдельной выписи отделу городового приказщика Василя Малова 135 (1627/28) году пу{стошь} за рекою за Семю Клепальское городище на озере на Клепальском дикого поля на пашню добрые земли

[46]Городовой дворянин из поместной конницы из замосковских городовых служилых корпораций 1630–1640 гг. на «береговой» службе (Варварская галерея. Varvar.ru – новое краеведение: [сайт]. URL: https://www.varvar.ru/arhiv/gallery/battle_art/fyodorov/images/fyodorov-11.jpg (12.12.2025)).

[47]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 58 об. – 71.

[48]Географические объекты в этой местности не локализовались.

по обе стороны Клепальсково логу дватцать чети в поле, а в дву по тому ж. Сена по дикому полю и по Клепальскому логу сто копен. Лесу хоромного и дровяного по реке по Семи пять десятин.

И всего за Иваном Череповым треть на жеребей деревни {Лосино}, да пустошь {что было селище Чаплищи}. А в них двор помещиков, да три двора кретьянских людей, в них пять человек, два двора бобыльских людей, в них то ж. Да вопче з братом ево с Васильем Череповым д{вор} помещиков да двор крестьянской, людей в нем три человека, да двор бобыльской. Пашни паханые помещиковы и крестьянские добрые земли четыре чети с осьминою и пол четверика. Да перелогу диково поля и дубровы на пашню, и бортных ухожьев, и рыбных ловель за четвертную пашню семьдесят одна четь с полу осьминою.

Обоево пашни паханые и перелогом дикого поля и дубровы на пашню добрые земли, и бортных ухожьев, и рыбных ловель за четвертную пашню добрые земли семьдесят шесть чети бес третника в поле, а в дву по тому ж. Сена сто семьдесят пять копен. А лес сечь хоромной и дровяной у своих земель, по дуброве и в своих ухожьях. А бортного лесу не сечи.

А по письму и мере в той трети деревни Лосиной на реке на Клевени пашни и перелогу добрые земли семнатцать чети бес третника в поле, а в дву по тому ж. Да в жеребью деревни Чаплищ на реке на Семи пашни и перелогу и добрые земли две чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж.

И прибыло сверх ево дачи лишка примерные земли в трети деревни Лосиной перелогу восемь чети с третником, да в деревне Чаплищах перелогу одна четь с осьминою. Обоего примерные земли в трети {деревни Лосино} да в жеребью деревни {Чаплищ} перелогу и дубровы на пашню десять чети бес полутретника в поле, а дву по тому ж.

А и с примерною землею восемь десят пять чети с осьминою.

<…> За Иваном же Череповым поместье Колодеской волости сорок чети. Да в Биринской волости ухожье бортной за пашню за десять чети. Да в трех волостях в Мужецкой да в Желвацкой, да в Городецкой за пашню бортной ухожей за десять же чети.

Да сверх ево дачи лишка примерные земли в Колодеской волости шездесят чети.

И всего за ним в поместье в стану да в волостях сто тритцать шесть чети бес третника.

Да примерные земли семь десят чети бес полутретника. А и с примерною землею двести пять чети с осьминою».

Как мы видим, всего у Ивана в Подгородном стане было угодий в эквиваленте 85,5 четвертей. И еще в волостях: Колодежской — 100 четвертей, в Биринской — 10 четвертей, Мужецкой, Желвацкой и Городецкой волостях — 10 четвертей. Всего в волостях бортных ухожьев и других угодий в эквиваленте 120 четвертей.

Всего, в Подгородном стане и в волостях, у Ивана Черепова было 205,5 четвертей.

Иван умер в 7148 (1640) году, когда ему было немногим более 60 лет. Для того времени — в преклонном возрасте. Обстоятельства его смерти не известны. Ему довелось служить с 15 лет. Так долго, и остаться в живых, — это было редкостью в те времена. В этом же году произошла передача поместий его сыновьям Федору и Семену. Пустошь Клепальское городище досталась Федору Иванову сыну Черепову.

1.4.3. Начало освоения «порозжих» земель

«ПОРОЗЖИЕ» ЗЕМЛИ В КНИГЕ ПЕТРА МУСОРСКОГО 1628 и 1629 годов

В первой четверти XVII века земли по обе стороны от поместья Ивана Черепова в Клепальском городище пустовали, были никем не занятыми. Восточнее от Клепальского городища были земли в среднем и верхнем течении речки Выжлицы. Они простирались от вала у Вирской дороги, далее вверх речкой Выжлицей, до Псельской дороги. Западнее от Клепальского городища были земли Дикого поля. Они начинались от кургана на Вирской дороге, на меже поместья Клепальского городища и простирались далее до Выгоревского лога. От Выгоревского лога до Мокшевицкого перевоза были земли Выгорева городища.

Они были ограничены рекой Семью с одной стороны, Путивльской дорогой и Борынскими дубровками — с другой[49].

Вот как описаны эти земли в писцовой книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553)[50]:

«Порозжие земли.

За рекою за Семью вверх речки Выжлицы под лесом под пристенком меж Печковского логу и валу смежно сЫвановою Черепова с поместною землею по ложок да по дорогу Псельскую дикого поля добрые земли сто чети в поле, а в дву по тому ж; сена по дикому полю и по речке по Выжлице триста копен. А сошного письма в пусте пол трети з сохи.

Пу{стошь} за рекою за Семью на реке на Семи усть озера Клепала подле городища Клепальского, по правую сторону смежно с поместною землею Ивана Черепова дикого поля добрые земли сто чети в поле, а в дву по тому ж. А сошного письма в пусте пол чети з сохи. Пу{стошь} Выгоревское городище на реке на Семи дикого поля добрые земли сто чети в поле, а в дву по тому ж. А сошного письма в пусте пол чети з сохи».

Отметим, что в этих трех пустошах указаны «добрые» (самые лучшие) земли, площадь которых составляла по сто чети в поле, а в дву по тому ж. Ранее были реконструированы межи этих пустошей по состоянию на 1628 год. Результаты представлены на рис. IV.

Оценим площади трех пустошей на реальной местности при помощи инструментария ресурса Google Earth (табл. 1):

Наименование пустоши	гектары	десятины	четверти	а в дву по тому ж
Выгорево городище	162	149	297	99 × 3
Дикое поле	119	109	218	73 × 3
Верховья речки Выжлицы	1843	1690	3381	1127 × 3

Как мы видим, реальная площадь Выгорева городища близка к заявленной в книге Петра Мусорского площади «добрых» земель (100 четей в поле, а в дву по тому ж). Это значит, что «добрые» земли здесь занимали практически всю пустошь. А вот на Диком поле площадей не хватает. Объяснить это можно тем, что данные в таблице соответствуют межеванию 1685 года писца Семена Муромцева (см. разд. 1.2.1). По этой меже сто лет шли споры, и бесспорной она стала только в 1788 году[51]. В 1628 году межа выглядела как-то по-другому. Так или иначе, но в книге Петра Мусорского в этой пустоши указано «доброй» земли 100 четвертей в поле, а в дву по тому ж. Ввиду этого в дальнейшем будем считать, что так оно и было. Тем более что все дальнейшие расчеты земель, приведенные в писцовых и отказных книгах, исходили именно из этого. Совсем другая ситуация выглядит с пустошью в верховьях речки Выжлицы. Общая площадь пустоши здесь превосходит заявленную в книге Петра Мусорского площадь «доброй» земли более чем в 10 раз. Связано это с тем, что «добрые» земли здесь составляли лишь незначительную часть пустоши. К этому же выводу приводят приведенные ранее исследования этой пустоши (см. разд. 1.2.4).

Указанные «добрые» земли едва ли были целинными. Скорее всего, их ранее распахивали, но с определенного времени они оказались заброшенными. В пользу этого указывает тот факт, что они к 1628 году не заросли лесами (см. указанные выше разделы). Наиболее вероятной причиной опустошения было Смутное время, длившееся в Русском государстве с конца XVI до начала XVII века.

ОТКАЗ «ПОРОЗЖИХ» ЗЕМЕЛЬ ДАНИЛЕ ЛИХАЧЕВУ

Первым, кому были отказаны «порозжие» земли Дикого поля (2) и Выгорева городища (3) (рис. IV), был черниговец Данило Лихачев, служивший в то время в Путивле. Это случилось в августе 1650 года. Оригинал отказной книги на эти земли найти не удалось, но имеется копия отказной выписи, полученная

[49] См. разд. 1.2.1, 1.2.3 и 1.2.4.

[50] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 441 об. – 442.

[51] Детали этих споров будут рассмотрены позднее.

из архива Вотчинной коллегии доверенным лицом потомка рода Лихачевых Степаном Кузьмичевым в 1783 году[52]: «Лета 7158 (1650) августа в 21 де{нь} по Государеве Цареве и Великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержца грамоте ис Поместного приказу за приписью дьяка Ивана Владычкина путивльской осадной голова Иван Селитреников дал выпись с отказных книг отказу[53] своего по сыску черниговцу Данилу Лихачеву на пустошь дикое поле, что в Путивльском уезде в Подгородном стану, за рекою за Семью, выше перевоза Мокшавицкаго, над рекою над Семью к Выгореву городищу. Да вверх рекою ж Семью по Иваново поместье Черепова[54]. А от Иванова поместьи Черепова и от реки Семи и от усть озера Клепала да по курган, что курган подле Вирскою дорогу, и по иныя грани до Большия Псельския дороги, что ездят к Мокшевицкому перевозу. Той пустоши, описанной в трех полях, что мереня в десятины на пашню. Во всех трех полях поравну, по пятнацать десятин в поле, а в дву по тому ж. Дворовых мест две десятины. А присады дворовым местам в тех же урочищах над рекою Семью к Выгореву городищу. А сена ему Даниле косить и дрова сечь позад пахоных своих поль в тех же своих межах и урочищах по своей поместной земли по дикому полю и по дуброве, пока место ево межа поместная земля зашла. Да по той же поместной земли по дикому полю вишенныя сады и березовые рощи. И по Государеве Цареве и Великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца грамоте и по сей отказной выписи черниговцу Данилу Лихачову тою пустошью диким полем, что в Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью, присадами и дворовыми месты, и дровяным лесом, и сенными покосы, и вышеписанными сады, и березовы рощи, и всякими угодьи владеть и ведать за собою. И с таво ему поместья государева Царева и Великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца службу служить. К сей выписи осадной голова Иван Селитреников руку свою и печать чернаго воску приложил. На обороте по склейкам подписано: тако к сей отказной выписи Иван Селитреников руку приложил».

Что можно сказать по этому документу? Во-первых, из описания межи ясно, что Даниле Лихачеву достались земли Дикого поля (2) и Выгорева городища (3) (рис. IV). Где проходила межа этих земель, более-менее ясно, поскольку имеется привязка к объектам на местности, ранее уже локализованным: Мокшевицкий перевоз, река Семь, устье озера Клепало, курган на Вирской дороге в Диком поле и дорога из Путивля на реку Псёл (Псельская дорога). Однако есть неопределенность в конечном отрезке межи. А именно на участке от кургана на Диком поле до Псельской дороги. В приведенной выписи этот участок описан следующим образом: «Да по курган что курган подле Вирскою дорогу и по иныя грани до Большия Псельския дороги».

Единственное изображение межи Лихачевых находим на спорном плане о дачах Выгорева городища[55]. Этот спор велся в рамках специального межевания земель с 1782 по 1788 год. Спорщики из рода Лихачевых (правнуки и праправнуки Данилы, представители семи семей этого рода) представили тогда на рассмотрение землемеру свою версию межи на Диком поле (рис. V). Здесь она показана желтым цветом и идет по ломаной линии между точками: E, G, H, I, K, L, F. Межа в целом соответствует описанию межи дачи Данилы Лихачева 1650 года, за исключением указанного выше конечного участка: «И от реки Семи и от усть озера Клепала да по курган что курган подле Вирскою дорогу и по иныя грани до Большия Псельския дороги». По версии потомков Данилы Лихачева, межа идет от устья Выгоревского лога (точка E), вдоль берега реки Семи до устья озера Клепало (точка H). Однако далее она не идет к кургану, как описано в даче 1650 года, а обходит его (ломаная H, I, K, L). Курган оказывается не на меже, а внутри земель Лихачевых. При этом их межа, представленная в 1782 году, не согласуется с межой соседнего поместья — пустоши Клепальское городище 1628 года. Тогда как описание межи 1650 года согласуется. Вопросов здесь больше, чем ответов. Тем не менее потомки Данилы именно так ее представили, и не верить им нет оснований. Площадь земель внутри этой дачи на современной местности равна 151 га (139 десятин или 92 четвертей в поле, а в дву

[52]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 23–23 об.

[53]Отказ – передача кому-либо какого-либо владенья.

[54]Поместье Ивана Михайлова сына Черепова в Клепальском городище.

[55]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4775.

по тому ж), что довольно близко к заявленной в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (100 четвертей в поле, а в дву по тому ж). Ввиду этого имеет смысл считать межу Лихачевых 1782 года наиболее вероятной на середину XVII века.

Итак, описание межи Данилы Лихачева 1650 года показывает, что ему были отделены все «порожжие» земли в пустошах Выгорева городища и на Диком поле (см. рис. IV). Если посмотреть эту межу на реальной местности, по получим площадь всего поместья равной: 162 га (площадь пустоши Выгоревского городища)[56] + 151 га (в Диком поле). Итого 313 га (287 десятин). Согласно отказной выписи, в этих межах были измерены равные три поля по 15 десятин в поле, а в дву по тому ж. Таким образом, в трех полях мы насчитываем 15 × 3 × 3 = 135 десятин (270 четвертей или 90 четей в поле, а в дву по тому ж) пахотной земли, что составляет менее половины площади всего поместья (287 десятин). При этом совершенно не понятно, как были распределены пахотные земли между пустошами Выгорева городища и Дикого поля. Незанятыми полями оставались 152 десятины (101 четверть в поле, а в дву по тому ж).

ОТКАЗ «ПОРОЗЖИХ» ЗЕМЕЛЬ БРАТЬЯМ ВАСИЛИЮ, ИВАНУ И ПЕТРУ ЧЕРЕПОВЫМ

Между тем Данило Лихачев не был одиноким в освоении земель пустоши Дикого поля. Этим же занялись родственники (внучатые племянники) клепальского помещика Ивана Черепова Василий, Петр и Иван Ивановы дети Череповы. Летом 1650 года они подали свою челобитную царю на участок «порожжих» земель на речке Выжлице (1), а также на земли Дикого поля (2) (рис. IV). 18 сентября этого года, через месяц после отказа земель Даниле Лихачеву, из Москвы была послана грамота в Путивль на сыск свободных земель на этих участках[57]: «159 (1650) году Путивль. Сентября в 18 день послана Государева грамота в Путивль к боярину и воеводе ко князю Семену Васильевичю Прозоровскому да к стольнику к Ивану Чемоданову, да к дьяку к Ивану Зеновьеву по челобитью путивльцов Василья да Петрушки, да Ивашки Ивановых детей Черепова. А велено в Путивльской уезд в Подгородной стан за реку за Семь вверх речки Выжлицы под лесом под пристенским меж Печковского логу и валу смежно с Ывановою Черепова с поместною землею по ложок, да по дорогу Псельскую. Да на пустошь за рекою за Семью на реке на Семи усть озера Клепала, подле городища Клепальского, по правою сторону смежно с поместною землею Ивана Черепова послать кого пригож». Далее в этой грамоте было приказано людям, которые поедут в пустоши, с усердием искать там свободные земли: «Про те пустоши велено сыскать всякими сыски накрепко большим повальным обыском. Те пустоши порожжи ли, в поместье ив вотчину кому не отданы ль, и не в денежном ли оброке, и ныне хто владеет, и почему по Государеве ль грамоте или по писцове и по отдельщикова выписи, или хто владеет без дач, и спору у ково с кем нет ли. Да будет в обыску скажут многие люди, что те пустоши порожжи, в поместье и в вотчину не отданы, и не в денежном оброке, и спору ни с кем не будет, и Государевых грамот и писцовых, и отдельщиковых выписей не положит нихто», то начать процедуру отказа земель братьям Череповым. И, что характерно, свободные земли в Диком поле нашлись. Все 100 четвертей. Где при этом был Данило Лихачев — не понятно.

К концу 1650 года, 31 декабря, на «порожжие» земли на Диком поле и на речке Выжлице братьям Череповым была оформлена отказная книга[58]: «Лета 7159 (1650) году декабря в 31 день по Государеву Цареву и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Ивана Владычкина, и по наказной памяти боярина и воеводы князя Семена Васильевича Прозоровского да стольника Ивана Ивановича Чемоданова, да дьяка Ивана Зиновьева путивлец Андрей Иванов сын Щетинин по челобитью путивльцов Василья да Петра да Ивана Ивановых детей Череповых, взяв с собою тутошних и сторонних людей попов и дьяконов, и старост, и целовальников, и крестьян сколько человек пригож, ездил в Путивльской уезд в Подгородной стан на пустоши, и на дикое поле за реку за Семь вверх речки Выжлицы, и под лес под пристенок, и меж Печковского логу и валу, и на усть озера Клепала подле городища Клепальского по правую сторону, что смежно сЫвановою с помесною землею Черепова.

[56]См. табл. 1.

[57]Указ на сыск порожжих земель на речке Выжлице и на Диком поле (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10560. Л. 475–477).

[58]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 7–10.

Да про те сыскивал всякими сыски накрепко и по сыску переписал усадьбы и заимищи, и дикое поле, и хоромной и дровяной лес, и сенные покосы, и всякие угодья: на реке на Семи усть озера Клепала усадьба, да вниз рекою Семью ниже озера Клепала на реке ж на Семи против озерка Влукова усадьба ж. Да усадьба ж к озерку Глушицы, да в пристенке к озерку Глушицы пасечное место.

Да от валу вверх по речке Выжлице и по обе стороны речки Выжлицы с усадьбы. И дикого поля и дубровы на пашню с хоромным и з дровяным лесом, и с сенными покосы, и со всякими угодьи шесть десят чети в поле, а в дву по тому ж.

А переписав в тех урочищах всякие угодья, а в них на пашню дикого поля и хоромного и дровяного лесу, и дубровы шездесят чети в поле а в дву по тому ж. И по речке Выжлице по обе стороны по дубровам, и по логом и по дикому полю сенных покосов триста копен, отделил путивльцу Василю Иванову сыну Черепову.

Да ему ж Василю Черепову отделил по речке по Выжлице хоромной и дровяной лес, и по дубровам, и по лесу пристенку, и по ольху, и по острову Больших Аленей, и по Поганому острову, и вверх Поляны по островком с пасечными месты, ив пристенку, и сенныя покосы верх пристенка, и оба пол болота по дубровам и по ложку, что ложок вышел под Вирскую дорогу, и усадьбу к речке Безуевки.

А братям ево Васильевым Петру да Ивану Ивановым детем Череповым отделил меж Печковского логу и пристенка по Вирскую дорогу дикого поля и дубровы на пашню сто чети в поле, а в дву по тому ж.

И всего им, Василю и Петру и Ивану, отделил сто шездесят чети в поле, а в дву по тому ж к старому их путивльскому поместью к четырнатцати четвертям[59].

А на Государя отписал подле дорогу Псельскую верх речки Выжлицы у Робленой могилы к Дядиной дуброве подле дороге Псельскую дикого поля на пашню сорок чети в поле, а в дву по тому ж.

И по Государеву и Цареву и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по сим книгам путивльцу Василю Иванову сыну Черепову тем поместьем своею дачаю шестью десят четвертями со всякими угодьи владеть и ведать за собою, ис того поместья ему Василю Государева служба служить.

А Петру да Ивану, как поспеют в Государеву службу, и им с того своего поместья Государева служба служить.

И мать свою вдову Татьяну кормить и поить по ее смерть.

А на отказе тех поместей были хлебной целовальник посадцкой (живущий за городской стеной) человек Афонасей Харин да полкавой казак Тимофей Зафотаев. А отдельные книги писал Тимошко Крыкливцов.

К сим отдельным книгам Мишка Рогов посацкой человек вместо Афонасья Харина да полкового козака Тимофея Зафотаева по их веленью руку приложил».

Итак, 60 четвертей на Диком поле были отказаны Василию Черепову, а оставшиеся 40 были переписаны на государя. На Выжлице все «порозжие» земли (100 четвертей) были отписаны братьям Василия Петру и Ивану. По итогу были распределены все земли в обеих пустошах. В другом, более позднем, источнике[60] сообщается, что на государя в 1650 году было отписано по 20 четвертей в Диком поле и на Выжлице: «20 чети на речке Выжлице и 20 чети на Диком поле между Выгоревским и Клепальским городищами». Таким образом, Василию в Диком поле было отписано 80 четвертей, а его братьям Петру и Ивану 80 четвертей на Выжлице.

Из текста отказной книги выясняется, что старшим братом был Василий, имевший к тому времени поместный оклад 300 четвертей, а Петр и Иван были, судя по всему, еще недорослями и не служили: «А Петру да Ивану, как поспеют в Государеву службу, и им с того своего поместья Государева служба служить». Братья жили со своей матерью, вдовой Татьяной, которую им было указано «кормить и поить по ее смерть».

Из этой книги мы узнаем, что к 1650 году земли на Диком поле и на Выжлице не были такими уж «порозжими». У братьев там уже были усадьбы:

[59] Эти 14 четвертей земли были им отказаны совсем недавно, грамотой от 5 августа 1650 г.: «В Путивль к оставному голове к Ивану Селитреникову по челобитью путивльца Василя Черепова. Велено ему поместья отказать з братьями в Путивльском уезде на четырнатцат чети. Пошлин с челобитья дватцать пять алтын взято» (РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 56. Л. 220 об.)

[60] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 7.

- усадьба у устья озера Клепало (близко к меже Клепальского городища);
- «пустошь в усадище (усадьбе), что ниже озера Клепальского с урочищи»;
- усадьба напротив озера Влукова (ныне озеро Кривое);
- усадьба к озеру Глушица, а в лесу-пристенке к Глушице пасека.

У Василия была также усадьба к речке Безуевке, а также две усадьбы на речке Выжлице. Одна из усадеб на Выжлице в дальнейшем даст начало деревне Карпиловке, а вторая — Дьяковке. Усадьбы строились без всяких на то разрешений, окрестные угодья использовались для своих нужд. Причем это были усадьбы (усадища), включающие в себя дома помещиков, необходимые хозяйственные постройки, а также сады и огороды. Скорее всего, освоение этих земель начинал отец братьев Череповых — Иван Алексеев сын.

Таким образом, к концу 1650 года все три участка «порожжих» земель, указанных в книге № 10553 1628 и 1629 годов были разделены между помещиками. Причем земли Дикого поля были отказаны двум владельцам: 21 августа 1650 года — Даниле Лихачеву и 31 декабря того же года — братьям Череповым.

Проблема заключается в том, что вплоть до 80-х годов XVIII века точного межевания земель на Диком поле не производилось. Оставались только весьма приблизительные описания 1628 и 1650 годов. В результате, как было сказано выше, в 1783 году потомки Череповых и Лихачевых, а также другие заинтересованные лица, возбудили большое спорное дело, известное нам как спорное дело о дачах Выгорева городища.

30 ноября 1676 года государевы земли у Робленой могилы и у Дядиной дубровы были отписаны двоюродным братьям указанных выше Череповых: Григорию, Роману и Артемию Григорьевым детям Череповым[61]: «Им, да Роману, да Артемю {владеть} в Путивльском же уезде, в Подгородном стану за рекою за Семью верх речки Выжлицы, да на реке на Семи усть озера Клепала с урочищи, что отписано сверх дачи Василья да Ивана, да Петра Череповых диким полем сорокью четвертьми в поле, а в дву по тому ж, со всеми угодьи». Эта отказная книга подтверждает факт, что в 1650 году были отписаны на государя по 20 четвертей на Диком поле и на Выжлице. Так или иначе, но с 1676 года все обрабатываемые земли на Диком поле и в верховьях Выжлицы оказались у Череповых. Со временем братья Василий, Петр и Иван Череповы перераспределили земли внутри своей семьи: Василию досталось по 30 четвертей на Диком поле и на Выжлице, а Ивану и Петру — по 25 четвертей каждому. Итого вся семья имела по 80 четвертей на Диком поле и на Выжлице. Всего 160 четвертей. Оставшиеся 20 четвертей на Диком поле и еще 20 четвертей на Выжлице были записаны за Григорием, Романом и Артемием Григорьевыми детьми Череповыми.

Однако на этом дележ Дикого поля не завершился: в 1685 году тогдашний клепальский помещик Зиновий Панов «примежевал» себе к поместью Клепальскому городищу свободные, по его мнению, земли на Диком поле. К чести Зиновия, эти земли сразу были весьма точно межеваны и описаны в книге писца Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369). Зиновий прибавил себе участок, помеченный на рис. IV цифрой (5) и отмеченный как земли, находящиеся вне межи Петра Мусорского 1628 и 1629 годов. Разумеется, что по этому «примежеванию» тут же начали спорить Череповы.

Итак, по состоянию на 1676 год:

- Василий Черепов имел 30 четвертей на Диком поле и еще 30 на Выжлице;
- Петр и Иван Череповы имели по 25 четвертей земли на Диком поле и еще по 25 — на речке Выжлице;
- Григорий, Роман и Артемий Череповы имели 20 четвертей земли на Диком поле и 20 четвертей — на речке Выжлице.
- Данило Лихачев имел три поля по 15 десятин в даче 1650 года. Всего 90 четвертей, но не ясно где: в пустоши Выгорева городища или на Диком поле.

[61] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 59–67.

ВОПРОС О НАЛИЧИИ У ЛИХАЧЕВЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ДИКОМ ПОЛЕ

Остался невыясненным вопрос о местонахождении трех полей Данилы Лихачева по его даче 1650 года. Напомним, что межи этой дачи охватывали целиком две пустоши — Выгорева городища (100 четвертей) и Дикого поля (100 четвертей).

Так были ли какие-то земли у Лихачевых на Диком поле? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем кратко разобраться с историей наследования этих земель путивльскими помещиками. Начнем с конца этой истории: покупки всех земель на Диком поле клепальским помещиком Михаилом Ивановичем Гамалеем. В известном нам спорном деле о дачах Выгорева городища приводятся копии двух купчих Михаила Ивановича 1777 года, которыми он выкупил эти земли. Разберем купчие последовательно.

Первую из них, от 20.06.1777 года[62], Михаилу Ивановичу дали «церкви Рождества Христова священник Алексей, диакон Микифор Андреевы с сестрою своею родною Федосьею по отце Андреевою дочерью Синельниковы, а по мужу однадворца Павла Маркова сына Деменина»[63]. В этой купчей, в частности, приводится краткая истории продаваемого недвижимого имущества: «Принадлежащее нам по наследству после смерти покойной матери нашей Аграфены Артемьевой дочери Череповой. А ей следующее от отца ее, а нашего деда родного, именованного Артемья Иванова сына Черепова, справленное и отказанное за ним отцом ее, а нашим дедом, означенным Артемьем, недвижимое имение, состоящее по дачам 184 (1676) и 185 (1676)[64] годов, кое значится по отказу (передаче во владение) в 1745 м году показаннаго Артемья Черепова за дочерью Матреною Семеновскою женою Кашинцова». Таким образом, история владения этими землями исходит от Артемия Иванова сына Черепова. По первой из дач (7184 года) данных нет, а вот вторая дача 7185 года — это известная нам дача от 30 ноября 1676 года, когда братья Череповы получили ранее отписанные на государя 20 четвертей на Диком поле. Стало быть, первой купчей Михаил Иванович Гамалея получил эти земли на Диком поле. Первые 20 четвертей нашлись.

Рассмотрим вторую купчую, от того же числа (20.06.1777 года), от прапорщика Михаила Максимова сына Барсукова. Он также сообщает историю сделок: «Продал я путивльскому помещику из дворян бунчуковому товарыщу Михайле Иванову сыну Гамалею ис покупного мною в прошлом 1775-м году у порутчика Якова Федорова сына Трифонова недвижимого имения, следуемого ему по смерти бездетно умершей тетки ево Анны Михайловой дочери господина генерал маеора Гавриловской жены Петрова сына Черепова по наследству бабки ево Яковлевой Агафьи Петровой дочери по отцу Шечковой деда его Ивановой жены Трифоновой». Здесь сделки с землями исходят от генерал-майора Гавриила Петровича Черепова. Гавриил Петрович был внуком Леонтия Иванова сына Черепова — сына Ивана Иванова сына Черепова, получившего вместе с братьями земли на Диком поле в 1650 году. В 1701 году детям Леонтия Черепова Петру Большому и Петру Малому перешли все поместья Петра Иванова сына Черепова[65], поскольку все его другие наследники к тому времени умерли[66]. Генерал-майор Гавриил Петрович является сыном одного из детей Леонтия, а именно — Петра Меньшого. В приложении 1 к настоящему разделу представлено краткое исследование этого вопроса и обоснование этого утверждения.

Таким образом, стала ясной судьба 25 четвертей, данных в 1650 году Петру Иванову сыну Черепову.

Известно также, что вдова Дарья, жена Леонтия Иванова сына Черепова, в 1693 году обменяла клепальскому помещику Зиновию Панову свои вдовины 20 четвертей (10 — на Диком поле и 10 — на речке Выжлице) на 1 четверть земель Панова в Чашском и Ослецком городищах[67]. Эти земли по наследству перешли к Михаилу Ивановичу Гамалею и поэтому не упоминаются в указанных выше купчих. Стало быть, нашлись еще 10 четвертей в Диком поле, отказанные Ивану Иванову сыну Черепову в 1650 году.

---

[62] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 12 – 13 об.

[63] Обе купчие будут приведены полностью в дальнейшем, при описании жизни Михаила Ивановича Гамалеи.

[64] См. отказные книги Григория, Романа и Артемия Ивановых детей Череповых (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 64 об.).

[65] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 924. ДСЛ. Кн. 10598. Д. 21. Л. 137 об.

[66] Детально перереход поместий Петра Иванова сына Черепова к его наследникам будет рассмотрен позднее при описании освоения земель на речке Выжлице в конце XVII в.

[67] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 36.

Остальные 15 четвертей из 25, полученных Иваном Ивановым Череповым, перешли детям вдовы Дарьи Петру Большому и Петру Меньшову Череповым, а далее — сыну Петра Меньшого — вышеупомянутому генерал-майору Гаврилу Петровичу Черепову.

Рассмотрим теперь 30 четвертей Василия Иванова сына Черепова, данных ему в 1650 году. Эти земли в числе других поместий Василий получил в вотчину в 1677 году[68]. Эту вотчину Василий продал в 1689 году Ивану Шечкову и братьям Ивану и Василию Андреевым детям Череповым[69]. Шечков и Череповы получили по 15 четвертей земли в Диком поле. Таким образом, 15 четвертей попали в род Шечковых. Агафья Петрова дочь Шечкова вышла замуж за Ивана Федорова сына Трифонова. Земли перешли в род Трифоновых. Михаил Иванович Гамалея купил эти земли у Михаила Максимова сына Барсукова, который два года назад (в 1775 г.) купил их у Якова Федоровича Трифонова.

Итак, по землям Дикого поля выяснена судьба 25 четвертей Петра Черепова + 15 четвертей Василия Черепова, проданных Ивану Шечкову + 10 четвертей Ивана Черепова, полученных Зиновием Пановым + 15 четвертей Ивана Черепова, попавших генерал-майору Гавриилу Петровичу + 20 четвертей из государевых земель, отписанные братьям Череповым в 1676 году. Итого 85 четвертей. Остались невыясненными 15 четвертей, проданных Василием Череповым братьям Ивану и Василию Андреевым детям Черепова. Данных об этих землях у автора нет. Однако эта неопределенность уже не сыграет роли в прояснении главного вопроса: «Были ли земли у помещиков Лихачевых на Диком поле?» Ответ остается один: «Нет, не было». Напомним, что у Данилы Черепова в 1650 году было в двух пустошах (Выгоревском и в Диком поле) три равных поля по 15 десятин (по 30 четвертей). Невыясненные 15 четвертей братьев Ивана и Василия Череповых, ввиду малости, не могут быть одним из этих полей. Плюс к этому в XVII веке при описании земель на Диком поле, во всех известных автору книгах, ни разу не упоминается фамилия Лихачевых.

Приведенные доводы, ввиду указанных выше некоторых неопределенностей, не могут быть полностью корректными. Было бы логичнее провести отдельную, более детальную работу по хронологии владения землями на Диком поле. В какой-то степени это уточнило бы полученные выше результаты. Однако, по мнению автора, это не изменило бы основного вывода: земель у Лихачевых на Диком поле не было.

Итак, становится понятным, почему в 1650 году братья Василий, Иван и Петр Череповы нашли свободные земли на Диком поле. Там не было полей Данилы Лихачева, и земли на Диком поле по факту пустовали. Надо полагать, что могущественные в то время в Путивльском уезде Череповы сумели объяснить пришлому черниговцу Даниле, кто хозяин в уезде и что его межи на Диком поле для них не аргумент. Может, все было и иначе, но при повальном межевании земель писцом Семеном Муромцевым в Подгородном стане в 1684–1686 годах земли Дикого поля были обойдены стороной и в итоговую книгу (№ 369) не попали[70]. Да и споров Данило Лихачев и его дети с Череповыми никаких не затевали. Большой спор разгорелся только в 1783 году в рамках специального межевания. Тогда спорили правнуки и праправнуки Данилы Лихачева. В 1788 году, наконец, все споры были улажены. По результатам были установлены бесспорные межи, согласно которым у Лихачевых земель в Диком поле не оказалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ГАВРИЛЕ ПЕТРОВИЧЕ ЧЕРЕПОВЕ

Ввиду отсутствия у автора документов, содержащих поколенную роспись Гаврилы Петровича Черепова, попробуем ее сформировать на основе анализа данных, содержащихся в двух источниках. А именно,

[68] Отказная книга Василия Иванова сына Черепова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 92).

[69] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. № 10687. Д. 11. Л. 363 об.

[70] Это подтверждается также тем фактом, что при ведении споров по дачам Выгорева городища в 1782–1788 гг. (РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769) ни Лихачевы, ни Череповы данных о межевании Дикого поля в 1685 г. не представили. В то время как потомок Зиновия Панова Михаил Гамалея эти данные привел.

в сказке Петра Деханова про Дикое поле (спорное дело о дачах Выгорева городища 1783 г.)[71] и в переписной книге 1719 года[72]. При этом необходимо выяснить один вопрос: чьим сыном был генерал-майор Гавриил Петрович — Петра Большого или Петра Меньшого Леонтьевых детей?

Согласно сказке поверенного Павла Деханова, Леонтий Иванов сын Черепов был родным прадедом Деханова: «Во 194 м (1686) году в генваре месяце от родного прадеда господина моего путивльца Леонтья Иванова сына Черепова в Поместном приказе на него писца Муромцова челобитье подано». Здесь же дополнительно указывается, что дедом Петра Деханова был Петр Леонтьев сын Черепов — сын Леонтия Черепова и его жены Дарьи. К тому же написано, что Петр страдал падучей болезнью (эпилепсией): «Путивльская помещица прабабка господина моего вдова Дарья Данилова дочь прописанного путивльца Леонтьевская жена Иванова сына Черепова с сыном своим, а господина моего с дедом Петром Леонтьевым сыном Череповым, которой обдержим был падучею болезнию».

В переписной книге 1719 года указаны оба Петра и их возраст: «Петр Леонтьев сын Черепов 23 года. Брат Петр 32 года одежем подучею болезнью». Получается, что эпилепсией (падучей болезнью) страдал Петр Большой. Следовательно, он был родным дедом Павла Деханова.

В то же время, согласно той же сказке Павла Деханова, генерал-майор Гаврило Петрович Черепов был его дядей: «…О которой неправильной мене по поданному от дяди господина моего покойного генерал майора Гаврила Петровича Черепова в 778 м году в Правительствующем Сенате челобитье».

Итак, остается только один вариант: Гавриил Петрович Черепов был сыном Петра Меньшого — другого сына Леонтия Черепова.

Согласно той же записке Павла Деханова, его дядя Гаврило Петрович умер в 1778 году: «А данной упоминаемому Василью Иванову сыну Черепову на ево жеребей <…> жалованной грамоты, оной господин мой по смерти дяди ево в 778 м году упоминаемого генерал маиора Черепова не получил».

1.4.4. Федор Иванов сын Черепов

Как было указано ранее (см. разд. 1.4.2) первый помещик пустоши Клепальского городища Иван Михайлов сын Черепов умер в 7148 (1640) году. В этом же году состоялась передача поместий его сыновьям Семену и Федору. Пустошь Клепальское городище досталась Федору.

Дата рождения Федора не известна. Нет также данных о его жене. У Федора был сын Яков и две дочери: Марья и Анна.

Известно, что Федор был верстан поместным окладом в 7160 (1651/1652) и 7168 (1659/1660) годах[73]. Был ли он верстан в 7160 году в первый раз в качестве новика? Нет, не был, поскольку в это время уже служил «по выбору» и состоял в царском войске[74]. По этой причине оценить, даже приблизительно, его год рождения не представляется возможным.

ПОМЕСТЬЯ ФЕДОРА ИВАНОВА СЫНА ЧЕРЕПОВА

26 марта 1640 года Федор получил свою долю отцовского наследия. В Подгородном стане 85 четвертей, а в дву по пому ж, а также жеребьи в бортных ухожеях в волостях. Всего в Подгородном стане и в волостях 195 четвертей с осьминой (см. разд. 1.4.2).

[71]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 14–17 об.

[72]РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 186.

[73]*Шумков А.А.* Путивльский дворянский род Череповых: генеалогия и материалы к биографиям его представителей//Путивль и путивляне в истории и культуре России (1500–1925 гг.). Сборник статей и материалов / Ред.-сост. А.И. Раздорский. М.: Изд. Старая Басманная, 2022. С. 395.

[74]Об этом он писал в 1676 г. в своей челобитной на получении вотчины: «Служил я, холоп твой, Блаженные памяти отцу Твоему Государеву и Великому Государю Царю и Великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержцу со 160 (1652) году в походех». Получение вотчины Федором будет описано в этом же разделе ниже.

Перечень других его поместий находим в справке из архива Государственной вотчинной коллегии на земли Череповых, полученной его потомками в 1760 году[75]. Эти поместья он получал за свою службу или обменивался землями с другими помещиками:

«Да за ним же помесья по даче 160 (1652) году августа в 31 день, что ему дано племянницы ево девки Акилины Моисеевской дочери Череповой[76] прожиточное ее поместье в Путивльском уезде и что отписано на Великаго Государя тритцать четыре четверти без четверика. А в котором стану или в деревне, или в пустоши то помесье, того в той даче подлинно не очищено.

Да за ним же поместья по даче 168 (1660) году февраля в 7 день, что ему дано из порожжих обводных земель в Путивльском уезде, в Подгородном стану пустошь дикое поле на речке на Терну по Байкову лесу и по речке по Цыпке. А смежна та пустошь дикое поле с Ывановским помесьем Шулешкина по старинную Терновскую дорогу {Псельская дорога}, что ездят ис Путивля по верх речки Цыпки, и по Байкову логу через речку Терну, по старинную гать, что ездят к Недрыгайлову на старой клин, да вверх речки Терну по обе стороны да городища Котла. А от городища Котла до верховья речки Терну прямо до верх речки Курицы. А на низ речкою Курицею правоя сторона по Курицкое городище. А от Курицкого городища по ево старинное помесье. А в ней пашни перелогу и дикого поля, и дубровы добрые земли сто дватцать пять четвертей.

И во 179-м (1671) году марта в 6 день Федор Черепов ис своего поместья в Путивльском уезде в Колодеской волости пустошь дикое поле на речке на Рыле, да на речке на Обесте сто четвертей поступился за дочерьми своими вместо приданного. За девками за Марьею да за Анною зятем своим Новагородка Северского Василью Иванову сыну Люшину да путивльцу Андрею Иванову сыну Щекину в поместье со всеми угодьи.

За ним же помесья по даче 181 (1673) году апреля в 20 день, что ему дано племянницы ево девки Матрены Даниловой дочери Черепова, прожиточное помесье в Путивльском уезде в Подгородном стану в деревни Чаплищах, в деревни Череповой, да в пустоши дикое поле на речке на Терну. А в них по отказным книгам отказу черниговца Василья Вишневского 176 (1667/68) году написано пашни добрые земли адинатцать четвертей с осьминою.

Обоего за Федором Череповым помесья двести шездесят две четверти без четверика в поле, а в дву по тому ж.

И во 185-м (1677) году {30 апреля} ис того ево помесья за ево службу с помеснаго окладу с семи сот пятидесяти четвертей со ста по дватцати четвертей, итого сто пятдесят четвертей, в Путивльском уезде в Подгородном стану дано ему Федору в вотчину со всеми угодьи[77].

А за вотчинною ево дачею осталось того ево помесья в деревне Лосиной, да в деревне Чаплищах, в пустоши за рекою за Семью Клепальское городище на озере Клепальском, за рекою за Клевенью два селища, да в Подгородном стану в деревне Череповой, да в пустоши в диком поле на речке на Терну, да в Мужецкой волости, да в Городенской бортной ухожей пашни сто двенатцать четвертей.

И во 185-м (1677) году майя в 23 день Федор Черепов ис того своего помесья в Подгородном стану в трети деревни Лосиной четыре четверти, да в Биринской, да в Желвацкой волостях на речке на Пле бортной ухожей пятнатцать четвертей с четвериком променил полюбовно Степану Афонасьеву сыну Опышкову в помесье со всеми угодьи. А против того он выменил у него Стапана в Путивльском уезде в Подгородном стану в деревни Чаплищах четверть с четвериком з бортным ухожьем и с рыбными и звериными ловли, и с сенными покосы. Да в Заморниковской волости в Титове дуброве у Святого озера и бортной ухожей

[75]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 35–35 об.

[76]Акулина Моисеевская дочь Черепова – внучка Василия Михайлова сына Черепова. Моисей Васильев сын Черепов – двоюродный брат Федора. В 1652 г., уже после смерти Моисея, часть его поместья была отписана на государя, как остаток после прожиточных поместий вдовы Агафьи и дочери Окулины. Чтобы не терять эту часть, Федор писал челобитную царю и получил эту часть себе в поместье (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10560. Л. 537 об.).

[77]Детальная роспись дач, из которых была составлена вотчина Федора Черепова 1677 г., представлена в спорном деле Гаврилы Михайлова сына Гамалеи о жалованной грамоте и справке на имения Федора Черепова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 397–397 об.).

десить четвертей. Да в Колодежской волости на реке на Рыле против села Коренского и Перина городища семь четвертей с осьминою[78].

Всего за Федором Череповым было помесья и с выменным сто двенатцать четвертей да вотчины сто пятьдесят четвертей.

По переписным книгам 186 (1678) году крестьянских и бобыльских десить дворов да три двора задворных людей».

В приведенном фрагменте справки мы видим, что в 1677 году Федор за свои службы получил от царя вотчину 150 четвертей. История ее получения будет представлена ниже.

Что касается дочерей Федора, то в 7179 (1671) году, 6 марта, он выделил в качестве приданого своим зятьям по 50 четвертей в Колодежской волости в пустоши Дикое поле на речке на Рыле да на речке Обесте. Отказ этих земель зятьям Федора состоялся в том же 1671 году[79].

С зятьями вышла небольшая путаница: из справки архива Государственной вотчинной коллегии 1760 года выходит, что муж Марьи — Василий Иванов сын Люшин из Новгорода Северского, а муж Анны — путивлец Андрей Иванов сын Щекин.

С другой стороны, при отказе этих земель в Путивле 3 июля 1671 года подьячим Путивльской приказной избы Василием Никитиным сказано: «За дочерьми своими за Анною да за Марьею вместо приданого Василью Люшину да Андрею Щекину» и, далее в этом же документе: «Василью да Андрею ис своево поместья путивлец Федор Иванов сын Черепов за дочерьми своими за Анною да за Марьею вместо приданого по пятьдесят чети человеку»[80]. Здесь в двух фрагментах указывается одно и то же, а именно что Василий Люшин — это муж Анны, а Андрей Щекин — муж Марии. Считаю, что наибольшей веры заслуживает отказная книга, поскольку это оригинальный документ, а справка 1760 года делалась как копия с него. В более позднем спорном деле Гаврилы Михайловича Гамалеи 1821 года этот вопрос полностью проясняется. Здесь приводится решение по спору Марины Череповой с ее тетями Анной и Марией[81]: «Велено той ево Яковлевой отцовской вотчины Черепова сту пятидесят четвертям быть по прежнему за дочерью ево девкою Мариною Череповою. А дача, что ис той вотчины сто четвертей дано было сестрам ево Яковлевым, а девкиным тетям, Анне Люшиной да Марье Щекиной, по прописанным в том приговоре обстоятельствам отставлена».

29 апреля 1676 года Федор Черепов передал свое поместье на Терну сыну Якову. Имеется запись в пошлинной книге Печатного приказа[82]: «В Путивль к стольнику ж и воеводе к дьяку по челобитью путивльца Якова Черепова. Велено в Путивльском уезде в пустоши диком поле на речке на Терне отца ево {Федора Иванова сына Черепова} поместье сто чети отказать ему Якову Черепову в поместье. Пошлин с чети рубль с четвертью взято. Припись дяка Ивана Рагозинина. Писал подячей Федор Истомин. Писано апреля в 29 день».

Имеются некоторые данные о поголовьях домашнего скота в поместьях Федора. К примеру, при набеге татар и черкас на Путивльский уезд зимой 1659 года в деревне Череповке у него было угнано 170 волов и коров: «Февраля в 4 день у путивльца у Федора Черепова в Путивльском уезде на речке на Терну в деревне Череповке воры черкасы и татровя побили и в полон взяли крестьян ево четырех человек з женами из детьми, да животины волов и коров сто семь десят»[83]. Не надо думать, что во всех поместьях Федора было такое же изобилие крупного рогатого скота. Исконным поместьем Череповых была деревня Лосино. В книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов это поместье Череповых указано как «старое». Федору досталась

[78]Таким образом, Федор вернул себе часть поместья дяди своего Василья Михайлова сына Черепова, сын которого – Иван Васильев сын (двоюродный брат Федора) умер ранее (где-то до 1664 г.), а его вдова Орина (Ирина) со своим прожиточным имением в 1664 г. вышла замуж за Степана Афонасьева сына Опышкова.

[79]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10561. Л. 171.

[80]Там же. Л. 172.

[81]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 398 об. – 399.

[82]РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 190. Л. 175 об.

[83]Записные тетради по Путивльскому уезду Гр. Долгорукова и Т. Безсонова: записи о числе лиц мужского и женского пола, взятых в полон во время набега воров, черкасов и татар, выжженных и разоренных ими сел, мельниц и пр., количества угнанного скота и проч. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Ед. хр. 1. Ч. 1. (6). 107). Л. 2 об.).

только третья ее часть с 6 дворами крестьян и черкас[84], поскольку две другие части были отписаны его дядьям. В то же время искони Череповы обладали бортным ухожеем «за рекою за Семью на Терну и на Курице». Это, в частности, отражено в книге Петра Мусорского. В этом месте была построена деревня Череповка[85], которая стала основным поместьем Федора. Клепальское городище являлось весьма незначительной частью его владений. Ввиду этого Федора Черепова нельзя считать именно клепальским помещиком. Похоже, что он наезжал туда только изредка, по делам, касающимся этого поместья. Федор Черепов, как помещик в Клепальском городище, упоминается в отписке путивльского воеводы о появлении черкас-изменников и татар и боях с ними в окрестностях Путивля и обложении ими полков князя Д.Н. Трубецкого под Конотопом[86]: Григорий Долгоруков в отписке, полученной в Розряде[87] во 167 (1659) года июля в 8 день, доносил: «Июня, государь, в 30 день в 10-м часу < … > прибежал {ко мне, путивльскому воеводе,} путивльской посадский человек Петрушка Редькин, а в роспросе тот Петрушка мне сказал: ездил де он из Путивля за реку за Семь в поместье путивльца Федора Черепова в деревню Клепало для своего дела … ».

СЛУЖБА ФЕДОРА ИВАНОВА СЫНА ЧЕРЕПОВА

Службу Федор Черепов начал в Путивле. В 1650 году, как один из лучших служилых людей, был послан князем Григорием Даниловичем Долгоруковым, осадившем Глухов, на переговоры о совместных военных действиях русских войск против гарнизона Глухова[88]:

«№ 1138-й. Два отрывка из отписок кн. Гр. Долгорукаго о военных действиях под Глуховом, о переговорах с глуховским полковником Львом Бутом, снятии осады с Глухова и отступлении царских войск к Севску и Путивлю

Чтоб он по твоему Указу шел ко мне в сход со всеми севскими служилыми людьми под Глухов на спех[89], чтоб над изменниками над глуховскими чсркасами, прося у Бога милости, промысл учинить[90] вскоре; и июня в 5 день писал ко мне он, Михайло[91], под Глухов, в табор, что по твоему де указу с ратными людьми в сход идти ко мне не велено, а велено де ему над изменниками над глуховскими сидельцами промышлять, списывался со мною, будет я под Глухов пойду, а ему де велено только присылать ко мне на помощь ратных людей, а в сход де он ко мне не пойдет, а у меня твоих ратных людей мало. И того ж числа изменники глуховскис сидельцы выходили на вылазку к моему табору трижды с двух сторон, и с теми изменниками был у меня бой, и на моем бою изменников глуховских сидельцев многих побили и гнали их до городской же стены и тех изменников осадили, и шанцы[92] под город подвели, и за помощью Божиею над изменниками над глуховскими сидельцами я, прося у Бога милости, промысл чиню, сколько милосердый Бог помощи подаст, а Михайло Дмитриев под Глухов пришел июня в 6 день и стал под Глуховом на речке на Есмани с другой стороны, и я посылал к нему, Михайлу, в табор путивльцев дву человек дворян да козаков двух же человек лучших людей: Федора Черепова с товарищи, а велел ему говорить, чтоб он со мною съехался и о твоем деле поговорил, чтоб над изменниками над глуховскими сидельцами промысл учинить вместе. И путивльцы Федор Черепов с товарищи, приехав ко мне, сказали, что он, Михайло, табором еще не уставился и через речку Есмань мосту не сделал, и съехаться де со мною ему не можно; а он, Михайло, табором стоит на той же стороне, на которой я стою, и съехаться было ему, Михайлу, со мною мочно...»

---

[84]Переписная книга 1646 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10556. Л. 101 об. – 102).

[85]История деревни Череповки в данной работе не рассматривается.

[86]Акты Московского государства. Т. 2. № 1144. 1659 г. / Под ред. Попова Н.А. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894. С. 672.

[87]Имеется в виду Разрядный приказ в Москве. Разря́дный прика́з или Разряд – государственное учреждение (орган военного управления, приказ) в Русском царстве XVI–XVII вв., ведавшее служилыми людьми, военным управлением, а также южными и восточными «окраинными» (пограничными) городами Русского царства.

[88]Акты Московского государства. Т. 2. № 1138. 1650 г. СПб., 1894. С. 666.

[89]На спех – быстро, поспешно.

[90]Промысел учинить – осуществить боевое мероприятие, военные или карательные действия.

[91]Воевода Михаил Михайлович Дмитриев.

[92]Шанец, шанц – небольшое земляное фортификационное сооружение, использовавшееся для защиты артиллерийских орудий.

В 1652 году князь Федор Андреевич Хилков был командирован из Москвы в Путивль, где вел переговоры с Богданом Хмельницким относительно присоединения Малороссии к России. Он дал Федору Черепову важное задание: послал его к гетману Богдану Хмельницкому с письмом о пограничных делах и с указанием проведать о текущих отношениях черкас с поляками. В частности, не затевается ли их война с крымским ханом. Такие вести имели государственное значение. Результаты поездки Федора Черепова к Богдану Хмельницкому были изложены в «Отписке Путивльского воеводы Ф. Хилкова о черкасских и польских вестях»[93] и доложены царю Алексею Михайловичу в Москве.

«№ 488-й. Отписка Путивльскаго воеводы Ф. Хилкова о черкасских и польских вестях

Путивльский воевода Федор Хилков да Петр Протасьев в отписке, полученной в Розряде 161 (1652) года ноября в 14 день, доносили: «В ныешнем во 161-м (1652) году октября в 8 день послали мы из Путивля в литовскую сторону в Чигирин к черкасскому гетману к Богдану Хмельницкому путивльца Федора Черепова да верстанаго козака Максима Плешиваго. А с ними писал я от себя к нему, к гетману, лист о расправных порубежных делех. А будучи в черкасских городех и у гетмана у Богдана Хмельницкаго, велели ему, Федору с товарищем, проведать всяких вестей, что у них черкас с поляки ныне делается, и есть ли у них о мирном деле договор, или меж ими чаять войны? И крымские и ногайские татаровя у гетмана есть ли, или в своей земле? И походу крымскому царю с воинскими людьми куды не чают ли? И для чего турский царь[94] к нему, крымскому царю, прислал саблю и кафтан? И октября ж в 29 день путивлец Федор Черепов и Максим Плешиваго из литовской стороны в Путивль приехали, а в роспросе нам сказали: у гетмана-де черкасскаго, у Богдана Хмельницкаго, они были за Днепром в городе Чигирине 2 дня, и им де, Федору и Максиму, сказывал гетман Богдан Хмельницкий, что он тебе, великому государю, вечный слуга. А будет де ему, гетману, учинится какое ведомо про крымских татар на твое государево Московское государство, и он де, гетман, рад тебе, государю, работать и вестно[95] о том чинить. Да к нему ж де, гетману, присланы были до их Федорова и Максимова приезду, от короля польскаго посланцы староста Белоцерковский пан Зацвилиховской с товарищи с тем, что быть с обе стороны о мирном подкрепленьи послом; а от короля по се время послы к нему, гетману, не бывали за моровым поветрием[96]. Да он же, гетман, сказывал им, что говорили де ему, гетману, королевские посланцы, пан Зацвилиховской с товарищи, чтобы ему, гетману, быть у короля в повиновеньи, и послов бы своих ему к тебе, государю, к Москве и к крымскому царю не посылать, так же бы де и с твоей, царского величества, стороны и от крымскаго царя послов ему, гетману, к себе не принимать. А в Белой бы де Церкви и в Паволочи, и в ивых городех черкасом и русским церквам не быть, а быть бы де в тех городех польским урядником и унии; на том бы де им договор учинить. И гетман де им, посланцом, в том отказал, а быть бы де у них по прежнему договору, как был договор преж сего у него, гетмана, с королем и с паны под Белою Церковью, а оного де договору он, гетман, не хочет. А для чего турской царь прислал к крымскому царю саблю и кафтан, и про то де они, Федор и Максим, у гетмана и у писаря у Ивана Выговскаго ничего не слыхали. Да они ж, Федор и Максим, нам сказали, что за Днепром в черкасских городех моровое поветрие в Крылове, в Белой Церкви, в Фастове и в иных городех во многих местех; да моровое ж де поветрие по сю сторону Днепра в украйных городех: в Ирклеи, в Жовнине, в Лубнах; а ехал де он, Федор и Максим, из Чигирина теми месты, в которых местех мороваго поветрия нет, на города: на Максимовку, на Уцтивицу, на Рашевку, на Ромон. И привезли они, Федор и Максим, ко мне лист от гетмана Богдана Хмельницкаго, другой лист и письмо от писаря черкасскаго, от Ивана Выговскаго, и мы те листы и письмо послали к тебе, государю, к Москве в Посольской приказ с Максимом Плешиваго».

Помета: «Такова ж в Посольском приказе».

В 7162 (1653/1654) году Федор Иванов сын Черепов был направлен на государеву службу.

В спорном деле о дачах Выгорева городища приводится выпись из Разрядного приказа от 15 апреля 1676 года, в которой описаны военные походы, в которых принимал участие Федор[97]:

[93] Акты Московского государства. Т. 2. № 488. 1652 г. СПб., 1894. С. 301.

[94] Турскій царь – турецкий султан.

[95] Вестно о том чинить – о том сообщить.

[96] Моровое поветрие – эпидемия чумы. В России она была в 1654–1655 гг. (*Прим. авт.*)

[97] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 36 об.

«Лета 7184 (1676) апреля в 15 день по Государеву Цареву и Великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца указу боярину князю Ивану Борисовичю Репнину, да Ивану Федоровичю Бутурлину, да думному дворенину Ивану Афонасьевичю Желябужскому, да дьякону Александру Алексееву, да Ивану Протопопову, да Ивану Рогозину, да Семену Струкову, да Дмитрею Федорову в памяти в Розряд за твоею Дмитриевою приписью написано: велено отписать в Поместной приказ к тебе, боярину, ко князю Ивану Борисовичю с товарыщи: путивлец Федор Черепов со 162 (1653/54) году на Государевых службах где был, и что ему поместной оклад с придачами, опричь придач со 176 (1667) году сентября с 1 числа, и Государеву службу служить он по выбору ль или по дворовому.

И в Розряде выписано: по указу блаженныя памяти Великого Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержца на ево Государевых службах путивлец Федор Иванов сын Черепов по наряду[98] был до отпуску во 162-м (1654/55) году и во 163-м (1655/56) году в первом литовском походе в полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого с товарыщи; во 163-м (1655/56) же и во 164-м (1656/57) году в другом литовском походе в полку боярина и дворецкого и воеводы Василья Васильевича Бутурлина с товарыщи. Во 166 м (1657/58) году и во 167-м (1658/59) году на Гон{с}евском бою в полку боярина и воеводы князя Юрья Алексеевича Долгорукова с товарыщи. А путивльском подлинном списку прошлого 176 (1667/68) году написан он Федор по выбору. А помесной ево оклад семь сот пятьдесят четвертей, опричь придачь со 176 (1669) году сентября с 1 числа. У подлинной подписано Петр Ковелин».

Итак, в этой выписи сказано, что Федор Черепов участвовал в русско-польской войне 1654–1667 годов. Мы не имеем сведений о конкретном участии Федора Черепова в тех или иных боевых действиях. По этой причине кратко опишем походы царских войск в указанные исторические периоды. В частности, воинских подразделений под командованием воевод, под началом которых он был. Находясь в этих полках, Федор Черепов, скорее всего, принимал участие в боях, которые они вели[99].

Первый поход царя состоялся в 1654–1655 годах. Федор служил в Большом полку под началом боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого, который был в составе Юго-Западной армии, которой также командовал Алексей Никитич.

С началом русско-польской войны 1654–1667 годов князь Алексей Трубецкой во главе Юго-Западной группировки (армии) русских войск выступил из Брянска в Литву. 27 июня 1654 года армии князя Трубецкого сдался Рославль, горожане «встретили с честью, добили челом и город сдали»[100]. 12 июля штурмом был взят оказавший сопротивление Мстиславль. 1 августа армия Трубецкого в составе Большого полка под командованием самого Трубецкого с другими полками переправилась на правый берег Днепра. 20 августа армия Трубецкого осадила Шклов. Хотя штурм в ночь на 27 августа завершился неудачей, 31 августа Шклов капитулировал. Армия Трубецкого получила приказ двигаться к последней литовской крепости в Поднепровье — Дубровне. Часть армии успела принять участие в осаде Дубровны, завершившейся взятием и сожжением города 12 октября. По окончании компании армия была распущена «на зимние квартиры».

Во втором литовском походе Федор состоял «в полку боярина и дворецкого и воеводы Василья Васильевича Бутурлина с товарыщи». Осенью 1655 года Василий Бутурлин вместе с Богданом Хмельницким руководил осадой Львова, которую пришлось прервать из-за вторжения в Гетманщину крупной армии крымского хана. В битве под Озёрной Бутурлин и Хмельницкий одержали победу над Мехмедом IV Гераем. В декабре 1655 года Бутурлин был вызван к государю, но, не доехав, умер в дороге.

В выписи из Разрядного приказа упоминается участие Федора Черепова в битве при селе Верки 11 октября 1658 года. Эта битва знаменита тем, что в ней был пленен польский литовский гетман Гонсевский.

---

[98] Наряд – приказание о посылке известного количества людей на службу, приказ, распоряжение. Быть на службах по наряду – быть на службе в соответствии с приказом.

[99] Здесь и далее при описании воинских походов использованы материалы Википедии: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пожарский_Семён_Романович; https://ru.wikipedia.org/Государев_поход_1654_года; https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва_под_Шепелевичами; https://ru.wikipedia.org/wiki/Бутурлин,_Василий_Васильевич. (08.08.2025).

[100] *Бабулин И.Б.* Князь Семён Пожарский и Конотопская битва. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 168 с.

Русской армией в этом бою командовал боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков. Как писал Долгоруков[101]: «Винценция Корвина подскарбия великаго гетмана польнаго Гонсевского взяли, и обоз его, и в обозе шатры его, и бунчук, и знамя его гетманское, и литавры, и знамёна гусарских, и рейтарских, и козацких, и драгунских рот, и полку его гетмана Гонсевскаго полковников, и подполковников, и ротмистров, и капитанов, и поручиков, и королевских стольников, и иных чинов многих людей взяли же. А ратных людей его, гетмана Гонсевскаго полку, побили на голову; и твои ратные люди его, гетмана Гонсевскаго, ратных людей секли на 15 верстах».

За военные подвиги Федор получил существенную прибавку к своему поместному окладу. До военных действий, в 1652 году, его поместный оклад составлял 450 четвертей[102]. А после, в 1677 году, — уже 750.

Между литовскими походами Федор Черепов был головой в городе Недригайлове. В то время он назывался «местечком». Дата его назначения на эту должность не известна. Скорее всего, это случилось в 1656 (или 1657) году[103]. Сдал он эту должность в 1658 году, непосредственно перед третьим литовским походом и битвой при селе Верки. По поводу этого есть две записи в пошлинной книге Печатного приказа, датированные 9 апреля этого года[104]: «В Недрыгалово к Федору Черепову. Велено Елизарю Безобразову быти в Недрыгалове на ево Федорово место. Пошлин рубль взято». «В Путивль к стольнику и воеводе к Григорью Зузину да к дьяку к Петру Малыгину. Велено ис Путивля в Недрыгалово о всяких делех писать к Елизарью Безобразову. Пошлин полполтины взято».

В РГАДА, в фонде Разрядного приказа, сохранилась грамота Елизара Безобразова царю Алексею Михайловичу 7167 (1658) года[105], в которой он описал прием города у Федора Черепова[106]: «Государю Царю и Великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу холоп твой Елизарка Безобразов челом бьет. В прошлом, Государь, во 166 (1658) году по твоему Государеву Цареву и Великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца указу и по наказу из Розряду за приписью дияка Григорья Богданова велено мне, холопу твоему, быть на твоей Государеве службе в Недрогалове на Федорова места Черепова. И велено мне, холопу твоему, у него Федора горад принять, и городовыя ключи, и вестовой колакол, и по гораду наряд[107], и в казне[108] зелья[109] и свинец, и всякая пушечныя запасы. И я, холоп твой, приехав в Недрогайлов, у Федора Черепова горад принял, городовыя ключи и вестовой колакол на передней башни, да в передних ворот тюфяк медной да пищаль медная полкавая стоит у наугольной башни против Березавского болота, да пищаль медная стоит у наугольной башни против церкви, да пищаль медная полкавая стоит у наугольной же башни, да пищаль железная <…>{фрагмент замят} стоит на угольной башни от реки Сулы, пищаль железная скорострельная у наугольной башни от валу, да пять пищалей затинных. Да в казне зелья пушечнава и ручнава четыря бочки неполныя. И свинцу, Государь, в казне немного. А весу зелья и свинцу неведама, потаму что в казне контаря и безмена нет. И о том мне, холопу своему, как ты, Государь, укажешь». Елизар Безобразов принял город у Федора Черепова. Ему были переданы городовые ключи, вестовой колокол[110] на передней башне, наряд по городу, медный тюфяк[111] (рис. 1) у передних ворот, пищаль медная полковая[112] (рис. 2) у угловой башни напротив Березов-

[101] Акты Московского государства. Т. 2. № 1035. 1658 г. СПб., 1894. С. 614.

[102] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10560. Л. 537 об.

[103] На должность городского головы назначались служилые люди, как правило, сроком на два года.

[104] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 87. Л. 350–350 об.

[105] Прием города производился в октябре 7167 (1658) г.

[106] Прием города Елизаром Безобразовым у Федора Черепова (РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ч. 1. Столбцы Севского стола. Ст. 190. I. 10) Недригайлова. Л. 120–122).

[107] Наряд по городу (городовой наряд) – крепостная артиллерия.

[108] Казна – всякого рода имущество, запасы, припасы.

[109] Зелье – порох. Зелейная казна – запасы пороха.

[110] Вестовой колокол – крепостной (городской) колокол, предназначенный для подачи сигнала об опасности.

[111] Тюфяк – огнестрельное оружие, род ружья или легкой пушки (в зависимости от размера), в виде железного или медного кованного ствола, использовавшееся для стрельбы картечью или ядрами. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тюфяк_(оружие) (31.01.2026).

[112] Пищаль полковая – легкое орудие, калибром обычно 1 гривенок. В то время калибры указывались по весу ядер. А сами ядра взвешивали в гривенках (это $^{1}/_{40}$ часть пуда = 1 фунт). Соответственно, вес такого ядра был равен приблизительно 400 г.

Рис. 1. **Тюфяк**

Рис. 2. **Пищаль полковая**

Рис. 3. **Пищаль скорострельная**

Рис. 4. **Затинная пищаль**

ского болота, пищаль медная полковая у угловой башни против церкви, пищаль железная у угловой башни, что у реки Сулы, пищаль железая скорострельная[113] (рис. 3), да пять затинных пищалей[114] (рис. 4). В казне (на складе) порох для пушек и ружей четыре неполных бочки и немного свинца. Елизар пишет царю, что не может знать, сколько в казне пороха и свинца, поскольку в Недригайлове нет контаря и безмена, чтобы их взвесить. В заключение спрашивает у царя указаний по этому поводу.

Отчет Безобразова был составлен недостаточно конкретно и, судя по всему, не по форме, принятой в то время. На обороте этого документа имеется припись неизвестного лица (скорее всего, дьяка Разрядного приказа), в которой дается нелицеприятная оценка способностям Елизара писать отчеты, «отписывать» царю: «Отписать: глуп ты, Безобразов, что отписать не умеешь. Принял ты пищали по городу медные и железные. А тово для чево, не написал, что пищаль медная, ядро по крожали[115] только гривенок[116], а весу в ядре только гривенок. Да к той же пищали <…>{замято} сколько ядр, да {ве}сом, а в <…> бочками полн… хто располнял и что вышло зелья. Взять контарь в Путивле веле{ть} <…> послать и перевесить и свинец…» К сожалению, далее эта запись неразборчива. Но смысл ее сводится к тому, что Безобразов не умеет отписать царю. В его грамоте не указаны калибры пищалей и сколько к какой пищали имеется ядер, а также в какой бочке сколько пороху, и, если бочки не полные, то кто и на какие цели брал этот порох. Оставшийся порох и свинец надо перевесить, а контарь и безмен взять в Путивле.

В результате в Недригайлов была направлена достаточно жесткая грамота[117]: «От Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца. В помяноте Елизарью Безобразову писал к нам Великому Государю, что ты, приехав в Недрыгалов, у Федора Черепова принял город и городовыя ключи и наряд, и ядра, и зелья, и свинец. А что к которой пищали ядер и в {с}колько гривенок которое весу ядро, и хто какого зельями бочкы <…> росполнал, для чего из них тое зелья в росход вышло. О том ты к нам Великому Царю глупостью своею и пьянством {!} не писал.

Диаметр ствола полковой пищали равнялся 46–55 мм. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пищаль (31.01.2026).

[113] Пищаль скорострельная – небольшая пушка, имеющая затвор. Она заряжадась не со ствола, а с «казенной» части. Там же.

[114] Пищаль затинная – тяжелое крепостное дульнозарядное ружье. Свое название пищаль затинная получила от древнерусского слова «тын» – ограда, укрепление. Это оружие предназначалось для обороны крепостей, и позднее его стали называть крепостным ружьем. Ружье имело крюк для упора в крепостную стену. В Московском государстве такие ружья получили широкое распространение в XVI в. Там же.

[115] По крожали (кружали), по кружалу – в соответствии с размером дула огнестрельного оружия, в соответствии с калибром.

[116] Имеется в виду полковая пищаль.

[117] РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ч. 1. Столбцы Севского стола. Ст. 190. I. 10) Недригайлова. Л. 121–122 об.

И как к тебе ся наша, Великого Государя, грамота придет <…> какова наряду и зелья, и свинцу, и всяких пушечных и хлебных запасов, и что к которой пищали ядер, и что в неполных бочках зелья, и хто имянем приказной человек с тех бочек и по какому нашему указу то зелья из них в росход выйдет.

И ты б то все велел написати подлинно по статьям. Да и о том нам, Великому Государю, отписал и роспись за своею рукою прислал.

А что в каких бочках зелейные казны порознь, и ты б о том писал в Путивль к стольнику и {во}еводе Григорью Долгоруково и к дьяку, чтоб они для того зелья прислали к тебе контарь. А в Путивль ко князю Григорю Долгоруково наш, Государя, указ о том послан. Как ты с тем контаре отпишешь, и тот контарь велено к тебе прислать в тот час. Писано на Москве лета 7167 (1658) ноября в 15 де{нь}.

Такова Великого Государя грамота послана того ж числа с недрыгаловцом».

Надо отметить, что Елизар Безобразов недолго руководил Недригайловым. Его сменил Михаил Офросимов. А 18 апреля 1660 года из Печатного приказа была направлена грамота в Недригайлов о повторном назначении Федора Черепова головой. Вот запись в пошлинной книге от 18 апреля 1660 года[118]: «В Недрыгалово к Михаилу Офросимову. Велено быть на ево Михайлово место путивльцу Федору Черепову. Пошлин по указу рубль взято». Таким образом, после третьего литовского похода Федор опять был назначен головой в Недригайлов.

24 июня этого года Федор Черепов отчитался царю Алексею Михайловичу о состоянии дел в городе. Его доклад заметно отличается от отчета Елизарья Безобразова. Он очень конкретный и представляет интерес как исторический документ, описывающий город того времени[119]:

«Государю Царю и Великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу холоп твой Федько Черепов челом бьет. В нынешнем, Государь, во 168-м (1660) году июня в 8 день по твоему, Великого Государя, указу и по грамоте, и по наказу из розряду за приписью дьяка Василья Орехова велено мне, холопу твоему, быть на твоей, Великого Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца, службе в Недрыгайлове на Михайлово место Офросимова.

И велено мне, холопу твоему, у Михаила Офросимова принять город Недрыгайлов по строг{ости} со всякими крепостьми, и городовыя и острожныя ключи, и твою, Великого Государя, зелейною и свинцоваю казну, и по городу наряд, и в житницах хлеб, и всякия пушечныя и хлебныя запасы, и запасною соль, и деньги, что есть в зборе, и твои, Великого Государя, указныя грамоты о всяких делех, и списки недрыгайловцав детей боярских и козаков, и пушкорей, и воротников[120], и ко… и черкас и всяких служилых {далее повреждено}. Приходныя и расходныя деньгам и хлебу, и пушечным запасам, и книги ж недрыгайловским служилым и жилецким людем, каторыя приведены из городов в Недрыгайлов на вечноя житья, и каторыя, Государь, служилыя люди присланы в Недрыгайлове.

И я, холоп твой, приехав в Недрыгайлов, у Михаила Офросимова город Недрыгайлов и к старому гораду Недрыгайлову новоприбавленой острог[121], и городовыя и козенныя ключи, и в казне твою, Великого Государя, зелейною и свинцоваю казну, по городу наряд, и твои, Великого Государя, грамоты о всяких делех, и списки недрыгайловцов детей боярских и козаков, и пушкарей, и черкас, на которыя приброны в Недрыгайлове, принел.

А горад, Государь, Недрыгайлов строенья черкаскаго ветошен, башни не покрыты и углы построжныя стены огнили и разволялись[122]. Да к старому Государеву гораду Недрыгайлову новоприбавлено острогу, принето вновь для осады. От передних варот и от наугольной башни да отводного рукова не поставлено по валу острогу тритцати трех сажень. Да подле Березовского болота от рукова, да к середней башни, да последнего рву {далее повреждено} по Березовского болота да реки Сулы выкопан ров, и по валу острогу

[118] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 98. Л. 144 об.

[119] РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Ст. 180. III. 6) Недригайлова. Л. 548–551.

[120] Воротник – тот, кто охраняет городские или крепостные ворота, караульный.

[121] Острог – 1) частокол, палисад из заостренных сверху бревен, плотно пригнанных друг к другу и вбитых в землю; 2) укрепление, крепость.

[122] Разваляться – разрушиться.

вновь поставлено восмьдесят сажень. А порожжего, Государь, место от Березовского болота по том же валу к реке Суле и от реки Сулы к старому гораду, да на угольной башни не поставлено острогу семидесят осмь сажень.

А по гораду, Государь, наряду в передних ворот тюфяк медной, и тот тюфяк в приход воинских людей фаставой шруб[123] изорвало. Да к нему пол пуда дробу да пять пищалей полковых. А к тем пищалем сто дватцать ядр железных. Да пять пищалей затинных в столках {?}. А к ним по десяти пулек железных, рушница мелкоя.

А у твоей, Великого Государя, зелейныя и свинцовыя казны в козенном погребе пушечного и ручного зелья четыре полубочка. А весом, Государь, в тех полубочках пушечного и ручного зелья тритцать пуд восмь гривенок. Да свинцовыя казны два корытца[124] да две глыжи[125]. А весу в них восмь пуд. Да сеченого свинца сорок пять фунтов. И ту твою, Великия Государя, зелейною и свинцоваю казну принел я, холоп твой, у него у Михаила, перевесив на ресловой безмен, потому что Недрыгаилове контаря нет.

А по смотру, Государь, и по смете принел я, холоп твой, у него Михайла по спискам недрыгайловцав ж детей боярских сто шесть десят семь человек, а казаков и пушкорей сорак человек. А которыя, Государь, недрыгайловския черкасы старава и новаго выезду по твоему, Великого Государя, указу и по розбору Московского дворенина Романа Игнатьева переписаны в твою, Великого Государя, полкову службу, и те, Государь, недрыгайловския черкасы по твоему, Великого Государя, указу и по отписке из Белагорода окольничево и воеводы князя Григорья Григорьевича Ромодановского из Недрыгайлова, взяты на твою, Великого Государя, службу в Белгород. Да тово ж, Государь, разбору московского дворенина Романа Игнатьева по имянным списком за ево рукою отставных недрыгайловских черкас старых и увечных, и мещан, и пахотных мужиков сто семьдесят три человека.

Да при нех я, холоп твой, у Михаила Офросимова твою Великого денежныя казны, что осталась в прошлом во 167 (1659) году от роздачи недрыгаиловцав детей боярских и козаков, и пушкарей двацать пять рублев.

С атписки навести посылаютца в Каменоя и в черкаския горады в Ромон ив Гадиечя недрыгайловцы дети боярския и козаки. А на вестя, Государь, в городех стоят по две недели безпрестанно.

А в Недрыгайлове, Государь, стрельцов и воротников, и козенных кузнецов, и в го{роде}, и в острогу тайников, и колодязей, и приказныя избы, и тюрьмы, и запасныя соли и жит{ных}, и всяких хлебных запасов, и с судных дел твоя, Великого Государя, пошлинных и всяких неокладных денежных даходав нет.

А вестовой, Государь, колакол в прошлом во 167 (1659) году из Недрыгайлова отослан к тебе, Великому Государю, к Москве розбитым, и о том мне, холопу твоему, что ты, Государь, укажешь.

А с сею отпискою послан из Недрыгайлова к тебе, Великому Государю, к Москве недрыгайловец Лука Котельников. Июня в 24 день».

Итак, что мы видим в этой отписке? Во-первых, Федор принял у Михаила Офросимова городовые и казенные ключи, пушки, запасы свинца и пороха, царские грамоты о разных делах, списки детей боярских и казаков, пушкарей и вольных черкас. Во-вторых, он отмечает, что к старому городу Недригайлову был недавно прибавлен острог. То есть укрепление, крепость.

Далее идет их описание. Отмечено, что город «черкасского строенья» и «ветошен» (старый, ветхий, находится в упадке). Угловые башни не покрыты крышами, углы деревянных стен сгнили и развалились. Прибавленный к городу острог в некоторых местах не достроен. А именно, не поставлены стены из заостренные вверх бревен на участке от передних ворот до угловой башни 33 сажени (около 70 м). Возле Березовского болота, от въездных ворот, от отводного рукава[126] до серединной башни и до последнего рва, до реки Сулы выкопан ров. И по валу поставлен острог 80 саженей (около 173 м). На валу также нет стены

[123] Значение слова не установлено.

[124] Корытце – мера объема. Точное значение установить не удалось.

[125] Глыжа, глыза – ком, комок. Точное значение этой меры объема установить не удалось.

[126] Отводной рукав – предкрепостное укрепление у въездных ворот, служившее для предотвращения их быстрого захвата. (*Прим. авт.*)

на участке от Березовского болота по этому же валу к реке Суле и от реки к старому городу до угловой башни 78 саженей (168 м).

В части городового наряда (пушек): у передних ворот имеется тюфяк, но он поврежден («хвостовой шруб изорван»). Для тюфяка имеется полпуда дроби (8 кг). В наличии 5 полковых пищалей и к ним 120 железных ядер. Дополнительно есть 5 затинных пищалей. К ним по 10 пулек. Да рушница мелкая[127].

Таким образом, со времени сдачи города Елизару Безобразову (полтора года назад), из городового наряда сохранились все пищали: 5 полковых (3 медных и 2 железных), 5 затинных и 1 скорострельная. Разорванным и непригодным к использованию оказался тюфяк.

За истекшее время в Недригайлове разбили вестовой колокол. Это случилось, скорее всего, при набеге татар на Путивльский и Недригайловский уезды зимой и весной 1659 года. Разбитый колокол в том же году был отправлен в Москву. Недригайловцы были не одиноки в своих чрезмерных усилиях, прилагаемых к вестовому колоколу. Такой же случай произошел ранее в Путивле при набеге татар в 1644 году. Материал по этому происшествию представлен в приложении 1 к данному разделу.

В подвалах, в казенном погребе, имелось 4 полубочки пороха весом 38 пудов и гривенок (608,4 кг). Свинца 2 корытца и 2 глыжи весом 8 пудов (128 кг), а также 45 фунтов (18 кг) дробленого свинца. Все эти запасы Федор свесил на ресловом[128] безмене.

В то время по спискам в Недригайлове было 167 детей боярских; казаков и пушкарей — 40 человек. Старых и покалеченных черкас, мещан и пахотных мужиков — 173 человека.

В казне было 25 рублей, оставшихся после денежных раздач за службу детям боярским, казакам и пушкарям.

Дополнительно отмечено, что в Недригайлове нет запасов соли, житных и всяких хлебных запасов. Из служилых людей нет стрельцов, воротников и казенных кузнецов. В городе нет приказной избы и тюрьмы. В остроге нет тайников и колодезей. В казне нет денежных доходов от судных дел.

Федор Черепов, как голова в Недригайлове, упоминается в декабре 1660 года в отписке князя Г.Г. Ромодановского об измене черкас Полтавского полка[129]: «Да тово ж, Государь, числа {5 декабря 1660 года} писал нам из Недригайлова Федор Черепов. Писали де ему из Ромна сотник, что де гетман Юрья Хмельницкий послал от себя наказного гетмана Петра Дорошенка с ляхи и с татарами, и перешли де Днепр ноября в 27 день, а идит де к Гадичу».

Федор Черепов пробыл в Недригайлове до 1662 года, когда на его место был назначен Ефим Самойлов в награду за пребывание в плену («за полонное терпение»). Имеется соответствующая запись в пошлинной книге Печатного приказа от 5 апреля 1662 года[130]: «В Недрыгайлово к Федору Черепову. Велено черниговцу Ефиму Самойлову быть в Недрыгайлове на ево Федорово место за полонное терпение. Пошлин рубль медные для полонского терпенья взято. Апрель в 5 день».

Служба Федора Черепова в период с 1662 по 1672 годы не известна.

В 7181 (1672/73) году в Путивле был построен царский двор «для его Государева похода» и Федор Черепов вместе с Иваном Масалитиновым и Родионом Яцыным были назначены смотрителями этого двора[131]: «В прошлом во 181 м (1672/73) годе по указу блаженные памяти Великого Государя Царя и великого князя Алексея Михаиловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца для его Государского походу построен и с приказу Тайных дел в Путивле его Государев двор со всяким дворовым строеньем. А по путивльским годовым сметным росписям прошлых лет с 181 (1672/73) году у тово двора у досмотру были путивльцы Федор Черепов, Иван Мосалитинов, Родион Яцын». Такая вот почетная служба на старости для лучших людей города.

Весной 1677 года Федор пишет челобитную царю с просьбой об отставке от службы «за старостью». Просьба была удовлетворена, и 5 мая 1677 года из Печатного приказа была направлена соответствующая

[127] Речь идет о скорострельной пищали.
[128] Термин «ресловой» не установлен.
[129] Акты Московского государства. Т. 3. № 254. 1660 г. СПб., 1901. С. 258.
[130] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 108. Л. 250 об.
[131] РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ст. 10. III. 7). Л. 359–360.

грамота. Вместо Федора было велено служить его сыну Якову[132]: «В Путивль к стольнику и воеводе к Луке Ляпунову и к дьяку к Ивану Черневу. Велено путивльца Федора Черепова по его челобитью за службы и за старостью от Государевы службы отставить. А вместо ево велен{о} служить сыну ево Якову. Пошлин полтина взято. Припись дьяка Петра Ковелина. Справка Юрьи Охотницкова. Писана майя в 5 день».

ПОЛУЧЕНИЕ ВОТЧИНЫ ФЕДОРОМ ЧЕРЕПОВЫМ

Немногим ранее, в начале 1676 года[133], Федор подал прошение (челобитную) царю Федору Алексеевичу с просьбой дать ему вотчину за службы, «за раны и за кровь». При этом он сослался на указ царя Алексея Михайловича (отца Федора Алексеевича)[134].

Ход дела о вотчине Федора Черепова описан в спорном деле о дачах Выгорева городища. Для начала приведем текст его челобитной[135]:

«Царю Государю и Великому князю Федору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержцу. Бьет челом холоп твой путивлец Фетька Иванов сын Черепов. Служил я, холоп твой, Блаженные памяти отцу Твоему Государеву и Великому Государю Царю и Великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержцу со 160 (1652/53) году в походех. Во всех литовских походех все Твои, Великого Государя, службы з бояры и воеводы по наряду с приезду и до отпуску. А за те, Государь, службы по указу блаженные памяти отца Твоего Государева ис поместей наших велено довать нам, холопем Твоим, вотчину. И за те, Государь, службы мне, холопу твоему, против моей братьи ис поместья моего в вотчину не дано. А служил я, холоп твой, по выбору. Милосердный Государь Царь и Великий князь Федор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, пожалуй мя, холопа своего, за мои службы и за кровь, вели, Государь, дать мне, холопу своему, ис помесья моего вотчину. Царь Государь смилуйся».

По данному прошению 15 апреля 1676 года царь дал указ боярину князю Ивану Борисовичу Репнину (судье Поместного приказа), а также окольничему Ивану Федоровичу Бутурлину, думному дворянину Ивану Афанасьевичу Желябужскому, и служащим Разрядного приказа о детальных описаниях поместий Федора Черепова и его государевых службах. Описание воинских походов Федора было составлено в виде выписи из Разрядного приказа за приписью дьяка Петра Ковелина. Этот документ был представлен выше, при описании участия Черепова в русско-польской войне 1654–1667 годов. Была также сформирована память[136] из Поместного приказа о его поместьях (она приведена выше, при описании поместий Федора). На основании этих документов была оформлена помета, которую направили в Разрядный приказ. На низшем уровне этот документ обсуждался подьячими Московского стола. Спора и возражений с их стороны не последовало[137]: «И против сей пометы о Федорове поместье Черепова, что он бьет челом за службы ис поместья своево в вотчину, Московского стола подьячие спору и челобитья у себя не сказали». Соответственно, документы были переданы «наверх» для принятия решения. 6 апреля 1677 года «боярин князь Иван Борисович Репнин с товарыщи, слушав сей выписи, приказали справить за ним ис поместья ево в вотчину за ево службы и дать Великого Государя жалованную грамоту и записать в книгу».

Саму жалованную грамоту найти не удалось, но в указанном выше спорном деле дана ссылка на запись в книге жалованных грамот от 30 апреля 1677 года: «В записной книге жалованных грамот 185-м (1677) году апреля 30 дня во 2-й книге на 322 м листу написано: Дано путивльцу Федору Иванову сыну Черепову за ево службы ис поместья ево в вотчину с помесного ево окладу семи сот пяти десяти четвертей со ста

[132] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 194. Л. 62.

[133] Точная дата не известна.

[134] Имеется в виду свод законов того времени – Соборное уложение 1649 г., где в главе XVII «О вотчинах» сказано: «А родовым и выслуженым вотчинам государь указал и бояре приговорили быти по правилом Святых Апостол и Святых Отец и по уложению прежних государей» (статья 4).

[135] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 36.

[136] Память – общее название письменных сообщений, деловых записей, документов (обычно применявшихся при сношениях не подчиненных друг другу учреждений и лиц.

[137] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 37.

по дватцати четвертей итого сто пятьдесят четвертей из ево поместья в вотчину в Путивльском уезде в Подгородном стану треть деревни, что было селище Лосино на реке на Клевени {1 четверть с третником}[138], жеребей деревни, что было селище Чаплищи верхнея сторона на реке на Семи {3 четверти с полутретником + 3 четверти с осьминой}, бортной ухожей в Чаплищах с рыбною и звериною ловлею {11 четвертей с осьминою за четвертную пашню}. Пустошь дикое поле на речке на Терну и по Байкову логу, и по речке по Цыпке в урочищах и межах с Ывановским поместьем Шулешкина, по старинную Терновскую дорогу, что ездят ис Путивля поверх речки Цыпки, и по Байкову логу чрез речку Терн на старинную гать, что ездят к Недригайлову на вострой клин. Да вверх речкою Терном по обе стороны до городища Котла. А от городища Котла до верховья речки Терну. От верховья речки Терну прямо на верх речки Курицы. А на низ речкою Курицею (правая сторона) по Курицкое городище. А от Курицкого городища по ево старинное помесье {5 четвертей с осьминой + 125 четвертей}[139]. А по путивльским книгам письма и меры Петра Мусарского да подьячего Гаврилы Федорова 136 (1628) и 137 (1629) и по дачам 148 (1640), и 168 (1660) и 181 (1673) году в той ево Федорове вотчине написано пашни сто пятдесят четвертей в поле, а в дву по тому ж.

И на ту ево Федорову вотчину Черепова Великого Государя жалованная вотчинная грамота дана. С подлинною Великого Государя грамотою чол Демка Истомин». Дело о вотчине Федора Черепова рассматривалось в Москве ровно год.

Если обратиться к пошлинной книге Печатного приказа, то запись об отправке жалованной грамоты датирована той же датой — 30 апреля 1677 года[140]: «Жалованная печатная грамота на вотчину путивльцу Федору Иванову сыну Черепову, что ему дано за ево службы, которая всчелася ва 162 (1654) году на польское и на литовское королевство из ево ж поместья в Путивльском уезде в Подгородном стану на треть деревни, что было селище Лосино, на жеребей деревни, что было селище Чаплищи, на сто на пятьдесят чети. Пошлин полполтины взято. Подпись дьяка Ивана Рагозинина. Справка Гарасима Соболева. Писана апреля в 30 день».

Интересно отметить, что этой же датой в Путивль были отправлены еще три жалованных грамоты на вотчины: Родиону Никифорову сыну Яцыну, Гаврилу Семенову сыну Вощинину, Андрею и Ивану Ивановым детям Щекина (умершему их отцу Ивану). Причем все они были пожалованы вотчинами за одни и те же заслуги: «за ево службы которая всчелася в 162 (1654) году на польское и на литовское королевство». Таким образом, мы можем расширить список служилых людей Путивля, участвовавших в русско-польской войне и добившихся вотчин за свои службы. Теперь понятно, почему «для присмотру» царского двора в Путивле был назначен, кроме Федора Черепова, Родион Яцын.

Получение вотчины в то время являлось большой редкостью для путивльских служилых людей. К примеру, в переписной книге 1678 года в Подгородном стане Путивльского уезда, кроме Федора Черепова, указаны только три помещика, имеющие вотчины: Родион Никифоров сын Яцын, Никифор Сергеев сын Яцын и Василий Яковлев сын Яцын[141].

СМЕРТЬ ФЕДОРА ЧЕРЕПОВА

Федор Иванов сын Черепов умер в конце 7188 (1679) года. В спорном деле о Выгоревом городище указано на челобитную его сына Якова от 23 декабря 1679 года о переписи на него поместья умершего отца[142]: «И во 188 (1679) году декабря в 23 день бил челом путивлец Яков Федоров сын Черепов, чтоб вышеписанное отца ево Федорова помесье Черепова справить за ним».

[138] Уточнения по размерам дач указаны мной.

[139] 125 четвертей – старинное поместье Федора Черепова. Детальная роспись дач, из которых была составлена вотчина Федора Черепова 1677 г., представлена в спорном деле Гавриила Михайлова сына Гамалея 1821 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 397–397 об.).

[140] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 194. Л. 106 об.

[141] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10557. Л. 39 об., 40 об.

[142] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 35 об.

Другой источник, относящийся к смерти Федора Черепова, находим в документах Разрядного приказа о государевом дворе в Путивле. Здесь указывается[143]: «А по розборным книгам[144] 188 (1680) и 195 (1687) годов по сказке окладчиков те путивльцы Федор Черепов и Иван Мосолитинов померли. А в годовой же сметной росписи нынешняго 196 (1688) году у того дворового досмотру написан путивльской пушкарь Тимошка Лу{далее неразборчиво}». Здесь сказано, что в разборной книге 7188 (1679/80) года сказано, что Федор Черепов умер, что совпадает с датой смерти, указанной в грамоте Якова Черепова на передел поместий отца. Уже 8 января 1680 года поместья и вотчина Федора переданы его единственному сыну Якову[145]: «Во 188 (1680) году генваря в 8 день Федорово поместье и вотчина Черепова дано сыну ево путивльцу Якову Черепову».

Федор Черепов, как и отец его Иван, всю жизнь посвятил службе царю и получил отставку только за полтора года до своей смерти. По службе он намного превзошел своего отца и к преклонным годам имел поместный оклад 750 четвертей (у Ивана было 550). По службе ему давали очень важные поручения. Он неоднократно назначался головой в Недригайлов. За три похода в русско-польской войне царь пожаловал его вотчиной, что говорит о высокой оценке его службы. Федор стал одним из немногих на то время вотчинников в Путивле.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ВЕСТОВОЙ КОЛОКОЛ В ГОРОДЕ ПУТИВЛЕ

Вестовой колокол предназначался для подачи своим звоном срочных вестей или, как говорили, «сполохов»[146]. «Это был сигнал о приближении врага, и звон этот существенно отличался от церковного. Колокола привозили из Москвы со специальным сопровождением и предписанием звонить только в случае тревоги и с "большим бережением". В свою очередь местный воевода проверял качество колокола и мог от него отказаться, если колокол дребезжал или был "мал и незвучен". Ведь от звона вестового колокола зависели жизни людей, которые могли быть за пределами крепости в момент приближения врага — на пахоте, в посаде, в слободах. Они должны были услышать звон и успеть укрыться в крепости, а служилые люди — изготовиться к бою»[147].

Вестовой колокол был разбит в Путивле в 1644 году при набеге татар. В 1646 году он был отправлен в Москву. Прошло полгода, а новый колокол из Москвы не был прислан. По этому поводу путивльский стольник и воевода, боярин и князь Юрий Алексеевич Долгоруков писал царю Алексею Михайловичу[148]: «Государю Царю и Великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Юшка Долгорукой челом бьет. Нынешнего, Государь, 154 (1646) году апреля в 8 день писал я, холоп твой, к тебе, Государю, в Розряд с путивльцом с Василем Бурого о путивльском вестовом колоколе, что в Путивле, Государь, вестового колокола нет. А без вестового колокола в Путивле быть нельзе, потому что бывает всполохи частые па татарским вестям. А которой, Государь, вестовой колокол прислан был с Москвы в Путивль в прошлом во 152 (1644) м году и в татарской, Государь, приход тот колокол розбили. И тот, Государь, розбитой весто-

[143] Назначение в 196 г. путивльца Ив. Афан. Меньшого Некрасова в Путивль у государева двора для досмотру на место умерших Фед. Черепова и Ив. Мосалитинова (РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Ст. 10. III. 7). Л. 358–362).

[144] Разборные книги составлялись со второй половины XVII в. Они создавались с целью контроля боеготовности воинов. В них заносились сведения о наступательном и защитном вооружении помещиков и их боевых холопов и о конях (т. н. *конность, людность, оружность и доспешность*). Также в них могла содержаться информация о землевладении дворян и детей боярских (расположение и размеры поместий и вотчин, количество крестьян в них). Разборные книги заменили ранее составлявшиеся десятни (см. разд. 1.4.2).

[145] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 4.

[146] Всполох – 1) переполох, паника; 2) неожиданное нападение, застающее врасплох; 3) сигнал тревоги, набат.

[147] *Андрусенко Е.А.* Зачем воевода крепости Оскол проверял колокола. [Электронный ресурс] // Оксокольский край: [сайт]. URL: https://oskol-kray.ru/articles/istoriya/2023-11-11/zachem-voevoda-kreposti-oskol-proveryal-kolokola-357393 (08.08.2025).

[148] О присылке нового вестового колокола в Путивль (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Столбцы Белгородского стола. Ст. 202. Л. 71–72).

вой колокол послан ис Путивля к тебе, Государь, к Москве до моего, холопа твоего, в Путивль приезду при воеводе князе Василье Львове. В нынешнем во 154 (1646) м году февраля в 23 день с путивльцом с Василем Новиковым. Ив тово, Государь, розбитого вестового колокола место иной вестовой колокол в Путивль июня по 21 число с Москвы не прислан».

Воевода пишет, что в Путивле никак нельзя без вестового колокола, поскольку часто случаются татарские набеги, «всполохи частые па татарским вестям». Из грамоты мы видим, что колокол был прислан из Москвы в 1644 году. В этом же году, летом, при набеге татар на Путивльский уезд, в него столь усердно били, что он был разбит.

28 июня 1646 года из Москвы была направлена в Путивль грамота царя: «От Царя и Великого князя Алексея Михаиловича всеа Русии в Путивль стольнику нашему и воеводе князю Юрью Олексеевичю Долгоруково. Марта в 8 день писал есми нам и прислан путивльской розбитой вестовой колокол весом семнатцать пуд семь гривенок. И по нашему указу тот розбитой вестовой колокол на Москве перелит и послан в Путивль с путивльцом Сергеем Некрасовым. И ты б тот вестовой колокол велел у него взять. И велел ево устраить на городе в прежнем месте или инде, где пригож. И по вестем велел в той вестовой колокол бить бережно, чтобы < … > {фрагмент утерян} Писано на Москве лета 7154 (1646) июня в 28 день».

В этой грамоте говорится, что из разбитого колокола в Москве на Пушечном дворе вылили новый, который направили в Путивль с Сергеем Некрасовым. Царь велит этот новый колокол установить на место разбитого или где это будет удобно и впредь бить в него бережно.

Важно отметить, что в грамоте царя указан вес путивльского вестового колокола: «семнатцать пуд семь гривенок», то есть около 275 кг. По Н.И. Оловянишникову[149], такого веса колокол (без языка) имел нижний диаметр 75 см и высоту 82 см. Вес языка составлял 13,75 кг. Скорее всего, вестовой колокол Путивля был несколько крупнее недригайловского, поскольку размер и вес колокола зависели от размера города, для которого он предназначался[150]. К примеру, вестовой колокол города Оскола (центра Оскольского уезда)[151], присланный царем в 1645 году, был по размеру приблизительно таким же, как путивльский, и весил 15 пудов (240 кг).

А что же делали служилые люди, когда старый колокол был разбит, а новый еще не доставлен? В таком случае для оповещения пользовались вестовой пушкой.

1.4.5. Набеги татар

В предыдущем разделе, при описании жизни и деятельности Федора Иванова сына Черепова, была частично описана весьма неспокойная ситуация в Путивльском уезде. А именно частые набеги крымских татар и черкасских атаманов на город Путивль и его окрестности. В этом разделе остановимся на документах, касающихся таких набегов в 40–60-х годах XVII века.

НЕБОЛЬШОЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ[152]

Крымско-ногайские набеги на Русь начались в конце XV века после обособления Крымского ханства, в котором большое значение имели набеговое хозяйство и работорговля. Наибольшую интенсивность набеги приобрели в XVI–XVII веках. Они совершались почти каждый год, и продолжались с несколько меньшей остротой вплоть до присоединения Крымского ханства к Российской империи в конце XVIII века.

[149] *Оловянишников Н.И.* История колоколов и колокололитейное искусство. М.: Изд. Русская панорама, 2010. 520 с.

[150] *Бондаренко А.Ф.* Вестовые колокола для городов-крепостей Российского государства на Московском Пушечном дворе в XVII веке // Военно-исторический журнал. 2006. № 8.

[151] Ныне город Старый Оскол Орловской области.

[152] Крымско-ногайские набеги на Русь // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Крымско-ногайские_набеги_на_Русь (08.08.2025)

Основной целью набегов на русские земли являлся захват «ясыря» — невольников, которые продавались в рабство в Османскую империю и прилегающие средиземноморские (в том числе христианские) государства либо оставались в качестве рабов в пределах самого Крымского ханства.

Путивльский край особенно страдал от набегов в середине XVII века. Перечислим некоторые из них:

1644 г. Татарское войско в количестве 30–40 тысяч человек сосредоточилось у северных границ Крымского ханства, на реках Орели и Самаре к началу августа. Используя оставшуюся неперекрытой Муравскую дорогу, татары вторглись в Путивльский уезд. В конце августа и начале сентября они захватили большой полон в пределах Путивльского, Рыльского, Севского уездов, Комарицкой волости, а также в примыкавших к России районах Польши. Полон оценивался «в треть татарского войска» и превышал, видимо, 10 тысяч человек. Полки дворянской конницы располагались на Оке и не оказали никакой помощи населению юго-западных уездов. Население защищалось от татар в городах и острожках, в лесах и оврагах. Служилые люди Белгорода, Яблонова, Корочи выходили для схватки с татарами в открытое поле, но не смогли отразить во много раз превосходящие силы врага.

1645 г. На этот раз по приказу крымского хана татары осуществили зимний набег. Вновь страшному разгрому подверглись юго-западные русские уезды. В декабре того года стояли особенно сильные морозы, от холода и голода погибли многие русские пленники, почти все они были обморожены. По подсчету советского историка А.А. Новосельского, число полоняников, взятых татарами в 1645 году, превышало 6 тысяч. Разорению подверглись Рыльский, Путивльский и Комарицкий уезды.

1659 г. 29 июня 1659 г. в битве под Конотопом объединенное казацко-татарское войско под командованием украинского гетмана Ивана Выговского и крымского хана Камиль Мухаммед-Гирея разгромило русский отряд под командованием князей Семена Пожарского и Семена Львова. Русский отряд попал в казацко-татарскую засаду и был практически полностью вырезан. Князь Пожарский был взят в плен и по приказу крымского хана казнен. Главные силы русской армии под командованием князя Алексея Трубецкого стали отступать от Конотопа на Путивль. Казаки и татары неоднократно атаковали русские позиции, но были отражены.

1660 г. Осенью крымский хан Мехмед Гирей и мятежный украинский гетман Юрий Хмельницкий предприняли нападение на приграничные московские владения. Вначале союзники (татары и казаки) учинили разорение в тех левобережных городах и крепостях, население которых сохраняло верность России. В октябре татары и казаки разорили окрестности Переяславля. Под командованием хана находилось до 80 тысяч татар и 2 тысячи янычар. Юрий Хмельницкий вел с собой 2 тысячи казаков и тысячу поляков. Крымский хан стал лагерем на реке Семи на правой стороне между Конотопом и Путивлем. Оттуда хан и гетман отправили свои конные отряды на окрестные русские уезды. В ноябре татары и казаки воевали Кромской и Елецкий уезды, приходили под Недригайлов, Карпов и Ефремов.

1661 г. Крымские татары осуществили множество набегов на пределы Русского государства, преимущественно на левобережные города и уезды Украины. В январе татары и черкасы совместно напали на Ахтырку, разорили городские посады, жгли села и деревни. В феврале крымцы «воевали» под Путивлем и Конотопом. В марте подходили под город Вольный.

1662 г. В январе крымский хан Мехмед IV Гирей с большой ордой (до 80 тысяч человек) прибыл на Левобережную Украину. Вместе с ним находился гетман-изменник Юрий Богданович Хмельницкий, имевший под своим командованием 20 тысяч казаков и 2 тысячи поляков. Крымский хан расположился лагерем в местечке Красном, под Конотопом. Оттуда он разослал отдельные «загоны» на близлежащие русские владения. Татары разорили Севский, Рыльский, Путивльский и Курский уезды. Крымцы появлялись в Карачевском, Орловском, Новосильском и других уездах.

1663 г. Крымско-татарские отряды продолжали военные действия на Левобережной Украине. В марте татары и казаки воевали под Голтвой и Кременчугом. Союзники разорили окрестности Гадяча, Лубен, Ични, Лохвицы и Глинска. Весной того же года татарские загоны вторглись в соседние русские земли, где «повоевали» Путивльский, Рыльский и Карачевский уезды.

1664 г. Крымские и ногайские мурзы со своими отрядами участвовали в военной компании польского короля Яна Казимира Вазы на Левобережной Украине. Поляки и литовцы захватили несколько небольших

украинских городов и крепостей, а их союзники — крымские татары и ногайцы — рассеивались по окрестностям и занимались сбором «ясыря». Польско-литовские отряды доходили до Новгород-Северского, Карачева и Рыльска. Татары же, по своему обыкновению, опустошили более широкую территорию — Ливенский и Брянский уезды, были под Валуйками и около Воронежа. Были разорены Севский, Рыльский, Путивльский, Карачевский, Орловский, Кромской и Курский уезды. Взято в плен около 20 тысяч человек.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О НАБЕГАХ ТАТАР НА ПУТИВЛЬСКИЙ УЕЗД

Рассмотрим документы, касающиеся набегов татар на Путивльский уезд в 1644, 1646 и 1659 годах.

Первый из них касается последствий набега татар в 1644 году. Это грамота путивльцев царю Михаилу Федоровичу, писана в феврале 1645 года. В ней указано, что татары и ногайцы приходили под Путивль 26 августа 1644 года. Пробыли в Путивльском уезде три дня. Взяли в полон много крестьян с женами и детьми, забрали домашнюю утварь, угнали скот, пожгли церкви, дворы и хлеб. Ввиду большого разорения и бедности путивльцы просили царя отменить налоги на срок, который он укажет. Они также жаловались на свое «порубежное житье» и указывали на то, что налоги ранее были отменены царями Иваном Васильевичем (Грозным) и Борисом Годуновым, но при межевании угодий в 1628 и 1629 годах известным нам писцом Петром Мусорским и дьяком Гаврилой Федоровым они были опять введены. Указывают, что Путивльский уезд невелик: от границы с польско-литовскими землями до Рыльска в длину 40 верст. А «поперек» — 10 верст. А в самых дальних местах — до 15 верст. Ввиду разорения, устроенного татарами, налогов платить некому, да и не с чего.

Вот текст этой грамоты[153]:

«Царю Государю и Великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом города Путивля богомольцы твои, Государь, игумен, попы и дяконы, и холопи твои, Государевы дворяне, и дети боярския путивльцы и черниговцы, и беспомесныя верстаныя козаки. В прошлом, Государь, во 152 (1644) м году августа в 26 день приходили под Путивль крымские и нагайские многия люди. Ив Путивльском, Государь, уезде повоевали и церкви божьи разорили. И православных крестьян з женами из детьми и з животы[154], и статки[155], многих в полон поимали. Ив селех ив деревнях дворы и хлеб жатой у гумны пожгли. А сеяной хлеб, которой не жат, потравили, а иной потолочили. И стояли, Государь, в Путивльском уезде крымские люди три дни. А в которых, Государь, деревнях загонные люди татарове двор не жгли и оне в тех деревнях крестьян з женами и з детьми поимали в полон и животы, и статки, и лошади побрали, и животину всякую побили. Да нынешнем, Государь, в 153 (1645) году присланы твои, Государь, грамоты в Путивль к твоему Государеву воеводе ко князю Василью Петровичю Львову. Одна из Емскова приказу[156], а другая ис Стрелецкова приказу[157]. А по тем Государевым грамотам велено с Путивльскова уезду сошного письма[158] на нас, богомольцах и холопех, емские деньги[159] и стрелецкие кормы[160] взять. И мы, богомольцы твои и холопи, в тех емских деньгах ив стрелецком корму стоим на превежи[161]. А взять нам, богомольцам твоим и холопем, негде, потому что крестьянишка, Государь, и бобылишка наши з женами из детьми многия пойманы в по-

[153] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Столбцы Белгородского стола. Ст. 202. Л. 367–370.

[154] Животы – домашний скот.

[155] Статки – нажитое имущество, ценности.

[156] Ямской приказ – орган центрального государственного управления в допетровской Руси в XVI – начале XVIII в., который отвечал за регулярные почтовые и транзитные перевозки (ямскую гоньбу).

[157] Стрелецкий приказ – орган центрального государственного управления, образованный при Иване IV Грозном как центральный орган военного управления стрелецким войском и городовыми казаками.

[158] Сошное письмо – перепись земельных владений, содержащая распределение, раскладку.

[159] Ямские деньги – налог с жителей Русского государства на содержание скорой ямской гоньбы: для провоза гонцов, должностных лиц и др., а также с 60-х гг. XVII в. – на устройство почт, станций и оплату труда почтарей (см. *Веселовский С.* Сошное письмо: Исслед. по истории кадастра и посошного обложения Моск. государства. Т. 2. М., 1916. 716 с.).

[160] Стрелецкие кормы или стрелецкий хлеб – один из основных прямых налогов с тяглого населения России, взимавшийся для содержания служилых людей. Введен в 1614 г. Первоначально налог назывался казачьими, а с 1622 г. – стрелецкими хлебными запасами.

[161] Стоять на правеже – упорно отказываться от уплаты, несмотря на жестокое наказание.

лон[162] и животы, и статки, и лошади побраны. И животина всякая побита, и дворы, и хлеб пожгли. Ав которых, Государь, селех ив деревнях крымские люди стояли и оне иноверцы церкви божьи, твое царское богомолье, и дворы, и хлеб жатой, и гумны пожгли. А сеяной всякой хлеб нежатой потравили и потолочили. А которые, Государь, церкви не пожжены, ив тех церквех божья милосердью образы и престолы разорили и осквернили.

Да в прошлом, Государь, во 128 (1620/21) году по твоему Государеву указу был в Путивле дозорщик Федор Матов да подьячей Кондратеи Стенев. И поместьишка, Государь, наши и монастырские вотчины в Путивльском уезде дозорщик описал и положил в сошное письмо в платеж. А при прежних, Государь, блаженные памяти при Царе и Великом князе Иване Васильевиче {Грозном} всеа Русии и при Царе и Великом князе Федоре Ивановиче {сыне Ивана Грозного} всеа Русии, при царе Борисе {Годунове}, за которыми за нами были поместьишка по невелику в сошном письме ив платежи искони вечно не бывали.

И после дозору били мы челом тебе, Государю, о сошном письме, и ты, Государь, нас, богомольцав своих и холопей, пожаловал для нашева розаренья и порубежнова житья то сошное письмо и платеж сложить с нас. Велел и впредь нам своих Государевых никаких податей и платежей имать не велел. И твои, Государя, жалованные грамоты нам дали. И после, Государь, тово, в прошлом во 136 (1628) и во 137 (1629) году, по твоему Государеву указу были в Путивле писцы Петр Мусарской да подьячей Гаврила Федоров и те наши поместьишка и монастырские вотчины написали в сошноя письмо в платеж вновь[163].

И мы, богомольцы твои и холопи, били челом тебе, Государю, чтобы с нас с сошнава письма платежи имать не велеть. И твои Государевы бояре и дьяконы нам отказывали ныне де Государь указал с торханщиков[164] и сы льготщиков подати имати для унятия крови[165]. И была война с литовскими людьми и как крове утолитца[166] и Государь де и вас податей имать не велит.

Милосердный Государь Царь и Великий князь Михаило Федорович всеа Русии, пожалуи нас, бедных и разареных богомольцав своих и холопей. Не вели, Государь, с нас ямских да стрелецких кормов править. И вели, Государь, нашева разоренья дозреть. И дозрев, вели, Государь, с нас сошноя письмо и платеж по своим Государевым жалованым грамотам сложить. И ныне вели, Государь, своих Государевых жалованых грамот порудить[167] для нашева разоренья и порубежнаво житья.

Путивльской, Государь, уезд невеликой. Промеж Путивля и Рыльска в длину на соряк верст. А поперек от литовскова рубежа до реки Семи на десять верст. Ив дальням месте верст на пятнатцать. А сошнава, Государь, письма в платежи от живущем написано в Путивльском уезде поместьишка в наших и вотчин семь десят четвертей с осьминою. Царь Государь, смилуйся, пожалуй».

Под грамотой подписались 40 путивльцев: попов, детей боярских и служилых людей (в частности, помещик деревни Клепало Федор Иванов сын Черепов за себя и за брата Семена):

«Игумен Молчинского монастыря Афонасий, соборной поп Иван, Леонтий Литвинов, Иван Бершов, еще один поп {неразборчиво}, Никольский поп Алексей, Троицкий поп Василий, Воскресенский поп Василий, соборный спас дьякон Алексей, Успенский поп, Иван Щекин, Степан Золотарев, Иван Некрасов, Федор Черепов, Михайло Яцын, Иван Чурсеев, дьякон Анисим, Кузьма Карков, Герасим Щетинин, Кузьма Почасьев, Федор Забалуев (?), Иван Яцын, Григорий Вощинин, Куприянка Чудов, Федор Черепов (вместо брата Семена), {еще кто-то, неразборчиво}, Никольский поп Микита, Афонька Некрасов (вместо Ивана Стрельникова), Алексей Константинов, Василий Головлеков (вместо брата Ивана, по его веленью), Федор Оладьин (вместо Ивана Барсукова, по его веленью), Гаврила Вощинин, Прокофей Юденков (вместо Федора Беззубцова, по его веленью), Прокофей Юденков (за себя), Петр Оверков (вместо Ивана Петрова), Ти-

[162] Поимать в полон – взять в плен.

[163] Имеется в виду книга Петра Мусорского 1628 и 1629 гг. (№ 10553), в которой были описаны угодья и вновь введены подати.

[164] Тарханщик – человек, освобожденный от повинностей и податей.

[165] Унятие крови – возможно, для остановки кровопролития. Проведения мероприятий по заключению мира с татарами и/или поляками (литовцами). (*Прим. авт.*)

[166] И как кровь утолится – и когда закончится кровопролитие, закончится война. (*Прим. авт.*)

[167] Порудить – отменить что-либо.

мофей Литвинов, сотенной дьячок Ивашка Головачев (по поручению нескольких стрельцов), Володимир Берков, Федор ...мулов (?) (вместо Андрея Щетинина и Бориса Барсукова), Василий Новиков».

По этой грамоте царь приказал оформить справку в Стрелецком и Ямском приказах о размерах податей, взимаемых в Путивльском уезде. Вот отрывок из этой справки[168]: «А по справке в Стрелетцком приказе с Путивльского уезду всяких чинов людей за стрелетцкой хлеб емлют па писцавым книгам 137 (1629) год з живущих с 71 чети без полуосьмины и с паловины получетверика деньгами 65 рублев, 2 алтын з деньгою. А в Ямском приказе ямских денег 78 рублев 13 алтын с полуденьгою[169]. И обоего стрелецких и ямских денег на нынешней 153 (1645) год взято 143 рубли 10 алтын полторы деньги.

А по скаске челобитчиков путивльцов Леонтья Литвинова с товарыщи в Путивльском уезде от литовских людей и от татарского приходу весь запустел и разорен. Села и деревни ныне позжены, а иные люди из Путивльского уезду разошлись в новы{е} < … > городы. Да у них же де ныне за рекою за Клевенью всякие угодья сенные покосы и бортные ухожьи, и рыбные, и звериные ловли завладели литовсие люди. А они де достальные (остальные) жильцы с тех с пустых сел и деревень стрелетцкие и ямские деньги наперед сево платил с правежем. А ныне им тех денег платить нечим невсилу, ив тех деньгах в Путивле люди их стоят на правеже».

Далее приводится перечень убитых, покалеченных и угнанных в полон жителей Путивльского уезда[170]: «А по росписи из Путивля князя Василья Львова декабря в 21 день нынешнего 153 (1644) году путивльцов и черниговцов дворян и детей боярских и верстаных казаков в татарской приход побито и в полон взято, и поместья их разорены. Путивльцов 26 душ. Поместья их и хлеб позжон, и жены их, и дети, и люди, и крестьяня в полон поиманы.

Путивльцов же на бою убито 2 души. В полон взято 3 души. У путивльцов же детей боярских жон их детей и отраков, и племянников в полон взято 24 души. Людей их и крестьян убито 4 души. В полон взято 178 душ. Черниговцов 6 душ. Поместья их и хлеб позжон и разорен. Убит 1 душа в полон взят 1 душа. Их жон и детей 4 души, людей их и крестьян з женами и з детьми в полон взято 29 душ. Верстаных казаков убит 1 душа в полон взято 2 души. Их жен и детей, и людей, и крестьян в полон взято 24 души.

Всего путивльцов и черниговцов и путивльских верстаных казаков з женами и з детьми побито ив полон взято 62 души. Да людей их и крестьян з женами и з детьми 208 душ. Обоего всяких людей 269 душ … »

Анализируя эти потери, мы видим, что основную часть угнанных в полон составляли крестьяне и бобыли с их женами и детьми. Наименьшие потери были среди служилых людей — путивльцев и черниговцев. В бою их было убито трое и еще четверо взяты в плен. Служилые люди потеряли своих близких — жен и детей. Это были те, кто находился в это время в поместьях, а не за каменными стенами Путивля. Татары Путивль не взяли. Скорее всего, и не ставили это целью. Всего было потеряно 269 жителей Подгородного стана Путивльского уезда. По переписной книге 1646 года в Подгородном стане (не в волостях и не в самом Путивле) проживало 675 человек[171]. За один набег в августе 1644 года Путивльский уезд потерял около 30% населения.

24 марта 1645 года царь Михаил Федорович дал указание боярину Федору Ивановичу Шереметьеву разобраться с податями в Путивльском уезде. Сохранилась только вводная часть этого документа[172]: «Лета 7153 (1645) марта в 24 день по Государеву Цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу боярину Федору Ивановичю Шереметьеву да дьяком Олександру Дурову, да Исаку Кудрину. В прошлом во 152 (1644) и нынешнем в 153 (1645) году в Путивле ив Путивльском уезде татаровя многия люди побили … »

Уже 15 апреля 1645 года в Путивль была отправлена грамота царя, в которой все налоги с Путивля и Путивльского уезда были отменены до 1649 года. Более того, царь Михаил Федорович приказал произ-

[168] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Столбцы Белгородского стола. Ст. 202. Л. 364.
[169] Алтын равнялся 3 копейкам, деньга – ½ копейки.
[170] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Столбцы Белгородского стола. Ст. 202. Л. 365–366.
[171] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10556. Л. 114 об. – 146.
[172] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Столбцы Белгородского стола. Ст. 202. Л. 371.

вести выплаты служилым людям: пострадавшим путивльцам всяких чинов, помещикам и вотчинникам — по 10 рублей, поместным (не служилым) — по 6 рублей, пустопоместным (у которых поместья пришли в разорение и упадок) — по 7 рублей, беспоместным (не имеющим поместий) — по 8 рублей[173]: «От Царя и великого князя Михаила Федоровича вса Русии в Путивль воеводе нашему князю Василью Петровичю Львову. Пожаловали есмя путивльцов всяких чинов людей и помещиков, и вотчинников, не велели на них стрелетцкой хлеб и ямских денег на нынешней на 153 (1645) год и впередь до 157 (1649) году имать <...> наш указ из Стрелетцкого и Ямского приказов к тебе послан. И как к тебе ся наша грамота придет и ты б {далее перечеркнуто три строки} за стрелетцкой хлеб и ямским денег на нынешней на 153 (1645) год и впередь до 157 (1649) году имать не велели. Да их же пожаловали есмя, велели им на нынешней на 153 (1645) год да з нашего денежново жалованья, у которых в татарской приход жены и дети побиты ив полон поиманы, и села, и деревни, и хлеб позжен по десяти рублев. А помесным по шти рублев, пустопомесным по семи рублев, беспомесным и всем по осьми рублев. И они б нам служили, города Путивля и Путивльсково уезду от воинских людей оберегали. Писан в Москве лета 7153 (1645) апреля в 15 день».

Набег татар на Путивльский уезд в декабре 1646 года описан в книге А.А. Танкова «Историческая летопись курского дворянства»[174]:

«В декабре 1646 года татары большой ордой проникли в Путивльский уезд и подошли к Путивлю, желая завладеть городом и ограбить его слободы и посад. Тогда воевода князь Василий Львов с дворянами и детьми боярскими и со всеми ратными людьми, как сказано в его отписке в Разряд, «под Путивлем ходили и билися с первого часа дни и до последнего и в посаде, и в монастырских слободах, на пущах, татарове же жестокими боями устремлялись, чтобы им зажечь посад. И Божиею милостью и Пречистые Богородицы помощию и Государевым Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Русии счастьем татар с посада, с монастырской слободы и с пущ прогнали, из наряду (пушек) и из мелкого ружья побили многих и переранили, а в языцех взяли одиннадцать человек, а на посаде и на монастырской слободе татары никакой порухи не учинили и пошли от Путивля прочь».

И воевода князь Василий Львов для поисков над татарами послал стольника князя Федора Львова, а с ним путивльцев ратных людей голов с сотнями конных и пеших с обозом и нарядом. В Путивльском уезде на речке Снагости от Путивля верст с пятьдесят, а от Рыльска верст с пятнадцать был у князя Федора Львова с татарами бой, и «татар Путивльские ратные люди побили и в полон поимали, а еще полон у татар отбит Рыльского уезду да села Крупец, а Путивльского уезду отбито полону: Татьяна Ивановская жена Черепова[175] и несколько крестьян.

Вообще в Курском, Рыльском и Путивльском уездах в конце 1646 года были жестокие битвы с татарами, причем врагами было взято громадное число жен и детей помещиков и их крестьян».

По набегу в феврале 1659 года в фондах РГАДА сохранился фрагмент документа «Записные тетради, что в Путивльском уезде воры черкасы и татарове великого Государя всяких чинов служилых и уездных людей мужского полу и женского побили, и в полон взяли, и сел, и деревень выжгли и разорили». Вот этот документ[176]:

«167 (1659) г апреля в 18 день присланы ис Путивля. Подал казак Федька Шупов. Выписан наперечень, сколько мужского и женского полу порознь побыто ив полон поимано, и что сел и деревень разорено.

Тетради записные, что в Путивльском уезде воры черкасы и татарове великого Государя всяких чинов служилых и уездных людей мужского полу и женского побили ив полон взяли, и сел и деревень выжгли и разорили.

Февраля в 2 день у Михаила да у Федора Борсуковых в Путивльском уезде деревни Мишустиной воры черкасы и татаровя крестьян одново человека ссекли, а другово в полон взяли, и животы их помещиков и крестьянские лошеди и коровы поимали.

---

[173] Там же. Л. 374.

[174] *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. Т. I. Глава XVI. М., 1913. С. 3–4.

[175] Татьяна была женой Ивана Алексеева сына Черепова. Так указано в статье: *Шумков А.А.* Путивльский дворянский род Череповых: генеалогия и материалы к биографиям его представителей // Путивль и путивляне в истории и культуре России (1500–1925 гг.). Сборник статей и материалов / Ред.-сост. А.И. Раздорский. М.: Изд. Старая Басманная, 2022. С. 395.

[176] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Ст. 202. Л. 1–7 об. (окончание документа утеряно).

Февраля в 4 день у путивльца у Федора Черепова в Путивльском уезде на речке на Терну в деревне Череповке воры черкасы и татаровя побили и в полон взяли крестьян ево четырех человек з женами и з детьми, да животины волов и коров сто семь десят.

Февраля в 5 день у Афонасья Микифорова сына Борсукова в Путивльском уезде в ево поместье в деревне Мишутиной воры черкасы и татаровя посекли ив полон взяли крестьян ево шесть человек з женами и з детьми и животы ево крестьянские поимали.

Февраля в 5 день у путивльского соборного дьякона Алексея в Путивльском уезде под урочищи Верзани в пчальне взяли в полон дворовых ево людей трех человек и животину двоя лошадей, шесть волов, да пчелы побили тритцать шесть роев.

Февраля в 6 день у путивльца у Андрея Щетинина в Путивльском уезде в ево поместье в деревне Вощиной {?} воры черкасы и татаровя побили ив полон взяли сына ево, да с ним ребят крестьянских в полон взяли. А крестьян посекли дву человек да дворового человека, да животины десятеры лошадей, коров и овец дватцать животин, и хлеб из ям выбрали.

Февраля в 7 день у путивльца у Тимофея Еделкова в Путивльском уезде в ево поместье в деревне Семейкине воры черкасы и татаровя брата ево родного ранили, обе руки и голову секли, да ссекли крестьянина ево Агейку, да взяли ыво Тимофеевых девять лошадей, да крестьянской животины лошадей и коров тритцать шесть.

Февраля в 7 день у путивльца у Гаврила Вощинина в Путивльском уезде в ево поместье в деревне Семейкине воры черкасы и татаровя побили и посекли крестьян ево дву человек, да взяли тритцать лошадей и крестьянские животы и статки поимали.

Февраля в 17 день у путивльца у Прокофия Еделкова в Путивльском уезде в ево поместье в деревне Семейкине воры черкасы и татаровя крестьян ево посекли ив полон взяли дву человек, да взяли ево троя лошадей, да крестьянских дватцать шесть лошадей, и животы и статки все поимали, и человек ево дворовой Васька ранен сечен саблеми.

Февраля в 10 день у черниговца у Володимера Иванова сына Бершова в Путивльском уезде в селе Князеве в ево поместье воры черкасы и татаровя {с}секли дву человек: крестьянина ево Микифорку Банного да человека дворового Ваську Воронкова. Взяли ево Володимеровых восьмера лошадей, да крестьянских девять лошадей, и животы и статки, крестьян ево всех поимали.

Февраля в 17 день у путивльца у Григоря Иванова сына Булгакова в Путивльском уезде в ево поместье в деревне Щетининои воры черкасы животы ево и статки крестьянские все поимали, а крестьян ссекли дву человек.

Февраля в 25 день у путивльца у Михаила Михайлова сына Борсукова в Путивльском уезде в деревни Трифоновой воры черкасы ссекли крестьянина ево Савку Романова и животы ево и статки, и крестьянские все поимали, и дворы пожгли.

Февраля в 26 день у путивльца у Федора Волынцова з братею в Путивльском уезде в Глушецкой слободке воры черкасы и татаровя крестьян их посекли ив полон взяли адиннатцать человек з женами и з детьми и животы и статки поимали, да ево Федоровых з братьею взяли дватцать лошадей.

Февраля в 28 день у путивльца у Ивана Микитина сына Борсукова в Путивльском уезде в ево поместье в селе Емодыкине да деревне Трифоновой воры черкасы двор ево сожгли со всем дворовым строением. Взяли троя лошадей да крестьянских дватцать две лошади, и животы и статки поимали, взяли животины коров и волов всякой пятьдесят животин.

Февраля в 28 день у Бориса Михайлова сына Борсукова в Путивльском уезде в ево поместье в селе Емодыкине да в деревне Трифоновой воры черкасы животы ево и статки и крестьянские все поимали и дворы пожгли. Да на речке на Воронку Государеву оброчную мельницу сожгли.

Февраля в 28 день у путивльца у Григорья Семенова сына Вощинина в Путивльском уезде в деревне Семейкине в поместье ево воры черкасы убили крстьянина ево Мирошку Ондреева и животы, и статки, и крестьян ево поимали.

Марта в 31 день у путивльца у Федора Черепова в Путивльском уезде на речке на Терну в деревне Череповке в поместье ево воры черкасы и татарове посекли ив полон взяли крестьян ево мужского полу и женского шестьдесят девять человек, и деревню все выжгли … »

Эта записная тетрадь вместе с другими перечнями по набегам татар на Путивльский и Недригайловский уезды были направлены царю Алексею Михайловичу грамотой в апреле 1659 года[177]:

«Государю Царю и Великову князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу холопи твои Гришка Долгоруково, Тимошка Безсонов челом бьют. Генваря, Государь, в 21 день писали к тебе, Великому Государю, мы, холопи твои, как приходили в Путивльской ив Недрыгайловской уезды воры черкасы и татаровя, что твоих, Великого Государя, всяких чинов служилых и уездных людей мужского полу и женского имяны побито и в полон взято, и сел, и деревень разорено и вызжено. И что те села и деревни, и нового выезду черкасы, которые поселились в Путивльском ив Недригаиловском уезде, хто убит и в полон взят. И тому всему к тебе, Великому Государю, мы, холопи твои, послали роспись за моею холопа твоево Тимошкиную рукою. И после, Государь, тово в феврале ив марте в розных числех подали нам, холопем твоим, путивльцы и черниговцы дворяне и дети боярские Путивльского уезду иным разореным селам и деревням сказки за своими и отцов своих духовных заруками. И мы, холопи твои, написав с тех сказак в тетрати, послали к тебе, Великому Государю, к Москве с путивльцом с Максимом Омельяновым. И велели ему отписку книги подать в Розряде окольничему Ивану Афонасьевичю Гавреневу, да дьяком думному Семену Забородскому, да Василью Брехову, да Григорью Богданову.

167 (1659) году апреля в 18 день подал путивльской казак Федька Шумонов.

{перевернуто:} Государю и Великому князю Алексею Михайловичю всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу {читано}».

Всего в апреле 1659 года в полон было угнано около 120 человек взрослого населения, не считая детей. А также 169 лошадей и около 250 коров и овец.

У знакомого нам Федора Иванова сына Черепова из деревни Череповой на речке Терн было взято в плен 69 крестьян (мужчин и женщин), не считая детей. А также угнано 170 коров.

И это данные только по февралю. Тогда как в грамоте указано, что в 1659 году набеги на Путивльский и Недригайловский уезды были в январе, феврале и в марте. Таким образом, приведенный выше фрагмент записных тетрадей отражает только малую часть потерь населения зимой и весной 1659 года.

В приведенных материалах не упоминается деревня Клепало. Может быть, этот фрагмент был утерян (записные тетради не имеют окончания). С другой стороны, население этой деревни в те времена было совсем небольшим 2–3 двора, а положение деревни позволяло ее жителям вовремя укрыться в чащах в долине реки Семи.

Ввиду постоянных набегов крымских татар в XVII веке в Путивльском уезде были большие проблемы с численностью населения. По мере роста площадей пахотных земель рабочих людей стало катастрофически не хватать. К началу XVIII века, когда интенсивность набегов несколько снизилась, царь все чаще давал разрешение на переселение в Путивльский уезд вольных черкас из центральных районов современной Украины. Это в конце концов решило проблему нехватки рабочих рук.

1.4.6. Яков Федоров сын Черепов

В 1679 году умер помещик деревни Клепало Федор Иванов сын Черепов. Его поместья и вотчина были отписаны единственному сыну Якову, который и стал следующим владельцем этой деревни.

Дата рождения Якова не известна. В 7184 (1675/76) году он женился на девке Прасковье Яковлевой дочери Яцына и получил ее прожиточное поместье. Вот что об этом сказано в неоклеенных столбцах по городу Путивлю[178]: «Вдова Наталья путивльца Сергеевская жена Яцына з детьми с Микифором да с Микитою, да сЫваном, да вдова Марья путивльца Яковлевская жена Яцына с сыном Васильем да з дочерью з девкою Парасковьею. Дано им, вдовам, мужей их, а Микифору з братьями и Василью с сестрою отцов их поместьи и с вотчины. И те поместья и вотчины с Родионом Яцыным розделить. И ис того поместья вдова

[177] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Ст. 202. Л. 8–8 об.
[178] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 1255. Л. 179 об.

Марья з дочерью своею поступилась прожитком Якову Федорову сыну Черепову». Обратим внимание, что в этой записи Прасковья указана девкой, то есть еще незамужней. Здесь же сказано, что вдова Мария с дочерью Прасковьей поступились своими прожиточными поместьями Якову Черепову. Это указывает на то, что девка Прасковья вышла замуж. То, что Яков в это же время получил прожиток своей тещи, подтверждается также записью в Пошлинной книге Печатного приказа от 21 апреля 1676 года. Яков здесь указан как зять Марии Яцыной[179]: «В Путивль к стольнику и воеводе к Луке Ляпунову да к дьяку к Ивану Чернеиву по челобитью путивльца Якова Черепова да вдовы Марьи Яковлевские жены Яцына. Велено в Путивльском уезде вдовьино Марьино прожиточное поместье в селе Ласкова пяти чети отказать зятю ея Якову Черепову в поместье. Пошлин с челобитья полтина взято. Припись дьяка Ивана Рагозина. Справка подьячего Петра Лыкова. Писана апреля в 19 день».

Род Яцыных в Путивле в то время по своему статусу не уступал роду Череповых. Можно утверждать, что брак Якова и Прасковьи был выгодным и почетным для отца Якова — Федора Иванова сына Черепова. Отцом Прасковьи был Яков Никифоров сын Яцын. Известно, что он был головой в Путивле в 1659 году[180], воеводой в Сумах в 1660–1661 годах[181]. Умер до 1676 года, поскольку к этому времени его жена Мария была уже вдовой. Ее дед — Никифор Михайлов сын Яцын в Путивльской десятне 1626 года числился вторым номером в списке, с поместным окладом «450 четей, по 12 рублев, на коне в саадаке[182] да с саблею». Позднее, в 1633 и 1634 годах, за свои подвиги он неоднократно получал от царя ценные подарки и прибавки к поместному и денежному окладам[183].

У Якова и Прасковьи была дочь Марина. Она родилась в 7186 (1677/78) году. Это указано в спорном деле сына Марины Якова с Марьею Зиновьевой дочерью Неплюевой (1739 год). К этому времени Марина была уже «в зрелых летах» и оспаривала результаты раздела поместий после смерти отца, указывая, что на то время (в 1684 году) была в малых летах, а именно шести лет[184]: «… И те книги со 192 (1684) году[185] означенная мать его {Марина} спорила для того, что она была тогда {в 1684 году} малых летех, а именно шти лет».

Еще при жизни отца, 23 марта 1676 года, Яков вместе с другими путивльскими помещиками получили 600 четвертей пашни в пустошах Ослецкого и Чашского городищ. В частности, Яков получил 60 четвертей. Это указано в спорном деле о дачах Выгорева городища 1760 года[186]: «В даче 184 (1676) году марта в 23 день написано: Дано путивльцу Гавриле Вощинину, да Андрею да Ивану Щекиным, да Якову Черепову, да Ивану Горбавцову, да Миките Щекину сверх дач путивльцом Михаила Карьякова, Богдана да Ивана Левиных, да Петра Суворова, да Григорья, да Жадена Некрасовых, да Игнатья Воронина в Путивльском уезде в Подгородном стану в пустоши диком поле за рекою за Семью в Ослецкое городище на озере на Ослецком за Мокшевицким перевозом, Чаское городище на речке на Чаше с урочищи пашни шесть сот четвертей. Гаврилу на семдесят четвертей; Ивану Горбавцову, да Якову Черепову, да Андрею да Ивану Щекиным по шести десяти четвертей человеку[187]; Никите Щекину на пять десят четвертей в поле, а в дву по тому ж. Оклад ему, Якову, в той даче написан триста четвертей».

О службах Якова Федорова сына Черепова известно мало. 26 марта 1676 года он был записан в «дворовые»[188]. Поместный оклад у него в это время был 500 четвертей. Имеется соответствующая запись

[179] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 190. Л. 114.

[180] Акты Московского государства. Т. 1. № 704. 1634 / Под ред. Попова Н.А. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1890. С. 640, 641.

[181] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Белгородский стол. Ст. 463. I. 27. Л. 3–4, 75–77.

[182] Саадак – лук с налучьем и колчан со стрелами, крепившиеся к специальному поясу.

[183] Акты Московского государства. Т. 1. № 482 (1633). С. 444; № 483 (1633). С. 445; № 489 (1633). С. 455; № 500 (1633). С. 466; № 547 (1633). С. 519; № 646 (1634). С. 598–599; № 673 (1634). С. 621.

[184] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.

[185] Имеется в виду книга писца Семена Муромцева 1684 и 1686 гг. (№ 369).

[186] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 34 об. – 35.

[187] Согласно другого источника (1821 г.), по этой сделке Якову было отказано 33 четверти (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 398).

[188] Служилые люди Московского государства записывались на военную службу по городам (путивльцы, калужане, владимирцы и др.). Они делились на статьи: выборные, дворовые и городовые. Первые составляли городовое дворянство, прочие были дети боярские.

в Пошлинной книге Печатного приказа[189]: «В Путивль к стольнику и воеводе к Луке Ляпунову, да к дьяку к Ивану Черанеиву. Велено путивльцу Якову Черепову написать до дворовых. Оклад с придачами помесной пятьсот чети. Денег с чети осмьнатцать рублев. Пошлин полполтины взято. Припись дьяка Федора Шакловитова. Писана марта в 21 день {1676 г.}».

Далее, в этом же спорном деле 1760 года, продолжается перечисление поместий Якова: «За Яковом же Череповым поместья по даче 184 (1676) году апреля в 14 день, что ему дано по поступке тещи ево вдовы Марьи путивльца Яковлевской жены Яцына прожиточное ее поместье в Путивльском уезде в Подгородном стану в селе Ласкове[190]. А в нем пашни пять четвертей в поле, а в дву по тому ж». Немногим ранее мы упоминали эту дачу в связи с женитьбой Якова на Прасковье Яцыной[191].

«Да за ним же, Яковом Череповым, помесья по даче 184 (1676) году, что ему дано сверх дач отца ево в Путивльском уезде в Подгородном стану в пустоши диком поле за рекою за Семью на Терну и на Курице, и на Цыпке с урочищи пашни сто четвертей в поле, а в дву по тому ж». Дата получения этого поместья не указана. Ее находим в пошлинной книге Печатного приказа (запись от 29 апреля этого же года)[192]: «В Путивль к стольнику ж и воеводе к дьяку по челобитью путивльца Якова Черепова. Велено в Путивльском уезде в пустоши диком поле на речке на Терне отца ево {Федора Иванова сына Черепова} поместье сто чети отказать ему Якову Черепову в поместье. Пошлин с чети рубль с четвертью взято. Припись дьяка Ивана Рагозинина. Писал подьячей Федор Истомин. Писано апреля в 29 день». Здесь необходимо небольшое уточнение: эта дача была произведена не из поместий его отца Федора, а «сверх дач отца ево», что отмечено его потомками в указанном спорном деле.

В мае 1677 года отец Якова Федор Иванов сын Черепов получил от царя отставку от службы и вместо себя оставил на службе сына Якова[193]: «В Путивль к стольнику и воеводе к Луке Ляпунову и к дьяку к Ивану Черневу. Велено путивльца Федора Черепова по его челобитью та службы и за старостью от Государевы службы отставить. А вместо ево велен{о} служить сыну ево Якову. < … > Писана майя в 5 день».

Интересно отметить, что в Путивльской переписной книге 1678 года за Яковом Череповым числился только один крестьянский двор в селе Яцыне с одним крестьянином. Это прожиточное поместье его тещи Марии, которое он получил двумя годами ранее в 1676 году[194]: «За Яковом Федоровым сыном Череповым в поместье в селе Яцыне, а в нем крестьян{ский} д{вор} Богдашка Лавров. Всего за Яковом Череповым двор крестьянской, людей в нем один человек».

По итогу, с 23 марта по 29 апреля 1676 года Яков получил 138 четвертей пахотной земли (а в дву по тому ж). Кроме того, как было показано ранее, 26 марта он был записан в «дворовые» с повышением поместного оклада с 300 до 500 четвертей. Надо полагать, что столь стремительная карьера Якова (повышение по службе и приобретение земель) была не случайной. И вот почему: к этому времени его отец Федор Черепов был уже в преклонных летах и, предчувствуя скорую смерть, продвигал сына, тем самым повышая его поместный оклад. Это делалось для того, чтобы Федоровы поместья после его смерти могли быть переданы Якову. А для этого у него должен быть достаточный размер поместного оклада. В противном случае эти имения (или их часть) могли быть отписаны ближайшим родственникам мужского пола или на государя.

---

[189] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 189. Л. 383.

[190] Это же село называлось Яцыно. Лосино – старое наименование: «деревня, что было селище Лосино».

[191] Эти 5 четвертей были лишь малой частью прожиточного поместья вдовы Марии Яцыной. Основная часть этого поместья 60 четвертей в селе Яцыне и Костромском уезде достались ее сыну (Прасковьиному брату) Василию Яцыну 24 января 1681 г., после смерти их матери Марии Яцыной: «В Путивль к стольнику и воеводе ко князю Ивану Белоселскому да к дьяку к Илье Колпакову по челобитью путивльца Василья Яцына. Велено в Путивльском да в Костромском уездех вдовино Марино Яковлевской жены Яцына прожиточное помесье село Ласкове з деревнями ис пустошми шездесят чети отказать ему Василью в помесье. Пошлин с чети дватцать пять алтын взято. Припись дьяка Семена Карево. Писал Алексей Батурин. Генваря в 24 день» (РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 217. Л. 211).

[192] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 190. Л. 175 об.

[193] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 194. Л. 62.

[194] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10557. Л. 25.

Действительно, в конце 1679 года Федор Черепов умер. Вот здесь Якову пригодился его поместный оклад в 500 четвертей. В результате он смог переписать на себя все поместья отца[195]: «И во 188 (1679) году декабря в 23 день бил челом путивлец Яков Федоров сын Черепов, чтоб вышеписанное отца ево Федорова помесье Черепова справить за ним. И в том же 188 (1680) году генваря 2 дня то поместье велено справить за ним, то отца ево поместье и вотчину, буде после отца ево иных детей не осталось и спору ни с кем не будет, и дать ему отказная грамота».

Итак, с 2 января 1680 года Яков стал новым помещиком Клепальского городища. Заметим, что две сестры Якова Мария и Анна получили от отца в качестве приданого по 50 четвертей земли еще в марте 1671 года. К дате смерти у Федора Черепова было в поместья 112 четвертей и еще 150 четвертей вотчины.

Между тем Яков продолжал приобретение новых поместий. 29 декабря 1679 года он поменялся поместьями с Данилом Бершовым и получил 15 четвертей в Колодежской волости взамен 3 четвертей в деревне Череповой[196]: «И в том же году (188, 1679) декабря в 29 день Яков Федоров сын Черепов из вышеписанного своего недвижимого путивльского имения променил черниговцу Даниле Иванову сыну Бершову в Подгородном стану в деревни Череповой три четверти в поле, а в дву по тому ж. А у него против того выменил в том же уезде в Колодежской волости на речке на Рыле против села Коренского у Перина городища в пустоши роспашной земли пятнатцать четвертей в поле, а в дву по тому ж».

Этой же датой произошла еще одна мена[197]: «И в том же 188 (1679) году декабря в 29 день он же Яков Черепов из вышеписанного своего поместья в Колодежской волости на речке на Рыле против села Коренского тритцать семь четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж, со всеми угодьи променил путивльцу Андрею Иванову сыну Щекину. А у него Андрея против того выменил в том же уезде за рекою за Семью на речке на Чаше у Часского и у Ослецкого городища тритцать семь четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж, со всеми угодьи».

Увы, но это была последняя, известная нам, сделка Якова. Через полтора года он умер. Предположительно это случилось в начале 1681 года. На это время за Яковом было 289 четвертей поместья и 150 четвертей отцовской вотчины.

Летом 1681 года вдова Прасковья подала челобитную царю на раздел поместий и вотчины. Из Москвы последовал указ об отказе ей и дочери Марине полагавшихся им прожиточных поместий и вотчины покойного Якова[198]: «В Путивль к стольнику и воеводе ко князю Ивану Белосельскому да к дьяку к Илье Колпакову по челобитью Парасковьи Яковлевской жены Черепова з дочерью с Мариною. Велено в Путивльском уезде в Подгородном стану Яковлево поместье и вотчину Черепова деревню Лосину з деревнями и с пустошми восмьдесят две чети с осьминою отказать ей, вдове з дочерью. Да вотчины сто пятьдесят чети отказать ей девке Марине в вотчину. Пошлин с чети два рубли тритцать алтын полторы деньги взято. Припись дьяка Бориса Протопопова. Писал Микифор Зайцов июля в 27 день».

Заметим сразу, что в этом документе размер прожиточного поместья вдовы Прасковьи 82,5 четвертей не соотносится с размером поместного отклада Якова 500 четвертями и не подходит ни к одному из вариантов исчисления величины «прожитка» вдовы, изложенных в своде законов того времени — Соборном уложении 1649 года[199]. Этот размер зависел от поместного оклада умершего, а также от причины его смерти[200]:

- если помещик был убит на службе, то вдова получала по двадцать четвертей из каждых ста из его поместного оклада;
- если умер своей смертью на службе, то по пятнадцати из каждых ста;
- если умер дома, то по десяти из каждых ста.

[195] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 35–35 об.
[196] Там же.
[197] Там же. Л. 47.
[198] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 219. Л. 495–495 об.
[199] Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.
[200] Там же. Ст. 30, 31, 32.

Размер прожиточного поместья Прасковьи был уточнен в ее отказной книге 1681 года[201] и составил 75 четвертей (из 500 четвертей поместного оклада мужа). То есть по 10 четвертей из каждых 100 поместного оклада для вдовы и по 5 четвертей из 100 для дочери. Исходя из указанных выше статей Соборного уложения, получается, что Яков умер своей смертью, у себя дома.

Поскольку у Якова не было сыновей — прямых наследников мужского пола, этот раздел лишал Прасковью с Мариной бóльшей части его поместий. В то время поместья умершего делили между потомками мужского пола, если они были на службе[202], а вдовам и дочерям полагались прожиточные поместья, которые оставляли за ними для обеспечения их достатка («дати им вп*о*жить», как сказано в Соборном уложении).

Таким образом, Прасковье с дочерью Мариной достались 75 четвертей. Остальные поместья (214 четвертей) передавались ближайшим родственникам Якова мужского пола — двоюродным племянникам Ивану и Василию Андреевым детям Череповым[203]. Иван и Василий отслеживали ситуацию и подали царю челобитную с претензиями на поместья умершего дяди.

Раздел поместий состоялся 25 августа 1681 года и описан в отказной книге его наследников[204]: «Лета 7189 (1681) августа в 25 день по Государеву Цареву и Великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца указу и по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Григорья Близнакова и по приказу стольника и воеводы князя Ивана Большого Никифоровича Белосельского да дьяка Ильи Колпакова, по челобитью путивльцов Ивана да Василья Череповых Путивльское приказные избы подячей Матвей Ларионов ездил в Путивльской уезд в Подгородной стан путивльца в Яковлева поместья и в вотчину Федорова сына Черепова в деревню что была селища Лосино на речке на Клевени с пустошми. А приехав, взяв с собою тутошних и сторонних людей сколько человек пригож, да в том поместье и вотчине переписал дворы крестьянские и бобыльские, и во дворех людей по именом и места дворовые, и пашню, и сено, и лес, и всякие угодья.

А переписав, да ис того Яковлева поместья с помесного ево окладу с пяти сот чети зо ста по десяти чети, итого пашни семь десят пять чети в поле, а в дву по тому ж, оставил за женою ево вдовою Просковьею з дочерью з девкою Мариною. А вотчины сто пять десят чети оставил за дочерью ево за нею ж девкою Мариною. А достол того Яковлева поместья Черепова пашни двесте четырнатцать чети в поле, а в дву по тому ж, отказал племянником ево Яковлевым двоюродным путивльцом Ивану да Василью Андреевым детем Череповым к путивльскому их поместью ко шти четям с полуосьминою, а Василью ко сту к тритцати к одной чети с полуосьминою, и их оклады. Ивану в пять сот пять десят чети, а Василью в двесте в пять десят чети в поместье со всеми угодьи.

А что за нею за вдовою Просковьею з дочерью ее з девкою Мариною оставил и за Иваном и за Васильем отказал дворов крестьянских и бобыльских, и во дворе людей по имяном, и мест дворовых, и пашни, и сена, и лесу, и всяких угодей. И то все писано в сих книгах подлинно порознь ниж сего в Путивльском уезде в Подгродном стану в деревни Лосиной, что ныне словет деревня Черепова, да в селе Ласкове, да в деревни Чаплищах, да в деревни Клепальском городище, да на речках на Терну и на Курице в селе Череповке и на речке на Цыпке, и у Аслецкого и Чаского городища на речке на Чаше, и у Аслецкого озера и с ыными селищи и с пустошми, и со всякими угодьи».

Как мы видим из этого отрывка, Иван и Федор Андреевы дети Черепова были служилыми людьми с поместными окладами 550 и 250 четвертей соответственно, которые позволяли им получить поместья в 214 четвертей своего двоюродного дяди Якова Черепова.

Далее в этой же отказной книге перечисляются дворы крестьянские и бобыльские в поместьях Якова, которые передаются наследникам. Дворы в деревне Клепало были разделены. Вдове Прасковье с дочерью были отведены: «В деревни Клепале двор помещиков, (в{о дворе}) Филька Пасечников, (в) Карпушка Ста-

[201] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 366–375.

[202] В противном случае поместья возвращали царю.

[203] Иван и Василий Андреевы дети Череповы были внуками Семена Иванова сына Черепова – брата Федора Иванова сына Черепова, отца Якова.

[204] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 366–375.

сов, (в) Мартинка Черевченко, (в) Леско Чесноченок. Место дворовое Гришки Лупноса, место дворовое Гришки Тоцыка, место дворовое Федьки Черкашенина». Им достались, как мы видим, помещичий двор, 4 двора и 3 дворовых места.

Племянникам Василию и Ивану достались «в деревни Клепале (в) Петрушка да Гераска Тимошовы, (в) Мишка Коломыец, (в) Васька Омельянов, (в) Мишка Чеснок. Место дворовое Мишки Чалого, место дворовое Кондрашки Москолева, место дворовое Фильки Терещенка». То есть 4 двора и 3 дворовых места.

Таким образом, дворы деревни Клепало были поделены поровну между Прасковьей и племянниками. Получается, что, по состоянию на 25 августа 1681 года, всего в деревне было 8 дворов и 6 дворовых мест. Жителей мужского пола 9 человек.

Всего Прасковье и Марине было отказано (не считая деревни Клепало) 3 двора (5 человек) в деревне Ласково («что ныне словет Черепова»), в селе Яцыно 1 двор (2 человека), в Чаплищах двор помещичий со всем дворовым строением и 3 двора (5 человек), в селе Череповке двор помещиков и 70 дворов черкаских (73 человека и 2 вдовы). Ивану и Василию досталось в этих же деревнях и селе Череповке такое же количество дворов[205].

Кроме этого, в общем пользовании остались «в том же селе Череповки на речках на Курицы и на Терну две мельницы со всяким мельничным строеньем».

Приведенный в данной отказной книге передел поместий Якова Черепова оказался неточным. Это выяснилось из более поздних документов. Например, из указа о передаче прожиточного поместья вдовы Прасковьи ее жениху Зиновию Панову (следующему помещику деревни Клепало) в 1681 году[206]: «В Путивль к стольнику и воеводе к Ивану Белосельскому да к дьяку к Илье Колпакову по челобитью вдовы Парасковьи Яковлевой жены Черепова да Зиновья Панова. Велено в Путивльском уезде в Подгородном стану Яковлево поместье Черепова шездесят пять чети, что было довелось дать ей вдове на прожиток, отказать ему Зиновью в поместье. Да того ж поместья тритцать две чети с осьминою отказать иво Яковлевой дочери девке Марине на прожиток». Как мы видим, здесь приведены новые размеры прожиточных поместий: у Прасковьи — 65 четвертей, а у ее дочери Марины — 32,5 четверти (всего — 97,5 четвертей вместо 75, что были ранее). Причину этого изменения находим в последующей за указом отказной книге Зиновия Панова от 28 октября 1681 года[207]: «А переписав да ис того Яковлева поместья Черепова с поместного ево окладу со шти сот с пятидесят чети со ста по десяти чети итого шесть десят пять чети в поле, а в дву по тому ж, что было давелось дать на прожиток жене ево Яковлеве вдове Порасковье отделил жениху ее Порасковьину капитану Зиновью Кузьмину сыну Панову». Оказывается, поместный оклад Якова к дате его смерти составлял не 500, а 650 четвертей. Когда и за что был повышен поместный оклад Якова, осталось неизвестным. По итогу племянникам Якова досталось немногим меньше — 185,5 четверти. Подлинность этих данных подтверждается более поздними документами. Например, спорными делами, которые велись между путивльскими помещиками в XVIII и XIX веках. В частности, такой же поместный оклад Якова Черепова указан в спорном деле Гаврилы Михайловича Гамалеи 1821 года[208].

Итак, поместья Якова были, наконец-то, справедливо разделены. С вотчиной отца Якова Федора Черепова, казалось бы, не должно быть проблем, ее отказали Яковлевой дочери девке Марине. Но нет, на эту вотчину предъявили свои права сестры Якова — дочери Федора Черепова — Анна и Мария, хотя их мужья еще в 1671 году получили от Федора Черепова в приданое за дочерьми по 50 четвертей.

В результате их усилий «во 190 (1681) году сентября 13 дня ис той Федоровой вотчины Черепова, которая после того была в даче за сыном ево Яковом, сто четвертей {написано} жене {Василия} Люшина Анне да Марье Яковлевой жене Щекина по пятидесят четвертей. А достальные пятдесят же четвертей оставлено внуке ево Федоровой родной, сына ево Яковлевой дочери Черепова, девке Марине. И в том же 190 (1682) году марта 21 дня {эти вотчины были им отказаны}»[209].

---

[205] Обратим внимание на огромное по тем временам число дворов в селе Череповке. Ранее, при описании жизни отца Якова Федора Черепова (см. разд. 1.4.4) было указано, что Череповка (в то время – еще деревня) была основной, базовой у Череповых).

[206] РГАДА. Ф. 233. Кн. 221. Л. 171–171 об.

[207] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 510–522.

[208] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 398.

[209] Там же. Л. 398 об.

Однако могущественный в Путивле род Череповых не дал в обиду свою малолетнюю родственницу. Череповы возбудили спор и выиграли дело. В результате вотчина была возвращена Марине, в род Череповых[210]: «Во 191 (1683) м годе, июля 30 числа, по приговору боярина князя Троекурова с товарыщи велено той ево Яковлевой отцовской вотчины Черепова сту пятидесят четвертям быть по прежнему за дочерью ево девкою Мариною Череповою. А дача, что ис той вотчины сто четвертей дано было сестрам ево Яковлевым, а девкиным тетям Анне Люшиной да Марье Щекиной, по прописанным в том приговоре обстоятельствам, отставлена».

Между тем вдова Прасковья через полгода после смерти мужа, осенью 1681 года, «сговорила замуж» капитана Зиновия Кузьмина сына Панова. Здесь стоит отметить, что со смертью Якова Черепова заканчивалась эра правления рода Череповых в поместье Клепальское городище и, соответственно, в деревне Клепало. По имеющимся данным, Череповы владели этой пустошью, а затем деревней Клепало, на протяжении более чем 50 лет[211]. Для них это поместье было лишь малой (менее, чем десятой) долей их владений в Путивльском уезде и волостях, и они особенно не заботились о его развитии.

В этом же 1681 году Зиновий Панов женился на Прасковье. Пришел новый помещик. Конечно, после смерти Якова деревня была разделена между четырьмя помещиками, но Зиновий Кузьмин сын Панов очень скоро смог взять эту ситуацию в свои руки и закрепить за одним собой всех жителей. По рождению Панов не был путивльцем и ранее никаких поместий в Путивльском уезде не имел. Деревня Клепало станет для него основным имением, а он станет первым, по-настоящему клепальским помещиком.

Череповы, однако, совсем не согласились с потерей деревни Клепало и сразу же начали споры и тяжбы, которые будут продолжаться около 140 лет и окончательно завершатся не в их пользу только в 20-е годы XIX века, в царствование императора Александра I, когда их потомки будут вынуждены отказаться от всех своих притязаний.

1.4.7. Зиновий Кузьмин сын Панов

В начале 1681 года умер Яков Федоров сын Черепов. В августе того же года клепальской помещицей стала его вдова Прасковья Яковлева жена Черепова (в девичестве Яцына) с малолетней дочерью Мариной. После смерти мужа ей с дочерью досталось прожиточное поместье 97,5 четверти, в которое входила и деревня Клепало. Остальные 185,5 четверти Яковлева наследства были отказаны двоюродным племянникам Якова Ивану и Василию Андреевым детям Череповым. Вотчина Якова 150 четвертей была отказана дочери Марине.

Вдовствовала Прасковья не долго. Уже в начале осени этого 1681 года она «сговорила замуж» капитана Зиновья Кузьмина сына Панова. Зиновий и Прасковья тут же подали челобитную царю об отказе жениху прожиточного поместья невесты.

Зиновий Кузьмин сын Панов был родом из города Белоозеро (ныне — Белозерск Вологодской области). В документах XVII и XVIII веков он упоминается как «белозерец»[212]: «Белозерец Зиновей Казмин сын Панов, справя за собою в Клепальском городище прожиточной жеребей невесты своей вдовы Прасковьи Яковлевской жены Федорова сына Черепова, вступил во владение в оное Клепальское городище». Дата его рождения неизвестна. У Зиновия были братья Петр и Роман. Роман и сын Петра Николай в 1699 году, после смерти Зиновия, претендовали на его поместья и вотчину[213].

Вернемся, однако, к его женитьбе на Прасковье Череповой. Здесь необходимо отметить, что отказ прожиточного поместья жениху должен был состояться до его женитьбы. Такой был порядок. В своде законов

[210] Там же. Л. 398 об.–399.

[211] Скорее всего, намного дольше, как минимум с XVI в. (см. разд. 1.4.1).

[212] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 14 об.

[213] Отказная книга Ивана Григорьева сына Анненкова на прожиточное поместье и вотчину невесты Марии и на прожиточное поместье своей тещи вдовы Прасковьи Зиновьевой жены Панова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 301).

того времени — Соборном уложении читаем[214]: «А за кого зговорит замуж вдова или девка с прожиточным своим поместьем, и тому о справке того прожиточного поместья бити челом государю до женитвы своей». То есть жених до женитьбы должен был обратиться к царю об отказе ему прожиточного поместья невесты и получить это поместье. В противном случае он мог его лишиться: «А будет кто такова прожиточнаго поместья за собою до женитвы своей не справит и учнет о том прожиточном поместье государю бити челом после женитвы своей, и за ним того прожиточного поместья не справливати, и отдать в род беспоместным и малопоместным по разсмотрению». То есть, если жених до женитьбы не переписал на себя прожиточное поместье невесты, то он автоматически его лишался. При этом поместье могло быть переписано другим претендентам в род невесты или совсем чужим людям.

На челобитную Зиновия и Прасковьи последовал ответ из Поместного приказа. 11 октября в пошлинной книге Печатного приказа появилась следующая запись[215]: «В Путивль к стольнику и воеводе к Ивану Белосельскому да к дьяку к Илье Колпакову по челобитью вдовы Парасковьи Яковлевой жены Черепова да Зиновья Панова. Велено в Путивльском уезде в Подгородном стану Яковлево поместье Черепова шездесят пять чети, что было довелось дать ей вдове на прожиток, отказать ему, Зиновью, в поместье. Да того ж поместья тритцать две чети с осминою отказать иво Яковлевой дочери девке Марине на прожиток. Пошлин со вдовы с чети и с человека, а з Зиновья с чети, а з девки с чети два рубли девять алтын полтрети деньги взято. Припись дьяка Бориса Протопопова. Справка Семена Зайцова. Писана октября в 11 день». Зиновью Панову, как мы видим, было отказано 65 четвертей. Остальные 32,5 четверти достались малолетней Марине в качестве прожиточного поместья. Разделили также и клепальских крестьян между Зиновием и его падчерицей Мариной[216]. У жителей деревни теперь стало 4 хозяина: Зиновий Панов, девка Марина, Иван и Василий Андреевы дети Череповы. Соответственно были раздроблены и другие поместья Якова Черепова.

28 октября 1681 года состоялся отказ прожиточного поместья Прасковьи ее жениху Зиновию[217]: «Лета 7190 (1681) октября в 28 день по Государеву Цареву и Великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца указу и по грамоте ис Поместного приказу за приписю дьяка Бориса Протапопова, и по приказу стольника и воеводы князя Ивана Большого Никифоровича Белосельского, да дьяка Ильи Колпакова по челобитью капитана Зиновья Кузьмина сына Панова да вдовы Поросковьи путивльца Яковлевской жены Черепова, путивлец Петр Меньшой Леонтьев сын Литвинов {и} путивльской приказной избы подьячей Павел Борыбин ездили в Путивльскои уезд в Подгородной стан путивльца в Яковлево Федорова сына Черепова в вотчину треть деревни что было селище Лосино на реке на Клевени, да в село Ласкаво Яцыно то ж, да в жеребей деревни что было селище Чаплицкое в верхнею сторону на реку на Семь, да за Семь на речку на Терн и на Курицу во укольной ухожей, и на дикое поле, и на речку {Терн} в село Череповку, и на пустошь за реку за Семь на Клепальское городища, да за Мокшевицкой перевоз на Ослецкое и на Чашское городища, и подле Ослецкого озера с урочищи. И взяв с собою тутошних и сторонних людей старост и целовальников, и крестьян сколько человек пригож, да в том поместье и вотчине переписали дворы крстьянские и бобыльские дворы, и во дворех людей по имяном, и места дворовые, и пашню, и сено, и лес и, всякие угодья. А переписав да ис того Яковлева поместья Черепова с поместного ево окладу со шти сот с пятидесят чети со ста по десяти чети, итого шесть десят пять чети в поле, а в дву по тому ж, что было давелось дать на прожиток жене ево Яковлеве вдове Порасковье, отделил жениху ее Поросковьину капитану Зиновью Кузьмину сыну Панову со всеми угодьи».

Итак, Зиновию Панову достались поместья вдовы Прасковьи в деревнях Клепало, Лосиной (Черепово) и Чаплищах, в селах Ласково и Череповке, а также в Ослецком и Чашском городищах.

Кроме этого, Зиновий совместно с Мариной, Иваном и Васильем Череповыми владели сенными покосами по реке Семи, половиной Чаплицкого бортного ухожея, рыбными ловлями в реке Семи и приле-

[214] Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.
[215] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 221. Л. 171–171 об.
[216] Перечень дворов и жителей в них был представлен в разд. 1.4.6.
[217] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 510–522.

гающих озерах (от Выгорева городища и до озера Мертвая Веть), колодезями по реке Семи. В совместном пользовании оказались две мельницы: «Да им же Зиновью да девке Марине в селе Череповке на речке на Курице да на речке на Терну две мельницы вобче с путивльцы с Ываном да с Васильем Череповыми».

Среди прочих указаний царя, отметим указание Зиновию Панову жениться на вдове Прасковье и с этого поместья служить царю службу: «А Зиновью Панову на вдове Поросковье женитца, и с того поместья и со всяких угодей ему Зиновью Государева Царева и Великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца служба служить». Вот теперь Зиновию было некуда деваться. Жениться надо было обязательно. Свадьбу, надо полагать, сыграли осенью 1681 года или зимой 1682 года.

У Зиновия с Прасковьей родилась дочь Мария. Точная дата ее рождения в имеющихся документах не указана. Но есть косвенные данные относительно этого. В переписной книге Путивля и его окрестностей 1719 года[218] указан возраст Марии — 30 лет: «Во дворе вдова Марья полковника Ивановскоя жена Анненкова 30 {лет}». Возможно, ей было 30 лет не в 1719 году, а на год или два ранее, когда, собственно, и производилась перепись. Тогда получается, что она родилась где-то между 1687 и 1689 годами. С другой стороны, доподлинно известно, что Мария вышла замуж в 1699 году. Это указано в отказной книге следующего за Пановым помещика села Клепалы Ивана Анненкова[219]: «Да августа ж в 19 день {1699 года} била челом Великому Государю девка Марья стольника Зиновьева дочь Панова. В 1699-м году зговорила ее мать ее вдова Прасковья Яковлева жена замуж за стольника за Ивана Григорьева сына Анненкова». Если ссылаться на переписную книгу 1719 года, то получается, что в это время ей было 10–12 лет. Но в XVII веке дворянка в этом возрасте имела бы большие проблемы с выходом замуж, поскольку она считалась малолетней. Женившись на малолетней, жених лишался возможности получить ее прожиточное поместье. Вот что сказано по этому поводу в Соборном уложении: «А здавати девкам свои прожиточные поместья, которая девка будет в возрасте, в пятнадцать лет. А будет кто о девкине о прожиточном поместье учнет государю бити челом и скажет, что ему девка свое прожиточное поместье здает, а девка в те поры будет в малых летех меньши пятинатцати лет, и таким челобитчиком не верить, и девкиных прожиточных поместей за ними не справливать». Как видим, в то время девка считалась малолетней до возраста 15 лет. Однако, согласно той же отказной книге Ивана Анненкова, девка Мария была выдана замуж со своим прожиточным поместьем и с вотчиной. Стало быть, в 1699 году ей было как минимум 15 лет. Тогда выходит, что наиболее правдоподобным можно считать год ее рождения 1683-й или 1684-й. Это вполне соотносится с годом выхода замуж ее матери Прасковьи за ее отца Зиновия Панова — осень 1681 или зима 1682 года[220].

Вернемся, однако, к разделу поместий и вотчины покойного Якова Черепова. Результаты этого раздела не понравились родственникам малолетней Марины — представителям рода Череповых, которые зорко следили за этим процессом. Получилось, что часть вотчинных крестьян Марины в деревне Чаплищи были написаны Панову. Об этом позднее, в 1739 году, высказался сын Марины Яков Федоров сын Вощинин[221]: «И он, Панов, согласясь с показанным Васильем и Иваном Череповыми, видя патчерицу и означенную мать ево {Якова Вощинина} Марину малолетну, отказали себе отца ея, а ево деда, вотчинных крестьян на поместье. И те книги[222] со 192 (1684) году означенная мать его не спорила для того, что она была тогда[223] малых летех, а именно шти {шести} лет. И по тому челобитью помечено мать ево осмотреть. И буде в указанных летех, то делить, а буде не в указанных летех и об досмотру розделу чинить не велено».

14 марта 1684 года била челом Марина и в своей челобитной жаловалась на «неправую» запись ее вочинных крестьян деревни Чаплищи в поместье Зиновию Панову. На тот момент Марине было всего 9 лет. Интересно, кто из Череповых стоял за ее спиной? Скорее всего, это был сосед Зиновия Панова Леонтий Иванов сын Черепов. Именно он упоминал неправильную запись вотчинных земель Марины в одном

[218] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 470.
[219] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 305 об.
[220] Немногим позднее это предположение будет подтверждено.
[221] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 1–1 об.
[222] Имеется в виду книга писца Семена Муромцева 1684 и 1686 гг. № 369.
[223] На дату женитьбы Зиновия Панова на Прасковье Череповой (1681 г.).

из своих челобитных в рамках спора с Пановым немногим позже, в 1685 году[224]: «Да он же де писец, дружа ему Зиновью, написал родственнице ево девки Марины в деревне Чаплищах вотчинную землю ему Зиновью в поместье».

По челобитной Марины 14 ноября 1684 года в поместья и вотчины, ранее принадлежащие Якову Черепову, выехали «черниговец Федор Денисьев сын Кашинцов да Путивльские приказные избы подьячей Андрей Рубоников»[225]. Заехали в Клепалы, осмотрели девку Марину. Удостоверились, что она малолетняя. И далее, в соответствии с указом из Поместного приказа, начали описывать поместья и вотчины покойного Якова Черепова. Что касается деревни Чаплищи, то в то время там был только один жилой двор. Остальные дворы, отписанные Панову, братьям Череповым и девке Марине, были пустыми. Вот как они были распределены:

- девке Марине: «двор помещиков пустой с садом и с огороды отца ее Якова Черепова, да дворище пустое крестьянское»;
- Зиновию Панову: «в жеребью деревни, что было селище Чаплицкое, в верхней стороне на реке на Семи дворища пустое крестьянское Тимошки Климова да дворище пустое Пашки Климова»;
- братьям Череповым: «в жеребью деревни Чаплищах двор помещиков пустой, два двора крестьянских пустых {и один двор жилой}».

Уже в следующем, 1685 году в рамках межеваний писца Семена Муромцева (книга № 369) за Пановым было записано в поместье в деревне Чаплищах пашни 3 четверти в поле, а в дву по тому ж. Марина, ввиду своего малолетства, в то время не оспорила эту книгу. Но возвратилась к спору позднее, уже будучи замужем за путивльцем Федором Вощининым. К тому времени Зиновий Панов уже умер.

В январе 1685 года Зиновий Панов подал жалобу в Путивльскую приказную избу на своего соседа — помещика Леонтия Иванова сына Черепова в связи с тем, что последний разместил свою пасеку в его поместье, в лесу Панова на берегу реки Семи недалеко от устья озера Клепало. Спор продолжался два года — до февраля 1687 года и ничем не закончился. Леонтия призвали на службу, а в службе он умер. Детали «пасечного» дела будут рассмотрены позднее.

Но главное, что затеял Зиновий после женитьбы на Прасковье, — это перемерить и перемежевать земли на Диком поле между деревней Клепало и Выгоревым городищем, которые, как мы знаем, до этого, в 1650 году, уже были отказаны разным помещикам: вначале Данилу Лихачеву, а потом — Василию Андрееву сыну Черепову с братьями[226].

Почему же Зиновий Панов решился расширить свое Клепальское поместье за счет этих земель, «примежевать» их себе? Скорее всего, потому, что здесь оставались не занятые Череповыми и Лихачевыми свободные земли. К сожалению, на то время точного межевания здесь произведено не было. Соответственно нет документов, в которых эти межи были бы точно описаны. В 1685 году подвернулся удобный случай: началось новое межевание земель в Подгородном стане Путивльского уезда. Занимались этим присланные из Москвы писец Семен Муромцев и подьячий Евтифей Урусков. «Подружившись» с Семеном Муромцевым, Зиновий Панов решил отмежевать себе дополнительные 150 четвертей на Диком поле и закрепить это межевание в новой писцовой и межевой книге. Разумеется, это не понравилось Череповым. Вот как описывали через 100 лет это действие Зиновия правнуки Череповых в спорном деле об этих землях[227]: «Белозерец Зиновей Казьмин сын Панов, справя за собою в Клепальском городище прожиточной жеребей невесты своей вдовы Прасковьи Яковлевской жены Федорова сына Черепова, вступил во владение в оное Клепальское городище, то он, Панов, к распространению своего владения усильством своим, начал всячески предков господина моего[228] в земляном владении притеснять, о чем с ним, Пановым, у прадеда господина моего путивльца Леонтья Иванова сына Черепова во 193-м (1685) году в генваре месяце в Путивле судное

[224] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. I. Ст. 1066. 6) Путивля. Л. 82.
[225] Отказная книга Марины Яковлевой дочери Череповой (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 1182–1193 об.).
[226] См. разд. 1.4.3.
[227] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 14 об. – 15.
[228] Эту сказку писал поверенный Череповых Кирилл Заньков.

дело производилось. Он, Зиновей Панов, ведая свою неправость, а предкам господина моего к причинению вящей обиды, в том же во 193 (1685) м году подговорил писца Семена Муромцова, которой по стачке[229] с ним, Пановым, оставя обаполь {вокруг} города Путивля земли мерять и межевать, поехал чрез немеренные и немежеванные им земли к нему, Панову, за реку за Семь в Клепальское городища и, вступя в обмежевание дачи оного Клепальского городища, не наблюдая написанной прежними писцами Клепальскому городищу межи, а перейдя оную прежних писцов межу к удовольствию Панову, примежевал из дач предков господина моего[230], ис прописанной пустоши Дикого поля, ко владению ево, Панова, к Клепальскому городищу многое количество земли и всяких угодей. И из оной неправильно примежеванной из дач предков господина моего земли по прихотям его, Панова, написал ему неправильно примерной земли сто пять десят четвертей. А по прежним писцовым книгам 136-го и 137-го годов письма и меры писцов Петра Мусарского да подьячего Гаврила Федорова[231] в оном Клепальском городище прежнему владельцу Ивану Михайлову сыну Черепову дачи написано пашенной только дватцать четвертей, сенных покосов сто копен, да лесу пять десятин».

Итак, 14 июля 1685 года состоялось межевание земель вокруг деревни Клепальское городище[232]: «Июля в 14 день отмерено и отмежевано Зиновью Кузьмину сыну Панову в Путивльском уезде в Подгородном стану в деревне Клепальском городище по обе стороны Клепальского Большого логу… А по новому письму в тех же межах и гранях прибыло пашни паханые и перелогу добрые земли сто пятьдесят чети в поле, а в дву по тому ж. И та примерная земля отдана ему ж в оклад по указу Великих Государей и по наказу».

В октябре 1686 года подьячий Евтифей Урусов подал эту книгу в Поместный приказ. Там она была принята[233]: «195 (1686) году октября 28 день подал книгу подьячей Афтифей Урусов в Москве принять». Указанные в книге межи вступили в законную силу. Таким образом, Зиновий Панов добавил к своим 20 четвертям новые 150 четвертей земли на Диком поле.

Эта новая межа хорошо известна. Ее мы подробно изучили ранее, при локализации географических объектов в окрестностях Клепальского городища (см. разд. 1.2.1). Сейчас приведем только ее реконструкцию (рис. VI). Межа Зиновия указана красным цветом, а межа Ивана Черепова 1626 года — сиреневым. Площадь «примеренных» земель[234] составляет около 200 га. То есть 400 четвертей, что приблизительно равно 150 четвертям в поле, а в дву по тому ж. После примежевания Зиновием дополнительных 150 четвертей для их возделывания ему понадобились новые рабочие руки. Но пока в деревне Клепало оставались все те же 7–8 крестьянских дворов. Уже через несколько лет, в самом конце XVII века, Панов начнет массовое заселение деревни пришлыми вольными людьми — черкасами.

Между тем 13 февраля 1693 года (уже после смерти Леонтия Черепова) его жена вдова Дарья и Зиновий Панов произвели обмен землями в устье озера Клепало и на Диком поле[235]: «А в 201-м (1693) году ис того их поместья в Часком и Ослецком городищах помянутая вдова Дарья Леонтьевская жена с сыном своим Петром Большим Черепова из одной четверти променили меж Печковского логу и валу, и меж Выгорева и Клепальского городищ пустоши, что в усть озера Клепал, прадеду верителя моего Зиновью Казьмину сыну Панову дватцать четвертей. И то выменное поместье за ним Пановым в том же году справлено и отказано. И на той земли поселены вольные люди черкасы». 11 апреля 1693 года состоялась процедура отказа земель Зиновию Панову и наследникам Леонтия Черепова. Вот фрагмент их отказной книги[236]: «Лета 7201 (1693) года апреля в 11 день по указу Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцев и по грамоте ис Поместного при-

[229] Стачка – сговор.
[230] Василия Иванова сына Черепова.
[231] Книга № 10553 1628 и 1629 гг.
[232] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 65.
[233] Там же. Л. 1.
[234] Измерение площади производилось при помощи инструментария ресурса Google Earth.
[235] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 11.
[236] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 36–39.

казу за приписью дьяка Анисима Невежина, и по ноказной памяти думного дворенина и воеводы Григорья Ивановича Косагова за приписью дьяка Ильи Колпакова, по челобитью Зинова Козьмина сына Панова да вдовы Дарьи Леонтьевской жены, да сына ее Петра Большого Череповых Путивльской приказной избы подьячей Осип Котельнин в Путивльской уезд в Подгородной стан за реку за Семь к Часкому и Клепалскому городищем в Зиновьева поместье Панова да в Путивльской же уезд в Подгородной стан за реку за Семь вверх речки Выжлицы под лес пристенок меж Печковского логу и валу, да в деревню Красною слободку Корпиловку то ж[237], меж Выгорева и Клепальского городища с урочищи путивльца в Леонтьева поместья Черепова ездил». В процессе этого отказа в поместье Леонтия Черепова на речке Выжлице, из 83 четвертей, Зиновию Панову было написано 20 четвертей в поле (а в дву по тому ж). Ему же были написаны и 6 крестьянских усадеб в деревне Карпиловке.

Почти через сто лет, в 1783 году, эту сделку пытались отменить потомки Леонтия Черепова. Вот что пишет об этом правнук Леонтия прапорщик Леонтий Никифоров сын Черепов[238]: «Вдова Дарья Данилова дочь прописанного путивльца Леонтьевская жена Иванова сына Черепова с сыном своим, а господина моего[239] с дедом Петром {Большим} Леонтьевым сыном Череповым, которой обдержим был падучею болезнию, от чего и находился во всегдашнее время в безпамятстве. А при том в то время был еще и в малолетстве, по которой мене будто бы Зиновей Панов променил ей, вдове Дарье, и сыну ее Петру ис поместья своего в Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью в пустоши Чаского и Ослецкого городищ одну четверть. А она, Дарья, с сыном своим будто бы променили ему, Панову, из прожиточного после мужа ее Дарьина Леонтья Черепова поместья в упоминаемой пустоши Дикого поля да в том же уезде и стану за рекою за Семью в пустоши ж верх речки Выжлицы под лесом пристенком меж Печковского логу и валу, где ныне деревня Красная слободка, Карпиловка то ж, пашни дватцать четвертей со всеми угодьи. А сколько в которой пустоши порознь не росписано. Да в деревне ж Карпиловке крестьянские дворы с поселенными вольными людьми черкасы, чего оным прабабке господина моего Дарье и деду Петру Череповым жилое на пустое, а при том и на одну четверть дватцати четвертей променивать на самую малость с обидою себе надобности никакой не настояло почему. А паче как действительно показанной дед господина моего написанной от Зиновья Панова меновщиком обдержим был падучею болезнию и находился в замешательстве ума во всегдашнем безпамятстве ив сущем малолетстве, что к доказательству оного ево малолетства и состоящего по болезни безпамятства по переписным 710 го полковника Ушакова и 719 го годов камисара Григорья Спешнева в Государственной камор коллегии книгам явствует, по каковым резонам оной мене действительной быть неможно».

В этой записи подтверждено, что в отказных книгах не указано, где находились эти 20 четвертей, которые получил Зиновий Панов. Какая их часть была на Выжлице, а какая — в Диком поле между Клепальским и Выгоревым городищами. Главное, на что указывает прапорщик Черепов, — это то, что сын вдовы Дарьи был малолетним и страдал падучей болезнью (эпилепсией). Ввиду этого во время сделки по обмену находился «в замешательстве ума» и «всегдашнем беспамятстве». Иначе как можно объяснить, что за одну четверть земли в пустоши Чашского и Ослецкого городищ Зиновий получил 20 четвертей земли с поселенными на ней черкасами. Как пишет прапорщик Леонтий, Дарья обменяла «жилое на пустое». Что касается эпилепсии сына Леонтия Черепова Петра Большого, то в переписной книге города Путивля и его окрестностей 1719 года имеется запись по помещикам Череповым в деревне Чаплищах[240]: «Петр Леонтьев сын Черепов 28 лет. Брат Петр 32 года, одежим подучею болезню. Дочери Марфа 16. Вновь явились Акилина 4, Авдотья году. Из оного двора убыло дочь его Мотрена. Выдана замуж». Петру Большому в 1719 году было 32 года. Стало быть, в 1693-м — 6 лет. Действительно, он был в то время малолетним и болел эпилепсией. Но как болезнь шестилетнего ребенка могла повлиять на сделку по обмену земель? Ведь его мать вдова Дарья была в здравом уме. Равно как и Зиновий Панов. Но почему-то ее правнук делает акцент на болезни малолетнего Петра. С другой стороны, мотивы вдовы при этом обмене действительно остаются неясными.

[237] В 1693 г. деревня Карпиловка имела два названия: Красная слобода и Карпиловка.
[238] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 15 об. – 16.
[239] Записку писал доверенный человек Леонтия Никифорова сына Черепова.
[240] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 186.

В течение следующих двух лет Зиновий Панов производил дальнейшее заселение своей части деревни Карпиловки, и к началу 1695 года там появились еще 10 усадеб вольных черкас. Чтобы избежать споров с вдовой Дарьей и ее сыновьями, Зиновий Панов решил узаконить пребывание новопоселенных черкас на своих землях. По его челобитию 2 января этого года был произведен сыск. На земли Панова в Карпиловке поехали «черниговец Василей Денисов сын Кашинцов да Путивльские приказные избы подьячей Иван Прохоров»[241] вместе с местными старожилами. Они переписали этих вольных черкас и разобрались с тем, на чьих землях эти черкасы были поселены. В результате было велено владеть ими Зиновию Панову.

В начале 1693 года состоялось знаменательное событие в истории села Клепалы: Зиновий Панов закончил постройку церкви. Немногим ранее, в 1691 году, он передал церкви 10 четвертей своих поместных земель[242]: «Во 199 (1691) году Зиновей Панов ис того своего поместья в деревни Клепальском городище 10 чети поступился к церкви». К этому времени Зиновий был уже стольником[243]. Это был чин служилого человека, его получали за царскую службу.

В первой половине 1694 года Зиновий выдал замуж свою падчерицу Марину за Федора Дмитриевого сына Вощинина[244]: «7202 (1694) году {13 июня} девка Марина с тем своим прожиточным имением и вотчиною вышла замуж за Федора Дмитриева сына Вощинина. И в том же годе то ее, Маринино, поместье и вотчина за ним, Вощининым, справлено». Марине тогда было 18–19 лет.

Вот фрагмент ее отказной книги, где указаны поместье и вотчина, с которыми Марина вышла замуж[245]: «Лета 7202 (1694) году июня в 13 день по челобитью Федора Дмитриева сына Вощинина в Подгородный стан в прожиточное поместье девки Марины путивльца Яковлевои дочери Черепова и в вотчину, что ей дано отца ее поместье и вотчина отделу Федора Денисова сына Кашинцова прошлого 193 (1685) году в село Лосино Черепова то ж, на речку на Клевень, да в жеребей деревни, что было селище Чаплицкое на реке на Семи. Да за реку за Семь на речку на Терну и на Курицу в укольный бортной ухожей, и на дикое поле на речку на Цыпку, да в село Череповку, к Ослецкому и к Часкому городищам с урочищи ездил. А приехав в том поместье и вотчине переписал дворы крестьянские и бобыльские и в них людей по имяном <…>, да то прожиточное поместье, а в нем пашни тритцать две чети с осьминою да вотчины сто пять десят чети. Всего сто восмь десят две чети отказал жениху ее путивльцу Федору Дмитриеву сыну Вощинину поместные в поместье, а вотчина в вотчину. В селе Лосине четыре двора крестьянских. В Чаплищах двор помещиков, где жил наперед сего Федор Иванов сын Черепов, да два двора крестьянских. В селе Череповке черкас дватцать семь дворов. На речке Курицы мельница со всяким мельничным строением вопче с Зиновьем Пановым. Да рыбные ловли вопче с помещики на реке Семи».

А Зиновий Панов тем временем продолжал проводить сделки с землей. Так, 21 июня 1691 года он произвел обмен с Иваном и Василием Андреевыми детьми Череповыми. Это племянники Якова Черепова[246], на которых после смерти Якова было переписано значительное число его поместий. Зиновий отдал братьям Череповым половину четверти (осьмину) своих земель с угодьями в Часком и Ослецком городищах. А взамен получил три четверти с третником (3,3 четверти) пашенной земли с дубравами в деревне Черепово (старое название — Лосино). Вместе с землей — двор крестьянский Ивашки Денисова сына Коченова с сыном Гаврилкой и два двора крестьянских пустых. Надо отметить, что треть деревни Лосино — это природная вотчина Федора Черепова — отца Якова. Надо полагать, что на эту сделку Панова сподвигла его жена Прасковья, которая таким образом возвращала себе вотчинные земли своего первого мужа.

26 июня 1693 года Зиновий за свои 2 четверти в Чашском и Ослецком городищах обменял у вдовы Агафьи Федоровой жены Кашинцова[247] ее прожиточное поместье в селах Глушце и Волынцеве, а также в дерев-

[241] Отказная книга Зиновия Панова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 51–52 об.).
[242] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10618. Д. 32. Л. 316.
[243] Стольник по росписи чинов в Русском государстве XVII в. занимал пятое место после бояр, окольничих, думных и дьяков. Стольники могли назначаться на воеводские, посольские, приказные должности.
[244] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 6.
[245] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10565. Л. 804–807 об.
[246] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10565. Л. 169–172.
[247] Там же. Л. 603–604 об.

не Козловке и в Юрьевских лесах «и в них пашни четыре чети в поле, а в дву по тому ж, с рыбными ловлями, и з бортным ухожьем, и со всеми угодьи». «Да ему ж Зиновю отказал на речки на Выжлицы в мельницах жеребей против дач, да усадьбы к речки Выжлице к нижней мельницы, что мельница на Выжлицы». Зиновий получил, как мы видим, долю (жеребей) в мельницах на речке Выжлице и усадьбу у нижней мельницы[248].

Этой же датой ему было отказано поместье, которое он выменял за свое поместье в Чашском и Ослецком городищах в одну четвертую часть четверти (пол-осмины) у путивльца Кузьмы Никитина сына Опышкова на его поместье в деревне Лосиной (она же деревня Черепова), в деревне Чаплищах и в селе Череповке пашни 24 четверти[249]. Это, опять-таки, возвращение в род Зиновия и Прасковьи поместий Череповых.

26 июля 1693 года Зиновий за одну осьмину (половину четверти) в Чашском и Ослецком городищах выменял у Кирилы Алексеевского сына Титова в селе Череповке 2,3 четверти (две четверти с третником).

1 июня 1694 года, при межевании вотчинных земель Василия Иванова сына Черепова[250], Зиновию Панову было отказано на речке Выжлице «меж Печковского логу и валу» 12,5 четвертей в поле, а в дву по тому ж. «Да ему ж Зиновью да вдове Дарье к лесу пристенку и вверх к речки Выжлицы оставлено на усадьбы и на сенные покосы и на лесные угодьи земли сто шездесят две десятины».

В марте 1697 года у Зиновия Панова вместе с зятем Федором Вощининым (мужем Марины) возник спор за владение землями в пустоши Чашского и Ослецкого городищ в месте, где позднее находилась деревня Лухтовка: «В Часком и в Ослецком городищах, что ныне словет деревня Лухтевка». Спорили они с Федором Тухачевским, а также с Никитой и Григорием Глебовыми. Детали этого спора не известны, но имеется отказная книга Панова и Вощинина от 15 марта этого года[251], в которой отражен результат спора в их пользу. Спорили они за поместье «в деревни Лухтевки, что написано на помещиков двор с усадьбою на островку к речки Чаши и струги, что вышла из речки Чаши, да месты дворовыми крестьянскими и черкаскими {10 дворов жилых и 7 мест дворовых пустых}».

Этой же датой (15 марта 1697 года) Панов обменялся поместьями с Василием Тимофеевым сыном Коровяковским[252]. Зиновий за четвертую часть четверти земли (пол-осьмины) своего поместья в Чашском и Ослецком городищах получил «поместье Коровяковского в деревни Лухтевки. А в нем пашни семь чети в поле, а в дву по тому ж... Да ему ж Зиновью Панову в том Васильевом поместьи Коровяковского в деревни Лухтевки отказал новоприхожих вольных людей черкас (в{о дворе}) Костька Стрыганов зять. Да в той же даче в слабодке к озеру Дечи новопрохожих же черкас {три двора}». Эта сделка напоминает обмен поместьями Панова и вдовы Леонтия Черепова, когда Зиновий получил 20 четвертей земли с крестьянами взамен одной чети своей. Наследники Черепова через сто лет возбудили спорное дело по этому поводу. А вот по сделке с Коровяковским никаких спорных дел не обнаружено. Жаль, что мы не можем узнать, какие доводы приводил Зиновий своим контрагентам при подобных обменах.

Немногим ранее, 6 апреля 1696 года, Панов за осьмину своего поместья в Чашском и Ослецком городищах выменял у подьячего Путивльской приказной избы Павла Борыбина его поместье в Мужецкой волости за перевозом Белыми Берегами в пустоши Кротовой дуброве «что ныне село Духановка»[253] с урочищами 40 четвертей с рыбной ловлей в озере Куличевом с бортным ухожеем в острове Деляни.

Таким образом, Зиновий Панов за период с 1691 по 1697 год выменял за свои 4,5 четверти земли в Чашском и Ослецком городищах 40,6 четверти в деревнях Путивльского уезда и в волостях. Таких сделок было пять.

Всего к началу 1697 года за Зиновием Кузьминым сыном Пановым было поместья в Путивльском уезде по разным дачам 315 четвертей с осьминою[254].

---

[248] О мельницах будет детально рассказано позднее.

[249] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10565. Л. 610.

[250] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568, Л. 102–102 об.

[251] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10566. Л. 340–342.

[252] Там же. Л. 347 об. – 348.

[253] Там же. Л. 430.

[254] Краткое описание этих же сделок приведено в деле Ивана Андреева Гамалея и его жены о справке по купчей от Семена Неплюева (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 494 об. – 496). Это позволило произвести их выверку.

В этом же 1697 году Зиновий Панов получил от царя вотчину[255]: «А в 205 м (1697) году февраля в 16 день из того Зиновьева поместья Панова в Путивльском уезде в селе Клепальском городище з деревнями и с пустошми, а в них пашни 119 четвертей за Чигиринскую службу. Да в селе Ласкове, Яцыно то ж, з деревнями, а в них пашни 31 четверть за вечной мир. Всего 150 четвертей дано ему в вотчину». Здесь необходимо пояснить, что Чигиринская служба — это участие Зиновия Панова в русско-турецкой войне 1676–1681 годов, а «вечный мир» — мирный договор о разделе Гетманщины, заключенный между Русским царством и Речью Посполитой 26 апреля 1686 года. История участия Зиновия Панова в этих баталиях ждет своего исследователя.

Итак, Зиновий Панов получил вотчину в Клепальском городище 119 четвертей в поле, а в дву по тому ж. Это была часть земель, примеренных им в ходе межевания писца Семена Муромцева в 1685 году. Кроме этого, он получил в вотчину 31 четверть в деревне Ласково (она же Яцыно). Эти земли были когда-то прожиточным поместьем Прасковьи Яковлевой дочери Яцыной (вдовы Якова Черепова, а затем жены Зиновия), а также ее, Прасковьи, матери — Марии Яцыной. Таким образом, Прасковья закрепила в своем роду земли предков в виде вотчины Зиновия Панова.

В остатке у Зиновия Панова осталось поместье 165 четвертей с осьминой. Его поместный оклад в это время составлял 800 четвертей. Огромный для помещиков Путивльского уезда того времени.

Как говорилось ранее, Зиновий имел непростые отношения со своей падчерицей Мариной Яковлевой дочерью Черепова. В 1694 году Марина вышла замуж и покинула семью Панова. После этого Зиновий предпринял ряд мер, чтобы уладить с ней все противоречия. Он заключил с Мариной, ее мужем Федором и даже со своим свекром Дмитрием Григорьевым сыном Вощининым так называемые «полюбовные сделки»[256] и оформил «сделочные записи»[257] о поместьях, вотчинах и даже о домашней скотине. Вот как об этом пишет в челобитной царю его дочь Мария[258]: «В прошлых, Государь, годех были зделки {полюбов} ные и зделашные записи в поместьях и вот{чинах} и в животах {домашней скотине} у отца моего Зиновья Кузьмича с пат{черице}ю ево, а с моею сестрою, Мариною Яковлевою {дочерью} Черепова и с мужем ее с Федором Дмитревым, свекрам ее з Дмитрием Григорьевым сыном {Вощ}ининым. И во всем в том дали на себя полюбовныя и зделашные записи с неустойкою[259] отцу моему Зиновью Кузьмичю и матери моей Просковье Яковлевне, и мне, рабе твоей». То есть были заключены договоры о взаимном признании сторонами вотчин и поместий, а также домашнего скота. Более того, Марина, Федор и Дмитрий Вощинины обязались выплатить Зиновию, Прасковье и Марии деньги в случае нарушения этих соглашений. Все эти бумаги были подписаны участниками и заверены в Путивльской приказной избе.

Для примера приведем текст одной из сделочных записей Зиновия Панова. Список (копия) этой записи имеется в спорном деле Василья Андреева сына Черепова о записке за ним имения (Черепова, Чаплища, Клепала, Байдурская) 1700 года[260]: «Се аз Зинов Кузьмин сын Панов, да аз есьми на себя сделачную запись путивльцом Ивану да Василью Андреевым детем Череповым и их женам, и детем в том, что в нынешнем 193-м (1684) году била челом Великому Государю девка Марина Яковлева дочь Черепова, чтобы ей с ними с Иваном да с Васильем, и со мною, Зиновьем, переделить поместья и бобыли, и крестьяны, и мельницы, и всякие угодьи. И они, Иван да Василей, поговоря со мною, Зиновьем, и з девкою Мариною промеж себя, полюбовно розделили крестьян и бобылей и помесную землю, и мельницы, и всякие угодьи, изверстав[261] против дач[262]. А досталося им, Ивану да Василью, ис пашнею в деревне Череповой, да в деревне Чаплищах,

[255] Там же. Л. 496–496 об.

[256] Полюбовный – установленный по обоюдному согласию.

[257] Сделочная запись – запись о заключении договора, сделки.

[258] Челобитье дочери стольника Марии Зиновьевой Пановой о посылке грамоты Севскому воеводе по поводу уничтожения сестрой ее Мариной Вощининой полюбовных и зделашных записей на вотчины и поместья (РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ч. 2. Столбцы Севского стола. Ст. 38. II. 27). Л. 48).

[259] Запись с неустойкою – запись, предусматривавшая выплату неустойки в случае нарушения обязательства.

[260] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 924. ДСЛ. Кн. 10598. Д. 8. Л. 36–37 об.

[261] Изверстати – разделить, распределить.

[262] Изверстать против дач – разделить, распределить в соответствии с дачами.

да в селе Череповке, которые преж сего за нами записаны были по отказным книгам отказу Петра Литвинова. Да мельница на речке на Терну со всем мельничным строением. А мне, Зиновью, досталось в деревне Череповой да в деревне Чаплищах, да в деревне Клепалах со всеми угодьи, да в селе Череповке крестьяне и бобыли, которые преж сего написаны были в отказных книгах Петра Литвинова. Да мне, Зиновью Панову, достались крестьяне в деревне Клепалах, которые преж сего написаны были по отказным книгам за ними, за Иваном да за Васильем из землею. Да мне ж, Зиновью, мельница на речке на Курице в селе Череповки со всем мельничным строением и з заводы[263] с патчерицею моею с девкою Мариною. А рыбные ловли и сенные покосы владеть нам против прежних дач по прежнему, а опричь деревни Клепала. А что у нас кому досталось по полюбовному нашему разделу и то у нас написано в роздельные книги розделу черниговца Федора Кашинцова нынешнего 193 (1684) году. А будет учинит бить челом Великому Государю моя патчерица девка Марина Яковлева дочь Черепова о переделе крестьян и земли, и мельницы, и то нам поместья им, Ивану да Василью Череповым, да мне, Панову, свалить в подвал в деревне Череповой, да в деревне Чаплищах, да в деревне Клепалах, да в селе Череповке со всеми угодьи и розделить промеж себя по дачам. И впредь мне, Зиновью, и жене моей и детям, владеть поместьем своим крестьяны и бобыли, и мельницами, и пашнею, и всеми угодьи по нынешним роздельным книгам Федора Кашинцова. И нам всем не бить челом Государю. Запись писал Стешка Покровского. Лета 7193 (1684) году ноября в 11 день».

Не совсем, конечно, ясно, как Панов и братья Череповы договаривались с малолетней Мариной. На то время ей было 5 или 6 лет. Но, как было указано, Зиновий оставил за Мариной право обжаловать эти договоренности. Если Марина начнет «бить челом Государю о переделе крестьян и земли», то эти сделочные записи можно будет считать недействительными («свалить в подвал») и все переделить. Что Марина, впрочем, скоро и начнет делать.

В 7206 (1697/98) году Зиновий Панов умер. Этот факт в 1699 году (май или июнь) упомянула его дочь Марья в своей челобитной царю Петру Алексеевичу[264]: «И в прошлом, Государь, в 206 м году отца моего Зиновья Кузьмича не стала». Попробуем уточнить дату смерти Зиновия. В отказных книгах следующего помещика села Клепалы Ивана Анненкова говорится о прожиточном поместье вдовы Прасковьи[265]: «В даче прошлого 206 (1698) году июня в 26 день написано: дано вдове Просковье стольника Зиновевой жене Панова из ево поместья <…> пашни сто шездесят чети в поле, а в дву по тому ж». Таким образом, 26 июня 1698 года вдова Прасковья получила прожиточное поместье из поместного оклада умершего мужа. Учитывая небыстрый документооборот XVII века, можно предположить, что Зиновий умер весной 1698 года.

Причину его смерти определим (как и в случае с Яковом Череповым) по размеру прожиточного поместья, которое получила его вдова. Передача этого поместья состоялась в июне того же года[266]:«По смерти Зиновья Панова поместья ево сто шездесят пять четвертей с осьминою да вотчины сто пятьдесят четвертей, всево триста пятнадцать четвертей с осьминою, с поместного ево окладу с васьмисот четвертей со ста по дватцать, итого сто шездесят четвертей отдано на прожиток жене ево вдове Прасковье». Ключевая фраза в этой цитате: «С поместного ево окладу с васьмисот четвертей со ста по дватцать, итого сто шездесят четвертей». То есть, с каждых ста четвертей поместного оклада Зиновия Панова вдове Парасковье было отписано в ее прожиточное поместье по 20 четвертей. Из 800 четвертей его поместного оклада получилось 160 четвертей. Согласно статье 30 главы XVI Соборного уложения 1649 года, получается, что Зиновий Кузьмин сын Панов был убит на службе, в бою. Немногим позднее его дочь девка Марья, согласно этой же статье, получила свое прожиточное поместье из расчета 10 четвертей из каждых ста четвертей поместного оклада своего отца, что опять-таки подтверждает причину смерти Зиновия. А пока Марья получила на прожиток остаток поместье отца 5 четвертей с осьминой и его вотчину 150 четвертей[267].

[263] Завод – строение или место, оборудованное для какого–либо производства, например, для разведения птицы (птичий завод).
[264] РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ч. 2. Столбцы Севского стола. Ст. 381. I. 27). Л. 48.
[265] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 306 об. – 307.
[266] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ед. хр. 4777. Л. 38.
[267] Там же.

Итак, к концу своей жизни Зиновий Панов имел следующие поместья и вотчины[268]: «В селе Клепальском городище, в деревне Красной слободке (Карпиловка то ж), за рекою за Семью у Часского и у Ослецкого городища, да в Дороголевскои волости в селе Волынцове, в деревни Козловке, да за рекою за Семью в селе Глущце, да в Юрьевских лесах, да в Подгородном стану в селе Ласкове (Яцыно то ж) и в деревни Чаплищах, в селе Череповке, в деревни Череповой (Лосино то ж), да в Мужецкой волости в Кротове дуброве, что ныне село Духановка, да в островку Желени и в Лушках. А в них пашни сто шездесят {пять} чети {с осьминой} в поле, а в дву по тому ж… Да выслуженая ево Зиновева вотчина сто пять десят чети в поле, а в дву по тому ж».

Таким образом, у Зиновия было поместий 165,5 четверти и вотчины 150 четвертей. Всего 315,5 четверти в поле, а в дву по тому ж. С учетом троеполья, в современных единицах площади, 520 га земли. Начинал он в 1681 году с прожиточного поместья своей невесты вдовы Прасковьи, с 75 четвертей. То есть с 124 га. За свою жизнь в селе Клепалы, за 17 лет, он увеличил площадь своих пахотных земель более чем в 4 раза. В начале 1690-х годов он начал массовое заселение села Клепалы и деревни Карпиловки свободными людьми — вольными черкасами. В частности, в селе Клепалы число дворов выросло с 7 в 1685 году до 129 в 1698 году.

1.4.8. Спор о пасеке

Осенью 1681 года капитан Зиновий Кузьмин сын Панов женился на вдове Якова Черепова Прасковье и стал помещиком деревни Клепало. Уже тогда он знал, что на территории прожиточного поместья его невесты находилась пасека, принадлежавшая его соседу — Леонтию Иванову сыну Черепову, потомку братьев Череповых — первых владельцев поместья на Диком поле (см. разд. 1.4.3). Пасека находилась возле устья озера Клепало, на Диком поле, в лесу, который в то время рос вдоль левого берега реки Семи и доходил до Выгорева городища и озера Глушица.

В грамоте царя от 21 июня 1686 года кратко пересказана история этого поместья и пасеки в нем[269]: «Ив прошлом де во 159 (1650) году те пустоши против писцовых книг отданы отцу ево {Леонтия} Ивану з братьею и с ево дядьями с Васильем, да с Петром, да с племянником Григорьем з братьями. И в прошлом во 189 (1681) году то отца ево поместье отдано ему, Леонтью. И на том де поместье, что усть озера Клепала с урочищи, он, Леонтей, на пасечное место к сад лесу росчистил и сад насадил. И на то де пасечное место пущал он, Леонтей, путивльских салдат Андрея да Василья Соколовых со пчелою сидеть».

Как мы видим, Леонтий вырубил лес рядом с устьем озера Клепало и насадил на этом месте сад (первый известный сад в Клепалах!), а в саду устроил пасеку. Присматривать за пасекой («со пчелою сидеть») Леонтий нанял путивльских солдат Андрея и Василия Соколовых.

Забегая немного вперед, укажем, что, пасека была там довольно давно — около 10 лет, со времен, когда помещиком в деревне Клепало был Федор Иванов сын Черепов. Почему же спор не возник тогда? Вероятной причиной было то, что в то время соседями Федора Черепова со стороны Дикого поля были его двоюродные племянники Василий, Петр и Иван Ивановы дети и даже, если пасека находилась за межой племянников Федора, затевать спор он не стал.

Вскоре, в 1684 году, было начато межевание земель Подгородного стана Путивльского уезда. В отличие от межевания 1628 года, оно было гораздо более точным. Если старые межевые деревья были в наличии, то грани на них обновлялись. Дополнительно вдоль межи в нужных местах устанавливались межевые столбы с гранями. Новое межевание шло полным ходом, когда 16 января 1685 года Зиновий Панов написал челобитье царю с жалобой, что на его территории находится пасека Леонтия Черепова. Эта челобитная положила начало спорному делу, которое названо: «Спор о пасеке между Зиновием Пановым, Андреем и Василием Соколовыми и Леонтием Череповым» (1685–1686). Далее, для краткости, будем называть

[268] Отказная книга Ивана Григорьева сына Анненкова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 306 об. – 307).
[269] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. I. Ст. 1066. 6) Путивля. На 83 листах. Л. 81.

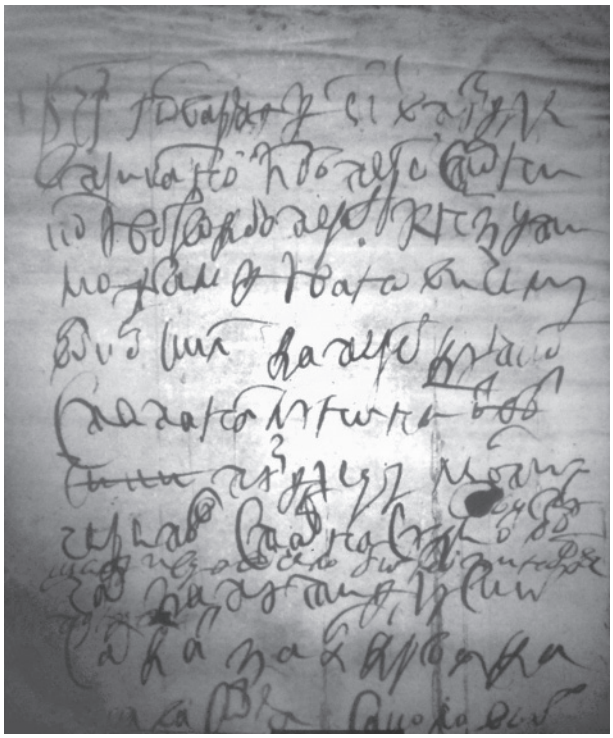


Рис. 1. **Черновая запись о допросе в Путивльской приказной избе. 1685 г.**

этот спор «пасечное» дело. Ход этого же дела описан позднее еще в одном источнике[270]: «Дело, присланное по подписанной апеляции и по поданной к челобиной ассесора Гамалея о землях ево Путивльского уезда села Клепал по спору и деревнею Выгорева городища ево ж Гамалея с протчими» 1783–1788 гг. В рамках этого дела спорил тогдашний клепальский помещик Михаил Иванович Гамалея с другими помещиками за земли Дикого поля между Клепальским и Выгоревым городищами. Этот источник будем в дальнейшем называть «дело Михаила Гамалея». Два этих дела дополняют друг друга, и их сопоставление позволяет более детально и точно описать ход событий.

Итак, 16 января 1685 года Зиновий Панов подал в Приказную избу в Путивле челобитную с жалобой на Леонтия Черепова[271]: «193 (1685) году генваря в 16 день бил челом Великим Государем Царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцем в Путивле в приказной избе стольнику и воеводе князю Тимофею Ивановичю Волконскому да дьяку Степану Лукину подал челобитную Зинов Понов. А в челобитной пишет: Царем Государем и Великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодердцем бьет челом холоп ваш Зинька Козьмин сын Панов. Жалоба, Государи, мне на путивльских салдат на Андрея да на Василья Спиридоновых детей Сакалова. В Путивльском уезде в деревнишке моей Клепале сидели в лесу пасекою за рекою за Семью многия лета. Милосердные Государи Цари и Великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцы, пожалуйте меня, холопа своиво, велите, Государи, мне на них Андрея да на Василья в том моем пасечном месте подане в пятьдесят рублех дати Свой Царской суд и управу. Цари Государи, смилуться пожалуйте». Здесь указано, что солдаты сидели с пасекой «многие лета», и Зиновий требует от них (фактически — с Леонтия Черепова) возместить ему убытки в размере 50 рублей. Немалые деньги по тем временам.

В этот же день, 16 января, в Путивльской приказной избе состоялось судебное заседание, на которое был приглашен Зиновий Панов в качестве истца и Леонтий Черепов в качестве ответчика. Заседание вел стольник и воевода князь Тимофей Иванович Волконский. Записи делал дьяк Приказной избы Степан Лукин. Вот начало черновой записи (стенограммы) этого заседания (рис. 1)[272]: «193 (1685) году генваря в 16 день в Путивле в приказной избе перед стольником и воеводою перед князь Тимофеем Ивановичем Волконским да перед дьяком Степаном Лукиным путивлец Леонтей Черепов, став на суде, отвечал за путивльских салдат за Андрея да за Василья Саколовых».

Изложим подробно ход этого заседания. Вначале Леонтий (ответчик) выслушал челобитную Зиновия Панова (истца) относительно пасеки и иска к ответчику в 50 рублей. В своем ответе Леонтий Черепов сказал, что путивльские солдаты Андрей и Василий Соколовы в Путивльском уезде в деревне Клепало в поместье Зиновия Панова в лесу с пасекою не сидели. А сидели они в пасеке за рекою за Семью[273] на его, ответчика, земле, а не на земле истца. И в том истец и ответчик «имались за веру»[274]. Ответчик дал веру истцу

[270] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4777.

[271] «Пасечное» дело. Л. 7.

[272] Там же. Л. 1.

[273] Заседание происходило в Путивле, поэтому деревня Клепало и поместье находились за рекой Семь.

[274] Иматися за веру – вызваться или согласиться решить дело присягой.

«на душу»[275]. Такой взаимной клятвой истец и ответчик обещали говорить только правду и могли решить все дело на доверии, без дополнительного разбирательства. Но Зиновия это не устроило. И, помимо веры (клятвы), он потребовал ответчика допросить.

Зиновий задал первый вопрос: «Сидели ли эти солдаты с пасекой на его, ответчиковой (Леонтья), земле? Или эта земля была у него в совместном владении с другими помещиками?» Леонтий ответил, что место, где была пасека, находится у озера Глушица, и что та земля у него в совместном пользовании с его дядьями с Василием и Петром Ивановыми сыновьями Черепова. Пасека Череповых в этом месте действительно была. В 1650 году при отказе земель Дикого поля было указано, что у братьев имеется усадьба к озеру Глушица и пасека в этой усадьбе[276]: «Да усадьба ж к озерку Глушицы, да в пристенке[277] к озерку Глушицы пасечное место». Здесь сразу видна нестыковка, поскольку солдаты Леонтия сидели рядом с устьем озера Клепало, у Клепальского городища, а озеро Глушица находится довольно далеко, в трех километрах ниже по течению реки Семи, у Выгорева городища, то есть совсем в другом месте.

Следующий вопрос истца (Панова): «Крепко[278] ли ему то Дикое поле и тот лес, в котором сидели с пасекою солдаты?» Ответчик сказал, что «Дикое поле и лес по реке Семи ему крепки по писцовым книгам». Здесь опять нестыковка. Если земли на Диком поле действительно принадлежали Леонтию, то лес по реке Семи, согласно книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553), относился к поместью Клепальского городища, то есть были записаны за Зиновием Пановым.

Последовал третий вопрос Панова: «Сколько лет сидели солдаты с пасекою в этом лесу и по скольку в год они платили Леонтью?» Ответчик (Леонтий) сказал, что сидели они шесть лет {с 1679 года} и платили ему «на год по десяти алтын[279]» {по 30 копеек в год}.

Далее вопрос задал Леонтий. Поскольку в челобитной Панова было сказано, что солдаты Леонтия сидели с пасекою «многие лета», то сколько именно лет они, по мнению истца, сидели? Зиновий ответил, что сидели они «насильством своим»[280] в его деревне 10 лет. Это любопытное заявление, поскольку сам Зиновий был помещиком в Клепалах с осени 1681 года, то есть на то время неполных 4 года. Срок в 10 лет могла подсказать Зиновию только его жена Прасковья, вдова Якова Черепова. Если солдаты сидели с пасекой 10 лет, то сидели они с 1675 года, со времен Федора Иванова сына Черепова, еще до выхода замуж Прасковьи за Якова.

Ответчик (Леонтий) задал еще один вопрос: «Ищет ли он, истец, насильного {то есть самовольного} владения местом, где сидели солдаты с пасекой и крепка ли ему эта дача {поместье Клепальского городища} и почему крепка?» Истец (Панов) ответил, что эта дача ему крепка из старых Якова Черепова дач, что даны его жене Прасковье на прожиток после смерти Якова, по отказным книгам.

Леонтий (ответчик) возразил, что лес, в котором находится пасека, не был написан в дачу Панову (истцу). При этом он ссылался на выпись, поданную Пановым в Приказную избу. Здесь Леонтий подтвердил, что пасека находилась у озера Глушица, а это место действительно не было в то время написано в дачу Панову. В этом случае ссылка Леонтия на выпись Панова, поданную в Приказную избу, некорректна, поскольку лес-пристенок у озера Глушица Панову никогда не принадлежал и не мог упоминаться в этой выписи.

На этом допрос истца и ответчика завершился. Далее в «пасечном» деле приводится полный текст выписи, которую предоставил суду истец (Зиновий Панов). Фактически, это повторение слово в слово описания поместий Ивана Михайлова сына Черепова, приведенного в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553). Леонтий предоставил суду выпись из той же книги. Кроме того, он представил фрагменты из своей отказной книги 1681 года (отказ Леонтию поместий на Диком поле его покойного отца Ивана). Обе выписи были составлены слово в слово с оригинальных документов и ничего нового для нас не представляют.

---

[275] Дать веру – дать клятву, присягу. Дать веру на душу – поклясться своею душою.

[276] Отказные книги Василия, Ивана и Ивана Ивановых детей Череповых (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 8).

[277] В лесу-пристенке.

[278] Быти крепким кому-либо – находиться в чей-то собственности в соответствии с существующим правом.

[279] Алтын – 6 денег или 3 копейки.

[280] Насильством своим, насильно – самовольно, самоуправно.

На этом же заседании (16 января 1685 года) председательствующий стольник и воевода князь Тимофей Иванович Волконский дал указание приставу Никите Разину собрать поручные записи[281] от поручителей истца и ответчика. Никита справился с заданием за один день, и уже 17 января эти документы были представлены суду.

Обе поручные записи имеют одну и ту же форму. Приведем текст одной из них — от поручителей Зиновия Панова[282]: «Се аз путивльцы Семен Данилов сын Оладьин, да яз Василей Гаврилов сын Вощинин, да яз Григорей Козьмин сын Карпов. Выручили[283] есми в Путивле в приказной избе у пристава у Микитки Разина Зинова Козьмина сына Панова в том, что искал он, Зинов, на путивльских салдатех на Ондрее да на Василье Соколовых насильного владеня пасечного места пятьдесят рублев. А за них, Андрея да Василя, отвечал путивлец Леонтей Черепов. И ему, Зинову, за нашею порукою ставитца в Путивле в приказной избе перед стольником и воеводою перед князе Тимофеем Ивановичем Волконским, да перед дьяком Степаном Лукиным до вершенья судного дела по вся дни. А будет он, Зинов, за нашею порукою в Путивле в приказной избе перед стольником и воеводою перед князь Тимофеем Ивановичем Волконским да перед дьяком Степаном Лукиным до вершенья судного дела по вся дни ставитца не учнет, и на нас, на порутчиках, исцов иск. С того иску Государевы пошлины {взяты} сполна. А на то послух Фома Иванов сын Головачов. А поручную запись писал Сенька Шурупов лета 7193 (1685) генваря в 16 день».

В этой записке путивльцы Семен Данилов сын Оладьин, Василий Гаврилов сын Вощинин и Григорий Кузьмин сын Карпов дали поручительство (в тексте записки — «выручили») Зиновия Кузьмина сына Панова в том, что он предъявлял иск («искал») солдатам Андрею и Василию Соколовым на 50 рублей по насильному владению пасечным местом. А за них отвечал путивлец Леонтий Черепов. И ему, Зиновию Панову, за их порукою являться («ставиться») в Путивле в приказной избе перед стольником и воеводой Тимофеем Ивановичем Волконским и перед дьяком Степаном Лукиным до окончания судного дела. А если Зиновий не будет являться в суд, то иск Панова нужно будет адресовать поручителям.

Аналогичная записка была оформлена на Леонтия Черепова. Его поручителями были Семен Данилов сын Оладьин, Василий Гаврилов сын Вощинин, Иван Пашенцев, стародубец Никита Андреев сын Лихимин, Григорий Кузьмин сын Карпов, Максим Антыков и путивльский посадский человек Яков Соколов.

Любопытно, что Василий Вощинин, Григорий Карпов и Семен Оладьин были поручителями сразу и у истца, и у ответчика, а все поручители Зиновия Панова были одновременно поручителями и у Леонтия Черепова. При этом не ясно, как бы шло заседание суда при одновременной неявке истца и ответчика?

Итак, по первому заседанию стороны ни к чему не пришли. Панов утверждал, что пасека на его земле, а Черепов говорил обратное. В результате никаких решений принято не было. Следующего заседания назначено не было.

Прошло полгода, но дело не сдвинулось с места. Это наводит на мысль, что сам воевода его не торопил и, скорее всего, был лично заинтересован в его затягивании. Ввиду этого Зиновий Панов подал вторую челобитную в Приказную избу[284]. В ней он пишет, что заседание суда было 16 января, но «наше дело по это число {на эту дату} не вершано {не завершено}».

Челобитная сдвинула дело с «мертвой» точки, и 7 мая 1685 года воевода написал помету, в которой дал указание путивльцу Никите Никитичу Щекину и подьячему Приказной избы Гавриле Масолитинову ехать за реку за Семь в поместья Зиновия Панова и Леонтия Черепова, а не доезжая этих поместий, взять им, Никите и Гавриле, здешних сторонних людей, старожилов, столько, сколько понадобится. И с теми старожилами приехать на пасечное место. Там, на местности, досмотреть, в чьих пределах эта пасека находится — Леонтия или Зиновия. Далее предписывалось всё детально описать и нарисовать чертеж с указанием всех урочищ. Описание и чертеж привезти в Приказную избу и «за своими руками» (собственноручно подписанные) подать стольнику и воеводе, князю Тимофею Ивановичу Волконскому.

---

[281] Запись поручная – письменное поручительство за кого-либо в том, что это лицо в назначенный срок на суд станет. Запись поручная // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 12. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1894. С. 271.

[282] «Пасечное» дело. Л. 31.

[283] Выручить (в том числе) – дать поручительство.

[284] Точная дата не известна, но, скорее всего, в конце апреля или начале мая.

Во исполнение указания воеводы, уже на следующий день, 8 мая, Никита Щекин с дьяком Данилом Масолитиновым, взяв с собой сторонних людей, старожилов «деревни Жаров путивльца Дениса Савельива сына Литвинова да деревни Зиновой путивльцев Григорья Кузьмина сына Титова», выехали в поместья Черепова и Панова для осмотра и составления отчета. По результатам этой поездки 12 мая была готова «переписная и досмотренная роспись», в которой излагалось следующее[285]: «В Путивльском уезде за рекою за Семью в пустоши на реке на Семи от усть озера Клепала и от Клепальского городища, от поместной земли Ивана Михайлова сына Черепова по правую сторону подле реки Семи пасечное место в лесу, где поставлена пасека Леонтья Черепова. По досмотру и по чертежу, и по скаске старожилов путивльцов Дениса Савельива сына Литвинова да Григорья Козьмина сына Титова объявилось в Леонтьивой даче Черепова за межею Ивановой земли Черепова, что ныне владеет Зинов Панов, а не в иво Зиновова дачи. А в Зинововой даче Панова лес по досмотру по реке по Семи и подле Клепальского городища, и по озеру Клепалу в иво межах и урочищах по писцовой выписи по реке по Семи поверс{т}ной[286] лес есть. А сколько того лесу будет десятин, того мы не смечали. А в чертеже[287] писано порознь по статьям ниже сего».

Все приехавшие на место подтвердили наличие леса Зиновия Панова по реке Семи, от устья озера Клепало (а не леса у озера Глушица, как утверждал Леонтий). А сколько в нем десятин[288] — того они не знают. Проявленная забывчивость наводит на определенные мысли, поскольку в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553) сказано ясно: «Лесу хоромного и дровяного по реке по Семи пять десятин». Никита Щекин с Гаврилом Масолитиновым никак не могли этого не знать. При этом, зная заранее размер леса, они утверждали, что пасека находится в поместье Леонтия Черепова, а не в поместье Зиновия Панова. С росписью и чертежом был ознакомлен Зиновий Панов.

9 июня эти документы были поданы в Приказную избу стольнику и воеводе[289]: «Июня в 9 день в Путивле в приказной избе стольнику и воеводе князю Тимофею Ивановичю Волконскому путивлец Микита Микитин сын Щекин да Путивльской приказной избы подьячей Гаврила Мосалитинов подали переписную и досмотровую роспись с чертежом». Дело, казалось, склоняется в пользу Леонтия Черепова. Однако Зиновий Панов, не дожидаясь рассмотрения этих документов в Приказной избе, днем ранее, 8 июня, подал новую жалобу, третье свое челобитие. Здесь он изложил историю вопроса, и в том числе то, что в его поместье приезжали Никита Щекин с Гаврилом Масалитиновым[290]: «Путивлец Микита Микитин сын Щекин да подьячей Гаврило Мосалитинов того моево пасечного места досматривали и учинили тому пасечному месту на чертеж не против моих, холопа вашего, крепостей, норовя[291] путивльцу Леонтью Черепову для взятков. И лес написали по реке по Семи не против моей писцовой выписи, какову я подал на том суде, мне, холопу вашему, малое число. А по своему неправому досмотру и на чертежу написали лес по реке по Семи, которой написан мне, холопу вашему, по писцовои выписи, написали путивльцу Леонтью Черепову». Таким образом, Зиновий напрямую объявил, что Никита Щекин и подьячий Гавриил Масалитинов прельстились на взятку от Леонтия и действовали в его пользу, и по неправому досмотру написали тот лес не так, как он указан в книге Петра Мусорского, а таким образом, чтобы пасека оказалась в поместье Леонтия Черепова.

Так кто был прав на самом деле? Зиновий или Леонтий? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим подробнее чертеж окрестностей деревни Клепало (рис. VII) и сравним некоторые его детали с таковыми на реальной местности.

Первое, что бросается в глаза, это то, насколько близко от Клепальского лога на чертеже показан известный нам курган в Диком поле на Вирской дороге (расстояние Б на рис. VII). Именно этот курган был

[285] «Пасечное» дело. Л. 47–48.

[286] Поверстать – наделить чем-либо, дать что-либо. Поверстанный лес — лес, данный Зиновию Панову.

[287] Это и есть хорошо известный нам чертеж земель в районе деревни Клепало Подгородного стана Путивльского уезда. 1685 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. Ст. 1066. Л. 49–50).

[288] Десятина в то время была равна 1,09 га.

[289] «Пасечное» дело. Л. 45 об.

[290] «Пасечное» дело. Л. 52.

[291] Норовить – помогать кому-то, действовать в чью-то пользу.

на меже Зиновия Панова и Леонтия Черепова. Во-вторых, имеется явное несоответствие размеров пустоши Клепальского городища между Печковским и Клепальским логами, обозначенной на чертеже как «земля Зиновия Панова» (расстояние А) и указанным выше расстоянием Б. Пасечное место указано за курганом, в лесу между Вирской дорогой и крутым склоном к реке Семи (тогда это место было покрыто лесом). Здесь важно то, что роспись и чертеж были поданы в Приказную избу в мае 1685 года, то есть до нового межевания этих земель писцом Семеном Муромцевым (книга № 369), произведенного через два месяца — 14 июля. По этой причине на чертеже указаны межи 1628 года, отраженные в книге Петра Мусорского. Все отмеченные на чертеже объекты были нами локализованы ранее (см. разд. 1.2.1). Посему ничего не мешает показать их на реальной местности. Результат представлен на рис. VIII.

Обратим внимание, на сколько отличается положение кургана у Вирской дороги относительно Клепальского лога (отрезок Б), показанное на чертеже, и на реальной местности (рис. VIII). На чертеже курган расположен впритык к Клепальскому логу, тогда как на самом деле он находился на весьма значительном расстоянии от этого лога (1200 м). Расстояние А на местности равно 850 м — намного меньше, что явно противоречит чертежу Никиты Щекина. Знатоки могут возразить, что на чертежах XVII века «чертежники» совсем не придерживались масштаба на местности. Да, это так, однако они рисовали крупно участки, которые имели наиболее важное значение для спора. А здесь мы видим обратную картину: земля Зиновия Панова показана как центральный объект чертежа — весьма крупно. В то время как положение кургана, который определял весь спор (поскольку находился на меже), указано нарочито близко от Клепальского лога. Понятно, что одного взгляда Зиновия Панова на чертеж было достаточно, чтобы всё понять.

Челобитная Зиновия Панова от 8 июня относительно проблем с чертежом и последующими выводами Никиты Щекина и Гаврилы Масолитинова тут же возымела действие. Воевода не стал вникать в особенности изображения кургана на чертеже и в этот же день написал на деле помету (дал указание)[292]: «Послать подьячего от места и положить смету лесу[293], которой лес написан по писцовым книгам за Иваном Череповым, что искал Зиновей Панов на Леонтье Черепове, в ево ль Зиновьевых дачах. А которой лес объявился за межею Зиновья Панова, в котором лесу сидели с пасекою Андрей да Василей по отдаче Леонтья Черепова, тот лес по реке ль по Семи или от реки Семи в дальном месте по Дикому полю. А будет сметы того лесу положить не мочно, велеть смерить лес в Зиновьевых дачах Панова, которой лес по реки по Семи». Дается указание определить, сколько же было этого леса. А если это не известно — измерить его. А далее, там же, интересное дополнение: «И по той помете подьячей для сметы того лесу посылан или нет, и тою в том списку з дела не очищено[294]». То есть в деле не указано, ездил ли подьячий мерить этот лес или нет. Скорее всего, не ездил, поскольку измерение леса тут же прояснило бы всю картину. В результате спорное дело опять зашло в тупик.

Тем временем, через месяц, 14 июля 1685 года, писцом Семеном Муромцевым было призведено новое межевание поместья Зиновия Панова. Теперь межа деревни Клепало была измерена предельно точно для того времени: было установлено большое количество дополнительных межевых столбов с гранями и указаны все расстояния между ними. И старинный курган никуда не делся — его точно обозначили на этой меже[295]. Теперь все сомнения относительно того, на чьей территории находилась пасека, отпали. Такое обстоятельство категорически не устраивало Леонтия Черепова.

По ходу повествования мы видим, что суд под руководством стольника и воеводы князя Тимофея Ивановича Волконского неоднократно заходил в тупик, а ход дела возобновлялся исключительно после очередной челобитной Панова. Понятно, что в то время влияние рода Череповых в Путивле было несравнимо больше, чем у пришлого белозерца Зиновия Панова.

Очевидно, что четыре столетия назад (как, впрочем, и в наши времена) многие дела решались взятками. Причем на всех уровнях: от стольника и воеводы до простых помещиков. В XVII веке еще были свежи

[292] Дело Михаила Гамалея. Л. 34.

[293] Положить смету лесу – измерить лес.

[294] Очистити – подтвердить документально принадлежность к чему-либо.

[295] Детальный разбор межи Семена Муромцева 1685 г. был показан в разд. 1.2.1.

в памяти народа так называемые «кормления». Кормление — это система содержания должностных лиц в средневековом русском государстве, согласно которой этим лицам давались должности, с которых они могли кормиться. Кормиться каким образом? Правильно, взятками! В каждом уезде был свой боярин-воевода. У него была вся власть: и административная, и военная, и судебная. Местное население в буквальном смысле кормило его. Чтобы решить дело в свою пользу — надо было дать воеводе взятку. Чья взятка была бóльшей, тот и выигрывал дело. Появление кормлений среди чиновников относится к XI–XII векам, когда князья стали давать своим дружинникам земли, населенные свободными людьми. При Иване Грозном, в 1556 году, система кормлений была официально отменена. Но в жизни, на практике, ее элементы оставались еще долгое время. Собственно, и поныне.

Итак, «пасечное» дело в очередной раз остановилось. После последней, третьей, челобитной Панова 8 июня 1685 года воевода дал указание подьячему поехать в поместье Панова и измерить этот лес. Но никто никуда не поехал. Видя такое, Зиновий Панов через три месяца, 28 октября, опять пишет жалобу царю (уже четвертую) и подает ее в Путивль стольнику и воеводе. Теперь уже о неправом досмотре и чертеже Никиты Щекина и просит[296]: «Не велите, Государи[297], тому неправому и лживому досмотру и чертежу поверить и к делу его принимать». При этом он ссылается на старые (1628 и 1629 гг.) и новые (1685 г.) писцовые книги. Как и в прошлые разы, воевода реагирует в тот же день и своей пометой дает указание[298]: «Отписать к писцу {Семену Муромцеву}, в котором лесу искал истец насильного пасечнаго владенья, и тот лес по {новой} писцовой книге написан исцу или ответчику». По этой помете в этот же день была направлена память Семену Муромцеву и дьяку Евтифею Урускову. В ней излагался иск Зиновия Панова и то, что недавно эти земли Муромцев с Урусковым мерили и вносили результаты в новую писцовую книгу. Ввиду этого воевода просит Семена Семеновича Муромцева (обращается к нему по имени-отчеству — великая честь в то время!) сделать собственноручные выписи из новой писцовой книги о межах Зиновия Панова в Клепальском городище и Леонтия Черепова в Диком поле.

Семен Муромцев, будучи еще в Путивле, сделал эту выпись. 2 ноября она была представлена в Приказную избу человеком Панова Васькой Хавушкиным. В ней было написано, что Панову отписан лес на берегу реки Семи от устья озера Клепало и далее вдоль реки Семи до межи поместья Леонтия Черепова. Более того, далее по берегу Семи вплоть до озера Глушица лес также был написан за Зиновием Пановым. Затем указано, что в выписи на поместья Леонтия Черепова написано, что Череповым отписаны земли сто четвертей (а в дву по тому ж) на Диком поле напротив лесов, но не сами леса[299]: «И в путивльских писцовых книгах писцов Семиона Семионовича Муромцова да подьячего Евтифея Урускова 193 (1685) году июля в 14 день написано за межею Зиновья Панова, что ему отмежевано Клепальское городища. И ниж той межи вниз рекою Семью по прежней писцовой книге дравяной и селидебной[300] {лес} по озеру Глушицу и по оболонью Глушицкому ево Зиновьев лес против поместной земли Леонтья Черепова, что ему Дикое поле дано. А в писцовых книгах писца Петра Мусоргского да подьячего Гаврила Федорова 136 (1628) и 137 (1629) году против тово Дикова поля к реки Семи тот лес Леонтью Черепову не написан. А написан тот лес в писцовой книге Петра Мусорского за Иваном Череповым[301]. И ныне по той писцовой книге написано тот лес за Зиновьем Козьминым сыном Пановым.

Евтифей Урусков».

Таким образом, выпись Семена Муромцева и дьяка Евтифея Урускова разбила все доводы Леонтия Черепова. По новой писцовой книге лес на берегу реки Семи у устья озера Клепало и далее, до озера Глушица, был записан на Зиновия Панова. Получается, что в каком бы месте этого леса ни располагал пасечное место «чертежник» Никита Щекин, оно все равно было бы в дачах Зиновия Панова. Леонтий был на грани по-

[296] «Пасечное» дело. Л. 57.

[297] Челобитная была адресована малолетним царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, правившими Русским царством совместно.

[298] Дело Михаила Гамалея. Л. 34 об.

[299] «Пасечное» дело. Л. 63.

[300] Селидебный (селитбенный лес) – лес, предназначенный для построек.

[301] На то время (с 1626 г.) Иван Михайлов сын Черепов был владельцем поместья Клепальское городище.

ражения. В то время он не отважился жаловаться на писца Семена Муромцева, видя расположение к нему воеводы. Тем более что инициатива о выписях с новой писцовой книги шла лично от Волконского.

Теперь настало время Тимофею Ивановичу Волконскому принимать решение по этому делу. Вердикт суда опирался на законы того времени — статьи Соборного уложения 1649 года (Глава X «О суде»).

Воевода сослался на две статьи, по которым указал вынести приговор[302]. «И противу сей пометы и Государева указу и Саборного уложенья выписано»[303]:

Статья 136: А будет кто на ком учнет искати бою и грабежу, и ответчик в бою не запрется, а про грабеж скажет, что не грабил, и на нем велети исцу за увечье и за безчестие доправити[304] против окладу вдвое, а в пене его, что государь укажет. А в грабеже указ им учинити по судному делу, до чего доведется. А будет тот ответчик в грабеже не запрется, а про бой во ответе скажет, что он не бивал, и на нем велети грабеж доправити против исковой челобитной и отдати исцу. А в пене тому ответчику, что государь укажет. А в бою указ учинити по суду же, до чего доведется.

Статья 167: А будет истец с ответчиком на суде пошлются оба на опчюю правду, хотя на одного человека, и по опчей ссылке дело и вершити.

Далее Тимофей Иванович Волконский обосновывает применение этих статей[305]: «А в суде истец с ответчиком слались в обчею ссылку на исцову выпись, какову подал в суде истец. Да ответчик в суде в ответе сказал, что де Андрей да Василей Саколовы в исцове лесу с пасекою не сидели, а сидели на иво ответчиковой земле в лесу. Крепок де тот лес и Дикое поле ему, ответчику, по писцовые выписи. А в писцовой выписи ему, ответчику, лесу не написано. А написано только Дикое поле». Действительно, Зиновий и Леонтий ссылались на одни и те же документы (писцовые и отказные книги), но выводы делали противоположные. И только выпись Семена Муромцева решила все дело в пользу Зиновия Панова.

5 ноября воевода вынес приговор[306]: «Стольник и воевода князь Тимофей Иванович Волконский приговорил исца Зинова Понова в его иску в пятидесят рублех оправить[307]. А ответчика Леонтья Черепова обвинить по Государеву указу, и по Соборному уложенью, и по обчей их ссылке, и по писцовым прежним и новым дачам, что в суде истец и ответчик слались в обчею ссылку на писцову выпись, какову подал истец в суде. И в той выписи написано лесу по реке по Семи пять десятин, а в ответчиковой писцовой выписи ему, ответчику, лес не написано, а написано только Дикое поле. Да в памяти от писцов Семена Муромцова да подьячего Евтифея Урускова написано по прежней писцовой и по нынешним книгам Зинову от его межи вниз рекою Семью по озеру Глушицу лес против Леонтьевой земли Черепова, что ему дано по писцовым книгам Дикое поле, а того лесу ему, Леонтью, не написано. И велел на нем ответчике доправить исцов иск пятьдесят рублев. И с того иску Государевы пошлины, и с суда пересуд[308] и правой десяток по указу. Ив оправя исцов иск, отдать исцу с роспискою. А пошлины записать в приход. И сей приговор исцу и ответчику сказать».

Вот такое затейливое в изложении, но понятное решение. Дело выиграл Панов. По данному приговору Леонтию Черепову предписано заплатить Зиновию Панову 50 рублей, а также возместить затраты по ведению дела. Приговор велено отдать Панову с распиской о получении. Кроме того, пригласить Леонтия и Зиновия в Приказную избу для его оглашения.

В этот же день приговор был оглашен[309]: «И ноября в 5 день сей приговор в Приказной избе перед стольником и воеводою, перед князь Тимофеем Ивановичем Волконским исцу Зинову Понову и ответчику Леонтью Черепову сказан».

Казалось, что все, дело закончено. Но не тут-то было. Леонтий не торопился исполнять приговор и платить 50 рублей. Ввиду этого через три недели, 25 ноября 1685 года, Зиновий Панов был вынужден

[302] «Пасечное» дело. Л. 66, 67.
[303] В спорном деле статьи приведены частично.
[304] Доправити – взыскать.
[305] «Пасечное» дело. Л. 67–68.
[306] Там же. Л. 76, 77.
[307] Оправити – оправдать, признать или доказать чью-либо невиновность или правоту
[308] Пересуд – пошлина за пересмотр дела в суде.
[309] Там же. Л. 77.

писать новое, пятое по счету, челобитие о неисполнении Леонтием Череповым решения суда[310]: «И ноября в 25 день бил челом великим Государем Царям и великим князем Иоанну Алексевичю, Петру Алексевичю всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцем. А в Путивле в приказной избе стольнику и воеводе князь Тимофею Ивановичю Волконскому подал челобитную Зинов Кузьмин сын Панов, а в челобитной пишет:

Царем Государем и великим князем Иоанну Алексевичю, Петру Алексевичю всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцем. Бьет челом холоп ваш Зинька Козьмин сын Панов. В прошлом, Государи, во 193 (1685) году генваря в 16 день в Путивле в приказной избе искал я, холоп ваш, по челобитной судом на путивльских солдатех на Андрея да на Василье Саколовых насильного пасечного владенья пятидесят рублев. А за них, Государи, в суде отвечал путивлец Леонтей Черепов. И то, Государи, судная дела вершано[311]. Он, Леонтей, в тому моему иску в пяти десят рублех обвинен, и тот мой, холопа вашего, иск пятидесят рублев велено доправить на нем[312], Леонтею, и отдать мне, холопу вашему, с росписью. И он, Леонтей, стоя на правежи (упорно отказываясь) многая время, того моего иску ничего по се число ни уплатил. Милосердные Государи Цари и великие князи Иоанн Алексевич и Петр Алексевич всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцы, пожалуйтя мене, холопа своего, Великия Государи, в том иске по тому судному делу против своего Государева указу учинить. Цари Государи, смилуйтеся пожалуйтя».

Увы, но данная челобитная уже не помогла Зиновию и оказалась «холостым выстрелом». Дело в том, что к этому времени в Путивль уже был назначен новый воевода — Никифор Аристафович Волков[313]. А вместе с ним и новый дьяк — Петр Исаков. Скорее всего, Зиновий еще не знал об этом. Иначе зачем бы он писал челобитие на воеводу Тимофея Волконского. Была ли какая-то реакция Тимофея Ивановича на эту челобитную — этого мы не знаем. Скорее всего, нет.

Для Леонтия смена воеводы — это шанс «переиграть» все дело. При новом правителе всё можно начинать сызнова: новые тяжбы, новые разбирательства, новые взятки. В таких обстоятельствах Леонтий не стал мешкать и 3 января 1686 года направил челобитную в Москву (в отличие от Зиновия, все челобитные которого оставались в Путивле, в приказной избе). Теперь Леонтий взял инициативу на себя и стал «бомбить» своими жалобами Поместный приказ. В этой челобитной[314] он изложил всю историю с пасекой с самого начала, со всеми описаниями поместий Ивана Черепова в Клепальском городище и братьев Череповых на Диком поле. Перечислил всех помещиков, которым эти поместья передавались. Затем описал ход судного дела. А дальше — больше. Теперь он жаловался на писца Семена Семеновича Муромцева, который межевал земли Клепальского городища в июле 1685 года[315]: «Он Зинов, умысля зговорясь с писцом с Семеном Муромцовым, оставя он, писец, около города Путивля земель мерить, поехал через немереные и немежеваные земли за реку за Семь к нему Зиновью ево земли мерити и межевать. И тех де их пустошей и всяких угодей он писец отмежевал многое число. И примежевал к ево Зиновьевой земли Клепальскому городищу и тот де лес с пасечным местом. И по ево де нынешнему письму объявил да тот лес за межею ево Зиновьевой земли в их межах и урочищах». Возможно, что все, что писал Леонтий, было правдой, если принять прямую отсылку на взятки Муромцеву от Панова. Но для исправления дела, нужно было оспорить новую писцовую книгу и признать описанные в ней межи неправомерными. А книга уже была на стадии завершения (но еще не подана в Поместный приказ)[316]. Теперь сложилась щекотливая ситуация у Зиновия Панова.

Между тем Леонтий указывает, что выписи из новой книги были сделаны лично Семеном Муромцевым, и именно они решили спорное дело в пользу Панова. Поскольку Леонтий считает новую книгу не-

[310] Там же. Л. 77, 78.

[311] Вершано – завершено.

[312] Доправить на ответчики исцов иск – взыскать с ответчика иск в размере, который требовал истец (в 50 рублей). И далее, доправить пошлины – взыскать пошлины. (*Прим. авт.*)

[313] Обычно воеводы назначались сроком на два года. (*Прим. авт.*)

[314] Дело Михаила Гамалея. Л. 31 об.

[315] «Пасечное» дело. Л. 81, 82.

[316] Книга Семена Муромцева будет подана в Поместный приказ 28 октября 1686 г.

справедливой (а стало быть, и выписи из нее), то тут же «подсказывает» московским чиновникам, что в случаях неправомерного решения судов, по указу государя, «велено посылать, где неправду учинят писцы, розыщиков. И велели б про то ево {писца Семена Муромцева} неправое межеванье розыскать». То есть просит прислать в Путивль следователей и провести расследование обстоятельств неправомерного межевания. Ну а пока это расследование будет производиться, оставить все как было ранее и приговор воеводы Тимофея Ивановича Волконского не исполнять.

Далее дело закрутилось в Москве. На челобитной Леонтия от 3 января 1686 года появилась помета московского дьяка Дмитрия Федорова от 4 февраля этого года о допросе писца Семена Муромцева и дьяка Евтифея Урускова. Писец и дьяк были допрошены в Путивле. 20 февраля дьяк Дмитрий Федоров изложил своими словами ответ Муромцева и Урускова на этом допросе[317]: «Писали де они и мерили, и межевали в Путивльском уезде в Подгородном стану Зиновью Кузьмину сыну Панову по указу и по наказу, и по писцовой книге Петра Мусорского 136 (1628) и 137 (1629) году {книга № 10553} и по отказной выписи, какову он, Зиновей, крепость подал за рукою. А ныне Леонтей Черепов бьет челом, будто они отняли в дву пустошах у него земли и лес и пасечное место, и будто бы отдали Зиновью Панову. И оне де у него, Леонтья, земли и пасечного места не отымали и Зиновью Панову не отдавали». При этом Семен Муромцев потребовал очной ставки с Леонтьем, чтобы уличить его за «затеиное ложно челобитье».

Ответ писца и дьяка не устроил Леонтия, и 3 марта 1686 года он пишет новое, второе, челобитие в Москву, в котором говорит, что он, Семен, «узнал свою неправду, сказал глухою статьею[318]. А про иные про многия статьи против ево челобитья ничего не сказал, и просил, чтоб против прежняго ево челобитья во всех статьях ево, Семена Муромцова, допросить вновь и по допросу указ учинить». 9 марта по этой челобитной дьяк Автамон Иванов по требованию Семена Муромцева предложил провести очную ставку Семена и Леонтия, предварительно собрав поручные записи от доверенных лиц.

Леонтий не согласился на очную ставку в Москве в Поместном приказе, поскольку сам не мог (скорее не хотел) там быть, а присутствие там поручителей его не устраивало. В своей новой (третьей) челобитной от 19 марта, потребовал провести ее в Путивле, на его поместной земле, поскольку «по указу велено давать очные ставки с писцами перед розыщиком на земле, где они, писцы, учинили неправду», и опять потребовал об этой очной ставке послать грамоту из Поместного приказа в Путивль, к розыщику.

Такую грамоту московский дьяк Дмитрий Федоров сам послать не мог и вынес вопрос на возглавлявшего в то время Поместный приказ Ивана Борисовича Троекурова[319]. 22 марта на деле появилась помета дьяка Ивана Векентьева: «194 (1686) года марта в 22 день приговором боярина князь Ивана Борисовича Троекурова с товарыщи велено послать грамоту розыщику. Велеть розыскать, учинить по наказу».

15 мая 1686 года из Москвы была направлена грамота в Путивль к розыщику стольнику Александру Опухтину[320]: «И в нынешнем же во 194 (1686) году майя в 15 день послана наша, Великих Государей, грамота в Путивльскои уезд к розыщику к стольнику к Олександру Опухитину по челобитью путивльца Левонтия Иванова сына Черепова. Велено ему против ево {Леонтия}, розыскав про писцов, учинить по наказу. И мы, Великия Государи, указали послать к вам нашу, Великих Государей, грамоту. Велели с судного дела прислать тебе, Петру {дьяку Петру Исакову}, за своею приписью список». Как и просил Леонтий, из Москвы в Путивль пришел указ розыщику провести расследование по межеванию писца Семена Муромцева, а дьяку Приказной избы Петру Исакову сделать копию судного дела.

Между тем Леонтий продолжал слать челобитные в Поместный приказ. Теперь по поводу того, чтобы с него не брали пошлинных денег по приговору воеводы Тимофея Ивановича Волконского. Были отправлены сразу две челобитные (четвертая и пятая по счету)[321]: «А во 194 м (1686) году майя в 20 день да июня

[317] Дело Михаила Гамалея. Л. 32, 32 об.

[318] Сказать глухою статьею — сказать неясно.

[319] Да, молодец Леонтий! Со своей пасекой, по которой платил солдатам по 30 копеек в год, он дошел в Москве почти до царей. По его челобитным давал указания лично Иван Борисович Троекуров — князь, ближний боярин, в то время возглавлявший Поместный приказ. Он был одним из самых важных персон при малолетних царях Иване и Петре и имел исключительные права доклада правительнице царевне Софье и выполнение ее распоряжений.

[320] «Пасечное» дело. Л. 83.

[321] Дело Михаила Гамалея. Л. 32 об.

в 17 числех бил челом Леонтей Черепов против прежняго своево его челобитья. Да он же в челобитье своем написал против челобитья де ево велено про писцово неправое межеванье розыскать, и с Поместного приказу о том послана грамота к розыщику. А что де он Леонтей Черепов бил челом, чтоб того судного дела пошлинных денег и ево Зиновьева иску, покамест про тое землю розыскано будет, на нем Леонтье до тех мест не править, и по том де ему указу не учинено. И чтоб не повелено было на нем пошлин и ево Зиновьева иску править покамест про тое дело розыскано будет. И о том дать ему грамоту в Путивль к воеводе, чтоб ему в неправом иску вконец не разоритца и службы не отвесть». Действительно, новый воевода в Путивле слабо представлял себе ход «пасечного» дела, но приговор предыдущего воеводы был, и Леонтий должен был его исполнять. 50 рублей по тому времени — деньги большие, плюс еще пошлины, судебные издержки и другие платежи. Все это действительно могло нанести урон благосостоянию Леонтия и затруднить его службу царю.

Наконец, 21 июня была послана новая грамота в Путивль к воеводе Никифору Волкову и дьяку Петру Исакову с тем же указанием: «С суднаго дела, что Зиновей Панов искал на Андрее да на Василье Соколовых земленаго владения и лесу, списать список {сделать копию} слово в слово и за дьячьею приписью прислать к Москве в Поместной приказ»[322].

Пока Леонтий слал свои челобитные, новая писцовая книга Семена Муромцева была сформирована и 28 октября 1686 года подана в Поместный приказ[323]: «195 (1686) году октября в 28 день подал книгу подьячей Афтифей Урусов в Москве принять. А прежние списки с писцовых и с межевых книг отдать по городу {Путивлю} подьячему». Книга была утверждена и заменила предыдущие писцовые книги Подгородного стана Путивльского уезда. Несмотря на тяжбу с пасекой, положения этой книги вступили в силу.

А по делу Леонтия Черепова дело шло своим чередом[324]: «Во 195 (1687) году из Путивля ис приказной избы с того суднаго дела список[325] прислано к Москве в Поместной приказ, чтоб повелено было по прежнему и сему ево челобитью и по судному делу в том писцове неправом письме и межеванье указ учинить. А до розыску в том письме и межеванье тою землею и пасечным местом, и лесом владеть ему, Леонтью, по прежнему. А по судному делу и по тому писцовому неправому межеванью и не повелено б на нем Леонтье пошлинных денег и иску Зиновья Панова править, покамест про то писцово неправое письмо и межеванье розыскано будет. И потом дать ему {Леонтию} грамоту, чтоб ему по тому писцовому неправому письму и межеванью, и по судному делу, на правеже стоя, вконец не разоритца и службы не атбить. А ныне ему, Леонтью, по наряду (по приказу) велено быть на службе».

В деле появился новый оборот: Леонтию приказано отбыть на службу. Ввиду этого 21 февраля 1687 года он был вынужден остановить расследование по межеванию Семена Муромцева и в новой челобитной царю (шестой по счету) пишет: «Розыщика де на той ево спорной земле не было, потому, что сказано служба».

В это же время в Поместном приказе детально изучили описания меж Клепальского городища в старой, 1628 года, и в новой, 1685 года, писцовых книгах и ничего противоречащего доводам Зиновия Панова и Семена Муромцева не обнаружили[326].

Между тем из Путивля в Поместный приказ пришла отписка нового воеводы Никифора Волкова и дьяка Петра Исакова. В ней они подтвердили, что «с тово ж судного дела пошлин и переводу[327], и правого десятка на ответчике, на Леонтье Черепове, в Путивле не доправлено». То есть с Леонтия никаких денег не бралось.

И вот, «195 го (1687) году февраля в 22 день приговором боярина князь Ивана Борисовича Троекурова с товарыщи велено послать грамоту к воеводе {в Путивль}. На Леонтье Черепове Зиновью Панову иску и пошлинных денег, что он имал на путивльских салдатех по ево Леонтьеве отдаче пасечного владенья, буде

[322] Этой грамотой заканчивается «пасечное» дело, хранящееся в фонде 210 «Разрядный приказ» в РГАДА. Продолжение этой тяжбы находим в спорном деле Михайла Гамалея 1785 г.

[323] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 1.

[324] Дело Михаила Гамалея. Л. 35.

[325] Список – письменное воспроизведение, копия.

[326] Кто конкретно проводил эту работу, не указано.

[327] Перевод – пересмотр, изменение решения.

ему Леонтью на службе ныне быть, покажет про ту землю подлинно разыскано будет, править не велеть». Велено с Леонтия Черепова никаких денег не брать, а Зиновию Панову пасеку Черепова не трогать, пока не будет закончено расследование. «И по тому приговору грамота в том же 195 (1687) году февраля 23 дня послана».

На этом судное дело Зиновия Панова против Леонтия Черепова заканчивается. Заканчивается, надо сказать, ничем. Леонтий уезжал на службу и сам приостановил все споры. В дальнейшем, вероятно, надеялся это дело завершить. Однако в последующие годы от него никаких новых инициатив не исходило.

А в 1693 году Леонтий умер. Его жена, вдова Дарья, не предъявляла никаких претензий к Панову. Более того, проводила с ним обмен землями своего покойного мужа. И даже отказ поместий покойного Леонтия его вдове и двум ее сыновьям (Петру Большому и Петру Меньшому) производился по совместному челобитию Зиновья и Дарьи. Они разошлись полюбовно, без претензий друг к другу. При этом разделе леса, сенокосы и другие угодья были упомянуты вскользь, не конкретно[328]: «А лес ему, Зинову Панову, да вдове Дарье с сыном Петром Большим хоромной и дровяной сечь, и сено косить, и всякими угодьи владеть в своем поместье против своих дач[329]». То есть лесами и сенокосами владеть Зиновию и Леонтьевым наследникам, как это написано в писцовых книгах. Надо полагать, по новой книге писца Семена Муромцева 1684 и 1686 годов.

Только через сто лет, в 1783 году, правнук Леонтия — прапорщик Леонтий Никифоров сын Черепов, вернулся к неправому, по его мнению, межеванию Семена Муромцева 1685 года и затеял новую тяжбу с потомками Зиновия Панова в рамках спорного дела о землях Выгорева городища. Однако в то время о пасеке уже никто не вспоминал. Детальное изложение этого спора будет представлено позднее, при описании событий вокруг села Клепалы в XVIII веке.

1.4.9. Церковь в селе Клепалы

В начале 1693 года было завершено строительство первой в Клепалах церкви во имя Николая Чудотворца. Храм строился на средства тогдашнего помещика стольника Зиновия Кузьмина сына Панова. Когда началось строительство, доподлинно не известно. На чертеже окрестностей деревни Клепало, исполненном путивльцем Никитой Щекиным и дьяком Приказной избы Данилом Масолитиновым, представленном в Путивльскую приказную избу 12 мая 1685 года, изображена деревня Клепало (рис. IX). Насколько это изображение соответствовало действительности, судить невозможно. Во всяком случае, Никита с дьяком видели деревню воочию, и надо надеяться, что в какой-то степени правдоподобно ее изобразили. Здесь мы видим три объекта. Слева, надо полагать, дом помещика с оградой вокруг, справа — крестьянский двор. В центре — строение, напоминающее церковь или церковную колокольню. В то время церковь еще только строилась. По этой причине на ней не изображен крест. Она была деревянной, двупрестольной, с приделом Казанской Пресвятой Богородицы. Это указано в известных нам экономических примечаниях 1782 года[330]: «В том селе церковь деревянная во имя святого Чудотворца Николая с приделом Казанския пресвятыя Богородицы». Вот что пишет о двухпрестольности храма протоиерей Александр Чурочкин[331]: «Двухпрестольность храма обычно обуславливалась чисто практическими соображениями: издревле храмы (престолы) делились на зимние (с печкой и более низкими потолками) и летние (без отопления, но более высокие и торжественные). В летних храмах (приделах) службы совершались от Пасхи до Покрова. Двухпрестольный храм мог быть двухэтажным. В таком случае нижний придел был зимним, верхний — летним».

[328] Отказные книги вдовы Дарьи Леонтьевой жены Черепова и Зиновия Панова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 37 об. – 38).
[329] Дача – земельный или лесной участок, полученный от государства.
[330] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 163.
[331] Неоценимую помощь в исследовании вопроса постройки церкви в деревне Клепало оказал протоиерей церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Новая Слобода (Путивльский район Сумской области) Александр Чурочкин. Сведения предоставлены в апреле 2015 г.

Вот как изображен храм в селе Клепалы на чертеже окрестностей города Путивля 1690-х годов (рис. Х). Насколько точно отражает этот рисунок внешний облик церкви? Этого мы сказать не можем. На этом же чертеже точно так же изображены храмы и в других близлежащих селах: Череповке, Козацком, Вязовом, Духановке. Можно допустить, что в то время храмы в деревнях строились по схожим (типовым) проектам, в габаритах с учетом числа прихожан. Возможно, каждая церковь имела некоторые свои индивидуальные особенности. Но это только предположение.

Таким образом, в Клепальской церкви было два придела: основной (надо полагать, летний, на втором этаже) во имя Николая Чудотворца, а второй — зимний, теплый, на первом этаже, во имя Казанской Пресвятой Богородицы.

Доподлинно известно, что церковь освятили в 1693 году. Точной даты мы не знаем, известна только дата выдачи антиминса[332] для этой церкви в Москве в Патриаршем казенном приказе 23 февраля. Эту дату находим в «Приходной записной книге о раздаче освященных антиминсов к новопостроенным церквам, вместо ветхих, новых»[333]: «Того ж числа {23 февраля 1693 года} по благословенной грамоте дан анимис ко освящению церкви Николая Чюдотворца в Путивльской уезд в село Слепалское {Клепальское} городища. Взял антиминс тое ж церкви поп Федор. А взял атимис и росписался». Вот как выглядит эта запись (рис. 1):

Есть все основания полагать, что в этом фрагменте фраза «поп Федор взял антимис и росписался» написана рукой первого в Клепалах попа Федора. Это находит свое подтверждение в отказных книгах, где этот же поп расписывался на документах (прикладывал руку). Почерки этих рукоприкладств совпадают с приведенным на рис. 1.

Необходимо заметить, что на этой записи тем же почерком приписано: «И другий антимис в город Карачев Преображения Господня». Сегодня Карачев — город в Брянской области. Второй антиминс был взят в город, через который, вероятно, поп Федор проезжал по дороге из Москвы в Путивль.

По прибытии антиминса в Клепалы церковь могла быть освящена. Проблема, однако, заключалась в том, что это должно было сделано до Великого поста, во время которого церкви не освящались. Отец Александр любезно предоставил сведения из «Следованной Псалтыри», раздела «Пасхалия зрячая»[334], касающих-

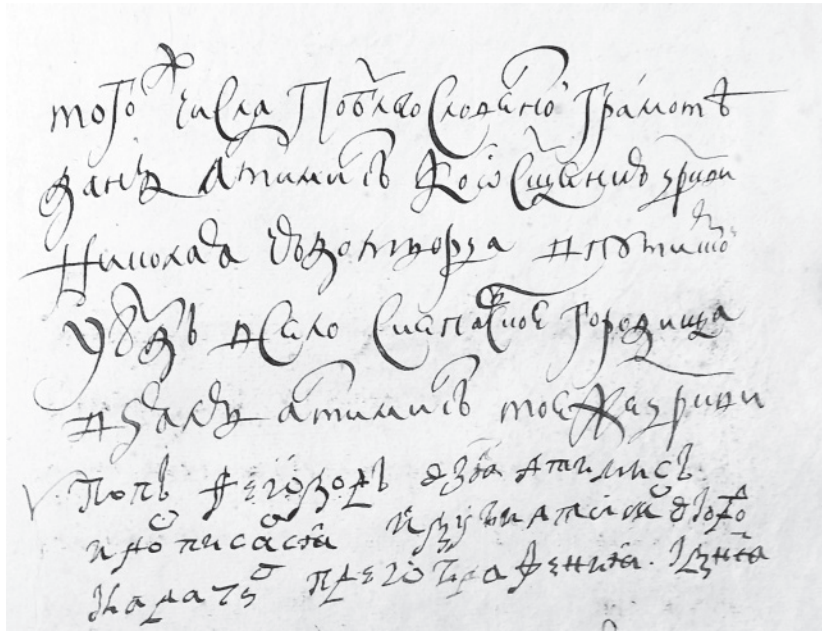


Рис. 1. **Запись о выдаче антиминса церкви в селе Клепалы. 1693 г.**

[332] Антиминс или антимис (с *греч.* – вместопрестолие) – это плат из ткани с частицами мощей, полагаемый на престол при освящении вновь построенного храма. С первой половины XVII в. в России стали появляться так называемые гравированные антиминсы. Для такого антиминса изображения, символы и неизменяемые части реквизитов надписи об освящении («бланк») печатались на ткани (как правило, шелковой) специальным гравировщиком. В марте 1675 г. Московский собор Русской церкви под председательством патриарха Иоакима закрепил обязательное использование антиминса на литургии — их стали изготавливать на Московском печатном дворе. До конца первой четверти XVIII в. изготовлением и рассылкой антиминсов ведал дьяк Патриаршего казенного приказа. На эти его функции был организован особый сбор с приходов. LevLev, Rnd-2022 (авторы). Антиминс. [Электронный ресурс] // Знание.Вики: [сайт]. URL: https://znanierussia.ru/articles/Антиминс (08.08.2025).

[333] РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Кн. 138. Л. 44.

[334] Следованная псалтирь – книга богослужебная, содержащая псалтирь, разделенную на двадцать кафизм с указанием тропарей и молитв, читаемых после кафизм.

ся переходящих праздников перед Пасхой 1693 года: «Лета от Адама ЗСА, от Р.Х. АХЧГ, ключ границ «Ч»: (даты по старому стилю). Триодь начинается февраля 5, мясопуст февраля 19, сыропуст февраля 26 (т. е. 26-го заговенье, а, собственно, начало поста 27.02.1693). Евдокии (1 марта) в среду 1-й недели поста, 40 мучеников в четверток 2-й недели поста, Алексия в пяток 3-й недели поста. Благовещение в субботу 4-й недели поста. Пасха Христова апреля 16. Георгия в неделю Фомину. Преполовение мая 10-го. Пятидесятница июня 4».

Таким образом, антиминс был получен попом Федором в Москве в Патриаршем казенном приказе за четыре дня до начала Великого поста, который в 1693 году начинался с 27 февраля. В связи с этим возникли трудности с датой освящения новопостроенного храма в деревне Клепальское городище. Вот что написал по этому поводу отец Александр: «Поп Феодор получил антиминс в четверг масляной седмицы, 23.02.1693. Неизвестно, за сколько дней он мог вернуться. Мне кажется, вряд ли он успел добраться до воскресенья[335]. С другой стороны, нельзя думать, что на протяжении Великого поста храм оставался неосвященным. Церковные правила обычно подробнее всего описывают чин освящения храма архиереем, священническое освящение считается допустимым лишь в крайнем случае, хотя, ввиду обширности епархий и физической невозможности архиерея лично освящать каждый новый храм, как правило, большинство новых церквей были освящены именно иерейским чином. Имея на руках освященный антиминс, священник имеет право служить литургию не только в неосвященном храме, но даже в лесу на пне. Никогда не встречал данных о суде над священником за освящение храма в неположенный день. Если нет никакого принципиального значения, мне кажется, лучше ограничиться указанием точной даты выдачи антиминса, так как любая другая дата будет лишь предположением». Так и поступим. Оставим дату освящения храма в деревне Клепальское городище открытой. Служение же в храме, при наличии освященного антиминса, могло начаться сразу по приезде попа Федора в село Клепалы.

Дополнительные сведения, касающиеся этого храма, находим в книге «Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губ.»[336]: «62. 201 (1693) г. Февраля 22 по указу свят. патриарха и по помете на выписке Андрея Денисовича Владыкина велено в Путив. уезде новопостроенную церковь Николая Чудотворца, которую построил Зиновий Козмин сын Панов Путивльскаго Молчинскаго монастыря, игумену Гаврилу освятить. А тое новопостроенной церкви на попа с причетники наложить дани с дворов: попа, дьячка, и пономаря, с его вотчинникова, с 8 дворов крестьянских да с 6 бобыльских. Да по памяти, какова прислана из Поместного приказа 199 (1691) г. марта в 18 день, с церковной пашни с 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, с сенных покосов с 10 копен по указной статье 14 алтын заезда[337] гривна и по тому окладу те данныя деньги на нынешней 201 (1693) год принять и вперед имать по тому ж. И февраля в 23 день те деньги на нынешней 201 год взяты, платил Зиновий Панов».

Таким образом, накануне дня выдачи антиминса в Патриаршем казенном приказе, 22 февраля, был дан указ Святого Патриарха настоятелю Путивльского Молчинского монастыря игумену Гавриилу освятить церковь в Клепальском городище, а также наложить дань. 23 февраля деньги в размере 14 алтын и 1 гривну (всего 52 копейки) на текущий 1693 год заплатил Зиновий Панов.

К церкви относились дворы попа, дьяка и пономаря. В реальности же в это время в селе Клепалы был построен только двор попа Федора. На это указывает запись в переписной книге Путивльской десятины 1693 года[338]: «№ 57. Церковь Николая Чудотворца, что в поместье стольника Зиновья Казьмина сына Панова в селе Клепальском городище. У той церкви двор попа Федора. А дьячкова и паномарева, и просвирницына дворов нет. Да к той же церкви Николаю Чюдотворцу пашенной земли двадцать четвертей в поле,

[335] Расстояние от Москвы до Путивля — около 600 км.

[336] Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губ., городов и станиц Донской области по приходным окладным книгам жилых данных церквей Патриаршаго казенного приказа 7136 (1628) – 1746 гг. М.: Тип. Русского товарищества, 1913. С. 67.

[337] Заезд – вид подати.

[338] Переписная книга церквам, состоящим в городах Путивле и Рыльске и в их уездах с перечислением помещиков и крестьян в каждом селе (РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9655. Л. 190).

а в дву по тому ж. Да сенных покосов двадцать копен». Дома для дьяка и пономаря в Клепалах были построены позднее, в 1698 году[339].

К приходу церкви в Клепалах были приписаны, кроме жителей села Клепалы, жители деревень Карпиловки и Дьяковки. В этой же переписной книге приведена перепись прихожан. Это 54 крестьянина Зиновия Панова (без привязки к конкретной деревне). Далее перечислены 42 крестьянина Василия Иванова сына Черепова в деревне Карпиловке и 37 крестьян в деревне дьяка Клима Судейкина (Дьяковке).

Таким образом, в год освящения церкви ее приход составил 133 взрослых жителя мужского пола. Приблизительно столько же и женского.

Теперь рассмотрим изображения храма на картах (планах дач) XVIII века. В частности, обратимся к геометрическому специальному плану Путивльского уезда села Клепалы 1782 года[340]. На нем показано место, где находился храм (рис. XI), а также кладбище рядом с ним.

Мы видим, что храм был построен на месте Клепальского городища на крутом обрыве к озеру Клепало. С восточной стороны находилась усадьба помещика. С западной стороны было село. Слева от протоки Клепальского колодезя мы видим две улицы села. Более крупным планом церковь показана на рис. XII. Территория вокруг храма была обнесена оградой со столбами в углах. Имелись двое входных ворот: с запада со стороны села и с востока со стороны усадьбы помещика. Где-то, рядом с церковью, находились служебные помещения. Здание храма расположено внутри ограды, в северной ее части. Вход в храм был (как положено) с западной стороны, со стороны села. Территория у храма разделена на две части. На плане имеется пунктирная линия между западными и восточными воротами. Это была дополнительная, кладбищенская ограда. Южная часть территории помечена крестом. Так в XVIII веке на планах генерального и специального межевания отмечались православные кладбища. У восточной (алтарной) стороны храма мы видим еще один огороженный участок. Скорее всего, это кладбище для наиболее уважаемых людей: священнослужителей, помещиков и членов их семей.

Еще одно изображение территории храма находим на плане, выполненном в 1788 году в рамках спорного дела о дачах Выгорева городища[341] (рис. XIII). На нем показана та же ограда. На ней обозначены ворота на кладбище со стороны церкви. Другой вход на кладбище показан чуть ниже восточных ворот, со стороны помещичьей усадьбы.

В описании к геометрическому специальному плану Путивльского уезда села Клепалы указана площадь церковной ограды: «Под церковью и кладбищем тысечи двесте {квадратных} сажень» (0,54 га). Вся церковная ограда имела приблизительные размеры 90 × 60 м, а кладбище — 35 × 60 м.

Дополнительные соображения относительно зданий, которые могли бы быть на церковном погосте, и лиц, проживающих в церковной ограде, предоставил отец Александр: «Расположение зданий на церковном погосте или “цвынтаре” сугубо индивидуально. Опять же поправка на рельеф, площадь, причет. Дом священника мог быть где угодно, канонических ограничений здесь нет. Надо учитывать, что и у священника должны были быть хозяйственные постройки — клуни, ледники, сенники и т. п.

При многих церквах раньше жили “сироты” — вдовы предыдущих священнослужителей, их непристроенные пока дети. Минимальный состав причта — священник, дьячок (псаломщик), пономарь, и каждый из них мог претендовать на участок земли или угол в церковном доме. На практике число проживавших в церковной ограде могло быть значительно выше. Где-то должна была жить просфорница (как правило, вдова кого-либо из причетников), где-то ей нужно было печь просфоры.

Единственный тип надвратных сооружений, возможных при приходском храме — надвратная колокольня, возвышавшаяся, как правило, над западным, парадным въездом в церковную ограду. Хотя опять же, могло быть всё по-другому».

Теперь рассмотрим вопросы, связанные с церковными землями. В указанной выше книге «Материалы для истории церквей…» читаем: «Да по памяти, какова прислана из Поместного приказа, 199 (1691) г.

[339] Отказная книга Ивана Григорьева сына Анненкова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 313 об.).
[340] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. К-24 (синий). Клепало село.
[341] Копия спорного плана о дачах Выгорева городища (РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4776. Номер картона 223 (синий)).

марта в 18 день с церковной пашни с 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, с сенных покосов с 10 копен {взяты подати}». Таким образом, Зиновий Панов в марте 1691 года из своих земель отделил церкви 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж. С другой стороны, в переписной книге Путивльской десятины 1693 года (л. 190) указано: «Да к той же церкви Николаю Чюдотворцу пашенной земли дватцать четвертей в поле, а в дву по тому ж, да сенных покосов дватцать копен». Стало быть, ко времени освящения церкви Зиновием Пановым было пожертвовано еще 10 четвертей. Церковная земля показана на геометрическом плане специального межевания села Клепалы 1782 года (рис. XIV) и обозначена буквами ЦЗ. Она находится в верховье Печковского лога, рядом с межой помещиков деревни Карпиловки. В описании к этому плану сказано: «Из того числа вымежена по ращоту церковная земля к состоящей во оном селе церкви во имя Николая Чудотворца с престолом Казанския Пресветыя Богородицы, которая на плане под литерами ЦЗ. На довольствии при той церкви свещенно и церковно служителей пашни восемь десятин пятьдесят сажень. Сенакосу одна десятина». Кроме того, «у свещенно и церковно служителей под поселением, огородами, гумниками и конопляниками три десятины». Таким образом, церковные земли вместе с огородами составили 11 десятин или 22 четверти. Получается, что в 1691 году Зиновий Панов «поступился церкви» 10 четвертей земли. А в год освящения добавил еще 10 четвертей. Этот церковный надел в 20 четвертей сохранился до начала XX века: эту же межу 1782 года можно увидеть на плане Путивльского уезда Курской губернии 1910 года.

Первая деревянная церковь в селе Клепалы просуществовала 140 лет, до 1834 года, когда на ее месте началось строительство новой, кирпичной. Ее постройка продолжалась с 1834 до 1837 года[342]. Занимались постройкой клепальские помещики Гавриил Михайлович Гамалея и его сын Михаил.

1.4.10. Передача поместий и вотчины Зиновия Панова Ивану Анненкову

В 7206 (1697/1698) году умер на службе (погиб в бою) клепальский помещик Зиновий Кузьмин сын Панов. Как это делалось в то время, его вдова подала челобитную царю на раздел вотчины и поместья покойного мужа. 26 июня 1698 года вдове Прасковье с дочерью Марией было отписано прожиточное поместье из оклада Зиновия Панова и его вотчина[343]. Прасковья получила «на прожиток» 160 четвертей, а Мария оставшиеся 5,5 четвертей, а также вотчину отца 150 четвертей.

4 мая 1699 года Прасковья «зговорила замуж» дочь Марию за стольника Ивана Григорьевича Анненкова — представителя старинного рода. Очень заманчивое, надо сказать, для Марии предложение. Почему эту сделку Прасковья осуществила только через год после смерти Зиновия Панова и получения ею прожиточного поместья? Скорее всего, Марии в 1698 году еще не исполнилось 15 лет — полнолетнего возраста для того времени[344]. В доказательство своего уважения и доверия к Ивану Григорьевичу Прасковья дала ему также обязательство «с неустойкою»[345] переписать на него свое прожиточное поместье и написала соответствующую челобитную[346] с условием, что Иван будет поить и кормить ее до смерти[347]: «Прасковья своего прожиточного поместья поступилась ему ж Ивану. А в челобитной своей написала, чтоб ее поить и кормить <…> и в том де во всем она вдова дала ему на себя запись за рукою брата своего родного Василья Яковлева сына Яцына с неустойкою и челобитную за рукою». Активное участие в этом принял брат Прасковьи Василий, который расписался за нее (приложил свою руку) на документах. Таким образом, все поместья и вотчина Зиновия Панова переходили в собственность Анненкова. Челобитная Прасковьи и ее обязательство были отосланы в Москву для принятия решения.

---

[342] *Корнієнко О.М. Мартиролог втрачених святинь* / Автор-упорядник Корнієнко О.М. Суми.: Ярославна, 2007.

[343] Отказная книга Ивана Анненкова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 306 об. – 307 об.)

[344] Год рождения Марии был определен в разд. 1.4.7 (1683 или 1684).

[345] С обязательством выплатить определенную сумму денег Анненкову в случае отказа Прасковьи от этого договора.

[346] Отказная книга Ивана Анненкова. Л. 303 об.

[347] Там же.

Такой поворот событий не устроил Марину Яковлеву дочь Черепову — падчерицу покойного Зиновия Панова. А вместе с ней и некоторых представителей рода Череповых. Все они были очень недовольны Зиновием Пановым и считали несправедливыми результаты межевания земель в Клепальском городище в июле 1685 года, когда писец Семен Муромцев примежевал Панову 150 четвертей земли в Диком поле. Эти земли считали своим потомки братьев Ивана, Петра и Василия Ивановых детей Череповых. Оспорить результаты этого межевания для них было целью всей жизни.

И Череповы начали действовать. Сразу же после сватовства Марии, в этом же месяце, в мае 1699 года[348], в дом покойного Панова в селе Клепалы приехала его падчерица Марина (девичья ее фамилия Черепова, в то время замужем за Федором Вощининым). Она направилась в комнату (горницу), где в сундуке хранились полюбовные сделки и сделочные записи, которые ранее при жизни оформлял Зиновий Панов с ней, с ее мужем и ее свекром на вотчины, поместья и на движимое имение (см. разд. 1.4.7) и начала их рвать и жечь. Ее действия описаны в челобитной Марии Пановой царю[349]: «Ив нынешнем, Государь, в 207-м (1699) году майя в {дата не указана} день приехала в дом к матери моей сестра моя Марина Федорова жена Вощинина и те зделашные полюбовные записи и всякие крепости на вотчины и письма, взяв из сундука, < … > умысля чтоб поместьем и вотчинами, и всякими животами {домашним скотом} завладеть напрасно[350], изадрала и пожгла».

Мария в то время была совсем молодой (15–16 лет) и ничего не смогла поделать с самоуправством взрослой сводной сестры[351]. Их мать Прасковья была уже тяжело больна и ничему не могла препятствовать. Равно как и клепальский поп Федор Григорьев, находившийся в это время в доме Панова. Свидетелями всего этого были также дворовые люди: Антошка Татаринов, Васька Дмитриев и Микитка Степанов.

Видя такое дело, Прасковья велела послать за своим братом Василием Яковлевым сыном Яцыным в надежде на то, что он сумеет остановить Марину. Василий приехал в тот же день, Марина была еще в доме Панова. Но и он не смог с ней справиться и, как пишет Мария, «{о}стальные записки при нем, Василье, она ж, сестра моя, подрала ж»[352].

Таким образом, Марина уничтожила документы, написанные Пановым и ранее согласованные ею же, закрепляющие раздел его поместий.

После ухода Марины между Прасковьей и ее братом Василием состоялось обсуждение произошедшего. Решили, что нужно писать жалобу царю от имени Марии. Такой документ был составлен. В этой челобитной Мария пишет[353]: «Милосердный Великий Государь Царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец, пожалуй меня, рабу свою, вели, Государь, послать свою Великого Государя грамоту мимо Путивля в Севск, и тое сестру мою Марину Федорову жену Вощинина допросить, для кокова умыслу она, Марина, вышеписанные зделашные крепости и всякие письма изодрала и пожгла, и по чьему веленью». То есть просила устроить допрос Марине и выяснить, с какой целью она порвала и пожгла записки и письма и, главное, по чьему наущению. А если Марина все будет отрицать, то допросить попа Федора и дворовых людей, а по результатам допросов дать указание.

Думаю, что и Василий, и Прасковья прекрасно понимали, кто из Череповых стоит за этим поступком Марины. Они также видели то влияние, которое Череповы имели в то время в Путивле, и небезосновательно полагали, что любое дело против Марины зайдет в тупик. По этой причине в челобитной содержалась просьба послать ответ царя (грамоту с указом) не в Путивль, а в Севск («мимо Путивля в Севск»).

Челобитная Марии в Москве была направлена в Разрядный приказ его главе боярину Тихону Никитичу Стрешневу. Вскоре, 3 июля, был отправлен ответ. В Севск была послана грамота, в которой был дан указ

[348] Точная дата не известна.

[349] Челобитье дочери стольника Марии Зиновьевой Пановой о посылке грамоты Севскому воеводе по поводу уничтожения сестрой ее Мариной Вощининой полюбовных и зделашных записей на вотчины и поместья (РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ч. 2. Столбцы Севского стола. Ст. 381. I. 27). Л. 48).

[350] Напрасно – насильственно, несправедливо.

[351] В то время Марине было 24–25 лет.

[352] Челобитная Марии Пановой. Л. 50.

[353] Там же. Л. 48.

Севскому князю и воеводе Луке Федоровичу Долгорукому допросить Марину, а в случае ее отпирательства допросить свидетелей произошедшего: попа Федора и дворовых людей вдовы Прасковьи. Ответ (отписку) воеводы из Севска предписывалось направить в Москву ему же, Тихону Стрешневу.

Марина не зря пожгла полюбовные и сделочные записки. Наличие этих документов не позволяло ей далее спорить за поместья Череповых, доставшиеся покойному Зиновию Панову. Теперь же у нее и ее мужа Федора Вощинина были «развязаны руки», появились новые возможности по спорам. Уже через месяц, 15 июня 1699 года, Федор подал челобитную с жалобой на неправомерное межевание писцом Семеном Муромцевым земель в деревнях Чаплищи и Лосино в 1685 году[354]: «А в 207 (1699) году июня в 15 день бил челом Федор Вощинин. И по отказным, что де в 193 (1685) году по накупки[355] вотчима жены ево Зиновья Панова да Ивана, да Василья Череповых писец Семен Муромцов отмежевал оным Панову и Череповым в поместье в трети деревни, что было селище Лосино, Черепова то ж, да деревню, что было селище Чаплище, по их скаске, а не по писцовой даче. И просил, чтоб в вышеписанных урочищах вотчину отмежевать за ними, развысте[356] от поместной земли владенье в вотчину».

На следующий год (1700-й) уже сама Марина написала жалобу в Поместный приказ на «неправое» межевание Семена Муромцева земель, в том числе в Клепальском городище. Дальнейший ход событий описан в спорном деле ее сына Якова Вощинина 1739 года[357]: «А мать его {Якова Вощинина} и те неправильные передельные 193 (1685) году книги[358] спорила ж. И по спору оной матери и отца ево {Федора Вощинина} в 702 году февраля в 13 числе приговором думного дьяка Афтамона Иванова оные неправильные передельные 193 (1685) году книги по показанным думного дьяка Автамона Иванова резонам оправлено. И велено быть вотчиным крестьянам за одною матерью ево, а поместье переделить вновь. Но токмо отце его за службами по 706 год передельной грамоты не имал. А в том 706 году грамота передельная ему отцу его дана, токмо переделу не было ж за службами отца своего. И он отце ево в службе умре в 717 году. А мать его прежде ево отца умре ж. А выше объявленную деревню что ныне село Клепалы со 190 (1681) году[359] завладел один вышеписанной Зинов Панов». Таким образом, Марина добилась своего и в 1702 году оспорила единоличное владение селом Клепалы Зиновием Пановым. Приговором думного дьяка Афтамона Иванова велено было клепальских крестьян опять переделить. Была сформирована передельная[360] грамота, которая была направлена мужу Марины Федору Вощинину. Федор в то время был на службе и получил грамоту только в 1706 году. Ввиду занятости по службе он не смог осуществить передел. А в 1717 году он умер на службе. Марина же умерла раньше своего мужа. Ввиду этих обстоятельств передел так и не состоялся. К тому времени Зиновий также умер, а единственной владелицей Клепальского поместья осталась его дочь Мария. Однако Череповы не оставили это дело, их спор длился весь XVIII век: в 1736 году предъявил претензии сын Марины Череповой Яков Федоров сын Вощинин. Позднее дело продолжил ее внук Яков. Спор завершился только в начале XIX века. Вощинины его проиграли. Межевание Петра Мусорского было признано законным. Клепалы остались за потомками Зиновия Панова. Но это уже другая история.

Между тем в июне 1699 года умерла Прасковья Панова. Не зря она так торопилась с замужеством дочери Марии и в последний момент, буквально за месяц до смерти, успела оформить бумаги для передачи своего прожиточного поместья 160 четвертей жениху дочери Ивану Анненкову.

«И в 207 (1699) году июня в 27 день девка Марья с тем своим прожитком и с вотчиною вышла замуж за стольника Ивана Григорьева сына Анненкова»[361]. Мы не знаем, дожила ли Прасковья до свадьбы своей дочери.

---

[354] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 400.

[355] Накупка (то же, что и «накуп») – подкуп. Имеется в виду подкуп Зиновием Пановым, Иваном и Василием Череповыми межевщика и писца Семена Муромцева в 1685 г.

[356] Развысте – производное от «развытити» – разверстать, разделить, распределить.

[357] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 1 об.

[358] Книга Семена Муромцева 1684 и 1686 гг. (№ 369).

[359] Земли Клепальского городища были отказаны Зиновию Панову в октябре 7190 (1681) г. (см. разд. 1.4.7).

[360] Этой грамотой было велено произвести передел.

[361] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 6.

Уже 30 июня из Поместного приказа в Путивль была отправлена грамота, в которой предписывалось допросить девку Марию и ее мать Прасковью. И, если они подтвердят, что девка выходит замуж, а Прасковья отписывает Анненкову свое прожиточное поместье, то поместья и вотчину отписать Ивану Анненкову. Однако, ввиду смерти Прасковьи (или по какой-то другой причине), путивльский воевода Лука Федорович Долгоруков допрос не произвел и ничего не отписал в Москву[362]: «В 207 (1699) году июня в 30 день по помете на выписке дьяков Ивана да Дмитрия Федорова послана Великого Государя грамота в Путивль девку Марью и мать ее Прасковью допросить. И по допросу их поместья и вотчины отказать Ивану Анненкову. А по тому допросу воевода князь Лука Федорович Долгоруково с товарищи к Великому Государю не писал и отказных книг в Поместной Приказ не прислал».

Теперь, после смерти матери, проблемы возникли у Марии. Прасковья умерла, не будучи допрошенной, и вопрос об их совместном прожиточном поместье (165,5 четверти), что называется, «завис». Самой Марии, как было сказано выше, было отписано только 5,5 четверти прожитка. Тогда как по Соборному уложению 1649 года дочери погибшего на службе помещика полагалось 10 четвертей из каждых 100 четвертей его поместного оклада. У Панова, напомним, оклад был 800 четвертей. Таким образом, Мария законно претендовала на 80 четвертей. Оставшиеся 85,5 четверти (прожиток Прасковьи) по законам того времени полагалось отписать ближайшему родственнику Панова мужского пола.

На это время никаких действий не предпринял основной претендент на поместья и вотчины Панова — Иван Анненков. В сложившейся ситуации быстро нашелся соискатель на поместья. Им оказался племянник Зиновия, сын его брата Петра Николай Панов. В своей челобитной от 5 августа он писал[363]: «В службу де он поспел, а помесным окладом не верстан, и поместья де за ним нигде ни единые чети {четверти} нет. А в прошлом де в 206 (1698) году дяди ево родного Зиновья Кузьмина сына Панова не стало. А после ево осталась жена ево вдова Просковья и ево Николаева тетка з дочерью своею девкою Марьею и ево Николаевою сестрою. А то де тетки ево поместье после ее осталось и никому не отдано. А иных де родственников ближе ево к тому поместью нет. И чтоб Великий Государь пожаловать ево велел, то тетки ево поместье по родству и по близости отдать ему Николаю в поместье».

В Москве отреагировали на челобитную Николая[364]: «И против того ево Николаева челобитья по помете на выписке думного дьяка Автомона Ивановича Иванова послана его, Великого Государя, грамота в Севск. К тому ж стольнику и воеводе ко князю Луке Федоровичю с товарыщи. Велено, буде вдова допрашивана, допрос прислать. А буде не допрашивана, о том писать». Велено было допросить Прасковью о том, согласна ли она с Николаем. А если Прасковья действительно умерла — об этом написать. Результат прислать в Москву. Николай (а скорее всего, его отец Петр, который и затеял это дело) знал, что Прасковья еще до своей смерти сговорила замуж свою дочь за Ивана Анненкова, а также оформила намерение передать Ивану свое прожиточное поместье. Но, поскольку отказа поместья и вотчины Ивану еще не произошло, решил сыграть игру на опережение.

17 августа этого же, 1699 года в спор вступил Иван Григорьевич Анненков и подал свою челобитную[365]: «Да августа в 17 день бил челом Великому Государю стольник Иван Анненков. Майя 4 день 207 (1699) году зговорила за него замуж вдова Просковья Яковлева дочь Зиновьевская жена Панова дочь свою девку Марью». «И он де на ней девке Марье не женился, потому что то поместье за ним не отказано»[366]. В этой челобитной Иван привел так называемую «рядную запись»[367], которую они оформили вместе с Прасковьей Пановой в мае этого года. К этому времени Анненков уже знал о челобитной Николая Панова (интересно, каким образом?). Вот что он писал по этому поводу[368]: «Он, Николай, написал про тое поступку, ведая подлинно, что она вдова ему {Ивану} поступилась. И что он же Николай в челобитье своем написал, бутто он

[362] Дело Марьи Анненковой с детьми о наследстве (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10618. Д. 32. Л. 316).

[363] Отказная книга Ивана Анненкова. Л. 302 об.

[364] Отказная книга Ивана Анненкова. Л. 303 об. – 304.

[365] Там же. Л. 304.

[366] Как было указано ранее, в то время жених вначале должен был получить прожиточное поместье невесты, а потом жениться на ней.

[367] Рядная запись – письменный договор о заключении брака; роспись приданого.

[368] Отказная книга Ивана Анненкова. Л. 305.

женился, и что он Николай написал ложно, хотя[369] таковым неправым челобитьем то поступное поместье у него отбить». Как мы видим, Иван обвинил малолетнего Николая во вранье о его, Ивановой, женитьбе и в желании отбить у него, Ивана, прожиточное поместье покойной Прасковьи.

Буквально через несколько дней, 19 августа, Мария также пишет в Москву и в челобитной подтверждает, что покойная мать сговорила ее замуж за Ивана Анненкова. Далее, она еще усложняет и так запутанное дело: жалуется царю, что ей «дано не с полного окладу {ее покойного отца} всего пять чети с осьминою, а матери де ее ж поместья отца ее дано с полного окладу». То есть просит «додать ей ис поместья отца ее на прожиток с полного окладу с осьми сот чети. А что останетца за прожитком ее того поместья, и то поместья по записи и по заручной челобитной справить за женихом ее, потому что мать ее для того за него Ивана и замуж зговорила»[370]. Таким образом, Мария просит отписать полагавшееся ей прожиточное поместье в 80 четвертей. Оставшуюся часть (85,5 четверти) ввиду смерти матери просит переписать на своего жениха Ивана Анненкова, ссылаясь на соответствующее обязательство матери. Теперь в Москве в Поместном приказе должны были принять решение, кому все-таки полагается вторая половина прожитка Прасковьи — Ивану Анненкову или Николаю Панову? По прожиточному поместью Марии все было ясно, и в Поместном приказе было «велено ей, девке Марье, ис поместья отца ее, что справлено было за матерью ее, дадать с окладу отца ее по его, Великого Государя, указу, по росписке велено ее допросить»[371]. Указано «додать» Марии из поместного оклада отца половину — 80 четвертей. И эту половину вместе с вотчиной Панова велено отписать на ее жениха Ивана Анненкова. А вот по второй половине, которую Мария предлагала отписать Ивану Анненкову, ссылаясь на расписку матери, решение принято не было.

Тем временем по указу из Поместного приказа Николаю Панову были отписаны 85,5 четверти из прожиточного поместья покойной Прасковьи. Это никак не могло устроить Ивана Григорьевича. Он, надо сказать, имел большие связи в Москве и принял соответствующие меры. Действия Анненкова по отношению к Николаю не нашли отражения в документах, но удивительно то, что уже через неделю после его челобитной Николая вызвали в Москву в Поместный приказ для допроса. И здесь, вдруг, Николай Панов радикально поменял свои намерения. 23 августа он бил челом государю[372]: «О помесье дяди своево стольника Зиновья Кузьмина сына Панова, которое осталось за прожитком у дочери ево девки Марьи в Путивльском уезде в Подгородном стану в розных местех восмь десят пять чети с осьминою и со крестьяны, которые по указу Великого Государя довелось отдать тетке ево Прасковье, а после тетки ево то вышеписанное поместье по ево, Великого Государя, указу и по новоуказным статьям, и по родству довелось отдать ему Николаю». Теперь он, оказывается, «осведомился подлинно, что тем поместьем она, тетка ево, Прасковья Яковлева дочь поступилась зятю своему Ивану Анненкову» (а то ранее он об этом не знал!). И теперь, «он Николай тем вышеписанным поместьем и со крестьяны поступился ему ж Ивану Анненкову» (sic!). Более того, «и ныне и впредь он, Николай, о том вышеписанном поместье ему, Великому Государю, не челобитчик». Целиком раскаялся, как говорится, и все вернул. Более того, сам попросил отписать эти земли Ивану Анненкову: «И Великий Государь пожаловал бы ево {Николая}, велел то вышеписанное поместье и крестьяны справить за ним, Иваном Анненковым». При этом при допросе в Поместном приказе Николай «сказал против челобитья ж своего». «Да к той челобитной и к допросу он, Николай Панов, руку приложил»[373]. То есть признал неправоту и собственноручно расписался на протоколе допроса.

Теперь все стало на свои места и дело подошло к своему разрешению. Последовал указ государя «то поместье дать Ивану Анненкову и о том в Севеск послать его, Великого Государя, грамоту». При этом предписывалось девку Марию допросить о том, сговорила ли ее мать замуж за Ивана Анненкова. И если она это подтвердит, то оформить соответствующую записку и поставить на этой записке удостоверяющую подпись ее, Марии, духовника (или кому еще она доверяет). А после поехать в вотчину и поместья Зиновия Панова (в том числе и оформленные на Николая Панова) и переписать земли, сенокосы, леса, дворы крестьянские

[369] Хотя — желая. (*Прим. авт.*)
[370] Отказная книга Ивана Анненкова. Там же. Л. 306 об.
[371] Там же. Л. 307 об.
[372] Там же. Л. 308.
[373] Там же. Л. 309.

и бобыльские. «А переписав и ис того Зиновьева поместья Панова, что было довелось отказать дочери ево девке Марье восемь десят чети да вотчины сто пятьдесят чети да достольное ево Зиновьево поместье Панова по заручной челобитной и по допросу племянника ево Зиновьева Николая Панова, а в нем пашни восмь десят пять чети с осьминою. Всего поместья и вотчины триста пятнатцать чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, отказать стольнику Ивану Анненкову помесье в помесье и вотчину в вотчину. И то все написать в книги подлинно порознь, да те книги за руками понятых людей и за откащиковою, и девки Марьи допросные речи за рукою же, и за дьячею приписью прислать к Москве в Поместнои приказ. А таковы ж книги и допросные речи за руками тех же людей за дьячьею приписью оставить в Севску, в Приказной избе впредь для ведома и спору»[374].

По этим указаниям «сентября в 29 день в Путивльском уезде в селе Клепальском городище перед дьяком перед Леонтьем Клишиным стольника Зиновьева дочь Панова девка Марья о зговоре замуж за стольника за Ивана Анненкова с прожиточным поместьем и с выслуженою отца ее вотчиною допрашивана»[375]. Естественно, что в допросе Мария подтвердила, что мать сговорила ее замуж.

Заметим, что этот допрос был произведен в Клепалах людьми из Севска, поскольку путивльские чиновники этого так и не сделали, несмотря на повторный указ царя от 26 августа этого года[376]: «Августа 26 дня послана в Путивль грамота Великого Государя; велено отписать поместья и вотчины Прасковьи и Марьи Ивану Анненкову. Стольник и воевода князь Лука Федорович Долгоруково с товарищи допросу и отказных книг в Москву в Поместной приказ не прислал». Череповы сопротивлялись до последнего.

Далее, во исполнение указа царя, все, «что дано дочери ево Зиновьевской девке Марье восемь десят чети да вотчины сто пять десят чети, да достольного ево ж Зиновьева поместья по заручной челобитной и по допросу племянника ево Зиновьева Николая Панова восмь десят пяти чети с осьминою, всего поместья и вотчины триста пятнатцать чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, и дворы крестьянские и бобыльские, и в них людей по имяном, и места дворовые, и всякия угодья, чем он, Зиновей, владел, при сторонних людех переписано и отказано стольнику Ивану Григорьеву сыну Анненкову»[377]. Прожиточное поместье Марии, ее вотчина и прожиток покойной матери (всего 315,5 четверти) были отписаны Ивану.

Казалось бы, всё. Но нет, оказывается, был еще один претендент на наследие Панова. Это его родной брат Роман. Он утверждал[378]: «В прошлых де годех продал ему Раману брат ево родной Зиновей Козьмин сын Панов в Путивльском уезде из вотчины своей жеребей Красной слоботки (Карпиловка то ж) и з жеребьями деревень в розных местех за деньги за пять десят рублев. И в том он, Зиновей, дал ему, Раману, на себя купчею». Речь идет о владениях Зиновия Панова в деревне Карпиловке, которая в те времена называлась еще и Красной слободой. Роман утверждал, что эту долю (жеребей) Зиновий продал ему за 50 рублей и что на эту сделку был документ — купчая крепость.

Кроме этого, Роман написал челобитную царю еще и на прожиточное поместье Марии[379]: «Да в 208 (1699) году декабря в 21 день бил челом Роман Кузьмин сын Панов. Просил брата ево родного Зиновьево поместье Панова, которое осталось у дочери ево за прожитком, отдать ему в поместье». Роман со своим племянником Николаем (который один раз уже отказался от этого наследства) начали делить «шкуру неубитого медведя». Вначале решили это поместье 85,5 четверти поделить пополам. Затем, поговорив между собой, решили все отдать Роману.

Далее спор между родственниками Зиновия Панова принял совсем замысловатый и туманный характер[380]: «Да марта в 14 день 700 году бил челом Федор Осипов сын Панов, что то поместье Зиновья Панова из-за Ивана Анненкова, и отдать по родству ему, Федору, потому, что поступка Николая Панова ему Ивану Анненкову указу противна стала. Путивльцом московского чину поступатца и менять поместье не велено. А он де, Николай, в путивльском списку написан, а не верстан. А Роман Панов дал на себя запись Николаю,

[374] Отказная книга Ивана Анненкова. Л. 310 об.
[375] Там же. Л. 311 об.
[376] Дело Марьи Анненковой с детьми о наследстве. Л. 316.
[377] Отказная книга Ивана Анненкова. Л. 312 об. – 213.
[378] Допрос Романа Панова по проданной вотчине Зиновья Панова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10588. Л. 39).
[379] Дело Марьи Анненковой с детьми о наследстве. Л. 323.
[380] Там же.

о вышеписанном поместьи. И оба де они, Николай и Роман, не проча себя и им родственником, а проча Ивану Анненкову о том поместьи не челобитчики. А умершей де сродичь их Зиновей Панов служил в стольниках, а он де Федор служил по жилецкому списку, чтоб Николаю Панову запись на Рамана Панова положить к делу и допросить, где та запись писана». В общем, добавился еще один претендент — дальний родственник Зиновия Федор Осипов сын Панов. Его доводы комментировать — только портить.

Результатом всего стал допрос Романа по месту жительства, в Пошехонье, в Приказной избе[381]: «Лета 1700 г декабря в день {дата не указана} по указу Великого Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца и по грамоте ис Поместного приказу за приписью дьяка Анисима Невежина в Пошехонье в Приказной избе перед выборным дворянином перед Ларионом Яковлевичем Сухаревым Раман Козьмин сын Панов ставлен и при свидетелех допрашиван». Что перед этим допросом объяснял Роману стольник Иван Анненков — этого мы не знаем, но в ходе допроса оказалось, что купчая утеряна. Более того, «в допросе своем он, Раман Панов, не о чем не спорил». При этом оказалось, что «в прошлом де 1700-м году февраля в 20 день договорясь он, Раман, со стольником с Иваном Григорьевым сыном Анненковым полюбовно, что впредь ему, Раману Панову, и жене ево и детем, тою вотчиною не владеет и о деньгах, каковы написаны в той купчей, он, Раман, и жена ево, и дети не челобитчики. И дать ему, Ивану Анненкову, в том на себя запись». Да, умел Иван Григорьевич разговаривать с людьми по-хорошему…

Попытал счастья в дележе наследства Зиновия Панова еще один помещик[382]: «Да в 1701 году марта в 20 день бил челом Федор Петров сын Литвинов». Его доводы доподлинно не известны, но результат был тот же. В результате[383]: «В 1701 году апреля в 7 день по приговору думного дьяка Автамона Иванова сына Иванова и по помете на выписке дьяка Анисима Невежина велено поместье Зиновья Панова, что осталось у дочери ево 85 чети с осьминою, быть по прежней помете 207 (1699) году за Иваном Анненковым. А челобитчиком Федору Панову и путивльцу Федору Литвинову от того поместья отказано». Дело, наконец-то, завершилось. В пользу Ивана Григорьевича Анненкова, конечно же.

Чтобы понять масштаб личности Анненкова, необходимо сказать, что в 1700 году Иван Григорьевич был назначен царем Петром Алексеевичем (Петром Первым) воеводой в Путивль[384]. Теперь вся власть в Путивльском уезде была сосредоточена в его руках. Само собой разумеется, что его споры с потомками Зиновия Панова быстро улеглись. Равно как и с Череповыми. Насколько прозорлива была Прасковья Панова, мать Марии, двумя годами ранее сосватав за него свою дочь! Уже на следующий год после замужества шестнадцатилетняя Мария стала «первой леди» в городе Путивле и в Путивльском уезде.

После завершения споров за наследие Зиновия Панова перед Иваном Анненковым стала задача получения царской грамоты на владение поместьями и вотчиной. По прошествии года такая грамота не была получена, и «в 1702 году бил челом Иван Анненков, чтобы дали ему правою грамоту[385], по чему ему тем поместьем и вотчинами владеть. И против того челобитья по помете на выписке дьяка Семена Жукова 1702 году февраля в 17 день велено Ивану Анненкову на то поместье и вотчину дать со всего дела с подлиною очискою Великого Государя грамоту»[386].

Пришла грамота Ивану или нет — это не известно. Помета об отсылке грамоты была, но в деле была только половина пометы — другую половину кто-то отодрал... Вот что об этом сказано в деле Марьи Анненковой с детьми о наследстве[387]: «Той пометы в подлинном деле половины нет, отодрана. И грамота послана или нет, про то не ведано. Для того, что под делом отпуску черной грамоты[388] нет». Не было, как видно, и черновика грамоты.

Вот такие приключения с получением Иваном Григорьевичем Анненковым наследства своей жены Марии Пановой.

---

[381] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10588. Л. 39–39 об.

[382] Дело Марьи Анненковой с детьми о наследстве. Л. 325.

[383] Там же. Л. 325 об.

[384] Иван Григорьевич Анненков, как стольник и воевода, упоминается в Путивльских книгах № 10566, 10568, 10589 1700–1702 гг.

[385] Правая грамота – документ о правах. В данном случае – на право владения поместьями и вотчиной.

[386] Дело Марьи Анненковой с детьми о наследстве. Л. 326.

[387] Там же. Л. 326 об.

[388] Черная грамота – черновик грамоты. (*Прим. авт.*)

Раздел 1.5.
Окрестные деревни и села (XVII век)

1.5.1. Освоение земель на речке Выжлице

ВВЕДЕНИЕ

Как было указано ранее (см. разд. 1.4.3), в декабре 1650 года состоялся первый отказ «порожжих» земель пустоши на речке Выжлице[1]. Тогда 80 четвертей были отписаны Василию, Петру и Ивану Ивановым детям Череповым, а 20 четвертей — на Государя. В 1676 году их двоюродные братья Григорий, Роман и Артемий Григорьевы дети переписали на себя эти государевы земли. Таким образом, все «порожжие» земли на Выжлице перешли в род Череповых. Напомним, что общая площадь этих земель на современной местности составляет 1827 га (1676 десятин) или 1117 четвертей в поле, а в дву по тому ж. Как видим, земли, переданные Череповым в 1650 и 1676 годах (100 четвертей в поле, а в дву по тому ж), составляли весьма малую часть от общей площади угодий.

Что касается низовьев этой речки (от вала у Вирской дороги, вниз до ее устья), то с 1639 года эти земли (в частности, селище Глушецкое и Глушецкое городище) принадлежали путивльским помещикам Василию Волынцеву и Василию Карпову[2]. То есть начало заселения здесь было более ранним, чем в верховьях Выжлицы.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВ СЫН ЧЕРЕПОВ

Остановимся подробнее на личности старшего брата Череповых — Василия. Первые земли у него и его братьев появились 29 июля 1650 года, когда они разделили поместье умершего отца Ивана Алексеева сына Черепова — половину деревни Чаплищи, 15 четвертей (по 5 четвертей каждому)[3].

Немногим позднее, 5 августа этого же года, им были отказаны еще 14 четвертей[4]: «В Путивль к оставному голове к Ивану Селитреникову по челобитью путивльца Василья Черепова. Велено ему поместья отказать з братьями в Путивльском уезде на четырнатцать чети. Пошлин с челобитья дватцать пять алтын взято».

31 декабря 1650 года братьям была оформлена отказная книга на «порожжие» земли на Диком поле и в верховьях речки Выжлицы.

В 1659 году Василий женился на вдове Авдотье Юдиной и получил ее прожиточное поместье[5]: «Треть деревни Череповки на Терну и Курице, Вири, да в Заморниковской волости на Святом озере в Титове дуброве, да в деревне Чаплищах пашни добрые земли 19 чети». Всего у Василия к 70-м годам XVII века было поместий 84 четверти без третника. В том числе 30 четвертей на речке Выжлице (см. разд. 1.4.3).

В 1677 году эти земли были отданы Василию в вотчину[6]. Точная дата получения вотчины указана в спорном деле «О дачах Выгорева городища» 1788 года[7]: «И на те дачи во 185-м (1677) году марта 14 дня дана ему жалованная грамота в урочищах за рекою за Семью на речки на Выжлицы по обе стороны речки Выжлицы в деревни Красной слоботки (Карпиловка то ж) и в протчих деревнях и урочищах».

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 7–7 об.

[2] Отказные книги Петра Прокофьева сына и Данила Иванова сына Карповых (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 167–172).

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 362.

[4] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 56. Л. 220 об.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 362.

[6] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 92.

[7] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 34.

В 1681 году умер брат Василия — Иван Иванов сын Черепов. 23 апреля этого года его земли на Выжлице «под лесом под пристенком, меж Печковского логу и валу, смежно с Ывановою Черепова с поместною землею, по ложок, да по дорогу Псельскую в диком поле» были переданы его сыну, герою «пасечного» дела (см. разд. 1.4.8), Леонтию Иванову сыну Черепову. В его отказной книге указаны жители этих мест в слободке (слободка впоследствии стала деревней Карпиловкой)[8]: «Да ему ж, Леонтью, в диком поле на речки на Выжлице, в слободке отказал пять дворов бобыльских: (в{о дворе}) Алешка Черкашенин, (в) Васька Зудилин, (в) Васька Черкашенин; (в) Кузька Черкашенин; (в) Ермошка Космыня». Здесь впервые указано поселение на месте теперешнего села Карпиловка.

Изначально Карпиловку заселял Василий Черепов. Он, собственно, и является основателем этой деревни. На этом месте еще до 1650 года, в пустоши, на «порозжих» землях, была его усадьба (см. разд. 1.4.3). Его, как основателя Карпиловки, указывал также помещик деревни Дьяковки Иван Клементьев сын Судейкин[9]: «Сенные покосы ниж деревни Карпиловки, что поселил Василей Черепов». Наименование деревне дали сами жители, первые поселенцы, вольные люди черкасы. Часть из них переселились сюда из центральной Украины, из села Карпиловки[10]. Ранее слободы на этом месте был починок[11]. Изначальное название этого поселения — Красная слобода. На это указано в отказной книге Василия 1694 года[12]: «Дьяк Илья Колпаков {ездил} в Путивльский уезд в Подгородной стан в Васильеву вотчину Иванова сына Черепова за реку за Семь вверх речки Выжлицы, под лесом пристенком, меж Печковского логу и валу с урочищи, что ныне деревня починок Красной слободы». До конца XVII века во многих источниках приводилось двойное название: «Деревня Карпиловка, Красная слобода то ж».

В 1682 году Василий добился того, что крестьяне его покойного брата Ивана, находившиеся на его вотчинных землях и переданные сыну Ивана Леонтию, были закреплены за ним. Вот запись в пошлинной книге Печатного приказа от 25 июля 1682 года[13]: «В Путивль к стольнику и воеводе к Григорью Новосильцову по челобитью Василья Черепова. Велено в Путивльском уезде в ево Васильиве вотчине крестьян, что были отказаны Леонтью Черепову, отказать ему, Василью, по записи в вотчину. Пошлин полтина взято. Припись дьяка Автамона Ивакова. Писал Вакула Богданчик июля в 25 день».

В 1685 году Василий заложил свою вотчину[14] Ивану Шечкову и Василию Андреевому сыну Черепову. На это указано в книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369)[15]: «А на Васильеву вотчинную дачю Иванова сына Черепова подали челобитную, что та вотчина заложена Ивану Герасимову сыну Шечкову да Василью Андрееву сыну Черепову[16] 194 (1685) году декабря в 13 день». По этой причине мы не находим сведений о межевании этих земель в книге № 369.

Остаются неясными обстоятельства, ввиду которых это было сделано. Может быть, потому, что Василий к этому времени не имел прямых наследников[17]: «Как он был бездетен, а брат ево Петр и сын ево {Петра} Андрей померли ж». Таким образом, из трех братьев Ивана, Петра и Василия к 1685 году в живых оставался только старший — Василий.

В 1688 году Василий оформил купчую на продажу своей вотчины указанным выше лицам. В спорном деле клепальских помещиков Ивана Гамалеи и Семена Неплюева 1743 года приводится копия этой купчей[18]: «Се аз путивлец Василей Иванов сын Черепов в нынешнем во 196-м (1688) году майя в день {дата не ука-

[8] Там же. Л. 381 об.

[9] Отказная книга Ивана Клементьева сына Судейкина (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 648–654).

[10] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 847–848.

[11] Починок – новое поселение, деревенька на вновь расчищенном участке.

[12] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 91.

[13] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 229. Л. 313.

[14] Всю вотчину — 84 четверти без третника, а не только земли на Выжлице.

[15] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 74.

[16] Василий и Иван — внуки Семена Иванова сына Черепова — брата Федора Иванова сына Черепова, владельца деревни Клепало (см. схему рода Череповых в конце этого раздела).

[17] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 11.

[18] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 363 об.

зана} продал я, Василей, выслуженную свою вотчину в Путивльском уезде в Подгородном стану жеребей деревни селища Чаплищ на реке на Семи, пустошь Дикое поле на реке на Семи усть озера Клепало вниз рекою Семью ниже озера Клепала, на реке на Семи против озера Влукова усадьба. Да усадьба ж к озеру Глушицы. И по обе стороны речки Выжлицы усадьбы, что ныне слобода новопоселенная. Треть деревни, что ныне село Череповка, за рекою за Семью на речке на Терну и на Курице, на Вири, и на реке на Семи. Да в Заморниковской волости на Святом озере в Титове дуброве, в деревни Чаплищах на верхней стороне. А в них восемьдесят четыре четверти без третника в поле, а в дву по тому ж, с озеры и с рыбными ловли, и с лесом хоромным, и дровяным, и сенными покосы, и всякими угодьи. Путивльцом Ивану Герасимову сыну Шечкову той вотчины половину, а другую половину той же своей вотчины Ивану да Василью Андреевым детям Череповым и женам их, и детям, и внучатам впрок. А в той деревне и в селе, и в слободе по писцовым и по переписным книгам крестьяне с женами и детьми, и з братьями, и с племянники, и со внучатами, и з зятьями, и с племянники, и пасынки. И со всякими их крестьянними животы {домашним скотом}. И с хлебом стоячим, и с молоченным, и з земляным вотчинная пашня».

Продажа вотчины была произведена с условием, что право обладания новыми владельцами наступит только после смерти Василия[19]: «С таким обязательством, что ему Василью тем вышеписанным поступным имением владеть по смерть свою».

В 1689 году состоялся раздел проданной вотчины между Иваном Шечковым и Иваном и Василием Андреевыми детьми Череповыми[20]: «Лета 7197 (1689) февраля в 29 день по указу Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великой Государыни Благоверныя Царевны Софии Алексеевны всеа Великия и Малыя, и Белыя Росии Самодержцов, и по грамоте ис Поместного приказу за приписью дьяка Анисима Невежина, и по приказу стольника и воеводы Михаила Ивановича Голенищева Кутузова Путивльские приказные избы подьячей Леонтей Селиванов ездил в Путивльский уезд в Подгородной стан в жеребей селища Чаплищи, да на речку Выжлицу по обе стороны речки Выжлицы в новопоселенную слободку, да за реку за Семь в село Череповку путивльца Васильеву вотчину Иванова сына Черепова, взяв с собою тутошних и сторонних людей, старост и целовальников, и крестьян сколько человек пригож. Да в той вотчине переписал дворы крестьянские и бобыльские, и в них людей по имяном, и места дворовые, и пашню, и сено, и лес, и всякие угодья. А пересчитав да тое Васильеву вотчину Иванова Черепова, а в ней пашни восмь десят четыре чети бес третника в поле, а в дву по тому ж, отказал путивльцом Ивану Герасимову сыну Шечкову, Ивану да Василью Андреевым детем Череповым. Ивану Шечкову половину той вотчины сорок две чети бес полутретника в поле, а в дву по тому ж. А Ивану да Василью Череповым другую половину вотчины сорок две чети бес полутретника в поле, а в дву по тому ж, всем в вотчину».

Собственно, на Выжлице, у Василия было 60⅓ четверти вотчинной земли. Вотчина была поделена между новыми владельцами пополам. Далее перечисляются угодья, которые передаются: «Отказал им, Ивану Шечкову да Ивану, да Василью {Андреевым детям} Череповым тое вотчины в Путивльском уезде в Подгородном стану в полу деревни селища Чаплищ на реке на Семи пашни добрые земли и бортного ухожья с угодьи пять чети бес третника. Ивану Шечкову две чети с третником. А Ивану да Василью Череповым две ж чети с третником.

В пустоши Диком поле на реке на Семи усть озера Клепала да вниз рекою Семью ниже озера Клепала на реке ж на Семи против озерка Влукова к озеру Глушице.

Да от валу вверх по речки Выжлицы по обе стороны той же речки Выжлицы, что ныне новопоселенная слободка, пашни дикого поля шесть десят чети с третником. Ивану Шечкову тритцать чети с полу третником. А Ивану да Василью Череповым тритцать же чети с полу третником.

В селе Череповке за рекою за Семью, на Терну да на Курице, на Вири и на реке Семи, да в Заморниковской волости на Святом озере в Титове дуброве, да в деревни Чаплищах на верхней стороне на реке на Семи девятнатцать чети. Ивану Шечкову девять чети с получетью. А Ивану да Василью Череповым девять же чети с получетью. Всего восемь десят четыре чети бес третника».

[19]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 34.

[20]Отказные книги Ивана Шечкова, Ивана и Василия Череповых (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 778–785 об.).

Были также переписаны дворы крестьянские, бобыльские, и мазанки вольных черкас. Вот перечень жителей Карпиловки: «Да им же, Ивану Шечкову да Ивану, да Василью Череповым в той же вотчине отказал в новопоселенной слободке двор ево вотчиников Василья Иванова сына Черепова, да крестьян: (в{о дворе}) Яцко Трофимов, (в) Данилка Савенка, (в) Лучка Попков, (в) Васька Бойка, (в) Федька Бойка, (в) Якимка Цумак, (в) Миско Тихий, (в) Еремка Яценка, (в) Федька Терещенка, (в) Васька Гребенник, (в) Кузка Литвин. Да дворищи пустые крестьянские: Мартиновская дворища Савенкова, дворища Гудиловская, дворища Бойки Алексина, дворища Миска Лысого, дворища Семена Голубенкова». Как мы видим, в конце февраля 1689 года у Василия Иванова сына Черепова в Карпиловке был свой вотчинников двор, 11 дворов новопоселенных черкас, а также 5 пустых дворов.

Необходимо отметить, что указанный выше раздел произошел не ввиду смерти Василия. Даже после передела его вотчина полностью принадлежала ему вплоть до его смерти.

ПЕРВОЕ МЕЖЕВАНИЕ ЗЕМЕЛЬ В ВЕРХОВЬЯХ РЕЧКИ ВЫЖЛИЦЫ

Земли на Выжлице братьев Василия, Ивана и Петра Череповых долгое время не были межеваны. В 1650 году они были отданы братьям «без меры». Межа была обозначена по приметным на местности деревьям с гранями. Во время межевания земель Подгородного стана Путивльского уезда писцом Семеном Муромцевым в 1684–1686 годах эти земли не были затронуты ввиду того, что часть из них (а именно вотчина Василия Черепова) были заложены другим лицам.

Первое межевание земель состоялось только в 1694 году. Эти межи были рассмотрены ранее (см. разд. 1.2.4). Тогда же помещикам на Выжлице были примерены дополнительные, свободные, земли. Это мероприятие было проведено по челобитию Василия Иванова сына Черепова. Межевая книга 1694 года хороша тем, что в ней указаны земли всех помещиков в верховье Выжлицы. Приведем отрывки из нее[21]: «Лета 7202 (1694) июня в 1 день по указу Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцев и по грамоте ис Поместного приказу за приписью дьяка Анисима Невежина, какова прислана в Путивль в нынешнем в 202 (1694) году генваря в 3 день к думному дворянину и воеводе к Григорью Ивановичю Косагову, да к дьяку Илье Колпакову, по челобитью путивльца Василья Иванова сына Черепова стольник и воевода Иван Григорьевич Косагов да дьяк Илья Колпаков в Путивльский уезд в Подгородной стан в Васильеву вотчину Иванова сына Черепова за реку за Семь вверх речки Выжлицы под лесом пристенком меж Печковского логу и валу с урочищи, что ныне деревня починок Красной Слободы ездил».

Василию Черепову помимо 30 четвертей вотчины было «примерено» 245 четвертей в поле (а в дву по тому ж). «Да сенные покосы и на лесные угодья по писцовому наказу дано ему, Василью, семьдесят десятин. Да к речке Выжлице на той ево вотчинной земли починок Красной слободы двор вотчиников ево Васильев Черепова; да бобылей вольных людей черкас: (в{о дворе}) Кондрашка Гребенник, (в) Еремка Черкашенин, (в) Дениска Черкашенин, (в) Федька Сивоконь, (д{вор}) Васька Черкашенин, (в) Федька Безпалого, (д{вор}) Акимка Цуман, (д) Андрюшка Кочюбей, (в) Карнюшка Черкашенин, (д) Илюшка Черкашенин, (в) Ермошка Черкашенин, (в) Ивашка Сухавейка, (д) Кузька Вернидуб, (в) Якушко Бобыренка, (д) Кузька Черкашенин, (д) Афонька Брюшков, (д) Стенька Черевченка, (в) Тимошка Скрыпченка, (в) Прошка Черкашенин, (д) Стешка Толан, (в) Федька Швец, (д) Ермошка Третяченка, (д) Грицко Голуб, (в) Савка Черкашенин, (в) Митька Черкашенин, (д) Якушка Сердюк, (в) Лучка Попченка, (в) Яцко Попченок, (в) Гришка Черкашенин». Всего 29 дворов.

Кроме этого, Василию были переписаны крестьяне покойного Леонтия Иванова сына Черепова, которые ранее были переданы его вдове: «А по справке в Путивле в приказной избе и по грамоте Великих Государей ис Поместного приказу, какова прислана в Путивль к стольнику и воеводе ко князю Никите Гагарину в прошлом в 200-м (1691) году октября в 26 день, по челобитью его Василья Иванова сына Черепова написано: велено в Путивльском уезде в Подгородном стану, в ево Васильеве вотчине Черепова в слободке

[21] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 91–103 об.

на речке Выжлице переписать дворы и во дворех людей по имяном. А переписав, да тех крестьян, которые отказаны во 189 (1681) году путивльцу Леонтью Иванову сыну Черепову, буде у жены ево Леонтьевы записи на тех крестьян опричь отказных книг да иных никаких крепостей нет, велено владеть Василью Иванову сыну Черепову».

Земли других помещиков в верховье Выжлицы были распределенены следующим образом:

- Зиновью Панову оставлены двенатцать чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. К этим землям добавилось 110 четвертей примерной земли;
- вдове Дарье и ее детям Петру Большому и Петру Меньшому — двенатцать же чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, и 110 четвертей примерной земли;

Кроме того, за Зиновием и Дарьею оставили в общем владении сенные покосы и лес-пристенок (всего 162 десятины);

- вдове Марфе Петровой жене Черепова и ее детям Андрею и Никите оставлено 25 четвертей и примерной земли 220 четвертей (в поле, а в дву по тому ж). А также «к лесу-пристенку и вверх к речке Выжлице оставлено земли на усадбы и на сенные покосы и на лесные угодья сто сорок восмь десятин»;
- племянникам Василия Григорию, Роману и Артемию Ивановым детям Череповым оставлено 20 четвертей и примерено еще 215 четвертей. Им же «к лесу-пристенку и вверх Выжлицы на усадьбы и на сенные покосы, и на лесные угодья девяносто восемь десятин».

Ранее, в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553) размер пустых («порозжих») пахотных земель в верховьях Выжлицы составлял 100 четвертей. В 1694 году в рамках межевания было примерено еще 900 четвертей. Итого для распашки было передано помещикам 1000 четвертей в поле, а в дву по тому ж. Таким образом, к этому времени обрабатывалось уже 3000 четвертей (с учетом троеполья). То есть 1500 десятин (1635 га). Кроме того, в совместном пользовании помещиков находились сенокосы и лес-пристенок. Всего 408 десятин (445 га). Всего же в верховьях Выжлицы, согласно этой отказной книге, было 1908 десятин (2080 га) угодий. Ранее мы измеряли площадь внутри этой же межи на реальной местности с помощью инструментария ресурса Google Earth (см. разд. 1.4.3). Она составила 1843 га (1690 десятин). Погрешность между этими двумя измерениями не превышает 12%, что вполне допустимо с учетом погрешности межевания в XVII веке и погрешности определения площади на современной местности. Таким образом, можно утверждать, что в 1694 году все угодья в верховьях речки Выжлицы были распределены между помещиками.

Для освоения этих угодий помещики стали срочно заселять деревню Карпиловку вольными людьми — черкасами. В 1693 году в деревне Клепальское городище была освящена церковь. Жители Карпиловки были отнесены к ее приходу. В переписной книге церквей Путивльской десятины 1693 года[22] приведены результаты переписи, перечислены 42 двора в вотчине Василия Черепова в деревне Карпиловке: «(в{о дворе}) помещик Василей Черепов, да крестьян ево: (в) Лучка Топов, (в) Кузьма Черкашенин, (в) Кузьма Надточей, (в) Стенька Скрыпкин, (в) Андрюшка Скрыпкин, (в) Тимошка Скрыпкин, (в) Никитка Черкашенин, (в) Васька Васильев, (в) Афонька Черкашенин, (в) Федька Бойка, (в) Илюшка Черкашенин, (в) Ермолка Черкашенин, (в) Кузьма Вернидуб, (в) Кузьма Литвин, (в) Пронька Микулай, (в) Яшка Швец, (в) Савка Красненец, (в) Гришка Бруско, (в) Ивашка Гончар, (в) Федька Понидченко {м.б. Покидченко}, (в) Яшка Бобиренко, (в) Карнюшка Андреев, (в) Никитка Одночовец, (в) Данька Кослянца, (в) Стенка Сердюк, (в) Андрюшка Кочюбей, (в) Ивашка Суховей, (в) Никитка Пугоч, (в) Стенька Толан, (в) Максимка Семенов, (в) Сенька Голуб, (в) Яшка Голуб, (в) Антон Мазенковый, (в) Денис Савенка, (в) Гришка Суховеянко, (в) Гришка Сивонов, (в) Еремка Бордак, (в) Никитка Иванов, (в) Кондрашка Грабенниченко, (в) Васька Бойко, (в) Якимка Цуман, (в) Афонька Брушка».

Ранее (см. разд. 1.4.7) было сказано, что клепальский помещик Зиновий Панов в апреле 1693 года выменял свои земли в Часком и Ослецком городище на земли в Карпиловке вдове Леонтия Черепова Дарье. В результате в поместье Леонтия Черепова на речке Выжлице Зиновию Панову было написано 10 четвер-

[22]РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9655. Л. 191 об. – 192 об.

тей в поле (а в дву по тому ж). Ему же были написаны и 6 новых черкасских усадеб в Карпиловке[23]: «А на тех усадьбах живут ныне повольно новоприхожие вольные люди черкасы: (в) Андрюшка Петренко, (в) Мишка Пугач, (в) Сенька Голуб, (в) Сенька Третьяк, (в) Лукьян Попченко, (в) Левка Толаченка». В это же время у вдовы Дарьи с сыновьями было «в деревне Красной слоботке (Корпиловка то ж) одиннатцать усадеб. А в тех усадьбах живут повольно новоприхожие вольные люди черкасы: (в) Ивашка Чередник, (в) Данилка Степанов, (в) Микитка Пешиненко, (в) Степан Сердюк, (в) Андрюшка Скрыпченка, (в) Стенька Скрыпченка, (в) Апанас Швец, (в) Васько Бобир, (в) Яцко Бобиренко, (в) Корней Коваленка, (в) Ивашка Суховей». Итого, к апрелю 1693 года в Карпиловке у Зиновия Панова и вдовы Дарьи было 17 черкасских дворов.

В течение следующих двух лет Зиновий Панов производил дальнейшее заселение верховий речки Выжлицы, и к началу 1695 года там появились еще 10 усадеб вольных черкас[24]: Митьки Черевалова, Федьки Сивоконя, Еремки Бордака, Гришки Рубоненка, Гаврилы Суховеева, Максима Дудки, Федора Беспалова, Антона Маскового, Ецка Попка, Елцыхи Шевчихи.

Итого к 1695 году у Панова и вдовы Дарьи в деревне Карпиловке насчитывалось 69 дворов.

Возвращаясь к межевой книге Василия Иванова сына Черепова 1694 года, необходимо отметить, что в ней описаны межи поместных угодий помещиков Череповых и Зиновия Панова, а также вотчины Василия Черепова. Эти межи были детально рассмотрены ранее, при локализации географических объектов в долине речки Выжлицы (см. разд. 1.2.4).

Результат представлен на рис. XV. Здесь цифрой (1) отмечены поместные земли Череповых и Зиновия Панова, (2) — вотчинные земли Василия Черепова. Справа от речки Выжлицы и вала находилась поместная земля Ивана Климова сына Судейкина и его деревня Дьяковка.

СДЕЛКИ ДРУГИХ ПОМЕЩИКОВ С ЗЕМЛЯМИ В ВЕРХОВЬЯХ ВЫЖЛИЦЫ

Из отказных книг конца XVII века известно, что 16 августа 1699 года, сын Марфы, вдовы Петра Иванова сына Черепова, Никита переписал на себя «поместье умершего племянника Петра Андреевого сына Черепова на речке Выжлице в деревне Карпиловке пашни семь четвертей бес полутретника в поле, а в дву по тому ж»[25]. Похоже, что к этому времени умер его брат — Андрей Петров сын Черепов. Этой же датой были переписаны на него все поместья его отца Петра[26] (стало быть, умер еще и его брат Кирилл) и прожиточное имение своей матери Марфы. В результате все поместье покойного Петра Иванова сына Черепова на Выжлице (25 четвертей) перешло единственному его сыну Никите. То, что к этому времени умер его брат Андрей, явствует из того, что вдова Андрея Федора годом ранее, в 1698 году, вышла замуж за Ивана Васильева сына Вощинина[27], и ее прожиточное поместье 15 четвертей 9 апреля этого года было отписано ее жениху. На речке Выжлице у нее земель не было.

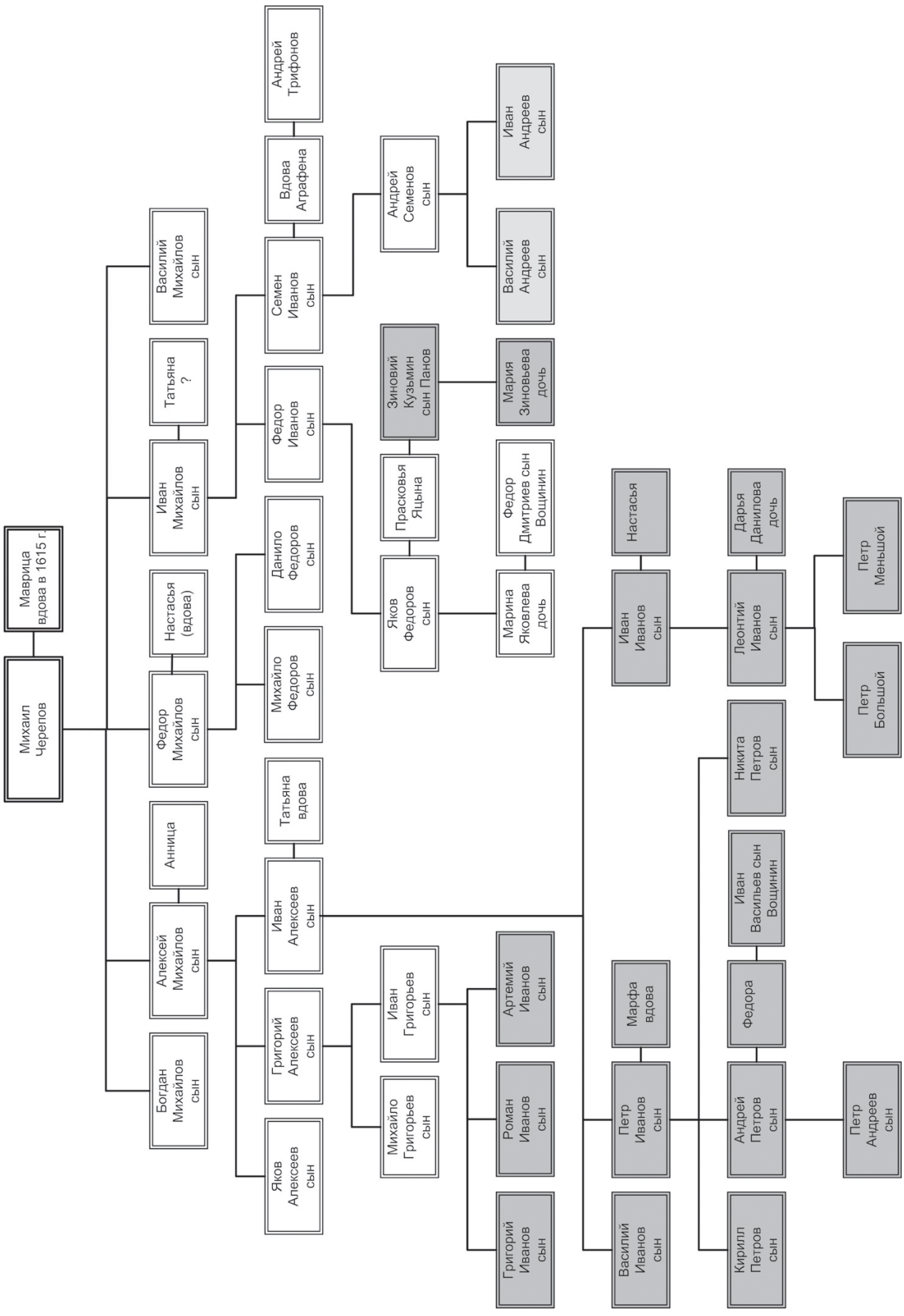
В 1699 году Никита Петров сын Черепов обменял свои 9,5 четверти на Выжлице на поместья Семена Лаврентьева сына Бершова в Дороголевской волости[28].

Итак, к концу XVII века 1000 четвертей земли в верховьях Выжлицы распределились следующим образом:

- Василий Иванов сын Черепов — 30 четвертей + 245 четвертей примерной земли;
- Никита Петров сын Черепов — 25,0 + 210,5;
- Зиновий Панов (с 1698 года — его дочь Мария) — 12,5 + 110;
- Петр Большой и Петр Меньшой Леонтьевы дети Череповы — 12,5 + 110;
- Григорий, Роман и Артемий Ивановы дети Череповы — 20,0 + 215;
- Семен Лаврентьев сын Бершов — 9,5.

[23]Отказные книги Зиновия Панова и вдовы Дарьи Леонтьевой жены с детьми (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 36–39).
[24]Там же. Л. 51–52 об.
[25]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10566. Л. 127.
[26]Там же. Л. 138–140 об.
[27]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 141.
[28]Мена Микиты Петрова сына Черепова и Семена Лаврентьева сына Бершова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10566. Л. 170–184).

Рис. 1. **СХЕМА ПОМЕЩИКОВ, ИМЕВШИХ ЗЕМЛИ В ВЕРХОВЬЯХ ВЫЖЛИЦЫ В XVII ВЕКЕ** (ВЫДЕЛЕНЫ ЦВЕТОМ)



После смерти Василия Иванова сына Черепова (дата не известна) его вотчину 83⅔ четверти[29] разделили между Иваном Герасимовым сыном Щечковым (половину) и Иваном и Василием Андреевыми детьми Череповыми (другую половину). Оставшаяся часть — поместье 191 четвертей — было передано Петру Большому и Петру Меньшому Леонтьевым детям Череповым.

К началу 1701 года умер Никита Петров сын Черепов. О его поместьях 16 января 1701 года били челом Петр Большой и Петр Меньшой Леонтьевы дети Череповы[30]. В этом же году эти поместья были им отказаны.

НИЖНЕЕ ТЕЧЕНИЕ РЕЧКИ ВЫЖЛИЦЫ

Что касается устья (низовьев) речки Выжлицы, то с 1639 года селищем Глушецким и Глушецким городищем (в то время — Дороголевской волости) владели путивльские помещики Василий Волынцев и Василий Карпов[31]. К 1670-м годам Василий Карпов, вероятно, умер и его поместье пришло в запустение и упадок. В 1676 году на эти земли подали челобитную Петр Прокофьев сын и Данило Иванов сын Карповы (надо полагать, родственники Василия)[32]. Как полагалось в то время, на пустующие земли был послан дьяк Путивльской приказной избы Матвей Ларионов со сторонними людьми и старожилами для разбирательства (принадлежат ли эти земли кому-либо) и их межевания. 14 февраля 1676 года они приехали «к реке к Семи и к озеру Глушецкому, по речку Выжлицу и по Зеленичей лог, да по Офонасьево поместье Кольцова, и по реку по Семь. Да к селищу к Байдурскому по реку по Семь и по ложок дальней к валу, да по Выжлицкие верхи и по речку Выжлицу есть ли и лежит порожжо, в поместье и на оброк никому не отдано». И «на той пустоши диком поли пашню пахотною и перелог, и что по пашне лесом поросло, измерил в десятины и положил не в малые чети, изверстав в три поля. А десятину мерил в длину по осьмидесят сажень, а поперег по тритцати сажень. А леса пашенные и непашенные, и сенные покосы по тому ж измерил в десятины. А где леса большие, а мерить их в десятины нельзя, и про те леса писал выспрашивая тутошних и сторонних людей. Да и сам смечал накрепко: на сколько где того пашенного и непашенного лесу верст и десятин». В результате «девеносто четвертей в поле, а в дву по тому ж, отказал путивльцом Петру Прокофьеву сыну, Данилу Иванову сыну Карповым. Петру тритцать четвертей, а Данилу шесдесят четвертей в поместье со всеми угодьи и с мельнычными месты». Судя по тому, что были указаны не только земли, сенокосы и леса, но и мельничные места, на Выжлице ранее уже были мельницы, которые к 1676 году были разорены. Указанные угодья были переданы Петру Прокофьеву сыну и Данилу Ивановому сыну Карповым указом царя 1 февраля 1679 года.

В апреле 1684 года Петр и Данило Карповы «поступились»[33] частью этих поместий Ивану Клементьеву сыну Судейкину[34]: «Да в том их помесье по поступке их Петрова и Данилове пашни пахо{т}ные и перелогу, и дикого поля тритцать пять чети в поле, а в дву по тому ж, со всякими угодьи {голова путивльских стрельцов Петр Леонтьев сын Литвинов} отказал Ивану Клементьеву сыну Судейкину». Вот описание этих угодий[35]: «За рекою за Семью с крымские стороны дикому полю от реки Семи против озера Мертвые Вети, верховья озера Тихова, да от верховья озера Тихова лозами по островок по Арлово Гнездо, что островок середь лоз на болонье вверх Безуевки. Да от того островка и от Арлова Гнезда лозами и болоньями по вал. А валом диким полем через Вирскую дорогу по речку Выжлицу. Да от валу вверх речкою Выжлицею по верховья речки Выжлицы, да по дорогу, что ездят верх Выжлицы в Городецкую волость. Да от верховья речки Выжлицы дорогою[36], едучи от Путивля левая старона, по верховья речак Куяновки и Юрыжа и Ба-

[29]Эта вотчина была заложена Василием в 1685 г.

[30]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 924. ДСЛ. Кн. 10598. Д. 21. Л. 137 об.

[31]Отказные книги Петра Прокофьева сына и Данила Иванова сына Карповых (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 168–171).

[32]Там же.

[33]Поступитися – уступить что-либо, отдать, согласиться, прийти к соглашению.

[34]Отказная книга Ивана Клементьева сына Судейкина (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 648–654).

[35]Эти земли находятся между селами Пески, Глушец и городом Ворожба. Далее, от Ворожбы до Псельской дороги. «А по этой дороге, едучи к Путивлю, до речки Выжлицы». Затем, вниз по речке, до вала. Детальное исследование этой межи не проводилось.

[36]Здесь имеется в виду Псельская дорога.

рожбы. Да от верховья речак полем по ложок по Зеленецкой. Да вниз ложком по Зеленецкую стругу да по реку Семь. Да от Зеленецкия струги вниз рекою Семью левой берег по озеро Глушец да по Глушецкое городище, что на реке на Семи да на озере Глушецком. Да от озера Глушец и от городища Глушецкого по устья речки Выжлицы по Васильево да по Иваново помесье Череповых с племянники, по верховья озера Тихова.

А лесу де и дубровы и дикого поля в длину по смете на шесть верст а поперег на пять верст.

А крестьян ему Ивану в том помесье на диком поле в тех урочище селить к реке Семи, к селищу к Байдурску и к озеру Глушецкому, и к Куцырю, и на речке Выжлице промеж верховьяв Выжлицких, переехав речку верховья Выжлицкого на другой стороне что словет Выжлицкая дуброва против конца валу, что истари копан, от реки Семи до речки Выжлицы, где мост учинен через тое речку ниже валу, что ездят от Байдуровского на пашню и на сенные покосы ниж{е} деревни Карпиловки, что поселил Василей Черепов, за валом выше того валу на сей стороне речки Выжлицы[37].

И на той земле скозались ево, Ивановы, крестьяне Судейкина в селе Байдуровском[38]: (в{о дворе}) Стенька Николаев сын Мельниченка, у него сын Лавринка; (в) Васька Андреев сын Сакольников, у него детей Гаврилко, Ивашка да Кузька. Да вновь селятца (в) Логинка Яковлев сын Винокуренка, у него сын Мишка; (в) Гришка Дементьева сын Самодухин, у него два сына; (в) Лучка Данилов, у него два сына Афонька да Микитка; (в) Ивашка Андреев».

Эта межа детально не исследовалась. Она шла по ранее локализованному участку от озера Мертвые Вети, по верховья озера Тихого, Орлово Гнездо Старое, верховья Безуевки, по вал на Вирской дороге (см. разд. 1.3.6), далее — вдоль правого берега вверх Выжлицы по ее верховья и до Псельской дороги. Затем — до устья речек Куяновки и Юрыжа и Барожбы (эти три речки не локализованы). От их верховий — до вершины Зеленецкого лога[39]. Далее по реку Семь и вниз рекою до озера Мертвая Веть. Таким образом, эта межа охватывала обе стороны Выжлицы в ее устье, а также земли вдоль правого ее берега до Зеленецкого лога.

Запомним Ивана Клементьева сына Судейкина. Его потомки будут в дальнейшем владеть селом Пески и окрестными землями. Кстати, на отказе этих угодий в качестве сторонних людей (старожил) были два жителя деревни Клепальское городище: Тимофей и Павел Клименковы.

В рамках описанной межи указан большой лес, площадью около 30 кв. км: «в длину по смете на шесть верст, а поперег на пять верст». Указана речка Борожба, которая, надо полагать, дала наименование современному городу Ворожба.

Необходимо также отметить, что Байдурское (Пески) в 1684 году было указано селом. Возможно, что в нем уже была церковь[40]. У Ивана Судейкина в этом селе было 6 дворов. Перечислены жители. Упоминаются также Глушецкое городище и селище Байдурское.

Иван Клементьев сын Судейкин продолжал присоединять к своим поместьям пустующие земли на речке Выжлице и заселять их вольными черкасами. В 1689 году он отправил челобитную царю с просьбой провести «сыск» на указанных им «лишних» землях и переписать на себя уже поселенных им черкас. По указу царя, 9 мая, в эти земли отправился[41] «Приказные избы подьячей Петр Бабоев, взяв с собою тутошних и сторонних людей старост и целовальников и крестьян, сколько человек пригож, в Путивльский уезд, в Дороголевскую волость промеж Выжлицких болот и верховья, где поселясь живут новоприхожия черкасы сверх дачь стародубца Ивана Клементьева сына Судейкина и прежних помещиков ездил. И в той волости всяких чинов людьми про лишнею порожжую землю сыскивал. А по описи на той земли в том Путивльском уезде в Дороголевской волости усадищи к речки Выжлицы и к болоту Выжлицкому против старага валу, где помощан мост через Выжлицкия болота, что ныне поселясь живут на той порожжей земли

[37]Эта межа была реконструирована в разд. 1.3.6.

[38]Современное село Пески.

[39]Зеленецкий лог показан на плане 1910 г. Он пересекал дорогу от Путивля в Белополье, в 5,8 км от пересечения этой дорогой устья речки Выжлицы. (план Путивльского уезда Курской губернии. 1910 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-ukraine_sumy_putivlskiy-uezd-1910/ (03.03.2010)).

[40]Прямого доказательства этому у автора нет.

[41]Отказная книга Ивана Климентьева сына Судейкина (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 994–995).

в слободки Дьяковки за ним Иваном на тех усадищах прихожия черкасы. Да к тем усадищам в тех вышеписанных урочищах пашни и перелогу, и дикого поля, и дубровы на пашню добрые земли девяноста чети в поле, а в дву по тому ж, по сыску отказал стародубцу Ивану Клементьеву сыну Судейкину к путивльскому ево поместью к тритцати к пяти чети в ево оклад в четыреста в дватцать чети в поместья со всеми угодьи». Таким образом, Иван Судейкин добавил к своим 35 четвертям еще 90. На отказе этих земель присутствовали в качестве старожил «деревни Клепал Зиновьевы крестьяне Панова Петрушка да Гераска Тимошовы».

Из этой отказной книги мы узнаем, что Иван Судейкин был стародубцем. То есть родом из города Стародуб (в настоящее время город в Брянской области). Указано также на принадлежащую ему слободку Дьяковку. Эту слободку заселил его отец Клим Судейкин, который в то время был дьяком Путивльской приказной избы. Вот откуда взялось наименование нынешнего села Дьяковки. Клим Судейкин упоминается на этой должности с октября 1682 года по март 1683 года[42] (при воеводе Григории Новосильцеве), а также в 1684 году, при воеводе Тимофее Волконском[43].

В переписной книге церквей Путивльской десятины 1693 года[44] эта слободка указана как деревня дьяка Клима Судейкина. На то время в ней было уже 37 дворов, жители которых относились к приходу церкви Николая Чудотворца в Клепалах. Вот их перечень: «Деревня дьяка Клима Судейкина:

(в{о дворе}) Васька Щербак, (в) Игнатко Бугрим, (в) Савка Санбур, (в) Ивашка Зубко, (в) Никитка Черкашенин, (в) Ивашка Черновской, (в) Андрюшка Лях, (в) Ивашка Рогавый, (в) Васька Лихой, (в) Ивашка Кузнец, (в) Никитка Троценко, (в) Тимошка Ткач, (в) Андрюшка Рыхлик, (в) Ивашка Бойка, (в) Ивашка Ткач, (в) Стенька Болюн, (в) Кузьма Бонжеленко, (в) Ивашка Бойка, (в) Васька Бойченка, (в) Ивашка Лях, (в) Аниска Рудой, (в) Кирилка Бойко, (в) Ивашка Скрыпка, (в) Харко Щербина, (в) Аниска Шестак, (в) Алиферка Черкашенин, (в) Матюшка Кривой, (в) Ивашка Боридин, (в) Гришка Борода, (в) Серешка Черкашенин, (в) Ивашка Кучма, (в) Гераска Черкашенин, (в) Васька Гудеев, (в) Кондрашка Черкашенин, (в) Васька Кроснянский, (в) Гришка Слепой, (в) Пашка Конжелеев».

Сын Ивана Клементьевича Судейкина Петр 25 февраля 1719 года бил челом в Поместный приказ об отказе за ним и его младшим братом Василием указанных выше поместий в селе Байдурском (Песках)[45]. К тому времени Иван Судейкин и его жена уже умерли. Петр и Василий Судейкины стали новыми помещиками этого села.

Расширяли свои владения и другие помещики на землях в устье Выжлицы. К примеру, в феврале 1690 года смежно с владениями Ивана Климова сына Судейкина были отмежеваны и отказаны дополнительные земли помещикам Трифоновым[46]: «Лета 7198 (1690) года февраля в 7 день по указу Государей Царей < … > {Иоанна, Петра и царевны Софьи} < … > и по наказу стольника и воеводы Михаила Ивановича Голенищева Кутузова за приписью дьяка Михаила Власьева путивлец Иван Афонасьев сын Ширяев, взяв с собою тутошних и сторонних людей, сколько человек пригож, ездил в Путивльской уезд в Дороголевскую волость за реку за Семь на речку Выжлицу с урочищи по челобитью путивльцов Прокофья Иванова сына, Григорья Меньшого да Козьмы Максимовых детей, Ивана Меньшого Федорова сына, Степана Иванова сына, Федора Андреева сына Трифоновых. А приехав в тех урочищах в их старых писцовых межах и в гранях, отказал в тех вышеписанных урочищах пашни и перелогу, и дикого поля на пашню добрые земли триста сорок семь чети с четвериком в поле, а в дву по тому ж, по пятьдесят восмь чети бес четверика человеку, отказал им к селищу Байдурскому с старым их усадищем девяносто чети. Да им же отказал меж ложка и валу к речке Выжлице по обе стороны Вирской дороги со всеми угодьи восемь десят чети. А усадище на той же земли к речки Выжлицы ниже валу у мостка. Да им же отказал за речкою Выжлицею меж дубров Дядиной и Выжлицкой восемь десят семь чети в поле, а в дву по тому ж. А усадище к той земли меж речак и на усть Дядиной[47] к речки Выжлицы. Да им же отказал по другую сторону речки Выжлицы по ложок, что впал с поля

[42]РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 232. Л. 28; Кн. 236. Л. 524 об.; Кн. 237. Л. 67 об.
[43]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 1182.
[44]РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9655. Л. 192 об. – 193 об.
[45]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10618. Д. 11. Л. 115.
[46]Отказная книга помещиков Трифоновых (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 419–421 об.).
[47]Речка Дядина была локализована в разд. 1.2.4.

в речку Выжлицу. Да вверх лошком правоя сторона по верховье Зеленецкого лошка да по верховье речки Борожбы, да по речку по Выжлицу девяносто чети с четвериком. А усадище той земли к речке Выжлицы выше мельницы. А усадище и пашню и перелог, и дикое поле, и лес хоромной, и дровеной, и сенные покосы. И тем их усадищем отказал им <…> бесспорно для того, что те усадище и перелог, и дикое поле, и сенные покосы, и всякие угодьи в их старых писцовых межах».

Реконструкция межи представлена на рис. XVI (показана белым цветом). Правая (восточная) часть межи (от Псельской дороги до Зеленецкого лога) показана приблизительно. Вопросы, связанные с отводами земель на речке Выжлице в XVIII веке и далее, в данной работе не рассматривались.

1.5.2. Деревня Выгоревка в XVII веке

Деревня Выгоревка берет свое начало от Выгорева городища, расположенного в непосредственной близости от нее (см. разд. 1.2.3). Впервые земли у Выгорева городища упоминаются в путивльской писцовой книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553). В то время они были никем не заняты, пустовали и упоминались как «порозжие»[48]: «За рекою за Семью <…> пу{стошь} Выгоревское городище на реке на Семи дикого поля добрые земли сто чети в поле, а в дву по тому ж». Само место было названо пустошью, то есть заброшенным, незаселенным участком земли. Ввиду наличия городища становится ясным, что эти земли обрабатывались с незапамятных времен.

Когда же поселение у городища опустело? Косвенный ответ на этот вопрос получаем в отказной выписи первого известного нам помещика Выгорева городища Данилы Лихачева 1650 года. Здесь сказано, что на этом месте были дворовые места и вишневые сады[49]: «Дворовых мест две десятины[50]. А присады дворовым местам в тех же урочищах над рекою Семью к Выгореву городищу... Да по той же поместной земли по дикому полю вишенныя сады и березовые рощи». Наличие дворовых мест (пустых дворов), а также приусадебных участков (присад), выходящих к Выгоревому городищу, указывает на то, что это место в недалеком прошлом было заселено. Таким образом, речь идет о недавно заброшенном поселении рядом с городищем. Надо полагать, что опустошение этого места было связано с недавно завершившимся Смутным временем в Российском государстве (конец XVI — начало XVII века).

Непосредственно к Выгореву городищу примыкали две старинные дороги: Вирская и Псельская. Обе дороги вели к переправе через реку Семь — Мокшевицкому перевозу и далее — к городу Путивлю. Это обстоятельство делало жизнь в этом поселении весьма неспокойной, поскольку ни древние кочевники, ни крымские татары или другие ратные люди не могли не пройти мимо этого поселения. Например, в Статейном списке бытности в Южной Руси бояр князя Алексея Трубецкого, Василия Шереметева и др. 1659 года сказано[51]: «Да июля же в 11 день прислал к боярину и воеводе ко князю Алексею Никитичю стольник и воевода князь Григорий Долгоруково роспросные речи взятых черкас, которых взяли государевы люди июля же в 9 день за рекою Семью у Выгорева городища, от Путивля в пятинатцати верстах».

Еще одно упоминание Выгорева городища в том же 1659 году находим в отписке путивльского воеводы о появлении черкас-изменников и татар и боях с ними в окрестностях Путивля и обложении ими полков князя Д.Н. Трубецкого под Конотопом[52]: «А в роспросе тот Петрушка мне {воеводе} сказал: <…> видел он, стоит де твоей зелейной и свинцовой казны {запасов пороха и свинца} и ядер с 70 подвод у Выгорева городища, от перевоза в 3 верстах, которая {казна} послана из Белгорода в полк к окольничему и воеводе князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому; и тое де твою казну черкасы и татары осадили многие люди, по смете тысячи с 2».

[48] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 442–442 об.
[49] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 23–23 об.
[50] 1 десятина = 1,0925 га.
[51] Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 4. 1657–1659. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1863. С. 240.
[52] Акты Московского государства. Т. 2. №1144 (1659). СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894. С. 672.

При таких обстоятельствах едва ли мог Данило Лихачев иметь дом в Выгоревке с каким-либо имуществом.

Как было сказано ранее (см. разд. 1.4.3), в августе 1650 года «порозжие» земли Выгорева городища и Дикого поля были ему отписаны. Из 200 четвертей «доброй» земли ему досталось в равных трех полях 90 чети в поле, а в дву по тому ж. То есть менее половины. В этом же разделе было показано, что все три поля Данилы Лихачева находились в пустоши Выгорева городища.

Данило умер в 1686 году. В марте этого года его земли были переделены между сыновьями Мироном и Афанасием. Здесь выясняется, что из дачи 1650 года у Данилы осталось только 40 четвертей. На это указывает их отказная книга, а также письменный пересказ (сказка) истории земель Выгорева городища поверенного Лихачевых Степана Кузнецова 1783 года[53]. Куда подевались остальные 50 четвертей? Ответ на этот вопрос находим в спорном деле о Выгоревом городище, в сказке Максима Никитенкова — поверенного Антона Фаддева сына Лихачева, где приведены сведения о земельных наделах Дениса Афанасьева сына Лихачева — сына Афанасия Данилова сына Лихачева[54]: «И во 194-м (1686) году отказано в Подгородном стану на реке на Семи в Выгореве городище, где показанная деревня Выгоревка поселением стоит, и в пятидесят четырех четвертей четырех четвериков {54,25 четвертей} деду ево верителя моего {Антона Фаддева сына Лихачева} Денису Афонасьеву сыну Лихачеву со участники дача произведена». Выясняется, что у Афанасия Данилова сына Лихачева был сын Денис, которому в 1686 году и были отказаны эти 54 четверти. К сожалению, отказная книга Дениса Лихачева не найдена.

Вернемся, однако, к разделу земель Данилы между его наследниками[55]: «Лета 7194 (1686) марта в 8 день по указу Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцев, и по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Семена Иполитова, и по приказу стольника и воеводы князя Тимофея Ивановича Волконского, по челобитью черниговцов Мирона да Офонасья Даниловых детей Лихачовых Путивльской приказной избы подьячей Иван Селиванов ездил в Кромской уезд в Лещинской стан черниговца в Данилово поместье Лихочева в деревню Чюпахину, да на жеребей пустоши, что была деревня Розинкова, да в Путивлькой уезд в Подгородной стан за реку за Семь к Выгореву городищу и к реке Семи с урочищи». Мы видим, что черниговец Данило Лихачев имел поместья в деревне Чупахино Кромского уезда, в пустоши, что была деревня Розинково[56], а также в пустоши Выгорево городище. В Выгоревом городище земли Данилы Лихачева «пашни дватцать семь чети без третника в поле, а в дву по тому ж, отказал детем ево черниговцом Мирону да Офонасью Лихачевым по тринатцати чети с третником человеку. А Офонасью к путивльскому поместью к сороку четвертям в их оклады: Афонасю в семь сот в пятдесят чети, а Мирону в триста чети поместье со всеми угодьи. Да им же, Мирону да Офонасю Даниловым детем Лихачевым, отказал в Кромском уезде в деревне Чюпахиной во дворе крестьянин Савка Артемов сын Гришин, у него детей Тимошка да Похомка.

Да в Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью к Выгореву городищу к реке Семи двор их помещиков Мирона да Офонасья Лихачевых.

А достол того Данилова поместья Лихочева пашни тринатцать же чети с третником в поле, а в дву по тому ж, оставил за снохою ево Даниловою вдовою Агафьею сына ево за Ивановою женою Лихачова з детьми, з двемя дочерьми девками с Матреною да с Маврою в поместье ж со всеми угодьи. Да за нею ж, вдовою Агафьею Ивановою женою Лихачова з детьми, оставил в Кромском уезде в деревне Чюпахиной крестьянина Ваську Артемова сына Гришина з братом».

Выясняется, что у Данилы было три сына: Мирон, Афанасий и Иван. Иван умер ранее отца, и после него осталась вдова Агафья с дочерями Матреной и Маврой. Мирон и Афанасий служили службу и к этому времени имели поместные оклады соответственно 300 и 750 четвертей.

---

[53]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 21.

[54]Там же. Л. 57.

[55]Отказная книга Мирона, Афанасия, вдовы Агафьи Ивановской вдовы с детьми Лихачевых (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 844–850).

[56]Деревня Чупахино Кромского уезда, ныне Орловская область, деревня Розинково (возможно – деревня Разиньково) Курской области.

Мирону, Афанасию и вдове Агафье Ивановой жене Лихачева с дочерьми было отказано по одной третьей части из поместья Данилы в Выгоревом городище — по 13⅓ четверти в поле, а в дву по тому ж. Данила оставил также Мирону и Афанасию один крестьянский двор в деревне Чупахино. Еще один двор в этой же деревне было отказано вдове Агафье.

Выясняется также, что к 1686 году у Данилы Лихачева был свой дом в Выгоревом городище, который после его смерти отошел сыновьям Мирону и Афанасию. Дворов крестьянских, бобыльских или черкасских здесь все еще не было. Небогатым помещиком был Данило: он имел 40 четвертей земли в Выгоревом городище. Два двора крестьянских имелось в его прежних владениях (в деревнях Чупахино и Розинково), в которых жили две крестьянские семьи. По невыясненной причине при этом отказе не производилось межевание земель, хотя именно в это время (1684–1686 гг.) писец Семен Муромцев делал это повсеместно в Подгородном стане. Ввиду этого локализация земельных наделов Лихачевых не представляется возможной.

Еще при жизни Данилы, 25 августа 1684 года, его сыновья Мирон и Афанасий били челом государю на сыск свободных земель в пустоши Выгорева городища. Сыск был проведен, и нашлись свободные 100 четвертей. 2 сентября из Москвы, из Поместного приказа, в Путивль была направлена грамота царя на отказ этих земель братьям Лихачевым[57]: «В Путивль к стольнику и воеводе ко князю Тимофею Волконскому да к дьяку к Климу Судейкину по челобитью Новагородка Северского черниговцов Афонасья да Мирона Лихачевых. Велено в Путивльском уезде в Подгородном стану пустошь Выгоревское {городище} сто чети по сыску отказать им, Афонасью да Мирону, в поместье. Пошлин рубль с четью взято. Припись дьяка Анисима Невежина. Писал Никифор Степанов сентября в 2 день». Обратим внимание на то, что искали 100 четвертей (а не 100 чети в поле, а в дву по тому ж). Когда конкретно эти земли им были отказаны — не известно, но Мирону и Афанасию было отделено по 50 четвертей. Это выяснилось в 1704 году, уже после их смерти, когда производился передел поместий между их сыновьями Григорием и Филиппом.

Немногим ранее, в марте 1679 года, в Выгоревом городище появился еще один помещик — Иван Григорьев сын Федурин: 7 марта 1679 года братья Мирон и Афанасий променяли ему свои 11,5 четверти в пустоши Выгорева городища на такой же по площади участок Ивана на речке Чаше[58]. Эти поместья им были отказаны 19 марта 1691 года[59].

Иван Федурин построил в Выгоревом городище свой помещичий двор. После его смерти, 3 февраля 7205 (1697) года, его вдова Анна с пасынком Юрием поступилась этими землями Ивану Иванову сыну Масалитинову в обмен на его земли в Залуцкой волости в Корыжском городище половину четверти. В этом же году эти земли в Выгоревом городище ему, Масалитинову, были отказаны[60]. В его отказной книге указан двор покойного Ивана Федурина: «А в нем {в поместье вдовы} в деревне Выгоревки двор помещиков, что живет путивльской рейтар Курила Любимов сын Лихов». Здесь указан рейтар[61] Курила Любимов[62], который жил во вдовином дворе, но не ясно, какие обязанности выполнял.

В этой же отказной книге 1697 года впервые пустошь Выгорево городище названо деревней Выгоревкой. После обмена землями с Иваном Масалитиновым жена Ивана Федурина вдова Анна с пасынком выехала из деревни Выгоревки в Залуцкую волость в Корыжское городище. В ее дворе остался жить Иван Иванов сын Масалитинов.

Вот как нарисовал пустошь Выгорева городища и саму деревню дьяк Илья Колпаков в конце XVII века на известном нам плане окрестностей города Путивля[63] (рис. XVII). Здесь в нижней части рисунка указана земля пустоши Выгорева городища и деревня Выгоревка с тремя дворами. В верхнем левом углу изображено село Клепалы с восемью дворами и с церковью. Чуть ниже показано озеро Клепало. Обратим внимание

[57]РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 247. Л. 41.

[58]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 21 об.

[59]Отказная книга Ивана Григорьева сына Федурина (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 18–19).

[60]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 114–115.

[61] Рейтар – конник, латник западноевропейского образца. Основным оружием рейтара были пищали (пистолеты). (*Прим. авт.*)

[62] По точности фамилии есть сомнения.

[63]Чертеж окрестностей города Путивля. 1690-е гг. Рыльск. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Ед. хр. 30165. Л. б/н. 90-е гг. XVII в.

на то, что на этом плане в деревне Выгоревке изображено три двора. Случайно это или нет, но это дворы помещиков Мирона и Афанасия Лихачевых, а также двор, построенный Иваном Федуриным, к тому времени перешедший от вдовы его Анны Ивану Масалитинову. Крестьянских дворов, как было сказано выше, в Выгоревке тогда еще не было.

К 1704 году братья Мирон и Афанасий Лихачевы умерли. 30 июля этого года состоялся передел поместья между их сыновьями Григорием Мироновым сыном и Филиппом Афанасьевым сыном.

Отказ земель Григорию состоялся 30 июля 1704 года[64]: «Лета 1704 июня в 22 день <…> по челобитью путивльца Григорья Миронова сына Лихочева путивльской подьячей Прохор Поневин, взяв с собою сторонних людей крестьян, сколько человек пригож. Да с теми людьми в Путивльской уезд в Подгородной стан за реку за Семь на пустошь Выгоревское городище, что на реке на Семи с урочищи, ездил.

А приехав, на той пустоши переписал присады и урочища, и пашню, и сено, и лес, и всякие угодья. А переписав, да той пустоши половину, а в ней пашни петдесят четвертей в поле, а в дву по тому ж, со всеми угодьи, по сыску всяких чинов людей отказал путивльцу Григорью Миронову сыну Лихочеву в поместья со всеми угодьи, о которой пустоши в прошлом во 192-м (1684) году били челом отец ево Григорьев Мирон, да дядя Афонасей. Да ему ж, Григорью, в той пустоши отказал половину Выгоревского городища». Половина этих земель, 50 четвертей, была отказана Григорию. Это половина свободных земель, которые его отец Мирон и дядя Афанасий «искали» в 1684 году. У него же оставались и 7⅓ четвертей земли его отца, доставшиеся ему из поместья Данилы Лихачева 1650 года. Ему же была отписана половина {деревни} Выгорево городище, а также двор отца[65]: «А в том {Выгоревом} городище двор помещиков отца ево Григорьева, что ниже городища к реке Семи, сад яблоновой и грушевой, и вишенной. Да ниже ж того городища четыре усадеб. А на тех усадьбах живут повольно новоприхожие люди черкасы. Во дворе Данила Загородненко, во дворе Артем Головной, во дворе Осип Ткач, во дворе Микифор Медведь». При дворе Григория были сады: яблочный, грушевый и вишневый. Здесь мы видим новых жителей Выгоревки — четыре семьи новоприхожих свободных людей черкас: Данилы Загородненко, Артема Головного, Осипа Ткача и Никифора Медведя. Их усадьбы находились ниже[66] Выгорева городища. Помещичий двор Афанасия Лихачева получил его сын Филипп[67].

Отказ оставшихся 50 четвертей «свободных» земель сыну Афанасия Филиппу Лихачеву был произведен несколько ранее, 9 марта 1704 года[68]: «В 704 году марта 9 дня, Путивльской приказной избы подьячим Осипом Котелкиным в том же Выгоревском городищи отказал Филипу Афонасьеву сыну Лихачеву после отца ево пятьдесят четвертей, да по наследству принадлежит после отца же ево, Афонасья Лихачева, в том же уезде и в Выгоревском городищи из дачи 158 (1650) году семь четвертей с третником». У Филиппа оставались от отца еще 7 четвертей с третником, которые достались от его деда Данилы Лихачева из его дачи в 40 четвертей 1650 года.

Как было сказано ранее, кроме Филиппа у Афанасия Лихачева был еще один сын — Денис. В 1686 году ему были отказаны 50 четвертей его деда Данилы. У Дениса был сын Фаддей. Дополнительные сведения об этой ветке рода Лихачевых находим в деле Филиппа Афанасьева сына Лихачева 1730 года об имении его отца[69]. Здесь сообщается, что после смерти Афанасия Лихачева «остались дети ево оной Филип да Михайла, да большого сына Дениса сын Фадей, да дочери ево Афанасьевы Авдотья и Стефанида, которые выданы замуж с награждением движимым имением. А жен как после Афанасья, так и после сына ево Дениса, опричь помянутых детей, никого не осталось». Таким образом, у Афанасия был еще сын Михаил и две дочери — Авдотья и Стефанида. Они быди выданы замуж и в качестве приданого получили «движимые имения», то есть движимое имущество: деньги, драгоценности и другие вещи.

[64]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10589. Л. 585–585 об.

[65]Там же.

[66]Имеется в виду – ниже по течению реки Семи. В данном случае западнее Выгорева городища.

[67]Отказная книга Епифания Иванова сына Масалитинова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10589. Л. 429 об.).

[68]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 21 об.

[69]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10629. Д. 17. Л. 546 об. – 547.

В 1702 году умер Иван Иванов сын Масалитинов. Еще до своей смерти он бил челом о сыске новых свободных земель 100 четвертей в пустоши Выгорева городища[70]. В 1702 году по его челобитию был произведен сыск[71]: «Лета 1702 майя в 3 день по указу Великого Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича <…> Рыльской приказной избы подьячей Иван Звягин в Путивльский уезд в Подгородной стан ездил, и сыскивал повальным обыском многими людьми по евангельской непорочной заповеди Господни пустошь Выгоревское городище, что написано по писцовым книгам 1628 и 1629 году в порозжих землях, в том Подгородном стану, есть ли и буде есть в поместья и на оброк опричь черниговцов Мирона да Офонасья Лихочевых кому не отказал, и в вотчину не продана ль, и Великого Государя к дворцовым селам и к черным волостям, и к ямским слободам, и к иным к каким землям не приписано ль, и не владеет тою землею опричь Мирона и Офонасья Лихочевых». Примечательно здесь то, что в пустоши Выгорева городища подьячий Иван Звягин искал свободные земли «опричь» (кроме) свободных земель, которые уже принадлежали братьям Афанасию и Мирону Лихачевым.

Новые свободные 100 четвертей нашлись, но Иван Масалитинов не дожил до их отказа. В этом же 1702 году они были отказаны его сыну Епифанию[72]: «Лета 1702 г. марта в 5 день по указу Великого Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича <…> подьячей Иван Звягин, взяв с собою тутошних и сторонних людей, сколько человек пригож, ездил в Путивльской уезд, в Подгородной стан, на пустошь Выгоревское городище. Да на той пустоши переписал места дворовые и пашню, и сено, и лес, и всякие угодья. Да та пустошь в Путивльском уезде в Подгородном стану Выгоревское городище, что написано по писцовым книгам 1628 и 1629 году в порозжих землях, о которой били челом Мирон да Офонасей Лихочевы, две усадьбы их, Миронова да Офонасьева. Да к тем усадищам пашни пахо{т}ные, и перелогу, и дикого поля дубровы на пашню добрые земли по писцовой книге сто чети в поле, а в дву по тому ж, по сыску отказал путивльцу Епифану Иванову сыну Мосалитинову к прежнему ево поместью в оклад в поместья со всеми угодьи».

Теперь становится понятным, почему Иван Иванов сын Масалитинов в 7205 (1697) году выменивал 11,5 четверти у вдовы Ивана Федурина Анны земли, ранее принадлежащие Мирону и Афанасию Даниловым детям Лихачева из дачи их отца 1650 года. Уже тогда он принял решение обосноваться на землях пустоши Выгорева городища. Теперь в этой пустоши у его сына Епифания было уже 111,5 четверти.

Вернемся, однако, к Лихачевым. В 1688 году вышла замуж дочь Ивана Данилова сына Лихачева Матрёна. 8 октября ее жениху Гавриле Михайловому сыну Алешкову было отказано ее прожиточное поместье 24,5 четверти, из которого в Выгоревом городище было 3,3 четверти[73]. В Выгоревке появился еще один собственник — Гаврило Алешков.

В 1691 году (или в конце 1690-го) вышла замуж вторая дочь Ивана Лихачева — Мавра, за путивльца Ивана Иванова сына Бершова. 11 февраля 1691 года ее прожиточное поместье 24,5 четверти было переписано на ее жениха[74]. Из этого поместья 5 четвертей находилось в землях Выгорева городища[75].

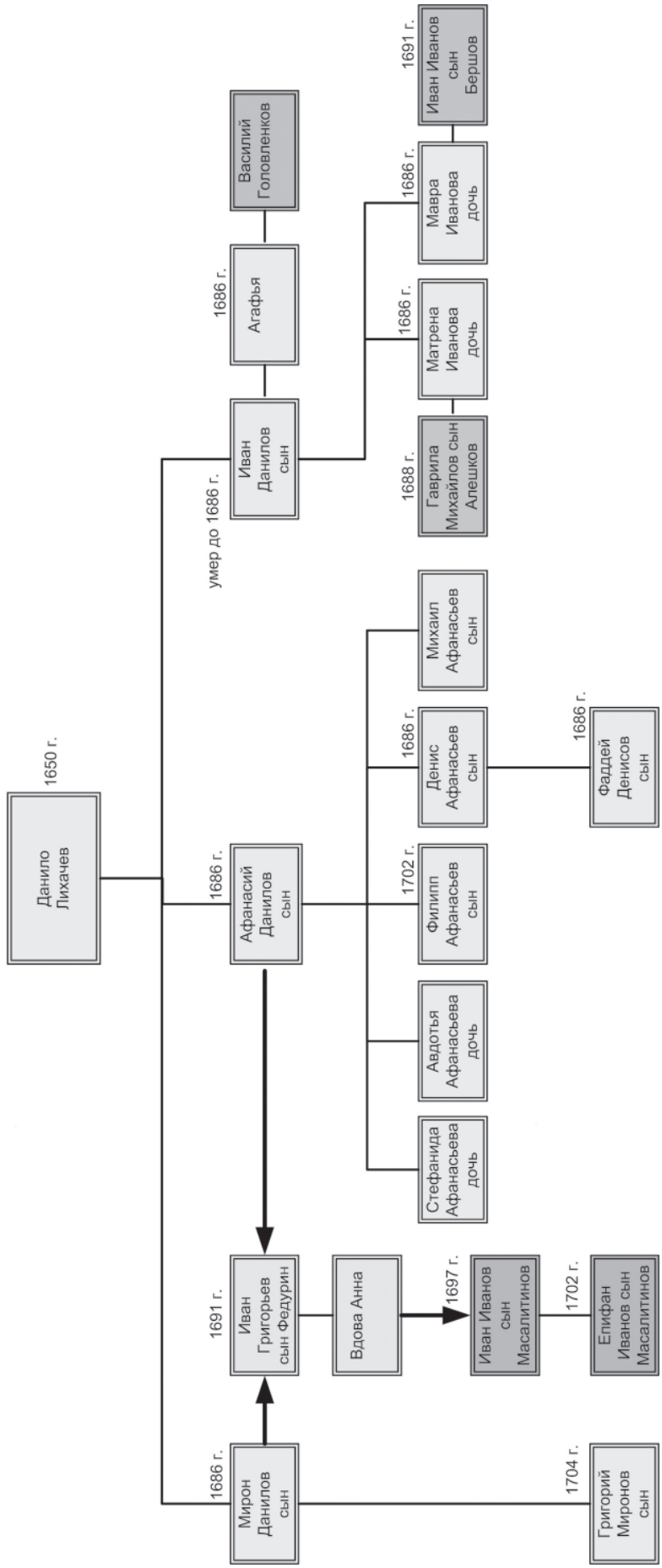
У матери Мавры и Матрёны Агафьи Ивановой вдовы из данных ей в 1686 году 13⅓ четвертей, после выдачи замуж дочерей, осталось 5 четвертей, с которыми она вышла замуж за путивльца Василия Головленкова[76] (дата не установлена).

Таким образом, по имеющимся материалам, в самом начале XVIII века земли пустоши Выгорева городища были распределены следующим образом:

- Епифан Иванов сын Масалитинов — 111,5 четверти;
- Григорий Миронов сын Лихачев — 57⅓ четверти;

[70]Где-то между 1684 и 1702 гг. Точная дата не установлена.
[71]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10589. Л. 427 об.
[72]Там же. Л. 429 об.
[73]Отказная книга Гаврилы Михайлова сына Алешкова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 636–637 об.).
[74]Отказная книга Ивана Иванова сына Бершова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 118–119 об.).
[75]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 26.
[76]Там же. Л. 22.

Рис. 1. **ВЛАДЕЛЬЦЫ ЗЕМЕЛЬ ПУСТОШИ ВЫГОРЕВА ГОРОДИЩА В XVII ВЕКЕ**



- Филипп Афанасьев сын Лихачев — 57⅓ четверти;
- Фаддей Денисов сын Лихачев — 54¼ четверти;
- Гаврила Михайлов сын Алешков — 3⅓ четверти;
- Василий Головленков — 5 четвертей;
- Иван Иванов сын Бершов — 5 четвертей.

Итого общая площадь земель составила 294 четверти. Здесь все более-менее сходится: 90 четвертей Данилы Лихачева; плюс 100 четвертей «порозжих» земель, отказанных в 1702 году Григорию и Филиппу Лихачевым; плюс 100 четвертей «порозжих» земель, отказанных в 1702 году Епифанию Масалитинову. Это и есть 100 чети в поле, а в дву по тому ж, заявленных в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553) в пустоши Выгорева городища.

Это подтверждается также документами второй половины XVIII века. Так, в рамках спорного дела «О дачах Выгорева городища» 1783 года[77] сказано: «По нынешней мере по плану показано в беспорном владении под № 1-м в деревне Выгоревском городище 150 десятин 1143 сажени». Показанные выше на начало XVIII века 294 четверти составляли 147 десятин, что практически совпадает с данными, приведенными в спорном деле 1783 года. Измерение площади этого же участка на современных спутниковых снимках ресурса Google Earth дает результат около 162 га (149 десятин). С учетом погрешностей измерений площадей в XVII, XVIII веках, а также площади современного села Игоревки с огородами и садами, можно сделать вывод, что к началу XVIII века земли Выгорева городища были практически полностью распаханы и далее перераспределялись между владельцами путем обмена или купли-продажи.

Есть, однако, замечание: в разных документах на одни и те же земли размеры дач указаны или с пометкой «а в дву по тому ж», или без нее. Но, так или иначе, суммарная площадь земель в Выгоревом городище должна быть 100 чети в поле, а в дву по тому ж (150 десятин). Это было заявлено Петром Мусорским в 1628 году и подтверждено землемером Петром Сомовым в 1782 году. Этот же показатель мы получили на реальной местности.

На рис. 1 приведена схема помещиков — владельцев земель в Выгоревом городище в XVII веке. Для каждого помещика указан год его первого упоминания в документах. Цветом выделены представители различных родов.

Не все помещики имели свои дома в деревне Выгоревке. Точное число помещичьих домов установить не удалось. Из документов известно, что дома были у Григория и Филиппа Лихачевых, а также у Епифания Масалитинова. За Лихачевыми были также 4 черкасских двора.

1.5.3. Деревня Чаплищи в документах XVII века

Наименование деревне дало, скорее всего, озеро Чапль (в других источниках — Чапля), которое огибает этот населенный пункт с северо-востока (см. разд. 1.3.2).

Наиболее раннее упоминание Чаплищ относится к 1484 году, когда путивльский боярин Демид получил от польского короля Казимира подтверждение на владение селом Чаплищами и землею Терн[78]: «Казимир Божою милостию. Бил нам чолом боярин путивльский Демид и положыл перед нами лист небощиков[79] князя Семенов Александровича, штож князь Семен дал ему село в Путивли на имя Чаплища и землю Терн, и з озеры, и з перевесьем, и зо всими всходы, и просил нас, обыхмо ему тое село Чаплища и землю подтвердили нашим листом. И мы ему тое село Чаплища и землю Терн подтверждаем сим нашим листом; нехай тое село и землю держит з озеры, и з перевесьем, и зо всим, што к тому селу и земли здавна слухает; нижли што там есть подле того наши люди и земли в то бы ся он не вступал. Писан у Вильни. Июль 25 день. Индикт 2». Заметим, что в этом фрагменте Чаплищи были указаны как село. Значит ли это, что там была церковь? Данных об этом нет.

[77] Там же. Л. 65 об.

[78] *Леонтович Ф.И.* Акты Литовской метрики. Т. 1. Варшава: Тип. Варшавского университета, 1896. С. 19.

[79] Небощик – покойный, умерший.

В 7097 (1588/89) году деревня Чаплищи была разграблена черкасским атаманом Петром Шергуном. В 1592 году по этому поводу царь Федор Иоаннович жаловался польскому королю Сигизмунду III. В Литву было послано посольство Афанасия Резанова с большим списком жалоб на набеги литовских людей на русские поселения. Конкретно по Чаплищам было указано следующее[80]: «Да в Путивльской ж уезд в деревню Чаплище приходили воинским обычаем черкасы атаманы Петруша Шергун с товарыщи и тое деревню розграбили и крестьян побили, а взяли животов {домашней скотины} с лошадьми больши 500 рублев. И которые черкасы ис тех городов государевым людем в руки попали, и они сказывали, что посылают их ис Переяславля киевского воеводы урядник пан Чирский да княж Александров урядник Вишневетцкого князь Лыко Нароком и велят им государевы проезжие станицы громить и грабить». Здесь Чаплищи указаны как деревня. Убытки в 500 рублей указывают на то, что из Чаплищ было угнано большое количество домашней скотины и лошадей (оценочно — около 200 голов). Такое количество говорит о зажиточности деревни в XVI веке.

В самом начале XVII века Чаплищами владели помещики Череповы: Богдан, Алексей, Федор, Иван Василий Михайловы дети. Наиболее раннее описание поместий Череповых в этой деревне находим в писцовой книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553)[81]. Здесь приводится выпись из дозорных книг Федора Матова и подьячего Кондратия Стенева 7129 (1620/21) года.

К 1629 году Алексей и Богдан Михайловы дети Череповы уже умерли. Поместье Алексея в Чаплищах перешло к его детям Григорию и Ивану, а поместье Богдана — его брату Ивану Михайлову сыну Черепову. Теперь деревня Чаплищи была разделена надвое: одна половина принадлежала братьям Ивану и Василию Михайловым детям, а другая — их родным племянникам Григорию и Ивану Алексеевым детям (см. рис. 1)[82].

По состоянию на 7129 (1620/21) год у братьев Ивана и Василия Михайловых детей Череповых был их совместный двор, два двора крестьянских: «(в{о дворе}) Митька Васильев сын Вырыпаев, да Бориска, да Митька Яковлевы» и двор бобыльской, (в) бобыль Мишка Иванов». Земли у них было 0,25 четверти. И еще 0,75 четверти занимал поросший лесом перелог. Всего — одна четверть.

У их племянников Григория и Ивана был их совместный двор, два крестьянских двора: «Во дворе Ивашко Максимов, во дворе Коземка Евсеев» и один двор бобыльской «во дворе бобыль Овдокимко Григорьев». Земли было одна четверть без полутретника (0,83 чети) и еще 2 четверти порелога, поросшего лесом. Всего 3 четверти без полутретника. На содержании Григория и Ивана была их мать — вдова Алексея Черепова Анница.

Таким образом, в деревне было два двора помещичьих, 4 двора крестьянских и два бобыльских. В них было 7 работников мужского пола. Пахотной земли было две четверти и перелога почти 3 четверти (четь без осьмины плюс 2 чети). Всего земли 5 четвертей (вместе с перелогом). Явно, это было не то селище, которое разграбили черкасские атаманы в конце XVI века. Обратим внимание на то, что весь перелог был заросший лесом, что указывает на упадок земледелия и запустение этой деревни в недалеком прошлом.

По итогам межевания в 1628 и 1629 годах Ивану и Василию прибыло перелога 1,5 четверти и еще перелога и дубровы на пашню 10 четвертей без полутретника. На этих 10 четвертях еще надо было вырубить и выкорчевать лес (дуброву). Григорию и Ивану прибыло пахотной земли и перелога 3 четверти. Всего было добавлено 11⅓ четверти. Таким образом, вместе с землями 1621 года стало 16⅓ четверти.

Необходимо отметить, что Чаплищи в этой книге указываются как «деревня, что было селище», что указывает на существование в прошлом на этом месте древнего селища[83]. На это также было указано в разд. 1.3.2.

---

[80]РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 22. Л. 144 об.

[81]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 58 об. – 93.

[82]Рис. 1 приведен в конце данного раздела и представляет поколенную роспись представителей рода Череповых, имевших отношение к деревне Чаплищи. Представленная схема является общей. На ней выделены цветом помещики, которые владели в этой деревне землями и угодьями по состоянию на 1621 г. (согласно писцовой книге № 10553). Для удобства ориентирования в материале данного раздела общая схема имеет детализацию на весь XVII в. Рис. 2–5 показывают детально отдельные ветви общей схемы.

[83]Селище – 1) селение, поселение; 2) место, где было селение.

За Череповыми был Чаплицкий бортный ухожей и сенокосы по берегам реки Семи 50 копен (10 десятин или 11 га), а также рыбные ловли по реке Семи и прилегающим озерам.

Вместе с тем угодья Череповых в Чаплищах составляли малую часть их общих поместий. В Подгородном стане и в волостях у Ивана было угодий в эквиваленте 205,5 четверти; у Федора — 101,5, а у их племянников — 28.

В этой же книге № 10553 1628 и 1629 годов приведено описание межи деревни (селища) Чаплищи[84]: «Межа деревни селищу Чаплищам на реке на Семи Васильева да Иваново Михайловым детьми, да Григорьеву, да Иванову поместью Олексеевых детей Череповых. От Савельева Литвинова, да от Васильева поместья Черепова с товарыщи от Титовои дубровы, от реки Семи и от озера Чапли прямо подле Титовы дубровы Титова бора, да подле бор по реку по Семь, по яр, что яр сверх Титова бору, да по дорогу по боровую, что ездят в Чаплищи, подле реки Семи от Мокшевицкова перевозу, едучи от реки Семи от озера Чапли направе Титова дуброва и бор. Налеве земля Василья Черепова з братом и с племянники. Да от Титова бору и от яру вверх рекою Семью по устья озера Чапли. Да от устья вверх озером Чаплею да по Титову дуброву.

А в деревне Чаплищах, в усадище Василья да Ивана Михаиловых детей Черепова в их половине в верхнем конце от реки Семи сорок сажень. А в нижнем конце от реки Семи ж поперег тритцать пять сажень с полусаженью. А в верхнем конце в усаде поперег пять сажень, а влеве саду дватцать восмь сажень. И против того садового места з Григорьивой да с Ивановой Олексеивых детей Череповых с их половины Василью да Ивану Череповым в верхнем конце в усаде поперег пять сажень, а в нижнем конце десять сажень, а длины дватцать восмь сажень. Меж их усад Василия да Ивана Михаиловых детей да Григорья, да Ивана Олексеивых детей Череповых поставлен столб з гранью в терну на околицы против яблони. Да в той ж деревне Чаплищах Григорью да Ивану Череповым в усаде половина в верхнем конце от озерка {Чапль} по столбы сорок одна сажень. А в нижнем конце поперег им ж, Григорью да Ивану, и с садовым местам сорок три сажени с полусаженью. Да в деревне Чаплищах подле болота Чаплицково на пашне вишенной полевой садок. Да ниже деревни Чаплищ на реке на Семи, меж реки Семи и дороги Чаплитцкие, что ездят от Мокшевицково перевозу, да по Колчее болотя сеножать смежно с Ылинским покосом».

Описанная межа проходит через объекты на местности, которые были ранее локализованы: Титова дуброва, Титов бор, яр, «что сверх Титова бору», дорога Боровая, озеро Чапль, Чаплицкое болото (см. разд. 1.2.5). Однако, не имея точного представления местности в Чаплищах, локализацию этой межи оставим местным краеведам.

Отметим, что в Чаплищах тогда было два сада. Один — в поместье Василия и Ивана Ивановых детей. Его размер 5 × 28 сажень (10,8 м × 60,48 м = 653 кв. м = 6,5 соток (не много). А другой, полевой садок, — возле болота Чаплицкого, на пашне.

Первая перепись населения деревни Чаплищи[85] состоялась в 1646 году. Вот ее итоги[86]:

«**№ 13.** За Григорьем Алексеевым сыном Череповым жеребей деревни Чаплищи на реке на Семи. А на иво жеребей (в{о дворе}) бобыль Тимошка Михайлов, а отца иво взяли тотаровя в полон. Всего адин двор бобыльской, людей в нем тож один человек.

№ 14. За вдовою Татьяною Ивановскою женою Черепова с сыном с Ваською жеребей деревни Чаплищ. А на его жеребью бобыли: (в{о дворе}) Офонька да Гришка Кузьмины; (в) Якушка Кондратьев, а с ним живут двоюродные братья Петрушка да Степанка Сидоровы дети Федорова. Всего два двора бобыльских, а людей в них пять человек».

Здесь мы видим, что в перечне владельцев нет Ивана Алексеева сына Черепова, но указана его вдова Татьяна с сыном Ваською. В декабре 1646 года, при набеге татар на Путивльский уезд, вдова Татьяна попала в полон, однако была отбита путивльскими ратными людьми[87].

---

[84] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 940–942.

[85] Переписывались только работники мужского пола.

[86] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10556. Л. 104 об.

[87] *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. XVI. Царствование государя Алексея Михайловича – военно-боевая деятельность дворянского сословия в курском крае. М.: Изд. Курск. дворянства, 1913. С. 3–4.

Нет также Ивана и Василия Михайловых детей Череповых (см. рис. 1). Иван Михайлов сын Черепов (владелец Клепал) умер в 1640 году[88]. Василий Михайлов сын Черепов — в 1643/44 году. На это указывает запись в неоклеенных столбцах этого года по Рыльску и Путивлю[89]: «Афанасей, да Данило, да Иван Васильевы дети Череповы. Дано им отца их поместье».

Что касается крестьян, то с 1621 года из 5 крестьян в 4 дворах не осталось ни одного. Из бобылей 1621 года остался сын Мишки Иванова Тимошка. А самого Мишку взяли в плен татары. Добавились 5 бобылей в 2 дворах. В результате число работников сократилось незначительно: с 7 до 6.

В 1648 году умер Григорий Алексеев сын Черепов, и его поместье в Чаплищах перешло его детям Ивану и Михаилу[90] (см. рис. 2): «Декабря в 30 день {1648 года} дано путивльцом Ивану да Михайлу Григорьевым детем Череповым. Ивану в ево оклад в двесте пятьдесят чети. А Михайло в Государеву службу поспел, а помесным окладом не верстан, отца их поместье, что за отцом их было вопче з братом ево родным, а с их дядею, с Иваном по писцовым книгам Петра Мусорского[91] в Путивльском уезде в Подгородном стану пол деревни селища Чаплищи пашни и бортного ухожья, и рыбных ловель за четвертную пашню, и с примерною землею дватцать восемь чети, отца их жеребей четырнатцать чети». Получается, что брат Григория Иван Алексеев сын Черепов умер ранее. И сейчас их, Григория и Ивана Алексеевых детей Череповых, совместное поместье в Чаплищах, данное им в 1621 году, перешло Ивану и Михайле Григорьевым детям Череповым.

В конце 1650 (или в начале 1651 года) умер Моисей Васильев сын Черепов[92] (см. рис. 3) — предполагаемый владелец угодий в Чаплищах. 23 апреля 1651 года состоялся передел его поместий[93]: «Апреля в 23 день {1651 года} послана Государева грамота в Путивль к боярину и воеводам ко князю Семену Васильевичю Прозоровскому да к стольнику к Ивану Чемоданову, да к дьяку к Ивану Зеновьеву по челобитью вдовы Агафьи Моисеевской жены Черепова, да дочери ее девке Акулинице. А велено в Васильево помесье Черепова, что после ево владел сын ево Моисей Черепов, послать кого пригож».

Согласно этого указа, вдове Агафье и ее дочери Акулинице были отписаны прожиточные поместья: «С поместного Мосеево окладу з двусот с пети десят чети со ста по десяти чети. Итого в усадище и к усадищу пашни дватцать пять чети в поле, а в дву по тому ж, велено отделить вдове Агафье Мосеева жене Черепова. Да того ж Мосеевского поместья Черепова с помесного ево окладу со ста по пяти чети итого двенатцать чети с осьминою, в поле, а в дву по тому ж, велено отделить дочери ево девке Окулинице на прожиток». Поместного оклада Моисея не хватило на то, чтобы все его поместье перешло вдове и дочери. По этой причине оставшаяся часть была отписана на государя: «А достол того помесья Черепова дватцать адну чети с полуосьминою и четвериком в поле, а в дву по тому ж, велено отписать на Государя».

В приведенном фрагменте отмечен поместный оклад Моисея на момент его смерти — 250 четвертей. Указана также доля из этого оклада, которая определила размеры прожиточных поместий его вдовы и его дочери (вдове — из ста по десяти, а дочери — со ста по пяти). Такие доли, согласно Соборного уложения 1649 года, указывают на то, что Моисей умер у себя в доме, а не на службе[94].

Уже через неделю после отказа прожиточных поместий вдове Аграфье и ее дочери Акулинице последнюю выдали замуж за черниговца Ивана Васильевого сына Бершова, которому было отписано ее прожи-

[88]См. разд. 1.4.2.

[89]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 1255. Л. 37 об.

[90]Столп Путивльских дач 157 (1648/49 году) (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10560. Л. 368–368 об.).

[91]Писцовая книга Петра Мусорского 1628 и 1629 гг. № 10553.

[92]У Василия Михайлова сына Черепова было 4 сына: Афанасий, Данило, Иван и Моисей. После его смерти в 1643 г. поместья были переданы его вдове и сыновьям Афанасию, Даниле и Ивану. Моисей, судя по всему, был еще малолетним. Судьба Афанасия и Данилы не известна. Наличие Моисея, Агафьи, Окулиницы и Ивана Бершова показано в поколенной росписи его отца Василия Михайлова сына, приведенной в спорном деле путивльских помещиков 1767 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 930. ДМЛ. Кн. 10707. Д. 9. Л. 292 об.).

[93]Столп Путивльских дач 159 (1651/52 года) (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10560. Л. 483 об. – 485 об.).

[94]Соборное уложение 1649 года. Гл. XVI, ст. 32: «А котораго дворянина, или сына боярского, или иноземца не станет дома, а не на государеве службе, и женам их давать ис поместей их на прожиток с окладов их со ста по десяти четвертей, а дочерям по пяти четвертей».

точное поместье в деревне Лосиной (она же Черепова). Его теща Агафья отписала ему же свое прожиточное поместье в этой же деревне[95] (всего 30,5 четверти). Похоже, что поместье Моисея в Чаплищах было все же переписано на государя. Это найдет свое подтверждение ниже.

Моисеево поместье, отписанное на государя, долго там не оставалось — оно досталось Федору Иванову сыну Черепову (владельцу Клепал)[96]: «По даче 160 (1652) году августа в 31 день, что ему дано племянницы ево девки Акилины, Моисеевской дочери Череповой прожиточное ее поместье в Путивльском уезде и что отписано на Великаго Государя тритцать четыре четверти без четверика». Таким образом, Федор вернул себе ранее отписанные на Государя 21 четверть с полуосьминою и четвериком и еще (по неясной причине) прожиточное поместье племянницы Акулины 12 четвертей с осьминою[97].

Брат Моисея Васильевого сына Черепова Иван умер ранее 1664 года. Его вдова Орина (Ирина) с сыном Михаилом в 1666/67 году вышла замуж за Степана Афанасьева сына Опышкова. Имеется соответствующая запись в неоклеенных столбцах по Рыльску и Путивлю[98]: «Вдова Арина путивльца Ивановская жена Черепова с сыном Михайлом. Дано ей вдове мужа, а Михайлу отца ево поместья. И вдовино прожиточное поместья справлено за женихом ее за путивльцом за Степаном Афонасьевым сыном Опышковым». Сыну Ирины Михаилу отцовских поместий отписано не было, а это значит, что в то время Михаил был еще малолетним (ему не исполнилось 15 лет). В 1679 году Михаил достиг полнолетия, и состоялся раздел поместий Ивана Васильева сына Черепова между его сыном Михайлом и отчимом Михайла Степаном Опышковым. Вот фрагмент их отказной книги[99]: «Лета 7187 (1679) февраля в 1 день по Государеву Цареву и Великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу и по грамоте ис Поместного приказу < … > по челобитью путивльца Степана Афонасева сына Опышкова путивлец Иван Филипов сын Горбовцов в Путивльскои уезд < … > в деревни Чаплищи на реку на Семь < … > в жеребей пустоши Титовы дубровы ив рыбные ловли и в бортные ухожьи в Иваново поместье Черепова ездил.

А переписав да ис того Иванова поместья Черепова, что довелось было жены ево вдове Ирине на прожиток, отказал жениху ее путивльцу Степану Офонасьеву Опышкову < … > да в деревни Чаплищах дворовое пустое место.

А достол того Иванова поместья Черепова в деревни Лосиной да в деревни Чаплищах < … > оставил за сыном ево Ивановым за Михайлом Череповым на ево жеребей. В деревни Лосиной двор помещиков пустой, да в деревни Чаплищах двор отца ево Ивана Черепова». Пустое дворовое место досталось Степану Опышкову, Ивану достался двор его покойного отца. Сколько было земли у них в Чаплищах и какая была их доля в Титовой дуброве — этого в книге не написано.

В 1649/50 году умер Иван Алексеев сын Черепов (см. рис. 2). На это указывает запись в неоклеенных столбцах[100]: «Путивльцы Василей да Иван да Петр Ивановы дети Череповы. Дано им отца их помесье». Детали отказной книги Василия, Ивана и Петра приведены в спорном деле клепальских помещиков Ивана Гамалея и Семена Неплюева в 1743 году[101]: «По справке с подлинными дачами в даче 158 (1650) году июля в 29 день написано: дано путивльцам Василью да Ивану, да Петру Череповым отца их поместья в Путивльском уезде в Подгородном стану в пол деревни Чаплищ на реке Семи по книгам 136 и 137 годов[102] пашни и перелог лесом поросли, добрые земли и бортный ухожей, и рыбных ловель за четвертную пашню четырнатцать чети. А порознь то поместье меж ими не росписано. То поместье росписать на три части по 5 чети без четверика за человеком».

---

[95] Отказная книга Ивана Васильевого сына Бершова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10560. Л. 486 – 486 об.).

[96] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 35.

[97] Возможно, прожиточное поместье было куплено. С Окулиницей и с ее мужем Иваном Васильевым сыном Бершовым за это время ничего плохого не случилось, поскольку, согласно той же поколенной росписи Василия Черепова, у них родился сын Данило (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 930. ДМЛ. Кн. 10707. Д. 9. Л. 292 об.).

[98] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 1255. Л. 113 об.

[99] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10561. Л. 404–406 об.

[100] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 1255. Л. 55 об.

[101] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 362.

[102] Имеется в виду книга Петра Мусорского 1628 и 1629 гг. № 10553.

В 1653 году мать братьев Череповых вдова Татьяна разделила между сыновьями поместье и имущество покойного мужа Ивана Алексеева сына Черепова. Вот копия оформленной ею сделочной записи от 3 декабря 1653 года[103]: «Се аз вдова Татьяна Сергеева дочь Ивановская жена Черепова разделила есми при животе своем[104] детей своих Василья да Ивана, да Петра Ивановых детей Череповых животами и статки всякими прожитки по третьему по особе.

А на себя взяла в Государевы жалованьи в поместейцы рыбные ловли, поместныя озера, которые ныне в откупу[105] в Чаплищах: озеро Золотое, да за рекою за Семью затон, да затон же Выгорев, озерко Глушица, озерко Калитки, озерко Боровня, озерко Плеснево, озерко Влукоя, озерко Миличь, озерка Вязки да Хомутец, озерка Деменин да Воропаев. А им детем своим разделила:

На Васильев жеребей в поместьецы в деревни Чаплищах крестьян: (в{о дворе}) Афонька Кузмин, (в) Васька Зайков да Гаврилка Дулев. А место под двор занять ему Василью себе и под бобыля под Гаврилка Дуленка вниз по реке Семи под берегом столько ж что брат ево Иван занял себе.

А на Иванов жеребей в деревне Чаплищах крестьян: (в) Гришка Кузьмин, (в) Ивашка Зайков да Яшка Коваль. Да ему ж, Ивану, в Путивле на посаде место дворовое у Богослова об тын с Максимом Кашинцовым да с Федором Саноховым.

А на Петров жеребей в деревни Чаплищах: (в) Яшка Кондратьев з братьею з Петрушкою да с Сенькою; да Яшка Заньков. Ему ж Петру да двор помещиков с садом. Петру ж в Путивле на посаде двор смежно с Ефимовскою женою Нестерова с Любою, да с Афонасьем Кольцовым, да с Ивановскою женою Леонтьева с Настьею, мне вдове Татьяне на приезд с меньшим сыном с Петром.

Да в Чаплищах старинной сад пополам детем моим, Василью да Ивану. А другая половина того старинного саду с братьи их двоюродные Ивана да Михайла Григорьевых детей Черепова.

А на меня и сенные покосы по обе стороны реки Семи вопче им детем моим по третьем. А сена мне, Татьяне, косить себе у них детей своих в трех жеребьях.

А бортной ухожей в Чаплищах розделить им детем моим Василью з братьею жеребьям по трое.

Да детем же моим, Василью да Ивану, дать солоду по дватцати четвериков московской меры на свадьбу меньшому брату их своему Петру.

А хто меж ими детями моими или крестьяня, чьи по разделу ему вновь себе дикого поля или дубровы, и тово никому меж ими ни у кого не отнимать. И впредь и после моего, Татьянина, живота детем своим Василью да Ивану, да Петру и их женам, и детям друг к другу в животы, и в списки, и во всякие прожитки, и в подворьи, и в Государеве жалованьи, и в поместьецы в пашни, и в крестьяны, и в сенные покосы, ив бортные ухожьи, и всякие угодьи что кому не досталось, не вступатца ни во что, и не оттягивать ни каторыми делы и самим меж себя вновь не переделывать, и друг другу в том убытков не доставить, и делать им как в сей роздельной записи написано выше сего. А будет только впредь и после моего, Татьянина, живота < … >.

Раздельныя записи по противном писал Васька Торасов лета 7162 (1653) году декабря в 3 день».

В этом документе детально описано поместье Ивана Алексеева сына Черепова и перечислены дворы крестьян. Здесь же имеется много других деталей: мать Татьяна оставила за собой рыбные ловли в перечисленных озерах, которые были на откупе (то есть в аренде за определенную плату). Затем она разделила поровну (по третьей части) между тремя братьями домашнюю скотину (животы), домашнее имущество (статки) и все остальное имущество (всякие прожитки). Затем мы видим, что у покойного Ивана был двор в Путивле, в посаде, и там же его дворовое место. Указываются точные адреса двора и дворового места (перечислены соседи): «Об тын с Максимом Кашинцовым да с Федором Саноховым». Уточняется, что двор на посаде, передаваемый младшему брату Петру, она будет использовать для своих приездов в Путивль. Кроме сада при помещиковом дворе, упоминается старинный сад в Чаплищах, который поделен между ее детьми и детьми брата покойного ее мужа Григория — Иваном и Михайлом. Скорее всего, это один из двух садов, описанных в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов. Поровну были разделены сенные покосы

[103] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 924. ДСЛ. Кн. 10598. Д. 15. Л. 77 об. – 80.

[104] При животе своем – будучи живой. (*Прим. авт.*)

[105] Откуп – право исключительного пользования чем-либо за определенную плату.

и доля в Чаплицком бортном ухожее. Не забыты и более мелкие детали: братьям Ивану и Василию мать дает указание выделить солода по 20 четвериков московской меры[106] на свадьбу младшего брата Петра. К этому торжеству полагалось 30 пудов солода (480 кг) на изготовление пива и кваса.

В процессе изучения истории села Чаплищи в описи столбцов о земельных дачах Путивльского и Рыльского уездов 1651 года была обнаружена запись, в которой указаны два владельца поместья в Чаплищах, никак не связанных с родом Череповых: Жаден Власов и Григорий Юдин. Здесь сообщается, что путивлец Григорий Юдин женится на вдове Авдотье Жедановской жене Власова, имеющей здесь прожиточное поместье[107]: «Августа в 3 день дано путивльцу Григорью Михайлову сыну Юдину в ево оклад в триста чети вдовино Овдотьино Жедановской жены Власова прожиточное ее поместье в Путивльском уезде в деревни Чаплищах по даче 143 (1634/35) году. Написано пашни девятнатцать чети с осьминою и с четвериком в поле, а в дву по тому ж. Ему, Григорью Юдину, на ней вдове Овдотьи велено женитца». Григорий Юдин (см. рис. 3) получил прожиточное поместье Авдотьи Жедановской жены Власова 19,5 четверти с четвериком[108] в Чаплищах. Здесь же указано, что Жедану Власову это поместье досталось по даче 7143 (1634/35) года. Запомним это.

Григорий Михайлов сын Юдин умер в 1659 году, и вдова Авдотья с дочерьми Парашкой и Василиской опять вышла замуж. На этот раз за Василия Иванова сына Черепова (см. рис. 2). По этому поводу имеется запись в пошлинной книге Печатного приказа от 8 июня этого года об отсылке грамоты в Путивль[109]: «В Путивль к стольнику и воеводе и к дьяку по челобитью путивльца Василья Иванова сына Черепова да вдовы Овдотьи путивльца Григорьевские жены Юдина з дочерьми з девками с Парашкою да с Василискою. Велено из Григорьева поместья Юдина на девятнатцат чети, что указано было дать жене ево вдове Овдотье з дочерми на прожиток, отказать ему, Василью, в поместье. Пошлин со вдовы с дву челобитьев, а с Василя и з девок с челобитья. Всего рубль с четью взято».

Что конкретно досталось Василию Иванову сыну Черепову, написано в его отказной книге[110]: «Да в деревни Чаплищах на верхней стороне на реке на Семи место дворовое пустое помещикова Григоря Юдина, да двор бобыльской Мишки Иванова. А живет у том дворе Сенька Кривой < … > {фрагмент утерян} Ивашкою да сЫлюшкою. И тот бобыльской двор ему, Василью с Федором Череповым, вобче: половина ему, Василью, а другая половина Федору Черепову. Да подле реки Семи сад яблочной ему, Василью Черепову, половина, а Федору Черепову другая половина. Да к реки ж Семи два усадьба пустых крестьянских. Да по дорогу к озеру Чапли, что скрозь терн ездят и от вишневого саду от дороги лощыною к реки Семи по езовища[111] старое, что ниже озера Чапли, да вниз рекою Семью к озерку Котельному усадьба. Да ему ж, Василью Иванову сыну Черепову, одделил в деревни Чаплищах да по обе стороне реки Семи ухожей бортной в Титове дуброве и на бору четыре кобицы[112]».

Теперь разберемся с тем, как попало поместье в Чаплищах (19 четвертей) к Жадену Власову в 7143 (1634/35) году. В описи неоклеенных столбцов путивльских и рыльских дач находим запись, датированную этим годом[113]: «Алексей Иванов сын Констянтинов да Жоден Кузьмин сын Власьев, да Иван Михайлов сын Яцын. Дано им изметничьего помесья Василья Черепова по третям[114]».

Как мы видим, в 1634/35 году все поместья Василия Михайлова сына Черепова разделили Алексей Константинов, Жаден Власов и Иван Яцын. Каждому по третьей части. По какой причине? Секрет кроется

---

[106] По состоянию на 1653 г. четверть зерна (хлебная мера веса) равнялась 6 пудам. Четверик, как мера веса, составлял ⅛ часть четверти. 20 четвериков равнялись 15 пудам. Если по объему, то четверик был равен 26 современных литров. 20 четвериков – 520 литров.

[107] Отказная книга Григория Михайлова сына Юдина (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10560. Л. 489).

[108] Четверик (мера площади) равен ¼ часть осьмины, то есть ⅛ часть четверти.

[109] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 92. Л. 162.

[110] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10562. Л. 17 об. – 18 об.

[111] Езовище – место установки «еза» – сооружения на реке для ловли рыбы.

[112] Кобицы – межевые знаки в бортных ухожеях, разделяющие участки ухожея, принадлежащие разным владельцам. (*Прим. авт.*)

[113] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 1255. Л. 12.

[114] По третям – по третьей части каждому. (*Прим. авт.*)

в том, что поместье Василия являлось на то время «изметным». Это значит, что оно было у него отобрано, конфисковано. Термин «изметный» относится к изгнанию или лишению чего-либо[115]. За какие грехи Василий Михайлов сын Черепов был лишен поместий, нам не известно. Поместья тогда давали за службу и, соответственно, отбирали за провинности. Жадену досталась часть поместья Василия, находящаяся в Чаплищах. Теперь ясно, почему в переписной книге 1646 года отсутствует Василий Михайлов сын Черепов. Неясным осталось другое — почему не указан Жаден Кузьмин сын Власов? Возможно, здесь кроется еще одна интрига, пока не разгаданная.

Таким образом, в 1659 году, через 25 лет, поместье Василия Михайлова сына Черепова в Чаплищах опять вернулось в род Череповых. Путем женитьбы его внучатого племянника Василия Иванова сына Черепова на вдове Авдотье жене Юдина.

Что касается измен служилых людей в XVII веке, то в архивах РГАДА была обнаружена записка с характерным наименованием: «О присылке в Розряд Василия Черепова, бегавшего в литовскую землю»[116]. Данный документ относится к 1647 году и не касается Василия Михайлова сына Черепова, поскольку он к этому времени уже умер. Тем не менее приведем текст этого документа, чтобы выяснить, о ком из Череповых идет речь, и получить представление о том, какие последствия ждали человека, преступившего закон: «Лета 7155 (1647) г июня в 18 день по Государеву Цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Русии указу, память думным дьяком Ивану Гаврилову да Михаилу Волошенинову, да дьяку Григорью Ларионову в Приказ Большого дворца к боярину и дворецкому ко князю Алексею Михайловичю Львову, да к дьяком к Ивану Федорову, да к Давыду Дарябину.

В нынешнем во 155-м (1648) году по памятем за твоею Григорьевою приписью присланы в розных числех сентября в 15 день путивлец Васька Черепов, что он во 154 (1646/47) году ис Путивля бегал в литовскую сторону. Да октября в 28 день прислан с курской полонянник белогородец Костька Мартынов, что он Костька взят в полон в Белогородцком уезде невелик {?}, и был в полону в Крыму ив турской (турецкой) земле, и на катарге[117] лет с тритцать. Да декабря в 17 день белгородец же посадцкой человек Ивашко Железного за то, что он, Ивашко, в Белегороде, ходя по церквам, образов и пречистые Богородицы целует во уста и отнимает у попов евангелия и крест.

Велено их послати под начало в Троицкой Сергиев монастырь. И Васька, и Костика, и Ивашко в Троицком Сергиеве монастыре под началом были. И Государь Царь и Великий князь Алексей Михаилович всеа Русии Ваську и Констянтинка, и Ивашка пожаловал по их челобитью, велел их ис под начала свободить. И из Троицкого Сергиева монастыря, ис под начала они свобождены и посланы к вам в Розряд с подьячим с Федором Иевлевым». Итак, мы видим, что записка касается трех человек: Василия Черепова, бегавшего в 1646/47 году в литовские земли; Константина Мартынова, попавшего в плен к татарам и пробывшем 30 лет в плену в Крыму, в турецких землях на каторге; а также Ивана Железного, хулиганствующего в церквях, отбиравшего крест и Евенгение у священников. Проступки, как мы видим, у них очень разные: от вынужденного плена или простого хулиганства, до перебежки в чужие земли. Но первое, что сделали с этими людьми, отправили их на покаяние в Троицкий Сергиев монастырь, на время, пока велось следствие по их делам. В рамках этого расследования они писали царю челобитные, объясняя свои поступки. Судя по всему, и у Василия Черепова и у двух других фигурантов грехи не были тяжкими. По велению царя они были освобождены из-под опеки монастыря и присланы в Разрядный приказ для дальнейшего разбирательства.

Так кто же из Череповых бегал в литовскую землю в 1646/47 году? По хронологии, из известных нам, это мог быть только Василий Иванов сын Черепов — внук Алексея Михайлова сына Черепова (см. рис. 2). Он упоминался ранее, при описании угодий в верховьях речки Выжлицы (см. разд. 1.5.1). Как было сказано выше, Василий женился на вдове Авдотье Юдиной в 1659 году. Согласно записи в пошлинной книге Печатного приказа, была послана в Путивль грамота на отказ ему прожиточного поместья его невесты. С другой стороны, точно такая же грамота ему была отправлена еще раз, в 1678 году, почти через 20 лет. В пошлин-

[115] Изметати – изгонять; изметнути – отлучить, лишить чего-либо.

[116] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Столбцы Приказного стола. V. Памяти. Л. 100–101.

[117] Катарга, каторга – турецкое гребное судно, род галеры. Быть на каторге – значило быть гребцом на турецкой галере.

ной книге Печатного приказа находим запись от 17 марта 1678 года по этому же поводу[118]: «В Путивль к стольнику и воеводе к Федору Хрущову да к дьяку к Ивану Патрекееву по челобитью Василья Черепова. Велено в Путивльском уезде в Подгородном стану Григорьево поместе Юдина девятнатцать чети с осьминою и с четвериком отказать ему, Василью, в поместье. Пошлин полполтины взято. Припись дьяка Ивана Рагозинина. Писал подьячей Иван Шульгин. Писана марта в 17 день». Похоже, что что-то помешало Василию получить прожиточное поместье невесты в 1659 году. Возможно, что столь большая заминка могла быть обусловлена как раз делом о его побеге в литовскую землю. С другой стороны, вина Василия, как было указано выше, не была тяжкой и уже в 1650 году, через 3–4 года после событий с изменой, он со своими братьями Петром и Иваном получил поместья в «порозжих» землях на Диком поле и на речке Выжлице (см. разд. 1.4.3). Необходимо также отметить, что с 1647 по 1677 год Василий сумел отличиться на воинской службе. Доказательством этого служит то, что в 1677 году за свои заслуги был пожалован вотчиной[119]: «И на те дачи {1621 года} во 185-м (1677) году марта 14 дня дана ему жалованная грамота на вотчину в урочищах за рекою за Семью на речки на Выжлицы по обе стороны речки Выжлицы в деревни Красной Слободки (Карпиловка то ж), и в протчих деревнях и урочищах». В «прочие деревни» попала и деревня Чаплищи (см. разд. 1.5.1). Так или иначе, но причина двойного отказа Василию прожиточного поместья вдовы Авдотьи Юдиной 19 чети с осьминой и четвериком прояснилась, но осталась неразгаданной в полной мере.

В 1672 году владелец Клепальского городища Федор Иванов сын Черепов (см. рис. 4) подал челобитную на пустующее прожиточное поместье своей племянницы девки Матрены Даниловой дочери Черепова (см. рис. 5). Вот как отражена эта история в его отказной книге[120]: «Девка Матрена путивльца Данилова дочь Черепова в прошлом во 178-м (1669/70) году за путивльца за Ивана Федорова сына Трифонова вышла замуж без прожиточного своего поместья. И то ее поместья ныне лежит порожжо». Скорее всего (это предположение), Матрена к этому времени была «в малых летех», то есть не достигла возраста совершеннолетия — 15 лет. В этом случае жених не мог получить ее прожиточное поместье[121]. Далее, в этой же отказной книге, указано, какие угодья из прожиточного поместья девки Матрены получил Федор: «В деревни Чаплищах отказал ему, Федору, двора помещикова Данилы Черепова, ее Матренин пятой жеребей. Да по реке по Семи бортной ухожей с рыбными ловлеми и сенные покосы. Да в Заморниковской волости в Титове дуброве бортной ухожей с рыбными ловлеми и з диким полем, и со всякими угодьи». Как мы видим, в этой даче не было пахотных земель. Был только двор помещиков отца Матрены Данилы Федорова сына Черепова. Но были части (жеребьи) в Чаплицком бортном ухожее на реке Семи, а также в Титовой дуброве. Этот двор в Чаплищах и доли в бортных ухожеях были отписаны Даниле в августе 1632 года после смерти его отца Федора Михайлова сына Черепова. Тогда поместья Федора были разделены между его сыновьями Данилом и Михаилом[122]: «Августа в 14 день {1632 года} запечатаны грамоты в Путивль губному старосте по челобитью Данила да Михаила Череповых. Велено им отказать поместья отца их сто одна четь с осьминою. Пошлин рубль девять алтын взято». В этой записи указано поместье Федора Михайлова сына Черепова 101,5 четверти, что согласуется с приведенными выше данными книги Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553). Передел наследства Федора Михайлова сына Черепова указан также в неоклеенных столбцах города Путивля[123]: «Вдова Настасья Федорова жена Черепова з детьми с Данилом да с Михайлом Череповыми, дано им, вдове мужа ее, а Данилу да Михайлу отца их поместье». Тогда, собственно, она и получила свой прожиток.

[118] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 198. Л. 402.

[119] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 34.

[120] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10561. Л. 220 об. — 221.

[121] Соборное уложение 1649 года. Гл. XVI, ст. 11: «А здавати девкам свои прожиточные поместья, которая девка будет в возрасте, в пятнадцать лет. А будет кто о девкине о прожиточном поместье учнет государю бити челом, и скажет, что ему девка свое прожиточное поместье здает, а девка в те поры будет в малых летех меньши пятинатцати лет, и таким челобитчиком не верити, и девкиных прожиточных поместей за ними не справливати».

[122] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 17. Л. 218.

[123] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 1255. Л. 2 об. (точный год не установлен ввиду ветхости документа, но ранее 1632/33 г.).

Данило умер в 7142 (1633/34) году[124]: «Михайло Федоров сын Черепов. Дано ему брата ево родново Данилово помесье Черепова».

В 1672 году умерла (надо полагать) вторая дочь Данилы Ирина, ее прожиточное поместье переписал на себя тот же Федор Иванов сын Черепов, ее дядя[125]: «В Путивль же к стольнику и воеводе по челобитью путивльца Федора Иванова сына Черепова. Велено в Путивльском уезде девки Ирины путивльцы Даниловы дочери Черепова прожиточное ее поместье одиннатцать чети с осьминою отказать ему, Федору Черепову, в поместье. Пошлин с челобитья полполтины взято. Припись дьяка Степана Венедиктова. Писана апреля в 17 день». К сожалению, соответствующая отказная книга не найдена, и мы не знаем, были ли в этом прожиточном поместье земли и угодья в деревне Чаплищи.

В 7184 (1675/76) году умер Иван Григорьев сын Черепов[126] (см. рис. 2): «Путивльцы Григорей да Роман да Ортемей Ивановы дети Череповы. Дано им отца {их Ивана} и дяди их Михайлово поместье Черепова». У Ивана с братом Михаилом были совместные владения в Чаплищах, доставшиеся им от их отца Григория. Михайло умер ранее, и теперь их общее наследие делилось между сыновьями Ивана: Григорием, Романом и Артемием. Вот выдержки из их отказной книги 1676 года[127]: «Лета 7185 (1676) ноября в 30 день … по челобитью путивльцов Григорья да Романа, да Артемья Ивановых детей Черепова путивлец Карп Фирсов сын Старежилов {ездил} в Путивльской уезд в Подгородной стан, в поместья отца их Григорьева да Романова, да Артемьева путивльца Ивана, да дяди их Михайлы Григорьевых детей Черепова … А переписав да то их Иваново да дяди их Михайлово поместья Черепова в Путивльском уезде в Подгородном стану в полу деревни Чаплищ, селища в нижней стороне, в их жеребей отказал (д{вор}) помещиков с садом отца их Иванов да дяди их Михайлов Григорьевых детей Черепова, да два двора крестьян: (в{о дворе}) Тимошка Евдокимов, а в него детей сын Фетька; (в) три брата Микифорка да Ивашка да Костька Федовы; (в) бобыль Тимошка иноземец, а детей у него сын Савка да сын Федотка. Да половина саду вобче та их половина саду с Васильем Ивановым сыном да со вдовою Натальею {в других источниках Настасьею} Ивановскою женою Черепова. Да пашни помещиковы и крестьянские добрые земли, да перелогом и лесом порасли четыре чети в поле, а в дву по тому ж. Сена по реке по Семи и по лугом меж озер и по логом.

Да им же Григорью да Роману, да Артемью Ивановым детем Череповым к тому ж селищу в помесья отдал их, Иванов да дяди их Михайлов, жеребей в полу деревни Чаплищах бортной ухожей с рыбною и звериною ловлею, и з бабровыми гоны, со вспуды и с перевесьи, и со всякими угодьи, что к тому бортному ухожью истари потягло. Знамя в том бортном ухожью кольцо. И их Григореву да Романову да Артемьеву бортному ухожью две кобицы спереду.

А другая половина того поместья, пол деревни Чаплищ, бортного ухожья жеребей в нижней стороне дядей их Василья да Петра Череповых, да вдовы Натальи Ивановской жены Черепова ж.

Да им же Григорью да Роману да Артемью отказал отца их, Ивана, да дяди их, Михаила, жеребей к ухожью бортному вобче паполам с Васильем да с Петром Череповыми, да со вдовою Натальею Ивановскою женою Черепова ж рыбная ловля по реки по Семи {и по прилегающим озерам от Выгорева городища и до Чаплищ}».

Братьям, как мы видим, перешел двор помещиков их отца Ивана и дяди Михаила. Указан также сад их деда Григория, который упоминался в писцовой книге 1628 и 1629 годов (№ 10553). Им также достались два двора крестьянских (в них 5 человек) и один двор бобыльской (2 человека). Здесь же отмечается некое запустение: пашни и перелог (4 четверти) поросли лесом. Указан еще один сад в совместном владении с вдовою Натальею Ивановскою женою Черепова. Ее муж Иван был их дядей. Им же была отказана половина Чаплицкого бортного ухожея, а также рыбные ловли и сенные покосы.

В 1677 году, 30 апреля, Федор Иванов сын Черепов (см. рис. 4) получил от царя вотчину (см. разд. 1.4.4). В эту вотчину вошло, в том числе, и поместье Федора в Чаплищах. Теперь стало ясно, что в остатке общего

[124] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 1255. Л. 11.
[125] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 170. Л. 132.
[126] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 1255. Л. 178 об. – 179.
[127] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 59–67.

поместья Моисея Васильева сына Черепова, которое в 1651 году, после его смерти, было отписано на государя и которое Федор вернул себе в 1652 году, было и поместье Моисеевского отца Василия Михайлова сына.

23 мая 1677 года Федор Иванов сын Черепов выменял у Степана Афанасьева сына Опышкова одну четверть с четвериком в Чаплищах, а также долю в Чаплицком бортном ухожье[128], отдав при этом свою долю в деревни Лосиной, а также в Биринской и Желвацкой волостях 15 четвертей с четвериком. Таким образом, Федор вернул в род Череповых часть поместья дяди своего Василья Михайлова сына Черепова.

В 1678 году была произведена перепись жителей Подгородного стана Путивльского уезда. В частности, жителей деревни Чаплищи. Вот ее результаты[129]:

«**10.** За путивльцами за Степаном Афонасьевым сыном Опышковым да за Михайлом Ивановым сыном Череповым двор помещиков и двор крестьян{ской} пустой.

11. За путивльцом за Федором Ивановым сыном Череповым в поместье жеребей деревни Чаплища. А в ней двор помещиков да крестьян{ской}, (в{о дворе}) Тимошка Климов у него брат Павлик, да детей Петрушка, Гаврила десяти лет, у Павлика сын Евтихейка осьми лет. Да бобыль{ской} д{вор} Карнейка Черкашенин, у него пасынок Данилка. Да задворных людей[130] д{вор} Левка Степанов; д{вор} Климка Мартынов.

12. За путивльцом за Григорьем Ивановым сыном Череповым в поместье в деревне Чаплищах. А в ней двор помещиков; да бобыль{ской} д{вор} Тимошка Евдокимов, у него сын Федька осьми лет. Всего двор помещиков, двор бобыльской. Людей в нем два человека.

13. За путивльцы за Васильем, да за Петром, да за Леонтьем Ивановыми детьми Черепова в поместье в деревне Чаплищах на реке на Семи. А в ней три двора их помещиковы. Да за Леонтьем крестьян{ской} д{вор} Серешка Григорьев сын Кузьмин. Всего за Леонтьем двор крстьянской, людей в нем один человек.

<…>

49. За путивльцы за Иваном да за Васильем Андреевыми детьми Черепова в поместье в деревне Чаплищах адин двор бобыльской.

<…>

61. За Федором Ивановым сыном Череповым {в} вотчине… в деревни Чаплищах. А в ней двор ево помещиков д{вор} Тимошка Климов, у него брат Павлик, у Павлика детей Евтифейка осьмии лет, у Тимошки детей Петрушка да Гараська десяти лет. Да бобыль{ской} д{вор} Корнейка Черкашенин, у него пасынок Данилка. Да задворных людей (д{вор}) Левка Степанов, да Климка Мартынов. Всего за ним, Федором, двор задворного человека, людей в нем два человека; двор крестьянской, людей в нем пять человек; двор бобыльской, людей в нем два человека».

В записи 10 мы видим совместное владение Степана Опышкова и его пасынка Михайла Иванова сына Черепова двумя дворами (помещиковым и пустым крестьянским). Уже на следующий год, как было показано выше, они разделят их между собой.

Запись 11 перечисляет крестьян и бобылей Федора Иванова сына Черепова. Как было сказано ранее, Федор получил вотчину в 1677 году. В эту вотчину вошли, в том числе, и его владения в Чаплищах. На момент переписи у него был двор помещиков, один двор крестьянский, один бобыльской, а также два двора задворных людей. Всего в этих 4 дворах жило 10 жителей мужского пола.

Запись 11 (перечисление дворов и жителей в поместье) и запись 61 (описание вотчины) полностью совпадают и дублируют друг друга. Этот факт был еще раз проверен в первоисточнике.

Далее идет перечисление дворов и жителей Григория Иванова сына Черепова (см. рис. 2) (запись 12). Григорий вместе со своими братьями Романом и Артемием получили поместья в Чаплищах в 1676 году от их отца Ивана Григорьева сына и от дяди Михаила Григорьева сына. Не ясно, почему через два года, в переписи 1678 года, владельцем этого поместья указан только Григорий. У него был его помещиков двор, а также один двор бобыльской Тимофея Евдокимова с сыном Федькой.

[128] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 35–35 об.

[129] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10557. Л. 26–27, 40 об.

[130] Задворные люди – безземельные крестьяне, живущие на чужом дворе и занятые в хозяйстве землевладельца.

Следующая запись 13 касается владений потомков Ивана Алексеева сына Черепова (см. рис. 2): его сыновей Василия и Петра, а также внука Леонтия Иванова сына Черепова. Здесь же присутствует и вдова Настасья — жена третьего брата Василия и Петра — Ивана. Василий и Петр были двоюродными братьями Григория, Романа и Артемия Череповых, а Леонтий — их племянником. У Василия и Петра в Чаплищах были только их помещиковы дворы. Крестьян и бобылей за ними записано не было. А вот у Леонтия, кроме его двора, был крестьянский двор Сережки Григорьева сына Кузьмина.

Отец Леонтия Иван Иванов сын Черепов умер до 1678 года, но его поместья были отписаны его сыну только в 1681 году[131]. После смерти отца в отказной книге Леонтия Черепова имеется запись[132]: «Отказал ево Иванову сыну путивльцу Леонтью Черепову в жеребью деревни Чаплищах на реке на Семи на ево Леонтьев жеребей двор помещиков. Да на ево жеребей крестьян: (в{о дворе}) Серешка Григорьев, (в) бобыль Ивашка Леонтьев сын Заньков». К двору Сережки Григорьева в переписной книге 1678 года добавился бобыльской двор Ивашки Леонтьева сына Занькова.

Владельцами поместий в Чаплищах записаны также Иван и Василий Андреевы дети Черепова (запись 49). Они были внуками Семена Иванова сына Черепова (см. рис. 4) — брата Федора Иванова сына Черепова, владельца Клепальского городища. Семен[133] ранее, в 1662 году, попал в плен при набеге татар.

За Иваном и Василием числился один бобыльской двор. Этот двор попал к ним в 1674/75 году, когда им было отписано поместье их деда Семена. По этому поводу имеется запись в неоклеенных столбцах по Рыльску и Путивлю[134]: «Путивльцы Иван да Василей Андреевы дети Череповы. Дано им деда их Семеново поместье Черепова». По их отцу — Андрею Семеновскому сыну Черепову никаких данных обнаружить не удалось.

Всего в 1678 году в деревне Чаплищи было 6 помещичьих дворов. Владельцами угодий и земель были 8 помещиков. За ними было 6 дворов (крестьянских, бобыльских и задворных людей), а также один крестьянский двор пустой. В них 13 человек мужского пола. Поместья были мелкими. На 8 помещиков приходилось 13 работников.

В 7188 (1679) году умер Федор Иванов сын Черепов. Его поместья и вотчина были отказаны его единственному сыну Якову[135]: «И во 188 (1679) году декабря в 23 день бил челом путивлец Яков Федоров сын Черепов, чтоб вышеписанное отца ево Федорова помесье Черепова справить за ним». Уже 8 января 1680 года поместья и вотчина Федора переданы Якову[136]: «Во 188 (1680) году генваря в 8 день Федорово поместье и вотчина Черепова дано сыну ево Путивльцу Якову Черепову».

Увы, но через год с небольшим, в 1681 году, Яков умер, и его вотчина в Чаплищах перешла его малолетней дочери Марине. На это время ей было 3 (или 4) года. Вот фрагмент ее отказной книги[137]: «В деревни Чаплищах двор помещиков со всяким дворовым строеньем. Да бобылей: (в{о дворе}) Тимошка Клименка з братом Пашком; (в) Васька да Бориска Друшляковы; (в) Трофимка Черевченка».

На это время у Якова было еще и поместье в Чаплищах. Оно перешло двоюродным племянникам Якова Василию и Ивану Андреевым детям Череповым[138]: «Да в деревни Чаплищах (в) Корнюшка Иванов с пасынки с Пашком да з Данилком; (в) Левко Степанов; (в) Климка Мартынов з зятем; место дворовое Фимки Пасечникова».

Осенью этого же, 1681 года, жена Якова вдова Прасковья сговорила замуж Зиновия Панова, и 28 октября Прасковьино с дочерью Мариной прожиточное поместье было отказано ее жениху. Ему, в частности, достались владения в Чаплищах[139]: «А на ево Зиновьев жеребей < … > в деревни, что было селище Чаплищ-

[131] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 376–383.
[132] Там же.
[133] Поколенная роспись Семена Иванова сына Черепова представлена в Спорном деле о дачах Выгорева городища (РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 49).
[134] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 1255. Л. 161 об.
[135] РГАДА. Ф. 1317. Оп 2. Кн. 4769. Л. 35 об. (см. также разд. 1.4.4).
[136] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 4.
[137] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 369–369 об.
[138] Там же. Л. 371, 371 об.
[139] Там же. Л. 511 об. – 512.

кое, в верхней стороне на реке на Семи (д{вор}) помещиков. Да крестьян (в) Тимошка Климов, детей у него Ивашка да Васька да Елиферка; (в) Пашка Климов, дети у него сын Афонька». Как выясняется, Зиновий Панов переписал на себя в поместье двух вотчинных крестьян малолетней Марины — братьев Тимошку и Пашку Климовых с сыновьями[140] (см. разд. 1.4.7). Судя по всему, за вотчиной Марины внимательно смотрели ее родственники Череповы. Уже в 1684 году от имени пятилетней Марины подается челобитная царю на передел ее вотчины. В частности, на возврат ей законных вотчинных крестьян. Результаты передела отражены в новой отказной книге Марины Череповой[141]: «Лета 7193 (1684) ноября в 14 день по указу Великих Государей Царей и Великих князей <…> по челобитью девки Марины Яковлевой дочери Черепова черниговец Федор Денисьев сын Кашинцов да Путивльские приказные избы подячей Андрей Рубоников ездили в Путивльской уезд в Подгородный стан путивльца в Яковлево поместье Черепова треть деревни, что было селище Лосино (Черепово то ж), на речку на Клевень, да в село Ласково (Яцыно то ж) да в жеребей деревни, что было селище Чаплицкое в верхною сторону на реку на Семь… Да на ее, девки Марины, жеребей <…> деревни, что было селище Чаплинское в верхней стороне на реке на Семи двор помещиков пустой с садом и с огороды отца ее Якова Черепова. Да дворище пустое крестьянское <…>.

А за Зиновом Кузьминым сыном Пановым <…> в жеребью деревни что было селище Чаплицкое в верхней стороне на реке на Семи дворища пустое крестьянское Тимошки Климова да дворище пустое Пашки Климова <…>.

Ивану да Василью Андреевым детям Череповым <…> в жеребью деревни Чаплищах двор помещиков пустой».

Марина возвратила себе помещиковый двор своего отца Якова в верхней стороне Чаплищ. А вот крестьян Климовых возвратить не удалось — они к тому времени либо умерли, либо ушли из Чаплищ.

В 1681 году умерла вдова Аграфена Даниловская жена Черепова (см. рис. 5), и ее внук Григорий Иванов сын Трифонов подал челобитную на ее прожиточное поместье. По указу из Поместного приказа была оформлена его отказная книга[142]: «Лета 190 (1681) декабря в 16 день <…> Путивльские приказные избы подьячей Гаврила Мосалитинов ездил в Путивльской уезд в Подгородной стан во вдовино Аграфенова путивльца Даниловской жены Черепова прожиточное поместье в деревню Чаплищи, да в деревню Череповую, и в село Череповку, да в Колодезкую волость на речку на Рылу по челобитью путивльца Григорья Иванова сына Трифонова. <…> А переписав да в то вдовино Аграфенино Даниловой жены Черепова, а в нем пашни дватцать четыре чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, отказал внуку ее Григорью Иванову сыну Трифонову. В Путивльском уезде в деревни Чаплищах двор помещиков ея вдовы Аграфены да пустое селища. А в том селище ныне живет Тимошка Климов». К сожалению, в этой отказной книге не расписаны доли прожиточного поместья Аграфены в разных деревнях. По этой причине мы не знаем размер ее пахотных земель в Чаплищах.

Ранее было сказано, что мать Григория Матрена вышла замуж без прожиточного поместья за его отца Ивана Трифонова, а ее прожиточное поместье переписал на себя ее двоюродный дядя Федор Иванов сын Черепов. Сестра Матрены Ирина умерла в 1672 году, и ее прожиточное поместье также взял Федор Черепов. А вот остаток поместий Данилы Федорова сына Черепова в Чаплищах перешел в род Трифоновых.

Следует обратить внимание на бобыля (а затем крестьянина) Тимошку Климова, который жил в пустом дворе покойной вдовы Аграфены. Этот Тимошка упоминается в переписной книге 1678 года, когда он был в вотчине Федора Черепова. Затем — у Якова Черепова. Потом у Марины Череповой. И его же переписал на себя Зиновий Панов. Сколько же господ он пережил?

19 июля 1685 года писцом Семеном Муромцевым и дьяком Афанасием Урусковым было произведено межевание поместий и вотчин в деревне Чаплищах, а также перепись жителей. Вот что мы находим в соответствующей писцовой и межевой книге[143]: «Июля в 19 день отмерено и отмежевано Зиновью Козьмину

[140] В одной и той же отказной книге эти крестьяне записаны и за Мариной и за Зиновием одновременно.
[141] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 1182–1188 об.
[142] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 545–546.
[143] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 67 об. – 73.

сыну Панову да путивльцом Василью Иванову сыну, Ивану да Василью Андреевым детем, Григорью да Роману да Артемью Ивановым детем, да Леонтью Иванову сыну, да вдове Марфе Петровской жене с сыном Кирилкою да з Ондреем, да Михайлу Иванову сыну Череповым, да Володимеру Савельеву сыну Киреееву, да Григорью Иванову сыну Трифанову, да черниговцу Семену Дмитриеву сыну Ермакову, девке Марине Яковлевой дочери Черепова в Путивльском уезде в Подгородном стану в деревне Чаплищах.

За Зиновьем Пановым два двора пустых крестьянских с верхней стороны Тимошки да Пашки Климовых. Пашни паханые и перелогу добрые земли и бортного ухожия с рыбными ловлями за четвертную пашню три чети в поле, а в дву по тому ж. Да сена по реке по Семи девять копен. Да за рекою за Семью в дву сеножатех жеребей.

Да за Васильем Череповым в {в}отчине двор ево вотчинников. А во дворе крепостной ево человек Тимошко Романов, да два места крестьянских пустых. Пашни и перелогу добрые земли и бортного ухожья с рыбными ловлями за четвертную пашню за восемь чети с третником в поле, а в дву по тому ж. Да сена по реке по Семи пятнадцать копен.

За Григорьем да за Романом, да за Артемьем Череповыми двор помещиков с огородом ис садом. Да за ними бобылей: во дворе Тимошка Степанов, у него дети Федотка да Савка. Да черкас во дворе Тимошка Евдокимов сын Губорев, у него сын Федька; во дворе Костька Федченок, у него брат Ивашко; Микишка Яковлев сын Федченка; да Левка Черкашенин. А по переписным книгам 186 (1678) году переписи Афонасья Шишкина за ними адный двор. Пашни и перелогу доброе земли и бортного ухожья с рыбными ловлями за четвертную пашнею за черырнатцать чети в поле, а в дву по тому ж. Да сена по реке по Семи дватцать пять копен.

Да за Иваном да за Васильем Андреевыми детьми Череповыми в поместье двор их помещиков пустой. Да бобыль во дворе Левка Степанов, у него дети Ларка да Петрушка. Да за ними ж черкас живут повольно: Данилка да Пашка Никифоровы; во дворе Оська Черкашенник. А по переписным книгам за ними 186 (1678) году переписи Афонасья Шишкина книгам, в деревне Чаплищах адин двор бобыльской. Пашни и перелогу и бортного ухожья с рыбными ловлями за четвертную пашню за восемь чети без полуосьмины. Да сена по реке по Семи тритцать копен. Да за рекою в дву сеножатех жеребей.

За Михайлою Череповым в деревне Чаплищах в поместье двор ево помещикова. Пашни и перелогу, ибортного ухожья с рыбною ловлею за четвертную пашню осьмина и с полутором четвериком в поле, а в дву по тому ж. Сена по реке по Семи три копны.

За Леонтьем Череповым в деревне Чаплищах двор ево помещиков с огородом и садом. Да за ним же бобыль во дворе Серешка Григорьев. Да за ним же живет черкашенин повольно Ивашка Леонтьев. А по переписным книгам 186 (1678) году переписи Афонасья Шишкина крестьянских и бобыльских дворов не написано. Пашни с перелогу добрые земли и бортною ухожья с рыбною ловлей за четвертную пашню за пять чети без третника в поле, а в дву по тому ж. Сена по реке по Семи девять копен.

За девкою за Мариною Яковлевою дочерью Черепова в вотчине двор вотчицын пустой с садом, да два двора крестьянских пустых. Пашни и перелогу добрые земли, и бортного ухожья с рыбными ловлями в вотчину за семь чети. Да в поместье за четверть в поле, а в дву по тому ж. Сена по реке по Семи тринатцать копен. Да за рекою за Семью в дву сеножатех жеребей.

За Григорьем Трифоновым поместье двор ево помещиков. Да на ево жеребей пашни и перелогу, и бортного ухожья с рыбными ловлями за четвертную пашню за четверть с полуосьминою и с четвериком в поле, а в дву по тому ж. Сена две копны. Да за рекою за Семью в дву сеножатех жеребей.

За Володимиром Киреевым двор ево помещиков. Да пашни и перелогу доброй земли и бортного ухожья, и рыбных ловель за четвертную пашню осьмина и с полутором четвериком в поле, а в дву по тому ж. Сена по реке по Семи одна копна.

За Семеном Ермаковым двор ево помещиков с вер{х}нею сторону пашни и перелогу, и бортного ухожья с рыбными ловлями за четвертную пашню осьмина и с полутором четвериком в поле, а в дву по тому ж. Сена одна копна.

За вдо{во}ю Марфою Петровою женою Черепова и за детьми за Кирилою, да за Андреем да за Микитою в деревне в Чаплищах в поместье двор ее помещиков с огородом и с садом. А во дворе у нее старин-

ные люди Федька да Яшка Петровы. Да бобыль во дворе Яшка Кондратьев, у него дети Оська да Стенька, да Васька. Да два двора пустых бобыльских. А по переписным книгам 186 (1678) году Афонасья Шишкина крестьянских и бобыльских дворов за нею не написано. Пашни и перелогу добрые земли и бортного ухожья с рыбными ловлями за четвертную пашню, за пять чети без третника в поле, а в дву по тому ж. Сена по реке по Семи девять копен.

Да в тех же гранях и межах прибыло по новому письму примерные земли в сенных покосех и в рыбных ловлях, и в лесных угодьях непашенной земли за четвертную пашню за двесте чети. И та примерная земля двесте чети отдана им же в оклады в поместье: Зиновю Панову четырнатцать чети, Ивану да Василью Андреевым детем дватцать восмь чети, Леонтью Иванову сыну семнатцать чети с осьминою, Григорью да Роману, да Артемью Иванову сыну четыре чети с осьминою. Вдове Марфе з детьми семнатцать чети с осьминою, Володимеру Кирееву две чети с осьминою, Григорью Трифанову четыре чети с осьминою. Да в вотчину Василью Иванову сыну дватцать восмь чети. Да девке Марине Яковлевои дочери дватцать пять чети, да в поместье три чети. Да в тех же гранях и меже сена по новому письму примерено триста копен. И та примерная сеножать отдана им же против их чети».

Согласно этой книге, на 1685 год в Чаплищах было 12 помещиков взрослых и трое их детей. Помещичьих дворов — 8 (из них один пустой). Помещичий двор Григория, Романа и Артемия Ивановых детей Череповых (см. рис. 2), двор Леонтия Черепова и двор вдовы Марфы Петровской жены (всего 3 двора) были с огородами и с садами. Имелось две вотчины: Василия Иванова сына и Марины Яковлевой дочери Череповых. У Василия в его вотчинником дворе было 2 дворовых человека. Два дворовых человека было также у вдовы Марфы. Вотчина Марины Яковлевой дочери Череповой (см. рис. 4) была в упадке: двор вотчинников был пуст, два двора крестьянских также были пустыми. Это и не удивительно — ей на то время было всего 6 лет. У ее отчима Зиновия Панова не было своего двора в Чаплищах, а два крестьянских двора Тимошки и Пашки Климовых были пустыми.

Что касается работников, то в 1685 году было 4 жилых двора бобыльских (в них 11 человек) и 7 жилых дворов черкаских (в них 10 человек). Всего 11 дворов. В них 21 человек. При этом 8 дворов крестьянских и бобыльских были пустыми. Отметим, как тенденцию, начало заселения Чаплищ черкасами. К этому времени они составляли половину работников. Эти же процессы шли и в других селах и деревнях.

Среди помещиков выделим двух новых, ранее не упоминаемых: Владимира Савельева сына Киреева и Семена Дмитриева сына Ермакова. Как они получили поместья в Чаплищах — это не известно. Судя по площади их земель (чуть более половины четверти у каждого), владения были совсем мелкие. Огороды и сады за ними не указаны, работников у них также не было. Работали они сами на себя.

Что касается Михайла Иванова сына Черепова, то он является внуком Василия Михайлова сына Черепова (см. рис. 3), имевшего поместье в Чаплищах с 1628 года. Ранее было сказано, что в 1679 году состоялся раздел поместий его деда в Чаплищах между ним и его отчимом Степаном Опышковым. К 1685 году отчима не стало. По этой причине в переписи присутствует только Михаил.

Вдова Марфа была женой Петра Иванова сына Черепова, дяди Леонтия — героя «пасечного» дела[144] (см. рис. 2). Петр указан владельцем поместья в Чаплищах в указанной выше переписи 1678 года. К 1685 году он умер. Отказная книга на передел его поместья не найдена.

Вотчина Василия Иванова сына Черепова к моменту межевания и переписи 1685 года находилась в залоге. В том числе и ее часть в Чаплищах. Это указано в этой же книге № 369 (см. разд. 1.5.1). К декабрю работы по межеванию в Чаплищах были завершены, но межевание продолжалось в других поместьях и вотчинах в Подгородном стане. Указанная запись о залоге вотчины была внесена тем же писцом, мелким почерком, позднее, перед подачей книги в Поместный приказ. Указанный залог был составлен таким образом, что Василий владел своей вотчиной до своей смерти[145]. А после его смерти вотчина должна быть разделена между Иваном Герасимовым сыном Шечковым и Василием Андреевым сыном Череповым (см. рис. 4).

[144] См. разд. 1.4.8.

[145] К этому времени Василий был бездетным и одиноким.

Дабы определить точно порядок этого раздела, Василий в 1689 году подал челобитную царю. По ней последовал ответ из Москвы, из Поместного приказа, с указанием составить отказную книгу на этот раздел. Рассмотрим фрагмент этой книги[146], касающийся деревни Чаплищи[147]: «Лета 197 (1689) февраля в 29 день по указу Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великой Государыни Благоверныя Царевны Софии Алексеевны всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцов и по грамоте ис Поместного приказу < … > Путивльские приказные избы подьячей Леонтей Селиванов ездил в Путивльский уезд в Подгородной стан в жеребей селища Чаплищи. < … > Отказал им, Ивану Шечкову да Ивану да Василью Череповым, тое вотчины в Путивльском уезде в Подгородном стану в полу деревни селища Чаплищ на реке на Семи пашни добрые земли и бортного ухожья с угодьи пять чети бес третника. Ивану Шечкову две чети с третником. А Ивану да Василью Череповым две ж чети с третником.

… Да им же Ивану Шечкову да Ивану да Василью Череповым в той же вотчине отказал в деревни Чаплищах двор вотчинников Василья Черепова. А в том ево дворе ево Васильев крепостной человек Тимошка Романов с сыном Гришкою. Да крестьян во дворе Серешка Черкашенин. Да дворища пустое ево вотчиникова Василья Черепова у вешелья {?} над рекою Семью по Мокшевицкой дороге, что ездят с Чаплищ на Мокшевицкий перевоз, с садом яблоновым и с грушевым. Да дворищы пустые крестьянские: дворыща… Жаденовское пустое с садом же яблоновым и с грушевым и с вишенным. Дворища пустое ж Жаденовское {далее фрагмент утерян}.

А тою вотчиною со всеми угодьи владеть ему, Василью Иванову сыну Черепову, по смерть ево, Васильеву. А после ево, Васильевой смерти, тою вотчинною со всеми угодьи владеть им, Ивану Шечкову да Ивану да Василью Череповым».

Как мы видим, вотчина Василия делилась между Иваном Шечковым и братьями Иваном и Василием Андреевыми детьми Черепова, а не только с Василием, как это было указано в книге № 369, в 1685 году. Из общего размера вотчины Василия Черепова 83⅔ четверти на долю деревни Чаплищи приходилось только 4⅔ четверти и еще 19 четвертей «на Святом озере в Титове дуброве да в деревни Чаплищах на верхней стороне на реке на Семи». У Василия в Чаплищах было 5 садов (2 яблочных, 2 грушевых и один вишневый). У него же был еще один вотчинниковый двор (пустой). Здесь же упоминается «дворище Жаденовское пустое». Это отголосок детектива с отбором (конфискацией) поместья у Василия Михайлова сына Черепова в 1634 году.

В 1693 году умер Леонтий Иванов сын Черепов (см. рис. 2). Он имел от отца поместье в Чаплищах. Оно описано в книге № 369 1685 года. Однако при разделе его поместий в отказных книгах его жены вдовы Дарьи и его детей Петра Большого и Петра Меньшого Чаплицкое поместье почему-то не указано.

В 1694 году Марина Яковлева дочь Черепова (см. рис. 4) вышла замуж за Федора Дмитриева сына Вощинина. 13 июня этого же года ее прожиточное поместье и вотчина были отписаны ее жениху[148]. В Чаплищах появился новый помещик — Федор Дмитриев сын Вощинин.

В 1701 году вотчина Марины была измерена и отказана повторно[149]. Была сформирована новая отказная книга. Она интересна тем, что в ней перечислены дворы в деревне Чаплищи и жители в них[150]: «В жеребью деревни, что было селище Чаплище, верхняя сторона. А в ней двор помещиков, где живал Федор Черепов со всем дворовым и хоромным строеньям, да усадищи крестьянские. А на тех усадищах живут крепосной крестьянин Ивашка Кочан с сыном Ивашкою же. Да павольно черкасы (в{о дворе}) Васько Швец, (в) Левко М…шок, (в) Данилко Карнеев, (в) Пашка Карнеев. Да усадища пустое да сад грушевый». Записку государю и саму эту книгу в августе 1702 года подал в Поместный приказ свекор Марины — Дмитрий Григорьев сын Вощинин. Ее муж, вероятно, в то время был на службе.

В 1698 году вдова Федора Андреевская жена Черепова (см. рис. 2) выходит замуж за Ивана Васильева сына Вощинина. Согласно его, Ивана, отказной книге от 9 апреля 1698 года, ей отписано[151]: «В деревни

[146] Полностью эта книга приведена в разд. 1.5.1.
[147] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 778–782.
[148] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10565. Л. 805–807.
[149] Причина этого не выяснена.
[150] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 278–278 об.
[151] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 141 об.

Чаплищах двор помещиков с огородом и со всем садом, на котором живет ныне она, вдова Федора. Смежно тот двор и огородом вдовы {Марфы} Петровской жены Черепова с сыном, да крестьян 3 двора».

На следующий, 1699 год умирает сын Федоры Петр Андреев сын Черепов. Его наследием занялся его родной дядя Никита (Микита) Петров сын Черепов. Он пишет челобитные царю на поместье покойного Петра и на прожиточное поместье его матери Федоры (которая уже как полтора года замужем за Иваном Вощининым). Одной и той же датой (16 августа 1699 года) оформляются две отказные книги. В первой из них он переписывает на себя поместье своего племянника Петра. В частности, в деревне Чаплищи[152]: «Пашни девять четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж, {подьячий Путивльской приказной избы} отказал путивльцу Миките Петрову сыну Черепову в поместье со всеми угодьи. Да ему ж Миките отказал в деревни Чаплищах умершего племянника ево Петра Андреева сына Черепова пол двора ево помещикова, в котором он жил с матерью своею, вдовою Федорою, з дворовым и огородным местом. На дворе строенье изба да клеть. На огороде сад яблонной и грушной. Да крестьян (в) Оська Заньков, у него сын Данилка, да брат Васька с полудвором отца их Осипа да Васькина, в котором дворе ныне живут брат их родной Стешка Заньков; во дворе Кирик Черкашенин, у него детей Ивашка да Данилка».

Обратим внимание на то, что Никита отписал себе половину помещикового двора, в котором жил покойный Петр со своей матерью Федорой. При этом Федора была еще жива. Фактически у здравствующей Федоры от отнимал принадлежащую ей часть двора. Более того, Никита тут же обменял половину этого двора Семену Лаврентьеву сыну Бершову[153].

Дальше, больше. В следующей челобитной Никита Черепов претендует на прожиточное поместье самой Федоры. Во второй его отказной книге ему было отписано[154]: «В деревне Чаплищах двор помещиков, где ныне живет он, Микита, со всем дворовым строением, да крестьяне: в{о дворе} Якушка Бокшеенок; (в) Ивашка Алтыновец з детьми с Андрюшкою да с Мартынкою, да з братом ево Николкою; (в) Исачка Черкашенин; (в) Паша Черкашенин». В заключительной части этой книги Никите предписано «племянника его Петра Черепова <…> да прожиточным поместьем матери своей вдовьиным Марфиным Черепова <…> владеть и ведать за собою».

Вполне естественно, что это не мог оставить без внимания новый муж здравствующей вдовы Федоры Иван Васильев сын Вощинин. Он пишет соответствующую жалобу царю, и 15 февраля 1700 года несправедливость устраняется. Вот фрагмент новой, уточненной, отказной книги Ивана Вощинина[155]: «Лета 1700 г. февраля в 15 день по челобитью путивльца Ивана Васильева сына Ващинина Путивльские площади подьячей Иван Люшин в Путивльской уезд, в Подгородной стан, в деревню Чаплищи в прожиточное поместье жены ево Ивановой Федоры ездил. Да в деревни Чаплищах двор помещиков с огородом и садом, и з дворовым строением, да два двора крестьянских: двор крестьянин Оська Яшкин з братом Ваською; во дворе Кирик Черкашенин, что было отказано по ложному челобитью в прошлом, в 207 (1699) году, путивльцу Никите Петрову сыну Черепову, отказал ему, Ивану Васильеву сыну Ващинину, в поместье со всеми угодьи. И велел ему, Ивану, владеть тем поместьем и двором помещиковым, и крестьяны, каторые были преж сего ему Ивану отказаны по прежним и по сим отказным книгам. А Никите Черепову тем вышеписанным поместьем пашнею шестью четьми с осьминою в поле, а в дву по тому ж, со всякими угодьи и двором помещиковым с агородом и садом, и с усадьбами и крестьяны владеть не велел». Семену Лаврентьеву сыну Бершову, похоже, пришлось «переиграть» свой обмен с Никитой.

В этом же, 1700 году Никита Петров сын Черепов умер. Уже в январе следующего, 1701 года дети Леонтия Черепова Петр Большой и Петр Меньшой (см. рис. 2) подали челобитную царю на раздел поместий Никиты, обосновывая это тем, что, кроме них, никаких близких родственников у него нет. Вот эта челобитная[156]: «Великому Государю Царю и Великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу бьют челом холопи твои Петрушка Большой да Петрушка Меньшой Леонтье-

[152] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10566. Л. 127–128.
[153] Там же. Л. 170–184 об.
[154] Там же. Л. 138–140 об.
[155] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 344–345 об.
[156] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 924. ДСЛ. Кн. 10598. Д. 21. Л. 137 об.

вы дети Череповы. В прошлых годех дяди нашего двоюродного Микиты Петрова сына Черепова не стало. А после него жены и детей, и братьев родных, и племянников кроме нас, холопей твоих, никого не осталось. И поместейца, Государь, за дядею нашим было в Путивльском уезде в Подгородном стану в розных местех в разных деревнях. И то, Государь, дяди нашего поместьеца за нами, холопи твоими, не справлены. Милостливый Государь Царь и Великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец, пожалуй нас, холопей своих, вели, Государь, то дяди нашего поместье за нами, холопи твоими, справить и дать свою, Великого Государя, отказную грамоту. Великий Государь, смилуйся». К концу февраля 1701 года была оформлена отказная книга братьям Петру Большому и Петру Меньшому на поместья Никиты Петрова сына Черепова. Вот ее фрагмент, касающийся Чаплищ[157]: «Да им же Петру Большому да Петру Меньшому Леонтьевым детям Череповым отказал в деревни Чаплищах двор помещиков дяди их Микиты Черепова со всяким дворовым строеньям з дворовым и огородным местом. А в огороде сад яблоновой и грушевой, в котором дворе жил дядя их Никита Черепов. Да крестьян: во дворе Якушка Бакшеев з братом Микиткою; во дворе Ивашка Алтыновец з братом Николкою; во дворе Пашка Колесник з братом Мокаркою; да дворища пустое Исачки Черкашенина. < … > Да против деревни Чаплищ за рекою за Семью на поляне сенной покос». Получается, что у сыновей Леонтия в поместье в Чаплищах оказались владения деда их Ивана Иванова сына Черепова и их дяди Никиты.

К этому времени уже умерли клепальский помещик Зиновий Панов (в 1698 г.) и его жена Прасковья (в 1699 г.) (см. рис. 4). Их единственная дочь Марья в 1699 году была выдана замуж за стольника Ивана Григорьева сына Анненкова. Ему, собственно, и перешло поместье Зиновия Панова в Чаплищах. Это отражено в его, Ивана, отказной книге от 24 сентября 1699 года[158]: «Деревня Чаплища. А в ней крестьянин руской (в{о дворе}) Гришка Михайлов сын Кочанов, у него брат родной Емелька, у Гришки дети Ивашка двенатцати {и еще четверо детей}. В той же деревне пустые пришлых черкас дворовые места {два дворовых места}».

В марте 1702 года по указу стольника и воеводы Ивана Григорьевича Анненкова[159] была составлена отказная книга на поместья и вотчину Федора Иванова сына Черепова[160]. Эту вотчину, как было указано выше, Федор получил в 1677 году и после его смерти за вотчину и поместья шли споры между его потомками: Василием, Иваном, Федором и Афанасием Андреевыми детьми Череповыми, Мариной Яковлевой дочерью Череповой (и ее мужем Федором Вощининым) с одной стороны, и Зиновием Пановым, его женой Прасковьей и дочерью Марьей (в лице ее мужа Ивана Григорьевича Анненкова) — с другой. Цель этой отказной книги — зафиксировать владения этой вотчиной и поместиями по состоянию на 1702 год. Вотчина и поместья включали в себя и владения в Чаплищах, что позволяет увидеть распределение этих земель по состоянию на 1702 год.

Итак, вот что указано в этой отказной книге: «Им Василью да Ивану, да Федору, да Афанасью Череповым того вышеписанного Федорово поместья, что после ево Федора поместье за сыном его за Яковом Череповым в жеребью деревни, что было селище Чаплищи две чети с осминою и с третником и с малым третником. А вдовы Просковьи жеребей пол осмины бес пол пол третника. А дочери Марине пол третника с малым третником.

Да им же, Василью да Ивану Череповым с братьями, по передельным книгам 193 (1685) году отказали на том их поместье на их жеребей крестьян в деревне Чаплищи двор помещиков. А в том дворе живет вольной человек черкашенин Семен Швец да три двора крестьянских.

А за стольником и воеводою Иваном Григорьевичем Анненковым в том же Федоровом поместье, на которое было по передельным книгам 193 (1685) году написано за вдовою Прасковьею Зиновьевскою женою Панова, оставили на ево жеребей крестьянских и бобыльских дворов в деревни Чаплищах: два двора пустых, что наперед сего жили крестьяне его.

А за Федором Вощининым в том же Федора Черепова поместьи и вотчине оставили … в жеребью деревни Чаплищи двор помещиков, где он, Федор, ныне живет. Да крестьянских дворов {3 двора} да селище пустое Василья Друшляка».

[157] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10589. Л. 456.
[158] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 324.
[159] Должность воеводы в Путивле Иван Григорьевич Анненков получил в 1700 г.
[160] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10589. Л. 499 об. – 504.

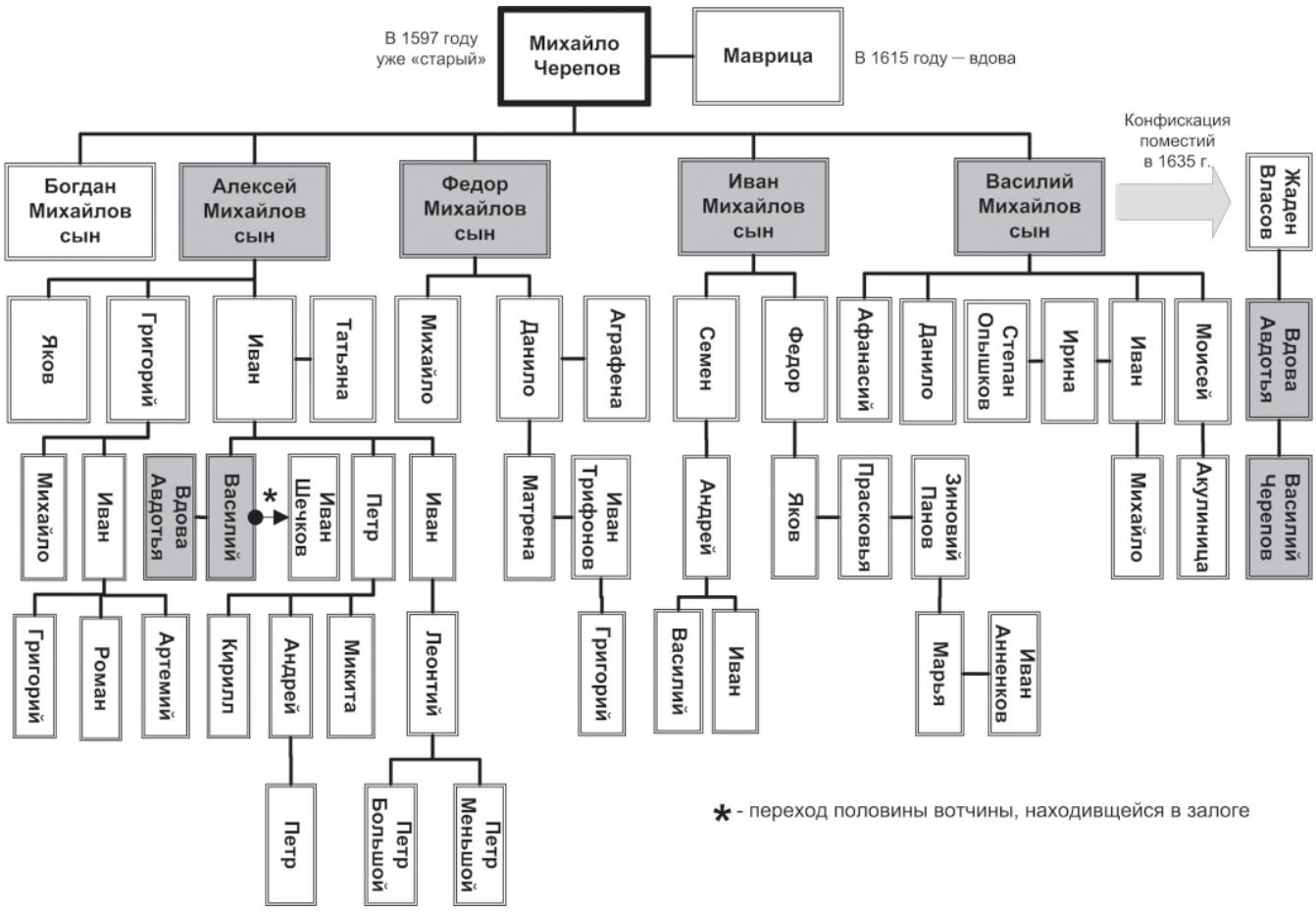
По итогу XVII века мы видим, что в Чаплищах было большое число мелких усадеб. Самые крупные из них насчитывали по три двора крестьян или бобылей. Вольных черкас в Чаплищах было сравнительно мало, и их количество было соизмеримо с числом местных работников. Состав жителей Чаплищ (крестьян, бобылей и черкас) был весьма переменчив и обновлялся с периодом буквально в несколько лет. Ввиду этого наблюдается большое число пустых дворов.

Земельные наделы также были незначительными — максимум по нескольку четвертей. Это связано с тем, что в Чаплищах было мало доброй пахотной земли. При малом количестве возделанной земли не было смысла набирать дополнительную рабочую силу из переселенцев — вольных черкас. В это же время в соседних селениях: в селе Клепалы, в деревнях Карпиловке и Дьяковке — число черкасских дворов уже перевалило за сотню. Но там и земель было несравнимо больше. В окрестностях Карпиловки, например, общая площадь земельных наделов была равна 1000 четвертей в поле, а в дву по тому ж.

Что касается помещиков Чаплищ, то их костяк составили потомки Михаила Черепова и его жены Мавры, умерших в самом начале XVII века[161], а также их детей — братьев Василия, Ивана, Федора, Богдана и Алексея. Остальные владельцы были мужьями дочерей или вдов потомков этих братьев. Они владели совсем мелкими поместьями (доли одной четверти) и работали на себя. Работников у них не было.

Ниже представлены «поколенные росписи» Череповых в XVII веке. Помещики, имевшие поместья в Чаплищах выделены цветом. На общей схеме (рис. 1) цветом указаны помещики Чаплищ по состоянию на 1621 год. В комментариях указываются (где это известно по результатам исследований) годы владения этими поместьями, а также даты их смерти.

Рис. 1. **ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ ЧЕРЕПОВЫХ — ВЛАДЕЛЬЦЕВ ДЕРЕВНИ ЧАПЛИЩИ В XVII ВЕКЕ**



[161] В отдельной книге 1593–1594 гг. (№ 367) Михаил Черепов указан как «старый».

Рис. 2. **ПОТОМКИ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВА СЫНА ЧЕРЕПОВА**

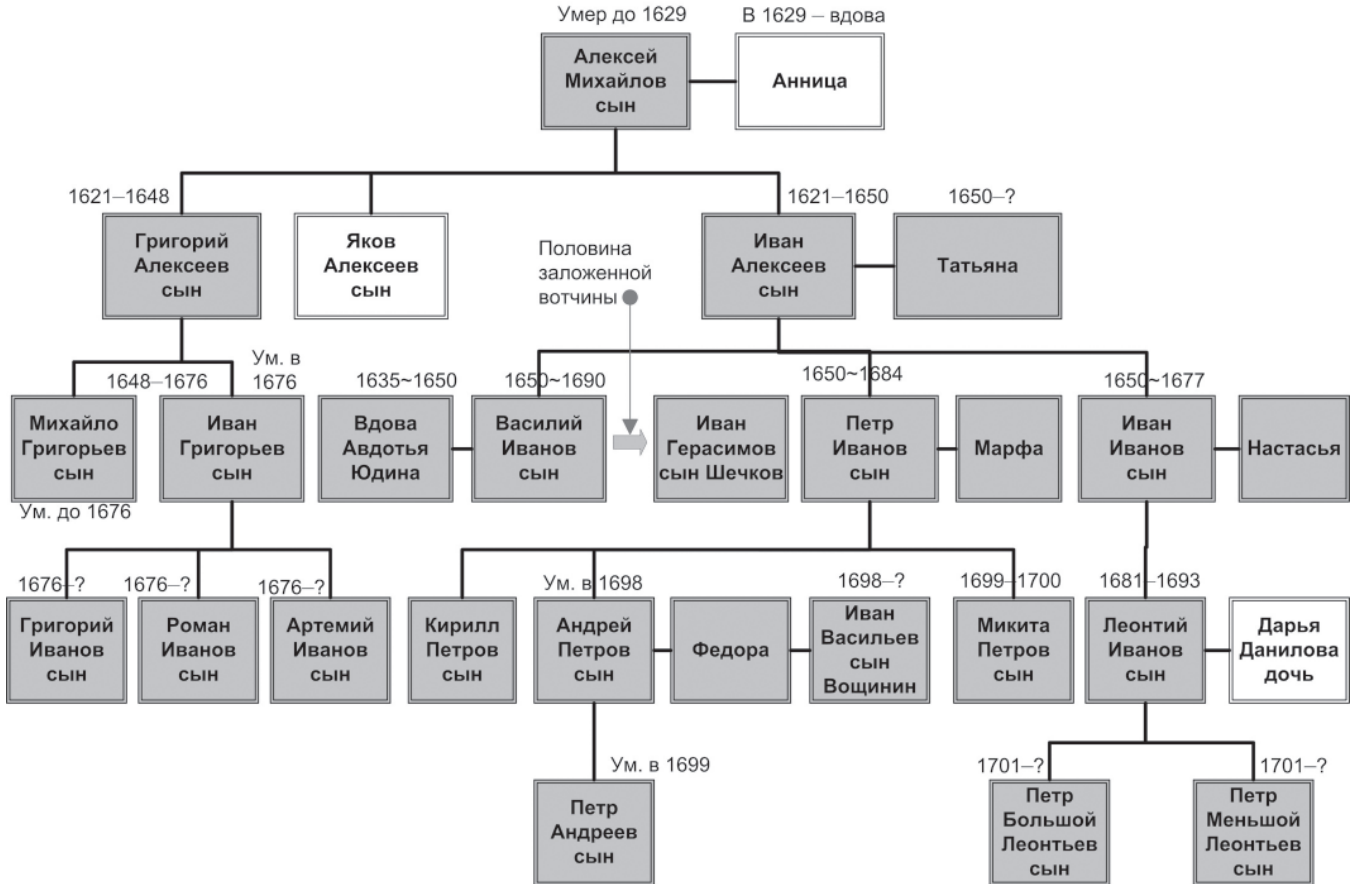


Рис. 3. **ПОТОМКИ ВАСИЛИЯ МИХАЙЛОВА СЫНА ЧЕРЕПОВА**

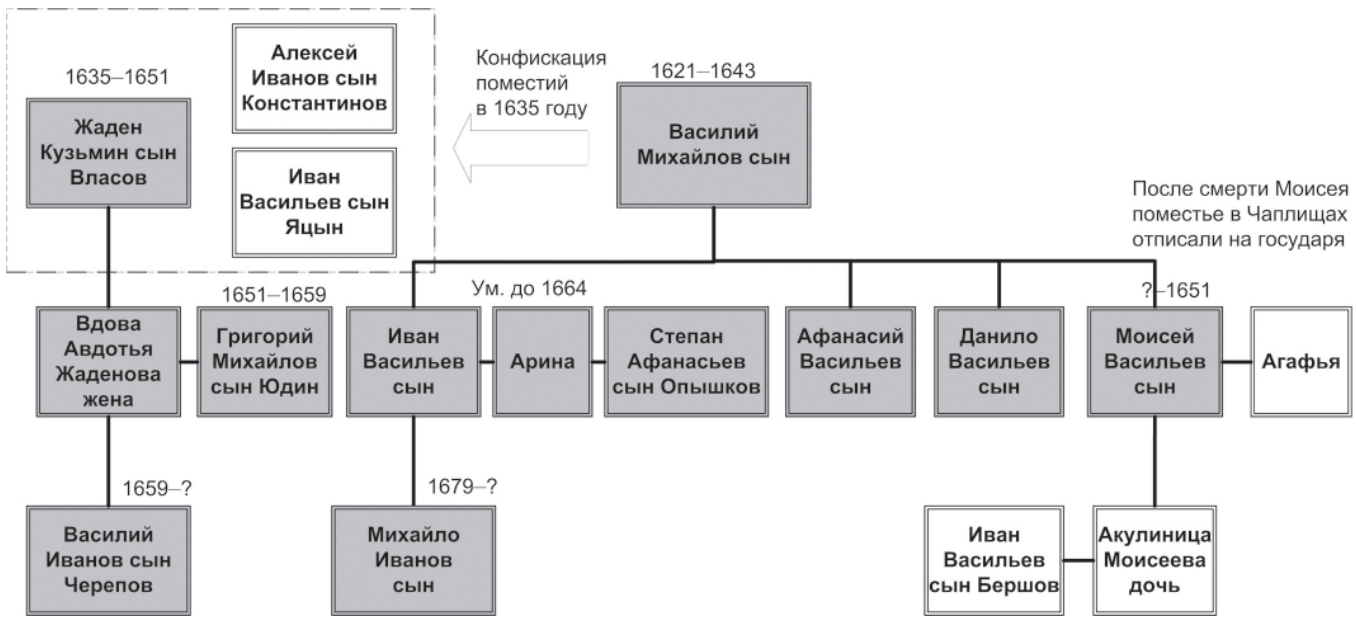


Рис. 4. **ПОТОМКИ ИВАНА МИХАЙЛОВА СЫНА ЧЕРЕПОВА**

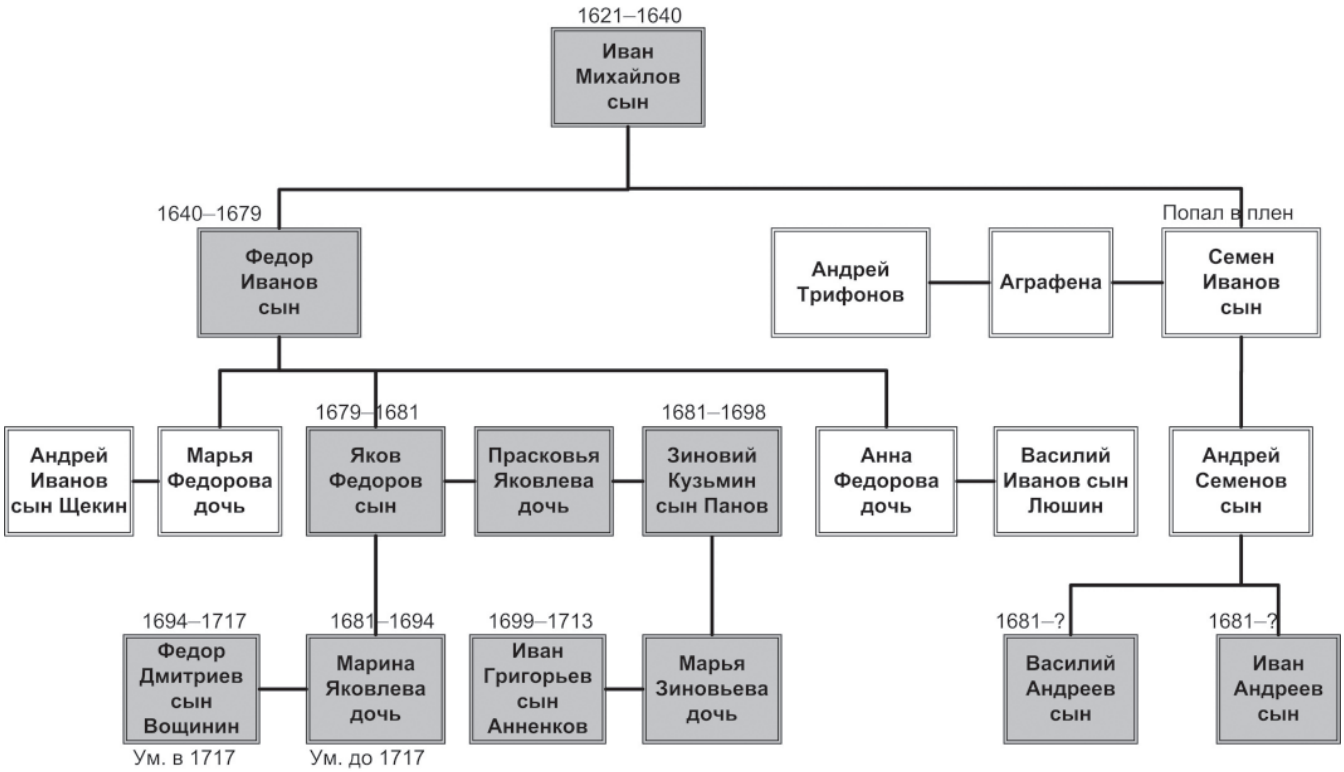
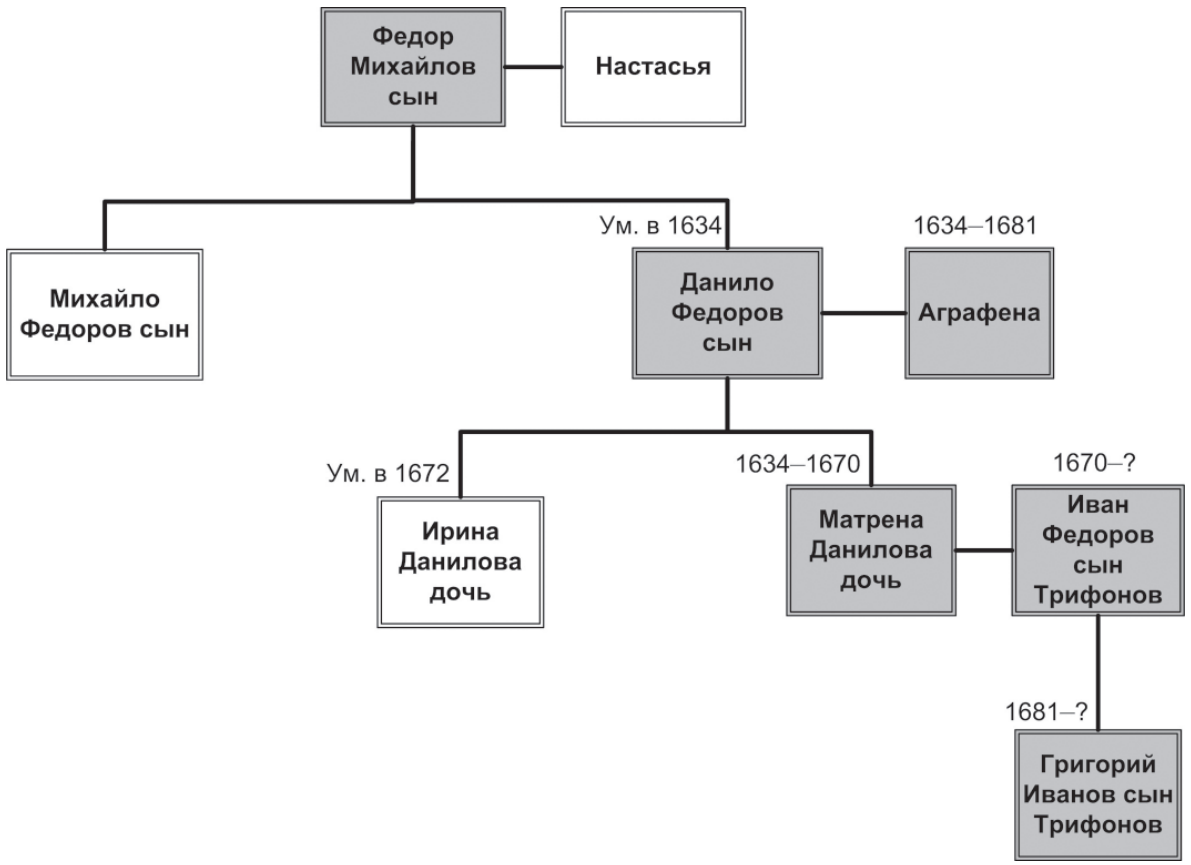


Рис. 5. **ПОТОМКИ ФЕДОРА МИХАЙЛОВА СЫНА ЧЕРЕПОВА**



1.5.4. Угодья помещиков в окрестностях деревни Чаплищи

Основными угодьями клепальских и чаплинских помещиков в этом месте были сенные покосы по реке Семи, рыбные ловли в реке и окружающих озерах, а также добыча меда в Чаплицком бортном ухожее. Локализация этих природных объектов была выполнена ранее, в разд. 1.2 и 1.3.

Первое детальное перечисление угодий помещиков деревни Чаплищи представлено в книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553). Они были разделены между помещиками Череповыми: Иваном, Васильем и Федором Михайловыми детьми Череповыми, а также их племянниками Григорием и Иваном Алексеевыми детьми.

Итак, обратимся к книге № 10553[162]. Вот перечень угодий Ивана Михайлова сына Черепова, его брата Василия и их племянников Ивана и Григория:

«А лес дровяной {ему, Ивану Михайлову сыну} вопче з братом его с Васильем да с племянники с Григорьем да сЫваном Череповыми по их помесной земле и за рекою за Семью против усадища по лугу и по островком в их ухожью.

Да к тому ж селищу {Чаплищам} вопче з братом ево Васильем в поместье половина бортного ухожея в Чаплищах с рыбною и звериною ловлею, и з бобровыми гоны, и со вспуды, и с перевесьи, со всеми угодьи, что к тому ухожью истари потягло. А знамя в том бортном ухожью кольцо. А другая половина того ухожья бортного за племянники их, за Григорьем да за Иваном Олексеевыми детьми Черепова. А ходят в тот ухожей бортной Иван да Василей в задней кобице, а Григорей да Иван Алексеевы дети в передней кобице.

А на ево, Иванову, половину вопче з братом ево с Васильем тово пол ухожья рыбная ловля по обе стороны реки Семи: озерко Васильевское, озеро Чапль, озерко Тихое, озерко Еричья, озерко Долгое посторонь озерка Тихова. Речка Безуевка да три озеренки малых, под вершком затон, вершок речки Речица, озерко Ворапаев, озерко Долгое посторонь озерка Васильевского, затон Долгой ниже озерка Ворапаева подле речки Речицы, озерко Веребки, озерко Круглое, озерко Сосенка, озерко Обыток, озерко Чернышово подле озера Обыток, озерко Перекоп, озерко Хрестцы, затон Котельной, озерко Кривое. Да сверх озерка Кривого две озеринки малых посторонь озерка Тихова, озерко Избное под усадищем. Да вопче з братом ево с Васильем же да с племянники з Григорьем, да с Ываном Череповыми рыбная ловля по реке по Семи по городцкой стороне от Васильева Волынцова да от Митреева, да от Васильева поместья Карповых деревни Дороголевы, от усть озера Мертвые Вети вниз рекою Семью правой берег по Ильинской ухожей бортной, по устье озера Колчея. А по другую сторону от Илинского ж бортного ухожея от Выгорева городища, от первого лошка, что ложок ниже Выгорева городища, да вверх рекою Семью ж по Васильево поместье Волынцова с товарыщи, по Глядячее перевесье, да по Орлово Гнездо Старое верх речки Безуевки и лоз. Да по ложок, что подшол под Вирскою дорогу. За ними ж вопче озерко Нижнее Обыток против Боровенского переволока.

Да колодезь Большой Клепальской под городищом, да колодезь ниже Большого Клепальского колодезя впал в озеро в Клепало, да колодези верх Большово колодезя Клепальского, которые идут ис-под городища впали устьями в озеро в Клепало ж ниже и выше. Да колодезь посторонь озера Клепала, да колодезь Большой ниже озера Миличь у Верхних гор, да колодезь у Нижних гор на зарецкой стороне ниже озера Влукова. И с ыными колодези и с упалыми, и з забережными струги, и с стоки, и с малыми озерками, и с вешними розлои, с язовищи, и со всеми угодьи за четвертную пашню доброю землею на ево, Иванов, жеребей за одиннатцать чети с осьминою.

Да за Иваном же Череповым вопче з братом ево ж Васильем сенные покосы по городецкой стороне от струги, что струга вышла с лощины от бора, а впали в озеро в Боровню. Да вверх Боровнею по вязки и по бор. Да по другую сторону озера Боровни по озеро по Калитки. Да за рекою за Семью на Поляне сеножать гряда к перевесью, да сеножать гряда другая под ольхом».

[162] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 63–67.

Иван, его брат Василий, племянники Иван и Григорий пользовались этими угодьями совместно. Братьям Череповым с племянниками принадлежал весь Чаплицкий бортный ухожей. Половина — Василию и Ивану, а другая половина их племянникам. Они же имели в совместном владении рыбные ловли по реке Семи и во всех озерах от Выгорева городища и до селища Байдурское (ныне село Пески). В этих же межах разрешалось рубить дрова в «дровяных» лесах. Им же принадлежали все источники воды (колодези), а также сенные покосы по долине реки Сейм от Выгорева городища до верховий речки Безуевки.

Спустя полвека, в 1686 году, было проведено детальное межевание указанных угодий[163]. Эта межа детально исследовалась при локализации озер в долине реки Семь (см. разд. 1.3.). Здесь мы покажем только результат (рис. XVIII). Межа показана красной линией.

К этому времени число владельцев значительно выросло. Соответственно, сами угодья начали делиться на более мелкие доли.

Вот, к примеру, как разделили сенные покосы — основной ресурс этой местности[164]:

«За Зиновьем Пановым сена по реке по Семи девять копен. Да за рекою за Семью в дву сеножатех жеребей.

Да за Васильем Череповым сена по реке по Семи пятнадцать копен.

За Григорьем да за Романом, да за Артемьем Череповыми сена по реке по Семи дватцать пять копен.

За Иваном да за Васильем Андреевыми детьми сена по реке по Семи тритцать копен. Да за рекою в дву сеножатех жеребей.

За Михайлою Череповым в деревне Чаплищах сена по реке по Семи три копны.

За Леонтьем Череповым в деревне Чаплищах сена по реке по Семи девять копен.

За девкою за Мариною Яковлевою дочерью Черепова сена по реке по Семи тринатцать копен. Даза ре кою за Семью в дву сеножатех жеребей.

За Григорьем Трифоновым за рекою за Семью в дву сеножатех жеребей.

За Володимиром Киреевым сена по реке по Семи одна копна.

За Семеном Ермаковым сена одна копна.

За вдовою Марфою Петровою женою Черепова и за детьми за Кирилою, да за Андреем, да за Микитою сена по реке по Семи девять копен».

Всего здесь указано 115 копен сена, или 12,6 га сенокосов. Это заниженное значение, поскольку в этом перечислении не всегда приводятся показатели сенокосов в копнах сена.

А так распределились рыбные ловли в указанных выше озерах:

«Да за ними ж за Зиновьем Пановым, да за Иваном, да за Васильем Андреевыми детьми, да за Васильем Ивановым сыном, да за Михайлом Ивановым сыном Череповыми, да за Григорьем Ивановым сыном Трифановым, да за Володимером Савельевым сыном Киреевым, да за черниговцом за Семеном Дмитриевым сыном Ермаковым да за девкою Мариною Яковлевою дочерью Черепова рыбная ловля по обе стороны реки Семи. Озерко Васильевское, озерко Чапль, озерко Тихое, озерко Еричее, озерко Долгое посторонь озерка Тихова, речка Безуевка. Да три озеринки малых, под вершком затон, верх речка Речица из реки ис Семи вышла и в реку Семь впала, озерко Воропаев, озерко Долгое посторонь озерка Васильевского, затон Долгой ниже озерка Ворыпаева подле реки Речицы, озерко Веребки, озерко Круглое, озерко Сосенко, озерко Обыток, озерко Чернышево подле озера Обыток, озерко Перекоп, озерко Хресцы, затон Котельной, озерко Кривое. Да сверх озерка Кривого две озеринки малых посторонь озерка Тихова, озерко Избное под усадищем.

Да им же вопче сыными товарищи рыбная ловля по реке Семи по городцкой стороне от Леонтья Волынцова с товарыщи деревни Дороголевы, от усть озера Мертвые Вети вниз рекою Семью правой берег по Ильинской ухожей бортной, по усть озера Колчева. А по другую сторону от Выгорева городища от первого лошка, что ложок ниже Выгорева городища. Да вверх рекою Семью по Глядачее перевесье, да по Орлово Гнездо Старое. Вверх речки Безуевки лоз, да по ложок, что подшол под Вирскую дорогу. Да за ними ж вопче озерко Нижней Обыток Боровенскева переволоку.

[163] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 69 об. – 71.

[164] Там же. Л. 67 об. – 69 об.

Григорью Иванову сыну з двемя братьями родными на их половину по роздельной записи озеро Боровня, затон Миличь, озерко Боровое Круглое под бором, озерко Малое верх Милича, озерко Вязки, озерко Хомут, озерко Деменино, озерко Малое выше озера Деменина.

Да им же половина в озерке Нижнем Обыток против Боровенскова переволока. И с верхними озерками, которые выше Миличь, вниз Боровнею по брот, по нижней лесок Ковта, от нижнева леска по дорогу, что дарога пошла к озерку Миличам по устья Милицкого колодезя, по Обыток и по большую прость, где их дача зашла».

Жители деревень Клепало и Чаплищи, а также деревни Выгоревки также могли заниматься рыбным промыслом, но только для своего потребления, не на продажу.

Что касается Чаплицкого бортного ухожея, то он был разделен на всех владельцев, однако описание этого межевания в книге Семена Муромцева 1684–1686 годов (№ 369) не приведено. Указаны только доли в нем, приведенные к налоговым единицам (эквиваленты площади пахотных земель за четвертную пашню). К примеру[165]: «За Зиновьем Пановым <…> пашни паханые и перелогу добрые земли и бортного ухожия с рыбными ловлями за четвертную пашню три чети в поле, а в дву по тому ж».

Что касается сенных покосов, то распределение наделов между помещиками во второй половине XVIII века и в XIX веке в этой работе не рассматривается. Желающие исследовать эту тему могут обратиться в РГАДА (фонд 1354 «Планы дач генерального и специального межевания», опись 219 «Курская губерния, Путивльский уезд», части 1 и 2).

[165] Там же. Л. 69 об.

Цветная вкладка к главе 1 «XVII век»

К разд. 1.4.1. «ПУСТОШЬ КЛЕПАЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ»

Рис. I. **Три поля на межевом плане села Клепалы. 1782 г.**
(РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. К-24 (синий). Клепало село)

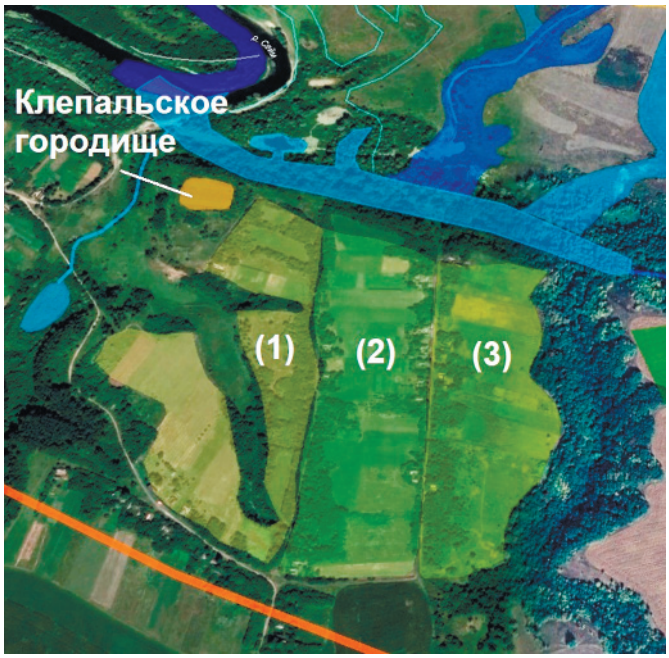


Рис. II. **Реконструкция трех полей Клепальского городища.1628 г.**

К разд. 1.4.2 «ИВАН МИХАЙЛОВ СЫН ЧЕРЕПОВ»

Рис. III. **Городовой дворянин из поместной конницы из замосковских городовых служилых корпораций 1630–1640 гг. на «береговой» службе. Авт. О.П. Фёдоров**

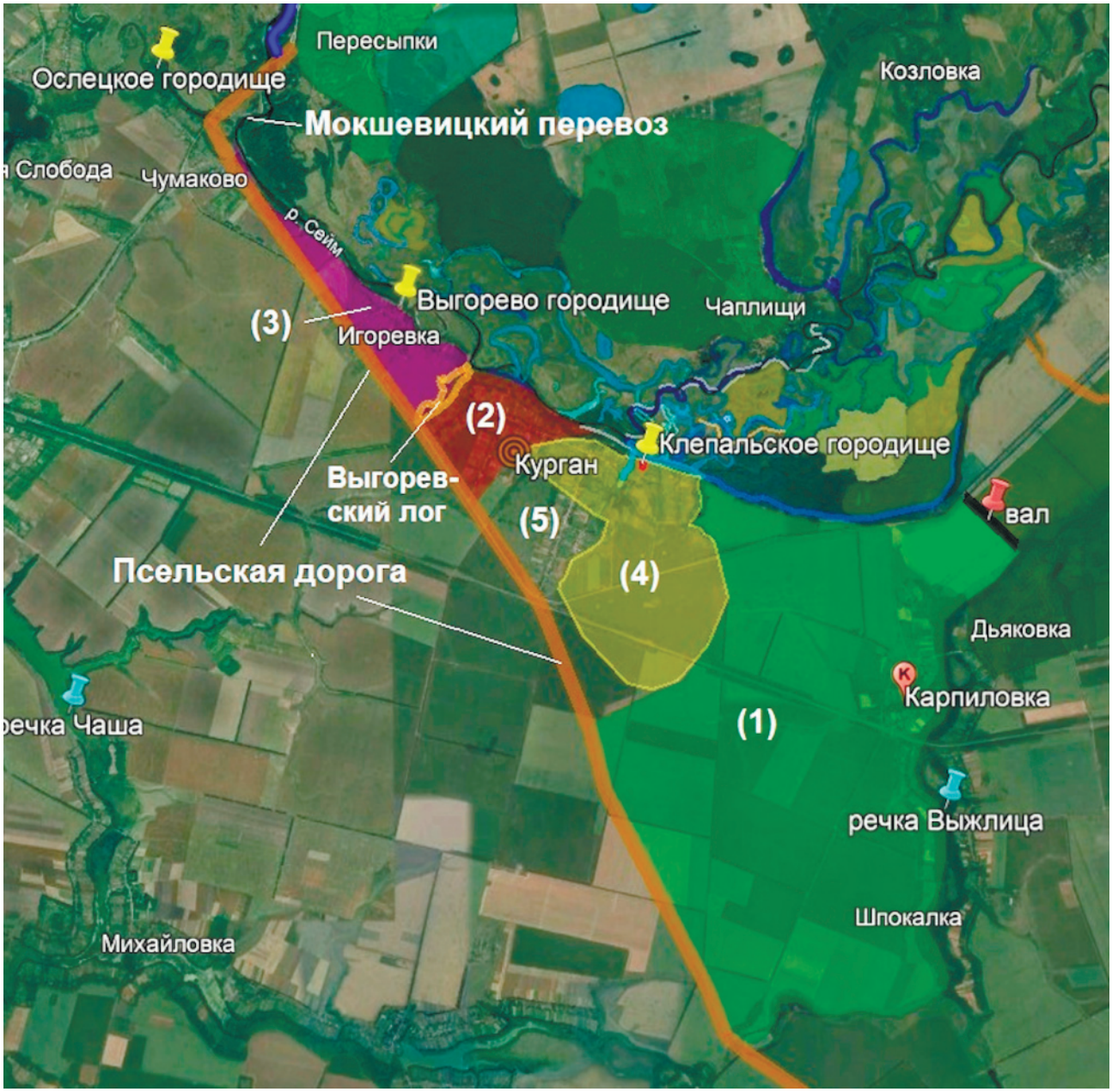


Рис IV. **Реконструкция межи «порозжих» земель. 1628 г.**

(1) — пустошь в верховьях Выжлицы (см. разд. 1.2.4);
(2) — пустошь Дикое поле (см. разд. 1.2.1);
(3) — пустошь Выгорево городище (см. разд. 1.2.3);
(4) — земли поместья Клепальского городища Ивана Михайлова сына Черепова (см. разд. 1.2.1);
(5) — земли, не попавшие в межи 1628 года. Немногим позднее, в 1685 году, эти земли были «примежеваны» к поместью клепальского помещика Зиновия Панова

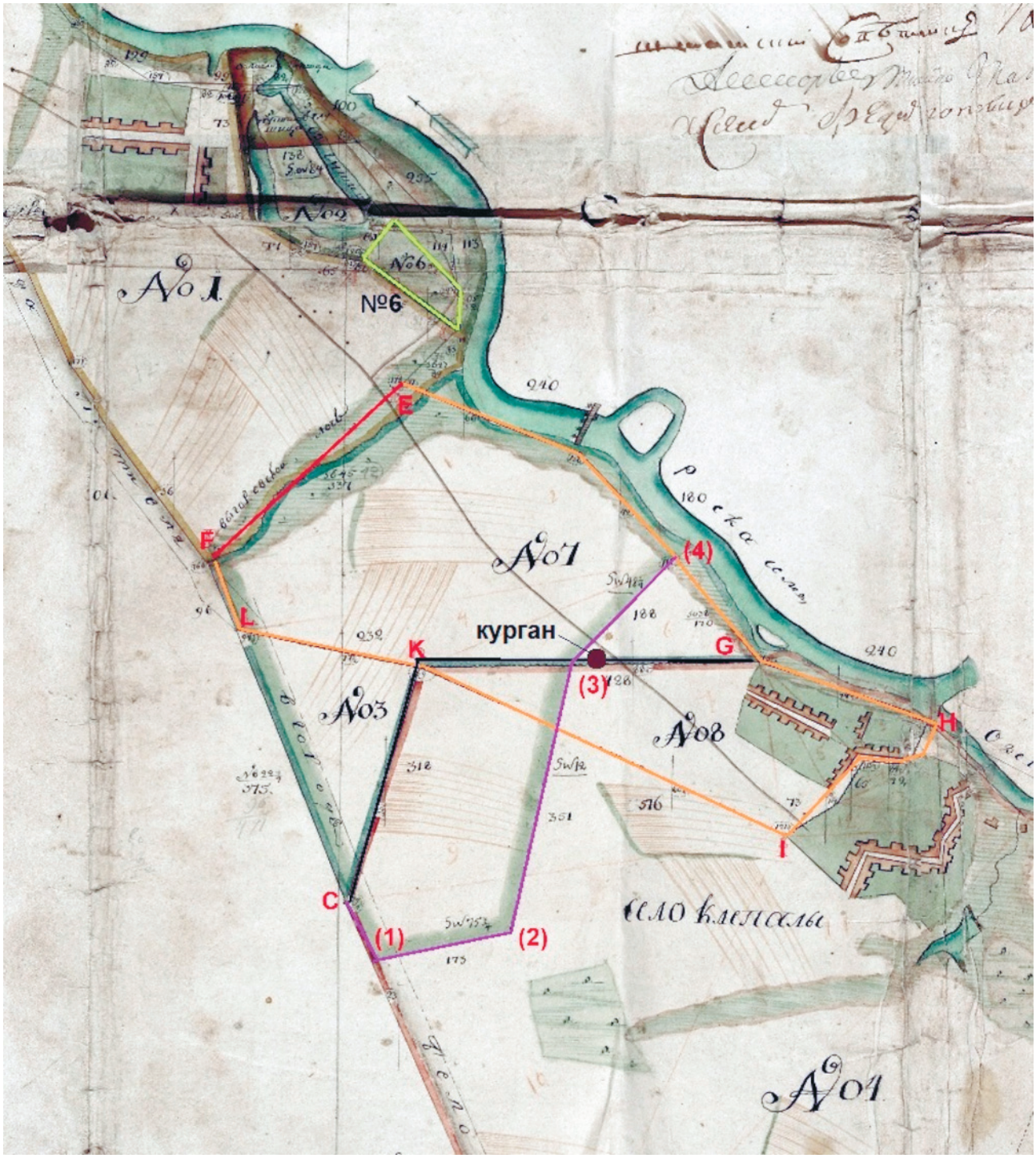


Рис. V. **Межи на Диком поле (спорный план 1782 г.)**
(РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4775).

E, **G**, **H**, **I**, **K**, **L**, **F** — межа Данилы Лихачева, 1650 г.
C, **K**, **(3)**, **G** — межа Михаила Гамалеи, 1765 г.
(1), **(2)**, **(3)**, **(4)** — межа, представленная помещиками Масалитиновыми, 1782 г.

К разд. 1.4.7 «ЗИНОВИЙ КУЗЬМИН СЫН ПАНОВ»

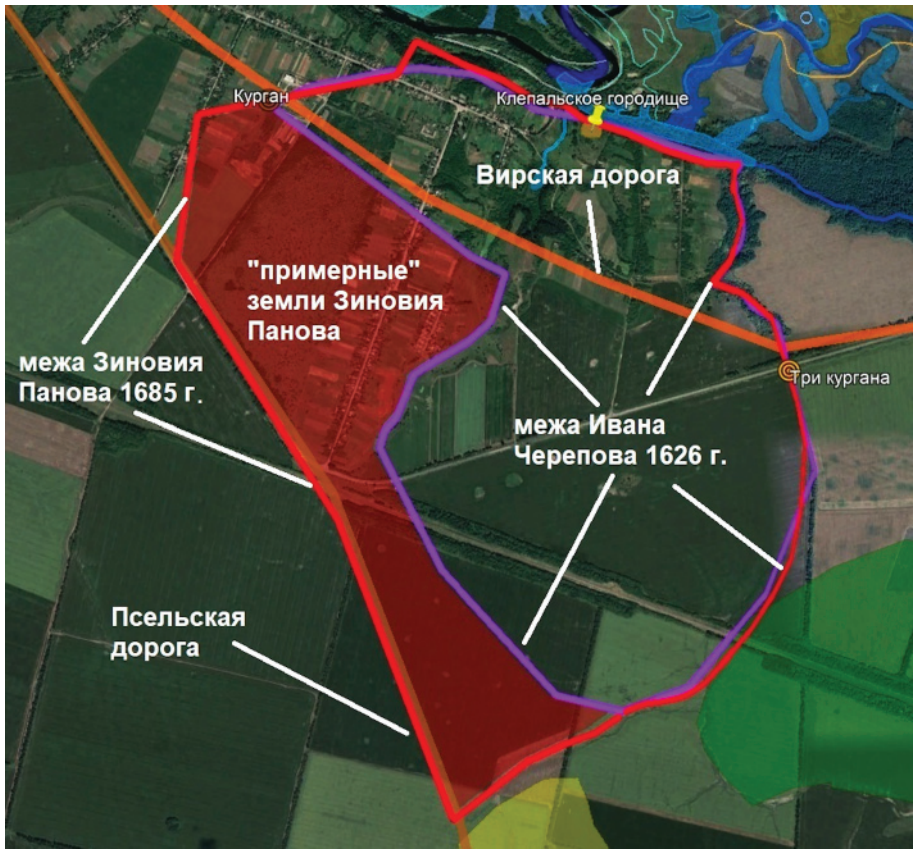


Рис. VI. **Примерные земли Зиновия Панова. 1685 г. (реконструкция)**

К разд. 1.4.8 «СПОР О ПАСЕКЕ»

Рис. VII. **Положение кургана на Диком поле на чертеже окрестностей деревни Клепало. 1685 г.**

(РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. Ст. 1066. Л. 49–50)

А — расстояние от Печковского лога до Клепальского лога;

Б — расстояние от Клепальского лога до кургана на Вирской дороге на Диком поле; (версия помещика Никиты Щекина 1685 г.)

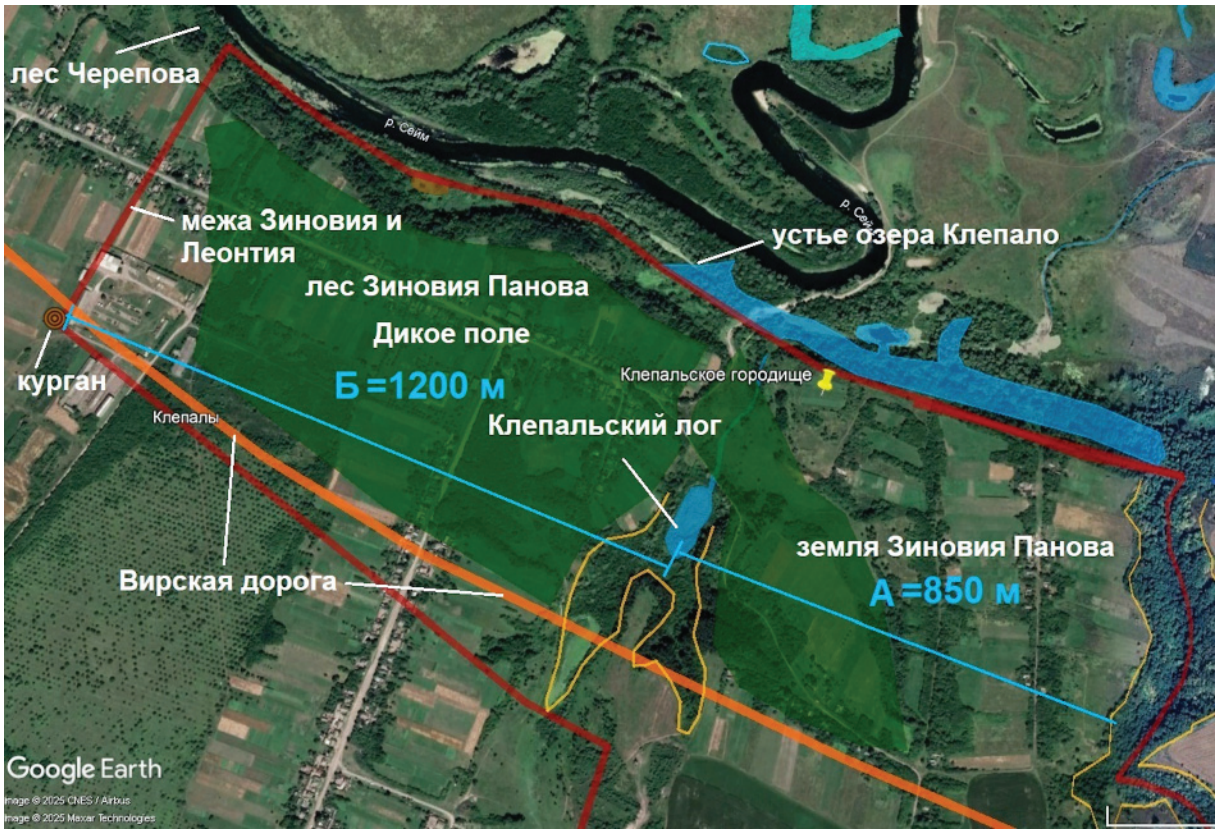


Рис. VIII. **Положение кургана на Диком поле на реальной местности**

А — расстояние от Печковского лога до Клепальского лога;

Б — расстояние от Клепальского лога до кургана на Вирской дороге в Диком поле;
(реконструкция на современной местности).

К разд. 1.4.9 «ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ КЛЕПАЛЫ»

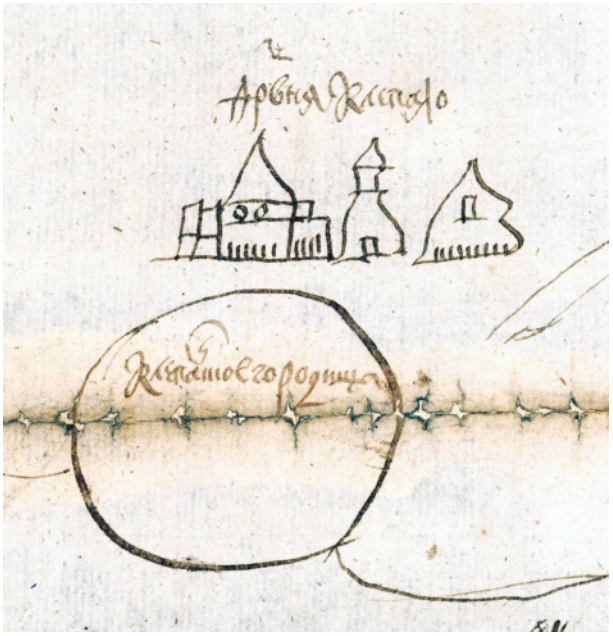


Рис. IX. **Недостроенная церковь на чертеже окрестностей деревни Клепало. 1685 г.**

Рис. X. **Село Клепало на Плане окрестностей Путивля. 1690-е гг.**

Рис. XI. **Церковь на межевом плане села Клепалы. 1782 г.**

Рис. XII. **Церковь на плане дачи К-24 села Клепалы (крупно). 1782 г.**

Рис. XIII. **Церковь на спорном плане 1788 г.**

Рис. XIV. **Церковные земли на межевом плане села Клепалы. 1782 г.**

Рис. XV. **Реконструкция межи поместья и вотчины Василия Черепова на речке Выжлице. 1694 г.**

Рис. XVI. **Реконструкция межи путивльских помещиков на правой стороне речки Выжлицы (выделена белым цветом). XVII в.**

К разд. 1.5.2 «ДЕРЕВНЯ ВЫГОРЕВКА В XVII ВЕКЕ»

Рис. XVII. **Деревня Выгоревка на плане окрестностей города Путивля. 1690-е гг.**
(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Рыльск. Ед. хр. 30165. Л. 6/н.)

К разд. 1.5.4 «УГОДЬЯ ПОМЕЩИКОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ ДЕРЕВНИ ЧАПЛИЩИ»

Рис. XVIII. **Угодья помещиков в окрестностях деревни Чаплищи в XVII в. (реконструкция). Межа выделена красным цветом**

Глава II

XVIII век

Раздел 2.1.
Село Клепалы и клепальские помещики в XVIII веке

2.1.1. Иван Григорьев сын Анненков

Сведений о личности Ивана Григорьевича Анненкова удалось найти немного. Вот что удалось обнаружить в Боярских списках 1700–1714 годов, хранящихся в РГАДА[1]: «Анненков Иван Григорьевич, стольник, "с отцом" в Батурине, Путивле (1700), в Путивле (1703), подполковник (1703), в начальных людях[2] (1706, 1710), полковник».

Отец Ивана — Григорий Иванович — был генералом. Об этом сообщает его внучка, дочь Ивана Анненкова Марфа[3]: «Дед мой Григорей Иванов сын Анненков генерал маеор також и отец меня нижайшей Иван Григорьев сын Анненков подполковник в прошлых годех служили Вашего ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА высокомонаршему всероссийскому престолу в непоколебимой верности своей».

У Ивана был брат Андрей. Он упоминается в доношении в Киевскую губернию, содержащемся в отказной книге Андрея Григорьева сына Анненкова 1710 года[4]: «Отказано за прапорщиком за Андреем Григорьевым сыном Анненковым брата ево родного подполковника Ивана Григорьева сына Анненкова вотчина».

Иван Григорьевич к 1698 году был вдов. От первого брака у него был сын Богдан. Жена Богдана — Ирина. Она упоминается в переписной книге 1719 года[5]: «Мельница на речке Выжлицы Ивана Анненкова. А ныне невестки ево вдовы Ирины Богдановской жены Анненкова». Стало быть, сын Ивана Анненкова Богдан умер ранее 1719 года.

У Богдана был сын Григорий. Григорий и Андрей упоминаются в деле Семена Неплюева[6] о справке за ним имений своей невесты Марьи Анненковой[7]: «По челобитью Андрея Григорьева сына да Григорья Богданова сына Анненковых написано. Велено купленную вотчину, которую они купили Андрей у брата своего родного, Григорей у дяди своего умершаго подполковника Ивана Григорьева сына Анненкова < … > записать за ними, Андреем и Григорьем».

4 мая 1699 года вдова Прасковья, жена Зиновия Панова, сговорила выдать за Ивана свою совсем молодую дочь Марию[8] (в это время ей едва исполнилось 15 лет). Прасковья дала Ивану Анненкову обязательство «с неустойкою»[9] переписать на него свое прожиточное поместье с условием, что Иван будет ее поить и кормить до смерти[10]. 27 июня этого же года «девка Марья с тем своим прожитком и с вотчиною вышла замуж за стольника Ивана Григорьева сына Анненкова»[11].

---

[1] *Захаров А.А., Пядышева А.В., Щербатова С.В.* Историко-ориентированные информационные системы. Информационная система «Боярские списки XVIII века», 2005 г. URL: https://digitalhistory.ru/system/boyarskie-spiski-xviii-veka/ (05.08.2025).

[2] Начальные люди – начальники, представители власти в различных областях управления.

[3] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 246. Л. 12.

[4] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10585. Л. 385.

[5] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 522 об.

[6] В то время – клепальского помещика.

[7] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10618. Д. 49. Л. 568.

[8] Отказная книга Ивана Григорьева сына Анненкова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 304; см. также разд. 1.4.10).

[9] С неустойкой – с обязательством выплатить определенную сумму денег Анненкову в случае отказа Прасковьи от этого договора.

[10] Отказная книга Ивана Григорьева сына Анненкова. Л. 306 об. – 307 об.

[11] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 6 об.

24 сентября этого года Иван получил прожиточные поместья своей жены Марии и покойной тещи Прасковьи[12]: «Отказано стольнику Ивану Григорьеву сыну Анненкову прожиточное поместье невесты ево девки Марьи {5,5 четверти}. Да по поступке тещи ево вдовы Прасковьи Яковлевой дочери стольника Зиновьевской жены Панова {160 четвертей} в Путивльском уезде в селе Клепальское городище».

В этом браке у Ивана и Марии родились две дочери: Анна и Марфа.

Год рождения Анны не известен. Умерла она в 1714 году[13], уже после смерти отца, в юном возрасте, не дожив до совершеннолетия. Судя по всему, Анна не была совсем ребенком, поскольку ее отец до своей смерти позаботился о ее приданом и отписал на нее часть своего поместья. Об этом свидетельствует челобитная ее матери, которая в 1715 году, уже после смерти Анны и своего мужа Ивана, просила переоформить на себя это поместье[14]: «Апреля в 3 день прошлого 1715 году по присланному из Поместного приказу указу в списке с дела по челобитью вдовы Марьи Зиновьевой дочери подполковника Ивановой жены Анненкова написано. Велено умершаго мужа ее поместья и вотчины в Путивльском уезде < … > в том числе прожиточное вдовино поместье в том же Путивльском уезде в деревне Лухтовке пашни и перелогу, и дикого поля 7 чети в поле, а в дву по тому ж, что было довелось справить за дочерью Анною, справить за вдовою Марьею… И майя в 30 день того ж 1715 году в присланных из Путивля отказных книгах отказу путивльского выборнаго дворенина Якова Сагарева помянутое поместье в деревни Лухтовке 7 чети да 12 усадеб жилых, на которых живут вольные люди черкасы, да 12 усадеб пустых отказано за помянутою вдовою Марьею». Таким образом, поместье Анны было в деревне Лухтовке. Ей было отписано 7 четвертей пахотной земли, 12 усадеб вольных черкас и 12 пустых усадеб.

Теперь что касается года рождения Марфы. В деле Ивана Гамалея и Семена Неплюева находим запись[15]: «И на те 717 году отказные книги не токмо от ее, Марфы, в совершенные лета, а имянно вышла замуж семнатцати лет в 727-м году, и спору от нея не было спустя многие годы по 732 год и тому дватцать два года». Таким образом, косвенно определяется год рождения Марфы — 1710-й.

В этом же деле имеется еще одно свидетельство о ее возрасте[16]: «И оной вотчим ее Неплюев < … >, то недвижимое он, вотчим ее, отказал. Она в то число {1717 г.} была в малых летех, а имянно пяти лет». По этому свидетельству год ее рождения 1712-й.

Оба эти свидетельства представлены отчимом Марфы — Семеном Неплюевым. Более достоверной является первая дата — 1710 год, покольку она связана с датой ее выхода замуж, а также обратным отсчетом возраста Марфы (минус 22 года от 1732 года).

В 1700 году Иван Анненков был назначен царем Петром Алексеевичем воеводой в Путивль. На этом посту он пробыл до 1702 года[17].

Время пребывания в Клепальском городище (1700–1713 годы) нельзя назвать для него спокойным: потомки Череповых не смирились с разделом земель в 1685 году. Так, в 1702 году муж Марины Яковлевой дочери Череповой Федор Вощинин бил челом по поводу поместья Череповых в этом селе и, более того, добился решения Поместного приказа о его переделе[18], но каким-то чудесным образом дело далее этого решения не пошло: вначале Федор был занят на службе, потом умерла Марина, а затем умер и сам Федор. Такой результат, возможно, связан и с тем, что как раз в это время (1700–1702 годы) Иван Григорьевич был воеводой в Путивле.

В том же 1702 году сводная сестра Марии Марина Вощинина (Яковлева дочь Черепова) вместе с мужем Федором продала Ивану Анненкову часть своей вотчины — 50 четвертей[19]: «Ав 1702 году Марина

[12]Там же.

[13]Дело Марьи Анненковой с детьми о наследстве (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10618. Д. 32. Л. 322).

[14]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10618. Д. 49. Л. 568.

[15]Дело Ивана Андреева Гамалея и его жены о справке по купчей от Семена Неплюева (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 594).

[16]Там же. Л. 491–491 об.

[17]РГАДА. МАМЮ 14: Разрядный приказ. Ст. 1852. I. С. 306; МАМЮ 16. Ст. 967. I. С. 181. Сноска 3; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10589. Л. 499 об.

[18]См. разд. 1.4.7.

[19]РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 11 об. – 12 об.

Яковлева дочь Федорова сына Вощинина {жена} обще с мужем своим из вотчины своей изо ста пятьдесят четвертей пятьдесят четвертей продала мужу ее {Марьиному} Ивану Григорьеву сыну Анненкову за деньги за ста рублев».

В этом же документе приводится пересказ соответствующей купчей: «А в купчей своей написала окроме мельницы, что на Терну, и усадеб дворовых, и остаточной земли ста четвертей, и распашной земли, что к тем усадьбам есть в тех же урочищах, ис сенными покосы, ис лесы, и с рыбными ловли, и со всеми угодьи по отказу (передаче владения) Рыльской приказной избы подьячего Елизарья Звягина, о чем в тех отказных книгах показано поимянно.

Да в объявленной своей купчей написал крестьянами и вольными черкасами на той вышеписанной во всех местах вотчинной земли владеть ему, Ивану и жене ево, и детьми теми, которыми наперед того владели тесть ево Иванов Зиновей Кузьмин сын Панов и теща ево Прасковья Яковлева дочь, и которые за ним Иваном написаны в отказные книги отказу дьяка Леонтья Клишина 208 (1700) году, и с усадьбы, и к тем усадьбам распашными землями.

Да на той же проданной вотчиннной земли в селе Череповка на речке на Курице мельница. А владеет тою мельницею с мужем ее с Федором Вощининым отцу ее Зиновью Кузьмину сыну Панову пополам. А что наперед сего тою вотчиною и крестьянами, и вольными черкасы, и землею, и всякими угодьи, и всем владел тесть ево Федоров, а Маринин вотчим Зиновей Кузьмин сын Панов и теща ево Федорова, а ее, Маринина, мать, Прасковья Яковлева дочь, и он, Иван, з женою своею, и з детьми.

И им, Федору и Марине и детех их, и внучатом, на ево Ивана, и на жену ево, и на детей, и на внучат, и на родственников ево Ивановых, и по нем, Иване, будет наследники о владении той вотчины и ни о чем, что писано в той крепости, не бить челом. А будет они, Федор и Марина, и дети их против купчей, что писано всем, не устоят, и на нем Федору и Марине, и на детех их, и на внучатах взять ему, Ивану, и на жене ево, и на детях по той крепости за всякую неустойку по сту рублев.

Ив 703 году декабря в 17 день по посланной грамоте в Путивль Марина Федорова жена Вощинина допрашивана и та купчея в Помесном приказе, что ныне Вотчинная колегия, в записныя крепостям книги записано». 8 декабря 1704 года вотчина была записана за Иваном Анненковым.

В этой вотчине в селе Череповке был двор вотчинников с одним дворовым человеком, 30 дворов черкасских жилых и 15 пустых. А также часть вотчины Марины в Чаплищах. Полный текст этой купчей (слово в слово) приведен в деле Гаврилы Михайлова Гамалеи о жалованной грамоте и справке на имения Федора Черепова[20].

В 1704 году Иван Анненков купил еще одну вотчину — у помещика черниговца Василия Денисова сына Кашинцева. Купчая была оформлена 20 февраля этого года в городе Севске. Сам документ не сохранился, но имеется копия купчей, которая была представлена Ивану Михайловичу Гамалею (сыну клепальского помещика Михаила Гамалея) по его запросу в Вотчинный департамент от 6 сентября 1820 года[21]. Этот текст довольно объемный. Ввиду этого приведем краткое изложение купчей, приведенное в другом документе — в деле Ивана Гамалеи и его жены против Семена Неплюева[22]: «Да за ним же Иваном Анненковым было вотчины по даче 704 году декабря 8 числа, что ему продал черниговец Василей Денисов сын Кашинцов вотчину свою в Путивльском уезде в Подгородном стану в Дороголевской волости за рекою за Семью за Мокшевицким перевозом в пустоши к Часкому и к Ослецкому городищу, к озеру Ослецу к Роздору {99 четвертей}. А от Роздора вверх речкою Чашею да к селищу Байдурскому, да к озеру Куцырь с урочищи, да в деревни Козловки, да в селище Волынцове с урочищи {83 четверти}, да в Лежецкой волости на реке на Семи, что ныне деревня Пановка[23] {6 четвертей}. {Всего} пашни и дикого поля 188 чети с четвериком в поле, а в дву по тому ж. И та вотчина за ним, Иваном Анненковым, записана, и пошлины по указу взяты, и в приходную книгу декабря 5 числа 704 году записаны». Здесь же указана сумма сделки — 700 рублей.

[20]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 520–523.
[21]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10673. Д. 17. Л. 486–487.
[22]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 498.
[23]Деревня Пановка – ныне село Мануховка.

В этом же 1704 году из своих поместных земель[24] Иван Анненков отписал 10 четвертей новопостроенной церкви Преображения Господня в селе Красная Слобода[25]: «И в 704-м году декабря в 8 день Иван Григорьев сын Анненков из своего поместья в Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью, у Часского и Ослецкого городища, в новопостроенной Красной Слободе пашни 10 чети поступился к церкви».

Незадолго до своей кончины, в 1713 году, Иван Анненков из вотчины, купленной в 1704 году у Василия Кашинцева, ее часть 99 четвертей (относящуюся к окрестностям села Красная Слобода и деревни Лухтовки) продал своему брату Андрею и племяннику Богдану[26]: «И в 713-м году подполковник Иван Григорьев сын Анненков из вышеписанной своей вотчины, что он купил у Василья Кашинцова в Путивльском уезде в Подгородном стану, за рекою за Семью в деревне Лухтовке, да в другой новопостроенной Красной Слободе пустошь к Чашскому и к Ослецкому городищу, к озеру Ослецу к Роздору[27], а от Роздору вверх речкою Чашею с урочищи пашни 99 чети бес полуосьмины в поле, а в дву по тому ж, продал брату своему родному Андрею Григорьеву сыну да племяннику ж своему родному Григорью Богданову сыну Анненковым в вотчину со всеми угодьи». Эта вотчина была продана за 200 рублей[28]. Андрей и Григорий разделили эти земли пополам, по 49 четвертей с полуосьминой и четвериком каждому. Территориально следующим образом: «Вверх речки Чаши ему, Андрею, по левую сторону, а Григорью по правую сторону с вотчинниковою усадьбою и дворовым строением, где живут вольные люди черкасы».

Некоторые дополнительные подробности этой продажи имеются в двух других источниках. Первый из них — отказная книга Андрея Григорьева сына Анненкова[29]: «А переписав да ту вотчину по ево Иванавой продаже, отказал в вотчину брату ево родному прапорщику Андрею Григорьеву сыну Анненкову в Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью в селе Красной Слободе ив деревни Лухтевки в урочищах Ослецкого и Часского городища над рекою Семью и на озерах Ослецком и Часком из устья вверх по обе стороны речки Чаши четвертной пашни сорок девять четвертей с полуосьминою ис четвериком в поле, а в дву по тому ж, с лесы и сенными покосы, и со всеми угодьи, и роспашною, и с примерною землею, и с рыбными ловли.

Да в селе Красной Слободе церковь во имя Преображения Спасова. У той церкви поп Василей черкаской породы. Двор вотчиников со всяким строеньем. Да в том же селе Красной Слободе вверх по речки Чаше по левою сторону тритцать шесть усадеб жилых, на которых ныне живут вольные люди черкасы». В этом фрагменте мы находим сведения о церкви в селе Красная Слобода, о доме вотчинника в этом селе, а также об усадьбах вольных черкас.

Второй источник — доношение в Киевскую губернию, с которым отказная книга Андрея Григорьева сына Анненкова направлялась в Киев, а затем в Москву[30]: «Да мельницы на речке Чаши половину, на струге Любине[31] третей жеребей со всяким мельничным заводом и строеньем. Да в селе Красной Слободе двор вотчинников. Да в том селе вверх по речке Чаши по левою сторону тритцать шесть усадеб жилых, на которых ныне живут вольные черкасы. Да семь десят усадеб пустых, на которых жили вольные ж черкасы». Здесь находим сведения о проданной мельнице в устье речки Чаши и о пустых 70 усадьбах черкасских.

До указанной выше продажи Иван Анненков из этих вотчинных земель пожертвовал 10 четвертей церкви в селе Красная Слобода. Таким образом, остаток вотчины после продажи составил 79 четвертей[32]: «За ним же Иваном Анненковым купленных вотчин в Путивлском уезде в Подгородном стану в Дороголевской волости за рекою за Семью за Мокшевицким перевозомъ в пустоши к Чашскому и к Ослецкому го-

[24]Эти поместные земли он получил после женитьбы на Марии Пановой.
[25]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Л. 498 об.
[26]Там же. Л. 498 об. – 499.
[27]Этот географический объект не локализован. Вероятно, Раздор – это урочище в устье речки Чаши.
[28]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10618. Д. 49. Л. 568.
[29]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10585. Л. 386–388.
[30]Там же. Л. 385.
[31]Любина струга не локализована. Судя по описанию, она находилась в устье речки Чаши.
[32] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Л. 500.

родищу к озеру Ослецу к Роздору, а от Роздора вверх речкою Чашею. Да к селищу Байдурскому да к селищу озеру Куцыру с урочищи, да в деревни Козловки, да в селе Волынцове с урочищи. Да в Печерской волости на реке на Семи, что ныне деревня Пановка, за поступкою у церкви да за продажею брату своему родному Андрею да племяннику Григорью Богданову сыну Анненковым 79 чети с полуосьминою ис третником в поле, а в дву по тому ж».

На землях в селе Байдурском (ныне — село Пески) был двор вотчинников и 9 черкасских дворов, а также «сад яблоновой, в саду рощеной лес», а в деревне Пановке {ныне Мануховке} — двор вотчинников и 4 двора вольных черкас, а также «сад яблоновой и грушевой»[33].

Иваном Анненковым были также куплены мелкие вотчины в разных местах[34]: «И в 705 году февраля в 5 день Иван Васильев сын Вишневской вотчинскую свою землю в Путивльском уезде за рекою за Семью у Часского городища четыре четверти со всеми угодьи по купчей, писанной в Путивле у крепостных дел за своею и за свидетелевыми руками, за деньги за десять рублев продал стольнику Ивану Григорьеву сыну Анненкову.

В 708 году майя в 11 день Иван Иванов сын Трифонов из вотчины отца своего в Путивльском уезде в Подгородном стану в урочище на Котоне пашни одну четверть, да в Лежецкой волости в деревне Лежачех одну четверть, всего две четверти, по купчей, писанной в Путивле у крепостных дел, за своею и за свидетелевыми руками, за деньги за петнатцать рублев продал стольнику и подполковнику Ивану Анненкову.

В том же году июня в 3 день Иван, Максим да Михайло Ивановы дети Трифоновы вотчину отца своего в Путивльском уезде в Дроголевской волости в деревне Юрьевой, и к озеру Лугачеву с урочищи шесть четвертей со всеми угодьи по купчей, писанной в Путивле у крепостных дел, за деньги за тритцать рублев продали подполковнику Ивану Анненкову». Всего было куплено в трех вотчинах 12 четвертей земли.

Умер Иван Григорьевич в 1713 году, на службе, в Киеве. На это указывает его вдова Мария[35]: «В прошлом, Государь, 713 году волею Божьею мужа моего Ивана Григорьева сына Анненкова на Твоей, Великого Государя, службе в Киеве не стало. А служил он, муж мой, твою, Государеву, службу в подполковниках».

В переписной книге 1719 года уже покойный к тому времени Иван Анненков упоминается как бригадир: «Понеже[36] с оной мельницы онбар и каменья и всякоя мельничноя снасть свели к себе сильно брегодира Анненкова дети ево и приказные люди». В то время в Российской армии бригадир — это чин 5-го класса, стоявший между полковником и генерал-майором. Здесь необходимо отметить, что Иван Анненков до бригадира не дослужился. В разных источниках незадолго до смерти он упоминается то полковником, то подполковником. Так что упоминание его как бригадира — это скорее комплимент или дань уважения.

В 1715 году поместья и вотчины Ивана Григорьевича были отказаны вдове, его жене Марии, и их дочери Марфе. Всего у Ивана Анненкова было 155,5 четверти поместий и 279 четвертей с полуосьминой вотчин.

Полное описание этих владений приведено в отказной книге вдовы Марии Анненковой[37]. Отказ состоялся 29 апреля 1715 года. Половина их них досталась Ивану Анненкову после женитьбы на Марии Пановой в 1699 году. Приведем полный перечень поместий и вотчин, оставшихся после смерти Ивана Григорьевича:

Село Клепалы: двор вотчинников с 8 дворовыми людьми. 38 дворов вольных черкас, в которых жило 40 работников мужского пола. 60 пустых черкаских дворов. Вотчина 119 четвертей и 90 четвертей поместья.

Село Яцыно: один пустой крестьянский двор.

Деревня Черепова (Лосино): две усадьбы крестьянских. В них 17 человек взрослых и детей обоего пола. Один двор пустой. «Под тем усадищом рощаной лес к реке Клевени и к болоту. А копана рвом от болота и от дороги Яцынской».

---

[33] Отказная книга вдовы Марии Григорьевой жены Анненкова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10585. Л. 464–469 об.).

[34] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 403 об.

[35] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10618. Д. 32. Л. 315.

[36] Понеже – так как, потому что, ввиду того что.

[37] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10585. Л. 464–469 об.

Мельница и скотный двор на речке Курице: «Да на речки Курицы мельница пустая на платине адин анбар. В том анбаре был адин сад жернов[38]. Да близ той мельницы на устьи против городища над рекою Курицаю скотной двор со всяким строеньем».

Деревня Чаплищи: 5 дворов крестьянских, в них 26 человек обоего пола. 2 двора пустых. Сады яблочный и грушевый.

В селе Яцыне и в деревнях Черепове и Чаплищах 31 четверть вотчинной земли и 20,66 четверти поместной. Всего 51,66 четверти.

Деревня Карпиловка: 10 усадеб черкасских, в них 10 работников мужского пола и 10 усадеб пустых. «Да к тем усадищом помесной роспашной земли и дикого поля и дубровы вверх речки Выжлицы под лесом пристенком меж Печковского логу и валу, и за валом по Глушецкою дорогу на Песковской ложок. В деревни Красной Слободки (Карпиловка то ж) меж Выгорева и Клепальского городища дватцать четвертей в поле, а в дву по тому ж с лесы, и с сенными покосы, и с рыбными ловли. Да под тою ж деревнею {Карпиловкою} прудок для водопою скатины».

Чашское и Ослецкое городищи, в деревне Лухтовке: «Пашни и перелогу, и дикого поля, и сенных покосов по верховью Часкому семь четвертей в поле, а в дву по тому ж». В деревне Лухтовке 12 усадеб жилых с 12 работниками мужского пола и 12 пустых усадеб[39].

Дороголевская волость: «В Дроголевской волости в селе Волынцове, да в деревни Казловки, за рекою за Семью в селе Глущце, да в Юрьевских лесах с рыбными ловли из бортным ухожьем помесной земли пашни четыре четверти в поле, а в дву по тому ж».

Лежецкая волость: «В Лежецкой волости за перевозом Белыми Берегами пашни дикого поля в пустоши Кротове дуброве, что ныне село Духановка, тринатцать четвертей с третником в поле, а в дву по тому ж, с рыбною ловлею в озере Куличеве, жеребей с сенными покосы, и усадьбы, и со всеми угодьи.

Да бортного ухожья в острове жеребей в Лужках с лесом хоромным {строительным} и дровяным, и со всеми угодьи за четвертную пашню осьмину».

Печерская волость: «В деревни Пановке[40] двор вотчеников со всяким строеньем. В том дворе сад яблоновой и грушевой, каторой продал помещик Емельян Кальцов». В господском дворе был один дворовой человек с женой и с 5 детьми. В деревне — 4 усадьбы черкасских с 4 работниками и 7 усадеб пустых.

«Да к тому селу Пескам и к деревни Пановки к усадищам в Дроголевской волости в селищу Байдурском, да к селищу к озеру Куцыру с урочищи, да в деревни Казловки, да в селе Волынцове с урочищи, да в Печерской волости на реке на Семи, что ныне деревня Пановка, вотчинной земли пашни и дикого поля и дубровы восмьдесят девять четвертей с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж.

Да купленою ж вотчину, каторою ему продал Федор Дмитриев сын Вощинин з женою, родовую жены своей, за рекою за Семью в селе Череповки с урочищи. Двор вотченников, в нем живет дворник вольной человек черкашенин Кондрат Скореченко. Да вольных людей черкас {29 дворов} < … > да дватцат две усадьбы пустых, на которых жили вольные люди черкасы. < … >

Да к тем вышеписанным усадищам вотчинной роспашной земли в деревни Чаплищах, да за рекою за Семью в селе Череповки с урочищи пятьдесят четвертей в поле, а в дву по тому ж, с лесы и с сенными покосы, и с рыбными и звериными ловли, и со всеми угодьи.

Да сеножать в луке за речкою за Терном, и по правую сторону, едучи к Тернам по Терновской дороге в Байковом лесу. Да по сю сторону речки Терна под селом к мельницы Федора Вощинина. Да под тем же селом Череповкою мельница на речки Курицы вновь строитца. Да рощенной лес к речки Терну против усадищ крестьянских. Да на струге Любине третей жеребей мельницы со всяким мельничным заводом и строеньем.

Да сенные покосы по реке по Семи и по лугом меж озер вобще с Ываном да Афонасьем Череповыми з братьеми.

---

[38] Сад жернов – пара круглых каменных жерновов, на которых мололась мука. (*Прим. авт.*)

[39] Это поместье Иван Анненков переписал на свою дочь Анну. Анна умерла в 1714 г., после смерти отца и ее мать Мария била челом о возвращении этих земель ей. Однако безуспешно. Этот вопрос решит второй муж Марии Семен Неплюев.

[40] Ныне село Мануховка.

Да в половине Чаплинского бортного ухожья ив Титовой дуброве з бором из бортным ухожьем, с рыбною ловлею, и з бобровыми гоны, со вспуды и с перевесы, и со всеми угодьи. Да рыбная ловля по обе стороны реки Семи с озеры…

{В результате было отказано} подполковника Ивана Анненкова жене вдове Марьи Зиновьевой дочери по смерть или по пострижение, или по замужество поместья в поместья, а вотчину в вотчину. И всего ей, вдове Марьи, в вышеписанных селех и деревнях отказал поместной и вотчинной земли четыреста сорок четыре четверти с осьминою в поле, а в дву по тому ж со всеми угодьи».

В этой отказной книге нет описанных выше трех мелких вотчин, купленных Иваном Анненковым в 1705 и в 1708 годах. По этим вотчинам немногим позднее, в июле того же 1715 года, вдова Мария подавала отдельную челобитную. Было недолгое разбирательство в Поместном приказе, и в результате[41] «в 715 году августа 20 дня приговором на том деле велено Иванову вотчину Вишневского в Путивле 4 четверти, да Иванову да Максимову да Михайлову вотчину Трифоновых в Путивле ж 8 четвертей, по купчим за их руками, что они продали Иван Вишневский в 705 году, а Иван да Михайло да Максим Трифоновы в 708 году подполковнику Ивану Анненкову (а ево Ивана Анненкова не стало в 713 году) по тем же их купчим тое вотчину отдать во владение жене ево вдове Марье по смерть или по замужество, или по пострижение[42]. И по тому определению об отказе и о допросе указ послан того же года августа {дата не указана} дня». К вотчинам вдовы Марии прибавилось еще 12 четвертей.

Итак, из наследства Зиновия Панова 150 четвертей вотчины и 165,5 четверти поместной земли[43] он получил после женитьбы на Марии Пановой.

Сам Иван Григорьевич купил две крупных вотчины. Первую, у Василия Кашенцева 188 четвертей. Из нее вдове Марии осталось 79,25 четверти, 2 двора вотчинниковых, 1 дворовой человек, 9 дворов черкасских, 9 работников и 11 дворов пустых, 3 сада и рощенный в саду лес. Вторую вотчину — у Марины Череповой (Вощининной) 50 четвертей земли, двор вотчинников, 1 дворовой человек и 2 мельницы. Кроме этого, Иваном Анненковым было куплено три мелких вотчины, всего на 12 четвертей.

Всего у Ивана Григорьевича Анненкова на дату смерти оказалось 279,25 четверти вотчинной земли[44] и 155,5 четверти поместной[45]. Итого 434,75 четверти в поле, а в дву по тому ж. По современному исчислению, с учетом троеполья, около 650 га.

Кроме земель, у него было 6 вотчинниковых дворов с 18 дворовыми людьми. Был также двор в Путивле «для приезду». Плюс к этому 110 дворов черкасских жилых, в них более 200 жителей[46], а также 7 садов. Обратим внимание, что было еще 119 пустых усадеб черкасских.

Со времени женитьбы на Марии Пановой число жилых дворов сократилось с 163 до 110. Значительное количество вольных черкас покинуло его поместья и вотчины. В то же время общая площадь пахотной земли за счет купленных вотчин увеличилась с 315,5 до 434,75 четверти.

Как мы видим, Иван Григорьевич не особо усердствовал с покупкой-продажей угодий. В основном он пребывал на государевой службе. Там добился определенных успехов, дослужившись до подполковника и воеводы в Путивле. После 1703 года был в «начальных людех», то есть в начальниках, на ответственных постах. В последние годы служил в Киеве.

По меркам Путивля Иван Григорьевич был очень состоятельным человеком. После своей смерти, кроме недвижимого имущества (земель и угодий), он оставил после себя большое движимое наследство. Вот что об этом пишет в челобитной на имя императрицы Елизаветы Петровны его дочь Марфа[47]: «Да из движимого имения серебра, золота, жемчюгу, денег, платью всякого, також посуды всякой медной

[41]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10673. Д. 17. Л. 489 об.

[42]Пострижение – уход монахиней в монастырь. (*Прим. авт.*)

[43]За исключением 10 четвертей поместной земли, которую он в 1704 г. отписал церкви в селе Красная Слобода.

[44]Здесь учтены 12 четвертей в трех вотчинах, которые были даны вдове Марье по ее челобитью в 1715 г. после смерти Анненкова.

[45]С учетом того, что в 1704 г. 10 четвертей своих поместных земель Иван Григорьевич пожертвовол церкви в селе Красная Слобода.

[46]Не везде указаны жители женского пола и дети.

[47]РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 246. Л. 12–12 об.

и оловяной и протчего разного недвижимого и движимого имения на великия тысячи осталось». И чуть ниже добавляет: «Серебра, жемчюгу, алмазов и протчего всякого каменья другаго в крестах, серьгах и перстнях. Також золота, денег и платья».

После его смерти в 1713 году, вдова Мария в возрасте 30 (или 31) года с двумя малолетними дочерьми Анной и Марфой стала весьма богатой молодой вдовой, с завидным состоянием. Уже через несколько лет нашелся претендент на ее поместья и вотчины.

2.1.2. Семен Васильев сын Неплюев

ЖЕНИТЬБА НА ВДОВЕ МАРИИ АННЕНКОВОЙ

В 1713 году умер помещик села Клепалы Иван Григорьевич Анненков. В 1715 году его наследие было переписано на вдову Марию с дочерью Марфой. На то время вдове было не более 33 лет, а ее дочери — 5. Молодая вдова была весьма богатой по местным меркам. За ней и за дочерью было поместий и вотчин 434,75 четверти и более 200 крестьян. Неудивительно, что уже через пару лет после смерти мужа нашелся претендент на ее расположение. Им оказался капитан Семен Васильев сын Неплюев[48]. В то время Семен служил в Киевском гарнизонном полку.

К концу 1716 года дело дошло до замужества Марии. 13 февраля 1717 года Семен Неплюев пишет челобитную в Киев[49] коменданту гарнизонного полка Геренку, в которой сообщает, что женится на вдове Марии, и просит дать указ на допрос невесты (согласна ли она) и на отказ себе причитающейся доли ее поместий и вотчин.

По законам того времени Семену надлежало вначале получить указанную долю от недвижимого имущества невесты, а затем жениться на ней. Дело было зимой, и свадьбу надо было справить до Великого поста, поскольку во время поста это не практиковалось. Но поскольку «мясоеду время {было} краткое»[50], Семен «не поспевал справить поместья и вотчины невесты к свадьбе». Ничего не оставалось, как перенести свадьбу на время после Пасхи. В этой ситуации получалось, что он достаточно быстро получит имения, а со свадьбой выйдет задержка. Такой ход событий в то время не приветствовался. Ввиду этого Семен написал челобитную с объяснениями и с просьбой разрешить ему жениться после поста. Начальство пошло навстречу капитану Неплюеву: «Указом была дана отсрочка {свадьбы} до мая первых чисел». Более того, было велено «отпустить его {со службы} для женитьбы до мая сего 717 года».

16 февраля киевский губернатор с товарищи слушали челобитье о его женитьбе и приказали послать указ в Обоянскую провинцию. «Велели Марью против челобитья допросить и справить четвертую долю за мужем ее. А остальное — за дочерью ее Марфою». 2 марта из Обояни в Путивль был послан указ. На допросе Мария ничего не оспорила и все подтвердила. 22 марта уполномоченные люди «ездили в поместья и вотчины Марьи и переписали земли, людей и угодья». Были составлены отказные книги Семена Неплюева и его падчерицы Марфы.

Допрос и отказные книги были отправлены из Обояни в Киев 10 июля того же года, а из Киева — в Москву, в Поместный приказ.

В мае, после Пасхи, Семен Неплюев, надо полагать, женился на Марии Анненковой. Точная дата венчания не известна.

Еще до раздела имений было ясно, что в наследстве Ивана Анненкова не хватало поместья 7 четвертей в деревне Лухтовке, которое Иван при жизни отписал своей дочери Анне в качестве приданого. Анна умерла незамужней в 1714 году, уже после смерти отца и ее мать вдова Мария в 1715 году писала челобитную на то, чтобы поместье покойной Анны переписать на себя. Но на него возник спор с вдовой Ириной

[48]Здесь и далее сведения о ходе событий взяты из дела Семена Неплюева о справке за ним имений своей невесты Марьи Анненковой (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10618. Д. 49. Л. 535–575.).

[49]Путивльский уезд тогда входил в состав Обоянской провинции Киевской губернии.

[50]Мало времени осталось до начала Великого поста.

Богдановской, женой Анненкова. Когда отказчик пришел к ней с этим вопросом, «она отказала {ему} словестно и выгнала из деревни Лухтовки вон»[51]. 25 августа 1715 года бил челом государю ее сын Григорий. Он утверждал, что ранее эти 7 четвертей Иван Анненков отказал ему с его дядей Андреем, но допрос Ивана Анненкова на согласие с этой сделкой не состоялся, поскольку последний умер. В этом же году было «велено против того Григорьева челобитья усадьбы в деревне Лухтовке со вдовою Марьею переделить против дачи расписав, чтобы никого не обидеть. По этому приговору в Путивль послан указ декабря 8 дня. И по тому указу путивльский воевода Скрыпицын что учинил, о том в Киев в губернскую канцелярию не ответствовал»[52]. Дело, как говорится, «зависло».

Теперь, в 1717 году, по челобитью Семена Неплюева было «велено Ирине положить на ту деревню крепости»[53] в указанный нормативный срок. «За три срока она их не положила», то есть документа на владение этим поместьем Ирина не предъявила. В результате дело было решено в пользу Семена. В августе он получил копию решения по этому делу.

Что же получили капитан Неплюев и его падчерица Марфа после раздела имений покойного Ивана Анненкова? Обратимся к их отказной книге. Ее текст изложен в деле Семена Васильева сына Неплюева по купчей имения у Ивана Семенова сына Бершова 1738 года[54]:

«Отказано капитану Семену Васильеву сыну Неплюеву по заручной[55] челобитной и по допросу невесты ево вдовы Марьи Зиновьевой дочери подполковника Ивановской жены Григорьева сына Анненкова поместья и вотчины, которые были за нею, вдовою Марьею Зиновьевой дочерью подполковника Ивановскою женою Григорьева сына Анненкова, и справлены родовые ея, а именно старинные приданные вотчины:

В Путивльском уезде в Подгородном стану в Клепальском городище село Клепало и под озером Клепалом, и над рекою Семью. В том селе церковь во имя Николая Чюдотворца. У той церкви поп Иван Тихонов природы черкаской. Да двор вотчинников со всяким строением. В нем дворовые приданныя ея старинные {люди} {17 семей}[56] <…> Да в том же селе Клепале вольных черкас девяносто один двор. Да пустых дватцать дворов.

Да в селе Ласкове (Яцына то ж) пустая крестьянская усадьба.

Да в деревне Череповой (Лосина то ж) старинныя ее приданныя {дачи} да два двора крестьянских… Да под тою ж деревнею лес рощенной окопан рвом к реки Клевени и Клевенскому болоту, и к дороги Яцынской.

Да в селе Череповки двор вотчинников со всяким строением. В нем живет дворник[57] Кондрат Черкашенин. Да в том же селе на вотчинной приданной ея земле вольных черкас тритцать дворов да пустых пятнатцать дворов. Да под тем же селом Череповкою на речки Курицы мельничная плотина. На той плотине один онбар в нем два камня на ходу[58]. Да под тем же селом подле речки Терну против усадеб рощенной ольховой лес. Да за речками за Терном да за Сагою сенные покосы. Да сенные ж покосы над речкою Терном в Верковом логу да в Поповом куту да в Лизуновом[59]. Да на той же вышеписанной речки Курицы другая мельничная ж плотина. На той плотине один онбар в нем два камня на ходу. Да близ той мельницы на устьи против городища над речкою Курицею вотчинников скотской двор со всяким строением.

Да под вышеписанным селом Клепалом по взгоркам и на лугу рощанной лес по обе стороны Печковского логу.

---

[51]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 925. ДСЛ. Кн. 10618. Д. 49. Л. 568.

[52]Там же.

[53]Крепость – документ, подтверждающий право на владение чем-либо. Положить крепости – предъявить документы на владение.

[54]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 926. ДСЛ. Кн. 10638. Д. 15. Л. 210–212 об.

[55]Заручная челобитная – челобитная, написанная собственноручно.

[56]Полный перечень жителей будет приведен позднее.

[57]Дворник – дворник (исполняющий одновременно обязанности сторожа и привратника), лицо, ведающее подворьем или лицо, живущее в чужом доме по бедности.

[58]Имеются в виду две пары камней, составляющих жернова мельницы.

[59]Речка Сага, Верковый (или Верховый) лог, Поповый Кут, Лизунновый {Кут} не локализованы.

Да под Выгоревым городищем хоромный и дровяной лес по взгорьям, и по пристенком[60], и на лугу подле реки Семи, и по обе стороны озера Глушицы.

Да в деревни Красной Слободки (Карпиловка то ж) в оной деревни вотчинников двор со всяким строеньем. В нем дворник Леон Черкашенин да вольных черкас дватцать дворов да водопойной пруд.

Да к тем вышеписанным селу Клепалу з деревнями и пустошми пашни и дикого поля, и дубров, и лесов, и всяких угодей, и вотчинные приданные ее старинные земли сто пятьдесят четвертей.

Да из поместья бывшего мужа ее Марьина подполковника Ивана Григорьева сына Анненкова, что ему, Ивану, поступилась теща ево вдова Прасковья Зиновьевская жена Панова, прожиточного своего поместья в Путивльском уезде в тех же пустошах изо ста пятидесяти четвертей в деревни Череповой, в деревни Чаплищах, в селе Духановки з деревнями и с пустоши надлежащая четвертая доля отказана ему ж, капитану Семену Васильеву сыну Неплюеву, тритцать семь чети с осьминою. Дочери ея Марьиной девке Марфе подполковника Ивановой дочери Григорьева сына Анненкова сто двенатцать чети с осьминою.

Да ис купленных ево {Анненкова} вотчин в Путивльском уезде, в Подгородном стану:

В Драголевской волости за рекою за Семью, за Мокшевицким перевозом к Часкому и Ослецкому городищу, к озеру Ослецу, и к Роздору, и от Раздора вверх речкою Чашею в деревни Козловке, да в селе Волынцове, да в Печерской волости под реки Семи, что ныне деревня Пановка {в настоящее время — село Мануховка}, за поступкою к церкви и за продажею брату ево родному Андрею да племяннику родному ж Григорью Анненковым ис тритцати пяти чети. В оной Пановки (Мануховка то ж) вотчинников двор со всяким строеньем. В нем дворник Василий Зима да дворовая женка Настасья Бурукина у ней дети Гаврила да Федор. А муж ее Ермолай в бегах. Да в оном же дворе в огороде яблоновой и грушевой сад. Да двор крестьянской {4 двора} в них людей {12 мужского пола и 13 — женского} <…> Да в бегах Семен да Фома Гавриловы дети Хилезиковы. Да вольных черкас четыре двора да пустых черкаских восемь усадеб.

Да за рекою за Семью против оной деревни на усть Виря сенные покосы вопче с путивльцами помещиками с Григорьем Сагоревым с товарищи. Да в деревни Чаплищах двор крестьянский. В них людей {8 мужского пола и 10 женского} <…> Да в бегах зять ево Игнатьев Иван з братьеми своими з Козьмою да с Ондреем Лукьяновыми детьми Качановыми ж. Оной Иван з братьеми приданные ее вдовы Марьи. Да пустых крестьянских две усадьбы. Да старинной приданной ее Марьин яблоновый и грушовый сад к озеру Чапли.

Да за рекою за Семью в селе Череповки десять дворов черкаских. Да пустая мельничная плотина, которая вопче с Федором Дмитриевым сыном Вощининым.

Да ис пашенной земли отказано ему, капитану Семену Васильеву сыну Неплюеву, подлежащая четвертая доля дватцать чети с полуосьминою. Також и саду четвертая доля. Да на той же вышеписанной вотчинной и пашенной земле и крестьян четвертая доля пол двора руского да черкаских полчетверта {3,5} двора[61].

А достальные три доли дочери ее Марьиной девке Марфе из вотчинной и пашенной земли шездесят три четверти с осьминою и с полуосьминою. Крестьянских полтора двора руских да черкаских десять дворов с полудвором. Також и саду три доли.

Итого всего из вышеписанных ея Марьиных родовых приданых вотчин и что дано было из поместей, и из вотчин бывшаго мужа ея подполковника Ивана Григорьева сына Анненкова четвертой доли отказано капитану Семену Васильеву сыну Неплюеву двести семь чети с осьминою и пол осьминою. Дочери ее Марьиной девке Марфе подполковника Ивановой дочери Григорьева сына Анненкова сто семьдесят шесть чети с полуосьминою.

Да из дворовых людей три доли. Дворовых людей Афанасей Михайлов сын Никитин. У него жена Федора дочь девка Прасковья. Тарас Григорьев сын Черкавской. У него брат Филип да сестры девка Екатерина, Татьяна, да девка Матрена Степановская дочь Чернавского. У ней племянник Иван Иванов сын Чернавской».

Всего Семен Неплюев получил 207,75 четвертей земли в поместьях и вотчинах, а падчерица Марфа — сто семьдесят шесть чети с полуосьминою. В селах и деревнях Семена было 152 черкаских двора. Кроме

[60]Имеется в виду лес-пристенок к озеру Глушица (см. разд. 1.2.3).

[61]В то время отписывали доли черкасских (или крестьянских) дворов. Получалось, что члены одной семьи могли принадлежать разным помещикам.

того, Семену были отписаны 4 господских двора в селах и деревнях, а также двор в Путивле («для приездов»), ранее принадлежавший вдове Марии.

В один момент Семен стал весьма состоятельным человеком, хотя еще год назад был фактически бедным. Неплюев был хорошим служакой и успешно продвигался по службе, однако до женитьбы имений за ним не числилось. Вот как описывает в 1746 году состояние Семена на 1717 год его падчерица Марфа Анненкова в своей челобитной на имя императрицы Елизаветы Петровны[62]: «У него, Неплюева, природных[63] своих поместий и вотчин ничего не было и ныне нет. И когда он, Нелюев, на матери женился и в дом родителей моих пришол, то у него, Неплюева, кроме следующих, более ничего не было, а именно один старой и ветхой мундир, ево ж кафтан, також один человек Гарасим Сумароков, да одна лошадь шерстью серою, куцая и престарелая».

Прошел год с даты оформления отказных книг, но грамоты, подтверждающие владение Неплюевым и Марфой поместьями и вотчинами покойного Ивана Анненкова, из Поместного приказа в Путивль не пришли. Тогда, в октябре 1718 года, Семен пишет челобитную в Киев с просьбой их прислать. Наконец, в ноябре этого года «по указу Великого Государя {Киевский губернатор} Кирилл Лаврентьевич Чичерин с товарищи, слушав дело, приговорил капитану Семену Неплюеву на вотчину дать послушной указ, а на поместья ввозной указ»[64]. С этого времени Семен Неплюев стал полноценным владельцем своей части поместий и вотчин Ивана Анненкова, новым клепальским помещиком.

Необходимо отметить, что не все наследство Ивана Анненкова было разделено. Согласно отказной книге, общая площадь земель Семена и Марфы составила 384 четверти (207,75 + 176,25), тогда как наследство Ивана Анненкова составляло 434,74 четверти. Неразделенными остались 50,75 четверти. Причина этого изложена в том же деле Семена Васильева сына Неплюева по купчей имения у Ивана Семенова сына Бершова[65]: «А что повыше означенной дачи написано было вдове Марье Зиновьевской дочери подполковника Ивановской жене Анненкова старинное ее приданное поместье в селе Клепальском с деревнями и с пустошми пять чети с осьминою. А имянно по скаске человека ея Федора Зверева в помянутых деревнях в деревни Лухтовки за капитаном Семеном Васильевым сыном Неплюевым не отказано за спором Путивльского уезду вдовы Ирины Петровой дочери подполковника Богдановской жены Григорьева сына Анненкова. Того ради сказала оная вдова, что о той вышепомянутой поместной земли о споре явствует по ея челобитной присланной указ из губернской кацелярии в Обоянскую провинцию и отказывать не велено. <…> {Также} написано было по дачам за вдовою Марьею Зиновьевою дочерью за поступкою бывшего мужа ея подполковника Ивана Григорьева сына Анненкова к церкве за продажею брату ево родному Андрею да племяннику Григорью Богданову сыну Анненковым купленной вотчинной земли семьдесят девять четвертей с полуосьминою и с третником. Ис того капитану Семену Васильеву сыну Неплюеву и девке Марфе подполковника Ивановой дочери Григорьева сына Анненкова по подлежащей доле в вышепомянутом отказано только тритцать пять чети. Того ради по скаски помянутого Зверева из оной отчинной дачи за помянутою поступкою и продажею будто незнаемо по какому указу путивльской помещик Аким Марков отказал в вотчину за вдовою Ириною Петровою дочерью подполковника Богдановскою женою Григорьева сына Анненкова восемьдесят четвертей. А по надлежащей крепости помянутой вотчинной дачи в остатке только тритцать пять четвертей». Получается, что спор возник по прожиточному поместью 5,5 четверти, полученному Марией после смерти ее отца Ивана Анненкова. Кроме того, из оставшейся после Анненкова вотчины 79,25 четверти[66] Семену и Марфе были отписаны только 35 четвертей. Связано это с тем, что по непонятной причине путивльский помещик Аким Марков отказал {отделил} вдове Ирине Богдановской жене Григорьева сына Анненкова в вотчину 80 четвертей. В результате при разделе поместий и вотчин Ивана Анненкова возник спор с вдовой Ириной.

[62]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 488 об.

[63]Природный – такой, которым человек обладает с самого рождения; родовой, фамильный.

[64]Послушной и ввозной указы юридически подтверждали владение вотчинами и поместьями соответственно. (*Прим. авт.*)

[65]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 926. ДСЛ. Кн. 10638. Д. 15. Л. 212 об. – 213.

[66]Этот остаток (79,25 четверти) образовался после продажи Иваном Анненковым 99 четвертей из своей вотчины в 188 четвертей в окрестностях деревни Лухтовки брату Андрею и племяннику Григорию, а также после уступки 10 четвертей из этой же вотчины церкви в селе Красная Слобода. Вдова Богдана после смерти мужа затеяла большое спорное дело по этим сделкам.

Следующим этапом дележа наследства Ивана Григорьевича Анненкова стал передел прожиточного поместья Марии (теперь уже Неплюевой)[67]. Дело в том, что в 1716 году вышел указ царя Петра Первого, согласно которому «велено женам из мужних поместей давать к прежним прожиточным поместьям». Согласно этому указу, прожиточное поместье Марии 80 четвертей после ее замужества должно остаться за ней, а не делиться между ее новым мужем и ее дочерью. Как было указано в разд. 1.4.10, после смерти отца ей было написано всего 5,5 четверти, но по ее челобитью от 19.08.1699 года ей было «додано» еще 74,5 четверти. С этим же прожитком 80 четвертей она вышла замуж за Семена Неплюева. 5,5 четверти за ней были оставлены, а вот доданные 74,5 четверти были разделены. Теперь же, по указу Петра Первого, после ее второго замужества эти 74,5 четверти должны быть ей возвращены.

Понятно, что этот передел был инициативой самой Марии, а не Неплюева, поскольку последний терял при этом поместные земли. 11 октября 1718 года Мария била челом на этот передел. В результате 1 ноября этого же года вышел указ киевского губернатора. В результате Марфа лишилась 55,9 четверти поместной земли, а Семен Неплюев — 18,6. Марфа на это жаловаться не могла, да и не смела, поскольку в то время ей было 8 лет. А вот Семену, понятно, это едва ли понравилось.

Все действия по разделу наследия Ивана Анненкова были завершены не позднее 1722 года (в том числе и указанный выше спор с Ириной Богдановской, женой Анненкова, который был решен в пользу Семена и Марфы). Это свидетельствует из сформированной в 1746 году Вотчинной коллегией справки из завершенных к 1722 году спорных дел, подготовленной в рамках спорного дела Ивана Андреевича Гамалея и его жены о справке по купчей от Семена Неплюева[68]: «А по справке в Вотчинной коллегии выписано в пополнение. В книге рыльских и путивльских дач вершенных дел 722 году написано:

< … > А по росписке в деле ей вдове Марье ис поместей и с вотчин Ивана Анненкова четвертую часть {эта часть отошла Семену Неплюеву} имеетца поместья 37 чети с осьминою, вотчины 32 чети полтретья четверика с пол пол третником. Да ис того Иванова поместья и вотчин 69 четвертей с осьминою и с полтретья четверика и с пол пол третником, да прежнего ее поместья 5 чети с осьминою, да вотчины 150 чети. Всего поместья и вотчины перваго мужа ее четвертой части и ее вдовиных приданных 225 чети пол третья четверика. А три части — дочери ево девке Марфе из отцовых поместья 112 чети с осьминою да вотчины 97 чети бес пол третника. Всего девке поместья и вотчины 209 чети с осьминою бес пол третника». Таким образом, Семен и Марфа получили 225 + 112,5 = 434,5 четвертей поместных и вотчинных земель, что точно соответствует размеру наследия Ивана Анненкова на дату его смерти (см. начало этого раздела).

Итак, Неплюев стал помещиком (точнее — вотчинником) села Клепалы. Согласно его отказной книге он получил здесь помещичий дом с 17 дворовыми людьми.

ДЕЙСТВИЯ СЕМЕНА НЕПЛЮЕВА ПОСЛЕ ЖЕНИТЬБЫ

После женитьбы Семен быстро вошел во вкус богатой жизни и, по словам своей падчерицы Марфы[69], «с оставшегося имения после обоих прародителей моих Анненкова и Панова, да отца моего Ивана Григорьева сына Анненкова, також и матери моей Марии Зиновьевой дочери Панова, пожитков уже великое число расточил. Ибо вещи к себе употребил и употребляет. Другие же {вещи} чрез многие года ростратил, яко и теперь напрасно расточает. И иное же, желая себе через то нажить, покупая на свое имя земли, и людей, и мельницы, разсеял и расточает». Далее[70]: «И как скоро помянутой Семен Неплюев в дом отца и матери моей во всем давольней пристал, то того ж часу, захвотя родителя моего крепости и грамоту, тако ж разделочные письма и купчие, и протчие всякие разные письма, мне по наследству подлежащие, всеми теми вышеписанными имениями моими и крепостями самовольно завладел, которыми ныне владеет и корыстуется напрасно {насильственно} сам собою без указу». То есть Семен, имея в виду малолетство падчерицы Марфы, пользовался всеми ее поместьями и вотчинами как своими, при этом имея на руках все докумен-

[67]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 502 об. – 504 об.
[68]Там же. Л. 493, 501.
[69]РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 246. Л. 13–13 об.
[70]Там же. Л. 12 об.

ты, по которым эти имения были приобретены отцом Марфы Иваном Анненковым. Кроме того, он начал силой принуждать жену Марию к тому, чтобы она переписывала на него свои и своей дочери поместья и вотчины, и даже начал составлять фальшивые документы на эти покупки[71]: «Да он же, Семен Неплюев, через все прошедшие года мать мою разными свирепствы своими и угражениями неволею принуждал, чтоб мать моя, яко жена, дала от себе ему на свои поместья и вотчины крепости. И хотя мать моя того делать не хотела, однако ж он, Неплюев, самовольно сыскал да себе в дом канцелярских служителей, имал подлогом, тайно от матери моей, а ево Неплюева жены, якобы от нея себе на имение ея поместья и вотчины купчие и уступные многократно разные письма. На что ее, матери моей, таковой воли николи не бывало, о чем она, мать моя, многократно мне нижайшей с жалостию и плачем о таковых его, Неплюева, ухощрениях и умышлениях сообщала».

Пока Марфа была малолетней, она ничего с этим поделать не могла, но в 1727 году, в возрасте 17 лет, она со своим прожиточным поместьем и вотчинами вышла замуж за бунчукового товарища[72] Ивана Андреевича Гамелея и, начиная с 1732 года, будучи уже вполне взрослой, стала бороться со своеволием Неплюева и жаловаться в вышестоящие инстанции на его незаконные действия.

В это время Семен служил капитаном 8-й роты Глуховского гарнизонного полка[73]. С этого времени начинается настоящая война между Семеном, с одной стороны, и Марфой с ее мужем Иваном Гамалеем, с другой. Мать Марфы Мария старалась не перечить своему мужу, и основную тяжесть борьбы за свои и своей матери права взяла на себя Марфа.

Первые ее жалобы относятся к 1732 году и касаются действий Семена, начиная с 1718–1719 годов, то есть сразу после женитьбы на Марии Анненковой. Так, в челобитной 13 марта 1732 года она пишет[74]: «И оной вотчим ее[75] Неплюев в том недвижимом отца ее имении на четвертую часть, как четвертную пашню, так и крестьян и вольных людей черкас, ведая излишество и выбрав жилое, отказал за собою лучших», «а худшее оставлял в трех-четвертой части» падчерице Марфе. И далее: «Да он же, вотчим ее, на том недвижимом отца ее общим имении, с которого дано ей по указу три четверти, а именно в новопоселенной слободке, что ныне словет Неплюевкою, а другой малой слободки над рекою Курицею {позднее — это слобода Гамалеевка}, в которых поселили вольных черкас. И теми черкасы помянутой вотчим ее, с нею не разделяя, владеет и землею один». При этом Неплюев словесно обещал все это переделить по-честному, и даже собственноручно написал соответствующее письмо, которое отдал Ивану Гамалею. Но на деле никакого передела с его стороны не последовало.

В следующей челобитной от 21 марта того же года Марфа пишет[76]: «Он, вотчим ее Семен Неплюев, в том ее матери недвижимом имении не проча им в род их, а проча себе в свой род, на посторонние имя велит матери ее писать купчие и закладные». То есть он начал принуждать жену Марию продать или заложить ее прожиточные имения посторонним лицам. А именно, «в 718-м и 719-м годех в Киевской губернской канцелярии принудил мать ее на то ее прожиточное имение дать закладную порутчику гарнизону киевского Якову Авдееву сыну Журинскому», при этом он сам в дальнейшем предполагал выкупить эту закладную и таким образом завладеть этим поместьем: «хотя {желая} сам на тое имя после выкупить подлогом». Мария, будучи примерной женой, согласилась и написала закладную указанному Журинскому[77]. Но вскоре, когда Неплюев отбыл из дома по службе («в низовой корпус был послан»), Мария отозвала

[71]РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 246. Л. 12 об.

[72]Бунчуковый товарищ – почетное звание, которым малороссийские гетманы сначала награждали сыновей генеральной старшины и полковников, а позже, с половины XVIII в. звание бунчуковый товарищ стали получать в отставку чины полковой старшины. Это звание осталось почетным до уничтожения малороссийских чинов, а затем за потомками бунчуковых товарищей признано право на русское потомственное дворянство (Бунчуковый товарищ // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Бунчуковый_товарищ (05.08.2025)).

[73]*Лазаревский А.М.* Дневник Генерального хоружего Николая Ханенка. 1727–1752. Киев: Изд. Ред. Киев. старины, 1884. 554 с.

[74]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 491–491 об.

[75]Челобитные писались доверенными людьми помещиков.

[76]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 491 об. – 492.

[77]По-другому он назван Жедринским.

свое закладное письмо и «ни смотря ни на какие убытки, освободила». Это было обнаружено Неплюевым только через 12 лет, в 1731 году, «когда он, вотчим ее Семен Неплюев, ехал ис походу возвратился, и узнал ту закладную от Жедринского рукою и освобожденное тако ж».

После неудачи с Жедринским Семен в следующем 1732 году «вновь то поместья и вотчины заложил свойственнику своему Богдану Родионову сыну Неплюеву, проча себе и в свой род. А мать ее {Мария} ныне жива и при муже своем спорить не смеет».

Здесь же, в челобитной от 21 марта 1732 года, Марфа просит, чтобы «повелено было в Вотчинной колегии, буде от имени оной матери ее на чьи имена какие купчие или закладные на вышепомянутое матери ее недвижимое имение явятца, чтоб не повелено было оных записывать, не справя с ее челобитьем. И оным крепостям не повелено было верить, потому что после матери ее к тому недвижимому имению наследница она {Марфа}».

Немногим ранее, в 1731 году, Неплюев узнал, что его жена тайно поехала в Москву в Вотчинную коллегию просить о переделе четвертой части своего прожиточного поместья, доставшегося ей после отца Ивана Анненкова. Эта часть досталась Семену, поскольку Неплюев приписывал себе лишнее и лучшее.

Марфа объясняет преступные действия отчима отсутствием у его с ее матерью общих детей: «Да и для того, что у оного вотчима ее с матерью ее мужеска и женска полу детей не имеетца». В 1731 году Марии было уже 47 лет (преклонный возраст по тому времени). После их женитьбы прошло 13 лет. Как видно, Семен уже не надеялся на чудо и старался правдой или неправдой переписать на себя оставшиеся у Марии и Марфы поместья и вотчины.

Еще одно челобитье с жалобами на самоуправство Неплюева Марфа подала в Вотчинную коллегию в мае 1744 года. Его мы разберем позднее.

К 1737 году Семен Неплюев получил повышение по службе и стал майором.

В период с 1737 по 1743 годы он активно покупал земли и угодья в Путивльском уезде. За 6 лет он скупил 195 четвертей (в поле, а в дву по тому ж). По уверенниям Марфы Гамалеи, эти земли были куплены на деньги, полученные Семеном после продажи драгоценностей, оставшихся в доме покойного ее отца Ивана Анненкова в селе Клепалы.

Вот перечень приобретенных им поместий[78]:

«В отказных книгах Путивльского уезду Белгороцкой губернской канцелярии копеиста Василья Еремина 1737 году марта дня написано:

Отказано маеору Семену Васильеву сыну Неплюеву недвижимого имения по купчей и по допросу путивльского помещика Кондратьевой жены Валуева Натальи Васильевой дочери в Путивльском уезде в Дороголевской волости за рекою за Семью с крымские стороны ис примерной земли, да в Подгородном стану в селе Волынцове и в деревне Козловке, да в деревни Череповой, да в жеребью деревни, что было селище Чаплища, в пустоши диком поле на речке на Терну, и на Курице, и на Цыпке, в жеребью деревни Титовой Дуброве, у Ослецкого и Чаского городища поместной земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. И на той земле в селе Череповке и в деревни Дьяковки, и в деревни Карпиловки з жилыми усадьбы, кроме крепосных людей и крестьян, и на тех усадьбах с поселенными вольными черкасы. А имянно: в селе Череповке один двор да пустых две усадьбы, в деревне Карпиловке один двор пустых две усадьбы, да в деревне Дяковке на речке на Выжлице мельницу ее продавицын жеребей, да близ села Череповки на речке на Курицы платину вопче с путивльским помещиком Наумом Череповым с лесы и з дубровы и с сенными покосы, и с рыбными ловли, и с мельничными берегами, и со всеми угодьи.

За ним же Семеном Неплюевым недвижимого имения по отказным книгам 738 году августа 18 дня отказу Путивльской воеводской канцелярии канцеляриста Федора Коренева, что за ним отказано по купчей 738 году июля 29 дня и по допросу того ж году декабря {дата отсутствует} дня от путивльской помещицы вдовы Анны Никифоровой дочери Черепова в Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью на диком поле на речках Терну и на Курице, и на Цыпке, что ныне село Череповка, да в пустоши диком поле Ослецкое и Чаское городище 40 чети в поле, а в дву по тому ж…

[78] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 504 об. – 507.

Да за ним же Семеном Неплюевым недвижимого имения по отказным же книгам того ж года августа 28 дня отказу ево ж Коренева, что за ним отказано по купчей и по допросу 738 году от путивльского помещика Осипа Семенова сына Титова в Путивльском уезде в Подгородном стану в деревни Череповой, Лосино то ж, да в селе Череповки 5 четвертей бес третника в поле, а в дву по тому ж.

За ним же, Семеном Неплюевым, недвижимого по отказным же книгам того ж 741 году июля 15 числа отказу рыленина Федора Борисова, что отказано по купчей синбирского драгунского полку прапорщика Лаврентья Иванова сына Масалитинова, в Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью в диком поли в дуброве вверх речки Терну по обе стороны речки и болота урочищи усадищи. Да к тем усадищам оного дикого поля дубровы на пашню добрые земли 25 чети в поле, а в дву по тому ж.

За ним же Семеном Неплюевым недвижимого по отказным же книгам того ж 741 году июля 15 дня отказу ево ж, рыленина Борисова, что за ним отказано по продаже коллежского ассесора Ивана Иванова сына Сафонова, в Путивльском же уезде в Подгородном стану в деревни Чаплищах крестьянских один двор в них мужеска полу 5 женска 7 душ, да в деревни Череповой, Лосино то ж, крестьянских 5 дворов, людей в них мужеска 23 женска 17 душ, да в селе Черепове вольных черкас 4 двора людей, в них 4 человека, да пашни паханые и перелогу, и дикого поля, и дубровы, и на пашню добрые земли 13 чети бес полуосьмины в поле, а в дву по тому ж.

За ним же, Семеном Неплюевым, из недвижимого имения по отказным книгам того ж году сентября 29 дня, что за ним отказано по продаже в 740-м году марта 29 дня, от путивльских помещиков Максима да Александра Бершовых в Путивльском уезде в Подгородном стану в урочищах за рекою за Семью меж Печковского логу и валу, и по Вирскую дорогу к Клепальскому городищу, да в деревне Чаплищах в урочищах 28 чети с третником в поле, а в дву по тому ж.

Да за ним же, Семеном Неплюевым, недвижимого имения по даче 746 году, что за ним записано по купчей 743 году от ковалерии московского полку драгуна Матвея Иванова сына Масалитинова, в Путивльском же уезде в Подгородном стану за рекою за Семью в диком поле и в дуброве вверх речки Терну по обе стороны речки и болота с урочищи и усадищи, и к тем усадищам дикого поля и дубровы на пашню добрые земли 45 чети в поле, а в дву по тому ж.

За ним же, Семеном Неплюевым, недвижимого имения по купчей, что ему в 741-м году майя 5 дня продал путивльской помещик Василей Иванов сын Масалитинов из недвижимого отцовского имения свой жеребей в Путивльском же уезде в Подгородном стану за рекою за Семью в диком поле и в дуброве вверх речки Терну и болота с урочищи 7 четвертей в поль, а в дву по тому ж. И в том же 741-м году июля 22 дня вышеозначенная купчая от него, Неплюева, в Вотчинной коллегии явлена, а то недвижимое за ним не записано и об отказе указов не послано.

За ним же, Семеном Неплюевым, по отказным книгам 741 году июля 15 дня отказу рыленина Федора Борисова, что ему отказано по купчей Ульяны Николаевой жены и дочери ее девок Анны да Ирины Николаевых дочерей Пановых, в Путивльском уезде в Подгородном стану в Печерской волости за рекою за Семью в бортном ухожью Свечкинском в селе Свечкине, что ныне Козацкое и в Малых Бочечках дикого поля 20 четвертей в поле, а в дву по тому ж.

Всего за ним, Семеном Неплюевым, недвижимаго купленного в Путивле в разных урочищах 195 четвертей бес полуосьмины».

Вместе с 207,75 четвертями, доставшимися ему после женитьбы, это составило 402,75 четверти поместий и вотчин. Он стал крупным землевладельцем в Путивльском уезде.

В этот же период несколько сделок с землей провела и Мария Неплюева[79]:

«А в 738 году декабря 18 дня по отказным книгам написано, что Семена Неплюева жена Марья Зиновьева дочь ис того своего недвижимого путивльского имения в Подгородном стану в слободке Неплюевой, в урочищах в Ослецком и Чашском городище 5 четвертей, да близ села Череповки 5 четвертей, да сенных покосов 10 копен отдала к новопостроенной церкви Успения Богородицы, что в слободе Неплюевой.

Да в 739-м году июня в 26 день она ж, Марья Неплюева, из недвижимого ж перваго ее мужа подполковника Ивана Анненкова, что ей досталось на четвертую часть в Путивльском уезде в Подгородном стану

[79]Там же.

в деревни Череповой пол асьмины, в деревни Чаплищах, да за рекою за Семью в селе Череповке урочищи 12 четвертей с осьминою, всего 13 чети бес полуосьмины в поле, а в дву по тому ж, продала ассесору Федору Иванову сыну Сафонову. И про ту продажу она, Марья, в 741-м году июля 9 дня в Рыльской канцелярии допрашивана.

Выписано из отказных книг ево ж Неплюева по Рыльску 743 году».

Еще до активной скупки земель, в 1743 году, Семен Васильев сын Неплюев задумал крупную аферу с куплей-продажей поместий и вотчин покойного Ивана Анненкова. Это дело мы подробно рассмотрим немногим позднее.

2.1.3. Воры вокруг села Клепалы

В деле Семена Неплюева против Ивана Гамалеи[80] имеется две челобитных Семена 1738 года, касающихся событий по кражам имущества и домашнего скота в окрестностях села Клепалы. Этот материал, хотя и будучи несущественным, является элементом той самой «малой» истории края и показывает, хотя и в незначительной степени, криминальную жизнь: действие воров, ответные действия потерпевших, а также розыски, производимые властями.

Все началось с донесения служителя Семена Неплюева Герасима Саморокова в Путивльскую воеводскую канцелярию о кражах домашнего скота[81]: «В прошлом 1737-м году в день Благовещения в селе Клепалах онаго господина моего Семена Васильевича Неплюева из гумна украдена пара волов рабочих ценою в двенатцать рублев, да у подданных Семена куцева кабыла рыжая ценою в десять рублев» и, далее, «в нынешнем 738-м году, генваря 27 числа, у Ивана Литвина {украден} мерен пегай ценою восемь рублев». Какие действия были предприняты по этим кражам, нам не известно.

Следующая кража произошла немногим позднее — 9 апреля этого года, когда в дороге был ограблен солдат Василий Семенов, «определенной ис Кадецкого корпуса в каманду генерала фетмаршала и коволера графа фон Миниха». В своей челобитной от 14 апреля Василий так описал это событие: «В нынешнем 738 году апреля 9 дня ехал я из Санкт Питербурха в Плотаву {Полтаву}. Изъехался со мною Путивльского уезду из села Клепал {человек} и сказался мне, что {он} черкас Михайло Давыдов. И заехали мы с ним за Терновую слободу[82] и, не доезжая да Пещаного броду, и ночевали ино степи. И как мы приснули, тогда оной черкас взял мой нож и подрезал веревки у телеги. И розломал две коробки и вынел из них пятьдесят один рубль денег, да плоток шелковой и два кошелька, которые стоят дву рублев. Да еще взял лошадь рыжаю, у которой было правое ухо резоно».

Проснувшись утром и обнаружив пропажу, Василий на оставленной вором лошади вернулся в Тернову слободу и доложил местному атаману о грабеже: «И о сей моей пропаже объявлено в слободе Тернах и объявил отаману». Вора быстро «вычислили», поскольку он сам проболтался солдату Василию Семенову, что зовут его Михайло Давыдов. При этом он немного схитрил, но это не помогло: на самом деле он был Михайлом Давыдовым сыном Татарченковым. У властей он уже стоял на учете в подозрениях в кражах. Тут же были посланы люди по месту жительства Михаила и его ближайших родственников. В результате в селе Клепалы у его брата Максима была обнаружена одежда вора и украденная лошадь. Солдат Василий вскоре приехал в Клепалы и свою лошадь опознал.

Здесь, в Клепалах, пребывал и сам вор — Михайло Татарченков. Проснувшись поутру, он, «усмотря ево, {Василия} Семенова, оставя у него брата своего Максима оную краденою лошадь, бежал».

Тем временем потерпевший уведомил приказчика Семена Неплюева Герасима Саморокова о случившемся и о том, что его лошадь нашлась. Герасим сразу начал поиски вора. Вот что он пишет в своей челобит-

[80] Дело по челобитью путивльского помещика Семена Неплюева служителя Андрея Корельского об отсылке в Курскую воеводскую канцелярию. На 88 листах (РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 645).

[81] Там же. Л. 1–8 об.

[82] Ныне поселок городского типа Терны Сумской области.

ной в Путивльскую воеводскую канцелярию 13 апреля: «И по тому уведомлению для изымки онаго вора посылал я по разным дорогам. Ис которых посланных помянутого господина моего Семена Васильевича Неплюева подданныя Фрол Литвин с товарыщи онаго вора изымали Путивльского уезду в селе Дьяковке и привели в село Клепалы. И того времени онаго вора и дву лошадей в том числе мерин рыж, о котором помянутой Василей Семионов объявлял, что оная украдена у него, а другая мерин же рыж, на которой в то село приехал означенной же Василей Семионов, помянутого вора собственная, взяв, привел я к Путивльской канцелярии, да с ним пять рублев пятьдесят копеек денег». Заметим сразу, что солдат Василий Семенов объявил ранее, что у него был украден 51 рубль. Теперь же обнаружилось только 5 рублей и 50 копеек.

Пойманного вора, указанные деньги, а также обеих лошадей приказчик Неплюева отвез в Путивль. По решению Воеводской канцелярии следовало «онаго вора приняв, в воровствах роспросить обстоятельно. А лошадей, описав, оценить и отдать на корм да указу кому надлежит с роспискою. Також объявленныя деньги у привотца {у привозившего} принять, нашет иметь под охранением. И что оной вор роспросам покажет, доложить».

Вор Михайло Татарченков был допрошен. «А в распросе сказал: Михаилом ево зовут Давыдов сын, прозванием Татарченков малороссийской породы. Родился он, Михайла, и жительство имел с отцом и матерью своею в Путивльском уезде в селе Красной Слободе за помещицаю вдавою Ириною Петровою дочерью Кофтырева. А потом он Михайла жительство имел в том же селе за помещиком Андреем Григорьевым сыном Анненковым три года. А ныне де он жительство имеет в молороссийском Прилуцкого полку в местечке Ични[83] в подданстве за сотником Григорьем Терентиевым сыном Покотилом. Отроду ему Михайле дватцать пять лет. С которыми де двемя лошадьми и при нем денег пять рублев с полтиною приведен он Михайло в Путивль, к канцелярии воеводского правления Путивльского уезду села Клепал помещика подполковника Семена Неплюева человеком ево Герасимом Самороковым. Из оных де лошадей один мерин рыжей ево Михайлов собственной. Куплена в показанном местечке Ични у тамошнего жителя Григорья Буслова. А другой мерен рыжей. Как тому де пятой день из показанного местечка Ични ездил он, Михайла, в Путивльскои уезд в Терновую слободу для покупки юфтей[84] на дело сапог. И не купя в той Терновои слободе юфтей, поехал в Путивльской уезд в село Клепалы к брату своему родному Максиму для взетья телеги своей. И не доезжая того села Клепал, в то число постречалися с ним Михайлом на дороге объявленной в челобитье означенного Саморокова салдат Василеи Семионов, да при нем один человек служитель. И спрашивал у него Михайлы тракту до Полтавы. А потом просил, чтоб он ево проводил за показанное село Терновую слободу. И приехал он, Михайло, по прошению ево возвратился с ними паки в Терновую слободу. И проехав оную слободу, не доезжая урочищ Пещаного броду, заночевали в степи. То он, Михайла, ночною порою, умысля воровски, обрезав в возу онаго салдата веревки, и взломя в коробки крышку, вынул из оной два кошелька: один синей новое шит золотом, а другой красной ветхой шит серебром. В которых кошельках было денег в одном рублевиков пять рублев, а в другом пяти копеешников пятдесят копеек. Да из оной же коробки вынул плоток шелковой полосатой разных цветов. И взяв же ево Семионова лошадь мерина рыжа с уздою, а свою оставя при том начлеге, ночною порою поехал паки в помянутое село Клепалы к брату своему к показанному Максиму. И как приехал в показанное село Клепалы во двор онаго брата своего, и в то число оной брат ево спрошал у него, Михайлы, где он ту лошадь взял. Про которою объявил ему, что купил в Терновой слободе, у черкашенина ценою за пять рублев. И как переночевал Михайла у онаго брата своего во дворе, то по утру во оное село Клепалы во двор онаго брата ево приехал помянутой салдат Василей Семионов. И он, Михайла, усмотря ево, Семионова, оставя у него брата своего Максима оную краденою лошадь и показанные пять рублев с полтиною да собственных своих денег три рубли, бежал. И по побеге пришел в деревню Корпиловку во двор к черкашеннину незнаемо к какову. И того ж часу приехал за ним показанной брат ево Максим да поменутого подполковника подданной Фрол Фролов. И взяв ево Михайлу, привезли во означеное село Клепалы во двор ко оному брату ево. И в то время показанныя деньги пять

[83]Ичня – ныне город в Прилукском районе Черниговской области.

[84]Юфть – кожа рослого быка или коровы, выделанная по русскому способу, на чистом дегтю. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

рублев с полтиною и собственныя ево три рубли, и лошадь показанной брат ево Максим отдал того села Клепал означенного Неплюева приказщику ево поменутому Герасиму Саморокову. С чем оной Самароков и привел ево Михайлу в Путивль в канцелярию воеводского правления. И что де в челобитье помянутого Саморокова объявлено на него, Михайлу, неверка[85] в краже у господина ево робочих дву волов, да у подданных Семена Куценка кабыла рыжей, у Ивана Литвинова мерена пега. И оных де волов и лошадеи он, Михайла, ничего не крадывал, и хто покрал, того он сказать не знает. Токмо де тому ныне третей год, как он, Михайла, жил в селе Красной Слободе в подданстве за помещиком Андреем Анненковым.

И в то время поставлен был в том селе онаго Анненкова у подданного ево Павла Котлеря присланной от путивльской таможни целовальник[86] Иван Фолимонов с казенным вином для продажи онаго вина. И в то де время он Михайла, умысля воровски онаго ж Анненкова с подданным Григорьем Полеем, которой ныне жительства Суминаго полку в селе Ворожбе у тамошней жительки у Петрихи в виннице. А как ея завут и чья дочь, того он, Михайла, сказал, не знает. Пришед ночною порою во двор онаго подданого Павла Котлеря и отбив у сеней двери и в сенях у онаго целовальника, украли сундучок небольшой с собранными за козенное вино деньгами. И украв тот сундучок, занесши за село неподалеча близ мельницы, збив замок, и вынел из онаго сундучка денег дватцать рублев. Ис которых денег он, Михайла, взял себе семнатцать рублев, а ему, Григорью, дал три рубли. А показанной сундучок бросили в воду и пошли по дворам своим.

И после оного их воровства по бытии ево Михайлову во оном селе во дворе своем четыре недели, взят был он, Михайла, во двор показанного помещика Андрея Анненкова в неверке на него, Михайлу, в краже того села Красной Слободы помещика Анненкова у подданных ево Матвея Заболотного у Гаврилы Павленка с сундука дву понев[87], да дву шапок и в протчей всякои рухляди[88]. В которой краже во оном дворе за оное и бит по черкаской их обыкности киями. Токмо он, Михайла, в тои краже не повинен.

И после онаго битья положен он был под караулом во оном дворе в отхожем анбаре. Ис котораго онбару, подняв мосницу[89], бежал и пришел в Терновую слободу. Жил у тамошнего жителя Степана Шевца одну неделю. А ис той Терновой слободы пошел в молороссийской город Конотоп. И в том городе жил у тамашнего жителя Степана Семикова четыре недели.

А после того времени, как он, Михайла, заехал в показную Красною Слободу, то в то время ево, Михайлу, в том селе изымал показанного Анненкова атаман Степан Загинайлов. И изыскав объявил ему, что, заковав ево в железы, везть в город Путивль для объявления в канцелярии к распросу в той неверке, в краже пожитков. А потом стал ему, Михайле, говорить, чтоб он отдал ему, Степану, украденные им, Михайлу, у целовальника показанные деньги семнатцать рублев. И он, Михайла, ему, Степану, те деньги и отдал. И по отдаче тех денег был им, Степаном, и отпущен, по которому отпуску из оного села Красной Слободы и отбыл он з женою своею в местечко в Ичню, в котором з женою своею за означенным сотником Покотилом в подданстве жил и поныне. А окроме де сего, он, Михайла, на воровствах не бывал, смертных убивств и пожегов не чинил, и с воровскими людьми не знался. И в сем допросе покозал самою истину».

Из допроса мы видим, что на Михаила уже «повесили» упоминаемые выше три кражи 1737 года: «у господина ево {Неплюева} робочих дву волов, да у подданных Семена Куценка кабыла рыжей, у Ивана Литвинова мерена пега». Далее, он признался еще в кражах «с сундука дву понев да дву шапок». В чем был разоблачен и, по черкасскому обычаю, бит киями. Что касается кражи 17 рублей у целовальника Ивана Фолимонова, вырученных за продажу казенного вина, то здесь описан интересный случай: атаман Степан Загинайлов (подданный Андрея Анненкова) поймал Михайла, заковал в кандалы и повез в Путивль. По дороге указанный атаман попросил у Михайла имеющиеся у него краденые у целовальника 17 рублей и после того, как Михайло отдал ему эти деньги, атаман его отпустил на волю (!).

---

[85]Неверка – подозрение.

[86]Целовальники – должностные лица в Русском государстве, выбиравшиеся земщиной в уездах и на посадах для исполнения судебных, финансовых и полицейских обязанностей. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Целовальник (08.08.2025).

[87]Понева – 1) домотканная женская одежда типа юбки, 2) нижняя (льняная) одежда, рубаха, 3) полотенце...

[88]Рухлядь – движимое имущество, вещи, утварь.

89Мосница – предположительно – доска пола чердака. (*Прим. авт.*)

Но это были прошлые дела, а теперь он был помещен под караул в Путивле. Солдату Василию Семенову под расписку вернули лошадь и деньги в размере 5 рублей и 50 копеек.

Сам Михайло Татарченков недолго томился в застенках путивльской тюрьмы: уже через три месяца, 21 августа 1738 года, ввиду болезни, он был отпущен под поручительство путивльского разсыльщика Федора Расторгуева.

А куда пропали объявленные солдатом украденные 51 рубль денег, так и осталось тайной. Либо солдат в своем челобитье завысил сумму украденного, либо эти деньги украл какой-нибудь чиновник в Путивле. Если бы эти деньги припрятал сам вор, то их бы из него «вытрясли» следователи в Путивле. Известно только то, что в своей расписке о возвращении ему 5 рублей, по поводу остальной суммы солдат не спорил.

Такой вот детектив.

2.1.4. Дело о фальшивых купчих

После завершения серии покупок земель в Путивльском уезде в 1737–1743 годах (см. разд. 2.1.2) Семен Васильевич Неплюев задумал большую аферу с покупкой и продажей вотчин и поместий, которые остались после Ивана Григорьевича Анненкова и были распределены после его, Семена, женитьбы в 1717 году между его женой Марией и падчерицей Марфой Анненковой.

С 1717 года Семен с Марией и Марфой проживали в селе Клепалы. В 1727 году Марфа в возрасте 17 лет вышла замуж за бунчукового товарища Ивана Андреевича Гамалея. Образовалась молодая семья, и, надо полагать, на семейном совете было решено, что двум семьям жить в одном доме негоже и надо разъехаться. Решили, что Марфа с Иваном останутся жить в Клепалах, а Семен Неплюев с женой Марией переезжают в новопостроенную слободу Неплюевку[90]. Данных, подтверждающих, что это делалось именно так, нет, но по факту, в результате, две семьи разъехались именно таким образом.

Важным обстоятельством являлось то, что у Семена с Марией не было общих детей. К 1743 году Мария была в возрасте 60 лет, преклонном по тем временам, и уже тяжело болела. Получалось, что после смерти Семена, вотчина в Клепалах и прожиточное поместье его жены Марии вернутся опять в род Анненковых, а именно Марфе (в девичестве Анненковой). Ввиду этого Семен решил устроить свое родовое гнездо в новом месте. Для этого была обустроена слобода Неплюевка. Марфа же с детства проживала в Клепалах в родовой вотчине и, судя по всему, никуда уезжать не собиралась.

Итак, Семену стало совершенно ясно, что Мария не родит ему наследника. Да и ввиду болезни жить ей оставалось недолго. Надо было что-то предпринять. Он понимал, что клепальская вотчина после его смерти автоматически достанется Марфе. А вот все остальное наследство Анненкова надо было как-то переписать на себя[91]. На тот момент ему не принадлежала доля имений, полученных Марфой после его женитьбы на ее матери Марии (176,5 четверти). Законным действием выглядела бы продажа ему Марфой своих поместий и вотчин. Однако, на его взгляд, такая продажа выглядела бы неестественной — что-то надо было дать взамен. Семен ничего другого не придумал, как продать Марфе ее родовую вотчину в Клепалах (150 четвертей). Он оценил сделку в 1000 рублей. При этом готов был купить за 2000 рублей (огромные деньги по тем временам) имения падчерицы. По результатам двух сделок у Марфы оставалась только клепальская вотчина и еще 1000 рублей. Таким образом за проданные Марфе 150 четвертей ее же вотчинных земель Неплюев получал 176,5 четверти.

Имеется предположение, что эти сделки он заранее обсудил с Иваном Гамалеем и, судя по всему, получил от него согласие[92]. Основным препятствием оставалась Марфа, поскольку она лишалась всех имений, оставаясь только с тем, что и так по закону ей принадлежало. Что же касается прибыли в 1000 рублей, то бу-

[90] Неплюевка – ныне село Успенка.

[91] Дальнейшие соображения по намерениям Семена Неплюева и его действия будут изложены без документального подтверждения. Однако их правомерность будет показана ниже, при разборе тяжбы Марфы и Ивана Гамалеевых с Семеном Неплюевым.

[92] К такому же выводу немногим позже пришла Вотчинная коллегия по результатам расследования спорного дела между Гамалеями и Неплюевым.

дучи достойной своего отца — стольника и воеводы, подполковника Ивана Анненкова и деда — Григория Ивановича Анненкова — генерал-майора, она, скорее всего, понимала, что оставшись только с деньгами, ничего зн*а*чимого в ближайших окрестностях, в Подгородном стане Путивльского уезда, купить не сможет.

Для осуществления задумки Семену требовалось оформить две купчие: одну — на продажу Марфе вотчины в Клепалах, а вторую — на покупку имений падчерицы. Для оформления купчей по продаже Клепал ему необходимо было согласие жены, поскольку это была ее родовая (природная) вотчина. По жизни Семен имел неограниченную власть над ней и был уверен, что супруга письменно подтвердит эту сделку. Уговорить Марфу (и/или ее мужа Ивана) на продажу их имений должна была та же Мария, ссылаясь на свое бедственное положение и крайнюю жестокость к ней Неплюева. Кроме того, он был уверен в том, что для Ивана Гамалея эти сделки были выгодными. Таким образом, при наличии письменного согласия Марии и Марфы, обе купчие выглядели бы вполне законными.

Дополнительно Семену необходимо было найти свидетелей, которые в процессе заключения сделок подтвердили бы их законность и письменно засвидетельствовали купчие («приложили руки»). Для этого он предварительно переговорил со своими товарищами — офицерами в Глухове[93]. Ему удалось заверить их в законности сделок, и они согласились быть свидетелями при их оформлении. А друзья были достойными людьми: бригадир[94] Иван Кондратьев сын Ильин, полковник Андрей Тимофеев сын Тютчев, полковник Макар Анисимов сын Сомов, капитан Богдан Осипов сын Теглев, полковник и глуховский комендант Иван Иванов сын Делатур, майор Василий Елисеев сын Ушаков и прапорщик Никифор Воинов сын Стремоухов. Едва ли понимали его сослуживцы всю глубину этой аферы, но при наличии на купчих подписей Неплюева, его жены и Марфы не было оснований считать, что эти сделки оформлялись незаконно.

Слабым звеном оставалась Марфа, поскольку не было никакой уверенности в том, что она согласится на уговоры своей матери и напишет от себя купчую на Неплюева или, по крайней мере, подпишет уже приготовленную. Ввиду этого Семен решил действовать в обход своей падчерицы.

Писать эти купчие в Путивльской воеводской канцелярии, «где было всего и прилично подать челобитье» в присутствии ответственного дьяка, было не с руки, поскольку это сразу бы стало известно Марфе и она тут же остановила бы всю аферу. Да и чиновники в Путивле прекрасно знали историю отношений Неплюева с Гамалеем и с пристрастием проследили бы весь ход этих сделок. Семену надо было оформить купчие в обход Марфы, с нарушением существующих в то время законов. Для этого необходимо было «договориться» с путивльскими чиновниками, а этого Семен, как видно, никак не мог. В результате для оформления купчих Неплюев выбрал город Сумы (Сумскую полковую канцелярию), где он был в силах провернуть свою затею. Для начала Семен дороворился с писцом этой канцелярии Семеном Романенковым, а также с надсмотрщиком Романом Косовцовым о том, что они «закроют глаза» на выбранный им способ оформления купчих. Что значит «договорился»? Понятно, дал взятки. А способ оформления купчих заключался в том, что он не стал их писать в Сумах, в канцелярии, «в присутственном месте», а пригласил писца к себе домой, в слободу Неплюевку. В домашней обстановке, под диктовку Неплюева, писец написал обе купчие. Его жена Мария, вопреки настоятельным просьбам мужа, подписаться под купчей о продаже Клепал не согласилась. Но это Семена не остановило, и он подписал купчую за свою жену. Что касается купчей о продаже ему имений Марфы, то Семен с написанной под его диктовку купчей приехал к Ивану Гамалее в деревню Гамалеевку, где Иван ее подписал вместо своей жены (стало быть, предварительная договоренность между Неплюевым и Гамалеем все-таки была). Позднее сам Неплюев обосновывал подписание купчей Иваном тем, что-де его жена Марфа в это время была тяжело больна и не имела сил расписаться на этом документе.

[93]В то время город Глухов был столицей Малороссии. В нем находились все административные органы. Ныне Глухов – районный центр в Сумской области.

[94]Бригадир – чин (воинское звание) выше полковника и ниже генерал-майора, в русской армии существовавшее в XVIII–XIX вв. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бригадир (06.08.2025).

Купчая на продажу Клепал датирована 30 января 1743 года, а купчая о продаже имений Марфы днем ранее — 29 января.

Обе купчие были засвидетельствованы указанными выше свидетелями (офицерами) в Глухове, на их квартирах, что также являлось нарушением установленного порядка, поскольку такие действия необходимо было производить только в Сумской полковой канцелярии. Готовые документы были отвезены в Сумы. Надсмотрщик Сумской канцелярии Роман Косовцов, в обязанности которого входило наблюдение за законностью оформления сделок, тем не менее дал ход этим документам. Купчие были записаны в соответствующие учетные книги. Были взяты пошлины, которые, надо полагать, оплатил Семен. Роман Косовцов засвидетельствовал законность оформления сделок, расписавшись на купчих.

Чтобы было ясно, что, собственно, продавалось, приведем обе купчие.

Итак, купчая Семена Неплюева[95]:

«Лета тысяща семь сот четыре десять третьего генваря тридесятого дня полковник Семен Васильев сын Неплюев[96] з совету жены своей полковницы Марьи Зиновьевой дочери дали сию купчую крепость гетманского регимента бунчуковому товарыщу Ивану Андрееву сыну Гамалею и жене ево Марфе Ивановой дочери, и детем, и по их наследником в том, что продали мы из вотчины и поместья дач тестя своего Зиновья Козмина Панова и тещи своей Прасковьи Яковлевской {дочери}, что жене моей есть оставшегося наследия после отца ее, а моего тестя, також и матери ее, а моей тещи, и что ис той ее указная часть мне надлежит.

А именно, в Путивльском уезде в Подгородном стану в селе Клепалах двор помещиков со всяким хоромным строеньем и гуменным, и с двором, и с садом, и с лесы, и з запускным рощи. Да старинной лес, прозываемой Глушицу с пчельным заводом и с садом, и с протчими лесами, и со всеми угодьи, чем владели покойной тесть мой Зиновей Кузьмин и мать ее, а моя теща, Прасковья Яковлева {дочь}, також по них а жены моей первый муж Иван Григорьев сын Анненков ими з женою своею по сию продажу. Да новопостроенную на реке Чаше мельницу со всяким мельничным строением и плотиною, и с поселенными близ той мельницы вольными людьми черкасы, и с хутором, прозываемым Курником[97] сенными покосы. Да новопостроенную мною слободу, прозываемую Тарановку[98], з двором помещиковым и мельницею что на речке Курице и Цыпке. Да построенную ж мною вновь слободку на речке Чаше, прозываемую Черепашку[99].

И в том селе и в слободках с жилыми, и с пустыми усадьбы, и с поселенными черкасы, с пахотными и непахотными полями, и з сенными покосы, и с лесы, и со всеми угодьи, принадлежавшими к селу Клепалам и к слободке Тарановке, и Черепашке все без остатку.

А рыбными ловли, проданными от жены ево Марфы подле реки Семи во всех озерах, половиною владеть мне, полковнику Семену Васильеву сыну Неплюеву, по смерть свою, а после смерти моей тем всем озерам быть за оным Иваном Андреевым сыном Гамалеем.

От жены ево Марфы Ивановой дочери крестьян Путивльского уезду деревень Чаплищ, Череповой, Мануховки за наличные, и умерших беглых, и взятых в службу за данной от них купчей мне полковнику и жене, и детям, и наследником моим за четырнатцать душ подушные деньги[100] и всякие государевы подати платить бездоимочно.

Да на Любиной струге в мельнице[101] в особливом анбаре камень которой надлежит жене его Марфе по крепостям деда и отца ее тем також и написанным в данной мне от жены ево Марфы купчей крестьянским сыном Павлом Овдокимовым ему Ивану, жене ево, и детям наследником вечно и владеть.

---

[95] Дело Ивана Андреева Гамалея и его жены о справке по купчей от Семена Неплюева (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 338 об. – 339 об.). Далее этот документ будем называть: «Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева».

[96] В 1743 г. полковник Семен Неплюев уже не служил и находился в отставке.

[97] Хутор Курник – позднее село Чаша.

[98] Слобода Тарановка – ныне село Николаевка.

[99] Слобода Черепашка – позднее деревня Михайловка. История указанных здесь деревень, слобод и хуторов будет исследована позднее.

[100] Подушные деньги – подушный оклад, форма налога, подати, взимаемой в одинаковом или примерно одинаковом размере с каждого подлежащего обложению человека по результатам переписи. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Подушный_оклад.

[101] Мельница в устье речки Чаши. Любину стругу локализовать не удалось.

А взял я, полковник Семен Васильев сын Неплюев, за вышеписанное свое проданное имение и указную часть у него Ивана Андреева сына Гамалея денег тысячу рублев.

И вышеписанным проданным от нас недвижимым имением по сей купчей крепости владеть ему, Ивану, и жене ево, и детем, и наследником вечно бесповоротно, и без выкупу.

А наперед сего вышеписанное имение иному никому не продано и не заложено, и ни в какие крепости не за кем не укреплено, кроме сей купчей.

И мне полковнику и жене моей з детям, и наследникам впредь в то вышеписанное имение не вступатца, и от уступщиков очищать и харчей[102] и убытков никаких не доставить. И о повороте оного имения и о выкупе впредь не бить челом.

А ежели я, полковник Семен Васильев сын Неплюев, против сей купчей в чем нибудь не устою, харчей и убытков каких доставлю Ивану Андрееву сыну Гамалею, жене ево, детем и наследникам, на мне полковнику и наследниках моих по сей купчей крепости данные свои деньги взять все сполна, а за неустойку пять сот рублев. А харчи и убытки за пристройку по указу. А сия купчая ему, Ивану Андрееву сыну Гамалею, жене ево и детям, и наследником, и впредь вечно в крепость.

К сей купчей полковник Семен Васильев сын Неплюев в том, что в Путивльском уезде в Подгородном стану в вышепомянутых селе и слободках из недвижимого имения указную свою часть гетманского регимента бунчуковому товарыщу Ивану Андрееву сыну Гамалею жене ево и детям, и наследником продал, и денег тысячу рублев взял, и руку приложил, а вместо жены своей.

К сей купчей брегадир Иван Кондратьев сын Ильин свидетелем был и руку приложил. У сей купчей полковник Андрей Тимофеев сын Тютчев свидетелем был и руку приложил. У сей купчей полковник Макар Анисимов сын Сомов свидетелем был и руку приложил. У сей купчей капитан Богдан Осипов сын Теглев свидетелем был и руку приложил. У сей купчей полковник и глуховской комендант Иван Иванов сын Делатур свидетелем был и руку приложил. У сей купчей маэор Василей Елисеев сын Ушаков свидетелем был и руку приложил. У сей купчей прапорщик Никифор Воинов сын Стремоухов свидетелем был и руку приложил.

Купчею писал сумских крепостных дел писец Семен Романенков 1743 году генваря 30 дня. По указу Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА сия купчея в Сумах у крепостных дел в книгу записана. И с оной пошлинных денег с рубля по десяти копеек; от письма со ста рублев по десяти ж копеек один рубль; от заимки десять копеек; за излишние страницу десять копеек. А нужныя расходы пятьдесят две копейки, да с неустойки с рубля по три деньги семь рублев пятьдесят копеек. Итого сто девять рублев дватцать две копейки взято. Принел и подписал сумских крепостных дел надсмотрщик Роман Косовцов.

Бунчюкового товарыща Ивана Андреевича Гамалея служитель ево Дмитро Прохоров сын Езиерский по поверенному от онаго господина своего письму руку приложил.

По осмотру в подлинной купчей чищенья и приправок и меж строк приписок, и на поле выносов не явилось. Подканцелярист Александр Вереин».

Подпись Неплюева на этой купчей представлена на рис. 1: «Полъковник Семен Неплюевъ». Заметим, что эту купчую не подписала жена Неплюева Мария, для которой эта вотчина была родовой. За нее расписался сам Семен. На ней же подписался доверенный человека Ивана Гамалеи Дмитрий Езиерский, что подтверждает ранее указанное предположение о сговоре Семена Неплюева и Ивана Гамалеи.

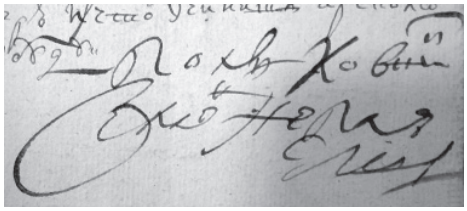


Рис. 1. **Подпись Неплюева на купчей 1743 г.**

Теперь почитаем вторую купчую, от Марфы Анненковой о продаже ее поместий и вотчин[103]:

«Лета одна тысяча семь сот сорок третьего генваря дватцать девятого дня гетманского регимента бончюковаго товарыща Ивана Андреевича Гамалея жена Марфа Иванова дочь подполковника

[102] Харчи – расходы, издержки. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[103] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 348–350.

Григорьева сына Анненкова с общаго согласия оного мужа своего дала сию купчую крепость вотчиму своему полковнику Семену Васильеву сыну Неплюеву и по нем наследникам ево в том, что продала я, Марфа, из вотчинных и поместных дач сел и деревень из движимых пожитков деда и отца своего Ивана Григорьева сына Анненкова.

А имянно в Путивльском уезде в Подгородном стану слободку Гамалеевку, да слободку Карпиловку, Красная то ж, и помещиковыми дворами, и со всяким хоромным строеньем, и гуменными, и огородными местами, чем мы с мужем моим Иваном Андреевичем и подданые наши тех слободок владели, и с четвертою частию которая подлежит мне по наследству по матери моей Марьи Зиновьевны.

Да из старинных же дач деда моего Зиновья Козьмича Панова и бабки моей Прасковьи Яковлевны, и ис купленной отцом моим показанным подполковником, ыв череповской даче под вышепомянутую слободку Гамалеевку[104], да под слободку Неплюеву по обе стороны речек Терна и Курицы, и Цыпки половину ис трех частей деда и отца моего, что явитца по дачам в Вотчинной коллегии, которые под те слободы подошли.

Да в Чашском да Ослецком городищах дач деда и бабки, и отца моего, которыми владели мы с мужем моим половину ж по дачам Вотчинной коллегии ис четвертою частью, что надлежит мне по наследству от матери моей.

Да на речке Чаше близ слободки Черепашки по обе стороны той речки берега для строения мельницы сенные покосы, едучи от Гамалеевки Ромадановским шляхом и поворотя с Родоману дорогою, что ездят до Клепал на гребельку, прозываемую Колуженку, левая сторона от гребельки.

Да сенные покосы весь Кут по сию сторону болота, которое идет от хутора до Чаши и Кашивани к хутору нашему. Також и подданные слободки Гамалеевки. И теми покосами, что подле Комаева хутора до самой Чаши.

Да подле реки Семи на Любиной струге купленной камень[105] матерью моею ис которого мне надлежал по наследству указная часть.

Да по реке Семи половину озер, что близ села Клепал и деревни Чаплищ. И теми озерами ему, вотчиму моему, владеть по смерть ево. А по смерти ево владеть мне, Марфе, детем и наследником нашим вечно.

Да за рекою за Семью в деревни Чаплищах, в Мануховке и в деревни Череповой на реке Клевени крестьян с женами их и з детьми, и с племянники, и с внучаты, и з зятьями, и в бегах своих свойственники, и со всеми их крестьянскими пожитки, и с хоромным, и с всяким строением, и скотом, и с хлебом стоячим, молоченным, и в земле посеенным; да из села Клепал покойново отца моего человека, которой бежал из отказу матери моей Федора Зверева.

Да в Драголевской волости в селе Волынцове и в деревнях Козловке, в Юрьевой, Яминская то ж, в Лежачах и в Титовой дуброве из дач отца и деда моего показанного подполковника.

И во всех вышеписанных слободах селех и в деревнях Путивльского уезду с роспашными и нероспашными землями, и с сенными покосы, и з береженными рощами, и с хоромными и дровеными лесами, с садами, и с мельницы, и пруды, и рыбными ловли, и со всею четвертною пашнею и угодьи, что в тех деревнях засемских по дачам явитца, все без остатку, которые недвижимое имение за мною, Марфою, справлено в 717-м году, и с четвертою частью, что надлежит мне, Марфе, по наследству от матери моей.

Також данную матери моей четвертую часть после первого мужа ее, а моего отца объявленного подполковника, в деревне Просьянах в Федоровки в Ризлеях крестьян всех з женами, и з детьми со внучаты, и с племянники, и в бегах с их свойственники, и с их крестьянскими всякими пожитки, с хоромным строением, и скотом, хлебом стоячим и молоченным, и в земле посеенным, которые дачи и крестьяне обоих полов надлежат мне, Марфе, по матери моей в наследство и отказаны ей матери моей в 719 м году.

И за вышеписанных замосковных во всех селех и деревнях крестьян платить государевы подати и подушные деньги ему, вотчиму моему полковнику Семену Васильеву сыну Неплюеву, бездоимочно. А которые в Путивльском уезде отказаны за нами отца моего показанного подполковника людей и крестьян, за нами

[104] Ныне – село Воскресенка.

[105] Имеется в виду жерновой камень мельницы Ивана Анненкова в устье речки Чаши у деревни Лухтовки и села Красной Слободы.

с мужем моим Иваном Андреевичем Гамалеем и подушные деньги мы платили, и за отказом от нас бежали, померли, и за взятые в службы с сей купчей, кроме имеющегося у нас остался во владении, платить ему, вотчиму моему, подушные деньги и всякие государевы подати за 14 душ. А ежели сыщутца чьи беглые люди и крестьяне обоих полов, которые за отцом моим записаны были в отказе, за тех подушные деньги и всякие государевы подати, и пожилые деньги вновь до переписи мужеска полу душ по указу платить мне Марфе.

И за вышеписанные взяла я, Марфа, у него, вотчима своего полковника Семена Васильева сына Неплюева, деньг 2000 рублев и ему, вотчиму моему, и по нем наследникам тем вышеписанным имением по сей купчей крепости владеть вечно, бесповоротно, и без выкупу.

А наперед сего вышепомянутые имения, кроме сей купчей, иному никому не проданы и не заложены, и ни в какие крепости ни за кем не укреплены. А ежели вышепоказанные проданные от меня, Марфы, имения кто станет вступатца, и мне, Марфе, детям моим, и наследником моим ево, вотчима моево и наследником ево отступщиков, и от всяких письменных крепостей очищать, харчей и убытков никаких не доставлять.

И впредь мне, Марфе, и детем, и наследником моим о повороте и о выкупе того движимого и недвижимого имения на него вотчима моего не бить челом.

А ежели я, Марфа, дети и наследники мои против сей купчей в чем нибудь не устоим, харчей и убытков каких доставлять, и ему вотчиму моему, и наследникам ево взять на мне, Марфе, и на детех моих, и наследниках по сей купчей крепости данные свои деньги все сполна. Да за неустойку пятьсот рублев. А харчи и убытки, и за пристройку по указу.

А ся купчея ему вотчиму моему полковнику Семену Васильеву сыну Неплюеву и наследникам ево и впредь вечно в крепость.

К сей купчей гетманского регименту бончюковой товарыщ Иван Андреев сын Гамалея вместо жены своей Марфы Ивановой дочери в том, что она в Путивльском уезде в Подгородном стану, что показано в купчей имение свое вотчиму своему полковнику Семену Васильеву сыну Неплюеву продала и денег 2000 рублев взяла, в том по ее прошению руку приложил. А что приправкою написано, о том она не спорит.

У сей купчей брегадир Иван Кондратьев сын Ильин свидетелем был и руку приложил. У сей купчей полковник Андрей Тимофеев сын Тютчев свидетелем был и руку приложил. У сей купчей полковник Макар Анисимов сын Сомов свидетелем был и руку приложил. У сей купчей капитан Богдан Осипов сын Теплев свидетелем был и руку приложил. У сей купчей полковник и глуховской комендант Иван Иванов сын Делатур свидетелем был и руку приложил. У сей купчей майор Петр Андреев сын Дунин свидетелем был и руку приложил. У сей купчей полковник Иван Андреев сын Челищев свидетелем был и руку приложил. У сей купчей пример маэор Яков Любимов сын Полянской свидетелем был и руку приложил.

Купчею писал сумских крепостных дел писец Семен Романенков 1743 году генваря 29 числа.

Сия купчая в Сумах у крепостных дел в книгу записана. Из оной пошлин з денег с рубля по десять копеек двести рублев. От письма со ста рублев по десяти ж копеек два рубли. От записки десять копеек. За излишние две страницы дватцать копеек. На нужные росходы один рубль две копейки. Да с неустойки с рубля по три деньги семь рублев пять десят копеек. Итого двести десять рублев восемь десят две копейки по указу взято. Принял и подписал сумских крепостых дел надсмотрщик Роман Косовцов».

Как мы видим, эту купчую подписал Иван Гамалея вместо своей жены Марфы. Почему Иван согласился участвовать в этой афере — это станет ясным немногим позже. Скажем сразу, что по этим сделкам Иван повел свою игру.

Пока у Семена дело шло как нельзя лучше. Проблема, однако, была в том, что по установленному тогда порядку предстояло официально, в Путивльской воеводской канцелярии, допросить Марфу («учинить допрос») и выяснить, согласна ли она продать свои имения отчиму Семену Неплюеву. Без ее письменного согласия продажа была невозможной. Как было указано выше, Семен рассчитывал на жалость Марфы к своей матери. Как позднее она писала в своих челобитных, «он, Неплюев, мать мою содержал в великих угрожениях и побоях»[106]. Ввиду этого он резонно полагал, что Марфа скажет и подпишет все, что ему было

[106] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 489.

нужно, «избавляя ее {свою матерь от} мучения и опасаясь чтоб ей {матери} от того не воспоследовалось безвременной смерти»[107].

После оформления купчих в Сумской полковой канцелярии дело пошло установленным порядком. Однако уже с февраля начались споры по этим сделкам. Было начато большое спорное дело. Оно будет вестись в Государственной вотчинной коллегии в Москве с марта 1743 года по декабрь 1749 года. Объем документов составит 290 листов (580 страниц). По указаниям и приказам из Москвы по этому же делу, в эти же сроки велось расследование и в Путивльской воеводской канцелярии[108].

Дальнейшее изложение истории с купчими будет вестись от имени основных героев дела: Ивана Гамалеи, Марфы Анненковой и Семена Неплюева. Каждый из них в своих челобитных будет излагать свою версию происходящего. Мы же будем анализировать написанное, чтобы попытаться понять, что же происходило на самом деле.

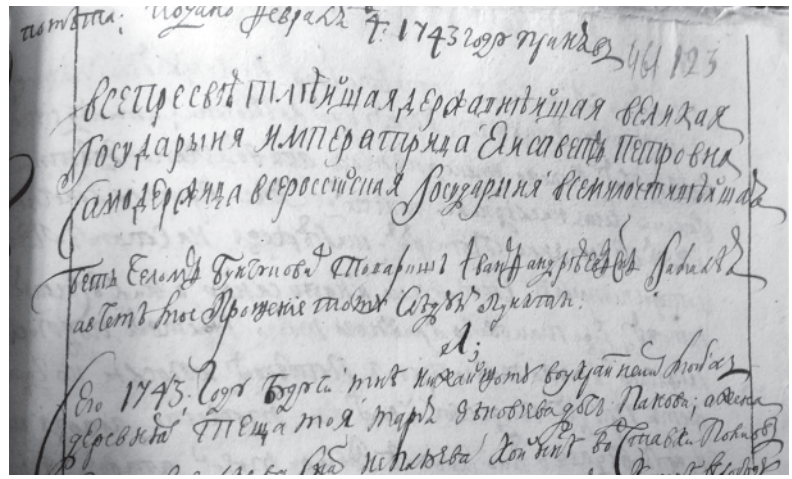


Рис. 2. **Челобитная Ивана Гамалеи от 04.02.1743 г.**

Уже 4 февраля 1743 года, через несколько дней после оформления купчих, Иван Гамалея дал «задний ход». В городе Погаре[109], в сотенной канцелярии, он написал челобитную императрице Елизавете Петровне (рис. 2) с жалобой на Семена Неплюева, принудившего свою жену Марию согласиться с продажей имений своей дочери Марфы. Здесь Иван детально объясняет, каким образом и почему он подписал купчую на имения Марфы[110]: «Сего 1743 году, будучи мне нижайшему во украинских помесьях деревнях, теща мая, Марья Зеновьева дочь Панова, а жена Семена Васильева сына Неплюева, кой ныне в одставки полковником, нарочно от него ж, Неплюева, присланная ко мне в слободу, прозываемую Гамалеевку, приехавши, привезла из собою совсем написанную им же якобы от жены моей крепость. Будто бы жена моя ему, Неплюеву, некоторое недвижимое свое наследство уступилась, чего никогда не бывало. Которая крепость, где и каким образом и при ком писана, я, нижайший, не ведал бы, ежели бы при том тогда ж, она теща мне не объявила яко та помянутая подступно и фальшиво составленная крепость не в приказе[111] при присудствии членов, но в доме его Неплюева в противность указов писана. И просила при том мене, нижайшего, чтобы я на оном письмевом, что жены моей Марфы Ивановой дочери Анненковой, подписался. И как я, нижайший, подписывать не хотел, то помянутая теща со слезами просячи и кланяючись мне, нижайшому, говорила, что де ежели ты на сем письме теперь не подпишешь, за сим де я нарочно от мужа моего к тебе и прислана, то де мне же от мужа моего больше живой не жить. И буде и так же я здоровья своего во вся от его лишилась за то, что не хочу от себе на тое наследство уступки учинить и дать крепости. А мне де то как зделать, понеже {поскольку} у мене дочь моя, а твоя жена з детьми, внучатами есть наследники. А таперь де уже пришло конечно и живот[112] безвременно потерять. Тебе же де на етом письме, которое не в приказе составлено и написано, и в силе состоять не может, ради таковаго крайнего моего бедствия подписать не причина, и мужа

[107] Там же. Л. 425 об.

[108] Дело по указу им оной же вотчинной колегии по челобитью полковника Семена Васильева сына Неплюева об отказе проданого ему патчерицы ево Марфы Ивановой дочери Анненковой бунчукового товарища Ивановой жены Андреева сына Гамалеева путивльского недвижимого имения в Путивльском уезде в селе Клепалах и в путивльских местах. На 43 листах (РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 246).

[109] Погар – ныне поселок городского типа в Брянской области. В Погаре был собственный двор Ивана Гамалея.

[110] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 461–462.

[111] Приказ – учреждение, имевшее в своем ведении какой-либо круг государственных дел.

[112] Живот – жизнь. (*Прим. авт.*)

моего тем потешить. А посля время прийдет, то де своих искать вы можете. А то де ты и сам ведаешь, яко кроме дочери моей, а твоей жены с вашими детьми, наследников их роду мужьего никого больше нет. Ты же де, ежели на сем подпишешься, то может статись что Бог мне допустит хотя с покаянием к смерти, понеже мне от мужа моего самое бедное житие пришло. Всегда де того к смотру, дабы смерть безвременная, когда мне от него не случилась.

И я, нижайший, таковое печальное прошение и слезы тещи своей видя и соболезнуя таковаго ея нещастия, найпаче же дабы в житии ее от чего, Боже сохрани, не случилось от мужа ея ей что за беда, ведая указ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА яко таковым порядком подступно составные крепости, которые не в приказе пишутся в силе быть не могут, того для по усиловному ея прошению без согласия и прозьбы жены моей, только для единого того, дабы в бедствии ея хотя малую на время учинить ей тещи отраду, на помянутом письме якоби за жену свою, о чом жена моя и не ведала, я подписался.

А понеже помянутая крепость в противность ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указу не в канцелярии и не в присудствии членов також и свидетелей, но в Неплюева в дому в Большой слободе, которая ныне Неплювою слободою называется же, подступно написана, которая когда составливана и писана, то при том и не я, нижайшей, не жена моя, мы не были. Також и денег некаких я с женою моею от его Неплюева, как о том в помянутой составленой крепости написано, некогда и негде, и не при ком не брали. О чем он, Неплюев, и впредь нам никак того доказать не может, так де оная подступная крепость ради вышепрописанных резонов в силе своей состоять не могла. В том я, нижайший, сим явочным моим челобитьем протестую».

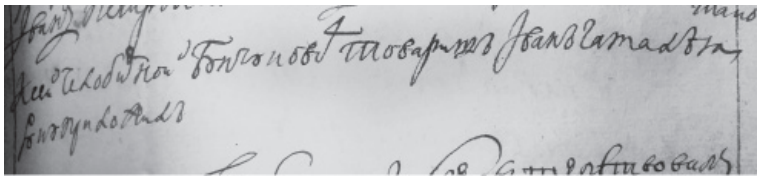


***Рис. 3.* Подпись Ивана Гамалеи на челобитной от 04.02.1743 г.**

На рис. 3 представлена подпись Ивана Гамалеи под этой челобитной: «К сей челобитной бунчуковой товарищъ Иван Гамалея руку приложилъ».

Таким образом, Иван заявляет, что подписал купчую за свою жену по слезной просьбе тещи своей, опасаясь за ее жизнь, и просит этой купчей не верить. Как дело с подписью этой купчей обстояло на самом деле, доподлинно не известно. Неплюев говорит, что Иван Гамалея расписался по своей воле. А Иван утверждает, что тещу пожалел.

Иван Андреевич, как было уже сказано, повел свою игру. Он не препятствовал заключению этих сделок, но сразу после их оформления решил отменить продажу имений Марфы, понимая, что сможет оспорить эту сделку. А вот по купчей по продаже Семеном Неплюевым своей падчерице Марфе вотчины в Клепалах Иван не только не возражал, но и всячески продвигал ее ход. То есть он был готов заплатить за эту вотчину указанные в купчей 1000 рублей, что странно, поскольку она и так достанется ему и его жене после смерти тещи Марии и мужа ее Семена. Мотивы Гамалеи так и остались неизвестными. Похоже, что это решение было принято им самолично, без согласия своей жены Марфы, которая в недалеком будущем будет оспаривать эту продажу. А пока Гамалей предпринимает усилия к ускорению хода этой сделки. 21 марта этого же года он пишет челобитную в Вотчинную коллегию о том, что «в нынешнем 743-м году генваря 30 дня продали мне именнованному полковник Семен Васильев сын Неплюев з женою своею Марьею Зиновьевою дочерью недвижимое имение в Путивльском уезде в Подгородном стану в селе Клепалах и в слободке Тарановке о чем значит в подлинной купчей. И дабы Высочайшим ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указом повелено было сие мое челобитье и купчей точную копию в Государственной вотчинной коллегии принять и то недвижимое имение за мною справить, и об отказе послать указ»[113]. При этом он отправляет своего поверенного человека Дмитрия Езиерского в Москву с доверенным письмом, в котором пишет[114]: «Ехать тебе в Москву, в Государственную вотчинную коллегию для записки купчей, данной на имя мое от тестя моего полковника Семена Неплюева и тещи моей Марьи Зиновьевой Пановой.

[113] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 338.
[114] Там же. Л. 340.

Взять тебе в Путивльскую воеводскую канцелярию о справке и об отказе за мною из Государственной вотчинной коллегии указ. Я тебе верю и что учинено будет прекословить не буду». То, что эта купчая написана вопреки желанию его тещи Марии, Ивана не останавливает.

Здесь необходимо отметить, что в это же время Иван Гамалея был вполне дружен с подписантами (рукоприкладчиками) обеих купчих. Это отражено в дневнике Николая Ханенка[115], близкого родственника Ивана. Вот, к примеру, запись от 4 июня 1743 года: «Обедал у нас {у Николая Ханенка} Иван Гамалея з Иосифом[116] Гамалиею и Павлом Скорупою, а вечором был у нас-же полковник Тютчев и довольно, аж до смерку, позабавился». И далее, 13 июня: «Зранку были у мене атаман и войт чаусовские, прибывшие сюда за делом заводным з евдоколцями о грунта {?} у них отнятые. Вечером были капитанша Бранчинова, Иванова Гамалеина и Пиковчиха у жены моей, а у Ивана Гамалии были брегадир Ильин, полковник Тютчев и подполковник Семенов».

В апреле, приехав в Москву, «служитель Ивана Гамалеи Дмитрей Прохоров сын Езиевской по веренному от господина своего письму сказал, что Гамалей бьет челом о справке и об отказе по купчей»[117]. В результате 20 апреля решением Государственной вотчинной коллегии велено послать в Путивль указ о допросе Марьи Пановой (Неплюевой), согласна ли она продать вотчину в Клепалах своей дочери Марфе. По невыясненным причинам этот допрос не состоялся.

По другой купчей (от Марфы Гамалеи) хлопочет Семен Неплюев: 21 марта он направляет в Вотчинную коллегию челобитье с просьбой записать за ним соответствующие поместья. По этому челобитью «1743 году августа 17 дня Генеральная вотчинная коллегия[118] при неспорных делах, по слушании дела полковника Семена Васильева сына Неплюева, и определила послать указ в Путивльскую вотчинную канцелярию о допросе Марфы Анненковой {Гамалеи}»[119].

В этот раз допрос Марфы не состоялся, он был отложен, поскольку купчую оспорил Петр Федоров сын Шечков. В своей челобитной от 27 сентября он сообщил в Вотчинную коллегию, что «в проданных Марфой поместьях и вотчинах имеются земли в окрестности деревни Карпиловки, не принадлежащие Марфе. А именно, вотчина 84 четверти, проданная Василием Ивановым сыном Череповым его деду Ивану Герасимову сыну Шечкову в 1694 году»[120].

Семен Неплюев, дабы не останавливать всю сделку, просит выделить этот случай в отдельное дело[121]: «744 году ноября 3 дня бил челом полковник Семен Васильев сын Неплюев и просил, чтоб о допросе показанной ево продавицы Марфы Гамалеевой и об отказе за него кроме объявленной слободкой Карпиловской дачи, о которой бьет челом и спорит Петр Шечков, других сел и деревень и пустошей в Путивль послать указ. А по показанной Карпиловской даче было выписать особливо».

Его просьба была удовлетворена, и в Вотчинной коллегии 14 января 1745 года был оформлен новый указ[122]: «Велено в Путивль, в канцелярию воеводского управления, послать ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указ. Велеть в той канцелярии Марфу Иванову дочь Анненкова Иванову жену Андреева сына Гомалеева по силе 743 году августа 17 дня определению при свидетелех допросить».

Указ пришел в Путивль 31 мая 1745 года. С ним была ознакомлена и Мария Неплюева, оставившая под ним собственноручную подпись: «Неплюева» (рис. 4).

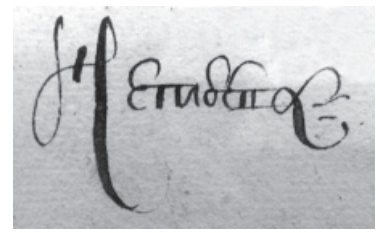


Рис. 4. **Подпись Марии Неплюевой**

[115] *Лазаревский А.М.* Дневник Генерального хоружего Николая Ханенка. 1727–1752. Киев: Изд. Ред. Киев. старины, 1884. 554 с.
[116] Иосиф (Осип) Михайлович Гамалея — двоюродный брат Ивана Андреевича. (*Прим. авт.*)
[117] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 341 об.
[118] В первоисточниках Вотчинная коллегия именуется Генеральной вотчинной коллегией.
[119] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 357 об.
[120] Детали этой продажи описаны в разд. 1.5.1.
[121] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 246. Л. 3 об.
[122] Там же.

По этому указу в Путивльской воеводской канцелярии было велено «Марфу сыскать и допросить». Для этого было оформлено указание «послать по инструкции нарочного и объявить ей, Марфе, чтоб она для того допросу по силе оного указу явилась в Путивльскую канцелярию воеводского правления»[123]. К Марфе в Клепалы был отправлен путивльский житель Яков Аверин, который, согласно выданной ему инструкции, взял с собой четверых свидетелей. «С оными {ему было предписано} ехать в помянутое село Клепалы и объявить в том селе помещице Марфе Гамалеевой, чтоб она явилась в Путивльскую канцелярию воеводского правления для допросу по силе присланного ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указу из Государственной вотчинной коллегии». Результаты этой поездки Яков Аверин сообщил в своем доношении[124]: «И с оными людьми в село Клепалы ездил. И означенную помещицу Марфу Гамалееву в доме ее искал. Пришед во двор, данную мне инструкцию ей объявил. Эту инструкцию взял у меня муж ее Иван Гамалея и вычел. А оную инструкцию жена его Марфа, выслушав при означенных сторонних людях, мне объявила, что она в Путивль не поедет и в допрос не пойдет. А полковнику Неплюеву вышеозначенного недвижимого имения не продавала».

Ему, Якову Аверину, было велено опять ехать в Клепалы и вторично объявить Марфе требование явиться в Путивль для допроса. Результат оказался тем же. При этом на поданной Ивану Гамалеи инструкции муж ее своеручно подписал: «Явочная де челобитная спорная на Неплюева по вышеписанному делу в ево неправде в Путивльской вотчинной канцелярии имеетца». В результате было оформлено доношение путивльского разыщика (следователя) в Вотчинную коллегию в Москву о результатах этих посылок[125]:

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая. Доносит путивльской разыщик Афанасий Чаплин.

Сего августа 745 году 5 дня по велению из Путивльской вотчинной канцелярии велено ехать в село Клепалы. <…> Со сторонними людьми приехали в село Клепалы в двор помянутою бончюкового товарища Ивана Гамалеи, которую инструкицию взял ево Гамалеева учитель детей Махайла. А как по празванию[126] не сказал. Для объявления {инструкции} к нему {Гамалею} носил, которую высмотря и паки вынес атаман ево тово села Клепал, и объявил нам, что де пан и панья наши о том спорят, дабы де Неплюев бил челом. И на данной мне инструкции подписал своеручно оной Гамалея». Судя по всему, у Ивана Гамалея со своей женой были серьезные разборки касательно истории с этой купчей. Результат второй поездки в Клепалы также оказался отрицательным. Ни Марфа, ни Иван на допрос не поехали. Причину таких отказов Марфа объяснит немногим позднее в своей челобитной в Вотчинную коллегию.

В результате 22 августа 1745 года из Вотчинной коллегии было дано указание ехать к Марфе в третий раз. При этом было добавлено: «Будучи у сей посылке, обид никому не чинить под опасением себе за то жестокого истезания»[127]. Да, грубить дворянам со стороны посыльных в то время было строжайше запрещено. На этот раз было предписано доставить в Путивль обоих: и Марфу, и Ивана, без всяких отговорок с их стороны. Однако эта третья посылка также не принесла результата.

В этом же месяце (дата не указана) опять был направлен в Клепалы посыльный, но и он вернулся ни с чем: Иван отказался ехать. «Оной Гомолеев учинился противен, в Путивль со мною не поехал»[128] — так пишет в своем письме в Вотчинную коллегию путивльский разыщик Федор Расторгуев.

Такое нежелание Ивана и Марфы ехать на допрос в Путивль было обусловлено тем, что, уже после первой присылки в Клепалы с предписанием о ее допросе, 28 июня 1745 года Марфа написала большую челобитную в Вотчинную коллегию[129], в которой объяснила все происходящее с обеими купчими.

Рассмотрим подробнее этот документ. Вначале Марфа вкратце излагает историю наследования ею и ее матерью поместий и вотчин отца своего Ивана Анненкова и дальнейшего их раздела между ею и Семеном

[123] Там же. Л. 5.
[124] Там же. Л. 7.
[125] Там же. Л. 9.
[126] Прозвание – прозвище.
[127] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 246. Л. 10.
[128] Там же. Л. 18.
[129] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 425–426 об.

Неплюевым. Далее сообщает, что мать ее Мария умерла в марте 1744 года, будучи так и не допрошенной по делу о продаже Неплюевым вотчины в Клепалах. Да, знал Семен Неплюев, что его жене недолго осталось жить, когда в январе 1743 года оформил две подложные (фальшивые) купчие. Затем Марфа сообщает, что наследников на имения Ивана Анненкова, кроме ее одной, никого нет, и пишет, что Семен Неплюев, «желая меня от законного наследства лишить, без бытности моей и мужа моего, призвав из Сум канцелярского служителя в имеющейся дом в Путивльском уезде в Большую слободу, называемую Неплюевку. И в том доме написал собою {своей рукой} крепости».

Здесь мы видим, что Марфа прямо указывает на желание Неплюева лишить ее имений, доставшихся ей после отца. В отличие от своего мужа Ивана, который все-таки подписался вместо нее на этой купчей, она объявляет, что ничего не знала об этой сделке. Равно как и по сделке о продаже ей вотчины в Клепалах: «Не ведаю и у него потому ж не покупала» и пишет, что обе купчие фальшивые и с ней не согласованы. Не об этих ли противоречиях был скандал у Марфы с Иваном, когда к ним приезжал посыльный из Путивля и приглашал на допрос?

Далее Марфа повторяет историю с подписанием Иваном купчей своих имений в доме Семена Неплюева: «И оная мать моя просила ево, мужа моего, со слезами, чтоб он приложил вместо меня руку. Токмо он муж мой к той крепости руку прикладывать не хотел. И она, мать моя, при том же ево просила и говорила: «Разве де вы желаетя от мужа моего мне безвременной смерти? А вы де о своем как и после можите {спорить}». И он, муж мой, ведая, что та подложная и фальшивая купчая, писанная заочно в доме ево, Неплюева, в противность Вашего ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указов и уложенья, действительной быть не может. По той слезному матери моей прошению и избавляя ее от мучения и опасаясь, чтоб ей от того не воспоследовалось безвременной смерти, без прозьбы моей, о чем я и не ведала, вместо меня и подписал». Таким образом, Марфа подтверждает версию Ивана с подписанием купчей по слезной просьбе ее матери.

Марфа также указывает на неправомерность оформления купчих в Сумах, а именно, что такие крепости «в такой немалой сумме: первая в дву тысячах, вторая в тысяще рублях, и совершены в неуказном месте в Сумской полковой канцелярии, чего по указом чинить запрещено. А по указу 701 году генваря 1 числа повелено крепости в немалой сумме писать у {Вотчинной канцелярии} крепостных дел с ведома того приказу судей и сверх свидетелей закреплять те крепости дьяку». Свой неоднократный отказ ехать в Путивль на допрос она объясняет тем, что «я того недвижимого имения не продавала и денег не получала, и в допросе быть мне не подлежит».

Вспомним, что Семен Неплюев объяснял отсутствие Марфы при оформлении купчей на ее имения ее тяжелой болезнью. В этой связи Марфа сообщает, что «по тому ж указу {1701 года} повелено буде кому для зазрения или за немощию притить самим или кого прислать будет неможно, у тех писать и на дворех. А руки прикладывать на дворех же при свидетелях и при писце». То есть надо было позвать к ней, «немощной», в дом свидетелей и писца, и при ней эту купчую написать, а она бы ее засвидетельствовала.

Далее Марфа разоблачает Неплюева в части действий свидетелей, которые подписались под купчими, но не были в это время в Сумской сотенной канцелярии: «А оные неправые крепости, как писаны, так и совершены одним генваря тридесятым числом, и свидетели у тех неправых купчих значат одни, а руки приложены без оных свидетелей[130]. Иных свидетелей в то время никого там не имелось, да и быть им не возможно, понеже {поскольку} из подписавшихся при той крепости свидетелей брегадир Иван Ильин, полковники Андрей Тютчев, Марка Сомов, капитан Богдан Теглев, полковник и камендант Иван Делятур, полковник же Иван Челищев обретаются при делах Вашего ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в Глухове неотлучно. И в том тридесятом числе генваря имелись каждой при отправлении порученных им дел, о чем подлинно явствуют скрепы[131] их по тем делам, и с чего подлог тех неправых крепостей явно оказался».

Марфа отмечает, что невозможно в одну и ту же дату, 30 января 1743 года, этим свидетелям быть и в Глухове, и в Сумах (расстояние между ними более 140 км): «Оным свидетелям в одних дел, чтоб быть

[130] Марфа имеет в виду, что при оформлении купчих в Сумской полковой канцелярии свидетели не присутствовали.

[131] Скрепа – подпись должностного лица на стыках склеенных в столбец листов какого-либо документа.

при отправлении дел в Глухове, и того ж дни через такую дальность приехать и быть там, где те фальшивыя крепости составливины, никак не возможно. Да и отлучаться им от тех дел потому ж не подлежит». Здесь необходимо отметить, что в то время Иван Гамалея с женой Марфой пребывали в Глухове, поскольку Иван состоял в Генеральном войсковом суде и «неотлучно обретался, присудствуя в суде Войсковом Енеральном, почему и жена моя тож в Глухове всегда со мною нижайшим имелась». По этой причине и Марфа, и Иван прекрасно знали свидетелей по купчим Неплюева. Равно и как факт их пребывания в Глухове в день заключения сделок в Сумах.

В то время город Сумы был слободским, то есть относящимся к нескольким слободским полкам, и административно не входил в состав Белгородской губернии, к которой относился Путивль и его округа[132]. Ввиду этого Марфа отмечает, что «оная ж неправая крепость совершена в Сумской полковой канцелярии слобоцких полков, которой до великороссийских крепостей никакова дела нет, мимо Белогородской губернии, також и Севской правинции, которых в том городе писать и совершать по силе указов не подлежало, понеже оной город Сумы не розрядной и не правинциальной». Здесь Марфа приводит указы 1700, 1701 и 1731 годов, которые запрещают подобные сделки. Более того, она указывает на прецедент судебной практики по подобному делу: «Писанная и в пятистах рублях в нерозрядном же городе Мценску крепость в 736-м году, по определению Правительствующаго Сената, каторый по делу полковника Федора Вельяминова Зернова с Григорьем Засекиным, отставлена и вменена за недействительную, о чем в Вотчинную коллегию в присланном указе значит имянно». Столь аргументированный документ, понятно, не могла составить Марфа самолично. Подобную подборку законов и судебных практик и в нынешнее время может составить только квалифицированный юрист. Кем, впрочем, и был ее муж Иван Андреевич Гамалея, который, похоже, и составил этот документ.

Далее Марфа указывает на то, что сделки по покупке и продаже имений, оформленные с указанными выше нарушениями, даже будучи совершенными и утвержденными, признаются недействительными, а соответствующие проместья и вотчины возвращаются прежним владельцам. При этом она ссылается на положения Соборного уложения 1649 года. Кроме того, указывает, что по указу «187 (1679) году повелено ежели мужья продадут приданыя жен своих вотчины, и оныя возвращать женам».

Обстоятельства жизни своей матери и ее смерти Марфа ранее сообщала в Вотчинную коллегию в своей челобитной, поданной в марте 1744 года[133]: «{Он, Неплюев,} подлогом тайно от матери моей, а ево Неплюева жены, якобы от нея себе на имение ея поместья и вотчины купчие и уступные многократно разные письма, на что ее матери моей таковой воли николи не бывало, о чем она, мать моя, многократно мне нижайшей с жалостию и плачем о таковых его, Неплюева, ухощрениях и умышлениях, яко и перед самою смертию своею за один день, объявила». И далее, «ибо жена у мужа под неволею, от которой в его Неплюева, вовсе свирепого мужа, жила невольницею, от которой страсти и жизни лишилась внезапно, о чем есть не без подозрения. Ибо по смерти у нее плечи все кровавые и синие были, и в одни сутки всю разнесло. И по всему видимо было, что она подзорную[134] смертью внезапно сканчалась».

Здесь же Марфа рассказывает историю о более ранних попытках Неплюева закрепить клепальскую вотчину за своим родом после своей смерти: «Да он же, Неплюев, и прежде мне, нижайшей, желая крайнею учинить пакость, и дабы я не могла ничего наследственного моего получить, село мое Клепало многожды под хмелем {при} матери моей своим приятелем в великих суммах деньгах продавал и расказывал нарочно. И не берючи с них денег, давал им якобы от матери моей на село мое Клепало крепости и письма, что все делал едину фальшь. И дабы тем письмам было в своей силе, и для того тогда и пошлины платил. А именно, первому — в Киеве Жереднскому, а другому — Хрипунову, бывшему в гарнизоне Глуховскому подполковнику, желая понять, что село мое Клепало за себе укрепит». Такие действия вскоре будут очень дорого стоить Семену.

---

[132] Путивль в то время относился к Севской провинции Белгородской губернии.

[133] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 246. Л. 12–15.

[134] Значение этого слова в контексте смерти ее матери осталось невыясненным. Возможно, «подзорный (или позорный)» – от слова «позор» в значении «то, что представляется взору, достойное внимания». (*Прим. авт.*)

После таких челобитий дела по купчим приняли для Неплюева совсем невыгодный оборот. Вотчинная коллегия рассмотрела жалобу Марфы от 28 июня 1745 года и предписала допросить сумских писцов, написавших купчие, надсмотрщиков, которые контролировали процедуру их оформления, а также офицеров, коллег Семена Неплюева, подписавшихся под этими документами.

Поскольку указанные лица были военными и служили в малороссийских учреждениях, их допрос должен быть произведен в их ведомстве — войсковой Генеральной канцеляриии[135] в Глухове, куда и была направлена соответствующая промемория[136]. В ней кратко излагалась суть дела и просьба допросить указанных свидетелей.

Во исполнение указа Вотчинной коллегии рукоприкладчики были допрошены. По результатам допросов каждому было предписано подать в канцелярию Министерского правления[137] объяснительную записку (известие) с изложением истории подписания этих купчих. Такие объяснения были написаны. Во всех известиях, касаемых купчей от Марфы, излагается одна и та же история, близкими по форме и содержанию фразами. Ввиду этого приведем одно из них, а именно известие от самого старшего по званию — бригадира Ивана Ильина[138]:

«По требованию оной канцелярии велено мне подать известие на купчей бунчукового товарища Ивана Гамалея жены ево Марфы и Пановой дочери, данной полковнику Семену Неплюеву на недвижимое ее, Марфино, имение в 1743-м году генваря 29 дня, по ее ль, Марфину, или мужа ее прошению, во свидетельство я подписался.

И на оное объявляю: в прошлом 743 году генваря в первых числех в городе Глухове приезжал ко мне в дом вышереченный Гамалея и объявил, что у жены ево Марфы с вотчимом ее полковником Семеном Неплюевым в недвижимом имении происходит раздел, что утвердят они купчими крепостьми. И ее, Марфиным, именем просил меня, когда от нее, Марфы, прислан будет человек и той крепости писец, чтоб я во свидетельстве подписался.

А потом, того же генваря месяца, от жены его Гамалея Марфы приезжал ко мне человек Дмитрей Егаерской[139] да сумской крепостных дел писец Семен Раманов. И оной человек именем вышеозначенной Марфы Гамалеевой просил меня, чтоб я на той крепости подписался. И вышеописанному Ивана Гамалея персонально, и именем жены ево Марфы человека их Езаевского прошению я на вышеозначенной крепости, усмотря то, что он, Гамалея, вместо жены своей руку приложил, и подлинно рука ево во свидетельстве, и росписался.

А персонально она, Марфа, о том, чтоб я на той крепости подписался, меня не просила, и я ее в то время не видал. А объявлял мне муж ее Иван Гамалея и помянутой человек, что оная жена ево Марфа в деревни разстоянием от Глухова в шести десят верстах лежит больна и за болезнею в Глухов ехать не может. И о том, чтоб я в свидетельство подписался персонально просить не может. Чему поверя ему, Гамалею, яко честному человеку також и человеку ево, я на крепости во свидетельство и подписался.

Брегадир Иван Ильин. 12 сентября 1745 году».

Согласно этим объяснительным получается, что сам Иван Гамалея приезжал на квартиры указанных офицеров и уведомлял их, что Неплюев с его женой Марфой производят раздел своих поместий и вотчин, и для этого оформляют купчие. Он же просил их подписать купчие, которые должен им привезти доверенный человек Марфы. Отсутствие Марфы он объяснял ее болезнью. Далее утверждается, что доверенный человек действительно к ним приехал с купчей от Марфы, на которой стояла подпись Ивана, и по договору с Гамалеем они эту купчую подписали. По версии Ивана Ильина, это Гамалея самолично продвигал сделку о продаже имений своей якобы больной жены.

---

[135] Генеральная войсковая канцелярия – высшее военное и административное учреждение на Левобережной Украине с середины XVII в. до 1764 г. В рассматриваемое время ГВК находилась в Глухове, бывшем тогда столицей Малороссии и резиденцией гетмана.

[136] Промемория – официальная бумага, памятная записка о чем-либо. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[137] Канцелярия Министерского правления – подразделение Генеральной войсковой канцелярии.

[138] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 449–449 об.

[139] Имеется в виду Дмитрий Езиерский.

По той же договоренности с Иваном офицеры подписали и вторую купчую, по которой Семен Неплюев продавал Марфе вотчину в селе Клепалы.

Особенно необходимо отметить, что ни в каких объяснениях господ офицеров ни коим образом не фигурирует имя Неплюева. По словам рукоприкладчиков, всем правил самолично Иван.

Очень большая схожесть объяснительных (даже формулировки одни и те же) указывает на то, что приятели Семена заранее сговорились о том, что и как напишут.

17 декабря 1745 года главные фигуранты скандала полковники Иван Челищев и Андрей Тютчев, а также бригадир Иван Ильин подали своему начальству представление, в котором изложили свои соображения по сути дела с купчими[140].

Вначале они указывают, что 30 января (день оформления купчих) были в Глухове: «Генваря 30 числа мы, нижеподписавшиеся, також господа полковники Делатур и Сомов обретались в Глухове при делах безотлучно, ибо как мы так и помянутые господа полковники на вышеписанных крепостях в свидетельстве подписались». То есть признают, что нарушили заведенный порядок.

Далее, сваливают всю вину персонально на Ивана: «А понеже ис того и как уже пред сим по Министерской канцелярии от нас всех требовано было ответов видимо, что оное все происходит вымыслом помянутого бунчукового товарища Гамалея» — и переходят на прямые издевательства и оскорбления: «Оной Гамалея вместо жены своей руку приложил уже не в малолетстве, но росту весьма большого, хотя не велено будет ево и освидетельствовать. {А мы-то}, взявши еще в разсуждение, что он состоит в войске малоросийском в компуте[141] з добрыми людьми, и к подложной крепости руки не приложит. Что мы не разсуждая тут какова плутовства, но думали, что {всё} идет прямым порядком, а не подложным обманом». Вот такими они были «наивными».

Затем они утверждают, что и купчие писал сам Гамалей, поскольку «жена ево имянно пишет, что он, ведая, что та крепость подложная и фальшивая, без прозьбы ее, о чем она и не ведала, вместо ее подписался. Следовательно потому, что он и нас персонально просил, и человека просить подсылал, и такую крепость сам составлял умышленно подлогом».

Вспоминают также челобитную Ивана, поданную в Погарской сотенной канцелярии 4 февраля 1743 года, в которой он объявляет фальшивой купчую, оформленную без ведома Марфы. Оказывается, что он не имел права подавать эту жалобу в Погаре, и это «зделал коварством своим, и подлогом обманул старшину[142] или каковы последнейшего и безрасудного из оных урядников, потому что Погарская сотенная канцелярия такова челобитья принимать и в дела великороссийския вступатца не должна». Здесь опять неувязка, поскольку подавать такое челобитье в Погаре можно было и это позднее подтвердит Вотчинная коллегия в своем определении по этому делу.

Затем следуют рассуждения о том, где положено было быть Гамалею 30 января 1743 года, в день оформления купчих: «Да ему, Гамалею, того 2 февраля[143] в Погаре и быть не можно. Ибо как Государственная вотчинная коллегия требует, в 30 генваря, когда ту крепость писали и совершили, то ему, Гамалею, яко рукоприкладчику, там же, то есть в Сумах, быть надобно. Из Сум в Погар для подачи челобитья, минуя великороссийский город Путивль, где было всего и прилично подать челобитье, а потом в Малороссии, где главный город Глухов, а от Глухова в другие лежащие по трактам к Погару местечка. И так до оного города скорым временем и доехать нельзя, ибо от Сум до Погар близка трех сот верст, да и от тех деревень, о которых зашел спор, з двесте верст. А что из Сум из тех деревень, о которых у них идет спор, дорога идет на Путивль. А он иногда, яко коварник, не мог бы о том и паче представлять». Здесь господа офицеры сами себя обвиняют: ведь именно они были свидетелями по купчим и как раз им необходимо было быть в Сумах 30 января. Что касается Гамалеи, то он поступил правильно, когда прислал в Сумы своего человека Дмитрия Езиерского с доверенным от себя письмом.

---

[140] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 468–470 об.

[141] В компуте – в числе, в компании.

[142] Старшина – в Южной России и на Украине в XVII и XVIII вв. – руководящая верхушка казачества.

[143] Здесь ошибка: челобитная в Погаре была подана 4 февраля.

Далее офицеры обвиняют Гамалею в том, что он продал чужое, не свое, а своей жены, имение и дают совет Вотчинной коллегии как поступить с Иваном: «По Соборному уложению[144] 17 й главы 35 й статьи положено: буде кто чюжее продаст чинить наказание бить кнутом. А то недвижимое возвратить. А он, Гамалея, когда без воли и ведома жены своей продал, то уже стало быть чюжее, и то наказание ему, Гамалею, точно следует».

Оказывается, «что оной Гамалея коварным своим и воровским подлогом нас честных и заслуженных людей, сочиня умыслом такую крепость, которою жена ево подложною называет, во свидетельстве подписатца перепросил, и тем обманом нас под ответ привел. По сим, чтоб повелено было сие наше представление отослать в Государственную вотчинную коллегию, а ево, Гамалею, выслать под караулом или за добрыми поруками на срок для того, чтоб мы безвинно от ево коварного умыслу напрасно к вящему ответу не подпали». А они, честные и неподкупные, для того и находятся «у присудствия в Министерской и войсковой Генеральной канцеляриях», чтобы смотреть за порядком «и подтверждено смотрить, чтоб всякие неправды пресечены быть могли и дела добропорядочно следовали. Да и указами накрепко подтверждено, чтоб воровства искореняемы были, и в правах малороссийских по тому же о всех неправдах и непорядках запрещают». А ему, Гамалею, «чтоб он там в имеющихся как своих, так родственников и свойственников своих к поправлению их по делам чего не мог сфальшивить, по нашему разсуждению, в суде Генеральном присудствовать ему не прилично. А найпаче с честными людьми. И не токмо в таком знатном месте, но нигде, пока он очиститца».

Действительно, в 1743 году бригадир Иван Ильин был при делах в Генеральном суде, полковник Челищев — в Генеральной счетной комисии и комиссии по следственным обидам. «А протчии ж при других порученных им делах находились». Там же, в Генеральном суде, состоял тогда и бунчуковый товарищ Иван Гамалея. Где-то рядом «обретался» и Семен Неплюев. Все рукоприкладчики были рядом, в одном городе. Все всё друг о друге знали, но, тем не менее, не брезговали ничем, обеляя себя и обвиняя во всем Ивана.

Здесь, забегая наперед, необходимо отметить, что в 1745 году Иван Андреевич Гамалея был назначен членом войскового Генерального суда, а в 1762 году его возглавил, стал Генеральным судьей. Вот, оказывается, с кем «бодались» господа офицеры.

На основании представления, составленного полковниками Иваном Челищевым и Андреем Тютчевым, а также бригадиром Иваном Ильиным, от войсковой Генеральной канцелярии 17 декабря 1745 года была составлена промемория — ответ на запрос Вотчинной коллегии[145]. В этом документе были убраны все бранные фразы друзей Неплюева. Сухо сообщалось, что указанные подписанты купчих 30 января были в Глухове, но на вопрос Вотчинной коллегии, имелись ли в этот день их отметки на делах (например, скрепы), последовал ответ, что нет, не имелись, поскольку (внимание!) этот день был воскресным (привет Семену Неплюеву, оформившему в этот день купчие в Сумах!). При этом, по просьбе указанных полковников и бригадира, их представление было приложено к этой промемории вместе с копиями челобитных Марфы и Ивана, полученными из Глуховской и Погарской сотенных канцелярий. Таким образом, все обвинения в адрес Ивана вместе со всеми их ругательствами оказались их частным мнением, которое предлагалось, тем не менее, рассмотреть в Вотчинной коллегии.

Занятно, что еще за три недели до официального ответа войсковой Генеральной канцелярии в Вотчинную коллегию (который был подготовлен 17 декабря 1745 года)[146], 26 ноября Иван Гамалея уже составил свою челобитную в Москву с оправданиями по обвинениям указанных выше полковников и бригадира[147]. Получается, что сразу по написании представления оно оказалось в руках Ивана. Поистине, что можно было утаить в Глухове в то время?!

Иван по пунктам разобрал еще не отправленный из Глухова документ своих коллег. В своей челобитной он пишет[148]: «Обретающиеся в Глухове великороссийские члены[149], а имянно бригадир Иван Ильин, пол-

[144] Имеется в виду Соборное уложение 1649 г. — свод законов Московского государства. (*Прим. авт.*)

[145] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 458–460 об.

[146] Там же. Л. 460 об.

[147] Там же. Л. 471.

[148] Там же. Л. 471–475 об.

[149] Бригадира и полковников Иван Гамалея здесь и далее называет «великороссийскими членами».

ковники Андрей Тютчев, Иван Челищев, которые подписались без прошения мене нижайшего и жены моей Марфы на фальшивых крепостях, составленных через вотчима жены моей полковника Семена Неплюева <…> и желая в том себя оправить (оправдать), а друга своего Неплюева удовольствовать и удобрить, жену же мою з детьми од законного наследия вовся лишить, а мене, нижайшаго, в крайнее безчестие привести, по своему разумению составили не яко есть вымышленно составленное представление, якое весьма есть неправильное. И в войсковую Генеральную канцелярию подали». Далее Иван указывает, что это представление они составили самовольно, без соответствующего указа.

Что же касается того, что он, Иван, приезжал к бригадиру и полковникам на их квартиры и уговаривал их засвидетельствовать купчие, то это было невозможно, поскольку «я, нижайший, в помянутом 743-м году, в январе первых чисел, не токмо в Глухове, понеже {но даже} в близости от Глухова не был. А был в моих деревнях, в полку стародубском, в слободку же Гамалеевку {ездил} в самых последних числах генваря не ради розделки {поместий и вотчин}, но ради смотрения экономии приехал. И о тех фальшиво Неплюевым составленых крепостях не ведал… И просить мне их, брегадира и полковников, ради вышеписанных резонов не как было не возможно. К тому же я и сам на тех фальшивих крепостях, которые через тещу мою были ко мне привезены почти нечаянно[150], вместо жены моей без ее воли и прошения, токмо ради неусыпного и безмерного слезного моления тещи моей, избавляя ее от безчеловечного мучения и безвременной смерти, руку приложил, как о том из явочного челобитья моего видеть можно.

Что же они, члены, в том представлении своем написали, яко де те явочные челобитии в Погарской, Глуховской и Путивльской канцеляриях приняты и в книги записаны, то будто бы я, нижайший, то зделал коварством своим и подлогом, обманув старшину, то в том они члены докозать не могут. Ибо те явочные челобитья, так од мене, нижайшаго, яко и от жены моей, порядочно и правильно, без всякой хитрости и умыслу в тое канцелярии поданы. А не так, как в том их вымышленно составленном представлении написано».

По поводу правомерности подачи жалобы в Погаре Иван замечает, что «под превысочайшим именем ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА во всяких нуждах подавается челобитье во всех канцеляриях. Подавать, також принимать, и записывать не запрещено. Почему и от меня, нижайшего, и от жены моей {это} учинено». Он указывает также на то, что 30 января 1743 года «везде во всех канцеляриях присудствия членов и одправления дел не каких быть не могло, ибо тот день тогда был воскресный. К тому ж праздник Трех Святителей, котором числом те обе фальшивыя крепости, <…> на которых помянутые члены, будучи на тот час в Глухове, а якобы в Сумах, подписались. По чему они, члены, нечим себе оправдать не могут.

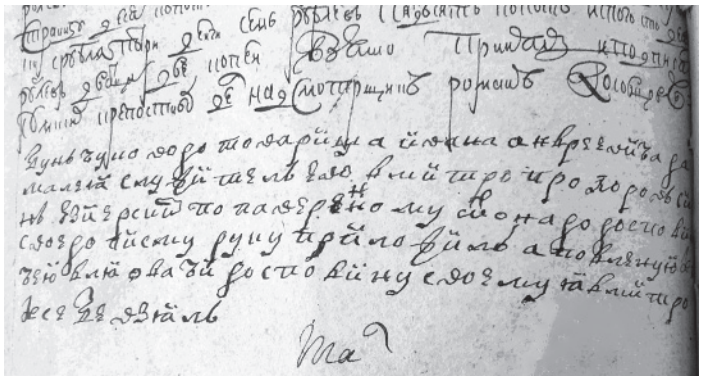


Рис. 5. **Рукоприкладство Езиерского к купчей**

Да они ж в том же представлении показали, якобы и я, нижайший, в то ж число был в Сумах, то и в том доказать они не могут, понеже я, нижайший, более тому десяти лет как в Сумах не бывал». Здесь Иван немного лукавит: да, не был в Сумах более десяти лет, но при подаче купчей на продажу Неплюевым вотчины в Клепалах в Сумской канцелярии присутствовал его поверенный Дмитрий Езиерский с доверенным от него письмом. В деле Вотчинной коллегии имеется оригинал этой купчей с собственноручным свидетельством Дмитрия Езиерского[151] (рис. 5). Здесь в самом конце мы видим внесенную им запись: «Бунчукового товарища Ивана Андреевича Гамалея служитель ево Дмитро Прохоров сын Езиерский по поверенному от онаго господина своего письму руку приложил. А подленную {куп}чею для отдачи господину своему я Дмитро к себе взял».

[150] Нечаянно – неожиданно, непредвиденно.

[151] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 339 об.

Теперь уже Иван грозит бригадиру и полковникам поквитаться за свою обиду. Поскольку «они, члены, в том же своем представлении, приключая мне нижайшему безчестие, <…> на ком надлежит я, нижайший, искать во время впредь по порядку не оставлю. А теперь не токмо о том, но и о самых крайних и необходимых моих нуждах, не могу ради посягательства на мене нижайшего великороссийских членов. А найпаче полковника Тютчева, которой и всей неправды на меня, нижайшего, сочинитель». Да, ничего нельзя было утаить в этой столице, Глухове. Даже то, что сочинителем всей неправды был именно полковник Иван Тютчев.

Иван отмечает, что указанные члены обвинили его во всем без всякого суда: «Мене нижайшего без произвождения суда уже винным и наказанным быть достойным осудили». Поэтому они сами же такого наказания достойны.

Далее он кратко говорит о своих заслугах на службе: «Понеже я, нижайший, з 1721 года ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Высокомонаршому маестату[152] в числе бунчуковых товарищей служити начал. И бывал во многих баталеях, приступах, посылках и разных комесеях, что все отправлял со всякою моею рабскою верностию, без всякаго и малейшаго подозрения и пороку. И никогда не за какую винность не бывал арестован, не под караулом, по тому ж и не штрафован. <…> Но всегда за мною верность и добрые поступки Высочайшою ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА милостию доселе снабден. И от всех наветов злых и напрасных защищаем был, в чем на всех в Малой России достойных и честных людей, також и многих генералов, в которых я, нижайший, бывал в команде. К тому же и на войсковую Генеральную канцелярию, главную в Малороссии дирекцию содержащую ссылаюсь, от которой в Правительствующий Сенат за многия и верныя службы мои к получению мне ранга полковничого удостоен представлено[153].

И для того им, членам, брегадиру члену и полковникам Тютчеву и Челищеву, ведая ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указы, таковых дерзостных и посягательных бранных слов писать было не надлежало…

Та и службою моею, яко и дворянством, не последний. Для того яко всевысочайшою ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА {милостью}… за верныя службы предки мои во дворянство российское высокомонаршею грамотою пожалованы по чему равно и я, нижайший, так как и они члены холопов у себе имею…

{А поскольку} я, нижайший, за собою никакой, також воровства и непорядков не знаю, и не чуствую, и крепко надеюся я, что и они, помянутые члены: брегадир Ильин и полковники Тютчев и Челищев, мне, нижайшому, довести того не могут, хотя они видимому всячески, дабы меня, нижайшего, тим изобличить, ищут и для того всякие напрасно на мене, нижайшего, затевание их посягательства во изобличение им самим. Ясняя паче солнца видити суть {!}».

Что же касается намеков указанных выше членов на то, что Иван, находясь в войсковом Генеральном суде, будет защищать и продвигать своих родственников, то и на это он дал свой ответ: «Несколько лет я, нижайший, по указу Генеральной войсковой канцелярии членом присудствую. До сих пор не единого, не от кого, не токмо о в чем другом, но ниже о неприсудствии при каком либо деле, не от кого на мене, нижайшаго, челобитья не было и нет. А на помянутых членов многие челобитные имеются, почему и указом з Правительствующаго Сената по челобитьях новоуписных козаков, жителей оболонских в Минестерскою канцелярию членов за взятки их повелено следовать. И того ради вымышленному их на мене нижайшего неправому представлению верить не почему не надлежит». Как мы видим, теперь уже Иван обличает членов в получении взяток и говорит о том, что по указу из Правительствующего Сената повелено провести по ним расследование.

В заключение Иван просит защиты у императрицы Елизаветы Петровны: «Мене же, нижайшаго, яко верного и не у чем не подозрительного заслуженного и всеподданнейшаго ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКО-

[152] Маестат – величество (*Чудинов А.Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: В.И. Губинский, 1910. С. 989.)

[153] Это представление не было одобрено.

ГО ВЕЛИЧЕСТВА верного раба, от таковаго их, помянутых членов, наглаго и безчиннаго нападения и напрасного безчестия, за силу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указов и государственных прав, защитить и оборонить. Дабы и другие верные ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рабы и подданные, смотря на тое, имело несуменную надежду ко защищению себе в невинности».

Кроме рукоприкладчиков (бригадира и полковников) было предписано допросить писца и надсмотрщика по купчей Марфы Гамалеи. Вот результаты этих допросов[154]: «И по силе учиненного в 745-м году с Вотчинной коллегии при неспорных делах определению и по посланным в войсковую Генеральную канцелярию промемории, а в Белогогодскую губернскую и в Путивльскую воеводскую канцелярии указом, писец и надсмотрщик допрашиваны … И надсмотрщик и писец в допросах показали.

А именно, писец, что де он от крепостных дел по прошению Марфы Гамалеевой служителя ее Дмитрея Езерского к ней Марфе за болезнью ее посылан был и по приезду по прошению ее и с общаго их согласия мужа ее написал на имя вотчима ее, полковника Семена Неплюева, на недвижимое ее имение купчую, к которой муж ее Иван Гамалея при ней, Марфе, и по прошению ее руку приложил без всякого от нее спору.

Надсмотрщик показывал: в 743-м году по прошению ее, Марфы Гамалеевой, служителя Езерского для писания помянутой крепости за болезнию ее к ней, Марфе Гамалеевой, {он} послал писца Раманенкова, которой по возвращении тое крепость за рукою вместо ее, Марфы, оного мужа ее Гамалея и за свидетелевыми руками для записки и совершения в Сумах у крепостных дел в книгу и для принятия. И росписки от крепостных дел обще с ним, писцом, прислал он же, с верющим письмом, служитель ее, Марфы, Езерской. И то верющее письмо засвидетельствовано в Путивльской вотчинной канцелярии воеводою и с приписью подьячим. И та купчая у крепостных дел {в Сумах} в книгу записана и совершена со взятьем указных пошлин без всякого спору. И в приеме той купчей вместо ее, Марфы, по тому верющему письму росписался служитель ее оной Езерской.

А по какому определению он, надсмотрщик, писца для писания той крепости и рукоприкладства, и для подписки свидетелей к ней, Марфы Гамалеевой, в другой уезд посылал, и не видав продавицы свидетелей, по тому же письму ту купчую совершил, того в том ево в допросе не показано».

Как мы видим, в допросах писарь и надсмотрщик в точности повторили версию событий, описанную бригадиром и полковниками. Точнее сказать, версию Семена Неплюева о том, что Марфа все знала о готовящейся от нее купчей и купчая оформлялась при ней. Почему она тут же ее не подписала, а поручила это Ивану? Да еще с рассказом о ее болезни. Это во-первых. Во-вторых, они, писец и надсмотрщик, утверждают, что купчую Марии заверил поверенный Ивана Гамалеи Дмитрий Езиерский. А это совсем не так. В данном спорном деле приведены точные копии обеих купчих с указанием всех подписантов и всех деталей со взятием пошлин. На купчей Семена Неплюева имеется рука Дмитрия (см. рис. 5). А вот на купчей Марфы ее нет. Вот и получается, что слукавили и писарь, и надсмотрщик.

А что же Семен Неплюев? Похоже, что после «разгромных», по его мнению, обличений, написанных бригадиром и полковниками, а также писарем и надсмотрщиком, он уверовал, что теперь-то его дело точно будет выиграно. С этим представлением о ходе событий он начал действовать и, как говорится, делить шкуру еще неубитого медведя: в январе 1746 года его брат Василий Васильев сын Неплюев пишет челобитную в Вотчинную коллегию о желании выкупить вотчину в Клепалах, проданную Ивану Гамалею Семеном Неплюевым. Совсем уже непонятные действия Семена. Вотчина еще не продана, в разгаре дело в Вотчинной коллегии по челобитиям Ивана и Марфы, в Глухове разгорелся скандал со свидетелями, недавно, в декабре 1745 года, объяснения рукоприкладчиков отправлены из Глухова в Москву. В результате «1746 году генваря 21 дня Государственная вотчинная коллегия, слушав челобитье подполковника Ивана Семенова сына Неплюева о том, что он хочет выкупить имение в селе Клепалах, в слободе Тарановке, да слободку Черепашку, на речке Чаше мельницу, которое было продано Ивану Гамалею за 1000 рублей, < … > и по тому ея {Марфы} спору решение не учинено, в выкупе Василию Неплюеву отказать» [155].

[154] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 625–625 об.

[155] Там же. Л. 457.

Тем временем, в ответ на запрос Вотчинной коллегии, Белгородская губернская канцелярия дала разъяснения, связанные со статусом города Сумы. Вот что написано по этому поводу[156]: «По справке в Белогородской губернской канцелярии учреждения слободских полков делами, оной город Сумы слободской Сумской полк, а не правинцыальной. И по силе Великомилоситивейшаго Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА имянного указу, состоявшегося в прошлом 743-м году сентября 28 дня по прошению слободских полков полковников и старшины велено слободским пяти полкам, в том числе и оному Сумскому полку, в ведении судными разными и протчими гражданскими делами быть у белогородского губернатора, которой полк по силе оного именного Всемилостивейшаго указу ныне в ведении и состоит». Далее: «По силе Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА о крепостных делах 1731 года, да в прошлом 1733-м году июля 8 дня от покойного генерала князя Шаховского Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА блаженныя и вечно достойныя памяти Великой Государыни Императрицы Анны Иоановны всеподданнейше представлено было, не соизволит ли Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО в слободских полковых городех указы {и} всякия крепости до дву тысяч рублев писать со взятьем указных пошлин и з запискою в книги, так как и в провинцыальных великороссийских городех. И на оное всеподданнейшее представление в прошлом 734 году июля 31 дня по всемилостивейшему имянному указу, за подписанием Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА собственныя руки, повелено в слободских полках на земли и дворы и протчее, имеющееся в тех полках всякие крепости писать со взятьем указных пошлин и з записью в книги. И по силе оного Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА имяннога указу и по справке с присланными из слободских полков репортами в тех слободских полках крепости до дву тысяч пишутца. А собранные с крепостей пошлинныя деньги ис тех полков присылаютца ежегодно с протчими деньгами в Белогородскую губернскую канцелярию».

Таким образом, город Сумы в то время был слободским, относящимся к Сумскому слободскому полку. С 28 сентября 1743 года по просьбе старшины пяти слободских полков Малороссии слободские города (Сумы в том числе) были подчинены Белгородской губернии, и все гражданские дела этих полков теперь можно было вести в кацеляриях этих полков (в том числе в Сумской). Ранее, с 31 июня 1734 года, на все, имеющиеся в этих полках земли, дворы и прочее крепости (купчие) можно было писать на суммы до 2000 рублей. На первый взгляд кажется, что Семен Неплюев был прав с выбором Сумской канцелярии, но это не так, поскольку эти купчие могли писаться только на имения и угодья, приписанные к указанным слободским полкам. Тогда как поместья и вотчины, которые продавал/покупал Семен, относились к территориям великорусским, а не слободским, и писаться на них купчие крепости в Сумах не могли.

13 марта 1746 года Марфа подала очередную челобитную в Вотчинную коллегию[157] (рис. 6), в которой еще раз пересказала свою историю с подписанием купчих, а также обратила внимание на то, что Семен Неплюев самовольно распоряжается ее имениями. Помимо этого она указала на еще одну попытку выкупить якобы проданную вотчину в Клепалах братом Неплюева Василием[158]: «Он же, Неплюев, видя те

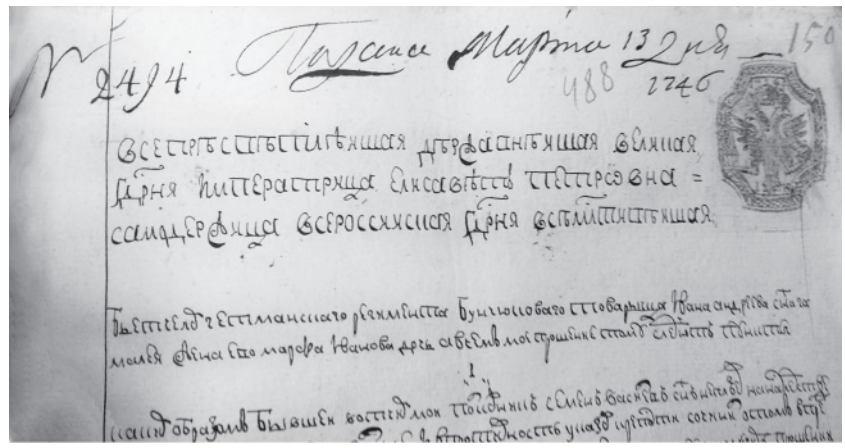


Рис. 6. **Челобитная Марфы от 13.03.1746 г.**

[156] Там же. Л. 483–484.

[157] Марфа в это время пребывала в Москве, и челобитную писал в доме графини Марфы Петровны Мусиной-Пушкиной ее служитель Петр Аверкиев. В этот же день Марфа оформила доверенное письмо на ведение своих дел в Вотчинной коллегии советнику князя Александра Григорьевича Волконского, его служителю Ивану Андрееву сыну Лаквинову. К этой челобитной он руку приложил.

[158] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 488–489 об.

свои неправые и в противность указов вымыслы и сочинение вышеписанных фальшивых крепостей, что оное ему не надлежало, от имени брата своего новгородского помещика Василья Васильева сына Неплюева о выкупе якобы проданного им Неплюевым мужу моему недвижимого наследственного моего имения и челобитную исходатайствовал, которой и о выкупе просит. Токмо то имение к выкупу ему не наследует, понеже оно, имение, в наследственное мое, а не ево, Неплюева, о чем и выше сего явствует. К тому ж таковых неслужащих {людей} по силе указу 714 году апреля 14 дня к покупке деревень и допуска запрещено. А он, Василей, как и с челобитья ево видно, не служащий человек и рангу никакого не имеет, и {этого} в челобитье своем не написал». В заключение она отмечает: «А что он, Неплюев, фальшивые крепости составил и мне нижайшей з детьми моими крайнее разорение, тако ж через несколько лет убытки и волокиту[159] учинил. И меня, нижайшую, и мужа моего напрасно поносит и безчестит. И за оное повелено б было учинить с ним, Неплюевым, как о таковых ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА нравы повелевают. А о завладении им, Неплюевым, всяким движимых наследственных моих имений буду бить челом и исках впредь, где по указом подлежит».

Тем временем Семен Неплюев запросил в Вотчинной коллегии выписку по его делу с Марфой и Иваном Гамалеями. Выписка была оформлена и представлена ему. Ознакомившись с ней, Семен дал указание своему доверенному человеку написать сказку[160] с изложением своей версии происходящего. Документ получился весьма объемным. Здесь излагается ход событий по заключению сделок в версии Неплюева, а также даются ответы на все обвинения Марфы. Разберем подробнее эту сказку, чтобы представлять позицию Семена[161].

Начнем с истории написания и оформления купчих[162]: «Оной муж ее, Гамалей, призывал к себе в дом в слободу Гамалеевку города Путивля надсмотрщика Тихона Хатьянова для написания крепости[163], которой {надсмотрщик} отпущен был от воеводы {путивльского} Андрея Леонтьева и с приписью Александра Пенцова. И о написании крепости советовал{ся} он, Гамалей, и з женою своею. А оной Хатьянов приезжал к Марфе и Гамалею в дом с книгою[164]. Токмо затем тогда та крепость не писана, что до той суммы в Путивле писать не велено». Таким образом, Семен утверждает, что Иван и Марфа вначале пытались оформить купчую в Путивле, но сумма сделки была слишком большой (2000 рублей), что не позволило это сделать. Кроме того, «села Красной Слободы Путивльского уезду церкви Преображения Господня отец ее, Марфы, духовной поп Василей Иванов в продаже от ее, Марфы, ему недвижимого {имения} приезжал к нему, Неплюеву, и просил, чтоб разобратца {с} купчими. И помянутой священник с начала и до кончания про купчия от нея, Марфы, и мужа ее Гамалея ведает, что по ее Марфину неоднократно прошению. И путивльския окольныя посторонние дворяня и про те их купчие ведают же. И при написании той ее купчей был дворянин Григорей Иванов сын Сагарев. Да известны и многие дворяне, которых при следствии объявлено будет от него поимянно, и показанной священник, и канцелярист, також и посторонние дворяне по присяжной должности показать могут, что те крепости написаны по их прошению и воли, обще з женою».

В приведенной версии Неплюева замечательно то, что Иван Гамалея, будучи в то время членом Генерального войскового суда Малороссии, не знал, где и как оформляются купчие крепости. При этом он не сам поехал к Неплюеву посоветоваться, а зачем-то послал к нему духовного отца Марфы попа церкви села Красная Слобода Василия Иванова, который справлялся у Семена по этим купчим. Об истории их написания, оказывается, знают все дворяне Путивля. И о том, в частности, что челобитная Марфы писана по неоднократным ее просьбам, так как она хотела продать Семену свои наследственные имения. Вот такая версия событий.

---

[159] Волокита – проволочка, судебные хлопоты.

[160] Сказка – названия различных документов делопроизводства, содержавших показания свидетелей, отчеты, донесения о событиях, о выполнении служебных и прочих поручений.

[161] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 592–601 об.

[162] Поскольку сказка написана доверенным лицом, повествование от имени Семена ведется в третьем лице.

[163] Имеется в виду купчая по продаже Марфой своих имений Семену Неплюеву.

[164] Имеется в виду книга записная купчих крепостей.

Далее Семен продолжает: «И писана та крепость не заочно, как от нея, Марфы, в челобитье показано, но при ней и муже ее, в доме их в слободе Гамалеевки. И ко обличению их неправости имеетца у него, Неплюева, сумских крепостных дел писца, писанная ево рукою черная[165] крепость, в которой приписывал муж ее Иван Гамалея с совету ее меж строк своею рукою при ней и объявленном писце к лутчему к своея стороне, которую при сем предъявляю, чтоб ту приписку руки ево приняв к делу и освидетельствовать». То есть крепость писалась в Ивановой деревне Гамалеевке в присутствии Ивана и Марфы. Замечательно, но не понятно другое: почему Марфа сразу не подписалась под купчей, будучи в Гамалеевке, и почему надо было Ивану выдумывать историю с ее болезнью и рассказывать ее в Глухове будущим рукоприкладчикам бригадиру Ивану Ильину с товарищами.

Семен также дает ссылку на доношение из Белгородской губернской канцелярии о том, можно ли оформлять такие сделки в слободских городах: «В доношении имянно показано, что по имянному указу 734 году велено, как в тех слобоцких полках на земли, и дворы, и на великоросийския земли всякие крепости до дву тысяч рублев писать, которые и пишутся. А чтоб на великоросийское недвижимое крепостей не писать, в том имянном указе не запрещено». Да нет, как раз запрещено. Текст этого доношения был приведен выше.

И далее, оказывается, что Марфа ранее ему же, Семену, много чего продавала: «Небезызвестно, что данная от нея, Марфы, купчая писана не первая, и не в образец. Да и проданное от нея, Марфы, ему недвижимое имение також и поселившиеся на том проданном недвижимом имении подданные вольные люди черкасы ее и протчих путивльских помещиков положенным на них окладом ведомы в городе Сумах». Здесь, очевидно, он ссылается на фальшивые купчие, которые он писал на своих товарищей и на которые указывала в своих жалобах Марфа. По этим фальшивым купчим никакого дальнейшего движения тогда не последовало.

Семен также указывает, что купчая от него на Ивана по клепальской вотчине якобы уже вступила в силу и Иван вступил во владение селом Клепалами и соответствующими вотчинными землями, и платит всякие сборы: «А как по купчей 743 проданным от него {Неплюева} указною частью села Клепал и вышеписанных слободок Тарановки и Черепашки во владение он, Гамалея, вступил, то в платеже положенными малороссийскими зборы правиант платил. И особливо и квитанции даваны по владению на имя ево, Гамалея». Может, оно так и было, поскольку по вотчине в Клепалах Иван вел свою игру. И хотя спор по купчей был еще не завершен, но Иван уже считал эту вотчину своей.

Что же касается купчей по продаже Марфой своих имений, то Семен жалуется на Ивана, что тот не признает этой сделки: «А что от нея Марфы и Гамалея ему проданы две слободки Карпиловки и Гамалеевка, и в протчих деревнях по силе купчей всякие поборы и правианские деньги платили, и ныне платят подданные ево, Неплюева. И квитанции о поборах имеютца у них на имя плательщиков». Да, Иван эту купчую не признает. Семен далее жалуется, что по новой переписи населения Иван записал Клепалы за собой, а имения Марфы так и остались за ней: «Особливо ж и по новой переписки после купчей Марфы написал он, Гамалея, проданные от него {Неплюева} ему в селе Клепалах указную часть и слободку Тарановку, и Черепашку по скаске за собою». Да, Иван прекрасно понимал, что в силу законов село Клепалы и вотчину он в конце концов у Неплюева отберет. А потому и распоряжался этими имениями по своему усмотрению. А вот продажу Марфой своих имений Иван не признавал. И Семен, и Иван, они оба, что называется, «ловили рыбу в мутной воде» и толковали события каждый в свою пользу.

Далее Семен спорит с Марфой о том, кто и на чьих землях поселил слободы и хуторы на речках Чаше, Терну, Курице и Цыпке: Черепашку, Гамалеевку, Большую Слободу (Неплюевку), Тарановку и хутор Курник. Здесь мы не будем анализировать этот спор, а все материлы, касающиеся этих поселений, поместим в отдельный раздел.

В своей последней челобитной Марфа довольно язвительно описала движимое и недвижимое имущество Семена до женитьбы на Марии Анненковой: «А ему Неплюевых слобод селить было нечим. Ибо у него, Неплюева, природных своих поместий и вотчин ничего не было и ныне нет. И когда он, Неплюев,

[165] Черная крепость – черновик купчей. (*Прим. авт.*)

на матери женился и в дом родителей моих пришол, то у него, Неплюева, кроме следующих более ничего не было. А именно: один старой и ветхой мундир, ево ж кафтан, також один человек Гарасим Сумароков, да одна лошадь шерстью серою куцая и престарелая».

Семен не смог оставить такое без внимания. Вот что он ответил обидчице: «А что она, Марфа, написала якобы природных за ним ево поместей и вотчин, и пожитков ничего не было до женитьбы на матери ее, кроме одного мундирного кафтана, а другова ветхого, да одного человека и лошади, и то она, Марфа, к поношению чести ево и с мужем своим написала ложно. О чем он должен о бесчестии на ее, Марфу, просить где надлежит. Ибо когда он на матери ее женился, и прежде того, деревни, кафтанов, денег, лошадей и протчих пожитков было у него довольное число. О чем известны главныя ево командиры штап и обер афицеры. Для того, что он был в то число капитаном. К тому ж и путивльския помещики и градския жители». Что касается поместий Семена Неплюева на момент его женитьбы, то его слова легко проверить. В разд. 2.1.2 была приведена выписка из его отказных книг. Из нее следует, что, будучи уже майором, все имения[166] он купил у путивльских помещиков в период с 1737 по 1743 год. Тогда как на Марии Анненковой он женился в 1717 году. Что же касается его одежды, денег и лошадей, то, скорее всего, он имел их ровно столько, сколько можно было купить на его капитанское жалованье.

Марфа, как было указано выше, в своих челобитных жаловалась, что ее отчим Семен Неплюев держал ее мать, жену свою, в страхе, часто ей угрожал и бил ее. Вот что на это ответил Семен: «Написано их якобы жену свою, а ее мать, содержал в великих угрожениях и побоях. И бутто бы он {Неплюев} ведал, что мать ее, а ево жена, умрет прежде ево, и то она написала ложно, чего и доказать не может. А он, ведая християнство, свидетельствуется ее, Марфы, и жены своей отцем духовным и протчими посторонними дворяне, и города Путивля знатными посадскими людьми, с чего злоумышленные и затейные ее вымыслы явятся». То есть, будучи христианином, Неплюев не мог этого делать. Он ссылается, как на свидетеля — духовного отца Марфы, попа церкви Преображения Господня села Красной Слободы отца Василия Иванова, а также на дворян города Путивля, которых просит допросить.

Далее Неплюев говорит об описанной Марфой истории о слезном прошении своей жены Марии зятя Ивана Гамалеи о подписании купчей вместо Марфы. При этом, не отрицая этого, указывает, что Марфа в своей челобитной от 13 марта 1746 года ссылается на умершую мать (Мария умерла в марте 1744 года): «Она, Марфа, ссылается на мертвую мать. А по {Соборному} уложению указом ис государственным правам ссылатца не велено не токмо на мертвого, но ниже от людей слышанное и не приемлется. И по вышеобъявленному своему душевредству прежде поданным и сим челобитьем сама себя в доказательство изобличает». Здесь Семен забывает, что Марфа пересказывала эту историю через несколько дней после оформления купчей, еще при жизни своей матери.

Семен указывает, что купчая Марфы была написана с ее ведома, и в доказательство этого приводит ее отказ ехать в Путивль на допрос: «Она, Марфа, по присланному из Государственной вотчинной колегии об отказе за ним указу, по трем посылкам к допросу не явилась». По логике Семена следует, что раз она на допросы не поехала, значит, чуствовала за собой вину и признаваться не хотела. Хотя объяснение Марфы было другим: зачем ехать на допрос по купчей, о которой она ничего не знает. Она никому ничего не продавала.

Далее Семен продолжает толкование истории с купчими в свою пользу: он утверждает, что по купчей Марфы Иван Гамалея послал в Москву в Вочинную коллегию своего доверенного человека Дмитрия Езиерского с указанием «ее купчую в Вотчинной коллегии записав, и об отказе того недвижимого имения указ взять по поверенному от имени мужа ее зарукою ево письму человеку их Дмитрию Изиерскому». Как было отмечено выше, такая посылка Езиерского в Москву была, и такое указание от Ивана ему было. Но не по этой купчей, а по купчей Семена Неплюева о продаже ему, Ивану, вотчины в Клепалах. Иван Гамалея проявлял интерес и хлопотал не по тем имениям, которые он якобы продавал, а о тех, которые ему продавал Семен. По мнению Неплюева, обе купчие были подлинными, и чета Гамалеев об этом хорошо знает. На этот раз его доводы связаны с тем, что сразу после их совершении Марфа и Иван, а вместе с ними и сам

[166] Не считая поместий и вотчин своей невесты, полученных им после женитьбы.

Семен, начали забирать свое добро из проданных имений: «Також ко изобличению ее Марфы и мужа ее неправости, а к ево {Семена} оправданию следует, когда в Сумах у крепостных дел та купчая генваря 29 числа совершена, так как в челобитье выше значит, а ему для владения по привозе из Сум отдавана, от них февраля 10 после ж отдачи ему купчей проданные помещиковы свои дворы в слободе Гамалеевке {Гамалеи} очистили 12 февраля. А в Карпиловке 15 того ж февраля 745 году хлеб и скот, и птицы все без остатку вывезли и отдали ему {Неплюеву} во владение и сами из слободы Гамалеевки выехали. И то по их желанию чинилось произвождение чрез пятнатцать дней. А после подания явочной челобитной спустя тринатцать дней. < … > А немолоченной хлеб також, розвытя (распределив) по копенно скирдами, оставляли ему в тех проданных деревнях. А оставшиеся сверх числа також возили копнами из ям возами. А по усмотрению своему не забранной же хлеб из скирды поданные ево, Гамалея, в ево деревнях, а ево {Неплюева} в ево отмолотя, возили по своим деревням. И по силе вышеписанных чисел не один месяц равномерно. И ея, Марфы, от него купчая на проданное недвижимое отдана, то он {Неплюев} и приданого жены своей села Клепалах, очистя дом и протчаго, что надлежит; також не потому ис проданных своих дву слободок Тарановки и Черепашки хлеб и скот, и птицы вывезли и сами выехали. А который был немолоченой всякой хлеб, скирдами разметя покопенно, по договору оставил им, Марфе и Гамалею в тех же проданных селех и в дву слободах. А излишней оставшейся из скирдов и молоченной из ям поданные черкасы возили в проданные от них слободы Карпиловку и Гамалеевку, о чем те подданные показать под присягою могут. Також ей, Марфы и мужу ее Гамалею, неправости когда осталось в проданном от него селе Клепалах за договором озимого и яроваго хлеба четыре скирды, которой надлежало привести ему в свои деревни, то он, Гамалей, душевредительством своим того ево оставшегося хлеба свозить не допустил, которым и завладел насильно, о чем от него {Неплюева} в Путивльской воеводской канцелярии челобитье на него, Гамалея, имеется».

Ни доказать, ни опровергнуть описанные факты раздела имущества мы не можем, поскольку нет описания этих событий со стороны Марфы и Ивана или от других очевидцев. Раздел имущества, безусловно, был, поскольку, как было отмечено ранее, после выхода Марфы замуж в 1727 году в доме в Клепалах оказались две семьи: Неплюева и Гамалеи. Известно точно, что они разъехались. Неплюевы поселились в слободе Неплюевке (ныне село Успенка), а Гамалеи остались в Клепалах. Вполне вероятно, что описываемый Семеном раздел в 1743 году связан именно с этим, а не с мнимой куплей-продажей.

На этом, собственно, и заканчивается сказка Семена Неплюева. В конце он просит императрицу провести следственные действия по приведенным им фактам и, далее, «по силе уложенья и указов дать очные ставки. А по сыске и очным ставкам то спорное дело решить по силе указов и государственных прав». Однако Вотчинная коллегия не сочла доводы Семена достойными внимания и никаких действий по допросам Марфы и Ивана, ни попа села Красной Слободы, ни путивльских дворян не предприняла.

К середине 1746 года в Вотчинной коллегии были собраны все материалы по этому спорному делу, однако решение не принималось, и по неизвестным причинам дело было положено «под сукно». В результате через три года, в сентябре 1749 года, Марфа подала очередную челобитную[167], в которой просматривается ее отчаяние от происходящего. Ввиду явной волокиты по делу она сообщает: «В том деле, по которому подлежащия справки собраны и в прошлом 746-м году со всем к окончанию произведено, токмо и по ныне еще не решено и мне, нижайшей, с мужем моим и детьми нашими на свободное владение тем моим законным и природным наследством от Государственной вотчинной коллегии указу не дано. Чего ради я, нижайшая, купно с мужем моим, живучи ныне в Москве, принуждены изубытчивать[168] напрасно.

А помянутой же бывшей вотчим мой Неплюев и до ныне владеет моим наследством своевольно селом Большою слободою, тако ж и протчими моими наследственными деревнями, и землями, и всякими угодьи, которые по правам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА следуют во владение мужу моему со мною и наследниками нашими. О чем на него, Неплюева, в Правительствующем Сенате[169] с прописани-

[167] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 618–618 об.

[168] Изубытчивать – ввести в расход, в убыток. Изубытчивать напрасно – несправедливо, без вины нести расходы и убытки.

[169] Правительствующий Сенат – высший государственный орган законосовещательной, исполнительной и судебной власти Российской империи.

ем обстоятельства от мужа моего и прошение имеется. От чего мне нижайшей с мужем моим и наследники нашими всекрайнейшую обиду и разорение злоумышлениями своими зделал. И впредь еще намерение имеет, покамест оное дело вершено не будет, дабы тем временем до всекрайнейшего нас разорения до конца приведши, и всем моим наследством завладеть. <…> И дабы высочайшим ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указом повелено было сие мое челобитье в Государственную вотчинную коллегию приняв, собща к помянутому моему делу представить к слушанию, и в силе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИХ указов и государственных прав оное дело решить безволокитно, не допуская мужа моево и меня, нижайшую, з детьми нашими до всеконечнаго разорения и пагубы». Это челобитье писал служитель дома княгини Прасковьи Федоровны Волконской Алексей Еремеев. Марфа с Иваном и с детьми в то время проживали в Москве на квартирах и уже не раз пользовались услугами служителей своих друзей для написания и оформления прошений в Вотчинную коллегию.

Что предпринял на этот раз Иван Андреевич Гамалея, нам не известно, но уже через три месяца спорное дело сдвинулось с мертвой точки. Оно было слушано на заседании Вотчинной коллегии и 22 декабря 1749 года было сформировано определение[170], включающее окончательное решение. Надо сразу отметить, что данное определение изложено непростым к пониманию современного человека языком. По этой причине приводить его буквально, слово в слово, не целесообразно. Перескажем главные его положения с включением цитат, где это уместно.

Итак, вначале кратко излагается суть дела и его ход, приведены положения жалоб Ивана и Марфы. Затем — результаты опросов писцов и свидетелей (рукоприкладчиков).

Далее излагаются пункты решения:

1. Имения и вотчины, данные Семену Неплюеву после его женитьбы на Марии Анненковой, а именно «указную часть со ста по петнатцати четвертей дать в вечное владение мужу ее Марьиному объявленному полковнику Семену Неплюеву». Здесь, собственно, подтверждается то, что получил от своей невесты Неплюев после женитьбы в 1717 году.
2. «А за тою указною частью достальное все ее Марьино недвижимое справить за дочерью ее Марьиною, прижитою с первым ее мужем Иваном Анненковым, Марфою банчюковаго товарыща Ивановою женою Андреева сына Гамалея. А за нею ж Марфою быть по прежним 1717 и 1718 годов дачам недвижимому отца ее Ивана Анненкова имению, что за нею было справлено оставшее за четвертою матери ее Марьи Неплюевой частию». За Марфою указано справить остальное имение ее матери, доставшееся ей после смерти Ивана Анненкова. Кроме того, поскольку Мария уже умерла, указано отписать Марфе прожиточное имение ее матери.
3. Этим пунктом предписано послать указы в соответствующие города на новый раздел поместий покойного Ивана Анненкова в соответствии с пунктами 1) и 2).
4. Результаты раздела (отказные книги) оставить в этих городах, а копии прислать в Вотчинную коллегию для ведома.
5. Обе купчие отменить: «А вышеписанные купчие, писанные от полковника Семена Неплюева Ивану Андрееву сыну Гамалею {и} жене ево Марфе також и от имени ее Марфы Гамалеевой оному вотчиму ее, полковнику Семену Неплюеву, на недвижимое в Путивльском уезде имение отставить», поскольку «оные купчие писаны не по форме и не по силе указов, и не в указном месте». Таким образом, купчие признаны незаконными, поскольку писаны не так, не там и противозаконно. Здесь же подтверждается, что в слободском городе Сумы писать купчие на имения в великороссийских местах запрещено.

   Указано также, что в купчей Семена Неплюева нет подписи Марии и ее письменного согласия на эту форму продажи. Более того, Семен подписал эту купчую и за себя, и за жену Марию. По мнению Вотчинной коллегии, такое «написание в купчей явствует в продажу не по обществу ево, Неплюева, з женою, но более разумеется подлой[171] воле учинено им, Неплюевым».

[170] Спорное дело Ивана Гамалея и Семена Неплюева. Л. 624–629 об.

[171] Подлый – простой, плохой, низкого качества. Слово «подлый» в те времена имело не столь негативный оттенок, как сегодня. Здесь оно употребляется в смысле «плохой, низкий, бесчестный».

То есть купчая написана не по согласию с Марией, как указывал Неплюев, а только его бесчестием. Да, здесь мы видим явное обличение Семена. Кроме того, указано, что писать купчую таким образом при живой жене никак нельзя. В этом же пункте обвиняется Иван Гамалея в том, что подписал купчую на продажу клепальской вотчины без ведома своей жены. И даже то, что он сделал это по слезному прошению своей тещи Марии, не может его оправдать. Вотчинная коллегия приходит к выводу, что купчие подписаны по их (Семена и Ивана) взаимному согласию, без ведома их жен. Ввиду этого «помянутой полковник Неплюев и Гамалей, что они учинили на недвижимое жен своих без ведома их, подлежали по уложению и по указом указного штрафа. Токмо оное ими, Гамалеем и Неплюевым, учинено до всемилосивейшаго Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА «О впадших в вины» 1744 году июля 15 дня указу. Того ради по силе оного ж Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Высочайшаго указу от штрафа имеют быть свободны». Таким образом, Семен и Иван подпадали под штраф по указу «О впадших в вины». Их спасло только то, что они нарушили закон в январе 1743 года, до выхода указа о штрафах к провинившимся. Так же, как Ивану и Семену, со штрафами повезло и рукоприкладчикам (бригадиру и полковникам), а также замешанным в этом деле служащим Сумской полковой канцелярии (писарю и надсмотрщику). Они также не были подвергнуты наказанию.

6. Здесь приводятся доводы Семена Неплюева, изложенные в приведенной выше сказке. Эти доводы не были приняты во внимание Вотчинной коллегией и не разбирались. Само челобитье по этой сказке признано неправым: «Ево, полковника Неплюева, спорное челобитье по вышеобъявленным указным довольным резонам[172] отставить. И оной ево спор при означенных указных резонах никакого к правости ево и ко утверждении неправильной крепости того недвижимого не имеют».

   Здесь же дана оценка претензиям Неплюева на то, что Иван и Марфа писали свои челобитные не в Сумах, где были оформленные купчие, а в других местах. На это в определении сказано, что они имели право так делать, а претензии Семена были отвергнуты: «А в челобитье помянутой Гамалей записал хотя и не в том месте, где крепость писана, и в том противности не признавается. Да и от жены ево Гамалеевой особое челобитье в 744-м году в двух местах записано. Чего ради по объявленным указам и резонам оные обе крепости и оправлено (признано правильными)».
7. Указано, что все денежные претензии между Иваном и Семеном должны решаться в положенных местах, поскольку вина лежит на обоих.
8. Дан отказ брату Семена Василию на выкуп проданной Ивану Гамалею вотчины, поскольку купчая крепость на продажу от Семена признана незаконной.
9. Вопрос о пошлинах по незаконным купчим предложено рассмотреть отдельно, на ближайшем заседании Вотчинной коллегии.
10. Указано дать челобитчикам точные копии определения.

Что же мы видим в результате? Получилось, что все усилия Семена по его аферам с купчими оказались напрасными. Что касается его самовольного управления имениями своей падчерицы, то было предписано все имения Ивана Анненкова переделить и привести к состоянию на 1717 и 1718 годы.

Но спор между Гамалеей и Неплюевым не завершился решением (определением) Вотчинной коллегии. Спорщики максимально подняли ставки. Теперь оба жаловались в Правительствующий Сенат. Неплюев и Гамалея постоянно обретались в Санкт-Петербурге, где вместе со своими поверенными людьми оперативно реагировали на действия Сената. Спор продолжился с новой силой.

Между тем в Путивльском уезде шла настоящая война между Семеном и Иваном. А именно в селе Клепалы, окрестных селах и деревнях, затронутых этим конфликтом. Имеющиеся по этому поводу материалы будут рассмотрены в следующем разделе.

[172] Имеются в виду приведенные выше доводы Вотчинной коллегии, по которым купчие признаны незаконными.

2.1.5. Война между Иваном Гамалеей и Семеном Неплюевым

2.1.5.1. ЧАСТЬ 1: 1744–1746 годы

Сразу после начала дела о подложных купчих возникли нешуточные «разборки» между Иваном Гамалеей и Семеном Неплюевым по поместьям и вотчинам в Путивльском уезде. Действия происходили в спорных селах, деревнях и на прилегающих к ним угодьях. На этот раз инициативу взял на себя Иван Андреевич. Ни много ни мало, но он перешел по-настоящему к силовым, разбойным действиям. Все поместья Неплюева, которые Иван с Марфой считали отнятыми у Марфы, стали законными целями в этой войне: деревни и села разорялись, жители насильно переселялись в имения Ивана и Марфы, урожаи забирались силой. Иван создал вооруженные отряды из своих подданных, с помощью которых проводил справедливую, с его точки зрения, экспроприацию.

Начало «войны» относится к маю 1744 года, когда дело по фальшивым купчим только набирало обороты. Эта дата не случайна. Немногим ранее, в марте этого года, умерла Мария Анненкова (во втором замужестве Неплюева) — мать Марфы, теща Ивана Гамалеи. В одной из своих челобитных Марфа писала, что мать ее умерла скоропостижно, после жестокого избиения своим мужем Семеном Неплюевым. Пока Мария была жива, Иван и Марфа, надо полагать, сдерживали себя. А вот после жестокой смерти матери их уже ничего не останавливало, и они были преисполнены желанием за все отыграться на Семене.

Масштаб «военных» действий можно оценить по числу челобитных жалоб Неплюева на разбойные действия Гамалеи[173]. За период с 1744 по 1752 год их насчитывается около тридцати. В самый разгар «боевых» действий, в 1747 году, Семен направил 15 жалоб в Вотчинную коллегию.

Первая челобитная относится к событиям в конце апреля 1747 года, когда в селе Песках был избит подданный Неплюева Макар Корела. Вот как эта история изложена в челобитной Семена от 4 мая этого года[174]: «Прошедшаго апреля 20 дня господина моего крестьянин Макарей Корела ехал из села Песок из дому господина моево {Семена Неплюева} в деревню Карпиловку. А означенные бончуковой товарищ Иван Андреев сын Гомалей и отставной капрал Григорей Судейкин в том же селе Песках стояли близ дому оного Судейкина и, призвав помянутого крестьянина к себе, оной Гомолей бил ево тростью смертным боем. И в тех побоях оной крестьянин учинил побег, то означенные Гомолей с людьми своими и помянутой Судейкин бежали за ним по селу и травили собаками. И ухвотя его близ церкви, били смертным боем. И оного крестьянина изувечили».

Деревня Карпиловка в то время входила в состав поместий, которые Марфа по одной из фальшивых купчих, написанных Неплюевым, якобы ему продала. Семен считал сделку свершившейся (совершенной), и это было объявлено жителям Карпиловки (подданным Марфы)[175], которым ничего не оставалось, как признать Неплюева своим новым господином. Со своей стороны Иван Гамалея считал, что его подданные в Карпиловке незаконно отняты Неплюевым у его жены. Ввиду этого этих крестьян он считал принадлежащими ему и предлагал им переходить в свои, Гамалея, имения. Находились такие, кто так и делал. Но это были единичные случаи. Основная часть ничего не предпринимала. В результате эти жители Карпиловки стали считаться Иваном изменниками, нарушившими закон и подлежащими жестокому наказанию. Макар Корела либо был явным сторонником Неплюева, либо первым, кто подвернулся Ивану под руку. Вот и было устроено показательное избиение.

Заодно с Иваном был помещик села Песок Григорий Судейкин из известного нам рода. Григорий считал Ивана правым и, как видно из жалобы Неплюева, полностью поддержал действия Гамалеи.

А бедолага Макар после избиения, еле живой и изувеченный, был доставлен в Путивль в Вотчинную канцелярию для освидетельствования побоев. Было приказано «на вышеозначенном крестьянине бои

[173] Дело по челобитью путивльского помещика Семена Неплюева служителя Андрея Корельского об отсылке в Курскую воеводскую канцелярию (РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 645. На 88 листах. Далее – дело Семена Неплюева).
[174] Там же. Л. 61–61 об.
[175] В то время Карпиловка принадлежала нескольким помещикам.

и раны, осмотря, описать». Вот уж воистину: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат»! В Воеводской канцелярии состоялся осмотр потерпевшего[176]: «Того ж числа против вышеписанной на челобитной пометы на приводном путивльского помещика полковника Семена Васильева сына Неплюева, на крестьянине ево, Марки Кареле, бою в Путивльской воеводской канцелярии осматревано. А по осмотру явилось голова на левой стороне пробита близ уха, спина избита вся до синя. А при том осмотре были караульной урядник Андрей Хистов, десятник Григорей Шеин, сторож Тимофей Данской». Да, попало Макару: голову пробили и всю спину «разрисовали».

По жалобе Неплюева в Путивле, как обычно в таких случаях, было принято решение послать людей к Гамалее и Судейкину для вызова на допрос[177]: «А для взетья Гомолеина и Судейкина послать по инструкцыи с посторонними людьми. А как сысканы будут, против сего челобитья допросить по силе нормы суда». Для посыльных в село Клепалы к Гамалее и в село Пески к Судейкину была составлена инструкция: «Взяв с собою сторонних людей, сколько человек пристойно, ехать Путивльского уезду в селы Клепалы и Пески Байтурское тож. А приехав, взять в Клепалах бончукового товарыща Ивана Андреева сына Гомолея, а в Песках путивльского помещика отставного капрала Григорья Судейкина. А взяв, привести их с собою в Путивль и объявить в Путивльской воеводской канцелярии для допросу против челобитья полковника Семена Васильева сына Неплюева служителя ево Андрея Архипова[178] в бой ими оного полковника Неплюева крестьянина ево Макарья Карелы. Токмо будучи в сей посылке обид ни кому не чинить под опосением штрафа».

Ездили или нет в Клепалы и Пески указанные люди с данной им инструкцией — этого мы не знаем. В деле никаких сведений на этот счет нет. Если даже и ездили, то никаких последствий для обоих помещиков не последовало. Заметим это.

Как было указано выше, Семен Неплюев без всяких на то оснований считал, что по купчей Марфы, фальшиво им сочиненной, сделка состоялась и была утверждена. Вот что он заявил в своей очередной челобитной от 5 мая 1744 года[179]: «А в прошлом 1743-м году <…> продали господину моему падчерица ево Марфа Иванова дочь Анненкова малоросийского бунчукового товарыща Ивана Андреева сына Гомолея жена <…> из старинных дач деда и бабки, и отца своего ис трех частей половину с совету мужа своего Ивана Гомолеи». Продали. Марфа, по совету своего мужа Ивана. Ни больше ни меньше. На этот раз речь шла о поместьях Марфы в урочищах Часского и Ослецкого городищ и в верховьях речки Чаши. А именно: «Едучи от слободки Гомолеевки Радомановским шляхом и поворотя с Родоману дорогою, что ездят да села Клепал на гребельку, называемую Калуженку, левая сторона от гребельки[180]. Да сенные ж покосы весь Кут[181] по сю сторону болота, которое идет от хутора[182]». Неплюев жалуется на людей Гамалеи, которые гоняют свой скот на его сенокосы в этом урочище и толочат сено: «Апреля з 20 дня помянутого Гомолея с хутора ево на означенные сенные покосы оново ево хутора стадники[183] гоняют множество скота всякого. И оные покосы весьма толочит, на которых сена становитца шездесят скирд; во всякой скирде по дватцати воз. Означенных ево, Гомалея, стадники и дворник господина моего служителю Якову Бирюкову и подданным объявили, что помянутой Гомолей приказал им всю ево скотину на те сенные покосы гонять».

Гамалея здесь прав, поскольку купчая от Марфы является подложной и по ней идет следствие. До вынесения решения суда указанные выше угодья являются его собственностью и он волен ими распоряжать-

[176] Дело Семена Неплюева. Л. 61 об. – 62.

[177] Там же.

[178] Все челобитные писал не сам Неплюев, а его доверенные лица по его указанию.

[179] Там же. Л. 62 об. – 63 об.

[180] Этот маршрут несложно проследить на современной карте, имея в виду, что Гамалеевка – это ныне село Воскресенка. От Воскресенки – на северо-восток к Викториновке. Далее – на плотину севернее Михайловки (гребелька Калуженка). Затем на северо-восток в направлении совеременной станции «Клепалы». На картах XIX в. показана дорога от гребли Калуженка к Клепалам (см. разд. 1.2.8).

[181] Урочище Кут находилось на правом берегу речки Чаши недалеко от деревни Черепашки (ныне село Михайловка). Об этом сообщил сам Неплюев в своей челобитной от 10 августа 1744 г. «Имеютца господина моего дачи Путивльскоо уезду в Подгородном стану Ослецкого и Часского городища над речкаю Чашею в урочище, прозываемом Куту, близ деревни Чирипашки».

[182] Имеется в виду хутор Курник. Позднее он станет деревней Чаша, принадлежавшей Гамалеям.

[183] Стадник – пастух крупного рогатого скота. Табунщик, пастух при лошадях.

Рис. 1. **Меделянская собака**

ся по своему усмотрению. Иван предупредил подданных Семена, что «ежели де полковничьи люди и крестьяне, или подданные станут скот згонять с тех покосов, то оных велел бить до смерти». При этом он собрал отряд своих людей для охраны этого скота: «И собрал несколько человек людей своих и подданных, с ружьем, з дубьем. И при них собак меделянских и простых семьдесят. И с помянутых сенных покосов ево Гомолеина скота согнать люди ево и подданные с собаками не допускают. Бьют и собаками травят. Помянутой скот с вышеписанного числа и поныне на те покосы гоняют». Три охранника и семьдесят собак. Интересно, как Семен считал этих собак?

Собаки меделянской породы («меделяны») (рис. 1) были тогда очень дорогими. «Один такой боец мог свалить с ног целого быка и выстоять в схватке с медведем. Неутомимая свора меделянов загоняла лосей и кабанов. Но, несмотря на внушительные габариты (весил пес до 100 кг) и огромную силу, меделяны были вовсе не злобными. Умные и преданные гиганты никогда не трогали домашнюю живность и мелких собак»[184]. Позднее данная порода была утрачена.

Если Неплюев не особо приврал относительно количества собак, то можно себе представить псарню Ивана Андреевича.

Далее Иван Гамалея дал указания своим пастухам объявить людям Неплюева, чтобы они и их люди не ездили через плотину Калуженку у нынешнего села Михайловка немного ниже по течению речки Чаши (рис. 2)[185]. По поводу этого человек Неплюева сообщает следующее[186]: «Означенные ж ево, Гомолеин, дворник Иван, стадник Андрей Старуненко, коровник Лукьян, авчар Петр объявили господна моего {Семена Неплюева} служителю Якову Бирюкову, ис слободки Гомолеевки атаману Ивану Головку, чтоб господин мой людей ево и крестьяне, и подданные через ево Гомолееву плотину, что на речке Чаше по большой проездной дороге, не ездели. А ежели поедит хто, то уже ходить по свету не будет». Прямые и жесткие угрозы со стороны Гамалеи. Иван грозится убийствами людям Неплюева. Ввиду этого Семен жалуется, что ему и его людям стало опасно ездить через эти места[187]: «И для того ныне по той дороге господину моему {Неплюеву} и людем ево, крестьяном, и подданным ездить весьма опасно, чтоб не учнили те хуторские жители сами, или по чьему научению, или хто другие на то убийство от него, Гомалея, будут посланы. Ибо при оном Гомолее служители из разных малоросийских городов наемные, которых и сыскать будет по убивстве негде». Такие угрозы создавали для Неплюева и его людей большие неудобства, поскольку плотина Калуженка находилась на дороге из села Неплюевки в Клепалы и Пески (см. рис. 2). Ввиду этих обстоятельств Неплю-

[184] Меделяны: Царская порода, которую мы потеряли (URL: https://pikabu.ru/story/medelyanyi_tsarskaya_poroda_kotoruyu_myi_poteryali_russkiy_bogatyir_ot_mira_sobak_byil_sposoben_vyistoyat_v_skhvatke_s_medvedem_8857305/.(27.11.2023) Дата публ. 21.02.2022).

[185] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/21-12/ Недригайлов. (01.08.2011).

[186] Дело Семена Неплюева. Л. 63.

[187] Там же. Л. 63 об.

ев просит не наказывать его людей, если возникнут неминуемые драки и убийства.

Рис. 2. **Дорога из Неплюевки в Клепалы на карте 1869 г.**

Не прошло и двух недель, как 18 мая Семен шлет новую жалобу на Гамалея. Теперь дело касается второй купчей, по которой он продал Ивану Гамалею свою вотчину в Клепалах. По этой купчей также шло расследование в Вотчинной коллегии, но Семена это не смущало[188]: «В прошлом 743-м году означенному Гомалею досталось во владение в Путивльском уезде село Клепалы по данной ему купчей от господина моего {Семена Неплюева}». Хотя сделка не состоялась и жена Ивана Марфа ее оспорила, Иван считает, что если Неплюев проявил инициативу и продал ему Клепалы, то это село уже принадлежит ему. Вот и жалуется Неплюев, что «в том селе осталось господина моего {Неплюева} немолоченова хлеба в скиртах ржи две скирды, ис которых надлежит вымолоту пятдесят пять четвертей, гречихи скирда одна, ис которой надлежит вымолоту дватцать две четверти. Которова хлеба молотить посыланы были от господина моево во оное село Клепалы крестьяне. Токмо помянутой Гомалей оново хлеба молотить тем крестьянам не дал и завладел насильно. Которому хлебу також соломе и отари[189] цена сто рублев».

В июне этого же, 1744 года Неплюеву надо было косить сено в урочище Кут, и косцы Неплюева туда прибыли, но[190]: «Сего июня 17 дня помянутой Гамалей с подданными приезжал в помянутые ж господина моего дачи и в тех дачах имеющие сенные покосы остановил форостными тычинами». Иван Андреевич самолично приехал на эти покосы и со своими людьми прекратил кошение сена при помощи этих «тычин». Семен в очередной челобитной просит приехать на это место из Путивля «кому надлежит» и осмотреть оставленные Гамалеем тычины. Ну а если возникнет драка или убийство, то в том его людей не винить.

Оказывается, что Гамалей не просто так приезжал в урочище Кут, не только чтобы разогнать людей Неплюева, но и забрать себе имеющееся сено. Это сено скосили его люди. На это жалуется Семен в своей челобитной от 10 августа[191]: «Имеютца господина моего дачи Путивльскоо уезду в Подгородном стану Ослецкого и Чаского городища над речкаю Чашею в урочище прозываемом Куту близ деревни Чирипашки[192]. В которых насильством своим, не имея никакой дачи, молоросиянин банчуковой товарыщ Иван Гомолей на сенных господина моево покосах накосил сена на семьсот возов и больше. Да потолочил травы возов на двесте и больше»[193]. Далее Неплюев продолжает: «А прошедшаго ж июля в последних числех то описанное сено по приказу показанного Гомолеи подданныя ево села Клепал и слободы Черепашки, не ожидая решения делу, насильством своим возят и поныне денно и нощно в противность указу. Котораго уже свезено шесть сот восемьдесят воз ценою на триста на сорак рублев». При этом Неплюев опять настаивает на том,

[188] Там же. Л. 10 об. – 11.
[189] Значение слова «отарь» не установлено.
[190] Дело Семена Неплюева. Л. 75 об. – 76.
[191] Там же. Л. 11 об. – 13.
[192] Слобода (деревня) Черепашки – современное село Михайловка.
[193] Количество возов сена и потолоченной травы, заявленное Семеном Неплюевым, комментировать не будем.

что этот сенокос принадлежит ему по купчей от Марфы Гамалеи. Хотя вспоминает, что дело по этой купчей еще не решено. Оба помещика «вертели» обстоятельства каждый в свою пользу.

Кроме сена в урочище Кут, Иван «реквизировал» у Неплюева все сено, скошенное в долине речки Безуевки. Сено было уже скошено и сложено в скирды, осталось только его забрать[194]: «Да у господина ж моево в Путивльском уезде в Подгородном стану подле реки Семи сенные покосы близ деревни Чаплищ прозываемыя исстари Поляна[195], которыя как прежде сего, так и ныне кошены крестьянами господина моево и складено было в скирды и в стоги. А сего 744 году июля 27 дня приехав подданныя означенного Гомалеи подвод сто и больше, забрали самовольно воровски показанное сено, котораго было шесдесят возов, ценою на тритцать рублев. И с принадлежащих ево Гомолеиным подданных узнали при зобрании того сена села Клепал атамонского сына Петра Харитонова, Матвея Нихаенка, Тимоша Батюту, Семена Хижняка, Якова Лошачеинка, Петра Мосеяченка, Яску Рекуна». Семен просит задержать указанных подданных Гамалея и допросить.

Однако, по всем рассмотренным в этом 1744 году челобитным Неплюева, ни сам Гамалей, ни его подданные ни разу так и не были задержаны. Все жалобы остались в Путивле без дальнейшего движения. Очень похоже, что чиновники в Путивльской вотчинной канцелярии, как и сам воевода[196], были на стороне Ивана и ему благоволили.

А война между тем только разгоралась. Бои продолжились с новым ожесточением в 1747 году.

2.1.5.2. ЧАСТЬ 2: 1747 год

В 1747 году схватки Ивана Гамалеи с Семеном Неплюевым приобрели особенно ожесточенный характер. В самом начале года произошел инцидент с человеком Неплюева, проезжавшим через упоминаемую ранее греблю Калуженку[197]. Ведь еще в мае 1744 года Гамалей через своих людей предупредил Семена о запрете ездить его людям этой дорогой[198]: «Чтоб господин мой {Неплюев}, люди ево, и крестьяне, и подданные через ево, Гомолеву, плотину, что на речке Чаше по большой проездной дороге, не ездели. А ежели поедит хто, то уже ходить по свету не будет».

Но, на свою беду, 26 декабря 1746 года по этой дороге ехал дворовой человек Неплюева Григорий Антонов. Он был послан по делам своего господина из села Неплюевки в село Пески и в деревню Юрьеву. В слободе Черепашке (ныне село Михайловка) его встретили подданные Ивана Гамалея — атаман Амельян Афонасьев сын Холодов «с товарыщи». Дальнейшие события описывает доверенный человек Неплюева в своей челобитной от 15 января 1747 года: «Помянутого Антонова, изымав, били смертельным боем». Люди Гамалея забрали все имущество, какое было при нем, равно как и всю его одежду: «Господина моево лошадь кабылу гнедую шести лет — цена десять рублев; сани с наколески[199] — цена пятьдесят копеек; хамут ременной — цена шестьдесят копеек; узда ременная — двадцать пять копеек; дуга — цена пять копеек; дужи[200] пеньковые — цена четыре копейки. На помянутом служителю платье[201]: епанча сукна краснова[202] — цена три рубли пятьдесят копеек; ковтан лозореваго сукна — цена пять рублев пятьдесят копеек; комзол желтой — цена один рубль; сапаги немецкия — цена один рубль; шуба авчиная нагольная[203] — цена

[194] Дело Семена Неплюева. Л. 12–12 об.

[195] Урочище Поляна было локализовано ранее (см. разд. 1.3.6).

[196] Воеводой в то время в Путивле был Андрей Михайлович Леонтьев. Его жена Анастасия Александровна была крестной матерью дочери Ивана Гамалеи Елены. Анастасия Александровна была вместе с мужем в доме Гамалеи в Клепалах на крестинах Елены 15 мая 1743 г. (см.: *Лазаревский А.М.* Дневник Генерального хоружего Николая Ханенка. 1727–1752. Киев: Изд. Ред. Киев. старины, 1884. 554 с).

[197] См. разд. 2.1.5.1.

[198] Дело по челобитью путивльского помещика Семена Неплюева служителя Андрея Корельского об отсылке в Курскую воеводскую канцелярию (РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 645. На 88 листах. Л. 63. Далее – дело Семена Неплюева).

[199] Наколески – *верх*няя съемная часть телеги или саней с решеткой для сохранения груза. (*Прим. авт.*)

[200] Дужа – элемент упряжи. Что это – не выяснено.

[201] Платье – в значении «одежда». (*Прим. авт.*)

[202] Здесь и далее изображения одежды получены из доступных источников в сети Интернет.

[203] Нагольная шуба – шуба, сшитая кожей наверх, не покрытая тканью.

один рубль пятьдесят копеек; шапка краснова кармазинного сукна[204] с апушкаю рассамачья[205] — цена два рубли; чекан железной — цена пятнатцать копеек». Всего 25 рублей 24 копейки.

Данный документ дает нам подробное представление о том, как был одет служитель Семена Неплюева, а также о цене этой одежды и отдельных элементов конской упряжи. Если сани и их оснастка были скромными (сани за 50 копеек, ременной хомут, уздечка ременная, не металлическая, дуга за 5 копеек, дужи пеньковые), то об одежде этого не скажешь. Епанча (верхняя теплая одежда) из красного сукна (рис. XIX), кафтан лазоревого сукна (рис. XX), желтый камзол (рис. XXI), шуба овчиная нагольная (рис. XXII), шапка из кармазинного красного сукна с опушкой из россомахи. Кармазинное сукно и мех россомахи представлены на рис. XXIII и XXIV. Вся одежда на Григории была по цене полутора лошадей. А его лошадь стоила 10 рублей. Отметим, что сани при этом стоили 50 копеек.

Григорий Антонов имел при себе также холодное оружие того времени — чекан (рис. XXV). Люди Неплюева, вероятно, помнили об угрозах Ивана Гамалеи и знали, что на этой дороге могут столкнуться с неприятностями. Но чекан, увы, не помог. Все добро досталось Ивану Гамалею, а сам Антонов был отвезен атаманом Емельяном Холодовым в село Клепалы.

Подобная судьба была уготовлена и приказчику Семена Неплюева в селе Пески Трофиму Сергееву. Он был послан из Песок в деревню Карпиловку и там попался служилым людям Гамалеи[206]: «Сего 747 году генваря 4 дня ис села Песок означенного ж гасподина моего дворовой человек Трафим Сергеев, которой был в оном селе Песках приказщиком, и ото всего дому было поручено ему ключи и всякия господина пожитки, {был послан} в деревню Карпиловку для господских нужд. В которой деревне имеютца в жительстве господина моего крестьяне и подданные. И в то число той деревни Карпиловки означенного Гомолея подданные атаман Зубко с товарыщи Степаном Безпаленном, Матвеем Жаровченным, Саловеем Олихверенком, с Иваном Лободенком, с Матвеем Куцым, з Григорьем Литвиненком, изымав онаго Сергеева платье: кофтан серой лакейской с медными пугавицами — цена два рубли пятьдесят копеек; шуба нагольная овчинная — цена рубль дватцать копеек, шапка краснова кармазиннова сукна — цена шестьдесят копеек, комзол желтой — цена рубль, сапаги черкаские — цена тритцать копеек. А онаго Сергеева в той деревни Карпиловки атаман ево, как выше значит, Зубко с товарыщи, взял и потом отвезли в Клепалы к нему, Гомолею». Далее в челобитной добавляется, что «взятые люди {Григорий} Антонов и {Трофим} Сергеев он, Гомолей, где девал, про то господин мой и поныне неизвестен».

Гамалея продолжил наказывать жителей деревни Карпиловки, а именно тех, которые признавали Семена Неплюева, а не Ивана своим господином: «Да в нынешнем же 747-м году генваря 12 дня помянутой же деревни Карпиловки означенной атаман Григорей Зубко с товарыщи ж, пришед денным разбоем со многом людством на двор крестьянину господина моего Фролу Подакову, которой жил в той деревни Карпиловки. И бив смертельным боем и взяв онаго, отвезли з женою ево и с пожитки крестьянскими, как скотом, так и с хлебом в помянутое село Клепалы к нему ж, Гомолею». Точно таким же манером Гамалей перевез в Клепалы крестьян Неплюева из деревни Юрьевой: «Да сего ж генваря 14 дня он же Гомолея присылал прикащика своего Петра Поляна и подданных своих в деревню Юрьеву многолюдно разбойски на тритцати подводах. И с той деревни Юрьевой забрал же два двора крепостных онаго ж господина моего крестьян. А именно вдову Веру Трофимченкову да Данилу Трофимченка з женою и з детьми ж, и с их крестьянскими пожитки, и с хлебом же, и скотом в помянутое ж село Клепалы».

Гамалея не давал людям Неплюева вывозить хлеб из Карпиловки. В частности, «бывших в то число онаго господина моево {Неплюева} крестьян и подданных Антона Фотеева с товарыщи, которые были по-

[204] Кармазинное сукно – тонкое, очень высокого качества сукно из лучшей шерсти ярко-красного цвета (URL: https://yandex.ru/q/question/karmazinnoe_sukno_bbbafc82/ (28.08.2025)).

[205] Шерсть росомахи пушистая, теплая, длинная, жестковатая, темно-каштанового окраса – не так ценна, как шкурка куницы и соболя, но она обладает одним необычным свойством, которым не может похвастаться ни один другой вид меха: благодаря густому подшерстку он никогда не покрывается инеем от дыхания, даже в самые лютые морозы (URL: https://www.softgold.su/fur/rosomaha (28.08.2025)).

[206] Дело Семена Неплюева. Л. 13 об. – 14 об.

сланы из села Пески для молочения и возки имеющагося в той деревни {Карпиловке} хлеба, всех разогнал и хлеба возить и молотить не дал»[207].

Теперь дело дошло до мельницы на Выжлице, которую Семен приписал себе[208]: «В Путивльском уезде близ села Дьяковки над речкою Выжлицею имеетца у господина моего покупныя роспашныя и нероспашныя земли. А на помянутой речки Выжлице запружена гасподином моим плотина и построена мельница. Близ которой мельницы имеютца в жительстве господина моего мельник да подданной Степан Красноплахтой. На купленных же господином моим дачах, к которому подданному Красноплахту помянутой Иван Гомолей прислал подданных своих: деревни Карпиловки атамана Григорья Зубка, Григорья Шимрицкова, Ивана Бурлаку, которые, взяв ево, Красноплахтова, отвезли к нему Гомолею. И в то число оному Красноплахтову означеннои Гомолея угражив{ал}, чтоб он в подданстве за господином моим не жил. И объявлял с пристрастием, ежели он будет жить, то намерен ево, Красноплахтова, изувечить и ограбить. А мельницу и хоромное, и дворовое онаго Красноплахтова, також и мельника строение озарнически[209] наглостию своею забрал». На самом деле Семен эту запруду не делал и мельницу не строил. Она строилась Иваном Анненковым — отцом Марфы[210]. После смерти Анненкова эти земли и мельница перешли к ней. Неплюев имел только долю в этой мельнице, которую выкупил в 1737 году у помещицы Натальи Васильевой дочери Кондратьевой жены Валуева (см. разд. 2.1.2).

Мельник Красноплахтов не послушался Ивана Гамалею и продолжал молоть муку для Семена Неплюева. И напрасно, потому как уже через полгода, «июня 26 числа оный Гомолей прислал атамана своего Григорья Зубка с поддаными своими на построенную мельницу, которая имеетца на купленной помянутого господина моего от разных помещиков земли в Путивльском уезде в урочище в Драголевкой волости на речке Выжлице. И с той мельницы выгнал <…> означенного мирочника[211] Казьму Иванова, да подданного Степана Красноплахтова. От чего в млниве[212] ныне учинилась остановка. И тем недапущением <…> учинил убытка на пятьдесят рублев»[213].

В это же время от Марфы и Ивана Гамалеев начинают исходить угрозы лично Семену Неплюеву. До этого были лишь намеки[214]: «Онаго ж Гомолея жена Марфа Иванова дочь, прошедшаго 746 году в декабре месяце, незнаемо с какова умыслу пофалилась, чтоб приехать со многолюдственным всяким оружием убором, с людьми своими, со крестьяны, и с подданными черкасы <…> в слабоду Неплюеву в дом помянутого господина моего. И во оной слободе онаго господина моего и живущих в доме ево людей выбить. И нахальством своим оной господина моего дом и слободу Неплюеву розорить незнамо для чего». Теперь, помимо намеков Марфы, Иван начал присылать к Семену в село Неплюевку своих доверенных людей с предупреждениями о неизбежном нападении[215]: «А сего генваря 23 дня помянутой Гомолей уже нарочно присылал от себя Путивльского уезду слободки Торановки[216] свещенника Иоанна Иоакимова в слободу {Неплюевку} к господину моему для объявления, что он, Гомолей, со всех своих сел и деревнь в великом собрании человек до пяти сот и болея и намерен сего генваря 23 и 24, или 25 чисел {1747 года} конечно с оным собранным многолюдством, всяким оружным убором[217] приехать в помянутою слободу в дом господина моего, яко разбойнически, забыв указы и права ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА. И во оной слободе помянутаго господина моево из дому выбить. А господина слободу и оной дом наглостию своею и озарничеством знатно отвагою своею разорить. <…> О чем помянутой свещенник вышеписанное объявлял при свидетелях».

---

[207] Там же.

[208] Там же. Л. 16 об. – 17.

[209] Озорнически – вызывающим поведением, бесчинством, самоуправством.

[210] Описание мельниц на речке Выжлице будет представлено в последующих разделах.

[211] На Украине так называли мельника.

[212] В молотьбе.

[213] Дело Семена Неплюева. Л. 43–43 об.

[214] Там же. Л. 15.

[215] Там же. Л. 16–16 об.

[216] Слобода Тарановка – ныне село Николаевка.

[217] Убор – здесь: в значении «убранство». С оружным убором – с оружием.

Жалобы Неплюева на угрозы Ивана и Марфы возымели действие: в Путивльской воеводской канцелярии было возбуждено судное дело против Ивана Гамалея. Этому предшествовали следующие события: в этом же месяце, январе, Иван Гамалея приехал в деревню Чаплищи в гости к своему родственнику Якову Федорову сыну Вощинину[218]. В разговоре с Яковом Иван «похвалялся приехать ночным временем в слободу <…> Неплюеву с пушками и розбить дом <…> и помянутою слободу Неплюеву с обоих сторон зажечь»[219]. Этот разговор подслушали дворовые люди Якова Сидор Рубан со своей женой и братом Иваном, и когда 24 января к ним в дом приехал человек Семена Неплюева Михаил Корнеенок, они донесли до него эти сведения. Михаил, вернувшись в Неплюевку, доложил об услышанном своему господину. В результате 18 февраля от Семена была направлена жалоба (челобитная) в Путивльскую воеводскую канцелярию. По этой челобитной в этот же день было принято решение допросить человека Неплюева Михаила Корнеенка. Через несколько дней, «февраля 20 дня в Путивльской канцелярии воеводского правления приводной при челобитье полковника Семена Васильева сына Неплюева служителем ево Герасимом Самороковым подданной онаго ж полковника Михаила Степанов сын Корнеенко принет и против онаго челобитья допрашиван. А в которой сказал: сего 747 году февраля 24 дня был он, Михайла, Путивльского уезду в деревни Чаплищах помещика Якова Федорова сына Вощинина у крестьянина ево Сидора Рубана. Которой Рубан ему, Михайле, объявил, у реченного де помещика ево был в гостях пан Иван Андреев сын Гомолея и говорил ему, Вощинину, при нем, Рубане, сняв с стены образ и поцеловал, что де он к отчиму своему, полковнику Семену Васильеву сыну Неплюеву, писал много кратно, чтоб он ис слободы Неплюевой выезжал. Токмо де он тех ево писем не слушает. И ныне де он, Гомолея, намерение имеет в помянутою слободу ехать с пушками ночным временем. И розбить онаго господина ево Михайлова дом, а слободу с обоих сторон зажечь. И на оное де помещик ево Рубанова Яков Вощинин сказал ему, Гомолею, чтоб он того не делал, а то будет худо. А как помянутыя слова он Сидор ему Михайле сказывал, то в то время были домашние ево: Сидора брат ево родной Иван, да мать ево, а как ее завут не знает, да невестка ево Анна Иванова дочь»[220].

Из допроса выяснилось, что Марфа и Иван не просто угрожали Семену Неплюеву, а настаивали на его выезде из слободы Неплюевки. Для объявления этого они присылали к Семену попа села Николаевки. Но поскольку Семен не внял этим просьбам и угрозам, Иван решил выселить его из этой слободы силой.

Составляя челобитную по этому поводу, Семен Неплюев сделал подборку законов того времени, касающихся подобных случаев. Он, в частности, ссылался на соответствующие пункты Соборного уложения 1649 года, а также на указ «государыни императрицы Анны Иоанновны 1740 году сентября 11 дня, {где} в 5-м пункте напечатано: Каким злым делом похвалятся, и в том обличены будет. И хотя того действо не произведет, однако ж токовыми розыскивает. И ежели кроме таких похвальных слов иного никакого воровства за ним не сыщется, и такие слова произнес он по какой либо ссоре или в пьянстве, токовым сверх бывших розысков чинить жестокое накозание кнутом и отдовать на прежния их жилища с росписками. То ж чинить и тем, которые, слышав такия похвальныя слова, на таких злодеяв доносить не будут»[221]. Таким образом, Ивану Гамалеи грозило побитие кнутом. Даже в случае, если никакого разорения и поджога он не совершит.

Ввиду происходящего Путивльская воеводская канцелярия решила[222]: «В силе онаго указу реченного помещика Вощинина и означенных крестьян ево, и женок, сыскав, в Путивльскую канцелярию {прислать и} о вышеписанном кого в чем надлежит допросить. И что покажут, доложить немедленно». К Якову Вощинину в Чаплищи были посланы из Путивля люди с инструкцией для приведения к допросу его и его дворовых людей. На этот раз ни сам Яков, ни его люди на допрос не поехали. Можно только представить реакцию на это Вощинина и как он потом поступил со своими болтливыми дворовыми людьми!

[218] Яков Вощинин и Марфа Гамалея являются родными внуками клепальской помещицы Прасковьи Яковлевой дочери Череповой (во втором замужестве – Пановой).
[219] Дело Семена Неплюева. Л. 17 об.
[220] Там же. Л. 18 об. – 19.
[221] Там же. Л. 20.
[222] Там же. Л. 20 об.

В течение двух месяцев никаких движений по этому делу не происходило. Только 7 мая по инструкции Воеводской канцелярии путивльскому разыщику Якову Задорскому было велено вторично ехать в деревню Чаплищи и взять кого надлежит для допроса. По результатам поездки разыщик доложил[223]: «По оной инструкцыи нижеименованной в помянутою деревню Чаплищи ездил и показанных Сидора Рубанова да мать ево, и невестку Анну Иванову дочь взяв, и привел во оную канцелярию. А брата ево Ивана за болезнию не взял». О самом помещике Якове Вощинине ничего сказано не было. Указанные свидетели были взяты под караул, то есть временно посажены в тюрьму.

В этот же день был проведен их допрос. Из приведенных первым ответствовал главный свидетель — Сидор Рубан. В допросе он сказал следующее[224]: «Сего 1747 году февраля 24 дня путивльского помещика полковника Семена Васильева сына Неплюева подданной ево Михаила Степанов сын Корнеенок у него, Сидора, в доме был. {Он} привозил однадворца Ивана Руднева к дочери, к сестре ево, которая в замужестве за братом ево Сидоровым Иваном. Но токмо он Сидор ему Михайле в то время и никогда токовых речей будто б у помещика ево, едучи в гостях пан Иван Андреев сын Гомолеев говорил господину ево при нему Сидоре, сняв со стены образ и поцеловал, что де он к отчиму своему полковнику Семену Васильеву сыну Неплюеву писал много кратно, чтоб он из слободы Неплюевои выезжал, токмо де он тех ево писем не слушает. И ныне де он Гомалей намерения имеет в помянутую слободу ехать с пушками ночным временем, и розбить онаго полковника дом, а слободу с обоих сторон зажечь. И на оное де помещик ево Сидоров Яков Вощинин сказал ему, Гомалею, чтоб он того не делал, а то де будет худа, не говаривал. И говорить онаго нечего, понеже он Сидор при помещике своем и никогда ж от него Гомолея вышеписанных пофальных слов не слыхал. И в сем допросе он, Сидор, сказал самою истину». Вот такой поворот событий: ничего Сидор от Гамалеи не слышал, Гамалея ничем Неплюеву не угрожал.

Далее были допрошены: мать Сидора Улита, ее сын Иван (брат Сидора), а также жена Ивана Анна. Все эти свидетели дружно объявили одно и то же[225]: «Таковых речей, как выше значит, не слыхал(а)». Причем никто из них не слышал, чтобы их родственник Сидор Рубан о подобных речах Ивана Гамалеи что-то говорил человеку Неплюева Михаилу Корнеенку. Таким образом все свидетели одновременно, что называется, «ушли в отказ».

Нет сомнений, что разговор Ивана Гамалеи с Яковом Вощининым был, и этот разговор люди Вощинина подслушали, но после жалобы Неплюева Яков Вощинин провел разъяснительную беседу со своими подданными и убедил их отказаться от своих слов на допросах в Воеводской канцелярии. Ввиду сложившейся ситуации канцелярия решила устроить очную ставку между свидетелями и человеком Неплюева Михаилом Корнеенком.

Тем временем, в том же мае месяце, на допрос в Путивль приехал и сам помещик Яков Вощинин. Его допросили. В допросе он сказал, что да, Иван Гамалея в тот день к нему приезжал, но «в то время и никогда таких речей не говорил. Також и образа в доме ево никогда не снимовал»[226].

Состоялась очная ставка людей Вощинина и человека Неплюева. На ней все свидетели со стороны Вощинина дружно повторили, что ничего не знают и ничего не слышали. Что же касается человека Неплюева Михаила, то он повторил то, что было написано в жалобе его господина.

Свидетели просидели в путивльской каталажке два дня. Уже 8 мая их забрал под расписку Якова Вощинина его человек Матвей Коченов[227]: «1747 году майя 8 дня содержащеися в Путивльской воеводской канцелярии под караулом путивльского помещика Якова Федорова сына Вощинина крестьянин Сидор Михаилов сын Рубанов да жонки Улита Михаилова дочь, Анна Иванова дочь по делу полковника Семена Неплюева с подданным ево Михаилом Корнеенком отданы на росписку помянутого Вощинина, человеку ево Матвею Коченову. А как по оному делу востребуетца, то ему, Коченову, поставить во оной канцелярии».

[223] Там же. Л. 21 об.
[224] Там же. Л. 22–22 об.
[225] Там же. Л. 23.
[226] Там же. Л. 25.
[227] Там же. Л. 25 об.

«После росписки помещика Якова Хведоровича Вощинина, человек ево, Матвеи Коченов, помянутого Сидора Рубанова да жонок Улиту Андрееву дочь Анну Иванову дочь на росписку взял и росписался»[228]. Ивана (брата Сидора Рубанова) также забрали под такую же расписку.

А вот информатору Неплюева Михаилу Корнеенку пришлось посидеть под караулом подольше — более трех месяцев. Его забрали только в августе путивльские «разсыльщики» Илья Моренной, Григорий Пекишев и Ларион Фонталин под свои расписки.

Вот такой неожиданный финал судного дела: свидетели пошли на попятную, а виноватым оказался человек Неплюева. Ничего странного в этом чиновники Путивльской воеводской канцелярии не усмотрели (привет Ивану Андреевичу!).

Между тем Гамалея продолжал разбойничать в поместьях Семена Неплюева: он отнимал имущество и скот, крестьянские строения разбирались по бревнам. Все это вместе с жителями перевозилось в село Клепалы. Иногда люди Гамалеи отбирали все имущество крестьян Неплюева, обрекая тех на нищету. Иногда в усадьбы угнанных людей селили подданных Гамалеи. В общем, варианты разбоя использовались самые разнообразные.

Тем временем подоспела очередная перепись населения (2-я ревизия), проводившаяся с 1744 по 1747 год. По ее результатам выяснилось, что к марту 1747 года Иван Гамалея сократил число подданных Семена Неплюева на 29 человек. Вместо записанных на Семена 66 душ в наличии осталось только 37. Вот что пишет по этому поводу Неплюев в челобитной от 12 марта 1747 года[229]: «Злодейски, наглостию своею… всех забранных им Гомолеем дватцать девять душ со всеми их крестьянскими пожитками и с хлебом. А дворы оных крестьян при зобрании все разорили. И строение, как хоромное, так и дворовое, сабою забрав, все перевезли в село Клепалы, ценою на несколько рублев».

Вот как, на примере деревни Череповой, описывает такой отъем Семен в той же своей челобитной[230]: «Да он же, Иван Гомолей, прислал на несколько подводах подданных своих человек с триста нарядным делом[231] з дубьем и с рогатины ночным временем Путивльского уезду в деревню Черепову. И имеющихся в той деревни господина моево крестьян Ивана Подакова з братьеми Андреем, Федором и Алексеем, Федора Коченова з женами их и з детьми всех разогнали. А пожитки тех крестьян и хлеб ввесь без остатку, також хоромное и дворовое строение всего на несколько рублев забрал к себе в село Клепалы».

Тут же, в этой же челобитной, упоминается история с жителями деревни Карпиловки[232]: «Помянутой же Иван Гомолей в деревни Карпиловки озарнически собою выгнал крепостных господина моего крестьян Макарья Григорьева сына Гарбачева и Антона Фотеева сына Гобачева, а хоромное и дворовое их строение и с хлебом азимым и еровым, и сеном всем завладел самовольно… От чего ныне помянутые крестьяне деревни Карпиловки Макарей да Антон Горбачевы в немалом оскудении и бес хлеба оне сами, а скот их от безкормицы померли з голоду, от чего пришли в самою нищету, что пропитания никакова не имеют за тем разорением».

Иногда бывало так, что люди Неплюева сами перебегали к Ивану Гамалее. Вот как описан такой пример[233]: «Да в прошлом 746 году в Москве от помянутого господина моево {Семена Неплюева} дворовой человек польскои нацыи Алексей Алексеев, покрав многия пожитки, и с теми бежал к нему Гомолею. А жену оного Алексеева и детей в том числе, написаннова по ревизии за господином моим сына ево Алексея Алексеева, прислав подводы в помянутыя село Успенское, {Иван Гамалея} забрал всех с пожитками к себе в Клепалы».

Само собой, по каждой такой жалобе в Путивльской воеводской канцелярии писали указ и инструкцию посыльным. Далее люди ехали в разоренные села и деревни Неплюева для разбирательства. Опраши-

[228] Там же.
[229] Там же. Л. 27–27 об.
[230] Там же. Л. 28.
[231] Нарядным делом – будучи вооруженными.
[232] Дело Семена Неплюева. Л. 65–65 об.
[233] Там же. Л. 64 об. – 65.

вались свидетели. По результатам поездок и допросов писались доношения и свидетельства очевидцев. Вот пример такого доношения[234]:

ДОНОШЕНИЕ

1747 году апреля 11 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и поданнои ис Путивльскои воеводской канцелярии инструкцыи по челобитью полковника Семена Неплюева служителя ево Герасима Саморокова оной канцелярии подканцелярист Стефан Тимофеев сын Можайской о учиненных означенного Саморокова господину ево обидах от банчуковаго товарыща Ивана Гомолея в завладении в деревни Карпиловки крестьянских дворов и хлеба, {а также} ево Неплюева крестьян Макара и Антона Горбочевых. О которой обиде по приезде я в означенную деревню Карпиловку тамошними сторонними людьми нижеподписавшимися свидетельствовал. А при свидетельстве оныя сторонния люди, знающия достоверно о вышеписанной обиде, сами по евангельской заповеди Господней, еже ей-ей вправду, сказали, что в нынешнем 747-м году перед Рожеством Пресветыя Богородицы вышепомянутой Иван Гомалей во означенной деревни Карпиловки имеющими полковника Семена Неплюева крестьяне ево Макара и Антона Горбачевых крестьянскими их дворами и хлебом завладел и ныне владеет подлинно он, Гомолей, в которых дворах ныне живут подданыя ево черкасы Матвей Куц, Иван Валченко, Григорей Шедниченко.

К подлинному свидетельству села Песок Кирило Яковлев церкви Рожества Пресвятыя Богородицы дьячек по прошению сторонних людей деревни Карпиловки помещика Никифора Шечкова подданных Леска Гребенка, Василья Топчея, помещика Леона Черепова подданного Михаилы Дроженка, руку приложил. К подлинному свидетельству Стефан Можайской руку приложил».

Только вот далее никаких действий не производилось. Иван продолжал свои «набеги», а Семен Неплюев продолжал писать жалобы.

«Генваря под 15 число {1747 года} вночи означенной же Иван Гомолей умышленно озарнически прислал помянутых приказщика Петра Полека и Тимофея Михаилова с товарыщи на шестидесят подводах и болея Путивльского уезду в деревню Чаплищи во двор к крестьянину господина моего Ивану Поленику и к братьям ево Михаилу да Ивану Поляникиным. И перевезав оных з женами и з детьми их, со всеми крестьянскими пожитки и скотом отвезли в село Клепалы к нему Гомолею. А двор их крестьянскои весь розорил. Тако ж он посеенным хлебом и землею онаго господина моего, которою похали оныя крестьяне, завладел насильно»[235].

Тем временем Иван Гамалея перешел к еще более решительным действиям: 11 июня «собрався с подданными своими озарнически нарядным разбойным делом человек да семи сот и болея[236] со всяким оружием. И приехав в хутор означенного господина моего, которой хутор имеетца в дачах онаго господина моего в урочище Часского городища близ села Успенского (Неплюева то ж). И оной хутор весь разорил и при том заграбил. Онаго ж господина моего табун лошадей, скот рагатой, овцы, и козы, и всякия птицы: гуси, куры, утки и протчие. Ограбя, оное перевез во двор свой в село Клепалы. И при том же забрал к себе стадника одного, коровника, да дворника, два овчара. Хутор со всем строением весь выжег огнем»[237].

Как обычно, через неделю, в погорелый хутор из Путивля был направлен ответственный человек «для осмотру во означенном хуторе пожегу. И при оных {сторонних людях} осмотревал. А по осмотру явилось бывшае на том хуторе строение, о котором те ж сторонние объявили, что в том хуторе имелась светлица с комнатою, да одна изба черная[238] рубленая, и скотские сорай, и протчие строение. Все згорело да основания, и ничего из того строения не осталось. От чего при том же осмотре явилось на оном хуторе идет дым и горение есть»[239].

---

[234] Там же. Л. 67–67 об.

[235] Там же. Л. 32 об. – 33.

[236] Скорее всего, число нападавших сильно преувеличено.

[237] Дело Семена Неплюева. Л. 38 об. – 39.

[238] Черная изба – изба, курная, без трубы, где дым стелется под потолком и выходит в дымволок или в волоковое окно. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[239] Дело Семена Неплюева. Л. 41–41 об.

Каждый такой осмотр проводился в компании свидетелей (сторонних людей), отчего молва о войне Гамалеи с Неплюевым ширилась по всему Путивльскому уезду.

«Того ж числа бывшие при осмотре вышеозначенного полковника Семена Васильева сына Неплюева хутора сторонние Путивльского уезду деревни Зиновой однадворец Семен Бокатов, слабодки Сагоревки помещика Григорья Сагорева подданные Иван Мещенко и Матвеи Дулейко, деревни Борыни путивльския Николаевския церкви Великорецкого попа Дмитрея Иванова подданный Василей Новоченко, деревни Ивановки тоя ж церкви дьячка Ивана Иванова подданной Герасим Колтук в подтверждение вышеозначенного свидетельства по Ивангельской заповеди Господни, еже ей-ей вправду, сказали, что тот хутор зажжен прошедшей седмицы в четверток, то есть июня первого на десять {11} числа сего семь сот сорак седьмаго году. И кем оной хутор и денным или ночным временем зажжен, про тех они подлинно не знают. Токмо слышили через посторонних тамошних обывателей да при том же и онаго ж Неплюева подданные, которые в то время в том хуторе были для смотрения скота, а именно Симон Логвинов сын Логвинов да Иван Тимофеев сын Москоленко, объявили ж, что тот хутор зажжен банчуковым товарыщем Иваном Андреевым сыном Гомолеем»[240].

Через две недели Иван осуществил еще один, особо удачный, «набег»[241]: «Сего 1747 году, июня под 24 число вночи, помянутой Иван Гомолей, умысля воровски разбойным делом, прислал подданных своих человек с пятьдесят и болея в гумно помянутого господина моего, имеющейся близ села Успенскаго (Неплюева то ж), на котором гумне имелся завод птичей (птичник), и протчее, для котораго заводу устроено на том гумне хоромное строение. И в том гумне взяли имеющихся для усмотрения тех птиц и протчего, дворовую онаго господина моего жонку Василису Ефимову дочь Григорьеву жену Антощенкова, да зятя ее, подданного посподина моего, Демьяна Ткача з женою ево. И при том забрали ж онаго господина моего полотна льнянова девяносто аршин по цене на пять рублев на сорак копеек. Да птиц старых и маладых сто курей индейских, сто пятьдесят руских, сто дватцать гусей, сто утак, которым цена по уложению, ниток льняных десять мотков ценою на рубль, пряжи шерстяной на полтора рубли, пояс шерстяной красной цена тритцать копеек, посуды всякой деревянной, и досок сасновых тертых[242] ценою на три рубли. И забрав, как означенных жонку и подданного ис поянутыми пожитки господина моево, отвезли ко означенному Гомолею в село Клепалы». Здесь мы находим любопытные данные о птичнике Семена Неплюева. Ивану досталось живности: 100 индеек, 150 курей, 120 гусей и 100 уток. Почти 500 птиц. Кроме этого взяли 90 аршин (64,8 м) льняного полотна и по мелочи: нитки, пряжу, доски, пояс, деревянную посуду. А также подданного Неплюева с женой.

Летом этого же года Иван Гамалея отобрал у Семена Неплюева рыбные ловли на озерах в Дороголевской волости (в долине реки Сейм между селами Пески, Волынцево и Козловка)[243]: «Да он же, Гомолей, своим озарничеством в дачех помянутого господина моево в Дроголевской волости насильством своим ныне завладел рыбными ловли».

Продолжались ограбления посыльных людей Семена Неплюева. Так, 11 июля по дороге из ярмарки был ограблен и избит титор[244] церкви села Успенка[245] Павел Закоморный. Ему по заданию Неплюева надо было купить разные товары на ярмарке в городе Сумы. Причем в этом случае Иван заранее знал о поездке Павла. Люди Гамалеи подкараулили его на обратной дороге. Вот что об этом происшествии пишет доверенный человек Семена Неплюева Герасим Самороков[246]: «Минувшаго июля 11 дня сего 747 году Путивльского уезду села господина моего Успенского, слобода Неплюева то ж, титоря церковнаго малороссиянина Павла Закоморного, едущаго из ярморка из Сум с церковною покупкою, на котораю покупку дано было денег {цер}ковных десять рублев, господских — шесть рублев пятьдесят копеек. Итого шестнатцать рублев пятьдесят копеек. На которые деньги куплено было на церковное строения гвоздья железного шесть тысеч

[240] Там же. Л. 41 об. – 42.
[241] Там же. Л. 42 об. – 43.
[242] Тереть – пилить. Тертая доска – пиленая доска.
[243] Дело Семена Неплюева. Л. 43 об.
[244] Титор – продавец свечей в церкви. (*Прим. аавт.*)
[245] Успенка – второе название слободы Неплюевки.
[246] Дело Семена Неплюева. Л. 44 об. – 45.

на десять рублев, железа два пуда шесть фунтов ценою на один рубль на восемьдесят копеек. Куплено на господские деньги три лейки жестяные цена сорак копеек, сукна галубога три локтя цена рубль семьдесят копеек. На мужицкие деньги куплено маниста корольковая[247] цена рубль тритцать копеек, коса сенокосная цена тритцать копеек. А за тем в остатке было адин рубль.

С которою покупкою, взяв ево, вышепомянутые подданныя ево, Гомолея, деревни Гомалеевки атаман Федор Бондырь с товарыщи, <…> привезли с тою покупкою к нему Гомолею в хутор ево. Которою {покупку} он, Гомолей, у него, титора, отобрав, мучил ево, титора, боем безвинно, смертно бив ево, титора, развезав[248] на телегу, яко злодея, отослал в село Клепалы. Которой {титор} в том селе издержался немалое время окован под караулом с протчими прежде взятыми объявленного господина моего дворовыми людьми и крестьяны.

А вышеписанного июля месяца 21 числа вышепомянутой титор Закоморной объявленному господину моему в слободу Неплюеву явился, котораго для осмотру на нем бою и ран предъявляю при сем». Несчастный титор Павел Закоморный еще хорошо отделался: ему просто сильно побили спину[249]: «А по осмотру явилось спина вся избита синя и богрова». Плюс просидел 10 дней в «застенке» у Гамалея в Клепалах.

Август 1747 года ознаменовался новыми угрозами Гамалеи. Вспомним разговор, который состоялся в январе этого, 1747 года в деревне Чаплищи в доме Якова Федорова сына Вощинина. Тогда Иван Гамалей жаловался своему родственнику Якову о том, что Неплюев не внимает его словам о том, чтобы неплохо бы было Семену выехать из Неплюевки по своей воле. А иначе туда придет его вооруженный отряд и выгонит Неплюева силой, а слободу сожжет. Тогда был скандал с допросами свидетелей, который закончился ничем. И вот теперь, 14 августа, в дом к Неплюеву в селе Успенка (слобода Неплюевка) прибыл подданный Гамалеи Яков Зикратов. Последовавшие события описаны в челобитной Неплюева от 27 августа[250]: «Он {Яков} объявил приказщику Павлу Степанову сыну Полякову, чтоб он из онаго села выбирался, из той слободы, из дому господина моего, вон. А подданным господина моего в селех собрався з громадою и шли б к нему Гомолею на поклон. Слушали б ево, Гомолея, а господина моего {Неплюева} не слушали. А ежели де слушать ево, Гомолея, не станут, то как он, Гомолей, сам приедит в то село и будет бить их подданных плетьми досмерти. А означенного приказщика как в доме господина моего застанит, то живу ему не быть». В этот же день Гамалея прислал в дом Неплюева других своих людей: Дениса Дехтярева, Тимофея Плешиваго и Ивана Мудренкова, «которые и ограживали теми ж речами при сторонних людех». В этой же челобитной Неплюев просил прислать в его дом для охраны служилых людей.

Просьба была удовлетворена, и в Путивльской воеводской канцелярии был написан указ, в котором предписывалось «для охранения послать {в дом Неплюева людей} из разсыльщиков, дав им инструкцыю. И велеть им в оном селе быть да указу, на коште просителевом». Прислали, стало быть, Неплюеву охрану из Путивля. Приказали охранникам сидеть в его доме, на его довольствии. До особого распоряжения.

На некоторое время это возымело действие, война затихла на целый год.

2.1.5.3. ЧАСТЬ 3: 1748–1752 годы

Июнь 1748 года ознаменовался дальнейшим обострением конфликта между Иваном Гамалеей и Семеном Неплюевым. Гамалей добрался до слободы Неплюевой (село Успенское), где в своем доме проживал Семен.

6 июня люди Гамалеи появились в этой слободе[251]: «Во втаром часу дни вышепоказанного Гомолея люди и крестьяне, и подданные малоросияне по приказу ево нарядным делом, разбойнически, с ружьем,

[247] Корольковый – сделанный из кораллов.

[248] Развезать от «развязати» – привязать, растянув.

[249] Дело Семена Неплюева. Л. 45 об.

[250] Там же. Л. 52.

[251] Ход боевых действий изложен в челобитной Семена Неплюева от 15 июня 1748 г. (Дело по челобитью путивльского помещика Семена Неплюева служителя Андрея Корельского об отсылке в Курскую воеводскую канцелярию. РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 645. На 88 листах. Л. 53 об. – 57 об.).

с копьи, и з дубьем, и заостренным кольем человек с тритцать и больше приехали в крепосныя дачи господина моего под село Успенское (слобода Неплюева то ж). Зафотя конское и волов, и коров с подтелки стадо господина моего, людей и крестьян, и подданных малоросиян, где было лошадей сто сорак девять, волов с коровы и подтелки восемь сот дватцать один. Которыя и по ныне у него, Гомолея, в деревнях и морит голодом».

Люди Неплюева как могли отбивались, но силы были неравными. Сразу по завершении этого набега, когда люди Гамалеи удалились вместе с угоняемыми стадами, подданные Неплюева, подтянув резервы, пустились в погоню: «За которым отогнаным воровски скотом господина своего {Неплюева} люди и крестьяне, и подданныя малоросияне по следу гнатого скота роспашными и нероспашными землями, и посеенным еровым хлебом, бежали для отъему версты с три и болея к деревни Гомолеевки[252]». Об этом, судя по всему, было доложено Ивану. Он собрал значительное подкрепление, которое выдвинулось навстречу преследовавшим: «Подданных малоросиян слободки Гомолеевки человек з двесте и больше с копьи, з дубьем, из дубовыми кольи, которыя {люди были} высланы для недапущения господина моего {Неплюева} людей и крестьян пограбленного подданными показанного Гомолея скота. И дале к его Гомолея деревням за скотом по следу гнать не допустили».

Под деревней Гамалеевкой завязался бой: «И знатно, по приказу ево, Гомолея, подданным господина моего чинили задор[253] и проломили слободы Неплюевой атаману Григорью Борцому колом голову немалою раною. И протчих господина моего людей и крестьян били дубьем и кольем при проезжающих сторонних людех. И те слободы Неплюевой подданныя, видя показанных Гомолеевых подданных наподения, бежали в дом свой в слободу Неплюеву». Отбить стадо не удалось, и люди Неплюева бежали обратно в село Успенку (слободу Неплюевку). Иван одержал победу, отнял у своего противника огромное стадо рогатого скота (870 голов).

Теперь события разворачивались как на настоящей войне. В этот же день Гамалея предпринял попытку с боем прорваться к слободе Неплюевке: «Вышеписанного же числа пополудни объявленной же Гомолей из слободы своей Гомолеевки в бытность свою {в Гамалеевке} прислал под означенную господина моего слободу Неплюеву людей своих и крестьян умышленно разбойнически нарядным делом с ружьем, с копьи, з дубьем, с кольи, конных и пеших человек да дву сот и больше на загаченную господина моего плотину[254], которые наханильки и воры с великим криком и к деревне бросались, чтоб переехать плотину и ехать в слободу господина своего к дому для разорения, ограживая бить до смерти, стреляли из ружья. И тою стрельбою ево, Гомолея, подданныя пострелили пулею подданного господина моего Прокофья Хитрого ниже поясницы немалою раною, от чего едва жив быть может. И в том же месте на платине того устреленого рану посторонние люди осматревали. А в город Путивль к осмотру и к описи за опасения от него, Гомалея, наглаго в дороге наподения, опосаясь, чтоб не отбили, також затяшною[255] раною, вести было невозможно». Результат этого боя в документах не описан, но похоже, что он был не в пользу людей Гамалея, поскольку уже через день, 8 июня, Иван Андреевич самолично повел свое войско в бой на Неплюеву слободу. На этот раз Гамалею удалось ворваться в слободу и подступить к дому Неплюева: «В вотчину господина моего {Неплюева} в село Успенское (слобода Неплюева то ж) прямо к дому господина моего с ружьем и с обноженными шпаги, с копьи, з дубьем, и з заостренным кольем, конных и пеших человек до дву тысеч[256].

И во время приезду он, Гомалей, воровски, яко разбойник и неприятель, приступя стрелял на двор и дом господина моего, хотя {желая} разорить да основания. А людей и крестьян приказывал побить

[252] Деревня Гамалеевка (ныне – село Воскресенка) принадлежала, разумеется, Ивану Андреевичу.

[253] Задор – ссора, стычка. Учинить задор – начать ссору, стычку.

[254] На какой плотине состоялся бой, выяснить невозможно. В Неплюевой слободе было две плотины. Одна плотина – через ручей, впадающий в речку Курицу, на ее правом берегу, при въезде в Неплюеву слободу (село Успенка) со стороны Гамалеевки (село Воскресенка). На этой плотине был бой, если люди Гамалея ехали в Неплюевку по правой стороне речки Курицы. Если подданные Гамалея ехали из Гамалеевки по левой стороне Курицы, то они должны были переехать на правый берег речки по плотине в центре слободы.

[255] Затязать – замучить, истязуя; истязать вконец. Затяжная рана – тяжелая рана. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[256] Здесь Семен Неплюев и его человек, писавший челобитную, явно перебрали. Численность войска Гамалея была гораздо меньше.

до смерти. И приказал, чтоб оступили[257] дом господина моего кругом, дрались в ворота и брасались лесть черес тын.

И по тому ево, Гомолея, приказу люди и крестьяне, и подданныя малоросияне, приступя с великим шумом и криком, отбили ворота. А он, Гомолей, сам наперед приступя ко двору господина моего, стрелял. А по приказу его люди и крестьяне стреляли на двор и в людей. А другие копья сквозь тын, чтоб кого заколоть також заостренным кольем и брасали палками на двор в народ, хотя побить.

Да тем же наглым своим приступом проломали тын. И брасались на двор господина моего, хотя разорить дом и пограбить оставшей господскои багаж с сундуки, где имеютца всякие крепости и нужнейшия письма».

Но люди Семена Неплюева тоже были не робкого десятка и храбро сражались у дома своего господина: «И то видя, господина моего {Неплюева} люди и крестьяне, и подданныя малоросияне, дравшихся нагло разбойнически во дворе господина моего проломленного тына, и через тын обороняясь себя и дом господина моего, не допущая подданных {Гамалея} малоросиян». И на этот раз Гамалея со своим войском не смог ворваться в дом Неплюева, ему пришлось отступить.

В ходе боя у Гамалеи были потери: два человека были убиты: «Подданных {Гамалея} малоросиян дву человек по отъезде ево, Гомалея, из села и от дому господина моего близ двора < … > нашли убитых до смерти. На которых раны осматреваны посторонними и города Путивля жителями».

На стороне Гамалея сражались не только его подданные, но и люди Неплюева из других его деревень, сторонники Ивана. После отступления Гамалеи их переловили: «А некоторые сторонние {люди} при наглом ево, Гомалея с людьми, наезде к дому господина моего и зачатое им, Гомолеем и людьми, стрелянии имелись в том же Гомолея людей воровском приезде, разных ево сел и деревень людьми господина моего. Кои были в умышленном к дому господина моего приезде пойманы тринатцать человек». Тринадцать сторонников Ивана Гамалеи в селах и деревнях Семена Неплюева попали в плен. Такая вот гражданская война разгорелась.

Чтобы два раза не ходить, Иван в этот же день приказал своим людям отобрать у подданных Неплюева в селе Успенском весь рогатый скот: «А именно, подтелков сто овец и ягнят две тысячи. И тем своим наглым граблением скота он, Гомолей, господина моего людей и крестьян, и подданных молоросиян разорил до основания. Чтоб им, подданным молоросияном, по окладу подушных денег (налога на крестьянские души) и протчих в казну поборов платить нечим». Скот самого Неплюева, как мы уже знаем, был угнан двумя днями ранее.

И что же было Ивану Гамалеи за все эти «проделки»? Понятно, что Семен Неплюев написал челобитные во все возможные инстанции: «О чем с прописанием о разных ево, Гомолея, поступках в Севской правинцыи[258] и по разным городам в канцеляриях поданы явочные челобитные». Заметим, что Семен уже разуверился в действиях Путивльской воеводской канцелярии и самого путивльского воеводы. И действительно, многочисленные грабежи людей Гамалеи с отъемом имущества Неплюева оставались без последствий для Ивана Андреевича. По просьбе Неплюева к расследованию безобразий Гамалеи была подключена Севская уездная канцелярия, которая давала указания в Путивль. Но по сути ничего не изменилось. Путивльская воеводская канцелярия, как и прежде, закрывала глаза на его проделки.

По последним событиям в селе Успенка {Неплюева слобода} по определению Севской канцелярии в Путивле был написан очередной указ, согласно которому было предписано в очередной раз послать к Семену Неплюеву человека со сторонними людьми для разбирательства содеянного и осмотра пострадавших. «А для недопущения и наглаго приезду в дом и на земли господина ево {Неплюева} без указу определить сколька надлежит служилых людей. А посланному для недопущения ссор и протчего быть да указу в слободе ево Неплюевой на коште просителевом. И ежели паче чаяния от него Гомолея ис подданных ево происходить будет каковые ссоры и протчие, то объявить им данную инструкцыю [и собщенную при том означенного указу копию], дабы ссор и драк и протчего не чинили под опосением за оное объявленного

[257] Оступать — обступать, окружать, обходить кругом, лишая возможности отхода, отступления.
[258] Город Путивль в то время входил в состав Севской провинции Белгородской губернии.

в вышеозначенном указе штрафа»[259]. Теперь предписывалось оставить в доме Неплюева вооруженных служилых людей и опять провести допросы свидетелей. И, что занятно, эти охранники, в случае очередного нападения Гамалеи, не должны были с ним сражаться. Им было предписано зачитать инструкцию из Воеводской канцелярии, согласно которой Ивану грозил штраф за содеянное. И ни единого слова о наказании за совершенное ранее.

Здесь необходимо заметить, что Иван Андреевич вел военные действия не только в Путивльском, но и в Конотопском уезде, где у него было имение в деревне Семеновке. По этому поводу в октябре 1748 года писал жалобу в Воеводскую коллегию местный помещик бунчуковый товарищ Василий Григорьевич Харевич «за разорение его хутора, находившегося недалеко от Семеновки»[260].

Не найдя защиты ни в Севске, ни в Путивле, Семен Неплюев написал жалобу в высший государственный орган того времени — Правительствующий Сенат. Ранее мы уже отмечали, что в это время Семен Неплюев и Иван Гамалея с женой Марфой постоянно пребывали в Санкт-Петербурге по делу о фальшивых купчих. Это дело также дошло до Сената. Завершение было близким, и обе стороны пребывали рядом с Сенатом, чтобы оперативно реагировать на ход событий.

Что же касается челобитной Неплюева по разбоям Гамалеи, то в начале марта 1749 года Правительствующий Сенат рассмотрел его жалобу, и 14 марта был дан указ о передаче дела в Рыльскую воеводскую канцелярию. Это было сделано, опять-таки, по прошению Семена, поскольку «Он, {путивльский} воевода, с ним, Гомалеем, имеет немалое согласие и крайнею дружбу»[261]. Ввиду этого все челобитные Неплюева были переданы из Путивля в Рыльск (в Путивле оставили копии). Своим указом Сенат предписывал[262]: «Рыльской воеводской канцелярии крепчайше исследовать. И для того оного Гомолея и других, что будут к тому потребны, в ту канцелярию сыскать или откуды надлежит немедленно требовать».

Рыльские чиновники рьяно взялись за дело: 23 мая этого года была составлена промемория (официальная бумага), в которой говорилось, что «оной Гомолей и люди ево, и крестьяне, и подданныя малороссияне, кои жительство имеют в Путивльском уезде, того ради сего ж апреля 14 дня по определению Рыльской воеводской канцелярии велено показанного Ивана Гомалея за людьми ево и подданными, за кем надлежит, в Путивльской уезд послать по инструкцыи и по приказу». Распорядились также «о присылке оного Гомалея в Глухов в Генеральную войсковую канцелярию. Також и о присылке ж подданных от оного Неплюева и от людей ево на оного Гомалея и на людей ево, и на поданых явочных челобитень. И что потребно отколь тому куда надлежит, писать немедленно». При этом указом Сената было предписанно Путивльской воеводской канцелярии оказывать всяческую помощь Рыльской канцелярии в ее расследовании.

И только теперь, по указу Правительствующего Сената, дело дошло до допроса Ивана Гамалеи. Он должен был явиться в Глухов в Генеральную войсковую канцелярию. Что же касается его подданных, замешанных в нападениях, то их предписывалось вызвать на допросы в Рыльск. Вместе с ними вызывались свидетели, подданные Семена Неплюева, для проведения очных ставок. Для Неплюева дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки.

К данной промемории был приложен реестр[263], подготовленный Семеном, в который были включены все его подданные, отнятые Иваном Гамалеей. Сюда вошли 65 малороссиян, которых надо было забрать из Гамалеевки, 4 малороссиян из Череповки, 15 людей из Клепал, 2 — из Николаевки, 3 — из Черепашки[264] и 1 из Карпиловки. Итого: 90 душ. Вспомним, что двумя годами ранее, в марте 1747 года, Семен просил в своей челобитной вернуть ему 29 душ.

По указанной промемории «из Рыльской воеводской канцелярии в Путивльской уезд посылано по инструкцыи с приобщением кто имяны по тому делу потребны»[265]. Только результат этой посылки

[259] Дело Семена Неплюева. Л. 58 об. – 59 об.
[260] *Лазаревский А.М.* Дневник Генерального хоружего Николая Ханенка. 1727–1752. Киев: Изд. Ред. Киев. старины, 1884. 554 с.
[261] Дело Семена Неплюева. Л. 71 об.
[262] Дело Семена Неплюева. Л. 81.
[263] Там же. Л. 82–82 об.
[264] Деревня Черепашка – ныне село Михайловка.
[265] Дело Семена Неплюева. Л. 84.

оказался совершенно неожиданным, поскольку «приведено токмо два человека слабодки Николаевки. А о протчих посланной даношением объявил, что из них многия учинились противны, а другия укрылись». Привести удалось только двух человек из Николаевки. Многие из угнанных Гамалеей людей отказались подчиниться и вернуться к Неплюеву, а другие — просто спрятались. Почему так случилось? Возможно, что люди Гамалея сумели им объяснить последствия их возвращения к Неплюеву. А возможно, они и сами знали и понимали истоки конфликта двух господ.

Но, поскольку тринадцать пленных (подданных Гамалеи), которых люди Неплюева захватили после боя у дома Неплюева, все-таки сознались в «обидах и разорениях, и грабительствах, и о созжении хутора», то в Рыльске было принято решение «за оным Гомолеем, и за людьми ево, и подданными послать вторично по инструкцыи»[266].

Вторая посылка дала приблизительно тот же результат, что и первая: к 22 июля 1749 года путивльскими «розыщиками» было приведено еще 5 угнанных людей Неплюева. Остальных опять не нашли. Немногим позднее в челобитной Неплюева от 30 июня 1751 года[267] имеется уточнение: «По имеющемуся господина моего делу з банчуковым товарищем Иваном Гамалеем в Рыльской воеводской канцелярии содержались ево, Гамалея слободки Гамолеевки, да слободки Тарановки, что названа от него, Гомалея, селом Николаевкою, разбойники и злодеи зажигатели подданныя малоросияне семь человек». Таким образом по второй посылке было приведено 5 человек — жителей деревни Гамалеевки. По результатам двух посылок — 7 человек. Всех этих людей отправили в Рыльск под караул.

Рыльская канцелярия проявила настойчивость и приняла решение послать разыщиков в третий раз. Но и здесь Неплюеву не способствовала удача. На этот раз совсем никого не привели. Равно как и сам Гамалея в Рыльск не поехал.

В этой же челобитной рассказывается о дальнейшей судьбе этих семи человек: «Ис коих {семи человек} один того ж 749-го году бежал. Три, якобы, померли при той Рыльскои воеводской канцелярии. А оставшия три человека июня в последних числех сего 1751 году во время бежавших из рыльского острога колодников, и те ево, Гамалея, воры подданныя бежали ж. От которых из Рыльской воеводской канцелярии по присланной в Путивльскую воеводскую канцелярию промемории, то и мне их в реестре показано по именам. И ис тех разбойников и злодеев согласник[268] и предводитель Гамалеев вор Фома Федорченко пойман господина моего дворовым человеком Дмитреем Бирюковым». Дмитрий Бирюков повез пойманного Фому в Рыльск, но не довез: по дороге Фома был отбит людьми Ивана Гамалея: «А вышепредъявленной Гамалеев прикащик Осип Сербин с показанным атаманом и подданными беглого ис тюрьмы вора Фому Федорченка тою разбойническою станицею[269] у показанного дворовaго человека Бирюкова отбили». Да, исправно работала агентура Ивана Гамалеи в селениях Неплюева. Таким образом, результаты трех посылок в села и деревни Ивана Гамалеи оказались нулевыми. Никого Неплюеву не вернули.

Тем временем, благодаря во многом стараниям и Неплюева и Гамалеи, настойчиво писавшим челобития, дело о подложных купчих в Вотчинной коллегии было завершено. 22 декабря 1749 года было сформировано определение (решение по этому делу)[270], согласно которому обе купчие были признаны незаконными, а раздел поместий и вотчин между Семеном Неплюевым, его женой Марией Анненковой и падчерицей Марфой был зафиксирован на момент женитьбы Неплюева, то есть на 1717 год[271]. В указанном определении было дано поручение переделить все вотчины и поместья и составить отказные книги. Таким образом, все имения, которые Семен Неплюев присвоил себе еще при малолетстве своей падчерицы Марфы, должны были быть ей возвращены (см. разд. 2.1.4).

---

[266] Там же.

[267] Там же. Л. 77–78.

[268] Согласник – единомышленник, сообщник, соучастник.

[269] Станица – отряд, группа людей вообще.

[270] Дело Ивана Андреева Гамалея и его жены о справке по купчей от Семена Неплюева (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 624–629 об.).

[271] С небольшой поправкой на дополнительный передел, касающийся прожиточного поместья Марии Анненковой, состоявшийся в 1718 г.

В свете этого же определения вотчина в Клепалах должна остаться за Семеном Неплюевым. Во-первых, по результатам передела 1717 года, ввиду его женитьбы на Марии Анненковой, а во-вторых, потому, что купчая Неплюева, по которой он продал в 1743 году эту вотчину Ивану Гамалее, была признанной незаконной.

Между тем Иван и Марфа не собирались покидать село Клепалы. Теперь они ожидали только смерти Неплюева, поскольку после этого вотчина должна быть им возвращена ввиду того, что у Семена с его женой Марией общих детей не было, а Марфа являлась единственной и законной наследницей. Таким образом, новый, 1750 год начинался для двух спорящих сторон с новой реальности.

В соответствии с указанным определением Иван Гамалея начал передел поместий и вотчин, то есть стандартную для тех времен процедуру их отказа. Теперь всполошился Семен Неплюев. Его, что называется, «понесло». В челобитной от 20 марта 1750 года он так описывал происходящее[272]: «А ныне уведомился я, что он, Иван Гомалей з женою своею Марфою, не объявя, где надлежит в канцелярии указом ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и прежде определения инструкцыи и бес понятых, бес сторонних людей, умышленно и по злой своей натуре, собрав к себе во двор в село Клепала дальных сел и деревнь не знаема каких людей, соглащиков своих. К тому ж кои имеют з господином моим приказныя ссоры, а других неведающих подлинно старинных дач сел и деревень, и поселеныя слобод вольными людьми черкасы. И с оными сочиняет у себе в доме тайно незнаемо какие фальшивыя отказныя книги, в которых знатно намерен написать и поселенныя господином моим[273] на недвижимом имении господина моего слободу Неплюеву, да слоботку Тарановку и Черепашку, по чему и верить не надлежит». При этом Неплюев ссылается на дружбу Ивана Гамалеи с путивльским воеводой Петром Щербачевым и указывает на то, что принимать эти отказные книги в Путивльской воеводской канцелярии нельзя, равно как и производить сам отказ, поскольку все дела по его спору с Гамалеем переданы в Рыльск. Семен и здесь верен себе, мы узнаем его давнюю манеру изложения: точно так же он утверждал в 1743 году, что обе купчие писаны самим Гамалеем, точно так же, по его словам, теперь пишутся и новые отказные книги. Невесть где, невесть какими людьми. Все это, писанное Неплюевым, может, и сошло бы за «чистую монету», если бы не было обращено к Ивану Андреевичу Гамалее, который к тому времени был уже членом Генерального войскового суда Малороссии и в совершенстве знал порядок отказа поместий и вотчин, поскольку сам занимался межеванием земель весьма достойных и влиятельных людей Российской империи. Конечно, марать честь и достоинство такими действиями, как их описал Неплюев, он никак не мог.

Тем временем Семен продолжал «бомбить» своими челобитными присутственные места в разных городах Курской и Белгородской губерний. В частности, 20 марта 1750 года была подана очередная жалоба в Севскую провинциальную канцелярию. Челобитная очень большая, в ней описаны все проблемы Неплюева, начиная с оформления купчих в 1743 году. Приводить ее текст, даже частично, нет необходимости, поскольку в ней содержатся все положения судебного дела, которые были изложены в более ранних его жалобах. Любопытно другое: полтора месяца эту челобитную «крутили в руках» севские чиновники и только 9 мая было «ОПРЕДЕЛЕНО оною спорною челобитную отослать в Путивльскую воеводскую канцелярию при указе, в котором указе написал, чтоб та канцелярия в том поступала в силе указов»[274]. То есть в Севске не стали разбираться с жалобами Неплюева и простой отпиской отправили эту челобитную в Путивль с просьбой там рассмотреть ее по силе законов. И это несмотря на решение Правительствующего Сената об изъятии этого дела из Путивля и передаче его в Рыльск. Севские чиновники попросту «умыли руки». Естественно, что никаких дальнейших движений по этой жалобе в Путивле не последовало.

Неплюеву ничего не оставалось, как опять пожаловаться в Правительствующий Сенат, который на этот раз переадресовал его челобитную в Курскую воеводскую канцелярию. Теперь уже в Курске было принято решение допросить Ивана Гамалею. «Токмо чинясь противен тем указам как в Рыльскую воеводскую сам не явился и поверенного не прислал, так и в Курскую воеводскую канцелярию в преслушность

[272] Дело Семена Неплюева. Л. 71–71 об.

[273] Челобитная написана от третьего лица доверенным человеком Семена Неплюева.

[274] Дело Семена Неплюева. Л. 69.

указов сам не явился и поверенного не прислал же»[275]. Куда только не звали Гамалею на допрос: в Путивль, в Рыльск, в Глухов, а теперь и в Курск. Но допроса как-то не получалось.

Особо отметим челобитную Неплюева графу Разумовскому (скорее всего — Кириллу Григорьевичу, в то время гетману Малороссии). В работе А.М. Лазаревского «Очерки малороссийских фамилий» приведен фрагмент этой челобитной[276]: «Имею я во владении своем в Путивльском уезде на Великороссийских землях деревни в соседстве с имениями Ивана Андреевича Гамалея, полученными им в приданое за своею женою. И тот Гамалея чинит мне великия притеснения: крепостныя мои деревни разорил и крестьян моих со всем их имуществом перевел в свои деревни, сжег мой хутор с домом, заграбив скот и пожитки, наконец приступил к собственному моему селу Успенскому, где имею жилой свой дом, и стоял здесь, окруженный значительною толпою немалое время. Вследствие чего принужден был я уходить со всею семьею ночью в Конотоп. При чем на дороге уморил от страху малолетнюю мою дочь. А Гамалея, без бытности моей, снова приступил к тому селу во многолюдствии с огненным ружьем, с копьями и с косами, навязанными на длинные древка, при чем люди его были перевязаны через плечи красными широкими поясами. И людей тех было более двух тясяч {??}. И стрелял Гамалея с людьми своими в мой дом, и копьями колол, и весь забор разломали, и забрал при этом Гамалея весь оставшийся еще скот, как мой, так и крестьян моих. А крестьянам моим нет возможности из села выехать за нуждами своими: сейчас их ловят и отводят в деревни его, Гамалея, где он их заковывает в железа и держит под караулом по месяцу и больше».

Здесь мы видим упоминание описанных ранее набегов Гамалеи, а также обстоятельства ночного боя у дома Неплюева и его бегства из села Успенки в город Конотоп. Выясняется, что к этому времени он был вторично женат и имел малолетнюю дочь. Несчастный ребенок умер от страха той ночью.

А Иван тем временем продолжал свои захватнические действия. В начале мая 1751 года он, «приехав в дом свой в село Клепала, привел с собою малороссийского Миргородского полку казаков и с полкавой старши*ною*, при которых было до семи сот лошадей и больше. И поставил на собственных господина моего {Неплюева} дачах и на сенных покосах на разоренном и сожженном им господина моего хуторе[277]. Которыя стояли с полком близ месяца и вытравили сенных покосов на тысячу возов и боле, ценою воз по двацати по пяти копеек»[278]. Теперь Иван при набегах не ограничивался своими отрядами, а привел в Клепалы регулярные войска — казаков Миргородского полка вместе с их отцами-командирами (старши*ной*), которые в течение месяца топтали сенные покосы Неплюева. В результате было испорчено (потолочено) сена на 1000 возов.

Далее[279]: «Подданным своим слободки Гомолеевки {Иван Гамалея} приказал пахать. Которыя {подданные Гамалеи} роспахали сенных покосов десятин на восемьдесят[280] и боле. Да и поныне оставлена им, Гомалеем, того полку казаков человек больше тритцети, при которых лошедей до ста. И те, господина моего {Неплюева} в дачи нагоняя, травить сенныя покосы. А распаханныя сенныя покосы местами засеяли разным яровым хлебом подданные ево, Гомалея».

В это же время Семен Неплюев, понимая, что Гамалея не даст ему житья в Путивльском уезде, основал (поселил) новую деревню Неплюевку в Обмяцком стане Курской губернии[281] и начал переводить туда свои «активы». В челобитной от 30 июля 1751 года[282] сказано, что из Неплюевки (Успенки) в эту деревню был направлен обоз с дворовым человеком Дмитрием Бирюковым, с крестьянином Василием Гребенниковым и с другими подданными Неплюева с большой суммой денег и прочим скарбом, «при которых {людях} было послано к господину моему {Неплюеву} денег пять сот рублев, воску чистого десять пуд, столовой

[275] Там же. Л. 73–73 об.

[276] *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII и XVIII в. 6. Гамалеи // Русский архив. Вып. 4. М.: Изд. Петра Бертенева, 1875. С. 447.

[277] Хутор у Неплюевой слободы, который был сожжен Гамалеем 11 июня 1747 г.

[278] Дело Семена Неплюева. Л. 73 об.

[279] Там же. Л. 73 об. – 74.

[280] 80 десятин = 88 га.

[281] Эта деревня находилась рядом с нынешним селом Бобылевкой Хомутовского района Курской обсласти.

[282] Дело Семена Неплюева. Л. 77 об. – 78.

припас и протчия к дому господскому всякия надобности. С ним же Гребенниковым по тракту ехал рыльской дворянин Иван Артемьев сын Черемисинов».

Однако агентура Гамалеи не зря ела свой хлеб: «Во время полудни сего июля числа {число не указано} Путивльского уезду слободки, прозываемой Бошини, наехали на них незнамо какия воровския люди нарочно для разбойного присмотру, как преж сего от объявленного злочинца Ивана Гамалея, для поимки господина моего людей и крестьян, и подданных молоросиян. < … > И те предъявленные незнамо какия воровския люди господина моего на дворового человека и крестьян, набежав разбойническою станицею с ружьем, с копьи, с косы направец[283] и дубьем человек до дватцати. А дворовой человек со крестьяны, видя наступающей од тех воров разбой, возвратились в слободку, позываемую Бошину». Но дело этим не завершилось, поскольку в слободке их ожидали люди Ивана: «По посылке ж тех воровских людей {Ивана Гамалеи} к повестке набежали и многия незнаемо какия воровския люди человек с шездесят и болея нарядным делом, с ружьем, и с копьи, с косы направец, и з дубьем напали разбойническою станицею вторично на объявленного дворового человека Дмитрея Бирюкова, крестьян, и подданных малороссиян, и дворенина Ивана Черемисинова, и били смертно. Ис которых он, Бирюков и крестьяне с товарищи, узнали к воровству наставщика слободы Тарановки, что названа селом Николаевкою, Гамалеева прикащика Осипа Сербина, атамана Петра Мороза, Карпа Колесниченка, того ж села попова сына Ивана Ткаченка, да деревни Карпиловки ево ж, Гамалея, подданного Ивана Бурлаку. < … > Объвленныя разбойники напали {на людей Неплюева}, били их и грабили». Дворовой человек Неплюева начал кричать и звать на помощь. На его крик сбежались жители слободки Бошиной во главе с местным атаманом Тимофеем Гулеевым человек до ста, но «те сторонние сободки Бошиной жители, яко согласными ко аброне, споможения не учинили. А вышепредъявленной Гамалеев прикащик Осип Сербин с показанным атаманом и подданными имеющияся господина моего {Семена Неплюева} у крестьянина денег, воск, и столовой припас, пять лошадей с телеги и упрежью, платье, и что при них было, все без остатку разбоем отбили. Господина ж моего дворовой человек со крестьяны и подданными малороссияны ис той слободки Бошинои бежали и едва спаслись от смерти». А почему же жители слободки Бошиной вместе со своим атаманом не заступились за людей Неплюева? Как видно, приказчик Гамалея Осип Сербин сумел убедить бошинского атамана не ввязываться в этот спор. Или была предварительная договоренность.

В челобитной Неплюева, описывающей это происшествие, имеется реестр отобранного имущества. Приведем его полностью. Он интересен, в частности, тем, что дает представление об одежде людей того времени, о припасах, которые хранились в доме Неплюева в Успенке, а также о ценах на все это добро[284]:

Реэстр коликое число разбойническою станицею Гамалеевым прикащиком Осипом Сербиным с товарищи у крестьян господина моего и подданных, имеющихся при них господских денег, столоваго припасу, и у крестьян денег же, лошадей, телеги и упрежью, и платья, и прочих пожитков, следует ниже.

	Рубли	**Копейки**
Господских денег, имеющихся в ведомстве у крестьянина Василья Гребенникова; денег пять сот рублев	500	—
Воску чистого десять пуд, ценою по дватцати по пяти копеек за фунт — сто рублев	100	—
Дватцать полтей[286] витчины, ценою по восьмидесят копеек полть — шеснатцать рублев	16	—
Гусиных полотков[287] дватцать пар — цена два рубли	2	—
Стан ткацкой з бердой[288], нитями и всякими инструменты к наряду — цена дватцать пять рублев	25	—

[283] С косы направец – с косами, навязанными на длинные древки. (*Прим. авт.*)

[284] Дело Семена Неплюева. Л. 79 об. – 80 об.

Все разъяснения приведенных в данной таблице терминов получены из открытых источников сети Интернет.

[285] Полть (или полоть) – половина мясной туши, разрубленной вдоль.

[286] Полоток – уменьшительное к «полоть».

[287] Бердо – часть ткацкого стана, род гребня.

Лошадь мерен[289] саврас[290], на левой глаз слеп — цена тринатцать рублев	13	—
Хомут ременной, роспуски[291], дуга, возжи; ценою —	2	50
Три епанчи[292] валеныя новыя: одна белая, две серы; цена —	2	85
Подданного малоросиянина Михайлы Кучеренка кобыла гнедая[293] осьми лет; цена —	10	50
Наума Горощенка кобыла рыжа пегая[294] девяти лет; цена —	9	40
Якова Колежного кобыла гнедая семи лет; ценою —	10	—
Хомут, телега, дуга, возжи; ценою —	1	70
Денег ево ж, Колежного —	1	20
Кафтан[295] белой и шуба, поношены мало, ценою —	1	60
Шапка зеленого сукна, поес красной шерстяной, рубаха с порты[296]; ценою —	—	82
Ивана Насенка кобыла мышастая осьми лет; ценою —	12	—
Телега черкаская, хомут ременной, дуга, возжи; ценою —	2	30
Денег —	—	85
Кафтан белой поношеной, шуба, епанча валеная, ценою —	2	—
Шапка лазореваго сукна, поес шерстяной, две рубахи с порты; ценою —	—	65
Двороваго человека Дмитрея Бирюкова денег —	2	25
Кафтан серой новой лакейской, шуба, шапка красного сукна, малахай[297]; ценою —	5	20
Поес верблюжей желтой, две пары тонких рубах с порты, ценою —	2	—
Крестьянина Василья Гребенникова денег —	1	50
Кафтан серой новой, шуба мало поношена, епанчи валеная мало ношена, шапка лазореваго сукна с черною апушкою[298], ценою —	3	25
Поес синей шерстяной, две рубахи, торопы (?) льняныя, да посконныя[299], ценою —	—	90
Крестьянина Леона Колесникова денег —	1	25
Кафтан серой новой, шуба новая, шапка красная богрецоваго[300] сукна с черной апушки, епанча валеная[301] притерта[302]; ценою —	5	35
Поес верблюжей красной, две пары рубах с порты льняныя да посконныя; ценою —	1	5
Козьмы Архипова денег —	—	85
Кафтан белого сукна поношеной, шуба малопоношена ж, шапка синяго сукна; ценою —	2	38
Поес шерстяной синей, рубаха посконная с порты; ценою —	—	30

[288] Мерин – кастрированный жеребец.
[289] Саврасный – конская масть; светло-гнедой с желтизною.
[290] Роспуски – крестьянская повозка (а также сани) без кузова для возки бревен и досок.
[291] Епанча – широкий безрукавый плащ, круглый плащ, бурка.
[292] Гнедая – конская масть, красновато-рыжий с черным хвостом и гривой.
[293] Пегая – пегая лошадь может быть любой масти, но по всему ее телу расположены белые пятна разных размеров и форм.
[294] Кафтан – верхнее долгополое мужское платье разного покроя: запашное, с косым воротом.
[295] Порты – то же, что и штаны.
[296] Малахай – старинная крестьянская шапка на меху, с наушниками.
[297] Опушка – меховая обшивка по краям одежды. В данном случае – шапки.
[298] Посконный – сделанный из поскони. Посконь – мужская пыльниковая (бесплодная) конопля; в ней волокно покрепче и почаще, чем в конопле семенной (материнке).
[299] Багрец – темный оттенок красного цвета.
[300] Валять сукно – сбивать вытканное сукно, чтобы оно было толще и плотнее.
[301] Притертая – истертая.

Пять мешков новых веретье[18], и в них хлеба, пшена, сала и овса для лошадей, секера[19]; ценою —	1	90

ИТОГО: 742 рубля 55 копеек.

Что можно сказать по поводу перевозимого? Во-первых, перевозили очень большую сумму денег — 500 рублей. Во-вторых, крупную партию воска — 160 кг ценой в 100 рублей. В-третьих, съестные запасы: 20 полтей ветчины. Одна полть — это половина туши, разрубленной вдоль, то есть полноценных 10 туш (свиней, надо полагать). 20 пар гусиных полотков — это 20 тушек гусей. Помимо этого перевозился ткацкий станок ценой в 25 рублей.

Далее следует обратить внимание на то, что подданные Неплюева везли с собой свою зимнюю одежду, хотя дело происходило в июле: шубы (всего 7 шуб), 6 валеных епанчей (очень плотных, зимних), 5 суконных шапок (в том числе один малахай, с мехом внутрь и с наушниками). Очень похоже, что этих людей Неплюев переселял на новое место и они брали с собой всю одежду. А Семен Неплюев таким образом спасал от набегов Ивана Гамалеи оставшееся в доме, в селе Успенка, деньги, воск, ткацкий стан и мясные припасы.

Очевидно, что Иван заранее знал об этом выезде, знал, когда и куда эти люди поедут, число сопровождающих. Соответственно, сумел подготовиться к набегу. Причем собрал два отряда: один в 20 человек, а другой — в 60. Приставил к ним командиров — своих приказчика и атамана. Был намечен план действий: малый отряд встречает людей Неплюева на дороге и гонит их в слободу Бошино, в засаду, где их поджидал другой отряд численностью 60 человек. При этом явно имелась договоренность с атаманом этой слободы не вмешиваться в драку. В результате у Неплюева было отобрано последнее, что у него еще оставалось.

Дальнейшая судьба Семена Васильева сына Неплюева в данной работе не рассматривается. Семен Неплюев умер не позднее лета 1762 года. На это указывает сказка об убывших и вновь рожденных крестьянах села Успенка, поданная поверенным Неплюева Дмитрием Бирюковым 27 августа 1762 года, в которой вторая жена Семена Васильевича Екатерина Игнатьевна указана вдовой[304]: «1762 году августа 24 дня вотчины вдовы полковницы Екатерины и сына ее кадецкого корпусу кадета Николая Семеновича Неплюева Путивльского уезду Засемского стану села Успенского, Неплюева то ж, дворовой человек Дмитрей Бирюков по силе публикованного в нынешнем 1762 году генваря 10 дня указа Правительствующаго Сената, с ведома оных господ своих, дал сию сказку о положенных в нижеписанном селе по последней 1747 году ревизеи преписанной от ней полковницы за мужем, а оного кадета отцом, Семеном Васильевым сыном Неплюевым в подушном окладе ис того числа разными случаеми убылых и подле того вновь рожденных крестьян». Здесь указан сын Семена Неплюева от его второго брака Николай.

Иван Андреевич Гамалея умер в марте 1766 года. Таким образом, он имел достаточно времени, чтобы возвратить себе вотчину Неплюева в селе Клепалы, ранее принадлежащую его теще Марии Анненковой.

Из дальнейшей истории семьи Неплюевых известно только несколько отрывочных данных. А именно, что «курский помещик Дмитрий Федорович Дараган 7 октября 1762 года продал Курской помещице Екатерине Игнатьевне Неплюевой, жене[305] Семена Васильевича Неплюева, из своего имения в Курском уезде 30 четвертей в Облецком {Обмяцком} стане, на речке Полевой Снове, и в деревне Ольховой, за 100 рублей»[306]. В этом же стане Курского уезда находилась новая деревня Неплюевка, куда Семен переправлял свое имущество из Успенки.

Из более поздних документов выясняется, что у Семена Неплюева со второй его женой Екатериной Игнатьевной, кроме сына Николая, была еще дочь Анна. Они упоминаются в полевых записках села Клепалы 1782 года, когда вместе со своей матерью вели спор за имения в Клепалах с сыном Ивана Гамалеи Михаилом в ходе специального межевания. Вот фрагмент их объявления (претензии)[307]: «К межевым де-

[302] Веретье – грубый холст.

[303] Секера – секира, топор.

[304] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2725. Л. 235.

[305] К тому времени уже вдове.

[306] *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 3. Киев:Тип. С.В. Кульженко, 1912. С. 371.

[307] Полевые записки село Клепал (РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ед. хр. 4772. Л. 4).

лам, производимым в Путивльской округи землемера господина порутчика Петра Ивановича Сомова. Путивльской округи госпожи полковницы Екатерины Игнатиевой дочери и детей ее, секунд маиора Николая Семеновича и дочери девицы Анны Семеновой Неплюевых».

Напомним, что первая жена Семена Неплюева Мария Анненкова умерла в марте 1744 года. Дата вторичной женитьбы Неплюева не известна, но в указанном выше спорном деле 1782 года сказано, что его дочь Анна была в это время незамужней девицей. А стало быть, не могла быть его малолетней дочерью, упоминаемой во время бегства Семена из Успенки в 1748 году. Та малолетняя девочка, скорее всего, действительно умерла от страха, как об этом написал Неплюев в своей жалобе гетману Кириллу Разумовскому.

После смерти Семена Неплюева (до 1762 года) и Ивана Гамалеи (1766 год) их дети не воевали друг с другом, а спорили за имения отцов в местных судах в установленном порядке.

На этом, собственно, заканчивается история войны между Иваном Гамалеей и Семеном Неплюевым. Последняя челобитная Неплюева датируется 20 февраля 1752 года, в которой Семен просил еще раз перенести все свои дела в Курскую воеводскую канцелярию. Челобитная подана в Путивле. Это еще раз косвенно указывает на его переезд из Путивльского уезда в Курский.

В дополнение к описанному выше необходимо сказать, что разбойные нападения, какие производил Иван Гамалея, в то время не были экстраординарными. Сам Иван Андреевич также подвергался набегам подданных других помещиков на свой дом. В качестве примера приведем инцидент, происшедший у его дома в 1755 году. Вот что об этом пишет в своей челобитной крестьянин Ивана Гамалеи Иван Прохоров сын Поляникин[308]: «Сего сентября 1 дня 755 году в вотчину означенного господина моего Путивльского уезду, в село Клепалы, приехав ко двору господина моего незнаемо какие люди денным временем во многолюдственном собрании, человек до ста и болея. Ис которых при том имелось в служивом платье зеленом и в камзолах красных человек до двенатцати, и с ружьем, примкнув штыки, и при шпагах. При которых признали путивльской помещицы Аграфены Андреевой дочери Анненковой Григорьевой жены Масалитинова подданных. А именно: атамона Андрея Лукашенка, Дениса Пердуненка, Василья Иванченка, Лукьяна Приходченка, Филипа Решотку, Саву Орченка, Павла Решотку, Ивана Коганенка, Григорья Дорошенка, Николая Загинайленка, Петра капитанова зятя. Да из дворовых людей Якова да иных. А как их по отчеству и по прозванию, сказать не знаю.

И не дошед до ворот господина моего, зарядя ружьи, учели в ворота и на двор господина моего стрелять частым выстрелом. И выстреля из ружья раз до тритцати и приступивши к воротам, стали ломитца на двор реченного господина моего.

И как видя такой страх и беспрерывную стрельбу, то из двора господина моего прикащик Захар Ковеников да отаман Моисей Дворников учели их спрашивать, что они за люди и для чего приехали, и по какому делу. И они сказали, яко они сыскной команды салдаты. И не объявя инструкцыи близ двора господина моего людей и подданных ево господина стали бить смертными побои, и дворы подданных разорять. Ис которых озарников в то время зафачено три человека салдат, а другие от двора господина моего уехали незнаемо куда».

Не напоминает ли это действия людей Ивана Андреевича возле дома Неплюева в селе Успенка? Там, по крайней мере, было ясно, кто на кого напал и почему. А здесь нападение на дом Гамалея было полной неожиданностью для его людей. В нападавших признали людей помещицы Аграфены Андреевой дочери Анненковой Григорьевой жены Масалитинова. А это, между прочим, родственница Ивана Гамалеи: отец Аграфены Андрей был родным братом Ивана Анненкова — отца Марфы Гамалей. Марфа с Аграфеной были двоюродными сестрами. Речь, скорее всего, шла о землях в деревне Лухтовке и в селе Красная Слобода, вотчине, которую в 1713 году продал Иван Анненков своему брату Андрею и племяннику Богдану (см. разд. 2.1.1). Из нее половина, 49 четвертей по левую сторону речки Чаши, досталась Андрею, отцу Аграфены. Известно, что между потомками Ивана Анненкова в дальнейшем велись споры за эти земли.

[308] Дело по челобитью путивльского помещика Ивана Гамалея крестьянина ево Ивана Поляникина с представлением трех человек солдат и поступлении с ним по законам. Челобитная Ивана Прохорова сына Поляникина (РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 652. Л. 1–6).

В частности, спор с вдовой Ириной Богдановской женой Анненкова в 1715–1717 годах (см. разд. 2.1.2). К 1755 году дело, как мы видим, дошло до мордобоя.

Между тем, по указанному выше нападению на дом Гамалея, в Клепалы были посланы люди из Путивля, которые в своем донесении написали следующее[309]: «1755 году сентября 13 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и поданной из Путивльской воеводской канцелярии инструкцыи калежской регистратор Тихан Хатьянов Путивльского уезду в село Клепалы ездил. А приехав, против явствующее в той инструкцыи путивльскаго помещика банчюковаго товарища Ивана Гамалея крестьянина Ивана Поленикина, на предъявленных ево, Гамалеевых, подданных бою, а на воротах, что при двое ево, знаков от стрельбы чиненной приезжающею незнаемо от кого, командою осмотрев и описав при нижеподподписавшихся сторонних людех. А по осмотру явилось на подданных побоев: на Андрее Решетке около правого глаза зашиблено синя и богрова, и опухло, на правом боку отшибено и опухло ж. И на Федоре Шеповалове на левой руке выше локтя зашиблена и синя вершка на два, бок левой и спина от бою синя, на левой щеке и ниже глаза ударен, и запеклось кровью. И на Саве Альховом на голове повыше лба и в затылке пробито, и запеклось кровью, и рубаха в крови. И на Семене Хижняке левая щека и около глаза опухло. И на Степане Ивашенке груди зашиблены и опухли, левая щека опухла. И на Моисее дворнике на правой руке на пальцах щиколотки и по осмотру избиты и запеклось кровью, и ладонь, и заветь {?} опухло. И на Максиме Погорелом на левой щеке синя и вся щека опухла, на правом плече синя и опухло. И на вдове Ксеньи Дыковской на правой руке ниже локтя синя, и вся рука опухла. И у Власа Гуменченка на невестке Домне на левой ноге берца зашибено, и синя, и опухло. Да Ивана Кривенка и Федора Ущенка, и Федора Лысенка жены Федосьи к осмотру не предъявлено. И об них атамон Моисей дворник показал, яко де оных Кривенка и жонки Федосьи в селе Клепалах не имеетца, а имеютца Путивлького уезду в слободки Михайловки, в домех лежат больны. А Федор Ущенок послан в Путивль и в Путивле захвачен, и увезен вышеозначенною командою.

Помянутого помещика Гамалеева двора ево, на створных воротних щитах во многих местах опалено порохом от ружейной стрельбы. В те ж щиты, тычьмя штыками и палашами, бито, и местами поколоты доски. На збочных малых воротах в щит бито тычьма и полома{лись}, и от стрельбы порохом опалено».

Последствия, как мы видим, очень похожие на те, что были с людьми Семена Неплюева. Плюс к этому при погроме крестьянских дворов сильно пострадали крестьянки Гамалеи.

Некоторые события, немногим ранее времени нападения людей жены Григория Масалитинова на дом Ивана Гамалея, находим в деле сына Ивана Гамалеи Михаила с Григорием Васильевичем Масалитиновым, которое велось после смерти Ивана Андреевича в ноябре 1767 года[310]. Предыстория заключается в том, что при указанных выше спорах за земли села Красная Слобода крестьяне запахивали земли на спорных участках. В результате прямо на этих полях возникали конфликты. Жертвой разборок стал, в частности, крестьянин Ивана Андреевича Гамалеи Влас Шевченко. Это случилось в июле 1755 года, менее чем за месяц до «набега» людей Масалитинова на дом Ивана Андреевича. Получилась вполне криминальная история, поскольку тело убитого Власа тайно свезли в дом Григория Васильевича, который попросил попа церкви села Красной Слободы Василия похоронить его возле этой церкви без положенных церковных процедур. Это стало известно Ивану Андреевичу, который в этом же, 1755 году подал челобитную об этом убийстве в Путивльскую воеводскую канцелярию. По неизвестным причинам в Путивле это дело «замяли», а Гамалея не стал его проталкивать. Уже после смерти Ивана Андреевича его сын Михаил возобновил это дело в ноябре 1767 года.

Вот как излагает историю прошлых событий Михаил Иванович в своей челобитной от 28 ноября 1767 года[311]: «В прошлом 1755 году в Путивльской воеводской канцелярии имеется поданое исковое челобитье покойного отца моего гетманского регимента бунчукового товарища Ивана Андреева сына Гамалеи от человека ево Никиты Родионова в запахании земли и о смертном убийстве на него, Масалитинова, покойного отца моего человека подданого Уласа Шевченка.

[309] Там же.

[310] Дело по челобитью бунчуковаго товарища Михайлы Гамалея на помещика Григорья Масалитинова в завладении земли и о протчем (РГАДА. Ф. 558. Оп. 3. Д. 122. Л. 1–8).

[311] Там же.

И по оному челобитью в оной Путивльской канцелярии для осмотру и опису означенного мертвого тела послан был по инструкции путивльской помещик Тимофей Никитин сын Маслов, который оное мертвое тело, похороненное без исповеди и без поробления святых тайн, оного ж села Красной Слободы бывшим тогда священником Васильем, которой ныне в путивльском Молченском монастырю иеромонахом находится и именуется Варлаам, откопал посторонними людми и осматривал. И, осмотря, подал в канцелярию при даношении…

Оное нерешенное дело имеется и поныне в Путивльской воеводской канцелярии. А с ним, Масалитиновым, в силе законов и указов, чего он за то был достоин, не учинено. <…>

А что же по сие время о том смертном убийстве с ним, Масалитиновым, яко то за кременальное дело по следствию чего б он достоин и кем судящими, то упущено, о том куда надлежит с прописанием того дела представить».

По данной челобитной Путивльская воеводская канцелярия в июне этого же, 1767 года дала указание о выяснении «каким порядком оной подданной убит и от кого для похоронения представлен, и где поднят в Путивльское духовное правление сообщить. <…> И требовает, чтоб оной допрос ему, Варлааму, учинен был»[312].

По требованию Воеводской канцелярии иеромонах Варлаам был допрошен в Путивльском духовном правлении[313]: «А в допросе показал: ему, духовнику, отроду 90 лет. Он был Путивльского уезду в селе Красной Слободе при церкви Преображения Господня священником свецким[314]. Имя было ему Василий Иванов сын. Прошлого 755 году в июле месяце, а число не припомнит, означенного села житель и помещик отставной прапорщик, что ныне подпорутчик Григорий Васильев сын Масалитинов, сыскав его, священника Василия, что ныне именуется иеромонахом Варлаамом, в дом к себе приказал {привести}. А имеющегося в доме его Масалитинова мертвое мужеское тело бунчуковаго товарища Ивана Андреева сына Гамалеи подданного его, Гамалея, Власа, прозвания не знает, при церкви похоронить. А где оное мертвое тело у него, Масалитинова, в доме было положено, того ему, иеромонаху Варлааму, не сказавал и оного {тела} он не видал.

О похоронении которого, опасаясь, что каким он случаем умре, и чтоб ему за то не последовало какого истезания, многократно отрицался. Но он, Масалитинов, приказал ему неотменно оное похоронить. Кое по приносе к церкви и по вырывании ямы он, поп Василий, с приказании его, Масалитинова, и похоронил оное при церкви без исповеди и святого причастия.

А потом в сколько ж имянно времени месяца и числа не припомнит, когда присылан было ис путивльской Воеводской концелярии нарочной путивльской помещик Тимофей Маслов для осмотру, оное мертвое тело было из земли откапывано и осматривано. Что по осмотру явилось, он, Маслов, при старонних понятых многих людех и при нем попе описав, и по-прежнему им попом похоронено. А каким порядком оной подданной Влас убит и где поднят, он, иеромонах Варлаам, того не знает.

И в сем допросе сказал по монашескому обещанию самую сущую правду. К сему допросу духовник иеромонах Варлаам руку приложил.

Которой оного иеромонаха Варлаама допрос в орегинале по составлении точной копии, при сем за скрепою в Путивльскую воеводскую канцелярию послан июля 25 дня 1768 года».

Как дело было завершено — это не известно. Однако теперь стало понятно, что между Иваном Гамалеей и Василием Масалитиновым в 50-х годах была настоящая война. Такие были времена, такие нравы…

Теперь подведем итоги почти десятилетней войны Ивана Гамалеи с Семеном Неплюевым.

За время разбойных действия Ивана Андреевича Семен Неплюев понес убытки на сумму более 1600 рублей. В «довоенное» время, с 1737 по 1743 год, Неплюев скупил в Путивльском уезде у различных

[312] Там же.

[313] Там же.

[314] В христианстве термин «светское духовенство» относится к дьяконам и священникам, которые не являются монахами или иными членами религиозной жизни. Светские священники (иногда называемые епархиальными священниками) – это священники, которые посвящают себя определенной географической области и рукополагаются на службу жителям епархии или эквивалентного церковного административного региона. Это включает в себя обслуживание повседневных нужд людей в приходах, но их деятельность не ограничивается их приходом (URL: https://alphapedia.ru/w/Secular_clergy (05.08.2025)).

помещиков 195 четвертей земель (см. разд. 2.1.2). По утверждению его падчерицы Марфы (жены Ивана Гамалея), эти земли он покупал на деньги и драгоценности, оставшиеся в доме вдовы Ивана Анненкова, своей жены Марии, в селе Клепалы. А «золота-серебра» там было «на великие тысячи». По тому времени цена этих 195 четвертей не могла превышать 500 рублей. Таким образом, Иван многократно вернул «долги» Неплюева. При этом к концу военных действий имения Семена были разорены и опустошены и едва могли приносить ему какие-то значимые доходы.

Кроме этого, в 1749 году было завершено дело о подложных купчих. Определением Вотчинной коллегии Марфе были возвращены ее имения, присвоенные Семеном Неплюевым. Было указано переделить поместья и вотчины. Результаты этого передела детально описаны в спорном деле 1821 года Гаврилы Михайловича Гамалеи (внука Ивана Гамалеи) с путивльскими помещиками[315]:

«(5-е) А по смерти ее Марьиной ис того путивльского имения по силе именнаго 1731 го году марта 17 дня указу и прежде учиненного в 749-м году коллежскаго определения со ста по пятнатцати четвертей. А из людей и крестьян по препорцыи четвертей указной части быть за вторым ее мужем подполковником Семеном Васильевым сыном Неплюевым в Путивльском уезде:

- в Подгородном стану за рекою за Семью у Чаского и у Ослецкого городища что ныне деревня Лухтовка две четверти;
- в селе Ласкове вторая и четвертая доль четверика[316];
- в пустоши диком поле на речке на Терну по Байкову логу и по речке по Цыпке пять четвертей три четверика;
- у колодезя у Нижних гор на зарецкой стороне ниже озера Влукова однин четверик с четвертою долею четверика;
- в Заморниковской волости в пустоши Титовой Дуброве Светом озере один четверик со второю долею четверика;
- в деревне Клепалах на Клепальском городище по обе стороны Клепальского Большого логу двацать пять четвертей четыре четверика;
- за рекою за Семью вверх речки Выжлицы под лесом под пристенком меж Печковскаго логу и валу в деревни Красной Слободки (Карпиловка то ж) меж Выгорева и Клепальского городища одиннатцать четвертей шесть четвериков со второю долею четверика;
- в Лужецкой {Лежецкой} волости за перевозом Белыми Берегами в пустоши Кротовой Дуброве, что ныне слывет деревня Духановка, шесть четвертей;
- в острове Желени в Лушках вторая и шестая на десять доля четверика;
- в деревни Чаплищах две четверти четыре четверика;
- в Подгородном стану в жеребью пустоши Чашсковой на речке Чаше один четверик с осьмою долею четверика;
- в жеребью пустоши между на двух вершин Бытне и Катана четвертая доля четверика;
- в Желицкой {Лежецкой} волости в пустоши диком поле к речке Хароброй (что ныне словет деревня Лежачи) четвертая доля четверика;
- в Дроголевской волости в жеребью деревни Яминской, что ныне словет деревня Юрьева, вторая и шестая на десять доля четверика.

Итого пятьдесят четыре четверти с осьмою долею.

(6-е) Всему ее Марьину достальному имению надлежало быть за дочерью ее Марфою Ивановою женою Гамалея:

- за рекою за Семью у Чаского и у Ослецкого городища, что ныне словет деревня Лухтовка, одиннатцать четвертей четыре четверика;
- в селе Ласкове четыре четверика с четвертою долею четверика;

[315] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 433–434.

[316] Четверик = 1/16 доли четверти.

- в пустоши диком поле на речьке на Терну по Байкову логу и по речке по Цыпке тритцать четвертей четыре четверика;
- у колодезя у Нижних гор на зарецкой стороне ниже озера Влукова семь четвериков со второю и четвертою долею четверика;
- в Замориковской волости в пустоши Титовой Дуброве на Светом озере одна четверть один четверик со второю долею четверика;
- в деревне Клепалах на Клепальском городище по обе стороны Клепальскаго Большаго логу сто сорок четыре четверти четыре четверика;
- за рекою за Семью в вверх речки Выжлицы под лесом пристенком меж Печковскаго логу и валу в деревни Красной Слободки (Карпиловка то ж) меж Выгорева и Клепальского городища шездесят семь четвертей пять четвериков со второю долею четверика;
- в Лужецкой {Лежецкой} волости за перевозом Белыми Берегами в пустоши Кротовой Дуброве, что ныне слывет деревня Духановка, тритцать четыре четверти;
- в острове Желени в Лушках три четверика с четвертою осьмою и шестою на десят долею четверика;
- в деревни Чаплищах четырнатцать четвертей четыре четверика;
- в Подгородном стану в жеребью пустоши Чашковой на речьке Чаше шесть четвериков со второю и четвертою и осьмою долею четверика;
- в жеребью пустоши меж дву вершин Бытней и Котана один четверик со второю и осьмою шестого на десять тритцать второю долею четверика;
- в Жиленской {Лежецкой} волости в пустоши диком поле к речке Хороброй, что ныне словет деревня Лежачи, один четверик со второю осьмою шестою на десять тритцать второю долею четверика;
- в Дроголевской волоти в жеребью деревни Яминской, что ныне словет деревня Юрьева, три четверика с четвертою осьмою и шестою на десять долею четверика.

{Всего Марфе 304,39 четверти}

Итого {Неплюеву и Марфе} триста шездесят одна четверть четыре четверика.

(7-е) Недвижимому ж Ивана Григорьева сына Анненкова путивльскому имению, что за ним по дачам явилось за исключением жене ево Марье четвертой части:

- в Путивльском уезде в деревни пустоши Чашковой к речке Чаше три четверти;
- в пустоши меж дву вершин Бытне и Катана шесть четвериков;
- в Лужецкой {Лежецкой} волости в пустоши диком поле к речке Хороброй, что ныне словет деревня Лежачи, шесть четвериков;
- в Дроголевской волости в жеребью деревни Яминской, что ныне словет деревня Юрьева, одна четверть четыре четверика.

{Всего еще 5 четвертей}, которое по смерти ево Ивана Григорьева сына Анненкова по силе уложенья 17-й главы 2-го и 4-го пунктов и имянного 1731 го году марта 17 го года указу надлежало справить за дочерью ево, а оною ж Марфою Ивановою женою Гамалея». Итого Марфе досталось 304,39 + 5 = 309,39 четверти.

Таким образом получается, что по определению Вотчинной коллегии 1749 года переделу подвергалось 309,75 + 54,5 = 364,25 четверти земли, тогда как наследство Ивана Анненкова, с которым шла замуж мать Марфы Мария составляло 434,75 четверти. Ранее было указано, что Мария в 1738 году поступилась церкви в селе Неплюевке 10 четвертей (см. разд. 2.1.2) На оставшуюся недостающую часть указано в этом же определении Вотчинной коллегии 1749 года. А именно[317]: «Умершей Марьи Зиновьевой дочери Козьмина сына Панова полковника Семеновой жены Неплюева из недвижимого ее в Путивльском уезде и в других городех имения <…> и за проданного от ее въ 739-м году ассесору Федору Иванову сыну Сафонову и спорного с титулярным советником Петром Шечковым указную часть со ста по петнатцати четвертей дать в вечное владение мужу ее Марьиному объявленному полковнику Семену Неплюеву». Действительно, Мария Неплюева в 1739 году продала из своих поместных земель 12,75 четверти Федору Сафонову (см. разд. 2.1.2).

[317] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 626.

Оставшаяся недостающая часть относится к спорному делу Семена Неплюева с титулярным советником Петром Шечковым[318]. Это дело было начато в 1743 году (см. разд. 2.1.4) и к 1749 году еще не было завершено.

Вот, собственно, итог двадцатилетней (с 1732 по 1752 год!) борьбы Ивана и Марфы за наследство ее отца — стольника и воеводы Ивана Григорьевича Анненкова. По итогам передела, последовавшего за определением Вотчинной коллегии 1749 года, 85% отцовских поместий и вотчин досталось Марфе и только 15% — Семену. Конечно, у Неплюева остались земли в Путивльском уезде, купленные им в 1737–1743 годах (194,75 четверти) на драгоценности, оставшиеся от Ивана Анненкова, но Марфа с мужем Иваном Гамалеем своими грабежами многократно возместили эти убытки.

Марфа полностью отыгралась за мучения своей матери, а Семену пришлось съехать с Путивльского уезда.

Что же касается вотчины в селе Клепалы, то она перешла во владение Гамалеев после его, Неплюева, смерти.

2.1.6. Иван Андреевич Гамалея

Иван Андреевич Гамалея был заметным человеком своего времени. Его служение связано с Малороссией. Описание его жизни и деятельности содержится в трудах малороссийских биографов: А.М. Лазаревского: «Очерки малороссийских фамилий», В.Л. Модзалевского: «Малороссийский родословник», Стороженки: фамильный архив, а также в Русском биографическом словаре (т. IV, 1914 г., с. 188–190).

Приведем краткие сведения о жизни и карьере Ивана Андреевича, изложенные в указанных источниках, и, соответственно, в Википедии:

«Иван Гамалея родился 6 декабря 1699 года в семье бунчукового товарища[319] Андрея Андреевича Гамалея и жены его Анастасии Михайловны (урожденной Миклашевской), родной племянник генерального есаула[320] Михаила Андреевича Гамалеи. Службу начал в 1720 году, когда вместе с братьями был определен в звание бунчуковых товарищей. В этом же году он был в составе виц-свиты гетмана во время пребывания в Малороссии князя А.Д. Меншикова.

В 1728 году он сопровождал гетмана Войска Запорожского Даниила Апостола в его поездке в Москву, после чего исполнял целый ряд служебных поручений разнообразного характера.

В 1733 году ему поручено было размежевание спорных земель села Агарян; в том же году он был отправлен в Польский поход, в команду генерального обозного Лизогуба, при котором «отправлял вместо судии генерального всякие судовые, також розыскные и криминальные дела»; далее Гамалея состоял в 1733–1735 годах при генерал-лейтенанте Л. В. Измайлове.

В 1736 году И.А. Гамалея был послан «в нужнейшем Ее Императорского Величества деле» в Миргородский полк, где покупал на армию провиант и фураж, а в следующем году с Прилуцким полковником Григорием Галаганом содержал команду на линии, состоял при князе Барятинском в Переволочной и «конвоевал» генерал-аншефа А.И. Румянцева от Переволочной до Опошного.

В 1738 году он также покупал в Погаре для армии провиант и фураж, затем с подполковником князем Волконским раздавал в Черниговском и Стародубовском полках деньги за взятых у обывателей на армию волов, отправлял в армию провиант и фураж, набирал «аммунечния вещи», отправлял офицеров «на рандеву» и в заключение «пересмотровал» полк Стародубовский, который и отправил в поход к генерал-фельдмаршалу графу Петру Петровичу Ласси.

---

[318] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 139. Л. 382–394.

[319] Бунчуковый товарищ – почетное звание, которым малороссийские гетманы награждали сыновей генеральной старшины и полковников. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бунчуковый _товарищ (05.08.2025).

[320] Генеральный есаул был помощником казачьего гетмана. В мирное время в его обязанности входила инспекция казачьих полков, а во время войны под его командованием находилось несколько полков. При отсутствии гетмана генеральный есаул командовал всем войском. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Есаул (08.08.2025).

Исполнив перечисленные поручения, Гамалея сам отправился в военный поход, зимовал на линии при генеральном обозном Я.Е. Лизогубе, после чего в 1739 году выступил в новый поход при генерал-аншефе Румянцеве, был «на рандеве» в Переяславе и Крылове; затем, перейдя Днепр у Триполья, принимал участие во взятии Турецкого лагеря и города Хотина. С этого времени он почти исключительно нес службу мирного характера.

В 1740 году он был на следствии в м. Шептаках, присутствовал в Генеральном суде вместо генерального обозного Лизогуба и «продолжал здесь своё бытие чрез несколько лет» и был членом в суде третейском, Воловой и Счетной комиссиях (с июня 1740 года); в этом же году был отправлен в Нежинский, Киевский, Переяславский и Прилуцкий полки «ради освидетельствования при учрежденных конюшейских заводах о кобылицах и жеребцах».

16 июня 1744 года он был определен с бригадиром Юрловым в следственную комиссию о генеральном писаре Безбородке и старшем канцеляристе Холодовиче по известному доносу на них Черниговского полкового обозного Молявки и сотника яготинского Купчинского.

За все вышеперечисленные заслуги Иван Андреевич Гамалея в 1744 году был «аттестован» Генеральной войсковой канцелярией в полковники, о чем «взнесено» было и в Сенат, однако без результата, а 1 мая 1745 года он был назначен членом Генерального суда.

В 1746 году, по требованию духовника императрицы Елизаветы Петровны Федора Дубянского, Гамалея, по указу Генеральной войсковой канцелярии, размежевывал земли сс. Климок и Чеплеевки, затем вновь принимал участие в следственной комиссии о Безбородке и Холодовиче, был в «пограничной от Малороссийского краю с Полщей комиссии» (1749) и с 1750 года опять состоял членом Генерального суда.

26 августа 1750 года, по гетманскому ордеру, Гамалея был назначен Миргородским наказным полковником, причем получил в свое владение 50 ранговых дворов. Будучи в этой должности, он ходил с полком в поход, в 1752 году был от нее освобожден и в 1755 году снова назначен членом Генерального суда.

26 июля 1757 года, уже в преклонном возрасте, был уволен от всех служб, но тем не менее продолжал еще принимать участие в некоторых делах края, например в 1761 году был «определен к правлению канцелярии Малороссийского Скарбу».

Около 1762 года получил чин Генерального судьи.

В пределах будущей Черниговской губернии он владел селами Юдиновым, Чеховкой, половиной Семяновки и другими имениями. За первой своей женой Марфой Ивановной Анненковой, дочерью полковника, Гамалея получил богатые имения в Путивльском уезде; вторым браком он был женат на дочери бунчукового товарища, Анне Ивановне Бороздне, бывшей ранее замужем за графом Гаврилом Ивановичем Владиславичем-Рагузинским. Иван Андреевич Гамалея скончался 21 марта 1766 года».

Имеется его поясной портрет (рис. XXVI)[321] с собственноручной подписью: «Вседоброжелательный и покорный слуга» и далее: «Иван Гамалея».

Теперь остановимся на некоторых подробностях его жизни, полученных из других источников. Дополнительно заметим, что значительная часть его жизни, относящаяся к селу Клепалы и связанная с Семеном Неплюевым, была описана ранее, в разд. 2.1.4 и 2.1.5.

В 1727 году, в возрасте 28 лет, Иван Андреевич женился на дочери путивльского воеводы, подполковника Ивана Григорьевича Анненкова Марфе. Эту дату указывает ее отчим Семен Васильев сын Неплюев[322]: «И на те 717 году отказные книги не токмо от ее Марфы в совершенные лета, а имянно вышла замуж семнатцати лет в 727-м году». Поселились новобрачные в селе Клепалы, в доме отчима и матери Марфы Марии.

В 1734 году в семье родился первенец — сын Николай[323].

В 1743 году родилась дочь Елена. Это событие описано в дневнике генерального хорунжего Николая Даниловича Ханенка, шурина Ивана Андреевича[324]. Вот запись от 9 мая этого года: «9 числа пришла з Кле-

[321] Стороженки: фамильный архив. Т. 7. Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1908. С. 243.

[322] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 594.

[323] Стороженки: фамильный архив. Т. 7. Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1908. С. 247.

[324] *Лазаревский А.М.* Дневник Генерального хоружего Николая Ханенка. 1727–1752. Киев: Изд. Ред. Киев. старины, 1884. 554 с.

пал ведомость, что Ивану Андриевичу Гамалии дочь Елена родилась, которая крещена сего месяца 15 числа. Восприемниками были я з воеводшою путивльскою Анастасиею Александровною Андрея Михайловича Леонтиева женою да Иосиф Гамалия[325] з тещею Ивана Гамалии Мариею Зиновиевною Неплюевою». Крестным отцом новорожденной стал сам Николай Ханенко, а крестной матерью — жена путивльского воеводы Анастасия Александровна Леонтьева.

15 мая состоялись крестины Елены. В том же дневнике читаем: «{14 мая} На присланном от Гамалии поезде[326] отъехал з Глухова и, не доехав до села Холопкова, ось под коляскою зломалась, зачим принуждены медлеть несколько времени, а потом проехав село Виазионку, за Клевенью попасали[327]; оттоль-же, проехав мимо Путивль и перевезлись чрез Сейм[328], прибыли до Клепал под час вечерне, где застал и тещу Ивана Гамалии Марию Зиновиевну Неплюеву и Иосифа Гамалию.

{15 мая} в 12-м часу прибыли туда-ж воевода путивльский Андрей Михайлович Леонтиев и жена его Анастасия Александровна, також помещик, недалеко от Клепал мешкаючий, {Яков Федоров сын} Вощинин[329] з женою своею Улианою Василиевною, и крестили новорожденную дочь г. Гамалии Елену, котороя восприемниками были: я {Николай Ханенко} з воеводшою, а Иосиф Гамалея з Неплюевою. Потом обедали и довольно гуляли. Кума моя воеводша дарила мене хусткою и кошельком, а я ей стионжкою золотою, у г. Гамалиина взятою. Оные-же госте того-ж дни и розъехались.

{16 мая} После обеда и я отъехал з Клепал в 3-м часу пополудни.

{18 мая} Писал к Ивану Гамалии и к воеводе путивльскому Леонтиеву, благодарствуючи за компанию, имеючуюсь в Клепалах».

В 1746 году, 21 мая, в Клепалах родился второй сын Ивана Андреевича — Михаил[330]. Эта дата подтверждается записью его сестры Елены в ее челобитной от 27 апреля 1769 года в рамках спорного дела со своим братом[331]: «В 749 году он исповедавшихся причастившихся и не исповедавшихся книги или ведомости, в которых он от священников села Клепал, в коем он родился, в том году показан трех лет».

В 1749 году, в мае месяце, у Ивана Андреевича в Клепалах произошла неприятность — сбежали его подданные (скорее всего, дворовые люди) и унесли с собой важные бумаги — крепости на владение имениями. Об этом в 1781 году сообщил в своей сказке о даче села Клепалы поверенный Михаила Ивановича Гамалеи (сына Ивана Андреевича) сержант Алексей Шкирев[332]: «Родитель же верителя моего {Иван Андреев сын Гамалея} находился в городе Глухове судьею генеральным, то как на оное село Клепалы тож и на другие произведенные предковские дачи крепости и данная за службу прадеду верителя моего Панову грамота и протчее имение при нем, и бежавшими от него крепостными людьми покрадены. О коем их побеге и воровстве в 749-м году, в мае месяце в Генеральной войсковой канцелярии подано от родителя верителя моего {Ивана Гамалеи} явочное челобитье. На которое село Клепалы, то ж и на другие, состоящие за верителем моим дачи с решеных 749 и 771 годов Вотчинною колегиею дел, даны верителю моему за руками присудствующих и за скрепою секретарскою копии».

Многочисленные подробности жизни Ивана Андреевича содержатся в упоминаемом ранее дневнике Николая Даниловича Ханенка[333] (рис. XXVII)[334]. Николай Данилович родился в 1691 году и был на 8 лет старше Ивана Андреевича. В 1719–1754 годах он вел дневник, в котором описал взаимоотношения укра-

[325] Иосиф Гамалея – двоюродный брат Ивана.

[326] Поезд – обоз, караван; повозка, кои тянутся гусем; несколько совместных повозок, едущих по одному пути. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[327] Попасти – очутиться где-либо, попасть куда-либо.

[328] В то время у Мокшевицкого перевоза существовала паромная переправа через реку Сейм.

[329] Яков Вощинин является двоюродным братом Марфы. Яков и Марфа являются родными внуками клепальской помещицы Прасковьи Яковлевой дочери Пановой (в девичестве – Яцыной). После первого брака Прасковьи с Яковом Череповым у нее осталась дочь Марина – мать Якова Вощинина, а после второго брака Прасковьи с Зиновием Пановым – вторая дочь Мария – мать Марфы. В то время Яков Вощинин проживал в деревне Чаплищи.

[330] Стороженки: фамильный архив. Т. 7. Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1908. С. 247.

[331] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 421 об.

[332] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 10–10 об.

[333] Иван Гамалея был единокровным братом жены Николая Ханенка.

[334] URL: https://www.peoples.ru/military/colonel/nikolaj_hanenko (15.12.2025)

инской старшины с царским двором, дал характеристику многих лиц из гетманского окружения, описал важнейшие события внутренней жизни Малороссии, показал нравы современного ему общества. Дневник является ценным источником по истории этого края 1-й половины XVIII века.

В 1741 году Николай Данилович стал генеральным хорунжим[335], и в этом звании пробыл до самой смерти, почти 20 лет. В начале 1745 года Ханенко ездил в Петербург; затем участвовал в депутации, присутствовавшей при бракосочетании наследника престола и тогда же просившей о восстановлении гетманства в Малоросии. Хлопоты депутации привели к положительному результату лишь через пять лет, когда явилась возможность устроить избрание в гетманы К.Г. Разумовского[336]. В 1750–1751 годах Николай Данилович жил в Санкт-Петербурге. Последние годы Ханенко провел в Глухове, среди генеральной старшины, пользуясь большим уважением. Был близок к гетману Разумовскому и получил от него в награду за службу немало деревень. Николай Данилович умер в Глухове 27 января 1760 года.

Николай Ханенко был очень дружен с Иваном Андреевичем. В дневнике приведены многочисленные эпизоды из их совместной жизни. Автор приносит извинения за «лоскутное одеяло» из приведенных ниже мелких отрывков. Однако они все вместе складываются в общую картину их добрых и доверительных отношений. Николай покровительствовал своему шурину, будучи старше Ивана и по возрасту, и по званию. Часто они бывали в гостях друг у друга, дарили друг другу подарки. Так, 23 апреля 1743 года Николай пишет: «Ивану Андриевичу Гамалии подарил я книгу печатных указов императора Петра 1-го, с 1714 по 1722 год состоявшыхся». 25 мая он побывал в недавно купленном Иваном Гамалеей доме в Глухове: «Вечером был {я} у обозного енерального г. Лизогуба и на дворе купленном швагра[337] Ивана Гамалии[338]».

И, далее,

29 мая: «Кушали у нас обед г. Гамалия, молодий Скоропадский, Далони Покорский, Павел Скоруппа, Стефан Савицкий, сотник мглинский Лисаневич и весь день забавлялись[339]».

30 мая: «Израна был в коммисия, а после обеда никуда не виезджал, бо недомогал после вчорашнего гулянья (!)».

31 мая: «Обослал нас судия енералный г. Лисенко свежою рибою, а п. Иван Гамалия трома карасями, у которого вечером и были мы з женою[340]».

1 июня: «Обедали и весь день пробавили у Ивана Гамалии в новокупленном его дворе».

4 июня: «Обедал у нас Иван Гамалея з Иосифом Гамалиею и Павлом Скоруппою».

7 июня: «Обослал нас рибою Иван Гамалея. Вечером-же были у Ивана Гамалии».

25 июня: «После обеда мился у нас в бане Иван Гамалея».

Далее, в августе:

«24 {числа} Сего-ж числа на ночь к нам прибыл в Городище Иван Гамалея со всем своим домом, едучи из Клепал до Юдинова.

25. Отобедав у нас, оный-же Иван Гамалея отъехал к Юдинову.

27. Ознаймуючи о проезде Ивана Гамалии к Юдинову-ж, и послано ему 6 кавунов».

Летом 1749 года Николай Ханенко прибыл в Москву в составе делегации генеральной старшины, хлопотавшей у императрицы Елизаветы Петровны (бывшей в то время в Москве) о восстановлении гетман-

---

[335] Генеральный хоружный – член генеральной старшины, высшее должностное лицо гетманской администрации в Украине в XVII–XVIII вв. Официальной обязанностью генерального хорунжего была охрана главной хоругви казацкого войска. Генеральный хоружный занимался в основном военными делами и в определенной степени был адъютантом гетмана: выполнял важные военные и дипломатические поручения гетмана, назначался наказным гетманом. Изначально должность задумывалась для старшин, которые должны были оберегать и отвечать за охрану больших гетманских знамен (хоругвей). В реальной жизни – примерный аналог современного офицера Генерального штаба, наделенного комендантскими функциями. Вел следствие в делах, связанных с преступлениями старшин. Иногда возглавлял личную охрану гетмана. В военное время мог командовать отдельными казацкими соединениями, исполнять обязанности наказного гетмана. (Генеральний хорунжий // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Генеральный_хорунжий (05.08.2025)).

[336] Граф Кирилл Григорьевич Разумовский был младшим братом фаворита императрицы Елизаветы Петровны Алексея Разумовского.

[337] Так, на немецкий манер, Николай называл своего шурина Ивана.

[338] Имеется в виду дом с усадьбой в Глухове, купленный Иваном Гамалеем в 1743 г.

[339] Сведения, которые удалось найти, об упоминаемых в Дневнике персоналиях указаны в сносках.

[340] Жена Николая Ханенка – Ульяна Петровна Корецкая (1715–1775), дочь бунчукового товарища.

ства в Малороссии. Иван Гамалея в это время также находился в Москве, где хлопотал в Вотчинной коллегии по делу о споре с Семеном Неплюевым. Виделись они довольно часто, заходя в гости к друг другу. Иногда Николай вместе с Иваном бывали у важных персон того времени. Приведем отрывки из дневника, относящиеся к лету и осени 1749 года:

«Июль.

10 {числа}. Прибыл в Москву швагер мой Иван Гамалия.

12. Рано был у нас Иван Гамалия швагер, а вечером мы у него были на квартере за Арбацкими воротами и уже смерком от него возвратились. Дочь его {шести лет}, а моя крестниця, Елена[341], подарила мене шолковым платком.

16. Обедал у нас Иван Гамалия, а потом ездили с ним в Перово[342] (рис. 1 — дворец Елизаветы Петровны в селе Перово) и там были у Жоравка[343]. Государиня изволила прибыть в Москву по полдни в 11-м часу.

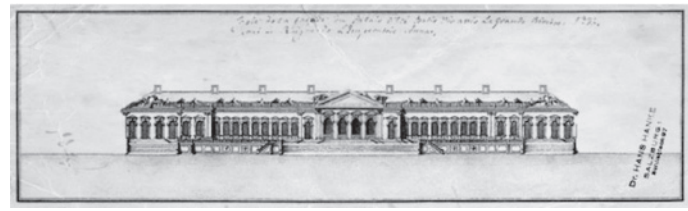


Рис. 1. **Перовский дворец**

17. Рано были в дворце у духовника, а с нами и Гамалия. По полдни над вечери сидели у графини Гендриковой и ужинали. В ноче был великий пожар при церкви Преображенской, недалече от нашей квартеры, где насилу другие, близь будучие, дворы разные отстояли. Граф Гендриков[344] приехал ночью из деревне своей Прус.

19. Рано были-ж в дворце и там заходили до Федора Ивановича Коченевского[345] с Гамалиею, где видились из Василием Ивановичем Демидовым[346]. А по полдни был у нас на квартере секретарь Новоторжцов. После обеда отъехать государиня изволила в Перово для крестин дочери Жоравкиной.

20. Рано были у графа Гендрикова, а с нами и Иван Гамалия, которий с женою у нас и обедал.

23. Обедали мы у Ивана Гамалии, а по обеде были у него перво секретарь Новоторжцов, потом Петр Федорович Бутурлин.

25. Нарочно званный от Петра Федоровича Бутурлина, отставного (пробел), обедали у него купно с Иваном Гамалиею, а по обеде долго проседели при музыке и певчих.

26. Рано были в дворце, где был-же и Иван Гамалия.

Август.

11 {числа}. По утру будучи у нас, Лукин[347] объявлял о своем новорожденном сыну, да и Иван Гамалия приездил к нам. Потом отъехав мы до дворца, виделись там с недавно прибывшым костенского монастыря архимандритом Карновичем, камордина великого князя, Стефана Евфимовича Карновича братом. Там-же вручены копии указов и проекту о конских заводах и о ярмарку кролевецком Барановскому для представленим графу. Были на новой квартере у Гамалии, потом у графа Гендрикова.

12. Рано будучих нас в дворце звал к себе в Перово Жоравко я там был у него купно с Гамалиею и его женою. После обеда ходили на качеле гулять и уже позно оттуду отъехали.

---

[341] Дочь Ивана Гамалеи была крестницей Николая Ханенка.

[342] Перовский летний дворец императрицы Елизаветы Петровны – несохранившийся деревянный дворец в бывшей императорской резиденции в селе Перово (ныне район Москвы). Построен по проекту Б.Ф. Растрелли в середине XVIII в. Разобран в конце XVIII в. Являлся частью дворцово-паркового ансамбля, включавшего и сохранившуюся до наших дней Знаменскую церковь конца XVII – начала XVIII в. (Перовский дворец // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Перовский_дворец (05.08.2025)).

[343] Журавко Иван Тимофеевич – бунчуковый товарищ (с 1747 по 1765 г.), его жена Евдокия – родственница графов Разумовских (*Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 2. Киев: Тип. т-ва Г.Л. Фронцкевича и К., 1910. С. 43.).

[344] Граф Иван Симонович Гендриков был близок к императрице Елизавете Петровне, в то время – генерал-майор. Позднее имел имения в окрестностях деревни Бурыни.

[345] Федор Иванович Коченевский, «вспевальной музыки басист», возведен 2 апреля 1743 г. в дворянское достоинство.

[346] Действительный статский советник Василий Демидов пожалован императрицей Елизаветой Петровной в 1751 г. в дворянское достоинство.

[347] Поручик Александр Тихонович Лукин (граф?).

12. Перед обедом ездили в дворец, токмо не застали графа {А.Г.} Розумовского, — ездил за государинею за 12 верст, а по полдни ездили мы оба {с графом Гендриковым} и с нами Гамалия до князя Н. Юр. Трубецкого[348], с которым из окказии сторони саранчи говорили, чтоб поудержано винокурение еще чрез год, и устроени-б магайзены для наполнения хлебом ради скудного народа. Тако-ж говорили о кролевецком ярмарку и о деле поченциов, а возвратясь, сидели несколько часов у Гамалии.

15. Мылись в бане на квартере Ивана Гамалии и у него ж сидели до позна.

16. Вечером сидели мы у Гамалии, которому подарен от мене камушок один на печатку, а другий ему-ж дан для вирезанья моего гербу. У Якубовича кушал граф К. Г. Розумовский.

Октябрь.

9{числа}. Рано были в дворце и просили Александра Петровича Сумарокова[349] о докладе, чтоб Ивана Гамалии з квартери не висилано. Я обедал у Гамалии, а вечером были у нас Горчаков и Лукин с Гамалиею.

10. Гамалия перешол на другую квартеру.

12. По утру ездил один Гудович до дворця, а я в квартире был, вечером-же оба были у Ивана Гамалии на новой его квартере в Белом городе.

Ноябрь.

5 {числа}. В дворце слушали обедне и после были у графа Розумовского, обедали в квартере. Вечером были у Гамалии и с ним на бале и куртаке {?} в дворце.

15. Прибыв в дворец, с многими кавалерами прощались, потом в 12-м часу при исходе и с графом Алексием Григориевичем Розумовским простились и, того-ж времени государыня со всею своею ассистенцисю изволила в путь до С.П. Бурха подняться при пальбе из многих пушек. После обеда < … > ездили до гр. Кирила Григорьевича Розумовского поздравлять его новорожденною вчора дочерью Елисаветою, а оттуда заездили < … > в коллегию Иностранную, тако-ж до Гамалии и до графа Гендрикова, объявляя ему, что грамота на избрание гетмана подписана государини собственною рукою, да и об нас и во все полки особенные грамоты заготовлены.

17. По утру прислано до нас от канцлера, чтоб мы у него явились и потому, как к нему прибыли в 12-м часу, то он, призвав нас в свой габинет, вручил нам об отпуске нашем грамоту и еще 10-ть грамот-же в полки, с объявлением, что для избрания гетмана отправлен министр. Потом вручил нам именем ея императорского величества подарки, а именно: каждому по алмазному перстню и по соболиному меху, а протчее, в том числе и деньга из коллегии Иностранной, выдано быть имеет. Да были у Гамалии и у Лукина. Дочь Анна Теплову родилась. Канцлер по полночи отъехал до С.-П. Бурха».

Как мы видим из дневника, Иван Андреевич вместе с семьей жил в Москве на съемных квартирах, из которых его регулярно выселяли. В результате чего он менял свое жилье каждый месяц: 12 июля, 11 августа, 10 сентября и 10 октября. Похоже, что он проживал на этих квартирах за казенный счет. Его чин (член Генерального Войскового суда) позволял ему ежемесячно получать определенную сумму на квартирование в Москве. Она была небольшой, что не давало ему возможности производить оплату квартиры наперед, на более долгий срок. В результате он был вынужден через месяц выселяться из очередной квартиры и подыскивать новую. Здесь ему предложил помощь Николай Ханенко, с которым он прибыл во дворец императрицы 9 октября 1749 года, где хлопотал у А.П. Сумарокова о докладе императрице «чтоб Ивана Гамалии з квартери не висилано». Состоялся ли этот доклад и принес ли он какие-то результаты, об этом Николай Ханенко не сообщает.

Тем временем миссия малороссийской генеральной старшины в Москве была завершена. Императрицей было принято решение о восстановлении гетманства в Малороссии. Претендент на гетманскую булаву был один — младший брат А.Г. Разумовского — Кирилл. На это время ему было 22 года. Делегации были

[348] Князь Никита Юрьевич Трубецкой, в то время – генерал-прокурор Правительствующего Сената.

[349] А.П. Сумароков – русский поэт, драматург и литературный критик. Один из крупнейших писателей русского классицизма XVIII в. В конце 1745 г. майор Сумароков был назначен заведующим канцелярией Лейб-кампании – гренадерской роты Лейб-гвардии Преображенского полка (300 гренадер и 64 приближенных ко двору знатных лиц), под личным руководством императрицы Елизаветы Петровны. (Сумароков Александр Петрович // Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/ Сумароков_Александр_Петрович (05.08.2025)).

вручены грамоты в малороссийские полки о выборе гетмана. В феврале 1750 года в Глухове состоялись выборы Кирилла Разумовского и его «вступление на уряд Гетманский». В этой церемонии принимал участие и Иван Андреевич Гамалея. Вот как описывает это событие *Николай Андреевич Маркевич* — украинский историк, этнограф, фольклорист и писатель — в своей работе «История Малоросии»[350]:

«Старшины, полковники и посполитство собрались в Глухов. Граф Гендриков приехал февраля 16 на разсвете. Февраля двадцать второго дан был первый сигнал из трех пушек. Генеральный Асаул Якубович повел козацкие полки на площадь, между церквей Троицкой и Николаевской; там было построено возвышение о трех ступенях, покрытое гарусным штофом и обведенное перилами, обложенными красным сукном.

В восемь часов дан был второй сигнал. Генеральные и Войсковые Старшины, Бунчуковые товарищи и Малороссийское шляхетство явились к Гендрикову. Митрополит Тимофей Щербацкий, три Епископа и Архимандрит Печерский Оранский явились в церковь Николаевскую.

В десять часов началась продолжительная пушечная пальба. Со двора Гендрикова выехало шестнадцать Компанейцев; за ними Гетманские войсковые музыканты; за ними Секретарь коллегии Иностранных дел Степан Писарев, в карете, шестью лошадьми; он вез на серебряном блюде Царскую грамоту; перед нею играла музыка и полки преклонили знамена; вокруг шло двенадцать гренадеров; потом несли клейноды три Бунчуковых товарища, в том числе Гамалея: белое знамя с Двуглавым Орлом, пожалованное Апостолу Петром II; за ним шел Генеральный Хоружий с двенадцатью Бунчуковыми товарищами; Гетманскую булаву, на красной бархатной подушке, обложенной золотым позументом и с золотыми кистями по углам, несли Бунчуковые товарищи: Яков Маркевич и Федор Ширяй; за ними шли Генеральные: Подскарбий Михайло Скоропадский, Судья Яким Горленко и Писарь Андрей Безбородко; за ними шло двадцать четыре Бунчуковых товарища; Петр и Григорий Горленки несли печать на бархатной подушке; за ними шли: Писарь Генерального Суда Иван Пиковец и два Бунчуковых товарища: Иван Жоравка и Илья Журман, с канцеляристами Генеральной войсковой канцелярии и Генерального Суда. Войсковый прапор нес Бунчуковый товарищ Павел Мокриевич, в сопровождении всех Войсковых товарищей; за ним ехал в богатой карете, шестеркою, Граф Иван Семенович Гендриков, окруженный гренадерами и придворными лакеями. Позади всех шло шестнадцать пеших Компанейцев.

Полномочный приблизился к возвышенному месту; грамоту и клейноды положили на два стола, покрытые красной камкою; Гамалея с двумя товарищами держал знамя. Митрополит с духовенством вступил на возвышение; за ним Гендриков с Генеральными Старшинами; шляхетство, войско и народ стояли внизу. Гендриков объявил им милость Государыни и право, которое Она им предоставляет — избрать Гетмана вольными голосами. Писарев спросил три раза: кого желают иметь Гетманом? имя Разумовского раздалось отовсюду; Гендриков поздравил его. Сто один пушечный выстрел прогремел, белый огонь был пущен во всех полках. Грамоту и клейноды отнесли в церковь Николая, откуда, после литургии и многолетия, при безпрерывной пальбе из ружей и пушек, перенесли в квартиру Гендрикова. Полки были распущены.

Козакам выкатили более двухсот ведр водки; Гендрикову поднесли десять тысяч рублей его свите три тысячи».

В последние годы Николай Ханенко проживал в Глухове. Последние записи в дневнике относятся к 1753 году. В это время он, в частности, оказывал покровительство старшему сыну Гамалеи — Николаю:

«Январь.

19 {числа}. Два толко мы з полковником лубенским были в канцеллярии, а вечером визитовал Ивана Гамалию, к которому тогда ж приездили Скоропадский, Оболенский, Апостол, Яков Маркович и Сангурский. Настуся[351] занемогла.

20. Обедал у Гамалии.

[350] *Маркевич Н.А.* История Малоросии. Т. 2. М.: Изд. О.И. Хрусталев, 1842. С. 637–639.

[351] Анастасия – дочь Николая Ханенка. Помимо Анастасии у него было еще 7 детей: Петр, Василий, Иван, Анна, Марфа, Ефросиния, Евдокия.

21. Иван Гамалия у нас обедал, а Настуся жестоко хоровала на фебру[352] и горячку[353].

22. Получил писма з Москви от Галецкого. Вечером посещал больную Настусю Иван Гамалия.

23. Обедали у нас учитель граф Ранцев з сином Павла Ломиковского и докторша Бокша, потом з тими-ж был у Гамалии, которого син Николай тому-ж учителю в науку рекомендован.

26. Прислан з Нежина чрез почт-мейстера Зарудного от Крижановского турецкий ножик и польский календарь, который от мене подарен Ивану Гамалии. Писал письма к жене в дом о прибытии еи, а до войта лезконозского о разных делах, да до полковника миргородского и до сотника миргородского-ж о турецких ножиках.

Февраль.

3. Да посланы при писмах в Стародуб чрез Данила Покорского до Ивана Гамалии печатных газет нумеров 11.

18. Были все трое в канцеллярии по утру, а у мене обедали Гудович и Филип Гриневич, зять брата отца Ивана. Писал до Гамалии к сину его Николаю.

19. Переведен в двор наш он, молодый Гамалия[354], по возврате его з Клепал. Вечером был у Скоропадского и играл в карты з выграшем.

25. От мене писано в Стародуб до Ивана Гамалии о сину его Николаю, да до жены о некоторых покупках в ярмарку стародубовском и посланы через человека из Клепал.

28. При письме до Ивана Гамалии посланы газеты нумеров 6, а именно: 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.

Март.

5. Приехал полковник киевский Дараган и асаул Закревский, з которими виделся я у Якубовича. Приехал Искрицкий. Захворовал сын Гамалиин {Николай}.

15. При писме до Ивана Гамалии посланы три нумери газет: 10, 14 и 15-й. Привезены з Лесконог 26 лящов, белизн 4 и один сом.

24. Писал до Гамалии о сину его, да до Максима Шляхты о некоторых покупках и о зробленью свеч восковых, на якие покупки 4 р., а на свечи 19 фунтов послано воску чрез компанейця Матвия». Дальнейших упоминаний об отношениях Ивана Гамалеи с Николаем Ханенко в этом дневнике не содержится.

Перейдем, однако, к семье Ивана Андреевича. Его жена Марфа Ивановна Анненкова умерла прежде него. Точная дата ее смерти не выяснена. Она колеблется между 1750 и 1751 годами. Проследим по историческим источникам упоминания о последних годах жизни Марфы. В 1748 году она упоминается как помещица села Клепалы в переписных книгах выбывших после 1-й ревизии[355]: «Села Клепал. Помещиков бончукового товарыща Ивана Андреева сына Гомалея и жены ево Марфы Ивановой дочери Анненковой». В 1749 году она пишет челобитную в рамках споров с Семеном Неплюевым[356]: «Подана октября 13 дня 1749 году. Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыня Императрица Елисавет Петровна Самодержица Всероссийская Государыня всемилостивейшая. Бьет челом бунчуковаго товарыща Ивана Андреева сына Гамалея жена ево Марфа Иванова дочь Анненкова». В марте 1750 года в своей челобитной Семен Неплюев жалуется на Ивана Гамалею и его жену Марфу[357]: «Подана марта 20 дня 1750 году <…> бьет челом полковника Семена Васильевича Неплюева служитель Яков Бирюков на бончукового товарыща Ивана Гомалея и на жену ево Марфу Иванову дочь. <…> А ныне уведомился я, что он Иван Гомалеи з женою своею Марфою не объявя где надлежит <…> собрав к себе во двор в село Клепала дальных сел и деревень не знаема каких людей…». А вот в 1751 году в челобитной доверенного человека того же Семена Неплюева Марфа уже не упоминается[358]: «№ 36, подана 16 июня 1751 года. <…> Бьет челом полковника Семена Васильевича Неплюева служитель Андреи Гаревской на бунчукового товарыща Ивана Гамалея. А о чем мое

[352] Фебра – прежнее название малярии.

[353] Горячка – лихорадка. (*Прим. авт.*)

[354] Сыну Ивана Гамалеи Николаю в это время было 19 лет.

[355] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2724. Л. 178–178 об.

[356] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 618.

[357] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 645. Л. 69 об.

[358] Там же. Л. 72 об.–73.

прошение тому следуют пункты». Марфа не упоминается также в «Сказках о помещичьих, монастырских крестьянах Семкого, Засемского, Клевенского станов Путивльского уезда» 1762 года[359]: «1762 году августа 10 дня Путивльского уезду Засемского стану села Клепал помещика бунчукового товарища Ивана Андреева сына Гомалея». Таким образом, наиболее вероятно, что Марфа Анненкова умерла в конце 1750 или в начале 1751 года.

Второй женой Ивана Андреевича Гамалеи стала вдова графа Гавриила Ивановича Владиславича-Рагузинского Анна Ивановна Рагузинская (в девичестве — Бороздна). Согласно Малороссийскому родословнику В.Л. Модзалевского, это случилось в 1760 году[360]. За ней было в селе Борщове 119 дворов и 30 бездворных хат[361]. По завещанию Ивана Андреевича Анна Ивановна получила села Чеховку и Юдинов.

В 1763 году Иван Андреевич выдал замуж свою дочь Елену в возрасте 20 лет за надворного советника Григория Андреевича Полетику[362] (рис. XXVIII)[363]: «Прошлого де 1763 году декабря в 17 день отец ее войсковой генеральной судья Иван Андреев сын Гамалей при отдаче ее в замужество за реченного надворнаго советника Григорья Палетику[364] дал ей в науждение из недвижимаго своего имения, состоящего в Путивльском уезде в Часком городище в селе Николаевке, <…> на что от крепостных дел и зговорную запись дал». Вот эта сговорная запись[365]:

«1763 декабря в 17 день войсковой генеральной судья Иван Андреев сын Гамалей дал тое запись зятю своему надворному советнику Григорью Андрееву сыну Полетике також и дочери своей, а ево жене Ивановой дочери, в том что выдал он оную дочь свою Елену в замужество за него Полетику. И за нею, дочерью своею, в приданые им зятю своему и дочери Елене отдал крепостное недвижимое имение, следующее ему наследную после смерти первой жены ево, а оной дочери ево Елены матери, Марфы Ивановой дочери[366], и ей доставиться после смерти матери ее Марьи Зиновьевой дочери подполковника Ивановой жены Григорьева сына Анненкова часть в Путивльском уезде в Часком и Ослецком городище в селе Николаевке роспашную и нероспашную землю с лесы и с сенными покосы, с мельницы, и с рыбными ловли, и со всеми принадлежащими к тому селу угодьи, что в оном селе по дачам в Вотчинной коллегии явитца все без остатку. Також и с имеющимися в том селе господским двором и живущими вольными людьми малороссияны сколько оных також. И всякого движимого и недвижимого имения в том селе Николаевке в ево владении состоит, которым движимым и недвижимым имением ему зятю ево Григорью Полетике с дочерью ево Еленою Ивановою дочерью впредь с сего времени владеть вечно бесповоротно и без выкупу. И о повороте онаго никому не просить и ни по что во оное не вступатца. А ежели кто станет вступатца, то ему Ивану их Григорья и Елену очищать харчей {погашать издержки} и убытков никаких не доставить. Та запись писана в Путивле у крепостных дел за ево и свидетелевыми руками».

---

[359] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2725. Л. 227.

[360] *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 1. Киев: Тип. т-ва Г.Л. Фронцкевича и К., 1908. С. 70.

[361] Там же. С. 245.

[362] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 411 об. – 412 об.

[363] URL: https://www.peoples.ru/art/literature/prose/belletristika/grigorij_poletica/ (15.12.2025)/

[364] Полетика Григорий Андреевич (1723 или 1725–1784) – малороссийский общественный деятель и писатель. В 1746–1748 гг. – переводчик в Академии наук, в 1748–1761 гг. – в Синоде. С 1764 по 1773 г. – инспектор классов в Морском корпусе. В 1767–1768 гг. – депутат Уложенной комиссии. Общественная и литературная деятельность Полетики была направлена к уравнению малороссийского шляхетства в правах с российским дворянством, выступал защитником автономности Малоросии. (Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Т. 11. ПЕРГАМ – РЕНУВЕН. 1968. С. 266.)

[365] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 412–412 об.

[366] Фраза, отмеченная данной ссылкой, однозначно указывает на то, что матерью Елены Полетики является первая жена Ивана Андреевича Гамалеи Марфа Анненкова, а не вторая его жена Анна Ивановна Рагузинская (в девичестве – Бороздна), как это указано в Малороссийском родословнике В.Л. Модзалевского (Т .1. 1908. С. 70): «В 1766 г. {Анна Ивановна} уступила часть своих имений дочери своей от второго брака – Елене Ивановне Гамалея и ее мужу – Григорию Андреевичу Полетике». Хотя там же, в родословнике, в следующем предложении, указано, что Анна Ивановна состояла в браке с Иваном Гамалеей с 1760 по 1766 г. (год смерти Ивана Андреевича). Очевидно, что последние два утверждения взаимно исключают друг друга: рожденная в браке с 1760 г. ее дочь Елена не могла выйти замуж за Григория Полетику в 1766 г. Точная дата рождения Елены указана в дневнике генерального хорунжего Николая Ханенка: 9 мая 1743 г. То, что мать Елены в это время была жива, подтверждают ее многочисленные челобитные в рамках спорного дела с Семеном Неплюевым в период с 1743 по 1750 г. (см. разд. 2.1.4 и 2.1.5).

Григорий Андреевич оказался прекрасным мужем и отличным семьянином. В этом браке родились два сына: Иван и Павел, которые были хорошо воспитаны и получили достойное образование. После смерти Григория Андреевича в 1784 году журнал «Киевская старина» опубликовал более 100 писем из его частной переписки. В частности, письма к жене, из которых можно судить об их с Еленой отношениях. Вот, к примеру, фрагмент письма от 22 октября 1772 года[367]: «Матушка, душа моя, Елена Ивановна. Объявляю вам, что я в С.-Петербург приехал прошедшаго месяца 20 числа и давно бы уже к вам отписал, но по почте писать опасался, чтоб письмо не пропало, а нарочных ездоков не было; наши же люди еще только на сих днях приехали и понеже при них была одна лишняя лошадь, то я, прикупивши четвертую лошадь и принявши вновь человека, отправляю онаго к вам с домашними припасами. А именно посылаю: 1) полбочку англискаго пива, которое когда привезено будет, дайте ему выстояться недели две, а между тем велите сколько есть англиских бутылок собрать и перемыть нераз, чтоб оне никакими другими напитками не пахли, а ежели своих бутылок нестанет, то прикупить в Погаре или в Почепе, и, перелив, покласть их в погребу, не пересыпая песком, ибо пиво крепкое и оне в песку больше будут лопаться. 2) Сахару два пуда тридцать семь фунтов, в десяти головах. 3) Кофи полпуда, которую я взял только на пробу и есть ли оная вам понравится, то напишите, так я больше с собою привезу. 4) Пробок бархатных[368] для англискаго пива триста в кульке, и в них положены два пробошника, а пятьсот простых пробок разсыпаны в боченке. 5) Сутуги[369] фунт для завязки бутылок. 6) Два бочонка осьмушечных с сельдями. 7) Бочонок миногов. 8) Бочонок соленных лимонов. Что все получивши, желаю вам во здравие употреблять.

<…> Еще ж вас уведомляю, что я о своей отставке подал уже челобитну, которая от Ивана Логиновича[370] на сей недели представлена будет в Адмиралтейскую коллегию, а оттуду государыне, и я надеюсь на Бога, что по первом зимнем пути отсюду отправлюсь, когда от государыни выйдет на доклад обо мне резолюция, а когда нет, то надобно дожитаться.

<…> Я здесь уже кое-какия для дому вещи искупил, а другия делать заказал, в том числе купил для вас не токмо одну, но и две хорошия кареты, и верно вам докажу того, что обещал. Также купил для вас на платья; вместо отласу, гренитуру весьма хорошаго и самаго моднаго и уповаю, что вы им довольны будете. Естьли даст Бог, что я отсюду с милостию отпущен буду, то я вам еще и не то намерен привезти.

<…> Я намерен доделать серебряную столовую посуду, и для того пришлите мне сюда одну конфетную ложку и одни вилки и напишите, сколько у нас конфетных вилок и сколько ложек. Впрочем, желая вам от сердца в скорости и в добром здоровье видеть, а детей благославляя, есмь ваш верный друг и муж Г. Полетика».

На этом, собственно, исчерпываются доступные автору сведения об Иване Андреевиче Гамалее и его семье. Основная их часть, как было указано выше, относится к его жизни в селе Клепалы и связана со спорами с Семеном Неплюевым (см. разд. 2.1.4 и 2.1.5).

Умер Иван Андреевич 21 марта 1766 года.

---

[367] Частная переписка Григория Андреевича Полетики. Письма к жене, из Петербурга от 22 января 1772 г. и от 6 февраля 1777 г. // Журнал Киевская старина. Т. LX. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1893, январь. С. 503–506, 509–512.

[368] Бархатная пробка – пробка из пробкового дерева. В то время – из пробкового дуба. (*Прим. авт.*)

[369] Сутуга – тонкая железная или медная проволока. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[370] Иван Логгинович Голенищев-Кутузов – 1 сентября 1762 г. в чине капитана 2-го ранга назначен директором Морского кадетского корпуса, прослужив в этой должности вплоть до смерти, за что заслужил прозвище «отец всех русских моряков». 11 ноября 1764 г. назначен генерал-интендантом флота, членом Адмиралтейств-коллегии и наставником по морской части цесаревича Павла. В 1767–1769 гг. принимал участие в деятельности Уложенной комиссии. В 1772–1792 гг. – генерал-казначей, с 28 июня 1782 г. – адмирал. (Голенищев-Кутузов Иван Логгинович // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Голенищев-Кутузов,_Иван_Логгинович (05.08.2025)).

2.1.7. Раздел наследства между детьми Ивана Гамалеи

После смерти Ивана Андреевича остались два сына: Николай (32 года) и Михаил (20 лет), а также дочь Елена (23 года).

Еще при жизни Иван Андреевич составил раздельную запись, в которой изложил свою волю по разделу имений после своей смерти. Старшему Николаю полагались малороссийские имения. А именно в Стародубском полку село Борщево[371] со всеми дворами и поселенными людьми. Младшему Михаилу — имения в Путивльском уезде: село Клепалы, слободы Михайловку и Гамалеевку, а также земли и дворы в деревне Карпиловке, в селах Чаплищи, Песках, Мануховке и Череповке, в деревнях Юрьевой, Череповой и Лухтовке. Кроме этого — в Малороссии в Нежинском полку село Семеновку[372].

Что касается сестры Елены, то при ее замужестве, в декабре 1763 года, ее жениху Григорию Андреевичу Полетике было отписано в качестве приданого село Николаевка в Путивльском уезде. Кроме того, Михаилу предписывалось при разделе имений после смерти Ивана Андреевича выделить Елене часть имений их покойной матери Марфы (см. разд. 2.1.6).

Братья долго ждать не стали и уже через месяц после смерти отца, 15 апреля 1766 года, разделили его имения. Разменные записи были оформлены в Стародубской полковой канцелярии[373]. В этих записях был указан штраф в 1000 рублей за нарушение обязательств по разделу. Они «обезались у крепостных дел записки с неустойкою, кто не устоит, тысячи рублев»[374]. Однако уже к лету этого года у братьев возникли споры. Огромный штраф их не остановил. В результате они перессорились, было заведено спорное дело в Путивльской воеводской канцелярии.

В июле в своей челобитной на имя императрицы Екатерины II Михаил жалуется на своего старшего брата Николая[375] и пишет, что, во-первых, «ныне оной брат мой жительство имеет Путивльского уезду в селе Клепалах» и не собирается выезжать в свои новые имения в селе Борщеве. Во-вторых, приехав в уже не принадлежащее ему село Семеновку, распоряжается его, Михаила, имуществом. А именно: «Означенной брат мой Николай, не устоя против записной от него мне записи, нагло приехав малороссийского Невельского полку в село Семяновку, и без бытности в доме, тою своею наглостию животы {домашний скот}, ходящих в поли на принадлежащие к моему владению земле, моих тритцать овец отослал к тещи своей бывшей полковницы Матрены Максимовички в город Стародубской, и ныне там {эти овцы} находятца. Таковою ж своею усильностию ко владению принадлежащего мне меня не допускает, а владеет и довольствуетца почти всем один, от чего мне и убыток напрасной следует». За такие действия он требует взыскать с Николая положенную по разменной записи неустойку в 1000 рублей.

Как обычно в таких случаях, жалоба была рассмотрена в Путивле и принято решение допросить Николая[376]: «1766 году июля 17 дня Путивльской воеводской канцелярии в журнале записано: по челобитью исковому малороссийского регламента бончюкового товарыща Михайлы Гомолея на брата ево Николая в неустойке им против учиненных между ими записей и просит о сыске ево. А для взятья показного Николая Гомолея послать нарочного по инструкции. Велеть взять его и объявить в Путивльской воеводской канцелярии при репорте».

В Клепалы был послан капрал Иван Сапогов со сторонними людьми. По результатам этой поездки 19 июля Сапогов составил рапорт, в котором пишет[377]: «В силу данной мне по Путивльской воеводской канцелярии инструкции велено ехать в Путивльский уезд в село Клепалы. И Николая Гомолея в доме изъ-

[371] Село Борщово – ныне в Погарском районе Брянской области.

[372] Село Семеновка – ныне город в Новгород-Северском районе Черниговской области.

[373] Стародуб – ныне город в Брянской области, административный центр Стародубского района.

[374] Дело по челобитью бунчукового товарища Михайлы Гамалея на брата его против учиненных между ими записей (РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 674. На 12 листах. Л. 1). Далее этот документ будем называть «Спорное дело Михаила и Николая Гамалеев».

[375] Спорное дело Михаила и Николая Гамалеев. Челобитная Николая Гамалеи от 17 июля 1766 г. Л. 1–2.

[376] Спорное дело Михаила и Николая Гамалеев. Л. 3.

[377] Там же. Л. 5.

ехал, кой мне объявил, что он в Путивль не поедит и пущай брат мой просит на меня в Белгородской губернской канцелярии. И в Путивль не поехал».

Уже через день, 21 июля, к Николаю в Клепалы был послан солдат Порягин. По результатам поездки он сообщает[378]: «Поданной мне из оной Путивльской воеводской канцелярии инструкцыи велено ехать вторично Путивльского уезду село Клепалы. А приехав, при сторонних людех взять умершаго генерального судьи Ивана Гамалея сына Николая Иванова сына Гамалея. <…> И в доме оного Николая изъехав к коему на двор, поставленные у ворот сторожи не пустили. И вышед из двора прикащик ево, Гамалея, Никита Родионов и объявил, что господин ево в Путивльскую воеводскую канцелярию не поедит. И Путивльская де канцелярия инструкцыи пишет неучтиво». Вот так! Третий вызов обычно сопровождался военными людьми с принудительным приводом на допрос.

Николай не стал дожидаться третьего вызова и написал свою челобитную на имя императрицы Екатерины Алексеевны, в которой, в частности, пишет[379]: «Брат мой родной Михайло Иванов сын Гамалея по велению с Путивльскои воеводской канцелярии сего июля 17 дня челобитью объявлет якобы я против учиненных между нами об отцовском недвижимом имении записей не устоял и якобы я у него в селе Семияновки собственных ево тритцать овец усильно отогнал к тещи своей в город Стародуб и ко владению ево недвижимого имения будто. И недопущеню сего от мене никогды не бывало. И о том брат мой Михайла тем своим челобитьем в Путивльскую воеводскую канцелярию утруждал, а мене именнованного поклепал и позлословил напрасно». И далее, что замечательно, излагает суть передела наследства своего отца. Однако с точностью до наоборот. Ссылаясь на раздельные записи, он пишет: «А в учиненных между нами записях изъяснено, чтоб нам во владениях один другому ни о чем не препятствовать. По чему я именованной с означенным братом своим Михайлом поговоря, меж себя полюбовно против учиненных между нами записей положили деревнями владеть: мне в Путивльском уезде и Неженского полку селом Семияновым, а ему, брату моему, в Стародубском полку». Как видно, Николаю не понравилась воля отца по разделу имений, и после смерти Ивана Андреевича он решил «поменяться» с братом наследством. С его точки зрения, он поступил с овцами законно: «И по тому положению в Путивльском уезде и селом Семиянивкою владел и с хутора жены моей Лубенского полку Гая прислал в село Клепалы тритцать овец, кои ныне находятца в стаде в оном селе Клепалах. А по способности из села Семияновки вместо тех овец отогнал к тещи своей в город Стардуб и так из отцовского имения мною еще ничего не утрачено».

Далее Николай пытается «дожать» младшего брата: «А оной брат мой Михайла, не устоя против учиненных между нами записей, а единственно натурою своею, приехав в село Семияновку, где он и ныне жительство имеет. И живущим во оном своим подданным незнаемо для чего, а наруша свое обезательство, меня слушать не велел. И между подданными учинил бунт, якобы я по смерти отца нашего ни в чем не наследник. И ко владению половинным числом меня усильно не допускает». И далее: «Живучи в том селе Семияновке, из общего скота без согласия и без ведома моего, а по натуральному своему самопроизвольству, посылал из села Семияновки подданного Алексея Мостового в город Канатоп[380], чтоб хто для покупки ягнят приехал в село Семияновку. И по той посылке приехал купец, житель того города, и означенных ягнят торговал. И уповательно[381], что оне ему проданы, о чем о всем может показать означенной Мостовой.

Да сего июля 8 числа реченной брат мой Михайла таким образом прислал нарочных от себя в слободу, состоящую в моем владении Гамалеевку, ко атаману кошевому письменой за рукою своею приказ, в коем прописывает, чтоб он ходящих в той слободе в табуне лошаков молодых всех отобрав, пригнал к нему. И чтоб я о том не знал точно до того отгону не допущены». Да, все правильно, Николай решил обменяться наследуемыми имениями с младшим братом. Гамалеевка, по этой версии, также принадлежит ему.

[378] Там же. Л. 6–6 об.

[379] Спорное дело Михаила и Николая Гамалеев. Челобитная Николая Гамалея. Июль 1766 года. Л. 9–11 об.

[380] Город Конотоп Сумской области, административный центр Конотопского района.

[381] Уповательно – вероятно, кажется. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

Далее Николай жалуется на вторую жену своего отца — Анну Ивановну Рагузинскую. По завещанию отца Анне Ивановне отдавались имения в селах Юдинове[382] и Чеховке[383] (родовые имения Ивана Андреевича), а также лавки в городе Погаре[384]. Николай недоволен, что эти имения отданы Анне Ивановне Михаилом без его согласия: «Предписанной же брат мой Михайла без ведома ж и без согласия моего, после учинения между нами записей, натураю своею, как видно по согласию с мачихою нашею Анною Ивановою дочерью, отдал ей во владение в Стародубском полку два села Юдино[в] и Чеховку, и хуторы Волотин[ской] и Чеховской, да в городе Погаре лавки и дворы, и протчие со всеми угодьи. Да иже из движимого нераздельного серебро и протчае. Чем всем оная мачиха наша ныне владение имеет и довольствуется».

При этом Николай жалуется на Михаила, который не согласился с его самовольством и чинит сопротивление: «Реченый же брат мой Михайла посылаемых от меня для собственных моих нужд людей, состоящих ныне в моем владении, зафатывает на дорогах и бьет, и содержит у себе под караулом. И приводит в судебные места, как тех уже и в Путивльской воеводской канцелярии. О приводе крестьянином Назара Поляники извесно». Николай же, стоя на своем, в своей челобитной предлагает взыскать с Михаила все ту же неустойку в размере 1000 рублей.

В заключение Николай просит ни в чем не верить Михаилу и возвратить ему законные (по его мнению) наследственные имения: «По нечинении ему такоего без ведома и без согласия моего действия, и в недопущении меня ко владению, и в запрещении подданным села Семияновки в слушании меня, и будто я отцовскому имению не наследник, в сказывании с найкрепчаишим подтверждением обезать подпискою. И о возвращении мне села Семияновки с подданными, и со всеми угодьи по добровольному с ним договору во владение. И поданному от него напрасно затейному ко отбывательству своих непорядков в Путивльской канцелярии челобитью за прописанными резоны не верить».

Что же касается табуна лошаков в слободе Гамалеевой, то Николай приводит копию попавшего к нему в руки распоряжения Михаила своему кошевому атаману в Гамалеевке[385]: «Приказ гамалеевскому атаману кашовому. За получением сего тот час прикажи стадникам Андрею и Авраму лошаков лет трех и четверех отобрать. И один с них которой-нибудь при тех же лошаках приездил б ко мне в Семяиновку пильно[386]. Також ты сам взявши с собою дворника старого Василья и комисара, приеди, не даючи знать Никалаю Ивановичу. Да непременно сего дня как лошаки, стадник, так и ты з дворником Васильем и камисаром приеди в Семяновку. Накрепко о том приказую. У подлинного пишет тако Михайло Гамалея. 766 году, Семяновка, июль 8». «Добрые люди» тут же донесли об этом Николаю и даже прислали ему копию этого распоряжения.

К счастью, спор братьев Гамалеев за отцовское наследство был недолгим и быстро завершился. Как видно, Николай исчерпал все возможные способы «переиграть» отцовскую волю и в конце концов пошел на попятную. Уже через месяц в той же Стародубской полковой канцелярии братья осуществили новый раздел поместий Ивана Андреевича Гамалеи, в полном соответствии с его предсмертной волей. При этом раздельные записи, ранее оформленные в этой же канцелярии в апреле этого же года, были объявлены недействительными.

Новая раздельная запись приводится в деле Гаврилы Михайлова сына Гамалеи (сына Михаила) 1821 года[387]: «766 году августа 12 дня он Михайла з братом своим родным Николаем после отца своего Ивана Гамалея и матери Марфы добровольно розделили недвижимые имения.

<…> На что де для владения из Стародубской полковой канцелярии за скрепою и печатью и выпись ему, Михайле, с отдачею подлинных обратно в том же 766 году сентября 4 дня дана. В которой обо всем

[382] Юдиново – ныне село в Погарском районе Брянской области.

[383] Чеховка – ныне село в Погарском районе Брянской области.

[384] Погар – ныне поселок городского типа в Брянской области, административный центр Погарского района.

[385] Спорное дело Михаила и Николая Гамалеев. Л. 11 об.

[386] Пильно – спешно, скоро, быстро. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[387] Дело Гаврилы Михайлова Гамалеи о жалованной грамоте и справке на имения Федора Черепова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. На 37 листах. Л. 418–419 об.). Далее будем называть этот источник «Дело Гаврилы Михайлова Гамалеи».

и значит имянно чего для оной объявил для разбирательства копию и просил, чтоб по тому учиненному между ими з братом ево розделу, что следует за ним справить и об отказе куда надлежит послать указ.

А в копии с выписи написано:

Умершаго судии войсковаго ганерального Ивана Гамалея дети Николай и Михайла Гамалеи розделили они миролюбовно и согласно все наличное доставшееся после вышепомянутого отца их и матери Марфы Ивановой дочери Анненкова недвижимые имении, находещимися в Великой Росии в Путивльском уезде да в Малой Росии в полках Стародубском и Нежинском как ниже сего следует:

1-е: Он, Николай, на свою часть взял, а он, Михайла, ему, Николаю, отдал, в Малой Росии в полку Стародубском село Борщево со всеми к нему принадлежащими угодьями какого бы звания оные не были без изъятия. Також мельницу не в дальном разстояни от оного села состоящую на реке Варе с лесными и протчими принадлежащими к ней угодьи. Да дворы, находящиеся в городе Стародубе.

2-е: А он, Михайло, на свою часть взял, а он, Николай, ему, Михайле, отдал, в Великой Росии в Путивльском уезде село Клепалы, слободы Михайловку и Гамалеевку. Да дворы в деревне Карпиловке, в селах Чаплищах, Песках, Мануховке и Череповке, в деревнях Юрьевой, Череповой и Лухтовке со всеми какого бы звания оныя ни были. И к тем селам слободами и дворами и со всеми принадлежащими угодьями без изъятия.

Да сверх того мельницу, стоящую близ города Путивля на Любиной струге[388].

В Малой Росии в Нежинском полку село Семеновку со всеми, к нему какого бы звания ни были принадлежащими, угодьями без изъятия ж и хутором, прозываемым Гумы.

Да двор, состоящий на предместье города Глухова[389].

Да он же, Михайла, обязался выделить принадлежащую по указом часть сестре своей надворного советника Григорья Полетики жены Елене Ивановой дочери и заплатить за отца ево асаулу войсковому генеральному Ивану Скоропадскому долгу тысячу рублев.

3-е: Крепости и прочие все документы, какие могли бы в доме их сыскаться на вышеписанные села, слободы, деревни и всякие угодьи, что кому принадлежит, должны они, Николай и Михайло, разобрать и друг другу отдать.

4-е Крепостными людьми розделить они по нижеписанному.

Он, Николай, взял, а Михайло ему, Николаю, отдал из дворовых людей Марка Иванова сына Швеца з женою Прасковьею и с сынами Яковом и Никитою; Ефима Трофимова сына Поданова з женою Прасковьею и сыном Моисеем; Алексея Петрова сына Вердинка (?); Никиту Родионова сына з женою Анною и сыном Васильем; Николая Данилова сына Здемирова; Алексея Алексеева сына Полякова з женою Катериною и с сынами Семеном, Сидором и Осипом, да з дочерми Федорою; Лукьяна Фомина сына Шишкина с сынами Дмитрием и Стефаном; Никиту Николаева сына Евдокименка.

Да ис крестьян Ивана Игнатьева сына Поленику Меньшаго з женою Ксениею, сынами Михайлом, Андреем и дочерью Матроною; Моисея Фролова сына Поданова з женою Еленою, с сыном Осипом и женою ево Ириною и дочерью Прасковьею; Данила Трофимова сына Поленику з женою ево Катериною и сыном Павлом; и оного Павла з женою Стефанидою и сыном их Яковом да дочерью Ульяною.

Он Михайла взял, а он Николай ему Михайле отдал из дворовых людей Михайлу Петрова сына Рыковского з женою Евдокеею и сыном Максимом, и дочерью Прасковьею; Максима Лукьянова сына Спиридонова з женою Пелагеею и с сыном Демьяном, и дочерьми Ксениею и Анною; Ивана Иванова сына Белецкого з женою Дарьею с сынами Юрьем и Павлом, и дочерми Анною и Прасковьею; Павла Никитина сына Евдокименка з женою Евдокеею. Да ис крестьян Ивана Игнатова сына Полянику Большаго з женою Ксениею с сыном Назаром, и оного Назара женою Мариною и с сыном их Андреем, и дочерью Анною; Артема Иванова сына Шаповалова; Григорья Петрова сына Поленику з женою ево Дарьею и сыном Тимофеем; да Ивана Иванова сына Поленику, жену Ирину с сынами ея Козьмою, и женою оного Козьмы Марьею, да Федором.

[388] Имеется в виду мельница в устье речки Чаши.

[389] Двор в Глухове, купленный Иваном Гамалеей в мае 1743 г.

5-е: Движимыми имениями как то хлебом, с сеном, пенькою[390] всякого звания, скотом, пчелами, серебром, оловяною и медною посудою и протчими какого звания ни были наличными вещьми без изъятия розделиться им пополам.

7-е[391]: Учиненные между им Николаем и Михайлом апреля в 15 день того 1766 году да совершенного между ими роздела и разменныя о вышеписанных имениях записях от сего времени уничтожаются и никакого действия иметь не могут. Та раздельная писана в полковой Стародубской канцелярии за их, Николаевою и Михайловою Гамалеевых, и за свидетелевыми руками[392]».

Надо полагать, что дворовых людей и крестьян братья Гамалеи оставили в тех же имениях, в которых они были при их отце, поскольку покойный Иван Андреевич завещал сыновьям поделить имения «без розделу». На этот раз проблем при дележе не возникло. Все было сделано полюбовно и добровольно. В указанной выше копии раздельной записи сказано, что «умершаго судии войсковаго генерального Ивана Гамалея дети Николай и Михайла Гамалеи розделили они миролюбовно и согласно все наличное доставшееся после вышепомянутого отца их и матери Марфы Ивановой дочери Анненкова недвижимые имения».

Теперь все стало на свои места и дальнейших споров между братьями не возникало. Когда эта раздельная запись была отправлена братьями в Москву в Вотчинную коллегию для принятия соответствующего решения, этого мы не знаем. Известно только, что Михаил это сделал повторно 26 января 1769 года, сопроводив этот документ своей челобитной.

14 августа 1766 года, через два дня после оформления раздельной записи, во исполнение воли отца Михаил Иванович оформил запись в Путивльской воеводской канцелярии, по которой выделил сестре Елене и ее мужу Григорию Полетике долю в селе Николаевке и в других местах Путивльского уезда[393]:

«766 августа в 14 день путивльской помещик бунчуковой товарищ Михайла Иванов сын Гамалей дал тое запись сестре своей Елене Ивановой дочери и мужу ее, а своему зятю, надворному советнику Григорью Андрееву сыну Полетике, в том, что при выходе замуж ее, Елены, за него, Полетику, умерший отец ево Иван Андреев сын Гамалей от себя в приданье отдал ис подлежащей ему указной седьмой от первой жены ево Марфы Ивановой дочери Анненковой части Путивльскаго уезду в Часком и Ослецком городище село Николаевку с роспашною и нероспашною землею с лесы, и сенными покосы с мельницы, и с рыбными ловли, и со всеми принадлежащими к тому селу угодьи, и господским двором из живущими вольными людьми малороссияны все без остатку. Так как оное во владение у него и отца их было, не исключая и ис того владения ничего, кроме подлежащей ей сестре его по смерти упомянутого отца их первой жены, а их матери, Марфы Анненковой указной части, которую оной отец их отдать обязался при разделе ево, Михайла, с нею, Еленою, о чем в приданной росписи изъяснил.

Но за смертию своею оной отец их той ее Елениной указной части за нерозделом ево с нею еще не отдал. По смерти ж вышереченного отца их он Михайла оставшее как отцовское, так и материнское недвижимое имение со всеми угодьи з братом своим родным Николаем Ивановым сыном Гамалеем розделили и при оном розделе ее сестру ево Елену указную ее частию удовольствовать и отделить он Михайла на себя принел. В чем и во учиненной о том розделе записи он обязался. Почему ныне вышепрописанное отца их село Николаевку со всеми принадлежащими к нему угодьями им, Елене и Григорью, в дачу со всем тем, как оная при выдаче ее, Елены, замуж отдана.

На данной на то записи написано: утверждает на указную ее Еленину четвертую на десять часть.

Да еще отдал Путивльского уезду в селе Байдурском, Чаплищах, Мануховке, Череповке, в деревнях Юрьевой, Лухтовке крепостные роспашные и нероспашные земли с лесы, с сенными покосы, с рыбными ловли, и со всеми к ним принадлежащими угодьи, и с крестьянскими жилыми и пустыми усадьбами, на коих жительство в подданстве имеют вольные люди черкасы, не оставливая себе во всех тех селех и деревнях как

[390] Пенька – прядильное волокно из конопли. (*Прим. авт.*)

[391] Пункт 6 отсутствует.

[392] «За их, Николалаевою и Михайловою Гамалеевых, и за свидетелевыми руками» – за их собственноручными подписями и подписями свидетелей.

[393] Дело Гаврилы Михайлова Гамалеи. Л. 412 об. – 414.

из недвижимого, так и в протчих в их угодей ничего, так как владение и предков ево також и у отца и матери их было, все без остатку.

Да в хуторище, где была николаевская пасека, со всем сенокосным помещиковым и крестьянским полем.

{*Далее расписывается межа угодий в селе Николаевке:*}

А вышеписанному, отданному им, Елене и Григорью, недвижимому имению, палагается грань тому селу Николаевки от села Николаевки вверх по речке Курице да той слабады Гамалеевки. А оттоль, вкруте поваратя направо, к кургану, называемому Плоская Магила. И от Магилы прямо на дорогу, празываемою Родомановский шлях. А тою дорогою вправо да дарошки, идущей из Гамалеевки да хутора Гамалеевского по вершку ярка, каторой устьем пришел к реке Калуженке и граничит между полем гамалеевским и николаевским. А оттоль вверх речкою Калуженкою по гать. А от гати, оставляя вправо хуторище, где были николаевская пасека, до другова ярка. И тем ярком до вершин оного прастирающихся до дароги, идущей ис села Николаевки да села Клепал. А от тех вершин через ту дорогу прямо на дорогу, идущею ис Тернов к Мокшевицкому перевозу. А тою дорогою поваратя вправо до гати, что на речке Цыпке при слободе Дмитровке (Орловка то ж). А от гати вниз по речке Цыпке да устья обоих оных речек Курицы и Цыпки, на коем платина и мельница, принадлежащая к селу Николаевки».

Приблизительная реконструкция этой межи на Трехверстной карте 1869 года, лист 21-12[394] представлена на рис. 1. Здесь указаны три дороги: (1) — Ромадановский шлях; (2) — дорога из Николаевки в Клепалы; (3) — дорога из слободы Терны до Мокшевицкого перевоза (Псельская дорога). Указана также мельница (4) в устье речек Курица и Цыпка.

И далее: «А сверх того, где по оной грани, живых урочищ нет, таму по общему согласию в знак межи покопаны ямки, которым всем вышепрописанным недвижимы во упомянутых селах и деревнях имением са всеми к ним принадлежащими угодьями им, Елене и Григорью, и наследникам их владеть вечно и бесповоротно. А ему, Михайле и наследникам ево, в вышереченное отданное имение ни во что не вступатца и о повороте не просить, и никакими образы не вчинать. А ежели кто ис сторонних людей учинит вступатца, то ему, Михайле, и наследникам ево, их, Елену и Григорья, и наследников их очищать, харчей (расходов) и убытков никаких не доставить. А ва вышеозначенное им Елене и Григорью за собою справить и по законам утвердить без всякого спору и препятствия и в вышеписанную отдачу ничем никогда не оспоривать и не опровергать. А быть во всем по вышеписанному.

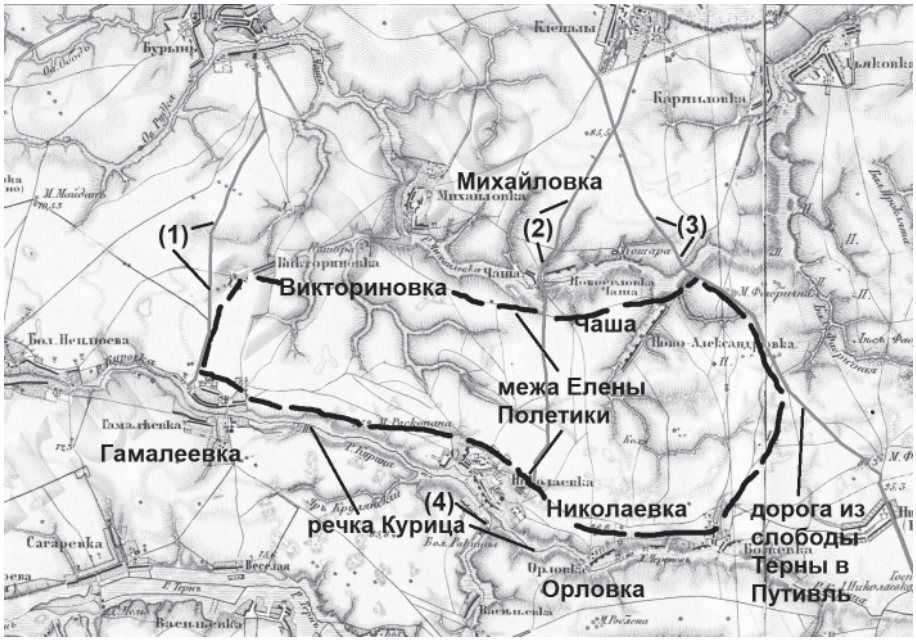


Рис. 1. **Межа Елены Полетики на карте 1869 г.**

Ежели он, Михайла, и наследники ево, в малом и в великом в чем против той записи не устоят, то им, Елене и Григорью, и наследникам их с него, Михайлы, и наследников ево взять за неустойку из других ево вотчин не в зачет другую такую ж часть, какая ей по указом подлежит, без всякого спору и препятствия. А та запись и впредь в запись.

Та запись писана в Путивле у крепостных дел за его, Михайловою, и за свидетелевыми руками».

[394] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/21-12/ Недригайлов. (01.08.2011).

Раздельная запись была направлена в Москву в Вотчинную коллегию для принятия решения об отказе имений.

До весны следующего года никаких движений по этому делу не было, поэтому 1 марта 1767 года Елена обратилась челобитной в Вотчинную коллегию с просьбой справить за ней имения, указанные в раздельной записи ее брата Михаила.

Наконец 29 ноября 1767 года последовало решение Вотчинной коллегии. Было сформировано определение, по которому в Путивль направлен был указ допросить братьев Гамалеев и их сестру Елену, а также выяснить, не принадлежат ли эти земли кому-либо другому и нет ли по ним споров.

В процессе допросов братьев Гамалеев выяснились спорные моменты со стороны Михаила. Выглядело это очень странным, поскольку именно он был ответственным за раздел имений в пользу сестры Елены. Все спорные моменты и свои претензии Михаил изложил в большой челобитной.

Что же сподвигло Михаила на такие действия? Дело в том, что, как обычно бывает при переделе имений, нашлось много охотников поспорить по этим землям и отделить, что получится, в свою пользу. Выступили, ожидаемо, Череповы: 14 февраля 1768 года премьер-майор Иван Васильев сын и порутчик Иван Ильин сын подали спорное челобитье, в котором, в частности, написали[395]: «Бунчуковой де товарищ Михайла Гамалей написал в даной сестре своей Елене записи недвижимое имение село Николаевку на дачах предков их Череповых в урочищах в Часком на Ослецком городищах, понеже де оное село Николаевка и слободы Гамалеевка (Череповка она ж) и Михайловка поселены вышеозначенным отцом ево Иваном Гамалеем не против подлежащих своих дач более двести дворов вольных людей черкас». Череповы утверждали, что имения, отведенные Иваном Гамалеей и его сыном Михайлом, находятся на старых землях Череповых, которые Иван Гамалея заселил самовольно и незаконно. При этом они ссылаются на резделе поместий Якова Федорова сына Черепова, состоявшийся после его смерти, 25 августа 7189 (1681) года. Тогда наследие Якова досталось, в частности, Ивану и Василию Андреевым детям Череповым, предкам авторов этой челобитной (см. разд. 1.4.6).

Далее челобитчики отмечают: «Да оной же Михайла Гамалей в вышепоказанной своей данной сестре записки написал собою межу по урочищам и грани положил. А оному селу Николаевки в противность указов, понеже де оное село Николаевка особой дачи и округи не имеется. Да и в указе Вотчинной коллегии сколько в котором селе и деревни четвертей не написано, чем и изобличается оного Михайлы Гамалея неправда. И самовольные межи и грани положивших». Здесь они обвиняют Михаила в том, что он самовольно отмежевал земли, передаваемые Елене при том, что ни в каких документах нет дачи села Николаевка. Это обвинение является довольно серьезным, поскольку порядок такого межевания был строго определен. По закону раздел должна производить Вотчинная канцелярия, а не помещик самолично.

Череповы выдвинули молодому Михаилу (на то время ему было 20 лет) серьезное обвинение, и он начал оправдываться, временами, что называется, «теряя лицо». В своей челобитной он пишет, что указанные земли — это законное имение его матери Марфы. Это так и есть. Но далее Михаил сообщает[396]: «А по ней[397] отцу ево указная ис того часть хотя и надлежала, только де он, за собою таковой части не справя, над всем тем имением да савершеннаго детей своих возраста за опекуна был, то сам собою части себе выделить, и кому-либо оною продавать или даровать, записью утверждать законной власти не имел. Так следовательно, и за оною своею дочерью {Еленой}, а ево родною сестрою, в приданые давать под видом сверх указной части из вышеписанных матери ево недвижимых не следовало. Да к тому ж по выбору, где самые лучшие земли и угодьи ж часть, зговорную запись дал вовсе не основательно и напротиву де того». Получается, что всему виной был покойный отец — Иван Гамалея, поступивший против закона. Он же, Михаил, только выполнял его волю.

Далее оказывается, что Михаил «те матери ево имения во владение принел на 18-м году ево возраста. А по вотчинным делам, в силу законов, мужескому полу до дватцати лет не совершенной возраст. А почему

[395] Дело Гаврилы Михайлова Гамалеи. Л. 415.

[396] Там же. Л. 416 об. – 417 об.

[397] А по ней – а после ее смерти.

сестре ево в подтверждении дачи, которую отец ей запись дал, надлежало обождать, пока бы он {Михаил} в совершенные лета пришол и за собою первое все имение справил». Здесь Михаил утверждает, что в 1766 году ему было 18 лет[398] и он был в «несовершенном» возрасте и не имел права заниматься переделами имений[399]. Кого он в этом винит — не понятно. Ведь он сам занимался этим переделом. А его сестре, по словам Михаила, не нужно было торопиться, а подождать два года до его полнолетия. Тут уже и сестра оказалась виноватой.

Далее очередь дошла до Григория Андреевича Полетики — мужа Елены. По утверждению Михаила, со стороны Григория Андреевича были совершены незаконные действия. Кто здесь прав, а кто виноват — судить не будем. Изложим только обвинения, содержащиеся в челобитной Михаила: «Но муж ее, упомянутой надворной советник Полетика, ведая, что по оной {Марфы Анненковой} от отца ево ему данной зговорной записи столь много матери ево имение под видом на отца его принадлежащей, да и то не указной, на указную, гораздо превосходней седьмой будто части за собою не может безпорно справить[400]. И опасаясь, что ево в том обида со временем ему откроетца, вздумал ево {Михаила} не допустить, чтобы в тех имениях ему осмотреться». По версии Михаила, его шурин, видя, что это имение немалое в размере, решил получить обе его части: указную и неуказную. Понимая, что в дальнейшем споров не избежать, Григорий якобы торопил Михаила и не давал ему времени осмотреться и принять правильное решение о разделе.

Ввиду этого, для устройства быстрого раздела и его подтверждения Григорий Полетика якобы пригласил в село Клепалы своих родственников, «кои с ним к нему в Клепалы нарочно для того и приезжали, чтоб в обману ево ему спомоществовать, стали у него отеческой записи к подтверждению». Кроме имения в Часком и Ослецком городищах, по словам Михаила, Полетика претендовал «на четырнатцатую долю, якобы жене ево Полетиковой, а ево, Михайловой, сестре. Да водившую с Путивльского ж уезду в селах Байдурском, Чаплищах, Мануховки, Череповой, в деревнях Юрьевой да в Лухтовке крепостных роспашных и нероспашных земель с подданными черкасы, и усадьбами, и со всеми к тому угодьи. Да на хуторище, где была николаевская пасика, стал прилежно и неотступно домогатца». Полетика, по словам Михаила, при этом никому не давал «обстоятельно осведомитца, ни от кого либо знающего не допустил, а уверил, что на такую часть, какова жене ево надлежала, всего того вымагаемого очень мало». По мнению Михаила, Григорий от него не отстал, «пока принудил ево на означенное имение того ж числа в ево клепальском доме, а не у крепостных дел[401], запись написать». Таким образом, Михаил утверждает, что раздельная запись Елене была написана Полетикой в доме в Клепалах, под принуждением Григория и его родственников, а не в Путивльской воеводской канцелярии.

Что касается межи имения в Николаевке, то «при сочинении ж той записи еще и межу селу Николаевки мимо ево[402] описал такую, которой он, Михайла, не видал и не знал. А видно, что он, Полетика, сам собою те знаки поделал и ямы покопал[403], желая но и вящее ево преобидить».

Дальше — больше: Михаил утверждал, что, Полетика затребовал, чтобы Михаил сам очищал[404] эти имения: «Да во оной же записи и излишеством ево обезал, чтоб оное имение ему, Михайле, и очищать, чего на словах как ему призновательно прежде составления записи отнюдь не было и писать не следовало, потому что оныя имении не проданы и не заложены, но будто на указную часть наследственную

[398] Михаил Гамалея родился 21 мая 1746 г.

[399] В то время вотчинные дела могли совершать помещики, достигшие 20 лет.

[400] Часть наследства в имении тещи Ивана Гамалеи Марии Анненковой была передана ему, как жениху ее дочери Марфы (указная, малая, часть). Остальная (неуказная) часть оставалась у Марии, а после ее смерти была передана ее дочери Марфе. После смерти Марфы эта часть должна быть передана детям Марфы (в нашем случае, по воле Ивана Гамалея, – Елене). Указная часть наследства гораздо меньше неуказной. В нашем случае, по словам Михайлы Гамалеи, Григорий Полетика пытался овладать обеими этими частями.

[401] То есть в Путивльской воеводской канцелярии.

[402] То есть вопреки воле Михаила.

[403] Столбы и ямы являлись межевыми знаками.

[404] Очищать – делать свободным от долгов, недоимок, залогов и т. д. при передаче прав собственности на имущество другому лицу.

вымогаемы были. А каждой наследник, что по наследству примет, то сам свое имение и очищать должен напоследок».

А чтобы не ходить в Вотчинную канцелярию и, что называется, «не светиться», «то вместо того он же, Полетика, завел ево {Михаила} в дом путивлького жителя Степана Коренева, где и шумственное разных чинов компания была, куда из оной Путивльской воеводской канцелярии книгу записную крепостей сыскавши, множественными, да к тому шумных людей голосами, принудили ево уже как бы часа два ночи у предписанной записи в книги росписатца». Вот при таких обстоятельствах, в два часа ночи, в шумной и пьяной компании молодой Михаил во всем, где положено было, расписался. «А прямо в Путивлькую воеводскую канцелярию знать он для того с ним, Михаилом, не поехал, чтоб не случилось ему увидитца ни с кем и с такими людьми, от коих могло б ему быть хотя малой по младости ево Михайловской предосторожности и наставления». При этом, чтобы подстраховаться, Михаил, на всякий случай, описал эти же события в другой своей челобитной, которую почему-то подал не в Воеводскую канцелярию, а в Путивльское духовное правление: «В чем от него в Путивльском духовном правлении и явочное челобитье в подаче имеется». При этом, по мнению Михаила, Григорий Полетика, завладев одной третьей долей всего весьма немалого наследства его, Михаила, матери, в течение двух лет нанес ему убытки в размере 1500 рублей.

Как мы видим, Михаил много чего наговорил на покойного отца, на сестру Елену и ее мужа Григория Полетику. Ввиду этого Елена начала полномасштабные разборки со своим братом.

27 апреля 1769 года она в своей челобитной[405] отвечает на обвинения ее и ее мужа, изложенные в жалобе Михаила, разоблачая и укоряя его: «Брат де ее Михайла Гамалеев в челобитье своем пишет несправедливо. А запись де писать велел он, Михайла, сам, будучи в совершенных летах, то есть более дватцати лет. И ссылаетца на присланныя в московскую Духовную консисторию из духовного Путивльского правления в 749 году о исповедавшихся, причастившихся, и не исповедавшихся книги или ведомости, в которых он от священников села Клепал, в коем он родился, в том году показан трех лет. И там, августа до 17 дня 1766 году, в коем он дал ей запись, будет ему дватцать лет семь месяцов и семнатцать дней.

Давал же он, брат ее, ту запись[406] сам добровольно и без всякого принуждения, за своею и за свидетелевыми руками, ведая точно подлинно за ним в Путивльском уезде и Малой России после отца и матери их осталось недвижимого имения не токмо в сем, вновь десять крат больше. В том числе почти половина отца их прикупных и жалованных земель и всяких других угодей, не считая движимого имения, чем всем он брат ее владеет.

А означенной де отец ее в своем недвижимом имении продать или заложить и в приданое отдать был волен. И на то никаких запретительных законов и указов не имеется. Да и он брат ее при жизни отца их ни в чем не спорил, и спорить ему нимало не следовало, и вышеписанные записи порочить не дельно.

А оныя де записи писаны в указных местах и совершены в силу законов, а не в шумственной, как он, брат ее, написал, компании и по его прозьбе подписаны честных людей дворян и афицеров руками.

Межа ж селу Николаевке написана с его согласия, как и в записи значит. Что ж касается да подачи явочного от него брата ее челобитья, якобы поданного в духовное Путивльское правление, то де того и в дело ставить не должно. Потому, что ему то явочное челобитье, естьми то было не справедливо в силу уложенного 10 главы 251 пункта, должно было подать в Путивльской воеводской канцелярии, якобы в надлежащем судебном месте. И он де сего не учинил, а вздумал сие написать напрасно, надеясь на дружбу путивльского протопопа Максима, которой в том Духовном правлении судиею и во брата ее домашния дела мешается и з оной от него снабдение получает. И просила, чтоб вышеписанное брата ее челобитье отставить, а недвижимое по посланному из коллегии в Путивльскую воеводскую канцелярию указу за нею отказать».

Уже через несколько дней, 5 мая, Михаил отвечает сестре[407]: «Хотя де она, Полетикина, в прошении своем и пишет якобы отец их ис покупных собою недвижимостей вольно и власть имел, утверждая за со-

[405] Дело Гаврилы Михайлова Гамалеи. Л. 421 об. – 422.

[406] Имеется в виду раздельная запись, данная Михаилом сестре Елене и ее мужу Григорию.

[407] Дело Гаврилы Михайлова Гамалеи. Л. 422–423.

бою село Николаевку с угодьи, и дал зговорную запись. Аднако ж оное село не покупное меченным отцом их, но населенное деда их полковника Ивана Григорьева сына Анненкова.

А от роду ему тогда было как запись писана осмьнатцатое лето.

Запись же у него чрез хитрости ево приятелей их происки и подлоги выпросили и при собрани у путивльского жителя Стефана Коренева шумственной компании не в указныя части и не в крепостной канторе в книге росписатца чрез производительныя шумственной компании и частныя прозьбы ево принудили.

Ведая ж она, Елена Политикина, ис путивльских предков их недвижимостей сколька ныне она во владении за собою имеет по законом преданным на подлежащую ее часть превосходит более как в три краты и хотя о том всемерно стараетца и потому ж льстясь к тем вышеписанным недвижимом с тем, яко неуказною частью но гораздо превосходящею, владеет.

И в закрывательство оного вышепредписанныя от отца и от него противно законом данныя записи утвердить не дельно и поданное от него спорное прошение опровергает напрасно.

И в том своем прошении в 2 пункте показывает якобы селу Николаевки межа учинена с ведома ево вовсе не справедливо по оному, как он о том уведомился подлинно, то после того на другой или в третей день в Путивльском духовном правлении принужден записать явочное прошение, кое и подано и замечено не протопопом путивльским Максимом, но принето путивльским же игуменом Мануилом Молченского Андрея. А протопопа Максима в ту пору не точию в присудствии, но и в доме не имелось. А находился в Малороссийском Нове Городке Северском по некоторому от Святейшаго Правительствующего Синода порученному ему делу следователем. Почему оною челобитную за недействителную никак причесть не возможно.

А как де в прошлом 766 году оная сестра ево Елена Полетикина с мужем своим и приятелями запись у него выпросила, в ту пору происходило ему от роду осмьнатцать лет подлинно, а не так как она, Полетикина, показывает якобы дватцать лет семь месяцов и семнатцать дней, и просил чтоб тое поданную от имени сестры Елены челобитную отставить».

Михаил настаивает на неправых действиях отца, еще раз подтверждает незаконные действия мужа Елены при оформлении раздельной записи, укоряет Елену в том, что она имеет во владении имения более чем втрое превосходящие причитающиеся ей по закону, а также продолжает настаивать на своем более молодом возрасте.

В июне и июле продолжаются их препирательства. В челобитных от 15 июня и 2 июля Михаил продолжает настаивать на своем более молодом возрасте, требует выписок с метрических книг и проблему межевания земель имения в Николаевке полностью возлагает на своего шурина. Елена, со своей стороны, в жалобе от 26 июня объявляет активность Михаила желанием затеять волокиту по их спорному делу. По поводу возраста Михаила она находит ведомость Путивльского духовного правления 1750 года, в которой Михаил показан четырехлетним. Дополнительно, раз за разом, повторяет свои доводы, изложенные в предыдущих челобитных.

Тем временем, наблюдая, как бранятся родные брат и сестра, к спорящим начали присоединяться соседи — помещики, которые еще с давних пор имели свои претензии на поместья и вотчины Гамалеев.

Как указывалось выше, первыми объявились премьер-майор Иван Васильев сын и поручик Иван Ильин сын Череповы. 28 января 1769 года в спор вступил Леонтий Никифоров сын Черепов — потомок Василия Иванова сына Черепова — первого помещика Карпиловки и ее основателя. Леонтий вспомнил обмен вдовы Дарьи Леонтиевой[408] жены Черепова с клепальским помещиком Зиновием Пановым в ноябре 1693 года, когда Панов получил земли в окрестностях деревни Карпиловки[409] (см. разд. 1.4.7). В общем, спорная тема была «богатой» и спорить было о чем. Тем более что и Елена Полетика еще в 1767 году выдвинула свои претензии на эти земли и потребовала их отказать на себя. Этого же требовал и Михаил Гамалея, который в челобитных от 10 октября 1768 года и 11 февраля 1769 года обосновывал свои права.

[408] Леонтий Иванов сын Черепов – герой «пасечного» дела с Зиновием Пановым.

[409] Спор по этим землям начался уже в следующем 1694 г., когда «владеть этими землями Зиновию Панову было не велено». Далее к спору подключились потомки помещиков Шечковых, которые в 1717 г. не позволили получить эти земли другому клепальскому помещику – Семену Неплюеву.

Между тем аппетиты Череповых росли от часу на час: 29 апреля 1769 года в очередной своей челобитной Леонтий Никифоров сын Черепов начал спор по наследным поместьям Якова Черепова, которые делились после смерти последнего в 1681 году. Теперь он жаловался, что его пращурам не достались земли и крестьяне в селе Клепалы, вспомнил о давних спорах за «примерные» земли в деревне Клепальском городище, а также о «неправильных» писцовых книгах писца Семена Муромцева 1684–1686 годов.

Ввиду такого поворота дел, в спор вступил еще один помещик — Василий Яковлевый сын Вощинин — внук Марины Череповой. В своей челобитной от 20 ноября 1769 года[410] он припомнил все более ранние споры его предков с Зиновием Пановым, Иваном Анненковым, Семеном Неплюевым и Иваном Гамалеей. Из последних переделов он указывает на раздельную запись Михаила Гамалеи от 14 августа 1766 года, касающуюся имений Елены Полетики. В частности, он отмечает, что Михаил «в записи написал из недвижимаго имения в селех Байдурском (Пески то ж), в Чаплищах, в Мануховке, в Череповке, в Лухтовке, назвав яко одного принадлежащия крепостныя. В которой записи сам собою и межу урочищам написал и включая и ево Василья Ващинина дачи. Но как отец ево Иван, так и он, Михайла Гамалей, ево недвижимым имением в селе Клепалах, в деревни Лосиной (Черепова то ж), и в Титовой Дуброве, хутор с рощею у Долгова болота завладели безо всякого резону».

В результате все участники перессорились между собой: Череповы спорили не только с Гамалеями, но и с Вощиниными, а Вощинины с Гамалеями. Не собирались также мириться и Михаил с Еленой. Михаил еще раз повторил все свои ранее представленные в Вотчинную коллегию претензии и обвинения в своей новой челобитной от 27 августа 1770 года.

В последующее время поток жалоб от помещиков иссяк, а Вотчинная коллегия собрала, наконец, все справки по жалобам и копии всех документов. В результате была сформирована огромная выписка, содержащая копии документов и ответы на запросы. С этой выпиской были ознакомлены все стороны спора. Помещики на ней расписались с указанием своих замечаний.

Целый год был потрачен чиновниками Вотчинной коллегии на формирование решения по этому делу. И только 19 августа 1771 года тяжущимся сторонам было предъявлено определение на 30 страницах, содержащее 23 пункта, с описанием каждого спора и принятого по нему решения. Столь объемный документ имеет свою историческую ценность, поскольку в нем собраны сведения о поместьях и вотчинах участников споров с середины XVII и до середины XVIII века. Здесь приведены копии многих документов, указаны даты совершения сделок. Некоторые из документов XVII века позднее были утрачены, но приведенные в определении копии позволили выверить ранее описанные события и более полно воссоздать картину жизни и деятельности путивльских помещиков.

Рассмотрим это определение в части, касающейся Михайлы и Елены Гамалеев. При этом отметим, что все претензии Череповых и Вощининых к Гамалеям были отвергнуты. Однако не надо искать в этом заслуг Михаила или Елены. Это заслуги их предков, которые уже спорили по этим поместьям и ранее выиграли дела по ним: их прадеда Зиновия Панова, деда Ивана Анненкова и его дочери, а их бабушки Марии, их матери Марфы, и отца Ивана Гамалеев. Кроме того, по многим жалобам Череповых и Вощининых истекли нормативные сроки, по которым они могли оспаривать ранее принятые решения и подавать апелляции по ним. В результате, к счастью для Гамалеев, никакого недвижимого имущества их род в этих спорах не потерял.

При формировании определения в части спора Михаила с сестрой Еленой чиновники Вотчинной коллегии вполне поверили доводам Михаила. Почему бы и нет, — кому же, как не ему самому, знать все обстоятельства спора с сестрой и свой точный возраст. Тем более что он самолично опроверг ранее созданный им же документ о наследстве (раздельную запись). В результате в определении Вотчинной коллегии появилось следующее решение[411]: «По смерти ж онаго отца ево он Михайла оставшее, как отцовское, так и материнское имение с братом своим Николаем розделили. А при том розделе ее, Еленину, указную ее частию утвердить и отделить он, Михайла, на себя принял, почему село Николаевку со всеми угодьи, как при выдаче ее,

[410] Дело Гаврилы Михайлова Гамалеи. Л. 429–429 об.
[411] Там же. Л. 443–445.

Елену, замуж, отдано по записи утверждает на указную ее, Еленину, часть. Да еще де он, Михайла, ей, Елене, отдал в Путивльском уезде в селах Байдурском, Чаплищах, Мануховке, Череповке, в деревнях Юрьевке, Лухтовке земли со всеми угодьи с людьми и со крестьяны, не оставливая за собою в тех деревнях ничего все без остатку **отставить**». Последнее слово в этом фрагменте является, собственно, решением Вотчинной коллегии: «отставить» — значит отменить. То есть все действия Михаила, связанные с отделением сестре имений в Николаевке и в других селах и деревнях, признавались незаконными.

Далее, ссылаясь на ту часть челобитной Михаила, где он обвинял отца в том, что он не имел права выделять дочери Елене не свою, а жены своей Марфы часть имений, в определении указывается: «А во всех отцу их Николаеву и Михайлову Ивану Гамалееву после жены ево, а их матери, на указную тож и следующие сестре их Елене Политиковой во всех же местах части **и утвердить оных не можно**, для того когда он, Михайла Гомалеев, поданными своими спорными челобитными помянутую запись спорит и показывает, что де отцу ево ис того жены ево, а ево Михайловой матери, недвижимаго часть, коя с хотя ему и надлежала, только де он за собою не справя, над всем тем имением до совершеннаго их детей своих возраста за опекуны был, то де само собою части себе выделять и кому либо оную продавать или даровать, записью утверждать законной власти не имел. Так де следовательно и за оною своею дочерью, а ево родною сестрою, в приданые давать сверх указной своей части и вышеписанных матери ево недвижимых **не следовало**». То есть признана незаконной отдача покойным Иваном Гамалеей в приданое своей дочери не его, а своей покойной жены, части имений.

При этом все указанные Михаилом незаконные действия Григория Полетики при составлении и оформлении раздельной записи были признаны только отягощающими обстоятельствами, однако не опровергающими указанные выше решения Вотчинной коллегии. По этой причине действия Григория Полетики не расследовались. Действительными или вымышлиными они были — этого мы теперь не узнаем.

Далее Вотчинная коллегия приняла вполне логичное решение, которого никак не мог ожидать Михаил: «В таком случае и тот учиненной им, Михайлом, с братом ево розделом действительным быть не может, понеже как выше ис того ево, Гамалея, челобитья значит, что когда уже означенная писанная от него, Михайла, сестре ево запись писана не в совершенных ево летах, то уже коль ми пачи и тот с братом ево роздел, как оной еще прежде той записи учинен, по тому ж ниже дватцатилетнего ево, Михайлова, от рождения возраста, почему и оной тож означенному указному определению **отставить надлежит** же, о чем сим и определено, понеже по имянному блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго 1714 году марта 23 дня указу по 4-му пункту повелено, покамест наследники недвижимых вещей до дватцати лет возраста своего не придут, а другие оставшияся в движимых имениях обоего пола, до вышеписанных лет не приспеют, никаким их письмам или записям не верить, которые прежде тех лет явятца у кого».

Своей неуемной горячностью и отсутствием опыта ведения таких дел молодой Михаил сам перечеркнул свои и брата Николая усилия по разделу имений покойного отца, равно как и приданого своей сестры. «Наломал дров», как говорится, «по полной» …

В результате пункт решения по братьям Гамалеям и сестре Елене был кратким, но жестоким для них: «Елене Политиковой во всех местех отца ее и ее указные части дать. А достольному за Михайлою Гомалеем с братом Николаем **пополам быть и определено**. А чего против приданой данной от Ивана Гомалея дочери ево Елене Политикиной на село Николаевку записи не достанет четвертной пашни, людей и крестьян, в том бить челом ей, Елене Политиковой, особо».

Таким образом, Елене предписывалось получить только указную, отцовскую часть, имений в Николаевке. Все старания ее мужа Григория Полетики отказались напрасными.

Главное здесь то, что оставшуюся часть имений покойного Ивана Гамалеи и его жены Марфы (это практически все имения) надлежало разделить пополам между их сыновьями — братьями Николаем и Михаилом. Особо это огорчило Михаила, поскольку по завещанию отца ему полагались все имения в Путивльском уезде, за исключением имений Елены. А теперь всё предписывалось разделить пополам с братом Николаем. Реакция Николая на такой результат спорного дела нам не известна. Ему по этому определению «свалилась» половина имений в Путивльском уезде, хотя по завещанию отца не полагалось ни единой пяди.

Пункты определения точно указывают имения, которые следовало получить в качестве приданого Елене Полетике. А именно, ей доставалось всего одна четверть земли в Николаевке, еще 21 четверть в Клепалах, 10 четвертей в Карпиловке. Всего, вместе с другими мелкими наделами, 67 четвертей. Совсем не то, на что она претендовала.

Братьям Михаилу и Николаю отделили по 119 четвертей. В том числе по 55 четвертей в селе Клепалах и по 26 в Карпиловке.

Таким образом, получалось большое «лоскутное одеяло», заполненное их долями в разных местах. По два-три хозяина в каждом селе и в каждой даже самой мелкой деревне. Понятно, что такое решение не устроило никого из Гамалеев. Даже Николая, который после спора с Михаилом в 1766 году уехал в свои новые владения в Малороссии в село Борщево, ни о чем не спорил и только наблюдал издалека за спектаклем раздела недвижимого имущества в Путивльском уезде. При этом, к его чести, не вступая в этот спор.

В результате 19 августа 1771 года Елена подала в Правительствующий Сенат апелляцию на решениие Вотчинной коллегии. Этим решением остались недовольны и Череповы. Свою апелляцию оформил Леонтий Никифоров сын Черепов. С этого времени спорное дело велось в 6-м департаменте Правительствующего Сената.

Прошло еще 4 года, но дело было далеко от разрешения. Такой ход событий быстро отрезвил Михаила и Елену, охладил их пыл к дальнейшим взаимным претензиям. Брат и сестра быстро сообразили, что лучше бы им помириться. Сформировался компромисс: Михаил под тяжестью полученных результатов отказался от своих требований и обид. А Елена и ее муж Григорий Полетика согласились не претендовать на дополнительные имения из наследства матери Елены Марфы.

Тем временем 15 января 1775 года в селе Борщеве умер Николай — брат Михаила и Елены. В этом селе по состоянию на 1767 год было за ним 672 крестьянина мужского пола и 631 — женского. Николай был похоронен в Воскресенской церкви этого села[412]. Его имение наследовали его жена и дети.

Что касается имений в Путивльском уезде, то к лету этого же года Михаил и Елена пришли к обоюдному согласию. 18 июля 1775 года в Путивльскую воеводскую канцелярию была подана их совместная челобитная (рис. 2), в которой они заявили следующее[413]: «Имелось у нас, Михайлы и Елены, в Государст-

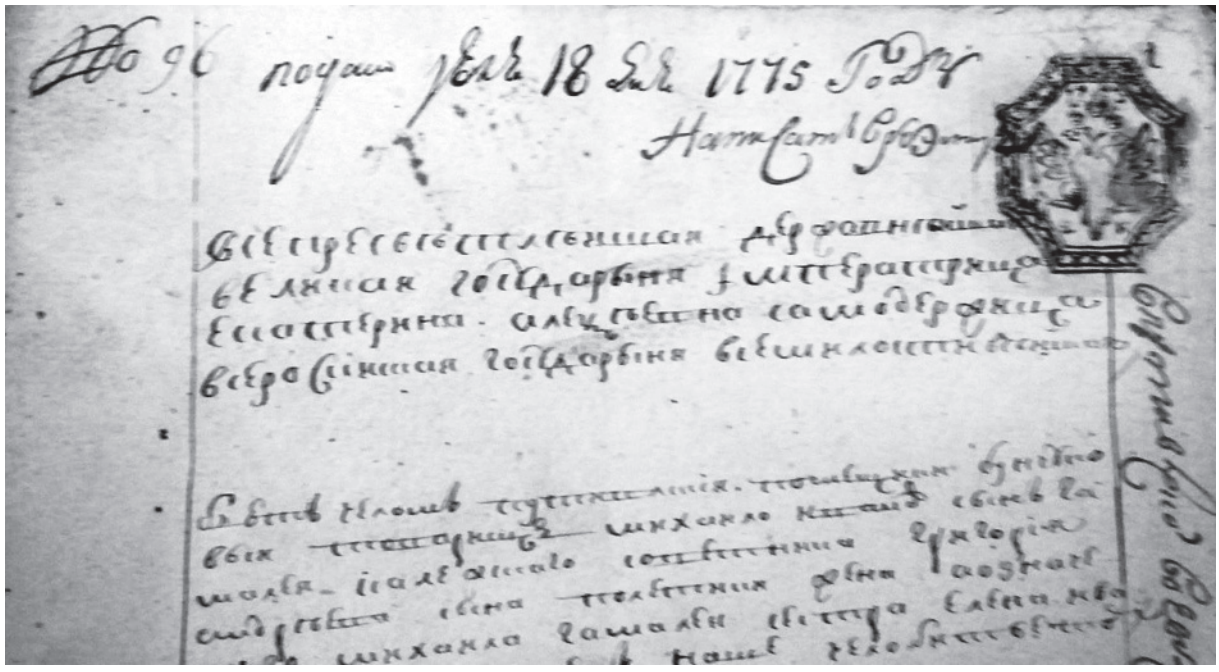


Рис. 2. **Фрагмент челобитной о примирении Елены и Михаила Гамалеев**

[412] *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 1. Киев:Тип. т-ва Г.Л. Фронцкевича и К., 1908. С. 247.

[413] Дело по челобитью путивльского помещика Михайлы Гамалея и Елены Полетикиной о примирении. На 4 листах (РГАДА. Оп. 2. Д. 201. Л. 1–3 об.).

венной вотчинной коллегии в 3-м департаменте по челобитным моим Михайлину спорное дело противу челобитья моего Еленина, коим я просила о справке и об отказе за собою после матери нашей родной Марфы Ивановой дочери по отце Анненковой, а по муже Гамалеевой, путивльскаго ее недвижимаго имения, даннаго мне, Елене, по записным: по 1-му: в 763 году декабря 17 числа от отца нашего генеральнаго судьи Ивана Андреева сына Гамалеи, следующаго по смерти матери нашей, на седьмую часть. По 2-му: в 766 году августа в 14 день от мене, Михайлы, сверх оной наследующую ж мне, Елене, указную четвертую на десять части, по которому делу подаваемимы челобитьями я, Михайла, те записи порочил, а я, Елена, те Михайлины споры опровергала, по каковым обстоятельствам в прошлом 771 году оное дело Государственною вотчинною коллегиею решено.

И по решении я, Елена, будучи тем решением не довольна, подписала аппеляцию, почему оное дело и отослано к разсмотрению в Правительствующий Сенат в 6-й департамент, где и поныне имеется нерешено.

А ныне мы, Михайла и Елена, поговоря меж себя полюбовно, ввойдя в подробность самаго существа и происхождении дел, разобрались. И по означенному производимому между нами спорному и в Правительствующей Сенат на аппеляцию взятому делу помирились.

А все наши родавые матери нашей Марфы Ивановой дочери роду Анненковой и покупные отцом нашим Иваном Андреевым сыном Гамалеею путивльския недвижимыя имении, уступая один другому по способности к одним местам, вновь переделили.

А где кому что именно досталось, о том один другому дали раздельные мировыя записи, писанныя в Путивльской воеводской канцелярии у крепосных дел.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие наше мировое челобитье в Путивльской воеводской канцелярии принять и справить с означенными учиненными между нами записьми против оных нас именованных в подтверждение допросить. И те допросы из запися и копии ко утверждению за нами написанных в тех записях имении и ко оное принадлежит до Государственной вотчинной коллегии».

Брату и сестре понадобилось девять лет, чтобы «поговоря меж себя полюбовно, ввойдя в подробность самаго существа и происхождении дел», наконец, во всем разобраться.

Не откладывая дело в долгий ящик, в этот же день, 18 июля 1775 года, в Путивльской воеводской канцелярии был произведен допрос Елены и Михаила (рис. 3), в котором они своими подписями и подписями свидетелей подтвердили свое согласие с произведенным разделом[414]:

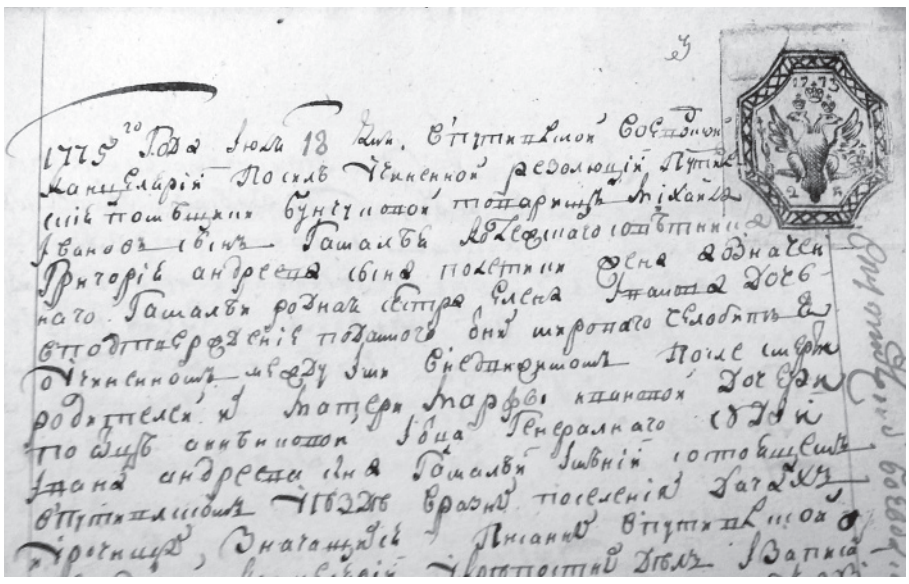


Рис. 3. **Фрагмент допроса Елены и Михаила Гамалеев**

«1775 го года июля 18 дня в Путивльской воеводской канцелярии по силе учиненной резолюции путивльския помещики бунчуковой товарищ Михайла Иванов сын Гамалея, коллежскаго советника Григория Андреева сына Полетики жена, а означеннаго Гамалеи родная сестра, Елена Иванова дочь в подтверждение поданного от них мироваго челобитья о учиненном между ими в недвижимом после смерти родителей — их матери Марфы Ивановой дочери по отцу Анненковой и отца генераль-

[414] Там же.

наго судии Ивана Андреева сына Гамалеи имении, состоящем в Путивльском уезде в разных поселениях дачах и урочищах значащихся, писанных в Путивльской воеводской канцелярии у крепосных дел и записанных в книгу записях, добровольном между собою разбирательстве в присуствии при свидетелех нижеподписавшихся показали:

Оне, Михайла Гамалей и сестра ево Елена Полетикова, у недвижимых по смерти матери их Марфы Ивановой дочери по отце Анненковой и от отца генеральнаго судии Ивана Андреева сына Гамалеи имениях, состоящих в Путивльском уезде в разных селениях дачах и урочищах, полюбовно меж себя разобрались и ко владению один другому по способности ко одним местам уступили. А где кому что именно значит в учиненных между ими о переделе, того имения и данных записях, к коим сами руки приложили и свидетели по их прошениям подписались.

И оные в Путивле у крепосных дел записаны и те записи, в коих изъяснили, что они между собою имеющуюся по спорам в Государственной вотчинной коллегии о показанном имении и уже взятому к рассмотрению на аппеляцию в Правителствующий Сенат в 6-й департамент претензию оставляют, и те записи учинили.

А челобитье за общими руками в Путивльской воеводской канцелярии подали справедливо, без всякаго между собою какого обманства и других вымыслов, которые, как запись, так и челобитье за действительные утверждают.

И впредь по оным ни в чем в малом и великом спорить, прекословить и опорочивать как челобитьями, так и другими прозьбами, они, Михайла и Елена, не будут. Причем просят, чтоб и тех учиненных между ими записях копии и допрос ко утверждению за ними значющихся по записям имениях за каждым тех селений дач и урочищ отослать в Государственную вотчинную коллегию.

А им к безпрекословному и безспорному владению, изключая записи, как оныя имеются у них подлинные их челобитья и допросов, дать за скрепою копии.

К сему допросу путивльский помещик бунчуковый товарищ Михайла Иванов сын Гамалея руку приложил. К сему допросу путивльская помещица руку приложила Елена Иванова дочь Полетикова. При сем допросе майор Семен Прокофьев сын Масюков свидетелем был и руку приложил. При сем допросе прапорщик Максим Степанов сын Дубровский свидетелем был и руку приложил. При сем допросе прапорщик Иван Иванов сын Железняков свидетелем был и руку приложил. При сем допросе прапорщик Василей Иевлев сын Шемепсов (?) свидетелем был и руку приложил».

Вот фотокопия рукоприкладств Михаила и Елены (рис. 4).

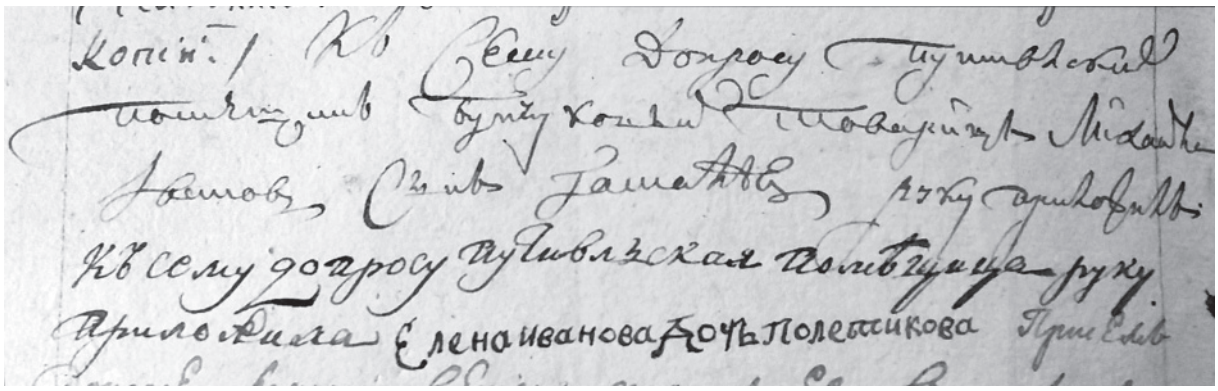


Рис. 4. Рукоприкладства Михаила и Елены Гамалеев

Обратим внимание на написанное идеальным почерком рукоприкладство Михаила Гамалея: «Къ сему допросу путивльский помещикъ бунчуковый товарищъ Михаила Ивановъ сынъ Гамалея руку приложилъ». А вот в рукоприкладстве Елены преамбула была написана писцом: «Къ сему допросу путивльская помещица руку приложила», а далее печатными буквами: «Елена Иванова дочь Полетикова». Елена смогла написать только свое имя, фамилию и отчество. Да, в то время женщинам даже столь высокого положения не требовались навыки письма. Письма писали дворовые люди. Они же читали послания, адресованные

своим госпожам. Молодых девушек учили другим навыкам. При этом стоит заметить, что Елена была дочерью генерального судьи Малороссии и женой Григория Полетики, который был, в частности, автором труда «Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском», состоял на службе в Академии наук и в Священном Синоде в качестве переводчика, был автором ряда книг, переводил на русский язык книги на иностранных языках.

Мировая челобитная вместе с копиями раздельных мировых записей и записью их допроса были направлены в Вотчинную коллегию и в 6-й департамент Правительствующего Сената.

Ввиду того, что в Сенате все еще велось спорное дело между Череповыми и Михаилом Гамалеей, решение по мировым записям Елены и Михаила было принято только в 1776 году, когда Сенат предписал[415]: «Взятое из Вотчинной коллегии дело и поданную от Гамалея и от сестры ево мировую челобитную, кои при сем прилагается, оставя с нее в Сенате копию, отослать во оную Севскую {воеводскую провинциальную канцелярию}[416] при указе, и велеть по челобитной поступить по законам». В Севске дело между Еленой и Михаилом было благополучно завершено. Отцовские имения наконец были разделены.

2.1.8. Михаил Иванович Гамалея

После смерти Ивана Андреевича Гамалеи село Клепалы было отказано младшему его сыну Михаилу Ивановичу. Основные сведения о нем находим в Малороссийском родословнике В.Л. Модзалевского[417]:

«Родился 21 мая 1746 года в селе Клепалах Путивльского уезда. Бунчуковый товарищ (1772–1776); член Малороссийской Генеральной счетной комиссии (1772–1773); с 1779 года — коллежский асессор; то же в 1784 году. Путивльский уездный предводитель дворянства. 18 июня 1775 года уступил сестре Елене Путивльского уезда село Николаевку и село Черепово. Владел селом Семеновкой Конотопского уезда, слободами Лесной (1781 г. — 21 двор) и селом Рожнами (в 1781 г. — 35 дворов), Новоместной сотни, совместно со свояком Василием Родзянком. За ним Конотопской сотни хутор около деревни Лобковщины и село Семяновка, 73 двора, 1781 год.

Жена — Екатерина Григорьевна Бороздна, родилась в 1746 году, дочь бунчукового товарища, за нею Стародубского уезда часть села Ярцова, деревни Мацковщины, слободы Лесной и деревни Рожнов, Глуховского уезда село Баничи, проданные в 1788 году».

Дети Михаила Ивановича и Екатерины Григорьевны:

- Иван Михайлович, 1768 г.р., с 1787 года — на службе в гвардии, 16 января 1787 года — сержант лейб-гвардии Измайловского полка; то же, в 1789 году; майор (1808–1833), курский помещик (1808). Умер 2 апреля 1833 года бездетным.
- Георгий Михайлович, 1771 г.р. На службе в гвардии с 1785 года. 11 июня 1787 — сержант дейб-гвардии Измайловского полка, то же в 1789 году. Умер бездетным. {На самом деле он родился 28 мая 1772 года. Об этом имеется актовая запись № 21 в метрической книге Николаевской церкви с. Клепалы[418]}.
- Гавриил Михайлович, родился 28 мая 1776 года в селе Клепалах Путивльского уезда (следующий помещик села Клепал). С 1785 года на службе в гвардии. 11 июня 1787 года — сержант лейб-гвардии Измайловского полка. 16 декабря 1794 года — капрал. 1 января 1795 года — армии ротмистр. 1799 года — майор Черниговского керасирского полка. 12 ноября 1800 года уволен со службы. 20 мая 1804 года — подполковник, коллежский советник (1826–1834). Почетный смотритель Конотопского уездного училища (1833). За ним в селе Семяновке, Клепалах и др. 784 души (1831). Жена — Ульяна Александровна Эссен, дочь генерал-лейтенанта.

[415] Дело Гаврилы Михайлова Гамалеи. Л. 447 об.

[416] Город Севск в то время был административным центром провинции, в которую входил Путивльский уезд.

[417] *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 1. Киев:Тип. т-ва Г.Л. Фронцкевича и К., 1908. С. 247, 252.

[418] *Цибка В., Шевченко Т.* До питання про генеалогію Гамалеїв // Харьковск. істор. альманах. Вып. 8–9. Прил. 4. 2003.

- Матрона Михайловна 1773 г.р. {Матрона родилась в Клепалах 9 ноября. Последнее найденное упоминание о ней датируется 22 октября 1793 года, когда вместе со старшим братом секунд-майором Иваном Михайловичем они были крестными отцами у Ефросиньи, дочери священника Ивана Васильевича Троянского[419]}.
- Мария Михайловна 1776 г.р.» {Выявить действительную дату рождения Марии Михайловны не удалось, но была выявлена актовая запись № 19 в метрической книге о ее смерти от 4 мая 1771 года[420]}.

Михаил Иванович вполне успешно продолжал войны с помещиками-соседями за спорные земли. Как, немногим ранее, его отец Иван Андреевич воевал с Семеном Неплюевым и Григорием Масалитиновым, так и Михаил со своим соседом — Иваном Симоновичем Гендриковым[421]. В архивах РГАДА имеется указ Белгородской губернской канцелярии по челобитной приказчика Ивана Симоновича Лазаря Петрова сына Клишина об убийстве подданными Михаила Гамалеи трех человек Гендрикова. Вот выдержки из этого документа[422]: «Указ Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержицы Всероссийской из Белагородской воеводской канцелярии. По Указу Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Белагородская губернская канцелярия по челобитью вотчины его сиятельства господина генерал аншефа действительнаго камергера и разных ординов коволера графа Ивана Симоновича Гендрикова Салтовского уезду слободы Рубежной управителя Лазаря Петрова сына Клишина, коем объявляет: в прошлом 1771-м году в августе месяце в Путивльской воеводской канцелярии его сяительства от поверенного канцеляриста Ильи Фалимонова подано было доношение о наглом и разбойническом нападении минувшаго июля 28 дня Путивльского уезду его сиятельства слободы Борыни на подданных черкас, кои на крепостных его ж сиятельства дачах в урочищах между речки Чаши и Попова ярка метали в скирды сено.

Бунчуковаго товарыща Михайлы Иванова сына Гомалея подданными черкасы и крепостными людьми во многолюдном собрании человек до пяти сот и болея с нарядным делом, с копьеми, и с протчим орудиями. И в смертном убивстве ис тех его сиятельства подданных черкас трех человек: Григорья Кириченка, Михайлы Серенка, да Лукьяна Рычкаленка. А протчих в перебитии и переувечивании мучительски.

В котором смертном убивстве представленной в Путивльскую канцелярию к допросу значковаго товарища[423] Антона Ильенка подданной молороссиянин Федор Мартынов сын Казарь показывал, что из означенных убитых его сиятельства малороссиян одного точно видел у реченного Гамалея состоящей на речки Чаши при мельницы у сеней мирошника[424] Герасима».

Далее, в этом же указе, отмечается, что это уже не первое челобитие Гендрикова с жалобами на Михаила Гамалею. Ранее были и другие, о «насильном завладении земли и протчем». Однако никакого движения по этим жалобам ни в Путивле, ни в Севске не последовало. Ввиду этого поверенный Гендрикова заключает, «что оной Гомолея Севской канцелярии с присутствующими имеют всегда компании и дружество»,

[419] Там же.

[420] Там же.

[421] Граф Иван Симонович Гендриков (1719–1778) – генерал-аншеф, племянник императрицы Екатерины I. Екатерина II по вступлении на престол пожаловала лейб-кампанцев, принимавших участие в возведении ее на престол, в кавалергарды, а Гендрикова назначила 5 июля 1762 г. шефом Кавалергардского корпуса. 30 декабря 1764 г. Гендриков уволен был от службы «для поправления домашнего его состояния», так как «по причине умножившегося на нем великого долга не в состоянии себя содержать здесь (то есть в Петербурге) без крайнего себе разорения». При увольнении ему было пожаловано 30 000 рублей на уплату долгов. (Гендриков Иван Симонович // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Гендриков,_Иван_Симонович. (06.08.2025)).

[422] Дело по указу из Белгородской губернской канцелярии по челобитью графа Ивана Симоновича Гендрикова управителя Лазаря Клишина об отсылке в смертном убийстве трех человек подданными Михайлы Гамалеева. На 4 листах (РГАДА. Ф. 558. Оп. 3. Д. 201. Л. 1–4).

[423] Значковый товарищ – низший титул значкового войскового товарищества, введенный в Гетманщине во второй половине XVII в. Значковое войсковое товарищество – привилегированное казацкое сословие в Гетманщине. Было подчинено, в зависимости от ранга, лично гетману или старшине. (Значковый товарищ // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Значковый_товарищ. (06.08.2025)).

[424] Мирошник – мельник. (*Прим. авт.*)

а в Путивльской воеводской канцелярии по делу о «смертном убивстве подданных его сиятельства черкас трех человек суда не было и {дело} не зачето» (то есть не начато). Ввиду этого все жалобы велено отослать «мимо Севской правинцыи городов Белагородской правинцыи в Миропольскую воеводскую канцелярию». Чем завершилось это дело, мы не знаем. Скорее всего, ничем.

Как это напоминает дела Семена Неплюева против Ивана Гамалеи! И Иван Андреевич, и Михаил Иванович умели заводить связи в канцеляриях города Путивля и окрестных городов.

Рассмотрим теперь другую грань жизни Михаила Ивановича. А именно, его отношения со своим шурином — мужем сестры Елены Григорием Андреевичем Полетикой. Эти отношения были далеко не простыми. Еще со времени, когда производилось выделение имения его сестре Елене в селе Николаевке в качестве приданого после ее замужества. Тогда, в 1768 году, в ходе спора с Еленой, Михаил обвинял Григория в неправомерных действиях и в принуждении к выделению Елене лишних поместий (см. разд. 2.1.7). Тем не менее Григорий Андреевич не держал зла на Михаила и по мере возможностей помогал ему в спорах с Череповыми в Правительствующем Сенате. Сохранилось письмо Григория Полетики жене Елене от 6 февраля 1777 года, в котором он описывает свое участие в делах своего шурина[425]: «Брат {Ваш} Михайло Иванович по приезде моем сюда {в Санкт-Петербург}, просил меня, чтоб я о его деле, где надлежит, поговорил и попросил; сие я с охотою и исполнил, ибо первый раз как я пошол к Петру Васильевичу Заводовскому[426], не говоря ни слова о своих делах, столько говорил и изъяснял его дело, что он сам того учинить был бы не в состоянии и сие мне тем лучше сделать удалось, что весь сей разговор был в присутствии бывшего там же генерал-майора Черепова[427], который может быть тому свидетелем. Тож самое учинил я у генерала рекетмейстера[428] Маслова[429].

Но Михайло Иванович тем еще был недоволен: он вздумал, чтоб я, оставивши мои собственные дела, бегал везде и просил о его делах, понуждая меня к тому сперва словами, а потом и письмом, изъясняя в оном, что я ищу мертваго, оставя живое, и устращивая, что Леон Черепов[430] хочет нашею Николаевкою также делиться, как и его деревнями.

Я ему, хотя и не отказывал в моем старании, однако говорил ему, что сие я должен делать при хорошем случае, когда мне у Заводовскаго и у других быть случится. За сие изволил он осердиться, и уже недели с две у меня не бывает, а когда вчера я послал его звать с собою во дворец и на обед, то он отказался.

Я в вечеру сам к нему заехал, но он меня принял весьма холодно и первую весть мне сказал, что жена его к нему пишет, что Черепов похваляется на Николаевку. Я ему в ответ сказал, что я Черепова не боюсь и когда он коснется к Николаевке, то бить велю, потому что она в дележ не принадлежит, будучи поселена на дачах Лухтовских, купленных дедом вашим Анненковым.

Потом стал было ему говорить о деле, но он мне с грубостью отвечал, что он меня по своему делу беспокоить не хочет и что у меня своих дел много, а он уже и сам по своему делу просил, и когда я его спросил, на каком оно основании находится, то он мне не сказал.

---

[425] Частная переписка Григория Андреевича Полетики. Письма к жене, из Петербурга от 22 января 1772 г. и от 6 февраля 1777 г. // Журнал Киевская старина. Т. LX. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1893, январь. С. 509–512.

[426] Петр Васильевич Завадовский – фаворит императрицы Екатерины II. В 1775 г. был назначен кабинет-секретарем. Состоял при императрице, «у принятия челобитных»; с января 1776 г. – генерал-адьютант, а 28 июня 1776 г. был пожалован чином генерал-майора. (Завадовский Петр Васильевич // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Завадовский,_Пётр_Васильевич. (05.08.2025)).

[427] Генерал-майор Гавриил Петрович Черепов – правнук Ивана Иванова сына Черепова – владельца (совместно с братьями Василием и Петром) земель в Диком поле между Клепальским и Выгоревым городищами с 1650 г. (см. разд. 1.4.3). Гавриил Петрович в то время спорил с Михаилом Гамалеей в Правительствующем Сенате за поместье и вотчину в Клепалах, а также за другие поместья в Путивльском уезде.

[428] Генерал-рекетмейстер – главный рекетмейстер; должностное лицо, принимавшее и докладывавшее прошения и жалобы в Российской империи XVIII в. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Генерал-рекетмейстер.

[429] Николай Иванович Маслов – действительный тайный советник, сенатор, генерал-рекетмейстер.

[430] Прапорщик Леонтий Никифоров сын Черепов – потомок Леонтия Иванова сына Черепова – героя «пасечного» дела в Клепалах. Спорил с Михаилом Гамалеей и его сестрой Еленой за земли в селе Николаевке.

Хотя его {Леонтия Черепова} безумный гнев и устращивания вовсе не страшны, однако прикажите Федору[431], чтоб он об сем обстоятельно разведал, и в случае, что Черепов вздумает с отказом[432] приехать и в нашу деревню, чтоб он к тому всеми силами не допустил и отказщика с будущими при нем прогнал, о чем я и сам к нему пишу и приказую». Здесь еще раз проявляется непростой характер Михаила, который был виден и ранее, в спорах его с сестрой Еленой в 1768–1771 годах.

Тем временем письменные высказывания Григория Андреевича (кстати, довольно сдержанные) дошли до Михаила Ивановича от помещиков Стародубского и Путивльского уездов. Последнее очень огорчило Михаила, и он в своем письме из Клепал сестре Елене от 21 января 1779 года в довольно резких выражениях жалуется на ее мужа[433]:

«Милостивая государыня моя, сестрица Елена Ивановна. Новым годом имею честь Вас проздравить, желаю усердно одной Вам во истинном благополучии провождать и пользоватца всякими благощастиями.

О себе же объявляю, что будучи крайнейше огорчен непохвальным поступком вашего супруга, как видно забывшего правила честности, неудовольствовавшагося разнообразно меня обидеть несправедливейше, сверх того слышу поношения чести моей не принадлежащия, почему восприял чрез сии начертании вам объяснитца.

Судите сами, любезная сестрица, безпристанно: когда я еще не знал совести вашего супруга, как он вошел неблагопристойным ласкательством в покойницу Анну Ивановну[434], которую удалось ему обойти, приведя со мною во вражду (чего, если бы он имел отличную совесть, любя же вас чистосердечно не следовало бы и помыслить мне зла, вашему брату) не токмо войтить в оное предосудительно и тем меня напрасно разорять, дружбу и любовь свойственную разорвать вечно, увидя же, что я начал искать, вошел во всякия несоответствующия летам и чести его пристойности и вражду, как он неусыпно старался, чтоб Анна Ивановна по суду недвижимость и движимость мне не отдавала, но и людей крепостных, купленных моим отцом и матерью, от меня неправильно отторгнуть, присоветовав ей дать отпускныя, которыя он сам сочинял и вместо ей подписался[435].

Вот совесть и душа, и любовь к жене видна. Он рад бы шурина и дневнаго пропитания лишить. Ныне ж, не ведаю за что, он на меня сердица и разные напрасные поговоры со укоризною и ругательством чинит, как у вас в Стародубском полку, да и здесь в Путивльском уезде, некоторым хвастая, произносил, будто он мне по делу помог в Петербурге, чего никогда не бывало, и если бы он помог, то бы я до сих пор кончил дело, ибо оное дело находилось у генерала рекетмейстера {Маслова}, куда он нарочно за оным делом никогда не езжал и не просил, и денег ваш супруг своих ни полушки не терял, хотя он должен был старатца и деньги тратить, пользуясь вашим имением путивльским, как сие есть общое наше дело. Будучи ж он завелико ставить сочинение письма, которое оставлено и в дело не пошло.

Во спомоществовании же мне по делу от супруга вашего времяны ему недоставало за обременением его собственными делами, как з господами Корсаками {?} и с родным его братом, чрез которые он также не по летам ево репутацию странную себе приобрел, подвергая себя предосуждению крайнему; как и сие ему не в стыд, поверенным от Ивана Ивановича Бороздны[436] быть против меня.

Такия действия супруга вашого я, вообразивши себе, часто содрагаюсь, что он, будучи человек степенных лет[437], забывает себя. От него бы следовало мне примеры брать, если бы они завидны были, но чего

[431] Федор Бартош – управляющий имением Григория Полетики в Николаевке (из переписки Г.А. Полетики с женою Еленой).

[432] Приехать с отказом – приехать с целью отказа (передачи) имения кому-либо. (*Прим. авт.*)

[433] Частная переписка Григория Андреевича Полетики. Письма родных Г.А. Полетики. Письмо Михаила Ивановича Гамалеи к сестре Елене Ивановне Полетике, из с. Клепал. 1779 г. 21 января // Журнал Киевская старина. Т. L. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1895, июль. С. 96–99.

[434] Анна Ивановна Рагузинская – вторая жена Ивана Андреевича Гамалеи, отца Михаила Ивановича.

[435] 31 августа 1766 г. Анна Ивановна переписала Елене в Погарском уезде село Юдинов, село Чеховку с хуторами Волотинским и Чеховским, а также двор и лавки в Погаре (*Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 1. Киев:Тип. т-ва Г.Л. Фронцкевича и К., 1908. С. 247–248).

[436] Иван Иванович Бороздна – брат Анны Ивановны.

[437] Григорий Андреевич Полетика был на 19 лет старше Михаила Ивановича.

хорошего мне ожидать к доброжелательству от него, когда он не пощадил своего родного брата вогнать тяжбами в печаль, через которую он лишился и жизни[438]; что в таком случае остается для шурина безвинного, котораго он ищет на чести и славе вечно опорочить там, где несправедливостью убедить не успевает.

Однако сторонные люди довольно увидят и поразумеют его и меня; а надобно бы супругу вашему, имев старыя леты, обозретца и разсудить о жене и детях малолетних, дабы никогда не оставить для них нескончаемых клопот; с моей же стороны я вам довольно оказал свойственной любви, когда по решению Вотчинной коллегии отдана было мне село Николаевка[439], но я вам по одному человеколюбию уступил, а супруг ваш ни как сего не почувствует и за благодеяние не щитает: видна такова его совестная благодарность. Однак я надеюсь на Бога, который наградит мне за усердие и правильной мой поступок перед вами. Хорошо вашему супругу свое благополучие основывать на собственном моем имении, которое предки мои кровью, не щадя своей жизни, заслужили, а супруг ваш мыслит сторонно попользоватца, тоскую злым переподом право, и будучи против совести сам виноват, меня же напрасно ругает.

О деле ж нашем общем, хотя супруг ваш много кое чего говорит, однако формально не знает, на чем оное приостановилось, а я вам чрез сие уведомляю, что по оному оказался подлог, учиненный уже после рукоприкладства наших поверенных и после решения припискою такой статьи, о которой и в деле не было упомянуто, из чего и суперник взял и апелляцею. И так оно началось уже следствием и взяты с кого надлежало ответы. Надеюсь на Бога, что Черепов не будет прав, по чему я один несу великие убытки, а вы денег на дело не даете, а Николаевкою любите владеть.

Итак, оканчивая сие, свидетельствую и я и жена моя, наше вам почтение и прошу покорно вас, любезная сестрица, супруга вашего уговорите, чтобы меня он впредь напрасно не злословил и не ругал, ибо сие по его летах и учению не есть прилично меня ругать безвинно, а пусть бы сохранил при старости лет своих спокойствие, чего усердно я желаю дождатца видеть. Впрочем, пребываю с почтением вас, м. г-не {милостивой государыне}, моей сестрицы покорнейший слуга и усердный брат Михайла Гамалея».

Как мы видим из представленных писем, спор по поместьям и вотчинам Гамалеев в Путивльском уезде продолжили генерал-майор Гавриил Петрович и прапорщик Леонтий Никифорович Череповы. Со стороны Гамалеев этот спор вел Михаил Иванович. После мирового раздела имений покойного отца Ивана Андреевича Елена и ее муж Григорий Полетика отстранились от участия в спорах с Череповыми.

В 1773 году последовала апелляция прапорщика Леонтия Никифоровича Черепова, в которой он оспорил имения в селе Клепалы и деревне Карпиловке. Его спорное дело с Гамалеями было передано в Правительствующий Сенат, где было начато новое расследование, которое завершилось через три года. 16 сентября 1776 года Сенат вынес решение в пользу Леонтия Никифорова сына Черепова, согласно которому имение Зиновия Панова в Клепалах (основные и примерные земли) требовалось разделить между Гамалеями и Череповыми. То есть фактически отменил результаты межевания 1685 года писца Семена Муромцева. При этом была отмечена ошибка Вотчинной коллегии в формировании решения 1771 года по этому вопросу. «А при том коллегии подтвердить, чтоб она поступала в решении дела по той силе по разуму законов, а не так, как дело судила {в 1771 году}, ибо в прativном случае оштфавана быть имеет по строгости указов»[440].

Понятно, что решение Сената 1776 года не устроило Михаила. Опять последовала его апелляция. Спор продолжился с новой силой. Михаил подал в Сенат еще два челобития: в 1777 и 1778 годах. Кроме того, в 1778 году в спор вступил генерал-майор Гавриил Петрович Черепов. Определением от 22 марта 1778 года 6-й департамент Сената начал очередное, новое расследование.

В 1783 году Михаилом Ивановичем были обнаружены приписки поверенного человека Леонтия Черепова, сделанные в выписке Вотчинной коллегии уже после рукоприкладств. Именно об этих приписках

[438] Этот эпизод биографии Г.А. Полетики не исследован.

[439] Имеется в виду решение Вотчинной коллегии от 19 августа 1771 г., когда земли в селе Николаевке были разделены между братьями Николаем и Михайлом Гамалеями, а также их сестрой Еленой. По мировому соглашению между ними от 18 июля 1775 г. имение в Николаевке было отдано Елене и ее мужу Григорию Полетике (см. разд. 2.1.7).

[440] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 447 об.

Михаил сообщает сестре Елене в приведенном выше письме. По просьбе Михаила к делу подключили Московскую уголовную палату, которая засвидетельствовала приписки, но не нашла в них состава преступления, подлежащего уголовному преследованию. В 1788 году Михаил пытался обжаловать решение Уголовной палаты, но безрезультатно.

Новое решение Сената по спорному делу Михаила Гамалеи и Череповых последовало 23 августа 1789 года. На этот раз все закончилось в пользу Михаила. Чиновники 6-го департамента Сената подняли результаты последнего межевания земель в селе Клепалы, произведенного в 1782 году, и вычислили реальные площади поместья и вотчины Зиновия Панова. При этом они доказали, что межевание 1685 года не задело поместья Череповых. Ввиду этого было повелено[441]: «По всем сим обстоятельствам споры об оных ста пятидесяти четвертях Леонтья Иванова сына, а по смерти его претензию о том же самом внуком означеннаго генерал маиора Гаврилы Череповых, равно как и претензию прапорщика Леонтья Никифорова сына Черепова по присвояемой им из жеребья Василья Иванова сына Черепова по мене дедов его части **уничтожить**, а решение Сената 6-го департамента 776 года августа 3 го дня о бытии того примерным сто пятидесяти четвертям не за одним Зиновьем Пановым, а за всеми, **отменить**. В последствие же сего по присланному Сената 6-го департамента 778 го года марта 22 го дня определению, а по нем посланному указу, никакого вновь о том разсмотрения не чинить. А быть тем ста пятидесяти четвертям единственно в роде Зиновья Панова на таком же основании, как выше сего и о поместных дватцати четвертях сказано, предоставя каждому по вышепрописанным дачам надлежащее получить по производимому в тех местах дарственному или особенно на их кошт межеванию».

Таким образом, Сенат отменил свое решение 1776 года по Клепалам, и село, и земли вокруг были возвращены потомкам Зиновия Панова, то есть Гамалеям. Более того, Сенат объявил это решение окончательным и запретил новые споры по этому поводу. Спорщикам Череповым Сенат указал, в случае необходимости, судиться с Гамалеями по другим имениям, например в деревне Карпиловке, в суде низшей инстанции. Это была большая победа Михаила Ивановича.

Тем временем Михаил продолжал расширять свои владения. В июне 1777 года двумя купчими он выкупил у наследников Григория, Романа и Артемия Ивановых детей Череповых земли на Диком поле между устьем озера Клепало и Выгоревским логом, а также земли от вала на Вирской дороге вверх по речке Выжлице.

Вот копии этих купчих[442].

{Копия купчей на земли в Диком поле и на речке Выжлице от попов Андреевых Михайле Гамалею от 20.06.1777}:

«Лета тысяща семь сот семьдесят седьмаго июня в двадесятый день города Путивля из дворян церкви Рождества Христова священник Алексей, диакон Микифор Андреевы с сестрою своею родною Федосьею по отце Андреевою дочерью Синельниковы, а по мужу однадворца Павла Маркова сына Деменина, в роде своем не последния, продали мы путивльскому помещику бунчуковому товарыщу Михайле Иванову сыну Гамалею принадлежащее нам по наследству после смерти покойной матери нашей Аграфены Артемьевой дочери Череповой. А ей следующее от отца ее, а нашего деда родного именованного Артемья Иванова сына Черепова, справленное и отказанное за ним, отцом ее, а нашим дедом, означенным Артемьем недвижимое имение, состоящее по дачам 184 (1676)[443] и 185 (1677)[444] годов, кое значится по отказу (передаче) в 1745-м году показаннаго Артемья Черепова за дочерью Матреною Семеновскою женою Кашинцова в Путивльском уезде за рекою за Семью в пустошах вверх речки Выжлицы с урочищи, да на реке на Семи усть озера Клепала с урочищи ж, что из части показанного деда нашего в тех урочищах с лесы, з дубровы, с сенными покосы, с рыбными ловли, с усадьбы и поселенными на оных малороссияны, с мельничными местами, и со всеми угодьи какие сыскатца могут и принадлежать будут, а по дачам в Государственной вотчинной коллегии явится все без остатку.

[441] Там же. Л. 452 об.

[442] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 12–13 об.

[443] См. отказные книги Григория, Романа и Артемия Ивановых детей Череповых (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 64 об.).

[444] Ноябрь 7185 г.

А за оное недвижимое имение взяли мы, Алексей, Никифар и Федосья, у него, Михайлы, денег сто рублев.

Напред же сего оное недвижимое имение от нас никому не продано, не заложено и ни в какие крепости, кроме сей купчей, не укреплено. Коим ему, Михайле, жене, детем и наследником ево владеть вечно, бесповоротно и без выкупа.

А если оное недвижимое имение от него, Михайлы, по каким ни есть крепостям отойдет, то ему, Гамалею и наследникам ево, взять с нас Алексея, Микифора и жены те свои данныя деньги с пошлины же сполна, а харчи (издержки) и убытки по указу.

При писании сей купчей о неутание договарной цены указ 1752 году июля 29 дня объявлен.

К сей купчей города Путивля церкви Рожества Христова иерей Алексей Андреев сын Синельников в том, что обще з братом своим дияконом Никифором ис сестрою Федосьею путивльскому помещику бунчуковому товарыщу Михайле Иванову сыну Гамалею принадлежащее нам по наследству недвижимое имение, состоящее в Путивльском уезде за рекою за Семью в пустошах верх речки Выжлицы с урочищи на реки на Семи усть озера Клепала с урочищи и со всеми угодьями, как в сей купчей значит, продали и денег сто рублей взяли, руку приложил.

К сей купчей тоя ж церкви диякон Никифор Анреев сын Синельников и вместо сестры своей Федосьи Андреевой дочери по муже Демениной в том, что вышеписанное недвижимое имение обще з братом священником Алексеем показанному Гамалеи продали и денег сто рублей взяли за себе и за неумением ее грамоте, по прошению руку приложил.

К сей купчей путивльской помещик отставной капитан Зиновей Семенов сын Кашенцов свидетелем был и руку приложил.

У сей купчей рыльской помещик капитан Афанасей Семенов сын Воропонов свидетелем был и руку приложил.

Путивльской помещик правинцыальной секретарь Захарий Иванов сын Никифоров у сей купчей свидетелем был и руку приложил.

Перваго новоформирующагося компанейскаго полку капитан Моисей Демьянов сын Галаховской.

Сию купчую писал Путивльской воеводской канцелярии подканцелярист Иван Казьмин 1777-м году июня в 20 день.

Сия купчая в путивльской крепостной канторе писана и в книгу подлинником записана. Пошлин по шести копеек с рубля шесть рублей, от письма десить, от записки пятнатцать, накладных десять копеек, на расход три копейки четверть, за герб семьдесят две копейки. Итого семь рублей десять копеек четверть взято. Принел и совершил надсмотрщик Иван Филипов».

{Копия купчей на земли в Диком поле и на речке Выжлице от Михаила Барсукова Михайле Гамалее от 26.06.1777}

«Лета тысяща семь сот семьдесят седьмаго июня в дватцать шестый день путивльской помещик из дворян прапорщик Михайла Максимов сын Борсуков, в роде своем не последней, продал я путивльскому помещику из дворян бунчуковому товарыщу Михайле Иванову сыну Гамалею ис покупного мною в прошлом 1775 м году у порутчика Якова Федорова сына Трифонова недвижимого имения, следуемого ему по смерти бездетно умершей тетки ево Анны Михайловой дочери господина генерал маеора Гавриловской жены Петрова сына Черепова, по наследству бабки ево Яковлевой Агафьи Петровой дочери по отцу Шечковой деда его Ивановой жены Трифоновой в Путивльском уезде в Подгородном стану в пустоши Диком поли на реке на Семи усть озера Клепала против озера Влукова к озеру Глушицы, да от валу вверх по речке по Выжлице по обе стороны, что новопоселенная слободка, называемая ныне Карпиловка, четвертные пашни с лесы и с сенными покосы, с рыбными ловли и со всеми угодьи, и с крестьянскими усадьбы, на которых жительство имеют вольные люди черкасы, что по наследству продавцу моему, а ис того по его купчей мне следует в вышеписанных урочищах окроме других мест все без остатку и с насильным владением, и подлежащим за оное иском.

А взял я, Михайла, от него, Гамалея, за вышеписанное недвижимое имение денег сто рублев.

А наперед сего вышеозначенное проданное мною недвижимое имение от меня Михайлы обще с протчим покупным у него ж порутчика Трифонова недвижимым имением, хотя и было заложено путивльскому помещику правинцыальному секретарю Захару Иванову сыну Никифорову, но у него одно вышесказанное продаваемое недвижимое имение для сей продажи выкуплено. А окроме того, иному никому не продано и ни у кого окроме сей купчей, не укреплено.

А владеть оным имением ему, Михайле, и наследником ево вечно бесповоротно. А очистка[445] оному по указу буде ж.

То проданное мною недвижимое имение от него Михайлы и от наследников ево отойдет иному кому, то ему, Гомолею, и наследником ево взять на мне, Михайле, и на наследниках моих данные свои деньги сполна. А харчи и убытки по указу.

При писании сей купчей и показывании договорной цены без утайки указ 752 го году июля 29 дня продавцу и покупщику объявлен и запрещения не имеется.

А для лутчего ж владения с подлинным крепостей точныя копии при сем выдал.

К сей купчей из дворян помещик Михайла Максимов сын Барсуков отставной прапорщик в том, что вышеозначенное недвижимое имение ис насильным владением в одних тех урочищах, которые в сей в купчей написаны, окроме других мест, бунчуковому товарыщу Михайле Иванову сыну Гамалеи продал и денег сто рублев взял руку приложил.

А что в сей купчей на первой страницы почищенному написано сверху в семнатцатой странице, в двацать четвертой страницу, тому верить и не спорить.

У сей купчей путивльской дворянин пришеб маиор Гаврила Александров сын Содинков свидетелем был и руку приложил.

У сей купчей путивльской помещик секунд маиор Федот Матвеев сын Литвинов свидетелем был и руку приложил.

У сей купчей путивльской дворянин отставной прапорщик Иван Андреев сын Трифонов свидетелем был и руку приложил.

Купчую писал з дозволения надсмотрщикова путивльской купец Иван Денисов сын Выводцов 1777 году июня в 26 день.

Сия купчая в путивльской крепостной канторе писана и в книгу подлинником записана.

Пошлин по шести копеек с рубля шесть рублев, от письма десять, от записки пятнатцать, накладных десять, за переходную страницу пять капеек, на расход три копейки четверть донетых, за герб семьдесят две копейки. Итого семь рублей пятнатцать копеек четверть взято. Принел и совершил надсмотрщик подканцелярист Иван Филипов. Читал канцелярист Василей Чупров. Поверенной сержант Алексей Шкирев обратно к себе взял и росписался».

В августе 1782 года началось межевание земель в Путивльском уезде, в том числе и на землях сел Клепалы и Чаплищи, пустошей Дикого поля и Выгорева городища, а также деревни Карпиловки. Опять возникли споры с окрестными помещиками. Велось спорное дело в Курской межевой конторе. Детали межевания и сами споры будут рассмотрены позднее. Скажем только, что все закончилось в 1788 году в пользу Михаила Ивановича. По результатам спора, 20 мая 1788 года, было произведено бесспорное межевание Дикого поля между селом Клепалами и деревней Выгоревкой. Законным владельцем этих земель был признан Михаил Иванович.

Успех спора в Курской межевой конторе позволил Михаилу Ивановичу успешно завершить спор с Череповыми в Правительствующем Сенате.

Это была его полная победа. Напомим, что споры по Клепалам и окрестным селам и деревням велись Череповыми с 1685 года. К тому времени уже 100 лет. Теперь это был не тот двадцатилетний юноша, который «наломал дров» в разделе недвижимого имущества своего отца. Прошло более 20 лет, и Михаил Иванович успешно решал важные для него дела.

[445] Очистка – погашение долгов, недоимок, залогов и т.п.

Выигранные дела в Правительстующем Сенате и в Курской межевой конторе заметно подняли авторитет Михаила Ивановича в глазах путивльских помещиков: он был избран путивльским уездным предводителем дворянства.

Дата смерти Михаила Ивановича Гамалеи точно не установлена. Последнее, известное нам, упоминание о нем относится к 1789 году, когда он выиграл дело в Правительствующем Сенате.

2.1.9. Межевание земель в селе Клепалы в 1782 году

В 1765 году императрица Екатерина II повелела начать грандиозный проект национального масштаба. Предстояло в деталях описать главное богатство России — ее землю, создать единый кадастр. Межевание затронуло тридцать пять губерний, площадь учтенных земель составила 275 миллионов десятин.

Генеральное межевание — это мероприятия по установлению точных границ отдельных владений. 19 сентября 1765 года правительством Екатерины II был обнародован «Манифест о генеральном размежевании земель во всей империи с приложением генеральных правил, данных Межевой комиссии и высочайше утвержденного реестра о ценах на продажу земель в губерниях и провинциях». Целью специальных межеваний являлось определение границ частным участкам отдельных владельцев, находящимся в окружной меже.

Рис. 1. **Межевой штемпель**

Межевание проводилось с момента опубликования Манифеста и до конца XIX века Самой императрицей был предложен девиз генерального межевания: «Каждой при своем»; он присутствовал на рисунке межевого штемпеля диаметром 93 мм для планов и на прочих межевых бумагах (рис. 1).

Мероприятия по межеванию сопровождались юридической проверкой по документам прав помещиков на их земли, фактической проверкой границ и конфискацией незаконно захваченных помещичьих земель. При генеральном межевании 1765–1888 годов производилось фактическое и документальное закрепление наличных землевладений помещиков со следующими целями: прекращение земельных споров частных владельцев, определение и закрепление фактическое, на планах и в юридических документах границ земельных дач, учет государственного и частновладельческого земельного фондов.

Для организации и проведения работ в 1765 году была создана Комиссия о Государственном межевании под председательством сенатора, генерал-аншефа П.И. Панина. В том же году эта комиссия была переименована в Межевую экспедицию Сената. Впоследствии межевое дело возглавил заведовавший в те годы юстицией и финансами Российской империи князь А.А. Вяземский. Под его руководством были созданы важнейшие документы: «Инструкция землемерам к Генеральному всей империи нашей земли размежеванию» и «Инструкция межевым губернским канцеляриям и конторам».

Работа Межевой экспедиции заключалась, помимо прочего, в том, чтобы на основании полевых материалов составлять план каждой отдельной земельной дачи в масштабе 100 саженей в дюйме (1:8 400) (в 1 см 84 метра).

Работа при межевании начиналась с установления старшим землемером границ дач. Он это делал по показанию землевладельцев и понятых (свидетелей). Если возникали споры, то старший землемер, выдав спорящим так называемый спорный билет, передавал дело об утверждении границ в губернскую межевую контору.

После установления границ производилось измерение межи и одновременно делались постоянные межевые знаки[446].

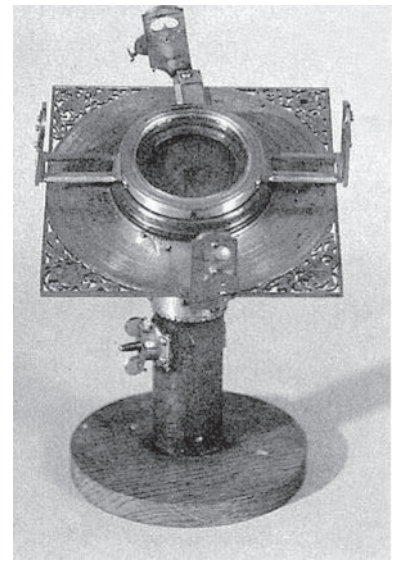


Рис. 2. **Астролябия**

Дополнительно, для проведения межевания, была выпущена специальная инструкция[447]: «Наставление Правительствующаго сената из Межевой експедиции определенным к государственному земель размежеванию землемерам. С изъяснением, какою методою и верными правилами оное размежевание производить, дачи с ситуациею снимать, и с того генеральной и специальной планы сочинять. С приобщением форм всем письменным землемерами производствам, и что сверьх того в следствие конфирмованных инструкцей землемерам же и межевым канцеляриям с канторами исполнять должно». Вот некоторые моменты из Наставления: землемеру полагались компас, астролябия (рис. 2), десятисаженная (21,2 м) цепь, деревянная сажень (2,12 м) с более мелкими насечками, колья, веревки, землемерные столбы. На почине, в начале межи, надо было выкопать две ямы на сторонах смежных владельцев: шириной 1,5 саженей (3,18 м) и глубиной 1 сажень (2,12 м). В ямы предписывалось класть угли и дикие камни (тяжелые, едва можно их приподнять одному человеку). В починные ямы — по 5 камней, а в прочие — по 3. В одной сажени от ям ставился починный столб. Все столбы по меже были высотой 2 аршина (1,4 м), закопанные на 1 аршин (71 см), на них полагалось высекать по две грани: одна взад по меже, а вторая — вперед. Над гранями на столбе выжигался государственный герб.

Рис. 3. **Межевая команда**

Межевание проводила межевая команда (рис. 3), в которую входил старший землемер (или уездный землемер), а также (не всегда) его помощник, который отражал ход межевания в полевом журнале. Интересы помещика представлял его доверенный человек. В команду включали также крестьян, которые носили измерительные инструменты, копали межевые ямы и устанавливали межевые столбы.

В Курской губернии, к которой принадлежал Путивльский уезд, генеральное и специальное межевания проводились с 1782 по 1797 год. В качестве исходных рассматривались межи между имениями по состоянию на сентябрь 1765 года. То есть на дату выхода Манифеста Екатерины II о генеральнм межевании.

Специальное межевание дачи села Клепалы проводилось в августе и октябре 1782 года. Его ход описан в документе «Полевые записки. Село Клепал»[448], которые составлял землемер поручик Петр Иванович Сомов.

Для участия в межевании тогдашний помещик села Михаил Иванович Гамалея выделил своего поверенного — сержанта Алексея Шкирева. В соответствии с Наставлением Правительствующего Сената

[446] В приведенном выше описании использованы ресурсы сети Интернет: Генеральное межевание Екатерины II (Ассоциация «Национальное объединение саморегулируемых организаций кадастровых инженеров»: [сайт] URL: https://ki-rf.ru/2019/02/03/Генеральное-межевание-екатерины-ii (06.08.2025). Дата публ.: 03.02.2019); Россия на картах: из фондов отдела картографии РНБ (Генеральное межевание 1765–1888 гг. URL: https://expositions.nlr.ru/ve/RA5837/generalnoe-mezhevanie. (06.08.2025)).

[447] Наставление Правительствующаго сената из Межевой експедиции определенным к государственному земель размежеванию землемерам (Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина: https://www.prlib.ru/item/713209 (05.08.2025)).

[448] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ед. хр. 4772. На 21 листе. Далее будем называть этот источник «Полевые записки села Клепалы».

Алексей дал письменную клятву следующего содержания[449]: «1782 году августа дня {дата не указана} при межевых делах путивльского и недрегайловскаго помещика коллежскаго ассесора Михайлы Иванова сына Гамолей поверенной сержант Алексей Шкирев чрез сие объявляю, что состоящее за верителем моим в Путивльском уезде село Клепалы, земли и всякие угодья отводить буду по самой сущей справедливости, где есть по прежним писцовым и межевым {книгам}, живым только урочищам и по владению, происходящему до 765 года. И как точно ныне он, веритель мой, владение имеет, не захватывая чужих земель и не уступая свои в постороннее владение для получения от других. И в случае с соседьми споров поступать буду со всякою тихостию. И объявляю самую истинну при том отводе казенных засек государственных порожжих земель и выморочного[450] недвижимого имения, где оные найдутся и для чего, конечно, не устою. Во время межевания на межу являться стану непременно в указное время и с межи самовольно, без ведома землемера, не отлучусь. И на межу больше требуемого числа землемером людей брать не буду. По требованию ж землемера, как под команду, так под дела и инструменты, надлежащее число подвод, равно ж и в понятые также сколько надобно будет работных людей давать должен без всякого отрицания к полевым межевым запискам. И по окончании межеванья к межевым книгам и планам руку прикладывать стану. Ссор, драк и никаких худых и противных указом поступков оказывать не буду. В противном же случае подвергаю себя всем предписанным в межевых инструкциях положениям».

Далее Алексей Шкирев подал краткую справку (сказку) по даче Михаила Гамалеи в селе Клепалы[451]: «В том селе Клепалах за верителем моим по последнем поданным к ревизии скаскам сто тритцать восемь дворов; в них крепостных мужеска сорок три женска сорок две {души}. Подданных мужеска пять сот тритцать две, женска четыреста девяноста одна душа[452]. Смежные со оным селом дачи села Чаплищ владения маэора Василья Яковлева сына Ващинина с разными владельцы, деревни Выгоревки владения карнетов Антона и Николая Лихачевых со владельцы, деревни Красной (Карпиловка то ж) владения титулярного советника Петра Шечкова с разными владельцы.

К сей скаске колежского ассесора Михайлы Иванова сына Гамолеи поверенной сержант Алексей Шкирев руку приложил».

Как и следовало ожидать, перед межеванием объявились помещики, у которых имелись претензии по межам. Согласно Наставления Правительствующего Сената, эти претензии необходимо было обозначить перед началом межевания. Охотников всё переделить нашлось много. Со своими требованиями выступили: подполковник Кирилл Леонтьевич Черепов; подпоручик Григорий Васильевич Масалитинов; поручик Иван Ильин сын, прапорщик Андрей Герасимов сын, Николай Тихонов сын Череповы; поручик Григорий Григорьев сын Титов; вдова Семена Неплюева Екатерина Игнатьевна с детьми: секунд-майором Николаем Семеновичем и дочерью Анной; секунд-майор Василий Яковлевич Вощинин. От них были поданы объявления, в которых были изложены их претензии и требования. Приведем для примера претензию, поданную Карпом Ракоедом, поверенным от семьи Неплюевых[453]:

«Объявление

В путивльской округи за рекою за Семью, в урочище Клепальского городища, от усть озера Клепала, что ныне село Клепалы, вышепомянутая госпожа моя обще з детьми своими имеют участие в земляных делах со усадьбы, в лесах, в сенных покосах, в рыбных ловлях. А владения не имеет. А состояло в завладений умершаго бунчуковаго товарища Ивана Андреева сына Гамалеи, а ныне владеит сын ево господин колежской ассесор Михайла Иванов сын Гамалей. Того ради, ваше благородие[454], покорно прошу сие мое объявление приняв, в полевой журнал записать. А вышеписанную госпожу мою обще з детьми ее от искавающих ко владению своих дач участниками именовать и о том учинить милостивое разсмотрение. Октября дня

[449] Полевые записки села Клепалы. Л. 1.

[450] Выморочный – оставшийся без владельца и без наследников (об имуществе, поместье).

[451] Полевые записки села Клепалы. Л. 1 об.

[452] Вначале указано число крепостных, а затем – число вольных черкас.

[453] Полевые записки села Клепалы. Л. 4–4 об.

[454] Обращение к землемеру.

{дата не указана} 1782 году. К сему объявлению оной же госпожи потполковницы Екатерины Игнатьевны Неплюевой подданной ее Григорей Стельмахов вместо поверенного Карпа Ракоеда по ево прошению руку приложил».

На оформление всех претензий ушло два месяца — сентябрь и октябрь.

Собственно межевание началось в октябре. Его проводил Петр Сомов. Поверенный Михаила Гамалеи Алексей Шкирев предоставил телеги для перевоза инструментов межевания (цепей, деревянной сажени, астролябии, веревок, лопат, столбов, камней и т. д.), а также крестьян для копания межевых ям и установки столбов. За межеванием, кроме Шкирева, следили доверенные люди помещиков-спорщиков. Ход межевания землемер записывал в полевой журнал. Поверенный Гамалеи Шкирев по ходу межевания показывал землемеру места установки межевых столбов, а также направления от одного столба к другому.

Вначале устанавливался первый (починный) столб с гранями, рядом копались межевые ямы, в которые укладывались большие камни и уголь. Шкирев указывал следующее направление межи. Землемер при помощи астролябии измерял угол на место установки второго столба. По этому направлению при помощи цепи и деревянной сажени измерялась длина линии до места установки следующего столба. Вымерив необходимое расстояние, ставился следующий столб и копались ямы: по направлению к предыдущему столбу и по направлению к следующему. В ямы клались камни и уголь. На втором столбе делались две грани: одна по направлению к начальному столбу, а вторая — в направлении на следующий столб. И так далее. На спорных линиях межи устанавливались «черные» (обожженные) столбы. В этих местах поверенные помещиков-спорщиков рассказывали землемеру свое видение межи, которое записывалось в полевой журнал.

По окончании межевания на основании полевого журнала формировалась полевая записка, под которой подписывались все участники межевания. Вот фрагмент полевой межевой записки землемера Петра Ивановича Сомова[455]: «1782 году октября {число не указано} дня землемер порутчик Петр Сомов выехал на межу для обмежевания дачи в Путивльском уезде в Засемском стану села Клепал владения коллежскаго ассесора Михайлы Иванова сына Гамалея. <…> А почин межи учинен от столба, поставленного мною при обмежевании дачи пустоши дикого поля, что усть озера Клепал. С того места взят починнои пункт на ромб 6 градусов, идучи тою линиею вверх озера Клепал, каторая между показанных дачь граничит межею. И, перешед показанное озеро в дву местах, направе от озера усадьба села Клепал, а налева за озером сенокос села Чаплищ показанных владельцов. И прошед ту линию до поворота и дошед до Печковскаго лога, которай устьем впал в озеро Клепальское. А за оным до земли того ж уезда и стану деревни Карпиловки общаго владения майора Петра Семенова сына Деханова и коллежскага асесора Михаилы Иванова сына Гамалея с протчими длина линии 540 сажень. С того места линия поворотилась вверх лога Печковскаго, которой у владельцов пополам, вправо на ромб от SO[456] 16 градусав а угол <…> {значение не указано} градусов. На повороте поставлен на берегу показанного лога и при устье онаго межевой столб с признаками. <…> При том пункте поверенной майора Деханова служитель Кирила Заньков, ходя из границ владения своево, как было до 765 года, спором показал, что с левой стороны земля якобы принадлежит к даче деревни Карпиловки, которою владеет из давних лет калежской ассесор Михаило Иванов сын Гамалеи насильно, по тому завладению в Севской канцелярии было челобитье в 1763-м году». И так далее, до окончания межи в устье озера Клепало. «Черные» столбы появились на межах села Клепалы со стороны деревни Карпиловки и со стороны Дикого поля.

В октябре основные работы по межеванию были завершены. Полевые записки Петра Ивановича Сомова вместе с другими документами (объявлениями о спорах, сказками поверенных и т. д.) были направлены в Курского наместничества межевую контору для принятия решений по спорам и оформления итоговых документов по межеванию.

Детально спор в Курской межевой конторе будет описан в следующем разделе.

Спорные дела завершились в 1788 году в пользу Михаила Ивановича. Законными были признаны межи, объявленные Гамалеей по состоянию на 1765 год. В результате 20 мая 1788 года землемером прапор-

[455] Полевые записки села Клепалы. Л. 9–10.

[456] SO (Süd-Ost) – *нем.* «юго-восток».

щиком Сафоном Каськовым был составлен бесспорный Геометрической специальный план Путивльского уезда села Клепал[457] (рис. XXIX). В центре мы видим межевой штемпель Екатерины II (см. также рис. 1).

Рассмотрим подробнее этот план. Вначале на нем приведены служебные записи:

«Сей план по свидетельству Курскаго наместничества межевой канторы явлен верен 1788 году августа 4 дня.

Статский советник Иаков Сонин.

Ассесар Федор Поповцов.

Порутчик Николай Кабков.

{Далее, справа, следует запись о поверке этого плана в 1857 году}:

«1857 года сентября 28 дня по указу Межевой канцелярии от 31 августа сего года за № 21645 учинена надпись: при поверки межи дачи села Чаплищ оказались разницы и написаны красными чернилами». {На плане вдоль правого (северного) берега реки Семи мы видим координаты 5 точек, написанные красными чернилами}.

Надпись делал пищик {подпись}

Поверен смотрителем {подпись}».

Затем следует описание владельцев этого имения:

«Геометрической спецыальной план Путивльскаго уезду села Клепал, которое состоят [вообще] во владении колежскаго ассесора Михайлы Иванова сына Гамалея.

А подполковник Кирила Леонтьев сын Черепов, подпорутчик Григорей Васильев сын Масалитинов, подполковница Катерина Игнатьева дочь и дети ее оскунт майор Николай, девица Анна Семеновы дети Неплюевы, секунд майор Василей Яковлев сын Вощинин чрез поверенных порутчик Иван Ильин сын, прапорщик Андрей Герасимов сын, дворянин Николай Тиханов Череповы, порутчик Григорей Григорьев сын Титов объявили, что во оном селе следует им по крепостям части земли, а владения не имеют.

А снятия, учиненнаго в 782 м году сентября 8 дня землемером порутчиком Сомовым. А по решению Межевой канцелярии спорив формальным межеванием оконченнаго в 1788-м году майя 20 дня землемером прапорщиком Карьковым».

Далее приведено описание самого имения:

«А внутри того владения, обмежеваннаго от всяк смежных владельцов одною окружною межею, по нынешней мере и по изчислению земли состоит пашни четыреста петьдесят одна десятина восемьсот сорок три сажени[458]. Лесу дровенаго шесть десятин триста дватцать сажень.

Под поселением, огородами, гумениками и конопляниками семьдесят десятин четыреста тритцать семь сажень. В том числе у свещенно и церковно служителей под поселением огородами, гумниками и конопляниками три десятины.

Под церковью и кладбищем тысечи двесте сажень.

Под полу-рекою Семью полу-озером Клепалами[459], осыпью, протоком и прудом одинатцать десятин две тысечи восемьдесят восемь сажень.

Под большими дорогами тритцать две десятины.

Под проселочными дорогами две тысечи сто сажень.

Всего во всей окружной меже пять сот семьдесят две десятины две тысечи сто восемьдесят восемь квадратных сажень.

А за исключением вышеписанных полу-реки и полу-озера, протока и пруда, большой и проселочной дорог, одной удобной земли пятьсот дватцать семь десятин тысеча шестьсот сажень.

За исключением же одних больших дорог пять сот сорок десятин деветь сот восемьдесят восемь сажень.

[457] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч. 1. К-24 (синий). Клепало село.

[458] Имеются в виду квадратные сажени.

[459] Межа проходила по середине русла реки Семи и озера Клепало.

Из того числа вымежена по ращоту церковная земля к состоящей во оном селе церкви во имя Николая Чудотворца с престолом Казанския Пресветыя Богородицы которая на плане под литерами ЦЗ.

На довольствии при той церкви свещенно и церковно служителей пашни восемь десятин пятьдесят сажень. Сенакосу одна десятина.

Под большою дорогою одна десятина пять сот дватцать сажень.

Всего десить десятине пять сот семьдесят сажень.

А за исключением большой дороги состоит удобной земли девить десятин петьдесят сажень.

За тем во владении осталось удобной земли пять сот пятнатцать десятин тысечи пятьсот пятьдесят сажень.

На семь числе во время межевания земли внутри окружной межи состояло за объявленным коллежским ассесором Гамалеем, за коем во оном селе по последней поданной к ревизии скаске состоит, мужеска полу крестьян сорок три, малоросиан пять сот тритцать две души, а ныне налицо то ж число.

Свидетельствовал чертежной директор порутчик Федор Чюдонков.

Межевал землемер капитан Петр Сомов.

А межу утверждал землемер прапорщик Каськов {подпись}.

Описание смежных земель {слева внизу}

От **A** до **B** Ч-2 {карандаш, позднейшая приписка} земля села Чаплищ владения майора Василья Яковлева сына Ващинина с протчими.

От **B** до **C** земля деревни Карпиловки. Общаго владения колежского асессора Михаилы Иванова сына Гамалея с протчими владельцы.

От **C** до **D** церковная земля, вымежанная по приходу и по ращоту из деревни Карпиловки к селу Клепалам, на довольствия при той церкви свещенно церковно служителей.

От **D** до **E** земля показной деревни Карпиловки реченного коллежского асессора Гамалеи с протчими владельцы.

От **E** до **F** Н-7 {карандаш, позднейшая приписка} № 240 Земля деревень Михайловки и Чаши владения вышеписанного колежскаго асессора Михаилы Иванова сына Гамалеи.

От **F** до **A** Д-5 {карандаш, позднейшая приписка} земля пустоши Дикого поля владения ево ж Гамалея.

{Далее, справа:} При сем межевании были и подписываются:

К сему плану поверенной коллежскаго асессора Михайлы Ивановича Гамалеи служитель Иван Мурзин руку приложил.

А прочия владельцы и поверенныя по посылаемым повесткам для рукоприкладства к сему плану и межевой книги не явились. В чем свидетельсвуют подписавшиеся понятые сторонния люди.

К сему плану села Клепал церкви Николая Чудотворца дьячек Емельян Зражевской вместо понятих сторонних людей, кои их имена писаны в межовой книге плана сего, за неимением грамоты по их прошению руку приложил».

Дополнительное описание этой дачи специального межевания приводится в экономических примечаниях[460]. Вот запись, относящаяся к селу Клепалы:

«№ 244 Село Клепалы владения коллежского ассесора Михаилы Иванова сына Гамалеи. В оном селе за спором церковной земли не вымежано.

число дворов 138, мужского полу 575, женского 535;

земли под поселением — 58 десятин;

пашни — 382 десятины 2086 сажень;

лесу дровяного — 6 десятин 320 сажень;

неудобной земли — 42 десятины 2370 сажень.

Итого: 409 десятин 2376 сажень.

[460] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 634. Л. 163–163 об.

Лежит по берегам реки Семи и озера Клепал по течению их и одного безымянного отвершка на левои стороне и по обе стороны безымянного отвершка. В том селе церковь деревянная во имя святого Чудотворца Николая с приделом Казанския Пресвятыя Богородицы. Дом господской деревянной. При нем два сада ир_регулярные с плодовитыми деревьями: яблановыми, боргомотными, гливными, дулевыми, сливными, терновыми, вишневыми, и отчасти и виноград. С коих собираются плоды, употребляются для домоваго господского обиходу. А дачею простираются по берегам реки Семи озера Клепалы и от безымянного отвершка на левой и оврага Пристенка на правой сторонах, и при больших дорогах, лежащих из города Путивля в города Белополье и Недригайлов. Показная река и озеро против селения и дачи в летнее жаркое время в мелких местах глубиною бывают в две сажени (4,26 м) шириною от дватцати (42,6 м) и до дватцами пяти (53,3 м) сажень. А овраг и отвершик течения, кроме полой воды не имеют. В реке и озере ловится рыба описанных в № 241[461] родов.

Земля грунта черноземнаго и посеянного на ней хлеба лучше родитца рошь, овес, пшеница и просо. А прочие семена средственны. Лес ростет дровяной дубовой, и березовой, и осиновой, которой для потоша[462] не способен. В нем звери: набегом бывают волки, зайцы; и птицы: тетеревы, саловьи, дрозды, скворцы, чижи, щеглы. Крестьяне состоят на издельи. Промышляют хлебопашеством к чему оне и радетельны.

Земли на помещика пашут двести десятин, а остальную обрабатывают всю на себя. Женщины сверх полевои работы упражняются в рукоделии, прядут лен шерсть и поскан, ткут холсты и сукна для своего употребления и на продажу, а частично и на помещика». Заметим, что урожай с паходных земель делился почти поровну между помещиком и его крестьянами и черкасами.

Аналогичный план был составлен по землям Дикого поля[463] (от устья озера Клепало до Выгоревского лога), принадлежащими также Михаилу Гамалее (рис. XXX). Межевание производилось 27 сентября 1782 года. В этом имении было 71 десятина пахотной земли. Причем, согласно экономическим примечаниям, всю эту землю крестьяне и вольные черкасы обрабатывали на себя.

В это же время у Михаила Ивановича, вместе с другими помещиками, были земли на речке Чаше (деревни Михайловка и Чаша) (рис. XXXI)[464]. Межа здесь показана красным цветом.

Приведем фрагмент описания этого имения в экономических примечаниях[465]:

«№ 240 Дача Чаского и Ослецкого городищи, на которой поселены деревни Чаши и Михайловка владения коллежскаго ассесора Михаила Иванова сына Гамалеи и жены ево Катерины Григорьевой дочери, подпорутчика Григорья Васильева сына Масалитинова, карнета Антона Фадеева, Николая Михайлова, сержанта Ивана Иванова, неслужащих дворян Игната Иванова, Алексея Иванова, вдовы мойорини Афимьи Афанасьевой, карнетини Марьи Петровой детей Лихачевых.

В деревни Чаши за ассесором Гамалеем, черкас 12 дворов 30 душ мужского, 43 женского полу.

Деревня Чаша лежит на берегу речки Чаши по течении ее на правой стороне. Деревня Михайловка лежит на берегу показаннои речки и отвершка безымянного по течению их на правой стороне и по обе стороны прудов и безымянного отвершка. На речке при селени их запружено по одному пруду.

В деревни Михайловки за ним же Гамалеем:
черкас 50 дворов;
по ревизии 219 мужеского полу и 213 женского полу;
налицо мужского полу 219, женского полу 213;
под поселениями 28 десятин 2220 сажень;

[461] Под № 241 приводится описание дачи села Чаплищи. Оно будет приведено позднее.

[462] Поташ – углекислый калий. До XX в. поташ был одним из важнейших промышленных химических реагентов. Его получали путем водной экстракции из растительной золы с дальнейшей очисткой до необходимого уровня. Производство было сосредоточено в местах, богатых лесом. Использовался поташ, в частности, при производстве пороха, а также в качестве удобрения. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Карбонат_калия (14.04.2025).

[463] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч. 1. Д-5 (синий). Дикое поле пустошь, что на реке Семи.

[464] Геометрический генеральный план города Путивля и его уезда 1785 г. (URL: https://oldmaps.ru/ (19.07.2012)).

[465] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 634. Л. 160–161.

пашни 3547 десятин 628 сажень;
сенного покосу 82 десятины 1200 сажень;
неудобной 185 десятин 1459 сажень.
Итого:
двора: 62;
мужского полу по ревизии и налицо: 249;
женского полу по ревизии и налицо: 256;
земли 3844 десятин 767 сажень.

А дачно простирается по берегам показанной речки и оврага Ржавца на правой, а Часкаго отвершка на левой сторонах, и по обе стороны речки Чаши трех отвершков Чаши и одново безымянного и при больших дорогах, лежащих из города Путивля в города Белополье и Недрыгайлов. Показная речка в летнее жаркое время против селения и дачи в мелких местах глубиною бывает в четверть аршина (18 см), шириною в полтора аршина (107 см), а овраг и отвершки течения кроме полой воды не имеют. В реке и в прудах ловится рыба: лини, плотва, ерши, вьюны и раки, которую употребляют жители для своих обиходов. Вода в речке ив прудах для употребления людей и скотом здорова. Земля грунта черноземного. Ис посеянного на ней хлеба лучше родится рошь, овес, пшеница и просо. А прочие семена, также и сенные покосы, травою против других жительств средственны. Подданные малороссияне состоят на здельи промышляют хлебопашеством, к чему оне и радетельны. Земли на помещиков пашут триста десятин. Да на себя пятьсот десятин. А остальная прочих помещиков земля обрабатывается разных сего уезда селениев крестьянами и малороссиянами на помещиков. Женщины сверх полевой работы упражняются в рукодельи, прядут лен шерсть и посканы, ткут холсты и сукна для своего употребления и на продажу».

Заметим, что из всех пахотных земель (3844 десятины) Михаилу Ивановичу приходилось около 800. Остальные земли принадлежали другим владельцам. Из этих 800 десятин помещику полагался урожай только с 300 десятин. Остальные 500 десятин крестьяне и черкасы пахали на себя.

Следующее имение, отмежеванное Михаилу Ивановичу, было на озере Глушица (рис. XXXII)[466]. Пахотной земли здесь не было совсем, однако было 22 десятины строевого и дровяного леса. «Лес ростет строевой дубовой, березовой и альховой. В отрубе от трех (13,4 см) до четырех вершков (18 см), вышиною от шести (12,8 м) до семи сажень (14,9 м)[467]». А также само озеро, мелкое (от 1 м до 1,5 м), но с карасями и линями.

И, наконец, имение на речке Выжлице в деревне Карпиловке. Данных по этому имению у автора нет.

2.1.10. Спор в Курской межевой конторе в 1783–1788 годах

При начальном отводе земель в «порозжих» землях пустошей Выгорева городища и Дикого поля точного межевания земель не производилось[468]. Не лучше обстояло дело с описанием межи Василия, Петра и Ивана Ивановых детей Череповых в верховьях речки Выжлицы. Первое точное межевание и описание результатов было произведено в 1685 году, когда помещик Зиновий Кузьмин сын Панов примежевал к своему клепальскому поместью «примерные» земли в Диком поле, что тут же привело к спорам с Череповыми и Лихачевыми.

К середине XVIII века споры так и не были улажены. В результате при межевании земель в рамках специального межевания в 1782 году межу Зиновия Панова (а в это время — Михаила Ивановича Гамалеи) на Диком поле оспорили сразу девять помещиков: подпоручик Григорий Васильев сын Масалитинов, потомки Данилы Лихачева: корнеты Антон Фадеев сын и Николай Михайлов сын, сержант Иван Иванов сын,

[466] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Г–9 (синий). Глушица пустошь.
[467] Там же. Л. 162–162 об.
[468] Детальное описание освоения земель Дикого поля и верховий речки Выжлицы были представлены в разд. 1.4.3, 1.5.1 и 1.5.2.

неслужащий дворянин Игнатий Иванов сын, вдова Афимья, корнетша Мария Петрова жена; а также порутчик Сергей Лаврентьев сын Масалитинов и недоросль Яков Сильвестров сын Трифонов.

Представители фамилий Лихачевых и Масалитиновых показали каждый свою межу между поместьем села Клепалы и Диким полем. В результате землемер поручик Петр Иванович Сомов составил подробный рапорт от 28 февраля 1783 года, в котором описал все споры по этой меже. К рапорту был приложен спорный план[469], на котором изображались спорные участки межи (рис. V на цветной вкладке «XVII век»).

Дача Выгорева городища на этом рисунке обозначена номером 1. Эти земли от земель Дикого поля отделял Выгоревский лог (линия EF), а также река Семь с севера и дорога из Путивля в Белополье (E, F, C). Межу Зиновия Панова 1685 года (C, K, G) отстаивал в этом споре Михаил Гамалея. Лихачевы нарисовали свою межу (E, (4), G, H, I, K, L, F)[470]. Масалитиновы представили свой вариант: (1), (2), (3), (4). Как мы видим, разброд был полный. Дополнительно Лихачевы и Масалитиновы спорили за участок земли № 6 у озера Глушица.

Кроме споров по землям Дикого поля, возник также спор по межам поместья села Клепалы и деревни Карпиловки. Здесь собралась еще большая компания спорщиков:

- подполковница Катерина Игнатьевская дочь Неплюева и ее дети;
- майор Петр Семенов сын Деханов;
- корнетша Марья Петрова дочь Лихачева;
- коллежский ассесор Михаил Иванов сын Гамалеи;
- поручик Алексей Петров сын Шечков;
- Иван Ильин сын Черепов;
- прапорщик Исая Васильев сын Шечков;
- Иван Васильев сын Сагорев;
- Андрей Герасимов сын Черепов;
- дворянин Николай Тихонов сын Черепов;
- однодворцы Иван и Григорий Федоровы дети Бершовы;
- Захар Иванов сын Бершов;
- квартермистр Алексей Романов сын, однодворцы Петр и Степан Григорьевы дети, Андрей Иванов сын Череповы.

Всего 17 семей.

Все судились по небольшому участку земли, указанному на рис. XXXIII под № 9.

Спор велся в Курской межевой конторе, куда и были направлены рапорт землемера Сомова, спорный план, а также объявления спорщиков, составленные ими перед началом межевания, описывающие суть их претензий. Спорящим сторонам было предписано предоставить в Межевую контору документы (крепости), по которым они имели права на Дикое поле и верховья речки Выжлицы в указанных ими межах. Из всех участников только Михаил Иванович Гамалея представил точное описание межи, которое содержалось в книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369). Остальные представили выписи, в которых земли отводились «без меры».

В дополнение к этому Курской межевой конторой были затребованы из Вотчинной коллегии копии крепостей на все эти земли. В результате сформировалось огромное дело на 98 листах (196 страниц). Межевой конторе понадобилось два с половиной года, чтобы прийти к определенному решению.

Ввиду столь больших отличий в указанных спорщиками межах, чиновники Курской межевой конторы занялись точным вычислением площадей спорных и бесспорных земельных участков. Поскольку в имеющихся документах (словесных описаниях и выписках из писцовых и отказных книг) не содержались точные описания меж (кроме межи Зиновия Панова), чиновникам стало понятно, что уладить споры, основываясь на документах, не получится. Тогда был выбран весьма оригинальный с современной точки зрения метод

[469] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4775. Номер картона 223 (синий).

[470] Участок межи IKL проходил по старинной дороге от Клепальского городища в Борынские дубровки, в деревни Борыни (см. разд. 1.2.8.).

решения проблемы: были пересчитаны крестьяне и вольные черкасы, которые работали на этих спорных землях. По законам того времени на одного работника должно было приходиться по 15 десятин земли. Учитывая это, спорные участки (или их части) решили отводить тем помещикам, у которых по этому раскладу не хватало земли.

В результате 12 июня 1785 года Межевая контора сформировала определение на 10 страницах. Читать его решительно невозможно. Приведем для примера его малую часть, где показан способ разделения земель[471]: «От деревни ж Карпиловки поверенныя с присылки спорного плана, то есть 783-го года февраля с 28 дня по ныне, крепостей не представили. По нынешнему ж измерению во владении той деревни Карпиловки удобных земель показано в безспорном под № 5-м владении тысяча пять сот шездесят три десятины восемь сот семьдесят семь сажень. В той деревни по поданным к четвертой ревизии скаскам показано мужеска полу четыреста сорак шесть душ. Полагая на каждую по пятнатцати десятин, следует шесть тысяч шесть сот девяноста десятин, а полагая владеемую ныне будет недостатку пять тысяч сто дватцать шесть десятин шесть сот дватцать три сажени». Решение по отводу земель приводить не будем.

Такое определение не понравилось Михаилу Ивановичу Гамалее, и его поверенный Алексей Шкирев 22 ноября 1785 года подал апелляцию. Началось новое расследование.

Дело завершилось 24 апреля 1788 года. На этот раз в пользу Михаила Ивановича. Он сумел доказать, что отвод земель Зиновию Панову в 1685 году не задел земли Череповых в Диком поле и в дачах деревни Карпиловки. А это значит, что межа, описанная в писцовой книге Семена Муромцева[472], правильная. Это позволило Межевой конторе в своих рассуждениях пойти по более простому и понятному пути: землемеры вычислили длину окружной межи поместья деревни Клепальское городище 1685 года. Эта длина довольно точно совпала с длиной межи села Клепалы 1782 года, представленной Михаилом Ивановичем[473]: «А всего той окружной межи {1685 года} мерою четыре тысечи пять сот восемьдесят три сажени. Подлинному же межеванию {1782 года} и по безспорному ассесора Гомалея поверенных оному селу Клепалам отводу по плану явилось четыре тысечи шесть сот осмьнатцать сажень. А по тому нынешнее то владение писцовую окружную межу превосходит только тритцатью пятью саженями». Из этого был сделан вывод, что Зиновий Панов (а следовательно, и Михаил Гамалея) ничего себе не присвоили из земель помещиков-соседей[474]: «И потому что предписанной Гомалей отвод свой делал точно по тому прежнему межеванию и з границ владения своево не выходя». Это позволило чиновникам сделать вывод о некорректности споров Череповых и Лихачевых о том, что Зиновий Панов примерил себе земли на Выжлице и в Диком поле из их дач.

В результате представленные Михаилом Гамалеей межи с Диким полем и Карпиловкой были признаны законными. Претензии соседей были «отставлены»[475]: «1788 года 4 дня Курскаго наместничества Межевой канторы в журнале написано: по указу из Межевой канцелярии, при коем прислано дело и план, взятое во оную из сей канторы по апеляцыи коллежского ассесора Михайлы Иванова сына Гамалея о спорных у него Путивльской округи села Клепалы, также пустошей Глушицы и Дикого поля землях, отводимых к деревне Выгореву городищу разными той деревни помещиками, коим решение сей канторы уничтожено. А велению тем дачам межи утвердить по бывшему до 765 года владении». То есть межи Михаила Гамалеи признаны такими, как они были на момент выхода Манифеста о генеральном размежевании земель[476], до проведения специального межевания.

В силу этого решения было сформировано предписание землемеру Сомову провести новое межевание в соответствии с решением Межевой конторы[477]: «К землемеру прапорщику Сомову послать указ и велеть дачам селу Клепалам и пустошам Глушицы и Дикому полю межи в натуре утвердить по тому Межевой канцелярии указу и, сочиня беспорныя планы с межевыми книгами за надлежащим рукоприкадством, прислать

[471] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 83 об. – 84.
[472] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369.
[473] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 93–93 об.
[474] Там же. Л. 93 об.
[475] Там же. Л. 95.
[476] Указанный Манифест императрицы Екатерины II был обнародован 19 сентября 1765 г.
[477] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 95 об.

вобще со спорным планом в кантору при репорте». Утверждал бесспорные планы землемер прапорщик Каськов.

Результаты этого спора во многом повлияли на давний спор Михаила Гамалеи с Череповыми, ведущийся в Правительствующем Сенате. Опираясь на решение Курской межевой конторы 1788 года, в следующем, 1789 году Сенат принял решение по землям вокруг Клепал в пользу Михаила. Более того, этим же решением Сенат запретил дальнейшие споры по имениям Гамалеев в селе Клепалы и его округе.

2.1.11. Завершение споров Череповых с Гамалеями и Полетиками

Итак, в 1776 году в Правительствующем Сенате завершился спор между братьями Михайлом и Николаем Гамалеями и их сестрой Еленой, а также другими путивльскими помещиками, примкнувшими к этому делу (см. разд. 2.1.7.). Немногим ранее, 12 августа 1771 года, Череповым и другим участникам споров было предписано по этим делам «ведаться формальным судом, где надлежит» и «больше Сенат не беспокоить».

В рамках генерального и специального межеваний имений в Путивльском уезде в 1782 году возникли споры по поводу земель в селе Клепалы, в деревнях Выгорево городище и Карпиловке. Споры были завершены в 1788 году в пользу Михаила Гамалея. Последнее в большой степени способствовало тому, что в 1789 году в Правительствующем Сенате были завершены спорные дела, инициированные Череповыми, по Клепалам, Выгоревому городищу, Дикому полю и Карпиловке, опять же в пользу Гамалеи.

Решения и запреты Сената 1771 и 1789 годов, однако, не остановили Череповых. Они опять подали жалобы. Дальнейший ход событий был изложен в статье, опубликованной в журнале «Архив Государственного совета»[478]. В 1803 году жалобу в Сенат подал Леонтий Никифорович Черепов. Он опять оспаривал владения Гамалеев и Полетиков в Николаевке, Гамалеевке, Михайловке, имения на реках Чаше, Курице и Цыпке. 10 ноября 1804 года Сенат принял решение, в котором отказал Леонтию в его претензиях. Это дело доводилось до сведения императора Александра I, который согласился с Сенатом. Уже тогда некоторые члены Сената высказались за то, чтобы предать «его {Леонтия Никифоровича Черепова}, яко ослушника правительства, суду».

Несмотря на запрет, сын Леонтия — Кирилл подал очередную жалобу. Реакция Сената последовала незамедлительно: «Правительство, не видя конца домогательствам их, вынужденным нашлось запретить последнему просителю Кириле Черепову возобновлять неправильный свой процесс, а потом за ослушание предать его суду, от котораго избавился он единственно по Всемилостивейшему манифесту 1814 г. августа 30».

Кириллу на этот раз просто повезло, и осужден он не был. «Однако Департамент Законов по гражданскому отделению соглашается с теми сенаторами, которые заключали в иске Черепову отказать, не подвергая только его ныне законному суждению, а полагая подтвердить еще ему раз, что ежели и за сим не остановится он по настоящему делу обременять правительство дальнейшими своими просьбами, то непременно поступлено с ним будет по строгости законов о ябедниках».

Решение по жалобе Кирилла Черепова было принято 15 ноября 1820 года. В это решение было включено и мнение императора Александа I по этому вопросу. Угроза Сената о применении к Кириллу закона о ябедниках, наконец, его угомонила. Это, в свою очередь, остановило бесконечную череду взаимных обвинений.

Столь усердное стремление нескольких поколений Череповых настоять на своем не осталось незамеченным. Случай оказался в своем роде уникальным в юридической практике Российской империи. И когда в 1863 году по высочайшему повелению императора Александра II началась работа над систематиче-

[478] Архив Государственного совета. Т. 4, ч. 3. Журналы по делам Департамента законов по гражданскому отделению, часть 3, по гражданскому отделению. 1818–1820 гг. III. Судопроизводство гражданское. По делу подполковника Черепова с помещиками Гамалеем, Полетикою и Головиным. СПб.: Государственная типография, 1893. С. 211–216.

ским описанием архива Государственного совета и Государственной канцелярии, в томе № 4 «Журналы по делам Департамента законов по гражданскому отделению» в качестве показательного примера было приведено последнее спорное дело Череповых с Гамалеями как неправильно возбужденная тяжба по ранее окончательно решенному делу. Здесь показаны финальные акты драмы споров Череповых с Гамалеями. Приведем эту статью полностью:

«III. Судопроизводство гражданское.

1) Неправильное вчинание тяжбы, окончательно решенной.

По делу подполковника Черепова с помещиками Гамалеем, Полетикою и Головиными, об имении.

1819 г. августа 20. Разсматривано дело, внесенное Министром юстиции, за разногласием происшедшим в Общем Собрании Правительсвующаго Сената С.-Петербургских департаментов, по спору помещиков Череповых с Гамалеем и другими об имении.

Министр юстиции в предложении, данном Правительствующему Сенату по сему делу находил, что из прошений помещиков Череповых видно, что в 1768 г. двое из них: маиор Иван Васильев и поручик Иван Ильич, представив в Вотчинную коллегию копии с выписки о учиненном имению Якова Черепова, за племянниками его Иваном и Васильем Андреевыми Череповыми, в 7183 г. (1675 г.) отказе[479], спорили против Ивана Гамалея в том, что как записанныя за дочерью его Еленою села Гамалеевка, Череповка и Михайловка поселены Гамалеем на имении, им, просителям, после Якова Черепова, в Чашском и Ослецком городищах принадлежащем, и что он, Гамалей, межу селу Николаевке в записи написал самовольно без полюбовнаго с ними раздела[480]. В 1769 г. Леонтий Черепов, оспаривая записи и мену, учиненную от дедов его Василия и Ивана в деревне Лосиной и от Дарьи Череповой Зиновию Панову, показывал, что ему, Черепову, ничего не оставлено в деревнях Череповой, Чаплищах, в селе Череповке и в прочих местах, принадлежащих ему, Черепову, частей и крестьян.

Вотчинная коллегия в 1771 г. августа 12 определила: споры Ивана Васильева и Ивана Ильича Череповых, яко бы село Николаевка и Михайловка поселены Гамалеем не против подлежащих своих дач, отставить, предоставя им о сем насильственном заселении ведаться с Гамалеем формальным судом, где надлежит. Спор Леонтия Черепова на писцовыя и раздельныя 7193 г. (1685) книги и просьбу его об участии в селе Клепалах, чтоб в оном учинить передел[481] и чтоб уничтожить учиненныя между Василием, Иваном и Дарьею Череповыми с Зиновием Пановым мены имения их, яко недействительныя, отставить. В 1803 г. Леонтий Черепов в поданном, на решениие Курской гражданской палаты, апелляционном прошении писал, что по смерти предков его, Ивана и Василия Череповых, во время бытности детей их в военной службе, преемники Панова, Гамалей и Неплюев, завладели всем участием их там, где в Чашской и Ослецкой округах состоят селения Гамалеевка, Неплюевка, Михайловка, Чаша и в Череповской округе, на правом берегу речки Курицы Гамалеевка и Неплюевка. 1804 г. ноября 10 Правительствующаго Сената 2-й департамент определил: в изъясняемом Череповым участии в состоящих во владении Гамалея селениях Гамалеевке, Михайловке, Чаше и Николаевке, отошедших, по приданству в род помещиков Полетик, ему, Черепову, отказать. Сие решение Государь Император, находя правильным, Высочайше повелеть соизволил в принесенной от Черепова просьбе отказать. Министр юстиции, соображая течение сего дела с законами, полагал, что Вотчинная коллегия в 1771 году согласно указу 1754 г. мая 13 с 28, 29 и 30 пунктами, определила: Ивану Васильеву и Ивану Ильичу Череповым о насильственном заселении Гамалеем не против подлежащих своих дачь ведаться с ним, Гамалеем, формальным судом; то, буде они по сему решению формальнаго иска доселе не произвели, то по силе Высочайшей конфирмации, на мнении Государственнаго Совета, последовавшей 17 июня 1812 г. за пропущением десятилетней давности, отыскивать своих частей уже права не имеют. Что касается до прошений Леонтия Черепова, который в апелляционной жалобе в 1803 году также показывал, что по смерти предков его, Ивана и Василия Череповых, во время бытности детей их в военной службе Гамалей и Неплюев завладели всем участием их там, где в Чашской и Ослецкой округах состоят селения Гама-

[479] См. разд. 1.4.6. На самом деле отвод поместий братьям Череповым состоялся в 1681 г., после смерти Якова Черепова.

[480] См. разд. 2.1.7.

[481] Речь идет о споре между Леонтием Череповым и Зиновием Пановым в рамках «пасечного» дела (см. разд. 1.4.8).

леевка, Неплюевка, Михайловка, Чаша и в Череповской округе, на правом берегу речки Курицы, Гамалеевки и Неплюевки, то сообразно тому же указу 1754 г. мая 13 следовало бы, не входя в разсмотрение о вотчинном праве на дачи, предоставить ему, Леонтию Черепову, произвести также формальный о завладении иск, чрез который и могло бы открыться, по какое точно время предки его, Черепова, владели, когда Гамалеем и Неплюевым завладение последовало и почему дети предков его по достижении совершеннолетия формальнаго иска не учинили, но когда уже сей порядок не соблюден и решение 2-го департамента Сената относительно прав на дачи и на имение Государем Императором утверждено, то, оставя означенное решение в своей силе, он, Министр юстиции, полагал: Леонтию Черепову и сыну его, на основании указов 1754 г. мая 13 и 1812 г. июня 17, предоставить одну только свою часть, подвергнутую будто бы насильственному завладению, отыскивать формальным судом, после котораго, если нужно будет, уездный суд обще с присяжным землемером может осмотреть на месте спорныя межи и границы и потом постановить решение на основании законов. Таковое заключение основывает Министр юстиции и на том, что земли по основанию решений 2-го департамента и Общаго Собрания Правительствующаго Сената остаются за всяким по дачам, но буде кем из сих дач, каковою либо частью, насильственно завлажено, то, не входя в суждение о дачах, может тот, кто лишился насилием части себе принадлежащей, отыскивать формальным судом, буде не пропустил узаконеннаго на то срока, а соединять дела о праве на дачи и о насилии, разнаго рода, было бы противно порядку, установленному на течение гражданских дел, ибо одни производятся вотчинным, а другия судебным порядком, и предлагал Правительствующему Сенату приступить, на таковом основании к единогласному дела сего решению.

Некоторые сенаторы с сим предложением согласились, а другие остались при своем заключении, чтобы в иске Черепову отказать, предав его, яко ослушника правительства, суду.

Государственный Совет в Департаменте Законов по гражданскому отделению в отношении притязаний и споров нынешняго просителя Черепова из обстоятельств дела сего усматривает, что оно началось еще с 1769 г. по просьбе Леонтия Черепова, домагавшагося уничтожить все то, что предками его по имению их было допущено. С того времени дело сие, продолжаясь в своем производстве и встречая со стороны Череповых в разных видах притязания, было уже во всех отношениях разсматривано судебными местами, доходя неоднократно и до Сената, и куда только Череповы не обращались с своими исками, везде оные, как неосновательные по существу дела, были отвергаемы, так что правительство, не видя конца домогательствам их, вынужденным нашлось запретить последнему просителю Кириле Черепову возобновлять неправильный свой процесс, а потом за ослушание предать его суду, от котораго избавился он единственно по Всемилостивейшему манифесту 1814 г. августа 30, следовательно, после неоднократнаго и подобнаго разбора прав его, Черепова, и окончательнаго во всех частях решения сего дела в Правительствующем Сенате, и нет достаточнаго повода возстановлять онаго производством снова судом по форме, к единственному только отягощению тех сторон, коих собственность судебными приговорами признана неприкосновенною. Почему Департамент Законов, по гражданскому отделению и соглашается с теми сенаторами, которые заключали в иске Черепову отказать, не подвергая только его ныне законному суждению, а полагая подтвердить еще ему раз, что ежели и за сим не остановится он по настоящему делу обременять правительство дальнейшими своими просьбами, то непременно поступлено с ним будет по строгости законов о ябедниках.

1820 г. июня 14 заключение департамента в Общем Собрании Государственнаго Совета утверждено с принятием при сем в соображение и мнения тех сенаторов, которые полагали, что поелику[482] определениями 2-го Сената департамента 1804 г. ноября 16 и 1813 г. октября 7 подполковнику Кириле Черепову в иске им имения от помещиков Гамалея и других отказано согласно с существом дела и законов, то оныя определения подтвердить в их силе и действии, тем паче, что первое из них и Государь Император, находя правильным, в 1806 г. Высочайше повелеть соизволил в принесенной на оное от Черепова просьбе отказать.

Мнение сие Высочайше утверждено 15 ноября 1820 г.».

[482] Поелику – насколько, сколько; потому что, поскольку.

Споры Леонтия Черепова и Зиновия Панова начались в 1685 году в Путивльской приказной избе по поводу пасеки[483]. Их потомки вели споры (не за пасеку, конечно) неполные 135 лет. Все закончилось только в 1820 году в Правительствующем Сенате, при личном участии императора Александра I. Воистину уникальной была настойчивость представителей рода Череповых!

2.1.12. Село Клепалы и его жители в XVII и XVIII веках

Данный раздел обобщает ранее приведенные материалы в части заселения села Клепалы и его развития в XVII и XVIII веках. Ниже будут приведены все известные автору переписи населения этого села в указанный период, проведен их анализ. На основе чертежей XVII века, а также планов специального межевания и спорных планов XVIII века будут определены основные этапы развития села.

Первое упоминание места, на котором впоследствии будет село Клепалы, относится ко времени, когда деревни еще не было, но было место, называемое Клепальским городищем. Наименование указывает на то, что здесь было старинное поселение, где ранее жили люди. Результаты археологических работ на окрестных городищах (Выгоревом, Ослецком, Чашском, а также в окрестностях сел Новая Слобода, Волынцово и других) показали наличие культурных слоев, содержащих отложения, относящиеся к эпохе железного века, конца I тысячелетия нашей эры (роменская культура), и древнерусского (XII–XIII вв.) времени.

Документальным подтверждением существования городища у села Клепалы являются писцовые, межевые и отказные книги XVII века, где оно неоднократно упоминается, а также чертеж земель в районе деревни Клепало Подгородного стана Путивльского уезда (1685 год)[484], где оно показано на местности.

На начало XVII века на этом месте было старинное поместье с 20 четвертями (в поле, а в дву по тому ж) пахотной земли с лесами и сенокосами. Эти земли обрабатывались, но постоянных жителей не было. В писцовой книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов № 10553 упоминается писцовая выпись путивльского городского приказчика Василия Малого 1626 года[485]: «Пу<стошь> за рекою за Семью Клепальское городище на озере на Клепальском дикого поля на пашню добрые земли по обе стороны Клепальсково логу дватцать чети в поле, а в дву по тому ж». Здесь была «пустошь», то есть место, в котором когда-то жили люди. Эти земли принадлежали путивльским помещикам братьям Василию и Ивану Михайловым детям Череповым. Есть основания полагать, что это поместье и ранее (как минимум с XVI века) принадлежало роду Череповых (см. разд. 1.4.1). В 1626 году состоялся передел поместий между Василием и Иваном Череповыми. С этого времени Клепальское городище стало принадлежать только Ивану Михайловому сыну Черепову.

После смерти Ивана в 1640 году пустошь Клепальское городище перешла его сыну Федору.

Первые сведения о заселении поместья Клепальского городища относится к 1646 году, когда проводилась перепись жителей Подгородного стана Путивльского уезда. Заселение начиналось с «починка» — поселения из одного — двух дворов. В переписной книге находим первое его описа-

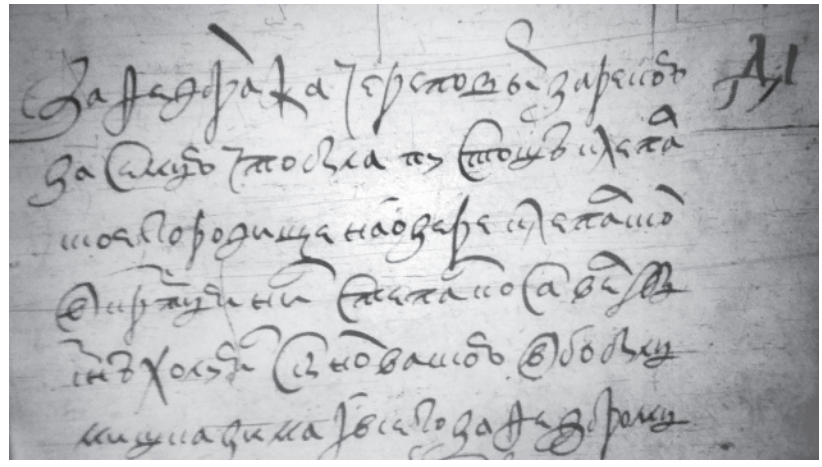


Рис. 1. **Перепись крестьян Федора Черепова 1646 г.**

[483] См. разд. 1.4.8.

[484] Чертеж земель в районе деревни Клепало Подгородного стана Путивльского уезда. 1685 г. 62х40 см. Бумага. чертеж (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. Ст. 1066. Л. 49–50).

[485] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553. Л. 67 об.

ние[486] (рис. 1): «За Федором жа Череповым за рекою за Семью, что была пустошь Клепальское городище на озере Клепальском, (в{о дворе}) крестьянин Степанко Савельив сын Холуян с сыном Ваською, (в) бобыль Мишка Зима». На следующей странице этой книги указано: «В починке Клепальском один двор крестьянской людей в нем два человека, да двор бобыльской людей один человек». Как мы видим, в 1646 году это поселение уже не называлось пустошью, но еще не было деревней. В Клепальском городище было два двора: крестьянский двор (Степанко Савельев сын Холуян с сыном Васькой) и бобыльской (Мишка Зима)[487]. Степана Холуяна с сыном Василием и Мишку Зима мы можем по праву считать первыми жителями пустоши Клепальское городище. Само поселение названо Клепальским починком.

Необходимо отметить, что, согласно той же переписной книге, к 1646 году у Федора Черепова были дворы и в других деревнях Подгородного стана. Всего за ним записано 4 двора крестьянских и 4 двора бобыльских, в которых проживало 18 человек. Заметим, что в Клепальском городище не упоминается двор самого Федора. Получается, что его еще не было. На первый взгляд кажется, что 18 человек — это совсем мало. Но в то время численность населения окрестностей Путивля была очень небольшой. По данным этой книги, всего в Подгородном стане Путивльского уезда у 52 помещиков и у других путивльцев было 108 дворов крестьянских (в которых проживало 218 крестьян) и 110 дворов бобыльских (в которых было 155 человек мужского пола). То есть, в среднем, на одного помещика приходилось по 2 крестьянских двора и по 2 двора бобыльских, в которых, в среднем, проживало 7 человек. Таким образом, при имеющейся в то время малозаселенности у Федора Черепова было не так уж мало работников. Всего же в 1646 году в Подгородном стане, вместе с крестьянами и бобылями Молченского монастыря и других путивльских попов, было 244 крестьянских двора (470 крестьян) и 142 двора бобыльских (201 человек). Всего 386 дворов, 671 житель[488].

Впервые Клепальское городище как деревня упоминается в отписке путивльского воеводы от 8 июля 1659 года о появлении черкас-изменников и татар, и боях с ними в окрестностях Путивля, и обложении ими полков князя Д.Н. Трубецкого под Конотопом[489]: «…Прибежал {в Путивль к воеводе} путивльский посадский человек (живущий за городом, в посаде) Петрушка Редькин. А в распросе тот Петрушка мне {путивльскому воеводе} сказал: ездил де он из Путивля за реку за Семь в поместье путивльца Федора Черепова в деревню Клепало для своего дела…». Ездил Петр Редькин, скорее всего, лично к Федору Черепову. Ввиду этого можно предположить, что в 1659 году у Федора Черепова в деревне Клепало уже был помещичий двор. Обратим внимание на наименование деревни в то время — Клепало, в точном соответствии с наименованием озера Клепало, которое и дало название этому месту.

Следующая перепись жителей Подгородного стана была проведена в 1678 году. В переписной книге № 10557 указано[490]: «За ним же Федором {Череповым} в починке в деревне Клепале, а в ней двор ево помещиков, да новоприхожих вольных черкас: (д{вор}) Мишка Чалого, (д) Ромашка Черкашенин, (д) Мишка Чеснок <…> В деревне Клепале двор помещиков да три двора черкаских, людей в них три человека». Ссылок на прежних жителей — крестьянина Степана Савельева сына Холуяна с сыном Васькой и бобыля Мишку Зима — нет. Умерли или ушли? Но появляется новая категория работников — пришлые вольные люди — черкасы[491]. К 1678 году в починке Клепальское городище у Федора Черепова было три двора, в которых жили три взрослых работника. Как мы видим, в это время еще не устоялось наименование этого поселения: его называли то починком, то деревней. Здесь было уже три двора. По меркам того времени это была типовая по размеру деревня. Появился двор помещика. Он был, конечно же, деревянным. Федор Черепов появлялся в этом дворе эпизодически: основное его хозяйство находилось в уже построенной к тому

[486] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10556. Л. 102.

[487] В то время переписывали только работников мужского пола.

[488] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10556. Л. 144 об.

[489] Акты Московского государства. Т. 2. № 1144 (1659) / Под ред. Попова Н.А. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894. С. 672.

[490] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10557. Л. 26 об.

[491] В Путивльских книгах XVII в. черкасами называли вольных казаков – переселенцев из центральных районов современной Украины.

времени деревне Череповке. Что же касается поместья Клепальского городища, то оно оставалось ровно тем же, что которое было отказано Ивану Черепову в 1626 году. Как и прежде, 20 четвертей пахотной земли (а в дву по тому ж) с сенными покосами и лесом вдоль реки Семи.

Федор Иванов сын Черепов умер осенью 7188 (1679) года (см. разд. 1.4.4). К этому времени единственным его наследником мужского пола был сын Яков[492]. 23 декабря этого же года Яков бил челом царю Федору Алексеевичу о пожаловании ему отцовских поместий[493], и 8 января 1680 года эти поместья он получил[494]. С этого времени Яков Черепов стал помещиком деревни Клепало.

Яков через полтора года умер. 25 августа 1681 года его поместья были разделены между вдовой Прасковьей с дочерью Мариной и двоюродными племянниками Иваном и Василием Андреевыми детьми Череповыми[495]. В том числе и поместье Клепальское городище. Деревня Клепало и ее жители были разделены между Прасковьей с дочерью и братьями Череповыми. В их отказных книгах приведены перечни жителей деревни и кто к какому помещику отошел. А именно: Парасковье с дочерью: «двор помещиков, {дворы крестьянские, бобыльские и вольных черкас}[496]: (в{о дворе}) Филька Пасечников, (в) Карпушка Стасов, (в) Мартынка Черевченко, (в) Леско Чесноченок; место дворовое Гришки Лупоноса, место дворовое Гришки Тоцыка, место дворовое Федьки Черкашенина».

Ивану да Василию Череповым дворы крестьянские и бобыльские: «(в) Петрушка да Гераська Тимошовы, (в) Мишка Коломыец, (в) Васька Омельянов, (в) Мишка Чеснок; место дворовое Мишки Чалого, место дворовое Кондрашки Москолева, место дворовое Фильки Терещенка».

Итак, помещиков двор, построенный Федором Череповым, достался жене Якова, вдове Прасковье с дочерью Мариной. Им также достались 4 двора работников и 3 пустых дворовых места. Братьям Ивану и Василию Череповым было отписано 4 двора жилых и 3 пустых дворовых места. Всего, как мы видим, в деревне в 1681 году было 8 дворов.

За три года, прошедшие с момента последней переписи (1678 года), население поменялось полностью. В 1678 году в деревне было 3 двора новоприхожих вольных черкас: Мишки Чалого, Ромашки Черкашенина и Мишки Чеснока. В 1681 году остались пустые места дворовые Мишки Чеснока и Мишки Чалого. Осталось также дворовое место Федьки Черкашенина (сына Ромашки?). Указаны также пустые дворовые места Гришки Лупоноса, Гришки Тоцыка, Кондрашки Москолева и Фильки Терещенка. Судя по их прозвищам, они также были черкасами. В то время эти вольные люди могли приходить в поместье, строить себе хаты (мазанки) и работать на помещика. Поскольку они не были закреплены за хозяином, то в любой момент могли от него уйти. Например, Гришка Лупонос, Гришка Тоцык, Кондрашка Москолев и Филька Терещенко не пробыли в деревне и трех лет. Из проживающих здесь прежде указан только Леско Чесноченок. Возможно, это сын Мишки Чеснока.

Жена Якова Прасковья вдовствовала не долго. Через два года, в начале осени 1681 года, она «сговорила замуж» капитана Зиновия Кузьмина сына Панова (см. разд. 1.4.7). Ввиду этого 11 октября произошел еще один раздел жителей деревни Клепало. Крестьян и черкас Прасковьи разделили между Зиновьем Пановым и его падчерицей девкой Мариной Яковлевой дочерью Череповой. У жителей деревни Клепало оказалось 4 помещика: Зиновий Панов, его падчерица Марина, Василий и Иван Андреевы дети Череповы. Что же касается поместья Клепальского городища (земель, лесов и сенокосов), то оно не разделялось, поскольку являлось прожиточным поместьем вдовы Прасковьи с дочерью Мариной. После женитьбы Зиновия поместье перешло ему[497], оставаясь в тех же межах.

Зиновия Кузьмина сына Панова можно по праву назвать первым помещиком деревни Клепало, поскольку он после своей женитьбы и до самой смерти проживал здесь в доме жены Прасковьи. Уже через

[492] За двух своих дочерей Анну и Марию Федор, в качестве приданого, в 1671 г. отписал зятьям по 50 четвертей (а в дву по тому ж) пахотной земли в Колодежской волости.

[493] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 35 об.

[494] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 4.

[495] Отказная книга вдовы Прасковьи, Ивана и Василия Андреевых детей Череповых (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 366–375).

[496] В описании этого отказа не разделены крестьяне, бобыли и вольные люди черкасы.

[497] Марина в то время была еще малолетней.

три года, в 1684 году, Зиновий переписал на себя всех крестьян и черкас. На это указано в спорном деле между сыном Марины Яковом Вощининым и дочерью Панова Марией[498]: «И в том же 192-м (1684) году он, Зинов Панов, дал означенным Череповым[499] на себя с неустойкою запись, чтоб по тем передельным неправильным книгам[500] быть крестьяном за ними Череповыми и Пановым, а оной деревне Клепалом за ним Пановым за одним».

В начале июня 1685 года, в рамках спорного дела между Зиновием Пановым и его соседом Леонтием Череповым («пасечное» дело) путивльским помещиком Никитой Щекиным был сделан чертеж окрестностей Клепальского городища и деревни Клепало (см. разд. 1.4.8). В результате мы получили первое изображение окрестностей по состоянию на конец XVII века (рис. XXXIV). В центре рисунка, в круге, мы видим надпись «Клепальское городище». Чуть выше показана деревня Клепало. Насколько это изображение соответствует внешнему виду деревни — гадать не будем. Местоположение городища (как и деревни) здесь показано весьма условно, в центре между Печковским логом (слева) и Клепальским логом (справа), на берегу озера Клепало. Важно здесь то, что и городище и деревня находились по одну сторону от Клепальского лога, рядом друг с другом. Местонахождение Клепальского городища было локализовано в разд. 1.1.2.

Результат реконструкции поместья Клепальское городище показан на рис. II. Здесь мы видим три поля (1) — (3), которые обрабатывались в то время по трехпольной системе (см. разд. 1.4.1). Каждое поле было приблизительно по 20 четвертей. По этой причине во всех источниках до 1685 года размер площади этих земель указывается как 20 чети в поле, а в дву по тому ж. Заметим, что старинные межи между полями сохранились до наших дней. Сегодня — это улицы села.

Ко времени оформления чертежа (май 1685 года) у клепальского помещика Зиновия Панова в деревне Клепало было уже 7 дворов: один крестьянский, в котором был 1 взрослый мужчина с 6 детьми мужского пола, а также три двора бобыльских (4 взрослых и 6 детей) и три двора черкас (3 взрослых и 5 детей). Всего в деревне проживало 8 взрослых и 17 детей мужского пола. Дома крестьян и бобылей были деревянными. Они жили, как тогда говорили, «дворами». Пришлые люди черкасы жили в мазанках. В книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369) говорится о «повольных людях черкасах» в деревне Клепало, «которые живут в мазанках, а не дворами». Таким образом, деревня в 1685 году состояла из четырех русских дворов с деревянными домами и трех черкасских мазанок. Согласно этой же книге, у Панова было 8 дворовых людей. Они прислуживали ему, выполняли поручения помещика, а также различные обязанности по домашнему хозяйству. Мы не знаем, построил ли он новый дом или это был дом, оставшийся от Якова Черепова.

Приведем перечень жителей по состоянию на лето 1685 года:

Дворовые люди[501] Зиновия Панова: «А в Клепальском городище двор ево помещиков Зиновья Панова. А в нем дворовой ево человек Антошка Татарин. Да старинные люди Васька Гаврилов, {его} сын Лаврушка, Гришка Васильев, Васька Бинбак, Бориска Друшляков, Исачка свинарь, Васька Емельянов. Да в бегах Васька Васильев сын Друшляк, да Ивашко Хоняков, да Ивашка Давыдов». Собственно, помогал по дому и прислуживал помещику Антон Татарин. При дворе также было 7 «старинных» людей[502], которые вели домашнее хозяйство. В их числе выделен свинарь Василий Емельянов[503], который приглядывал за помещичьими свинками. Все дворовые люди были особо доверенными и жили при дворе помещика. Они, вероятно, служили еще Якову и Прасковье, поскольку Зиновий совсем недавно пребывал в этом доме (три с половиной года). В более ранних переписях эти люди не встречаются. Известно только, что Борис Друшляков был взят из крестьян деревни Чаплищи, из поместья Якова Черепова.

---

[498] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.

[499] Ивану и Василию Андреевым детям Череповым.

[500] Имеется в виду книга № 369 1684 и 1686 гг.

[501] Среди крепостных крестьян выделялся тип – дворовые, или дворня. Это были люди, которых помещики использовали в качестве прислуги в своей усадьбе. У них не было своего земельного надела, и основной их обязанностью была помощь помещику и его семье по дому. (*Прим. авт.*)

[502] Старинные люди – категория зависимых людей, с давних пор, исстари работающих на своего господина.

[503] Если, конечно, свинарь – это не кличка.

Далее перечислены все категории людей, живших в деревне.

Крестьяне: «Да в той же деревне крестьян: во дворе Тимошка Климов, у него дети Петрушка, да Тараска Большой, да Тараска Меньшой, да Ивашко, да Васька, да Олерка».

Бобыли:

«Да бобылей: во дворе: Пашка Климов, у него дети Евтюшка, да Ивашка, да Митька, да Гаврилка. Во дворе Трошка Васильев сын Черевченка, у него сын Ивашка. Во дворе Климка Мартынов, у него сын Сенька, да зять Ивашка Шевченок».

Вольные люди — черкасы:

«Да повольных людей черкас, которые живут в мазанках, а не дворами: Яшка Попченко; Алешка Алексеев, у него дети Алешка да Марчка; Федька Бокан и у него дети Максимка, да Васька, да Лучка».

Имеется также немногим более ранняя перепись жителей, 1681 года, проведенная при разделе поместий Якова Федорова сына Черепова после его смерти. Тогда в деревне Клепало было 8 дворов. Жителей мужского пола 9 человек[504].

Как мы видим, с 1678 по 1685 год население обновлялось полностью несколько раз.

Зимой 1693 года в деревне Клепало была освящена церковь Николая Чудотворца[505]. Деревня стала селом. В это же время состоялась перепись прихожан церкви. Ее результаты отражены в переписной книге Путивльской десятины[506] и представлены в приложении 1 к данному разделу. Необходимо отметить, что в приходе церкви были еще его, Зиновия, крестьяне и черкасы деревни Карпиловки. В апреле 1693 года при разделе поместий Леонтия Черепова в отказной книге его вдовы Дарьи перечислены 6 дворов Панова в этой деревне[507]. Однако эти поселенцы не указаны в приведенном в приложении 1 списке. Таким образом, можно утверждать, что этот список касается только жителей села Клепалы[508].

Приблизительно к этому же времени можно отнести изображение села Клепалы на чертеже окрестностей города Путивля 1690-х годов (рис. Х). Здесь изображена церковь, а поселение названо селом. Чертеж, как мы видим, был создан не ранее зимы 1693 года — времени освящения церкви. Возле церкви изображены 8 крестьянских дворов, что соответствует действительности. Однако не будем принимать это за правило, поскольку авторы не обязаны были изображать на чертеже точное количество крестьянских дворов.

В 1697 году Зиновий Панов получил в вотчину 119 четвертей в своем поместьи в Клепальском городище. Он начал активно распахивать эти земли. Рабочих рук явно не хватало. Для работы на новых полях он стал массово заселять село пришлыми людьми — черкасами. В приходе церкви в 1693 году было 54 жителя села мужского пола, а к 1698 году — уже 129 дворов (из них 119 черкасских). Число жителей резко выросло — до 333 взрослых и детей мужского пола.

Обобщенные показатели по числу жителей за период с 1685 по 1698 год показаны в таблице 1.

	1685 год				**1693 год**				**1698 год**			
	дворы	**взрослые**	**дети**	**Всего:**	**дворы**	**взрослые**	**дети**	**Всего:**	**дворы**	**взрослые**	**дети**	**Всего:**
бобыли	3	4	6	**10**	нет сведений	нет сведений	нет сведений	нет сведений	3	5	1	**6**
крестьяне	1	1	6	**7**	нет сведений	нет сведений	нет сведений	нет сведений	7	9	7	**16**
черкасы	3	3	5	**8**	54	54	нет сведений	**54**	119	160	151	**311**
ИТОГО:	**7**	**8**	**17**	**25**	**54**	нет сведений	нет сведений	**54**	**129**	**174**	**159**	**333**

[504] Отказные книги Ивана и Василия, вдовы Прасковьи Череповых (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 369 об., 371 об.).

[505] Точная дата этого мероприятия не известна.

[506] РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9655. Л. 190–191 об.

[507] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 36–39.

[508] В переписной книге Путивльской десятины приведены также прихожане этой же церкви – подданные помещиков деревень Карпиловки и Дьяковки. Их списки будут представлены в следующих разделах, посвященных этим деревням.

По сравнению с 1685 годом число дворовых людей увеличилось незначительно с 8 до 9. С учетом сыновей Антошки Татарина и Пашки Швеца всего 11 человек. Количество крестьянских и бобыльских дворов, а также жителей в них за эти 13 лет изменилось также незначительно. Но произошло массовое заселение села Клепальское городище переселенцами — черкасами. Если в 1685 году в деревне Клепало проживало около 50 человек обоего пола, то в 1698 году, за счет переселенцев, уже около 670.

Зиновий Панов умер в 1698 году. Полный перечень жителей на это время приведен в отказной книге 1699 года следующего помещика Клепал — Ивана Григорьевича Анненкова[509]. Список представлен в приложении 2 к настоящему разделу. Из отказной книги Анненкова мы узнаем, что при Зиновии Панове в окрестностях поместья Клепальского городища было распахано дополнительно к 20 еще 70 четвертей поместной пахотной земли. Таким образом, к этому времени у Панова в поместье Клепальское городище было 90 четвертей поместной земли и 119 четвертей вотчинной. Всего 209 четвертей в поле, а в дву по тому ж. Площадь посевных земель с 1681 года, когда он стал клепальским помещиком, увеличилась более чем в 10 раз. После массового переселения черкас население увеличилось более, чем в 13 раз.

Что касается дворовых людей, то в 1698 году самым доверенным из них оставался Антошка Татарин. Теперь он упоминается как Антошка Мартынов сын Татарин. Указан его сын Гришка. Из прежнего состава «старинных» людей 1685 года при дворе остался только один — Бориска Васильев сын Друшляков. Кроме указания имени его отца, теперь замечено, что его кличка была Ступан. Остальные «старинные» люди разбежались. В бегах из дворовых людей числятся: Васька Гаврилов сын Лаврушка, Гришка Васильев, Исачка свинарь, Иван Хоняков, Васька Бонбак (или Бинбак), Васька Емельянов. Заметим, что они пользовались особым доверием хозяев. Тем не менее шесть из семи «вдарились» в бега.

Взамен сбежавших, ко двору были взяты: Никитка Степанов, Васька Дмитриев, Прохорка Иванов сын, ключник (не ясно, это кличка или он выполнял роль ключника при хозяйском дворе), Пашка Харитонов сын Швец с сыном Савкой, Федька Яковлев сын Швецов по кличке Лизун, Ивашка Харитонов сын Коновал и Алферко Екимов сын Трубач.

В этой переписи впервые указывается, что село Клепальское городище располагается по обе стороны Большого Клепальского лога. То есть жители села стали селиться не только на территории деревни, указанной на чертеже окрестностей деревни Клепало 1685 года (см. рис. XXXIV), но и на западной стороне Клепальского лога. При этом заметим, что к концу XVII века в разных документах деревня, а затем село, называли то Клепальским городищем, то Клепалом. Наименование еще не устоялось.

В 1699 году в селе появился новый помещик — стольник и воевода Иван Григорьевич Анненков. Он владел Клепалами до своей смерти в 1713 году. За это время никаких переделов самого села и окрестных угодий не было. Однако попытка была: в 1702 году муж Марины Яковлевой дочери Череповой Федор Вощинин бил челом по поводу поместья Череповых в Клепальском городище[510] и, более того, добился решения Поместного приказа о переделе. Однако дело далее этого решения не пошло: вначале Федор был занят на службе, потом умерла жена его Марина, а затем умер и сам Федор. Такой ход событий можно связать еще и с тем, что как раз в это время (1700–1702 годы) Иван Григорьевич был воеводой в Путивле и едва ли мог допустить такой передел.

После смерти Ивана Анненкова в 1713 году его поместья и вотчины перешли к вдове Марии. Перечень жителей находим в ее отказной книге 1715 года[511] (см. приложение 3). С 1699 года, то есть с приходом Ивана Анненкова в село Клепалы, мы видим резкое сокращение количества жилых черкасских дворов: с 119 до 38. Еще 60 дворов числились пустыми[512]. Сравнительный анализ жителей в 1699 и в 1715 годах показал, что только три черкасских семьи из оставшихся 38 можно с достаточной долей вероятности считать жившими ранее в этом селе, что показывает очередное практически полное обновление жителей.

[509] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 313 об. – 319 об.

[510] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 1 об. – 2.

[511] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10585. Л. 464–465.

[512] Мы не беремся увязывать этот феномен персонально с Иваном Григорьевичем. Он был весьма достойным человеком и всю свою жизнь посвятил служению московскому царю. Уход вольных людей черкас от помещиков в то время был нормой.

В переписи 1715 года указан новый поп Иван «черкаской породы». Действительно, к этому времени подавляющее число жителей Клепал были черкасами и говорили на украинском языке. Соответственно и попа позвали черкасского для ведения службы на родном для жителей языке. Про дьяка и пономаря, которые упоминаются в 1699 году, в переписи 1715 года ничего не сказано[513].

Что касается дворовых людей, то в 1699 году их было 9, а в 1715 — 8. Количество практически не изменилось. Другое дело, что из состава 1699 года точно идентифицируется только один — Павел Харитонов.

В 1719 году, в рамках первой государственной переписи населения, была проведена перепись дворов в селе Клепалы и жителей в них[514]. Результаты переписи представлены в приложении 4. Сравним итоги этой переписи с данными отказной книги вдовы Марии 1715 года.

Начнем с господ, дворовых людей и священнослужителей. Всего в 1719 году мы насчитываем 6 дворовых людей. Вместе с женами и детьми — 17 человек. Из состава дворовых 1715 года нет Петра Львова, Алексея Фролова, Родиона Прокофьева и Павла Харитонова. Появилась новая семья Ивана Чернякова, но в 1711 году вся эта семья умерла. Черняковы были в услужении в период с 1700 по 1711 год, поскольку в отказной книге 1699 года эти люди не упоминались. Как мы видим, состав дворовых людей, живущих при доме помещика, самых приближенных к господам, за 4 года обновился наполовину.

Что касается дворов черкасских, то в переписи 1719 года указывались не только все члены семей (мужчины, женщины и дети), но и их возраст. Кроме того, данные о том, когда и откуда они приехали[515] (см. приложение 5).

По сравнению с перечнем 1715 года, в 1719 году жилых дворов стало на 4 меньше (было 38, стало 34). Полностью совпадают перечни жителей 14 дворов. Еще 5 семей поселились менее 6 лет назад и не могли быть в списке 1715 года. Остается неясной судьба 14 семей. Иван Анненков или его вдова Мария могли их переселить в другую свою деревню. Но и там они не были найдены. Выходит, что они либо умерли, либо ушли. Скорее всего, ушли. Подобная идентификация затруднена отсутствием в то время устоявшихся фамилий. Указываются прозвища, которые могли меняться уже в следующем поколении. В общем, получается та же «текучесть кадров», что и с дворовыми людьми.

Что касется возраста жителей, то к этим сведениям нужно осноситься с определенным скептицизмом. Реально перепись производилась не в 1719 году, а на несколько лет ранее. Это выясняется, например, из приведенного возраста Марфы — дочери Марии и Ивана Анненковых — 4 года. В 1719 году она не могла быть в таком возрасте, поскольку ее отец Иван умер в 1713 году. К тому же вдова Марья весной 1717 года вышла замуж за капитана Семена Неплюева. А в переписи это не отражено. Ввиду этого наиболее вероятным является время переписи: конец 1715 года — 1716 год.

Далее, что нетрудно заметить, в переписи часто встречаются круглые числа возраста: 10, 20, 30, 40 лет. Связано это с тем, что в то время далеко не все жители знали точно свой возраст. И не только простые крестьяне, но и помещики, и дворовые люди. К примеру, возраст вдовы Марии, жены Ивана Анненкова, указан 30 лет. Вопрос ее возраста и, соответственно, года ее рождения мы разбирали ранее (см. разд. 1.4.7). Согласно результатам, в 1719 году Марии должно быть 34–35 лет. Соответственно, на момент переписи — 32–33 года.

Безусловно, можно верить сведениям о возрасте священника и членов его семьи, а также дворового человека Федора Зверева (с поправкой даты переписи). Федор был весьма грамотным человеком, он вел спорные дела между помещиками от имени Марии Анненковой и ее дочери Марфы, будучи их доверенным лицом.

Что же касается остальных жителей, то их возраст часто записывался со слов, приблизительно, а то и просто по внешнему виду допрашиваемого. Особенно это касается детей. Детская смертность в те времена

[513] В перечне жителей имеется два двора: Павла и Федора Пономарей. Может быть, это не прозвище и кто-то из них был пономарем.
[514] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 470–470 об.
[515] Там же. Л. 843–846 об.

была весьма значительной, и родители часто не регистрировали их в церковных метрических книгах, пока те были малолетними.

Кроме переписи, в книге 1719 года указаны и другие сведения о селе Клепалы и его помещице Марии Анненковой. А именно, во владениях Марии указана винница, построенная при Иване Анненковом в 1713 году[516], в которой производилось по 15 ведер водки (180 литров) в сезон (водку было разрешено «варить» только в зимнее время). Детально вопросы варения вина (проще говоря — самогоноварения) будут рассмотрены позднее.

В этой же книге указывается баня Ивана Анненкова, за которую он платил оброк один рубль в год. Баня, скорее всего, находилась на берегу озера Клепало напротив помещичьего дома. Доподлинно известно, что был обустроен крутой спуск от господского дома к этому озеру[517]. Там была устроена господская купальня. Логично, чтобы баня находилась где-то рядом.

У Ивана Анненкова, а позднее — у его вдовы, имелись рыбные ловли. Они были на откупе. То есть в аренде. За них арендаторы платили определенные деньги (оброк). Вот что написано на этот счет в переписной книге 1719 года[518]: «Река Семь с озеры. Те рыбные ловли по отдаче камисара Бехтерева одданы на откуп Федорову крестьянину Вощинина Емельяну Коченову да вдовы Марьи Ивановской жены Анненкова человека ея Федору Звереву с 1714 году марта с 16 числа. Оброку велено им платить стараго и с новою наддачею и перекупных и печатных пошлин по шти рублев по тритцати по одному алтыну по пяти деньги на год. А порутчики по ним путивлец Василей Федоров сын Вощинин и подьячей Прохор Поневин». За эти ловли арендаторы платили по 6 рублей 93 копейки в год. У арендаторов были поручики, которые платили оброк в случае неплатежеспособности арендаторов.

Рыбные ловли были также у братьев Ивана и Петра Череповых[519]: «Рыбные ловли в Путивльском уезде в Подгородном стану: река Семь с озеры в урочищех от озера Мертвой Вети вниз ниже Выгоревского городища. А полог да озеры: озерко Вязьски, озерко Боровня, озерка Миличи, озерко Плеснявое, озерко Влукое, озерко Глушица, затон Выгоревской, затон Простой, и озерко Колитки, озерко Боровенно, озерко Хомутец, озерко Демишкино. Половину озера Малого с протоки с вешними розлои отдано на откуп путивльцу Дмитрею Григорьеву сыну Вощинину с 1713 году ноября с 5 числа впереде на пять лет да токова ж числа. А платить было ему, Дмитрею, за те рыбные ловли старой оброк по три рубли по дватцати по шьти алтын по четыре деньги на год. И в том же 1713 году декобря в 11 день по указу Великого Государя и князя за подписанием руки губернатора Киевского намесника смоленского князя Дмитрея Михайловича Галицына по челобитью ергельского полку салдат в путивльских жителей Ивана Черепова з братом Петром вышепомянутыми рыбными ловли велено владеть им Ивану Черепову з братом Петром. Для того что те рыбные ловели даны детем и отцом их челобитчиком вместо поместной земли за четвертную пашню. И за те рыбные ловели велено оным Череповым поместной оброк платить по вся годы без доимки. А порутчики по них, Череповых, в платеже тех оброчных денег путивльские помещики Петр Аладьин, Илья Самойлов сын Крихин».

В этой же книге приведено описание Мокшевицкого паромного перевоза[520] (переезд через реку Сейм в районе современного моста). Приведем и его (к сведению): «Мокшевицкой поромной перевоз на реке на Семи был на откупе гостиной сотни на Иване Васильеве сыне Беляеве. Оброку по сту по тритцати по шти рублев по дватцати по три алтына по две деньги. Да перекупных и с оддачи по указу да печатных по полтине на год. Итого сто тритцать семь рублев шесть алтын четыре деньги. А по ведомости земских бурмистров Афонасья Курдюмова с товарыщи оной збор собираетца ныне в Путивле в земской избе». Судя по огромному оброку, который выплачивали арендаторы (136 рублей с копейками), дело это было весьма доходным.

[516] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 591 об.
[517] Об этом рассказывала моя бабушка 1905 года рождения – жительница села Клепалы.
[518] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 569–570 об.
[519] Там же.
[520] Там же. Л. 561.

Как было указано выше, в 1717 году вдова Ивана Анненкова Мария вышла второй раз замуж. На этот раз за капитана Семена Васильевича Неплюева, который в ноябре 1718 года стал новым помещиком Клепал. Не имея своих «природных» поместий и вотчин в Путивльском уезде, Семен поселился в Клепалах. С ним жила его падчерица, дочь Марии от первого брака, Марфа Анненкова. Вотчины и поместья Ивана Анненкова были разделены между Неплюевым и его падчерицей. В то время Марфе было 7 лет. Ввиду ее малолетства всеми имениями Ивана Аннекова стал управлять Семен Неплюев.

Список жителей Клепал при Семене Неплюеве приведен в ревизской сказке 1719 года[521] (приложение 6). Всего в селе насчитывалось 28 дворов. В них 129 взрослых и 24 детей мужского пола. Как мы видели и ранее, численность населения в конце XVII –начале XVIII века из года в год очень сильно менялась. Вольные люди черкасы постоянно приходили и уходили от помещика.

Через год, по приказу из Санкт-Петербурга, была составлена дополнительная сказка в пополнение предыдущих. Здесь был приведен перечень дворовых людей в доме Семена Неплюева в Клепалах[522] (см. приложение 7). При дворе Семена и его падчерицы было 16 дворовых людей, у которых было 12 детей. Заметим, что на кухне на господ работали 5 поваров. Двое из дворовых людей прислуживали Семену при его разъездах. В частности, в Санкт-Петербурге.

В следующем, 1721 году были поданы сведения о попе и церковных служителях села Клепалы[523]:

«Города Путивля 1721 году грацкие попы и церковники:

Села Клепал церкви Николая Чюдотворца поп Иван Тихонов, у него дети Павел да Илья.	Сентября 26 дня нынешнего 1721 года по свидетельству, кроме оных, у него попа Ивана никого не явилось. А у свидетельстве оной поп Иван сказал, что в том ево дворе в прописке ив утайке нет ни единой души».

Здесь мы видим, что с октября 1719 года поменялись попы и церковнослужители. Вместо Емельяна Иванова с детьми попом стал Иван Тихонов.

Последняя из обнаруженных переписей жителей Клепал относится к 1747 году и касается очередной ревизии. Это сказка об убывших крестьянах села Клепалы, а также крестьянах, купленных у различных помещиков женой Ивана Андреевича Гамалеи (тогдашнего клепальского помещика) Марфой. Сказка была подана в 1762 году крестьянином села Клепалы Иваном Поляникиным от имени своего господина, бунчукового товарища, Ивана Андреевича Гамалеи[524] (приложение 8). Завершая тему жителей села, приведем поколенную роспись клепальских помещиков в XVII и XVIII веках (приложение 9).

Теперь обратимся к изображениям села Клепалы на планах и картах XVIII и XIX веков. Село было показано на известных нам специальном плане 1782 года и спорном плане на дачу деревни Выгорева городища 1788 года. С их помощью проследим процесс застройки села в XVIII веке. Вначале рассмотрим его часть на правом (восточном) берегу Клепальского лога, на стороне Клепальского городища. На спорном плане (рис. XXXV) показаны улицы, идущие с севера на юг, вдоль меж трех полей Клепальского городища (см. также рис. II). Здесь мы видим центральную улицу, шедшую от Печковского лога до ограды церкви и кладбища. Обратим внимание на то, что на этом плане не показаны двор и усадьба помещика (в то время — Михаила Ивановича Гамалеи).

По рис. XXXV складывается впечатление, что показанные улицы были заполнены только крестьянскими усадьбами. Однако это совсем не так. И вот почему: усадьба Михаила Гамалеи была довольно большой и должна была занимать значительную площадь между Клепальским и Печковским логами. Согласно экономическим примечаниям, на эту дачу возле помещичьего дома были два больших сада. В них прорастали яблони, три сорта груш, сливы, терновые деревья, вишни. Был также виноградник. Ничего подобного на спорном плане мы не видим. Кроме того, на помещичьей усадьбе должно было быть довольно много

[521] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2718. Л. 355 об. – 356 об.
[522] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2719. Л. 94–95 об.
[523] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2721. Л. 111.
[524] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2725. Л. 227–234.

хозяйственных построек: конюшня, скотный двор, птичник, псарня, оранжерея (для того же винограда), различные сараи и т. д. Не говоря уже о помещичьих огородах. Получается, что эта местность на плане изображена весьма условно. Кстати, приблизительно в таком же духе изображено и село Чаплищи.

В экономических примечаниях указано, что в Клепалах в 1782 году было 138 дворов. При этом мужское население составляло 575 душ, женское — 535. Напомним, что в 1698 году после смерти Зиновия Панова в Клепалах было приблизительно то же число дворов — 129, а число жителей мужского пола 333. При этом в отказной книге Ивана Анненкова 1699 года сказано[525]: «Село Клепальское городище по обе стороны Клепальского Большого логу». То есть уже тогда село располагалось по обоим берегам лога. За период с 1699 по 1782 год число жителей выросло на 60%. Вместе с тем расширялась и усадьба Гамалеев. Ввиду этого логично полагать, что к 80-м годам XVIII века все крестьянские усадьбы располагались на левом (западном) берегу, а пространство между Клепальским и Печковским логами целиком занимала помещичья усадьба с подсобными строениями, садами и огородами. Довольно подробную картину этого места находим на Трехверстной карте 1869 года (листы 20-12 и 21-12) (рис. XXXVI). Здесь отмечена крестом новая церковь, построенная в 1837 году сыном Михаила Гамалеи Гавриилом Михайловичем. Господский дом (1) выходил своим парадным подъездом на запад, на большую клумбу. С другой (восточной) стороны — на сад. От дороги из Белополья в Путивль к дому вела освещенная фонарями дорога. Имелся еще один сад южнее дома. Всего показано 3 сада (2) и два больших огорода (3). С южной стороны дома и двух прилегающих слева к нему садов мы видим две постройки. Скорее всего, это были конюшни. На карте также показано довольно много других господских построек, назначение которых идентифицировать не удалось ввиду отсутствия соответствующей информации. Такая картина поместья Гамалеев сложилась постепенно, по мере роста помещичьего хозяйства, в течение ста лет их владения селом.

Теперь перейдем к рассмотрению части села на левом (западном) берегу Клепальского лога. Как было отмечено ранее, первые постройки на этом берегу Клепальского лога появились при Зиновии Панове, в 90-е годы XVII века, в период массового заселения Клепал вольными людьми — черкасами.

На рис. XXXVII представлен фрагмент спорного плана 1788 года[526], на котором изображено всё село Клепалы (оно уже так называлось в то время). Этот фрагмент ограничен с запада сохранившейся на то время межой Зиновия Панова 1685 года (1), а с востока — Печковским логом. Заметим, что уже тогда Клепальский колодезь был перегорожен греблей (плотиной). В этой гребле был устроен проход для протока, исходящего из колодезя. Показан также образовавшийся пруд (ставок). В устье ручья, справа по его течению, мы видим постройку, которую можно определить как винницу, построенную вдовой Марией Анненковой в 1717 году. Это предположение будет обосновано немногим позднее.

На левом (западном) берегу Клепальского лога и, соответственно, Клепальского колодезя, мы видим улицу (2). Это наиболее старая улица села[527]. Она образовалась в самом конце XVII века. Кривизна улицы была обусловлена рельефом местности. По обе стороны находились крестьянские усадьбы с довольно большими огородами. Ее северная часть выходила на большую площадь к устью озера Клепало (здесь оно имеет наименование «Клепальское») и к реке Семи. Эта часть улицы сохранилась до наших дней.

Здесь же мы видим улицу (3). Она выходила на эту же площадь. Эта улица не сохранилась. Указанная площадь являлась тогда центром села. Здесь был наиболее удобный выход к большой воде: к устью озера Клепало и к реке Семи. Уклон был небольшим, около 8 градусов[528]. В этом месте центр села сохранялся до начала XX века. Именно здесь он показан на плане 1910 года[529].

Оставшаяся часть села, участок (4), была заселена Михайлом Ивановичем Гамалеей в 70-е и 80-е годы XVIII века во время (или сразу после) постройки мельницы на реке Семи у озера Влукое (ныне —

[525] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 313 об.

[526] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ед. хр. 4776.

[527] Села, а не деревни, поскольку деревня Клепало располагалась целиком на правой (восточной) стороне лога.

[528] Измерение произведено с помощью инструментария ресурса Google Earth.

[529] План Путивльского уезда Курской губернии. 1910 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-ukraine_sumy_putivlskiy-uezd-1910/ (03.03.2010).

озеро Кривое). На это указывает запись в спорном деле «О дачах Выгорева городища» 1783 года[530]: «А на произведенных в оной же пустоши в поместье и в вотчину предкам же господина {генерал-майора Черепова} моево усадебных местах в урочище на реке на Семи против озера Влукова, которое озеро состоит в смежной через реку Семь села Чаплищ даче, уже им, коллежским ассесором {Михайлом Ивановичем} Гамалеем, в 774-м и в 775-м годех многие крестьянские дворы населены и мельницы на реке Семи построены». Мельница[531] была показана на специальном плане Дикого поля 1782 года[532].

Заметим, что улица (4) не доходит до межи (1), хотя сама мельница была построена за этой межой. Это связано с тем, что берег реки Семи от Клепальского до Выгорева городища издавна принадлежал клепальским помещикам. Ввиду этого построенная Михайлом Гамалеей мельница была на его землях, и по этому поводу никаких споров не возникало. А вот межа (1) на Диком поле в то время была спорной. Земли Дикого поля были куплены Михайлом Ивановичем в 1777 году, однако межа оспаривалась потомками Ивана Иванова сына Черепова и Данилы Лихачева, которые имели здесь земли с 1650 года (см. разд. 1.4.3). В 70-е и 80-е годы XVIII века этот спор был в самом разгаре. Дело завершилось только в 1788 году в пользу Михаила Гамалеи. С этого времени он стал законным хозяином Дикого поля и мог продолжать заселение улицы (4) в направлении озера Влукое (Кривое). В дальнейшем эта улица стала центральной. К середине XIX века она простиралась от Клепальского до Выгоревского лога и именовалась в народе «Селом». Ее жители имели свои усадьбы «на Селі». Это наименование, как неофициальное, сохранилось до наших дней.

Реконструкция местности на восточной стороне Клепальского лога по состоянию на 1788 год представлена на рис. XXXVIII. Здесь показан дом помещика Михаила Гамалея, два сада рядом с ним (в соответствии с рис. XXXVI) и усадьбы крестьян с огородами. Эти усадьбы показаны как вероятные, поскольку нет достоверных данных о том, что на этой территории в то время их совсем не было. Возможно, и были, но в XIX веке, по мере расширения усадьбы Гамалеев, крестьяне переселялись на левый берег Клепальского лога и вся площадь между Печковским и Клепальским логами занималась помещичьей усадьбой.

На этом же рис. XXXVIII показана первая в Клепалах деревянная церковь, освященная в 1693 году[533]. К церкви примыкало кладбище. Территория имела ограду, в которой были двое ворот. К восточным воротам вела дорога из помещичьей усадьбы. Кроме помещика и членов его семьи, к этим воротам ходили на богомолье прихожане из деревень Карпиловки и Дьяковки. Едва ли — через усадьбу Гамалеев. Скорее всего, обходили ее с востока вдоль Печковского лога и далее по центральной улице — к церкви (см. рис. XXXV).

Второй вход был с противоположной (западной) стороны церковной ограды, со стороны Клепальского лога. Через эти ворота ходили в церковь жители села Клепалы. Деревянная церковь была разобрана в 1834 году, и на ее месте была построена новая, кирпичная.

Реконструкция части села на западной стороне Клепальского лога представлена на рис. XXXIX. Уже к середине XIX века участки улиц (1) и (2) были перепланированы. На Трехверстной карте[534] 1869 года (рис. XXXVI) село Клепалы выглядит как современное за исключением хуторов Сынього и Одорванки. Синий хутор заселялся в начале XX века. Сведений о времени заселени Одорванки у автора нет.

Наиболее позднее описание села Клепалы находим в известных нам экономических примечаниях: «№ 243: Село Клепалы владения коллежского ассесора Михаилы Иванова сына Гамалеи. В оном селе за спором церковной земли не вымежано.

- число дворов 138, мужского полу 575, женского 535;
- земли под поселением — 58 десятин;

[530] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 16 об.

[531] Детальное описание мельницы будет представлено позднее.

[532] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч. 1. Д-5 (синий). Дикое поле пустошь, что на реке Семи.

[533] Детальное описание церкви 1693 г. было приведено в разд. 1.4.10.

[534] Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert-map/21-12/ Недригайлов (01.08.2011). и http://www.etomesto.ru/shubert-map/20-12/ Путивль. (01.08.2011).

- пашни — 382 десятины 2086 сажень[535];
- лесу дровяного — 6 десятин 320 сажень;
- неудобнои земли — 42 десятины 2370 сажень.

Итого: 409 десятин 2376 сажень.

В том селе церковь деревянная во имя святого Чудотворца Николая с приделом Казанския пресвятыя Богородицы.

Дом господской деревянной. При нем два сада иррегулярные[536] с плодовитыми деревьями яблановыми, боргомотными[537], гливными[538], дулевыми[539], сливными, терновыми, вишневыми, и отчасти и виноград. С коих собираются плоды употребляются для домоваго господского обиходу.

А дачею простираются по берегам реки Семи озера Клепалы и от безымянного отвершка[540] на левой и оврага Пристенка на правой сторонах, и при больших дорогах, лежащих из города Путивля в города Белополье и Недригайлов».

Дальнейшее исследование села Клепалы автором не производилось.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПЕРЕПИСЬ ПРИХОЖАН ЦЕРКВИ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА СЕЛА КЛЕПАЛЫ, 1693 год

(В{о дворе}) Омелько Медведниченко, (в) Кондрашка Омельниченко, (в) Мишка Красной Плат, (в) Мишка Татарин, (в) Яшка Черкашенин, (в) Андрюшка Литвин, (в) Пашка Кривой, (в) Матюшка Литвин, (в) Гришка Черкашенин, (в) Алешка Черкашенин, (в) Яшка Литвин, (в) Ивашка Лехкобут, (в) Левка Черкашенин, (в) Стенька Черкашенин, (в) Игнатка Черкашенин, (в) Ивашка Белостан, (в) Васька Белостан, (в) Васька Литвин, (в) Ивашка Литвин, (в) Лучка Черкашенин, (в) Амелька Черкашенин, (в) Сенька Черкашенин, (в) Юрка Мичипоренко, (в) Федька Момарь, (в) Костька Литвин, (в) Яшка Литвин, (в) Костька Черкашенин, (в) Сидорка Литвин, (в) Дёмка Литвин, (в) Ивашка Черкашенин, (в) Пашка Савченка, (в) Ивашка Чебан, (в) Юрка Литвин, (в) Гераська Клеменка, (в) Гераська ж Клеменка, (в) вдова Клименкова, (в) Кондрашка Кокса, (в) Лучка Литвин, (в) Юрка Черкашенин, (в) Ивашка Трущенко, (в) Илюшка Черкашенин, (в) Петрушка Литвин, (в) Васька Черкашенин, (в) Гришка Черкашенин, (в) Федька Осадчий, (в) Мартынка Черкашенин, (в) Фомка Литвин, (в) Васька Колесник, (в) Гришка Черкашенин, (в) Карко Швец, (в) Мишка Черкашенин, (в) Ивашка Черкашенин, (в) Мартынка Черкашенин, (в) Васька Литвин.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПЕРЕЧЕНЬ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА КЛЕПАЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ ПО СОСТОЯНИЮ НА 1699 год

Село Клепальское городище по обе стороны Клепальского Большого логу. И в селе церквь Николая Чюдотворца. У той церкви поп Федор, да дьячок, да пономарь, да двор вотчинников. А в нем дворовые люди Антошка Мартынов сын Тотарин, у него сын Гришка; Никитка Степанов; Васька Дмитриев; Бориско Васильев сын Друшляков, Ступан он же; Прохорка Иванов сын Ключник; Пашка Хоритонов сын Швец, у него

[535] Имеются в виду квадратные сажени.

[536] Пейзажный (английский, иррегулярный, ландшафтный) парк – направление в садово-парковом искусстве, сложившееся в XVIII в. в Англии на контрасте с барочным регулярным парком во «французском стиле».

[537] Бергамот – сорт сочных сладких груш. (*Прим. авт.*)

[538] Глива украинская – местный украинский сорт груш, наиболее широко распространенный в Харьковской и Полтавской областях. Довольно часто встречается также в южных районах Курской области. В культуре известен ряд форм гливы украинской, которые различаются между собою по вкусу и размеру плодов. (*Прим. авт.*)

[539] Груша дуля – зимостойкий сорт народной селекции. Цвет плодов: желтый. Вкус: кисло-сладкий. (*Прим. авт.*)

[540] Имеется в виду отвершик лога, который вел в Борынские дубровки и «подшел под Путивльскую дорогу» (см. разд. 1.2.2.).

сын Савка; Федька Яковлев сын Швецов, Лизун он же; Ивашка Хоритонов сын Коновал; Алферко Екимов сын Трубач.

Да по скаске вышеписанного дворового человека Антошки Тотарина дворовые же люди в бегах: Васька Гаврилов сын Лушка; Гришка Васильев; Васька Бойбак; Исачка свинарь; Васька Емельянов; Ивашка Хоняков; Ивашка Давыдов.

Да в том же селе живут крестьяне: (в{о дворе}) Васька Шляпнин; (в) Васька Шевченка, у него сын Артюшка семи лет; (в) Ивашка Шевченка, у него сын Сенька; (в) Климка Рыбалка, у него сын Сенька; (в) Андрюшка Тимофеев сын Шабельников, у него детей Панька, Мартынка; (в) Дмитреика да брат Ивашка Павлавы дети Клеменковы; (в) Гераська Тимофеев сын Рудый, у него сын Костька, да пасынок Ермошка Лавренов.

Бобыли: (в) Микитка Лукьянов да брат Сенька; (в) Алферка Тимофеев, у него сын Ивашка шести лет; (в) Карпик Григорьев сын Ткач, у него шурин Васька.

Да повольные пришлые люди черкасы живут в мазанках: Панька Карпов сын Панамар, у него сын Антошка, Мишка тринатцати, Корюшка двенатцати, Гераська пяти лет, Ефимко полугоду; Юрка Микифоров, у него сын Власка девяти, Гришка пяти лет; Сенька Чабанов, у него сын Сенька, у Сеньки ж зять Панька Чабанов зять у по… сын Сенька осьми лет; Сидорка Микифоров, у него дети Ивашка да Петрушка, у Ивашки дети Алешка трех лет, Никифорка полутора; Степанка Коваль, у него дети Яшка да Сенька девяти лет; да соседи: Кузька Алексеев; Гришка Федоров; Конька Яковлев сын Ткач, у него сын Моисейка четырех лет; Алешка Семенов, у него братья Иваша, Фомка, Осипка, Артюшка, у Ивашки сын Сенька году; Матюшка Григорьев сын Нагорнои, у него сын Тимошка пяти лет да шурин Митька Михайлов; Федька Понамарь, у него сын Терешка двенатцати лет; Ивашка Степанов, у него сын Гришка; Ивашка Тимофеев; Игнатка Елисеев, у него сын Мартынка осьми лет, да пасонок Гаврилка Васильев; Нестерка Павлов, у него племянники Антошка девяти лет, Ивашка полутора году; Никишка Васильев, у него дети Яшка да Ивашка осьми лет; Васька Ерофеев, у него дети Федька, Гераська, Оська, у Федьки сын Трошка трех, у Гераськи дети Алешка трех лет, Ивашка полугоду; Кондрашка Иванов, у него дети Савка осьми лет, Панька полугоду; Климко Мартынов; Демко Санбур, у него сын Федька, у Федьки сын Фомка трех лет; Стенька Петров, у него зять Оська, у Оськи сын Фомка дву лет; Трошка Павлов, у него братья Климка да Сенька; Алешка Андреев, у него сын Тишка двенатцати лет; Ивашка Кривомазанко, у него дети Ильюшка двенатцати, Ивашка осьми, Сазонка трех лет; Алешка Романов, у него дети Сенька десяти лет, Игнатка полугода; Якушко Иванов сын Христенко, у него дети Васька пятнатцати, Данилка пяти лет; Данилка Мортынов, у него брат Ивашка, у Данилки сын Ивашка пяти лет; Остапка Иванов сын Христопенко, у него дети Захарка осьми, Тимошка семи, Ониска четырех лет; Демко Павлов; Никишка Васильев, у него дети Афонька, Ромашка, Данька; Федька Яковлев, у него дети Данилка пятнатцати, Никифарка четырех лет, да сосед Васька; Гришка Филипов, у него дети Мишка, Кузька, Яшка шести лет; Мишка Васильев да братья Матюшка, Максимка; Мартынка Матвеев, у него сын Демко; Харька Крючок, у него дети Матюшка тринатцати, Аниска девяти, Яшка пяти лет; Кирюшка Савельев; Гришка Степанов, у него дети Пронька двенатцати, Ивашка Большой трех, Ивашка Меньшой дву лет; Данилка Федоров; Ивашка Лысой, у него дети Ивашка, Илюшка, Яшка семнатцати лет; Гришка Попченка, у него брат Ярка, у Гришки сын Алешка; Алешка Иванов, у него сын Оська десяти лет; Васька Познохирев зять, у него сын Игнатка пяти лет; Мишка Дмитреев, у него сын Емелька пяти лет; Тимошка Лукьянов сын Резник, у него сын Мишка адиннатцати лет; Панька Лукьянов сын Резник, у него сын Васька; Гришка Григорьев; Ромашка Лавренов, у него сын Ивашка дву лет; Гришка Васильев сын, у него дети Ивашка осьми, Васька семи, Демка дву лет; Васька Ос… сын Гребенников, у него дети Ивашка девяти, Василька четырех лет; Тимошка Леонтьев, у него шурин Захарка Кузьмин; Марчка Осипов, у него племянник Панька Кирюшин Денисовы дети; Мартынка Емельянов, у него сын Ромашка пяти лет; Гераська Григорьев, у него братья Алешка, Мишка; Илюшка Григорьев, у него дети Пашка двенатцати, Васька семи лет; Мишка Прокофьев, у него брат Яшка, у Мишки дети Илюшка десяти, Аниска семи, у Яшки сын Максимка пятнатцати лет; Гришка Ерофеев, у него дети Ивашка пятнатцати, Ивашка ж пяти лет; Лаврушка Петров, у него сын Панька, у Паньки сын Моисейка трех лет, да зять Оська Емельянов, у Оськи дети Озарка четырех, Микишка дву лет; Васька Григорьев, у него дети Ивашка, Сенька, у Ивашки сын Петрушка, у Сеньки

сын Микитка полугода; Панько Яровый, у него дети Гераська, Федька, у Федьки сын Васька трех лет; Ивашка Белой; Сенька Иванов, у него дети Прошка, Федька пятнатцати лет; Озарка Федоров, у него дети Кузьма, Абрамка пятнатцати, Микитка осьми лет; Кирюшка Иванов, у него сын Ивашко адиннатцати, да зять Максимка Яковлев; Емелька Семенов, у него брат Исачка, Стенька Федоров, у него сын Трошка полтора году; Ивашка Данилов, у него дети Кузька, Ивашка пятнатцати лет; Филька Яковлев сын Ластовка; Кондрашка Григорьев, у него сын Оська осьми лет; Левка Иванов; Федька Семенов, у него дети Гаврилко пятнатцати, Афонька девяти лет, у Федьки зять Антошка Семенов; Петрушко Тимофеев сын Неводничей, у него дети Петрушка, Трошка осьми лет; Мартынка Иванов, у него сын Федька семи лет; Оська да Ивашка Мартыновы дети, у Оськи сын Назарка девяти лет; Андрюшка Яковлев; Гришка да Сидорка Степановы дети, у Гришки сын Антошка трех лет; Костька Нагой, у него сын Федька пяти лет; Петрушка Иванов сын Ткач; Панька Прохоров; Оська Иванов; Гришка Остапов, у него братья Васька, Климка девяти лет; Мартынка Васильев, у него сын Стенька семи лет; Ивашка Колесник; Васька Семенов, у него сын Калинка полу году; Никишка Федоров, у него детей Гришка пяти, Ромашка дву лет; Митька Семенов, у него детей Андрюшка семи, Гришка пяти, Микитка дву лет; Оська Фотеев; Пархомка Фотеев, у него дети Гришка семи, да Гришка ж четырех лет; Ивашка Нестеров, у него сын Гаврилка семи лет; Стенька Линник, у него сын Васька; Ивашка Осипов, у него сын Ивашка, Кузька … лет; Сидорка Трофимов; Мишка Семенов, у него дети Трошка десяти, Климка семи, Ивашка шести лет; Демко Форто<…>; Сенька Мартынов, у него детей Митька шести, Якушка четырех, Максимка дву лет; Микитка Романов, у него племянник Васька Петров; Кузька Семенов, у него детей Сидорка пяти, Ивашка дву лет; Панька Карпов, у него брат Микитка, да зять Микитка ж Семенов, у него дети Осташка осьми, Емелька четырех лет; Стенька Михайлов, у него сын Федька дву лет; Гришка Еремеев, у него сын Микитка трех лет, Юрка Григорьев сын, у него дети Петрушка, Мишка двенатцати лет; Гришка Иванов, у него дети Демко тринатцати, Пронька осьми, Яшка четырех, Гераська дву лет; Костька Старый; Пронька Семенов, у него сын Кузька трех лет; Ивашка Яковлев, у него братья Якимко двенатцати, Корнюшка четырех лет; вдова Анница Федькина жена прозвища Рудчиха, а у нея дети Гришка пятнатцати, Антошка тринатцати, Стенька осьми лет; Ивашка Федоров; Моисейка Любимов, {у него} зять Васька Марков; Федька Демянов; Еремка Литвин, у него зять Трошка, у Трошки сын Стенька трех лет; Марчка Алексеев; Ивашка да Гераська Андреевы дети, у них зять Гришка Климов; Пашка Суховей, у него сын Мишка десяти; А… Яковлев, у него дети Данилка десяти, Демко четырех лет; Лаврушка Толока, у него дети Сенька десяти, Гаврилка семи лет; Сенька Алексеев; Федька Иванов сын …ченко; Филько Лукьянов; Митька {Ми}хайлов сын Гора.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПЕРЕЧЕНЬ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА КЛЕПАЛЫ ПО СОСТОЯНИЮ НА 1715 год

В Клепалском городищи село Клепало над озером Клепалом и над рекою Семью. В том селе церковь во имя Николая Чюдотворца. У той церкви поп Иван природы черкаской. Двор вотчеников со всяким строеньем. В нем дворовых людей: Андрей Радионов, у него жена Фекла, сын Михайла; Федор Зверев, у него жена Василиса, сын Иван, своячиня девка Матрена Степанова дочь; Василей Степанов, у него жена Марья; Петр Львов, у него жена Василиса; Лифантей Михайлов, у него жена Федора; Алексей Хролов, у него жена Котерина; Радион Прокофиев, у него жена Ульяна; да вольной черкашенин Павел Харитонов.

Да в том жа селе Клепале тритцать восьмь усадеб жилых, в которых ныне живут вольные люди черкасы: во дворе Василеи Каврига; во дворе Семен Луценка; во дворе Павел Нилай; во дворе Емельян Притыка; во дворе Сидор Реченской; во дворе Федор Пономарь; во дворе Яков Лысой; во дворе Матвей Торотыка; во дворе Павел Пономарь; во дворе Василей Коваль; во дворе Яков Криштова; во дворе Яков Бойченка; во дворе Иван Магильной; во дворе Остап Криштова; во дворе Петр Смолей; во дворе Роман Гребенник; во дворе Мартын Швец; во дворе Михайла да Яков Похилки; во дворе Григорей Погорелой; во дворе Никита Пономарь; во дворе Иван Муросо; во дворе Иван Белой; во дворе Павел Еровой; во дворе Петр

Рыбалка; во дворе Гаврила Осадченко; во дворе Дмитрей Волкогон; во дворе Емельян да Григорей Хасковые; во дворе Василей Бондаренко; во дворе Федор Мойсеенко; во дворе Осип Свистельниченко; во дворе Харитон Москоленко; во дворе Иван Черный; во дворе Костя Нагова; во дворе Петр Юрченко; во дворе Степан Подлипенец; во дворе Григорей Лузан; во дворе Кирик Бойченко; во дворе Герасим Родченко.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ИТОГИ ПЕРЕПИСИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА КЛЕПАЛЫ 1719 года

Села Клепалова Церкви во имя Николая Чюдотворца.

При той церкви поп Иван Еремеев. Ныне у него поподья Авдотья 40 лет.

Из оного двора убыло дети церковники Петр да Григорей в 1709 сошли у Белопольской уезд <...>

В том село жители:

Во дворе вдова Марья полковника Ивановскоя жена Анненкова 30 {лет}. Дочь Марфа 4.

У ней дворовые люди: приказной человек Андреи Родионов 44. У него жена Фекла 40, сын Михайла 4.

Дворовые люди:

Василей Степанов сын Чернявской 25, жена Матрена 20, Дочь Марья 11.

Михайла Федоров сын Гущин 45, жена Марья 50, сын Андрей 9.

Лихвантей Никитин 42, жена Федора 40, Дочь Марья 6.

Явилися вновь: из корму живут черкасы Прокофей Климовченко 40. У него сын Понтелей 15.

В нея ж вдовы дворовыя люди Федор Зверев 35, жена Василиса 27, своячница Мотрена 13 лет.

Из оного двора ис переписки 1710 году убыло: он полковник в 1713 году.

А Иван Черняков з женою Марьею и сыном Алексеям Тихоновы в 1711 году померли.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ИТОГИ ПЕРЕПИСИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА КЛЕПАЛЫ 1719 года (продолжение)

За вдовою Марьею в селе Клепалах 34 двора вольных черкас.

Во дворе Василей Ковряга 45 {лет}. У него жена Дарья 40. Родом города Смелова. Живет тому 30 лет. У него сын Иван 10 лет.

Во дворе Семен Луценко 50. У него жена Котерина 30. Родом города Конотопа. Живет тому 9 лет.

Во дворе Федор Сидоров зять 40. У него жена Маланья 40. Родам из Белополья села Речек. Живет тому 10 лет.

Во дворе Сидор Яценко 40. У него жена Ульяна 35. Родом города Крыги. Живет тому 10 лет.

Во дворе Мотвей Игнатишин 55. Жена Ирина 40. Родом города Крыги. Живет тому 2 года.

Во дворе Яков Крыштопонко 40. У него жена Дарья 30. Родом города Белополья. Живет тому 20 лет.

Во дворе Павел Пономарь 55. У него жена Анна 40. Родом из-за Днепра города Конева. Живет тому 10 лет. У него дети Иван 7 Афонасей 8 лет.

Во дворе Василей Коваль 40. У него жена Котерина 30. Родом из-за Днепра города Василькова. Живет тому 2 года.

Во дворе Логин Пасечников 50. У него жена Марина 30. Зять родом ис Конотопа села Кофревки. Живет тому 7 лет. У него сын Остап 20. Жена Анна 22.

Во дворе Яков Бойченко 50. У него жена Дарья 30. Родом города Конотопа. Живет тому 10 лет.

Во дворе Осип Крыштопов… 40. Жена Мотрена 30. Родом из-за Днепра города Могилева. Живет тому три года. У него дети Гаврила 8, Козьма 18 лет.

Во дворе Иван Цырюличенко 50. У него жена Мотрена 25. Родом города Василькова. Живет тому 2 года.

Во дворе Петр Смола 70. Жена Марья 60. Родам города Купривна. Живет тому 15 лет. У него дети Иван 40. Жена Ирина 37. Борис 20. Жена Фекла 20.

Во дворе Роман Гребеннин 45. У него жена Марья 30. Родом города Королевца. Живет тому 19 лет. У него сын Алексей 15 лет.

Во дворе Григорей Погорелой 40. Жена Меланья 40. Родом города Борзны. Живет тому 9 лет <…> У него брат Микита 21. Жена Ирина 25 лет.

Во дворе Михайла Похильной 48. У него жена Марья 30. Родом города Митчинко. Живет тому 20 лет. У него дети Яков 17, Мирон 30. Жена Марья… 20 да брат Платон 8, брат ево Григореи 20. Жена Фетиня 20.

Во дворе Иван Белорода 50. Жена Дарья 40. Города Селиметчинас. Живет тому 15 лет.

Во дворе Федор Пальченко 40. Жена Авдотья 18 лет. Родом из-за Днепра города Лысенки. Живет тому 3 года. У него сын Петр 20 лет.

Во дворе Павел Рыба 45. У него жена Мотрена 30. Родом города Ромна. Живет тому 9 лет. У него сын Кирила 20. Жена Ирина 25 лет.

Во дворе Андрей Митченко 40. Жена Дарья 40. Родом села Митченок. Пришел тому 10 лет. У него сын Микита 17 лет.

Во дворе Петр Ступаченко 40. У него жена Матрена 40. Родом из Конотопа села <…>. Живет тому 15 лет. У него сын Петр 8 лет.

Во дворе Антон Пономаренко 55. Жена Маря 40. Родом из-за Днепра города Лисенки, тому 4 года.

Во дворе Дмитрей Волкогон 30. Жена Екотерина 20. Родом села Мечено. Живет тому 10 лет.

Во дворе Емельян Могольвец 40. У него жена Домна 30. Родом местечка Сосницы. Живет тому 10 лет. У него сын Данила 10 лет.

Во дворе Аврам Коспелко 48. Жена Дарья 40. Родом города Магилева. Живет тому 9 лет. У него сын Федос 17 лет.

Во дворе Степан Подапонец 47. У него жена Дарья 30. Родом села Потапного. Живет тому 10 лет.

Во дворе Павел Карпенко 45. У него жена Ирина 30. Родом города Керолевца. Живет тому 12 лет. У него племенник Иван 12 лет.

Во дворе Кирила Бондарь 45. Жена Домна 30. Родом города Королевца села Подлипного. Живет тому 15 лет.

Во дворе Федор Борсученко 50. У него жена Фекла 40. Родом Конотопа села Каменя. Живет тому 10 лет.

Во дворе Петр Юрченко 28. У него жена Марья 20. Родом города Королевца. Живет тому 15 лет. У него братья Иван 8, Ерема 12 лет.

Во дворе Осип Маловенко 50. У него жена Ирина 30 лет. Родом из-за Днепра. Пришол из местечка Сечи. Живет тому 15 лет. У него племенник Федот 8 лет.

Во дворе Иван Загребенко 40. Жена Просковья 25. Родом города Кролевца. Живет тому 10 лет. У него брат Торас 20.

Во дворе Осип Свильвиченко 50. У него жена Домна 30. Родом города Королевца села Подлипного. Живет тому 6 лет.

Во дворе Козьма Севченко 50. А у него жена Ирина 40. Родом из-за Днепра города Смелого. Живет тому 4 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ПЕРЕЧЕНЬ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА КЛЕПАЛЫ ПО РЕВИЗСКОЙ СКАЗКЕ СЕМЕНА НЕПЛЮЕВА И ЕГО ПАДЧЕРИЦЫ МАРФЫ

Того ж числа {1719 год, 3–5 октября} по присланному Царского Величествия именному указу в конце-лярии Обоянской правинцыи Путивльского уезду села Клепал помещика капитана Семена Васильева сына

Неплюева да патчерицы ево девки Марфы дому их приказной человек Василей Чехочев, да оного ж села Клепал подданных черкас помещики их отамон Иван Мурогай, да села Череповки отамон Тимофей Киреев, деревни Борыни Савелей Иванов сказали за помещиком де их обше с патчерицею ево девкою Марфою во оном селе Клепалах:

Во дворе попове Емельян Иванов 80 лет, у него дети Иван 30, Дмитрей 25, Иван 20 лет. Да Дмитрей Плюгатор[541] 60 лет у него зятья Василей 30, Матвей 20.

Во дворе Василей Григорьев 80 лет, у него дети Артем 16, Федор 12, Иван 9. У него ж Василья брат двоюродной Андрей Трофимов 60 лет. У Андрея сын Мартын 25 лет. Во дворе Карп Григорьев 60 лет у него брат двоюродной Семен Лукьянов 40 лет. Во дворе Сидор Михайлов 60 лет, у него дети: Петр 30, Василей 26 лет. Да братья ево Сидоровы двоюродные: Семен 40, Яков 30, Григорей 18 лет. Во дворе Федор Садовничей 60 лет, у него брат Илья 30 лет. Во дворе Матвей Лесничей 40 лет, у него племянники Кирила Григорьев 30, Илья 24, Герасим 18 лет. Во дворе Василей Григорьев Пасечников 60, у него сын Дмитрей 15. У Василья шурин Матвей 30, у Матвея зять Алексей 26 лет. Во дворе он отамон 35 лет, у него зять Никита 30, да пасонок Яков 20. У Якова брат Максим 25. У Ивана два брата: Никита 40 лет, Григорей 50 лет. У Никиты дети Федор 12, Терентей 8 лет. Во дворе Яков Прокопов 80 лет. У него сын Максим 40 лет. У Максима сын Григорей 9 лет. У Якова брат родной Михайла 60 лет. У Михайла дети Алексей 15, Степан 8 лет. Во дворе Степан Сидоров 50 лет, у него пасоноки Семен 15, Трофим 10 лет. У него ж Степана двоюродной брат Мартын 60 лет. У Мартына сын Раман 25 лет да зять Трофим 30 лет. У них племянник Демьян 40 лет, у него дети Герасим 25, Степан 15, Григорей 9 лет. Во дворе Раман Лавренов 80 лет. У него дети Иван 28, Григорей 10 лет. У него ж зятья Данила 20, Яков 30 лет, Григорей 20 лет. У Григорья сын Данила 6 лет. Во дворе Алексей Григорьев 40 лет, у него дети Никита 15, Григорей 10 лет, у него ж брат Дмитрей 30 лет. Во дворе Иван Григорьев 65 лет, у него сын Иван 10 лет, у него зять Василей 20 лет. У него ж два брата Семен 60, Иван 50 лет. У Семена сын Василей 10 лет. Во дворе Федор Павлов 40 лет, у него дети Василей 15, Мина 10 лет, Гаврила 5 лет. У него ж Федора брат Прохор 25 лет. У Прохора сын Павел 10 лет, зять Конон 20 лет. У него ж Федора племянники Казьма 30, Никита 20 лет. Да племянники их два Ивана близнята по 7 лет. Во дворе Петр Тимофеев 90 лет, у него дети Иван 30, Петр 20 лет. У него ж племянники Гаврила 30, Иван 15, Антон 40 лет, внук Данила 18 лет. У Антона дети Мини 8, Петр 6 лет. Во дворе Семен Иванов 60 лет, у него сын Иван 30 лет, да зять Лаврен 20 лет. Во дворе Митрей Нестеров 70 лет у него дети Андрей 30, Иван 11 лет, да племянники Павел 40, Тимофей 30, Григорей 20 лет. Во дворе Яков Есков 80 лет у него дети Григорей 30, Михайла 25, Исай 18 лет, у него ж племянник Семен 25 лет. Во дворе Григорей Григорьев 30 лет, у него дети Кондрат 4, Кирила 3 лет, у него ж племянники Павел 40, Никита 25. Во дворе Григорей Юрков 90 лет, у него дети Михайла 40, Емельян 20, Тимофей 18 лет, да племянники Леон 35, Иван 20 лет. Во дворе Ефим Васильев 94 лет, у него брат Степан 50 лет. У Ефима дети Евстифей 45, Емельян 35, Андрей 30, Алексей 20 лет. У него ж зять Алексей 30 лет. У Степана дети Федор 10, Андрей 6 лет, да у него ж брат Герасим 50 лет. Во дворе Костентин Федоров 60 лет, у него сын Никита 15 лет, да зять Денис 40 лет. У Дениса дети Павел 8, Мирон 5 лет. У него ж братья Петр 35, Тимофей 20. Во дворе Григорей Еремин 70 лет, у него дети Никита 15, Степан 10 лет. У него ж братья Федор 60, Осип 40 лет. У Федора дети Игнат 17, Михайла 10 лет, у него ж шурин Иван 30 лет. Во дворе Кирила Василев 90 лет. У него дети Андрей 40, Василей 20, Павел 5, Никита 10 лет. У него ж племянник Леон 30 лет. Во дворе Петр Юрьев 50 лет. У него брат Раман 40 лет, у Рамана дети Василей 13, Василей Меньшой 9, Яков 6 лет. У него брат двоюродной Иван 60 лет. У него ж шурины Семен 30, Нестер 20 лет. Во дворе Харитон Дмитреев 50 лет, у него свояки Федор 40, Осип 50. У Федора дети Алексей 20, Григорей 17 лет. Во дворе Аврам Еремин 50 лет, у него брат Василей 30 лет. У него ж племянники Павел 40, Харитон 15, Назар 40 лет. У Назара свояк Иван 35 лет. Во дворе Василей Никифоров 50 лет. У него брат Федор 30 лет. Во дворе Казма Иванов 40 лет.

И к сей сказки села Клепал Николаевской дьячок Кирило Иванов уместо Василя Чихачова, Ивана Маругого, Тимофия Криева, Савелья Иванова по их прошению руку приложил. А помянутой сказки написали оне самою истиную не утая ни единой мужеска полу души.

[541] Здесь неясно: «Плюгатор» – это позвище? Или Дмитрий занимался работами на церковной земле. В частности, был «плугатором», то есть пахарем.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

СПИСОК ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ СЕМЕНА НЕПЛЮЕВА И ЕГО ПАДЧЕРИЦЫ МАРФЫ, 1719 год

По присланному Царского Величества имянному печатному указу из Санкт Питербурхаской конце-лярии сего 720 году апреля 7 дня повелено в Путивле ив Путивльском уезде в пополнения прежних сказак о душах мужеска полу.

{1720 года} майя в 10 день по присланному Царского Величествия указу из Санкт Питербурха Путивльского уезду села Клепал помещика Семена Васильева сына Неплюева приказщик Андрей Родионов скозал во дворе помещика моево прикащиком я Андрей Родионов. Отроду мне 60 лет. У него сын Михайла 8 лет, племянник Иван Иванов 8 лет. Стряпчей[542], которой ходит за делы, Федор Зверев. Отроду ему 39. У него дети сын Иван 5, Семен году. Дворовые люди: Василей Чехочев 40, Федор Шапкин 50, у него сын Семен 9. Поворы Алексей Фролов 45, Родион Прокофьев 35, Трофим Сергеев 15, Лифантей Михайлов 40, Василей Чернавской 28. Ныне с помещиком на службе в Санкт Питербурхе Иван Лукьянов 20, Андрей Михайлов 15. Из иноземцов Павел Степанов 17, породы польской, Иван Швед 40, Григорей Антонов 25, породы татарской, Григорей Андреев 10 цыганской породы. Да из найму служат повольно черкасы Павел Харитонов 50, у него дети сын Савелей 20, Колина 11, Никита 4. Прокофей Иванов 40, у него сын Андрей 8. Григорей Афонасьев 40, у него дети Григорей 7, Василей 4.

А о крестьянех о русских и о черкаских в скаске моей, какова с меня взята в прошлом 1719 году, написаны все бес утайки. А окромя того во дворе помещика моего приказщиков и стряпчих, дворовых, и протчих мужеска полу людей никаких званий нет ни единой души. А ежели я, Андрей, в сей своей сказки скозал что ложно или во дворе помещика своего других прикащиков и дворовых, и протчих мужеска полу людей какова звания ни есть, кроме вышеписанных, хотя единою душу утоил и за лживою мою сказку и за утайку указал бы Царское Величество учинил мне жестокое накозание по своему Государеву указу.

К сей сказки Иван Бурого вместо приказщика Ивана Родионова по ево прошению руку приложил.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА КЛЕПАЛЫ, ПОДАННЫЕ В 1762 году

№ 74. Подана августа 12 дня 1762 году.

1762 году августа 10 дня Путивльского уезду Засемского стану села Клепал помещика бунчукового товарища Ивана Андреева сына Гомалея крестьянин Иван Поляников по силе публикованного в нынешнем 1762 году генваря 10 дня правительствующего Сената указу с ведома господина своего дал сию скаску о положенных по последнеи 1747 году ревизии в подушном окладе (налоге на крестьянские души) за оным господином моим и с того числа разными случаями убылых и после того вновь рожденых и объявляю по самои истине объявляю без всякой утайки <...> в прежнем обличею являсь в том повинен буду положенного по указом тяжкого штрафа.

[542] Стряпчий – в данном случае – работник, слуга, выполняющий различные дела. Федор Зверев, как доверенное лицо помещика, выполнял в том числе поручения, связанные со спорами с другими помещиками. В том числе написание и оформление документов.

Путивльского уезду Засемского стану села Клепал	По последней ревизии в подлинном окладе положены	В оных после ревизии доныне разными случаями выбыли	Ныне состоят налицо и с прибылыми вновь рожденными
	Л Е Т А		
Написанные в бывшую ревизию за оным господином моим Иваном Андреевым сном Гомолеем			
Крестьяне			
Павел Никитин сын Михайлов. Холост	15	—	32
Петр Иванов сын Диковской	73	умре в 749-м году	
Его сын явившейся из бегов в подушной оклад после ревизии причислен Михайла	—	—	28
У Михайлы жена Авдотья Иванова дочь 25 лет.			
У них сын, рожденной после ревизии, Максим	—	—	2
Козьма Михайлов	14	померли в 750 м году	—
его брат Яков	11		—
Переведенных доставшиеся по приданству за женою господина моего Марфою Ивановою дочерью написанных в бывшую ревизию за полковником Семеном Васильевым сыном Неплюевым в нижеписанных деревнях			
В селе Успенского Неплюева то ж крестьяне			
Трофим Сергеев	37	—	51
У него сын, написаннои в бывшеи ревизии, Ефим	15	—	32
У него жена Марина Юрьева дочь 25 лет малороссиянка. Взята добровольно.			
У него сын, рожденной после ревизии, Моисей	—	—	3
Марка Иванов сын Ковед … ов {неразборчиво}	—	—	33
У него жена Прасковья Иванова дочь 25 лет, старинная господина моего			
У них сын, рожденной после ревизии, Яков	—	—	5
Алексей Алексеев сын Поляков	20	—	37
У него жена Екатерина 30 лет. Малороссиянка взята добровольно			
У них дети, написанные в бывшую ревизию, Алексей	4	бежал в 750-м году	
Рожденной после ревизии			
Семен	—	—	8
Сидор	—	—	6
Осип	—	—	3
Григорей Антонов	47	умре в 749-м году	
Василей У… евои то ж	47	умре в 749-м году	
<…> <…>	40	умре в 752-м году	
<...> в бывшую ревизию Моисей	23	—	40
Иван	11	померли	
Афонасей	2		

Путивльского уезду Засемского стану села Клепал	По последней ревизии в подлинном окладе положены	В оных после ревизии доныне разными случаями выбыли	Ныне состоят налицо и с прибылыми вновь рожденными
У него жена Алена 30 лет. Малороссиянка, взята добровольно			
У них сын, рожденной после ревизии, Иосиф	—	—	18
У него жена Ирина Матвеева дочь 20 лет			
Написанной в бывшей ревизии Никита Родионов сын Щигловской	12	—	29
У него жена Анна Петрова дочь 20 лет, малороссиянка. Взята добровольно			
Из села Мануховки			
Алексей Петров сын Трофимов, вдов	20	—	37
У него братья родные Григорей	15	—	32
Степан	11	Отдан в рекруты помещиком Семеном Неплюевым в 756-м году	
У него жена Дарья Васильева дочь 25 лет			
У них дети, рожденные после ревизии			
Тимофей	—	—	8
Константин	—	—	4
Матвей	—	—	году
Данила Трофимов сын Поленикин, вдов	27	—	44
У него дети, написанные в бывшую ревизию: Павел	11	—	28
Максим	полугоду	Умре в 750-м году	
Дочери Дарья 20 лет Прасковья 15 лет Ульяна 8 лет			
У Павла жена Стефанида Никитина дочь 24 лет. Старинная господина моего			
У них сын, рожденной после ревизии, Яков	—	—	3
Иван Прохоров сын Поляникин	42	—	58
У него жена Стефанида Степанова дочь 50 лет, у однадворца взята добровольно			
У них дети, написанные в бывшею ревизию, Иван	16	—	34
Пантелей	году	—	18
У Ивана жена Ирина Григорьева дочь 25 лет. Старинная господина моего			
У них дети, рожденные после ревизии, Козьма	—	—	17

Путивльского уезду Засемского стану села Клепал	По последней ревизии в подлинном окладе положены	В оных после ревизии доныне разными случаями выбыли	Ныне состоят налицо и с прибылыми вновь рожденными
Федор	—	—	14
У Пантелеймона жена Прасковья Данилова дочь 19 лет. Старинная господина моего			
У них сын, рожденный после ревизии, Василей	—	—	году
Василей Никитин сын Михайлов	20	Умерли в 750-м году	
Его брат Андрей	11		
Никита холост	6	—	23
Григореи холост	20	умре в 750-м году	
Деревни Чаплищ			
Иван Игнатьев сын Поляникин	23	—	40
У него жена Ксенья Гаврилова дочь 50 лет. Малороссиянка. Взята добровольно			
У него дети, написанные в бывшую ревизию,			
Никита	полгоду	умре в 749-м году	
Рожденный после ревизии Михайла	—	—	9
Андрей	—	—	6
Дочь Матрена 6 лет			
У него брат Михайла	27	умре в 747-м году	
У него сын, написанный в бывшую ревизию, Иван	6	умре в 748-м году	
Иван Игнатьев сын Пеленик	35	—	52
У него жена Ксенья Федорова дочь 50 лет. Малороссиянка. Взята добровольно			
У них сын, написанной в бывшую ревизию, Назар	году	—	18
У него жена Марина Михайлова дочь 20 лет. Старинная господина моего			
Да пришедшие по купчеи от разных нижеписанных помещиков А именно:			
В 749-м году от помещицы Анны Васильевой дочери Череповой Написанные в бывшую ревизию за нею в деревни Юрьевой			
Роман Петров сын Махлаев, вдов	40	—	57
У него дети, написанные в бывшую ревизию:			
Илья	10	умре в 758 году	
Василей холост	8	—	25
Лукьян	4	—	21
Дочь Федосья 20 лет			
У Лукьяна жена Стефанида Иванова дочь 20 лет. Старинная господина моего			
У них сын, рожденной после ревизии, Марка	—	—	году
У них {?} сын, рожденной после ревизии, Дорофей	—	—	3

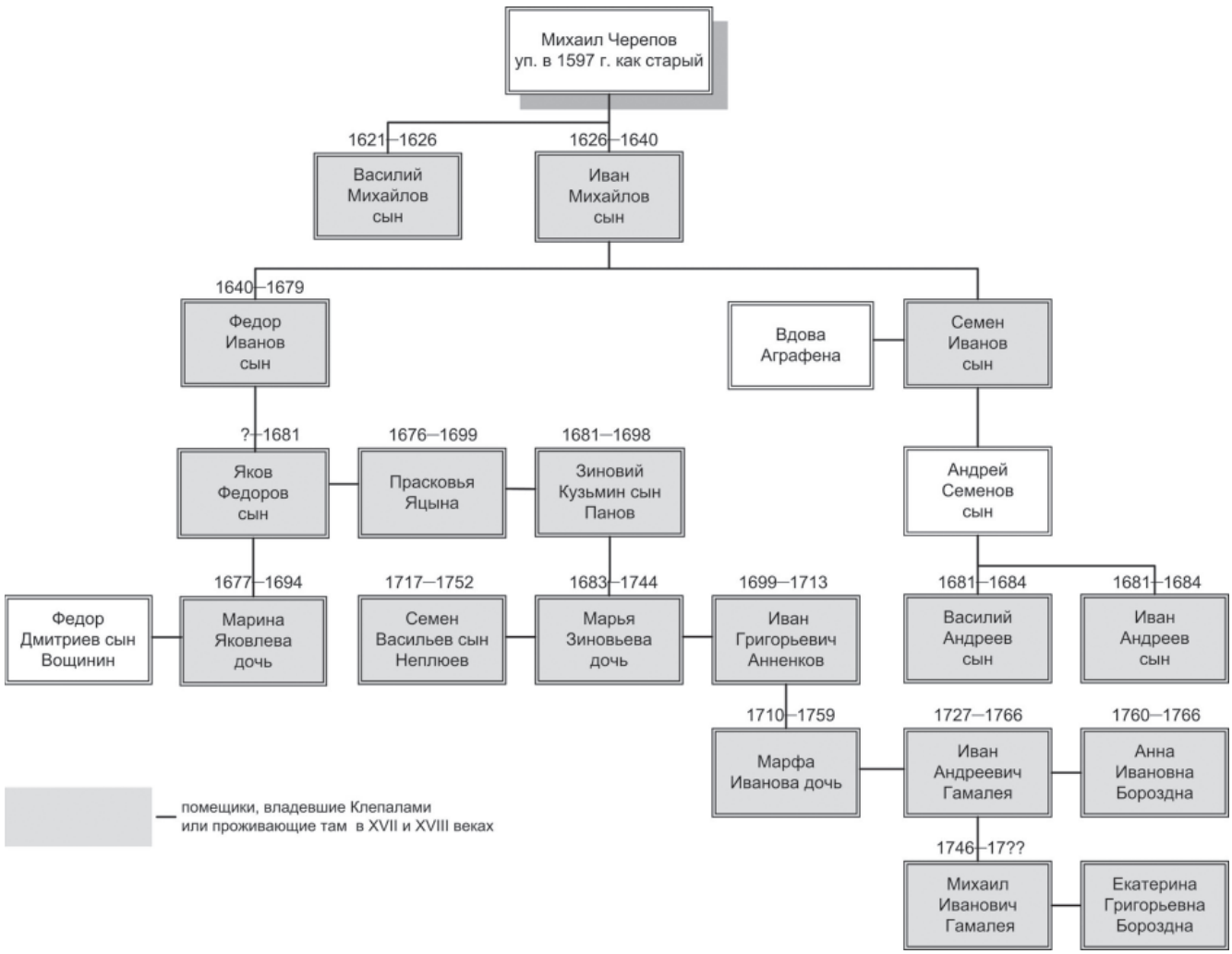
Путивльского уезду Засемского стану села Клепал	По последней ревизии в подлинном окладе положены	В оных после ревизии доныне разными случаями выбыли	Ныне состоят налицо и с прибылыми вновь рожденными
В 748-м году от Праскевьй Яковлевой дочери Трифоновой жены Кольцовых, от Окулины Яковлевой дочери Савельевой жены Тивикова, написанные в бывшую ревизию за отцом их Яковом Макидоновым:			
Тимофей Леонов сын Мурикин	43	—	60
У него жена Дарья Никитина дочь 30 лет. Малороссиянка			
У них сын, написанной в бывшую ревизию, Максим	11	—	24
У него жена Настасья Федорова дочь 20 лет. Старинная господина моего			
У них дочь Авдотья году			
В 746-м году от помещиков Петра да Емельяна Павловых детей Ермаковых в бывшую ревизию за побегом не написаны а причислены после ревизии			
Федор Степанав сын Макурин	35	—	52
У него дети, написанныя в бывшую ревизию:			
Андрей	10	—	27
Рожденной после ревизии			
Алексей	—	—	11
Дочь Тотьяна 27 год			
У Андрея жена Настасья Данилова дочь 37 лет. Старинная господина моего			
У Федора брат родной Сергей	33	—	50
У него жена Елена Иванова дочь 38 лет, малороссиянка			
У них дочери:			
Прасковья 23 лет			
Прасковья меньшая 10 лет			
Денис Степанов сын Макурин	33	бежал в 759-м году	
Его жена Авдотья Артамонова дочь 26 лет, малороссиянка			
У него сын, рожденной после ревизии, Яков	—	—	3
У Дениса брат Михайла	29	—	46
У него жена Матрена Федорова дочь 25 лет			
В 748 году отставного копрала Леона Бокатова написанныя в бывшую ревизию. За ним Бокатовым деревни Шошиной			
Макар Перфильев сын Черной	30	бежали в 749-м году	
У него дети Никита	8		
Леон	4		

Путивльского уезду Засемского стану села Клепал	По последней ревизии в подлинном окладе положены	В оных после ревизии доныне разными случаями выбыли	Ныне состоят налицо и с прибылыми вновь рожденными
Да в прошлом в 751 году по наследству написанныя в бывшую ревизию за помещицею Агафьею Андреевою дочерью Григорьевою женою Масалитиновою в селе Красной Слободы			
Максим Семенов сын Издемиров	43	умре в 758-м году	
У него дочери Матрена 20 лет Меланья 15 лет			
У Максима брат Данила	35	умре в 753 году	
У Данилы сын, рожденнои после ревизии, Николай	—	—	13
Дочери Настасья 20 лет Прасковья 14 лет			
Дмитрей Лукьянов сын Шишкин, холост	6	—	23
У него брат родной после ревизии Степан	—	—	14
Польской породы написанныя в бывшую ревизию Иван Иванов	12	—	29
У него жена Марья Тихонова дочь 28 лет			
У них дети, рожденные после ревизии:			
Григорей	—	—	6
Павел	—	—	3
Дочь Анна году			
Максим Лукьянов сын Свиридов	16	—	33
У него жена Пелагея Максимова дочь 30 лет			
У них сын, рожденной после ревизии, Григорей	—	—	5
У Максима сестра Авдотья 25 лет			
В 748 году от однадворца Григорья Федорова сына Бершева написанныя в бывшую ревизию. За ним Бершевым в селе Волынцове			
Матвей Григорьев сын Коляков, вдов	39	—	56
У него дети, написанныя в бывшую ревизию, Иван	17	—	34
Алексей	5	умре в 759-м году	
У Ивана жена Екотерина Игнатьева дочь 20 лет. Старинная господина моего			
У них сын, рожденной после ревизии, Лаврентей	—	—	году
Дочь Марья 7 лет			
В 748-м году от Глуховского жителя войскового товарища Леонтья Самойлова сына Шлекевича			
Иван Никитин сын Шеповалов	—	—	25
У него жена Федосья Романова дочь 20 лет			
У них сын, рожденнои после ревизии, Алексей	—	—	7
Дочь Настасья 3 лет			
Петр Михайлов сын Шеповалов	—	—	30
У него жена Ксенья 30 лет, малороссиянка			
У него дети, рожденные после ревизии, Иван	—	—	9

Путивльского уезду Засемского стану села Клепал	**По последней ревизии в подлинном окладе положены**	**В оных после ревизии доныне разными случаями выбыли**	**Ныне состоят налицо и с прибылыми вновь рожденными**
Аким	—	—	1
У Ивана брат роднои Филип	—	—	20
Карп Иванов сын Шаповалов	—	—	20
У него брат Артем	—	—	6
Итого мужеска положенных	—	—	32
Вновь рожденных	—	—	36
Женска	—	—	46
В подлиннои скаски рука приложена тако коей скаски рыльского помещика моеора Степана Ивановича Пушкаря служитель Филип Авдеев вместо крестьянина Ивана Поленики по ево прошению руку приложил.			

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ ПОМЕЩИКОВ СЕЛА КЛЕПАЛЫ В XVII И XVIII веках



Раздел 2.2. Водяные мельницы

УСТРОЙСТВО ВОДЯНЫХ МЕЛЬНИЦ

Вначале кратко остановимся на устройстве водяной мельницы. Однако не для того, чтобы детально изучить ее устройство (для этого есть специальная литература), а исключительно чтобы понимать материал из книг XVII и XVIII веков, который будет представлен ниже.

Мельница ставилась на плотине, перегораживающей реку[1]. На плотине строились амбары. Амбар представлял собой двухэтажную клеть, крытую двухскатной или четырехскатной кровлей. В амбарах размещались основные механизмы мельницы. Вращение жерновов происходило от падающей воды на водяное колесо. Типовая схема устройства мельницы представлена на рис. 1[2]. Наиболее ответственный элемент водяной мельницы — колесо (3), достигавшее в диаметре 4 м. Для дозирования поступающей на колесо воды делались специальные заслонки (2) на водоводах (1). Мельницы делались с нижним или с верхним боем, т. е. с подачей воды на колесо снизу или сверху. Если вода подавалась на колесо сверху — это было колесо верхнего боя, или наливное (рис. 2). Если вода подавалась снизу — колесо было нижнего боя, подливное, или гончее. Были также и другие варианты устройства колеса (например, среднего боя).

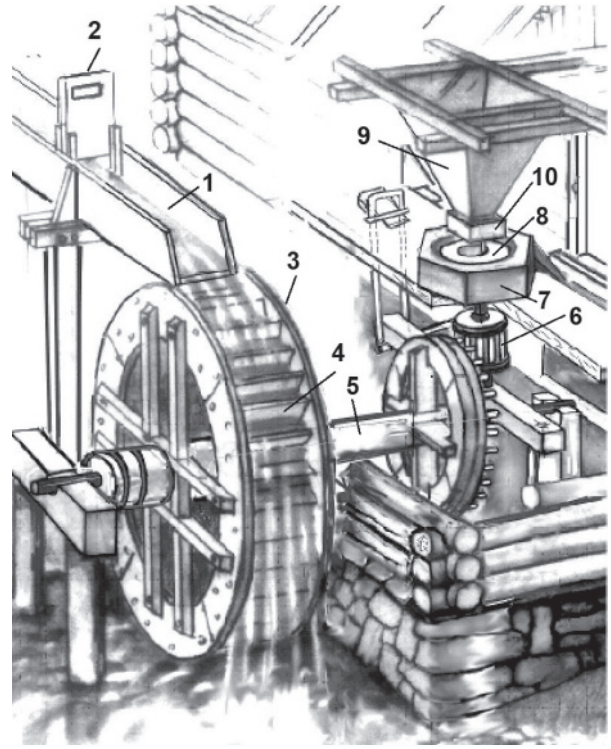


Рис. 1. **Устройство водяной мельницы**

Колесо было устроено следующим образом: к мощному горизонтальному валу спицами прикрепляли два деревянных обода, расстояние между которыми примерно 50 см. Внутри их обшивали досками, а снаружи между ободьями вставляли перегородки (лопатки) (4) (здесь и далее см. рис. 1). Получались своеобразные ковши, расположенные один за другим вдоль колеса. Когда вода попадала в ковш, она приводила в движение колесо, а вместе с ним и горизонтальный вал (5).

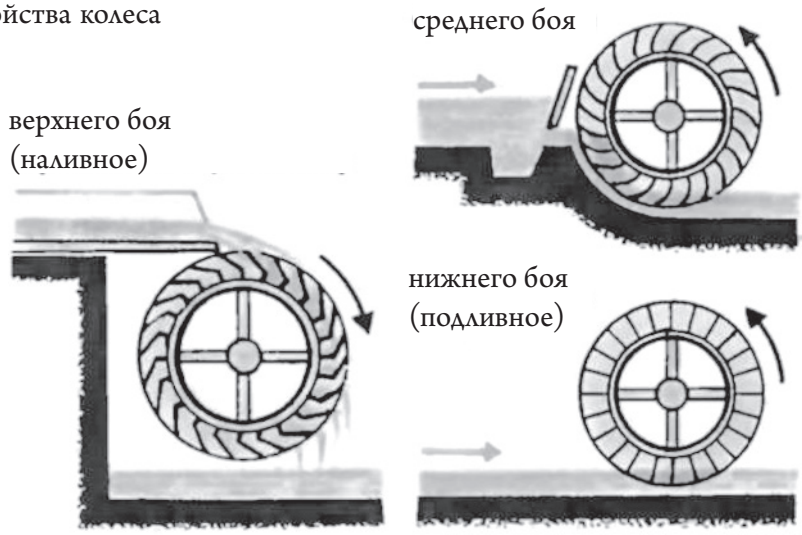


Рис. 2. **Мельничные водяные колеса**

[1] Другие типы водяных мельниц не рассматриваются.

[2] Мельницы. URL: https://m-der.ru/store/10006298/10006335/10006350/10012997/ (01.08.2014).

Рис. 3. **Толчеи водяной мельницы**

Колесо специальными зубьями соединялось с горизонтальной шестерней (6). Вертикальная ось от шестерни проходила через отверстие в центре нижнего камня (7) и наглухо крепилась к верхнему камню (8). Верхний камень вращался, а нижний оставался неподвижным. Зазор между камнями определял тонкость помола муки. Важной для качества помола была и равномерная подача зерна на жернова: снизу к бункеру с зерном (9) подвешивали качающийся ящичек — дозатор (10). Причем расположение этого ящичка позволяло отделить муку одного хозяина от следующего, который уже засыпал свое зерно в бункер и приготовился молоть. Четкость взаимодействия механизмов определялась мастерством мельника.

Падая сверху на колесо, вода придавала ему больший крутящий момент. При подаче воды снизу (кстати, колесо имело в этом случае иную конструкцию — вместо ковшей на оси укрепляли лопасти); при этом у такой мельницы запруды могло и не быть. Плотина перегораживала только часть реки, благодаря чему поток воды получал б*о*льшую скорость и колесо вращалось быстрее.

Кроме жерновов водяные мельницы могли оборудоваться толчеями[3] (рис. 3). Для этого добавлялся еще один водоток с колесом, который приводил в движение вал с зубьями поднимающий песты[4] толчеи. Во время вращения вала колеса приводилась в движение деревянная ступа-толчея. Она использовалась для обивки оболочки зерна перед помолом, для получения муки лучшего качества или для «обрушивания» в крупу ячменя или гречки. Толчеи применялись также для валяния войлока и в производстве сукна.

Теперь обратимся к документам, касающихся строительства водяных мельниц на реке Сейм в XVII веке. В частности, в фондах РГАДА имеются грамоты, относящиеся к постройке мельницы у города Путивля в 1655 году, а также мельницы в деревне Теткино в 1693–1694 годах.

МЕЛЬНИЦА НА РЕКЕ СЕЙМ У ГОРОДА ПУТИВЛЯ

Предыстория строительства этой мельницы такова: у попов церкви Николая Чудотворца Великорецкого, «что на посаде», были отхожие (удаленные на значительное расстояние от Путивля) земли «на Гинтовой {струге}, по обе стороны, и на протоке Прудках»[5]. На этих землях было 23 бобыльских двора. Ввиду удаленности этих угодий обработка земель была прекращена, а бобылей переселили в Путивль на посад (поселение вне крепости) и отписали к этой же церкви. Ввиду потери доходов, попы в лице отца Семена и дьяка Ивана в 1655 году подали челобитную царю Алексею Михайловичу с просьбой разрешить им постройку мельницы на реке Семи на землях этой же церкви в урочище Варышева тополя в двух верстах ниже города Путивля.

10 августа 1655 года была отправлена грамота из Москвы в Путивль, в которой было дано такое разрешение[6]: «На реке на Семи у Варышевой тополи мельницу ко обоим берегам построить. И на сей стороне реки Семи от городу мельникам и на приезд дворы им поставить мочно». Это была «их старинная церковная земля и река Семь. И спору у них о тех церковных угодьях ни с кем нет».

Мельница была построена, и в 1662 году был составлен ее чертеж[7] (рис. XXXX). В верхней части чертежа изображены 10 дворов (1), рядом с которыми имеется надпись: «Избенка, где живут мельники и работные люди» (работники). Справа вверху изображен город Путивль (2). Река Семь перегорожена дам-

[3] Там же.

[4] Пест – короткий тяжёлый стержень с округлым концом для толчения чего-либо в ступе.

[5] РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9598. Л. 16–17.

[6] Там же.

[7] Чертеж мельницы в Путивле (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Столбцы Белгородского стола. Ст. 1103. 26). Л. 256).

бой (греблей). Имеется вертикальная надпись (3): «Мельница на реке на Семи». Вдоль гребли нарисованы 5 амбаров. Серия надписей (4) перечисляет эти амбары сверху вниз: «А (1-й)[8] онбар, В (2-й) онбар, <…> Е (5-й) онбар». В промежутках между амбарами изображены мельничные колеса. Их показано 8. С правой стороны от гребли изображены насыпные сооружения (5), называемые «быками», защищавшие амбары: «Быки отсыпные перед онбары».

Еще правее мельницы вверх по течению реки показан частокол из свай (6), вбитых в дно реки, защищающий мельницу от льда во время весеннего ледохода: «Через реку Семь сваи биты для льду».

Вместе с чертежом было составлено описание мельницы. Его вместе с чертежом в декабре 1662 года Путивльский воевода Ф.В. Бутурлин направил в Москву в Разрядный приказ. Вот это описание[9]:

«Роспись мельничному чертежу перечневая.

На реке на Семи мельница от города верстах в дву, заплота[10] через всю реку Семь, а на заплоте пять онбаров.

В первом онбаре з городовою сторону {первый сверху} трои жерновы да колесо с толчеей[11]. А на том колесе четыре ступы да валило[12] суконное.

В другом онбаре шестеры жерновы.

Третей онбар стоит не покрыт, а в нем шестеры жерновы лежат, не мелют, и снасти не зделаны. У тово ж онбара заставка порозжая, где быть колесу толчейному не зделана ж.

В четвертом онбаре восьмеры жерновые четверы жерновы мелют, а четверы не мелют, потому что водяные спуски вода промыла.

В пятом онбаре четверы жерновы да колесо с толчеей. А на том колесе пять ступ да два валила суконныя. А те все четверы жерновы не мелют и толчей не толкут, потому что водяные спуски вода промыла.

Да у той же мельницы з городовую сторону десять избенок с сенишками.

На обороте: 171-го (1662) года, декабря в 16 день прислал ис Путивля окольничий и воевода Федор Васильевич Бутурлин с товарищи».

Мельница у Путивля была весьма крупным по тем временам сооружением. Рассуждения на эту тему приведены в комментариях, представленных на ресурсе vostlit.info[13]:

«Описание мельницы ярко свидетельствует о том, каких значительных размеров достигли русские мельницы в XVII веке. Достаточно сказать, что эта мельница имела 27 жерновов, 9 ступ с толчеями и 3 «суконных валила». Мы видим, что она выполняла две основных функции: помол зерна и выделка сукон. Для этого на мельнице имелось большое количество разнообразных механизмов: жерновов, ступ с толчеями и «суконных валил», которые приводились в движение силой падающей воды.

В научной литературе по истории русской техники зачастую дается не совсем точное представление о русских промышленных предприятиях XVII в. Так, Н.И. Фальковский в работе «Москва в истории техники», говоря о мельницах XVII в., писал: «Мельницы с большими водяными колесами обслуживали нередко 2 жернова, а иногда еще толчею, сукнотерку, как, например, под Ольшанском в 1693 г.»[14]. Мы видим, что Н.И. Фальковский дает пример, который может привести к выводу о сравнительно небольших размерах русских мельниц XVII в. Между тем описание мельницы на р. Сейм опровергает это утверждение.

---

[8] Здесь используется древнее начертание цифр: А — 1, В — 2, Г — 3, Д — 4, Е — 5.

[9] Описание мельницы в Путивле. РГАДА (Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Столбцы Белгородского стола. Ст. 1103. 26). Л. 257–257 об.).

[10] Заплота – плотина, заграждение поперек реки.

[11] Во время вращения колеса приводилась в движение деревянная ступа-толчея. Она использовалась для обивки оболочки зерна перед помолом, для получения муки лучшего качества или для «обрушивания» в крупу ячменя или гречки. (*Прим. авт.*)

[12] Валило суконное, валешня, сукновальня – сооружение, в котором сбивали шерсть. Внутри амбара на горизонтальном валу были размещены колья с укрепленными на них массивными деревянными колодами («бабами», «біяками»). При оборотах вала они, из-за того что располагались по спирали, поочередно приподнимаясь вверх и падая вниз, сбивали шерсть в специальной протяженной ступе. Водяная мельница в д. Коротичи. URL: https://stolin.ucoz.ru/news/vodjanye_melnicy_belarusivodjanaja_melnica_v_dkorotichi/2010-01-25-216 (08.08.2025).

[13] *Ураносов А.А.* Неопубликованный чертеж и описание мельницы XVII в. (URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Melnica_Putivl_1662/text.htm (02.11.2016)).

[14] *Фальковский Н.И.* Москва в истории техники. М., 1950. С. 220.

К этому следует добавить, что Н.И. Фальковский приводил в качестве примера сочетания мукомольной мельницы с устройством для выделки сукон мельницу под Ольшанском в 1693 г., тогда как еще в 1662 г. в Путивле на р. Сейм существовала мельница с тремя такими приспособлениями — «суконными валилами».

Таким образом, можно сделать вывод, что мукомольная и суконная мельница, существовавшая в 1662 г. на р. Сейм у г. Путивля, являлась одним из крупных русских промышленных предприятий XVII в. Масштабы ее в несколько раз превышали другие русские предприятия этого типа, описанные ранее в литературе».

К 1662 году строительство мельницы не было полностью закончено. Недостроенным оставался третий амбар: он не был покрыт кровлей и механизмы внутри еще не были построены. В рабочем состоянии была только половина амбаров: полностью работали первый амбар (три жернова) и второй амбар (шесть жерновов). Из восьми жерновов четвертого амбара мололи муку только четыре. В дополнение к этому, часть оборудования мельницы за несколько лет была выведена из строя проточной водой: на четырех из восьми жерновах четвертого амбара были повреждены водяные спуски. Водой повредило также все водяные спуски пятого амбара, не работали 4 жернова из 8, а также колесо с толчеей, к которому были подведены 5 ступ и 2 валила суконные.

По состоянию на 1662 год на мельнице мололи муку только 13 жерновов из 27. При этом мельница постоянно повреждалась весенними половодьями. В частности, в 1692 году ее подтопило озеро Хотмыш. По этому поводу николаевские попы Андрей и Тимофей Почасеевы писали челобитье от имени игумена Молченского монастыря. В ответ пришла грамота от патриарха Кир-Адриана архимандриту Севского Спасского монастыря Иоасафу «Об учинении досмотра по прошению Молченского монастыря Игумена с братиею о подтопе у них города Путивля озером Хотмыш монастырской мельницы на реке Семи»[15].

Более позднее описание мельницы имеется в переписной книге города Путивля и Путивльского уезда 1719 года[16]: «Мельница на реке Семи города Путивля николаевского попа Дмитрея Почесьява да Молченского монастыря игумены, да гостиной сотни[17] Захарья Курдюмова с товарыщи. Оброку с четвертой доли по тритцати по четыри рубли по одинноцати алтын по пол трети деньги. Вновь положенного по одиннатцати рублев по четырноцати алтын по четыри деньги на год.

А по осмотру той мельницы плотина в длину сорок поперек адиннотцати сожень, и в той плотине пять анбаров.

Первой анбар от горада в длину трех сажень с оршином, поперек трех сажень без оршина. В том анбаря три камня на ходу. Адна толчея четыри ступы. Другой анбар в длину и ширину трех сажень с оршином. В том анбаре шесть камней, на ходу трех. Третей анбар в длину трех сажень. В том анбаре шесть комней на ходу. Четвертой анбар в длину трех сажень. Поперек то ж. В нем шесть комней на ходу, крыт драня. Пятой анбар в длину трех сажень с оршином, поперек то ж. В том анбаря три камня на ходу. Колеса все гончия».

Заметим, что частично поменялись владельцы мельницы: кроме попов церкви Николая Чудотворца в лице Дмитрия Почасеева, совладельцами мельницы стал Молченский монастырь и купец гостиной сотни Захарий Курдюмов с товарищами. Указаны габариты плотины: 40 саженей (86 м) в длину и 11 саженей (24 м) в ширину. Указаны также габариты всех амбаров. Они были приблизительно одинаковые — 3 × 3 сажени (6,5 × 6,5 м). Первый амбар полностью рабочий: три жернова, одна толчея и четыре ступы (что было указано в росписи мельничному чертежу 1662 года). Второй амбар содержал также 6 жерновов, но из них три не работали. Третий амбар к этому времени был достроен, в нем было 6 жерновов на ходу. В четвертом амбаре из 8 жерновов работали 6, «крыт драня». Пятый амбар частично починили, в нем из 4 жерновов работали 3. О суконных валешнях в этом амбаре ничего не сказано. На все колеса мельницы вода подавалась

[15]РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9646, № 66.

[16]РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 522–522 об.

[17]Гостиная сотня – вторая по значимости (после гостей) привилегированная сословная купеческая корпорация в Русском государстве в последней трети XVI – 1-й четверти XVIII в. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/s?q=гостиная+сотня (01.02.2026).

снизу («колеса все гончия»). Таким образом, к 1719 году были в рабочем состоянии 21 жернов из 27, что заметно больше, чем в 1662 году (13 из 27).

Вскоре мельницу полностью смыло («порвало») полой водой[18], и она совсем пришла в негодность. Только 30 сентября 1740 года была составлена договорная запись попов Путивльской Никольской церкви Ивана Иванова и Прохора Афанасьева с причетниками и другими людьми игумену путивльского Молченского монастыря Феодосию с братьею о построении вновь мельницы на реке Семи[19]: «1740 году сентября 30 дня путивльские ружные Николаевской церкви Великорецкого попы Иван Иванов, Прохор Афонасьев с причетники, да путивльского Молченского монастыря игумен с братьею и путивльцы <…> в том, что наша выше именованнове и ниже подписавшиеся владельцов ниже города Путивля в урочищи у Варышевой тополи на реке на Семи в прошлые годех имела быть мельница на плотине пять анбаров <…> В прошлых же годех оную мельницу полою водою порвало. И тою прорвою снесло два анбара со всяким мельничным инструментом, от чего оная мельница имеется в пусте, и чтоб оную мельницу построить и возобновить».

Как мы видим, механизмы столь крупного по тем временам сооружения часто ломались, что требовало постоянных починок, а каждое половодье было чревато крупной аварией.

МЕЛЬНИЦА НА РЕКЕ СЕЙМ У ДЕРЕВНИ ТЕТКИНО

Теперь перейдем к документам, касающимся постройки и работы мельницы на реке Семь в деревне Теткино. В фонде «Грамоты Коллегии Экономии» РГАДА имеется грамота царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича от 8 апреля 1693 года на строительство этой мельницы[20]:

«От Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексевича, Петра Алексевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцев в Путивль думному нашему дворянину и воеводе Григорью Ивановичу Косагову да дьяку Илье Колпакову.

Били челом нам Великим Государем Путивльского Молченского монастыря игумен Гавриил з братьею да путивлцы Андреи Федоров сын Трифонов з братьями.

Нашего, Великих Государей, жалованья за путивльским Молченском монастырем вотчинной бортной ухожей в Путивльском уезде в Лежецкой волости в клечети[21]. А за Андреем з братьеми поместные и вотчинные земли в той ж Лежецкой волости против того Молченского бортного ухожья об реку Семь и по реке по Семи рыбная ловля. А к тем де их берегам угодно быть плотине и построить мельницу.

А у них де игумена на монастырское строение и на церковную утварь с обители скудно. А они де, Андрей з братьею, служат нам, Великим Государям, без денежного жалованья, и от того они оскудели. А без нашего де, Великих Государей, указу в тех своих поместных и вотчинных дачах занять плотины и мельницы построить не смеют.

И нам, Великим Государем, пожаловать бы их, велеть в тех их поместных и вотчинных дачах на реке на Семи под селом Теткиным им в монастырь братии для пропитания и одежды, а Ондрею Трифанову з братьею для пополнения службы, занять плотину и построить мельницу, чтоб им, игумену з братьею, было чем пропитатца, а Ондрею з братьеми ж вперед с чего наша Великих Государей служба служить.

И как к вам ся наша Великих Государей грамота придет, и вы б путивльского Молченского монастыря игумену Гавриилу з братьею и Андрею Трифонову з братьеми ж в вышеписанных урочищах велели мельницу строить. Буде оба береги их и иным мельницам и пашням и сенным покосам, и иным каким угодьям от той мельницы потопу или иного какова утеснения не будет.

А прочет сее нашу, Великих Государей, грамоту и, списав с нее список, ты Илья за своею приписью оставили в Путивле в приказнои избе. А сее нашу, Великих Государей, грамоту отдали им игумену и Андрею Трифонову с роспискою впередь для иных наших воевод. Писан на Москве лета 1693 апреля в 10 день».

---

[18] Полая вода – высокая вода от ливней или таяния снега, паводок. Вода весеннего паводка, весенний разлив рек.

[19] РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9676.

[20] РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9653.

[21] Значение слова «клечеть» не выяснено.

Итак, 10 апреля 1693 года было получено разрешение царей игумену Молченского монастыря Гавриилу и путивльцу Андрею Трифонову с товарищами на строительство мельницы. Теперь им надо было найти мельников, которые ее построят, а также собрать коллектив путивльских жителей, которые вместе с игуменом оплатят эти работы.

Такие мельники нашлись: Клим Лукьянов, Михайло Степанов, Павел Романов и Иван Андреев. Часть работ обязывались делать сами мельники, а часть — наемные рабочие, под их присмотром. Поставку материалов, а также оплату труда мельников и рабочих взял на себя монастырь в лице игумена, а также путивльские помещики Трифоновы с племянниками (всего 14 человек): Андрей и Иван Большой Федоровы дети, Прокофий Иванов сын, Иван и Григорий Максимовы дети, Иван Меньшой и Денис Федоровы дети, Алексей и Внихвантей Григорьевы дети, Михайло Афанасьев сын, Федор и Василий Григорьевы дети Трифоновы, а также Иван Иванов сын Титов и новгородец Афанасий Андреев сын Лукашов.

В следующем 1694 году 30 июня между ними был заключен договор, оформленный в виде «Записи на Теткинскую мельницу с мельниками о строении мельницы». В этом документе распределялись обязанности и ответственность между сторонами. Вот текст этой записи[22]:

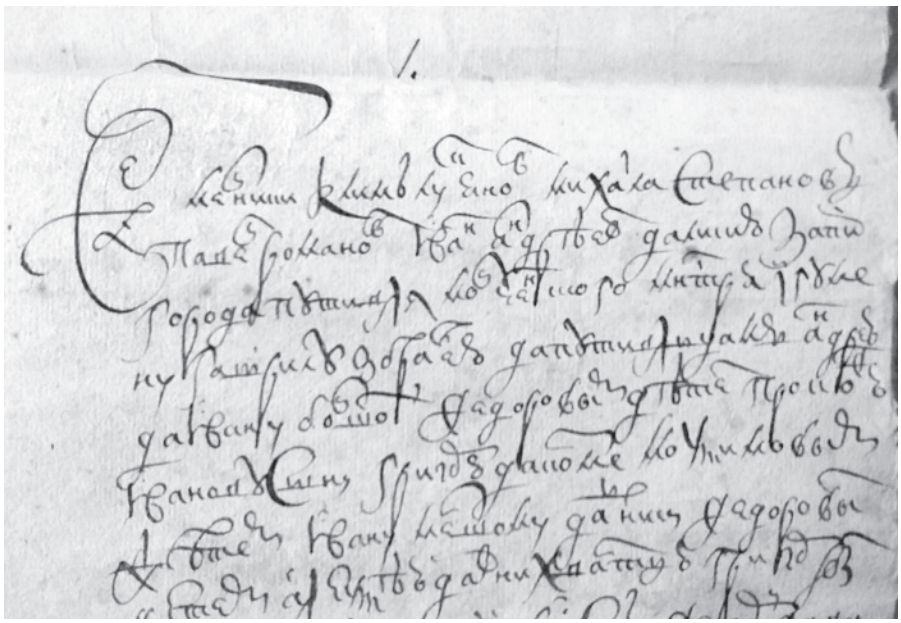


Рис. 4. **Запись на Теткинскую мельницу с мельниками о строении мельницы**

«Се аз мельники Клим Лукьянов, Михайла Степанов, Павел Романов, Иван Андреев дали сию запись города Путивля Молченского монастыря Игумену Гаврилу з братьею да путивльцам Андрею да Ивану большому Федоровым детем, Прокофью Иванову сыну Григорью, да Козьме Моксимовым детем, Ивану меньшому да Денису Федоровым детем, Алексею да Внихвантью Григорьевым детем, Михаилу Афонасьеву сыну, Федору да Василью Григорьивым детем Трифоновым, Ивану Иванову сыну Титову, да Нова городка Северского Афонасю Андрееву сыну Лукашову в том, что в нынешнем в двесте втором {1694} году июня в 30 день приговорились мы мельники Клим да Михайла, да Павел, да Иван у них игумена з братьею да у Андрея з братьею ис племенники строить мельницу в Путивльском уезде в Лежецкой волости на реке на Семи под селом Теткиным.

А строить нам, Климу с товарыщи, ту мельницу с их готоваго лесу сколько заставак[23] будет. А на то мельничное строенья всякое дерево привозить им, игумену монастырскими работниками да Андрею з братьеми и с племянники, и присылать к нам работников по вся дни, покаместа та мельница построитца и станет в одделки[24], сколько человек будет надобно. Мельников и работников, и кузнецов к той мельницы на новое строенья им игумену з братьею да Андрею з братьеми ж и с племенники нанимать, и онбары срубить монастырскими работниками да Андрею з братьеми. А скрыни[25] и основы под колеса, и под онбары,

[22] РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9661.

[23] Заставка – заслон в мельничной плотине.

[24] Быть в одделке – быть в окончательном, законченном виде.

[25] Скрыня или скрынь – ближайшая к плотине часть мельничного пруда, нередко отделанная и обделанная срубом или досками.

и верхи на тех онбарах построить нам Климу да Михаилу да Павлу, да Ивану с их работники. Лоди[26] и приводни[27], и колеса, и всякое мельничное строенья построить нам Климу да Михаилу с товарыщи с их готоваго деревья. А каменья ныне купить им игумену з братьею, да Андрею з братьею, да с племенники, и обделать. И впредь на починку к той мельницы всякое дерево привозить им же, игумену с товарыщи, своими работники. А нам, мельником, ту мельницу починивать, колеса, лоди и волы[28] и каменья с монастырскими работники.

А им, игумену з братьею, да Андрею ж з братьеми ж и с племенники довать нам мельником мельничного хлебного и денежного доходу четвертой жеребей (часть) и владеть в мельницы на всех ставидлах да осметица (рассчитать) с нами ж, мельниками, пополам.

А как та мельница странет в одделки, покупать коменья, железа, и сталь, и сало нам, мельником, с ними, игуменом да с Андреем, и с племенники вобче.

А платины нам, мельником, не гатить, только указывать работником.

А будет мы, мельники Клим да Михаила, да Павел, да Иван, похочем тот свой четвертой мельничной жеребей продать и заложить, и нам, мельником, мима их игумена з братьею да Андрея з братьеми ж с племенники того своего мельничного четвертого жеребья на сторону никому не продовать и не закладывать.

А есть ли он, игумен, з братьею или они Андрей з братьеми ис племенники того нашего четвертого жеребья купит не похочят, и нам тот свой четвертой жеребей продать и заложить вольно своему брату мельнику.

А как та мельница начнет молоть и станет во всем в одделки, и им мельником з девяти комяней молоть трои сутки и им игумену с товарыщи в тот помол к нам, мельником, не вступатца.

А кузнецу платить со всего того мельничного доходу с нами мельниками вобче. Мерного[29] к той мельницы держать им игумену з братьею да Андрею з братьеми и с племенники с своих жеребьев. А мерочников[30] нанимать и к себя в товарыщи принимать нам, мельником, в свой четвертой жеребей с нашаю общаго совета.

А покаместа та мельница будет строитца, всякой запас хлебной и месной, и рыбной, и соль, что в которое время на пищу доведетца, довать им же игумену да Андрею з братьеми, и с племенники.

И живучи нам мельником Климу да Михайлу да Павлу да Ивану на той мельницы, на хоромное строенья и дрова про себя в их лесах сечь, и дворы построить на их землях.

А рыбу нам, мельником, ловить вентерями и неретами, и удкою, и хобачами выше и ниже гребли про себя ж вверх рекою по Простое озеро, а вниз по усть речки Молки.

А будет судом Божиим случитца над нами, мельниками, смертной час, а после нас, мельников, останутца жены или дети, и нам игумену да Андрею з братьеми и с племенники в той мельницы от того четвертого жеребья женам нашим и детем не отказывать и владеть вечно, и ни в чем нас не забижать.

А будет мы, Клим да Михайла, да Павел, да Иван, против сей своей записи во всех вышеписанных стотьях, что в сей записи писано выше сего, хотя в малом в чем не устоим, и им игумену Гаврилу з братьею и Андрею Трифонову з братьеми ж и с племенники взять на нас мельниках на Климу да на Михаилу с товарыщи, и на женах наших, и на детях по сей записи за неустойку пять сот рублев денег московских серебреных копеяк.

А ся запись ему, игумену з братьею, и Андрею Трифонову з братьеми ис племенники и впредь в запись.

А у сей записки послуха путивльские площади подьячие Перфил Гончаров, Иван Терюшин, Михайла Самотоин, Авдей Бурцов, Иван Мореной, Прохор Поневин, Зинов Закидышев, Иван Головачов, Дмитрей Стородубцов, Наум Рыжков.

А запись писал той же площади подьячей Ивашка Моксимов сын Белаго. Лета 1694 года июня 30 день.

---

[26] Ладь – составная часть мельницы, назначение которой не установлено.

[27] Привод – сооружение, устройство для пуска воды на мельничные колеса.

[28] Волы – то же, что и быки. См. описание мельницы в городе Путивле. (*Прим. авт.*)

[29] Мерный – служащий для измерения.

[30] Мерочник – лицо, ведающее на мельнице замерами зерна и выдачей муки.

{Запись на обороте:} 1700 года июня в 2 день по указу Святейшаго Патриарха в Путивле на Десятинниче дворе перед старосты поповскими перед успенским попом Яковом Алееевым да перед пятницким попом Федором Михайловым ся запись чтена. И в книгу записана».

Эта договорная запись дает детальное представление о распределении работ между мельниками и наемными рабочими. Работы по устройству плотины выполняются рабочими под присмотром мельников. Работников нанимает монастырь и помещики. Работниками насыпаются волы. Они же сооружают срубы амбаров и их кровлю. Все механизмы мельницы делают мельники. Монастырь и помещики поставляют лес и другие материалы для строительства. Они также покупают каменные жернова. Их установку производят мельники. Пока строится мельница, монастырь и помещики снабжают мельников съестными припасами (хлебом, мясом, рыбой, солью). Мельникам, как во время постройки мельницы, так и после разрешается рубить лес в монастырских угодьях на строительство своих дворов и на дрова, а также ловить рыбу в реке Семи в указанных окрестностях («вентерями и неретами и удкою и хобачами») и только для своего потребления. Ловля сетями им была запрещена.

Когда строительство будет закончено и мельница заработает («станет в одделки»), то мельники будут отвечать за ее поддержание в рабочем состоянии. Для ремонта они могут привлечь наемных рабочих. Покупка «запчастей» производится совместно с монастырем и помещиками.

Мельники владеют половиной мельницы. Это очень много, учитывая, что, кроме четырех мельников, ее владельцами были монастырь и еще 14 путивльских жителей. Кроме этого, мельники получают четвертую часть денежного и хлебного дохода от помола муки, валяния шерсти и работы ступ. Плюс к этому они имеют трое суток (в месяц или в год — не ясно), когда весь доход от работы мельницы отдается им.

Мельники могут продать или заложить свою долю в мельнице. Но только с согласия монастыря и помещиков, которые имеют первоочередное право на выкуп этой доли. Если они не хотят покупать долю мельников, то последние могут ее продать, но только другим мельникам. После смерти мельника его доля от владения мельницей и от дохода достается его семье.

В случае нарушения мельниками условий договора они должны выплатить монастырю и помещикам сумму в 500 рублей серебряными московскими деньгами. По тем временам — огромная сумма. К примеру, в это время можно было купить вотчину в 50 четвертей (а в дву по тому ж) земли за 100 рублей. Такая сумма штрафа говорит, во-первых, об очень большой стоимости самой мельницы и, во-вторых, о больших прибылях, получаемых хозяевами, и, соответственно, о больших убытках при ее простаивании.

К сожалению, в договорной записи только вскользь упоминается количество жерновов этой мельницы (мельники трое суток могут «з девяти комяней молоть»). Надо полагать, что это и есть общее количество жерновов. К данному предположению мы вернемся позднее.

Мельница была довольно крупной и стала большим подспорьем для монастыря. Недаром игумен Гавриил в своей челобитной царям просил разрешение на ее постройку, «чтоб им игумену з братьею было чем пропитатца». После постройки мельницы проблема пропитания, надо полагать, отпала.

Кроме договорной записи мельников, сохранилась также договорная запись, которую дали путивльские помещики на эту же мельницу игумену Молченского монастыря. Этот документ дает дополнительные сведения о взаимоотношении сторон и распределении расходов при строительстве и доходов при эксплуатации мельницы[31]:

«И тое мельницу строить нам, Андрею з братьею ис племянники, с ним, игуменом Гавриилом з братьею, пополам.

Ив том строении нам, Андрею з братьею, строить свою половину всякого мельничного строенья каменья и железное, и деревянное, и землю, и форост сечь. Ив том строении их, игумена з братьею, ни в чем не выдать, мешкать и прогулу не учинить.

А мельников и мерочников проговорить, и плотить нам собча. А работников кормить своих, каторые с нашей половины будут. И землю и дерн, и форост, и лес сечь на то мельничное строенья им, игумену, з братьею, на нашей стороне, где будет пристойно. А нам, Андрею з братьею, им, игумену з братьею, ни в чем не возбронять.

[31]РГАДА. Ф. 281. Оп. 15. Ед. хр. 9658.

И как та мельница построитца совсем, в отделке и в готовности к мливу будет, и нам, Андрею з братьеми и племянники, приговорить одного человека, кому той мельницы досматривать и помольной хлеб, и денежной доход брать половину у него, хто будет приставлен. А больши половины хлеба и денег собою не забирать.

А своего хлеба, из домов привозя, без помолу никому не молоть, и сторонним людем хлеба без помолу молоть не давать. И тем их, игумена Гавриилу з братьею, ни в чем не обижать.

И работников к той мельницы, как будет надобно, присылать днем и ночью, чтоб от того той мельницы простою не было.

А будет мы Андрей з братьеми ис племянники той мельницы с ним игуменом з братьею пополам по вся годы строить не станем или каменья, или железного и деревянного, и земли, и форосту сечь своей половины довать не учнем… и от того той мельницы простой учинитца или харчей (расходов) и убытков каких нибудь доставим, или против сей записи во все вышеписанных стотьях хотя в малом в чем нибудь не устоим, <…> ему, игумену Гавриилу з братьею, взять на нас, Андрею з братьею и с племянники, по сей записи и на женах наших и на детех и на внучетах за неустойку денег тысячу сорок рублев московских серебреных…

Лета 1694, генваря в 8 день».

Из этой записи мы видим, что финансирование строительства мельницы осуществлялось в равных долях: половину — монастырь, а другую половину — помещики. Они же в равных долях платили строителям мельницы — мельникам и наемным рабочим. При этом материалы для строительства: лес, землю, дерн и хворост — надо было брать с угодий помещиков.

После постройки мельницы монастырю полагалась половина доходов от работы мельницы, а помещикам — вторая половина. Но, как было сказано ранее, мельникам полагался четвертая часть (жеребей) от дохода, то монастырю и помещикам надо было отдавать мельникам по ⅛ от своей половины. Таким образом, у монастыря оставалось ⅜ доли от дохода мельницы, у помещиков — ⅜ (на 14 владельцев) и у мельников — ¼ (на четверых).

Помещикам запрещалось молоть свой хлеб для других помещиков. Кроме того, они должны были приставить к мельникам своего человека, который будет (ежедневно?) забирать в их пользу половину от хлебного и денежного дохода.

Особенно впечатляет размер штрафа, который взимался с помещиков в случае нарушения ими условий договора — 1040 рублей, что говорит о том, что убытки, которые могли быть в случае неисполнения договора помещиками — владельцами мельницы, оценивались в бо́льшую сумму, чем, скажем, «промашки» мельников, штраф за убытки от действий которых, как было указано выше, оценивался в 500 рублей.

Немногим позднее, в переписной книге Путивля и Путивльского уезда 1719 года, находим описание этой мельницы, уже работающей[32]: «Мельница путивльского Молченского монастыря на реке Семи под селом Теткиным, каторое было на вере того монастыря у крестьян. А с 712 году октября с 1 числа оная мельница отдана была на откуп[33] рыльским жителем гостиной сотни Василью Звягину, Ивану Федорову <…>.

А по осмотру той мельницы 2 онбара. Первой мерою в длину полшеста (5,5) саженья поперек полтретья (2,5) сажни. В нем три каменя на ходу. Толчея в ней 4 ступы, две суконные вальня. Второй онбар мерою в длину полшеста (5,5), поперек четыре саженя В том онбаре 6 камней на ходу. Толчея 4 ступ одна суконя вальня, меж тех онбаров скрыня пять сажень. Колесо все гончие».

Как видим из приведенного описания, в октябре 1712 года мельница была отдана Молченским монастырем на откуп рыльким купцам гостиной сотни Василию Звягину и Ивану Федорову. Эти купцы оплачивали починку мельницы, а монастырь получал от них фиксированную сумму аренды.

Мельница имела на плотине два амбара. Первый имел размеры 5,5 × 2,5 саженей (12,0 × 5,4 м). В нем было 3 жернова, а также толчея на 4 ступы и 2 суконные валешни. Второй амбар 5,5 × 4,0 сажени (12,0 × 8,7 м) имел 6 жерновов, а также толчею на 4 ступы и 1 суконную валешню. Указана также скрыня между амбарами длиной в 5 саженей (10,8 м). Все колеса мельницы были гончими, то есть вода на них подавалась снизу.

[32]РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 510.

[33]Откуп (или аренда) – право исключительного пользования чем-либо за определенную плату.

Имеется изображение этой мельницы, выполненное в 1779 году в рамках специального межевания[34] (рис. XXXXI). К сожалению, изображение на специальном плане ориентировано не по общепринятым сторонам горизонта. Ввиду этого его пришлось повернуть так, чтобы оно соответствовало положению на реальной местности. Мельница находилась на слиянии рек Самара и Семь. На рис. XXXXI мы видим плотину мельницы с двумя «быками» («волами»). Условно изображены колеса мельницы. Их можно рассмотреть два. Сколько было на самом деле, не известно: их количество в описании не приведено. На протоке (4) видны входные (справа) и выходные (слева) ворота шлюза.

СВОДНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ МЕЛЬНИЦ НА РЕКЕ СЕЙМ В 1719 ГОДУ

Сведем в единую таблицу параметры водяных мельниц на реке Семи в промежутке между Путивлем и Теткино, приведенных в переписной книге 1719 года. При этом не будем рассматривать мельницу в Путивле, поскольку она по своим размерам и по количеству амбаров, камней и т. п. не является типичной и в разы превосходит остальные мельницы. Итак:

Таблица 1.

Мельницы на реке Семи	Амбары	Камни	Толчеи	Валешни
Молченского монастыря у д. Теткино	2	3 6	1 (4 ступы) 1 (4 ступы)	2 1
Сумского полковника Ивана Кондратьева	2	6 3	1 (4 ступы) 1 (5 ступ)	1 1
Сумского полка сотника Степана Куколя у д. Теткино	2	6 3	1 (4 ступы) 1 (3 ступы)	1 1
Андрея и Михаила Щекиных	2	9	1 (11 ступ)	нет

Как видно из таблицы, мельницы на реке Семи строились по единой схеме (кроме мельницы под Путивлем, разумеется). У показанных 4 мельниц по 2 амбара и по 9 пар камней (3 в одном и 6 в другом). В каждой мельнице в каждом амбаре была одна толчея на 3–5 ступ и 1–2 валешни. Похоже, что такая схема была оптимальной для мельниц на этой реке. Понятно, что каждая мельница имела свои особенности (например, наличие скрыни или иное количество ступ). Их могли строить разные бригады мельников, да и требования заказчиков — будущих владельцев — различались. Однако эти различия, как мы видим, были незначительными.

Что касается мельницы Андрея и Михайла Щекиных, то ее локализация представлена в отказной книге их вотчинных земель 1693 года[35]: «В Залуцкой волости на реке на Семи от Ницанского перевозу вниз рекою Семью до устья озера Кошина. А от устья озера Кошина узлужьем до станов. А от станов на низ рекою Семью по Ницанской же перевоз < … > Да против тех же урочищ по другую сторону реки Семи берег с мельниичным местом, где построена Андреева и Иванова мельница».

МЕЛЬНИЦА В СЕЛЕ КЛЕПАЛЫ

Первое упоминание о мельнице в селе Клепалы (точнее — о мельничном месте) относится к 1685 году, когда в писцовой книге писца Семена Муромцева 1684 и 1686 годов (№ 369) указывается мельничное место на озере (речке) Речице[36]: «Да на озере Речице ему ж Зиновью {Панову} мельничное место, что ходят с Чаплищ клатками на гумна[37]». Скорее всего, это место, где ранее была мельница. Неподалеку были гумна и к этому месту мостками через реку Семь ходили жители Чаплищ. Мельница на этом месте воссоздана не была, поскольку в более поздних документах она не указывалась.

[34]РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. М-20 (синий). Мельниц, состоящих на реке Семи Молченской Софроньевской пустыни.
[35]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10565. Л. 546–548.
[36]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 369. Л. 67.
[37]Гумно – хозяйственная постройка предназначенная для обмолота зерна – крытый ток. (*Прим. авт.*)

Мельницу на реке Семи в Клепалах построил помещик этого села коллежский асессор Михаил Иванович Гамалея в 1774 или 1775 году. Документы, указывающие на само строительство, не обнаружены. Указанная дата упоминается в спорном деле «О дачах Выгорева городища» 1783 года[38]: «А на произведенных в оной же пустоши в поместье и в вотчину предкам же господина {генерал-майора Черепова} моево усадебных местах в урочище на реке на Семи против озера Влукова, которое озеро состоит в смежной чрез реку Семь села Чаплищ даче, уже им, коллежским ассесором Гамалеем, в 774-м и в 775-м годех многие крестьянские дворы населены и мельницы на реке Семи построены».

Мельница располагадась у озера Влукое (нынешнее наименование — Кривое). К сожалению, ее детального описания не приведено, но есть все основания полагать, что она была схожа с мельницами на реке Семи, указанными в таблице 1.

Эта мельница изображена на геометрическом специальном плане Подгородного стану пустоши Дикое поле[39], составленном в 1782 году. Вот фрагмент этого плана (рис. XXXXII). На нем мы видим мельницу немногим ниже озера Влукое (показаны исток и устье этого озера). На плотине мельницы три амбара и пять мельничных колес. В верхней части плотины (правый берег реки Семи) имеется шлюз.

В спорном деле «О дачах Выгорева городища» (1788 г.) приводится план спорных земель, на котором также показана эта мельница[40] (рис. XXXXIII). Озеро Влукое показано схематически. Не показаны амбары на плотине, но четко обозначены все те же 5 колес и шлюз.

Еще одно, более позднее, изображение мельницы находим на геометрическом специальном плане Подгородного стану 15-й части земли села Чаплищ 1857 года[41]. Фрагмент плана, содержащий мельницу, приведен на рис. XXXXIV. Здесь мы видим новое наименование озера Влуково — озеро Кривое. С 1782 года мельница неоднократно ремонтировалась и перестраивалась. В частности, была изменена форма плотины. Ее основная часть с амбарами осталась на прежнем месте, как и в 1782 году, но добавились два новых фрагмента вдоль озера Кривое. Шлюз был перенесен на левый (южный) берег. На правом берегу, на лугу, справа от мельницы мы видим дорогу к селу Чаплищам. Эта дорога шла по плотине, на левый берег, в село Клепалы. Усадьба мельника находилась на левом берегу, немного правее мельницы, у подножия склона крутой горы[42].

Для рассмотрения элементов мельницы выделим ее на отдельном рисунке (рис. XXXXV). Как было сказано, плотина мельницы имела довольно сложную форму. Главную ее часть составляла гребля (1), на которой были три амбара (как и в 1782 году). Книзу эта часть плотины подходила к левому берегу реки, к шлюзу. Северная часть гребли (1) с амбарами не подходила к правому берегу реки. Был оставлен пролив в устье озера Кривое. Следующая часть гребли (2) частично перекрывала устье озера Кривое. А вот часть (3) полностью перекрывала исток этого озера. В этом месте, скорее всего, находились заслонки, которыми поддерживался постоянный подъем воды на мельнице в зависимости от текущего уровня воды в реке. Подъем воды на плотине регулировался путем сброса избытка воды в озеро Кривое. Именно для этого оставалась свободной часть устья этого озера. Таким образом, лишняя вода из озера попадала в реку через указанное озеро.

Необходимо отметить, что озеро Кривое, будучи само по себе неглубоким (от метра до полутора), сейчас находится в достаточно глубокой впадине с высокими, до четырех метров, берегами, хотя расположено на абсолютно ровном лугу. Вот такую канаву длиной в 1,7 км вымыла сбрасываемая вода за 150 лет работы мельницы.

Для устройства шлюза на левом берегу реки в XIX веке был насыпан протяженный песчаный остров (4), называемый в народе «Шпылем». Это наименование, вероятно, связано с установленным здесь механизмом подъема и опускания перегородок шлюза для пропуска лодок[43]. Сам шлюз находился между

[38]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 16 об.

[39]РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Д-5 (синий). Дикое поле пустошь, что на реке Семи.

[40]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 4776. Номер картона 223 (синий).

[41]РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-15 (красный). Чаплищ села. 14-й части.

[42]По наблюдениям автора, сделанным в юности.

[43]Шпиль – особый во́рот, устанавливаемый на судах для выхаживания якорных цепей, выбирания каната и для других тяжелых работ по тяге тросов и цепей. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шпиль_(механизм) (15.04.2025).

островом (4) и левым (южным) берегом. На рис. XXXXV мы видим его входные и выходные ворота. Промежуток между воротами в народе назывался «К*а*мур». В этом месте сельская детвора в 60-е и 70-е годы XX века училась плавать. Само место было неглубоким (около 2 м), тихим и удобным для купания. Течение здесь было совсем незначительным, хотя в остальной реке оно было довольно сильным, изобиловали омуты, и купаться там было опасно.

Единственное описание мельницы приведено в экономических примечаниях на пустошь Дикое поле 1782 года[44]: «На показнои реке {Семи} состоит мушная мельница о девяти поставах[45] во владении коллежского асессора {Михаила Ивановича} Гамалея. Действие имеет во весь год, кроме повреждения половоды. С коей доходу за помол в год получается разнаго хлеба до девятисот четвертей».

Что же мы здесь видим? Во-первых, мельница имела 9 пар жерновов (пар камней). Ровно столько же, как и на остальных мельницах в то время на реке Сейм, кроме путивльской (см. таблицу 1). Отличием являлось то, что эти жернова были смонтированы в трех амбарах, а не двух, как на остальных мельницах на реке Семи. Во-вторых, мельница была «мушной», то есть только молола муку. Сведения о толчеях и валешнях не указаны. Как были распределены жернова между амбарами — этого мы не знаем. Скоре всего, по три в каждом амбаре.

Интересный момент касается периода работы мельницы: «Действие имеет во весь год, кроме повреждения половоды». То есть она работала и зимой при замерзании реки, и в весеннее половодье, если оно ее не ломало. Это, в частности, говорит об эффективности работы механизма сброса излишней воды в озеро Кривое. Работа мельницы зимой при гончих колесах вполне была возможна. А вот ее работу в весеннее половодье трудно представить. В этом месте река, даже без мельницы, полностью заливала все окрестные луга вплоть до леса (Титовой дубровы) и до озера Боровни, находящихся в 3 км от мельничного места, что полностью исключало доступ к мельнице как со стороны села Чаплищи, так и со стороны Клепал.

Последнее, что указывается в экономических примечаниях, — это размер годового дохода, получаемого от помола зерна, — до 900 четвертей. В XVIII веке мера веса «четверть» составляла 8 пудов. Таким образом, годовой доход равнялся 7200 пудов, или более 115 тонн муки. Если предположить, что мельница молола зерно 11 месяцев в год, то ежесуточный помол составлял около 22 пудов. Или по 2,4 пуда с одного постава (пары жерновов). Если принять, что плата за помол равнялась около $^{1}/_{10}$ части помола, то один постав давал в сутки до 24 пудов муки. Или 1 пуд в час (270 г в минуту). Вполне возможный показатель при том, что в описании указано максимальное его значение.

Когда же эта мельница прекратила свою работу? После революции 1917 года имение Гамалеев в Клепалах было разграблено и разорено местными жителями. Мельница перешла государству, а ее работу поддерживали мельники, которые взяли ее в аренду. Краевед из г. Бурыни Виктор Иванович Гагин любезно предоставил материал, полученный им из Государственного архива Сумской области, относящийся к ремонту мельницы в 1920 году[46]. Привожу этот материал в переводе с украинского на русский язык:

«В Государственном архиве Сумской области имеются интересные материалы о жителях Бурыни[47] Левина Наума Давидовича и Авраама Райхлина. В архивном фонде народного суда 6-го участка Путивльского повета имеется дело об обвинении Левина в агитации против сбора средств с граждан на ремонт водяной мельницы в селе Клепалы в 1920 г. Свидетели показали, что Левин на самом деле призывал людей не собирать деньги, поскольку мельница является государственной, поэтому и весь материал для ремонта должен отпускаться совнархозом. Деньги не были собраны, а Наум Давидович на суд не явился. В этом же архивном фонде имеется дело 1922 года по обвинению арендатора Клепальской водяной мельницы Левина Н.Д. в самовольной порубке леса и о выплате им штрафа в размере 61 875 рублей. В документе указывается, что Левин Наум, 46 лет, житель с. Бурыни, грамотный, 28 мая 1922 года болел сыпным тифом. В это время в результате стихийного бедствия прорвало дамбу и, чтобы спасти мельницу, было срублено несколько ду-

[44]РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 162 об. – 163.

[45]Постав – мельничное устройство, состоящее из пары жерновов. Один из которых неподвижен, а другой вращается на нем, размалывая зерно.

[46]Справка Государственного архива Сумской области № 19 от 17.03.2003.

[47]Село Бурынь – ныне город в Сумской области, в 8 км от Клепал.

бов для избежания дальнейшего прорыва. Левин просит передать дело в суд, чтобы выплатить не штраф, а стоимость деревьев по расценкам того времени. На суд в 1923 и 1924 годах Левин Наум не явился. В связи с амнистиями от 17 сентября 1923 г. и 12 мая 1924 г. суд постановил дело относительно Левина закрыть».

Данный материал указывает на то, что в начале 20-х годов XX века мельница еще работала. В то же время моя бабушка — Мария Григорьевна Гумениченко 1905 года рождения — рассказывала, что мельницу в Клепалах сожгли владельцы близлежащих ветряных мельниц, которые не могли конкурировать с ней по качеству помола и по его цене. Дело происходило во время НЭПа[48], когда частники, владеющие ветряными мельницами, конкурировали с мельницей на Сейме таким вот образом. После НЭПа, в начале 1930-х годов, мельницы у частников отбирались и передавались в колхозы. Жечь имущество конкурента тогда уже было себе дороже. Таким образом, мельница в Клепалах, проработавшая 150 лет, сгорела в середине или конце 20-х годов XX века. От нее остались только деревянные сваи (пáлі). По мере того как мелела река, пали становились все виднее. Вот как это место выглядело в начале 90-х годов XX века (рис. XXXXVI). Вид со стороны шлюза (камура), напротив озера Кривого.

МЕЛЬНИЦЫ НА РЕЧКАХ ЧАШЕ И ВЫЖЛИЦЕ

Вернемся, однако, в XVII век и рассмотрим мельницы на близлежащих малых речках — Чаше и Выжлице. Сразу отметим, что ко второй половине XVIII века эти речки были довольно мелкими. Вот как они описаны в экономических примечаниях 1782 года[49]. Речка Чаша у деревни Михайловка: «Показная речка в летнее жаркое время против селения и дачи в мелких местах глубиною бывает в четверть аршина (18 см) шириною в полтора аршина (107 см)». Речка Выжлица у деревни Карпиловки: «Река Выжлица в летнее жаркое время глубиною бывает в четверть аршина (17,8 см) шириною в сажень (2,13 м)».

Начнем с мельниц на речке Чаше. В устье этой речки к концу XVII века николаевскими попами Почасеевыми были поселены три слободки под общим наименованием «Борыни». Обитателями их были вольные люди — черкасы. В каждой слободке была своя водяная мельница.

Слободки и мельницы изображены на известном нам чертеже окрестностей города Путивля конца XVII века (рис. XXXXVII). На этом фрагменте имеется надпись, относящаяся к деревням Борыням: «В деревнях Борынях живут пришлые вольные люди черкасы повольно». Показаны три слободки: (1), (2) и (3), рядом с которыми изображены мельницы. Описание этих слобод и мельниц приведено в межевых книгах по челобитью николаевских попов Великорецкого с причетники. Фрагмент книги, относящийся к указанным слободкам, был детально рассмотрен в разд. 1.2.2 «Борынские дубровки». Здесь же мы рассмотрим описание мельниц[50]. Мельница (1) принадлежала попу Андрею Почасееву. Она находилась напротив его слободки «на речке на Чаше, а Борынская речка та ж, промеж Борынских дубровак мельница. На плотине анбар, в онбаре адин камень на ходу да ступы просеные». Здесь же упоминается недостроенная мельница: «Да на Борынском отвершке, что идет из Борынской дубровы, ево ж Андреева мельничная платина недостроена». Предполагаемое место этой недостроенной плотины указано на этом же рис. XXXXVII.

Необходимо отметить, что у попа Андрея совместно с дьяконом Ияковом Кортавцовым была еще мельница у села Грузского: «Да ниже села Грузского с пол версты на речке на Конатопе николаевского попа Андреея Почасеева да дьякона Иякова Коравцова мельница. На плотине онбар. В том онбаре адин камень. А подле той мельницы двор ево ж попа Андрея, что мельник живет».

Немногим ниже по речке Чаше была вторая слободка (2), принадлежащая Тимофею Почасееву, со своей мельницей с одним амбаром на плотине. «А в онбаре два каменья на ходу да ступы просеные». Как видим, на обоих мельницах Почасеевых были устроены толчеи для проса.

---

[48]НЭП – новая экономическая политика, проводившаяся с 1921 по 1928 г. в Советской России и СССР. Национализация промышленности была приостановлена: предприятия с численностью до 20 рабочих были оставлены в частных руках. Была разрешена передача национализированных ранее предприятий в аренду частникам. (Новая экономическая политика // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Новая_экономическая_политика (06.08.2025)).

[49]РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 160, 164.

[50]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 117–118.

Еще ниже по речке Чаше, в ее устье, находилась третья слободка (3), которая была в совместном владении Тимофея и Андрея Почасеевых с их племянниками. Здесь также была устроена мельница, «а на плотине анбар, адин камень на ходу».

Теперь посмотрим сведения об этих же мельницах, приведенные в переписной книге города Путивля и Путивльского уезда 1719 года. Вначале описана мельница (2) Тимофея Почасеева[51]: «Мельница на речке на Чаше Николаевского попа Дмитрея Почасеева. Оброку по 11 алтын по пол шести (5,5) деньги. Вновь положеное четыре алтына. А по осмотру той мельницы платина в длину семь десят четырех, поперек трех сажень дву аршин. Два анбара. Адин в длину трех, поперек три саженья. Другой анбар в длину трех, поперек полтора сажени. В них два камня на ходу. Валяшня в ней шесть ступ, что толчет проса. Валешня, что сукно валят. Колеса наливныя».

У этой мельницы два камня на ходу и две валешни: одна для толчения проса, а вторая для валяния сукна. Из трех перечисленных в межевой книге 1693 года мельниц в слободках Борынях только она имеет два камня. Вместо Тимофея теперь ею владеет Дмитрий Почасеев[52]. Из описания 1719 года мы видим, что плотина этой мельницы была довольно протяженной — 74 сажени (160 м) в длину и 3 сажени и два аршина в ширину (7,9 м), что намного превосходит длину плотины самой крупной в этих местах путивльской мельницы у Варышевой тополи (40 саженей, или 86 м). Столь длинная и относительно неширокая плотина мельницы на речке Чаше Дмитрия Почасеева была обусловлена тем, что воды этой речки было недостаточно для вращения колес. Для решения проблемы делалась большая запруда. Речка значительно разливалась. При этом колеса мельницы были наливными, с верхней подачей воды. На мельнице Дмитрия Почасеева на речке Чаше, как сказано выше, было два амбара. Размер первого амбара был стандартным — 3 × 3 сажени (6,5 × 6,5 м). Другой амбар был поменьше — (3 × 1,5 сажени).

Далее, в этой же переписной книге описана мельница (1) попа Андрея Почасеева[53]: «Мельница на речке Чаше николаевского попа Андрея Почесеева. Окладу по петнатцати алтын по две деньги на год. А по осмотру оная мельница пуста и строения никокова нет. А плотину всю розмыла вода. А влоделец умер. А сын ево Андрей живет в Путивле. И запустела оная мельница с 1708 году. Понеже с оной мельницы онбар и каменья и всякоя мельничноя снасть свели к себе сильно (самоуправно) брегодира Анненкова дети ево и приказные люди. А положенной оклад с той мельницы владельцы плотят с пуста».

Здесь сказано, что прежний хозяин этой мельницы Андрей Почасеев умер, а его сын Андрей мельницу забросил. Ее размыло водой. Амбар и все оборудование разобрали и перенесли на мельницу клепальского помещика Ивана Григорьевича Анненкова его приказные люди и его дети, по его указу.

В книге 1719 года ничего не сказано о недостроенной плотине Андрея Почасеева «на Борынском отвершке, что идет из Борынских дубровок» (см. рис. XXXXVII). Вероятно, она так и не была построена.

Что касается мельницы Андрея и Тимофея Почасеевых (3) на этом же рисунке, то здесь необходимо произвести небольшое дополнительное исследование, чтобы понять ее дальнейшую судьбу.

Земли в окрестностях этой мельницы от устья речки Чаши, до деревни Лухтовки и села Красная Слобода до 1704 года принадлежали черниговцу Василию Денисову сыну Кашинцеву и входили в его обширную вотчину. В 1704 году эту вотчину купил у него клепальский помещик, стольник и воевода Иван Григорьевич Анненков[54]. 2 мая 1710 года Иван Григорьевич продал часть этой вотчины (часть на речке Чаше, 49 четвертей) своему брату Андрею Григорьеву сыну Анненкову[55]. Вот как описывается эта часть вотчины в доношении в Киевскую губернию от 8 мая 1710 года[56]: «За рекою за Семью в селе Красной Слободе ив деревни Лухтевки в урочищах Ослецкого и Чаского городища над рекою Семью, и на озерах Ослецком и Часком из устья вверх по обе стороны речки Чаши четвертной пашни сорок девять чети с полу осьминою

[51]РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 519.

[52]Родство Дмитрия с Тимофеем в данной работе не устанавливалось. Дмитрий Почасеев в это же время был совладельцем Путивльской мельницы.

[53]РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 526 об.

[54]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 498.

[55]РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10585. Л. 386–388.

[56]Там же. Л. 385.

и с четвериком в поле, а в дву по тому ж, с лесы, и с сенными покосы, и со всеми угодьи, и с роспашною, и с примерною землею, и с рыбными ловли. Да мельницы на речке Чаши половину на струге Любине[57] третей жеребей со всяким мельничным заводом и строеньем». Таким образом, указанная здесь мельница — это ближайшая мельница от устья речки Чаши, то есть мельница (3) на рис. XXXXVII, принадлежащая в 1693 году Тимофею и Андрею Почасеевым с племянниками. До 1710 года половина этой мельницы принадлежала Ивану Григорьевичу и находилась на его вотчинной земле. Где-то между 1704 и 1710 годом Иван Григорьевич завладел мельницей полностью. С 1710 года ее владельцем стал его брат Андрей Анненков. Вот описание мельницы, приведенное в переписной книге 1719 года[58]: «Мельница на речке Чаши Ивана Анненкова. Окладу прежнего по дватцати по пети алтын по одной деньги. Вновь положеного по семи алтын по две деньги на год. А по смотру платина в длину сто сажень. Поперек полтретья (2,5) сажень. Онбар в длину полтретья сажени. Поперек тож число. Колесо наливноя. А ныне оною мельницею владеет брат ево Андрей Григорьев сын Анненков».

Дополнительным доказательством того, что это именно мельница (3), является полное совпадение ее параметров с описанием 1693 года: один камень и отсутствие ступ и валешен. Из описания 1719 года мы дополнительно узнаем, что плотина была очень длинной — 100 саженей (216 м) и шириной 2,5 сажени (5,4 м). Колесо было наливное, как и на мельнице (1). Длина плотины была заметно больше, чем у мельницы (2) (74 сажени, 160 м). К сожалению, у нас нет сведений о длине плотины мельницы (1), но, скорее всего, она была короче. Связано это с тем, что мельница (1) была первой от истоков речки Чаши и ее плотина строилась с учетом объема воды речки в ее верховьях и примыкающих ручьев. Этого объема воды хватало для ее работы. Далее, вниз по течению, располагались мельницы (2) и (3) на сравнительно небольших расстояниях. Уровень воды после каждой мельницы заметно снижался и мог увеличиваться только водой от ручьев и небольших речек, текущих по примыкающим к этим мельницам оврагам. Длину плотины пришлось увеличивать по мере приближения мельницы к устью речки. Что касается мельницы (1), самой верхней по течению Чаши, то она впоследствии была восстановлена.

На геометрическом генеральном плане города Путивля и его уезда 1785 года[59] (рис. XXXXVIII) мы видим те же три мельницы на речке Чаше, что и на чертеже окрестностей Путивля конца XVII века. Помимо мельниц, на речке были также запруды для водопоя скота: две — на правом берегу у села Красная Слобода, на примыкающих ручьях; а также вверх по течению Чаши еще две, на самой речке: у деревень Михайловка и Чаша.

Теперь рассмотрим мельницы на речке Выжлице. Для этого обратимся к тому же генеральному плану 1785 года. На нем показаны три мельницы на этой речке (рис. XXXXIX). Обозначим их номерами (1), (2) и (3).

Начнем с мельницы (3). Она находилась между селом Пески (Байдурское) и деревней Глушец. Вот ее описание в переписной книге 1719 года[60]: «Мельницы Сумского полку сотника Степана Куколя. С ним прежнего окладу девеносто девять рублев восмь алтын три деньги. А что с которой мельницы порознь не росписано.

…Мельница на речки Выжлицы, что меж сел Песок и Глушца. А по осмотру той мельницы платина в длину сорака четырех, поперек трех сажень. Два анбара. Адин анбар в длину трех сажень поперек два сажени. В нем два камня на ходу. Другой анбар в длину два поперек два ж сажени. В нем три гнезда воляшин, что воляют сукна. Колеса наливныя». Мельница довольно крупная для небольшой речки, с двумя парами жерновов и с валешней на три гнезда для производства сукна. Колеса наливные (с верхней подачей воды). По плотине этой мельницы проходила дорога из Путивля в Белополье (ранее она называлась Вирской). Ширина плотины равнялась 3 саженьям (6,4 м). А оба амбара были неширокими — по 2 сажени (4,3 м). Поскольку амбары стояли на плотине, то для проезда по плотине оставалась максимум одна сажень (чуть

[57]Любина струга не локализована. Она впадала в речку Чашу в месте, где была построена эта мельница.
[58]РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 520 об.
[59]Геометрический генеральный план города Путивля и его уезда 1785 г. URL: https://oldmaps.ru/ (19.07.2012).
[60]РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 524 об.

более 2 м). Такой ширины, как видно, хватало для проезда всадников и гужевого транспорта[61]. У сотника Сумского полка Степана Куколя всего было три мельницы: первая — на реке Семи у деревни Теткино, вторая — на Выжлице и еще одна на реке Тожине у деревни Заболотовки. Мельница в устье Выжлицы была построена ранее 1709 года, поскольку в ее описании указано два оклада[62] — прежний и текущий. Прежний оклад — это отсылка на более раннюю переписную книгу 1709 года (она не сохранилась).

Известно также, что ранее, 26 июня 1693 года, клепальский помещик Зиновий Панов за свои 2 четверти в Чашском и Ослецком городищах обменял у вдовы Агафьи Федоровой жены Кашинцова[63] ее прожиточное поместье в селах Глущце и Волынцеве. В его отказной книге написано: «… Ему ж, Зиновью, отказал на речки на Выжлицы в мельницах жеребей против дач, да усадьбы к речки Выжлице к нижней мельницы, что мельница на Выжлицы». Зиновий получил, как мы видим, долю (жеребей) в «нижней» мельнице (мельница 3) на речке Выжлице и усадьбу у этой мельницы. Мельница указана как «нижняя», поскольку является последней по течению этой речки, недалеко от ее устья. Эта мельница была построена ранее 1693 года. Уже тогда ее частью владел помещик Федор Кашинцов.

Теперь о мельнице (2) на рис. XXXXIX: «Мельница на речке Выжлицы Ивана Анненкова, а ныне невес{т}ки ево вдовы Ирины Богдановской жены Анненкова. Акладу прежнева по дватцати по три алтына. Вновь положенного акладу по семи алтын по четыри деньги на год. А по ск{а}ски человека ея тою мельницею влодеет белопольской сотник Степан Куков. А по осмотру той мельницы ево сотниких 2 анбара. и писана оноя мельница ниже сего за ним сотником». Построена мельница была Иваном Анненковым в период с 1700 по 1708 год. Для ее строительства была разобрана упоминаемая выше мельница Андрея Почасеева на речке Чаше, находящаяся в запустении. Затем, еще при жизни Ивана Григорьевича, мельница на Выжлице была передана сыну Богдану, а после смерти Богдана — вдове Ирине. У вдовы мельницу купил белопольский сотник Степан Куков.

И, наконец, мельница (1). Она упоминается в той же переписной книге 1719 года наряду с другой мельницей Ивана Анненкова: «Две мельницы на речки Курицы и Выжлицы ево ж Ивана Анненкова окладу прежнего по рублю по двенатцати алтын по полчетверты деньги. Вновь положенного по петнатцати алтын по пол деньги на год.

…Плотина в длину петьдесят трех, поперек трех сажень. Адин анбар в длину полтретья (2,5), поперек трех сажень. В нем камень на ходу. Колесо гончея». Мельница небольшая, с одним колесом, но это колесо было гончее (с нижней подачей воды), что не характерно для мельниц на малых реках. Для работы такой мельницы, при небольших размерах Выжлицы в этом месте (2 м шириной и 20 см глубиной)[64], потребовалось собрать большое количество воды. Для этого была построена крупная плотина в 53 сажени (114,5 м). Интересно, чем было обусловлено решение применить такой тип колеса?

На этом же рис. XXXXIX мы видим в деревне Карпиловке на левом берегу Выжлицы на примыкающем ложке еще одну греблю. Это не мельница, а пруд для разведения рыбы и водопоя скота.

На месте мельницы (1) был старинный мост, по которому жители селища Байдурского ездили на пашню и сенные покосы на противоположном берегу Выжлицы. Первое упоминание об этом мосте находим в отказной книге Ивана Судейкина 1684 года[65]: «Против конца валу, что истари копан от реки Семи до речки Выжлицы, где мост учинен, через тое речку ниже валу, что ездят от Байдуровского на пашню и на сенные покосы ниж{е} деревни Карпиловки, что поселил Василей Черепов за валом выше того валу на сей стороне речки Выжлицы». Таким образом, в 1684 году мельницы на этом месте еще не было.

Любопытные сведения находим в отказной книге помещиков Трифоновых на поместья на Выжлице, в Байдурском и к речке Борожбе 1690 года[66]. Здесь указан, как и в приведенных выше более ранних источ-

[61] Эти размеры указаны приблизительно, с точностью до одной сажени.
[62] Оклад – установленный размер налога, сбора.
[63] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10565. Л. 603–604 об.
[64] Данные взяты из экономических примечаний 1782 г.
[65] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 651–651 об.
[66] Там же. Л. 420–421.

никах, мост на Выжлице около вала: «А усадище на той же земли к речки Выжлицы ниже валу у мостка», и в то же время даются сведения о наличии мельницы на этой речке: «Да им же отказал по другую сторону речки Выжлицы по ложок, что впал с поля в речку Выжлицу. Да вверх лошком правоя сторона по верховье Зеленецкого лошка, да по верховье речки Борожбы, да по речку по Выжлицу девяносто чети с четвериком. А усадище той земли к речке Выжлицы выше мельницы».

Таким образом, к 1690 году на Выжлице уже была, как минимум, одна мельница. Какая же из трех, приведенных на рис. XXXXIX? Мельница (1) у Карпиловки и Дьяковки отпадает — там указан мост. Мельница (3) также не подходит под это описание: она находится между деревнями Байдурское и Глушец. Остается только мельница (2).

Дополнительно необходимо отметить, что в отказной книге Петра Прокофьева сына и Данила Иванова сына Карповых[67] сказано, что в 1676 году им были отказаны мельничные места в поместье на Выжлице: «Девеносто четвертей в поле, а в дву по тому ж, отказал путивльцом Петру Прокофьеву сыну, Данилу Иванову сыну Карповым. Петру тритцать четвертей, а Данилу шесдесят четвертей в поместье со всеми угодьи и с мелныцными месты». Из контекста этой книги ясно, что эти мельничные места были на речке Выжлице. Ввиду этого можно предположить, что здесь были мельницы ранее 1676 года, но к моменту отказа этих земель помещикам Карповым они пришли в упадок.

В заключение нельзя не упомянуть еще о двух мельницах: на речках Курице и Терн, поскольку они имеют прямое отношение к помещикам села Клепалы.

Иван, Василий и Федор Михайловы дети Череповы с начала XVII века владели бортным ухожеем на речках Терн и Курице. Позднее эти земли были распаханы, поселена деревня, а затем и село Череповка. Первое упоминание бортного ухожея находим в писцовой книге Путивльского уезда 1628 и 1629 годов письма Петра Мусорского. В 1640 году жеребей Ивана отошел его сыну Федору, а в 1676 году Федор Черепов передал поместье на Терну сыну Якову. После смерти Якова, в 1681 году, эти поместья переданы его вдове и племянникам Якова Ивану и Василию Ивановым детям Череповым. Здесь уже указаны две мельницы на речках Курице и Терн[68]: «Ивану и Василью Череповым отказал в том же селе Череповки на речках на Курицы и на Терну две мельницы со всяким мельничным строеньем вобче со вдовою Просковьею Яковлевскою женою Черепова, да з дочерью ее з девкою Мариною против их дач по жеребьям». Таким образом, мельницы были построены на слиянии речек Курицы и Терн в период с 1676 по 1681 год. Они являются самыми старыми из рассмотренных нами мельниц на малых речках в окрестностях села Клепалы.

В 1684 году эти мельницы разделили между владельцами: мельница на речке Терн перешла Ивану и Василию Андреевым детям Череповым, а мельница на Курице — Зиновию Панову с его падчерицей Мариной[69]: «Да им же, Ивану да Василью Череповым, на речке на Терну мельницу со всем мельничным строением, что в той мельнице мельничного строения с толчеи суконными и с просяными, и с каменьи, и з железы <…> Да ему ж, Зинову Казьмину сыну Панову, отделили в селе Череповке на речке на Курице мельницу с патчерицею ево девкою Мариною вобче с мельничным строением». Здесь даны первые сведения о мельнице на речке Терн — у нее имелись толчеи суконная и просяная.

После Зиновия Панова мельница на Курице перешла Ивану Григорьевичу Анненкову в совместное владение с Федором Вощининым — мужем Марины Череповой[70].

К 1715 году, после смерти Ивана Анненкова, мельница на Курице пришла в упадок[71]: «Да на речки Курицы мельница пустая. На платине адин анбар. В том анбаре был адин сад жернов. Да близ той мельницы на устьи, против городища над рекою Курицаю, скотной двор со всяким строеньем». Здесь мы узнаем дополнительные подробности: на этой мельнице был один амбар и одна пара жерновов. Здесь же сообщается, что эта мельница отстраивается: «Да под тем же селом Череповкою мельница на речки Курицы вновь строитца».

[67] РГАДА. Ф.1209. Оп. 2. Кн. 10563. Л. 168–171.
[68] Там же. Л. 372 об. – 373.
[69] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 1188, 1190 об.
[70] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10567. Л. 322 об.
[71] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10585. Л. 464.

В переписной книге 1719 года дано описание этой, вновь отстроенной, мельницы. Она стала гораздо бóльшей[72]: «Две мельницы на речки Курицы и Выжлицы ево ж, Ивана Анненкова, окладу прежнего по рублю по двенатцати алтын по полчетверты деньги. Вновь положенного по петнатцати алтын по пол деньги на год …

А по смотру тех мельниц < … > на реке Курицы {плотина} в длину сорок пят сажень, поперек пол третя {2,5} сажени. Анбар в длину полтреть {2,5} сажень поперек тож. В нем два камня на ходу. Колеса гончия». Здесь появилось две пары жерновов, колеса гончие.

Описание мельницы Федора Вощинина на речке Терн не приводится. Изображений этих мельниц нет.

Как долго просуществовали мельницы на Выжлице, Чаше, Терну и Курице — этих сведений у автора нет. Здесь требуется дополнительное исследование.

Раздел 2.3. Винницы

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящего раздела — описание винокурен (винниц) в окрестностях села Клепалы, указанных в переписной книге города Путивля и Путивльского уезда 1719 года. Но, прежде чем приступить к разбору этой книги, кратко рассмотрим само понятие «винокурение», его историю и, собственно, содержание этого процесса.

Итак, «винокурение» — это производство спиртных напитков. Вино «выкуривали», то есть выгоняли. Слово «курить» (или курити[73]) связано также с огнем и дымом, так как «вино» провариварили и обрабатывали из перебродившего сырья (плодов, зерна, изначально — из ржаного хлеба).

На Руси было популярно хлебное вино[74]. Это не современное вино в нашем представлении (из фруктовых ягодных плодов) — это разновидность самогона, русский национальный[75] алкогольный напиток, дистиллят, приготовляемый «из бражки или перебродившего с дрожжами хлебного сусла, получаемого, подобно пивному суслу и квасу, при посредстве солода и хлебной муки»[76]. Простое хлебное вино перегонялось в кубе из заквашенного хлебного затора[77] и называлось «водка»[78], «горячее вино», «зелено вино», «горелка», «ординарная», «винище», «полугар», «сивуха», «кабачное», «запойное», а лучшее — «пенник»[79].

С конца XV века государство стало контролировать производство и продажу спиртного с помощью винных откупов. Право торговли отдавали частным лицам за установленную плату. Монополия государства на изготовление и продажу хмельных напитков с конца XV века исключала их производство на реализацию частным образом[80]. Кормчество (незаконный сбыт и производство, а также держание подпольных кабаков) во всех проявлениях жестоко пресекалось и наказывалось. Населению лишь при известных

[72]РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 520 об. – 521.

[73]Курити – получать водку, вино, смолу и т.п. посредством перегонки. Вино (водка, горелка, мед и пр.) курити – получать самогон и др. напитки способом перегонки.

[74]Хлебное вино // Словарь Академии Российской. Ч. VI. СПб.: Изд. при Императорской Академии наук, 1794. С. 560.

[75]*Родионов Б.В.* История русской водки от полугара до наших дней. М.: Изд. Эксмо, 2012. С. 43.

[76]*Менделеев Д.И.* Винокурение // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 6. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1894. С. 466–488.

[77]Затор – затертое, приставленное тесто; замеска под выгонку водки, на выварку пива и пр. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[78]Вино // Словарь Академии Российской. Ч. I. СПб.: Изд. при Императорской Академии наук, 1789. С. 802.

[79]*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[80]Вологодские винокуры в XVII в. (URL: https://partia-tr.ru/2014/07/vologodskie-vinokuryi-v-xvii-veke.html (05.08.2025). Дата публ. 28.07.2014).

обстоятельствах — крестинах, свадьбах, поминках и т. п. разрешалось производство хмельного питья для домашнего употребления. С лиц, предъявляющих определенный объем хлеба и меда для производства браги, пива и хмельного меда кабацкими целовальниками, брались строго регламентированные пошлины; такое оплаченное «явочное питье» разрешалось пить только три дня. Представителям элитного купечества и людям, выбранным на службу в казенные заведения и «учинившим прибыль государю», в порядке поощрения разрешалось «курить вино» и варить пиво «на себя», а не на продажу. Этим правом пользовались светские и духовные феодалы, когда изготовленное ими «питьё» служило натуральной оплатой наемным работникам у них в хозяйстве[81].

В 1716 году Петр Первый ввел свободу винокурения для всех сословий и обложил производителей пошлиной: с каждой емкости любого объема следовало платить 25 копеек в год. Бороться с нелегальным винокурением и его продажей все равно не получалось, а за счет нового налога государство увеличивало поступления в казну. В частности, в начале XVIII века путивльские воеводы, следуя указам царя, начали массово выдавать права на винокурение частным лицам, начиная от помещиков и заканчивая вольными черкасами, жителями окрестных сел и деревень. Каково же было устройство тогдашних винокурень?

ОПИСАНИЕ ВИНОКУРЕННОГО ЗАВОДА (ВИННИЦЫ)

Древнейшим описанием устройства русского винокурения в 1697 г. мы обязаны Патрику Гордону — шотландскому и российскому военачальнику, генералу русской службы. Он говорит о нем в третьем томе своего дневника.

Однако очень похожее, но гораздо более детальное описание этого процесса содержится в очерке Алексея Ивановича Дмитрюкова «О винокурении, бывшем в местах малороссийских, до введения кубов обыкновенных и паровых», опубликованном в 1855 году в Вестнике Императорского Русского географического общества[82]. Алексей Иванович — преподаватель и смотритель училищ Суджанского, Щигровского и Рыльского уездов Курской губернии, археолог, этнограф, натуралист-любитель. Его описание построено на воспоминаниях старожил — жителей малороссийских слобод в окрестностях современного города Сумы и в основных положениях полностью совпадает с описанием Патрика Гордона:

«Винокурни состояли из более или менее длинного сарая, заплетенного хворостом и иногда обмазанного глиною, и покрытого соломою. Длина его разделялась на три части. В первой находились рабочая и заторные кади, в которых затирали бóрошно — муку (муку на борошно мололи гораздо крупнее, нежели для хлеба) для рабóты (квасу); близ их прикáдники — небольшие кади, называемые дрожжаники, тестяники и холодники. Впереди их длинное среднее отделение занимали печки и в них казаны (котлы). За казанами, в третьем отделении, была трубница — длинный толстый желоб или сколоченный из досок длинный ящик, наполняемый постоянно водою, сквозь которую проходили от казанов трубы, выдвинутые концами за трубницу к жбанáм (чанам), куда текла иногда ракá, иногда заворóт, а иногда горилка (водка).

Печки с котлами делались попарно и составляли верстáт; через каждые две печки был промежуток, называвшийся монастырь, где обыкновенно спали винокуры. Перед печками лежал выгребанный из них огонь. Это место называлось приклáд, где кроме выгребанного жару, клали колоду дров для постоянного поддержания огня, тут же варилась пища винокурам. Печки закрывались толстыми чугунными заслонками с двумя толстыми ручками, за которые брались братка́ми (деревянными лещотками[83]), если надо было убрать горячую заслонку.

[81]Челобитные от разного звания людей об отдаче им на откуп в разных городах кабаков. На 183 листах (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. Ед. хр. 38498. Л. 177); *Булгаков М.Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. М, 2004. С. 214; *Он же.* Кормчество // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 2008. С. 1076–1077.

[82]*Дмитрюков А.И.* О винокурении, бывшем в местах малороссийских, до введения кубов обыкновенных и паровых // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. 15. V. Географические известия и смесь. СПб.: [б. и.], 1855. С. 70–79.

[83]Лещотка – палочка с расщепленным концом или две палочки, соединенные, связанные с одного конца, употребляемые как зажим, прищепка. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-203-6.htm#zag-46029 (01.02.2026).

Котлы сначала были небольшие — от 20 фунтов[84] до пуда, а после увеличивались до 5 и более пудов и были медные, не луженые, наверху закрытые дубовыми досками, в передней части которых находилось четырехугольное отверстие для впущения в котел рабóты из кадей и вычерпывания остатков после выварки (браги); отверстие это закрывалось четырехугольною доской с ручкой, называемой кружкой.

На задней части круга было также круглое отверстие, на которое ставился перекинутый кверху дном горшок, сперва глиняный, а потом употреблялся деревянный, куда входили из котла пары и через особые три отверстия (со временем делалось одно), с приставленными к ним глиняными же пáтрубками, проходили в медные прямые трубы (впоследствии была одна витая труба), пропущенная через трубницу, в которой часто подбавляемая свежая вода охлаждала пары и превращала их в рóку, или заворóт, или водку.

Дубовые доски на котлах, кружка, горшок и патрубки и при них концы труб обмазывались тестом, чтобы не проходили пары. Но можно ли было их удержать? Тесто во всех этих местах или отпаривалось, или объедаемо было мышами и собаками, и значительная часть паров улетала; а вода, от недосмотра винокуров, согревшись в трубницах, не охлаждала паров, сколько должно (разве только в тех винокурнях, где вода подавалась из пруда прямо в трубницы). Но и эта в летнее время была теплой; а лед на лето не заготовлялся. Котлы через несколько дней внутри шарова́ли — чистили скребóчками и загнутыми железными лопатками, и вымывали, чтоб не пахла водка гарью.

За винокурнею загораживали низким плетнем бражни́к (ворох) для рогатого скота, лошадей и свиней, которых выкармливали брагою (бардою). На бражник ставили большую кадь для вливания большого количества браги, а прочую пускали по желобам в корыта, из которых пили лошади, коровы и свиньи. Несколько поодаль делали рубленный саж с деревянным полом для свиней, предполагаемых к окончательной выкормке; а прочие свиньи ходили по бражнику и только отдыхали под открытыми сараями, устраиваемыми сзади бражника. Всегдашняя, более или менее, грязь в бражниках, а особенно около корыт, уничтожалась только продолжительными морозами или уменьшалась на возвышенных местах бражника от долгой засухи. По той грязи брел и хозяин, желавший осмотреть корыта, саж и скотину, и его работники, одинаково со всем скотом. Для крупного скота отгораживали в бражнике особенное отделение с сараями, редко защищаемыми со всех сторон плетнем, а часто открытыми. Зимой набрасывали в эти сараи для подстилки солому, которой для свиней было столько, что они залезали в нее и не вставали по целым дням, а надобно было выгонять их к корму. Для молодого скота: телят, поросят, были особые помещения, более удобные, потому что в давнее время ставили на брагу свиней доморощенных и редко покупных, а впоследствии всех свиней покупали уже возрастных. Все строения большею частью были кое-как сделаны, сколочены, загорожены, и редко при их постройке заботились о прочности. А о красоте и не думали.

Всегдашний дым в винокурнях был как будто необходимой их принадлежностью; солома в крыше закапчивалась дымом, равно как выкапчивалась висевшая вверху ветчина, а в холодное время покрывалась инеем и, согреваясь от дыму, давала частую копоть на все предметы винокурни и на всех там находившихся, производя на всем рыжие пятна; дым расстилался почти до земли. Холод в зимнее время бывал такой, что замерзали заторные кади с рабóтою, а также прикадки и рабóта не закисала. Для разогревания их в них бросали разожженные кирпичи и чугун. Рабочие (винники) были всегда оборванные, в лохмотьях лето и зиму. Зимой прикрывались от стужи изорванными свитами (чекменями), а летом и того не надевали. Зато сколько они пили порций водки! Рано по утру шли по дрóва (рубить дрова), и перед этим выпивали по михáйлыку (деревянный ковшик с изогнутой ручкой), примерно в малый стакан. Прийдя с дров, готовили горячий завтрак — сниданье, перед которым опять та же порция. К обеду порция. Если дойдет горилка, то, отнеся ее в анбар или погреб, опять зовут пить порцию, говоря: “Иды на родыны”. При полднике порция, а перед ужином — опять то же. Если ночью дойдет горилка, то и тут будят один другого: “Идить пыть родыны”.

Для производства винокурения, кроме прочих рабочих, нанимали мастера. У мастера была обязанность знать затóр, и он был главным лицом, уважаемым самим хозяином. Мастер считался в понятии всех знáхорем, знáкулём, делавшим все производство по связям своим с домовым. Часто он прикрывал свое зна-

[84] Фунт = 1/16 пуда = 400 г.

харство то посматриванием на месяц (луну) и звезды, то, вставая в полночь, ходил по темным закоулкам, то другими подобными обманами. Но, несмотря на мнимые связи с нечистою силою, давал он водки с затираемой восьмипудовой четверти[85] борошна (муки) два с половиною и три ведра[86], а если выходило его три с половиною и до четырех ведер, то уже был в особой чести и славе. О нем говорили вслух, что ему помогала нечистая сила, и он этим кичился и никак не сознавался, что ему помогала нечистая его совесть, или, по-просту, плутовство. Надо заметить, что хлебный амбар наполнялся борошном {мукой}. Это борошно мастер брал для затора. Но точного учета борошна хозяин прежде не вел, и мастер, пользуясь правом самому с рабочими брать борошно (при этом редко бывал хозяин), в каждый двупудовой или четырехпудовый мерник прибавлял часть борошна сверх весу. Если это замечал хозяин, то мастер говорил, что это нужно на дрожжаники, тестяники и на тесто для обмазки кругов, горшков и прочее, а в самом деле прибавлял полпуда, пуд и более к затору и вина давал больше, что удивляло не знавших его уловок. И молва о мастере, что у него "що Божиий день, то горилка, а деколы есть и перейма"[87] и что выход у него необыкновенный — больший, чем у других мастеров, давали ему перед прочими преимущество. Особенно честили его те посторонние, которые привозили свое борошно на завод и, сторговавшись с хозяином винокурни за позволение выварить вино на его винокурне, его дровами и его винокурами, доставляли свою пищу рабочим, мастера же задабривали, чтобы был бóльший выход горилки и лучшей доброты. Такой привоз хлеба для винокурения водки в пользу посторонних делался теми, у которых были нарочитые[88] празднества: свадьба, храмовый праздник и т.п. Обыкновенно это делалось жителями великороссийских губерний. Как только мастер получал плату от затора, то, чтобы не ошибиться в счете заторных кадей, приготовлялась палка, расколотая надвое — б*ы*рка; на ней зарезывался каждый затор, и одна часть этой бырки оставалась у хозяина, а другая отдавалась мастеру и служила между ними расчетом за труды мастеру, по количеству затерых им кадей. Со временем эти бырки были введены для счета принимаемого в амбар хлеба и отпускаемого для затора и прочего расхода, но верного учета борошна все равно невозможно было сделать потому, что борошно никогда не выходило все, а одно выбиралось, а другое туда же было всыпаемо. Затор делался сообразно величине котлов; при малых затирали в кадях пуд-два; при больших — четыре, восемь и больше. К каждой верстати (двум печкам с котлами) принадлежали две кади, соразмерные затору, а ко всем кадям — прикадки с дрожжаниками, тестяниками и холодниками. Из двух котлов один был рабóчий, а другой — гарильчáный. Всыпав в кадь борошно и пустив в него нужное количество горячей воды, зовутся все винокуры к затору. Каждый из них, имея узкое весло, становится около кади и ударяет в такт веслом по муке и воде, сначала медленно, потом такт ускоряется, далее поворачивали смесь в одну, в другую сторону и опять били прямо, пока разобьют муку в жидкое тесто. Потом присыпали сверху солодом и оставляли тесто солодáть, взяв часть его в прикадок — тестяник. Через несколько времени, по приказанию мастера, пускали холодную и горячую воду, прибавляли из дрожжаников дрожжей (хмелин) и оставляли пока закиснет. Эта-то закисшая жидкость называлась рабóта и употреблялась как для питья, так и для борщу — щей вместо квасу, а главное — при накладке котлов для получения горилки. Другая кадь затиралась таким же образом для той же верстати котлов, спустя половину суток и более. Так делалось и для других верстатей, если их было много (обыкновенно от двух до четырех), то есть до восьми котлов. Поэтому истинное «знахарство» мастера состояло в том, что он лучше прочих знал, сколько для какого затора надо влить горячей и холодной воды, сколько к*и*нов (кадочка в четверик[89], с ушком, которою принашивали различные жидкости) и когда положить надобно дрожжей, сколько взять теста для дрожжей и положить хмелю, как охладить в холоднике дрожжи, чтобы они не прокисли, и т. п.

Но не из первой накладки, или наполнения котлов рабóтою, получалась горилка. Первый перевар рабóты давал только рóку — чистую жидкость, едва имеющую слабый водочный запах. Эта рока вливалась

[85] С конца XVII в. фигурирует «московская осьмипудовая четверть». Она была мерой сыпучих тел и вмещала 8 пудов ржи (128 кг).
[86] Ведро — 12,3 л.
[87] Слова «що Божий день, то горилка, а деколы есть и перейма» означали, что у этого мастера каждый Божий день выходила горилка, а иногда только через день потому, что у прочих мастеров редко каждый день выходила горилка, а большей частью через день или в три дня выходила два раза.
[88] Нарочитый — определенный, назначенный, установленный
[89] Четверик – ⅛ часть четверти, 26 л.

в котел со следующим накладом рабóты, и получался заворóт, который, с примесью рóки, вливался в третий наклад робóты и по переварке давал горилку — водку. При выходе ее из труб сперва показывался пот (пар), потом — самый сильный спирт, потом слабее, слабее, до тех пор, пока получалась смешанная жидкость требуемой крепости. Тогда жбан или ушат, в котором составлялась эта водка, принимался и подставлялся другой, где уже получалась только рока, ослабленная водочная жидкость. Излишнюю року обращали в уксус, называемый от этого рочнóй.

Для узнания крепости горилки не было при винокуренных заводах ни отжигательницы с градусным пузыриком, ни ареометров или волчков, а употреблялся длинный цилиндрический сосуд в две-три рюмки и назывался волочок, к которому привязывался шнурок для опущения в водку для узнавания ее доброты. Опустив в чан или бочку с горилкою волочок, вынимали его и, встряхнув, замечали, какова делалась пена. Если пена была крупная, сизая и долго не опадала, то это признак крепкой пенной водки (свыше 20°); если опадала или разбегалась скоро, то водка называлась «розбижка» (меньше 20°); при малой пене и скоро исчезающей получалась «полугар», а беломутный цвет слабой водки давал название «сивуха». Сноровка при этой пробе была так велика, что, присматриваясь на пену и пробуя ее на вкус, редко ошибались в крепости горилки. Был случай, что эта сноровка поколебалась было в истине. Лет до сорока назад появилась горилка с большою пеною, но не такого, как предполагалось по пене, достоинства; но скоро опытный глаз отличил, что пена на ней не сизая, а молочного цвета и излишне долго удерживается, подобно как в квасу. Оказалось, что туда прилито купоросное, смешанное с деревянным, масло, и пока это узнано, то многие хорошо торговали дома и на площадях, где продавалась оптом горилка. Остатки переваренной раб*о*ты давали брагу, служившую для откармливания рогатого скота, лошадей и свиней. Ее вычерпывали черпаками из казанов и горячую проводили в корыта, находившиеся в бражниках и сажах, а запасную — в большую кадь, из которой выливали также в корыта по мере надобности.

Дрова жгли без расчета. По дешевизне в тогдашнее время дров, покупали их и валили в ярусы, примерно, от 20, 30 и до 50 сажень[90]; а таких ярусов наваливали по нескольку, начиная один из них рубить и валить в печки, сколько пойдет. Помню, что при найме винокурни в Сумском уезде было условие, чтобы вместо платы за винокурню, забирать дрова, не менее 350 сажень в год, с платою по 3 р. 50 к. ассигнациями[91] за сажень; а затор в винокурне был по 4 четверти в сутки. Это жжение дров продолжалось с 1802 года лет шесть, и годовая, условленная часть дров сжигалась, несмотря на огромную толстоту дубов, берез, ясени и проч., сваленных и сложенных в сажени. Можно сказать, что в это время беспрестанно курили, то есть ночь и день курился дым и сверх винокурни и в винокурне, как будто все производство винокурения состояло в том, чтобы больше перевести дров или чтоб истребить лесные дачи[92]. И достигли этого с большим успехом! Огромные лесные дачи, простиравшиеся на несколько десятков верст, перекурили на золу, срубленный лес расчистили на сенокосы и пашню; выгнали из лесов не только волков, но и зайцев и превратили лесную Курскую и часть Харьковской губерний в степные. При поверке землемерами планов, бывшего генерального размежевания[93], не найдут теперь в натуре весьма многих десятков тысяч десятин строевого и других качеств леса.

Какая же выгода была от тогдашнего винокурения хозяевам? Конечно, все сказанное производство винокурения не представляет больших барышей; но умные хозяева, продолжая винокурение из года в год многие десятки лет, богатели или по крайней мере разживались. Причиною этого была, во-первых, дешевизна хлеба, дров, рабочих и проч., во-вторых, образ жизни самих хозяев. Хлеб покупали от 20 до 50 коп. за пуд, дрова тоже от 20 до 40 коп. ассигнациями; рабочие жили от 2 до 5 ассгн. в месяц. Образ жизни хозяев (панов) в обыкновенном хозяйском быту не многим разнился от рабочих. Рано утром, иногда гораздо до рассвета, он надевал нагольный (шерстью внутрь) кожух и шапку из своих овец, сапоги из кожи своего

[90]В это время сажень равнялась 2,13 м.

[91]Ассигнации – бумажные деньги. Кроме них в обороте были серебряные монеты. В конце XVIII – начале XIX в. курс обмена ассигнаций на эти монеты был разным в разные годы и составлял от 1:1 до 1:0,25.

[92]Лесные дачи – лесные угодья помещика. (*Прим. авт.*)

[93]Генеральное межевание – мероприятия по установлению точных границ отдельных владений, проводившиеся в России с 1765 г. В Путивльском уезде оно было проведено в 1785–1786 гг.

же скота и отправлялся в винокурню смотреть, как играет в кадке рабóта, а в дрожжанике дрожжи, как идет горилка, не парует ли горильчаный казан, есть ли брага у свиней, коров и лошадей, как и где лежит молодой скот, посылал рабочих узнать, не волки ли тащат свинью из бражника, что она кричит не своим голосом? И винокуры с «дренчиками» — длинными поленьями и стаею дворовых собак бегут опрометью на крик свиней и отнимают иногда, действительно, у волка из зуб его добычу. Обходил он бражник, саж и все свои заведения, а для большего призора за винокурами устраивал себе жилище в углу самой винокурни. Пища у него была хотя сытная и жирная, но своя. Свои коровы давали молоко, масло и прочее молочное; свиньи — поросят, солонину, ветчину, сало и колбасы; прокормление лошади бардою ничего не стоило; для напитков была своя водка, своя наливка, варенуха, а у более образованных хозяев и своя фруктовая или очищенная на березовый уголь пуншевая водка. Сшитый один раз выездной жупан и прочее платье становилось на многие годы, а прочее приготовляли дома. Хозяйка (пани) ходила также просто: у нее кунтуш дан в приданое, в котором еще венчалась ее мать, кар*а*блик и чипец — головные уборы — были прочные и первый часто переживал два поколения; карсет, спидн*ы*ця и з а п á с к а были из прочной материи и носились многие годы; зайц*и* тоже становились на весь век; белье и прочее приготовляли дома. Воспитание детей не обходилось дорого: копа[94] — две грошей дьяку, мешок — два ему хлеба, иногда горилки и других домашних вещей — и сыновья готовы были поступить с такими познаниями в казаки или в присутственные места, где служили и выслуживались. Между тем барыша от продаваемых свиней, коров и от водки, деньги за проданную золу, масло, сало, ветчину, птицу и прочее домашнее съестное откладывались в «скр*ы*ни» и копились исподволь, пока понадобились на покупку смежной земли, леса и на другое прочное приобретение.

Конечно, много было в разных местах иначе, многое не сохранила память, но общее производство винокурения было в таком виде, пока устроились винокурни с огромными обыкновенными и паровыми кубами, для которых изменилось все устройство и производство винокурения, начиная от затора в сутки от 20, 40 и 120 четвертей и выхода вина по 6 и более ведер с четверти, для чего потребовались уже не мастера-знахари, а мастера-химики».

Приведенное описание быта помещика относится к более позднему времени — второй половине XVIII века или к началу XIX века. Мы же рассматриваем более раннее время — начало XVIII века. Технология самогоноварения в это время была аналогична описанной, а вот жизнь помещиков заметно отличалась. В то время основную часть своей жизни они проводили на обязательной службе. Ситуация во многом изменилась после 1762 года, когда Петром III был подписан Манифест о вольности дворянства и, особенно, после 1785 года, когда Екатериной Великой была подписана «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». После этого дворяне, при определенных условиях, могли не служить (и внимательно следить за процессом самогоноварения).

Дополнительно необходимо отметить, что А.И. Дмитрюков обратил внимание на повсеместную вырубку лесов после указов Петра I о свободном винокурении. Уже к середине XVIII века был нанесен заметный ущерб лесам в окрестностях Клепал. В частности, были вырублены леса вдоль Клепальского и Печковского логов. Были уничтожены также леса на речке Выжлице (в частности, лес-пристенок), а также старинный лес в окрестностях деревни Выгоревки (к озеру Глушица), и, почти полностью, Борынские дубровки. То же происходило с Титовой дубровой и Чаплицким бортным ухожеем. Помещиков это особенно не волновало, поскольку освободившиеся площади становились сенокосами или распахивались.

ВИННИЦЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕЛА КЛЕПАЛЫ

Теперь обратимся к переписной книге 1719 года и посмотрим на описание винокурен (винниц) того времени в селе Клепалы и в ближайших окрестностях[95]:

«Винокурные заводы которые по наделу думного дворенина и воеводы Семена Протасьевича Неплюева явились в Путивльском уезде[96]:

[94] К о п а – единица счета, равная 60 штукам чего-либо. В рассматриваемое время она равнялась 50 копейкам. (*Прим. авт.*)

[95] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 579 об. – 592 об.

[96] В этом документе перечисляются винницы, появившиеся в Путивльском уезде за период от последней переписи (с 1709 по 1719 г.).

Винница вдовы Мари Ивановския жены Анненкова в Путивльском уезде в селе Клепалах. На помесной ея земле построена в 1713 годе. В том же в 1713 годе по повелительному письму комиссара Лодыгина в той винницы вино варилось {зимним} временем про свои домашнеи обиходы на три козана ис своего хлеба, а не ис покуп{н}ого. А в то винное варение иззашло шесть чети[97] {зерна}. И с того хлеба выворено вина пятнатцать ведр (185 л). И оное вино изашло про свои домашней росход. А драва возили ис своих лесов. А сколько тех дров вывозе, про то человек ея сказал, что не упомнит. И работали на той виннице крестьяне ея вдовы. За то винное варение взято по два рубли с козана.

Винница путивльского помещика Степана Алексеева сына Титова на ево помесной земли в Путивльском уезде в деревни Вирях. Ав 1713-м году сентября в 25 числа по повелительному письму комисара Ладыгина варил он в той винницы вино на два козана ис своего домашнего хлеба. А на то винное ворения хлеба изашло десять четвертей, понеже в той винницы варилось вино только зимнем временем. Ис таго хлеба выварено вина сорок ведер (492 литра) и то вино изашло про домашней росход. А дров вывозе было пять десят воз. А те дрова возили работники в той винницы были подданые черкасы. А за те козаны взято по два рубли с казана.

Винница путивльского помещика Дмитрея Григорьева сына Вощинина в Путивльском уезде в деревни Святом Озере на вотчинной ево земли. Построена в 1710-м году, а в 713-м году ноября в 5 числа по повелительному письму комисара Ладыгина в той винницы в том 1713-м и в 1714-м годех ноября по пятое число варил он вино зимнем временем ис своего домашнего хлеба. Итаго в росходе хлеба сорок пять четвертей. Ис таго хлеба выварена вина про свой домашней росход. Вина сто семь десят ведр (2091 литр). Драва в ту винницу возят работники в той винницы ево Дмитреевы крестьяне. А за то винное куренья взято с него по два рубли с казана. А в той винницы четыре козаны.

Винница путивльского помещика Василья Федорова сына Ващинина в Путивльском уезде построена на помесной ево земли в 1712-м году и в 1713-м году ноября в 28 числа по повелительному письму комисара Ладыгина в том 1713-м году и в 1714-м годе. В той виннице вино ворит ис {с}воего домашнева хлеба на два козана. Ав росходе с таго хлеба в год пятнатцать четвертей. Ис таго хлеба выварено ше{с}десят ведр (738 литров) и оное вино в росходе на домашней обиход. Дрова возет ево крестьяне и за то винное куренья взято по два рубли с казана.

Винница Путивльского уезде Ивана Герасимова сына Шечкова. На помесной ево земли в Путивльском уезде в деревни Ващининой которая построена в 1710 году, а в 1714-м году марта со 2 числа впредь да токова ж числа и по повелительному письму комисара Бехтеева варил он на два козана {зимним} временем. И в той винницы изашло домашнего хлеба ржи дватцать пять четвертей. Ис того хлеба выворено вина восемь десят ведр (824 литра). И оное вино изошло про свой домашней росход. А дрова возили из ево лесов. И в той винницы робатали ево Ивановы крестьяне. И за то винное куренья взято по два рубли с козана.

Винница путивльского помещика Андрея Григорьева сына Анненкова. Построена в Путивльском уезде в урочищи в Зелерском лесу на помесной его земли в 1713-м годе. А в 1714-м году октебра с 9 числа по повелительному письму комисара Бехтеева велено ему в той винницы вино варить на два козана. Ив той винницы вино варить {зимним} временем про свои домашней росход и{с с}воего хлеба. А дрова возят подданные ево черкасы из ево лесов. И сколько того хлеба в росходе и дров вывозе, про то человек ево скозал, не упомнит. И работники на той винницы подданые ево черкасы. И за то винное {варение} взято по два рубли с козана.

Винница вдовы Ирины Богдановскоя жена Анненкова в путивльском уезде в селе Песках на вотчинной ея земли, каторая построена в 1714-м году. А в той винницы варит она вино про свой домашней росход по повелительному письму комисара Бехтева на два козана из домашнего хлеба. А драва возят на ту винницу подданые ея черкасы из ея лесов. А сколько того хлеба в росходе и дров вывозе, про то человек ея сказал, что не упомнит. А на той винницы работники подданные ево черкасы. А за то винное куренья по два рубли с козана взято.

[97] 1 четверть = 128 л. 6 четвертей — 768 л. Или 42 пуда ржи (672 кг).

Винница в селе Дьяковки черкашенина Клима Степанова сына Скачидуба. А в той винницы два козана. А варит он из своего хлеба про свой домашней росход. А драва в ту винницу покупает. А что того хлеба и дров в росходе и вина выворе{но}, того он не упомнит. А работоет он в той винницы сам.

Винница в селе Дьяковки черкашенина Рамана Тимофеева сына Горбавеннина. В той винницы два козана. А варил он из своего хлеба про свой домашней росход. А дрова в ту винницу пакупает. А что того хлеба и дров в росходе, и вина выворе, того он не упомнит. А работоет он в виннице сам.

Винница в селе Дьяковки черкашенина Семена Бздуна на ево дворе. А в той винницы один козан. А варил он в той винницы про свой домашней росход ис своего хлеба. А дрова он покупает в разных жителех. А что того хлеба и дров в покупке ив росходе, и что из того хлеба вина выворено, того не упомнит. А работоет на той виннице сам».

О КАЧЕСТВЕ ЗЕЛЕНА ВИНА

Вначале рассмотрим винокурение у вдовы Марьи Ивановской жены Анненкова в селе Клепалы. Насколько успешным оно было? Винница была устроена в 1713 году, еще при жизни ее мужа. Стало быть, Иван Григорьевич ее строил[98] и налаживал производство вина. В этой виннице было три казана. По тем временам много. Вино разрешалось варить только в зимнее время, когда не было полевых работ. На самогон уходило по 6 четвертей ржи в сезон. Если полагать, что это были восьмипудовые четверти, то получается почти 770 кг зерна. Из него было получено 15 ведер самогона. Или 185 литров. И все это для своего употребления. Эти 15 ведер употреблялись до следующей зимы. Получается, в среднем, по 0,5 литра в день. Понятно, что такого потребления в семье, состоящей из вдовы 30 лет и малолетней дочери, быть не могло. Какую-то часть самогона дополнительно могли фильтровать на березовой золе, а потом изготовлять более благородные напитки. Например, наливки. Но все равно, количество вываренного вина было явно излишним для домашнего употребления. Излишки либо продавали, либо использовали как средство расчетов с наемными работниками, либо в качестве натурального обмена.

Но насколько эффективным было это производство? Из 6 четвертей ржи было получено 15 ведер водки. То есть с одной четверти по 2,5 ведра. Согласно описаниям, приведенным в очерке А.И. Дмитрюкова, норма 2,5–3,0 ведра самогона из одной четверти ржи была обычной для того времени. Судя по всему, такая норма была установлена покойным хозяином — Иваном Григорьевичем Анненковым. Он не гнался за количеством напитка и, похоже, требовал качества, а не «знахарства» и колдовства своего мастера. За свою винницу вдова платила по 2 рубля в год с казана. Всего 6 рублей. Стало быть, водка ей обходилась по 40 копеек за ведро или по 3 копейки за литр (вероятно, немногим дороже с учетом оплаты услуг мастера и рабочих). Такая низкая себестоимость обусловлена тем, что лес на дрова был свой, рожь и хмель тоже.

А что же у других помещиков? Например, у Василия Федорова сына Вощинина — племянника Марии. У него была винница в селе Чаплищи поменьше — на 2 казана. Но самогон он варил более интенсивно. У него за зимний сезон получалось 60 ведер напитка из 15 четвертей зерна, то есть по 4 ведра с четверти, что заметно больше, чем у Анненкова. По этой причине качество самогона у Василия Федорова сына Вощинина, скорее всего, было гораздо ниже. Или он поддавался обману мастера и на самом деле расход ржи был заметно б*о*льшим, или мастер понижал градус.

Посмотрим достижения в самогоноварении других помещиков — соседей Марии.

У Степана Алексеева сына Титова в деревни Вирях в двух казанах из 10 четвертей получалось 40 ведер водки. То есть опять 4 ведра с четверти ржи. Степан Титов единственный, кто указал расход дров на этот объем самогона — 50 возов (приблизительно, конечно). Выходит, что в среднем сжигалось по 0,8 воза дров на одно ведро. У Дмитрия Григорьева сына Вощинина в деревне Святое Озеро из 45 четвертей ржи получалось 170 ведер водки. По 3,8 ведра с четверти. У Ивана Герасимова сына Шечкова в деревне Вощининой из 25 четвертей ржи — 80 ведер вина. По 3,2 ведра с четверти. Андрей Григорьев сын Анненков (брат Ивана Анненкова) совсем не дал сведений по затратам зерна и выходу самогона. Это и не требовалось,

[98] Иван Григорьевич Анненков умер в 1713 г.

поскольку пошлины взимались с числа казанов и государство не очень интересовалось, сколько было получено водки и со скольких четвертей ржи. Аналогичная ситуация была и у вдовы Ирины Богдановской жены Анненкова (Богдан — сын Ивана Анненкова от первого брака).

Из приведенных примеров понятно, что крепость самогона у различных помещиков была разной. Равно как и добропорядочность их мастеров. Кто-то требовал максимального выхода с четверти зерна. А кто-то довольствовался меньшей нормой, уповая на качество.

В приведенный выше список винниц попали три винницы простых людей — черкас. Например, в селе Дьяковка были в то время, как минимум, три винницы черкаских: у Клима Скачидуба, у Романа Горбовеннина и у Семена Бздуна. Они все трое покупали дрова у окрестных помещиков. У первых двух были винницы на 2 казана, а у Семена — на 1 казан. Самогон делали, как утверждают, только для себя (для своего домашнего обихода). Работали на своих винницах сами. И естественно, все трое не помнят, сколько было получено самогона и сколько на это ушло зерна и дров. Поскольку с каждого казана они, как и помещики, платили государству по 2 рубля в год, то казаны не могли быть заметно меньшими. Как они распоряжались произведенным вином — это осталось тайной.

Теперь, что касается крепости «зелена вина». А.И. Дмитрюков дает следующую градацию качества: крепкая водка — свыше 20°; «р*о*збижка» — меньше 20°; еще меньше — «полугар», а бело-мутный цвет слабой водки давал название «сивуха».

Позднее, в 1839–1843 годах, в России продавались несколько сортов хлебного вина (водки):

Название	**Градус по Гессу**	**Процент алкоголя**
Полугар	0	38
Пенное вино	20	44,25
Трехпробное вино	33⅓	47,4
Четырехпробный спирт	50	56
Двойной спирт	100	74,7

РАСПОЛОЖЕНИЕ ВИННИЦЫ В СЕЛЕ КЛЕПАЛЫ

Где же могла располагаться винница в селе Клепалы? Для бесперебойной и эффективной ее работы наилучшим образом подходило место, где была проточная вода. Эту воду могли обеспечить колодези (в то время так называли источники воды). Наиболее крупным из них был Большой Клепальский. Он был наиболее подходящим для устройства винницы (рис. XXXVII)[99]. Здесь мы видим постройку, расположенную непосредственно у водотока, исходящего из этого колодезя, близко от его устья. Есть основания полагать, что это и была винница. Уже к началу XVIII века колодезь был перегорожен плотиной (греблей). Образовался пруд (ставок) для отпаивания скота. В гребле было отверсвие для отвода воды. В то время колодезь был довольно мощным, и вытекающий водоток давал достаточно воды для обеспечения работы винницы. Кроме того, вокруг этого водотока было достаточно места для устройства дополнительных строений: бражн*и*ка для рогатого скота, лошадей и свиней, которых выкармливали брагой; саж*а* с деревянным полом для свиней, предполагаемых к окончательной выкормке, и т. д.

На этом же рис. XXXVII показано строение на противоположном от винницы берегу ручья. Определить его назначение не представляется возможным. Вероятно, оно было связано с размещением водоплавающей птицы (птичный завод) или для другого производства, требующего близости воды.

ПРОБЛЕМЫ С ВИНОКУРЕНИЕМ В МАЛОРОССИИ

Как было описано ранее, винокурением в первой половине XVIII века занимались не только помещики, но и простые крестьяне (как, например, в деревне Карпиловке). Это приводило к тому, что вина на про-

[99]РГАДА. Ф. 1317. Оп. 219 синий. К-24 (синий). Клепало село.

дажу варилось слишком много, в результате оно упало в цене, что, в свою очередь, привело к повальному пьянству. Эта проблема в Малороссии стала общегосударственной.

Ввиду этого последний гетман Малороссии Кирилл Разумовский в 1761 году был вынужден издать универсал, ограничивающий производство водки и, соответственно, сокращающий ее потребление[100]: «Вскоре {6 июля 1761 года} Гетман обнародовал Универсал, в котором говорил, что Малороссияне, пренебрегая земледелием и скотоводством, вдаются в непомерное винокурение, истребляют леса для винных заводов, а нуждаются в отопке изб; покупают дорого хлеб и не богатеют, а только пьют; во избежание этих безпорядков, он запретил винокурение всем, кроме помещиков и козаков, имеющих грунты и леса. Полковникам, под угрозой лишения мест, приказал надзирать за точным исполнением распоряженния. Великороссиянам, купцам и крестьянам не позволил иметь винокурен; запретил полковникам и полковым старшинам нанимать бедных козаков для произведения под их именами винокурения и шинкования; и предоставил производство то и другое только на своих землях и из своего имущества.

Поводом к этому послужил упадок вина в цене; она дошла тогда до пятнадцати копеек за ведро, но гетман должен был знать, <…> что нужны еще и деньги, что курят вино не только лесом, но и соломою; что тот кто курит вино, тот его мало пьет, а пьет тот, кто не курит; что дороговизна вина, не уменьшая пьянства, уменьшает богатство народное; наконец, что винокурение в Малороссии есть единственная статья, которая дает средства хотя как-нибудь уплачивать подати. <…> Таким образом, Разумовский воспретил иметь в Малороссии шинки и винокурни неместным владельцам, в особенности купцам и крестьянам: винокурением могли заниматься одни только владельцы и казаки, имеющие грунты и лесные угодья, кроме духовенства, купечества и посполитого народа[101]».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ввиду изложенного, вспоминаются 60-е годы XX века. Тогда в селе Клепалы во многих хатах были самогонные аппараты, в какой-то мере напоминающие винокурни XVIII века: та же кадь с брагой, которая стояла в печи и подогревалась. На ней перевернутый чугунок с отверстием в основании, из которого выходила медная трубка, шедшая через длинный дереревянный ящик, наполненный холодной водой. На конце трубки была повязана нить, с которой капал в банку самогон. Все стыки этого аппарата были промазаны все тем же тестом. Просыпаясь по утрам, внучок (ваш покорный слуга) вдыхал характерного запаха пары, а бабушка уже завершала процесс. Крепость самогона тестировалась на деревянном столе. Различались четыре стадии: горит, пыхает, пыхает редко, не горит. На этапе «пыхает редко» все завершалось. Вот, кстати, откуда появился термин «полугар». Весь добытый самогон перемешивался и разливался по бутылкам. Понятно, что бабушка (она была вдовой) не выпивала весь самогон: он служил аналогом денег. Мужики пахали огород, перекрывали крышу новой соломой, выкапывали осенью картоху и т. д. За все расплачивались самогоном. Ну а оставшийся — бабушке, по 50 грамм в обед и на ужин.

[100] *Маркевич Н.А.* История Малороссии. Т. 2. М.: Изд. О.И. Хрусталев, 1842. С. 647–648.

[101] Посполитые // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Посполитые (05.08.2025). Посполитые, люди посполитые или крестьяне – лично свободное сельское население Левобережной и Слободской Украины в XVII–XVIII вв.

Раздел 2.4.
Окрестные деревни и села (XVIII век)

2.4.1. Деревня Выгоревка в XVIII веке

ПЕРЕПИСИ ЖИТЕЛЕЙ ВЫГОРЕВКИ В 1719–1748 гг.

Описание истории деревни Выгоревки в XVIII веке начнем с данных о переписях ее жителей, содержащихся в переписной книге 1719 года, ревизии 1719 и 1722 годов, а также данных о жителях, выбывших после первой ревизии и представленных в ходе проведения второй ревизии в 1743 году.

Представленные ниже данные касаются только представителей рода Лихачевых, но это не нарушает полноту описания этой деревни в XVIII веке, поскольку только Лихачевы имели здесь свои дворы и дворы своих подданных. Представители других родов имели только земли, относящиеся к деревне Выгоревке (Выгореву городищу).

Переписная книга 1719 года[1]

«Деревни Выгоревки

Помещик полковой сотенной службы

Денис Афонасьев сын Лихочев. Вдов. У него дочь Марья 10 {лет}.

Вновь явились[2] у него дворовой человек Тихой Григорьяв 43 {года}, у него сын Александр 13 {лет}.

Акладу по переписки 1710 году 3 рублей полонных 2 деньги, на почтовые стоны 10 деньги, приказным людем 2 деньги.

За ним Денисом Лихачевым деревни Выгоревки 1 двор черкаской.

Неокладные на службе

Двор Филипа Афонасьва сына Лихочева. А в нем живет жена ево Автотья 35 {лет}, детей в ней дочь Ефросинья 13 лет.

Из оного двора убыл у ней муж Филат. С 1705 году служит в армии.

Двор Ивана Афанасьева сына Лихочева, Григорья Миронова сына Лихочева. А в нем живет Григорьева жена Просковья 35 {лет}. Вновь явились в ней дочь Марфа 9 {лет}. Невестка вдова Лукерья 35 {лет}, Яковлевская жена Авдотья 40 {лет}, дочь Пелагея 11 лет.

Из оного двора убыли муж ея, с 1705 году служит в армии».

{Двор Дениса Лихочева в деревне Выгоревке}

«За Денисом Лихочевым в деревни Выгоревки 1 двор черкаской.

Во дворе Аким Черкашенин 20 {лет}. У него жена Ирина 25 {лет}. Родом из-за Днепра города Фостова. Живет тому 5 лет».

Ревизские сказки 1719 года[3]

{Ревизская сказка Дениса Афонасьева сына Лихачева}

«1719 года, октября в день {дата не указана} по присланному Царского Величествия имянному указу в концелярии Обоянской правинцыи помещик Денис Афонасьев сын Лихочев сказал: за ним де Денисом в Путивльском уезде в деревни Выгоревки черкаской адин двор.

Во дворе Герасим Голодной 40 лет. У него брат Андрей 25 лет. И оные черкасы живут за мною на моей помесной земли повольно по своей черкаской обыкности. А податей мне они никаких не платят, токмо

[1] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 471–471 об.

[2] Имеются в виду новые жители, появившиеся после предыдущей переписи 1709 г.

[3] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2718. Л. 353–354 об.

оные черкасы работоют мне во время сеножати и пашни. А за оными черкасы проча вышеписанного под ымянем их великоросийских людей. И за ними мельниц и винниц и пасик, и рыбных ловель, и других оброчных статей, и заводов, так же рейтар копейщиков и воротников и пушкарей нет и не утоено.

А ежели я в помянутой своей сказки сказал ложно или что утоил и за утайку мою указал бы Великий Государь учинить мне смертною казнь. А утоенное взять на себя Великого Государя безповоротно.

К сей сказки Иван Плаксин вместо Дениса Лихочева по ево прошению руку приложил.

{Ревизская сказка вдовы Авдотьи Лукьяновской жены Лихачева}

Того ж числа {1719, 3–5 октября} по присланному Царского Величествия имянному указу в концелярии Обоянской правинцыи помещица вдова Авдотья Лукьяновская жена Лихачева сказала: в Путивльском уезде в деревни Выгоревки за нею обще з деверем з драгуном Григорьем Лихочевым черкаских два двора.

Во дворе Василей Кретопят 50 лет, Григорей Клепинской 60 лет. И оные черкасы живут за нами на нашей помесной земли повольно по своей черкаской обыкности. А податей нам никаких не платят, токмо оные черкасы работоют нам во время сеножати и пашни. И за оными черкасы опроче вышеписан под ыменем их великороссийских людей и за ними мельниц и винниц, и пасик, и рыбных ловель, и других оброчных статей, и заводов так же рейтар и копейщиков воротников и пушкарей нету и не утоено.

А ежели я в помянутой своей сказки сказал ложно или что утоил и ложною мою сказку указал бы Великий Государь учинить мне смертною казнь. А утоенное взять на себе Великого Государя безповоротно.

К сей сказки Иван Бурого вместо вдовы Авдотьи Лихочевой по ево прошению руку приложил.

{Ревизская сказка Филиппа Лихачева}

Того ж числа {1719, 3–5 октября} по присланному Царского Величествия именному указу в концелярии Обоянской правинцыи помещика леп регименту аудитора Филипа Лихочева дворовой ево человк Осип Петров сказал: за помещиком де ево в Путивльском уезде в деревни Выгоревки черкаских адин двор, во дворе Семен Швец 30 лет. У него сын Игнат 4 лет. И оные черкасы живут за ним помещиком моим на ево помесной земли повольно по своей черкаской обыкности. А податей ему, помещику, никоих не платят токмо оные черкасы работают помещику моему во время сенажати и пашни. И з оными черкасы опроче вышеписанного под ыменененем их великороссийских людей и за ними мельниц и винниц, и пасек, и рыбных ловель, и других оброчных статей, и заводов так же рейтар, копейщиков, воротников и пушкарей нет и не утоено.

А ежели я в помянутой своей сказки сказал ложно или что утоил и за утайку мою указал бы Великий Государь учинить мне смертною казнь. А утоенное взять на себе Великого Государя безповоротно.

К сей сказки Сава Мосолитинов вместа Осипа по его прошению руку приложил.

{Ревизская сказка Михайла Афанасьева сына Лихачева}

Того ж числа {1719, 3–5 октября} по присланному Царского Величествия именному указу в концелярии Обоянской правинцыи помещик Михайла Афонасьев сын Лихочев сказал: в Путивльском уезде в деревни Выгоревки черкаской адин двор. Во дворе Демьян Ткач 35 лет. И оные черкасы жывут за мною на моей помесной земли повольно по своей черкаской обыкности. А податей мне никоих не платят, токмо оные черкасы работают мне ва время сеножати и пашни. А за оными черкасы опроче выше писанного подымень их великороссийских людей и за ними мельниц и винниц, и пасик, и рыбных ловель, и других оброчных статей, и заводов так же рейтар и копейщиков и пушкарей нет, и не утоено.

А ежели я в помянутой своей сказки сказал ложно или что утоил и за утайку мою указал бы Великий Государь учинить мне смертною казнь. А утоенноя взять на себе Великого Государя безповоротно.

К сей сказке Иван Бурого вместо Михайлы Лихочева по ево прошению руку приложил.

Роспись 2 октября 1722 года[4]

{Сказка вдовы Евдокии Лукьяновой жены Лихачева}

«1722 октября в 2 день по Его Императорского Величества указу в концелярии свидетельства мужеска полу душ и росположения на полки Путивльского уезду Засемского стану деревни Выгоревки помещица

[4] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2723. Л. 23–28.

вдова Евдокея Лукьяновская жена Лихочева объявила при свидетельстве мужеска полу душ и росположения на полки сущею правду, хто во оной деревни за нею между рускими людьми на великоросийской земли живут черкасы. А сколько дворов и хто имяны и сколько кому лет, и что мужеска полу душ, и хто откуда пришел, и сколь давно по тому роспись.

Во дворе ея помещицы в асобой избе черкашенин Елфим Родченков тритцати лет. Пришел из Путивльского уезду из села Борыни тому пять лет.

Во дворе Яким Васильев сын Попченок сорака лет. У него сын Мартын году. Пришел из Новгорадка Северского тому два годы.

Итого адин двор. В нем мужеска полу душ итого три человек.

А окроме вышеписанных черкас во оной деревни у нея, Евдокеи, прописных и утаенных нет. Ис оных черкас она, Евдокея, денежнаго даходу не получает. Только пашут на нея пашню.

К сей росписи помещик Иван Наумов сын Мосалитинов вместо вдовы Евдокеи Лукьяновской жены Лихачевой, что она в сей росписи написала самую истину, не утоя ни единоя мужеска души и никаких кроющихся от службы и пришлых нет по ея прошению руку приложил.

{Сказка Евдокии Федоровой дочери Филипповой жены Лихачева}

1722 октября в 4 день по Его Императорского Величества указу в концелярии свидетельства мужеска полу душ и росположения на полки Путивльского уезду Засемского стану деревни Выгоревки помещика драгунского Санкт Питербурского полку аудитора Филипа Афонасьева сына Лихочева жена ево Евдокея Федорова дочь скозала по заповеди Святаго Евангелия во дворе мужа ея старинной крепосной крестьянин Тимофей Савельев сын Гришин шти десят лет. У него сын Александр дватцати лет.

А во время подания сказок и росписей свидетельства 1719, 1720, 1721 годов сказак об оном не подавано таго ради, что она, Евдокея, в те годы в доме не была. Была она с мужем своим в полках семь лет, и при них оной крестьянин и с сыном своим Александром в те годы был с мужем моим на службе ж, и в доме ея сказки об оных подать было некому. Ис полку прибыла в дом свой прошлого 1721 году в декабре месяце. А в бытность свою в пополнительных сего 1722 году февраля по 1 число сказак не подавала таго ради, что она об оном указе была не ведама. Итого два человка.

А опричь таго у нея, Евдокеи, крепосных и кобальных по записям и без записей, и по отпускным ни от кого служителей и крестьян, и никаких заводов, мельниц, и винокуренных, и протчих всяких заводов, также кроющихся от службы родственников и свойственников, драгун, солдат, мотрозов, кононiров, и других пришлых людей, и крестьян беглых же нет. И никого она не знает.

А будет она в сей сказки скозала, что ложно или кого утоила хотя едину мужеска полу душу, а после того изобличена от кого будет, и за то укозал бы Его Императорское Величество учинить еи штраф по инструкцыи.

К сей сказки города Путивля аднадворец Сидор Фомтолин вместо аудитора Филиповой жены Евдокеи Лихочевой, что в сей сказки она, Евдокея, сказала самою истину, ни утоя ни единой мужеска полу души, и ни коких кроющихся от службы пришлых нет, по ея прошению руку приложил. И при сей скаски города Путивля церкви Покрова Пресвятыя Богородицы диакон Иван Казьмин во свидетельство, что она Евдокея сказала самую истину, ни утоя ни единую мужеска полу души, подписуюсь под лишением диаконства от светейшаго Правительствующаго Синода того ради, что у оной церкви поп умре.

{Сказка Евдокии Федоровой дочери Филипповой жены Лихачева}

1722 году октября в 1 день по Его Императорского Величества указу в концелярии свидетельства мужеска полу душ и росположения на полки Путивльского уезду Засемского стану деревни Выгоревки помещика Санкт Питербурского полку аудитора Филипа Афонасьева сына Лихочева жена ево Евдокея Федорова дочь объявила при свидетельстве мужеска полу душ и росположения на полки сущею правду, хто в оной деревни за мужем ея между рускими людьми на Великой Росийской земли живут черкасы. А сколько дворов и хто имяны, и сколько кому лет, и что мужеска полу душ, и хто откуда пришел и сколь давно, тому при сем роспись.

Во дворе мужа ея наемной работной человек черкаской породы Григорей Серечинок дватцати лет, нанет на год, дано два рубли. Пришел из Терновой слободы тому два года.

В той же деревни Выгоревки в особой избе Раман Карпов сын Шилинков дватцати девяти лет. Пришел черниговского полку села Сахновки тому год. Итаго: адин двор. В нем мужеска полу два человек. Наемной адин. Всего два человека.

А окроме вышеписанных черкас в оной деревни Выгоревки у нея, Евдокеи, прописных и утоенных нет. И с оного черкаского двора она, Евдокея, денежного даходу не получает только пашет на нея пашню.

К сей росписи помещик Федор Иванов сын Титов вместо Филипова жены Лихочева Евдакеи, что тая ни единыя мужеска полу души никаких кроющихся от службы и пришлых нет, по ее прошению руку приложил.

{Сказка Михаила Афонасьева сына Лихачева}

1722 году октября в 1 день по Его Императорского Величества указу в концелярии свидетельства мужеска полу душ и росположения на полки Путивльского уезду Засемского стану деревни Выгоревки помещик Михайла Афонасьев сын Лихочев объявил при свидетельстве мужеска полу душ и росположения на полки сущчую правду, хто в оной деревни за ним Михайлом на великороссийской земли между рускими живут черкасы. А сколько дворов и хто имены, и сколько кому лет, и что мужеска полу душ, и хто откуда пришел, и сколь давно, тому при сем роспись.

Во дворе ево помещиков наемной работной человек черкаской породы Илья Мартынов сын Шапель дватцати лет. Нанет на год, дано рубль дватцать алтын.

За ним Михайлом в особом дворе Кирила Загребельной пятидесят лет. Пришел из Кролевца тому год. Итого адин двор в них мужеска полу один человк Наемной адин. Всего два человка.

И окроме вышеписанных черкас в оной деревни Выгоревки у него, Михайла, прописных утаеных нет. И с оного черкаского двора он, Михайла, денежного доходу не получает. Только пашет на него пашню. К сей росписи помещик Иван Наумов сын Мосалитинов вместо Михайлы Лихачева, что он, Михайла, в сей росписи написал самую истину, не утоя ни единоя мужеска полу души и никаких кроющихся от службы и пришлых нет, по его прошению руку приложил.

{Сказка Фаддея Денисова сына Лихачева}

1722 году октября в 1 день по Его Императорского Величества указу в концелярии свидетельства мужеска полу душ и росположения на полки Путивльского уезду Засемского стану деревни Выгоревки помещик Фаддей Денисов сын Лихачев объявил при свидетельстве мужеска полу душ и росположения на полки сущчую правду, хто в оной деревни за ним, Фаддеем, на велико российской земли между рускими живут черкасы. А сколько дворов и хто имены и сколько кому лет, и что мужеска полу душ, и хто откуда пришел, и сколь давно, тому при сем роспись.

Во дворе ево помещиков в особой избе черкашенин Куприян Тимофеев сын Литвин пятидесяти лет. Пришел из Конотопского уезду из села Подлипного тому три годы. Итого адин человк. А опричь ис оного черкаса денежного доходу не получает, только пашет на него пашню.

К сей росписи помещик Иван Наумов сын Мосалитинов вместо помещика Фоддея Денисова сына Лихачева, что он в сей росписки написал самую истину, не утоя ни единыя мужеска полу души и никаких кроящихся от службы и пришлых нет, по ево прошению руку приложил. 1722 октебря в 1 день смотрит ежели написано по указу записать в книгу.

{Сказка Анны Никифоровой дочери Григория Миронова сына Лихачева}

1722 году октября в 1 день по Его Императорского Величества указу в концелярии свидетельства мужеска полу душ и росположения на полки Путивльского уезду Засемского стану деревни Выгоревки помещица драгуна Григорья Миронова сына Лихочева жена ево Анна Никифорова дочь объявила при свидетелстве мужеска полу душ и росположения на полки сущчею правду, хто в оной деревни за нею между рускими людьми на великороссийской земли живут черкасы. А сколько дворов и хто имены, и сколько кому лет, и что мужеска полу душ, и хто откуда пришел, и сколь давно тому, при сем роспись.

Во дворе Герасим Степанов сын Голодной пятидесят лет. Пришел из Неженского полку села Быстрика тому три годы. Итого адин двор, в нем мужеска полу душ адин человек.

А окроме вышеписанного черкаса в оной деревни Выгоревки за нею, помещицею, прописных и утаенных нет, и с онаго черкаса денежнаго даходу она, помещица, не получает, только оной черкас пашит пашню.

К сей росписи помещик Иван Наумов сын Мосалитинов вместо драгунской жены Григорья Лихачева Анны Никифоровой дочери, что она в сей росписи написала самую истину, не утоя ни единые мужеска полу души и ни каких кроющихся от службы и пришлых нет, по ея прошению руку приложил. 1722 год».

Итак, какие можно сделать выводы из представленных выше переписей? Всего к 1722 году в деревне Выгоревке было 8 дворов помещиков Лихачевых (или их вдов). В них было 10 помещиков и помещиц, а также 8 их жен и дочерей. Всего 18 помещиков с их детьми. В помещичьих дворах было 8 дворовых людей. В среднем по 1 дворовому человеку в доме. Кроме этого, в деревне было 10 черкасских дворов, в которых жило 11 человек мужского пола.

Следует отметить, что помещики Лихачевы были бедными: у них было по 1 (редко по 2) черкасских двора. Черкасы в Выгоревке жили сами по себе, работая на своих огородах. Никаких податей они помещикам не платили, но были обязаны пахать помещичьи земли, засевать, убирать с них урожай, а также косить сено. Только у двух помещиков было по одному наемному работнику. Одному из них помещик платил за работу 2 рубля в год, а второму — 1 рубль 60 копеек.

Книги переписные выбывших после 1 ревизии[5]

1748 г.

Деревни Выгоревки

Однадворческой Евфросиньи Филиповой дочери Леонтиевской жены Антыкова.

Крестьяне

4015	Тимофей Савельев сын Гришин	60	умре
4016	У него сын Александр	20	умре
4017	Аднадворец Леон Петров сын Антыков	29	умре
ИТОГО 3 души			
1001	Помещик Иван Лукьянов сын Лихочев	50	определены в службу
1002	У него сын Максим	19	
Ивана Меньшого Лихочева дети			
1003	Федор Большой	9	Оные по определению в школу отосланы в Белгородскую губернскую канцелярию
1004	Федор Меньшой	7	
1005	Дворянский недоросль Антон Фаддеев сын Лихочев	17	Определен в службу
1006	Дворянский недоросль Николай Михайлов сын Лихачев	18	Определен в службу

ВЛАДЕЛЬЦЫ ДЕРЕВНИ ВЫГОРЕВКА В СПОРНОМ ДЕЛЕ О ВЫГОРЕВОМ ГОРОДИЩЕ 1782 года

В рамках мероприятий по специальному межеванию земель, проводимых в 1782 году, возник спор между помещиками деревни Выгоревки и тогдашним помещиком села Клепалы Михаилом Ивановичем Гамалеей[6]. В рамках этого спорного дела были подняты документы на владение землями в Выгоревом городище, а также сформированы сказки поверенных людей выгоревских помещиков и Михаила Гамалеи, в которых были детально изложены их версии владения землями в деревне Выгоревке с приложением соответствующих купчих крепостей. Основным документом, проливающем свет на историю этой деревни, является сказка поверенного Масалитиновых Степана Кузнецова о Выгоревом городище[7]. Приведем ее полностью[8]:

[5] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2724. Л. 186 об., 414–414 об.

[6] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769.

[7] Там же. Л. 21–22 об.

[8] В данном документе приводятся, в том числе, данные, уже нам известные (см. разд. 1.4.3 и 1.5.2). Однако для полноты изложения и соблюдения хронологической последовательности не будем эти сведения убирать.

«Принято 29 марта 1783.

1783 году марта {дата не указана} дня в Курской межевой канторе Путивльского уезду Подгородного стану в пустоши Выгоревском городищи, на которой пустоши населены деревня Выгоревка подпорутчика Григорья Васильевича и порутчика Сергея Лаврентьева сына Масалитиновых, поверенной служитель Степан Кузнецов и владелец отставной сержант Иван Иванов сын и по доверенности от братьев своих неслужащих Игнатья, и двоюродного брата Алексея Ивановых детей Лихачевых.

И оная деревня Выгоревка состоит у господина и верителя моего и у меня, владельца з братьями моими, во общем владении. А по произшедшему того ж Путивльского уезда з дачами села Клепал спору в Курской межевой канторе сказали, {что} означенная пустошь Выгорево городище, которая ныне сельцо Выгорево, писцовая 1628 и 1629 годов писца Петра Мусарского да подьячего Гаврилы Федорова[9] написана пустошь Выгоревское городище и никому в дачу не произведенное.

А по челобитью предка моего владельца Данилы Лихачева та пустошь дана и отказана во 158-м {1650} году августа 21 дня откащиком и осадным головою Иваном Селитренниковым в Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью выше перевозу Мокшевицкого над рекою Семью к Выгореву городищу. Да вверх рекою ж Семью по Иваново поместье Черепова. < … >

И в 194 (1686) году марта 8 дня Путивльской приказной избы подьячей Иван Селиванов отказал вышеписанное недвижимое имение Мирону да Афонасью Даниловым детем Лихачевым отца их поместье из дачи 158 (1650) году дватцать семь четвертей бес третника в поле, а в дву по тому ж. Да оставлено снохе {вдове Агафье Ивановой жене Лихачева} их з детьми тринатцать четвертей с третником в поли, а в дву по тому ж.

И во 192-м (1684) году августа 25 дня били челом Мирон да Афонасей Даниловы дети Лихачева на пустошь Выгоревское городище и Дикое поля на примерную землю на сто четвертей в той же пустоши и округи. И дано им ис писцовых книг выпись во 199-м (1691) году дьяком Дмитрием Федоровым на сто четвертей. И вышеписанное недвижимое имение отказано в 704-м году июля 30 дня откащиком Прохором Поневиным. Григорью Миронову сыну Лихачеву из вышеписанных дач 7192 (1684) и 158 (1650) годов в Выгоревском городищи пятьдесят четвертей в поле, а в дву по тому ж, со всеми угодьи да половину Выгорева городища.

И в том же 704 году марта 9 дня Путивльской приказной избы подьячим Осипом Котелкиным в том же Выгоревском городищи отказал Филипу Афонасьеву сыну Лихачеву после отца ево пятьдесят четвертей. Да по наследству принадлежит после отца же ево Афонасья Лихачева в том же уезде и в Выгоревском городищи из дачи 158 (1650) году семь четвертей с третником в поле, а в дву потому ж. И оные вышеписанные дачи принадлежат мне, владельцу, Ивану Лихачеву, з братьями моими по наследству после предков моих прапрадеда и прадеда и деда и отца Ивана Лукьяновича Лихачевых.

И в 738 году февраля 2 дня Кирила Семенов сын Булгаков продал путивльскому помещику Леону Петрову сыну Антыкову в том же Выгоревском городищи из дачи 158 (1650) году три четверти с осьминою в поле, а в дву по тому ж. И вышеписанное недвижимое имение Филипа Лихачева дошло по наследству дочери ево Ефросиньи Филиповой дочери Антыковой, а от нее в 760 году октября 23 дня продано вахмистру Матвею Иванову сыну Масалитинову движимое и недвижимое имение все без остатку.

И во 187 (1679) году марта 7 дня променили Мирон да Афонасей Даниловы дети Лихачевы из дачи 158 (1650) году Ивану Григорьеву сыну Федурину в том же Выгоревском городищи и в деревни Выгоревки одинатцать четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж. И за ним Федуриным в 199 (1691) году отказано.

Вышеписанное недвижимое имение променили жена ево Анна Ивановския жена с пасынком Юрьем Ивановым сыном Федуриным Ивану Иванову сыну Масалитинову. И за ним, Масалитиновым, в 205 (1697) году отказано одинатцать четвертей с осьминою. И в 765 году ноября 15 дня отказано господина моего дяди Лаврентью одному. И он же господина моего дядя Лаврентей Иванов сын Масалитинов продал в 774 году июня 20 дня господину моему, а своему племяннику, Григорью Васильевичу Масалитинову, движимое и недвижимое свое имение все без остатку.

[9] Имеется в виду книга Петра Мусорского 1628 и 1629 гг (№ 10553).

И в 780 году декабря в 15 день господин мой продал брату своему двоюродному, а моему верителю, из вышеписанной дачи одиннатцать четвертей с осьминою половинную часть.

И в 779-м году марта 6 дня продал прапорщик Матвей Иванов сын Масалитинов з женою своею брату своему внучетному, а господину моему, движимое и недвижимое свое имение, что явитца по дачам в Государственной вотчинной коллегии, все без остатку.

В 771 году июня 10 дня продано от путивльского помещика секунд майора Ивана Яковлева сына Олешкова прожиточное поместье дяди своего родного Гаврилы Михайлова сына Алешкова в деревни Выгоревки три четверти Казьме Матвееву сыну Матвееву. А от него ж пришло господину моему вышеписанные дачи по полюбовоному разводу в 772 году майя 12 дня в Выгоревском городищи три четверти. И оные вышеписанные дачи принадлежат господину и верителю моим по купчим и отказным книгам.

И в 743-м году марта 17 дня путивльские помещицы Марья Иванова дочь Степановская жена Булгакова {и} Анна Иванова дочь Степанова жена Трифонова продали они путивльским помещикам Ивану Большому да Ивану Меньшому Лихачевым в Выгоревском городищи в деревни Выгоревки помесной земли пять четвертей.

И в 763 м году июня 4 путивльские помещики капитан Алексей, вахмистр Тихан Афонасьева дети Череповы продали они мне, владельцу Ивану Лихачеву, з братьями моими ис покупного отцом их у путивльского ж помещика Василья Головленкова, а ему дошло от Агафьи Ивановской жены Лихачевой, в Выгоревском городищи распашной и нераспашной земли пять четвертей в поле, а в дву по тому ж.

В том же 763 году августа 19 дня путивльской однадворец Матвей Тимофеев сын Алешков продал он мне ж владельцу з братьями моими в том же уезде Выгоревском городище в деревни Выгоревки земли три четверти с третником. А оные вышеписанные дачи принадлежат мне, владельцу, з братьями моими по наследству после предков наших також и по купчим. < … >

И данные предкам нашим с отказных книг выписи и данные мне владельцу з братьями моими купчие я владелец представляю во 158 (1650), и 194 (1686), и 199 (1691), и 704, и 743, и 1763 ж годов. И данную верителю моему купчую в 780 году подлинные представляем при сем. А полюбовной развод данной от Казьмы Матвеева от меня поверенного представен к межевым делам землемеру порутчику Петру Сомову. А купчею, данную от Матвея Масалитинова от меня ж, представлена в Межевую кантору сего месяца из даного продавцу Матвею ж Масалитинову из Государственной вотчинной коллегии дела копия в Межевую кантору представлена от меня по пустошам.

И в сей скаски показали мы самую сущую правду. К сей скаски подпорутчика Григорья Васильвича Масалитинова поверенной служитель ево Степан Кузнецов руку приложил. К сей скаски отставной сержант Иван Иванов сын за себя и по доверности от братьев своих Игнатья и Алексея Ивановых детей Лихачовых руку приложил. А верющее от меня письмо в Межевую кантору представляю».

На основании этой сказки и купчих, которые к ней были приложенны[10], сформирована схема, отражающая хронологию владения землями деревни Выгорево городище представителями различных родов в XVII и XVIII веках (рис. 1).

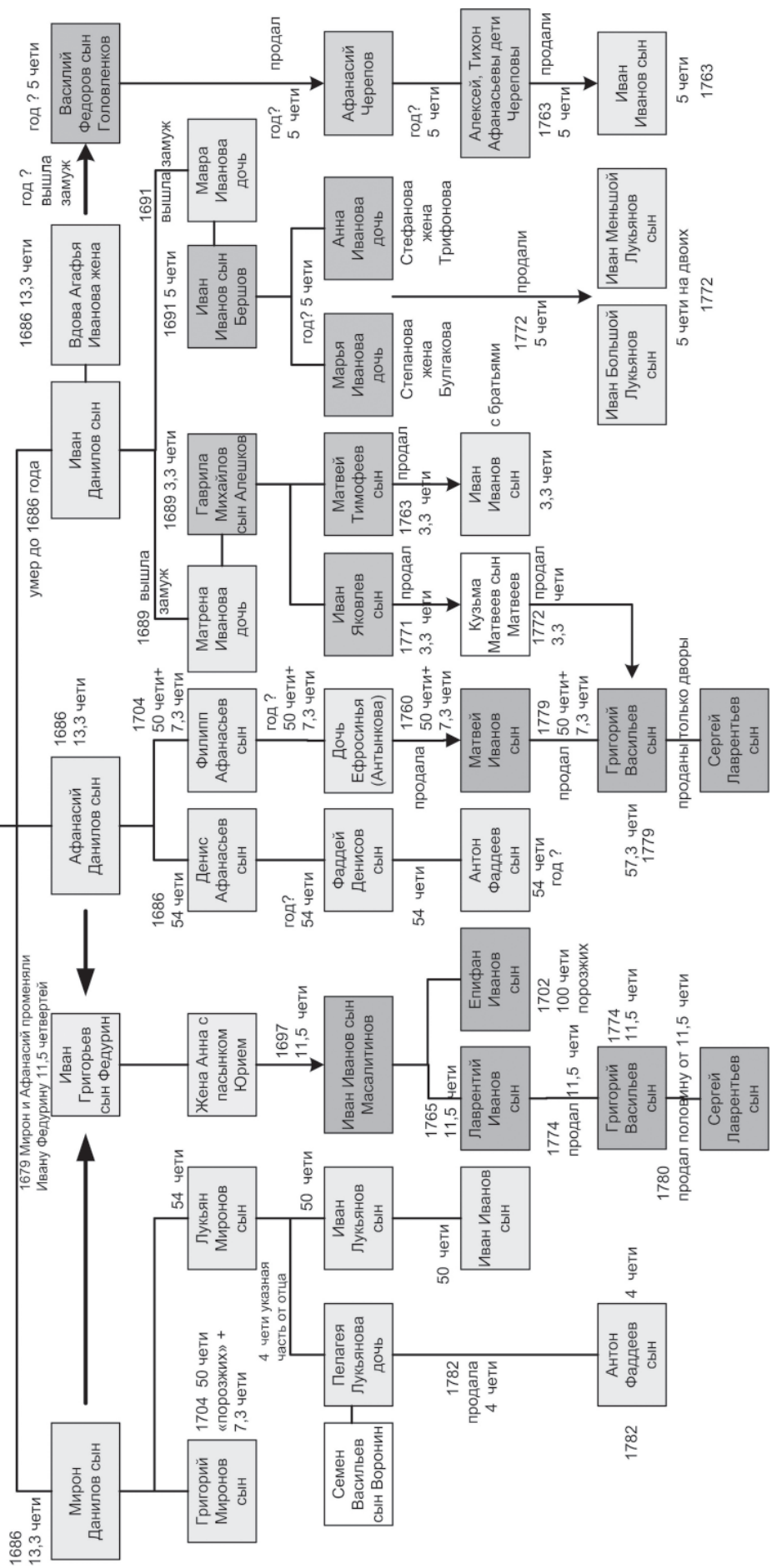
В представленную схему внесены также сведения, содержащиеся в сказке Максима Никитенкова — поверенного Антона Фаддеева сына Лихачева, которая содержится в этом же спорном деле[11]. А именно, о продаже земель в Выгоревском городище вдовой Пелагеей Лукьяновой дочерью Лихачевой своему родственнику Антону Фаддееву сыну Лихачеву в 1782 году. К этой сказке приложена купчая от 13 мая 1782 года от Пелагеи Ворониной Антону Лихачеву, которая позволила проследить историю продаваемых земель[12]: «Продала я, Пелагея, родственнику своему, путивльскому дворенину, отставному корнету Антону Фаидееву сыну Лихачеву подлежащую мне по смерти отца моего дворенина Лукьяна Миронова сына Лихочева указную часть из движимого и недвижимого, доставшегося ему, отцу моему, по наследию после отца, а моего родного деда, Мирона Данилова сына Лихочева имения».

[10] Данные купчие в деле о дачах Выгорева городища имеются. В повествовании они учтены, но здесь не представлены.

[11] РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Кн. 4769. Л. 57–57 об.

[12] Там же. Л. 58–59.

Рис. 1. **ВЛАДЕЛЬЦЫ ЗЕМЕЛЬ ВЫГОРЕВА ГОРОДИЩА**



В этой же сказке Максима Никитенкова приведены сведения о земельных наделах Дениса Афанасьева сына Лихачева — сына Афонасия Данилова сына Лихачева[13]: «И во 194-м (1686) году отказано в Подгородном стану на реке на Семи в Выгореве городище, где показанная деревня Выгоревка поселением стоит, и в пятидесят четырех четвертей четырех четвериков {54,25 четвертей} деду ево верителя моего {Антона Фаддева сына Лихачева} Денису Афонасьеву сыну Лихачеву со участники дача произведена». Эта информация также отражена на рис. 1. К сожалению, в сказке Максима Никифорова не указаны даты перехода этих земель от деда Антона Дениса Афанасьева сына к его отцу Фаддею Денисову сыну.

В упомянутых выше сказках поверенных Лихачевых и Масалитиновых представлены не все сделки с землями в деревне Выгоревке. Опущены некоторые промежуточные, а также совсем мелкие. Пытливый читатель сможет это обнаружить.

Кроме того, в сказках имеется небольшое противоречие в части земель Гаврилы Михайлова сына Алешкова. Его земли (3,3 четверти) были проданы дважды: Ивану Иванову сыну Лихачеву и Кузьме Матвеву сыну Матвееву. Не ясна также история 3,3 четвертей земли Григория Миронова сына Лихачева.

Однако эти моменты не влияют на общую картину земель в XVII и XVIII веках. Как было указано ранее (см. разд. 1.5.2), все земли Выгорева городища были освоены еще в начале XVIII века. А именно: 90 четвертей порозжих земель Данилы Лихачева, примерных 100 четвертей Мирона и Афанасия Даниловых детей Лихачевых, а также 100 четвертей порозжих земель Ивана Иванова сына Масалитинова. Всего набралось 290 четвертей. Эти земли и делились между собственниками в течение XVIII века. Схема, представленная на рис. 1 практически полностью сохраняет этот баланс. В результате к моменту начала специального межевания земель Выгорева городища в 1782 году, все земли находились в собственности у двух родов: Лихачевых — 121,3 четверти и Масалитиновых — 168,9 четвертей. Всё те же 290 четвертей.

Спорное дело о дачах Выгорева городища завершилось в 1788 году. По его результатам было проведено бесспорное межевание земель. При этом была проведена, наконец, бесспорная межа между землями Выгорева городища и Дикого поля. Эта межа отразила позицию клепальского помещика Михаила Ивановича Гамалеи и в определенной степени затронула интересы выгоревских помещиков. В результате спора общая площадь земель Выгорева городища сократилась с 290 четвертей (145 десятин) до 264 четвертей (132 десятины). Кроме того, указанный выше Михаил Иванович Гамалея отстоял свои 3 десятины земли в Выгоревом городище у озера Глушица и стал законным помещиком деревни Выгоревки.

Результаты специального межевания и последующих споров были отражены в экономических примечаниях на дачу «Сельцо Выгоревка». Вот это описание[14]:

«№ 241 Сельцо Выгоревка

Сельцо Выгоревка, что была деревня, владения подпорутчика Григорья Васильева сына Масалитинова, коллежского асессора Михайлы Иванова сына Гамалея, карнетов Антона Фадеева сына, Николая Михайлова сына, сержанта Ивана Иванова, неслужащих дворян Игната Иванова, Алексея Иванова детей, моиорши Афимьи Афонасьевской дочери, карнетши Марьи Петровой дочери Лихачевых, порутчика Сергея Лаврентьева сына Масалитинова, недоросля Якова Селивестрова сына Трифонова, прапорщика Матвея Иванова сына Масалитинова.

В оном селище крестьян:

	Число дворов	Мужеска полу по ревизии/налицо	Женска полу по ревизии/налицо
За ассесором Гамалеем	2	4/4	4/4
За карнетом Антоном Лихачевым	4	13/13	16/16
За корнетом Николаем Лихачевым	4	22/22	17/17
За сержантом Иваном Лихачевым	4	22/22	24/24
За неслуж. дворянином Игнатом Лихачевым	6	20/20	19/19
За Алексеем Лихачевым	5	12/12	11/11

[13] Там же. Л. 57.

[14] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 161–162.

Под поселением 12 десятин 1302 сажени.
Пашни 132 десятины 1041 сажень.
Мелкого лесу 5 десятин 1200 сажень.
Неудобной 8 десятин 106 сажень.
Итого:
25 дворов.
93 мужеска полу.
91 женского полу.
158 десятин 1249 сажень земли.

Селением лежит на берегу реки Семи по течению ее, на левой стороне и при озере Глушице. В том сельце шесть домов господских деревянныя. Первой карнета Антона, второй карнета Миколая, третей сержанта Ивана, четвертой неслужащего дворенина Ивана, пятой неслужащего дворенина Алексея, шестой моиорши Афимьи Афонасьевои дочери Лихачевых. При них садов нет. А дачею простирается по берегам реки Семи и Выгоревского лога на левой стороне при озере Глушице и по обе стороны троих отвершков безымянных и при Большой дороги, лежащей из города Путивля в город Белополье. Показная река Семь в летнеи жаркое время против селения и дачи глубиною бывает в мелких местах в две сажени (4,26 м) шириною в двадцать сажень (42,6 м). Озеро глубиною от одново (71 см) до дву оршин (142 см), шириною от десяти (21,3 м) до пятнатцати (32 м) сажень. А в логу Выгоревском водоток течение имеет малое.

В показной реке ловится рыба: сомы, судаки, белизны, головли, язи, лещи, пискари. А как в реке, так ив озерах: щуки, окуни, лини, плотва, ерши и раки, которые ловят жители для себя. И водою довольсвуются из реки Семи. Вода ж по употреблению людям и скоту здорова.

Земля грунтом имеется черноземной. Ис посеяннаго на неи хлеба лучше родится рошь, овес, пшеница и просо. А прочие семена средственны.

Лес растет мелкой дубовой, березовой, алховой и лазовой. Для потоша лес неспособной. В нем звери и птицы мелких родов.

Крестьяне оных господ состоят на изделъи, промышляют хлебопашеством, к чему оне и радетельны. Земли на помещиков пашут пятьдесят десятин. На себя то ж число. А прочих владельцов земля обрабатывается сел Красной слободы, Чаплищ и Бандуравскаго (Пески то ж) крестьянами их на себя. Женщины сверх полевой работы упражняются в рукоделъи. Прядут лен, шерсть и посканы, ткут холсты и сукны для своего употребления и на продажу».

Отметим некоторые моменты в экономических примечаниях в части владельцев земель. Во-первых, упомянута майорская вдова Афимья Афонасьева дочь Лихачева. В приведенных выше сказках ее нет. В имеющихся документах не удалось выяснить, чья она была жена. Во-вторых, корнетша Марья Петрова дочь Лихачева. Эту даму удалось обнаружить в спорном деле о дачах Выгорева городища. Она оказалась женой (вдовой) Осипа Николаева сына Лихачева. Его отец Николай Михайлов сын показан на рис. 1. У Марьи был свой дом в Выгоревке, но не было крестьян.

Далее, в экономических примечаниях в качестве владельца земель указан недоросль Яков Селивестров сын Трифонов. Род Трифоновых появился в Выгоревом городище, когда дочь Мавры Ивановой дочери Лихачевой Анна (по мужу — Бершова) вышла замуж за Стефана (или Степана, или Сильвестра)[15] Трифонова. Дата этого события не известна. Указанный недоросль Яков, скорее всего, из этого же рода, поскольку других владельцев Трифоновых в Выгоревке обнаружено не было. Яков не имел своего дома в Выгоревке, равно как и крестьян, а владел только землями.

Что касается самой деревни, то в ней на то время было 6 помещичьих домов. Все они принадлежали Лихачевым. Из 25 крестьянских дворов 23 принадлежали также Лихачевым. 2 крестьянских дома были у Михаила Гамалеи. Таким образом, сама деревня была во владении Лихачевых. Именно поэтому в переписных книгах и ревизских сказках деревни Выгоревки начала XVIII века, приведенных в начале этого раздела, указаны только представители рода Лихачевых. В то время земель и домов у Гамалеев здесь еще не было.

[15] Имя жениха Анны Ивановой дочери Бершовой в разных источниках приводится разное.

Земли вокруг Выгоревки в значительной части обрабатывались крестьянами на себя (50 десятин). Приблизительно столько же земли крестьяне пахали на Лихачевых. Остальные земли обрабатывались крестьянами Масалитиновых из сел Красная Слобода, Чаплищи и Байдурское (Пески) на себя. Интересный момент: из 132 десятин земли в Выгоревке на помещиков обрабатывалась только третья часть.

Приведем поколенные росписи родов Масалитиновых и Лихачевых — владельцев земель в деревне Выгоревке в XVII и XVIII веках (рис. 2 и рис. 3 соответственно), полученных на основании приведенных выше документов. На рисунках указаны годы упоминания этих помещиков в исторических документах.

В заключение рассмотрим вопрос о наименовании деревни Выгоревки. Ранее было отмечено, что оно происходит от старинного Выгорева городища. Однако современное наименование этого поселения — село Игоревка. Когда же произошло это переименование? На этот вопрос дает ответ архивная справка Государственного архива Сумской области, любезно предоставленная ныне покойным Гагиным Виктором Ивановичем, исследователем и краеведом из г. Бурыни. Вот ее текст:

Сумська обласына державна адміністрація
ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ СУМСЬКОЇ ОБЛАСТІ
вул. Садова, 49, м. Суми, 40030,
Тел /факс: (0542) 22-07-90, E-mail: arceives-sumy@ukrpost.ua
Код ЄДРПОУ 03494403 21.10.201-5 № Дж/Дк-124
На № від 29.09.2015
Буринська районна рада
пл. Першотравнева, 20 м. Буринь Сумська обл.
41700

АРХІВНА ДОВІДКА

До 1894 року, згідно даних архівного фонду Церкви Путивльського повіту Курської губернії, населення сел Вигорівка, Карпилівка, Нова Чаша, Ново-Олександрівка і т.д. були парафіянами Казанської церкви села Клепали Путивльського повіту Курської губернії. Населений пункт з назвою Ігорівна[16] не зустрічається.

У 1895–1896 роках, згідно даних метричних книг церкви села Клепали, зустрічається населений пункт з назвою Вигорівка та Ігорівна. Починаючи з 1897 року парафіянами церкви були жителі села Ігорівна, назва Вигорівка не зустрічається.

У документах виконавчого комітету Клепальської волосної ради робітничих, селянських та красноармійських депутатів у протоколах загальних зборів жителів села Ігорівна є відомості, що станом на січень 1919 року, село Ігорівна входило до складу Ігорівської сільської ради Клепальської волості Путивльського повіту Курської губернії.

Станом на 1 вересня 1946 року, згідно адміністративно-територіального поділу Української РСР, село Ігорівна входило до складу Клепалівської сільської ради Буринського району Сумської області.

Підстава: Ф. 1191, оп. 3, спр. 21, 27, ЗО; Р-4791, оп. 1, спр. 2, арк. 15, 20, 25; довідник адміністративно-територіальний поділ Українська РСР, 1947, стор. 524, інв. № 8612.

Л.Ф. Сорокіна
Ю.О. Олійник

Директор архіву
Головний спеціаліст
22 51 55

[16] Автором данной справки село Игоривка ошибочно указано как Игоривна.

Вот перевод содержательной части этой справки на русский язык[17]: «До 1894 года, согласно данным архивного фонда церкви Путивльского повета Курской губернии, население сел Выгоривка, Карпыливка, Новая Чаша, Ново-Александривка и т. д. были прихожанами Казанской церкви села Клепалы Путивльского повета Курской губернии. Населенный пункт с названием Игоривка не встречается.

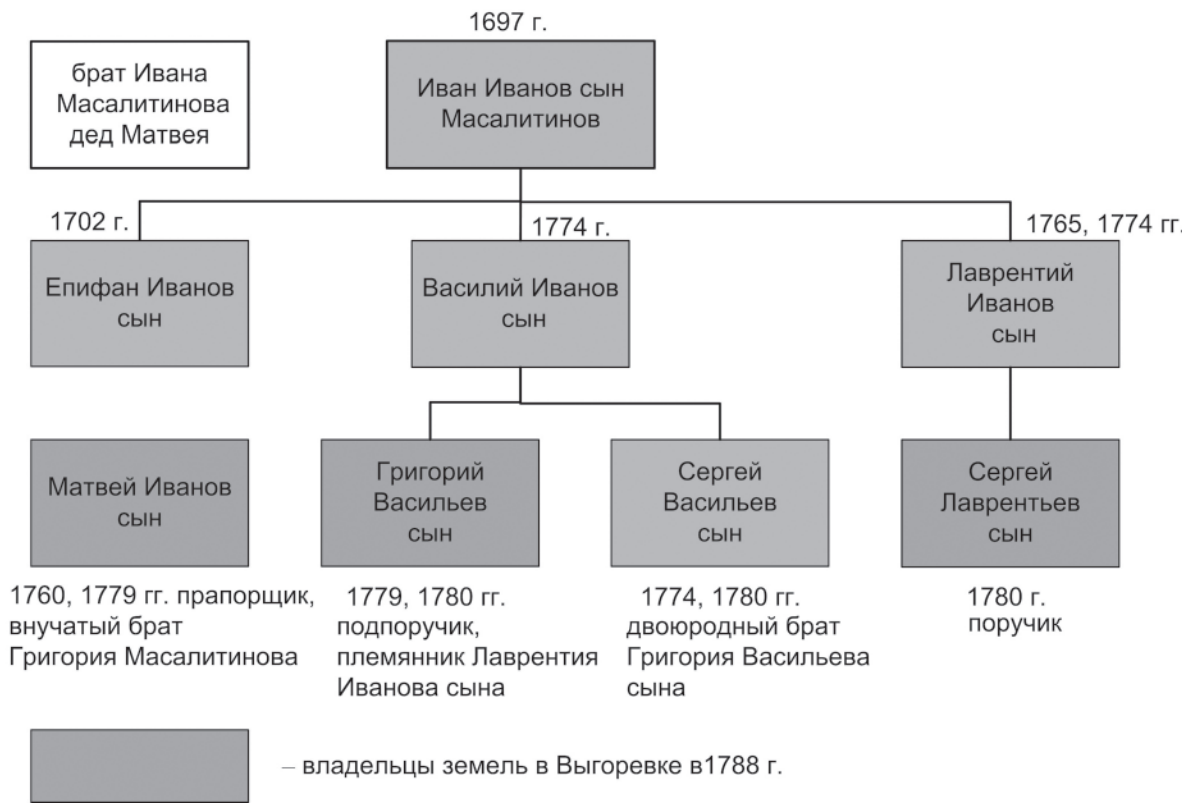
В 1895–1896 годах, согласно данным метрических книг церкви села Клепалы, встречается населенный пункт с названием Выгоривка и Игоривка. Начиная с 1897 года прихожанами церкви были жители села Игоривка, название Выгоривка не встречается.

В документах исполнительного комитета Клепальського волостного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в протоколах общих собраний жителей села Игоривка есть сведения, что по состоянию на январь 1919 года село Игоривка входило в состав Игоривского сельского совета Клепальской волости Путивльского повета Курской губернии.

По состоянию на 1 сентября 1946 года, согласно административно-территориального раздела Украинской ССР, село Игоривка входило в состав Клепальского сельского совета Бурынского района Сумской области».

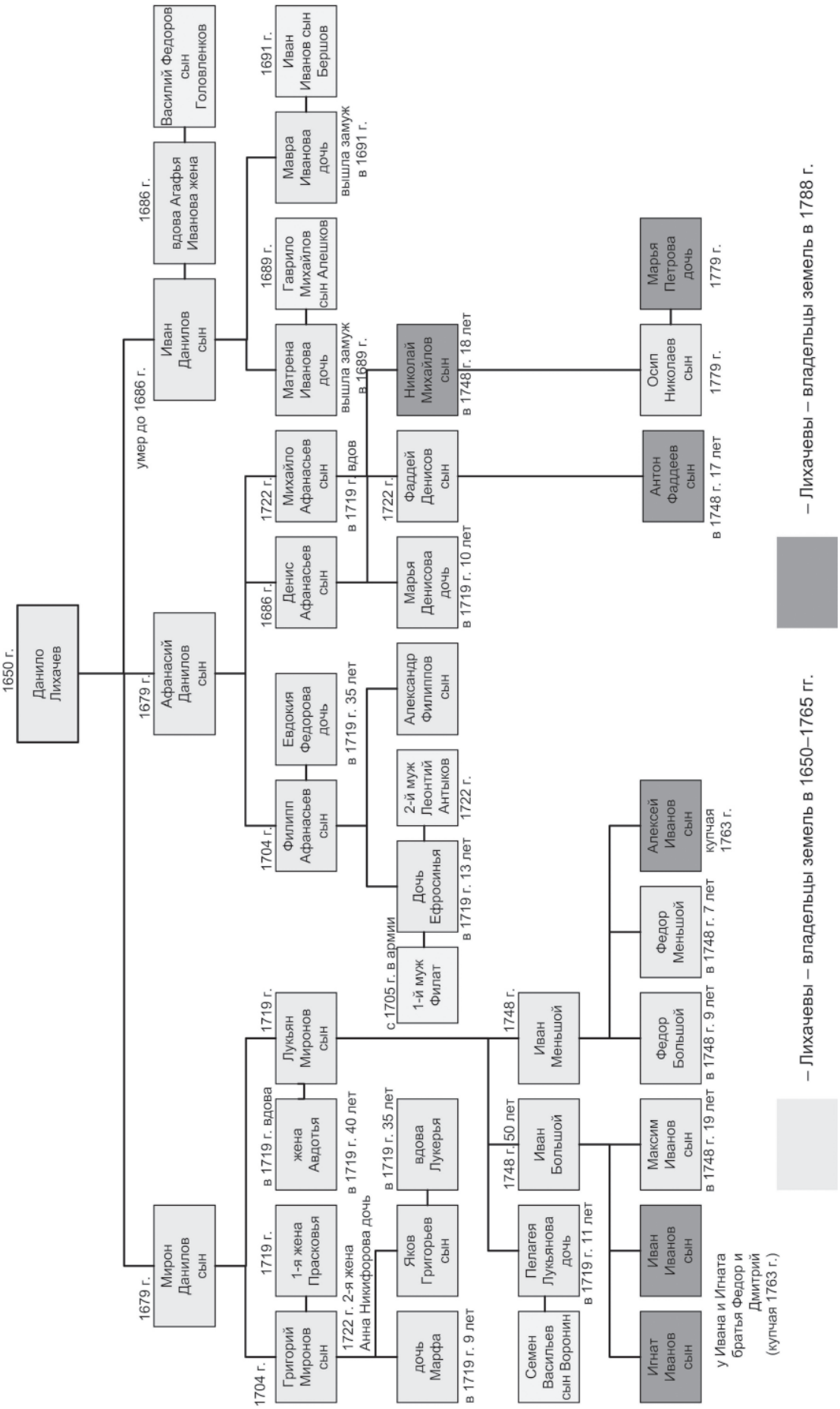
Таким образом, деревня Выгоревка сменила свое название на Игоревка в самом конце XIX века. Существующие версии причин переименования здесь не рассматриваются.

***Рис. 2.* ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ РОДА МАСАЛИТИНОВЫХ — ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЗЕМЕЛЬ В ДЕРЕВНЕ ВЫГОРЕВКЕ**



[17] Здесь исправлено неправильное наименование Игоривна на Игоривка (см. предыдущую ссылку).

***Рис. 3.* ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ РОДА ЛИХАЧЕВЫХ — ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЗЕМЕЛЬ В ДЕРЕВНЕ ВЫГОРЕВКЕ**



2.4.2. Спорное дело Ивана Гендрикова о дачах в селах Бурынь и Грузском

При локализации Борынских дубровок (см. разд. 1.2.2) был детально рассмотрен чертеж окрестностей города Путивля 1690-х годов[18]. Он был создан в ходе споров путивльских помещиков Григория Константинова и Никиты Булгакова с попами путивльской церкви Николая Чудотворца Великорецкого Андреем и Тимофеем Почасеевыми за земли в окрестностях деревень Борыней и села Грузского. Там же были рассмотрены соответствующие отказные книги.

Вот как складывалась история владения этими землями по версии путивльских попов, отраженной в их отказной книге[19]: «Города Путивля церкви Николая Чюдотворца Великорецкого попом Андрею да Тимофею Почасеевым с причетники в Путивльском уезде бортными ухожьи со всякими угодьи, что им даны вместо руги[20] и за взятые их бобыли за дватцать за три двора, которые во 157-м (1448/49) году взяты в посад в тягло[21] владеть по писцовым книгам Федора Матова да подьячего Кондратья Стенева 128 (1619/20) года и 129 (1620/21) годов, и по писцовым же книгам Петра Мусарского да подьячего Гаврила Федорова 136 (1628) и 137 (1629) годов[22], и по грамотам деда их Великих Государей Блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии 146 (1637/38) года и отца их Великих Государей Блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца 163 (1654/55) года, и брата их Великих Государей Блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца 190 (1681/82) годов».

Таким образом, по утверждению николаевских попов, эти земли даны им государством в ругу вместо 23 крестьян, которые были отобраны у церкви и переведены в посад в тягло в 7157 (1448/49) году.

Свои челобитные попы писали в Приказ Большого дворца[23]. Этот приказ вел гражданские дела священнослужителей и формировал указы попам на владение землями. В то же время попы ссылаются еще на две пицовые книги: Федора Матова 1621 и 1622 годов и Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553), которые утверждались в Поместном приказе.

Очень похоже, что владение попами этими землями было не совсем законным. Часть их земель полагали своими путивльские помещики Григорий Константинов и Никита Булгаков с товарищами. По этой причине в 1692 году они били челом в Поместный приказ о межевании своей части, а именно земель вокруг деревень Борыней.

По этой челобитной 19 ноября 7201 (1692) года состоялось межевание. Его ход описан в отказных книгах этих помещиков[24]: «Лета 7201 (1692) года ноября в 19 день по указу Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцев и по грамоте ис Помесного приказу за приписю дьяка Василя Федорова и по наказной памяти воеводы Ивана Андреевича Тургенева Рыльские приказные избы подьячей Григорей Фалимонов, взяв с со-

[18] Чертеж окрестностей города Путивля. 1690-е гг. Рыльск. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Ед. хр. 30165. Л. б/н. 90-е гг. XVII в.

[19] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л 105–105 об.

[20] Руга – пособие, даваемое церковному притчу или монастырю от государственной власти, от землевладельца или от местного населения.

[21] Тягло – совокупность трудовых повинностей, податей и разных платежей общегосударственного и местного значения (в натуральном или денежном выражении), лежавшая на неслужилом населении (крестьянах и жителях посадов) в Русском государстве в XV — начале XVIII в.; быти, жити в тягле – быть тяглым крестьянином, посадским человеком.

[22] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10553.

[23] Приказ Большого дворца, Дворцовый приказ или Большой Дворец – орган управления Русского царства, который ведал царскими дворами (кормовым, хлебным и другими), городами и селениями в собственных землях великого князя Московского (закупал товары, продовольствие, управлял доходами и расходами царского двора) и гражданскими делами духовенства. (Приказ Большого_дворца // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki /Приказ_Большого_дворца. (06.08.2025)).

[24] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10565. Л. 518–520 об.

бою тутошних и сторонних людей, сколько человек пригож, ездил в Путивльской уезд в Подгородной стан за реку за Семь в урочище на реку на Чашу по Красенскою сенажать да по Прилуцкою дорогу с урочищи на дикое поле. Да на том диком поли по сыску переписал присады и урочища, и места дворовые, и пашню, и сено, и лес, и всякие угодья.

А переписав и измеря, и сметя да то дикое поле, а на нем село Груское да деревня Борынь. А в том селе и в деревни живут вольные черкасы.

Да к тем усадищом пашни паханые и перелогу и дикого поля на пашню добрые земли две тысечи четыреста девеноста пять чети с пол асьминою и с полу четвериком, и с полпол третником в поле, а в дву по тому ж, отказал черниговцу Григорью Алексееву сыну Костентинову да Навагородка Северского Миките Яковлеву сыну Булгакову, да путивльцом Ивану Петрову сыну Щетинину, Саве да Ивану Ивановым детем Щекиным, да черниговцу Вавиле Степанову сыну Щербинину против их челобитья к прежним их поместьям:

Григорью Костентинову к путивльскому да к рыльскому ево поместью к трем стам девеносту к четырем четям с осьминою сто дватцать пять чети с осьминою в ево оклад в пятьсот дватцать чети;

Миките Булгакову к семнацати четям с осьминою девятьсот восмьдесят две чети с осьминою в ево оклад в тысечю чети;

Ивану Щетинину к путивльскому ево поместью ко сту ко штидесят к семи четям шестьсот восмьдесят три чети в ево оклад в восмьсот в пятьдесят чети;

Саве Щекину к путивльскому да к кромскому ево поместью к двустам к тритцати к пяти четям с осьминою бес полчетверика триста семьдесят четыре чети с осьминою и с получетвериком в ево оклад в шестьсот в десять чети;

Ивану Щекину к путивльскому ево поместью к семи десят четям с полу осьминою бес полполтретника сто восмьдесят чети бес полуосьмины и с полпол третником в ево оклад в двесте в пятьдесят чети;

Вавиле Щербинину к путивльскому ево поместью ко сту четям сто пятьдесят чети в ево оклад в двесте в пятьдесят чети всем поместье и с мельницами что на реке на Чаши и со всеми угодьи.

А на том диком поле дубровы и лесу хоромного и дровяного нет.

А за тою их Григорья Костентинова с товарыщи дачею лишние примерные земли в тех же урочищах дикого поля по мере ж и по смете с тритцать тысяч чети, и тое лишнею землю отписал на Великих Государей».

Таким образом, в ноябре 1692 года шести путивльским помещикам было отмежевано земли 2495 четвертей, а в дву по тому ж. Кроме того, еще 30 000 четвертей дополнительной («примерной») земли было отписано на государя. Огромные площади — более 16 000 га.

Это межевание и отказ земель по понятным причинам не понравились николаевским попам. Через 11 месяцев, в октябре, они били челом в Приказ Большого дворца с просьбой провести межевание и отказ земель в окрестностях деревень Борыней, которые, по их мнению, принадлежали им.

Краткая история этого межевания и ход дальнейших споров попов с путивльскими помещиками изложены в деле Ивана Симоновича Гендрикова 1757 года[25]:

«В прошлом 7202 м (1693) году города Путивля церкви Николая Чудотворца Великорецкого бывшие попы Андрей да Тимофей Почасеевы в Приказе Большаго дворца били челом. <…> А в которых урочищах и сколько четвертей умышленно в челобитье своем не написали. И просили, чтоб то их бортное отмежевать.

И по тому их челобитью ис Приказу Большого дворца в Путивль оным попам Почасеевым грамота и дана, по которой велено по отводу сторонних людей, ежели у них, попов, окажитца по писцовым книгам и по грамотам за рекою за Семью четвертная пашня, то оную и отмежевать».

Для межевания земель был приглашен дьяк Путивльской приказной избы Илья Колпаков[26]: «И для того межеванья ис Путивля послан был дьяк Илья Колпаков. Точию оной, прельстяся на великие взятки, не свидетельствовал сторонними людьми и не требовал от смежных помещиков писцовых выписей и кре-

[25] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 655. Л. 1–7.

[26] Там же. Л. 1 об.

постей. И не справясь о их попов церковной писцовой четвертной дачи и бортных ухожьях, взяв с них попов Почесеевых скаску, которою оне показали, что мы де своей земли, и сам отвод учинил».

Таким образом, Илья Колпаков, уповая на крупную взятку, грубо нарушил порядок того времени, требующий свидетельства местных старожилов о принадлежности этих земель, документов на владение землями у попов и у смежных помещиков, а также сверки документов, подтверждающих право попов на эти земли (писцовых выписей, крепостей и т.д.). С путивльских попов он взял только их «заручные сказки», то есть написанные ими самими бумаги, в которых они обосновывали свои права на эти земли. Мнение же путивльских помещиков было полностью проигнорировано.

Результаты межевания Ильи Колпакова отражены в отказной книге Андрея и Тимофея Почасеевых[27]: «Лета 7202 (1693) года октября в 14 день по указу Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцев и по грамоте ис Приказу Большого дворца, какова прислана в Путивль к думному дворянину и воеводе к Григорью Ивановичю Касагову да к дьяку Илье Колпакову за приписью дьяка Игнатья Лукина, велено города Путивля церкви Николая Чюдотворца Великорецкого попом Андрею да Тимофею Почасеевым с причетники в Путивльском уезде бортными ухожьи со всякими угодьи < … > владеть.

… А путивльцом и черниговцом дворяном, и детей боярских в тех в николаевских в церковных в церковных ухожьях в округе в поместье ив вотчине никаких угодей, опричь тех, которым в тех же бортных ухожьях дачи учинены по писцовым же книгам Петра Мусарского[28], никому довать не велено. А которым помещиком их поповы церковные угодья даны по обыском, а не по писцовым книгам, и тем помещиком от тех угодей велено отказать и владеть им не велено ж, потому что те бортные ухожьи по вышеписанным писцовым книгам и по грамотам даны николаевским попом с причетники к церкви Николая Чюдотворца Великорецкого со всеми угодьи и с рыбными ловли, и с сенажатьми, ис сенными покосы.

И велено думному дворянину и воеводе Григорью Ивановичю Косагову послать ис Путивля дьяка Илью Колпакова против прежнего Великих Государей указу 190 (1681/82) году в Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью церковной укольной {паевой} Никольской ружной бортной ухожей по обе стороны реки Семи с пашенною землею и сенажатьми, ис лесом, и з звериными, и с рыбными ловлями, и со всякими угодьи, которые написаны ж николаевскими попами за Андреем да за Тимофеем Алексеевыми детьми Почасеевыми, да за дьяконом Ияковом Ивановым сыном Кортавцовым с причетники < … > от помещиковых и вотчинниковых земель отмежевать.

… И в нынешнем в 7202 (1693) году октября в 14 день по тому Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцев указу и по грамоте ис Приказу Большого дворца, и по приказу думного дворянина и воеводы Григорья Ивановича Касагова дьяк Илья Колпаков в Путивльской уезд в Подгородной стан за реку за Семь в укольной в бортной ухожей по обе стороны реки Семи в луги ив дубровы, ив леса, ив Борынские дубровки, и промеж тех дубровак на сенные покосы, и того ж ухожья бортного на Конатопе, и по обе стороны Конатопа сверху, и да устья по Дашковых рубеж, и по Никольской лог, и на сенажати по обе стороны лесов Верзани и Верзанца, и на Сухую дуброву, и на сенажати ж, что на Гинтовой струги, и вниз по реке по Семи от города Путивля в семи верстах на стругу Гинтову по обе стороны, и на проток Прудки, вверх по Красну по Большой Осиновой колок, а от Осинового колка прямо по Большой Прилуцкой дороги с урочищи на землю и на всякие угодьи ездил.

И взяв с собою старожилов и сторонних людей сколько человек пригож, и в тех вышеписанных урочищах церкви Николая Чюдотворца Великорецкого укольные ружные бортные ухожьи пашенною землею и сенажатьми, и с лесом хоромным, и з дровяным, и промеж тех бортных ухожьев поляны, и з звериными, и с рыбными ловлями, и со всякими угодьи, которые угодья написаны за николаевскими попами за Андреем да за Тимофеем Почасеевыми, да за дьяконом Ияковом Кортавцовым с причетники против прежнего Великих Государей указу и грамоты < … > от всяких угодей отмежевал против их, Великих Государей, указу

[27] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10568. Л. 104–108.

[28] Имеется ввиду писцовая книга Петра Мусорского 1628 и 1629 гг. (№ 10553).

и новоуказных статей и крепостей к церкви Николая Чюдотворца Великорецкого по-прежнему в ругу попом Андрею да Тимофею Почасеевым, да дьякону Иякову Кортавцову с церковными причетники с Матвеем да Петром Семеновыми детьми Почасеевыми».

Таким образом, по итогам межевания дьяка Ильи Колпакова путивльские помещики лишились права на ранее отмежеванные им земли. В спорном деле Ивана Гендрикова 1757 года отмечается[29]: «Премешал он, Колпаков, в свое неправое межеванья учиненной в 201-м (1692) году ис Помесного приказу Никиты Яковлева сына Булгакова четвертной дачи девять сот восемьдесят две чети с осьминою».

Здесь мы видим, что попы и помещики в своих межеваниях действовали через разные «министерства» того времени: Приказ Большого дворца и Поместный приказ. У каждого из этих ведомств была своя история владения этими землями, и ввиду несогласованности между ними возникла коллизия на месте, в Путивльском уезде.

Понятно, что Никита Булгаков не мог смириться с такой участью. В этом же 1693 году он жаловался в Поместный приказ на попов Почасеевых[30]: «Да в оном же 202-м (1693) году помянутой Никита Булгаков в Поместном приказе бил челом. В прошлом де 201-м (1692) году дано ему из дикого поля в Путивльском уезде за рекою за Семью на речке на Чаше по Красенскую сеножать, да по Прилуцкую дорогу четвертной пашни девять сот восемьдесят две чети с осьминою, и со всеми угодьи, и с поселением. И просил чтоб, тое вышеписанную четвертную дачу с поселением за ним отмежевать.

И по тому ево челобитью из оного Помесного приказу в Севск грамота ему, Булгакову, и дана. И по той грамоте для сыску настоящих правильных дач и для межеванья отправлен был стольник и полковник Степан Матвеев сын Стрекалов.

И по прибытии в показанные Никиты Булгакова деревни в село Грузское и в деревню Борынь, и в слободки, и о неправом межеваньи дьяка Ильи Колпакова учинил следствие по справедливости.

И на той земли в селе и в слабодках давал их попам с Микитою Булгаковым очные ставки и требовал от них попов на землю и на поселение с писцовых книг выписей, и с крепостей точные копии. И оные попы на четвертную пашню в урочищах на речке на Чаше с урочищи ему, полковнику, ничего не предъявили.

И о вышепомянутое недвижимое со означенным селом и деревнею и слободками за ним, Булгаковым, он, полковник Стрекалов, отмежевал безспорно».

Оказалось, что попы Почасеевы не имели документов, подтверждающих право на владение землями Никиты Булгакова. Ввиду этого приехавший из Севска межевщик полковник Степан Матвеев сын Стрекалов вернул эти владения Никите Булгакову.

Повторный отказ ему этих земель состоялся 29 октября 7202 (1693) года. Вот эта отказная книга[31]: «Лета 7202 (1693) года октября в 29 день по указу Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцев и по наказу, каков прислан из Севска ис приказной избы за приписью дьяка Алексея Юдина, и по статьям писцового наказу с очной ставки по розыску, стольник и полковник Степан Матвеевич Стрекалов в Путивльском уезде в Подгородном стану за рекою за Семью на речке на Чаше с урочищи отмежеванье земли учинил.

По указу Великих Государей черниговцу Григорью Констентинову сто дватцать пять четвертей с осьминою по заручному челобитью и по дачам Новагородка Северского Миките Булгакову деветь сот восмь десят две четверти с осьминою в поле, а в дву по тому ж, отмежевал[32]…

Да в той же округе отмежеваны село Груское на речке Груской да деревни Барыни на речке на Чаше. А на тех речках четыре мельницы[33]. А в селе и в деревнях живут вольные черкасы. Да к тому ж селу и к деревням намежевал в той же округе ис диких поль под усадьбы и на сенные покосы. А вместо леснаго угодья ему Григорью с товарыщем на их вышеписанную четвертную пашню по указу Великих Государей, как о том написано в статьях писцового наказу».

[29] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 655. Л. 1 об. – 2.

[30] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 655. Л. 2–2 об.

[31] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10566. Л. 496 об. — 512.

[32] Далее детально описывается межа Никиты Булгакова. Это описание опустим.

[33] Три мельницы на речке Чаше и мельница на речке Грузской.

Результаты межевания и, собственно, межа были показаны на спорном чертеже окрестностей Путивля (рис. XXXXVII).

Продолжение спора изложено в деле Ивана Гендрикова. Показано, что в том же 202 (1693) году попы направили челобитную в Приказ Большого дворца, в которой оспорили межевание полковника Степана Стрекалова, «показывая, что полковник де Степан Стрекалов приезжал в Путивльской уезд за реку за Семь в вышепоказанные урочищи на речки на Чаши по Красенскую сеножать да по Прилуцкую дорогу, не написав вышеозначенными урочищами на речке на Чаше»[34]. Далее в спорном деле отмечается, что попы «солгали челобитьем своим, что бутто в писцовые их 136 (1628) и 137 (1629) годов дачи[35], где написано на городской стороне в урочищах на Избоищах десять чети, и просили, чтоб межеванья полковника Степана Стрекалова отставить»[36]. В результате указом Большого Дворца дача Никиты Булгакова «безрезонно была отставлена». Таким образом, Приказ Большого дворца стал на сторону попов и вернул земли Почасеевым. Причем об этом, опять-таки, не был уведомлен Поместный приказ.

«А в 203-м (1694) году на показанную их попов, данною ис Приказу Большого дворца грамоту, вышепомянутые Никита Булгаков да Григорей Костентинов в Поместном приказе били челом с показанием правильных резонов, как за ними полковник Стрекалов отмежевал»[37].

Для очередного разбирательства из Поместного приказа в Путивльский уезд был послан Григорий Филимонов. В результате его разбирательства «означенных Почасеевых грамота, данная из оного Приказу Большаго дворца, в Помесном приказе отставлена {отменена} и объявленною Булгакова в урочищах на речке на Чаше по Красенскую сеножать да по Прилуцкую дорогу четвертною дачею селом Грузским и деревнею Борынью, и слободками владеть означенным попам не велено. А велено владеть помянутому Булгакову»[38]. Борьба двух ведомств в Москве (Поместного приказа и Приказа Большого дворца) продолжалась.

Отмену указа Большого Дворца Поместный приказ обосновывал тем, что «из реченного приказу Большого Дворца и справкою показано города де Путивля архиерейским, монастырским, церковным, помещиковым и вотченниковым землям крестьяном и бобылям переписных книг никаких нет, и за николаевскими попами села Грузскова и деревни Борыни, и Прудков и на речке на Чаше мельниц в приказе Большого Дворца не написано, и что де в приказе Большого Дворца не ведомо, а за кем оное село и деревня в дачах состоит. {Но,} о том ведомо в Поместном приказе. А оное село Грузское и деревня Борынь и слободки по дачам состоят, как в прежде бывшем в Помесном, что ныне Государственная вотчинная коллегия, за Никитою Булгаковым, а не за николаевскими попами»[39].

Теперь николаевские попы также переключились на Поместный приказ[40]: «И в 206 (1697/98) году оной же Николаевской церкви попы, помянутые Почасеевы, в Поместном приказе били челом». Они попытались оспорить межевание Григория Филимонова, когда, по утверждению попов, Никите Булгакову были отмежеваны их церковные земли «на городской стороне, на Избоищах», и требовали «оному Филимонову учинить накозание».

Однако, в Поместном приказе было установлено, что никто попам эти земли не отдавал, а стало быть, и не отбирал. Выяснилось, что по имеющимся документам попам принадлежали только земли «близ города Путивля на городской стороне {реки Семи}, подле Острожного рва, на ручью, на ставку, близ Борисоглебского монастыря, но не у округе деревень Борыней и села Грузского. <…> И тако разумеется, оной Фолимонов в правости своей к наказанию не подлежит»[41]. Попы, в свою очередь, не сумели доказать свое право на владение отмежеванными им Ильей Колпаковым землями.

[34] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 655. Л. 2 об.
[35] Имеется в виду писцовая книга Петра Мусорского № 10553 1628 и 1629 гг.
[36] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 655. Л. 2 об.
[37] Там же. Л. 3.
[38] Там же.
[39] Там же. Л. 3–3 об.
[40] Там же. Л. 3 об.
[41] Там же. Л. 4.

В результате попы исчерпали все законные возможности получить эти земли. Тогда Андрей и Тимофей перешли к новой тактике борьбы с контрагентами — к личным оскорблениям и обвинениям. Они сосредоточили свои усилия на втором фигуранте со стороны помещиков — Григории Константиновом. Почему не на Никите Булгакове — этого мы не знаем.

В РГАДА, в фонде «Разрядный приказ», имеется дело о взаимных обвинениях Почасеевых и Григория Константинова в различного рода непотребствах[42]. А именно, в 7205 (1696/97) году попы написали челобитную в Разрядный приказ, в которой обвиняли Григория и Советка Константиновых в разбое и грабеже. Эта челобитная не сохранилась, однако имеется их повторная грамота, в которой попы жалуются на задержку этого дела в Разрядном приказе подьячим Василием Юдиным. К сожалению, грамота плохо сохранилась, ее края оборваны[43]: «Царю и Великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу бьет челом раб твой города Путивля николаевския попы <...> да Тимофей Почасеевы. Дело, Государь, у нас, {богомольцев} твоих, с розбойники з Гришкою да с Советкою Костентиновыми в розбое и в грабеже и подячего Василья Юдина <…> и по твоему, Великого Государя, указу, а по нашему, богомольцев твоих, челобитью велено то разбойное дело <…> на стол без мотчания[44]. А та наша челобитная <…> {не} отдана подьячему Максиму Поромонову. Подьячей Василий Юдин того нашего дела подьячему Максиму не отдает незнаему для чего.

Милосердный Государь Царь и Великий князь Петр Алексеевич Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец, помилуй нас, богомольцев своих, вели, Государь, то разбойное дело у подьячего Василья Юдина взять и отдать подьячему Максиму Поромонову. К нашему челобитью на обличей разбойного дела, Великий Государь, смилуйся». На этой челобитной имеется помета (указание): «206 (1697) года октября в 13 день взять то дело Поромонову».

Реакция Константиновых не земедлила себя ждать. На следующий, 1698 год, Григорий своей челобитной обвинил Андрея, Тимофея и Матфея Почасеевых, а также Гаврилу Дмитриева[45] в разбоях, в разорениях и в «отравном зелье»[46]. А попа Тимофея еще и в блудном деле с девкой Федоской. При этом у Григория оказался «туз в рукаве» — он заручился поддержкой местного Патриаршего разряда[47]. В таких обстоятельствах обвинение не могло быть незамеченным в Москве. Сохранилась записка дьяка Бориса Остолопова руководителю Разрядного приказа боярину Тихону Никитичу Стрешневу[48] о посылке в Путивль подьячего для взятия попов Почасеевых в Москву на допрос[49]:

«208 (1699) года сентября в 6 день по указу Великого Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца и по приказу Великого Господина Святейшаго Кире Адриана Архиепископа Московского и всеа Росии в Северных стран Патриарха[50] <…> Тихону Никитичю Стрешневу с товарыщи <…> Святейшаго Патриарха, а по памятям …кого приказу против челобитья черниговца Григорья Костянтинова и Патриаршаго розряду города <…> по николаевских попов Андрея, Тимофея да Матфея Почасеевых, да по Гаврила Дмитреева в разбоях, ив разореньях, и в отравном

[42] Высылка в Патриарший Разряд попов Андрея, Тимофея и Дмитрия Почасеевых и Гаврилы Дмитриева по челобитью на них в разбоях, разорении, отравном зелье и блудном деле (РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ч. 2. Столбцы Севского стола. Ст. 381. I, 24) Л. 83–84, 499–499 об.).

[43] Там же.

[44] Мотчание – от «мотчати» – медлить, мешкать.

[45] Степень участия Гаврилы Дмитриева в этом деле не установлена.

[46] В отравном зелье – в применении ядов. (*Прим. авт.*)

[47] Ввиду ветхости грамоты не удалось установить, в каком именно Патриаршем Разряде. Скорее всего – в Путивльском.

[48] Тихон Никитич Стрешнев (1644–1719) – русский государственный деятель, боярин, доверенное лицо Петра I, первый московский губернатор, руководитель Разрядного приказа с 1689 г. (Тихон Никитич Стрешнев // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Стрешнев,_Тихон_Никитич. (06.08.2025)).

[49] РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ч. 2. Столбцы Севского стола. Ст. 381. Л. 83.

[50] Патриарх Адриан (в миру Андрей; 1638–1700) – последний патриарх в Первый патриарший период, с 24 августа 1690 г. патриарх Московский и всея Руси. Полный титул: Святейший Кир Адриан, архиепископ Московский и всея России и всех Северных стран Патриарх. (Адриан, патриарх Московский // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Адриан_(патриарх_Московский). (06.08.2025)).

{зелье} < … > а попа Тимофея з девкою Федоскою в блудном деле < … > велено послать подьячего и взять их < … > к Москве в Патриарший розряд к роспросу < … > Господине Святейший Кире Адриан Московский и всеа Росии, и всех Северных {стран} Патриарх указал к тебе боярину Тихону {Стрешневу} с товарыщи отписать, чтоб в Путивль к стрелецкому {голове} < … > послать из Розряду Великого Государя послушную грамоту < … > что < … > подьячем на ослушников давать служилых людей сколько человек пригож. И по указу Великого Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарыщи учинить о том по указу Великого Государя. Дьяк Борис Остолопов».

11 сентября в Путивль к стрелецкому голове Гавриле Олешкову был отправлен царский указ, в котором было предписано «послать Патриаршаго розряду подьячего {в Путивль и} взять их {попов} за поруками к Москве в Патриарший розряд к допросом. И для того взятья попов велено ему, подьячему, взять у тебя {стрелецкого головы} служилых людей сколько тебе пригож»[51]. Дальнейший ход дела по обвинению Почасеевых нам не известен. Однако скандал возымел действие, и Андрей, Тимофей и Матфей Почасеевы далее, в течение своей жизни, новых споров по землям, указанным на чертеже окрестностей города Путивля, не возбуждали.

В деле Ивана Симоновича Гендрикова описана дальнейшая судьба земель Никиты Булгакова[52]: «В 1755-м году ноября 5 дня означенного Булгакова выше помянутая четвертная пашня с поселением и со всеми угодьи наследниками все без остатку продано отставному подпрапорщику Леонтью Черепову, а ис того недвижимого он Черепов в 756-м году продал господину моему[53] реченному графу {Ивану Симоновичу Гендрикову} четыреста четвертей с поселением, о чем значит в данной от него, Черепова, купчей. И оное недвижимое сего 757 году за господином моим {отказано}, а оставшее за продажею отказано за оным Череповым правильно».

В апреле 1757 года эта сделка была оспорена новым поколением николаевских попов[54]: «А сего 757 году в апреле месяце в Государственной вотчинной колегии подана на господина моего и на оного Черепова города Путивля от николаевского попа Великорецкого Ивана Иванова да от двоекратного растрыги (?) Семиона Прохорова с причетники, которым просит о даче, учиненной как вышеозначенно, Никите Булгакову и произшедшей господину моему с продавцом ево Череповым в дачу, о возвращении им, попам < … > по 202 (1693) году межеванью дьяка Ильи Колпакова».

В деле графа Ивана Симоновича Гендрикова не указан дальнейший ход спора. Дело заканчивается просьбой поверенного человека графа, направленной в Государственную вотчинную коллегию, собрать копии необходимых для дальнейшего рассмотрения дела документов. В доношении из Путивльской воеводской канцелярии в Вотчинную коллегию (октябрь 1759 года) сказано, что эти документы были собраны.

Для дальнейшего исследования необходимо обратиться к делу № 17 1758 года, хранящемуся в РГАДА (фонд 1209, опись 928, ДМЛ, книга 10673, дело 17). С листа 199 по 200 оно полностью повторяет рассмотренное нами дело Ивана Симоновича Гендрикова. Но далее, с листа 200 об. и до листа 296, этот документ остался неисследованным.

2.4.3. Краткие сведения о деревнях в долине речек Чаши и Терн

ВВЕДЕНИЕ

В данном разделе представлены краткие сведения по некоторым селам в долинах речек Чаши, Терн, Курицы и Цыпки. Речь идет о селах, бывших во владении Марфы Анненковой и ее мужа Ивана Гамалеи, а также отчима Марфы Семена Неплюева. Специального исследования по этому поводу не проводилось,

[51] РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ч. 2. Столбцы Севского стола. Ст. 381. Л. 84.

[52] РГАДА. Ф. 558. Оп.1. Д. 655. Л. 4–4 об.

[53] Челобитную писал доверенный человек Гендрикова, его служитель Федор Яковлев.

[54] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 655. Л. 4.

однако в процессе рассмотрения других тем появлялись данные об этих поселениях. Считаю необходимым их обобщить и представить читателю. А именно по селам: Успенка (бывшая Большая Слобода, а затем — Неплюевка), Николаевка (бывшая слобода Тарановка), Воскресенка (бывшая слобода Гамалеевка), Михайловка (бывшая слобода Черепашка), а также Чаша (бывший хутор Курник).

Эти поселения были основаны на родовых землях Марфы Анненковой — жены Ивана Гамалеи (см. разд. 2.1.4). Их основание относится к периоду с 1722-го по 1741 год. Это было время споров Марфы и Ивана Гамалеев с Семеном Неплюевым. Обе стороны считали эти земли своими, заселяли их пришлыми людьми — вольными черкасами и, разумеется, считали этих жителей своими подданными, помогали им обустроиться на новом месте. Вот что, к примеру, пишет об этом поверенный Семена Неплюева[55]: «Речка Терн, Курица и Цыпка бортным ухожьем и Диким полем[56], в которых местах и урочищах, и купленные ево, Неплюева, дачи имеются, и селились вольные люди черкасы на ево {Семена Неплюева} земле, и на строение им давал он лесу из своих купленных дач немалым ево иждивением».

Необходимо отметить, что указанные выше слободы не упоминаются в отказных и межевых книгах деда Марфы — Зиновия Панова и ее отца Ивана Анненкова конца XVII — начала XVIII века, а стало быть, их тогда не было. На это законно указывает Семен Неплюев[57]: «Она ж, Марфа, и муж ее Иван Гамалей, ведая по дачам и отказным книгам, что не имелось никаких сел и деревень не токмо за дедом 190 (1682) и 193 (1685) и отцем ее по 208 (1700) но и 1717 году книгам». Последнее свидетельствует о том, что эти слободы были основаны уже при Неплюеве. Он, в частности, отмечал, что и сами Марфа и Иван не указывали на то, что эти слободки были поселены ими[58]: «И сами в челобитных своих не написали, что поселены ею Марфою и Гамалеем слобода Неплюева, також Тарановка, и Черепашка, и вновь селившиеся над речкою Терном слободки». Марфа и Иван претендовали на эти слободы только потому, что они находились на их родовых землях. Вот что писал по этому поводу поверенный Семена Неплюева[59]: «Присвояя себе поселенныя им {Неплюевым} слободы, потому якобы поселились показанныя слободы Неплюевка бутто бы на покосах деда и отца ее {Марфы Гамалеи}, а Тарановка якобы где был хутор деда ее, а покосов {её} над рекою Курицею, где слобода Неплюева».

Итак, рассмотрим полученные из документов сведения по каждому поселению.

СЛОБОДА НЕПЛЮЕВКА (НЫНЕ СЕЛО УСПЕНКА)

Слобода была выбрана Семеном Неплюевым как место для проживания его и его жены Марии Анненковой (Неплюевой). Семен задумывал сделать эту слободу своим родовым гнездом.

Кто же является ее основателем? Неплюев заявлял таковым себя, утверждая, что она поселена на его купленных землях. Альтернативную версию представила Марфа Анненкова (в замужестве — Гамалея). В деле о фальшивых купчих читаем[60]: «Слобода Неплюева поселена в то время, когда она, Марфа, жила в одном доме с матерью своею после отца ее Ивана Анненкова в доме, служителем Зверевым». Этим утверждением Марфа обозначила приблизительное время поселения слободы.

Разберемся, какое время имеется в виду. Итак, Марфа родилась и выросла в доме отца в селе Клепалы. В 1713 году ее отец умер, а в 1717 году мать Мария вышла второй раз замуж — за капитана Семена Неплюева. Если принять версию Марфы об основании слободы Федором Зверевым, то это могло случиться уже при Семене Неплюеве, то есть после 1717 года. Связано это с тем, что при разделе поместий и вотчин между Семеном и его падчерицей, после женитьбы Семена на Марии, в соответствующих отказных книгах 1717 года эта слобода не упоминается. По версии Марфы, слобода была поселена «в 722-м году оставшим-

[55] Дело Ивана Андреева Гамалея и его жены о справке по купчей от Семена Неплюева (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 929. ДМЛ. Кн. 10687. Д. 11. Л. 600). Далее — дело о фальшивых купчих.

[56] Здесь имеется ввиду местность южнее Клепальского городища. (*Прим. авт.*)

[57] Там же.

[58] Там же.

[59] Там же.

[60] Там же. Л. 595.

ся после родителя моего Ивана Григорьевича Анненкова в доме ево управителя молороссийской породы вольным человеком Федором Дементьевым сыном Зверевым».

Неплюев отрицает эту дату основания слободы[61]: «Селил он {Семен Неплюев} слободу Неплюеву не в 722-м году, а после, смотря на других старинных помещиков». Здесь он намекает на то, что слобода поселена на его, недавно купленных землях. Для Семена это было очень важным обстоятельством, поскольку слобода планировалась Семеном как его природная, им лично построенная. Неплюев активно скупал земли в Путивльском уезде в период с 1737 по 1743 год (см. разд. 2.1.2). В том числе и земли на речках Терн, Курице и Цыпке. Если ему верить, то слобода могла быть им основана после 1737 года, когда у Неплюева появлись свои купленные земли в Путивльском уезде. Однако довод Неплюева о поселении Неплюевки на купленных им землях опровергается в деле о фальшивых купчих, где описаны сделки жены Семена Марии (матери Марфы). Там, в частности, указано[62]: «А в 738 году декабря 18 дня по отказным книгам написано, что Семена Неплюева жена Марья Зиновьева дочь ис того своего недвижимого путивльского имения в Подгородном стану в слободке Неплюевой в урочищах в Ослецком и Чашском городище 5 четвертей, да близ села Череповки 5 четвертей, да сенных покосов 10 копен отдала к новопостроенной церкви Успения Богородицы, что в слободе Неплюевой». Если так, то к 1738 году слобода Неплюевка была уже селом и в ней была построена церковь, что полностью опровергает посыл Семена об основании этой слободы на купленных им землях. Не могла слобода, будучи основана, по версии Неплюева, самое раннее, в 1737 году, стать селом с церковью на следующий 1738 год.

Исходя из этого, версия Марфы Анненковой об основании села Неплюевки Федором Зверевым в 1722 году становится более вероятной. За 16 лет это поселение разрослось, в нем было достаточно жителей, чтобы построить здесь церковь. Эта слобода в дальнейшем именовалась Большой Слободой, Неплюевкой, а позднее, еще при Неплюеве, — Успенкой. Но Марфа всегда считала эту слободу своей. Вот что она писала в 1749 году в своей жалобе на имя императрицы Елизаветы Петровны[63]: «А помянутой же бывшей вотчим мой Неплюев и до ныне владеет моим наследством, своевольно селом Большою Слободою < … > и называет помянутую мою слободу ложно селом Успенским (Неплюева то ж)». С ней спорил Семен[64]: «А слобода Неплюева, как выше показано, что селена им {Неплюевым}, потому и называетца Неплюева». Очень сомнительно, что Неплюевку основал Семен, но он обосновался в ней и дал этому поселению свое имя.

Что же касается Федора Зверева, то он, как дворовой человек, впервые упоминается в отказной книге вдовы Ивана Анненкова Марии в 1715 году. После ее выхода замуж за Семена Неплюева, судя по всему, у Семена возник конфликт с Федором. Дальнейшая судьба Зверева довольно туманна. Вот как ее изложил поверенный человек Неплюева в челобитной 1746 года[65]: «А объявленной Зверев по краже у него {Неплюева} крепости письма и выкрал свою отпускную, и многия ево пожитки в бытность ево в службе, бежал и ныне жительство имеет у графа Шереметьева от него {Неплюева} побегом, о чем по разным городам явочные челобитные от него {Неплюева} имеютца. Да он же, Зверев, своровал, показал себя при ревизии в 722-м году черкашенином, а он великоросийской породы московской уроженец, и за ним положен в подушной оклад[66]. И с сыном, как он обретался в Глухове в низовом корпосе, то оставлен он в доме ево {Неплюева} стряпчим и прикащиком, и в то время обманул жену ево {Неплюева}, и с подушного окладу себя и с сыном выключил воровски, написался черкашенином, за что после был по указом жестокому наказанию». Из рассказа Семена следует, что Зверев бежал от него и в 1746 году проживал в доме графа Шереметьева. Выходит, что Неплюев, обосновавшись в Большой Слободе, попросту избавился от Зверева.

Уже после бегства Зверева Неплюев вложил в Неплюеву слободу большие средства. Вот как об этом пишет его доверенный человек в деле о фальшивых купчих[67]: «В слободе ж ево Неплюевой построена цер-

[61] Там же.

[62] Там же. Л. 507.

[63] Там же. Л. 618.

[64] Там же. Л. 595 об.

[65] Там же. Л. 594 об.

[66] Подушный оклад, подать или подушное – подать в казну с души податного сословия, считая все возрасты, по последней переписи. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net.

[67] Дело о фальшивых купчих. Л. 600 об. – 601.

ковь божия во имя Успения Пресвятыя Богородицы. Украшена утварью колокольня и ограда. И той церкви дьячкам и пономарям построено хоромное и в дворе всякое строение, и с купленных ево лесов ево иждивением в четыре тысячи рублев, двор ево помещиков со всяким хоромным дворовым и гуменным строением, с сады и с люцкими дворы в две тысячи рублев. Тако ж подданным вольным черкасом на строение куплено ево лесу, употреблено тысяча рублев».

Неплюевка стала к середине XVIII века довольно зажиточным селом. В деле Семена Неплюева 1752 года приводится перечень имущества, которое Иван Гамалей отобрал у Семена в этом селе (см. также разд. 2.1.5). А именно, описан большой птичник в окрестностях Неплюевки[68]: «Имеющейся близ села Успенскаго (Неплюева то ж), на котором гумне имелся завод птичей, и протчее, для котораго заводу устроено на том гумне хоромное строение». Иван Гамалея «реквизировал» из этого птичника 100 индеек, 150 курей, 120 гусей и 100 уток. Почти 500 голов птиц. Кроме этого 90 аршин (64,8 м) льняного полотна. Кроме птицы, у Семена в селе Успенском (Неплюевке) было большое поголовье лошадей и крупного рогатого скота. Все это так же было разграблено Иваном Гамалеей в 1748 году. Вот что пишет по этому поводу Семен[69]: «Сего 1748 году июня 6 дня во втаром часу дни вышепоказанного Гомолея люди, и крестьяне, и подданные малоросияне по приказу ево нарядным делом {будучи вооруженными} <…> приехали в крепосныя дачи господина моего под село Успенское (слобода Неплюева то ж). Зафотя конское и волов, и коров с подтелки стадо господина моего, людей и крестьян, и подданных малоросиян, где было лошадей сто сорак девять, волов с коровы и подтелки восемь сот дватцать один». Как видим, у Семена было «изъято» 149 лошадей и 821 голова волов, коров и телят.

Кроме того, 8 июня того же года, люди Ивана Гамалея отобрали у жителей Успенки весь рогатый скот[70]: «Того ж числа он, Гомолей, в бытность свою в слободе Неплюевой приказал у людем и крестьяном, и подданным молоросияном господина моего слободы Неплюевой отобрать подданической рогатой скот. А именно подтелков сто, овец и ягнят две тысячи».

Кроме птицы и поголовья скота, в этом селе в доме Семена Неплюева были значительные суммы наличных денег и движимое имущество. При своем бегстве из Неплюевки в 1751 году Семен перевозил в своем обозе денег и имущества более, чем на 700 рублей (см. разд. 2.1.5.3).

В дальнейшем Неплюевка (Успенка) осталась за потомками Семена. В частности, его вдова Екатерина Игнатьевна[71] с детьми: секунд-майором Николаем Семеновичем и дочерью Анной в 1782 году спорили с сыном Ивана Гамалеи Михаилом за земли вокруг села Клепалы[72].

СЛОБОДА ТАРАНОВКА (СЕЛО НИКОЛАЕВКА)

Село Николаевка было поселено Семеном Неплюевым. Вот что об этом говорит его поверенный человек в челобитной 1750 года[73]: «А от слободы Неплюевои вниз речкою Курицею в дачах против урочища Курицкого городища на покупных же господина моего дачах Чаского городища над речкою Курицею поселил господин мой слободку Тарановку, которая от него, Гомолея, празвана Николаевкою». Немногим ранее, в деле о фальшивых купчих, поверенный Неплюева объявляет год основания Тарановки[74]: «А слобода Тарановка поселена також на собственной ево {Неплюева} купленной земле над речкою Курицею в 738-м году в дачах Чаского городища, вверх по речке Курице за покупкою ево, о чем явствует по отказным книгам». То, что эта слобода была поселена на купленных Неплюевым землях, скорее всего, не соответствует действительности, поскольку эти земли по завершении спора Неплюева с Иваном Гамалеей в 1749 году определением Вотчинной коллегии были отписаны не Семену, а Ивану Гамалее и его жене Марфе (см. разд. 2.1.5.3).

[68] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 645. Л. 43.
[69] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 645. Л. 53 об.
[70] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 645. Л. 56–56 об.
[71] Екатерина Игнатьевна была второй женой Семена Неплюева после смерти Марии Анненковой в 1746 г.
[72] Полевые записки села Клепал (РГАДА. Ф. 1317. Ед. хр. 4772).
[73] РГАДА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 645. Л. 70 об.
[74] Дело о фальшивых купчих. Л. 594 об.

В своих челобитных Марфа утверждала, что Тарановка была поселена Неплюевым на месте хутора, который принадлежал ее деду Зиновию Панову (80–90-е годы XVII века). Это оспаривает Семен[75]: «А Тарановка якобы где был хутор деда ее < … > ни по которым отказным книгам не показано». Хутор у Зиновия Панова, скорее всего, здесь был. Наименования его мы не знаем. Уже в XVIII веке это место заселялось Неплюевым вольными черкасами, и он объявил эту новую слободу своей.

В купчей Марфы Гамалеевой сказано, что 1743 году в слободке Тарановке был помещичий дом и мельница[76]: «Да новопоселенную им слободу прозываемую Тарановку з двором помещиковым и мельницею, что на речке Курице и Цепке».

В 1763 году Иван Андреевич Гамалея отписал Николаевку своему зятю Григорию Андреевичу Полетике в качестве приданого за своей дочерью Еленой (см. разд. 2.1.6). В сговорной записи[77], в частности, говорится, что это «недвижимое имение, следующее ему {Ивану Гамалее} наследную после смерти первой жены ево, а оной дочери ево Елены матери Марфы Ивановой дочери, и ей доставиться после смерти матери ее Марьи Зиновьевой дочери подполковника Ивановой жены Григорьева сына Анненкова»[78]. Здесь же указано, что в Николаевке был господский двор: «Також и с имеющимися в том селе господским двором и живущими вольными людьми малороссияны сколько оных. Також и всякого движимого и недвижимого имения в том селе Николаевке в ево {Ивана Гамалея} владении состоит». Кроме того, отмечено, что «оное село Николаевка населено оным {Иваном Андреевичем} Гамалеем на старых урочищах Чаского и Ослецкого городища на речке на Курице, и построена церковь во имя Николая Чудотворца тому лет десять, почему оное село и называемоя Николаевское»[79]. Таким образом выясняется, что наименование селу дала построенная в нем церковь Николая Чудотворца. Приведенные выше выдержки из сговорной записи относятся к 1763 году. Исходя из этого определяется приблизительно дата построения церкви — начало 50-х годов XVIII века.

После смерти Ивана Гамалеи в 1766 году возник спор между Еленой, ее братом Михаилом и путивльскими помещиками по поводу этого поместья (см. разд. 2.1.7). Спор завершился в 1789 году, когда Николаевка окончательно была закреплена за Григорием Полетикой — мужем Елены. У Григория в Николаевке была винница (одна из трех у него имеющихся). В 70-е и 80-е годы XVIII века он активно занимался оптовой продажей водки. Детали этого бизнеса описаны в его личных письмах к жене Елене[80]. Из этих же писем известно, что управляющим имением в Николаевке в то время был Федор Бартош.

СЛОБОДА ЧЕРЕПАШКА (СЕЛО МИХАЙЛОВКА)

Эту слободку построил Семен Неплюев. Об этом он заявляет в своей купчей в 1743 году[81]: «Да построенную ж мною вновь слободку на речке Чаше, прозываемую Черепашку». Здесь же указано ее место[82]: «Да на речке Чаше близ слободки Черепашки по обе стороны той речки берега для строения мельницы, сенные покосы, едучи от Гамалеевки Ромадановским шляхом и поворотя с Родоману дорогою, что ездят до Клепал на гребельку, прозываемую Колуженку, левая сторона от гребельки». Его поверенный человек уточняет год поселения[83]: «Слободка Черепашка поселена им на ево ж купленной земле в дачах Ослецкого и Чаского городища над речкою Чашею в 741-м году, о чем по дачам и отказным книгам за ним явствует в Вотчинной колегии». Семен помогал обустроиться вольным черкасам в этой слободке[84]: «В слободке Черепашке подданным черкасам на строение всякого купленого ево пять сот рублев».

---

[75] Там же. Л. 600.

[76] Там же. Л. 341.

[77] Сговорная запись – запись, в которой определены условия, назначен день бракосочетания и указан состав приданого.

[78] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 412–412 об.

[79] Там же. Л. 431.

[80] После смерти Григория Андреевича Полетики в 1784 г., журнал «Киевская старина» опубликовал более 100 писем из его частной переписки.

[81] Дело о фальшивых купчих. Л. 338 об.

[82] Там же. Л. 348–348 об.

[83] Там же. Л. 594 об.

[84] Там же. Л. 600 об.

Факт поселения Семеном Неплюевым слободы Черепашки оспаривала Марфа Гамалея в своей челобитной в 1746 году[85]: «Слобода же Черепашка також мельница на речки Чаше[86] с людьми и хутор, прозываемой Курник {ныне село Чаша}, по тому ж поселены на наследственных же моих дедовских и отцовских дачах Часского и Ослецкого городищ до села моего Клепал надлежащих, которыми и предки мои владели. А ему Неплюевых слобод селить было нечим, ибо у него, Неплюева, природных своих поместий и вотчин ничего не было и ныне нет». Природных, то есть наследственных, имений у Семена Неплюева действительно в Путивльском уезде тогда не было, однако это не мешало ему активно скупать здесь земли. Равно как и селить новые слободки на своих и своей падчерицы Марфы землях. Тем не менее и сама деревня, и земли вокруг по завешении спора Ивана Гамалеи с Семеном Неплюевым в 1749 году были отписаны Марфе. Неплюев не сумел доказать, что эти земли им купленные.

Дача деревень Михайловки (слободы Черепашки) и Чаши (хутор Курник) описана в экономических примечаниях, составленных в рамках специального межевания 1782 года[87]. Это описание было приведено в разд. 2.1.9.

Что необходимо отметить в этом документе? Во-первых, огромное количество земли вокруг этих деревень — 3844 десятин 767 саженей (более 4000 га). Из них 800 десятин (734 га) принадлежали Михаилу Гамалее. При этом 300 десятин крестьяне пахали на помещика, а 500 десятин — на себя. Сами деревни принадлежали только Михаилу Гамалее. В Михайловке у него было 50 черкасских дворов (432 жителя обоих полов), а в Чаше — 12 (73 жителя). Во-вторых, то, что остальные владельцы земель вокруг этих деревень (Масалитиновы и Лихачевы) дворов в деревнях Михайловке и Чаше не имели. Их земли (3044 десятины) обрабатывались их крестьянами из окрестных деревень.

Дополнительно отметим малую площадь сенокосов — всего 82 десятины и полное отсутствие леса. Вспомним, что при описании «войны» между Иваном Гамалеем и Семеном Неплюевым в период с 1738 по 1752 год (см. разд. 2.1.5) в этих местах отмечалось большое количество сенокосов. Уже через 30 лет практически все эти сенокосы были распаханы. Не говоря уже о Борынских дубровках, которые еще 100 лет назад, в XVII веке, занимали основную часть этих земель, а к этому времени были вырублены. Отметим также очень незначительную долю «неудобной» земли — всего 185 десятин. Эти площади занимали овраги, которые остались от многочисленных речек — притоков речки Чаши.

ХУТОР КУРНИК (ДЕРЕВНЯ ЧАША)

В документах, отражающих споры между Иваном Гамалеей и Семеном Неплюевым (с 1738 по 1752 год), это место называлось хутором Курником (см. разд. 2.1.4 и 2.1.5). По окончании споров в 1749 году в решении Вотчинной коллегии это место названо «пустошь Чашскова на речке Чаша»[88]. Указанным решением пустошь была передана Ивану Гамалее и его жене Марфе. И, наконец, в рамках специального межевания земель в 1782 году пустошь названа деревней Чашей. Хутор на этом месте принадлежал Семену Неплюеву. Вот что он писал по этому поводу в 1743 году[89]: «Хутор, прозываемой Курник, имеетца на речке Чаше, поселены {мной} в даче Ослецкого и Часского городища в особливых урочищах и округе, в дачах состоит в малом числе четвертях, и владение имеют многие помещики. А до села Клепал она, Марфа, присовокупила ту дачу напрасно, прикрывая свою неправость». Таким образом, хутор был населен черкасами Семеном Неплюевым в начале 1740-х годов. Марфа этого не отрицала. Однако свои права на этот хутор Семен отстоять не смог. По словам старожилов, помещик (пан) Гамалей переселял в деревни Михайловку и Чашу черкас из села Клепалы. Жители этих деревень были прихожанами клепальской церкви.

[85] Там же. Л. 488 об.

[86] Имеется в виду мельница на речке Чаше, в нижнем ее течении, ближайшая к устью этой речки. Этой мельницей владел отец Марфы Иван Анненков.

[87] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 634. Л. 160, 161.

[88] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 928. ДМЛ. Кн. 10674. Д. 17. Л. 433 об., 434 об.

[89] Дело о фальшивых купчих. Л. 595 об.

СЛОБОДА ГАМАЛЕЕВКА (СЕЛО ВОСКРЕСЕНКА)

Слобода Гамалеевка была поселена Марфой и Иваном Гамалеями. Это признает и Семен Неплюев[90]: «А слобода, которая называется Гамалеевкою над речкою Курицею по обе стороны в череповских Часского городища в дачах, поселена ею Марфою и мужем ее Иваном Гамалеем. Потому и называетца Гамалеевкою. И тою слободою владела она, Марфа, и с мужем своим безспорно». Марфа дополнительно сообщает[91]: «А где поселились слобода Гамалеевка в дачах села Череповки над речкою Куркою, и в том месте потому ж был хутор деда моего Зиновья Козьмича Панова прикащика ево, крепостнаго человека Антона Татарина». Таким образом, основателем Гамалеевки назван дворовой человек Зиновия Панова Антон Татарин. Он, как дворовой человек, впервые упоминается в писцовой и межевой книге Семена Муромцева 1684 и 1686 годов. После смерти Зиновия Панова (1698 год), в отказной книге вдовы Марии 1715 года Антон Татарин уже не упоминается. Таким образом, основание хутора на этом месте следует отнести к концу XVII века.

Когда же была основана слобода Гамалеевка? Этих данных нет. Скорее всего, судя по ее названию, уже при Иване Гамалее, в 30–40 годы XVIII века. Впервые Гамалеевка упоминается Иваном Гамалеем в январе 1743 года[92]: «Я нижайший <…> в слободку же Гамалеевку {приехал} в самых последних числах генваря». Как мы видим, к этому времени в слободе уже был господский двор. Тогда здесь развивались события, касающиеся фальшивых купчих Семена Неплюева (см. разд. 2.1.4).

К 1746 году в Гамалеевке было уже более 20 дворов. На это указывает Семен Неплюев в своей сказке, представленной в Вотчинную коллегию[93]: «Она, Марфа, к речке Курице Цыпке и Терну владеет <…> поселенною их слободою Гамалеевкою, где дворов дватцать и более».

2.4.4. Некоторые сведения о жителях села Чаплищи в XVIII веке

Здесь приведем результаты переписи крестьян деревни Чаплищи, принадлежащих помещикам села Клепалы. А именно, ревизскую сказку Семена Васильевича Неплюева и девки Марфы 1719 года, а также сказку об убывших крестьянах деревни Чаплищи Ивана Андреевича Гамалеи 1762 года.

1715 год {ревизская сказка Семена Неплюева и девки Марфы}[94]

«1719 октября в 3 де по присланному Царского Величествия указу из Санкт Питербурха в концелярии Обоянской провинцыи Путивльского уезду села Клепал помещика капитана Семена Васильева сына Неплюева да патчирицы ево девки Марфы дому их приказной человек Василей Чехочев да деревни Чаплищ крестьянской староста Евдоким Михайлов сказали: помещик де их ныне по указу Царского Величествия в отправления обща с нею патчерицею ево Марфою, что на ея жеребей принадлежит в Путивльском уезде.

… Да в деревни Чаплищах_во дворе Игнат Самойлов 60 лет, у него брат Трофим 40 лет. У Игната сын Михайла 4 года, у Трофима дети: Самойла 15 лет, Петр 10 лет, Данила 5 лет. У них же Игната племянник Иван 20 лет. Во дворе он староста Евдоким 50 лет, у него сын Иван 15 лет. У него ж Евдокима брат Архип 40 лет. У него ж Евдокима двоюродные братья Семен да Фома Гавриковы. Он Семен 40 лет, Фома 30 лет. У Семена дети Григорей 8 лет, Прокофей 6 лет, Гаврила 4 года. У Фомы сын Моисей 4 года. Да ис крестьян за скудостью взяты в помещиков хутор и ходят за скотом ево для паствы Петр Васильев 60 лет, Никита Андреев 50 лет. Да ис крестьянских детей сироты взяты в дом помещиков для прокормления: Гаврик 8 лет, Федор 9 лет Семеновы дети Гаврилова.

{Всего 2 двора в деревни Чаплищи}.

---

[90] Там же. Л. 594 об.

[91] Там же. Л. 488 об.

[92] Там же. Л. 471 об.

[93] Там же. Л. 600 об.

[94] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2718. Л. 293–293 об.

А кроме того за помещиком их и патчирицею ево в Путивльском уезде крестьян и бобылей задворных и деловых людей мужеска полу нет и не утоено. Нежели хотя единою душу утоили или у летах написали неправду, и за утайку нашу учинить нам смертною казнь без всякой пощады. Да сверх того утоенных помещика нашего людей из дач земли равною часть, что на них приналежит по розмеру взять на Государя безповоротно. К сей сказки села Клепал Николаев дьячок Кирило Иванов вместо Василья Чихачова Евдокима Михойлова руку приложил. А по < … > сказки написали они самою истину не утая ни единыя мужеска полу души.

{Скаска об убывших крестьянах деревни Чаплищ}[95]

№74 Подана августа 12 дня 1762 году.

1762 году августа 10 дня Путивльского уезду Засемского стану села Клепал помещика бунчукового товарища Ивана Андреева сына Гомалея крестьянин.

Деревни Чаплищ			
Иван Игнатьев сын Поляникин	23	—	40
У него жена Ксенья Гаврилова дочь 50 лет. Малороссиянка. Взята добровольно			
У него дети, написанные в бывшую ревизию			
Никита	полгоду	умре в 749-м году	
Рожденный после ревизии Михайла	—	—	9
Андрей	—	—	6
Дочь Матрена 6 лет			
У него брат Михайла	27	умре в 747-м году	
У него сын, написанный в бывшую ревизию, Иван	6	умре в 748 году	
Иван Игнатьев сын Пеленик	35	—	52
У него жена Ксенья Федорова дочь 50 лет. Малороссиянка. Взята добровольно			
У них сын, написанной в бывшую ревизию, Назар	году	—	18
У него жена Марина Михаилова дочь 20 лет. Старинная господина моего			

2.4.5. Межевание села Чаплищи в 1783 году

Межевания угодий села Чаплищи производилось 8 августа 1783 года землемером капитаном Петром Сомовым. 13 сентября 1790 года все тяжбы по межам были решены в Курской межевой конторе. В результате был составлен бесспорный план[96], представленный на рис. L. Ниже приведены все записи на этом плане.

«Геометрической специальной план Курскаго наместничества Путивльскаго уезду села Чаплищ с принадлежащими к нему всеми землями, которое состоит во общем владении подполковника Кирилы Леонтьева сына Черепова, полковницы Катерины Игнатьевой дочери Неплюевой, секунд маиоров Василья Яковлева сына Ващинина, Петра Семенова сына Деханова, колежскаго ассесора Михайлы Иванова сына Гамалея, секунд маиора Максима Иванова сына, маиорши Степаниды Михайловой дочери, порутчиков Ивана Ильина сына Череповых, Алексея Петрова, Василья прапорщика Исая Васильевых детей Шечковых, Андрея Герасимова сына Черепова, отставнаго ротнаго квартермистра Алексея Раманова сына Черепова и однодворцов карнетши Марьи Петровои дочери Лихачевой.

[95] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2725. Л. 229 об. – 230.

[96] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-2 (красный). Чаплищи село.

Владельцы и поверенные: секунд маиор Степан Васильев сын Сагарев, капитан Зиновей Семенов сын Кашенцов, подпорутчика Григорья Васильева сына Масалитинова служитель Алексеи Казлаков, прапорщик Иван Никитин сын Сагарев объявили, что следует во оной даче по крепостям части земли, а владении не имеют, межевания учиненнаго в 1783-м году августа 8-го дня землемером капитаном Петром Сомовым.

А по решению Курской межевой канторы спора межа утверждена в 1790-м году сентября 7 дня землемером прапорщиком Алексеем Арсеньевым.

А внутри того владения, обмежеваннаго одною окружною от всех смежных владельцов межею по нынешней мере и по зчислению земли состоит пашни двести четыре десятины триста семдесят одна сажень; сеннаго покосу, по которому кустарник, восемь сот восемьдесят три десятины девятьсот дватцать три сажени; лесу строеваго и дровянаго двести сорок четыре десятины две тысечи восемдесят восемь сажень; под поселением, огородами, гуменниками и коноплянниками, в том числе у священно и церковно служителей, тритцать пять десятин пять сот дватцать пять сажень; под церковью и кладбищем семь сот девяноста две сажени; под проселочными дорогами четыре десятины тысеча пять сот восемь сажень.

А всево во всей окружной меже тысеча пять сот девеноста шесть десятин сто шездесят семь сажень. А за исключением неудобных мест осталось одной удобной земли тысеча триста шездесят семь десятин пять сот семь сажень.

И с того числа вырезана вновь церковная земля к церкви Казанския Пресвятыя Богородицы, что в показанном селе Чаплищах, на довольствие всященно и церковно служителей положенной прапорции, как значится под литерами ЦЗ, во оной по изчислению земли состоит пашни четырнатцать десятин тысеча сажень; сеннаго покосу тысеча четыреста сажень.

Под проселочною дорогою девяноста сажень.

Итого пятнатцать десятин девяноста сажень. А за исключением неудобных мест пятнатцать десятин.

За тем в действительном владении показаннаго села Чаплищ осталось удобной и неудобной земли тысеча пять сот восемьдесят одна десятина семьдесят семь сажень.

Во оном селе по последней поданном к ревизии скаскам состоит за вышеписанными господами мужеска полу душ: за секунд майором Ващининым крестьян осмьнатцать подданных, черкас тритцать одна; за секунд майором Дехановым крестьян семь подданных, черкас дватцать пять; за коллежским ассесором Гамалеим подданных черкас двенатцать; за отставным ротным квартермистром Алексеем Череповым подданных черкас три, аднадворцов тритцать, десять аднадворчесних, подданных черкас три души.

А ныне налицо тож число. А за протчими владельцами в поселении душ не состоит.

Чертежной директор капитан Григорей Накосник.

При сем межевании были и подпишются: к сему плану секунд майор Петр Семенов сын Деханов руку приложил; к сему плану села Чаплищ однадворцав однадворец повереной Фома Бершов руку приложил; к сему плану дворенина майора Василья Яковлевича Вощинина поверенной служитель Фома Григорьев руку приложил; к сему плану порутчика Алексея Петровича Шечкова служитель <…> за отлучкою вышеписанного помещика руку приложил; к сему плану капитана Пракофия Петрова сына Вишневскова поверенной служитель Аким Естафьев руку приложил; к сему плану села Волынцова однодворцов повериной онодворец Констентин Кравотшин руку пиложил; к сему плану села Чаплищ дьячек Василий Петров <…> полковник Неплюевой Ивана Ал…дова ротмистра князь Волконского Алексея Турченинова <…> руку приложил; к сему плану села Чаплищ иерей Петр Афонасьев руку приложил.

А прочия владельцы и поверенные по посылаемым повесткам для рукоприкладства к сему плану и межевой книги не явились. В чем и засвидетельствовано поверенными и понятыми сторонними людьми.

К сему плану села Чаплищ дьячек Василий Петров с понятыми сторонними людьми, коих имена написаны сего плана в межевой книге, по их прошению руку приложил. К сему плану подпорутчика Григорья Васильевича Масалитинова повереной служитель Алексей …злаков руку приложил».

26 января 1855 года была произведена поверка этого плана и на окружной меже были нанесены красными чернилами координаты точек, которые имели разницу с планом 1783 года.

Остановимся на описании земель вокруг села Чаплищ. Сразу заметим относительно небольшую долю пахотных земель — 204 десятины (из общих 1596 десятин). Пахотные земли находились на северо-западе

от села, на части вырубленных ранее Титовой дубровы и Чаплицкого бортного ухожея. Основную часть земель составляли сенные покосы в долине реки Семь и прилегающих озер — 883 десятины. Они были поросшие кустарником. Строевого и дровяного леса было также немного — 244 десятины. Доминирующие в этой местности лесные массивы — Титова дуброва (оставшаяся ее часть) и Титов бор не относились к даче села Чаплищи. Из всех 1596 десятин показано «удобной» земли 1367 десятин. Оставшиеся 229 десятин были отнесены к «неудобным» землям. В их число следует отнести большое болото между рекой Семь и речкой Речица (см. рис. L). Кроме того, имелись значительные участки земель в долине речки Безуевки (особенно в ее верховьи), которые были малопроходимыми и не являлись сенокосами (см. разд. 1.3.6).

Много интересного о дачах села Чаплищи находим также в экономических примечаниях[97]:

«№ 247 Село Чаплищи владения маиора Василья Яковлева сына Ващинина с протчими владельцы и однодворцы:

под поселением — 35 десятины 525 сажень;

пашни — 5 десятин 1578 сажень;

сенного покосу — 877 десятин 1848 сажень;

лесу строевого и дровяного 230 десятин 100 сажень;

неудобной земли — 226 десятин 240 сажень.

Итого: 41 двор, 138 мужчин и 145 женщин, 1374 десятины 1891 сажень.

Лежит при реке Семи и ея заливах по течению ее на правой стороне. В том селе церковь деревянная во имя Казанския Пресвятыя Богородицы. Два дома господских деревянные. Первый майора Василья Ващинина, второй майора ж Деханова. При первом три, а при втором один сады иррегулярные с плодовитыми деревьями: яблоновыми, баргамотными, гливными, дулевыми, грушевыми, сливными, терновыми и вишневыми, с коих собираются плоды и употребляются для домового господского обиходу.

А дачею простирается по берегам реки Семи, озер Клепал, Карачевскаго, безымянного отвершка и вешнего протока на правой реки Семи и озера Колча на левой сторонах, и по обе стороны стараго и новаго течениев реки Семи, и от нее заливов, речки Безуевки, озера Тихаго, Криваго, Речицы, Обытка, Баровни, Влукаго, Плесневаго, Колча, шести безымянных озерков. И от оных озер заливов те река речка и озера.

Против сей дачи в летнее жаркое время бывают река глубиною в две сажени (4,24 м), шириною от дватцати (42,4 м) до дватцами пяти (53 м) сажень. Речка {Безуевка} глубиною в четверть аршина (17,8 см), шириною в сажень (2,12 м). Озера Тихое, Карачевское, Влукое, Колча и заливы глубиною в аршин (71 см), шириною в десять сажень (21,2 м). Озеро Клепалы, Речица, Обыток, Баровая, Плесневое глубиною от двух (4,24 м) до четырех (8,48 м) шириною от дватцати (42,4 м) до сарака сажень (84,8 м). А безымянные озера отвершик и вешней проток пересыхают.

В реке ловится рыба: сомы, белизны[98], судаки, головли, налимы, лещи. И как в реке, так и в озерах ив заливах, щуки, окуни, лини, караси, плотва, ерши и раки. А в некоторых сомы. Уловная рыба употребляется для обиходу жителей.

Земля грунта пещанаго к плодородию не весьма способна. Посеенной на ней всякои хлебы во урожаи средственныя.

Сенные покосы травою хороши.

Лес ростет строевой дубовой, березовой, осиновой, сасновой и альховой. В отрубе от трех (13,35 см) до пяти вершков (22,25 см), вышиною от шести (12,72 м) до десяти сажень (21,2 м), между коего большею частию того же рода дровяной, а по покосам мелкой березовой, ореховой и лозовой. И как оной так и строевой для потоша не способен, котораго особо от строевого и от покосов вымерить не можно.

В нем звери: волки, зайцы, горностаи, белки и ласточки[99]. Птицы: тетеревы, куропатки, ястребы, кокушки, зоренки[100], кландухи[101], саловьи, чижи, сойки, щеглы и снегири. В полях трепеты[102], перепелки и жаворонки. При дачах разных родов дикие утки: кулики, бекасы, чибесы, гагары.

---

[97] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 166 об. – 168.

[98] Белизна – жерех. (*Прим. авт.*)

[99] Ласточка – ум. от слова «ластка» — зверек ласка.

[100] Зарянка – мелкая птица. (*Прим. авт.*)

[101] Клинтух – пестрый дикий голубь. (*Прим. авт.*)

[102] Стрепет – птица из семейства дрофиные. (*Прим. авт.*)

И рыбаловы онаго села однодворцы состоят на положенном казенном окладе. Промышляют хлебопашеством, к чему оне и радетельны. Земли на себя запахивают и покосов скашивают до ста пятидесяти десятин. А помещичьи крестьяне и подданные малороссияне состоят на изделье. Землю и сенные покосы следующия господам их обрабатывают всю на себя ж. А на помещиков обрабатывают пашенные земли и сенные покосы в других оново ж уезда дачах. Прочих же владельцев, не имеющих в оном селе крестьян, земля и сенные покосы да двусот десятин обрабатываются и в разных селениев сего уезда их крестьянами на помещиков. Женщины упрожняются в предписанных рукоделиях на себя и на продажу».

Отметим, что однодворцы села Чаплищ были профессиональными рыболовами и состояли на казенном окладе. Сами они пойманную рыбу не продавали, а куда-то ее сдавали.

Указанные пахотные земли имели песчаный грунт и не были особо плодородными. Крестьяне и вольные черкасы обрабатывали эти земли на себя, а не на помещиков.

В селе была деревянная церковь Пресвятой Богородицы Казанской. Церковь и кладбище при ней занимали 792 квадратных сажени земли (3,5 га)[103]. Кроме того, церкви принадлежали 35 десятин пахотной земли. На рис. L — это длинная и узкая полоса земли 80 × 2000 м на севере (между точками B и C).

Землями и другими угодьями в селе Чаплищах владели 13 помещиков, но только двое из них имели здесь свои дворы: майор Василий Яковлевич Вощинин и майор Петр Семенович Деханов.

Рассмотрим подробнее часть плана с изображением села Чаплищи (рис. LI). На рисунке мной выделено голубым цветом русло реки Семи. Показаны окрестности: озеро Старая Семь (старое русло реки), озеро Чапль, давшее название этому селу, цифрой (4) показан остаток Чаплицкого бортного ухожея. С юга, на противоположном берегу реки, — болото. Рядом с ним — озеро Избное. Севернее этого озера, на берегу реки, крестом обозначено место, где находилась церковь. Рядом с ней (чуть южнее) было кладбище. Наименование озера Избное происходит от слова «изба». В писцовых книгах XVII века уточняется: «озеро Избное, что под усадищем {усадьбой}». Стало быть, древнее поселение (селище) располагалось на северном берегу этого озера. В писцовой книге Петра Мусорского 1628 и 1629 годов (№ 10553) указано: «Деревня, что было селище Чаплищи».

В центре села мы видим обширную площадь с песчаным грунтом. По состоянию на 1783 год в селе было три заселенных участка: (1), (2) и (3) с 41 двором, включая два помещичьх. В крестьянских дворах проживали 138 мужчин и 145 женщин. К сожалению, на планах специального межевания не выделялись дворы помещиков (вспомним ту же ситуацию с селом Клепалы (см. разд. 2.1.12)), поэтому разделить крестьянские и помещичьи усадьбы на плане 1783 года решительно невозможно. Однако, смеем предположить, что дом помещика Вощинина находился на участке (1). Дело в том, что Василий Яковлевич Вощинин — потомок рода Череповых. Его бабушка — Марина Яковлева дочь Черепова была правнучкой Ивана Михайлова сына Черепова, у которого, согласно книге 1628 и 1629 годов (№10553), был «жеребей деревни, что было селищо Чаплищи верхнея сторона на реке на Семи земли на его жеребей пол осьмины». После смерти отца Марины Якова Черепова в 1684 году ей достался «жеребей деревни что было селище Чаплинское в верхней стороне на реке на Семи двор помещиков пустой с садом и с огороды отца ее Якова Черепова»[104]. «В верхней стороне» значит «в верхней по течению реки Семи части деревни». А это и есть участок (1) на рис. LI. В начале XVIII века в этом доме жила Марина Черепова со своим мужем Федором Дмитревым сыном Вощининым. Вот что написано по этому поводу в отказной книге Федора Вощинина 1702 года[105]: «А за Федором Вощининым в том же Федора Черепова {отца Якова Черепова} поместьи и вотчине оставили… в жеребью деревни Чаплищи двор помещиков, где он, Федор, ныне живет».

На каком из участков, (2) или (3), был дом Петра Семеновича Деханова выяснить не удалось.

На рис. LI мы также видим две дороги из села Чаплищи (см. разд. 1.2.5). Одна начинается из древнего центра села — между участками (2) и (3). Она уходит на северо-запад, где раздваивается на две: одна — на юг через брод на озере Боровня, к мельнице в селе Клепалы; а вторая — на северо-запад через Титову дуброву к Мокшевицкому перевозу на реке Семи.

[103] Это несколько меньше, чем в селе Клепалы, где было 1200 саженей (5,4 га).
[104] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10574. Л. 1184.
[105] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10589. Л. 503.

2.4.6. Переписи жителей деревни Карпиловки в начале XVIII века

ВВЕДЕНИЕ

В данном разделе приведены выборочные результаты переписи жителей деревни Карпиловки:

- по переписной книге 1719 года[106];
- жителей этой же деревни, принадлежащих клепальскому помещику Семену Неплюеву и его падчерице — девке Марфе Ивановой дочери Анненкова (ревизская сказка 1719 года[107]).

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА 1719 года

Список черкас — переселенцев — жителей деревни Карпиловки.

За вдовою Марьею Анненкова в деревни Корпиловки 12 дворов черкаских в приходе в село Клепалово к церкви Николая Запольского[108]:

Во дворе Самола Иванов 40 {лет}. У него жена Мотрена 35. Родом из-за Днепра города Снолона. Живет тому 2 года.

Во дворе Гордей Седаев 35. У него жена Ирина 30. Родом из-за Днепра села Шабуляникова. Живет тому 2 года.

Во дворе Федор Манщин 50. У него жена Агафья 40. Родом деревни Карпиловки.

Во дворе Никифор Васильев 28. Жена Дарья 20. Родом города Красного. Живет тому 5 лет. У него сын Прокофеи 19.

Во дворе Иван Литвинов 50. У него жена Марья 40. Родом города Березны. Живет тому три года.

Во дворе Федор Безнпалько 50. У него жена Мокрида 30. Родом из-за Днепра местечка Мижногожи. Живет тому пять лет. У нево 2 сына Ерёма 20, у него жена Анна 25, Иван 17.

Во дворе Никифор Черкашенин 55. У него жена Марья 40. Родом села Рыжевки. Живет тому два года.

Во дворе Григорей Денисенко 50. У него жена Котерина. Родом села Красного. Живет тому 10 лет.

Во дворе Калина Ряткин 55. У него жена Домна 40. Родом города Нежина. Живет тому 5 лет.

Во дворе Андрей Брушонко 55. У него жена Ирина 30. Родом Батуринского уезду села Краснаго. Живет тому 5 лет.

Во дворе Степан Дворянко 50. У него жена Марина 30. Родом села Краснаго. Живет тому пять лет.

Во дворе Максим Брюшенко 40. У него жена Дарья 30. Родом Батуринского уезду села Краснаго. Живет тому 5 лет.

За Петром Череповым в деревни Карпилов{ке} 4 двора черкаских:

Во дворе Федор Гученка 50 {лет}. У него жена Дарья 30. Родом из-за Днепра села Дьяковки. Живет 1 год.

Во дворе Федос Андреевко 50. Жена Домна 35. Родом из-за Днепра села Дьяковки. Живет тому 3 года.

Во дворе Дмитрей Чередник. Родом из-за Днепра города Лысенки. Живет тому 3 года.

Во дворе Андрей Скрипченко 40. У него жена Ирина 30. Родом деревни Карпиловки.

За Иваном Шечковым в деревни Карпиловки 16 дворов черкаских:

Во дворе Лешченков зять 40 {лет}. У него жена Мокрида 30. Родом села Митченок. Живет тому 1 год.

Во дворе Антон Синица 40. У него жена Морина 30. Села Карпиловки.

Во дворе Василей Фоменко 50. У него жена Просковья 40. Родом из-за Днепра села Корпиловки. Живет тому 2 года.

---

[106] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 331. Л. 847–849 об.

[107] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2718. Л. 356 об. – 357.

[108] Только в этом источнике указано такое имя этого святого: Николая Чудотворца Запольского. Во всех других известных автору источниках указывается имя Николая Чудотворца.

Во дворе Иван Алтыковец 50. У него жена Домна 40. Родом деревни Карпиловки. У него сын Леон 20.

Во дворе Федор Алтыковец 50. У него жена Авдотья 40. Родом деревни Карпиловки.

Во дворе Игнат Бойченко 25. У него жена Василиса. Родом деревни Карпиловки. Брат Иван 12.

Во дворе Яков Кириченко 30. У него жена Мотря 20. Родом села Красного. Живет тому 5 лет.

Во дворе Лукьян Савченко 50. Жена Федора 40. Родом села Красного. Живет тому 15 лет. У него сын Федор 30, Козьма 40. У него жена Фетинья 36.

Во дворе Григорей Коморенко 50. У нево жена Домна 40. Родом деревни Карпиловки. У нево сын Иван 15 лет.

Во дворе Степан Савченко 30. У него жена Матрена 20. Родом деревни Корпиловки. У него брат двоюроднои Павел 15.

Во дворе Цумов 40. У него жена Марья 40. Родом села Клепал. Живет тому 5 лет. У него сын Григорей 20 лет.

Во дворе Яков Суман 45. У него жена Мавра 30. Родом села Былки. Живет тому 2 года.

Во дворе Самойла Посошек 50. У него жена Ирина 30. Родом села Красного. Живет тому 10 лет. У него сын Пимон 10.

Во дворе Федор Алфенко 30. Жена Котерина 20. Родом той же деревни.

Во дворе Афонасей Алченко 25. У него жена Василиса 20. Родом села Дьяковки.

Во дворе {?} Корченко. У него жена Морина 30. Родом села Красного. Живет тому 15 лет.

За вдовою Михайловскою женою Черепова Авдотья в деревни Карпиловки 7 дворов черкаских:

Во дворе Иван Клименко 50 {лет}. У него жена Котерина 40. Родом города Керолна {?}. Живет тому адин год. У него сын Герасим 30. Жена Аграфена 35 лет.

Во дворе Василей Мищенко 45. У него жена Ирина 40. Родом деревни Корпиловки.

Во дворе Клим Жаклинко 50. У него жена Настасья 40. Родом села Череповки. Живет тому 3 годы.

Во дворе Семен Проверденко 40. У него жена Настасья 30. Родом деревни Корпиловки.

Во дворе Степан Василенко 35. У него жена Котерина 25. Родом города Конотопа. Живет тому пять лет.

Во дворе Григорей Гопоненко 50. У него жена Прасковя 40 лет. Родом из-за Днепра села Лукьяновки. Живет тому три года.

Во дворе Степан Дубина 50. Жена Котерина 40. Родом из-за Днепра. Живет тому 2 года.

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА СЕМЕНА НЕПЛЮЕВА И ДЕВКИ МАРФЫ

«За Семеном Неплюевым и его падчерицей …

да за ними ж в деревни Корпиловки в черкаских дворех: во дворе отамон Андрей 30 лет, у него брат Савей 20 лет, у него ж Андрея дядя Савелей 40 лет, у Савелья сын Василей 10 лет. Во дворе Антон Кирилов 50 лет. У него братья Федор 30, Артем 27 лет. У Антона сын Степан 9 лет. У Федора дети Остафей 18, Григорей 15. У Антона шурины Марко 40, Павел 30, Остафей 28 лет. У его ж Павла сын Сила 9 лет. Во дворе Федор Прокофьев 30, у него Федора дети Нестер 17, Иван 2 лет. Во дворе Дементей Михайлов 30 лет, у него сын Калина 12 лет, племянник Иван 20 лет. Во дворе Григорей Федоров 60 лет, у него братья Павел 50, Алексей 40 лет. Во дворе Самойла Иванов 70 лет, у него братья Семен 30, Андрей 20, у него ж племянники Максим 50, Афонасей 40 лет. Во дворе Лукьян Калеников 40 лет, у него братья Мартын 35, Петр 20 лет, у него ж сын Григорей 4 лет. У Мартына дети Матвей 10, Григорей 7 лет. Во дворе Никифор Семенов 40 лет, у него братья Петр 30, Илья 27, Матвей 20 лет. Во дворе Данила Васильев 50 лет».

{Всего 9 дворов в деревне Карпиловке}.

Цветная вкладка к главе 2 «XVIII век»

К разд. 2.1.5. «ВОЙНА МЕЖДУ ИВАНОМ ГАМАЛЕЕЙ И СЕМЕНОМ НЕПЛЮЕВЫМ».
Часть 2: 1747 год

Рис. XIX. **Епанча из красного сукна**

Рис. XX.
Кафтан из лазоревого сукна

Рис. XXI.
Камзол желтый

Рис. XXII.
Шуба нагольная

Рис. XXIII.
Кармазинное сукно

Рис. XXIV.
Мех росомахи

Рис. XXV.
Чекан

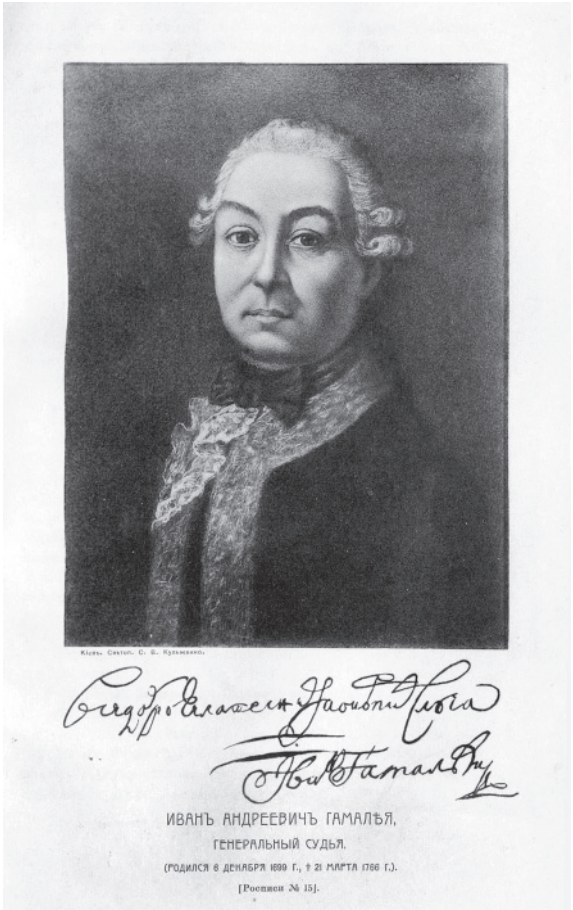


***Рис. XXVI.* Иван Андреевич Гамалея.**
Собственноручная подпись: «Вседоброжелательный и покорный слуга. Иван Гамалея»
(Стороженки: фамильный архив. Т. 7. Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1908. С. 243)

Рис. XXVII.
Николай Данилович Ханенко
(URL: https://www.peoples.ru/military/colonel/nikolaj_hanenko/)

Рис. XXVIII.
Григорий Андреевич Полетика
(URL: https://www.peoples.ru/art/literature/prose/belletristika/grigorij_poletica/)

Рис XXIX. **Геометрический специальный план Путивльского уезда села Клепалы (К-24)**
(РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. К-24 (синий). Клепало село)

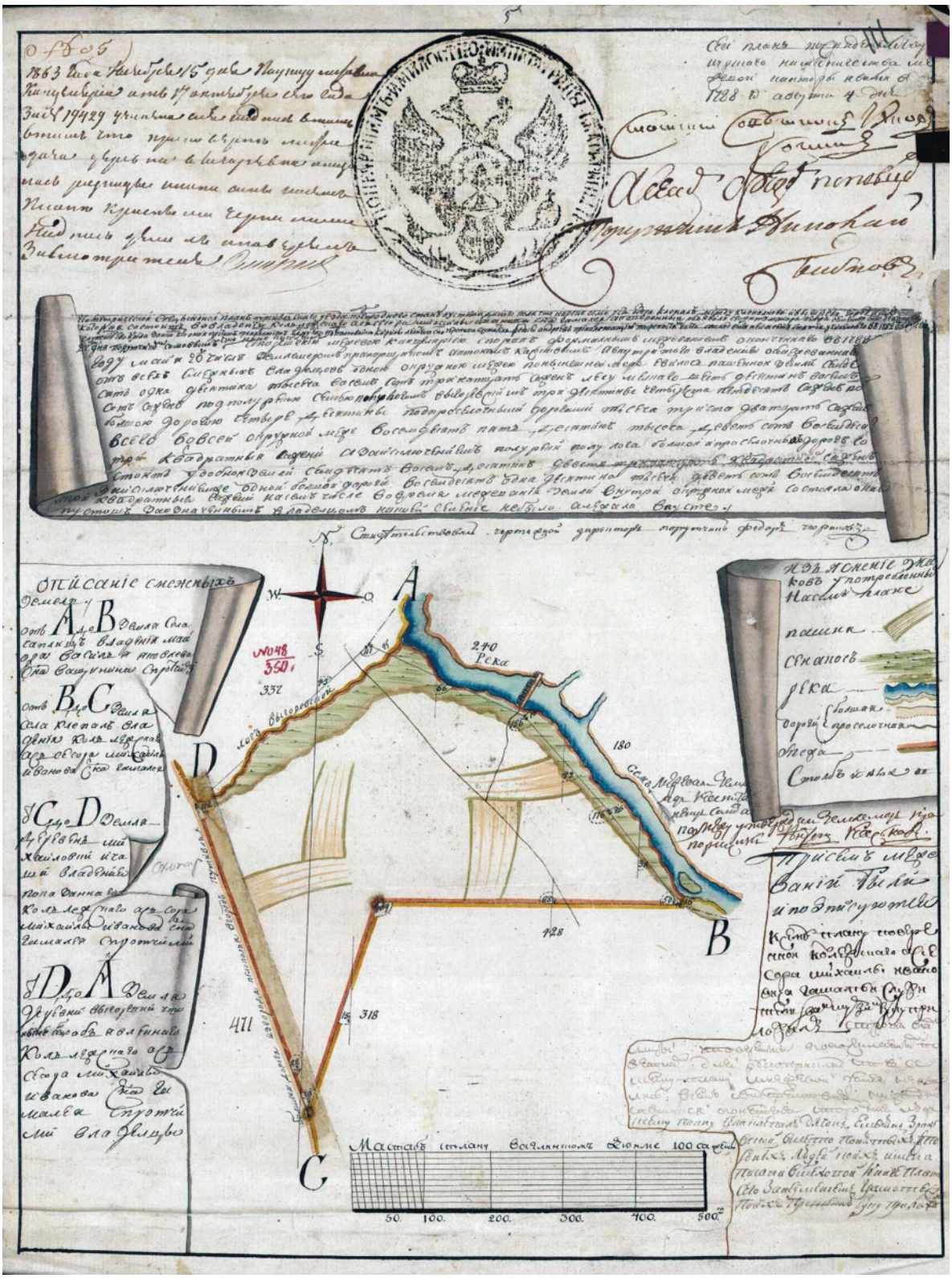


Рис. XXX. **Геометрический специальный план Путивльского уезда пустоши Дикого поля, что на реке Семи**
(РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч. 1. Д-5 (синий))

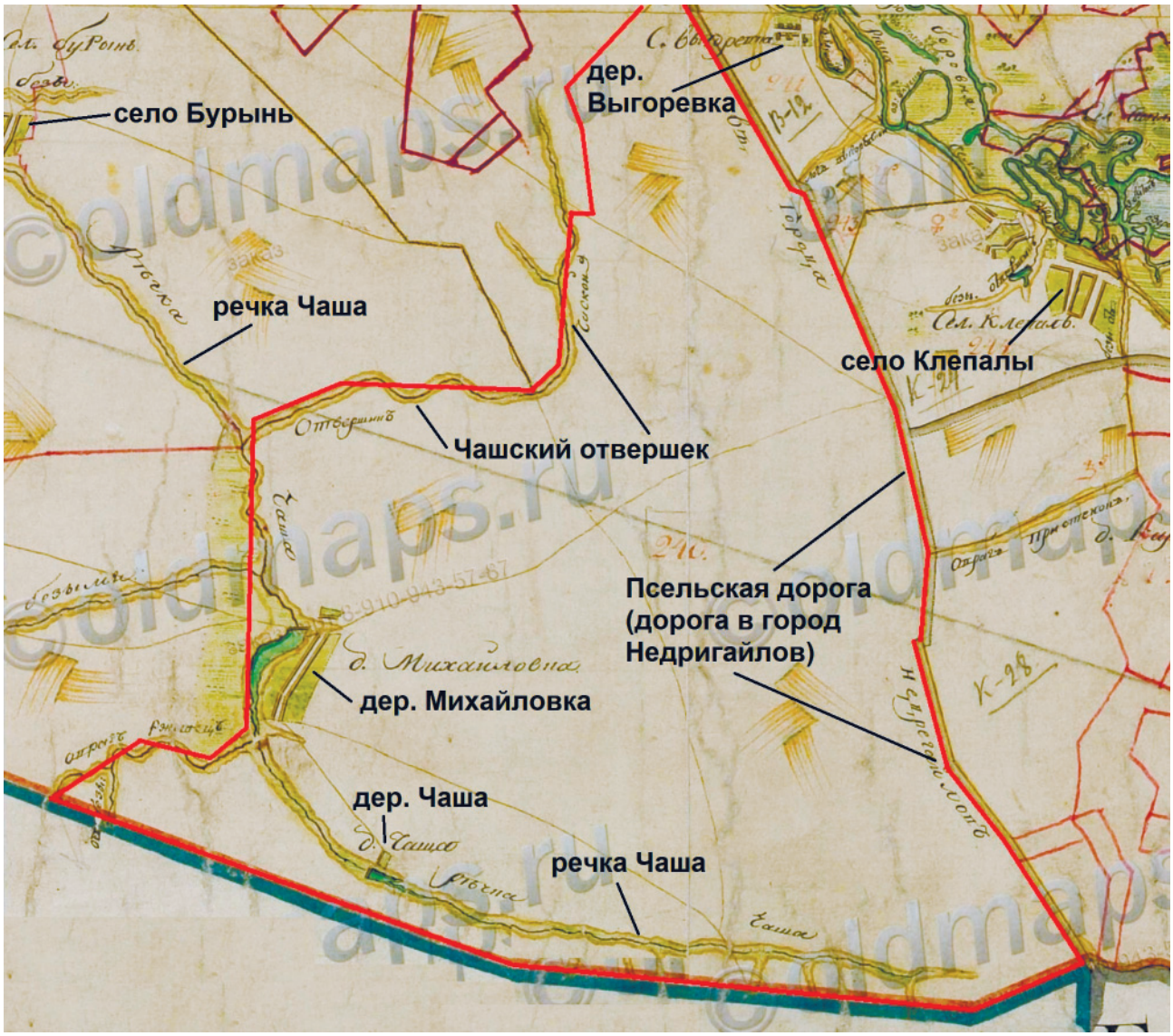


Рис. XXXI. **Земли Михаила Гамалеи на речке Чаше. Генеральный план, 1785 г. Межа выделена красным цветом**

Рис. XXXII. **Геометрический специальный план Путивльского уезда пустоши Глушица**
(РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Г-9 (синий))

К разд. 2.1.10. «СПОР В КУРСКОЙ МЕЖЕВОЙ КОНТОРЕ 1783–1788 гг.»

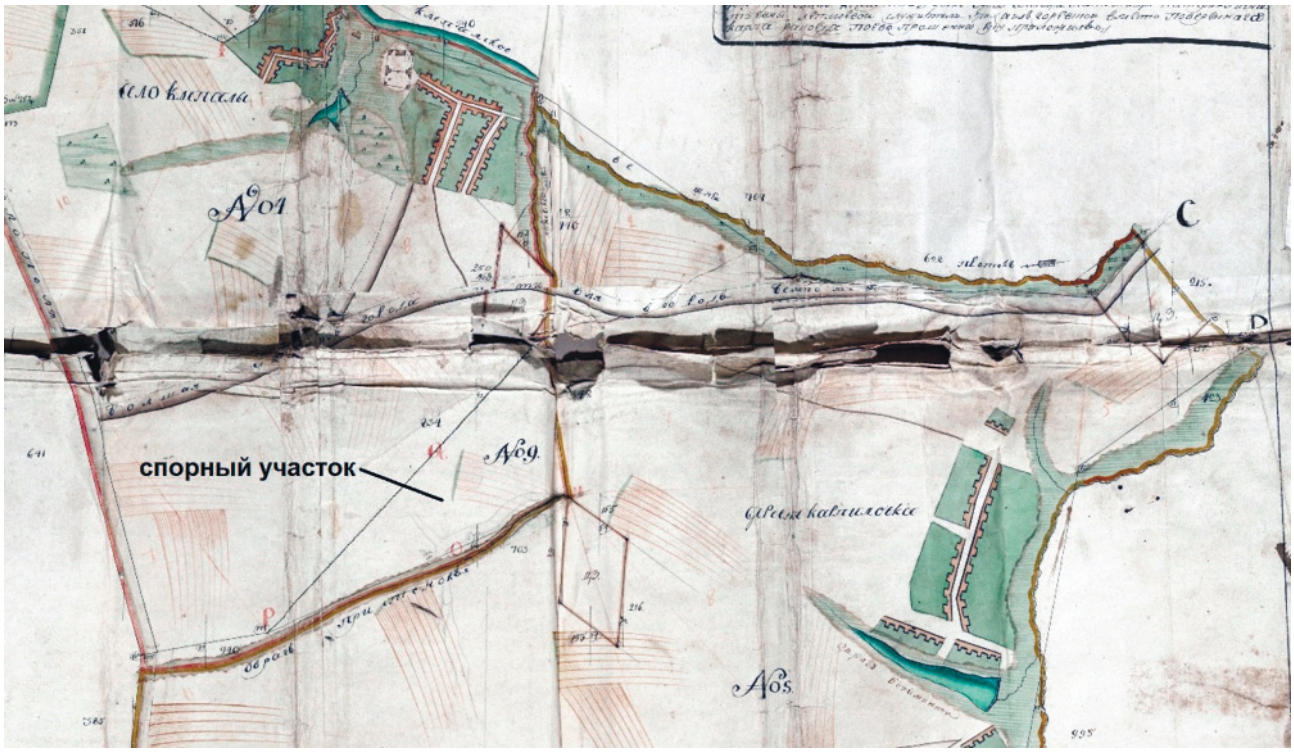


Рис. XXXIII. **Спорный участок (№9) в деревне Карпиловке**
(РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4775. Номер картона 223 (синий))

К разд. 2.1.12 «СЕЛО КЛЕПАЛЫ И ЕГО ЖИТЕЛИ В XVII И XVIII ВЕКАХ»

Рис. XXXIV. **Деревня Клепало. Чертеж 1685 г.**
(РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. Ст. 1066. Л. 49–50)

Рис. XXXV. **Улицы села Клепалы. Спорный план 1788 г.**
(РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4776. Номер картона 223 (синий))

Рис. XXXVI. **Усадьба помещиков Гамалеев. Карта 1869 г.**
(1) – дом помещика; (2) – сады; (3) – огороды

Рис. XXXVII. **Село Клепалы. Спорный план. 1788 г.**
(РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4776. Номер картона 223 (синий))
(1) – участок межи Зиновия Панова 1685 г.;
(2) – наиболее старая улица села Клепалы (конец XVII в.);
(3) – центр села (1788 г.);
(4) – улица, заселенная в 70-е и 80-е годы XVIII в.

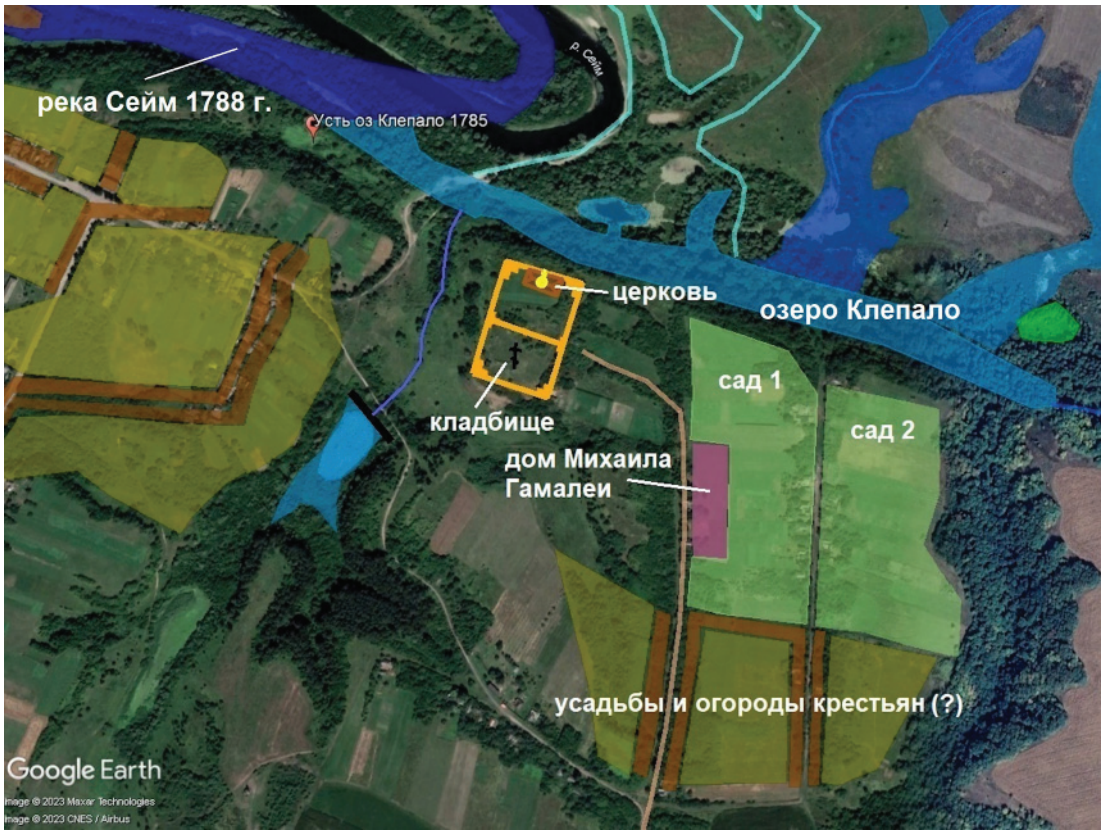


Рис. XXXVIII. **Реконструкция села Клепалы на восточной стороне Клепальского лога. 1788 г.**

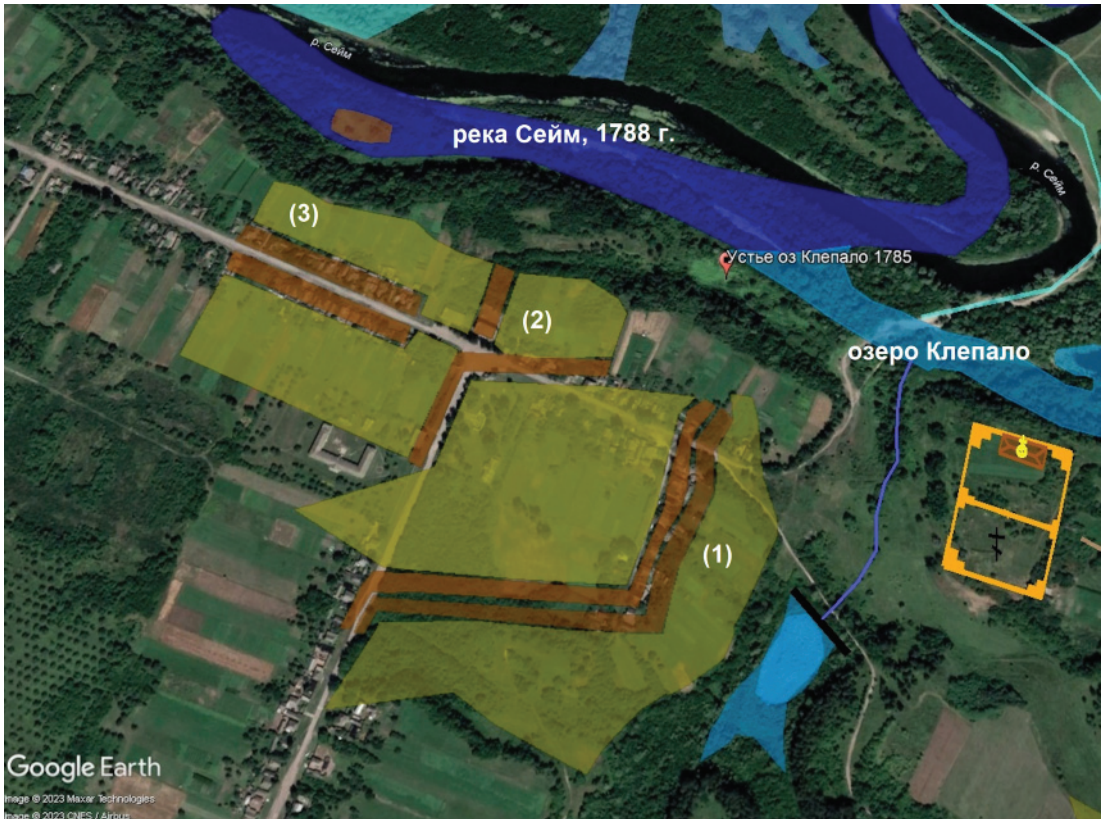


Рис. XXXIX. **Реконструкция села Клепалы на западной стороне Клепальского лога. 1788 г.**
(1) – крестьянские усадьбы конца XVII в.; (2) – центр села в середине XVIII в.;
(3) – крестьянские усадьбы конца XVIII в.

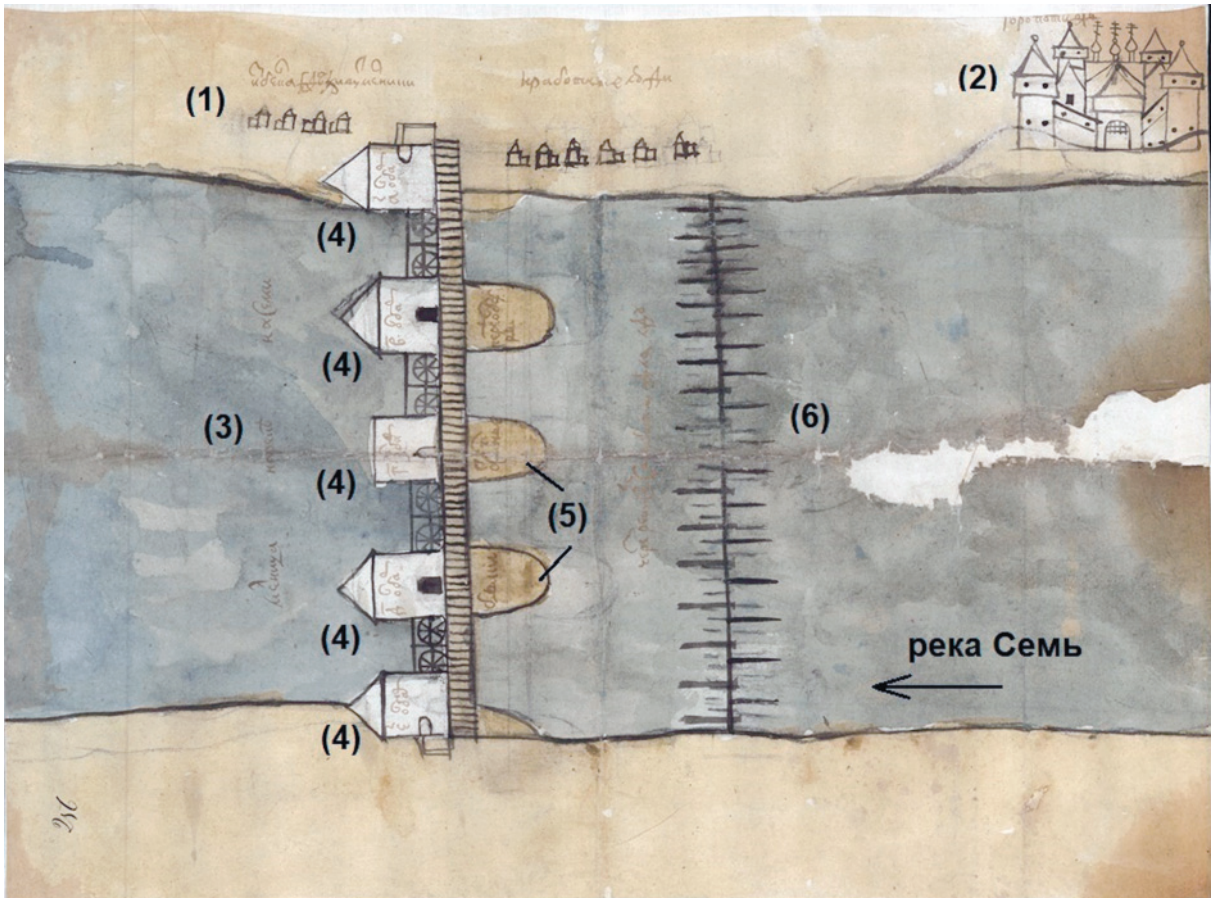


***Рис. XXXX.* Чертеж мельницы в городе Путивле. 1662 г.**
(РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Столбцы Белгородского стола. Ст. 1103. 26). Л. 256)
(1) – избы для мельников и рабочих людей;
(2) – город Путивль;
(3) – надпись: «Мельница на реке на Семи»;
(4) – мельничные амбары;
(5) – «быки» (или «волы»). «Быки отсыпные перед онбары».
(6) – частокол из свай, вбитых в дно реки, защищающий мельницу от льда во время весеннего ледохода: «Через реку Семь сваи биты для льду»

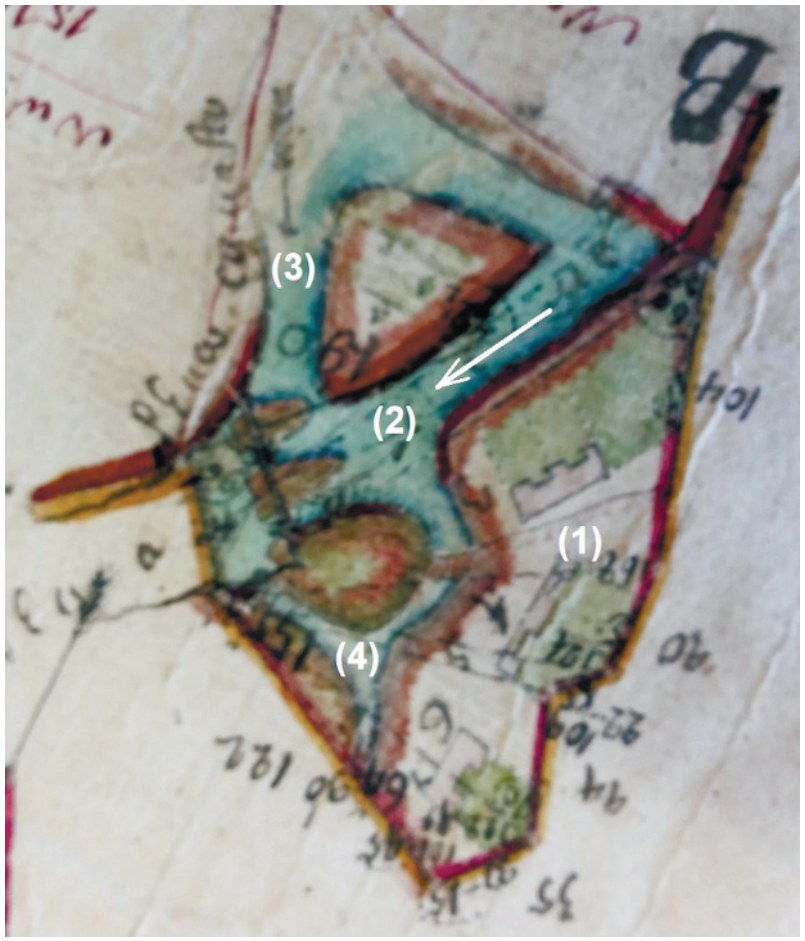


Рис. XXXXI. **Мельница в деревне Теткино. 1779 г.**
(РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. М-20 (синий)).
(1) – деревня Теткино;
(2) – река Семь (стрелкой указано направление ее течения);
(3) – река Самара;
(4) – проток, на котором был устроен шлюз

Рис. XXXXII. **Мельница в селе Клепалы на межевом плане пустоши Дикое поле. 1782 г.**
(РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч. 1. Д-5 (синий))

Рис. XXXXIII. **Мельница в селе Клепалы на спорном плане 1788 г.**
(РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 4776. Номер картона 223 (синий))

Рис. XXXXIV. **Мельница в селе Клепалы на межевом плане села Чаплищи. 1857 г.**
(РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-15 (красный))

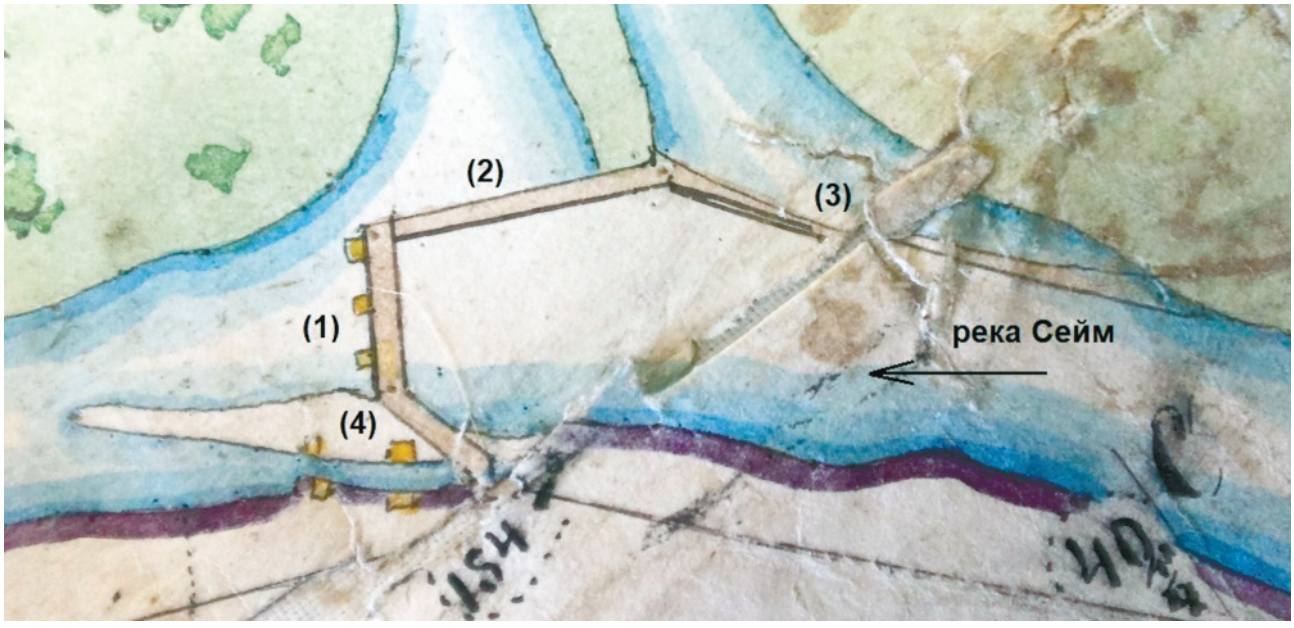


Рис. XXXXV. **Мельница в селе Клепалы на межевом плане Ч-15 села Чаплищи. 1857 г. (крупно)**
(1) – гребля мельницы с тремя амбарами;
(2) – гребля, частично перекрывающая устье озера Кривое;
(3) – гребля с заслонками для сброса излишней воды в озеро Кривое;
(4) – насыпной остров («шпыль») для устройства шлюза с воротами для прохода лодок

Рис. XXXXVI. **Мельничное место в селе Клепалы. 1990-е гг.**

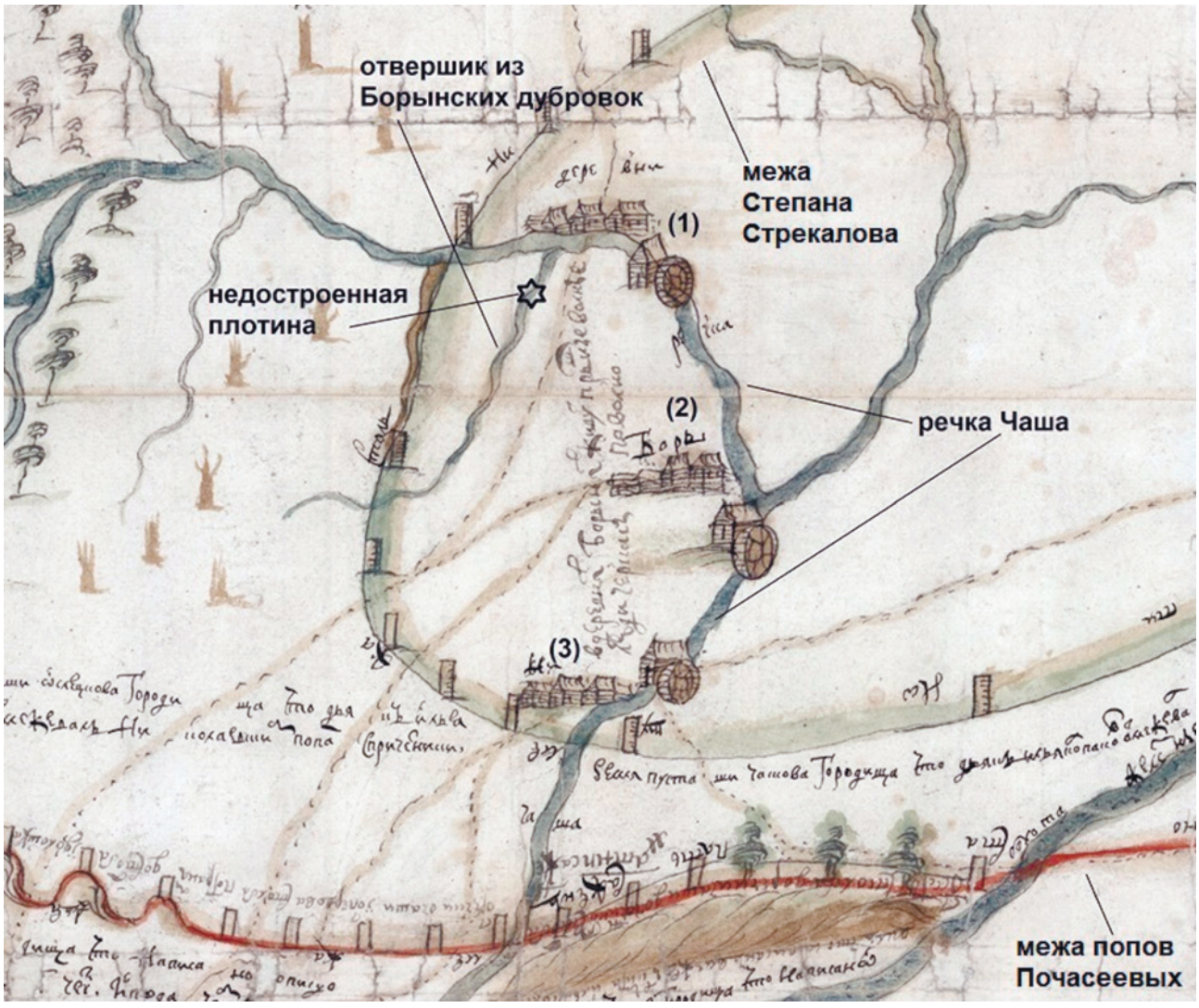


Рис. XXXXVII. **Мельницы на речке Чаше на плане окрестностей города Путивля. 1690-е гг.**
(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Рыльск. Ед. хр. 30165. Л. 6/н.)
(1), (2), (3) – деревни Борыни с мельницами

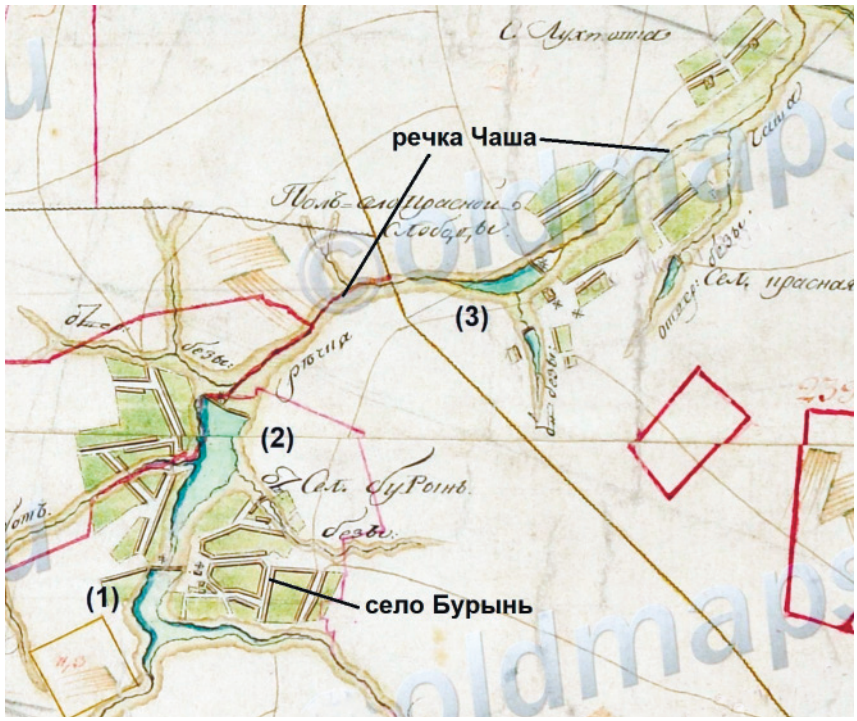


Рис. XXXXVIII. **Мельницы на речке Чаше на генеральном плане 1785 г.**
(1), (2), (3) – мельницы на речке Чаше

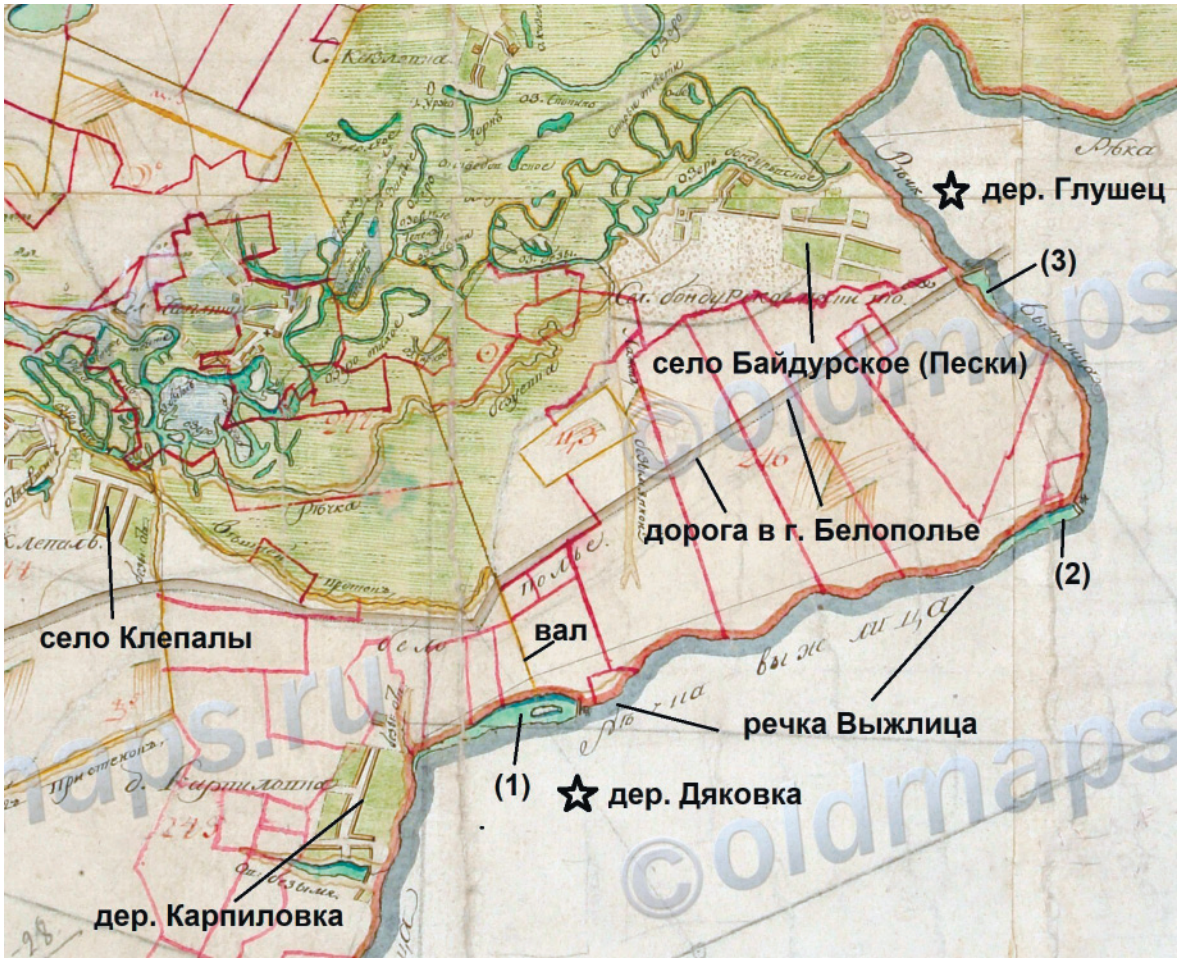


Рис. XXXXIX. **Мельницы на речке Выжлице на генеральном плане 1785 г.**
(1), (2), (3) – мельницы на речке Выжлице

Рис. L. План специального межевания села Чаплищи. 1783 г.
(РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч-2 (красный))

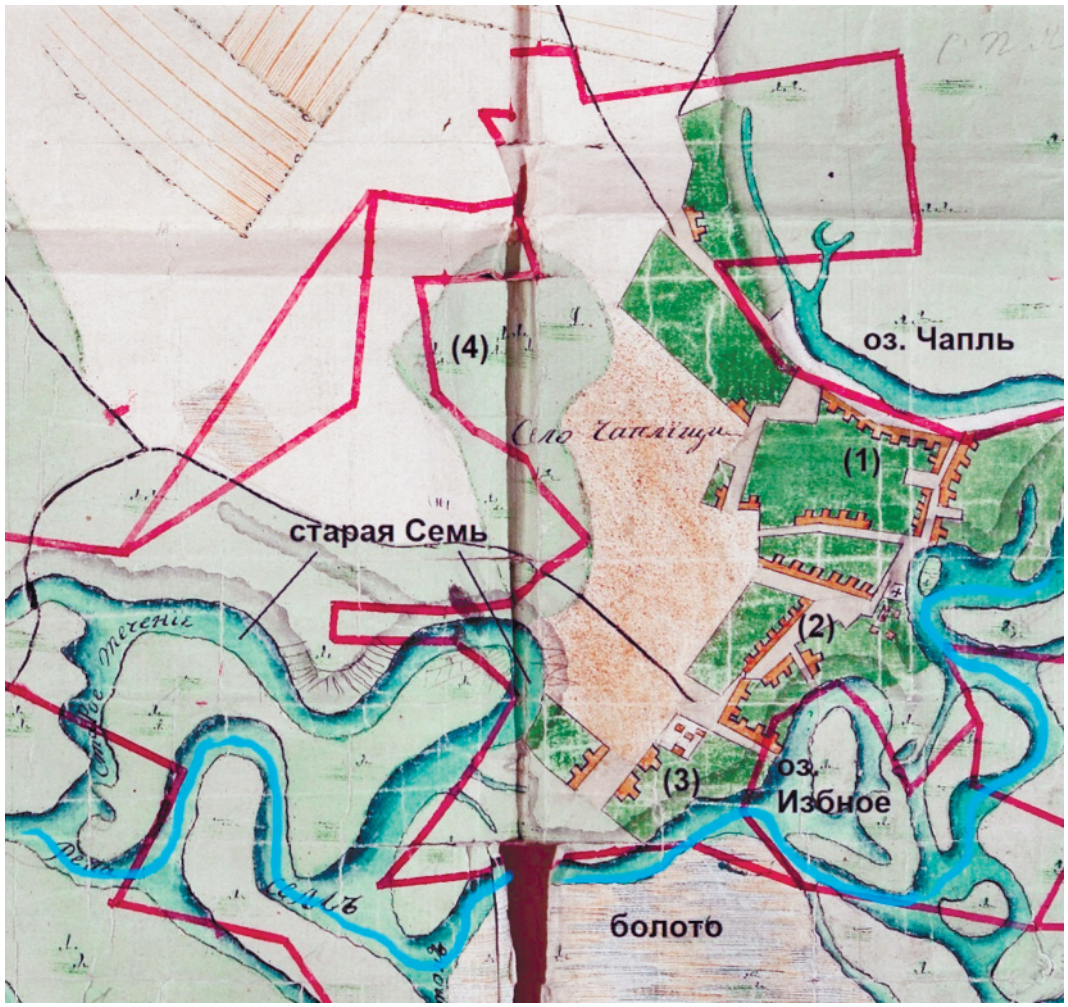


Рис. LI. **Село Чаплищи на плане специального межевания. 1783 г.**
(1) – усадьба помещика Василия Вощинина;
(2), (3) – усадьба помещика Петра Деханова и крестьянские усадьбы.
Какая помещичья, а какие крестьянские – не выяснено;
(4) – остаток Чаплицкого бортного ухожея

Приложения

СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ТЕРМИНОВ[1]

Бобыль – человек, не имеющий своей земли и не несущий государственного тягла. (Вып. 1. С. 255). Бобыль не имел государственных повинностей и не платил государственных податей.

Болонье – низменное поречье. (Вып. 1. С. 282).

Борть – дерево с дуплом, в котором водятся дикие пчелы. (Вып. 1. С. 300).

Боярак – буерак, овраг, рытвина. (Вып. 1. С. 307).

Быти крепким кому-либо – находиться в чей-то собственности в соответствии с существующим правом. (Вып. 8. С. 32).

Верстанье поместное – назначение и распределение поместных окладов служилым людям. (Вып. 2. С. 95).

Вестно о том чинить – о том сообщить. (Вып. 30. С. 232).

Вестовой колокол – крепостной (городской) колокол, предназначенный для подачи сигнала об опасности (Вып. 7. С. 249).

Ввозная грамота – *см.* Послушная грамота.

Вилеватый – имеющий извилистые очертания, раздвающийся. (Вып. 2. С. 178).

Волокита – проволочка, судебные хлопоты. (Вып. 3. С. 6).

Воротник – тот, кто охраняет городские или крепостные ворота, караульный. (Вып. 3. С. 35).

Всполох – 1) переполох, паника; 2) неожиданное нападение, застающее врасплох; 3) сигнал тревоги, набат. (Вып. 3. С. 144).

Выморочный – оставшийся без владельца и без наследников (об имуществе, поместье). (Вып. 3. С. 225).

Выручить – (в том числе) – дать поручительство. (Вып. 3. С. 244).

Глухой – неясный, неопределенный в каком-либо отношении. (Вып. 4. С. 38). **Сказать глухою статьею** – сказать неясно, неопределенно.

Глушица – глухой, непроточный рукав реки, старица. (Вып. 4. С. 39).

Гряда – возвышение, ряд холмов. (Вып. 4. С. 148).

Дать веру – дать клятву, присягу. (Вып. 2. С. 80). **Дать веру на душу** – поклясться своею душою.

Дача – земельный или лесной участок, полученный от государства. (Вып. 4. С. 178).

Дворник – дворник (исполняющий одновременно обязанности сторожа и привратника), лицо, ведающее подворьем или лицо, живущее в чужом доме по бедности. (Вып. 4. С. 193).

Десятня – список (перечень) городовых дворян и детей боярских. (Вып. 4. С. 235).

Дикое поле – 1) название степной территории к югу и юго-востоку от Русского государства, отделяющей его от Крымского ханства; 2) невозделанная, необработанная земля, целина; свободная, незанятая земля. (Вып. 16. С. 206).

Добрые земли – самые лучшие земли (в сочетаниях добрый, средний, худой (плохой)). (Вып. 4. С. 270).

Доправити – взыскать (Вып. 4. С. 319). **Доправить на ответчики исцов иск** – взыскать с ответчика иск в размере, который требовал истец. **Доправить пошлины** – взыскать пошлины.

Достол – остальная часть. **Достальной** – от «досталый» – оставшийся, остальной. (Вып. 4. С. 333).

---

[1] Приводятся по: Словарь русского языка XI–XVII. Вып. 1–32. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука, 1975–2023.

Езовище – место установки «еза» – сооружения на реке для ловли рыбы. (Вып. 5. С. 41).

Жеребей – доля, пай. (Вып. 5. С. 91).

Живот – жизнь. **При животе своем** – при жизни. (Вып. 5. С. 103).

Животы – домашний скот. (Вып. 5. С. 104).

Завод – строение или место, оборудованное для какого-либо производства (например, для разведения птицы, варения вина и т.д.). (Вып. 5. С. 153).

Задор – ссора, стычка. (Вып. 5. С. 186). **Учинить задор** – начать ссору, стычку.

Задворные люди – безземельные крестьяне, живущие на чужом дворе и занятые в хозяйстве землевладельца .(Вып. 5. С. 180).

Заезд – вид подати. (Вып. 5. С. 190).

Запись с неустойкою – запись, предусматривавшая выплату неустойки в случае нарушения обязательства. (Вып. 11. С. 338).

Заплота – плотина, заграждение поперек реки. (Вып. 2. С. 269).

Заручная сказка – документ, составленный на основании показаний очевидца, старожила и подписанный им или его доверенным лицом. (Вып. 24. С. 169).

Заставка – заслон в мельничной плотине. (Вып. 5. С. 301).

Зелье – порох. (Вып. 5. С. 372).

Изверстати – разделить, распределить. (Вып. 6. С. 110). **Изверстать против дач** – разделить, распределить в соответствии с дачами.

Изметати – изгонять; **изметнути** – отлучить, лишить чего-либо. (Вып. 6. С. 176, 177).

Изубытчивать – ввести в расход, в убыток. (Вып. 6. С. 209); **изубытчивать напрасно** – несправедливо, без вины нести расходы и убытки.

Иматися за веру – вызваться или согласиться решить дело присягой. (Вып. 6. С. 226).

Казна – всякого рода имущество, запасы, припасы. (Вып. 7. С. 22).

Камка – шелковая цветная узорчатая ткань. (Вып. 7. С. 48).

Кармазин – ярко-красный цвет. (Вып. 7. С. 81).

Катарга, каторга – турецкое гребное судно, род галеры. (Вып. 7. С. 92). **Быть на каторге** – значило быть гребцом на турецкой галере.

Колода – колода, застава, заграждение на дороге или границе, гроб, выдолбленный из одного куска дерева; кадь, кадка; вырубленное из толстого куска бревна корыто, служащее для корма и водопоя скота; лодка-долбленка из целого ствола дерева. (Вып. 7. С. 244).

Колодезь – источник, ключ, родник. (Вып. 7. С. 245).

Корольковый – сделанный из кораллов. (Вып. 7. С. 339).

Колóк – небольшая роща, перелесок. (Вып. 7. С. 248).

Косица – косой крац, откос; в названии бортного знамени – название знака, условно изображающего косицу, нити, сплетенные в виде косички. (Вып. 7. С. 359).

Крепость – документ, подтверждающий право на владение чем-либо. (Вып. 8. С. 37). **Положить крепости** – предъявить документы на владение землями. (Там же).

Крожаль, кружаль – размер по диаметру. **По крожали** – в соответствии с размером дула огнестрельного оружия, в соответствии с калибром. (Вып. 8. С. 82).

Кудрявый – покрытый пышной зеленью, ветвистый. (Вып. 8. С. 107).

Курити – получать водку, вино, смолу и т.п. посредством перегонки. **Вино** (водка, горелка, мед и пр.) **курити** – получать самогон и др. напитки способом перегонки. (Вып. 8. С. 138).

Ласточка – ум. от слова «ластка» — зверек ласка. (Вып. 8. С. 177).

Лог – широкий овраг с пологими склонами. (Вып. 8. С. 269).

Мелкий – низкорослый (о животных, растениях). (Вып. 9. С. 80).

Мерный – служащий для измерения. (Вып. 9. С. 103).

Мерочник – лицо, ведающее на мельнице замерами зерна и выдачей муки. (Вып. 9. С. 104).

Мотчание – от «мотчати» – медлить, мешкать. (Вып. 9. С. 278).

Накупка (то же, что и **накуп**) – подкуп. (Вып. 21. С. 164).

Напрасно – насильственно, несправедливо. (Вып. 10. С. 193).

Нарочитый – определенный, назначенный, установленный; исключительный, выдающийся, замечательный; очень хороший, самый лучший, хорошего качества. (Вып. 10. С. 221).

Наряд – 1) артиллерийские орудия, артиллерия, пушки; 2) приказание о посылке известного количества людей на службу, приказ, распоряжение. (Вып. 10. С. 230). **Быть на службах по наряду** – быть на службе в соответствии с приказом.

Нарядным делом – будучи вооруженными. (Вып. 10. С. 233).

Наряд по городу (городовой наряд) – крепостная артиллерия. (Вып. 10. С. 228).

Насильством своим, насильно – самовольно, самоуправно. (Вып. 10. С. 246).

Начальные люди – начальники, представители власти в различных областях управления. (Вып. 10. С. 308).

Небощик – покойный, умерший. (Вып. 11. С. 18).

Неверка – подозрение, недоверие. (Вып. 11. С. 36).

Нечаянно – неожиданно, непредвиденно, нечаянно. (Вып. 11. С. 347).

Норовить – помогать кому-то, действовать в чью-то пользу. (Вып. 11. С. 423).

Обаполь – вокруг, вблизи чего-либо, в окрестностях. (Вып. 12. С. 11).

Озорнически – вызывающим поведением, бесчинством, самоуправством. (Вып. 12. С. 313).

Оклад – 1) установленный (в качестве максимального или желательного) размер денежного жалования, земельных (поместных) жалований. 2) установленный размер налога, сбора. (Вып. 12. С. 323).

Окладчик – представитель служилого сословия, принимавший участие, вместе с другими такими же представителями, в назначении поместных и денежных окладов служилым людям. (Вып. 12. С. 324).

Оправити – оправдать, признать или доказать чью-либо невиновность или правоту. (Вып. 13. С. 38).

Оступать – обступать, окружать, обходить кругом, лишая возможности отхода, отступления. (Вып. 13. С. 167).

Острог – 1) частокол, палисад из заостренных сверху бревен, плотно пригнанных друг к другу и вбитых в землю; 2) укрепление, крепость. (Вып. 13. С. 159).

Отвершек – ответвление, отрог оврага, реки. (Вып. 13. С. 193).

Отдел – действие и состояние по глаголу «отделити» – выделить, дать в надел, в долю; отдел также доля, полученная при разделе, надел. (Вып. 13. С. 228, 229).

Отделывать – делать, изготовлять. **Быть в отделке** – быть в окончательном, законченном виде. (Вып. 13. С. 230).

Отказ – передача кому-либо какого-либо владенья. (Вып. 13. С. 243).

Отказать – назначить, передать в чье-либо распоряжение. (Вып. 13. С. 244).

Откуп (или аренда) – право исключительного пользования чем-либо за определенную плату. (Вып. 13. С. 254).

Охочий человек – добровольно вызвавшийся участвовать в каком-либо опасном предприятии. (Вып. 14. С. 86).

Очистити – подтвердить документально принадлежность к чему-либо. (Вып. 14. С. 99).

Очищать – делать свободным от долгов, недоимок, залогов и т. д. при передаче прав собственности на имущество другому лицу. (Вып. 14. С. 102).

Очистка – погашение долгов, недоимок, залогов и т.п. (Вып. 14. С. 100).

Память – общее название письменных сообщений, деловых записей, документов (обычно применявшихся при сношениях не подчиненных друг другу учреждений и лиц). (Вып. 14. С. 141).

Перевесье – угодье для ловли сетями (перевесами) водоплавающих птиц при взлете. (Вып. 14. С. 218).

Перевод – пересмотр, изменение решения. (Вып. 14 стр. 219).

Переволока – 1) пространство между реками, через которое перетаскивают суда для дальнейшего плавания или перевозят товары сухим путем; 2) перетаскивание судов через волок. (Вып. 14. С. 223-224).

Пересуд – пошлина за пересмотр дела в суде. (Вып. 14. С. 295).

Пест – короткий тяжёлый стержень с округлым концом для толчения чего-либо в ступе. (Вып. 15. С. 22).

Плотавый – имеющий раздваивающийся ствол. (Вып. 15. С. 101).

Поверстать – наделить чем-либо, дать что-либо. (Вып. 15. С. 149).

Поворотное – прилагательное от глагола «поворотити» – возвратить, вернуть. (Вып. 15. С. 170).

Подлый – простой, плохой, низкого качества. (Вып. 15. С. 280).

Поелику – насколько, сколько; потому что, поскольку. (Вып. 16. С. 90).

Полая вода – высокая вода от ливней или таяния снега, паводок. Вода весеннего паводка, весенний разлив рек. (Вып. 16. С. 283).

Полюбовный – установленный по обоюдному согласию. (Вып. 16. С. 288).

Помета – запись должностного лица на деловой бумаге с датой и решением по изложенному в бумаге делу. (Вып. 17. С. 14).

Понева – 1) домотканная женская одежда типа юбки, 2) нижняя (льняная) одежда, рубаха, 3) полотенце. (Вып. 17. С. 66).

Понеже – так как, потому что, ввиду того что. (Вып. 17. С. 50).

Попасти – очутиться где-либо, попасть куда-либо. (Вып. 17. С. 77).

Порожжий – пустой, ничем не заполненный. (Вып. 17. С. 122). **Порожжие земли** – свободные, никем не занятые земли.

Порудить – отменить что-либо. (Вып. 17. С. 137).

Посад – торгово-ремесленная часть русских городов, расположенная вне крепости. (Вып. 17. С. 149).

Послушная грамота – документ на право владения вновь приобретенным или полученным земельным участком, поместьем, предусматривающий подчинение крестьян новому владельцу. То же, что ввозная грамота. (Вып. 17. С. 194).

Постав – мельничное устройство, состоящее из пары жерновов. (Вып. 17. С. 225).

Поступитися – уступить что-либо, отдать, согласиться, прийти к соглашению. (Вып. 17. С. 265).

Правая грамота – документ о правах. (Вып. 18. С. 124).

Присад или присада – усадьба, приусадебный участок, земля, примыкающая ко двору. (Вып. 19. С. 270).

Починок – новое поселение, деревенька на вновь расчищенном участке. (Вып. 18. С. 75).

Привод – сооружение, устройство для пуска воды на мельничные колеса. (Вып. 19. С. 116).

Приказ – учреждение, имевшее в своем ведении какой-либо круг государственных дел. (Вып. 19. С. 168).

Природный – такой, которым человек обладает с самого рождения; родовой, фамильный. (Вып. 19. С. 266).

Пристенок – лес, примыкающий к круче. (Вып. 20. С. 35).

Прозвание – прозвище. (Вып. 20. С. 130).

Промысел – боевое мероприятие, военные или карательные действия. **Промысел учинить** – осуществить боевое мероприятие, военные или карательные действия. (Вып. 20. С. 172).

Прость – прямое направление, прямой путь или протока. (Вып. 20. С. 243).

Пустошь – заброшенный или незаселенный участок земли. (Вып. 21. С. 58).

Разваляться – разрушиться. (Вып. 21. С. 145).

Развезать – привязать, растянув. (Вып. 21. С. 165).

Развиловатый (или розвиловатый) – имеющий развилину или развилы – расходящиеся в стороны отростки ствола. (Вып. 21. С. 152).

Развысте – производное от «развытити» – разверстать, разделить, распределить. (Вып. 21. С. 164).

Речица – ручей, проток; речка. (Вып. 22. С. 151).

Руга – пособие, даваемое церковному притчу или монастырю от государственной власти, от землевладельца или от местного населения. (Вып. 22. С. 231).

Рубеж – зарубка, нарезка; черта или вырезанная на поверхности дерева круглая впадина как составная часть межевых знаков и бортных знамен (владельческих знаков бортных угодий). (Вып. 22. С. 225).

Рухлядь – движимое имущество, вещи, утварь. (Вып. 22, С. 262).

Рядная запись – письменный договор о заключении брака; роспись приданого. (Вып. 22. С. 288).

Саадак – лук с налучьем и колчан со стрелами, крепившиеся к специальному поясу. (Вып. 23. С. 9).

Сговорная запись – запись, в которой определены условия, назначен день бракосочетания и указан состав приданого. (Вып. 23. С. 235).

Сделочная запись – запись о заключении договора, сделки. (Вып. 23. С. 245).

Селидебный (селитбенный лес) – лес, предназначенный для построек. (Вып. 24. С. 43).

Селище – 1) селение, поселение; 2) место, где было селение. (Вып. 24. С. 45).

Сеунч – известие, весть (преимущественно радостная), донесение. (Вып. 24. С. 105).

Сильно – силой, насильно; самоуправно, своевольно, незаконно. (Вып. 24. С. 142).

Сказка – названия различных документов делопроизводства, содержавших показания свидетелей, отчеты, донесения о событиях, о выполнении служебных и прочих поручений. (Вып. 24. С. 169).

Скрепа – подпись должностного лица на стыках склеенных в столбец листов какого-либо документа. (Вып. 25. С. 20).

Скрыня или скрынь – ближайшая к плотине часть мельничного пруда, нередко отделанная и обделанная срубом или досками. (Вып. 25. С. 31).

Слобода – поселение или группа административно связанных между собой поселений, жители которых получали различные льготы и временно освобождались от уплаты налогов и повинностей. (Вып. 25 стр. 91).

Смета – расчет, подсчет чего-либо, часто приблизительный. (Вып. 25. С. 179). **Смечать накрепко** – точно посчитать.

Согласник – единомышленник, сообщник, соучастник. (Вып. 26. С. 73).

Спех – поспешность. **На спех** – быстро, поспешно. (Вып. 27. С. 26).

Список – письменное воспроизведение, копия. (Вып. 27. С. 39).

Стадник – пастух крупного рогатого скота; табунщик, пастух при лошадях. (Вып. 27. С. 189).

Станица – отряд, группа людей вообще. (Вып. 27. С. 197).

Старинные люди – категория зависимых людей, с давних пор, исстари работающих на своего господина. (Вып. 27. С. 212).

Старшина – в Южной России и на Украине в XVII и XVIII вв. – руководящая верхушка казачества. (Вып. 28. С. 18).

Статки – нажитое имущество, ценности. (Вып. 28. С. 29).

Стачка – сговор. (Вып. 28. С. 36).

Стольник – по росписи чинов в Русском государстве XVII в. занимал пятое место после бояр, окольничих, думных и дьяков. Стольники могли назначаться на воеводские, посольские, приказные должности. (Вып. 28. С. 88).

Стоять на правеже – упорно отказываться от уплаты, несмотря на жестокое наказание. (Вып. 18. С. 105).

Струга – протока, соединяющая озерки. (Вып. 28. С. 196).

Стряпчий – работник, слуга, выполняющий различные дела. (Вып. 28. С. 203).

Судерев – рядом, смежно, бок о бок. (Вып. 28. С. 256).

Тарханщик – человек, освобожденный от повинностей и податей. (Вып. 29. С. 220).

Тереть – пилить. (Вып. 29. С. 306). **Тертая доска** – пиленная доска.

Турский царь – турецкий султан. **Турская земля** – турецкая земля. **Турский** – то же, что и турецкий. (Вып. 30. С. 232).

Тягло – совокупность трудовых повинностей, податей и разных платежей общегосударственного и местного значения (в натуральном или денежном выражении), лежавшая на неслужилом населении (крестьянах и жителях посадов) в Русском государстве в XV – начале XVIII в.; **быти, жити в тягле** – быть тяглым крестьянином, посадским человеком. (Вып. 30. С. 270).

Убор – в значении «убранство». (Вып. 31. С. 40). **С оружным убором** – с оружием.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

Ф. 79 «Сношения России с Польшей – (коллекция) из фондов Боярской думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел». Оп. 1.

Кн. 6. Выпись с Путивльских писцовых книг письма Захария Плещеева 65 (1557) года Пречистые Богородицы Молчинского монастыря ухожиям бортным и всяким угодьям. Л. 137–143. 1636.

Кн. 22. Выписи из статейного списка посольства Афонасия Резанова. О разграблении деревни Чаплищи черкаским атаманом Петром Шергуном в 7097 (1588/89) году. Л. 144 об. 1589.

Ф. 181 «Рукописный отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел». Оп. 2. Кн. 120. Верстальная десятня новиков всех городов 1596 года. Копия конца XVII – начала XVIII в. Л. 25.

Ф. 210 «Разрядный приказ»

Оп. 8. Ед. хр. 1. Ч. 1. (6). 107). Записные тетради по Путивльскому уезду Гр. Долгорукова и Т. Безсонова: записи о числе лиц мужского и женского пола, взятых в полон во время набега воров, черкасов и татар, выжженных и разоренных ими сел, мельниц и пр., количества угнанного скота и проч. Л. 1–8 об. 1659.

Оп. 12. Ч. 1. Столбцы Белгородского стола. Ст. 202. О набеге татар на Путивльский уезд. Л. 362–375. 1645.

Оп. 12. Ч. 1. Столбцы Белгородского стола. Ст. 202. О присылке нового вестового колокола в Путивль. Л. 71–72. 1646.

Оп. 12. Ч. 1. Столбцы Белгородского стола. Ст. 463. I. 27). Сум: Доправка на воеводе Якове Яцыне денег, выданных им без указа на жалование подьячему. Л. 3–4. 1661. Осмотр мельницы для определения оброка (Никифор Михайлов сын Яцын). Л. 75–77. 1661.

Оп. 12. Ч. 2. Столбцы Белгородского стола. Ст. 1103. 26). Чертеж мельницы в Путивле. Л. 256. 1662. Описание мельницы в Путивле. Л. 257–257 об. 1662.

Оп. 13. Ч. 1. Столбцы Приказного стола. V. Памяти. О присылке в Розряд из Приказа Большого дворца освобожденных из-под начала в Троицком Сергиев монастыре путивльца Вас. Черепова, бегавшего в литовскую сторону, и белгородца – посадского человека Ив. Железного, который, ходя по церквам, образ Спасов и Пречистые Богородицы целовал во уста и отнимал у попов евангелие и крест. Л. 100–101. 1647.

Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. I. Ст. 1066. 6) Путивля. Спор о пасеке между Зиновием Пановым, Андреем и Василием Соколовыми и Леонтием Череповым. Л. 1–83. 1685–1686.

Оп. 13. Ч. 2. Столбцы Приказного стола. Ст. 1066. Чертеж земель в районе деревни Клепало Подгородного стана Путивльского уезда. 1685 г. 62 × 40 см. Бумага. чертеж. Л. 49–50.

Оп. 14. Столбцы Севского стола. Ст. 10. III. 7). Назначение в 196 г. путивльца Ив. Афан. Меньшого Некрасова в Путивль у государева двора для досмотру на место умерших Фед. Черепова и Ив. Мосалитинова. Л. 358–362. 1688.

Оп. 14. Столбцы Севского стола. Ст. 180. III. 6) Недригайлова. Прием города в июне 168 г. Ф. Череповым у Мих. Офросимова. Л. 548–551. 1660.

Оп. 14. Ч. 1. Столбцы Севского стола. Ст. 190. I. 10) Недригайлова. Прием города в октябре 167 года Елизаром Безобразовым у Федора Черепова. Л. 120–122. 1658.

Оп. 14. Ч. 2. Столбцы Севского стола. Ст. 381. I. 24) Высылка в Патриарший Разряд попов Андрея, Тимофея и Дмитрия Почасеевых и Гаврилы Дмитриева по челобитью на них в разбоях, разорении, отравном зелье и блудном деле. Л. 83–84, 499. 1699.

Оп. 14. Ч. 2. Столбцы Севского стола. Ст. 381. I. 27). Челобитье дочери стольника Марии Зиновьевой Пановой о посылке грамоты Севскому воеводе по поводу уничтожения сестрой ее Мариной Вощининой полюбовных и зделашных записей на вотчины и поместья. Л. 48–51. 1699.

Ф. 233 «Печатный приказ». Оп. 1

Приходные книги печатных пошлинных денег:

Кн. 4 (1620 сент. – 1621 авг.). Л. 402 об. Запись № 4023.

Кн. 8 (1625 дек. – 1626 апр.). Л. 469.
Кн. 17 (1632 май – авг.). Л. 218.
Кн. 56 (1650 июль – авг.). Л. 220 об.
Кн. 87 (1658 март – апр.). Л. 350 – 350 об.
Кн. 92 (1659 май – июнь). Л. 162.
Кн. 98 (1660 апрель). Л. 130 об.
Кн. 108 (1662 март – апрель). Л. 250 об.
Кн. 122 (1664 янв. – февр.). Л. 582, 594.
Кн. 141 (1667 апр. – май). Л. 7.
Кн. 161 (1670 апр. – май). Л. 291.
Кн. 166 (1671 февр. – авг.). Л. 627.
Кн. 170 (1672 апр. – май). Л. 132.
Кн. 189 (1676 март – апр.). Л. 383.
Кн. 190 (1676 май). Л. 114, 175 об.
Кн. 194 (1677 май – авг.). Л. 62, 105 об., 106 об., 598
Кн. 198 (1678 март). Л. 402.
Кн.217 (1681 январь). Л. 211.
Кн. 218 (1681 февр.). Л. 297.
Кн. 219 (1681 июль). Л. 495, 495 об.
Кн. 221 (1681 окт.). Л. 171, 171 об.
Кн. 226 (1682 март). Л. 785 об.
Кн. 236 (1683 февр.). Л. 524 об.
Кн. 237 (1683 март). Л. 67 об.
Кн. 247 (1684 сент. – нояб.). Л. 41.

Записная беспошлинная книга. Кн. 660. 1614. Л. 51, 85 об.

Ф. 235 «Патриарший (Синодальный) казенный приказ, г. Москва». Оп. 2. Кн. 138. Приходная записная о раздаче освященных антиминсов к новопостроенным церквам, вместо ветхих, новых безденежно. Л. 44. 1693.

Ф. 281 «Грамоты коллегии экономии». Оп. 15.

Ед. хр. 9598. Грамота попу церкви Николы Чудотворца Великорецкого Семену и дьяку Ивану на владение землею и мельницею на реке Семи в Путивльском уезде. На 6 листах. 1655.

Ед. хр. 9646. Грамота Патриарха Кир-Адриана Архимандриту Севского Спасского монастыря Иоасафу об учинении досмотра по прошению Молченского монастыря игумена с братиею подтопе у них города Путивля николаевскими попами Николаем и Тимофеем Почасеевыми озером Хотмыш монастырской мельницы, что на реке Семи. На 3 листах. 1692.

Ед. хр. 9653. Грамота царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича игумену Путивльского Молченского монастыря Гавриилу с братиею и Андрею Федорову Трифонову о дозволении им построить мельницу на реке Семи. На 3 листах. 1693.

Ед. хр. 9655. Переписная книга церквам, состоящим в городах Путивле и Рыльске и в их уездах с перечислением помещиков и крестьян в каждом селе. На 267 листах. 1693.

Перепись прихожан села Клепалы и деревни Карпиловки. Л. 191 об. – 192 об. 1693.
Перепись прихожан деревни дьяка Клима Судейкина. Л. 192 об. – 193 об. 1693.

Ед. хр. 9658. Договорная запись Андрея и Ивана Большаго Федоровых с товарищами игумену Путивльского Молчинского монастыря Гавриилу с братиею о постройке на реке Семи мельницы (Теткино). На 3 листах. 1694.

Ед. хр. 9661. Запись от мельников Клима Ульянова с товарищами игумену Путивльского Молченского монастыря Гавриилу с братьею о дозволении им мельникам на условленных кондициях построить мельницу на реке Семи. 3 листа. 1694.

Ед. хр. 9676. Договорная запись попов Путивльской Николаевской церкви Ивана Иванова и Прохора Афанасьева с причетниками и другими лицами игумену Путивльского Молченского монастыря Феодосию с братьею о построении вновь мельницы на реке Семи. На 1 листе. 1740.

Ф. 396 «Архив Московской Оружейной палаты». Оп. 1. Ч. 24. Ед. хр. 38498. Челобитные от разного звания людей об отдаче им на откуп в разных городах кабаков. На 183 листах. Л. 177.

Ф. 350 «Ландратские книги и ревизские сказки»

Оп. 1. Кн. 331. Книга переписная церковнослужителей, подьячих, гостиной сотни, посадских людей, однодворцев, служилых людей г. Путивля, церковнослужителей, помещиков и однодворцев, служилых людей и их

крестьян. Л. 186, 470–471 об., 510, 520 об. – 521, 522–522 об., 524 об., 526 об., 561, 579 об. – 592 об., 591 об., 847–849 об.

Оп. 2. Кн. 2718. Сказки однодворцев – служилых людей г. Путивля, однодворцев, недорослей, отставных солдат, сказки о помещичьих, монастырских крестьянах, бобылях подмонастырской слободы, вольных, подданных черкасах, живущих на помещичьих и церковных землях Путивльского уезда. Л. 293–293 об., 353–354 об., 355 об. – 357. 1719.

Оп. 2. Кн. 2719. Сказки церковнослужителей, монастырских слуг Молченского монастыря г. Путивля, сказки пополнительные о помещичьих крестьянах, дворовых людях Путивльского уезда. Л. 94–95 об. 1720.

Оп. 2. Кн. 2721. Книга переписная однодворцев – служилых людей (рейтар, солдат, стрельцов, пушкарей), церковнослужителей, подданных черкас, живущих на церковных землях Путивльского уезда. Л. 111. 1721.

Оп. 2. Кн. 2723. Сказки однодворцев, церковнослужителей; сказки о подданных черкасах, живущих на помещичьих, однодворческих, церковных землях; сказки пополнительные однодворцев, церковнослужителей; сказки пополнительные о помещичьих и монастырских крестьянах < … > Засемского стана Путивльского уезда. Л. 23–28. 1722.

Оп. 2. Кн. 2724. Книги переписные выбывших после 1 ревизии купцов гостиной сотни, посадских людей, цеховых, разночинцев, церковнослужителей, солдат, стрельцов, рейтар, г. Путивля, однодворцев, монастырских, помещичьих крестьян Клевенского, Засемского станов Путивльского уезда. Л. 178 об., 414–414 об. 1748.

Оп. 2. Кн. 2725. Сказки о помещичьих, монастырских крестьянах Семского, Засемского, Клевенского станов Путивльского уезда. Л. 227, 229 об. – 235. 1762.

Ф. 558 «Путивльская воеводская канцелярия»

Оп. 1. Д. 246. Дело по указу им оной же Вотчинной колегии по челобитью полковника Семена Васильева сына Неплюева об отказе проданого ему патчерицы ево Марфы Ивановой дочери Анненковой бунчукового товарища Ивановой жены Андреева сына Гамалеева путивльского недвижимого имения в Путивльском уезде в селе Клепалах и в путивльских местах. На 43 листах.

Указ из Государственной вотчинной коллегии. Л. 1–4 об. 31 мая 1745.

Доношение путивльского жителя Якова Аверина. Л. 7. 1745.

Доношение путивльского разыщика Афанасия Чаплина. Л. 9. 1745.

Челобитная Марфы Ивановой жены Гамалея. Л. 12–15. 1744.

Доношение путивльского разсыльщика Федора Расторгуева. Л. 18. 1745.

Оп. 1. Д. 140. Дело по указу из Государственной вотчинной коллегии по челобитью помещика Якова Федорова сына Вощинина об отказе спорного с полковницею Семена Неплюева женою Марьею Зиновьевою дочерью о путивльском недвижимом имении и о крестьянах. На 28 листах.

Указ из Государственной вотчинной коллегии. Л. 1–15 об. 1738.

Оп.1. Д. 645. Дело по челобитью путивльского помещика Семена Неплюева служителя Андрея Корельского об отсылке в Курскую воеводскую канцелярию. На 88 листах.

Челобитная Герасима Саморокова от 13 апреля 1738. Л. 3–6 об. 1738.

Челобитная Андрея Архипова от 10 августа 1744. Л. 11 об. – 13. 1744.

Челобитная Герасима Саморокова от 13 июля 1747. Л. 42 об. – 44. 1747.

Челобитная Герасима Саморокова от 15 июня 1748. Л. 53 об. – 57 об. 1748.

Челобитная Андрея Архиповича от 4 мая 1744. Л. 61–61 об. 1744.

Челобитная Якова Бирюкова от 20 марта 1750. Л. 69 об. – 72 об. 1750.

Челобитная Андрея Гаревского от 16 июня 1751. Л. 72 об. – 74 об. 1651.

Оп. 1. Д. 652. Дело по челобитью путивльского помещика Ивана Гамалея крестьянина ево Ивана Поляникина с представлением трех человек солдат и поступлении с ним по законам. На 8 листах. Челобитная Ивана Прохорова сына Поляникина. Л. 1–6. 1755.

Оп. 1. Д. 655. Дело по челобитью господина генерал-лейтенанта графа Ивана Гендрикова служителя Федора Яковлева о сыске имеющегося в Путивльской канцелярии межевого дьячка Ильи Колпакова и протчие. На 8 листах. Л. 1–7. 1757.

Оп. 1. Д. 669. Дело по указу Севской провинциальной канцелярии о высылке помещика Гамалея к суду в Севскую канцелярию по челобитью подпорутчика Арцыбашева. На 2 листах. Л. 1–2 об. 1764.

Оп. 1. Д. 674. Дело по челобитью бунчукового товарища Михайлы Гамалея на брата его против учиненных между ими записей. На 12 листах. 1766.

Оп. 2. Д. 201. Дело по челобитью путивльского помещика Михайлы Гамалея и Елены Полетикиной о примирении. На 4 листах. Л. 1–3 об. 1775.

Оп. 3. Д. 201. Дело по указу из Белгородской губернской канцелярии по челобитью графа Ивана Симоновича Гендрикова управителя Лазаря Клишина об отсылке в смертном убийстве трех человек подданными Михайлы Гамалеева. На 4 листах. Л. 1–4. 1772.

Оп. 3. Д. 122. Дело по челобитью бунчуковаго товарища Михайлы Гамалея на помещика Григорья Масалитинова в завладении земли и о протчем. На 8 листах. Л. 1–8. 1767.

Ф. 1209 «Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент» (объединение фондов)

Оп. 1 «Писцовые, переписные, дозорные, платёжные, приправочные, межевые книги поместных, вотчинных, монастырских, церковных, посадских земель и населения»

Кн. 367. Отдельная книга поместных земель Путивльского уезда, писца И.С. Вахрамеева. Список XVII века. Л. 1–296. 1593–1594.

Кн. 368. Писцовая книга Путивльского уезда, писца П.И. Мусорского. Л. 1–569. 1628 – 1629.

Кн. 369. Писцовая и межевая книга г. Путивля и Путивльского уезда писца С.С. Муромцева. 1684.

Переписная и межевая книга Зиновия Кузьмина сына Панова в деревне Клепальское городище. Л. 65–67.

Писцовые и межевые книги путивльских помещиков в деревне Чаплищи. Л. 67 об. – 74.

Межевая книга путивльских попов церкви святого Пророка Ильи, что на торгу. Л. 158 об. – 160.

Кн. 10553. Межевая книга Путивльского уезда межевания П.И. Мусорского. Список XVII века. 1628, 1629.

Описание поместий Череповых. Л. 58 об. – 93.

Порозжие земли. Л. 441 об. – 443 об.

Угодья путивльских попов церкви Великого чудотворца Николы Великорецкого. Л. 824 об. – 827.

Угодья попов церкви святого Пророка Ильи, что в Путивле на посаде. Л. 831–851 об.

Межа пустоши Клепальскому городищу. Л. 907–908.

Межа деревни селищу Чаплищам. Л. 940–942.

Межа угодий попов церкви святого Пророка Ильи. Л. 984 об. – 985 об.

Кн. 10556. Переписная книга г. Путивля и Путивльского уезда переписи князя Никифора Мещерского. Список XVII века. Л. 1–212. 1646.

Кн. 10557. Переписная книга г. Путивля и Путивльского уезда переписи А.И. Шишкина. Список конца XVII века. Л. 1–100. 1678.

Оп. 2 «Отказные, отдельные книги на поместья и вотчины в волостях и Подгородном стане Путивльского уезда»

Кн. 10561:

Раздача поместий Федора Иванова сына Черепова за его дочерьми вместо приданого. Л. 171–173 об. 1671.

Челобитье Федора Иванова сына Черепова на отказ ему прожиточного поместья девки Матрены Даниловой дочери Черепова. Л. 219–224 об. 1672.

Отказная книга Дениса Григорьева сына Илиненкова. Л. 274–285. 1673.

Отказные книги Степана Опышкова и Михаила Иванова сына Черепова. Л. 404–407. 1679.

Кн. 10562:

Отказные книги Василия, Петра и Ивана Ивановых детей Череповых на земли дикого поля и на речке Выжлице. Л. 7–10. 1650.

Отказная книга Василья Иванова сына Черепова (женится на Авдотье Григорьевской вдове Юдина с двумя дочерьми). Л. 12–24 об. 1659.

Кн. 10563:

Отказная книга Григорья, Романа и Артемья Ивановых детей Череповых. Л. 59–67. 1676.

Отказные книги Петра Прокофьева сына и Данила Иванова сына Карповых. Л. 167–172. 1679.

Отказные книги Ивана и Василия Ивановых детей Череповых и вдовы Прасковьи Яковлевой жены Черепова с дочерью Мариной. Л. 366–375. 1681.

Отказная книга Леонтия Иванова сына Черепова Л. 376–382 об. 1681.

Отказная книга Зиновия Кузьмина сына Панова. Л. 510–522. 1681.

Отказная книга Григория Иванова сына Трифонова на прожиточное поместье его невесты вдовы Аграфены Даниловской жены Черепова. Л. 545–549. 1681.

Отказная книга Ивана Клементьева сына Судейкина на земли Петра Прокофьева сына да Данилы Иванова сына Карповых. Л. 648–654. 1684.

Отказные книги Мирона и Афанасия Даниловых детей Лихачевых, вдовы Агафьи Ивановской жены Лихачева с детьми. Л. 844–850. 1686.

Кн. 10565:

Отказные книги по обмену поместьями между Зиновьем Кузьминым сыном Пановым и Васильем и Иваном Алексеевыми детьми Череповыми. Л. 169–172. 1691.

Отказные книги Григория Константинова, Никиты Булгакова, Ивана Щетинина, Савы и Ивана Щекиных, Вавилы Щербинина на земли от Красенской сеножати до Прилуцкой дороги. Л. 518–520 об. 1692.

Выпись из отказных книг на вотчинную землю Андрея и Михайла Щекиных (локализация их мельницы на реке Семи). Л. 546–548. 1693.

Отказные книги по обмену Зиновья Кузьмина сына Панова с вдовой Агафьей Федоровской женой Кашинцева. Л. 603–604 об. 1693.

Отказные книги по обмену Зиновья Кузьмина сына Панова с Кузьмой Никитиным сыном Опышковым. Л. 610. 1693.

Отказная книга Федора Дмитриева сына Вощинина на поместья и вотчину своей невесты девки Марины Яковлевой дочери Череповой. Л. 804–807 об. 1694.

Отказные книги Ивана Иванова сына Мосалитинова, Григория Михайлова сына Головачева и Василия Тимофеева сына Коровяковского. Л. 933–936 об. 1694.

Кн. 10566:

Отказная книга Микиты Петрова сына Черепова. Отказ земель умершего племянника его Петра Андреева сына Черепова. Л. 125–129 об. 1699.

Отказная книга Микиты Петрова сына Черепова. Л. 138–140 об. 1699.

Отказные книги по мене Микиты Петрова сына Черепова с Семеном Лаврентьевым сыном Бершовым. Л. 169–184 об. 1699.

Отказные книги Зиновия Кузьмина сына Панова и Федора Дмитриева сына Вощинина. Л. 339–342. 1697.

Отказные книги по мене поместьями между Зиновьем Кузьминым сыном Пановым и Васильем Коровяковским в Чашском и Ослецком городищах. Л. 347 об. – 348 об. 1697.

Отказные книги по мене Зиновия Кузьмина сына Панова с Павлом Борыбиным. Л. 430. 1696.

Межевые книги Григорья Константинова и Микиты Булгакова на земли вокруг деревень Борыней. Л. 496 об. – 512. 1693.

Кн. 10567:

Отказные книги по мене Зиновия Панова с вдовой Дарьей Леонтьевой женой Черепова. Л. 36–39. 1693.

Отказ Зиновию Кузьмину сыну Панову новоприхожих черкас в деревне Карпиловке. Л. 51–53 об. 1695.

Отказные книги по мене поместья в Выгоревом городище между вдовой Анной Ивановской женой Федурина с пасынком Юрием и Иваном Ивановым сыном Масалитиновым. Л. 114–115. 1697.

Отказная книга Ивана Васильева сына Вощинина на прожиточное поместье его невесты вдовы Федоры Андреевской жены Черепова. Л. 141–142. 1698.

Отказная книга Ивана Григорьева сына Анненкова на прожиточное поместье и вотчину невесты Марии и на прожиточное поместье своей тещи вдовы Прасковьи Зиновьевой жены Панова. Л. 301–329 об. 1699.

Отказная книга Ивана Васильева сына Вощинина на прожиточное поместье его жены Федоры (повторный отказ). Л. 344–345 об. 1700.

Кн. 10568:

Отказная книга вотчинных земель Василия Иванова сына Черепова. Л. 91 об. – 103 об. 1694.

Межевые книги попов церкви Николая Чудотворца Великорецкого Андрея и Тимофея Алексеевых детей Почасеевых и дьякона Иякова Иванова сына Кортавцова с церковными причетники. Л. 104–120 об. 1693.

Отказная книга Марины Череповой (вотчина Марины Череповой измерена и отказана повторно). Л. 278. 1701.

Кн. 10574:

Отказные книги по мене Ивана Григорьева сына Федурина с Мироном и Афонасьем Лихачевыми. Л. 18–19 об. 1691.

Отказная книга Ивана Иванова сына Бершова на прожиточное поместье его невесты девки Мавры Ивановой дочери Лихачева. Л. 118–119 об. 1691.

Отказные книги Прокофья Иванова сына, Григория Меньшого да Козьмы Максимовых детей, Ивана Меньшого Федорова сына, Степана Иванова сына, Федора Андреева сына Трифоновых на земли на речке Выжлице, в деревне Байдурской и к речке Борожбе. Л. 419 об. – 421 об. 1690.

Отказная книга Гаврилы Михайлова сына Алешкова на прожиточное поместье его невесты девки Матрены Ивановой дочери Лихачева. Л. 636–637 об. 1688.

Отказные книги Ивана Шечкова, Ивана и Василия Андреевых детей Череповых (раздел вотчины Василия Иванова сына Черепова). Л. 778–785 об. 1689.

Отказная книга Ивана Климентьева сына Судейкина на пустующие земли у деревни Дьяковки. Л. 994–995. 1689.

Отказная книга Марины Яковлевой дочери Череповой. Л. 1182–1193 об. 1684.

Кн. 10585:

Донесение в Киевскую губернскую канцелярию об отказе Андрею Григорьеву сыну Анненкову вотчины ево брата подполковника Ивана Григорьева сына Анненкова. Л. 385. 1710.

Отказная книга Андрея Григорьева сына Анненкова на вотчину, проданную ему его братом Иваном Григорьевым сыном Анненковым. Л. 386–388. 1710.

Отказная книга вдовы Марьи Ивановской жены Анненкова. Л. 464–469 об. 1715.

Кн. 10588: Допрос Романа Кузьмина сына Панова по проданной ему вотчине Зиновия Кузьмина сына Панова. Л. 39–39 об. 1700.

Кн. 10589:

Сыск свободных земель в пустоши Выгорево городище по челобитью Ивана Иванова сына Масалитинова. Л. 427 об. 1702.

Отказная книга Епифания Иванова сына Масалитинова. Л. 429 об. 1702.

Отказные книги братьям Петру Большому и Петру Меньшому Леонтьевым детям Череповым на поместья их дяди Никиты Петрова сына Черепова Л. 455 об. – 456. 1701.

Отказные книги на поместья Федора Иванова сына Черепова (написанные вновь по указу стольника и воеводы Ивана Григорьевича Анненкова). Л. 499 об. – 503. 1702.

Отказная книга Ивана Матвеева сына Булгакова на прожиточное поместье его невесты вдовы Авдотьи Дмитриевой жены Черепова. Л. 520. 1704.

Отказная книга Григорья Миронова сына Лихачева на свободные земли в пустоши Выгорево городище. Л. 585–585 об. 1704.

Оп. 4. Кн. 10560. Роспись столбцов о земельных дачах в Путивльском и Рыльском уездах.

Ст. 7157 (1648/49) года. Путивль. Отказ Ивану да Михайлу Григорьевым детям Череповым полдеревни Чаплищи. Л. 368–368 об. 1648.

Ст. 7159 (1650/51) года. Путивль. Запись о грамоте Василию, Петру и Ивану Ивановым детям Череповым о сыске земель на речке Выжлице и на пустоши дикого поля. Л. 475 – 477. 1650.

Ст. 7159 (1650/51) года. Путивль. Отказная книга вдовы Агафьи Моисеевской жены Череповой с дочерью Окулиницей. Л. 483 об. – 485 об. 1651.

Ст. 7159 (1650/51) года. Путивль. Отказ Ивану Васильеву сыну Бершову поместья его тещи Агафьи Моисеевской жены Черепова и невесты Акулины Моисеевской дочери Черепова. Л. 486–486 об. 1651.

Ст. 7160 (1651/52) года. Путивль. Отказная книга Федора Иванова сына Черепова на прожиточное поместье вдовы Акулиницы Моисеевской дочери Черепова. Л. 537 об. 1652.

Дела старых лет

Оп. 924. Кн. 10598.

Д. 8. Дело Василия Андреева сына Черепова о записке за ним недвижимого имения. Сделочная запись Зиновья Панова Ивану да Василью Андреевым детям Череповым. Л. 36–37 об. 1700.

Д. 15. Дело Петра Большого да Петра Меньшого о поместьях Василья, Петра и Ивана Ивановых детей Череповых. Раздельная запись Татьяны матери Василья, Ивана и Петра Ивановых детей Череповых. Л. 77 об. – 80. 1700.

Д. 21. Дело Петра Большого и Петра Меньшого о поместьях дяди их Микиты Петрова сына Черепова. Л. 137–144. 1701.

Оп. 925. Кн. 10618.

Д. 11. Дело Петра Иванова сына Судейкина на поместья в Байдурском. Л. 115. 1719.

Д. 32. Дело Марьи Анненковой с детьми о наследстве. Л. 315–350. 1714–1718.

Д. 49. Дело Семена Неплюева о справке за ним имений своей невесты Марьи Анненковой. Л. 535–575. 1718.

Оп. 925. Кн. 10629. Д. 17. Дело Филиппа Афанасьева сына Лихачева об имении его отца. Л. 545 – 547. 1730.

Оп. 926. Кн. 10638.

Д. 1. Дело Семена Васильева сына Неплюева по купчей имения у Ивана Семенова сына Бершова. Купчая Ивана Семенова сына Бершова путивльскому подполковнику Семену Васильеву сыну Неплюеву. Л. 1. 1739.

Д. 15. Дело Якова Федорова сына Вощинина об имении его деда Якова Черепова. Л. 210 – 213. 1736.

Дела молодых лет

Оп. 928:

Кн. 10673. Д. 17. Спор Ивана Самойлового сына Гендрикова с попами церкви Николая Чудотворца Великорецкого о землях на речке Чаше. Л. 199–200 об. 1758. Челобитная Гаврилы Михайлова сына Гамалея. Л. 418 – 490. 1820.

Кн. 10674. Д. 17. Дело Гаврилы Михайлова Гамалеи о жалованной грамоте и справке на имения Федора Черепова. Л. 388–525 об. 1821.

Оп. 929. Кн. 10687. Д. 11. Дело Ивана Андреева Гамалея и его жены о справке по купчей от Семена Неплюева. Л. 338–629 об. 1743–1749.

Оп. 930. Кн. 10707. Д. 9. Дело Прасковьи Леонтьевской жены Никифорова сына Черепова о записке за ней по купчей от Матрены Алексеевой жены Лихачева недвижимого имения в Путивльском уезде деревне Юрьевой. Поколенная роспись Череповых. Л. 292 об. 1767–1769.

Оп. 77. Ед. хр. 30165. Чертеж окрестностей города Путивля. 1690–е гг. Рыльск. Л. б/н. 90-е годы XVII века.

Оп. 78. Ед. хр. 2583. Фрагмент грамоты царя путивльскому воеводе об отказе Ивану Михайлову сыну Черепову поместья. На 1 листе. Без даты.

Оп. 85. Ед. хр. 1255 «Неоклеенные столбцы по Рыльску и Путивлю»:

Вдова Настасья Федорова жена Черепова з детьми с Данилом да с Михайлом Череповыми. Дано им, вдове мужа ее, а Данилу да Михайлу отца их поместье. Л. 2 об. 1631/32.

Михайло Федоров сын Черепов. Дано ему брата ево родного Данилово поместье Черепова. Л. 8. 1634/35.

Об изметничьем поместье Василия Черепова: Алексей Иванов сын Костянтинов да Жоден Кузьмн сын Власьев, да Иван Михайлов сын Яцын. Дано им изметничьего поместьева Василья Черепова по третям. Л. 12. 1635/36.

Афанасей да Данило, да Иван Васильевы дети Череповы. Дано им отца их поместье. Л. 37 об. 1643/44.

Путивльцы Василей да Иван, да Петр Ивановы дети Череповы. Дано им отца их поместье. Л. 55 об. 1650.

Вдова Арина путивльца Ивановская жена Черепова с сыном Михайлом. Дано ей вдове мужа а Михаила отца ево поместья и вдовино прожиточное поместья справлено за женихом ее за путивльцом за Степаном Афонасьевыс сыном Опышковым. Л. 113 об. 1666/67.

Путивльцы Иван да Василей Андреевы дети Череповы. Дано им деда их Семеново поместье Черепова. Л. 161 об. 1674/75.

Вдова Наталья путивльца Сергеевская жена Яцына з детьми с Микифором да с Микитою, да сЫваном, да вдова Марья путивльца Яковлевская жена Яцына с сыном Васильем да з дочерью з девкою Парасковьею. Дано им, вдовам, мужей их, а Микифору з братьями и Василью с сестрою отцов их поместьи и с вотчины. И те поместья и вотчины с Родионом Яцыным розделить. И ис того поместья вдова Марья поступилась {фрагмент утерян} дочерью своею поступилась Якову Федорову сыну Черепову. Л. 179 об. 1675/76.

Путивльцы Григорей да Роман, да Ортемей Ивановы дети Череповы. Дано им отца {их Ивана} и дяди их Михайлово поместье Черепова. Л. 178 об. – 179. 1676/77.

Ф. 1317 «Материалы генерального и специального межевания Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Курской губернии»

Оп. 2. Кн. 4769. О дачах Выгорева городища. Дело спорное по рапорту землемера Сомова о дачах деревни Выгорева городища, что ныне сельцо, пустоши Глушицы владения гг. Гамалея, Мосалитинова. На 98 листах. 1783–1788.

Сказка Фомы Бершова и Ивана Черепова о пустоши дикого поля. Л. 7–7 об. 1783.
Сказка поверенного Михайлы Гамалея сержанта Алексея Шкирева о даче села Клепал. Л. 10–10 об. 1783.
Сказка поверенного Михайлы Гамалея сержанта Алексея Шкирева о диком поле между Выгоревым и Клепальским городищами. Л. 11. 1783.
Копия купчей на земли в диком поле и на речке Выжлице от попов Андреевых Михайле Гамалею от 20.06.1777. Л. 12–13. 1783.
Копия купчей на земли в диком поле и на речке Выжлице от Михайла Барсукова Михайле Гамалею от 26.06.1777. Л. 13–13 об. 1783.
Сказка Петра Деханова про дикое поле. Л. 14–20 об. 1783.
Скаска поверенного Масалитиновых Степана Кузнецова о Выгоревом городище. Л. 21–22 об. 1783.
Копия отказной выписи Даниле Лихачеву. 1650. Л. 23–23 об. 1783.
Копия отказной выписи на земли Выгорева городища Мирону и Афонасью Даниловым детям Лихачева. 1686. Л. 24–24 об. 1783.
Челобитная Ивана, Алексея, Тимофея, Леонтья Череповых на земли Череповых на Терну и на Выжлице. Л. 34–34 об. 1760.
Справка из архива Государственной вотчинной коллегии на земли Федора Иванова сына Черепова. Л. 34 об. – 45. 1760.
Поколенная роспись потомков Семена Иванова сына Черепова. Л. 49. 1760.
Копия определения Государственной вотчинной коллегии от 27.09.1760. Л. 52–52 об. 1760.
Сказка служителя Кирилы Черепова Максима Никитенкова поверенного от Антона Фадеева сына Лихачева на поместья в деревне Выгоревке. Л. 57–57 об. 1784.
Определение Курской межевой конторы по меже Дикого поля. Л. 81–86. 1783.
Пересмотр решения Курской межевой конторы. Л. 93–94. 1788.

Оп. 2. Ед. хр. 4772. Полевые записки село Клепал. На 21 листе. 1782.

Оп. 2. Ч. 2:

Ед. хр. 4775. Спорный план о дачах Выгорева городища. Номер картона 223 (синий). 1783.
Ед. хр. 4776. Копия спорного плана о дачах Выгорева городища. Номер картона 223 (синий). 1788.
Ед. хр. 4777. Дело, присланное по подписанной апеляции и по поданной к челобиной ассесора Гамалея о землях ево Путивльского уезда села Клепал по спору и деревнею Выгорева городища ево ж Гамалея с протчими. На 47 листах. 1783–1788.

Ф. 1354 «Планы дач генерального и специального межевания». Оп. 219 Путивльский уезд

В-14 (красный). Волынцево село. 1785.
В-145 (синий). Волынцево село. 1857.
Г-9 (синий). Глушица пустошь. 1782.
Д-5 (синий). Дикое поле пустошь, что на реке Семи. 1782.
К-24 (синий). Клепало село. 1782.
М-20 (синий). Мельниц, состоящих на реке Семи Молченской Софроньевской пустыни. 1779.
Алфавитный указатель планов генерального и специального межевания Путивльского уезда Курской губернии. Т–1 – Т–49. Титовой дубровы. Л. 158–160. 1790.
Ч-2 (красный). Чаплищи село. 1783.
Ч-4 (синий). Чаплищ села. 1-й части. 1857.
Ч-5 (синий). Чаплиц села. 2-й части. 1857.
Ч-6 (синий). Чаплиц села. 3-й части. 1857.
Ч-7 (синий). Чаплищ села. 4-й части. 1857.
Ч-15 (синий). Чаплищ села. 14-й части. 1857.
Ч-26 (красный). Чаплищ села. 15-й части. 1857.

Ф. 1355 «Экономические примечания к планам дач генерального межевания». Оп. 1. Ед. хр. 634. Экономические примечания на 351 дачу, описание гор. Путивля, рек и речек и озер и каталог к генеральному плану на 351 дачу. Л. 160–168. 1782–1787.

ОТДЕЛЬНЫЕ И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник (по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х годов XVII в.) // Советская археология. Вып. 4. М.: Изд. АН СССР, 1964. С. 157–158.

Акты Московского государства. Т. 1 / Под ред. Попова Н.А. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1890. Документы с упоминанием Ивана Михайлова сына Черепова: № 150 (1622). С. 174–176; №. 646 (1634). С. 596–601; с упоминанием Никифора Михайлова сына Яцына: № 482 (1633). С. 442–444; № 483 (1633). С. 444–446; № 489 (1633). С. 450–455; № 500 (1633). С. 463–467; № 547 (1633). С. 518–522; № 646 (1634). С. 596–601; № 673 (1634). С. 621–622.

Акты Московского государства. Т. 2 / Под ред. Попова Н.А. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894. Документы с упоминанием Федора Иванова сына Черепова: № 488 (1652). С. 301; № 1138 (1659). С. 666; № 1144 (1659). С. 672; с упоминанием Якова Яцына: № 1085 (1659). С. 640–641.

Акты Московского государства. Т. 3 / Под ред. Попова Н.А. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1901. Документы с упоминанием Федора Иванова сына Черепова: № 254 (1660). С. 257–261.

Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 4. 1657–1659. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1863. С. 240.

Архив Государственного Совета. Т. 4. Ч. 3. Журналы по делам Департамента Законов по Гражданскому Отделению. 1818–1820 гг. III. Судопроизводство Гражданское. По делу подполковника Черепова с помещиками Гамалеем, Полетикою и Головиным. СПб.: Государственная типография, 1893. С. 211–216.

Бабулин И.Б. Князь Семён Пожарский и Конотопская битва. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 168 с.

Бондаренко А.Ф. Вестовые колокола для городов-крепостей Российского государства на Московском Пушечном дворе в XVII веке // Военно-исторический журнал. № 8. М.: Изд. МО РФ, 2006.

Булгаков М.Б. Бортничество служилых людей Северской земли в первой трети XVII в. // Крестьянство и сельское хозяйство России XIV–XVIII вв. / М.Б. Булгаков. М. 1989.

Булгаков М.Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004. С. 214.

Булгаков М.Б. Кормчество // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 2008. С. 1076–1077.

Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исслед. по истории кадастра и посошного обложения Моск. государства. Т. 2 / Веселовский С.Б. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. 716 с.

Вино // Словарь Академии Российской. Ч. I. СПб.: Изд. при Императорской Академии наук, 1789. С. 802.

Дмитрюков А.И. О винокурении, бывшем в местах малороссийских, до введения кубов обыкновенных и паровых // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. 15. V. Географические известия и смесь. СПб.: [б. и.], 1855. С. 70–79.

Жалованная грамота царя Михаила Федоровича путивльскому Молчинскому монастырю с известием о расправе «царевича Петра» над игуменом Дионисием и уничтожении им монастырских жалованных грамот царя Василия Шуйского. 15.07.1615. Актовые и летописные материалы о восстании И.И. Болотникова. [1614–1615 гг.] / Публикацию подготовил Корецкий В.И. // Советские архивы. № 5. М., 1976. С. 45–58.

Жалованная тарханная грамота царя Михаила Федоровича Рождества Пречистыя Богородицы Печерскому Молчинскому монастырю от 27.08.1621 года // Юбилейный сборник Императорского С-Петербургского Археологического института 1613–1619. СПб.: Синодальная типография, 1913. С. 19–29.

Исследования, замечания и лекции М. Погодина по русской истории. Т. II. М.: Тип. Московского университета, 1846. С. 410.

Корнієнко О.М. Мартиролог втрачених святинь / Автор-упорядник Корнієнко О.М. Суми.: Ярославна, 2007.

Куза А.В. Древнерусские городища X–XII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1996. С. 52.

Лазаревский А.М. Дневник Генерального хоружего Николая Ханенка. 1727–1752. Киев: Изд. Ред. Киев. старины, 1884. 554 с.

Лазаревский А.М. Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII и XVIII в. 6. Гамалеи // Журнал «Русский Архив». Вып. 4. М.: Изд. Петра Бертенева, 1875. С. 447.

Лазаревский А.М. Украинская литературная летопись за 1856 год. Чернигов: Губ. тип., 1856. С. 5–11.

Леонтович Ф.И. Акты Литовской метрики. Т. 1. Варшава: Тип. Варшавского университета, 1896. С. 19.

Маркевич Н.А. История Малороссии. Т. 2. М.: Изд. О.И. Хрусталев, 1842. С. 637–639, 647–648.

Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губ., городов и станиц Донской области по приходным окладным книгам жилых данных церквей Патриаршаго казенного приказа 7136 (1628) – 1746 гг. М.: Тип. Русского товарищества, 1913. С. 67.

Мельница в селе Клепалы, ремонт. 1922. Архивная справка Государственного архива Сумской области № 19 от 17.03.2003.

Менделеев Д.И. Винокурение // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 6. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1894. С. 466–488.

Мизис Ю.А. Бортные ухожья как форма заселения и освоения южнорусского пограничья в XVI–XVII вв. // Вестник ТГУ. Вып. 10 (126). Тамбов, 2013.

Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 1. Киев: Тип. т-ва Г.Л. Фронцкевича и К., 1908. С. 70, 247, 252.

Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 2. Киев: Тип. т-ва Г.Л. Фронцкевича и К., 1910. С. 43.

Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 3. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1912. С. 371.

Олеарий А. Подробное описание путешествия в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 3. Гл. 2. М.: Изд. Московского университета, 1868. С. 121.

Оловянишников Н.И. История колоколов и колокололитейное искусство. М.: Изд. Русская панорама, 2010. 520 с.

Родионов Б.В. История русской водки от полугара до наших дней. М.: Изд. Эксмо, 2012. С. 43.

Руденко С. Перевес // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л.: Издание Государственного Русского музея, 1929. С. 1–12.

Село Игоревка. История наименования. Архивная справка Государственного архива Сумской области от 29.09.2015.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука, 1975–2023.

Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л.: Изд. Наука, 1987. 448 с.

Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Т. 11. ПЕРГАМ – РЕНУВЕН. 1968. С. 266.

Стороженки: фамильный архив. Т. 7. Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1908. С. 243.

Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. Т 1. М.: Изд. Курск. дворянства, 1913: II. Состав дворянского военно-служилого сословия. Путивльская десятня 1626 г. С. 25–34; XVI. Царствование государя Алексея Михайловича – военно-боевая деятельность дворянского сословия в курском крае. С. 3–4.

Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен. Книга вторая. М.: Изд. Московского университета, 1773. С. 128.

Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1950. С. 220.

Хлебное вино // Словарь Академии Российской. Ч. VI. СПб.: Изд. при Императорской Академии наук, 1794. С. 560.

Цибка В., Шевченко Т. До питання про генеалогію Гамалеїв // Харьковск. истор. альманах. Вып. 8–9. Прил. 4. 2003.

Частная переписка Григория Андреевича Полетики. Письма к жене, из Петербурга от 22 января 1772 г. и 6 февраля 1777 г. // Журнал Киевская старина. Т. LX. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1893, январь. С. 503–506, 509–512.

Частная переписка Григория Андреевича Полетики. Письма родных Г.А. Полетики. Письмо Михаила Ивановича Гамалеи к сестре Елене Ивановне Полетике, из с. Клепал, 1779 г. 21 января // Журнал Киевская старина. Т. L. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1895, июль. С. 96–99.

Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: В.И. Губинский, *1910. С. 989.*

Шумков А.А. Путивльский дворянский род Череповых: генеалогия и материалы к биографиям его представителей // Путивль и путивляне в истории и культуре России (1500–1925 гг.). Сборник статей и материалов / Ред.-сост. А.И. Раздорский. М.: Изд. Старая Басманная, 2022. С. 396.

ИСТОЧНИКИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Андрусенко Е.А. Зачем воевода крепости Оскол проверял колокола. [Электронный ресурс] // Оксокольский край: [сайт]. URL: https://oskol–kray.ru/articles/istoriya/2023–11–11/zachem–voevoda–kreposti–oskol–proveryal–kolokola–357393 (08.08.2025).

Антиминс. Авторы: LevLev, Rnd–2022. [Электронный ресурс] // Знание.Вики: [сайт]. URL: https ://znanierussia.ru/articles/Антиминс (08.08.2025).

Википедия. Свободная энциклопедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/
Адриан_(патриарх_Московский) (06.08.2025).
Битва_под_Шепелевичами (08.08.2025).
Бригадир (06.08.2025). Бунчуковый_товарищ (05.08.2025).
Бутурлин,_Василий_Васильевич (08.08.2025).
Гендриков,_Иван_Симонович (06.08.2025). Генерал-рекетмейстер (07.08.2025).
Голенищев-Кутузов,_Иван_Логгинович (05.08.2025).
Государев_поход_1654_года (08.08.2025).
Дворцовое_селение (08.08.2025).

Десятни (18.04.2025).
Дети_боярские (08.08.2025).
Есаул (08.08.2025).
Завадовский,_Пётр_Васильевич (05.08.2025).
Значковый_товарищ (06.08.2025).
Карбонат_калия (14.04.2025).
Крымско-ногайские_набеги_на_Русь (08.08.2025).
Новая_экономическая_политика (06.08.2025).
Отказная_книга (14.04.2025).
Перовский_дворец (05.08.2025).
Подушный оклад (01.02.2026).
Пожарский_Семён_Романович (08.08.2025).
Поместная_система (18.08.2025).
Посполитые (05.08.2025).
Приказ_Большого_дворца (06.08.2025).
Путивль (27.02.2025).
Стрешнев,_Тихон_Никитич (06.08.2025).
Сумароков_Александр_Петрович (05.08.2025).
Трёхполье (15.04.2025). Целовальник (08.08.2025).
Шпиль_(механизм) (15.04.2025).

Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com (05.08.2025).

Военно-топографическая карта Российской империи. URL: http://www.etomesto.ru/shubert–map/21–12/ Недригайлов и http://www.etomesto.ru/shubert–map/20–12/ Путивль (01.08.2011).

Вологодские винокуры в XVII веке. URL: https://partia–tr.ru/2014/07/vologodskie–vinokuryi–v–xvii–veke.html (05.08.2025). Дата публ. 28.07.2014.

Геогностическая карта Путивльского уезда Курской губернии. 1837 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина: [сайт]. – Санкт-Петербург, 2025. URL: https://www.prlib.ru/item/329435 (09.08.2025).

Геометрический генеральный план города Путивля и его уезда 1785 г. URL: https://oldmaps.ru/ (19.07.2012).

Генеральное межевание Екатерины II // Ассоциация «Национальное объединение саморегулируемых организаций кадастровых инженеров»: [сайт] URL: https://ki–rf.ru/2019/02/03/Генеральное–межевание–екатерины–ii (06.08.2025). Дата публ.: 03.02.2019.

Городовой дворянин из поместной конницы из замосковских городовых служилых корпораций 1630–1640 гг. на «береговой» службе. Варварская галерея. Varvar.ru – новое краеведение: [сайт]. URL: https://www.varvar.ru/arhiv/gallery/battle_art/fyodorov/images/fyodorov-11.jpg (12.12.2025).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net (31.01.2020).

Захаров А.В., Пядышева С.В., Щербатова А.А. Историко-ориентированные информационные системы. Информационная система «Боярские списки XVIII века», 2005 г. URL: https://digitalhistory.ru/system/boyarskie–spiski–xviii–veka/ (05.08.2025).

Иларион Киевский, свт. Слово о законе и благодати (Перевод А. Белицкой). [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ilarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/#source (07.08.2025).

Ключевский В.О. Курс русской истории (Лекции I–XXXII) [Электронный ресурс] // ВикиЧтение: [сайт]. URL: https://history.wikireading.ru/36554 (12.04.2025).

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-203-6.htm#zag-46029 (01.02.2026).

Меделяны: Царская порода, которую мы потеряли. URL: https://pikabu.ru/story/medelyanyi_tsarskaya_poroda_kotoruyu_myi_poteryali_russkiy_bogatyir_ot_mira_sobak_byil_sposoben_vyistoyat_v_skhvatke_s_medvedem_8857305/ (27.11.2023). Дата публ. 21.02.2022.

Мельницы. URL: https://m–der.ru/store/10006298/10006335/10006350/10012997/ (01.08.2014).

Наставление Правительствующаго сената из Межевой експедиции определенным к государственному земель размежеванию землемерам. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина: [сайт]. – Санкт-Петербург, 2025. URL: https://www.prlib.ru/item/713209 (05.08.2025).

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru (01.02.2026).

Память народа: [сайт] Карта решения командующего 60А на проведение наступательной операции по захвату Конотоп. 1943 г. ЦАМО. Ф. 417. Оп. 10564. Д. 528. URL: https://pamyat–naroda.ru/documents/view/?id=101144981&backurl=q%5CКарта%20решения%20командующего%2060А%20на%20проведение%20наступательной%20операции%20по%20захвату%20Конотоп::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:raspor yajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (07.08.2025).

План Путивльского уезда Курской губернии. 1910 г. URL: http://www.etomesto.ru/map–ukraine_sumy_putivlskiy–uezd–1910/ (03.03.2010).

Подвиг народа: [сайт] Оперативный отдел Брянского фронта. Полковник Сандалов. Отчетная карта за 13 Армию Брянского фронта с 24.09.1941 по 28.09.1941. ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Ед. хр. 149. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=60010293&tab=navDetailDocument (07.08.2025).

Россия на картах: из фондов отдела картографии РНБ. Генеральное межевание 1765–1888 гг. URL: https://expositions.nlr.ru/ve/RA5837/generalnoe–mezhevanie (06.08.2025).

Светские священники. URL: https://alphapedia.ru/w/Secular_clergy (05.08.2025).

Ураносов А.А. Неопубликованный чертеж и описание мельницы XVII в. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660–1680/Melnica_Putivl_1662/text.htm (02.11.2016).

Анатолий Иванович Шитаков

СЕЛО КЛЕПАЛЫ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ в XVII и XVIII веках

ООО «Старая Басманная»
www.oldbasman.ru
e-mail: ulgavr@gmail.com

ISBN 978-5-907812-46-8

Формат 70x100/8.
Усл. п. л. 62. Тираж 35 экз.

Дикое поле
50
Щепалин лог
река Сем
Сем